Вильгельмъ Блосъ.

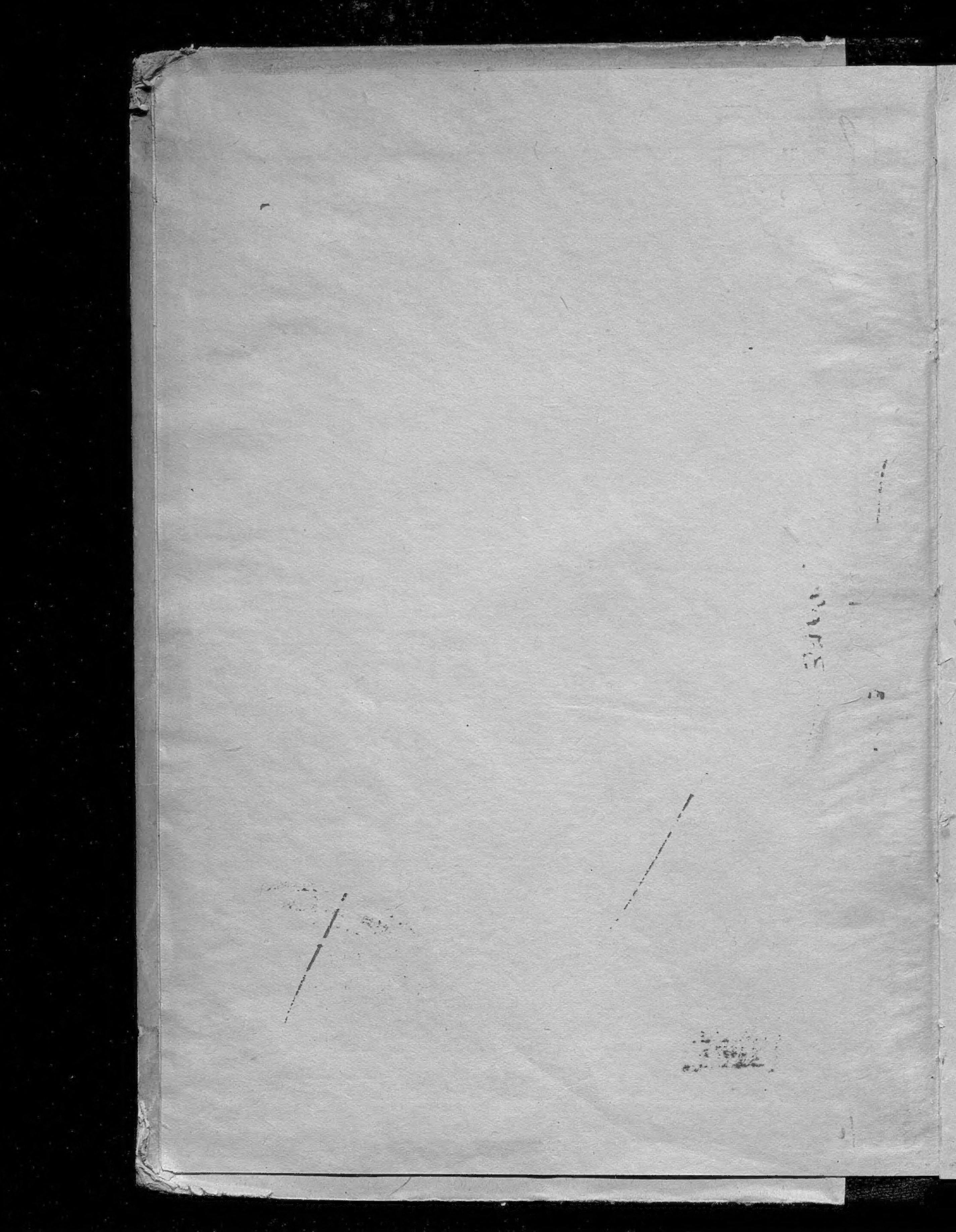
ИСТОРІЯ Германской Революціи 1848 года

Полный переводъ съ нѣм. Г. РАДОМЫСЛЬСКАГО

подъ редакціей А. ЛУНАЧАРСКАГО

Шестая тысяча.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Н. ПОПОВОЙ 1906 С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 54.

Вильгельмъ БЛОСЪ

ИСТОРІЯ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ 1848 года

Переводъ съ нѣмецкаго

Г. Радомысльскаго

подъ редакцiей А. ЛУНАЧАРСКАГО

Издательство О. Н. Поповой

1906

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Невскій, 54

Типографія Спб. акц. общ. „Слово". Ул. Жуковскаго, 21.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящей работѣ мы пытаемся нарисовать картину того великаго движенія, которое разыгрывалось въ 1848 и 1849 годахъ и имѣло своей цѣлью полное преобразованіе Германіи въ духѣ свободы и единства.

Историки нашего времени, въ большинствѣ своемъ — литературные наѣздники и лейбъ-гвардейскіе гусары, всѣми силами стараются во славу господствующей системы насиловать міровую исторію и прикраивать ходъ ея къ фигурамъ „великихъ государственныхъ дѣятелей". Въ этомъ смыслѣ творенія Бисмарка изображаются верхомъ совершенства и стараются подтвердить это указаніемъ на то, что въ этихъ твореніяхъ „сверху" блестяще воплощено все то, чего отцы наши добивались „снизу" во времена бурь 1848 года. Вполнѣ естественно поэтому, что теперь, въ нашъ вѣкъ „резервныхъ лейтенантовъ", начинаютъ смотрѣть съ суверевнымъ презрѣніемъ на „бѣшеный" 1848 годъ, въ теченіе котораго народъ будто бы дѣлалъ однѣ только глупости, и въ то же время увѣряютъ, что вѣрныя идеи того времени воплощены въ государственныхъ учрежденіяхъ германской имперіи.

Наше изложеніе будетъ носить совершенно противоположный характеръ. Мы не будемъ ни переоцѣнивать заслугъ побѣдителей, ни щадить ошибокъ побѣжденныхъ. Но мы постараемся доказать, что народное движеніе 1848 года ставило себѣ совершенно иныя цѣли, чѣмъ тѣ, которыя были осуществлены при милитаристскомъ и бюрократическомъ режимѣ Бисмарка. Въ эпоху 1848 года дѣло шло о созданіи новаго, великаго, германскаго, общественнаго строя, проникнутаго истинно демократическимъ духомъ и опирающагося на свободныя истинно-народныя государственныя учрежденія. Разговоры о томъ, будто такія же цѣли ставили себѣ наши юнкера, суть не что иное, какъ вы-

думка политическихъ перебѣжчиковъ, какъ вынужденная ложь, при помощи которой бывшіе „борцы за свободу“ стараются прикрасить свое покорное подчиненіе новымъ властямъ и оправдать свое преклоненіе передъ побѣдителемъ при Садовѣ.

Германское движеніе приняло симпатичный и многообѣщающій оборотъ, и, казалось, мы находимся на вѣрнѣйшемъ пути къ достиженію свободной и единой буржуазной Германіи. И это, дѣйствительно, являлось крупнымъ шагомъ впередъ, смѣлымъ скачкомъ изъ темнаго царства тираніи союзнаго сейма въ царство самостоятельнаго, достойнаго народа существованія. Буржуазная свобода, конечно, не является всеобщей свободой; но она въ ту пору могла послужить преддверіемъ для всеобщей свободы. Этому помѣшалъ классовой эгоизмъ буржуазіи, начавшей приближаться къ власти.

Мартовскій энтузіазмъ былъ могучъ и прекрасенъ; это была одна изъ прекраснѣйшихъ эпохъ германской исторіи, столь бѣдной народными побѣдами и столь богатой побѣдами темныхъ силъ. Но удержать и упрочить мартовскія завоеванія не удалось; всѣ завоеванныя уступки растаяли, какъ дымъ, а реакція, съ своей стороны, додѣлала остальное. Нѣмцамъ не хватало политическаго опыта, и этимъ-то объясняется то обстоятельство, что они всецѣло довѣрили дѣло обезпеченія ихъ завоеваній парламенту. Въ томъ знаменитомъ франкфуртскомъ національномъ собраніи, которому поставлена была столь великая задача, преобладали реакціонеры, ибо они лучше демократовъ сумѣли увлечь массу колеблющихся, нерѣшительныхъ и осторожныхъ. Революція въ ходѣ своемъ не нашла достаточно годнаго матеріала, чтобы упрочить свои завоеванія. Въ этомъ отношеніи нѣмцы были гораздо менѣе счастливы, чѣмъ французы, у которыхъ во время ихъ великихъ бурь нужные элементы нашлись сами собой. Въ Германіи 1848 года преобразованія къ тому же были недостаточно глубоки и дали слишкомъ много мѣста устарѣвшимъ величинамъ, отсталымъ элементамъ и отъявленнымъ филистерамъ. Пресловутая нѣмецкая „основательность“ въ знаменательную эпоху превратилась въ тормазъ; парламентъ растрачивалъ свое драгоцѣнное время въ пустыхъ словесныхъ упражненіяхъ и мелочныхъ распряхъ. Тѣмъ временемъ народное движеніе пріутихло, и парламентъ, взявшій на себя дѣло преобразованія Германіи, неожиданно для себя—другіе видѣли это и раньше—увидѣлъ свое безсиліе и неустойчивость и вынужденъ былъ позорно оставить арену своей дѣятельности.

Въ силу историческаго закона, за каждымъ подъемомъ революціи слѣдуетъ, обыкновенно, реакція. То же самое повторилось и послѣ возстанія 1848 года. Но эта реакція не была какимъ-то загадочнымъ, таинственнымъ чудовищемъ, какъ думаютъ историки-филистеры, кото-

рые совершенно не могутъ понять, откуда и какимъ образомъ появилась эта реакція. Въ дѣйствительности дѣло весьма просто. Реакція была слѣдствіемъ классовыхъ противорѣчій, послѣ мартовскихъ бурь обнажившихся съ особенной рѣзкостью. Въ моментъ нужды, въ моментъ уличной борьбы буржуазные либералы охотно приняли помощь рабочихъ. Послѣ же достигнутой побѣды, которой мы на девять десятыхъ обязаны были рабочему народу, „почтенные" буржуа пожелали устроиться на почвѣ уцѣлѣвшихъ остатковъ домартовскихъ отношеній заново и съ возможными удобствами, а народъ—оставить съ пустыми руками или, самое большее, предоставить народу вернуться съ жалкой подачкой въ свою хижину, въ свою мастерскую къ своей работѣ. Когда же пролетаріатъ въ свою очередь предъявилъ къ новымъ вѣяніямъ свои требованія, „почтенныхъ" буржуа объялъ страхъ и ужасъ, революція стала казаться имъ слишкомъ радикальной, и они поспѣшили войти въ сдѣлку съ низвергнутыми было властями въ цѣляхъ возстановленія „порядка". Такъ возникла та классовая борьба, которая породила реакцію: впервые возвысившій свой голосъ, пролетаріатъ долженъ былъ потерпѣть пораженіе, и въ виду этого движеніе лишилось своей внутренней силы. Эта классовая борьба имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ ей обычно приписываютъ, и мы поэтому стараемся въ настоящей работѣ обрисовать ее съ возможной подробностью. Въ концѣ концовъ и сами „почтенные" бюргеры очутились у разбитаго корыта, и ихъ надежды тоже разлетѣлись въ прахъ. Пробившая себѣ путь реакціонная волна смыла и ихъ завоеванія.

Но не все погибло. Въ смѣнѣ между революціей и реакціей всегда незыблемымъ остается то, что имѣетъ свои корни въ общественномъ развитіи. Результаты движенія 1848 года нынѣ весьма осязательны; они выражаются въ томъ, что со времени „бѣшенаго года" мы ведемъ совершенно иную политическую жизнь; они выражаются въ томъ, что съ того времени народъ, какъ таковой, сталъ гораздо болѣе могучимъ факторомъ всей общественной жизни, чѣмъ то было въ домартовскія времена.

За это время многіе участники революціи 1848 года успѣли перемѣнить свои взгляды; многіе изъ нихъ, въ качествѣ перебѣжчиковъ и карьеристовъ, явили печальный примѣръ политической безхарактерности. Настоящая работа даетъ оцѣнку данныхъ лицъ лишь постольку, поскольку они принимали дѣйствительное участіе въ самомъ движеніи. Не мѣшаетъ далѣе замѣтить, что тѣмъ матеріаломъ, который накопленъ давшей столь пышные всходы эмигрантской скандальной хроникой, слѣдуетъ пользоваться лишь со всей осторожностью.

Циклъ революцій стараго стиля законченъ; это показываетъ и

ходъ движенія 1848 года. Великое соціальное движеніе новаго времени, какъ ни революціонно его идейное содержаніе, избѣгаетъ той проторенной дорожки, по которой шли исчезнувшія буржуазныя партіи. Оно поставило себѣ новыя цѣли и идетъ новыми путями. Оно воодушевляетъ людей на борьбу девизомъ: знаніе—сила!

Если настоящая работа хоть немного посодѣйствуетъ дѣлу распространенія въ народѣ историческихъ знаній,—цѣль наша достигнута.

Штуттгартъ, 7 декабря 1891 года.

Авторъ.

Германскій союзъ.

Великая борьба между французской революціей и реакціонными силами, наполнявшая Европу въ теченіе четверти столѣтія громомъ пушекъ и причинившая столько опустошеній, закончилась въ 1815 году. Наполеонъ, выродившійся сынъ и счастливый наслѣдникъ великой революціи, подчинилъ своему солдатскому деспотизму развязанныя революціей силы и злоупотребилъ ими въ цѣляхъ ненасытной завоевательной политики. Это въ концѣ концовъ поставило всю Европу подъ ружье противъ Франціи. Императоръ французскій, побѣжденный при Лейпцигѣ и вернувшійся съ Эльбы, потерпѣлъ второе пораженіе—при Ватерлоо. Въ то время какъ онъ находился заживо погребеннымъ на островѣ Св. Елены, союзныя державы принялись вновь перекраивать карту Европы, чтобы, насколько возможно, свести на нѣтъ порожденныя революціей перемѣны.

Большая часть нѣмецкаго народа пошла на эту борьбу съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ и добровольно принесла самыя тяжелыя жертвы кровью и достояніемъ. Это объяснялось тѣмъ, что ему сдѣланы были огромныя обѣщанія. Война названа была освободительной войной; извѣстная прокламація короля прусскаго отъ 17-го марта 1813 года обѣщала „свободу и право для всѣхъ сословій имѣть голосъ въ государственныхъ дѣлахъ“; въ русско-прусскомъ Калишскомъ заявленіи высказывалась надежда на возрожденіе Германіи, и даже царь Александръ I, душа великаго союза противъ революціонной и Наполеоновской Франціи, носился съ либеральными идеями и безчисленное количество разъ говорилъ о „свободѣ“ и „отечествѣ“. Добрый нѣмецкій патріотъ, какъ извѣстно, всегда больше всего мечталъ о „свободѣ“, обѣщанной сверху и по обыкновенію носившей нѣсколько странный характеръ. Русская любовь къ нѣмецкому Vaterland'у была тогда поистинѣ необычайно велика, такъ велика, что великодушный Александръ съ наибольшимъ удовольствіемъ оставилъ бы за собой кусокъ этого Vaterland'а.

Война освободила Германію отъ деспотизма Наполеона, но исторія справедливо называетъ эту войну войной за освобожденіе государей. „Свобода“, доставшаяся народу, по своему характеру вполнѣ соотвѣтствовала эпохѣ, когда Россія являлась вершительницей судебъ Европы и Германіи. Въ 1803 году Александръ вмѣстѣ съ Наполеономъ Бонапартомъ перекроилъ по своему пеструю карту нѣмецкихъ Vaterland'овъ.

Тогда была пора, когда Александръ думалъ вмѣстѣ съ честолюбивымъ корсиканцемъ раздѣлить власть надъ всѣмъ міромъ. Но они оба скоро оттолкнули другъ друга, и Александръ низвергъ временщика, чтобы раздѣлить власть надъ всѣмъ міромъ со своими союзниками.

Тотчасъ, послѣ битвы при Ватерлоо, Александръ окончательно сбросилъ съ себя либеральную маску. Его успѣхи опьянили его, и, въ своей маніи величія, онъ счелъ себя „орудіемъ провидѣнія“. Онъ запутался въ лабиринтѣ ханжеской мистики. Нужно было только явиться полупомѣшанной фанатичкѣ Юліаннѣ Криденеръ, чтобъ заполонить и безъ того полупомраченный умъ деспота сумасбродными проектами. Она встрѣтилась съ нимъ въ 1815 году въ Гейлброннѣ, послѣдовала за нимъ въ Парижъ, гдѣ онъ являлся однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей ея молитвъ. Эта фанатичка внушила ему идею священнаго союза, въ который ему удалось втянуть австрійскаго императора и прусскаго короля. 26-го сентября 1815 года союзъ былъ заключенъ, и къ нему присоединились всѣ европейскія державы, за исключеніемъ Англіи, Турціи и папы. Участники союза обязывались оказывать другъ другу взаимную поддержку и во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствовать въ согласіи съ заповѣдями христіанской любви *).

Священный союзъ во имя „христіанской любви“ подавлялъ народныя стремленія къ свободѣ и старался спасти все, что только можно было изъ пережитковъ дореволюціоннаго стараго міра. Онъ взялъ на себя охрану и защиту дѣяній Вѣнскаго конгресса.

На этомъ конгрессѣ дипломаты калибра Меттерниха, Талейрана, Нессельрода и Castlereagh'а заново перекроили карту Европы. Здѣсь, разнообразя занятія блестящими пиршествами и отвратительнѣйшими интригами, они распоряжались судьбами народовъ, какъ судьбами стада барановъ, а всѣ высочайшіе участники борьбы были щедро награждены. Тѣмъ не менѣе дѣлежъ добычи повелъ къ раздорамъ, и весьма вѣроятно, конгрессъ не привелъ бы ни къ какимъ результатамъ, если бы въ эту пору Наполеонъ не возвратился съ Эльбы. Это вновь сплотило господъ дипломатовъ, и они довели до конца свое дѣло. Германія получила при этомъ случаѣ новую „конституцію“, а именно, такъ называемый союзный актъ, на основаніи котораго Германія раздѣлена была на тридцать девять княжествъ, въ томъ числѣ четыре свободныхъ города. Германскій союзъ являлся офиціально союзомъ яко бы для защиты отъ непріятельскихъ нападеній извнѣ. На самомъ дѣлѣ онъ былъ организаціей правящихъ кликъ, имѣвшей цѣлью подавленіе революціонныхъ, демократическихъ и конституціонныхъ стремленій. Хотя въ пунктѣ 13 союзнаго акта сказано было, что во всѣхъ государствахъ будетъ введена государственно-сословная конституція, конституціонныя стремленія тѣмъ не менѣе подавлялись въ территоріи союза, какъ стремленія „революціонныя“.

Государственные мужи германскаго союза довольно ясно понимали, что идеи французской революціи, какъ и либеральныя обѣщанія, сдѣ-

*) Быть можетъ, идея священнаго союза не была оригинальной идеей Криденеръ. Криденеръ часто встрѣчалась въ Беннигеймѣ, въ Вюртембергѣ, съ такъ называемой пророчицей Куммеръ. Возможно, что дѣйствительной иниціаторшей священнаго союза является пророчица Куммеръ. Вѣдь такимъ образомъ иногда дѣлается исторія.

лапныя передъ „войной за освобожденіе государей“, не могли не оказать вліянія на нѣмецкій народъ. Страшное разочарованіе и озлобленіе народа послѣ ниспроверженія Наполеона увеличилось еще потому, что всюду, гдѣ только можно было, полезныя новшества „французской эпохи“ уничтожались и вездѣ возстановлялись старые порядки. Такъ, между прочимъ, вновь были возстановлены различныя внутреннія пошлины тамъ, гдѣ онѣ были уничтожены французами. Точно также прежніе, только отъ императора зависимые, князья, графы и бароны были возстановлены въ своихъ привилегіяхъ, и, какъ „родовымъ дворянамъ“, имъ ввѣрено было отправленіе низшей государственной власти надъ жителями наслѣдственныхъ странъ.

Органомъ этого союза, который былъ союзомъ государей и правительствъ, а не союзомъ народовъ, являлся союзный сеймъ, засѣдавшій во Франкфуртѣ на Майнѣ. Въ этой старой окостенѣлой республикѣ аристократовъ и капиталистовъ господа изъ союзнаго сейма чувствовали себя превосходно. Полстолѣтія они засѣдали тамъ — лишь одинъ разъ буря революціи 1848 года выгнала ихъ изъ ихъ норы—до тѣхъ поръ, когда въ 1866 году ихъ постигла самими ими подготовленная участь и—„коллекція мумій“ во дворцѣ по Eschenheimergasse была разогнана прусскими штыками. Вдохновитель этихъ штыковъ, Отто фонъ Бисмаркъ, конечно, и самъ долгое время засѣдалъ въ числѣ „мумій“ союзнаго сейма, и онъ не преминулъ позаботиться о томъ, чтобы съ уничтоженіемъ формы стараго германскаго союза духъ его въ значительной степени сохранился и въ новомъ германскомъ государствѣ.

Вся почти дѣятельность союзнаго сейма сводилась къ заботамъ о томъ, чтобы укрѣпить силу государей въ противовѣсъ свободнымъ стремленіямъ народа. Въ противовѣсъ всеобщему прогрессивному развитію и постояннымъ переворотамъ въ области общественной жизни, эру которыхъ открыла великая французская революція, государственные мужи изъ союзнаго сейма поставили себѣ задачей затормозить всякій духовный и матеріальный прогрессъ всюду, гдѣ, на ихъ взглядъ, онъ хоть въ малѣйшей степени угрожалъ сузить господство объединенныхъ деспотовъ. Роль этой центральной власти Германіи сводилась къ своего рода роли ночного сторожа въ крупномъ масштабѣ. Ея дипломаты и геморроидальные государственные мужи во фракахъ и высокихъ галстукахъ поставили себѣ задачей повернуть назадъ колесо исторіи и своими мантіями заслонить взошедшее надъ Европой свѣтило новыхъ дней. Они производили впечатлѣніе привидѣній въ ясный божій день. Это собраніе не имѣетъ равнаго себѣ во всей исторіи, и ни на одно собраніе не сыпалось со всѣхъ сторонъ столько ядовитыхъ и столь заслуженныхъ сарказмовъ и насмѣшекъ, сколько—на высочайшій союзный сеймъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Тонъ политикѣ германскаго союза давалъ Меттернихъ, въ согласіи съ русскими интригами. Главный государственный мужъ Австріи былъ рѣшительнымъ сторонникомъ абсолютистской системы правленія и не давалъ себѣ труда скрывать это подъ маской либеральныхъ фразъ. Народы были для него лишь простымъ матеріаломъ, изъ котораго онъ могъ строить зданіе абсолютизма. Съ 1815 до 1848 года исторія Австріи есть лишь исторія Меттерниха; до такой степени онъ приспособилъ къ себѣ и поставилъ въ зависимости отъ себя правительство. Политическая жизнь въ Австріи

не могла развиться; объ этомъ заботились полиція, суды съ ихъ негласнымъ судопроизводствомъ и тюрьмы. Никакой другой прессы, кромѣ офиціальной, въ Австріи не было. Вскрываніе писемъ на почтѣ стало при Меттернихѣ постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ. Въ Австріи слышно было лишь одно мнѣніе—Меттерниха; никакое другое мнѣніе не могло стать достояніемъ гласности. Народъ при этомъ жилъ въ нищетѣ, а финансы находились въ такомъ жалкомъ положеніи, что императоръ Фердинандъ I утѣшалъ себя по этому поводу слѣдующими словами: „На меня и на Меттерниха хватитъ еще!“ Государственный организмъ Австріи, склеенный изъ различнѣйшихъ составныхъ частей, остался трупомъ. Оба императора, Францъ II и Фердинандъ I, изъ которыхъ одинъ былъ ограниченъ и золъ, а другой — ограниченъ и добродушенъ, дали „своему“ Меттерниху полную свободу дѣйствій, ибо они возлагали на него надежду, что при его правительствѣ „народы“ не обезпокоятъ ихъ въ ихъ уютной „владѣтельной“ жизни. Во время княжеско-освободительной войны Францъ сказалъ: „Народы теперь кое-что да значатъ!“ Меттернихъ позаботился о томъ, чтобъ они впослѣдствіи ничего не значили въ Австріи. Въ этой странѣ народъ былъ такъ же нѣмъ, какъ въ странѣ какого-нибудь монгольскаго деспота.

Меттернихъ считался одновременно „другомъ“ и Россіи, и Англіи; уже въ 1813 году Наполеонъ бросилъ ему въ Дрезденѣ обвиненіе въ томъ, что онъ подкупленъ Англіей. Въ его рукѣ сходились всѣ нити европейской реакціи.

Въ Пруссіи по окончаніи войны стало замѣчаться начало нарожденія конституціонной партіи. Конституціоналисты цѣплялись за знаменитый королевскій именной указъ отъ 22-го мая 1815 года, въ которомъ король, находясь въ трудномъ положеніи, посулилъ прусскому народу народное представительство, имѣющее быть составленнымъ изъ представителей провинцій и сословій. Къ тому же въ пору Штейнъ-Гарденберговскихъ реформъ и „добродѣтельнаго“ союза въ прусскій народъ проникла нѣкоторая доза самостоятельности и самосознанія; отсюда—его энтузіазмъ въ борьбѣ противъ Наполеона. Прусскій народъ надѣялся этой борьбой завоевать себѣ лучшія политическія условія существованія. Послѣ того, какъ священный союзъ принесъ страшное разочарованіе, вновь вспомнили именной указъ отъ 1815 года. Этотъ указъ обѣщалъ только народное представительство совѣщательнаго характера, но конституціоналисты полагали, что такое представительство является ядромъ, изъ котораго можетъ произрасти и дальше развиваться дѣйствительное народное представительство. Реакціонеры слышать ничего не хотѣли о народномъ представительствѣ. Фридрихъ Вильгельмъ III отклонилъ поданные ему адреса объ ускореніи введенія конституціи, отвѣтивъ, что онъ самъ опредѣлитъ подходящій моментъ для созыва народныхъ представителей и что иниціаторы адресовъ, молъ, „дерзко сомнѣваются въ ненарушимости его обѣщаній“.

Въ то же время всѣ усилія были направлены на то, чтобы сдѣлать Пруссію настоящимъ милитаристскимъ государствомъ. Если политическая полиція и репрессіи и не были такъ сильны, какъ въ Австріи, то все же о здоровомъ развитіи политической жизни въ Пруссіи, гдѣ всюду чувствовалось вліяніе Россіи, нельзя было думать.

Въ мелкихъ германскихъ государствахъ условія общественной жизни въ общемъ были не лучше. Но всѣ только что видѣли, какъ, послѣ ниспроверженія Наполеона, большія государства увеличили свои области за счетъ меньшихъ. И опасаясь, что аппетитъ можетъ увеличиться во время ѣды, нѣкоторые князья стали такъ добры, что даровали своимъ „подданнымъ" конституціи. Это имѣло мѣсто въ Нассау въ 1814 году, въ Веймарѣ въ 1816 году и въ Баденѣ въ 1818 году. Эти владѣтельные князья надѣялись, такимъ образомъ, привязать къ себѣ своихъ подданныхъ. При этомъ въ Вюртембергѣ сословія вовсе не желали новой конституціи, а стояли за „старый добрый порядокъ", такъ что возникъ курьезный конституціонный конфликтъ, который продолжался отъ 1816 до 1819 года и кончился соглашеніемъ.

Союзный сеймъ постарался уже въ первые два года своего существованія возбудить столько неудовольствія, что въ Германіи осмѣлились открыто демонстрировать противъ господствующей системы правленія. Если уже одно страшное разочарованіе послѣ войны за освобожденіе государей поселило всюду недовольство среди народа, то теперь не только старая аристократія держала себя самымъ жестокимъ и самымъ наглымъ образомъ, но и русскіе агенты своими наглыми выходками возбуждали сильнѣйшее возмущеніе. Бояринъ по имени Стурдза приглашалъ нѣмецкихъ князей принять мѣры противъ „революціоннаго духа", а извѣстный писатель Коцебу, наемникъ Россіи, рѣзко и ядовито полемизировалъ противъ нѣмецкаго либерализма. Поэтому на Вартбургскомъ празднествѣ 1817 года, которое было устроено въ память 300-лѣтія со времени реформаціи и одновременно въ память годовщины битвы при Лейпцигѣ, студенты оживленно демонстрировали противъ угнетающей системы союзнаго сейма и въ пламенныхъ рѣчахъ оплакивали несчастье своей родины. Въ качествѣ символовъ угнетенія и пережитковъ старины сожжены были коса, корсетъ и капральская палка, а также много реакціонныхъ книгъ. Въ 1819 году Коцебу былъ убитъ въ Маннгеймѣ студентомъ Зандомъ, и это покушеніе фанатизированнаго молодого человѣка привело въ безпокойство всѣ правительства Германіи. Государственные мужи изъ союзнаго сейма теперь повѣрили въ дѣйствительное существованіе крупнаго революціоннаго заговора, что уже раньше утверждали Коцебу съ братіей, и прибѣгли къ чрезвычайнымъ мѣрамъ.

Зандъ послѣ длиннаго процесса былъ въ 1820 году казненъ въ Маннгеймѣ *). Онъ былъ членомъ германскаго студенческаго союза. И этого было достаточно, чтобы этотъ студенческій союзъ былъ сочтенъ очагомъ мнимаго широкаго заговора. Въ студенческомъ союзѣ были политическія теченія, руководимыя и направляемыя нѣкоторыми либеральными учеными и профессорами; здѣсь былъ разсадникъ молодого, незрѣлаго, но тѣмъ болѣе неуклоннаго революціоннаго либерализма; здѣсь имѣлся неизсякаемый источникъ фразъ противъ тираніи и порабощенія, но серьезныхъ политическихъ дѣйствій врядъ ли можно было ожидать отъ профессоровъ и студентовъ.

---

*) Нѣмецкіе либеральные патріоты выказали этому молодому мстителю величайшее уваженіе и долго не переставали ходить на его могилу. Авторъ зналъ въ 1866 году въ Маннгеймѣ людей, которые хранили у себя локоны Занда.

Союзный сеймъ со всей жестокостью набросился на студенческій союзъ, чтобы искоренить въ зародышѣ „демагогическіе происки". Система Меттерниха, благодаря которой въ Австріи царило такое прекрасное „спокойствіе", примѣнялась всюду, гдѣ открывали яко бы „демагоговъ". Въ Пруссіи, въ Кепеникѣ, была учреждена центральная слѣдственная комиссія; множество студентовъ было арестовано и приговорено къ тяжелымъ наказаніямъ часто только за то, что они носили трехцвѣтный значокъ. Гимнастика въ Пруссіи признана была опасной для государственнаго строя и была запрещена. Арестованъ былъ цѣлый рядъ извѣстныхъ патріотовъ. Глава гимнастическаго общества Жанъ и Э. М. Арндтъ, люди, которымъ раньше оказывали всяческій почетъ за ихъ французоненавистничество, были—первый арестованъ и преданъ суду, а второй лишенъ должности. Даже извѣстный генералъ Гнейзенау опасался быть арестованнымъ за свой либеральный образъ мыслей. Осенью 1819 года собрался въ Карлсбадѣ конгрессъ министровъ и принялъ знаменитыя Карлсбадскія постановленія о томъ, что пунктъ 13 союзнаго акта (введеніе государственно-сословныхъ представительствъ) долженъ быть истолкованъ только въ монархическомъ духѣ и что къ университетамъ должны быть приставлены власти для наблюденія за поведеніемъ студентовъ и профессоровъ. Затѣмъ введена была строгая цензура на всѣ произведенія въ объемѣ меньше 20 листовъ, и въ Майнцѣ учреждена была центральная комиссія для разслѣдованія „демагогическихъ происковъ" во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ.

Неудовольствіе по поводу этихъ постановленій, частью противорѣчившихъ даже союзному акту, было сильное и всеобщее, но Меттерниховская полицейская свора подавляла все, и тюрьмы наполнялись жертвами произвола, изъ которыхъ многіе выходили на волю лишь сломанные физически и духовно. Въ Германіи воцарилась кладбищенская тишина, которая нарушалась только хвалебными завываніями сверху въ честь временщиковъ. Революціонныя бури въ Испаніи и Италіи, въ Греціи и Южной Америкѣ проносились мимо; Германія молча смотрѣла на все это, а во время греческой революціи, которая поддержана была даже святой Русью, ея энтузіазмъ вылился въ форму невиннаго филоэллинизма и быстро испарился совершенно.

Можно было подумать, что въ Германіи дѣйствительно достигнутъ идеалъ Меттерниха и наступило продолжительное спокойствіе. Но за политическими кулисами экономическія пружины продолжали дѣлать свое дѣло. Путы, стѣснявшія сообщеніе нѣмцевъ между собой, частью были уничтожены. Извѣстный политико-экономъ Листъ, подвергавшійся въ качествѣ демократа сильнымъ преслѣдованіямъ, выдвинулъ идею германскаго таможеннаго союза и привлекъ на ея сторону нѣкоторое количество франкфуртскихъ купцовъ. Агитація въ пользу этой идеи распространилась, и въ 1831 году она частью воплотилась въ жизнь, такъ какъ прусскій министръ финансовъ Маасенъ заключилъ между Пруссіей, Гессеномъ и Ангальтомъ торговый договоръ, разросшійся въ 1834 году въ прусско-германскій таможенный союзъ. Это новшество, уничтожившее, по крайней мѣрѣ, одну изъ вредныхъ сторонъ печальной разрозненности и карликовой государственной жизни, оживило сношенія и не осталось, понятно, безъ вліянія на развитіе

политической жизни въ тридцати девяти германскихъ княжествахъ. Таможенный союзъ былъ для Германіи безконечно важнѣе, чѣмъ воспѣванія свободы студентами въ студенческомъ союзѣ, и имѣлъ послѣдствіемъ совершенно другія явленія, чѣмъ то могли себѣ представить прусскіе государственные мужи.

Хотя священный союзъ охотно сдѣлалъ бы для всей Европы нормальнымъ положеніемъ дѣлъ „спокойствіе", и хотя подавленіе революцій въ Италія и Испаніи было дѣломъ его рукъ, онъ тѣмъ не менѣе скоро долженъ былъ убѣдиться, что обстоятельства—сильнѣе людей. Въ 1830 году на политическомъ горизонтѣ, не спросясь сначала у священнаго союза или у германскаго союзнаго сейма, собрались сильнѣйшія грозовыя тучи. Гроза разразилась съ громомъ и бурей, а въ Парижѣ ударила первая молнія, разрушивъ вновь тронъ Бурбоновъ. Карлъ X своими ордонансами противъ печати разбудилъ дремлющаго льва народнаго гнѣва, и въ трехдневной кровавой баррикадной битвѣ власть короля была окончательно сломана. Вліяніе этой народной побѣды распространилось далеко за предѣлы Франціи. Но послѣ побѣды государственной властью завладѣла буржуазія, которая и посадила на тронъ въ лицѣ Луи Филиппа короля по своему вкусу. Этотъ король смотрѣлъ на государство только, какъ на институтъ, гарантирующій вѣрное и прибыльное примѣненіе капитала, и его правленіе открыло эру биржевой игры, во время которой капиталисты переживали золотые дни.

Въ то время, когда Бельгія завоевывала себѣ самостоятельность, а несчастная Польша въ отчаянной и безнадежной борьбѣ старалась освободиться отъ тисковъ русскаго деспотизма, въ Германіи тоже вспыхивали огоньки—отголоски парижской іюльской революціи. Князья правда съ радостью признали всплывшаго надъ баррикадами короля, такъ какъ они видѣли въ немъ укротителя новой французской революціи. Но народы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи вдругъ стали настолько смѣлы, что начали предъявлять требованія. Правда, въ обоихъ крупныхъ государствахъ Германскаго союза, въ Австріи и Пруссіи, все оставалось неподвижнымъ. Только въ мелкихъ государствахъ имѣли мѣсто нѣкоторыя микроскопическія революціи съ болѣе или менѣе значительными послѣдствіями. Въ Брауншвейгѣ возбужденіе умовъ было использовано для того, чтобъ свергнуть герцога Карла, который озлобилъ противъ себя дворянство. Брауншвейгская революція въ сущности была дворянскимъ бунтомъ, при которомъ народъ далъ себя употребить въ качествѣ тарана противъ герцога Карла. Карлъ бѣжалъ, а его братъ Вильгельмъ, котораго революція поставила во главѣ государства, взятъ былъ союзнымъ сеймомъ подъ его просвѣщенное покровительство. Волненія были еще въ Ганноверѣ, а именно, въ Линебургѣ, Гильдесгеймѣ и въ столицѣ герцогства; Остеродъ и Геттингенъ возстали и могли быть усмирены только военной силой. Несмотря на то, что надъ возставшими былъ учиненъ строгій судъ, власть имущіе все же увидѣли себя вынужденными ослабить броженіе пожалованіемъ конституціи, которая была поставлена на очередь дня вице-королемъ Фридрихомъ Адольфомъ Кембриджскимъ и которая торжественно дарована была Вильгельмомъ IV въ 1833 году. Эта конституція имѣла нѣкоторыя преимущества передъ другими и не от-

рицала своего англійскаго происхожденія. Въ Касселѣ послѣ нѣкоторыхъ „революціонныхъ“ актовъ, которые частью стояли въ связи съ непопулярностью метрессы курфюрста, введена была конституція съ однопалатной системой и сословными выборами. Въ Саксоніи, главнымъ образомъ, въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ, народъ возсталъ противъ отжившей надменной бюрократіи. „Благонадежные граждане“ образовали городскую милицію, чтобы поддержать „порядокъ“, и воспользовались случаемъ, чтобы добиться отъ стараго короля Антона конституціи, вступившей въ силу въ сентябрѣ 1831 года.

Такимъ образомъ, среднія и мелкія германскія государства добились зачатковъ конституціонной жизни, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ должно быть признано прогрессомъ. Но тотчасъ всплыло и то зло, съ которымъ почти всегда и повсюду сопряженъ конституціонный образъ жизни, а именно—наивное переоцѣниваніе конституціонной игры между государемъ, палатой и народомъ, и еще болѣе наивное переоцѣниваніе словесныхъ переливаній изъ пустого въ порожнее въ залахъ парламентскихъ органовъ. Чтобы понять почему въ тридцатыхъ годахъ ораторовъ палатъ такъ невѣроятно прославляли, часто по поводу самыхъ незначительныхъ ихъ предложеній, необходимо принять въ соображеніе, что все это было ново для бѣдныхъ нѣмцевъ.

Что было гораздо важнѣе, чѣмъ конституціонныя заплаты, это—ростъ въ средѣ народа свободнаго оппозиціоннаго настроенія, которое нашло себѣ выраженіе среди среднихъ и низшихъ классовъ населенія южной Германіи, и не могло еще быть ослаблено классовыми противорѣчіями. Появилось множество либеральныхъ и демократическихъ газетъ, особенно въ Баденѣ, Гессенѣ, Вюртембергѣ, Баваріи и Рейнскомъ Пфальцѣ. Тогдашній либерализмъ не былъ столь ручнымъ, какъ нынѣшній; онъ часто выказывалъ себя довольно невоспитаннымъ, ибо это были его юные годы шалостей.

Послѣ того, какъ революціонный кратеръ 1830 года снова закрылся, а его огненная лава потухла, политическіе ночные сторожа германскаго союза во Франкфуртѣ на Майнѣ тоже очнулись отъ своего столбняка и еще въ 1830 году выпустили увѣщаніе къ правительствамъ, въ которомъ они настоятельно убѣждали проводить въ жизнь Карлсбадскія постановленія и предостерегали отъ слишкомъ большой податливости. Вскорѣ затѣмъ мудрые засѣдатели сейма обнародовали запрещеніе подачи петицій союзному сейму; послѣ этого они вновь напомнили правительствамъ о Карлсбадскихъ постановленіяхъ, а затѣмъ взялись за подавленіе свободомыслящихъ газетъ, которое было проведено со всей Меттерниховской жестокостью. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ оппозиціонная пресса почти совершенно исчезла съ лица земли.

Народныя массы, которыя трудно было поднять по поводу угнетенія печати, смотрѣли безъ особаго волненія на насильственныя дѣянія союзнаго сейма. Напротивъ буржуазный либерализмъ поднялъ въ палатахъ свой голосъ противъ насилій надъ прессой, и въ Цвейбрикенѣ былъ основанъ союзъ печати, который долженъ былъ пустить въ ходъ всѣ подходящія средства для защиты печати. Въ связи съ этимъ историкъ Виртъ и Зибенпфейферъ созвали на 27 мая 1832 года въ развалины Гамбахскаго замка въ Рейнскомъ Пфальцѣ открытое

для всѣхъ собраніе. Къ развалинамъ со всѣхъ концовъ дѣйствительно собралось около 30000 человѣкъ, и на этомъ собраніи произнесены были пламенныя рѣчи въ честь „свободы“, а союзный сеймъ и германскіе князья были награждены не очень лестными выраженіями. Виртъ при этомъ выказалъ отъявленное французоненавистничество *). Вообще говоря Гамбахское празднество не дало никакихъ опредѣленныхъ результатовъ, ибо собравшіеся разошлись, не принявши никакого другого рѣшенія, кромѣ рѣшенія вновь собраться.

Но союзный сеймъ почуялъ приближеніе настоящей революціи и въ іюнѣ 1832 года выпустилъ свои знаменитыя шесть постановленій, которыми онъ сузилъ компетенцію народныхъ представительствъ во всѣхъ отдѣльныхъ государствахъ и обкарналъ конституціи и ихъ вліяніе настолько, что отъ конституціонныхъ формъ государственной жизни остались одни жалкія воспоминанія. Господа „дарователи“ конституцій, конечно, не видѣли причинъ оказывать союзному сейму какія бы то ни было препятствія въ его предпріятіи. За шестью постановленіями послѣдовало еще множество другихъ; всюду была снова установлена цензура, политическіе союзы и собранія были запрещены въ Германіи, за университетами былъ установленъ надзоръ, государства должны были другъ другу выдавать эмигрантовъ, а всѣ адреса, протесты и петиціи, направленные противъ этихъ постановленій, должны были наказываться, какъ „преступленія“.

Тюрьмы снова переполнились. Вюрцбургскаго бургомистра Бера и редактора Эйзенманна приговорили просить прощеніе передъ портретомъ баварскаго короля Людовика I, и оба они были брошены въ тюрьму на „неопредѣленное время“. Виртъ, Зибенпфейферъ и многочисленные ихъ товарищи подверглись осужденію на долговременное заключеніе въ тюрьму. Всюду господствовалъ терроръ, всякое свободное слово жестоко преслѣдовалось и широко распространенный шпіонажъ угрожалъ судомъ и длиннымъ слѣдствіемъ всякому, кто не держалъ языка за зубами.

Народъ въ массѣ своей, воспитанный въ духѣ вѣрноподданничества и ежовыхъ рукавицъ, остался при всѣхъ этихъ вопіющихъ насиліяхъ совершенно безучастнымъ. Онъ еще не научился заботиться объ общественныхъ интересахъ. Но радикальные элементы изъ круговъ буржуазнаго либерализма, остатки студенческихъ корпорацій, эмигранты и нѣкоторые заброшенные изъ Польши поляки рѣшились въ виду того, что легальные пути были имъ окончательно отрѣзаны, вступить на путь заговора. Вмѣсто закрытаго властями союза печати возникъ тайный „отечественный союзъ“. Этотъ союзъ имѣлъ связи въ Швейцаріи, во Франціи, во многихъ университетахъ и среди вюртембергскихъ войскъ. Онъ назначилъ начало „германской революціи“ на 3 марта 1833 года и хотѣлъ дать ей ходъ въ засѣданіи самого союзнаго сейма. Предпріятіе было плохо подготовлено и должно было, несмотря на всю отчаянную смѣлость попытки, потерпѣть жалкую неудачу. 3-го марта во Франкфуртѣ около 60 человѣкъ заговорщиковъ

---

*) Это обстоятельство, пожалуй, было единственной причиной, побудившей пфальцскихъ національ-либераловъ устроить въ семидесятыхъ годахъ торжество въ память Гамбахскаго празднества

сдѣлали нападеніе на главную стражу и констаблей и одержали верхъ надъ ними, при чемъ съ обѣихъ сторонъ были убитые и раненые. Но франкфуртское населеніе не выказало никакого участія, и заговорщики въ теченіе короткаго времени были разсѣяны либо посажены въ тюрьму.

Эта авантюристская попытка—напасть на засѣданіе сейма и посредствомъ смѣлаго удара захватить государственную власть, чтобы, такимъ образомъ, освободить Германію отъ тираніи Меттерниха—привела къ тому, что государственные мужи съ Эшенгеймергассе еще болѣе усилили свои репрессіи. Достославная майнцская слѣдственная коммиссія вновь была вызвана къ жизни и на этотъ разъ работала съ большимъ успѣхомъ. Устроено было множество политическихъ процессовъ, при которыхъ угодливая юстиція приговаривала обвиненныхъ къ тягчайшимъ наказаніямъ. Достаточно привести два извѣстныхъ случая, когда въ Дармштадтѣ посадили въ предварительное заключеніе пастора и ректора Вейдига и такъ его мучили, что онъ осколками стекла перерѣзалъ себѣ артеріи; въ Кургессенѣ надъ вождемъ конституціоналистовъ, профессоромъ Сильвестромъ Іорданомъ учинено было длиннѣйшее слѣдствіе, а пока его годами держали въ заключеніи въ Марбургѣ. Какъ расправлялись съ прессой, видно изъ постановленія союзнаго сейма, направленнаго противъ такъ называемой молодой Германіи; по доносу Вольфганга Менцеля, запрещены были всѣ, уже вышедшія изъ печати и еще находящіяся въ печати, сочиненія Гейне, Лаубе, Гутцкова, Мундта и Винберга. Конечно, эти писатели нашли себѣ дорогу къ публикѣ, да и вообще контрабандный ввозъ изъ-за границы запрещенныхъ литературныхъ произведеній производился систематически.

Вѣнская конференція, на которую, подъ давленіемъ Меттерниха, германскія правительства послали своихъ представителей, занялась изысканіемъ новыхъ путей для того, чтобъ вырвать съ корнемъ либеральный, демократическій и революціонный духъ. Учрежденъ былъ союзный третейскій судъ для разбора всѣхъ конфликтовъ между народными представительствами и правительствами. Этой мѣрой Меттернихъ надѣялся окончательно прикончить крохи конституціонализма въ среднихъ и мелкихъ государствахъ. Между тѣмъ, исходъ конституціоннаго конфликта въ Ганноверѣ скоро показалъ, что сохранившееся еще въ изобиліи наслѣдственное низкопоклонство лойяльнаго бюргерства само позаботилось о томъ, что должно было быть дѣломъ союзнаго третейскаго суда. Въ 1837 году въ Ганноверѣ взошелъ на престолъ Эрнстъ Августъ, и его первымъ дѣломъ было низверженіе конституціи 1833 года. Семь профессоровъ изъ Гёттингена, которые отказались воспѣвать короля-революціонера, были лишены своихъ должностей и высланы изъ предѣловъ страны. Созванный ганноверцами союзный сеймъ объявилъ себя некомпетентнымъ въ этомъ вопросѣ, и ганноверское собраніе сословій въ концѣ-концовъ позволило навязать себѣ конституцію по усмотрѣнію короля.

Въ Пруссіи въ то время было сильное религіозное броженіе, на которомъ сосредоточилось общественное вниманіе. Въ Силезіи старолютеране, ради мелочныхъ и безплодныхъ религіозныхъ споровъ, въ своемъ упорствѣ довели дѣло до насильственнаго сопротивленія пра-

вительству; въ Кенигсбергѣ пустоголовые фанатики продолжали ихъ безчинства, что привело къ скандальному уголовному процессу, а въ Кельнѣ между правительствомъ и архіепископомъ изъ Droste-Vixhering возникъ рѣзкій споръ, при которомъ архіепископъ въ концѣ концовъ былъ арестованъ и посаженъ въ Минденъ. Въ 1840 году умеръ Фридрихъ Вильгельмъ III, и на престолъ взошелъ его старшій сынъ, Фридрихъ Вильгельмъ IV. Либеральные элементы возлагали большія надежды на эту перемѣну правительствующей персоны, и вскорѣ на очередь дня вновь сталъ вопросъ о конституціи. Фридрихъ Вильгельмъ, хотя и амнистировалъ всѣхъ политическихъ осужденныхъ, но о проведеніи въ жизнь обѣщаній извѣстнаго рескрипта отъ 22-го мая 1815 года онъ ничего знать не хотѣлъ. Сословія Кенигсберга и Познани и городъ Бреславль другъ за другомъ потребовали введенія обѣщаннаго народнаго представительства. Король заявилъ, что обѣщаніе его отца для него не обязательно и что, кромѣ того, Фридрихъ Вильгельмъ III, учредивъ провинціальныя собранія сословій, уже въ 1823 году сдѣлалъ то, что нужно. Какъ разъ къ этому времени Іоганнъ Якоби выпустилъ свое знаменитое произведеніе „Четыре вопроса восточнаго пруссака“, въ которомъ съ желѣзной логикой доказывалась необходимость введенія народнаго представительства и которая надѣлала необычайно много шума. „Четыре вопроса“ имѣли большое вліяніе на политическую жизнь страны; авторъ былъ вознагражденъ длительнымъ уголовнымъ процессомъ, который, однако, кончился оправданіемъ обвиняемаго.

Вначалѣ цензура въ Пруссіи была смягчена; но мало по малу она становилась строже, такъ какъ пресса позволяла себѣ нападки на правительство. Даже перепечатка рескрипта отъ 22 мая 1815 года была запрещена, а сверхъ того и—масса книгъ и періодическихъ изданій. Только сочиненія, содержавшія больше 20 листовъ были свободны отъ цензуры. Межъ тѣмъ какъ отъ свободнаго выраженія мнѣній, такимъ образомъ, не оставалось и тѣни; межъ тѣмъ какъ при правленіи реакціоннаго министра Ейхгорна поощрялось ханжество и вѣра поставлена была выше науки,—въ отдѣльныхъ городахъ разыгрывались волненія голодающаго народа, а въ Силезіи ткачи изъ Лангебилау и Петерсвальдау возстали, ибо имъ нечѣмъ было больше жить. Возстаніе было подавлено военной силой, и вскорѣ послѣ этого „опытный криминалистъ“ д-ръ Штиберъ заслужилъ себѣ шпоры въ Гиршбергской долинѣ, „открывши“ даже здѣсь яко бы коммунистическій заговоръ, вслѣдствіе котораго послѣдовали аресты, а извѣстный демократъ Шлеффель долженъ былъ вынести очень продолжительное предварительное заключеніе. 1844 годъ принесъ съ собой покушеніе бургомистра Чеха изъ Сторкова на жизнь прусскаго короля. Мотивы покушенія въ виду тогдашняго негласнаго судопроизводства остались неизвѣстны. Чехъ былъ приговоренъ къ смерти и такъ какъ онъ не захотѣлъ добиться обѣщаннаго ему помилованія посредствомъ выраженія раскаянія, то былъ казненъ въ Шпандау *).

*) Въ противовѣсъ нынѣшнему либеральному воспѣванію лойяльности стоитъ припомнить, что либерализмъ 1844 года посмѣивался по поводу покушенія въ извѣстной юмористической пѣсенкѣ:

влоосъ.

Тѣмъ не менѣе власть имущіе все-таки считали необходимымъ сдѣлать кое-какія уступки общественному мнѣнію, такъ какъ, не взирая на всю полицейскую и бюрократическую опеку, развилось сильное теченіе, враждебное господствующему направленію. Въ виду того, что въ то время и германско-католическое движеніе тоже усилилось, оппозиція приняла довольно рѣшительный характеръ, и Фридрихъ Вильгельмъ IV понадѣялся отнять у оппозиціи одинъ изъ главныхъ пунктовъ нападокъ тѣмъ, что онъ патентомъ (грамотой) отъ 3 февраля 1847 года объединилъ провинціальныя собранія сословій въ соединенный ландтагъ, засѣдающій въ Берлинѣ. Этотъ ландтагъ не былъ народнымъ представительствомъ, ибо онъ не былъ избранъ народомъ и имѣлъ только совѣщательный, а не законодательный характеръ. Утверждали, что учрежденіемъ ландтага исполнены были обѣщанія рескрипта отъ 22-го мая 1815 года. Но сколь мало Фридрихъ Вильгельмъ IV намѣревался вступить на конституціонный путь, объ этомъ онъ самъ безъ церемоній заявилъ при открытіи ландтага. Онъ сказалъ въ своей тронной рѣчи: „*Между нашимъ великимъ Богомъ въ небесахъ и нашей страной не долженъ стать исписанный листъ бумаги, чтобы управлять своими параграфами и ими замѣнить старую святую преданность!*“ Это было послѣднимъ, полнымъ и громогласнымъ звукомъ трубъ стараго абсолютизма. Велѣніе исторіи восторжествовало надъ велѣніемъ короля и „*исписанный листъ бумаги*“ *увидѣлъ свѣтъ*.

Въ Австріи къ этому времени все еще не было никакой политической жизни. Меттерниховскій режимъ висѣлъ, какъ тяжелый камень на шеѣ народовъ Габсбургской имперіи. Меттернихъ довелъ дѣло до того, что въ австрійскихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ повсюду, отъ Боденскаго озера до Карпатъ, господствовало полное нѣмое молчаніе и „подданные“ не осмѣливались вмѣшиваться въ политическіе вопросы. „Веселые“ австріяки въ особенности заботились только о своихъ удовольствіяхъ, и въ Вѣнѣ, этомъ сборномъ пунктѣ бонвивановъ всѣхъ странъ, никто не полагалъ, что разгульная жизнь должна уступить мѣсто страшному кровавому эпизоду.

Революціонныя конвульсіи въ Германіи тридцатыхъ годовъ внушали австрійскому государственному фокуснику опасенія насчетъ его австрійскихъ нѣмцевъ, хотя онъ и пользовался охотнѣе всего именно этими нѣмцами противъ такъ глубоко внѣдрявшагося въ Австріи панславизма. Поэтому онъ на нѣмецкія области Австріи наложилъ самый тяжелый гнетъ, межъ тѣмъ какъ мадьярамъ онъ далъ столько свободы, что въ Венгріи могли развиться конституціонныя формы государственной жизни. Въ Венгріи пресса пользовалась гораздо большей свободой, чѣмъ въ какой бы то ни было изъ областей германскаго союза, а

„Sagt, iver war wohl je so frech,
Wie der Bürgermeister Tschech“ u. s. w.

(Скажите, кто еще былъ такъ дерзокъ, какъ бургомистръ Чехъ и т. д.). Какъ извѣстно, и современный либеральный буржуа все еще любитъ посмѣяться надъ монархіей, но только исподтишка. Вообще онъ всегда лицемѣрно выставляетъ на видъ свою фальшивую лойяльность, въ противовѣсъ демократамъ и соціалистамъ.

венгерскій рейхстагъ въ 1844 году провелъ даже рѣшеніе о томъ, что мадьярскій языкъ долженъ считаться официальнымъ языкомъ.

Тѣмъ временемъ свободное развитіе государственной жизни въ Венгріи все больше начинало казаться Меттерниху слишкомъ далеко зашедшимъ, и онъ постарался сократить мадьяръ тѣмъ, что сталъ тайно поддерживать чешскую и панславистскую агитацію. Что такая измѣнническая двойственная политика могла только еще больше разжечь гибельные національные конфликты въ Австріи, это ясно само собой. Въ Галиціи Меттерниховская измѣнническая политика науськиваній привела къ кровавой катастрофѣ. Тамъ Меттернихъ тайно поддерживалъ панславизмъ противъ мадьяръ. Какъ реакція противъ этого, развилось національное польское движеніе, исходившее изъ сосѣдняго небольшого свободнаго государства Кракова. Въ этомъ движеніи главнымъ образомъ принимали участіе дворянство и бюргерство. Галиційскіе крестьяне ненавидѣли дворянство, ибо оно жестоко угнетало ихъ податями и повинностями. Австрія разжигала эту ненависть. И когда въ 1846 году разразилось возстаніе, возставшему дворянству нисколько не помогло то, что оно въ надеждѣ перетянуть на свою сторону крестьянство провозгласило уничтоженіе всѣхъ дворянскихъ преимуществъ. Австрійцы не смогли сразу справиться съ возстаніемъ, а фанатизированные ими крестьяне поднялись, напали на дворянъ, сожгли ихъ замки и убили множество людей. Результатомъ этой мефистофельской политики Меттерниха было то, что свободное государство Краковъ, самостоятельность котораго гарантировалась Вѣнскимъ трактатомъ, было „причислено" къ австрійскому имперскому государству. Этой мѣрой надѣялись, наконецъ, уничтожить очагъ всякихъ польскихъ возстаній. Франція и Англія тщетно протестовали противъ уничтоженія Краковскаго свободнаго государства.

Въ то время, какъ въ нѣмецкой Австріи, несмотря на глубокое недовольство, все оставалось спокойнымъ, въ Венгріи и въ итальянскихъ областяхъ усиливалось броженіе, подготовившее катастрофу 1848 года.

Такъ обстояли дѣла въ Германіи послѣ тридцатилѣтней опеки и хозяйничанья въ ней Меттерниха и союзнаго сейма. Великій мастеръ политики „успокоенія" считалъ дѣло рукъ своихъ вполнѣ завершеннымъ. Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда его высокомѣріе достигло своей высшей точки, жизнь показала ему, что развитіе народной жизни не зависитъ отъ дикаго произвола одного лица, какой бы властью это лицо ни было надѣлено. Закону человѣческаго развитія все подчинено; что бы ни предпринялъ тотъ или другой изъ сильныхъ міра сего противъ духа времени, онъ рано или поздно полетитъ къ чорту со всѣми хитросплетеніями. Это всегда служитъ утѣшеніемъ въ минуту жизни трудную.

Изъ предмартовскаго періода.

Только благодаря своей маніи величія, столь часто являющейся результатомъ чрезмѣрной власти, князь Меттернихъ могъ повѣрить, что возможно посредствомъ таможни отрѣзать идеямъ великой французской революціи путь въ Германію и, такимъ образомъ, надолго затормозить всякій политическій прогрессъ. Правда, Меттернихъ могъ похвастаться тѣмъ, что онъ въ свое время перехитрилъ самого Наполеона, котораго онъ превзошелъ въ искусствѣ дипломатическаго шарлатанства. Но его представленіе о причинахъ и сущности политическихъ измѣненій и переворотовъ было такъ примитивно и банально, какъ этого только и можно было ожидать отъ его школы, отъ поклонниковъ разныхъ Кауницовъ, Кобенцлей, Таллейрановъ и Кэстльриджей. По Меттерниху, политическіе перевороты вызывались революціонными идеями, и, изгнавши съ политической поверхности эти послѣднія, онъ надѣялся сдѣлать перевороты разъ навсегда невозможными. А на тотъ случай, если паче чаянія въ страну все же проникнутъ кое-какія революціонныя идейки — имѣть въ своемъ распоряженіи недурно организованную полицейскую и солдатскую силу; въ этомъ случаѣ Меттернихъ считалъ свою систему обезпеченной даже отъ всякихъ непредвидѣнныхъ сюрпризовъ.

Этотъ олицетворенный аристократъ считалъ себя призваннымъ сыграть для Германіи и даже для всей Европы роль какого-то провидѣнія и совершенно представленія не имѣлъ о томъ, что предпосылки политическихъ переворотовъ всегда создаются соціально-экономическимъ положеніемъ страны, межъ тѣмъ какъ идеи могутъ давать импульсы только въ тѣсномъ смыслѣ слова. Огненныя письмена 1848 года должны были разъяснить Меттерниху эти истины, и онъ, послѣ того какъ его громадное зданіе рухнуло, долженъ былъ сознаться, что своими европейскими карантинами противъ вторженія революціонныхъ идей, онъ только навлекъ на свою систему ненависть и тѣмъ сдѣлалъ катастрофу неизбѣжной.

Французская революція уничтожила пережитки средневѣковья, она разорвала узы, стѣснявшія производство и вмѣсто нихъ создала такое положеніе, которое обезпечило современному капитализму свободу развитія. Конкуренція, ставшая тогда могучимъ экономическимъ факторомъ, въ связи съ раздѣленіемъ труда, пробудила массу дремавшихъ дотолѣ силъ. Капитализмъ всей своей сущностью заполонилъ все общество, даже тамъ, гдѣ онъ встрѣчалъ внѣшнія препятствія. Въ пар-

ламентскихъ областяхъ, присоединенныхъ при Наполеонѣ къ Франціи, а также въ Пруссіи въ эру Stein-Hardenberg'a, введена была свобода промысловъ. Послѣ княжеско-освободительной войны, подъ знакомъ священнаго союза, эта свобода не разъ чередовалась съ цеховыми организаціями стараго и новаго порядка, но почва для современной промышлености была разъ навсегда создана, и эта промышленность проникала всюду, хотя и не такъ быстро, какъ въ другихъ мѣстахъ. Буржуазія девятнадцатаго столѣтія и въ Германіи начала чувствовать враждебность своихъ интересовъ интересамъ привилегированной дворянской касты. Современный фабричный предприниматель, въ противовѣсъ богатымъ дворянамъ, заставлявшимъ своихъ крестьянъ отбывать на нихъ барщину и взимавшимъ съ крестьянъ различныя подати, смотрѣлъ на себя, какъ на представителя гражданскаго трудолюбія, межъ тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ сущность капиталистическаго производства также заключается въ эксплоатаціи чужой рабочей силы, въ присвоеніи капиталистомъ большей части продукта труда.

Таможенный союзъ, уничтожившіи таможенныя путы въ Германіи, далъ могучій толчокъ развитію промышленности, хотя протекціонныя пошлины противъ за границы—остались. Промышленные капиталисты и крупная буржуазія при этомъ естественно направляли свои взоры на Англію, гдѣ промышленность была наиболѣе развита. Англійскія учрежденія должны были при этомъ стать для нихъ образцомъ; такимъ путемъ конституціонный либерализмъ въ Германіи получалъ все новую пищу, и сильно развивающаяся германская буржуазія, такимъ образомъ, естественно стала противницей Меттерниховской системы, которая не могла рѣшиться освободить промышленность отъ стѣснявшихъ ее путъ. Но капиталистическое развитіе не могло уже быть задержано отжившими средневѣковыми пережитками. Меттерниху, если онъ хотѣлъ надолго воплотить въ дѣйствительность идеалъ всеобщаго „спокойствія", оставалось вернуть производство къ его старымъ формамъ и вновь наложить на него тѣ путы, отъ которыхъ его освободила французская революція. Это было настолько же невозможно, какъ, напримѣръ, возвратить землю во Франціи въ руки тѣхъ, кто являлся ея собственниками до 1789 года. Отсюда становится ясной историческая задача капитализма, который разрываетъ старыя стѣснительныя путы и, возвышая производство до стадіи крупной промышленности, тѣмъ самымъ подготовляетъ будущее соціалистическое общество. Капиталистическая эпоха неизбѣжно должна была возникнуть, и также неизбѣжно должна она исчезнуть, когда задача ея будетъ исполнена, а формы ея—изжиты.

Насколько всемогущій Меттернихъ совершенно не понималъ великаго процесса соціальнаго развитія, объ этомъ свидѣтельствуютъ его дѣянія въ Австріи. Когда Пруссія посредствомъ таможеннаго союза пробила брешь въ перегородкахъ, стѣснявшихъ сношенія, Меттернихъ тотчасъ же создалъ громадную сѣть желѣзныхъ дорогъ. Этотъ великій мужъ самымъ серьезнымъ образомъ полагалъ, что желѣзныя дороги—менѣе опасны его системѣ всеобщаго „спокойствія", чѣмъ свободолюбивыя фразы любого либеральнаго писателя. Запирая книги подъ семью замками, онъ позволялъ желѣзнодорожнымъ локомотивамъ мчаться по всей странѣ и совершенно не понималъ, что всякій гвоздь

въ желѣзнодорожныхъ вагонахъ вмѣстѣ съ тѣмъ является гвоздемъ въ гробу для его системы.

Противорѣчія между крупной и мелкой буржуазіей не вырисовывались еще такъ ярко, какъ теперь. Правда, мелкому буржуа и ремесленнику не очень легко было освободиться отъ пережитковъ „стараго добраго времени". Цеховой и паспортный гнетъ, брачныя стѣсненія, ограниченія права свободнаго передвиженія и вообще тысячи бюрократическихъ и полицейскихъ мучительныхъ придирокъ мѣшали расцвѣту ремесла и не давали больше возникнуть тому гордому классовому самосознанію, которое нѣкогда такъ помогло гражданамъ германскихъ имперскихъ городовъ, въ періодъ ихъ расцвѣта, въ ихъ борьбѣ противъ юнкерства и поповъ, и которое въ значительной степени коснулось и подмастерьевъ. Но мелкій буржуа былъ чрезвычайно радъ, когда капиталистъ и буржуа снисходилъ къ тому, чтобы всей своей соціальной силой и силой своего вліянія выступать на защиту „общихъ гражданскихъ интересовъ", въ которыхъ конкуренція между крупными и мелкими предпріятіями не пробила еще такой бреши, какъ нынѣ. Несмотря на эту общность, германское конституціонное и либеральное бюргерство все же, однако, не могло найти общаго знамени, подъ которымъ могли бы соединиться всѣ и всяческіе оттѣнки и которому путь въ борьбѣ противъ системы „спокойствія" освѣщала бы великая и свѣтлая идея. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что система Меттерниха могла такъ долго держаться.

Страстная тоска по лучшимъ порядкамъ и по освобожденію отъ гнетущаго ига священнаго союза уходила въ русло всякихъ пѣвческихъ и гимнастическихъ ферейновъ, гдѣ въ упоеніи тысячи разъ пилось въ честь единства и свободы Германіи и гдѣ столь же часто на похмѣльѣ съ горечью приходилось чувствовать, какъ далека еще Германія отъ этихъ прекрасныхъ вещей. Буржуазный либерализмъ часто выглядѣлъ даже чрезвычайно краснымъ, когда онъ въ свои дѣтскіе годы распѣвалъ свои, отчасти дѣтскія, пѣсни, какъ, напримѣръ:

„Fürsten zum Land hinaus
Ietzt, kommt der Völkerschmaus!" *)

или

„Fürsten, gebt die grossen
Purpurmantel her
Daraus macht man Hosen
Für das Freiheitsherr!" **)

Эти пѣсни нынѣ имѣютъ развѣ еще только антикварный интересъ, но тогда онѣ доставляли благопопечительной полиціи и геморроидальнымъ государственнымъ мужамъ несмѣтныя заботы. Всѣ эти ужасныя тревоги франкфуртскаго дворца были собственно совершенно напрасны, ибо буржуазный либерализмъ на словахъ подымалъ очень много шума тамъ, гдѣ полиція этого не запрещала или гдѣ она не могла этому помѣшать; что же касается дѣла, то въ этомъ отношеніи буржуазный либерализмъ довольствовался игрушечными мелочами

---

*) Сторонись, князья, народъ идетъ!

**) Князья, подайте-ка сюда ваши роскошныя пурпурныя мантіи, мы выкроимъ изъ нихъ штаны для войска свободы!

частностями. Поставить себѣ задачей опредѣленную, крупную, всеобъемлющую реформу, — на это германское либеральное бюргерство не было способно. Оно считало своей обязанностью по такому поводу, какъ, напр., выступленіе датчанъ противъ агитаціи за отдѣленіе Шлезвигъ-Гольштиніи, одѣвать рубища и посыпать голову пепломъ; такую чрезвычайную мѣру, какъ, напр., идею устройства Фребелевскихъ дѣтскихъ садовъ, оно изображало великой міровой идеей.

Какъ извѣстно, въ Германіи не мало времени потребовалось на то, чтобы тамъ привыкли придавать большее значеніе земнымъ дѣламъ, чѣмъ божественнымъ, и потому-то тамъ въ сороковыхъ годахъ религіозные споры и могли вызвать оживленное движеніе. Большой успѣхъ протестантскаго піетизма вызвалъ завистливую конкуренцію со стороны католической іерархіи и каждая изъ этихъ религіозныхъ группъ стала считать свое упроченіе возможнымъ только за счетъ другой группы, несмотря на то, что у нихъ былъ еще общій врагъ, противъ котораго имъ нужно было бороться сообща, именно—антирелигіозный духъ и атеистическая философія. Поэтому въ Трирѣ произошло въ 1844 году то, что намъ вновь пришлось увидѣть въ 1891 году; выставлена была священная тряпка, и около милліона человѣкъ перебывало на поклоненіе у этой реликвіи, о которой передавались всякія чудеса. Изъ католической Франціи также приходило сюда не мало вѣрующаго народа, ибо въ ту пору въ Аржинтэйлѣ не была, какъ въ 1891 году, выставлена для конкуренціи другая священная тряпка. Либерализмъ воспользовался выставкой священной тряпки для рѣзкихъ нападокъ на римско-католическую церковь, а одинъ, лишенный своего духовнаго званія, католическій капелянъ изъ Силезіи, Іоганнъ Ронге, въ „Sächsischen Vaterlandsblättern“ *) напечаталъ открытое письмо епископу трирскому, Арнольди, въ которомъ онъ высказывался противъ почитанія реликвій. Это письмо само по себѣ не имѣло буквально никакого значенія; но, быть можетъ, именно потому-то оно и встрѣтило такой восторженный пріемъ, что въ немъ высказывалось только то, что всякому было уже извѣстно и понятно. Ронге протрубили великимъ человѣкомъ, и, въ своемъ смѣшномъ самомнѣніи, онъ и самъ счелъ себя таковымъ. Онъ предложилъ, чтобъ католики сдѣлали себя независимыми отъ римскаго папскаго престола, откуда потомъ и получились германско-католическія общины, межъ тѣмъ какъ изъ среды протестантизма вышли евангелическія свободныя общины.

Въ Баваріи, являвшейся для южной Германіи опорой католицизма, точно такъ же, какъ Пруссія для сѣвера — опорой протестантскаго піетизма,—въ Баваріи наступила важная перемѣна. Тутъ, конечно, не такъ легко можно было бы что-нибудь подѣлать противъ іезуитскаго правленія нѣкогда либеральнаго министра Абеля, если бы въ Мюнхенъ не пріѣхала Лола Монтецъ. Эта красивая и интересная, но вѣтреная и крайне легкомысленная испанская танцовщица тщетно пыталась устроить свое счастье у Генриха LXXII von Reuss, извѣстнаго „наѣздника принциповъ“; въ Мюнхенѣ она въ вихрѣ бурь плѣнила сердце старѣющагося „нѣмецкаго“ короля Людвига I. Онъ воспѣвалъ ее въ своихъ знаменитыхъ стихахъ, украшенныхъ безчисленнымъ множе-

*) „Саксонскіе отечественные листы“.

ствомъ дѣепричастій и, какъ ни „возмущались" противъ этого мюнхенскіе пивные патріоты, рѣдко былъ въ состояніи ей въ чемъ-либо отказать. Наконецъ, онъ сдѣлалъ прекрасную Лолу графиней Ландсфельдской; но министерство Абеля, для котораго вліяніе этой метрессы становилось угрожающимъ, отказало танцовщицѣ въ необходимомъ для возведенія въ графское званіе правѣ гражданства и поставило королю выборъ—отпустить либо свою танцовщицу, либо свое министерство. И тутъ произошло нѣчто такое, чего никакъ не ожидали мюнхенскіе пивные патріоты: король отпустилъ министровъ - ультрамонтанъ, іезуитскій режимъ палъ и Лола Монтецъ водрузила свою красивую ножку на его развалинахъ. То, чего въ ту пору никогда не могли бы достичь либеральные „патріоты" даже при самыхъ серьезныхъ усиліяхъ, — то было играючи достигнуто красивой танцовщицей Лолой Монтецъ, сознательно или безсознательно оказавшей либерализму существенную услугу.

Борьба за свободу религіи скоро приняла политическій характеръ и стала борьбой либерализма противъ всемогущей государственной власти. Полицейское хозяйничанье и вообще давленіе сверху было настолько развито, что болѣе рѣшительные либералы вынуждены были прибѣгнуть къ тайнымъ союзамъ, ибо легальные политическіе организаціи были невозможны. Отцы тѣхъ самыхъ націоналъ-либераловъ, которые въ 1878 году создали законъ противъ соціалистовъ, были въ сороковыхъ годахъ преслѣдуемы полиціей такъ же, какъ въ наше время — соціалдемократы. Отдѣльные члены палаты сословій, объединенные общностью взглядовъ, вступали другъ съ другомъ въ союзъ; къ нимъ присоединились нѣкоторые „мужи изъ народа". Въ 1840 году, когда повсюду распѣвалась пѣсня противъ Франціи: „Sie sollen ihn nicht haben, den freien deutschen Rhein" *), на берегахъ этого самаго „свободнаго германскаго Рейна" собирались либералы, знавшіе другъ друга только по имени и пускавшіе въ ходъ всѣ хитрости, чтобъ избавиться отъ недреманнаго ока полиціи. Тутъ были Адамъ фонъ Итцштейнъ, прославленный либеральный баденскій ораторъ въ палатѣ, Робертъ Блюмъ, уже рано составившій себѣ на поприщѣ политической и религіозной борьбы имя рѣшительнаго либеральнаго человѣка, Тодтъ изъ Адорфа и фонъ Дюнэ изъ Плауэна, два народныхъ дѣятеля, въ тогдашнемъ смыслѣ слова, и Мати изъ Бадена, который въ ту пору считался однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ. На такихъ собраніяхъ, имѣвшихъ мѣсто ежегодно, обсуждали печальное настоящее и тосковали по лучшему будущему. Этотъ, подвергавшійся полицейской травлѣ, либерализмъ втайнѣ иногда былъ далеко не такъ смиренъ, какъ въ открытой общественной жизни. Въ открытой общественной жизни онъ прикрывался лойяльной мантіей умѣреннаго конституціоннаго образа мыслей; втайнѣ онъ не скрывалъ своихъ демократическихъ или республиканскихъ склонностей.

Такія склонности проявлялись до извѣстной степени и въ литературѣ, подвергавшейся полицейскимъ гоненіямъ и цензурнымъ пыткамъ. Союзный сеймъ раскинулъ цензурную сѣть по всей Германіи. Всюду,

*) Пусть не увидятъ они въ своихъ рукахъ свободнаго германскаго Рейна.

гдѣ существовала типографія, находился и чиновникъ, предназначенный для надзора за ея работами; все, имѣвшее быть напечатаннымъ, должно было предварительно быть представлено этому чиновнику, даже визитныя карточки и карты съ обѣденнымъ меню. Цензоръ попросту вычеркивалъ изъ рукописи или корректуры все то, что ему казалось противорѣчащимъ благу государства. Онъ вычеркивалъ изъ отчетовъ о засѣданіяхъ палаты и судебныхъ засѣданій все, что ему не нравилось, такъ что газеты почти ничего не могли печатать изъ отдѣла „внутренняя хроника".

Если къ этому еще прибавить крайне отсталое, чрезвычайно ограниченное ученое сословіе, пустоголовую и надменную бюрократію и юстицію, практиковавшую негласное судопроизводство, потому что она не могла выносить свѣта гласности, — то легко станетъ понять диктовавшіеся истиннымъ благородствомъ нападки Берне противъ господствовавшей въ Германіи системы и горькую иронію Гейне надъ германскимъ позоромъ *). Эти оба писателя не могли быть терпимы въ Германіи во времена господства союзнаго сейма. Все, что скрывалось подъ кличкой „молодой Германіи", исключая развѣ Гуцкова, не имѣло особеннаго значенія. Буржуазный либерализмъ долженъ былъ и въ области литературы пережить свои годы юношескихъ шалостей и потерялъ при этомъ равновѣсіе. Всѣ эти Лаубе, Винбарги и ихъ товарищи держались такимъ образомъ, какъ будто бы они хотѣли своими гусиными перьями перевернуть міръ. Строго говоря, ихъ произведенія той эпохи немногимъ болѣе цѣнны, чѣмъ толстые широковѣщательные фоліанты тщеславныхъ молодыхъ „великихъ реформаторовъ", которые держались такъ, какъ будто весь міръ вертится вокругъ ихъ высокихъ персонъ. Они совершенно отпустили себѣ возжи въ отношеніи литературнаго умственнаго разврата и утверждали, будто ихъ сальности являются „новыми соціальными идеями". Союзный сеймъ выказалъ къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ незаслуженное вниманіе, запретивши ихъ сочиненія. Они стали впослѣдствіи „старыми ханжами", на манеръ нѣкоторыхъ дамъ, поживших въ волю въ юности. Доведши понятіе „свобода" до крайнихъ предѣловъ абсурдности, они исчезли изъ опасныхъ сферъ оппозиціи, и нѣкоторые изъ нихъ вновь вынырнули, говоря словами не особенно галантнаго доктора Лютера, въ качествѣ „блюдолизовъ" при дворахъ. Въ дѣлѣ оклеветанія революціи и революціонеровъ они впослѣдствіи преуспѣли гораздо больше, чѣмъ „ослиными замашками въ молодости" и были за это по заслугамъ осыпаны похвалами со стороны борзописцевъ—закройщиковъ исторій литературы.

Съ появленіемъ радикальной философіи, которая начала сводить счеты со всѣми пережитками, нѣмецкая литература вновь стала нѣсколько посерьезнѣе. Давидъ Штраусъ вступилъ въ борьбу съ христі-

---

*) Нельзя не указать на то, что отношеніе Гейне къ положенію дѣлъ въ Германіи должно было предстать въ очень невыгодномъ свѣтѣ, послѣ того какъ, благодаря февральской парижской революціи, выяснилось, что онъ получалъ пенсію отъ Гизо. Заявленіе Гейне, что это было „великой милостыней Франціи" для подвергавшихся преслѣдованіямъ заграничныхъ революціонеровъ, мы не можемъ принять въ серьезъ. Тѣмъ не менѣе истины, высказанныя Гейне нѣмцамъ, остаются истинами, и въ этомъ смыслѣ они и оказали свое вліяніе.

анской вѣрой въ чудеса, Людвигъ Фейербахъ объяснилъ сущность божественнаго человѣческой сущностью, а религію—самообоготвореніемъ, межъ тѣмъ какъ Бруно Бауэръ подвергъ Новый Завѣтъ критическому изслѣдованію, чрезвычайно непріятному для правовѣрныхъ христіанъ. Дальше всего въ философскомъ радикализмѣ заходилъ Максъ Штирнеръ (собственно—Каспаръ Шмидтъ), который настолько потерялъ мѣру, что создалъ извѣстнаго рода философію анархизма и провозгласилъ голый эгоизмъ — міровымъ закономъ. Арнольдъ Руге, который въ ту пору не думалъ, что когда-нибудь будетъ получать пенсію изъ княжеской кассы, старался въ своихъ „Deutsche Jahrbücher" дать распространеніе философскому радикализму и связать его съ радикализмомъ политическимъ.

Но сколько правовѣрные ханжи ни метали громовъ и молній противъ безбожниковъ-философовъ, эта борьба все же не могла сосредоточить на себѣ интереса широкихъ массъ. Философскій радикализмъ былъ пріятнымъ дессертомъ для буржуа, чувствовавшаго себя самого достаточно „образованнымъ", чтобы обходиться безъ религіи, но въ то же время съ сожалѣніемъ глубокомысленно заявлявшаго, что для массы религія — необходима, какъ утѣшеніе въ ея горестяхъ. Какъ будто теплое платье, здоровое жилище и хорошее жаркое не являются неизмѣримо болѣе дѣйствительными средствами утѣшенія для бѣдняковъ и нищихъ, чѣмъ всѣ религіозныя догмы, вмѣстѣ взятыя. Кромѣ того, эта философія не могла стать понятной массамъ, въ виду того ультраученаго, крайне тяжеловѣснаго языка, которымъ нѣмецкіе философы имѣли обыкновеніе писать свои философскія произведенія, и, наконецъ, проснувшійся ремесленникъ и рабочій, когда имъ попадалась въ руки какая-нибудь изъ такихъ философскихъ книгъ, даже при всемъ своемъ желаніи не могли почерпнуть изъ этой философіи ничего, что было бы въ состояніи указать имъ путь къ улучшенію ихъ соціальнаго положенія. А вѣдь именно это больше всего занимало его.

Совершенно иное дѣйствіе оказала внезапно грянувшая, сорвавшаяся и вихремъ пронесшаяся по всей Германіи политическая поэзія, столь наглядно опровергшая *) слова Гёте относительно того, что „Politisch Lied ein garstig Lied" **).

„Стихи живого человѣка" Гервега („Gedichte eines Lebendigen", Herwegh.) произвели неслыханно громадное впечатлѣніе. Это была совершенно новая, громомъ зазвучавшая по всей Германіи, поэзія:

„Wir haben lang genug geliebt
Und wollen endlich hassen!" ***)

или „Reisst die Kreuze aus der Erden
Alle sollen Schwerter werden!" ****)

---

*) Если слова Гёте относятся къ столь немолодичной въ большинствѣ случаевъ поэзіи временъ войны за освобожденіе князей, тогда нельзя отказать ему въ долѣ правоты. Безъ сомнѣнія, крайне плохіе стихи, напр., Арндта чрезвычайно переоцѣниваются.

**) Политическая пѣснь—противная пѣснь.

***) Достаточно ужъ мы любили, мы хотимъ, наконецъ, ненавидѣть!

****) Вырвите кресты изъ земли и перекуйте ихъ въ мечи!

> или Raum, ihr Herrn, dem Flügelschlag
> Einer freien Seele!“ *)

Эти звуки, брошенные въ Германію „желѣзнымъ жаворонкомъ“ съ свободныхъ швейцарскихъ Альпъ, звуки, которые впослѣдствіи окончательно затерялись, тогда вызвали взрывъ энтузіазма отъ одного конца страны до другого. Красивый поэтическій стиль въ нѣмецкомъ языкѣ больше всего приспособленъ выражать тоску по неопредѣленной свободѣ, по освобожденію отъ несчастнаго положенія неизвѣстными, туманными путями. Такъ политическая поэзія, вооруженная съ головы до ногъ, ворвалась въ великій споръ, и скоро собралась маленькая кучка поэтовъ-бардовъ, направившихъ свои стрѣлы противъ чудовища, именовавшагося системой Меттерниха. На полѣ борьбы раньше или позже появились Робертъ Прутцъ, Гофманнъ фонъ-Фаллерслебенъ, Готфридъ Кинкель, Морицъ Гартманнъ и др. Имъ пришлось за это претерпѣть различныя преслѣдованія, а тѣ изъ нихъ, которые имѣли какія-нибудь званія, были ихъ лишены. Скоро къ нимъ присоединился и Фердинандъ Фрейлигратъ, когда ему надоѣло воспѣвать дикихъ коней и жирафовъ, и послѣ того, какъ онъ отказался отъ пенсіи короля прусскаго. Со словами:

> „Zum Teufel die Kameele
> Zum Teufel auch die Leu'n;
> Es rauscht durch meine Seele
> Der alte deutsche Rhein!“ **)

Фрейлигратъ бросился въ водоворотъ современнаго ему движенія и окрасилъ его въ яркій и великолѣпный свѣтъ своего творчества для того, чтобы за это вскорѣ попасть въ изгнаніе и въ Швейцаріи мыкаться изъ кантона въ кантонъ, горько иронизируя по этому поводу и утѣшаясь тѣмъ, что въ шахматной игрѣ: „Matt werden kann ja nur der König“ ***). Гервегу также пришлось пережить разочарованіе въ нѣмецкомъ либеральномъ бюргерствѣ. Въ 1842 г. онъ предпринялъ своего рода тріумфальное путешествіе по Германіи и всюду былъ принятъ самымъ великолѣпнымъ, торжественнымъ образомъ. Его принялъ также Фридрихъ Вильгельмъ IV и при этомъ сказалъ ему свое крылатое словечко: „Ich liebe eine gesinnungsvolle opposition!“ ****). Но когда Гервегъ сталъ жаловаться его величеству на прусскую полицію, онъ былъ препровожденъ двумя жандармами черезъ прусскую границу, а объ остальномъ прекрасно позаботилась уже „гнусная клика рабовъ“. Гервегъ послѣ этого больше не испытывалъ искушенія играть роль Маркиза Позы.

Такимъ образомъ, положительными пріобрѣтеніями германское либеральное бюргерство очень мало могло похвастаться,—его большей частью кормили одними обѣщаніями. Его согрѣвала надежда, что-де

---

*) Вы, господа, сторонитесь, дайте мѣсто размаху свободной души!

**) Къ чорту всѣхъ верблюдовъ, къ чорту всѣхъ львовъ; душѣ моей дорогъ старый, родной Рейнъ.

***) Непередаваемая по-руски игра словъ; matt werden значитъ устать, утомиться, а также получить матъ („Утомиться можетъ вѣдь только король“).

****) Благоразумную оппозицію я люблю.

должна наступить какая-нибудь громадная политическая катастрофа, которая и произведетъ полнѣйшій переворотъ. Откуда и какъ явится эта катастрофа,—объ этомъ очень мало заботились. Нѣкоторые такъ раскидывали умомъ, что-де когда-нибудь должны же умереть Луи Филиппъ съ Меттернихомъ, а тогда, молъ, все пойдетъ лучше. Они этимъ только показывали, какъ мало они понимали свою эпоху.

Классовыя противорѣчія не были еще въ ту пору такъ обострены, какъ теперь. Какъ мелкая буржуазія еще не чувствовала себя, какъ нынѣ, отдѣленной глубокой пропастью отъ крупной буржуазіи, такъ и классъ ремесленниковъ въ большинствѣ случаевъ шелъ рука объ руку съ рабочимъ классомъ и оба вѣрили въ солидарность ихъ интересовъ. Только тамъ, гдѣ промышленность организовала эксплоатацію рабочей силы въ большомъ масштабѣ, образовался многочисленный пролетаріатъ, который чувствовалъ уже себя вполнѣ чуждымъ буржуазнымъ классамъ. Чтобы дать представленіе о соотношеніи различныхъ классовъ населенія, мы приведемъ здѣсь данныя народной переписи въ Пруссіи въ 1861 году. Городское населеніе въ ту пору составляло въ Пруссіи всего 5.600.000 человѣкъ, а сельское—12.800.000 человѣкъ, количественное соотношеніе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ съ тѣхъ поръ сильно измѣнилось въ пользу перваго, вслѣдствіе массоваго ухода рабочихъ силъ изъ деревни въ большіе города. Рабочимъ противостояло многочисленное среднее сословіе съ самостоятельными мастерами и хозяевами. Крупная промышленность лишь въ незначительной степени покончила съ мелкимъ ремесломъ, ибо ей недоставало важнѣйшихъ предпосылокъ для могучаго и побѣдоноснаго развитія. За исключеніемъ желѣзной дороги между Нюрнбергомъ и Фюртомъ, желѣзнодорожное дѣло въ Германіи возникло лишь въ 1840 году, а построенной спустя восемь лѣтъ желѣзнодорожной сѣти было недостаточно для быстраго и прогрессивнаго развитія промышленной жизни. Конечно, въ текстильной промышленности, гдѣ мастеровъ нельзя было больше разсматривать, какъ самостоятельныхъ мастеровъ, рабочихъ было большее количество; ткачей въ Пруссіи было 192.000. Въ той же самой области напротивъ было:

портныхъ	122.789	въ	томъ	числѣ	73.088	мастеровъ
сапожниковъ	154.111	"	"	"	94.849	"
хлѣбопековъ	46.987	"	"	"	26.186	"
мясниковъ	34.991	"	"	"	21.566	"

Согласно даннымъ статистики, въ Пруссіи въ 1846 году было всего мастеровъ и самостоятельныхъ ремесленниковъ 457.365 человѣкъ, у которыхъ работало подмастерьевъ и учениковъ 384.783 человѣка; на фабрикахъ, которыхъ было сверхъ 78.000, занято было 550.000 человѣкъ. Ясно, что, съ одной стороны, мелкое ремесло представляло еще большую силу, а съ другой—фабричныя предпріятія были еще мелкими въ сравненіи съ нынѣшними, и рабочихъ на нихъ занято было мало. Ремесленники-мастера въ большинствѣ своемъ подвержены были старымъ цеховымъ предразсудкамъ и, естественно, являлись противниками свободы промысловъ. Мы увидимъ еще, какъ въ 1848 году они формулировали свои относящіяся сюда требованія. Такимъ образомъ,

если бы даже рабочіе въ 1848 году вполнѣ сознали свои классовые интересы, имъ, въ лицѣ мелкихъ ремесленниковъ, цеховыхъ мастеровъ и мѣщанства, все же противостояла компактная реакціонная масса, которую пока невозможно было ни осилить, ни увлечь съ собой.

Жизнь германскаго сословія подмастерьевъ, которое въ ту пору процвѣтало больше, чѣмъ нынѣ, только въ глазахъ смотрящаго со стороны филистера, имѣла свою пресловутую „прелесть“. Въ дѣйствительности же этимъ рабочимъ приходилось сильно терпѣть отъ гоненій жестокой полиціи и бюрократіи, которыя обходились съ ними, какъ съ вреднымъ элементомъ, не взирая на то, что для благосостоянія общества эта категорія рабочихъ была гораздо важнѣе многихъ правительственныхъ аппаратовъ. Возня съ полученіемъ паспортовъ и дорожныхъ книжекъ была прямо невѣроятная. Стоитъ послушать, что передаютъ старики о происходившемъ въ свое время въ полицейскихъ участкахъ Вѣны и Берлина; сотни бѣдныхъ, усталыхъ и голодныхъ подмастерьевъ простаивали цѣлыми часами въ коридорахъ, трепетно ожидая того момента, когда они должны будутъ представить всемогущему полицейскому чину свою дорожную книжку, при чемъ приходилось быть готовымъ и къ тому, что полицейскій самодержецъ наградитъ тебя сначала здоровыми тумаками, а затѣмъ еще станетъ придираться за несоблюденіе всей массы бюрократическихъ формальностей и, чего добраго, оштрафуетъ. Такъ обстояло дѣло по всей Германіи, и ни одинъ „начальникъ“, ни одинъ старшій помощникъ младшаго писаря не упускалъ случая всласть потѣшиться надъ ремесленниками, подмастерьями *).

Межъ тѣмъ какъ въ самой Германіи рабочимъ трудно было достигнуть классового сознанія, они, странствуя по Швейцаріи, Франціи или Англіи, попадали въ совершенно другую атмосферу. Въ Швейцаріи они находили нѣмецкихъ эмигрантовъ, печатавшихъ тамъ революціонную литературу для контрабанднаго ввоза въ Германію. Въ Швейцаріи основано было много нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ, и большая заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Іоганну Филиппу Беккеру, который вынужденъ былъ оставить свою родину—Рейнскій Пфальцъ—вслѣдствіе преслѣдованій за участіе въ Гамбахскомъ торжествѣ. Если уже въ Швейцаріи у странствующаго нѣмецкаго рабочаго складывались иныя воззрѣнія, чѣмъ господствовавшія у него на родинѣ,—то во Франціи и въ Англіи его ожидали совершенно новые

---

*) Мы приведемъ только одинъ примѣръ изъ описанія очевидца Баварскихъ порядковъ въ 1839 году: Одного ландсгерихтъ-асессора въ 1839 году какъ-то проѣздомъ посѣтилъ его знакомый. Когда онъ вошелъ въ присутственный залъ, асессоръ воскликнулъ по адресу находившихся тамъ горожанъ и крестьянъ: „убирайтесь вы, подлецы, ко всѣмъ чертямъ! У меня нѣтъ сейчасъ для васъ времени, можете придти въ другой разъ!“ Одинъ подмастерье-ремесленникъ сталъ смиренно просить не отсылать его, не окончивъ дѣла, такъ какъ ему-де нѣсколько часовъ ходьбы сюда, да отъ мастера не очень легко получить отпускъ, а кромѣ того, и само дѣло, какъ извѣстно господину асессору, не терпитъ, молъ, отлагательства. Асессоръ позвонилъ слугу и отдалъ ему слѣдующее приказаніе: „Всыпь этому нахалу за его дерзость дюжину горячихъ“! Приказаніе, правда, осталось неисполненнымъ въ виду просьбъ пріѣхавшаго знакомаго, но господинъ асессоръ при этомъ комментировалъ свое приказаніе въ слѣдующихъ словахъ: „Эту сволочь можно только такимъ путемъ держать въ повиновеніи“.

порядки. Въ этихъ странахъ промышленность сдѣлала уже громадные успѣхи, и пролетаріатъ начиналъ чувствовать, что его сила въ классовой борьбѣ. Во Франціи среди рабочихъ живы были еще традиціи великой революціи съ ея могучимъ боевымъ кличемъ: „Свобода, равенство, братство!" Возстаніе ліонскихъ ткачей отъ 1831 и 1834 года съ ихъ паролемъ: „жить, работая, или умереть въ борьбѣ!" открыли всему міру глаза на созданную капиталистической эксплоатаціей пропасть нищеты и отчаянія. Въ Англіи въ концѣ тридцатыхъ годовъ появилось Чартистское движеніе, которое хотя и выставляло первымъ практическимъ требованіемъ всеобщее избирательное право, но носило вполнѣ соціалистическій характеръ. Чартисты совершили ту ошибку, что захотѣли вынудить всеобщее избирательное право посредствомъ всеобщей стачки („священнаго мѣсяца"); предпріятіе это неизбѣжно должно было потерпѣть неудачу и затормозило развитіе соціалистическаго движенія въ Англіи на долгое время *).

Такимъ образомъ, странствующіе нѣмецкіе рабочіе знакомились съ соціализмомъ и съ жадностью впитывали его идеи. Скоро соціалистическія воззрѣнія были перенесены и въ Германію, гдѣ они начали давать о себѣ знать. Союзный сеймъ насторожился. Во Франкфуртѣ тогда и безъ того уже были недовольны Швейцаріей въ виду неудавшагося Савойскаго похода 1834 года. Въ томъ же году подъ Берномъ состоялось собраніе нѣмецкихъ рабочихъ, на которомъ присутствовало около ста человѣкъ и участники котораго не очень стѣснялись въ выраженіи своего негодованія противъ союзнаго сейма. Союзный сеймъ сейчасъ запретилъ нѣмецкимъ рабочимъ странствованіе въ Швейцарію. Кромѣ того, въ Швейцаріи „работали" прусскіе шпіоны. Одинъ изъ этихъ молодцовъ былъ въ 1835 году найденъ подъ Цюрихомъ убитымъ. Нынѣшніе шпіоны также имѣютъ своихъ предшественниковъ.

Соціалистическія представленія нѣмецкихъ рабочихъ въ большинствѣ случаевъ носили чисто утопическій характеръ, ибо они складывались подъ вліяніемъ старыхъ французскихъ соціалистовъ. Мечтаній въ ту пору было не мало и—довольно-таки ребяческихъ мечтаній **).

---

*) Эта фраза можетъ подать поводъ къ мысли, будто всеобщая стачка, въ смыслѣ массовой политической забастовки, всегда осуждена на неудачу. Въ настоящее время серьезнѣйшіе представители рабочаго движенія отнюдь не понимаютъ этого (*Пр. ред.*).

**) Слѣдующій отрывокъ изъ затасканной пѣсни, которая особенно много распѣвалась въ Швейцаріи, даетъ представленіе о фантасмагорическихъ представленіяхъ многихъ ремесленниковъ-подмастерьевъ за границей. Вотъ онъ:

„Wenn die Fürsten fragen
Wo ist Absalon?
Könnt Ihr ihnen sagen:
Seht, er hänget schon!
Nicht an einem Baume,
Nicht an einem Strick
Sondern an dem Traume
Einer Republik!"

(Если князья спросятъ, гдѣ Авессаломъ!—вы можете имъ отвѣтить, что онъ повѣшенъ уже! Не на деревѣ и не на веревкѣ, а на мечтѣ о республикѣ!)

Государственные ночные сторожа во Франкфуртѣ на Майнѣ прида-

Изс[illegible] для уразумѣнія общественной структуры, [illegible] экономическія условія прошлаго и настоящаго, [illegible] процесса [illegible],—все это считалось [illegible] такъ называемыхъ перекрещенцевъ породила сказку о тысячелѣтнемъ царствѣ, такъ утопическій соціализмъ, пышнѣе всего процвѣтавшій во Франціи, изобрѣлъ воображаемый рай и вѣ[illegible] человѣчество. Эти новые пророки бывали по[illegible] грубое человѣчество не только отказывалось [illegible] самыми яркими и привлекательными красками рай, но еще выражало свою антипатію въ полицейскихъ пре[illegible] процессахъ. Среди нѣмецкихъ фантазеровъ тонъ задавалъ портной Вильгельмъ Вейтлингъ, очень одаренный и высокоидеальный человѣкъ, который, однако, не доработался до ясныхъ взглядовъ и терялся въ фантастическихъ мечтаніяхъ. Онъ въ свое время странствовалъ въ качествѣ наемнаго рабочаго и имѣлъ своихъ восторженныхъ, но, какъ это всегда бываетъ при сектантскихъ ученіяхъ, [illegible]. Онъ былъ въ Швейцаріи осужденъ въ [illegible] процессѣ и затѣмъ высланъ изъ Швейцаріи, при чемъ [illegible] его пугаломъ для миролюбиваго мѣщанства.

Буржуазія, кромѣ вышеприведенныхъ отговорокъ, ничего больше не [illegible] все болѣе выступавшаго на первый планъ соціальнаго вопроса, какъ основаніе въ 1844 году существующаго еще и [illegible] „[illegible] ферейна для блага рабочаго народа“. [illegible] своей поверхностностью и отсталостью, рекомендовалъ рабочимъ бережливость, вспомогательныя кассы и школы для продолженія образованія, т. е. попросту говоря— богатые и знатные господа и дамы, находившіеся въ этомъ ферейнѣ, искали въ рабочемъ вопросѣ разсѣянія отъ своей скуки.

Въ [illegible] пылкимъ фантазерамъ à la Вейтлингъ и недоумѣвающимъ буржуа, началъ, наконецъ, развиваться научный соціализмъ. [illegible] ласточкой его было произведеніе Фридриха Энгельса: „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“, которое впервые открыло [illegible] механику капитализма и индустріализма [illegible] всю антикультурность господствующей формы производства. Книга эта возбудила громадный интересъ и соціальный вопросъ съ этихъ поръ сталъ предметомъ усиленнаго изученія. Вскорѣ Энгельсъ [illegible] съ Карломъ Марксомъ, и оба они поставили себѣ великую задачу освободить нарождающееся рабочее движеніе отъ [illegible] утопій и пустыхъ расписываній государства будущаго. Они являются основателями современнаго научнаго соціализма *).

[illegible] политическое значеніе, и на ихъ головы поэтому сыпались злыя шутки въ родѣ той, что одинъ подмастерье на судѣ на вопросъ: чѣмъ занимаетесь? отвѣтилъ: „Я—истребленіемъ государей“. Можетъ быть, мудрые мужи съ [illegible]скаго проулка и этотъ отвѣтъ приняли въ серьезъ.

*) Фердинандъ Лассаль, который и самъ называлъ себя „ученикомъ“ Маркса, вполнѣ стоялъ на точкѣ зрѣнія Марксовыхъ взглядовъ. Его позднѣйшіе приверженцы остановились на производительныхъ товариществахъ съ государственной помощью, чему не мало содѣйствовала странная тактика Лассаля въ послѣдній періодъ его агитаціи.

Критическій умъ Маркса прежде всего обратился къ критикѣ остатковъ философскаго идеализма. Въ этомъ отношеніи Энгельсъ всегда былъ его неизмѣннымъ соратникомъ. Оба друга примкнули къ „Союзу коммунистовъ“, который существовалъ уже сравнительно долгое время. Будучи рѣшительными противниками заговорщической тактики, они постарались преобразовать союзъ въ общество пропаганды соціализма. Понятно, обществу все же приходилось оставаться тайнымъ, потому что, въ виду тогдашнихъ условій, открытая дѣятельность была невозможна. Союзъ коммунистовъ являлся первой попыткой международнаго объединенія рабочихъ; въ немъ были члены изъ Англіи, Германіи, Франціи, Бельгіи и Швейцаріи. Далѣе къ нему примкнули также поляки и венгры. По возможности устраивались и международныя собранія рабочихъ. Вліяніе этой организаціи весьма замѣтно отразилось на рабочемъ движеніи 1848 года.

Чтобы отгородить себя отъ представителей буржуазнаго соціализма, члены союза называли себя коммунистами. „Соціализмъ“ — говоритъ одинъ изъ членовъ союза — „въ 1848 году представлялъ буржуазное движеніе, коммунизмъ—движеніе рабочихъ“. И дѣйствительно, „соціализмомъ“ тогда называли всѣ мелко-буржуазные палліативы противъ общественныхъ бѣдствій, и даже буржуазные радикалы, которые могли предложить рабочимъ едва ли больше пресловутой „самопомощи“, въ духѣ Шульце-Делича, принимали имя соціалдемократовъ“.

Мало по малу въ Германіи выросла довольно значительная соціалистическая литература, а въ передовыхъ по промышленному развитію рейнскихъ провинціяхъ начало заявлять о себѣ и рабочее движеніе. Здѣсь дѣйствовалъ Моисей Гессъ, который много сдѣлалъ для распространенія соціалистическихъ идей. Въ своемъ періодическомъ изданіи „Gesellschaftspiegel“ (Зеркало общества), Гессъ показалъ капиталистическому обществу его отталкивающую наружность. Вообще главная заслуга изданія Гесса заключается въ изображеніи страданій нѣмецкаго пролетаріата. Широкое распространеніе среди рабочихъ нашли себѣ наиболѣе популярныя сочиненія Эрнста Дронке, Германна Пютмана и Отто Люнинга. Пютманъ и Георгъ Вертъ издавали также соціалистическіе романы и стихотворенія.

Но самымъ выдающимся произведеніемъ соціалистической литературы того времени былъ „Манифестъ коммунистической партіи“, который былъ написанъ Марксомъ и Энгельсомъ въ 1847 году и вышелъ въ свѣтъ незадолго до февральской революціи. На съѣздѣ союза коммунистовъ въ 1847 году Марксу и Энгельсу поручено было формулировать принципы коммунистической партіи. По вышеуказаннымъ основаніямъ они удержали названіе коммунистической партіи и дали въ своемъ „Манифестѣ“ ясное и сжатое изложеніе основныхъ началъ современнаго научнаго соціализма. Коммунистическій манифестъ былъ зарей новаго міровоззрѣнія, въ центрѣ котораго стоитъ свѣтлая цѣль освобожденія рабочаго класса. Эта работа безпощадно покончила со всѣми глупостями и слабостями утопическаго, мелко-буржуазнаго, феодальнаго и реакціоннаго соціализма. Мѣсто мечтаній о тысячелѣтнемъ царствѣ заняло ясное и опредѣленное требованіе и ясная цѣль: посредствомъ превращенія средствъ производства въ общественную собственность добиться полнаго освобожденія рабочаго класса изъ-подъ ига

капиталистическаго рабства. Въ то же время „Манифестъ“ положилъ начало новому пониманію исторіи, извѣстному подъ названіемъ матеріалистическаго пониманія исторіи, согласно которому вся міровая исторія есть только непрерывная цѣпь борьбы различныхъ классовъ. Вполнѣ справедливо указывалось на то, что эта историческая теорія имѣетъ для исторической науки такое же значеніе, какъ теорія Дарвина о происхожденіи видовъ — для современныхъ естественныхъ наукъ.

При появленіи своемъ Коммунистическій Манифестъ не былъ оцѣненъ по достоинству. Зато исторія оцѣнитъ это произведеніе по его высокому значенію.

Авторы Коммунистическаго Манифеста уже тогда апеллировали къ силѣ; это объясняется тѣмъ, что они уже чувствовали приближеніе революціонной бури. Они ясно понимали смыслъ совершающагося, и потому катастрофа не явилась для нихъ неожиданной. Они прекрасно знали, что въ предстоящей борьбѣ дѣло рѣшитъ сила оружія. Поэтому-то они и хотѣли, чтобы ихъ партія уяснила свои взгляды. Они впослѣдствіи поступили вполнѣ правильно, не сдѣлавъ никакихъ измѣненій въ текстѣ манифеста, несмотря на то, что измѣнившіяся условія потребовали измѣненія тактики соціалистическаго движенія; Коммунистическій Манифестъ является историческимъ документомъ.

Нищета промышленнаго пролетаріата сороковыхъ годовъ служила страшной по своей яркости иллюстраціей для соціалистическихъ теорій. Конечно, и ремесленникамъ-подмастерьямъ въ ту пору, какъ и теперь, приходилось довольствоваться ничтожной заработной платой, терпѣть грубое обращеніе и сносить всѣ вошедшія въ обычай полицейскія издѣвательства надъ ними. Но еще гораздо хуже было положеніе фабричныхъ рабочихъ въ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыхъ развитіе машинной техники начинало дѣлать излишнимъ цѣлую массу рабочихъ рукъ. Дѣло доходило прямо до катастрофъ, какъ это, напримѣръ, было, въ Англіи при введеніи ткацкаго станка. Особенно это имѣло мѣсто въ Силезіи.

Въ Силезіи ткацкій промыселъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій обезпечивалъ большой части населенія заработокъ, хотя и весьма убогій.

Силезскіе ткачи полотна искони бѣдствовали, и старинная сатирическая пѣсенка:

„Die Leineweber haben eine saubere Zunft,
Mit Fasten halten sie Zusammenkuft“ *),

пѣсенка, въ которой торжествующіе мастерки злорадно осмѣивали нищенствующихъ ткачей, несомнѣнно, имѣла свою соціальную подпочву. Въ двадцатыхъ годахъ въ Силезію хлынуло множество иностранныхъ предпринимателей, а съ ними явились и льнопрядильныя машины. Цѣны за ручное пряденіе, конечно, упали. Согласно разсчетамъ того времени, каждая фабрика съ одной тысячей прядильщиковъ отнимала кусокъ хлѣба у цѣлаго десятка тысячъ

*) „Славный цехъ у ткачей полотна,
Поститься имъ приходится не рѣдко“ и т. д.

ручныхъ прядильщиковъ. Къ этому еще прибавилось то обстоятельство, что сбытъ силезскихъ полотенъ за границей сталъ сильно уменьшаться, чему въ значительной степени содѣйствовала неумѣлая торговая политика. Англійская конкуренція сильно тѣснила. Господа фабриканты, которые во что бы то ни стало хотѣли сохранить возможность выдерживать конкуренцію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не уменьшать своихъ барышей,—безпрерывно уменьшали рабочую плату. Цѣны на полотно были понижены сразу процентовъ на 10—20, но рабочая плата—сразу на цѣлыхъ тридцать процентовъ. Ткачи и прядильщики, особенно ручные ткачи въ горныхъ округахъ, попали въ страшное, невыносимое положеніе, и Фрейлигратъ, изображая въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи „Rübezahl" бѣдность ткачей, съ того времени вошедшую въ поговорку, несомнѣнно, нисколько не сгущалъ красокъ. Прядильщики говаривали тогда, что они зарабатываютъ меньше, чѣмъ они тратятъ на керосинъ, сгорающій при работѣ. Ткачамъ горныхъ областей раньше приходилось на кускѣ полотна работать отъ пяти до шести недѣль по шестнадцати часовъ ежедневно, и за это они получали девять талеровъ; теперь же они получали уже всего-на-всего шесть талеровъ, изъ которыхъ полтора талера уплачивали за отдѣлку. Если у ткача былъ маленькій участокъ земли, величиной моргена въ два, если онъ имѣлъ возможность держать коровенку и если вся семья, включая и дѣтей, дѣятельно помогала ему въ хозяйствѣ,—доходы его могли достичь суммы въ шестьдесятъ талеровъ, т. е. 180 марокъ. И изъ этой суммы такому бѣдняку приходилось платить: государственнаго поземельнаго налога одинъ талеръ и 15 зильбергрошей, сословнаго налога—два талера, земельнаго оброка въ пользу помѣщика — три талера и пять зильбергрошей, „охотничью и прядильную деньгу"—пятнадцать зильбергрошей; взамѣнъ барщинныхъ работъ, если онъ не хотѣлъ или не могъ ихъ исполнять, онъ долженъ платить отъ двадцати зильбергрошей до талера, а общинныхъ налоговъ—одинъ талеръ и десять зильбергрошей; къ этому нужно еще прибавить деньги на школу да на страхованіе отъ огня.

Экзекуторъ былъ въ избушкахъ этихъ ткачей нерѣдкимъ гостемъ. Но еще хуже жилось тѣмъ ткачамъ и прядильщикамъ, которые ничего не имѣли и съ которыми ничего не могли подѣлать даже экзекуторы. „Въ мрачной, нездоровой каморкѣ — повѣствуетъ одинъ очевидецъ — нѣтъ ничего, кромѣ ткацкаго станка, полуразвалившейся кровати, прикрытой тряпьемъ, долженствующимъ изображать постель, плохого деревяннаго стола, скамьи да табурета. Каморка такъ тѣсна, что куча дѣтей роются въ ней, какъ червяки, и едва находится пространство для необходимыхъ движеній во время работы; стойла у какого-нибудь помѣщика по сравненію съ такими каморками прямо кажутся пышными чертогами".

Тѣ изъ ткачей, которые имѣли свою собственную хижинку, могли, за вычетомъ податей и процентовъ по ипотекѣ, довести свои годовые доходы максимумъ до 40 талеровъ (120 марокъ), такъ что нисколько поэтому не удивительно, если уже въ 1843 году среди ткачей наблюдались случаи голодной смерти въ буквальномъ смыслѣ слова.

Однако, тутъ же слѣдуетъ замѣтить, что ужасающая бѣдность деревенскаго населенія въ Силезіи имѣла еще и другія причины, кромѣ капиталистической эксплоатаціи въ текстильной промышленности.

Крупную роль въ этомъ отношеніи играли также силезскіе феодалы. Они сумѣли такъ ловко дѣйствовать при выкупныхъ операціяхъ, при выкупѣ отъ барщины и различныхъ повинностей, а также при новомъ распредѣленіи земли, что бѣднякамъ мелкохозяйнымъ крестьянамъ приходилось за этотъ „выкупъ“ платить громадныя суммы и что господамъ феодаламъ доставалась самая лучшая земля, межъ тѣмъ какъ на долю крестьянъ приходились жалкіе пустыри. Вильгельмъ Вольфъ, извѣстный подъ прозвищемъ „краснаго“ или „Вольфа казематовъ“, въ 1849 году разоблачилъ всѣ эти дѣянія благородныхъ силезскихъ рыцарей въ „Новой Рейнской Газетѣ“, въ рядѣ статей подъ заглавіемъ: „Силезскій милліардъ“. Крупные помѣщики сумѣли также освободить себя совершенно отъ всякихъ налоговъ; общинныхъ повинностей они не платили, а изъ оброковъ и барщинъ, уплачиваемыхъ ихъ крѣпостными крестьянами, равно какъ изъ судебныхъ пошлинъ, они сколачивали кругленькія суммы, ибо въ большинствѣ случаевъ они же были и судьями, и полицейскими чиновниками, и школьными, и церковными попечителями. Сословныхъ податей они—какъ бы велики ни были ихъ помѣстья—платили отъ четырехъ до двѣнадцати талеровъ, межъ тѣмъ какъ каждый ткачъ платилъ ежегодно два талера.

Правительство совершенно спокойно смотрѣло на то, какъ нищета все кругомъ подтачивала; благочестивые люди смотрѣли на эту нищету, какъ на ниспосланное Богомъ испытаніе, а господствующимъ классамъ и вовсе не было до этого никакого дѣла. И даже послѣ того, какъ господа предприниматели стали въ широкихъ размѣрахъ примѣнять „Trucksystem“ (систему расплаты товарами) и выдавать ткачамъ ихъ жалованье, вмѣсто наличныхъ денегъ, товарами, иногда совершенно негодными и всегда по самымъ высокимъ цѣнамъ,—ихъ все же оставляли въ покоѣ. Безпредѣльная нищета должна была привести къ взрыву отчаянія, и этотъ взрывъ дѣйствительно произошелъ, когда отдѣльные предприниматели и выскочки стали въ особенно мерзкихъ формахъ проявлять свое высокомѣріе. Въ крупныхъ деревняхъ, Петерсвальдау и Лангенбилау, сплошь заселенныхъ ткачами, нужда достигла самыхъ крайнихъ размѣровъ: тамъ одинъ предприниматель, когда ему стали указывать на ужасающую нищету ткачей, отвѣтилъ: „Дѣло еще дойдетъ до того, что они станутъ срабатывать кусокъ полотна за кринку творога“. Другой крупный капиталистъ, какъ говорятъ, насмѣшливо посовѣтовалъ ткачамъ, если заработковъ не хватаетъ на хлѣбъ, кормиться травой, которая, дескать, выросла во вполнѣ достаточномъ количествѣ. А третьему, которому кто-то совѣтовалъ создать, по примѣру американцевъ, лучшія условія для своихъ рабочихъ, приписываютъ слѣдующій отвѣтъ: „Этого еще недоставало, чтобъ я сталъ заботиться о такой сволочи“.

Возможно, что, какъ это часто бываетъ, молва приписала заявленіямъ фабрикантовъ болѣе вызывающій характеръ, чѣмъ они имѣли на самомъ дѣлѣ, но ихъ было вполнѣ достаточно, чтобы довести до крайнихъ предѣловъ озлобленія изголодавшихся и впавшихъ въ отчаяніе ткачей. Въ то же время появился летучій листокъ, подъ заглавіемъ „Кровавый судъ въ Петерсвальдау“; въ листкѣ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ описывалась безпросвѣтная нищета ткачей, и ей противопо-

ставлялась непомѣрная роскошь богачей *). Эту пѣснь бѣдности рабочіе пропѣли подъ окнами одного изъ фабричныхъ королей въ Петерсвальдау и расклеили ее на фабрикѣ. Неумѣстное вмѣшательство полиціи, заарестовавшей одного изъ пѣвцовъ, придало этой самой по себѣ весьма невинной демонстраціи гораздо болѣе серьезный характеръ; возмущенные рабочіе бросились въ фабричныя зданія, разгромили машины, уничтожили книги, документы и т. д. То же самое повторилось въ Лангенбилау, гдѣ также безпощадно разрушены были ненавистныя машины. Эти эксцессы были, конечно, глупы и во всѣхъ отношеніяхъ безполезны, но въ такихъ случаяхъ слѣпой гнѣвъ доведенныхъ до крайности массъ всегда обрушивается на первый попавшійся предметъ ихъ ненависти. Отвѣтственность въ этомъ случаѣ вполнѣ и цѣликомъ падаетъ на жестокосердыхъ и надменныхъ крупныхъ капиталистовъ. Возбужденіе все росло, и правительство рѣшило вмѣшаться, приславши изъ Швейдница войска. Между рабочими и солдатами произошли упорныя стычки, было нѣсколько убитыхъ и много раненыхъ, но скоро солдаты получили подкрѣпленіе, и съ помощью пороха и свинца „порядокъ“ былъ возстановленъ. Вслѣдъ затѣмъ начались аресты, судебные процессы, и обвинительные приговоры; „благонамѣренные бюргеры“ наперерывъ поздравляли фабричныхъ королей съ избавленіемъ отъ революціонной гидры. Во время „усмиренія“ разыгрывались душу раздирающія сцены: одинъ, напримѣръ, солдатъ „усмиритель“ нашелъ среди убитыхъ своего родного брата. Не было также недостатка и въ курьезахъ: такъ, напримѣръ, одинъ изъ силезскихъ магнатовъ призывалъ ткачей вернуться къ миру и спокойствію во имя „любви къ исконнымъ господамъ“. Несчастнымъ ткачамъ пришлось во имя любви къ этимъ исконнымъ ихъ господамъ продолжать голодать; правительство, съ своей стороны, ничего не дѣлало, внѣшняя торговля была въ застоѣ.

Упомянутыя кровавыя стычки имѣли мѣсто въ 1844 году. 1846-ой годъ былъ годомъ голодовокъ и вздорожанія продуктовъ, и въ зиму съ 1847 на 1848 годъ въ несчастной Силезіи разразился голодный тифъ. Тогда только правительство, наконецъ, рѣшило оказать голодному населенію нѣкоторую помощь дешевымъ зерновымъ хлѣбомъ и общественными работами. Но, увы, было уже слишкомъ поздно; у населенія не было уже денегъ даже на покупку самаго дешеваго хлѣба, оно также было уже слишкомъ истощено голодомъ, чтобы имѣть возможность воспользоваться общественными работами. Неумолимая чума косила тысячи жизней и иногда не щадила даже богачей, которые, такимъ образомъ, жестоко платились за свое безучастное отношеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вымерла одна двѣнадцатая часть населенія и подачки правительства не могли закрыть зіяющей раны нищеты.

Въ прилежащихъ австрійскихъ провинціяхъ положеніе дѣлъ было не лучше, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже хуже, чѣмъ въ Силезіи. Въ Богеміи въ ту пору также существовала уже весьма развитая текстильная промышленность, а вслѣдствіе этого—и многочисленный пролетаріатъ, чахнущій въ страшной нищетѣ. Въ авст-

---

*) За перепечатку этого листка, если не ошибаемся, еще въ 1891 году одна силезская рабочая газета была притянута къ суду.

рійскихъ провинціяхъ очень много природныхъ богатствъ, но при деспотической системѣ правленія и полуфеодальномъ, полукапиталистическомъ классовомъ господствѣ, народу всегда приходилось коснѣть въ бѣдности и нищетѣ. Феодализмъ мѣшалъ развитію сельскаго хозяйства; барщина и десятина продолжали угнетать крестьянъ въ такой мѣрѣ, что въ Богеміи, особенно въ Исполинскихъ горахъ, имъ приходилось питаться почти однимъ только картофелемъ. Нелѣпая торговая политика ослабляла сбытъ продуктовъ промышленности за границу, а въ то же время отечественную промышленность старались искусственно раздуть. И тутъ въ томъ же 1844 году разыгрались тѣ же самыя событія, что въ Силезіи *). Нововведенныя машины уменьшили заработную плату, удлинили рабочій день и много тысячъ народа совершенно лишили хлѣба. Въ довершеніе всего этотъ же годъ принесъ съ собой полный неурожай. Доведенные до отчаянія, рабочіе, передъ лицомъ грознаго призрака голодной смерти, стали требовать устраненія машинъ. Но, разумѣется, фабриканты, ссылаясь на заграничную конкуренцію, въ этомъ ихъ требованіи наотрѣзъ имъ отказали. Понятно, что возвратъ къ старому способу производства былъ дѣйствительно невозможенъ, но, однако, необходимо отмѣтить то обстоятельство, что предприниматели, ссылаясь на заграничную конкуренцію, отвергли не одно это, а всѣ требованія рабочихъ точно такъ же, какъ они поступаютъ теперь при всякой попыткѣ улучшенія рабочаго законодательства и т. п. Въ округахъ Лейтверица и Праги рабочіе соединились, общими силами напали на фабрики и разрушили ненавистныя машины. Затѣмъ они „съ женами, дѣтьми и всѣмъ своимъ достояніемъ“ отправились въ Прагу, гдѣ они намѣревались просить помощи у эрцгерцога Стефана. Но пражскимъ бюргерствомъ при появленіи этой массы голодающихъ пролетаріевъ овладѣлъ паническій ужасъ, да къ тому же вѣдь массовыя депутаціи въ Австріи вообще были закономъ запрещены. Посему начальникъ пражской полиціи собралъ всѣ наличныя полицейскія и воинскія силы, двинулъ ихъ противъ рабочихъ и отдалъ приказъ стрѣлять по безоружной толпѣ, безъ малѣйшаго повода со стороны послѣдней. Рабочіе, несмотря на все свое безпредѣльное озлобленіе, вынуждены были отступить, при чемъ по дорогѣ тамъ и сямъ продолжали разрушать ненавистныя машины. Многіе изъ нихъ бѣжали въ Исполинскія горы, гдѣ скоро разразился голодный тифъ. Въ горахъ и на фабрикахъ рабочіе, преслѣдуемые бичомъ этой эпидеміи, умирали тысячами, и милостыня правительства совершенно не въ состояніи была облегчить этихъ безконечныхъ несчастій.

Межъ тѣмъ какъ богатые богемскіе аристократы и крупные предприниматели, какъ сыръ въ маслѣ, катались, межъ тѣмъ какъ пріѣзжавшіе на богемскія воды богачи не могли нахвалиться великолѣпными красотами этой страны, тысячамъ и десяткамъ тысячъ приходилось покидать эту восхитительную страну, гдѣ на ихъ долю доставались только смерть, голодъ и чума. Выходцы эти разсѣялись по

*) При описаніи ситуаціи въ Силезіи мы пользовались цѣлымъ рядомъ источниковъ; тутъ же мы пользуемся почти исключительно „Соціальной исторіей революціи въ Австріи“, написанной Віоландомъ, данныя котораго, насколько намъ извѣстно, никѣмъ опровергнуты не были.

всей монархіи и всюду составляли остальнымъ рабочимъ чувствитель-
ную конкуренцію. Въ виду того, что они продавали свою рабочую
силу необычайно дешево, рабочая плата всюду понизилась и рабочій
день увеличился до 14—16 часовъ. Когда затѣмъ наступилъ торговый
кризисъ и цѣлый рядъ фабрикъ остановили производство, тотчасъ ока-
зались выброшенными на улицу тысячи людей, совершенно лишенныхъ
куска хлѣба. Полиція относилась къ нимъ крайне жестоко, и имъ
строжайшимъ образомъ запрещено было объединяться въ союзы для
улучшенія своего положенія. Австрійская система правленія отдавала
господствующимъ классамъ всѣ предпочтенія за счетъ бѣдняковъ.

Въ виду всего этого во время экономическихъ кризисовъ 1845 и
1846 гг. въ Вѣнѣ собралось огромное количество пролетаріевъ, которые
частью совсѣмъ одичали, ибо безконечная нищета уже совершенно
исключала возможность вести хоть мало-мальски человѣческій образъ
жизни. Предмѣстья кишѣли несчастными, изголодавшимися людьми. И
само собой разумѣется, что среди этихъ бѣдняковъ нашлось много
такихъ, которыхъ нищета довела и до моральнаго упадка: появился
люмпенъ-пролетаріатъ, который сталъ принимать угрожающія раз-
мѣры. Ночью падшія женщины заполняли всѣ закоулки предмѣстій и
городскіе рвы и вмѣстѣ съ своими наперстниками появлялись также
мѣстами и въ самомъ городѣ. Полиція преслѣдовала этихъ людей
и трехсотъ сутенеровъ сдала въ солдаты. Но нищета увеличивалась, а
вмѣстѣ съ ней возрастали размѣры люмпенъ-пролетаріата, увеличи-
валась проституція съ своими сутенерами, учащалось ночное воровство
и грабежи. Земляныя работы при желѣзныхъ дорогахъ не могли устра-
нить переполненія города незанятыми рабочими руками. Немалое ко-
личество людей жили, какъ дикія животныя, въ канавахъ для спуска
нечистотъ, не имѣя почти никакого платья; они появлялись на свѣтъ
Божій только ночью для того, чтобы достать себѣ хоть немножко пи-
щи, при чемъ брали ее, гдѣ находили.

Учрежденный правительствомъ „домъ трудолюбія" такъ же мало
могъ помочь, какъ и благотворительность общинъ; рабочій домъ былъ
хуже всякой тюрьмы. Кое-что начала дѣлать и частная благотворитель-
ность, ибо и среди „благонамѣренныхъ бюргеровъ" все же оказались
люди, у которыхъ хватало прямоты додумываться до того, что проле-
таріи терпятъ лишенія, въ которыхъ они неповинны. Стали образо-
вываться ясли для дѣтей, союзы для поддержки и доставленія занятій
отпущеннымъ на волю преступникамъ, ферейны для помощи бѣднымъ
и т. п.; господамъ „благодѣтелямъ" открылось широкое поле, и они
взапуски старались щекотать свое мелкое самолюбіе. Основана была
также безплатная столовая, и, когда въ предмѣстьяхъ стали раздавать
супъ съ хлѣбомъ, желающихъ явилось тысячи. Голодные рабочіе при-
нимали эти крохи благотворительности—которыя облегчить ужасное
положеніе въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ, разумѣется,
не могли—съ внѣшней стороны съ большой благодарностью, но въ глу-
бинѣ души ихъ росло озлобленіе. То пренебреженіе, съ которымъ имъ
„милостиво" швыряли подачки, побудило въ нихъ первые проблески
классового самосознанія. Сущности капиталистическаго способа произ-
водства они еще не постигли, и поэтому ихъ чувство неопредѣленнаго
озлобленія направлялось главнымъ образомъ противъ государства, ко-

торое третировало ихъ, какъ рабовъ, противъ „хлѣбодателей“, которые такъ плохо оплачивали ихъ трудъ, противъ всего общества, которое не взирая на то, что оно существуетъ только плодами рукъ ихъ, третируетъ ихъ, какъ отбросы общества, противъ всего существующаго, ибо у нихъ возможности существовать не было. Рабочіе еще не понимали всей сложности экономическихъ отношеній и потому не могли поставить передъ собой ясныхъ, опредѣленныхъ цѣлей, какъ то сдѣлала большая часть рейнскихъ рабочихъ, которыхъ выдающіеся соціалисты распропагандировали и вовлекли въ движеніе.

Мы такъ подробно останавливались на этомъ положеніи вещей потому, что оно имѣло столь большое вліяніе на ходъ и исходъ движенія. Всю тяжесть баррикадной борьбы рабочіе вынесли на своихъ плечахъ; они вдохнули во все движеніе внутреннюю силу. Зато либеральное бюргерство, къ которому въ первый моментъ примкнула недостаточно сознательная часть рабочихъ, увидѣвъ свои завѣтныя цѣли достигнутыми, поспѣшило использовать завоеванную побѣду только въ своихъ интересахъ. Буржуазія тотчасъ вступила въ сдѣлку съ побѣжденными властями, чтобы вмѣстѣ стать на стражу „порядка“ и „собственности“. Попросту говоря, союзъ этотъ имѣлъ цѣлью превратить пролетаріатъ въ свою игрушку и украсть у него плоды побѣды. Буржуазія воспользовалась побѣдой только для того, чтобы упрочить свое классовое господство. Но, подавляя всюду пролетаріатъ, буржуазія тѣмъ самымъ какъ бы перерѣзывала нервъ самой революціи и усиливала реакціонные элементы настолько, что они, въ свою очередь, получили возможность лишить самоё буржуазію и либерализмъ плодовъ завоеванныхъ уступокъ. Господа буржуа вполнѣ заслужили этого наказанія за свой всегда лицемѣрный либерализмъ; они постоянно сначала пользуются рабочими, какъ пушечнымъ мясомъ, а затѣмъ съ помощью хитрости и жестокости одѣваютъ на нихъ старое ярмо.

Но, кромѣ промышленнаго и ремесленнаго пролетаріата, былъ еще одинъ общественный элементъ, который придавалъ движенію весны 1848 г. его всемірно-историческое значеніе. Мы говоримъ о крестьянскомъ населеніи. Крестьянинъ и въ ту эпоху былъ такимъ же, какъ и теперь. Но все сельское населеніе жило въ необычайно стѣснительныхъ, почти несносныхъ обстоятельствахъ. Когда изъ Франціи донеслась революціонная буря, нѣмецкіе крестьяне, которые въ массѣ своей со времени великой германской революціи 1525 года были неподвижны, вновь заговорили и заговорили весьма внушительнымъ языкомъ.

И это, конечно, было не спроста. Въ Германіи сохранилась еще порядочная доза стараго феодализма и юнкерства, а наслѣдники рыцарей грабежа и дневныхъ разбойниковъ въ достаточной мѣрѣ заботились о томъ, чтобъ съ крестьянъ попрежнему драли шкуру.

Послѣ громаднаго пораженія 1525 года юнкерство и попы использовали случай—наложить на потерпѣвшихъ пораженіе крестьянъ еще большія тяготы. Тѣ крохи унаслѣдованныхъ и скрѣпленныхъ документально правъ, которыя еще остались у крестьянъ, были у нихъ отъ-пяты, а господа ученые доктора римскаго права, навязавшіе новой Германіи изжитыя правовыя воззрѣнія стараго міра своей печатью скрѣпляли всякій актъ, посредствомъ котораго оброчный крестьянинъ низводился до степени крѣпостного, поденщика и батрака. Крестьянинъ

превращенъ былъ въ раба помѣщика; онъ долженъ былъ работать на него, выполнять всякія повинности во всякое время, когда это могло заблагоразсудиться помѣщику; часто онъ вынужденъ былъ покидать свой клочекъ поля, даже рискуя, что весь урожай пропадетъ. Кромѣ того, крупно-владѣльческое дворянство было свободно отъ податей, тогда какъ крестьянинъ долженъ былъ платить верховной власти налоги для того, чтобы дать ей возможность содержать на его счетъ свой придворный штатъ и вести войны. А при этомъ и помѣщикъ, съ своей стороны, дралъ съ крестьянина столько налоговъ и повинностей, сколько только можно было, и увеличивалъ свои требованія до несноснаго. Помѣщикъ присвоилъ себѣ функціи полиціи и суда и тѣмъ сталъ всесиленъ и всемогущъ. Крестьянинъ могъ жаловаться на своего помѣщика только ему же самому.

Если позднѣе правительства иногда и выступали съ кое-какими узаконеніями, направленными противъ дворянства, особенно противъ такъ называемаго Bauernlegen—системы деградированія крестьянина на ступень крѣпостного, чтобы затѣмъ присвоить себѣ его землю, то все это очень мало сокращало размахъ жестокой и всесильной касты, краутъ-юнкеровъ, и крестьянина 17 и 18 столѣтія продолжали грабить и обдирать самымъ немилосердымъ образомъ, низводя его на самую низшую ступень человѣческаго существованія въ этомъ культурномъ мірѣ. Если все это принять во вниманіе, становится понятнымъ, почему въ 18 столѣтіи тысячи крестьянскихъ сыновъ безъ всякаго сопротивленія дали своимъ князьямъ продать ихъ въ военную службу чужимъ властелинамъ. Вѣдь нигдѣ имъ не могло быть хуже, чѣмъ у себя на родинѣ.

Французская революція, вдребезги разбившая феодализмъ, сначала принесла только части нѣмецкихъ крестьянъ избавленіе отъ гнета землевладѣльцевъ. Всюду, гдѣ ступили ногой войска конвента—особенно на лѣвомъ берегу Рейнскаго побережья—германскій феодализмъ также исчезалъ на вѣчныя времена. Кодексъ Наполеона въ тѣхъ мѣстахъ Германіи, гдѣ онъ привился, упрочилъ равенство гражданскихъ правъ и въ качествѣ ограниченій правъ собственности допускалъ лишь сервитуты и выкупныя денежныя ренты. Попытки вновь оживить признакъ феодализма, по крайней мѣрѣ въ этихъ областяхъ, совершенно не удались. Послѣ іеньскаго пораженія въ Пруссіи, наконецъ, поняли, что для дальнѣйшаго сохраненія этого государства необходимо внутреннее возрожденіе его. Отсюда ведетъ начало та эра реформъ при Штейнѣ и Гарденбергѣ, въ теченіе которой король то и дѣло переметывался отъ реформъ, требуемыхъ интересами государства, къ претензіямъ, предъявляемымъ господами юнкерами. Реформы поэтому-то и остались половинчатыми. Въ 1807 году крѣпостничество, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, было уничтожено; новые порядки должны были начаться съ 1810 года. Но хотя Штейнъ и пишетъ: „Жилище мекленбургскаго дворянина, который вмѣсто того, чтобъ улучшать участь своихъ крестьянъ, закрѣпощаетъ ихъ, представляется лишь берлогой хищнаго звѣря, который опустошаетъ все вокругъ себя и окружаетъ себя могильной тишиной“, прусскому дворянству въ 1808—10 гг. тѣмъ не менѣе въ цѣломъ рядѣ случаевъ система „Bauernlegen“ была вновь разрѣшена. Въ 1811 году помѣщикамъ и

крестьянамъ было „предложено“ въ теченіе двухъ лѣтъ мирно столковаться объ уничтоженіи налоговъ и барщины. Если бы потребовалось, королевская комиссія должна была довести это дѣло до конца принудительнымъ путемъ. Предполагалось за „освобожденіе“ крестьянъ взять съ нихъ одну треть ихъ земли. Но это дворянству показалось недостаточно выгоднымъ, и оно старалось оттянуть дѣло. И это ему легко удалось, ибо въ это время разразилась война за освобожденіе князей, и прусскіе крестьяне, полные широкихъ надеждъ, сражались теперь противъ Наполеона совершенно иначе, чѣмъ семь лѣтъ тому назадъ. Послѣ упоенія побѣдой наступило горькое отрезвленіе, какъ для буржуазныхъ либераловъ, такъ и для нѣмецкихъ крестьянъ. Въ 1816 году выкупъ былъ ограниченъ, и, когда королевская комиссія, наконецъ, стала дѣйствовать, она дѣлала это чрезвычайно медленно. Въ 1821 году выкупъ допускался даже уже только для крупныхъ помѣстій, а для небольшихъ помѣстій барщина и всѣ остальныя повинности должны были остаться. Лишь въ 1845 году разрѣшенъ былъ выкупъ въ небольшихъ помѣстьяхъ Саксоніи и Силезіи. Какъ этотъ выкупъ производился, объ этомъ мы уже упоминали при описаніи страданій ткачей въ Силезіи, гдѣ текстильная промышленность заняла и крестьянскія рабочія руки. Выкупъ увеличивалъ обѣднѣніе крестьянъ; вообще же нельзя не замѣтить, что въ прусскомъ аграрномъ законодательствѣ красной нитью проходитъ стремленіе, поскольку только возможно, сохранить феодальное хозяйство.

Въ остальныхъ германскихъ государствахъ дѣло обстояло также, а въ нѣкоторыхъ — еще хуже. Правда, въ Австріи крѣпостное право было уничтожено еще въ 1781 и 1782 гг. Но эта реформа Іосифа II осталась на бумагѣ, ибо австрійское феодальное дворянство умѣло беречь свои „благопріобрѣтенныя права“. На плечахъ австрійскихъ крестьянъ тяготѣло прямо непосильное иго повинностей. Они обязаны были барщиной и налогомъ на наслѣдство, а при смертныхъ случаяхъ и при перемѣнѣ владѣльца имъ приходилось вносить особыя подати (т. н. Mortuarium и Laudemium). Они особенно были обременены разнаго рода „работами“, ручными и другими, при чемъ имъ едва оставалось немножко времени для ухода за своимъ клочкомъ земли. Крестьянамъ приходилось такъ же, какъ въ темныя времена средневѣковья, платить большую и малую десятину. Помѣщикъ велъ поземельныя книги, являлся высшей властью для деревни и пользовался исключительнымъ правомъ охотиться, а бѣдный крестьянинъ подъ угрозой суровыхъ наказаній долженъ былъ молча нести страшные убытки, причиняемые этимъ правомъ. При этомъ, конечно, и судебная власть находилась исключительно въ рукахъ помѣщика, а депозитная и сиротская кассы находились подъ его управленіемъ. Австрійскіе крестьяне были настолько забиты, что они безропотно терпѣли это страшное иго и въ 1848 году приняли очень малое участіе въ движеніи. Лишь въ Венгріи, въ виду возникшей тамъ раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, конституціонной государственной жизни, дѣло обстояло нѣсколько иначе. Когда въ венгерскомъ рейхстагѣ въ 1840 году перевѣсъ взяла національно-мадьярская оппозиція, она, несмотря на свой чисто дворянскій составъ, постановила, что крестьяне должны имѣть право распоряжаться своими продуктами, не платя при этомъ особыхъ

налоговъ. Венгерскіе дворяне старались такимъ путемъ найти въ деревенскомъ людѣ опору для своей оппозиціи дому Габсбурговъ.

✓ Въ Баденѣ крѣпостное право было уничтожено въ 1783 году, въ Баваріи—въ 1808 году, что было подтверждено конституціей 1817 года, въ Вюртембергѣ—въ 1717 году, въ Нассау—въ 1812 году, въ Гессенъ-Дармштадтѣ—въ 1820 году, въ Кобургъ-Готѣ—въ 1821 году, въ Кургессенѣ—въ 1831 году и въ Мекленбургѣ—въ 1820 году; въ Мекленбургѣ были уничтожены также всѣ „освященныя обычаемъ права владѣнія донынѣшнихъ подданыхъ“.

✓ Но такъ какъ дворянство съ необычайнымъ упорствомъ всюду сопротивлялось нерѣшительнымъ попыткамъ облегчить положеніе крестьянъ, то 1848 годъ засталъ крестьянъ обремененными еще весьма солидной ношей средневѣковыхъ повинностей. Всюду крестьяне терпѣли подъ гнетомъ помѣщичьихъ привилегій на право охоты, подъ гнетомъ патримоніальнаго судопроизводства и барщины. Особенно сильно было озлобленіе крестьянъ противъ надменныхъ дворянъ-охотниковъ; ненависть къ нимъ крестьяне всосали съ молокомъ матери. Оно и понятно: дворянство въ теченіе столѣтій употребляло крестьянъ, въ качествѣ гончихъ, и опустошало ихъ поля. Крестьянинъ долженъ былъ терпѣть величайшіе убытки, дабы „благородные“ дворяне имѣли возможность охотиться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Вюртембергѣ сторожа имѣли право застрѣлить на мѣстѣ всякаго покушающагося на дичь, т. е. и крестьянина, защищающагося отъ убытковъ. Сохранилась еще также кровавая десятина, т. е. налогъ на убойный скотъ. Въ Баваріи, кромѣ того, существовало право для помѣщиковъ накладывать арестъ на имущество крестьянъ за неисполненіе ими требованія помѣщика; далѣе тамъ существовалъ еще налогъ, именуемый Iudenschutzgeld (т. е. налогъ, взимаемый съ евреевъ за ихъ защиту) да еще т. н. Vogteihafer (овесъ для судей) *). Въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи крестьянамъ приходилось даже платить еще налогъ, смѣнившій собою знаменитое „право первой ночи“ **). Въ нѣкоторыхъ областяхъ крестьяне десятками лѣтъ вели тяжбу съ помѣщиками, и, если имъ уже иногда удавалось довести дѣло до обыкновеннаго суда, они, понятно, всегда проигрывали.

Въ Нассау и во Франконіи, гдѣ нищета сельскаго населенія подъ гнетомъ со стороны помѣщиковъ достигли высшей ступени, господствовало сильное озлобленіе; то же самое — и въ Тюрингенскомъ лѣсу, въ Баденѣ и Гессенѣ. Въ Ганноверѣ существовало сравнительно зажиточное крестьянское сословіе, которое заботилось только о своемъ полѣ и скотѣ. Въ Тиролѣ и въ Баваріи крестьяне, какъ еще и въ наши

---

*) Въ Детмольдѣ, напр., Iudenschutzgeld составлялъ въ началѣ 1848 года еще 35 луидоровъ въ годъ.

**) Часто отрицаютъ доказуемость дѣйствительнаго существованія когда бы то ни было „права первой ночи“, которое впослѣдствіи приняло форму денежнаго налога—подъ названіемъ Bunzengroschen, Schürzenzins, Hemdenschilling—и часто стараются доказать, что трактуемая повинность существовала только, какъ денежный брачный налогъ. Но уже тотъ фактъ, что крестьянъ долгое время—особенно въ теченіе крестьянской войны—преимущественно и съ особой любовью всегда называли „незаконнорожденными“ (Hurensähne) даетъ право заключить, что „право первой ночи“ не простой вымыселъ.

дни, шли на помочахъ у поповъ и дѣлали только то, что имъ рекомендовали дѣлать совѣтчики изъ духовныхъ.

Когда изъ Франціи донесся живительный революціонный вѣтеръ во всѣ закоулки Германіи, сельское населеніе, которое въ большинствѣ случаевъ молча и долготерпѣливо покорялось судьбѣ въ ожиданіи дня избавленія, во многихъ мѣстахъ пришло въ возбужденное состояніе. То обстоятельство, что крестьяне заволновались, пугало правящіе классы больше, чѣмъ волненіе въ городахъ. Они поэтому поспѣшили возможно скорѣе удовлетворить крестьянъ, и, такимъ образомъ, эти послѣдніе въ значительной степени освободились отъ давившихъ ихъ феодальныхъ тяготъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне дѣйствовали весьма рѣшительно и безцеремонно, такъ что можно было предположить, что они вспомнили о своихъ предкахъ, разрушавшихъ болѣе, чѣмъ триста лѣтъ назадъ дворцы надменныхъ феодаловъ *). Но какъ только требованія крестьянъ были исполнены, они, какъ мы увидимъ ниже, тотчасъ превратились въ опору наполеоновской военной диктатуры.

Теперь читателю ясно, что въ Германіи были въ наличности цѣлый рядъ потенціальныхъ и въ значительной степени и активныхъ силъ, которыя должны были привести къ перевороту, если только былъ толчокъ къ этому. Нѣмецкое либеральное бюргерство, которое впослѣдствіи приписало себѣ руководящую роль въ движеніи, разумѣется, ожидало этого толчка не въ той формѣ, какимъ онъ въ дѣйствительности оказался, а ждала улучшенія общаго положенія вещей отъ различныхъ мелкихъ случайностей, въ родѣ перемѣны состава правительства и т. п. Карлъ Марксъ былъ архи-правъ, когда онъ въ 1843 году писалъ: „Да, старый міръ принадлежитъ филистеру!“ Германскіе филистеры стараго міра полагали, что все должно идти своимъ филистерскимъ путемъ. Но тутъ вдругъ пронеслось землетрясеніе; старый міръ филистеровъ получилъ непоправимую брешь и черезъ эту брешь народъ однимъ глазкомъ взглянулъ въ новый міръ, который, конечно, скоро опять изчезъ съ горизонта, но который все же показалъ хоть издали очертанія лучшаго будущаго.

---

*) Воспоминанія о великой крестьянской войнѣ не такъ ужъ безслѣдно исчезли, какъ это часто думаютъ. Въ Франкенгаузенѣ, напр., всѣ еще знаютъ то мѣсто, гдѣ стоялъ военный обозъ Томаса Мюнцера; въ Ротенбургѣ на Тауберѣ т. н. „крестьянскій ровъ“ еще теперь показываетъ, гдѣ расположено было крестьянское войско; въ Граммацскомъ лѣсу, гдѣ предательски убитъ былъ Флоріанъ Гейеръ, еще и теперь, согласно сказанію, еженочно появляется тоскующая невѣста его въ бѣломъ платьѣ; то мѣсто при Некаргартахѣ, гдѣ на медленномъ огнѣ сожженъ былъ Жеклейнъ Рорбахъ, еще теперь носитъ названіе „Bratspiess“; памятникъ, поставленный Чаудѣ указываетъ то мѣсто, гдѣ совершались казни во время крестьянской войны. Въ лѣсу при Кенигсгофенѣ на Тауберѣ въ теченіе болѣе, чѣмъ ста лѣтъ, показывались черепа и кости крестьянъ, убитыхъ въ великомъ бою, а народныя традиціи о нихъ дожили и до нашихъ дней. Въ особенности многочисленныя развалины господскихъ дворцовъ, изъ камней которыхъ крестьяне впослѣдствіи такъ часто строили церкви и др. зданія, были и еще теперь являются нѣмыми свидѣтелями тоймогучей борьбы.

Наканунѣ взрыва.

Въ общемъ во второй половинѣ сороковыхъ годовъ къ Германіи уже не подходило саркастически произнесенное Гейне въ 1836 году устами своего Тангейзера:

„Und als ich auf dem St. Gotthard stand,
Da hörte ich Deutschland schnarchen;
Es schlief da unten in sanfter Hut
Von sechsunddreissig Monarchen“ *).

Германія не была уже такъ сонлива. Описанное выше несчастное положеніе вещей, голодный 1846 годъ, нищета ткачей, тяжесть крестьянскихъ повинностей, гнетъ налоговъ, суровость юстиціи **), высокомѣріе бюрократіи,—все это вызвало броженіе, хотя оно и проявилось въ единичныхъ и незначительныхъ вспышкахъ. Такъ называемый добрый гражданинъ считалъ признакомъ хорошаго тона то, что онъ не водилъ компаніи съ бѣднымъ ремесленникомъ, подмастерьемъ, рабочимъ и вообще съ народною „чернью“; но когда эта „чернь“ начинала

---

*) „Когда я стоялъ на С. Готтардѣ,
Я слышалъ храпъ Германіи;
Она спала тамъ внизу въ сладкомъ покоѣ
Подъ охраною тридцати шести монарховъ“.

**) Юстиція вполнѣ заслужила того, чтобы ей посвящена была особая глава, но это повело бы насъ слишкомъ далеко. Политическія преслѣдованія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ достаточно характеризуютъ тогдашнюю германскую юстицію; тѣмъ не менѣе можно для болѣе полной характеристики привести нѣсколько фактовъ изъ другой области. Въ 1845 году одинъ профессоръ въ Гёттенгенѣ читалъ лекцію о тѣлесномъ наказаніи, между прочимъ онъ сказалъ: „я не хочу прямо совѣтовать прибѣгать къ тѣлесному наказанію, но я нахожу, что это все-таки иногда прекрасное средство, при помощи котораго можно раскрыть истину“. Въ Кетенѣ въ томъ же 1845 году старикъ 61-го года былъ приговоренъ къ тридцати восьми годамъ восьми мѣсяцамъ каторжныхъ работъ за то, что онъ нарѣзалъ ивовыхъ прутьевъ на 13 грошей и 9 пфенниговъ; въ Вюртембергѣ одна женщина, укравшая на 5 крейцеровъ яблокъ, правда рецидивистка, была приговорена къ заключенію на три года и четыре мѣсяца въ рабочій домъ. Эти незначительные случаи лучше, чѣмъ крупные политическіе процессы, и лучше, чѣмъ приговоры Аугсбургскаго „кроваваго сената“, рисуютъ характеръ домартовской юстиціи.

на дѣлѣ проявлять свое возмущеніе противъ полицейскихъ мелочныхъ преслѣдованій, противъ закрытія городскихъ воротъ, противъ запрещенія курить, противъ акцизовъ и опредѣленной таксы хлѣбныхъ цѣнъ, противъ вмѣшательства полиціи во всѣ мелочи ихъ жизни, противъ ночныхъ сторожей и полицейскихъ служителей, добрый гражданинъ смотрѣлъ на все это съ снисходительной улыбкой, осторожно и пренебрежительно заявлялъ, что эти люди не настолько ужъ неправы. Но если проявленія возмущенія по понятію „добрыхъ гражданъ“ заходили слишкомъ далеко, тогда „добрые граждане“, не медля ни минуты, готовы были содѣйствовать возстановленію „порядка“. Не взирая на это, буржуазный либерализмъ сильно раздражала цензура, которая съ одинаковою грубостью подавляла всякія конституціонныя проявленія въ прессѣ и зажимала рты самымъ краснорѣчивымъ вожакамъ либерализма. Съ жадностью поглощались буржуазіей всѣ памфлеты, приходившіе изъ Швейцаріи контрабанднымъ путемъ, въ которыхъ радикальные вожди буржуазіи въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ обрушивались на нѣмецкихъ монарховъ, духовенство, аристократію и бюрократію. Въ особенности выдѣлялся тогда Карлъ Гейнценъ своими листками революціоннаго содержанія. Онъ думалъ, что ими онъ въ состояніи будетъ перевернуть весь міръ.

Народную же массу, наоборотъ, менѣе всего занимали духовные интересы; она была измучена нуждою и лишеніями. Уже 1846 годъ былъ голоднымъ годомъ, а въ 1847 году дороговизна всѣхъ продуктовъ первой необходимости была положительно невыносима для народной массы. Такія несчастія, какъ неурожай, торговые кризисы, застой въ производствѣ и жалкая заработная плата разомъ обрушились на голову народа. Само собою разумѣется, что дороговизна продуктовъ была наиболѣе чувствительна въ городахъ. Въ этомъ году, какъ и въ 1844 и 1845 годахъ произошелъ цѣлый рядъ безпорядковъ, причина которыхъ заключалась только въ томъ, что народъ не зналъ, чѣмъ ему жить. Всѣмъ извѣстно, что голодный желудокъ—самый ярый революціонеръ; хотя онъ и вызывалъ безпорядки, но характеръ этихъ безпорядковъ былъ самый невинный, а самая сильная ненависть была направлена главнымъ образомъ противъ тѣхъ лицъ, которыя старались, пользуясь народною нуждою, возможно сильнѣе эксплоатировать его и увеличить свои богатства. Берлинская „картофельная война“ въ апрѣлѣ 1847 года типична для подобнаго рода волненій и уличныхъ безпорядковъ. Жизненные продукты достигли тогда въ Берлинѣ неслыханной цѣны, что въ очень значительной степени являлось слѣдствіемъ жадной спекуляціи крестьянъ и торговцевъ. Жены рабочихъ въ отчаяніи возвращались съ базара домой съ пустыми руками, такъ какъ даже картофель сталъ для нихъ недоступною роскошью,—цѣна его достигла до шести зильбергрошей за мѣру, а то и еще выше. Такъ какъ крестьяне и разносчики еще позволяли себѣ въ грубыхъ и ироническихъ выраженіяхъ насмѣхаться надъ бѣдными покупательницами, то толпа женщинъ въ Ораніенбургскихъ воротахъ набросилась на одного изъ разносчиковъ и хорошенько его избила. Толпа мужчинъ и женщинъ изъ Розентальскаго предмѣстья, изъ такъ называемаго „Фогтланда“, расправилась тѣмъ же народнымъ судомъ съ торговцами остальныхъ рынковъ. Полиція не вмѣшивалась; но на третій день гнѣвъ народа обрушился

противъ такъ называемыхъ „матеріалистовъ", т. е. противъ торговцевъ овощами, колоніальными товарами, а также противъ мясниковъ и булочниковъ, которые также виновны были въ ростовщическихъ спекуляціяхъ. Отдѣльныя толпы людей нападали на магазины и забирали съѣстные припасы; если лавочники бывали грубы, лавки подвергались разгрому, а стекла разбивались вдребезги; иногда лавочникъ еще подвергался побоямъ. У булочниковъ взвѣшивался хлѣбъ; если оказывалось, что хлѣбъ цѣною въ пять грошей вѣсилъ больше трехъ фунтовъ, булочнику пожимали руку, въ честь его кричали виватъ, а на дверяхъ его лавки подписывалось, что хлѣбъ здѣсь имѣетъ хорошій правильный вѣсъ. Затѣмъ толпа удалялась изъ этой лавки. Если же оказывалось, что хлѣбъ не достигаетъ положеннаго вѣса, тогда булочника постигала та же судьба, что и всѣхъ спекулянтовъ. Безпорядки эти продолжались четыре дня; затѣмъ вмѣшались власти, военные патрули разъѣзжали по улицамъ и шашками, ударами плашмя, разгоняли толпу. Было арестовано до трехсотъ человѣкъ, среди нихъ семнадцать женщинъ; приблизительно сто человѣкъ были осуждены и только 20-го марта 1848 года выпущены изъ тюрьмы. Городское управленіе и частныя благотворительныя общества начали принимать нѣкоторыя мѣры и немного ослабили крайнюю нужду. Такимъ образомъ, стало пока спокойно въ Берлинѣ.

И въ окрестностяхъ Берлина нужда была не меньше, главнымъ образомъ страдали ткачи бумажныхъ издѣлій въ Нававесѣ, гдѣ организована была довольно плохая столовая для нуждающихся. Но хуже всего обстояли дѣла въ Силезіи, гдѣ нищета все возрастала. Берлинскія газеты того времени переполнены были ужасающими описаніями опустошеній, произведенныхъ чумою и голодомъ въ Силезіи. Постоянно призывали оттуда къ частной благотворительности, но она была и осталась недостаточной. И въ Австріи, не взирая на обычную забитость населенія, вспыхнули безпорядки. Въ Штиріи даже сельское населеніе выступило сплоченною толпою человѣкъ 4.000; ихъ удалось разсѣять только при помощи полиціи. Движеніе распространилось до окрестностей Зальцбурга; вызвано было оно повидимому тѣмъ, что начали взыскивать старыя повинности.

Такія или подобныя вспышки коснулись почти всей Германіи; здѣсь волновались сидящіе безъ хлѣба, голодные рабочіе, тамъ угнетенные и эксплоатируемые крестьяне. Но и политическая атмосфера измѣнилась въ 1847 г. Междуусобная швейцарская война повсюду произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Послѣ неудачныхъ походовъ добровольцевъ въ 1845 году, либеральные и демократическіе кантоны Швейцаріи въ 1847 г. наконецъ, объявили войну клерикальнымъ кантонамъ, которые составили отдѣльный союзъ кантоновъ (Зондербундъ). Всѣмъ было прекрасно извѣстно, что монархическая Европа желаетъ побѣды іезуитскаго „Зондербунда". Когда же власть іезуитовъ была сломлена вооруженной силой, радостное чувство овладѣло всѣми народами и повсюду торжествовали побѣду Швейцарской республики, въ то время какъ министерскіе кабинеты смотрѣли на все это очень косо.

Итальянское объединительное движеніе также произвело сильное, хотя и обратное, вліяніе на Германію, хотя „либеральный папа" Пій IX при этомъ игралъ только комедію. На югѣ Германія было больше

политической жизни, чѣмъ на сѣверѣ, потому что конституціонализмъ въ нѣкоторыхъ южно-германскихъ штатахъ замѣтно упрочился. Наиболѣе оживленно проходили дѣла въ Баденѣ, въ палатѣ котораго образовалась сильная оппозиція. Вождей и ораторовъ этой партіи оппозиціи, Итцштейна, Гекера, Велькера и другихъ поднимали на щитъ во всей Германіи. Всѣмъ было ясно, что преувеличивали значеніе этой парламентской оппозиціи, но она была своего рода новинкою, а потому и имѣла громадное значеніе. Многіе радикальные либеральные политики выступали до невѣроятности рѣзко и наиболѣе рѣзко выступали тѣ, которые впослѣдствіи стали умѣренными или даже реакціонерами. Они временами принимали даже республиканскій оттѣнокъ. Надворный совѣтникъ Велькеръ, который впослѣдствіи сталъ приверженцемъ „наслѣдственной монархіи", воскликнулъ однажды съ пафосомъ, говоря о князьяхъ: „Они должны оставить свои троны немедленно, сейчасъ же", въ то время какъ Матти бывшій эмигрантъ, ставшій впослѣдствіи баденскимъ министромъ, отклонилъ предложеніе о нѣмецкомъ парламентѣ изъ боязни, что парламентъ будетъ препятствовать введенію республиканскаго строя въ Германіи *).

Баденская парламентская оппозиція противъ сторонниковъ министерства, названныхъ „парламентскими зайцами", оставалась въ меньшинствѣ; но они внѣ парламента опирались на сильное народное движеніе въ странѣ, въ которомъ рука объ руку шли либеральные и демократическіе элементы. Въ это же самое время Густавъ Струве велъ въ Мангеймѣ борьбу съ цензурой, которая окончилась полнымъ моральнымъ пораженіемъ этого несчастнаго учрежденія и имѣла громадное значеніе для всей Германіи.

Фридрихъ Геккеръ и Густавъ Струве, оба рѣшительные республиканцы, стали самыми вліятельными политическими дѣятелями въ Баденѣ. Геккеръ обладалъ необыкновеннымъ даромъ слова; Струве, начавшій было дѣлать дипломатическую карьеру, вскорѣ оставилъ ее и дѣйствовалъ теперь главнымъ образомъ, какъ журналистъ. Они въ союзѣ съ многочисленными единомышленниками созвали на 12 сентября 1847 года въ Оффенбургѣ народное собраніе. На этомъ собраніи были формулированы слѣдующіе пункты „требованій народа".

„Отмѣна карлсбадскихъ, франкфуртскихъ и вѣнскихъ постановленій; свобода печати, свобода совѣсти и обученія; присяга войска въ вѣрности конституціи и защита свободы личности противъ полиціи; національное представительство въ Германскомъ Союзѣ; народная организація обороны страны; справедливая система налоговъ; общедоступность обученія; суды присяжныхъ: демократическое управленіе государствомъ; урегулированіе ненормальныхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ и уничтоженіе всякихъ привилегій".

Требованія буржуазной демократіи и либерализма были впервые изложены въ сжатой и рѣшительной формѣ. Хотя соціальный вопросъ былъ затронутъ лишь слегка, а можетъ именно потому,—Оффенбургскія постановленія произвели сильное впечатлѣніе не только въ Германіи, но и за границей. Они на самомъ дѣлѣ указывали на громадный про-

*) Оба эти факта переданы Др. В. Циммерманомъ, членомъ Франкфуртскаго парламента, въ своемъ продолженіи исторіи германцевъ, написанной Виртомъ.

трессъ по сравненіи съ существующимъ строемъ Германіи. Но баденское правительство не обратило никакого вниманія на требованія, а приняло лишь мѣры къ тому, чтобы возбудить противъ инціаторовъ собранія преслѣдованіе по обвиненію ихъ въ государственномъ преступленіи.

Австрійское правительство попыталось задержать развитіе мощной политической жизни Венгріи при помощи суровыхъ бюрократическихъ мѣръ. Но мадьяры не дали себя запугать и крѣпко держались своихъ конституціонныхъ завоеваній. При выборахъ въ венгерскій рейхстагъ дому Габсбурговъ были нанесены сильныя пораженія и Людвигъ Кошутъ, самый опасный врагъ этой династіи, былъ въ Пештѣ демонстративно выбранъ. Кошутъ и его единомышленники, члены демократически-конституціонной партіи съ страстностью и пыломъ, свойственнымъ венгерцамъ, вели въ парламентѣ борьбу противъ габсбургскаго деспотизма; они были достаточно дальновидны, чтобы привлечь на свою сторону и крестьянъ; для этой цѣли они провели постановленіе, согласно которому землевладѣлецъ долженъ подчиниться требованію крестьянъ, если они потребуютъ выкупа феодальныхъ повинностей. Дѣла, происходившія въ венгерскомъ рейхстагѣ, не могли не произвести глубокаго впечатлѣнія на всю Германію.

Настроеніе въ Германіи было очень напряженное. У всѣхъ было какое-то смутное предчувствіе неотвратимо надвигающихся событій; всѣ жили въ какой-то душной атмосферѣ, какъ передъ грозой. Союзный Сеймъ съ тревогой слѣдилъ за каждымъ движеніемъ оппозиціи. Онъ уже обсуждалъ вопросъ объ „энергичныхъ дѣйствіяхъ“ противъ Швейцаріи, ибо она превратилась въ страну революціонно-пропагандистской дѣятельности, что грозитъ нарушенію мира и спокойствія сосѣдняго государства; Союзный Сеймъ находилъ также, что Швейцарія и въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, что нарушаетъ, какъ формально, такъ и по существу гарантированный ей нейтралитетъ *). Какъ видно революціонныя сочиненія, распространяемыя въ Швейцаріи, изрядно-таки подѣйствовали на нервы почтенныхъ политическихъ ночныхъ сторожей Франкфурта на Майнѣ.

Какъ представляли себѣ въ придворныхъ и высшихъ сферахъ положеніе вещей наканунѣ 1848 года, лучше всего показываетъ тронная рѣчь, произнесенная вюртембергскимъ королемъ Вильгельмомъ при открытіи собранія сословій. Этотъ монархъ, введшій уже въ 1819 году конституцію и рѣшительный противникъ Пруссіи, заявилъ:

„Общеизвѣстныя происшествія въ Швейцаріи, вызванныя столкновеніемъ рѣзко противоположныхъ партій и разросшіяся до гражданской войны, должны были оказать гибельное вліяніе и на сосѣднія страны. Нѣмцы, преслѣдуемые закономъ, собираются въ ту страну, стараются войти въ союзъ съ своими земляками, а также затопить насъ сочиненіями революціоннаго содержанія. Они не останавливаются ни передъ какими средствами, какъ бы предосудительны они ни были, чтобы возбудить недовольствіе существующимъ строемъ. При этомъ положеніи вещей, которое одинаково опасно какъ для насъ, такъ и для

---

*) Заимствовано изъ „Korrespondent'a von und für Deutschland“, 23 января 1848 года.

нашихъ сосѣдей-союзниковъ, я съ полнымъ довѣріемъ обращаюсь къ моимъ вѣрнымъ сословіямъ, которыя, стоя во главѣ нашего народа, служатъ выразителемъ его мыслей и его настроенія. Я открыто излагаю вамъ, въ какомъ положеніи находятся теперь дѣла. Если воздѣйствіе извнѣ сдѣлается сильнѣе, то я, какъ нѣкогда противъ враговъ нашего отечества, выступлю теперь, послѣ почти 32-лѣтняго управленія, съ такимъ же непоколебимымъ мужествомъ, также рѣшительно и твердо противъ нарушителей нашего внутренняго покоя".

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ королевскихъ дворцахъ, такъ же, какъ и среди массъ, были свои „предчувствія".

„Вліяніе извнѣ" стало дѣйствительно сильнѣе, именно, настолько, какъ не ожидалъ никто ни въ дворцахъ, ни въ хижинахъ.

1848 годъ.

Неопредѣленныя ожиданія, съ которыми народы средней Европы вступали въ эру 1848 года, первоначально приняли осязательныя формы въ Италіи. Папа Пій IX и Карлъ Альбертъ, король Сардиніи, уже въ 1847 году сдѣлали различныя конституціонныя уступки, межъ тѣмъ какъ Фердинандъ II, король Сициліи, продолжалъ оставаться при старой системѣ угнетенія по рецепту Меттерниха. Пылкіе сицилійцы первые признали эту систему несносной, и уже 12 января 1848 года въ Палермо разразилось возстаніе, которое скоро охватило весь островъ. Возставшіе требовали введенія конституціи 1812 года, которую тогда вводила Англія, а также свободы печати, народнаго вооруженія и свободнаго самоуправленія. Центральная фигура среди государственныхъ дѣятелей Англіи, лордъ Пальмерстонъ, относился къ либеральному движенію въ Италіи весьма покровительственно. Фердинандъ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки, но эти уступки сицилійцевъ не удовлетворили, и Фердинандъ взялся за оружіе, намѣреваясь подавить либеральное движеніе грубой силой. Въ Сицилію отправлены были значительныя подкрѣпленія, а городъ Палермо подвергся страшной бомбардировкѣ, увѣковѣчившей Фердинанда историческимъ именемъ — „Король Бомба“. Но городъ Палермо не сдался, и 19 января всѣ европейскія державы, а также Сѣверная Америка, въ лицѣ своихъ представителей выразили единодушный протестъ противъ неслыханнаго варварства, учиненнаго надъ этимъ городомъ *). Сломить сицилійцевъ оказалось невозможнымъ, а 27 января въ Неаполѣ обнаружились признаки весьма сильнаго движенія; Фердинандъ вынужденъ былъ уступить; онъ пообѣщалъ ввести конституціонныя государственныя учрежденія и обнародовалъ основы новой конституціи. Но коварный Бурбонъ дѣлалъ все это съ задней мыслью при первомъ удобномъ случаѣ эскамотировать эти вынужденныя уступки и отомстить за свое пораженіе. Пока же новая конституція, которая впрочемъ не удовлетворила ни сицилійцевъ, ни неаполитанцевъ, 10 февраля 1848 года вступила въ силу.

---

*) 31 января 1848 года знаменитый Тьеръ во французской палатѣ депутатовъ квалифицировалъ сорокавосьми-часовую бомбардировку Палермо, какъ неслыханное варварство. Въ 1871 году, во время парижской коммуны, тотъ же самый господинъ Тьеръ учинилъ Парижу такую же варварскую бомбардировку, длившуюся цѣлыхъ четыре недѣли.

Успѣхъ народа въ Неаполѣ и Сициліи былъ, такимъ образомъ, лишь полупобѣдой, но онъ тѣмъ не менѣе оказалъ свое дѣйствіе во всей Италіи. Въ папской области, въ Сардиніи, въ Тосканѣ, даны были конституціи; въ австрійскихъ областяхъ, въ Ломбардіи и Венеціи, обнаружилось такое сильное броженіе, что всѣ предвидѣли страшнѣйшій взрывъ.

Межъ тѣмъ какъ итальянское возстаніе, которое направлено было также противъ іезуитизма, производило громадное впечатлѣніе на всю Европу,—въ Германіи произошелъ фактъ, являвшійся политическимъ плюсомъ для тѣхъ же самыхъ іезуитовъ. Возлюбленная Людвига I, Лола Монтецъ, послѣ низверженія господства іезуитовъ, вызвала къ жизни либеральное правительство, такъ называемое министерство Лолы. Члены этого министерства, придворные прихвостни и люди, лишенные всякой политической устойчивости, всецѣло покорялись всѣмъ капризамъ веселой и надменной танцовщицы, для которой самымъ большимъ удовольствіемъ было — поступать непрѣменно наперекоръ всѣмъ привычкамъ и обычаямъ мюнхенскихъ пивныхъ филистеровъ. Іезуиты, конечно, весьма ловко раздували существовавшее недовольство противъ самой метрессы и ея министерства, такъ что скоро возникло замѣтное броженіе; сама же Лола, съ своей стороны, тоже дѣлала все возможное, чтобы навлечь на себя еще большую ненависть мюнхенцевъ. Она охотно якшалась со студентами, съ которыми она вмѣстѣ предавалась мечтаніямъ и пирамъ. Корпорація „Алеманнія“ пользовалась ея особеннымъ расположеніемъ, и объ ея похожденіяхъ на студенческихъ выпивкахъ ходили весьма веселые анекдоты. Между „Алеманнами“ и остальнымъ студенчествомъ, присвоившимъ имъ вмѣсто „Алеманновъ“ имя „Лоламанновъ“, начались непрерывныя ссоры; дѣло доходило до крупныхъ дракъ, и Лола разсердившись заявила: „Я совсѣмъ велю закрыть университетъ; я вообще не хочу, чтобы тутъ существовалъ университетъ!“ И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней—9 февраля—появился королевскій указъ, подписанный также министерствомъ, въ силу котораго университетъ былъ закрытъ.

Это было уже слишкомъ и обозлило даже мюнхенскихъ пивныхъ патріотовъ, которыхъ, съ своей стороны, очень ловко обрабатывали потерпѣвшіе крушеніе іезуиты. До сихъ поръ эти патріоты, во все то время, пока Лола прожигала жизнь, а король воспѣвалъ ее въ стихахъ, щедро услащенныхъ причастіями, осмѣливались выражать свое недовольство только среди своихъ людей за кружкой пива. 10-го же февраля они собрались передъ ратушей и отправились къ королевскому дворцу, намѣреваясь во что-бы то ни стало добиться отмѣненія указа о закрытіи университета. Лола, повидимому, очень мало смыслила въ соціально-экономическихъ наукахъ, иначе она знала бы, что уменьшеніе или даже полное лишеніе доходовъ можетъ сдѣлать „революціонеромъ“ даже самаго ручного филистера. Мюнхенскіе бюргеры и мелкіе промышленники жили въ значительной степени доходами отъ студентовъ, а теперь имъ грозила потеря этого источника доходовъ. Это-то и объясняетъ ихъ внезапную рѣшимость. Сначала король не соглашался уступить, и студенты заявили, что уступятъ только вооруженной силѣ. Наконецъ, король пообѣщалъ къ пасхѣ вновь открыть университетъ.

Но ночью произошли стычки между студентами и жандармами,

и шумъ разнесся по всему городу. Бюргерство опять собралось къ ратушѣ, вмѣшались въ исторію и рейхсраты, настроеніе войскъ, руководимыхъ офицерами-ультрамонтанами и издавна привыкшихъ во всѣхъ пивныхъ конфликтахъ стоять на сторонѣ народа, было колеблющееся, и—волей-неволей пришлось пообѣщать открыть университетъ немедленно. Но на этомъ возбужденныя массы успокоиться не могли, онѣ бросились къ дому Лолы, и та самая танцовщица, которая такъ вызывающе попирала ногами всѣ традиціи „порядочнаго" бюргерства, должна была убѣдиться, что ея господству пришелъ конецъ. Только съ большимъ трудомъ и только благодаря тому, что туда явился самъ король лично, ей удалось спастись отъ раздраженной толпы, при чемъ короля осыпали отборной истинно-баварскою руганью. Лола отправилась въ Линдау, откуда установила сношенія съ королемъ и откуда даже часто пріѣзжала переодѣтой въ Мюнхенъ.

Эта революція пивныхъ филистеровъ, послѣдствія которой еще долго сказывались въ Баваріи и которая держала въ особенно возбужденномъ состояніи славныхъ мюнхенцевъ, была — что весьма характерно — единственнымъ, болѣе или менѣе крупнымъ политическимъ событіемъ въ жизни Германіи передъ крупнымъ переворотомъ во Франціи, ибо предложенію Бассермана въ Баденской палатѣ мы не можемъ приписать того громаднаго значенія, которое ему обычно приписываютъ. Бассерманъ, который къ этому времени успѣлъ уже сбить свои либеральные рога и теперь старался сблизиться съ баденскимъ правительствомъ, внесъ 12 февраля въ баденскую палату предложеніе о „національномъ представительствѣ въ Германскомъ союзѣ". Это предложеніе было не „подвигомъ" Бассермана, а только слабымъ отголоскомъ требованій народа въ Оффенбургѣ, заявленныхъ съ гораздо большей силой и рѣшимостью. Да и вообще говоря, чтобы заявить такое требованіе въ Оффенбургѣ, требовалось гораздо больше мужества, чѣмъ для того, чтобы внести такое предложеніе въ палату. Для конституціонной буржуазіи „германскій парламентъ" былъ, конечно, магическимъ словомъ, межъ тѣмъ какъ консервативные гробокопатели баденской палаты видѣли въ предложеніи Бассермана всѣ ужасы кровавой революціи. Предложеніе сдано было въ комиссію, откуда оно больше не появлялось на свѣтъ Божій, такъ какъ ходъ событій опередилъ его. Имя Бассермана, благодаря этому предложенію, совершенно незаслуженнымъ образомъ прославилось, и маннгеймскому аптекарю открылся широкій путь къ „государственной" карьерѣ; Бассерманъ переполнился маніей величія, приведшей его впослѣдствіи къ самоубійству.

Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе чего-то грознаго, неизвѣстнаго и ужаснаго. „Высшіе слои", „obere Zehntausend", смотрѣли въ будущее со страхомъ, мелкое мѣщанство—съ заботой, тѣ же, которымъ терять было нечего — отчасти съ надеждой и отчасти безразлично. Офиціальные и неофиціальные государственные ночные сторожа заговорили о „бунтовскомъ духѣ", о „подстрекателяхъ" и „подстрекаемыхъ", напоминали о „божественности" существующаго строя и убѣждали терпѣливо сносить тяготы земной юдоли, суля награду за это въ загробномъ мірѣ. Такіе голоса раздавались со всѣхъ концовъ.

Но тутъ возвысила голосъ всемірная исторія и неожиданно лишила всѣхъ ихъ слова. Какъ ужасный громовой ударъ пронеслась въ сгущенной атмосферѣ Германіи вѣсть о томъ, что король Луи Филиппъ въ Парижѣ низвергнутъ. Интересно привести тутъ сообщеніе объ этомъ событіи дословно, такъ какъ оно 26 февраля 1848 года въ 7 часовъ вечера стало извѣстно пораженной и крайне возбужденной нѣмецкой публикѣ изъ особаго листка „Кельнской Газеты". Листокъ гласилъ:

„Революція въ Парижѣ!
„Республика — провозглашена!

„Третьягоднишній день легко могъ стать роковымъ для милліоновъ людей. Бунтъ въ Парижѣ принялъ 24 февраля совершенно неожиданный оборотъ: разразилась революція. Ударъ направленъ противъ монархіи. Въ виду происшедшихъ событій, о которыхъ мы подробныхъ свѣдѣній еще пока не имѣемъ, всѣ предложенныя королемъ уступки были отклонены и затѣмъ провозглашена была республика!"—

Да, Луи Филиппъ—низвергнутъ, тотъ самый Луи Филиппъ, которому еще нѣсколько недѣль назадъ Фридрихъ Вильгельмъ IV писалъ: „Ваше Величество, Вы являетесь щитомъ всѣхъ европейскихъ монархій. Вы являетесь той рукой Провидѣнія, которая послана намъ, чтобъ спасти наше святое дѣло и возстановить потрясенныя старыя основы общества!"—

Надо сознаться, что не часто народу удавалось такъ основательно помять бока „щитамъ", какъ это случилось на этотъ разъ. Чаша народнаго терпѣнія въ теченіе іюльскаго королевства успѣла окончательно переполниться, и поэтому-то реформаторскіе банкеты могли стать той послѣдней каплей, которая привела все въ движеніе. Пресловутая „система" Луи Филиппа, представителями и поощрителями которой являлись два политическихъ шарлатана, господа Тьеръ и Гизо, покрыла Францію грязью неслыханной развращенности. Всемогущимъ и всепокоряющимъ институтомъ Франціи временъ „буржуазнаго королевства" была биржа; самъ король былъ первымъ спекулянтомъ на биржѣ и господа крупные капиталисты, конечно тоже не дремали, свято слѣдуя знаменитому лозунгу: „Enrichissez-vous!" *). Законодательство, находившееся въ рукахъ непопулярныхъ и въ большинствѣ своемъ продажныхъ органовъ, дѣлало все отъ него зависящее, чтобы обезпечить крупному капиталу его привилегіи. Общество раскололось на небольшую кучку счастливыхъ спекулянтовъ съ придворной знатью во главѣ, широкія массы мелкой буржуазіи, тяжко страдающей отъ этой экономической и финансовой политики, и еще болѣе широкія массы пролетаріата, скучившагося въ большихъ городахъ въ громадномъ числѣ, особенно въ Парижѣ. Въ то время какъ на одномъ полюсѣ маленькая кучка людей жила въ безумной роскоши, въ то время какъ на биржѣ устраивались настоящія оргіи,—на другомъ полюсѣ массовая бѣдность росла въ угрожающихъ размѣрахъ. Дурная сторона сороковыхъ годовъ дала себя чувствовать и во Франціи. Насилія и плутни правительства, его жестокости и на ряду съ этимъ его плохая

*) Обогащайтесь!

внѣшняя политика, которая вовсе не считалась съ легко возбудимой національной гордостью французовъ,—все это довело возмущеніе противъ господствующей системы до крайнихъ предѣловъ. Французы поняли, что буржуазія обманула ихъ, подавъ имъ устами „простофили“ Лафайета совѣтъ сдѣлать Луи Филиппа своимъ королемъ и тѣмъ осуществить „наилучшую изъ республикъ“. Традиціи великой революціи вновь возродились и дѣятельно распространялись съ помощью тайныхъ республиканскихъ и соціалистическихъ обществъ. Рабочіе массами стекались подъ знамя соціализма, который, хотя онъ еще и носилъ сектантскій характеръ и еще не выяснялъ съ полной опредѣленностью своихъ цѣлей, тѣмъ не менѣе будилъ классовое самосознаніе рабочихъ.

Буржуазный либерализмъ ограничивалъ свою борьбу парламентскимъ поприщемъ и надѣялся одной только избирательной реформой оздоровить въ конецъ подточенный язвой продажности государственный организмъ. Въ виду этого устроенъ былъ рядъ такъ называемыхъ реформаторскихъ банкетовъ, на которыхъ много и вкусно ѣли и произносились тосты въ пользу избирательной реформы. Само собой разумѣется, что, несмотря на всю невинность этой агитаціи, правительство сдѣлало все зависящее, чтобъ по возможности затруднить ее. Въ палатѣ, когда на очередь сталъ вопросъ объ избирательной реформѣ и реформаторскихъ банкетахъ, правительственное большинство взяло верхъ надъ либеральной оппозиціей и осыпало ее злыми насмѣшками. 21 февраля по распоряженію Гизо запрещенъ былъ въ Парижѣ банкетъ, который долженъ былъ состояться 22 февраля и въ которомъ должены были принять участіе члены либеральной оппозиціи палаты. Либералы запрещенію подчинились и стали поговаривать о необходимости принести жалобу на министра.

Но это запрещеніе послужило послѣднимъ толчкомъ, долженствовавшимъ привести все въ движеніе и столкнуть созданныя экономически-политическими условіями противорѣчія. Народъ, въ виду жестокости правительства, уже давно былъ необычайно возбужденъ, а зажать ротъ народу было не такъ легко, какъ зажать ротъ либеральной оппозиціи палаты. 22 февраля на улицахъ происходили массовыя собранія, шумъ, волненія и демонстраціи. Народъ распѣвалъ могучую старую революціонную пѣсню, марсельезу, и вступалъ въ небольшія стычки съ муниципальными гвардейцами. На слѣдующій день правительство мобилизовало свои значительныя боевыя силы, чтобы подавить безпорядки. Но и сопротивленіе возросло въ той же мѣрѣ; на улицахъ выросли баррикады и на оружейные магазины сдѣлано было нападеніе, чтобы снабдить массу оружіемъ. Національная гвардія либо оставалась совершенно бездѣятельной, либо вступалась за возставшихъ. Борьба становилась все горячѣе и, наконецъ, повергла старую лисицу, Луи Филиппа, въ такой страхъ, что онъ, скрѣпя сердце, отставилъ своего вѣрнаго Гизо и назначилъ министерство Моле́,—что не имѣло никакого значенія. Въ то время какъ буржуазія съ восторгомъ привѣтствовала этотъ „успѣхъ“, народъ не придавалъ этому никакого серьезнаго значенія и продолжалъ оставаться на баррикадахъ. Съ новой силой вспыхнулъ гнѣвъ народа, когда военнымъ главнокомандующимъ назначенъ былъ грубый солдатъ Биго. Въ фактѣ его назначенія

народъ усматривалъ предвѣщаніе кровавой реакціи послѣ подавленія возстанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе столь частыхъ во время революціи „недоразумѣній“, передъ министерскимъ дворцомъ Гизо разыгрался конфликтъ между народомъ и войскомъ; изъ толпы кто-то выстрѣлилъ изъ револьвера, и войска, не долго думая, дали залпъ, которымъ повалили пятьдесятъ человѣкъ убитыми и ранеными. Съ ужасными воплями масса хлынула на улицы, и республиканскіе вожди въ горячихъ рѣчахъ стали призывать къ мести. Въ то время какъ въ буржуазныхъ кварталахъ сверкала пышная иллюминація, въ народныхъ кварталахъ, гдѣ мостовая была разрыта, баррикады росли, какъ по мановенію волшебнаго жезла, и разгоралась страшная и всеобщая уличная битва, которая продолжалась всю ночь. Картонный герой Биго съ возстаніемъ справиться былъ не въ состояніи, тѣмъ болѣе, что и линейныя войска были не совсѣмъ надежны. Луи Филиппъ, эта лавочная душонка, не понималъ еще, что это возстаніе направлено противъ него самого и его „системы“, и надѣялся посредствомъ комедіи „либеральнаго“ министерства Тьера ослабить возстаніе. Но народъ не удостоилъ это министерство никакого вниманія и продолжалъ бороться. Тогда Луи Филиппъ окончательно растерялся и, назначивъ своимъ преемникомъ своего внука, графа Парижскаго, и его мать, герцогиню Орлеанскую, регентшей, заявилъ, что уходитъ. Самымъ жалкимъ образомъ король биржи исчезъ со сцены своего восемнадцатилѣтняго хозяйпичанья.

На моментъ борьба пріостановилась, ибо либеральная буржуазія хотѣла удовольствоваться этимъ результатомъ. Но муниципальные гвардейцы вновь раздражили народъ и теперь со всѣхъ сторонъ понесся громовой кличъ: „Въ Тюльери!“ Грозными массами двинулись народные борцы къ старому королевскому дворцу; немногихъ защитниковъ дворца устранили силой, и зданіе взято было штурмомъ. Внутри дворца все было разрушено, но ничего не разграблено. На стѣнахъ Тюльери сдѣлана была надпись: „Національная собственность!“ Тронъ Луи Филиппа вытащили на улицу и на глазахъ необозримой толпы сожгли его на площади Бастиліи у подножія Іюльской колонны.

Тѣмъ временемъ въ палатѣ депутатовъ, куда бѣжала герцогиня Орлеанская со своими двумя сыновьями, разыгрывалась драматическая сцена. Палата колебалась между назначеніемъ регента или временнаго правительства. Но вотъ врывается народъ, въ лицѣ не остывшихъ отъ боя баррикадныхъ бойцовъ и блузниковъ, и громовой кличъ: „Долой Бурбоновъ! — Да здравствуетъ республика!—Нужно временное правительство“, разомъ прекратилъ длинные и запутанные дебаты. Герцогиня Орлеанская поспѣшила исчезнуть, а съ ней вмѣстѣ — и роялистически настроенные депутаты; оставшіеся же депутаты вмѣстѣ съ народомъ взяли власть въ свои руки и назначили временное правительство. Членами этого правительства назначены были Ламартинъ, извѣстный какъ поэтъ и оппозиціонный ораторъ палаты, затѣмъ „умѣренные“ республиканцы Кремье, Дюпонъ и Араго и „рѣшительные“ республиканцы Ледрю-Роллэнъ, Мари и Гарнье-Пажэ. Секретарями назначены были Армандъ Марра, Флоконъ, Луи Бланъ и механикъ

Альберъ, при чемъ назначеніе послѣдняго считалось уступкой рабочимъ.

Луи Филиппъ бѣжалъ въ Англію, а города Страсбургъ, Ліонъ, Нимъ, Безансонъ, Авиньонъ, Валенсъ, Нарбонна, Байонна, Тулуза, Марсель, Руэнъ, Гавръ и т. д. одинъ за другимъ высказались въ пользу революціи, и черезъ нѣсколько дней по всей Франціи провозглашена была республика. Въ дружелюбномъ тонѣ высказался о новомъ правительствѣ и Пальмерстонъ.

Сначала во Франціи казалось царствовало полное единодушіе; легитимисты признали революцію, потому что ненавистнѣе всего имъ была вынесенная на хребтѣ революціи династія Орлеановъ; буржуазія бросилась въ объятія республики, потому что она видѣла во главѣ ея „уважаемыхъ" гражданъ и надѣялась на то, что они спасутъ ее отъ „краснаго" призрака соціалдемократической республики; рабочіе съ восторгомъ привѣтствовали республику, потому что ждали отъ нея работы, хлѣба и защиты объ эксплоатаціи.

Первые декреты временнаго правительства встрѣчены были съ неописуемымъ восторгомъ, все кругомъ таяло отъ восторженнаго удовольствія, и вся средневѣковая грязь, которая въ лицѣ Орлеанскаго двора еще всего за нѣсколько дней до того властвовала надъ всей Франціей, теперь внезапно исчезла съ поверхности земли.

Прежде всего новое правительство торжественно отмѣнило королевскій строй,—что впервые во Франціи сдѣлано было уже 56 лѣтъ тому назадъ. Далѣе учреждена была мобильная гвардія изъ 24 батальоновъ съ 1048 человѣкъ въ каждомъ, въ рядахъ которой могло найти мѣсто большинство лишенныхъ занятій людей, а затѣмъ временному правительству нужно было приступить къ самому трудному дѣлу, къ разрѣшенію рабочаго вопроса. Новое правительство прекрасно понимало, что для рабочихъ обязательно должно быть что-либо предпринято, ибо иначе борьба началась бы снова. И поэтому оно приняло слѣдующее постановленіе:

„Временное правительство республики беретъ на себя обязательство обезпечить рабочимъ существованіе, снабжая ихъ работой. Оно беретъ на себя обязанность снабжать работой всѣхъ гражданъ. Оно признаетъ за рабочими право объединяться между собой для достиженія справедливаго вознагражденія за свой трудъ. Временное правительство отдаетъ рабочимъ тотъ милліонъ, который тратился на содержаніе придворнаго штата. Тюльерійскій дворецъ пусть станетъ пріютомъ для инвалидовъ труда. Временное правительство постановляетъ немедленно учредить національныя мастерскія.

Этотъ декретъ возбудилъ среди рабочихъ рой надеждъ и упованій; рабочіе думали, что теперь они, наконецъ, завоевали себѣ лучшую долю и освободились отъ ига капиталистической эксплоатаціи. Въ тотъ моментъ никому и въ голову не приходило, что черезъ короткое время національныя мастерскія станутъ орудіемъ противъ соціализма и самихъ рабочихъ. Господа буржуа изъ временнаго правительства считали нелишнимъ тщательно прикрывать свою настоящую физіономію въ это переходное время и вполнѣ были увѣрены, что недовольство господъ капиталистовъ и предпринимателей по поводу устройства

національныхъ мастерскихъ имъ скоро удастся устранить. Новое правительство учредило даже „рабочій парламентъ“ съ извѣстнымъ соціалистомъ Луи Бланомъ и „рабочимъ“ Альберомъ во главѣ; „парламентъ“ этотъ засѣдалъ въ Люксембургскомъ дворцѣ и тамъ обсуждалъ рабочій вопросъ. Одни обсужденія, разумѣется, не могли имѣть особаго значенія. Дарованіе этому парламенту только совѣщательнаго характера уже явно обозначало желаніе щадить интересы буржуазіи; еще болѣе это стало ясно изъ другого декрета, устанавливавшаго двѣнадцатичасовый рабочій день. Этотъ „нормальный рабочій день“ остался впрочемъ только на бумагѣ.

Наконецъ, сдѣланы были приготовленія къ выборамъ въ національное собраніе, которое должно было быть созвано 5 мая и должно было создать новую республиканскую конституцію. Это, казалось, обезпечивало всѣ завоеванія революціи, и французы жили въ этой сладкой мечтѣ; но скоро мечтательный сонъ ихъ кончился и, проснувшись, они увидѣли себя стоящими передъ страшнымъ столкновеніемъ классовыхъ противорѣчій. Въ результатѣ всего этого получилась кровавая гражданская война, пораженіе рабочихъ и окончательное паденіе ослабленной и обезкровленной республики.

Но пока что всѣ были загипнотизированы этой мечтой, и Ламартинъ выпустилъ ко всѣмъ державамъ ноту, полную мирныхъ увѣреній. Казалось, извѣстный поэтъ вылилъ свои лирическіе стихи въ форму дипломатическаго документа. И что же другое могъ сдѣлать онъ въ тотъ моментъ, когда весь міръ мечталъ о мирѣ, свободѣ и счастьѣ?

Люди, переживающіе такой моментъ, не погружаются въ глубокомысленныя размышленія, они всецѣло отдаются во власть момента. Это вполнѣ присуще человѣческой натурѣ. Увидѣвъ далекую зарю новаго міра, люди увѣровали, что со старымъ міромъ счеты кончены. Имъ предстояло разочарованіе.

Мартовскія бури.

Утвержденіе, будто прокатившееся изъ Франціи въ Германію революціонное движеніе 1848 года застало нѣмцевъ „недостаточно зрѣлыми“, стало избитой фразой для историковъ-рутинеровъ. Люди, утверждающіе это, того мнѣнія, что историческіе перевороты обусловливаются „идеями“ и что нѣмцы 1848 года стояли на слишкомъ низкой ступени развитія и поэтому не смогли достаточно полно и ясно понять революціонныхъ идей. При такомъ школьномъ пониманіи дѣла, нѣмцамъ выдаютъ самый плохой аттестатъ и ихъ, вмѣстѣ съ ихъ классической литературой и революціей въ области философіи, ставятъ ниже французскихъ крестьянъ 1789 года, которые поняли и усвоили идею революціи. На самомъ же дѣлѣ соціально-экономическія противорѣчія были въ 1848 году въ Германіи недостаточно еще развиты, чтобы классовыя противорѣчія могли выступать достаточно рельефно и чтобы возможно было пробудить въ широкихъ массахъ ихъ классовое самосознаніе. Если бы дѣла въ этомъ отношеніи обстояли бы лучше, то нѣмецкій народъ, безъ сомнѣнія, лучше отстаивалъ свои интересы во время революціи, чѣмъ это было въ дѣйствительности.

Вихрь французской революціи пронесся по всей Германіи и захватилъ съ собою все, что попадалось ему по пути. Союзный сеймъ, государи, привилегированные разнаго рода юнкера и крупные капиталисты, дипломаты и бюрократы,—всѣ они преисполнились удивленія и смущенія передъ столь ужаснымъ взрывомъ, который, въ одну только ночь сраженія на баррикадахъ, подготовилъ такой быстрый конецъ „системѣ“ Луи Филиппа, системѣ, имѣвшей съ виду столь прочную основу. Народу же французская революція показалась первымъ лучомъ новаго времени, мелькнувшимъ среди долгой ночи угнетенія и нужды. Вся Германія какъ бы слилась въ одномъ мощномъ крикѣ восторга. Повсюду собирались толпы людей, возбужденныя, влекомыя любопытствомъ, преисполненныя страха или надежды, смотря по ихъ интересамъ. Газеты, тогда еще слишкомъ маленькія и скупо снабженныя собственными корреспонденціями, уже не могли удовлетворять предъявлявшимся къ нимъ требованіямъ; народъ массами толпился передъ редакціями. Само собою безъ предварительныхъ приготовленій составлялись народныя собранія, на которыхъ читались новѣйшія извѣстія; безъ всякой подготовки выступали и народные ораторы, которые объясняли

всѣ происшествія. Такъ возникла совершенно новая политическая жизнь и новое движеніе, которое охватило не только города, но и деревни. Распространялись, конечно, и самые нелѣпые и безсмысленные слухи. На биржѣ на всѣхъ напалъ столбнякъ, послѣ того, какъ получилось изъ Парижа извѣстіе, что парижскій домъ Ротшильдъ также примкнулъ къ революціи. А вѣдь всѣмъ извѣстно, что Ротшильды неохотно примыкаютъ къ меньшинству. Назначеніе же „рабочаго" Альбера секретаремъ временнаго правительства еще болѣе усилило страхъ биржевиковъ и капиталистовъ.

Сверху старались всѣми силами породить въ народныхъ массахъ ненависть къ французскому перевороту; газеты старались увѣрить народъ, будто революціонныя французскія войска стараются ворваться въ Германію. „Всеобщая Прусская Газета" старалась посодѣйствовать этимъ измышленіямъ и помѣстила офиціозную статью слѣдующаго содержанія:

„Мы раньше всего обращаемся къ германскимъ монархамъ и племенамъ съ призывомъ: Будьте едины и сильны своимъ единеніемъ! Это возвѣщаетъ намъ огненными языками исторія нашего времени по отношенію къ нашимъ западнымъ сосѣдямъ. Мы далеки отъ мысли вмѣшаться во внутреннія отношенія Франціи, которыя она можетъ устраивать по своему желанію, но осторожность и живыя воспоминанія о недавней эпохѣ величайшаго униженія отечества германцевъ заставляютъ насъ напряженно слѣдить за движеніями во Франціи, на тотъ случай, если тамъ снова пробудятся аппетиты на германскую землю, можетъ быть, въ соотвѣтствіи съ зрѣющими тамъ теоріями, замаскированными въ стремленіе осчастливить народы, чтобы Германія выступила тогда, вполнѣ готовая отразить всякое нападеніе и, если это только потребуется, не испугалась бы и кровопролитія".

Добрый надворный совѣтникъ, который въ этой скучной статьѣ расточилъ послѣдніе остатки угасшей и обанкротившейся государственной мудрости правящихъ сферъ, хотѣлъ, повидимому, на самомъ дѣлѣ увѣрить нѣмцевъ, что французы сдѣлали свой переворотъ единственно съ цѣлью напасть хищнически на Германію. Многіе изъ мѣщанъ дѣйствительно повѣрили этимъ безсмысленнымъ искаженіямъ дѣйствительности или же они только дѣлали видъ, будто вѣрятъ имъ. Но народъ во всей своей массѣ не далъ себя одурачивать такъ грубо и такъ явно, не повѣрилъ, что враговъ Германіи надо искать среди членовъ новаго французскаго правительства, и не далъ отвлечь себя отъ состоянія политическихъ дѣлъ на родинѣ.

На Рейнѣ, въ южной Германіи, гдѣ еще очень живы были воспоминанія о великой французской революціи, движеніе проявилось со стихійною силою. Когда по рейнскимъ провинціямъ пронеслась вѣсть о паденіи іюльской монархіи, это произвело дѣйствіе искры попавшей въ бочку, наполненную порохомъ. Либеральная буржуазія, которая еще не такъ рѣзко, какъ впослѣдствіи, дѣлилась на радикальныхъ и умѣренныхъ, завладѣла движеніемъ и стала во главѣ его. Стремленіе народной массы къ свободѣ выразилось въ тысячѣ различныхъ желаній и требованій; либеральные руководители взяли на себя съ угрозами выступить передъ трономъ съ тѣми требованіями, которыя болѣе всего

были цѣлесообразны для нихъ, назвавъ ихъ „требованіями народа". Этимъ и объясняется то, что во всѣхъ многочисленныхъ адресахъ и петиціяхъ мартовскихъ дней выставлялись почти исключительно требованія либеральной партія, выраженныя съ большей или меньшей рѣшительностью, смотря по оттѣнкамъ либерализма. Масса восторженно привѣтствовала эти требованія, потому что она надѣялась, что съ удовлетвореніемъ этихъ требованій не будетъ еще закончена революція, и потому что она жила туманной надеждой, что движеніе достигнетъ такого пункта, когда серьезно примутъ во вниманіе нищету и нужду и положатъ имъ конецъ. Въ адресахъ большею частью говорилось и о томъ, что настала „часъ опасности", т. е. что грозитъ нападеніе Франціи на Германію, и что государи и народы должны объединиться путемъ удовлетворенія либеральныхъ требованій, дабы отразить нападеніе. Вполнѣ понятно, что не многіе въ Германіи вѣрили въ это нападеніе серьезно; но фразеры либерализма и конституціонализма могли по этому случаю распространяться сколько имъ только угодно было и придать адресамъ и петиціямъ высокопарный стиль, безъ чего либерализмъ никогда въ подобныхъ случаяхъ не обходится. Но какъ сильно ни заволновалась масса и какъ мало она въ первое время ни вѣрила искусно придуманному страху передъ французскимъ нашествіемъ, скромны однако были „народныя требованія" тѣхъ дней, выставленныя и формулированныя либеральными отцами германской революціи, которые ихъ восприняли отъ купели и подвергли обрѣзанію. Требовали свободы печати, публичнаго и устнаго судопроизводства, суда присяжныхъ, народной милиціи съ свободнымъ выборомъ начальниковъ, свободы вѣроисповѣданія, свободы союзовъ и собраній, всеобщаго избирательнаго права, либеральныхъ и пользующихся популярностью министровъ и, въ общемъ, истинно конституціоннаго строя. Эти требованія были, въ своихъ основныхъ чертахъ, повсюду почти одинаковы; признакомъ необыкновенной скромности является то, что сотни тысячъ, милліоны голодныхъ нѣмцевъ, съ пустыми желудками не потребовали большаго, воспользовавшись столь сильнымъ броженіемъ.

Движеніе разрасталось такъ быстро, такъ могуче и съ такой быстротой перебрасывалось изъ одной страны въ другую, что союзному сейму, засѣдавшему въ Франкфуртѣ на Майнѣ стало страшно передъ громомъ и рокотомъ народнаго духа, сбрасывающаго свои оковы; „собраніе мумій" на Большой Эшенгеймской улицѣ поблѣднѣло отъ ужаса. Уже 1-го марта 1848 года Союзный Сеймъ выпустилъ прокламацію, въ которой нѣмецкому народу сдѣланъ былъ рядъ ничего не значущихъ обѣщаній и въ которой было также сказано:

„Германія должна и будетъ поднята на ту ступень, на которой ей подобаетъ стоять среди націй Европы".

Затѣмъ Союзный Сеймъ говорилъ дальше о „законномъ прогрессѣ" и „единодушномъ развитіи". Злые на языкъ люди спрашивали, почему это Союзный Сеймъ уже тридцать лѣтъ тому назадъ не пришелъ къ такому убѣжденію; народная масса совершенно не интересовалась „муміями", а заботилась только о томъ, чтобы своими собственными силами провести свои желанія и требованія у владыкъ сорока нѣмецкихъ отечествъ.

Маленькій Баденъ, гораздо раньше пробужденный къ болѣе бо-

гатой содержаніемъ политической жизни, благодаря своему географическому положенію, своей конституціи и болѣе горячему темпераменту своего населенія, шелъ во время мартовскихъ бурь во главѣ запада и юго-запада Германіи. Въ Маннгеймѣ состоялось уже 27 февраля большое собраніе гражданъ подъ предсѣдательствомъ стараго Ицштейна, которое носило очень революціонный характеръ. Мати, который еще четыре дня тому назадъ говорилъ въ палатѣ, что нѣмцамъ пора, наконецъ, попытаться „дѣйствовать необузданностью", и Бассерманнъ старались ослабить энтузіазмъ народа и говорили только объ умѣренности. Движеніе, по ихъ мнѣнію, перешло уже границы, въ которыхъ либерализмъ намѣревался удержать подъемъ Германіи. Но демократическое теченіе въ собраніи одержало побѣду; рѣшено было, чтобы четыреста маннгеймскихъ гражданъ представили второй палатѣ въ Карлсруэ „бурную петицію". Въ „бурной петиціи" говорилось о благосостояніи, образованіи и свободѣ для всѣхъ классовъ—извѣстная фраза Струве!—но изъ положительныхъ требованій въ ней были выставлены такія, какъ народная милиція, свобода печати, суды присяжныхъ и германскій парламентъ!

Въ палатѣ, гдѣ петицію энергично поддержали Геккеръ и другіе радикальные депутаты, правительство сначала ограничилось лишь обѣщаніями. Но 1-го марта въ Карлсруэ стеклась громадная масса людей и въ трактирахъ этого столь мѣщанскаго тогда города раздавались возгласы: „Да здравствуетъ республика!" Среди массы населенія самымъ большимъ сочувствіемъ пользовались взгляды Геккера и Струве, и палата подъ вліяніемъ силы движенія приняла новую петицію, которая заключала въ себѣ радикальную программу, принятую въ 1847 году въ Офференбургѣ и въ которой помимо германскаго парламента, созданнаго на основѣ всеобщаго избирательнаго права говорилось также и объ „у н и ч т о ж е н і и в с ѣ х ъ п р и в и л е г і й и о п р и м и р е н і и п р о т и в о р ѣ ч і й м е ж д у т р у д о м ъ и к а п и т а л о м ъ". Великій герцогъ далъ отставку тремъ наиболѣе нелюбимымъ реакціоннымъ министрамъ: Блиттерсдорфу, Регенауэру и Трефурту, а 5 марта правительство заявило, что оно займется выработкой законопроектовъ въ духѣ постановленій палаты. Такъ была сдѣлана баденская „революція", все ликовало и предавалось восторгу. Очарованные граждане восклицали: „нашимъ надеждамъ нѣтъ предѣловъ". Все было разукрашено черно-красно-золотыми лентами и кокардами.

Баденское движеніе очень легко проникло и въ близлежащій Вюртембергъ, гдѣ не было недостатка въ поводахъ для недовольства. Швабы были до того стѣснены своими бюрократами, такъ называемыми „строчилами", которые, благодаря своему господству, образовали въ этой странѣ особаго рода касту и ревниво оберегали себя отъ остальныхъ людей, что они, казалось, совершенно потеряли способность сопротивляться угнетенію сверху. Малочисленная, но сильная либерально-оппозиціонная партія образовалась въ палатѣ; во главѣ ея стояли: Уландъ, Пфицеръ, Шоттъ, Тафель и Ремеръ; партія эта вела продолжительную, но малоуспѣшную борьбу противъ бюрократической системы министерства Шлайера. Но какъ только до швабовъ дошли вѣсти о событіяхъ въ Парижѣ, они сбросили съ себя свою прежнюю лойяльность и во всей странѣ поднялась буря противъ правительства,

противъ „строчилъ“ и ханжей. Граждане собрались въ штутгартскую ратушу; 2 марта состоялось громадное народное собраніе, которое постановило выступить съ петиціей, въ которую оппозиціонный делегатъ Ремеръ внесъ всѣ извѣстныя уже „требованія народа“; эта петиція и многія другія петиціи изъ различныхъ частей государства были представлены королю. Въ Штутгартѣ между тѣмъ стянули войска и держали наготовѣ пушки; но дѣло не дошло до какихъ-либо важныхъ столкновеній. Пробилъ часъ господина Шлайера; онъ получилъ отставку. Король думалъ, что онъ сумѣетъ унять бунтъ при помощи новаго министерства, во главѣ котораго онъ поставилъ господина фонъ-Линденъ. Но хотя цензура нѣсколько дней тому назадъ была уничтожена, швабы на этотъ разъ оказались не настолько наивными, чтобы удовлетвориться такой ничтожной перемѣной декораціи въ правящихъ сферахъ. Они потребовали, чтобы правительственныя мѣста были заняты людьми, пользующимися народнымъ довѣріемъ. Подъ давленіемъ обстоятельствъ пришлось призвать въ министерство Павла Пфицера и Дювернуа, тѣ же, въ свою очередь, настояли на приглашеніи Ремера; такимъ образомъ либерализмъ былъ теперь представленъ въ лицѣ трехъ „мартовскихъ министровъ“. Можно себѣ представить, какое ликованіе воцарилось въ Швабіи, такъ какъ Ремеръ былъ вѣдь признанный глава либеральной оппозиціи въ парламентѣ. Всѣ надѣялись, что „мартовскіе министры“ проведутъ полностью всѣ народныя требованія, да министры и обнаружили нѣкоторое поползновеніе въ этомъ направленіи. Казалось, что даже швабская аристократія увлечена духомъ времени. Феодалы и имперскіе рыцари прежде противились выкупу ихъ рентъ за 25 процентовъ; теперь они сами предлагали 12—16 процентовъ. Это были знаменія и чудеса, которыя въ прежнее время никому и не снились въ Швабіи— въ этой прославленной странѣ сословныхъ и классовыхъ предразсудковъ. Теперь же это была самая настоящая дѣятельность.

У швабскихъ феодаловъ были при этомъ свои основанія, какъ нѣкогда у французскаго дворянства, когда національное собраніе дѣлало свои постановленія въ знаменитую ночь 4 августа 1789 года. Французскіе крестьяне начали тогда разорять дворянскія помѣстья и господа немедленно пошли на уступки, чтобы спасти то, что было еще возможно спасти, и чтобы возстановить спокойствіе. То же самое произошло въ Баденѣ и Вюртембергѣ. Крестьяне, увидѣвъ, что они могутъ при помощи движенія сбросить съ себя феодальныя повинности, сплотились, какъ во времена крестьянской войны и стали собираться толпами „словно пчелы, когда ихъ выгонятъ изъ улья“. Казалось, будто баденскіе и вюртембергскіе крестьяне только теперь вспомнили, какъ 300 лѣтъ тому назадъ ихъ предки сражались въ великихъ битвахъ при Беблингенѣ и Кенигсгофенѣ за свои старыя вольности, отстаивая ихъ противъ феодальнаго дворянства, грабящаго и убивающаго. Теперь, когда народная масса волновалась въ городахъ, а въ деревнѣ зашевелились крестьяне, политическій страхъ охватилъ собственниковъ и привилегированные слои населенія; имъ казалось, что наступилъ уже канунъ соціальной революціи, которую не удовлетворишь одними либеральными „требованіями народа“. Поэтому-то дворянство сдѣлалось такимъ податливымъ и старалось въ союзѣ съ ли-

беральной буржуазіей удовлетворить требованія крестьянъ. Вѣдь, если взбунтовались даже и крестьяне, этотъ консервативный элементъ, въ которомъ, обыкновенно, видятъ оплотъ противъ всѣхъ революціонныхъ стремленій, тогда начинаетъ казаться и либеральному мѣщанству, что скоро настанетъ конецъ его привольному существованію.

Крестьяне пока еще выступали, какъ настоящіе дикари и пламя деревенскихъ пожаровъ скоро отразилось въ городахъ. Подобныя проявленія увидѣли раньше всего въ Баденѣ, а именно, въ началѣ марта. Въ Оденвальдѣ и Таубергрундѣ—именно тамъ, гдѣ 323 года тому назадъ разразилась крестьянская война, во Франконіи—въ Крейхгау и на Неккарѣ крестьяне объединились и напали на замки аристократовъ, именно, тѣхъ, дозвѣренные которыхъ возбудили самую сильную ненависть своею жестокостью. Феодальные документы, книги для записей ренты, цензовыя книги были брошены въ огонь; иногда дворяне принуждены были, подъ угрозами крестьянъ, сами сжигать эти документы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Эльзасѣ, въ Брухзалѣ, Таубенгрундѣ, движеніе направилось противъ евреевъ; дома ихъ разрушались, а имущество уничтожалось. Демократическіе депутаты баденской палаты въ справедливомъ негодованіи протестовали противъ преслѣдованія евреевъ. Но они глубоко ошибались, когда усматривали и въ уничтоженіи феодальныхъ документовъ „руку реакціи“. Проявленіе народнаго гнѣва здѣсь, какъ и вездѣ, естественно направилось противъ ближайшихъ выразителей ненавистнаго строя, а таковыми въ данномъ случаѣ явились феодалы съ ихъ замками, чиновники, взимающіе ренту, и другіе остатки средневѣковаго господства. Правительство послало войска въ тѣ мѣста, гдѣ крестьяне обнаружили самую рѣшительную непокорность; въ то же самое время оно заявило, что общины должны отвѣчать за причиненные феодаламъ убытки, но потомъ оно разомъ отмѣнило всѣ феодальныя повинности, сохранившіяся еще до сихъ поръ, а вознагражденіе за нихъ отложило на будущее время. Крестьяне немедленно успокоились, такъ какъ они достигли того, чего хотѣли.

Въ Вюртембергѣ дѣло обстояло точно такимъ же образомъ. Крестьяне, особенно въ Гогенлоэ, ненавидѣли нѣкоторыхъ сборщиковъ платежей, и эти сборщики, называемые „живодерами“, съ ужасомъ видѣли, какъ крестьяне собираются въ толпы. Передъ ихъ очами выступили ужасныя картины красной пасхи 1525 года въ Вейнсбергѣ и свирѣпый Жаклейнъ Рорбахъ изъ Беккингена, который приказалъ „принять въ копья“ графа Гельфенштейна и тринадцать рыцарей и помощниковъ. Какъ разъ тамъ, гдѣ разыгрались кровавыя сцены крестьянской войны въ 1525 году, тамъ, въ Вейнсбергской долинѣ, начали крестьяне возстаніе и въ 1848 году. Но дѣла теперь не обстояли такъ плохо, какъ въ 1525 году, хотя страхъ и ужасъ, охватившій замки и канцеляріи былъ очень великъ. На замокъ Вейлеръ напало 300 крестьянъ. Изъ всей роскоши, находящейся въ замкѣ не унесено было ни на одинъ грошъ, но зато документы и бумаги были сожжены всѣ до послѣдняго листочка. „Смотри, опять взлетѣлъ пѣтушокъ!“ — кричали крестьяне, когда искры разлетались во всѣ стороны. Дѣло въ томъ, что имъ приходилось доставлять въ конторы, по сбору рентъ, много куръ. Пламя и искры взлетали такъ высоко, что казалось, будто горитъ замокъ и изъ Вейнсбрука были привезены пожарныя трубы. Спустя два дня при-

шло 200 человѣкъ солдатъ, но населеніе держало себя такъ угрожающе, что арестованные уже раньше „подстрекатели" были выпущены на свободу. Въ Нидерштетенѣ дѣло приняло болѣе серьезный оборотъ. Такъ, въ замкѣ Гогенлоэ крестьяне стащили въ кучу феодальныя записи и подожгли ихъ; вмѣстѣ съ бумагами загорѣлся и замокъ, и большая его часть сгорѣла. Тѣмъ, кто хотѣлъ тушить пожаръ, угрожали оружіемъ. „То же самое должно случиться еще съ семью замками!"—раздавалось изъ толпы крестьянъ. Въ другихъ мѣстахъ, въ Шварцвальдѣ, близъ Нейнбурга, въ области Кохера, Якста, устраивался кошачій концертъ, поднимался шумъ. Дворяне-землевладѣльцы пришли въ такой ужасъ, что добровольно отказались отъ всякихъ оброковъ и ренты. Ходили смутные слухи о какомъ-то колоссальномъ заговорѣ крестьянъ, которые будто бы нагрянутъ изъ долинъ и намѣреваются все, напоминающее еще о феодальномъ времени, уничтожить и сравнять съ землею. Въ трактирахъ раздавались крики: „Долой кровопійцъ, долой разбойничьи притоны!"

Назначеніе „мартовскаго" министерства и тотъ фактъ, что сословія сами внесли предложеніе объ отмѣнѣ феодальныхъ повинностей и измѣненіи законовъ объ охотѣ, успокоило крестьянъ. Мартовскіе министры, какими плохими государственными мужами они ни оказались вообще, прекрасно исполнили свое дѣло: не дать народному движенію итти дальше, чѣмъ то было нужно почтенной „либеральной" буржуазіи для ея цѣлей. Такимъ образомъ, была дана возможность реакціонерамъ укрѣпить свою позицію, такъ какъ такимъ невиннымъ людямъ, какъ Пфицеръ и Дювернуа, не по силамъ было вести борьбу съ интригами и происками старой придворной партіи. Либерализмъ, дѣлая все, что было въ его силахъ для успокоенія крестьянъ, въ то же самое время перерѣзывалъ у движенія его революціонный нервъ. Крестьяне, послѣ того, какъ съ нихъ сняли феодальныя повинности, впали въ свою обычную апатію; они заговорили теперь только о спокойствіи и порядкѣ, они даже прямо преисполнились ненависти къ „горожанамъ", которые не хотѣли успокоиться, совершенно забывая, что, именно, благодаря ихъ волненіямъ, и были уничтожены феодальныя повинности. Крестьяне съ этого времени стали консервативны, антиреволюціонны и привержены порядку; они предоставили свои силы въ распоряженіе реакціи.

Мы зайдемъ слишкомъ далеко, если захотимъ усмотрѣть въ быстромъ успокоеніи крестьянъ тонкое обдуманное дѣло рукъ реакціи. Реакціонные интриганы были въ тѣ бурные мартовскіе дни такъ напуганы и въ такомъ паническомъ страхѣ, что не въ состояніи были такъ точно уяснить себѣ весь планъ дѣйствій. Но дворяне и либералы дѣйствовали сообща, руководствуясь лишь слѣпымъ классовымъ инстинктомъ. Возстаніе сельскаго населенія въ то время, когда волновались города, казалось имъ предвозвѣстникомъ соціальной революціи, которая грозитъ поглотить все: остатки отжившаго феодальнаго міра и зачатки новаго буржуазнаго общества. Этимъ-то и объясняется необыкновенная податливость по отношенію къ крестьянамъ и непреклонность по отношенію къ рабочему населенію городовъ. Послѣ удовлетворенія крестьянъ, нетрудно было расправиться съ соціальными поползновеніями революціи.

Въ Баваріи, гдѣ еще не улеглось волненіе по поводу скандала Лолы, извѣстіе о парижской революціи повело немедленно къ очень сильному движенію въ большихъ городахъ. Нюренбергъ первый предъявилъ королю знаменитыя требованія народа, а за нимъ послѣдовали Мюнхенъ и другіе города. Людвигъ, который все еще не могъ примириться съ утратою Лолы, оказался упрямымъ. Онъ соглашался созвать на 31 мая только собраніе сословій. Но въ Мюнхенѣ 2 марта возобновились бурныя сцены. Всеобщее недовольство „министерствомъ Лолы", искусно раздуваемое іезуитами, направилось противъ Беркса— члена этого министерства. „Долой министерство Лолы!" — раздавалось по всѣмъ улицамъ и было написано на всѣхъ стѣнахъ, гдѣ это только казалось удобнымъ. Толпа разгромила домъ Беркса и нѣкоторыя общественныя зданія. Войско было совершенно безучастно и даже не дѣлало ни на кого нападенія, когда вечеромъ начали воздвигаться баррикады.

Людвигъ продолжалъ колебаться и не давалъ ничего. Но вотъ разнеслась 4-го марта вѣсть, будто король облекъ князя Вреде диктаторскою властью и что послѣдній хочетъ расправиться съ такъ мало лойяльными мюнхенцами картечью. Тогда въ Мюнхенѣ вооружился всякій, кто только въ состояніи былъ вооружаться; арсеналъ разгромили; буржуа и рабочій, бѣдный и богатый—все населеніе выступило единодушно. Войско начало наступать, но дѣло не дошло до сраженія, потому что офицеры избѣгали всякаго столкновенія. Король струсилъ и сдѣлалъ маленькую уступку. Онъ постановилъ, чтобы сословія собрались 16 марта. Но населеніе не удовольствовалось этимъ; волненія продолжались, а изъ всѣхъ частей государства между тѣмъ приходили бурныя петиціи съ извѣстными требованіями. 6 марта опять начали поговаривать о томъ, что будутъ стрѣлять въ народъ; вооруженныя толпы народа опять появились на улицахъ. Часть народа была вооружена самымъ древнимъ оружіемъ: палицами, пиками, аллебардами, арбалетами, захваченными въ арсеналѣ.

Людвигъ обѣщалъ теперь, что онъ прикажетъ войску присягать конституціи; послѣ этого наступило нѣкоторое успокоеніе. Но 8 марта распространился слухъ, что Лола опять появилась; утверждали, будто видѣли ее переодѣтою въ мужское платье. У нея-таки на самомъ дѣлѣ было свиданіе съ королемъ. Водимые на помочахъ іезуитами придворно-пивоваренные революціонеры снова устремились на улицу и возбудили массу, но найти Лолы не удалось. Движеніе не остановилось, не остановилось оно также послѣ того, когда на мѣсто всѣмъ ненавистнаго Беркса былъ назначенъ мартовскимъ министромъ депутатъ Тонъ-Дитмеръ, вождь либеральной партіи. Изъ этого ясно видно, что клерикальная реакціонная партія руководила движеніемъ. 16 и 18 марта народъ и войско встрѣтились лицомъ къ лицу; зданіе полиціи было разрушено, а всѣ документы уничтожены. Людвигъ только теперь согласился отдѣлаться отъ Лолы, и полиція получила приказъ задержать „упомянутую графиню", которая ужъ давнымъ-давно находилась за предѣлами государства. Поговаривали, будто клерикально-реакціонная партія хочетъ довести дѣло до переворота или до кровопролитія, чтобы принудить короля отречься отъ престола. Людвигъ, слѣдовательно, могъ разсчитывать только на сомнительную лойяльность либераловъ, которую

также можно было обезпечить себѣ только послѣ того, какъ будутъ удовлетворены извѣстныя „требованія народа“. Но послѣднее было ему такъ же мало по вкусу, какъ и правленіе іезуитовъ; чувствуя себя всѣми оставленнымъ, онъ 20 марта 1848 года отрекся отъ престола; на тронъ вступилъ его сынъ Максимиліанъ II. Министерство, составленное изъ „мартовскихъ либераловъ“ и домартовскихъ реакціонеровъ, удовлетворило часть извѣстныхъ народныхъ требованій и издало распоряженіе о свободѣ печати, гласности судопроизводства, уничтоженіи феодальныхъ повинностей, отвѣтственности министровъ и т. д. Мюнхенцы послѣ этого, совершенно успокоенные, вернулись къ своимъ пивнымъ кружкамъ, преисполненные сознанія, что они свергли короля и добились „гражданской свободы“.

Въ своей прокламаціи „Королевское слово къ баварцамъ“, Людвигъ заявилъ: „Я управлялъ, вѣрный конституціи; жизнь моя была вся посвящена благу народа; съ государственнымъ имуществомъ и государственными деньгами обращался я такъ добросовѣстно, будто бы я былъ чиновникомъ республики *). Даже послѣ того, какъ я оставилъ тронъ, мое сердце не перестаетъ горячо биться для Баваріи, для Германіи“.

Отрекаясь отъ престола, Людвигъ оставилъ себѣ изъ цивильнаго листа ренту въ полмилліона гульденовъ. Но не скоро удалось ему обрѣсти желанный покой, такъ какъ баварская палата депутатовъ задалась цѣлью обстоятельно разслѣдовать дѣло по поводу греческаго займа. Дѣло въ томъ, что когда Оттонъ, сынъ Людвига, былъ королемъ Греціи, изъ баварской государственной кассы ему было выдано безпрепятственно подъ видомъ займа полтора милліона гульденовъ. Послѣ отреченія Людвига, палата депутатовъ рѣшила по докладу демократа-депутата Кольба изъ Шпейера, что эта сумма должна быть выплачена государственной кассѣ изъ частныхъ имуществъ короля Людвига; такъ оно и произошло.

Лола Монтецъ, танцовщица, которая, какъ впослѣдствіи выразился Робертъ Блюмъ въ франкфуртскомъ парламентѣ, своей ногой потрясала глубокія основы и „почву историческаго права“ баварскаго государства, повела, послѣ ея изгнанія изъ Баваріи, жизнь авантюристки: она скиталась по Англіи, Франціи, Калифорніи и Австраліи. Женщина, которая нѣкогда низвергала министерства въ Баваріи, и которую Людвигъ воспѣвалъ, какъ „Лолиту“, въ нищетѣ умерла въ Нью-Іоркѣ; она передъ смертью читала публичныя лекціи о своихъ похожденіяхъ. Въ одномъ изъ стихотвореній, состоящихъ изъ безчисленнаго количества причастій, Людвигъ I изобразилъ, въ какомъ видѣ ему представлялась вся катастрофа. Въ этомъ стихотвореніи говорится:

König Ludwigs Abschied am 20 März 1848.

(Besonders die Münchener betreffend).

Verlassen und traurig wandelnd,
Geh' ich in die Welt hinein,
Denn frei und gross nur handelnd,
Mocht' ich Euer König sein.

---

*) Замѣчательный комплиментъ, сдѣланный королемъ республикѣ!

Ich hab' Euch sehr geliebet,
Ihr habt mich sehr betrübet,
Das schuf mir arge Pein.
Die stolzen Aristokraten
Verleideten mir den Thron;
Sie haben auch euch verraten
Und sprechen uns beiden Hohn.
Die Höflinge, glatt und schmeichelnd,
Die Geislichen, Liebe heuchelnd,
Entrissen mir die Kron'.
Ein Herz im Busen habend
Für Schönes, was Menschen ziert,
Mein Volk mit Künsten begabend,
So hab' ich stets regiert.
Schwört Treue nun meinem Sohne,
Bleibt treu, Ihr Bayern, der Krone
Und dem Gezetze, das Euch regiert! *).

Это изліяніе души короля передъ отреченіемъ безспорно трогательнѣе, чѣмъ заявленіе, написанное Генрихомъ 72-мъ Рейссъ-Шлейцъ-Лобенштейнъ-Эберсдорфскимъ, другимъ поклонникомъ Лолы, извѣстнымъ также подъ именемъ Генриха—„рыцаря принциповъ", который въ своемъ прощальномъ посланіи, полномъ „нелюбезностей", излилъ всю свою душу передъ своимъ рейсскимъ народомъ. Но какова иронія всемірной исторіи, что 1848 годъ унесъ корону именно у тѣхъ двухъ королей, которые увлечены были чарами прекрасной авантюристки Лолы Монтецъ!

Въ Гессенъ-Дармштадтѣ послѣ политическихъ гоненій тридцатыхъ годовъ, наступило полное затишье, а политическій духъ до того ослабѣлъ, что даже Георгіи, мучитель несчастнаго священника Вейдига, былъ избранъ въ палату. Но какъ только подулъ революціонный вѣтеръ изъ Парижа, заволновались и гессенцы, и прежде всего подвластные жители „золотого Майнца", которые еще охотно вспоминали то время, когда они входили въ составъ рейнско-французской республики. Адвокатъ Цицъ, вождь майнцской демократіи, немедленно представилъ палатѣ въ Дармштадтѣ петицію съ извѣстными требованіями народа; къ нему примкнули и другіе города, и 2 марта приступили къ обсужденію этой петиціи, при огромномъ стеченіи народа.

---

*) Прощаніе короля Людвига 20 марта 1848 г.

(относящееся особенно къ мюнхенцамъ).

„Покинутый всѣми, въ глубокой печали, въ широкій міръ ухожу я отъ васъ, такъ какъ я хотѣлъ быть вашимъ королемъ, лишь дѣйствуя свободно и гордо. Я васъ очень любилъ, но вы меня сильно огорчили, причинивъ мнѣ этимъ глубокую скорбь. Гордые аристократы сдѣлали для меня противнымъ мой тронъ, они предали и васъ и смѣются надъ нами обоими. Льстивые придворные, фарисеи-попы отняли у меня корону! Сердце мое билось для всего прекраснаго въ мірѣ, я хотѣлъ развитія искусствъ въ моемъ народѣ и въ этомъ духѣ я всегда царствовалъ. Клянитесь же, баварцы, въ вѣрности моему сыну, монархіи и закону, которому вы теперь повинуетесь!"

Депутатъ Ре, краснорѣчивый дармштадтскій адвокатъ, требовалъ устраненія бюрократической системы и реакціоннаго министерства, между тѣмъ какъ депутатъ Гейнрихъ фонъ-Гагернъ уже нѣсколько дней тому назадъ требовалъ созыва германскаго національнаго собранія. Такъ какъ правительство слишкомъ долго раздумывало, то Цицъ въ большомъ народномъ собраніи въ Майнцѣ заявилъ слѣдующее: „Сограждане! Тридцать лѣтъ ужъ, какъ истекаетъ срокъ по нашему векселю; дадимъ еще три дня отсрочки, а затѣмъ, объединившись со всей провинціей, отправимся въ Дармштадтъ, чтобы лично привести въ исполненіе наши желанія!“ Послѣ этого заявленія въ Дармштадтѣ сдѣлались податливѣе и Гейнрихъ фонъ-Гагернъ, стоявшій до того времени въ парламентской оппозиціи, былъ назначенъ мартовскимъ министромъ. Великій герцогъ, кромѣ того, сдѣлалъ своего сына соправителемъ. Эти и нѣкоторыя другія мѣры дали гессенскому правительству возможность пока легче передохнуть.

Въ Кургессенѣ замѣчалось безпрерывное возбужденіе, благодаря политическимъ преслѣдованіямъ и упорнымъ усиліямъ курфюрстовъ отмѣнить конституцію 1831 года. Курфюрстъ Фридрихъ, управляющій страной съ 1847 года, надѣялся побѣдить слабое противодѣйствіе сословій и изъять изъ конституціи все, что въ ней было хорошаго, какъ вдругъ разнеслась вѣсть о событіяхъ въ Парижѣ, приведшая въ движеніе всю страну. Кургессенцы, всегда умѣвшіе сопротивляться только на „законномъ основаніи“, вспомнили вдругъ тотъ долгій позоръ, въ которомъ они жили, какъ ихъ предковъ толпами продавали на иностранную военную службу и какъ ихъ самихъ мучаетъ и угнетаетъ полиція и бюрократія. Моментально были предъявлены народныя требованія. Народный гнѣвъ съ такой силой обрушился противъ Шеффера, который раньше стоялъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и пользовался жестоко и сурово своею властью, что онъ устрашился, какъ бы надъ нимъ не былъ учиненъ судъ Линча, и бѣжалъ черезъ кургессенскую границу. Возмущеніе правленіемъ курфюрста сконцентрировалось въ Ганау, гдѣ весь народъ вооружился и рѣшилъ начать борьбу, если курфюрстъ не удовлетворитъ извѣстныхъ требованій. Ганауцы даже не остановились передъ ужасной угрозой, заявивъ, что они готовы отпасть отъ Кургессена и хотятъ стать дармгессенцами, если курфюрстъ не пойдетъ на уступки. Но въ глубинѣ за этими кулисами развивалось сильное движеніе, и въ то время, какъ курфюрстъ отправлялъ войска противъ Ганау, вооруженные гессенцы тысячами устремились къ городу, чтобы оборонить его отъ кургессенскихъ войскъ. Войско колебалось, а многіе офицеры заявили, что „не должно быть пролито ни капли гражданской крови!“ Въ Касселѣ, у курфюрста одна депутація смѣняла другую; всѣ онѣ просили о „дарованіи свободъ“, а курфюрстъ и депутація являли при этомъ возвышенное зрѣлище продавцовъ и покупателей на рынкѣ, которые разгнѣванно расходятся для того, чтобы снова сойтись и опять торговаться. Въ Ганау между тѣмъ все болѣе усиливалась опасность кроваваго столкновенія. Жители Ганау, руководимые народнымъ комитетомъ, не уступали. Около 6.000 вооруженныхъ готовы были къ отраженію нападенія стоявшихъ подъ городомъ войскъ. Но и въ самомъ Касселѣ возбужденіе все возрастало; 20.000 че-

ловѣкъ окружило замокъ курфюрста; приступили даже къ постройкѣ баррикадъ, и, только благодаря гражданской милиціи, дѣло не дошло до уличнаго сраженія. Курфюрстъ въ послѣдній моментъ уступилъ, и ганауцы побѣдили безъ кровопролитія, при чемъ имъ не понадобилось даже стать велико-герцогско-гессенскими. Мужественная твердость Ганау произвела сильное впечатлѣніе на всю Германію. Побѣдители не злоупотребляли вновь завоеванною властью; дѣло ограничилось лишь тѣмъ, что нѣкоторымъ, наиболѣе нелюбимымъ бюрократамъ устроили кошачій концертъ, да гражданская милиція съ торжественными церемоніями вытащила изъ полицейскаго зданія знаменитую машину для порки, извѣстную подъ названіемъ „Волкъ" („Вольфъ") и разбила ее вдребезги. Ужъ одинъ этотъ инструментъ является достаточнымъ объясненіемъ столь сильнаго ожесточенія кургессенскаго населенія противъ правящей бюрократіи.

Правленіе перешло къ мартовскимъ министрамъ, на постъ каковыхъ избраны были Випперманъ и Эбергардъ. Эти мужи, столь сильно преслѣдуемые до марта, дѣйствовали какъ всѣ мартовскіе министры: они боролись противъ всѣхъ попытокъ идти дальше, чѣмъ шли они сами, а съ наступленіемъ реакціи они были отстранены отъ дѣлъ извѣстнымъ Гассенпфлугомъ, получившимъ прозвище Гессенфлухъ (проклятіе гессенцевъ). Пока же въ Кургессенѣ все утопало въ радости и блаженствѣ, такъ какъ ганауцы одержали вѣдь полную побѣду.

1 марта разразился съ большою силою взрывъ и въ Нассау. Населеніе жило подъ страшнымъ гнетомъ аристократіи и буржуазіи, а прекрасная маленькая страна была превращена въ гнѣздо нищеты и рабства. Конституція была пустой формальностью, такъ какъ избирательный цензъ въ той странѣ былъ до того высокъ, что всего 73 человѣка изъ всей страны могли быть избранными. Населеніе Нассау больше всего было ожесточено споромъ изъ-за государственныхъ имуществъ (доменовъ), такъ какъ герцогъ Вильгельмъ присоединилъ, при помощи своего министра, нѣкоего господина фонъ-Биберштейна, къ своей частной собственности государственные домены, приносившіе два милліона гульденовъ. Крестьяне были также страшно угнетены въ этой странѣ и потому они всѣ дружно поднялись. Герцогъ куда-то уѣхалъ; висбаденцы подъ командою адвоката Гергенгана настояли на томъ, чтобы имъ открыли арсеналъ, и они вооружились. Они выставили извѣстныя уже требованія и прибавили къ тому, что домены должны обязательно перейти къ государству. Крестьяне поняли, что теперь самый удобный моментъ для освобожденія ихъ отъ феодальной повинности; они вооружились и толпой двинулись отъ Вестервальда въ городъ. 4 марта въ Висбаденѣ собралось до 30.000 вооруженныхъ людей. Войско ясно показывало, что не имѣетъ никакой охоты связываться съ народомъ. Правительство обѣщало все, но ничего не могло гарантировать за отсутствіемъ герцога. Возбужденіе росло; наконецъ, въ послѣдній моментъ, когда катастрофа грозила разразиться, появился герцогъ и удовлетворилъ всѣ требованія. Нассауцы стали подозрительны и недовѣрчивы и заявили, что не будутъ платить никакихъ налоговъ, пока всѣ обѣщанія герцога не будутъ исполнены. Герцогъ согласился и на это. Но герцога больше всего злило то,

что революціонеры заставили его отдать обратно домены. Крестьяне успокоились, а граждан успокоил „друг народа“ Гергенган. Теперь каждый крестьянин имѣл право рубить лѣс на дрова для себя и убивать дичь на своих полях; феодальныя повинности были уничтожены. Теперь нассаускіе крестьяне поступили подобно швабским: они, сложив руки, спокойно созерцали, как „горожане“ устроят „свои дѣла“. Бюргеры же здѣсь, как и повсюду, думали, что с политическими уступками они уж добились всего.

Въ Саксонію, которая въ то время уже сдѣлалась очагомъ либеральныхъ и радикальныхъ организацій, также проникла вѣсть о переворотѣ въ Парижѣ, и въ разныхъ частяхъ Германіи началось движеніе, но раньше всего началось оно въ Лейпцигѣ. Тамъ во главѣ либерально-конституціонной партіи стоялъ Робертъ Блюмъ, который изъ пролетарія собственными усиліями добился до положенія зажиточнаго бюргера и книгопродавца и пользовался широкою извѣстностью, какъ народный трибунъ. Уже въ 1845 году, при извѣстномъ кровопролитіи около „Прусской гостиницы“ въ Лейпцигѣ, онъ показалъ, какимъ вліяніемъ онъ пользуется на народныя массы. Заодно съ нимъ дѣйствовали Бидерманъ, представитель либеральной буржуазіи, и Арнольдъ Руге, тогда еще красный республиканецъ. Хотя въ Саксоніи уже кое-гдѣ выставлялись соціалистическія требованія, тѣмъ не менѣе всѣ теченія сливались пока въ общій потокъ, и рѣшено было поэтому подать королю адресъ съ обычными требованіями. Бидерманъ набросалъ проектъ адреса въ самыхъ робкихъ выраженіяхъ; Блюмъ придалъ ему болѣе рѣшительную формулировку. Городскіе гласные одобрили адресъ и отправили его королю. 2 марта, въ 9 часовъ вечера получился отвѣтъ. Громадная толпа народа, сильно возбужденная, распѣвая марсельезу, собралась въ ратушѣ и кругомъ ратуши. Возбужденіе усилилось, когда объявленъ былъ королевскій отвѣтъ. „Король“, говорилъ Бидерманъ съ балкона ратуши, „принялъ насъ очень любезно, выслушалъ насъ сильно растроганный, иногда у него даже слезы показывались на глазахъ, онъ далъ намъ собственноручно написанный отвѣтъ, бумага котораго сохраняетъ еще слѣды слезъ“.

Все это было, конечно, очень трогательно. Но самъ отвѣтъ короля былъ гораздо менѣе трогателенъ; онъ очень ловко обошелъ всѣ требованія и заявилъ, что городскіе гласные Лейпцига не являются представителями народа, и просто-на-просто дѣлалъ имъ выговоръ за ихъ дѣйствія.

Толпа пришла въ ярость и направилась раньше всего къ дому депутата ландтага Брокгауза, которому они устроили кошачій концертъ и разбили окна. Брокгаузъ спасся отъ народнаго гнѣва, провозгласивши: „Да здравствуетъ свобода печати!“ и обѣщавъ въ будущемъ голосовать противъ реакціонныхъ министровъ. Блюму удалось успокоить пока волнующуюся массу. Городскіе гласные снова рѣшили отправить депутацію въ Дрезденъ. Потребовали отставки цензоровъ. Цензоры устрашились, подали въ отставку и заявили, что по ихъ мнѣнію цензура ведетъ къ гибели государства. А какъ, однако, долго работали эти господа сознательно надъ „разрушеніемъ государ-

ства!“ Да, въ калейдоскопѣ революціи можно увидѣть много комичныхъ фигуръ.

Король не хотѣлъ идти на уступки; онъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что „одна единственная коммуна“ выступила на путь „петицій“, который ей совсѣмъ не подобаетъ; онъ заявилъ, что хочетъ имѣть дѣло только съ земскими чинами, которыхъ онъ обѣщаетъ созвать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Но жители Лейпцига, которые въ 1830 году добились свободы куренія, полиціи безъ остраго оружія и гражданской милиціи, не дали себя такъ легко провести. Рѣшено было настаивать на исполненіи требованій и вооружаться. Они намѣревались, если бъ король не уступилъ, двинуться толпой на Дрезденъ.

Возбужденіе охватило всю страну, но оно возросло въ особенности послѣ того, какъ король отвергъ адреса и другихъ шести городовъ и на заявленіе мееранскаго бургомистра Шведлера отвѣтилъ: „Я ничего больше не имѣю вамъ сказать, какъ только: прощайте!“ Жители Лейпцига начали дѣлать приготовленія, чтобы къ тому времени, когда въ Дрезденѣ откроется ландтагъ, двинуться туда массою; ясно было, что за ними послѣдуетъ половина Саксоніи. Это начало казаться королю опаснымъ, тѣмъ болѣе, что и дрезденцы примкнули къ движенію. Въ резиденціи происходилъ шумъ и безпорядки, на улицахъ устраивались сборища; король, наконецъ, рѣшилъ сдаться. Онъ распустилъ реакціонное министерство, и Саксонія получила своихъ мартовскихъ министровъ. Либеральные депутаты Браунъ и Оберлендеръ призваны были къ управленію, но одновременно съ ними былъ призванъ и фонъ-деръ-Пфордтенъ, который сейчасъ же принялся за дѣло, чтобы подготовить реакцію. Его назначеніе испортило настроеніе многихъ, но всѣ утѣшали себя тѣмъ, что министерство внесло въ свою программу извѣстныя народныя требованія. Но этимъ, однако, не удалось избѣгнуть послѣдствій движенія. Въ Рудныхъ горахъ и въ различныхъ городахъ бунтовали голодные рабочіе, а послѣ, въ апрѣлѣ, сожженъ былъ замокъ въ Вальденбургѣ. Шенбургскіе крестьяне были взбѣшены тѣмъ, что ихъ не хотѣли освободить полностью отъ высокихъ подавляющихъ податей, которыя имъ приходилось уплачивать въ пользу вакантныхъ помѣстій. Они напали на замокъ, сожгли документы, но при этомъ сгорѣлъ и замокъ. Ничего удивительнаго, что движеніе приняло такой характеръ именно тамъ, гдѣ нужда была сильнѣе всего, такъ какъ ни угнетенные крестьяне, ни голодающіе ткачи не могли существовать „идеями“ либерализма, германскимъ парламентомъ или свободой печати.

Ганноверъ еще не оправился отъ борьбы за свою конституцію и отъ ниспроверженія конституціи сверху, когда волна великаго освободительнаго движенія докатилась и до территоріи монарха-абсолютиста Эрнста Августа. 6 марта были предъявлены и этому королю народныя требованія, но онъ просто-на-просто отвергнулъ ихъ, заявивъ, что представительство германскаго народа въ союзѣ несовмѣстимо съ монархической формой правленія. Этотъ суровый отвѣтъ долженъ былъ служить доказательствомъ тому, что король непреклоненъ. Движеніе приняло угрожающіе размѣры; города посылали петиціи, въ Геттингенѣ произошли безпорядки, студенты устроили демонстрацію,—король въ отвѣтъ на петиціи заявилъ, что безпорядки въ странѣ слѣдуетъ

приписать подстрекателямъ-чужестранцамъ. Но въ концѣ концовъ заволновался и городъ Ганноверъ. Многія тысячи гражданъ окружили дворецъ и подали петицію; фонъ-Мюнхгаузенъ—членъ кабинета—вышелъ къ народу, чтобы передать ему отвѣтъ короля. Его не сразу стали слушать и онъ закричалъ: „Что вы хотите—кричать или слушать меня?“ Этотъ тонъ и эта надменность придворнаго привела гражданъ въ ярость; они заставили Мюнхгаузена, обращаясь къ нимъ съ рѣчью, начать словами: „Милостивые государи!“ Его сообщеніе было неудовлетворительно; король, напримѣръ, не хотѣлъ даже допустить реформы ненавистнаго полицейскаго управленія. Масса направила весь свой гнѣвъ на дома ненавистныхъ министровъ и полицейскихъ и выбила у нихъ окна; та же участь постигла и одну придворную даму, враждебно настроенную противъ народа. Войско, встрѣчаемое свистками и крикомъ, не обнаружило особой охоты къ нападенію. Возбужденіе росло, и вдругъ Эрнстъ Августъ сдался. Онъ распустилъ свое министерство, согласился на народное ополченіе, реформированіе полиціи и призвалъ въ качествѣ мартовскаго министра Стюве изъ Оснабрюка, который пользовался довѣріемъ либеральной буржуазіи, какъ защитникъ конституціи. Вмѣстѣ съ нимъ въ министерство вступилъ графъ Беннигсенъ, сынъ извѣстнаго русскаго генерала, котораго считали либераломъ, а также нѣсколько человѣкъ безъ опредѣленной политической окраски. Стюве разыгралъ постыдную роль всѣхъ вообще мартовскихъ министровъ и потому реакція въ Ганноверѣ могла справиться съ „завоеваніями“ 1848 года, какъ нигдѣ.

Въ мелкихъ германскихъ отечествахъ революція почти во всѣхъ случаяхъ развилась по образцу революцій большихъ городовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ городъ обнаружилъ трогательное простодушіе и давалъ себя быстро успокоить нѣсколькими любезными словами изъ княжескихъ устъ и нѣсколькими незначительными уступками.

Крестьяне въ Тюрингенскомъ лѣсу заволновались; настроеніе ихъ было таково, какъ будто среди нихъ расхаживалъ живой Томасъ Мюнцеръ, ободряя ихъ призывомъ: „воспрянь и впередъ!“ Скоро начались безпорядки и въ Веймарѣ; но вождь либеральной партіи, пронырливый и ловкій адвокатъ Виденбругкъ, старался успокаивать народъ. Тѣмъ не менѣе 11 марта пять тысячъ крестьянъ, перемѣшанныхъ съ іенскими студентами, вторглись въ городъ, прорвались черезъ гражданскую гвардію, охранявшую дворецъ, и принудили дать отставку министерству и назначить Виденбругка мартовскимъ министромъ. То же самое повторилось и въ другихъ мѣстахъ; крестьяне толпами шли въ города. Главнымъ образомъ гнѣвъ крестьянъ направленъ былъ противъ патримоніальныхъ судовъ и властей, строго преслѣдовавшихъ за лѣсныя порубки и браконьерство.

Почти въ такія же формы вылилось мартовское движеніе и въ Кобургъ-Готѣ, Мейнингенѣ, Альтенбургѣ, Брауншвейгѣ, Ангальтѣ, Липпе-Детмольдѣ, Гогенцоллернѣ, Ольденбургѣ и въ ганзейскихъ городахъ; всюду народныя требованія заявлялись весьма рѣшительно, и всюду они съ большими или меньшими ограниченіями были удовлетворены. Къ срединѣ марта либеральная буржуазія мелкихъ и среднихъ государствъ была полнымъ господиномъ положенія; ея представители проникли въ правительства, какъ мартовскіе министры. Теперь

оставался еще самый важный вопросъ—охватитъ ли это движеніе и обѣ великія державы, Австрію и Пруссію; безъ этого едва ли можно было надѣяться на благополучное завершеніе движенія.

Удовлетвореніе требованій народа у господствующихъ властей вынудили, какъ мы видѣли, бюргеры, рабочіе и крестьяне сообща. Крестьяне, какъ только они сбросили съ себя иго феодальныхъ повинностей, впали въ свою обычную бездѣятельность и индиферентность. Рабочіе приняли участіе въ движеніи потому, что они чувствовали, насколько для улучшенія ихъ классового положенія необходима буржуазная свобода. Они поняли, что старый феодальный міръ долженъ быть смѣненъ новымъ, современнымъ міромъ и что черезъ этотъ современный міръ лежитъ путь къ освобожденію рабочаго класса. Это убѣжденіе, конечно, не было ими почерпнуто изъ какой-нибудь опредѣленной системы философіи исторіи, но тѣмъ не менѣе они инстинктомъ чувствовали, что буржуазный міръ является ближайшимъ этапомъ по пути общественнаго прогресса. Они поэтому честно, а порою и самоотверженно боролись за буржуазную революцію, и не ихъ вина, что феодализмъ не былъ разбитъ окончательно *). Этому помѣшали слабость, трусость и вѣроломство буржуазіи, которая, увидѣвъ пролетаріатъ на аренѣ борьбы, тотчасъ затряслась за свои денежные мѣшки. Изъ страха передъ соціальной революціей, буржуазія вошла въ сдѣлку съ господствующими властями, противъ которыхъ ей только что пришлось бороться, и такимъ образомъ, какъ мы увидимъ ниже, низвела почти къ нулю всѣ завоеванія великаго движенія.

Окруженный бурными волнами революціи, Союзный сеймъ сначала совсѣмъ потерялъ было голову, но потомъ сдѣлалъ видъ, что прибралъ движеніе къ своимъ рукамъ. Къ своему заявленію отъ перваго марта онъ присовокупилъ новое заявленіе, которымъ предоставлялъ каждому государству уничтожить у себя цензуру. Эта, превзойденная уже народнымъ движеніемъ, уступка не возымѣла никакого вліянія. Либеральную буржуазію настолько ободрили ея успѣхи, что она, желая остаться во главѣ движенія, окончательно встала на революціонную почву. Она не хотѣла уже ждать больше, пока князья и правительства исполнятъ сдѣланныя обѣщанія; она хотѣла сама взять въ свои руки ихъ осуществленіе. Сама по себѣ идея эта была хороша; но, чтобы провести эту идею въ жизнь, для этого нѣмецкая буржуазія должна была бы быть создана изъ лучшаго матеріала.

5 марта 1848 года въ Гейдельбергѣ собралось 51 человѣкъ изъ юго-западной Германіи. Среди нихъ былъ цвѣтъ либеральной и конституціонно настроенной буржуазіи. Здѣсь были Бассерманъ, Мати, Гервинусъ, Велькеръ, Гейссеръ, Суаронъ, Винтеръ и другія свѣтила ба-

*) Только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ рабочіе воспользовались мартовскими днями для того, чтобы выставить свои специальныя требованія. ВъГамбургѣ, напр., портные потребовали двѣнадцатичасового рабочаго дня, свободнаго воскреснаго дня и заработной платы въ двѣ марки. Мастера-портные удовлетворили эти скромныя требованія, за исключеніемъ платы въ 2 марки, потому что послѣднее, по ихъ словамъ, было для нихъ невозможно. Въ первомъ упоеніи побѣдой, среди всеобщаго братанья, рабочіе мало думали о себѣ самихъ. Лишь позднѣе, когда выяснились классовыя противорѣчія, рабочіе большихъ городовъ начинаютъ выступать самостоятельно, насколько это было возможно въ то время.

денскаго либерализма; изъ Рейнскихъ провинцій прибыли Штедтманнъ и Ганземаннъ; изъ Вюртемберга—Ремеръ, Феперъ, Бехеръ, Баптленъ, Швейкгартъ да еще нѣкоторые не столь видные либералы; изъ Баваріи, между прочими,—Кирхгесперъ и Виллихъ; изъ Франкфурта—Биндингъ и Юхо; изъ Гессена—Генрихъ фонъ-Гагернъ, Вернгеръ фонъ-Нирштейнъ и Франкъ; изъ Австріи—одинъ только Виснеръ. Среди всѣхъ либераловъ нашлось и нѣсколько радикаловъ—Струве, Геккеръ, Брентано и Итцштейнъ изъ Бадена—которыхъ волей-неволей допустить пришлось, ибо движеніе еще не успѣло разложиться на свои разнородные элементы.

Трусливый Велькеръ, который раньше такъ любилъ облекаться въ мантію неустрашимости, призвалъ собраніе остаться на почвѣ законности и выступить только съ адресомъ къ Союзному сейму. Собраніе отклонило это предложеніе. Но оно отклонило также и республиканскія предложенія Геккера и Струве—при чемъ между Струве и Гагерномъ произошла горячая схватка—и постановило выпустить прокламацію ко всему нѣмецкому народу. Прокламація составлена была въ довольно энергичныхъ выраженіяхъ и между прочимъ положила конецъ легендѣ объ опасности, будто бы угрожающей со стороны Франціи. Въ ней говорилось: „Германія не должна вовлекать себя въ войну вмѣшательствомъ въ дѣла сосѣдняго государства или непризнаніемъ совершившихся тамъ государственныхъ перемѣнъ. Нѣмцы не должны потерпѣть, чтобы ихъ заставляли ограничивать или отнимать у другихъ націй ту свободу и ту самостоятельность, которыхъ они сами для себя требуютъ, какъ своего права“. Далѣе въ прокламаціи заявлялось, что, въ случаѣ войны, германскіе князья не должны заключать союза съ Россіей и что „собраніе представителей націи отъ всѣхъ частей Германіи, избранныхъ въ соотвѣтствіи съ численностью населенія“ является дѣломъ неотложнымъ, „какъ въ интересахъ устраненія ближайшихъ внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей для отечества, такъ и въ интересахъ развитія сильной, цвѣтущей національной жизни въ Германіи“.

Полномочіе на такой рѣшительный шагъ собраніе дало себѣ само, и такимъ образомъ, вторгаясь въ сферу власти всѣхъ правительствъ, оно само себя признало революціоннымъ. Собраніе пошло еще дальше и назначило комитетъ для проведенія въ жизнь принятыхъ постановленій. Въ комитетъ этотъ были избраны: Генрихъ фонъ-Гагернъ, Велькеръ, Итцштейнъ, Ремеръ, Биндингъ, Штедтманнъ и Виллихъ. Такимъ образомъ, въ комитетѣ оказалось два мартовскихъ министра—Ремеръ и Гагернъ; единственнымъ радикальнымъ членомъ былъ старый Итцштейнъ, принадлежавшій въ эпоху французской революціи къ числу майнцскихъ клубистовъ и игравшій видную роль въ баденской палатѣ, какъ членъ оппозиціи.

Государственнымъ дѣятелямъ Союзнаго сейма еще разъ показалось, что они могутъ еще идти въ ногу съ нѣмецкимъ движеніемъ. Они сами признали, что союзная конституція нуждается въ пересмотрѣ и избрали комиссію, которой поручено было доставить докладъ объ этомъ; затѣмъ они объявили имперскій орелъ гербомъ для союза, а

цвѣтами его—черно-красно-золотой. Но этимъ Союзный сеймъ только увеличилъ комизмъ своего положенія, ибо это постановленіе только напомнило всѣмъ и каждому о тѣхъ временахъ, когда четверть вѣка тому назадъ по иниціативѣ того же самаго Союзнаго сейма многіе нѣмецкіе студенты были на долгое время брошены въ тюрьмы за то только, что они дерзнули принадлежать къ „опаснымъ для блага государства" корпораціямъ, эмблемой которыхъ были черно-красно-золотые цвѣта. Постановленіе это, однако, ни къ чему не повело, точно такъ же, какъ и адресованное всѣмъ правительствамъ приглашеніе прислать во Франкфуртъ своихъ уполномоченныхъ, которые могли бы принять участіе въ пересмотрѣ конституціи. Правительства своихъ уполномоченныхъ дѣйствительно послали, но, несмотря на то, что среди послѣднихъ находились очень популярные люди, какъ Іорданъ, Гервинусъ, Бассерманнъ, Тодтъ (изъ Саксоніи), Уландъ и Гагернъ, вся эта мѣра не возымѣла рѣшительно никакого дѣйствія: было уже слишкомъ поздно.

12 марта 1848 года комитетъ семи разослалъ приглашеніе всѣмъ лицамъ, которыя въ то время или раньше состояли членами земскихъ чиновъ или участвовали въ законодательныхъ собраніяхъ всѣхъ германскихъ земель, включая сюда Пруссію, Познань и Шлезвигъ,— собраться 30 марта во Франкфуртѣ на Майнѣ и обсудить основные вопросы переустройства Германіи.

Приглашеніемъ только лицъ, состоящихъ или состоявшихъ членами палатъ, комитетъ хотѣлъ придать дѣлу видъ нѣкоторой законности. Но, когда собраніе открылось, въ немъ оказалось порядочное количество политическихъ знаменитостей, не имѣвшихъ за собой никакого парламентскаго прошлаго.

Широкія народныя массы съ восторгомъ привѣтствовали гейдельбергскія постановленія и ожидали отъ собранія всяческихъ благъ; только немногіе, болѣе дальновидные, люди уже тогда могли понять, что народъ выпускаетъ движеніе изъ своихъ рукъ, что онъ предаетъ рѣшающій голосъ такому собранію, которое уже по одному тому, **какъ** оно составлялось, должно было дать подавляющее большинство робкимъ либераламъ или реакціоннымъ элементамъ.

Нѣмцы были увѣрены, что они и въ самомъ дѣлѣ добились уже свободы, имъ и въ голову не приходило, что какъ разъ самая трудная задача не нашла еще себѣ разрѣшенія и что только что завоеванной свободѣ необходимо еще обезпечить прочную основу, что нужно отлить ее въ соотвѣтствующую духу времени форму.

Многія лица, пережившія то великое время, оставили намъ разсказы о своихъ впечатлѣніяхъ и чувствахъ. И почти всѣ они, за исключеніемъ завзятыхъ реакціонеровъ, вспоминали съ высокимъ энтузіазмомъ мартовскіе дни, когда всѣ нѣмцы дѣйствительно казались братьями и когда національные споры совершенно отступили на задній планъ. Въ этомъ упоеніи радостью люди высокаго и низкаго званія составляли одно цѣлое, и даже классовыя различія стушевались. Надворные совѣтники братски подали руку ремесленникамъ, дворяне-помѣщики объединились съ крестьянами, банкиры—съ рабочими, и то, о чемъ только грезили поэты, превратилось въ живую дѣйствительность. Но тутъ же сказались всѣ національныя свойства тогда еще политически неразвитыхъ нѣмцевъ; драгоцѣнное время ухлопывалось

на вокальныя упражненія; повсюду раздавались звуки извѣстныхъ пѣсенъ: „Deutschland, Deutschland über Alles" и „Was ist des Deutschen Vaterland" *). Тысячи поэтовъ, тысячи доморощенныхъ ораторовъ портерныхъ заведеній прославляли „свободу" до тошноты. Выпито было, конечно, тоже не мало, какъ и полагается въ такое время. На сцену вынырнула также масса сумасбродныхъ головъ, которыя хотѣли воспользоваться движеніемъ для своихъ любимыхъ коньковъ. Нашлись, напримѣръ, такіе господа, которымъ уничтоженіе обычая снимать при встрѣчѣ шляпу казалось гораздо важнѣе, чѣмъ имѣющая быть выработанной конституція. У господствующихъ классовъ хватило хитрости, чтобы принять дѣятельнѣйшее участіе во всѣхъ этихъ восторгахъ. Дворяне и придворные, плутократы и бюрократы, ограниченные филистеры и заядлые мѣщане дѣлали все возможное, чтобы преисполнить народъ безграничной и „трогательной" довѣрчивости. Когда волны революціи били очень высоко, всѣ эти господа, пересиливая себя, провозглашали тосты за „свободу"; когда волны стали бить слабѣе, они пили уже только за „единство", а когда начался рѣшительный поворотъ, они удостаивали своимъ вниманіемъ уже только „порядокъ". Только позже нѣмцы поняли, какъ много среди нихъ было людей съ высохшими сердцами,—людей того сорта, которыхъ Гёте такъ прекрасно характеризовалъ словами: пустая кишка, полная страха и надежды**).

Движеніе охватило всѣ государства Германскаго Союза, за исключеніемъ обѣихъ великихъ державъ, Пруссіи и Австріи. Своимъ приглашеніемъ на франкфуртское собраніе представителей и этихъ двухъ державъ комитетъ семи заставилъ ихъ опредѣлить свое отношеніе къ германскому движенію. Какъ именно будутъ держаться Пруссія и Австрія, этого семь членовъ гейдельбергскаго комитета знать не могли. Были и такіе пессимисты, которые со стороны Австріи ждали всего наихудшаго, главнымъ образомъ потому, что во время гейдельбергскаго рѣшенія великій укротитель европейской революціи, Меттернихъ, былъ, казалось, въ расцвѣтѣ своего могущества. Самъ Меттернихъ, несомнѣнно, питалъ еще надежду задавить начавшееся въ Германіи движеніе и задавить, разумѣется, своими обычными средствами. Нельзя отрицать и того, что движенію недоставало того единства, которое придавало бы ему мощь и силу; на сцену выступило масса

---

*) Послѣдняя довольно-таки безсмысленная пѣсня Эрнста Морица Арндта, несомнѣнно, обязана своей популярностью главнымъ образомъ мелодіи.

**) Блестящаго представителя этого типа мы открыли въ лицѣ одного швабскаго филистера. На вопросъ о томъ, что думаетъ онъ о пережитомъ имъ въ 1848 годѣ, онъ отвѣтилъ: „Тогда никто не хотѣлъ работать!" До болѣе высокой оцѣнки „бѣшенаго года" онъ не доросъ. И такихъ людей по всѣмъ градамъ и весямъ Германіи встрѣчалось тысячи, какъ встрѣчается еще и теперь. Мы не можемъ въ настоящей работѣ отводить больше мѣста тому множеству анекдотовъ изъ эпохи 1848 года, которые могли бы характеризовать недостатокъ политическаго пониманія у нѣмецкаго народа. Если одинъ дармгессенецъ дѣйствительно требовалъ „республики съ великимъ герцогомъ во главѣ" или „свободы печати съ цензурой", если одинъ гамбургскій республиканецъ на замѣчаніе—„вѣдь у васъ уже есть республика!" отвѣтилъ: „тогда мы хотимъ еще одну", все это, конечно, можетъ казаться весьма забавнымъ, но вопреки довольно распространенной манерѣ никакъ не можетъ быть поставлено въ счетъ при оцѣнкѣ самого народнаго движенія.

разныхъ локальныхъ и провинціальныхъ интересовъ, которыми Меттернихъ думалъ воспользоваться для своихъ цѣлей. Правительства Пруссіи и Австріи соединенными силами, конечно, могли бы подавить движеніе и тутъ же возстановить старый порядокъ, но это только въ томъ случаѣ, если бы на ихъ собственныхъ территоріяхъ все оставалось спокойно. На самомъ же дѣлѣ все шло по рецепту, преподанному рыцаремъ Флоріаномъ Гейеромъ во время крестьянской войны: „Нужно, чтобы свистъ раздался у дверей каждаго!“ Революція не считается съ географіей; какъ она проникла чрезъ Рейнъ, точно такъ же волны ея покатились черезъ границы Австріи и Пруссіи, къ самой сердцевинѣ этихъ государствъ.

Революція въ Австріи.

Государственный дѣятель Священнаго Союза, князь Меттернихъ, какъ мы уже видѣли, весьма умѣло пользовался столкновеніями различныхъ національностей въ Австріи и взаимно уравновѣшивалъ ихъ. Съ помощью панславизма онъ держалъ въ должныхъ границахъ нѣмцевъ, а въ лицѣ мадьяръ онъ создалъ противовѣсъ панславизму. Но именно эта политика противовѣсовъ, которую Меттерниховскія продажныя креатуры воспѣвали, какъ источникъ истинной государственной мудрости, должна была проложить въ австрійскія земли дорогу для революціи, ибо Меттернихъ, чтобы имѣть возможность использовать мадьяръ противъ панславизма, сдѣлалъ мадьярамъ рядъ конституціонныхъ уступокъ; въ результатѣ этого политическое самосознаніе Венгріи начало развиваться, и оно-то разбило тѣ основы, въ тискахъ которыхъ задыхалась Австрія.

Пылкіе, легко поддающіеся экзальтаціи, мадьяры встрѣтили вѣсть о парижскихъ событіяхъ съ пламеннымъ энтузіазмомъ; ихъ нисколько не смущало то обстоятельство, что оффиціальная „Вѣнская Газета"— единственная газета, выходившая въ Вѣнѣ до революціи—со всей напыщенностью и надменностью представителей стараго режима выдвинула цѣлую батарею фразъ противъ „коммунистической" революціи въ Парижѣ; ихъ нисколько не смущали наивныя разглагольствованія этой газеты о томъ, что спасенія-де надо искать только „въ тѣсной привязанности управляемыхъ къ своимъ правительствамъ". Въ Пресбургѣ засѣдалъ венгерскій сеймъ, и волна тогдашняго движенія скоро докатилась до самаго зала засѣданій. 3-го марта на трибуну взошелъ Кошутъ, чтобы высказать то, чѣмъ полно было сердце каждаго.

Кошутъ, который тогда уже достигъ 46-лѣтняго возраста и который теперь уже—90-лѣтній старецъ *), былъ непримиримымъ врагомъ австрійскаго дома, ненавидѣть который онъ научился въ теченіе своего четырехлѣтняго заключенія въ крѣпости Мункачъ.

Въ печати и въ ландтагѣ онъ долгіе года боролся за независимость Венгріи и противъ австрійской опеки. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ первымъ ораторомъ того времени; его рѣчи—„гармоническій водопадъ", какъ ихъ называли — полныя возвышенныхъ мыслей, блестящія по

---

*) Кошутъ умеръ 20 марта 1894 года.

формѣ, мастерски приспособленныя къ національному характеру венгровъ, производили невѣроятное дѣйствіе. Кошутъ и по наружности, и по воззрѣніямъ былъ съ головы до ногъ мадьяръ, и именно поэтому онъ былъ тѣмъ опаснѣе для Габсбурговъ.

„Мы катимъ камень Сизифа,—началъ знаменитый ораторъ,—и боль неподвижности охватываетъ мою душу снѣдающей скорбью. Мое сердце обливается кровью, когда я вижу, сколько талантовъ убивается на неблагодарной работѣ, напоминающей мучительное и безплодное мыканье въ бѣличьемъ колесѣ. Да, надъ нами повисло тяжелое проклятіе удушающаго смрада. Отъ разлагающагося трупа вѣнской правительственной системы на насъ вѣетъ тлетворный вѣтеръ, который цѣпенитъ нервы наши и принижаетъ духъ нашъ“. Послѣ уничтожающей критики Меттерниховской правительственной системы Кошутъ заявилъ, что династія не можетъ больше опираться на гнилую систему. „За дорогую сердцу династію,—продолжалъ онъ,—народы могутъ жертвовать кровью и жизнью; но за политику угнетательской правительственной системы даже молодой воробей не пожертвуетъ собой. И если въ Вѣнѣ есть человѣкъ, который, стремясь сохранить за собою власть на небольшой остатокъ своихъ дней, ко вреду династіи кокетничаетъ съ союзомъ абсолютныхъ державъ, то пусть онъ припомнитъ, что бываютъ друзья, которые опаснѣе враговъ. Да, мое глубокое убѣжденіе, что будущее нашей династіи стоитъ въ неразрывной связи съ воцареніемъ братства между различными народами монархіи, а это братство можетъ быть создано, при условіи уваженія къ существующимъ національностямъ, только тѣмъ цементомъ, который дается осуществленіемъ принциповъ конституціонализма. „Канцелярія и штыкъ—плохія связующія средства!“

Эта рѣчь, вполнѣ отвѣчавшая переживаемому моменту и національнымъ чертамъ мадьяръ, пламенная и возбуждающая, вызвала въ сеймѣ цѣлую бурю восторговъ. Предложенія Кошута тотчасъ были приняты, и собраніе рѣшило отправить къ императору-королю депутацію, чтобы потребовать отъ него національнаго правительства, т. е. отвѣтственнаго министерства, составленнаго только изъ венгровъ. Далѣе депутація должна была потребовать также удовлетворенія всѣхъ возбужденныхъ венграми жалобъ и организаціи государственнаго строя въ конституціонномъ духѣ.

А вѣрилъ ли самъ Кошутъ въ осуществимость общей конституціи для всѣхъ владѣній Габсбурговъ? Вѣроятно—нѣтъ; но онъ зналъ, что его требованіе расшатаетъ зданіе австрійской имперіи, а, можетъ быть, превратитъ ее даже въ груду развалинъ, и на этихъ-то развалинахъ Кошутъ разсчитывалъ основать независимость своей Венгріи. Ибо демократъ-конституціоналистъ Кошутъ былъ прежде всего мадьяромъ и только мадьяромъ.

Чтобы защитить себя отъ дѣйствія рѣчи Кошута, власти пустили въ ходъ цензуру; въ Венгріи газеты могли напечатать ее только въ изуродованномъ видѣ, а въ другихъ владѣніяхъ Габсбурговъ ей совсѣмъ не удалось увидѣть свѣта. Но, несмотря на это, рѣчь эта въ рукописяхъ и особыхъ оттискахъ получила распространеніе по всей Австріи.

Въ Прагѣ среди чеховъ тоже началось движеніе, хотя и но-

сившее чисто національно-славянскій характеръ; отсюда былъ отправленъ адресъ королю. Въ это же самое время и среди обычно столь благодушныхъ вѣнцевъ поднялъ голову, выражаясь языкомъ франкфуртскихъ ночныхъ сторожей, „духъ мятежа". До сихъ поръ вѣнцы въ глазахъ всѣхъ были самыми лойяльными подданными; они казались вѣчно веселыми и благонравными, ко всѣмъ обращались не иначе, какъ со словами „ваша милость", и были преисполнены безграничнаго благоговѣнія передъ всѣми божками земными. Вѣнцы безъ всякаго сопротивленія, молча сносили гнетъ мерзкаго, отвратительнаго полицейскаго режима тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ; политической жизни въ настоящемъ смыслѣ слова здѣсь не было; вся энергія этого народа, казалось, была направлена на безобидный „амуръ" и разнаго рода удовольствія. Въ удовольствіяхъ въ Вѣнѣ недостатка не было; Вѣна даже такъ далеко ушла въ этомъ направленіи, что превратилась въ мѣсто великаго сборища всеевропейскихъ праздношатающихся, бездѣльниковъ, кутилъ, игроковъ, шарлатановъ, сластолюбцевъ и развратниковъ. Все это относится, разумѣется, только къ внутренней части города, ибо внѣшнія предмѣстья переполнены были тысячами пролетаріевъ, измученныхъ, какъ мы уже сообщали, голодомъ и неописуемой нуждой; передъ самыми воротами веселой Вѣны грозно подымала голову массовая нищета.

Когда получились возбуждающія вѣсти изъ Франціи и изъ области германскаго союза, вѣнцы разомъ начали себя чувствовать политическими людьми. Бюрократія страшно перемѣнилась: въ Вѣну хлынулъ потокъ безчисленнаго множества газетъ, и—просто неслыханно!—вѣнцы дерзнули читать, во всеуслышаніе читать ихъ въ трактирахъ и кафе, нисколько не обращая вниманія на шпіоновъ ненавистнаго оберъ-полицейскаго Седльницкаго. Въ виду того, что курсъ падалъ, многіе рантье почувствовали страхъ и стали спѣшить къ сберегательнымъ кассамъ и въ государственный банкъ съ требованіемъ обмѣна кредитокъ и бумагъ на звонкія деньги. Глухое броженіе стало замѣчаться также среди рабочихъ и студентовъ.

Австрійскій ремесленный союзъ первый отправилъ императору Фердинанду I адресъ, въ которомъ требовалъ присоединенія ко всей Германіи и выражалъ увѣренность, что и вся система въ недалекомъ будущемъ будетъ измѣнена. Придворная камарилья, которая всецѣло водила на помочахъ слабаго императора Фердинанда и правила именемъ его, сдѣлала такой видъ, что дескать вѣнцамъ оказывается громадная милость уже только тѣмъ, что у нихъ принимаютъ адресъ для передачи императору.

Разъ начавшись, дѣло фабрикаціи адресовъ пошло впередъ. Горожане составили второй адресъ; отважилась также и буржуазія. Среди многочисленныхъ подписей находились и очень видныя имена, высшіе чиновники, крупные капиталисты и купцы. Это произвело при дворѣ извѣстное впечатлѣніе. Адресъ былъ переданъ комитету сейма для внесенія на обсужденіе самаго сейма.

Въ это время къ движенію примкнуло студенчество и придало ему совершенно своеобразный характеръ. Эти честные юноши выказали много мужества и готовности къ самопожертвованію; они боролись всегда съ отвагой и полны были высокаго идеализма. Но когда

впослѣдствіи все движеніе оказалось въ ихъ рукахъ, обнаружилось, что дальновидности и политическаго опыта имъ не хватаетъ. Но этого, конечно, и нельзя было ожидать отъ столь молодыхъ людей. Въ университетахъ трудно найти государственныхъ дѣятелей и солдатъ. Но вмѣшательство жизнерадостнаго студенчества дало мощный толчокъ тяжелымъ на подъемъ вѣнскимъ бюргерамъ и рѣшительно направило все движеніе къ ближайшей цѣли, къ низверженію Меттерниховской системы. На студенческомъ собраніи въ актовомъ залѣ вѣнскаго университета около 2000 студентовъ подписали адресъ, въ которомъ выставлялись извѣстныя народныя требованія. Два профессора, Гіэ и Эндлихеръ, люди не очень высокаго калибра, еще въ тотъ же вечеръ отправились съ адресомъ во дворецъ и добрались до самого императора. Бѣдный Фердинандъ никакъ не могъ понять, чего отъ него хотятъ эти двое, а они, въ свою очередь, не поняли поэтому, что онъ имъ отвѣтилъ. На слѣдующій день, 13 марта, въ зданіи сейма собрались сословія. Скоро около зданія начали собираться бюргеры; это была исключительно „чистая публика“, и плохо одѣтыхъ пролетаріевъ среди нихъ не было ни одного. Въ актовый залъ вновь стали стекаться студенты, и профессоръ Гіэ намѣревался прочитать имъ длинный отчетъ о своей аудіенціи у „императора Нандля“. Но студенты совсѣмъ не слушали и торжественнымъ шествіемъ направились къ зданію сейма.

Сеймъ, окруженный шумной и взволнованной толпой, не зналъ, что дѣлать, точно такъ же, какъ и собравшійся во дворцѣ государственный совѣтъ; присутствовавшій же въ совѣтѣ Меттернихъ облекся въ мантію холодности и важности. Въ глубинѣ души онъ, надо думать, чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, но съ внѣшней стороны онъ старался держаться очень спокойно и на извѣстіе о волненіи величественно отвѣтилъ: „а мнѣ что за дѣло до этого?“

Вѣнцы, собравшіеся передъ зданіемъ сейма, тоже хорошенько не знали, что имъ слѣдуетъ дѣлать. Тогда молодой хирургъ Фишгофъ, оставшійся по нынѣ хорошимъ демократомъ, поднялся на крышу колодца во дворѣ сейма и крикнулъ: „Да здравствуетъ свобода!“ Толпѣ данъ былъ толчокъ, и тотчасъ со всѣхъ сторонъ раздались возгласы: „Свобода печати!“ „Конституціи!“—„Отвѣтственность министровъ!“ и т. д. и т. д., все въ духѣ неизмѣнныхъ украшеній буржуазной свободы. Обращаясь къ собранію сословій, Фишгофъ сказалъ: „Народъ хочетъ своими дѣйствіями оказать поддержку сословіямъ, чтобы они представили его желанія императору“. А председатель ландтага, Монтекукули, очень любезно отвѣтилъ: „Желанія народа суть и желанія сословій!“

Въ такихъ-то невинныхъ формахъ началось все дѣло и столь же невиннымъ образомъ оно, казалось, и будетъ продолжаться дальше. Но тутъ одному студенту взбрело на умъ прочитать присутствующимъ классическую рѣчь Кошута. Возбужденная толпа превращается въ бушующее море; послѣ каждой энергичной фразы вокругъ зданія сейма раздается бурный ропотъ, слышны гнѣвные возгласы; членамъ сословій начинаетъ становиться не по себѣ. Рѣчь Кошута впервые даетъ толпѣ настоящій пароль, и изъ тысячъ грудей вырываются бѣшеные возгласы съ требованіемъ отставки ненавистнаго министра. „Долой Меттерниха!“—„Долой іезуитовъ!“ — „Народное вооруи-

женіе!"—„Долой русскихъ!"—загремѣли передъ стѣнами сейма грозные крики. Изъ помѣщенія падаетъ листокъ бумаги, на которомъ написано, что сословія намѣрены просить императора объ обнародованіи государственнаго бюджета и о созывѣ комитета, который долженъ быть составленъ изъ представителей всѣхъ провинцій. Но въ одно мгновеніе ока сословія лишились довѣрія разочарованной толпы. „И только?"—„Къ чорту сословія!"—„Разорвите пустую бумажонку!"—„Конституціи!"—„Да здравствуетъ конституціонный императоръ Австріи!" *).

Толпа двинулась въ домъ сословій, и господа совѣщавшіеся моментально исчезли. Маршалъ ландтага, который порядочно струсилъ передъ разгнѣванной толпой, торопливо протискивается впередъ со словами: „Ничего не остается дѣлать, нужно передать императору желанія народа!" Съ отрядомъ студентовъ онъ отправляется отсюда къ дворцу, гдѣ его принимаетъ государственный совѣтъ. Высокомудрые совѣтники глубокомысленно напяливаютъ очки, принимаютъ обычныя высокомѣрныя позы и обѣщаютъ немедленно заняться вопросомъ и затѣмъ предложить его на разрѣшеніе императору. Но тутъ ихъ обрываетъ грохотъ ружейнаго залпа, донесшійся отъ сейма сюда. Залпъ этотъ возвѣщалъ о кончинѣ системы Меттерниха, хотя на видъ это пока было не такъ.

Еще съ утра на ноги поднята была огромная масса войскъ—инфантеріи, кавалеріи и артиллеріи. Главнокомандованіе поручено было эрцгерцогу Альбрехту, сыну знаменитаго эрцгерцога Карла; мягкосердечія отца сынъ, однако, не унаслѣдовалъ. Войска стояли по улицамъ, окруженныя народомъ, и сохраняли полную неподвижность среди всей этой бурной суматохи; а толпы народа, не смущаясь присутствіемъ войскъ, кричали: „Долой Меттерниха!" Катастрофа казалась непредотвратимой, и она дѣйствительно разразилась.

Войска двинулись къ сейму, чтобы очистить площадь, находящуюся передъ зданіемъ. Толпа, забравшаяся въ зданіе сейма, вышла изъ себя и переломала тамъ всю мебель. Обломками толпа стала швырять черезъ окна въ солдатъ. Когда одинъ изъ обломковъ попалъ въ офицера, солдаты дали залпъ черезъ окно сейма, но при этомъ не пострадалъ никто. Народъ, приходя все въ большую ярость, кричалъ: „Долой солдатъ!" Явился самъ эрцгерцогъ Альбрехтъ. Одинъ изъ обломковъ, летѣвшихъ черезъ окно, задѣлъ его весьма чувствительно за плечо, и въ тотъ же моментъ по невооруженной толпѣ раздалось два залпа. Кто отдалъ приказъ стрѣлять—точно не установлено; когда пороховой дымъ разсѣялся, на землѣ оказалось пять человѣкъ убитыхъ.

Толпа бросилась бѣжать съ площади сейма и въ дикой суматохѣ, преслѣдуемая кавалеріей, помчалась по прилегающимъ улицамъ. Изъ толпы раздавались призывы къ мести, начались попытки сооруженія баррикадъ. Но это было не такъ легко сдѣлать; вѣдь „благодушные"

---

*) Насколько для Габсбурговъ ненавистно было уже одно слово „конституція", видно изъ того, напр., что когда лейбъ-медикъ Франца I заговорилъ о „хорошей конституціи" (т. е. хорошемъ тѣлосложеніи) императора, послѣдній гнѣвно прервалъ его словами: „Что онъ болтаетъ тамъ о какой-то конституціи? У меня нѣтъ никакой конституціи и никакой конституціи я имѣть не хочу!"

вѣнцы не могли такъ скоро превратиться въ опытныхъ баррикадныхъ бойцовъ. Произошелъ цѣлый рядъ уличныхъ стычекъ, иногда кровопролитныхъ, и если войска разсѣивали толпу на одномъ мѣстѣ, она опять собиралась въ другомъ. Къ вечеру улицы огласились сигналомъ тревоги; онъ вызвалъ на улицу вооруженный городской отрядъ, такъ какъ возбужденіе охватило, наконецъ, и „уважаемыхъ" бюргеровъ и даже лицъ „съ высокимъ общественнымъ положеніемъ". Они, вооруженные, собрались на гласисъ и отправили къ императору депутацію съ требованіемъ удаленія войскъ. Въ то же время студенты отправили во дворецъ стараго ректора университета, чтобы потребовать оружія для учащейся молодежи. Такимъ образомъ, во дворцѣ оказалось цѣлыхъ три депутаціи, ибо одну депутацію послали также сословія.

Въ теченіе уличныхъ стычекъ народная толпа добралась и до самаго дворца, который охранялся гарнизономъ изъ 4000 солдатъ со многими орудіями. Эрцгерцогъ Максимиліанъ отдалъ приказъ разогнать толпу картечью, но канониры настроены были человѣчнѣе и разсудительнѣе, чѣмъ этотъ представитель дома Габсбурговъ, и залпа не дали. Уличныя стычки серьезныхъ размѣровъ вообще не приняли; со стороны народа пало убитыми и ранеными не больше 50 человѣкъ, среди которыхъ большинство составляли безоружные и женщины.

Въ то время, какъ на улицахъ грохотали залпы и гремѣли вопли ярости и мести, во дворцѣ кишѣли, смѣшавшись въ кучу толпы придворныхъ, члены государственнаго совѣта, офицеры, лакеи и члены различныхъ депутацій. Бѣдный императоръ Фердинандъ заперся со слугой въ уединенную комнату и никого не пускалъ къ себѣ. „Посмотрите,"—говорилъ онъ своему слугѣ,—„я стрѣлять не позволю!" Фердинандъ былъ нѣсколько слабъ умомъ, но у него было несравненно больше гуманности, чѣмъ у всей камарильи принцевъ и государственныхъ совѣтниковъ, которые приказали стрѣлять въ народъ на улицахъ, а во дворцѣ упорно сопротивлялись самымъ ничтожнымъ уступкамъ. Присутствовавшіе эрцгерцоги, тайные совѣтники и офицеры разговаривали съ явившимися депутаціями въ весьма грубомъ тонѣ, особенно, когда рѣчь зашла о требованіи отставки Меттерниха. Депутація отъ гражданской гвардіи хотѣла было уже удалиться, но ее удержали и къ ней подошелъ самъ Меттернихъ. Онъ подошелъ къ одному изъ членовъ депутаціи, Шерцеру, потрепалъ его по плечу и сказалъ: „Было бы прямо стыдно, если бы бюргеры въ союзѣ съ войскомъ не сумѣли справиться съ уличными безчинствами".

„Ваше сіятельство,—отвѣчалъ Шерцеръ,—это не уличныя безчинства, а—революція" *).

„Это неправда!—воскликнулъ Меттернихъ.—На самомъ дѣлѣ народъ подстрекаютъ только жиды, поляки, итальянцы и швейцарцы".

Шерцеръ указалъ безстыжему канцлеру на подписи подъ петиціями и заявилъ, что граждане отказываются отъ сотрудничества съ войсками, такъ какъ войска стрѣляли въ этихъ самыхъ гражданъ. Эрцгерцогъ Альбрехтъ сказалъ, что граждане и солдаты могли бы

*) Замѣчательно, что въ день взятія Бастиліи, 14 іюля 1789 года герцогъ де-Ліанкуръ съ такими же словами обратился къ Людовику XVI.

сообща охранять караулы, но добавилъ при этомъ, что при первомъ же признакѣ противодѣйствія со стороны гражданъ въ нихъ немедленно будутъ стрѣлять. Депутація отъ гражданской гвардіи отклонила предложеніе, и эрцгерцогъ Максимиліанъ тогда воскликнулъ: „Хорошо же, значитъ, и вы тогда—бунтовщики, и въ васъ тоже будутъ стрѣлять! Тогда у депутатовъ, наконецъ, лопнуло терпѣніе и они, сопровождаемые не особенно лестными замѣчаніями, удалились изъ зала ауедіенціи, гдѣ остались Меттернихъ и эрцгерцогъ, все еще не отрѣшившіеся отъ стараго высокомѣрія. Если бы Меттернихъ зналъ въ этотъ моментъ, что народъ съ такой яростью разгромилъ его великолѣпную виллу, что отъ нея остались однѣ голыя стѣны, онъ поубавилъ бы своего „величественнаго спокойствія“.

Придворные опять задержали депутацію отъ гражданской гвардіи, ибо настроеніе тутъ же начало измѣняться, и, когда вскорѣ снова появился эрцгерцогъ Альбрехтъ и тотчасъ же грубо оборвалъ одного изъ членовъ депутаціи словами: „держите языкъ за зубами“!—онъ встрѣтилъ бурную отповѣдь даже со стороны придворныхъ лакеевъ. Одна за другой появлялись новыя депутаціи, которыя становились все настойчивѣе, и придворные увидѣли себя вынужденными согласиться на отставку Меттерниха. Трескъ оружейныхъ залповъ на улицахъ не на шутку напугалъ государственныхъ мужей и придворныхъ; когда одинъ изъ бюргеровъ воскрикнулъ: „Видно и здѣсь скоро придется сказать, какъ въ Тюльери: слишкомъ поздно!“—всѣ эти герои окончательно присмирѣли. Придворная интрига со стороны эрцгерцогини Софьи тоже, въ свою очередь, содѣйствовала паденію Меттерниха: эта честолюбивая женщина стремилась завоевать для себя то вліяніе, которымъ у императора пользовался Меттернихъ. Подъ вліяніемъ всего этого высокій совѣтъ при дворцѣ раскололся. И такъ какъ депутаціи снова и снова и все съ большей настойчивостью требовали отставки Меттерниха, то имъ, наконецъ, уступили, и часъ великаго политика застоя и носителя всеевропейской системы государственныхъ ночныхъ сторожей—пробилъ. Депутаціи были приглашены въ большой залъ конференцій, и передъ ними выступилъ Меттернихъ.

„Вы заявили, что только моя отставка можетъ возстановить спокойствіе, — обратился онъ къ депутаціямъ. — Я принимаю ее поэтому съ радостью! Желаю вамъ счастья въ новомъ правительствѣ, желаю счастья Австріи!“

„Ваше сіятельство,—отвѣтилъ одинъ изъ депутатовъ отъ горожанъ,—мы ничего не имѣемъ противъ васъ лично, но—все противъ вашей системы. Мы благодаримъ васъ за сложеніе съ себя должности. Да здравствуетъ императоръ Фердинандъ!“

По всему дворцу прокатился этотъ возгласъ въ честь бѣднаго Фердинанда, а Меттернихъ, который еще только что стоялъ на вершинѣ своего высокомѣрія и теперь такъ низко упалъ съ этой высоты, тайкомъ пробрался черезъ заднюю дверь, никѣмъ неузнанный вышелъ изъ дворца и бѣжалъ изъ города черезъ Прагу въ Лондонъ, гдѣ онъ уже засталъ своего коллегу и товарища по судьбѣ, Гизо, который въ женскомъ платьѣ бѣжалъ сюда отъ побѣдоноснаго парижскаго народа. Въ свое офиціальное прошеніе объ отставкѣ Меттернихъ вставилъ слова: „Я подписываю разложеніе монархіи!“ Этотъ тщеславный дипло-

матъ и впрямь былъ убѣжденъ, что положеніе дѣлъ въ государствахъ обусловливается его высокой персоной.

Теперь изъ вѣнскаго дворца втихомолку начинаютъ исчезать одинъ за другимъ и воинственные эрцгерцоги, и вслѣдъ за этимъ начинаются уступки. Правительство согласилось на то, чтобы студенты вооружились, чтобы въ составъ городского ополченія вошли всѣ граждане и чтобы имъ было выдано оружіе изъ цейхгауза. Эти уступки сообщилъ „сѣдой хитрецъ“, эрцгерцогъ Людвигъ; онъ же передалъ отставленному Меттерниху извѣстную „благодарность Австрійскаго дома“, отпустивши его безъ единаго слова участія или любезности.

Шерцеръ поспѣшилъ на Дворцовую площадь, взобрался на газовый фонарь и громовымъ голосомъ обратился къ многочисленной толпѣ со словами: „Меттернихъ низвергнутъ, онъ смѣщенъ!“ Бурные крики радости привѣтствовали эти слова и облетѣли всю Вѣну; вечеромъ городъ отпраздновалъ это торжество иллюминаціей. Въ ту же ночь студенты вооружились и организовали знаменитый „академическій легіонъ“, сыгравшій такую видную роль въ австрійскомъ движеніи. Очень недурно было то, что молодые люди вооружились и вообще не отличались такой трогательной довѣрчивостью, какъ бюргеры, которыхъ, что называется, распирало отъ радости.

Такимъ образомъ, „благодушные“ вѣнцы съ относительно малыми жертвами сбросили съ себя иго „системы“ Меттерниха съ ея носителемъ. Но еще раньше, чѣмъ только что завоеванная „свобода“ была отлита въ страстно желанныя строго конституціонныя формы, въ ней уже была трещина. Въ Вѣнѣ въ первый же день революціи классовыя противорѣчія вскрылись съ большей рѣзкостью, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Зажиточные бюргеры центральной части города, которые окружили ратушу сословій и дворецъ, вооружились не только за тѣмъ, чтобы защищать завоеванныя уступки, но и для того, чтобы поддерживать „порядокъ“, т. е. усмирять пролетаріатъ предмѣстій. Когда 13 марта въ предмѣстья донеслась вѣсть о томъ, что въ городѣ началось возстаніе, толпы рабочихъ, готовыхъ къ борьбѣ, устремились въ городъ. Но передъ ними закрыли ворота и не пустили ихъ внутрь города. Раздраженные рабочіе возвратились въ предмѣстья, и подъ вліяніемъ возбужденія дѣло въ этотъ день дошло до эксцессовъ, обычныхъ, когда нужда достигаетъ такихъ размѣровъ, что люди впадаютъ въ полное отчаяніе. Въ предмѣстьяхъ Фюнфгаузѣ и Зексгаузѣ толпа подожгла дома фабрикантовъ, которые эксплоатаціей заслужили ненависть рабочихъ, и разрушила на фабрикахъ машины, лишившія массу рабочихъ послѣдняго куска хлѣба. Нѣсколько сотенъ рабочихъ собрались толпой и разрушили машины на три мили въ округѣ. Во всѣхъ домахъ, которые не были иллюминованы, толпа расшибала окна, а передъ воротами устроила иллюминацію иного рода. На Гласисѣ и дальше до Шенбрунна толпа опрокинула газовые фонари, выворотила газопроводы и подожгла вытекающій газъ; къ небу взвились исполинскіе столбы пламени, высотою съ деревья. На Марійской линіи и въ другихъ мѣстахъ толпа подожгла зданія ненавистныхъ таможенъ и мытныхъ домовъ. Жестокость таможенныхъ чиновниковъ проявилась даже въ день революціи. Характеренъ такой случай: одинъ торговецъ молокомъ проѣхалъ черезъ таможенную линію въ городъ, не уплативъ пошлины. Таможенный

чиновникъ выстрѣлилъ въ него дробью и причинилъ ему 22 поран енія груди. Возмущенный народъ схватилъ чиновника и бросилъ его въ пламя пылавшей таможни. Въ бушующую толпу стрѣляли съ валовъ и даже изъ пушекъ, но возстановить спокойствіе все же не удалось. Правительство, въ надеждѣ увеличить пропасть между рабочими и бюргерствомъ, предоставило городской гвардіи усмиреніе безпорядковъ въ предмѣстьяхъ. Арестовано было нѣсколько сотъ рабочихъ. Академическій легіонъ въ этомъ доблестномъ актѣ участія не принялъ, и, благодаря этому, между студентами и рабочими возникли дружественныя отношенія.

Въ то время какъ городская гвардія и академическій легіонъ во всемъ вооруженіи маршировали со знаменами, на которыхъ написаны были слова: „Братство народовъ! Порядокъ и Свобода! Свобода печати! Конституція!", встрѣчая всюду всеобщій восторгъ, въ то время какъ актовый залъ университета становился центромъ движенія, при дворѣ высиживались коварные замыслы, какъ отнять у народа сдѣланныя ему уступки. На одинъ моментъ камарилья опять восторжествовала и, хотя императоръ Фердинандъ, покинувъ свое убѣжище, повторялъ въ семейномъ совѣтѣ: „Я стрѣлять не позволю, а, если вы прикажете стрѣлять, я уйду",—тѣмъ не менѣе 14 марта въ 3 часа пополудни появилась прокламація, гласившая:

„Въ цѣляхъ возстановленія спокойствія, императоръ рѣшилъ возложить на фельдмаршалъ-лейтенанта, князя Виндишгреца, всѣ необходимыя полномочія и отдать въ его распоряженіе всѣ гражданскія и военныя власти".

Такова была эта „свобода" съ военной диктатурой и картечью.

Сначала вѣнцы оцѣпенѣли отъ неожиданности; но затѣмъ изъ устъ всего населенія вырвался одинъ гнѣвный крикъ возмущенія, и народъ сталъ готовиться къ борьбѣ, межъ тѣмъ какъ войска оставались неподвижными. Во дворецъ опять потянулись депутаціи, одной изъ которыхъ князь Виндишгрецъ заявилъ, что всѣ желанія народа будутъ выполнены. Но народъ не позволилъ больше провести себя. Вокругъ дворца собрались многочисленныя толпы народа, и время отъ времени къ стѣнамъ неслись бурные возгласы: „Свобода печати! Конституція! Національная гвардія!" Во многихъ мѣстахъ появились красные значки, чтобы показать, насколько серьезно народъ рѣшился защищать только что завоеванную свободу. Ночью на стѣнахъ домовъ появился еще одинъ плакатъ, объявлявшій городъ Вѣну на военномъ положеніи. Борьба казалась поэтому неминуемой.

На слѣдующее утро разнеслась вѣсть о прибытіи венгерской депутаціи съ Кошутомъ во главѣ. Тогда же появился первый безцензурный листокъ—извѣстный „Гимнъ университету", принадлежавшій перу Франкля *).

---

*) Онъ начинается словами:
„Was kommt heran mit kühnem Gange?
Die Waffe blinkt, die Fahne weht:
Es naht mit hellem Trommelklange
Die Universität!"
(Кто тамъ подходитъ смѣло и бодро?

Между тѣмъ, когда при дворѣ взвѣсили всѣ возможныя послѣдствія борьбы съ вооруженнымъ народомъ, „осадное" настроеніе опять смѣнилось другимъ. Камарилья, наконецъ, пришла къ тому убѣжденію, что самое умное будетъ—„даровать". Добрый Фердинандъ пообѣщалъ дать конституцію и сдѣлалъ прогулку по городу. Вѣнцы повсюду встрѣчали добросердечнаго императора единодушнымъ восторгомъ. „Да здравствуетъ императоръ Фердинандъ, не позволяющій стрѣлять"!—неслось отовсюду. Послѣ полудня появилась прокламація, которая офиціально возвѣщала добрымъ вѣнцамъ объ ихъ „свободѣ". Анекдотамъ по поводу того, какъ Фердинанда побудили издать эту прокламацію, мы не придаемъ никакого значенія. Высочайшее повелѣніе возвѣщало для Австріи слѣдующее: „свобода печати, организація національной гвардіи съ свободно избранными начальниками, созывъ въ самомъ непродолжительномъ времени депутатовъ отъ всѣхъ провинціальныхъ сословій различныхъ областей и государствъ имперіи, при чемъ бюргерское сословіе должно получить усиленное представительство; задачей собранія этихъ депутатовъ должно быть—соглашеніе съ императоромъ касательно рѣшенной имъ конституціи отечества".

Плохой стиль прокламаціи и странное выраженіе „конституція отечества" указывали на то, что произведеніе это было написано при очень своеобразныхъ условіяхъ. Но вѣнцы опять угорѣли отъ радости и опять зажгли иллюминацію—и это, надо замѣтить, при осадномъ положеніи, ибо оно еще не было отмѣнено.

Кошутъ, рѣчь котораго такъ сильно содѣйствовала успѣхамъ этого дня, прибылъ въ актовый залъ и произнесъ пламенное привѣтствіе; мадьяры, чехи и нѣмцы устроили торжественный праздникъ братанія, но дѣйствіе этого праздника, къ сожалѣнію, было не очень продолжительно. На слѣдующій день удовлетворены были также выставленныя венграми обычныя народныя требованія, включая сюда и требованіе особаго отвѣтственнаго министерства для Венгріи.

Все кругомъ ликовало и блаженствовало, и добродушные вѣнцы едва ли замѣчали въ то время, что всѣ почти приспѣшники Меттерниха остались на своихъ должностяхъ, сохраняя свой санъ, и что весь домартовскій аппаратъ для дрессировки народовъ только на время отодвинутъ на задній планъ, но что онъ стоитъ наготовѣ для примѣненія его въ позднѣйшее время.

Но почему бы вѣнцамъ и не ликовать? Вѣдь пронеслась же въ эти дни буря восторга отъ Сициліи до Балтійскаго моря и отъ Карпатовъ до Атлантическаго океана!

17 марта состоялось погребеніе убитыхъ; семнадцать гробовъ были на семи колесницахъ перевезены въ Шмельцъ, гдѣ находились могилы. Трупы были передъ тѣмъ выставлены для опознаванія ихъ; среди убитыхъ находился студентъ-еврей, по имени Шпицеръ, и бѣдный сапожный подмастерье, голова котораго была разсѣчена сабельнымъ ударомъ. Національная гвардія сопровождала погребальное шествіе; до 30000 человѣкъ участвовало въ этомъ шествіи. Впереди гробовъ несли знамя, на которомъ написано было: „Пали за родину

Сверкаетъ оружіе, гордо развѣвается знамя:
Со звуками яснаго барабаннаго боя
Приближается нашъ университетъ!)

13 и 14 марта 1848 года". Отъ знамени ниспадали длинныя бѣлыя ленты, которыя несли молодыя дѣвушки. На могилахъ произносились рѣчи, въ которыхъ павшихъ прославляли какъ мучениковъ; духовные разныхъ исповѣданій также произносили надгробныя рѣчи.

Вся остальная Австрія слѣдовала примѣру столицы. Но самымъ смѣлымъ послѣдствіемъ революціи въ Вѣнѣ была революція въ Верхней Италіи, которая произвела сильное впечатлѣніе на всю Европу.

Австрійское господство лежало тяжкимъ гнетомъ на Ломбардіи, а вѣяніе революціи, которое пронеслось изъ Сициліи черезъ итальянскій полуостровъ до подножія Альпъ, раздуло тлѣющій огонекъ въ яркое пламя. Австрійское правительство, при помощи своихъ суровыхъ и нелѣпыхъ мѣропріятій, дѣлало все отъ него зависящее, чтобы усилить ожесточеніе ломбардцевъ. Еще до февральской революціи дѣло нерѣдко доходило до возстаній и кровопролитныхъ столкновеній между ломбардцами и австрійскими войсками. Меттернихъ по обыкновенію прибѣгъ къ средствамъ насилія: онъ приказалъ 22 февраля объявить въ осадномъ положеніи все Ломбардо-Венеціанское королевство. Старому фельдмаршалу Радецкому, который начальствовалъ надъ австрійскими войсками, стоявшими въ Ломбардіи, дана была власть военнаго диктатора. Радецкій, выдающійся полководецъ, который въ 1813 году принималъ участіе въ выработкѣ плана похода противъ Наполеона, вѣрно служилъ дому Габсбурговъ; онъ былъ энергиченъ, но осмотрителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ то же время самымъ опаснымъ врагомъ революціи. Но онъ не былъ мелоченъ и придирчивъ, какъ австрійская высшая и низшая полиція. Полиція, напримѣръ, зашла такъ далеко, что запретила миланцамъ во время карнавала одѣвать маски и обсыпать другъ друга конфетти, а въ случаѣ неповиновенія она грозила арестами за эти невинныя развлеченія. Къ концу февраля запрещенъ былъ также ввозъ и перевозъ оружія черезъ Италію, что главнымъ образомъ, отразилось на торговлѣ желѣзомъ и фабрикаціи косъ. Депутація, отправленная въ Вѣну, чтобъ исходатайствовать отмѣну этого распоряженія, была принята съ презрительнымъ и обычнымъ габсбургскимъ высокомѣріемъ, и на всѣ свои просьбы получила отказъ. Такимъ образомъ, Габсбургскій домъ и его государственный канцлеръ Меттернихъ дѣлали все, чтобы довести все населеніе Верхней Италіи до самой высокой степени раздраженія. Послѣ объявленія осаднаго положенія въ Миланѣ, тамъ какъ бы все опустѣло: многіе магазины закрылись, прекратились всѣ увеселенія и запустѣли даже мѣста прогулокъ въ этомъ столь жизнерадостномъ и шумномъ городѣ. Наступило затишье передъ бурей—это чувствовалось всѣми, тѣмъ болѣе, что обѣ части сознавали, что буря приближается. Приближеніе взрыва сознавали и въ Сардиніи, и король Карлъ Альбертъ поэтому выставилъ на границѣ войска, чтобы быть въ состояніи вмѣшаться при первомъ удобномъ случаѣ.

17 марта въ Миланъ пришли вѣсти о событіяхъ въ Вѣнѣ; 18 марта утромъ австрійскія власти расклеили на всѣхъ углахъ улицъ сообщеніе объ уступкахъ императора Фердинанда, но никто не заикнулся объ отставкѣ Меттерниха. Возможно, что замалчиваніе послѣдняго способствовало тому, что миланцы не придавали никакого значенія уступкамъ короля и усмотрѣли во всемъ только фокусническую

продѣлку. Вдругъ городскія улицы оживились, народныя массы начали собираться въ грозныя толпы и борьба стала неизбѣжной. Миланцы нападали на отдѣльныхъ австрійскихъ солдатъ и убивали ихъ; когда Радецкій послѣ этого приказалъ стрѣлять въ народъ, толпа разбѣжалась, но только затѣмъ, чтобы начать строить баррикады. Скоро почти всѣ улицы преграждены были ими; началось ожесточенное уличное сраженіе. Въ австрійцевъ стрѣляли изъ оконъ, изъ подвальныхъ отверстій, слуховыхъ окошекъ, а съ крышъ на нихъ сыпались камни и ихъ обливали кипящимъ масломъ. Начался проливной дождь, который создавалъ для австрійцевъ всевозможныя затрудненія; онъ промочилъ ихъ до мозга костей и сдѣлалъ невозможнымъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія; казалось, что само Провидѣніе выступило противъ грубыхъ насилій австрійцевъ въ Ломбардіи. Борьба стоила обѣимъ сторонамъ многихъ жертвъ, и нѣкоторыя улицы были буквально залиты кровью. Радецкій скоро замѣтилъ, что его позиція не совсѣмъ выгодная; у него въ городѣ было всего 10000 солдатъ, при чемъ третья часть ихъ состояла изъ итальянцевъ, которые во время сраженія, гдѣ это только было возможно, переходили на сторону возставшихъ; у него чувствовался недостатокъ въ орудіяхъ, боевыхъ припасахъ и провіантѣ. 19 марта австрійское войско было уже до того утомлено, что Радецкому пришлось укрѣпиться въ кастелѣ и стянуть туда свои войска изъ города. Онъ старался стянуть подкрѣпленія, но это ему не удалось, а какъ только получилось извѣстіе о миланскомъ возстаніи, разомъ поднялась вся Ломбардія. Вооруженное населеніе поспѣшило на помощь миланцамъ; съ границы Сардиніи пришла вѣсть о движеніи среди войскъ, и гордый фельдмаршалъ принужденъ былъ со скрежетомъ зубовнымъ отступить передъ натискомъ народа. Преисполненный гнѣва и горя жаждой мести, ретировался онъ со своими войсками въ Минчіо. Ошибки самихъ итальянцевъ, къ сожалѣнію, доставили ему возможность отомстить.

Послѣдствія ломбардской революціи были въ первое время поражающими и уничтожающими для Габсбургскаго дома. Изъ Кремоны и Бресчіа австрійскія войска были изгнаны при помощи итальянскихъ войскъ, а въ Венеціи возстаніе приняло столь энергичный характеръ, что тамошній полководецъ, графъ Зичи, вынужденъ былъ постыдно капитулировать и передать городъ лагунъ новому, революціонному правительству. Изгнаны были также герцоги Пармы и Модены, и само собою возникла мысль объединить возставшія провинціи Верхней Италіи съ Пьемонтомъ и Сардиніей и такимъ образомъ прочно оградить себя отъ Австріи. Передъ этой идеей на нѣкоторое время совершенно стушевались республиканскія стремленія и паролемъ дня сдѣлалось учрежденіе въ Верхней Италіи конституціоннаго королевства. Но этотъ пароль принесъ съ собою несчастіе, такъ какъ король сардинскій Карлъ Альбертъ сталъ какъ-то самъ собою во главѣ движенія. Ломбардцы и венеціанцы, собственно говоря, имѣли полное основаніе не довѣрять королю Сардиніи, такъ какъ еще въ бытность свою принцемъ Кариньянскимъ, въ 1821 году, онъ вступилъ въ сношенія съ революціонными карбонаріями, и когда вспыхнула революція въ Пьемонтѣ, они выставили его своимъ предводителемъ. Но онъ очень скоро измѣнилъ революціи и его имя было проклято всѣми передовыми

итальянцами. Будучи королемъ, Карлъ Альбертъ правилъ съ такой жестокостью, какую только допускали обстоятельства. И все-таки потокъ движенія къ независимости вынесъ его на поверхность, такъ какъ ламбардцы нуждались въ его оружіи. Карлъ Альбертъ жадно ухватился за случай стать королемъ Верхней Италіи, хотя бы даже путемъ революціи, такъ какъ этотъ эгоистичный и властолюбивый человѣкъ былъ не разборчивъ въ средствахъ. Когда Карлъ Альбертъ призвалъ 24 марта итальянцевъ къ борьбѣ, масса встрѣтила его съ бурнымъ восторгомъ, а жаждавшая борьбы молодежь повалила къ нему. Люди съ самостоятельными сужденіями предчувствовали, что этотъ король погубитъ Италію. Гарибальди, который прославился въ войнахъ въ Южной Америкѣ, поспѣшилъ на родину при вѣсти объ итальянскомъ движеніи; когда къ нему обратились съ вопросомъ, предложитъ ли онъ свое оружіе Карлу Альберту, онъ съ гордостью отвѣтилъ: „Подобнаго рода люди не достойны того, чтобы имъ подчинялись такія сердца, какъ наши“.

Въ этихъ словахъ, пожалуй, слишкомъ много сознанія собственнаго достоинства! Но было бы очень хорошо, если бы всѣ итальянцы обладали хоть долей сознанія своего достоинства!

Революція въ Пруссіи.

Военное государство—Пруссія, казалось, было одно изъ самыхъ непоколебимыхъ и прочныхъ. Его „блестящее воинство", на которое, при общемъ государственномъ бюджетѣ въ 51 милліонъ талеровъ, тратилось ежегодно болѣе 22 милліоновъ талеровъ, было, по сравненію съ количествомъ населенія, много сильнѣе, чѣмъ австрійская и французская арміи. Безчисленная бюрократія управляла строго и благочестиво, и каждый изъ нихъ мнилъ себя въ своемъ бюро маленькимъ самодержавцемъ милостью Божіей. Либеральная буржуазія была труслива, а вся народная масса, казалось, относилась совершенно безразлично къ политической жизни. И все-таки и въ это, повидимому, непоколебимое государственное зданіе такъ мощно ударилъ желѣзный кулакъ революціи, что ворота съ грохотомъ рухнули и старый абсолютизмъ поблѣднѣлъ, охваченный дикимъ смертельнымъ страхомъ. Хотя онъ впослѣдствіи и былъ гальванизированъ такъ, что производилъ судорожныя, конвульсивныя движенія,—но къ полной, цѣлостной жизни его организмъ уже не удалось пробудить.

Все это случилось не сразу; началось съ мелкихъ и среднихъ германскихъ государствъ. Но и въ самомъ Прусскомъ государствѣ не было недостатка въ предзнаменованіяхъ. Сначала отъ Пруссіи отдѣлился швейцарскій кантонъ Невшатель, котораго вѣнскій конгрессъ со своимъ извѣстнымъ мастерствомъ въ политическомъ портняжномъ искусствѣ поставилъ въ зависимость отъ Пруссіи и такимъ образомъ сдѣлалъ ихъ отношенія источникомъ безпрерывныхъ политическихъ столкновеній. Правда, Невшатель былъ довольно далекъ отъ Пруссіи, но вліяніе французской революціи скоро обнаружилось и въ рейнскихъ провинціяхъ Пруссіи. Рейнландцы чувствовали себя „пруссаками поневолѣ", и охотнѣе оставались бы сами собою; они не забыли еще переворота девятидесятыхъ годовъ, благодаря которому они освободились отъ клерикальныхъ правительствъ, и который принесъ съ собою современное французское законодательство, при которомъ жилось гораздо легче, чѣмъ подъ управленіемъ духовныхъ дворовъ, съ ихъ средневѣковыми париками. Въ Кельнѣ въ эти дни, дышавшіе бурей, слышны были звуки „Марсельезы", которую, къ великому негодованію господъ военныхъ и бюрократіи, играли и даже пѣли въ кофейняхъ. Все пришло въ движеніе; либеральная буржуазія обрати-

лась къ депутатамъ Рейнской провинціи, чтобы сообща обсудить положеніе вещей, а на соборномъ дворѣ собралась средняя и мелкая буржуазія. Собраніе отличалось необыкновенною скромностью: оно опиралось на кабинетскій указъ 1815 года и выставило извѣстныя народныя требованія. Говорили даже о томъ, чтобы отказаться въ это бурное время совершенно отъ удовольствій карнавала; но карнавалъ все-таки состоялся.

Въ Кельнѣ можно было наблюдать прогрессъ, сдѣланный соціализмомъ, такъ какъ рядомъ съ буржуазнымъ движеніемъ здѣсь развивалось другое—движеніе рабочихъ. Они устроили на старомъ рынкѣ многочисленное собраніе и отправили депутацію въ городскую думу. Во главѣ депутаціи въ качествѣ оратора выступилъ фонъ-Виллихъ, отставной артиллерійскій лейтенантъ. Онъ выставилъ извѣстныя народныя требованія, но придалъ имъ соціалистическую окраску; онъ требовалъ защиты труда, удовлетворенія человѣческихъ потребностей, а также воспитанія дѣтей на общественный счетъ. Этотъ „соціализмъ" господина лейтенанта носилъ довольно спутанный характеръ, что объясняется тогдашней неразвитостью, а также спутанностью мыслей у господина фонъ-Виллиха... Въ энергіи у господина Виллиха недостатка не было; онъ заявилъ, что ни онъ, ни рабочіе не уйдутъ съ рынка, пока городская управа не приметъ опредѣленнаго рѣшенія. Городская дума не знала, на что рѣшиться, но вотъ въ 10 часовъ раздался сигналъ къ выступленію, пришло войско и разогнало массу съ отчаянною жестокостью. Нѣсколько рабочихъ бросилось въ думу; это такъ напугало одного храбраго, почтеннаго отца города, что онъ выпрыгнулъ въ окно и сломалъ себѣ обѣ ноги. Его коллеги почти всѣ разбѣжались. На слѣдующее утро арестовали нѣсколькихъ народныхъ ораторовъ. Но Кельнъ пришелъ въ неописуемое возбужденіе, буржуазія струсила такъ сильно, что заявила оберъ-президенту провинціи: единственнымъ средствомъ спасенія являются уступки. Среди народной массы дебатировался вопросъ о преимуществахъ монархическаго и республиканскаго правленія; послышались даже угрозы присоединиться къ Франціи.

Это былъ прологъ къ событіямъ на Рейнѣ. Юнкера и бюрократія въ Берлинѣ смотрѣли съ обычнымъ своимъ высокомѣріемъ на эти событія и грозили самыми крайними мѣрами, если берлинская „чернь" тоже вздумаетъ „стать на дыбы". Императоръ, напротивъ, съ большимъ душевнымъ спокойствіемъ отнесся къ отпаденію Невшателя; онъ рѣшилъ, что, кромѣ прекраснаго вида изъ тамошняго замка, онъ ничего не потеряетъ.

Населеніе Берлина было сильно возбуждено, такъ какъ извѣстія изъ Парижа, Южной и Средней Германіи произвели также сильное впечатлѣніе и на прусскую столицу. Берлинскій мѣщанинъ, который до сихъ поръ былъ горазде на дешевыя остроты, пилъ много бѣлаго пива, по воскресеньямъ гулялъ „подъ липами" и находилъ величайшее удовольствіе въ созерцаніи проходящихъ гвардейскихъ полковъ, сталъ вдругъ серьезнымъ. Въ пивныхъ и кофейняхъ заговорили, выражаясь языкомъ „Фосской Газеты", о „политическихъ и ученыхъ вещахъ". Рабочіе, гонимые нищетой, тоже обнаружили необычайное возбужденіе, вызванное главнымъ образомъ тѣмъ, что одинъ рабочій въ

Парижѣ попалъ въ составъ правительства, и что это правительство будто бы обѣщало гарантировать рабочимъ пропитаніе.

Въ городѣ циркулировало множество разнообразныхъ слуховъ, что заставило власти быть очень предусмотрительными. Было много толковъ о томъ, какъ станутъ держаться войска въ случаѣ, если вспыхнетъ борьба и т. д. Вслѣдствіе этого были предприняты новыя военныя приготовленія; войска стояли въ казармахъ, готовыя во всякій моментъ къ выступленію, а на Кепеникской улицѣ въ артиллерійской казармѣ и въ другихъ мѣстахъ были выставлены пушки. Этого не могли скрыть, и возбужденіе, благодаря этому, все болѣе увеличивалось.

6 марта король распустилъ „комитетъ сословій"—весьма непопулярный институтъ, такъ какъ онъ дѣлалъ собственно излишнимъ созывъ собственно ландтага. Въ тронной рѣчи было сказано, что необходимо показать всему міру, „что въ Пруссіи король, войско и народъ остаются одними и тѣми же изъ поколѣнія въ поколѣніе".

Но вечеромъ того же дня народъ прусскій рѣшилъ показать, что онъ серьезно подумываетъ о томъ, чтобы сдѣлаться другимъ, такъ какъ подъ „палатками" въ Тіергартенѣ состоялось первое народное собраніе. „Палатки—многочисленныя пивныя и кофейни, лежавшія вдоль рѣки Шпре—были съ давнихъ поръ самымъ любимымъ мѣстомъ увеселеній берлинцевъ; эти мѣста стали центромъ народнаго движенія. Собранія, происходившія подъ „палатками", носили наполовину характеръ народныхъ празднествъ и наполовину имѣли видъ политически-парламентскихъ собраній. Въ то время какъ публика потребляла чесночную колбасу, булочки, кислые огурцы, водку и сигары, на возвышеніи разбирались злободневные политическіе вопросы; послѣ дебатовъ опять раздавались съ этого же возвышенія звуки оркестра. Казалось, что во время революціи народъ всецѣло овладѣлъ Тіергартеномъ; берлинское „общество", которое въ обычное время разгуливало и разъѣзжало здѣсь въ полномъ блескѣ, совершенно не показывалось здѣсь въ эти дни.

Первое народное собраніе хотѣло выработать народныя требованія, но оно ничего не добилось. Въ тотъ же самый вечеръ графъ Клейстъ имѣлъ разговоръ съ прусскимъ принцемъ, впослѣдствіи императоромъ Вильгельмомъ I. Клейстъ полагалъ, что для внутренняго спокойствія необходимъ германскій парламентъ а также гражданское ополченіе. Принцъ самымъ рѣшительнымъ образомъ выступилъ противъ обоихъ этихъ предложеній. Тотъ фактъ, что такой аристократъ-реакціонеръ, какъ графъ Клейстъ, считалъ необходимымъ гражданскую милицію, ясно показываетъ, насколько реакціонеры хорошо понимали, что сила революціи заключается въ пролетаріатѣ и что „вооруженіемъ гражданъ" можно будетъ ихъ подавить. „Нѣмецкій бюргеръ" съ его довѣрчивостью и страхомъ предъ краснымъ призракомъ попалъ въ такое запутанное положеніе, что онъ, какъ мы увидимъ дальше, почти совершенно потерялъ всѣ свои пріобрѣтенія.

На биржѣ между тѣмъ господствовало сильное замѣшательство, такъ какъ курсъ понижался со сказочною быстротою. Прусскія государственныя бумаги упали уже 7 марта до 84% номинальной стои-

мости; желѣзподорожныя акціи падали еще быстрѣе и рентьеры были охвачены паническимъ страхомъ.

И среди гласныхъ городской думы замѣчалось возбужденіе, но подавляющее большинство этихъ господъ съ полнымъ сознаніемъ вѣрноподданническихъ чувствъ носило золотую цѣпь, придуманную Фридрихомъ Вильгельмомъ IV для берлинскихъ „отцовъ города". 7 марта утромъ дума отклонила 18 голосами противъ 9 предложеніе потребовать отъ короля созыва соединеннаго ландтага. Днемъ раньше оберъ-бургомистръ и представитель отъ гласныхъ обѣдали у короля и послѣ этого оберъ-бургомистръ Краусникъ заявилъ, что онъ не приметъ участія ни въ какихъ безпорядкахъ, и не хочетъ также быть президентомъ могущаго возникнуть временнаго правительства*).

Громадная толпа народа опять собралась 7 вечеромъ подъ „палатками"; на этотъ разъ, наконецъ, былъ выработанъ адресъ, который въ рѣшительной формѣ выражалъ требованія народа**). Выбрана была также депутація, которая должна была лично передать адресъ королю Фридриху Вильгельму IV.

Депутація, собравшаяся на слѣдующее утро въ „газетную" одной изъ читаленъ, и не подозрѣвала, что духъ прусской полиціи рѣетъ надъ нею; какъ велико было ея изумленіе, когда предъ нею предсталъ господинъ фонъ-Минутоли, президентъ полиціи, и объявилъ ей, что онъ сдѣлалъ императору докладъ о вчерашнемъ собраніи и король заявилъ, что онъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ принять депутаціи, а посему адресъ королю должно отправить только по почтѣ. Президентъ полиціи добавилъ при этомъ, что ему данъ приказъ всѣми средствами воспрепятствовать исполненію постановленія относительно отправки депутаціи, не останавливаясь даже передъ кровопролитіемъ! ***).

Депутація, состоявшая изъ политически слабо воспитанныхъ людей, въ первый моментъ отступила передъ такой отеческой угрозой господина президента полиціи, но она все-таки положила адресъ для собранія подписей. Между тѣмъ адресъ произвелъ такое впечатлѣніе на короля, что онъ восьмого же марта издалъ прокламацію, которая давала надежду на коренную реформу законодательства о печати и освобожденіе отъ цензуры, но въ то же самое время говорить и о „гарантіяхъ противъ злоупотребленія печатью". Но прокламація не про-

---

*) Какъ видно, тогда еще не зашли такъ далеко, какъ въ наше время, когда оппозиціонные политики участвуютъ сначала въ дворцовыхъ увеселеніяхъ и пирахъ, а затѣмъ, оставивъ дворецъ, разыгрываютъ передъ народомъ „оппозицію".

**) Среди отдѣльныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ выработкѣ этого адреса, должно отмѣтить извѣстнаго Лефенфельда и доктора Оппенгейма изъ Франкфурта на Майнѣ.

***) Поведеніе господина Минутоли во время берлинской революціи было, по меньшей мѣрѣ, двусмысленное. Онъ сохранилъ свою популярность, потому что берлинцы обладали еще очень незначительнымъ политическимъ опытомъ. Уже одно то, что господину фонъ-Минутоли принадлежала „заслуга" „открытія" великаго польскаго заговора въ 1846 году, могло бы при другихъ условіяхъ быть достаточнымъ, чтобы лишить президента полиціи довѣрія общества.

извела никакого впечатлѣнія, такъ какъ въ ней давались неопредѣленныя обѣщанія, которыя притомъ уже раньше обѣщалъ союзный сеймъ.

Эта игра продолжалась безпрерывно, и народъ 9 марта сдѣлалъ новый шагъ. Подъ палатками состоялось первое большое народное собраніе, которое привлекло тысячи людей и на которомъ рѣшено было просить господъ гласныхъ непремѣнно вручить королю адресъ. Собраніе прошло въ образцовомъ спокойствіи и порядкѣ. Но чувствовалось, что этому собранію недостаетъ силы и рѣшительности. Варнгагенъ фонъ-Энзе, тонкій наблюдатель, писалъ въ это время въ своемъ дневникѣ: „Если бы во Франціи возможно было внезапное возвращеніе къ государямъ ихъ силы—не будутъ ли немедленно отобраны въ Германіи всѣ уступки и не начнутъ ли преслѣдовать и наказывать вожаковъ народа? Мы **живемъ чужимъ счастьемъ, чужимъ воздѣйствіемъ**“.

Въ кельнской ратушѣ засѣдали вечеромъ городскіе гласные. Мѣста для публики были переполнены. Въ преніяхъ затрогивался уже **соціальный** вопросъ. Въ Берлинѣ число безработныхъ было очень велико, и были организованы бюро для пріисканія работы. Въ первый же день въ это бюро явилось до 700 безработныхъ, но только **тремъ изъ нихъ** была доставлена работа. Это показало почтеннымъ отцамъ города, что бѣда не въ отсутствіи учрежденій для пріисканія работы, а въ избыткѣ безработныхъ рабочихъ. Одна петиція, ссылаясь на лишенія рабочихъ классовъ, требовала учрежденія „постоянной депутаціи“ при городскомъ управленіи, которая занялась бы улучшеніемъ положенія рабочихъ; та же петиція далѣе требовала, чтобы „всеобщими сборами по домамъ“ были добыты средства для организаціи общественныхъ работъ. Долго спорили о томъ, кто долженъ принять на себя это дѣло: государство или городъ, ибо соціально-экономическія познанія городскихъ гласныхъ были такъ же отсталы, какъ и петиціонеровъ. Наконецъ, дѣло передано было комиссіи, равно какъ и предложеніе объ организаціи **гражданской стражи**. Нѣсколько мѣщанъ потребовали учрежденія этого института, они утверждали, воя и щелкая зубами отъ страха, что войско и полиція не могутъ въ данный моментъ охранять частную собственность, и что жизни и собственности угрожаетъ опасность. Затѣмъ приступили къ обсужденію очень робкаго адреса къ королю, который требовалъ свободы печати, истиннаго народнаго представительства и единаго государственнаго устройства Германіи. И этотъ адресъ былъ переданъ въ комиссію.

11 марта эти вопросы подвергнулись новому обсужденію городскихъ гласныхъ. Многочисленная публика держала себя до крайности шумно, такъ что ей нѣсколько разъ грозили очисткой трибунъ. Рѣшено было передать королю упомянутый выше робкій адресъ, который послѣ редакціи комиссіи вышелъ еще болѣе робкимъ; отцы же города отказались препроводить королю адресъ, выработанный собраніемъ „подъ палатками“. Учрежденіе же гражданской стражи вызвало самые запутанные дебаты; гласные разошлись, не придя ни къ какому результату, демократическихъ гласныхъ Берендса и доктора Науверка встрѣтили на улицахъ горячими оваціями; народъ привѣтствовалъ ихъ восторженнымъ „ура“.

Составители адреса подъ „палатками“ были настолько наивны

въ своемъ замѣшательствѣ, что обратились къ одному тайному совѣтнику съ просьбой вручить адресъ по назначенію; этотъ, конечно, отклонилъ съ иронической насмѣшкой ихъ предложеніе, и тогда они рѣшились, слѣдуя отеческому совѣту господина президента полиціи, отправить свой адресъ по почтѣ. Городскіе гласные были приглашены на 14 марта съ своимъ адресомъ къ королю.

Возбужденіе берлинцевъ росло, благодаря новымъ извѣстіямъ, получающимся извнѣ о новыхъ успѣхахъ народа*).

13 марта пришли изъ Кельна извѣстія объ успѣхахъ движенія въ Рейнской провинціи и начали распространяться различные слухи. Разсказывали, будто принцъ прусскій въ одной изъ своихъ рѣчей подготовилъ войска къ борьбѣ и что онъ будто бы рѣшилъ пойти къ Рейну, чтобы вооруженной силой задавить тамошнее народное движеніе. Ужъ это одно дѣйствовало какъ призывъ къ выступленію, а тутъ получилось новое извѣстіе, которое усилило возбужденіе; разсказывали, будто отданъ приказъ вооруженной силой разгонять собраніе въ Тіергартенѣ. Эти извѣстія подѣйствовали такимъ образомъ, что люди толпами повалили на улицу; улица „подъ Липами“, Дворцовая площадь, Королевская улица и всѣ главныя улицы кишѣли народомъ. Учебныя заведенія были закрыты. Правительство показало, что оно готово къ борьбѣ; въ 6 часовъ многочисленные кавалерійскіе отряды двинулись къ Бранденбургскимъ воротамъ; дворецъ и арсеналъ были заняты войскомъ, выставлены были также пушки; по улицамъ разъѣзжали сильные патрули жандармовъ. Губернаторъ Берлина, генералъ фонъ-Пфуль, солдатъ изъ школы Блюхера и Гнейзенау, рекомендовалъ войскамъ быть умѣренными и снисходительными; но многіе офицеры и солдаты горѣли жаждою боя.

Собраніе подъ „палатками“ въ этотъ вечеръ дебатировало всѣ вопросы съ величайшимъ спокойствіемъ; оно обсуждало вопросы о германскомъ флотѣ и о министерствѣ труда. У полиціи не было повода для вмѣшательства. Рѣшено было обратиться къ королю съ адресомъ, проектъ котораго былъ представленъ въ литографированномъ видѣ. Въ адресѣ говорилось, что капиталисты и ростовщики угнетаютъ народъ, и что король долженъ учредить министерство труда, „чтобы защитить государство отъ опасности, спасти всеобщую собственность и жизнь отъ предстоящихъ опустошеній и улучшить участь рабочихъ“. Этотъ адресъ самъ по себѣ былъ совсѣмъ безобидный; но мѣщанская пресса использовала ее для жалкой и безпощадной травли; „Фосская газета“ доносила, что адресъ носитъ „чисто коммунистическій характеръ“, и что онъ предназначенъ „для возбужденія трудящихся классовъ“.

Въ это время произошла у Бранденбургскихъ воротъ стычка

*) Забавно прослѣдить поведеніе отдѣльныхъ мѣщанъ и трусовъ въ эти дни. Такъ нѣкто изъ этихъ господъ спрашиваетъ въ письмѣ, помѣщенномъ въ „Фосской газетѣ:“ „Неужели дѣло настолько не терпитъ отлагательства, что ставятъ Германію на голову? Домъ, построенный въ четыре недѣли, разрушается черезъ восемь дней. А развѣ и въ Пруссіи хотятъ построить такой домъ?“ Другой мѣщанинъ совѣтуетъ въ этомъ же номерѣ рабочимъ искать въ себѣ самихъ помощь, которая никогда не можетъ придти извнѣ. Этотъ высокомудрый человѣкъ, повидимому, не зналъ, какъ опасенъ въ революціонное время такой совѣтъ для его собственнаго класса.

между толпой и кавалеріей. Люди, возвращавшіеся съ собранія подъ „палатками", подошли какъ разъ въ это время къ воротамъ, и „подъ Липами" началась страшная суматоха. Войско энергично вмѣшалось, а около дворца на густо-тѣснившуюся массу было произведено нападеніе со штыками наголо. Народъ съ дикими криками ужаса разбѣжался. Шумъ достигъ до опернаго театра, гдѣ въ испугѣ прекратили представленіе. На Зеленой улицѣ была сдѣлана попытка построить баррикаду, а на Охотничьей улицѣ напали на оружейный магазинъ. Но въ общемъ нигдѣ не было оказано рѣшительнаго сопротивленія.

„Въ газетахъ беретъ перевѣсъ жалкое филистерство", пишетъ отъ 13 марта Варнгагенъ. Большинство газетъ на самомъ дѣлѣ только и дѣлало, что подвизалось въ презрѣнной травлѣ народа; „Фосская Газета" занимала въ этомъ отношеніи первое мѣсто. Мы находимъ умѣстнымъ воспроизвести хотя одну статью изъ этой филистерской газеты отъ 15 марта 1848 года, такъ какъ очень важно уяснить себѣ, какое было поведеніе филистеровъ до и послѣ борьбы. Итакъ, въ номерѣ отъ 15 марта тамъ говорится:

„Наши полицейскія власти молча терпѣли собранія народа, происходившія въ послѣдніе вечера подъ „палатками", хотя подобнаго рода собранія запрещены союзнымъ постановленіемъ отъ 1832 года. Полицейскія власти руководствовались при этомъ гуманнымъ желаніемъ избѣгать, при теперешнемъ возбужденіи народа, всякихъ столкновеній и всякихъ могущихъ отъ этого произойти несчастныхъ случаевъ. Но послѣ того, какъ собранія эти со вчерашняго вечера *) приняли такой опасный характеръ, и послѣ того, какъ убѣдились, что въ этихъ собраніяхъ совершенно не выражается воля благовоспитаннаго и приличнаго народа, власти порѣшили съ сегодняшняго дня подавить эти собранія съ величайшей энергіей и рѣшимостью, и военнымъ начальникамъ съ этою цѣлью отданы самыя строгія приказанія. Вчерашнее собраніе на самомъ дѣлѣ состояло главнымъ образомъ изъ разнаго сброда и людей незрѣлыхъ, которые, не обладая никакими политическими познаніями, искали тамъ пищи для своей дерзости и не останавливались даже передъ тѣмъ, чтобы въ интересахъ удовлетворенія своихъ низкихъ желаній, грозить опасностью жизни и собственности своихъ разсудительныхъ согражданъ. И среди ораторовъ, которые тамъ выступали, не было ни одного выдающагося человѣка, и даже ни одного такого, который пользовался бы особою симпатіею народа; тамъ, напротивъ, были совершенно молодые люди, едва сошедшіе со школьной скамьи, которые производили тамъ пробу своимъ незрѣлымъ талантамъ. Да и адреса, которые тамъ вырабатывались, носятъ очень убогій характеръ; они представляютъ собою очень слабое подражаніе заграничнымъ демонстраціямъ, которымъ они далеко уступаютъ по внутреннему содержанію и исторической обоснованности. Совѣтуемъ поэтому нашимъ разсудительнымъ гражданамъ держаться вдали отъ этихъ собраній: пусть они убѣдятся въ томъ, что такія безсодержательныя, разсчитанныя исключительно на любо-

---

*) Статья эта помѣчена 14 марта, значитъ рѣчь въ ней идетъ о собраніи 13 марта.

пытство, мѣры приносятъ только вредъ положительному и законному прогрессу".

Эта статья является какъ бы точной копіей тѣхъ рѣчей, которыя официальныя газеты говорятъ теперь о собраніяхъ, устраиваемыхъ соціалдемократами! Мы впослѣдствіи увидимъ, какъ въ тѣхъ же газетахъ, послѣ побѣдъ народа, гражданская безпринципность повергласъ въ прахъ передъ успѣхомъ и какъ „нравственные и благовоспитанные" люди начали возносить до небесъ „разный сбродъ".

„Фосская Газета" въ томъ же номерѣ требовала, чтобы ораторы собраній въ „Палаткахъ" дали „точныя свѣдѣнія" о своемъ имени, званіи и мѣстѣ жительства, повидимому для того, чтобы напасть на нихъ ночью, когда они будутъ возвращаться домой, и изрядно поколотить ихъ. *).

Травля филистеровъ дала свои плоды. Одинъ офицеръ отвѣтилъ на вопросъ гражданъ: „Если намъ приказываютъ, мы стрѣляемъ, и весьма даже охотно!" Этотъ отвѣтъ переходилъ изъ устъ въ уста и еще болѣе усиливалъ озлобленіе.

14 марта городскіе гласные со своимъ адресомъ приняты были королемъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV заявилъ въ своемъ отвѣтѣ, что онъ и не думаетъ, чтобы въ Берлинѣ температура была ниже точки замерзанія въ то время, когда кругомъ во всемъ мірѣ все кипитъ; его только радуетъ одно, что въ такомъ большомъ городѣ, гдѣ безусловно нѣтъ недостатка въ матеріалѣ для броженія, безпорядки не достигли большихъ размѣровъ; онъ обѣщаетъ подумать о постепенно развивающейся конституціонной жизни, но это дѣло не допускаетъ поспѣшности; онъ намѣренъ созвать на 27-е апрѣля соединенный ландтагъ, и тогда разрѣшатся всѣ вопросы.

Отцы города воображали, что они одержали колоссальную побѣду, добившись созыва соединеннаго ландтага. Ихъ близорукость скоро получила надлежащій урокъ. Хотя въ тотъ же самый вечеръ появился указъ короля о созывѣ ландтага, который долженъ стремиться къ тому, „чтобы при помощи свободныхъ учрежденій охранить Германію отъ опасности переворота и анархіи". Но этотъ указъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на народъ, такъ какъ онъ былъ раздраженъ расклеенными по угламъ объявленіями, въ которыхъ губернаторъ и президентъ полиціи предостерегали и грозили наказаніемъ за всякаго рода сборища и скопища. Домохозяева должны были запирать свои дома въ случаѣ собраній, фабриканты—свои фабрики, мастера—свои мастерскія, дабы никто не могъ выйти на улицу. Ненависть между народомъ и войскомъ все возрастала, произошли опять стычки, которыя были гораздо ожесточеннѣе и кровопролитнѣе. Войска также все болѣе и болѣе раздражались, такъ какъ изъ толпы часто раздавались крики: „Деревенскіе парни, отправляйтесь домой и жрите вашъ черный хлѣбъ!" Кое-гдѣ въ нихъ бросали каменьями и наносили имъ удары палками. На Дворцовой площади и

---

*) Въ одномъ изъ писемъ, напечатанныхъ въ „Фосской Газетѣ", говорится нетерпѣливымъ: „Тише ѣдешь, дальше будешь!—не то тебѣ придется познакомиться съ дубинкой!"—Еще въ одномъ письмѣ говорится: „Какихъ-нибудь 50 бюргеровъ, 200 ремесленниковъ-подмастерьевъ, 100 гимназистовъ и многіе другіе человѣки, могутъ ли они представить 30,000 бюргеровъ?"

на Широкой и Братской улицахъ столкновеніе приняло ужъ очень серьезный характеръ. Въ тѣсной Братской улицѣ жандармскіе кирасиры съ тяжелыми шашками набросились на безоружную массу, которая была заперта съ обѣихъ сторонъ и не могла пройти ни впередъ, ни назадъ *). Граждане, наблюдавшіе изъ оконъ своихъ домовъ эту рѣзню, пришли въ негодованіе, которое выразилось въ томъ, что они отправили жалобу къ министру фонъ-Бодельшвингу. Этотъ обѣщалъ, что „плачевное происшествіе" непремѣнно будетъ разслѣдовано. Это обѣщаніе дало полное удовлетвореніе негодованію „почтенныхъ" гражданъ.

Между тѣмъ пришла вѣсть о событіяхъ въ Вѣнѣ, о паденіи Меттерниха и побѣдѣ народа. Фридрихъ-Вильгельмъ IV заявилъ въ Потсдамѣ: „Теперь мнѣ необходимо отправиться въ Берлинъ, чтобы они тамъ не вздумали сыграть глупой шутки".

Но лавина начала уже катиться внизъ и никто не былъ въ силахъ удержать ее.

15 марта снова начались безпорядки и стычки. Городскіе гласные условились съ военными властями, что они будутъ отдавать приказъ войску стрѣлять только въ томъ случаѣ, если будетъ угрожать опасность лицамъ или имуществу; объ этомъ своемъ договорѣ они сдѣлали соотвѣтствующее извѣщеніе. Граждане и студенты въ то же самое время организовали, съ согласія магистрата, охранную комиссію. Они расхаживали повсюду съ бѣлыми палками и бѣлыми повязками на рукавахъ и старались успокоить возбужденную массу. Берлинскіе остряки называли эту комиссію „похоронными плакальщиками", дѣятельность же ихъ положительно ни въ чемъ не проявилась. Вечеромъ дворцовая площадь опять кипѣла народомъ. Когда вдругъ заперли ворота дворца, которыя всегда были открыты для публики, изъ толпы раздались крики и свистки. Тогда забили тревогу, пѣхота надвинулась и штыками и прикладами оттѣснила толпу въ сосѣднія улицы. Здѣсь разрушили мостовую, и народъ сдѣлалъ попытку построить баррикады; среди народа показались вооруженные, и войско пустило въ ходъ огнестрѣльное оружіе. Въ народъ стрѣляли нѣсколько разъ; были убитые и раненые. Толпа разсѣялась. Всѣ, кто еще обладалъ хоть каплею благоразумія, совѣтовали правительству уступить, отозвать войска, удовлетворить народныя требованія и вооружить гражданъ. Но все было тщетно. Юнкера и воины хотѣли сражаться—имъ пришлось сражаться, но исходъ сраженія былъ для нихъ болѣе, чѣмъ неожиданный.

16 марта государственный совѣтъ обсуждалъ во дворцѣ, что ему дѣлать; то же дѣлали и студенты въ актовомъ залѣ, какъ вдругъ на оперной площади уже къ вечеру раздался ужасающій ружейный залпъ. Туда уже съ полдня начали собираться толпы любопытныхъ, которые забавлялись тѣмъ, что высмѣивали „плакальщиковъ". Толпа все возрастала,—вдругъ появляется отрядъ пѣхоты, около памятника Блюхеру онъ дѣлаетъ поворотъ, быстро даетъ троекратный сигналъ барабан-

---

*) Варнгагенъ заявилъ, будто губернаторъ фонъ-Пфуль говорилъ ему на слѣдующій день, что при этой аттакѣ было изрублено очень много совершенно невинныхъ людей.

нымъ боемъ, и открываетъ огонь, который ранитъ очень многихъ, а нѣсколько человѣкъ убиваетъ наповалъ. Послѣдовала сцена панического замѣшательства; толпа съ криками бросилась врассыпную. Нѣкоторое время видѣли только убѣгающую въ ужасѣ массу, затѣмъ все смолкло. Въ этотъ день не произошло больше никакихъ безпорядковъ, но всякому было ясно, что теперь катастрофа неминуема.

Городскіе гласные въ этотъ день опять вели дебаты о рабочемъ вопросѣ. Рѣшено было просить администрацію не прекращать общественныхъ построекъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ тогда далъ обѣщаніе удовлетворить эту просьбу; онъ обѣщалъ возобновить постройку канала и приступить къ постройкѣ новыхъ дорогъ, имѣющихъ стратегическое значеніе. Отцы города вполнѣ успокоились этими обѣщаніями. Они теперь даже и слышать ничего не хотѣли о вооруженіи гражданъ. Демократъ, докторъ Науверкъ полагалъ, что теперь главнымъ дѣломъ является—добиться свободы печати*); онъ, впрочемъ, былъ также и за вооруженіе гражданъ.

Студенты, отправившіеся во дворецъ, чтобы предложить тамъ свои услуги по части „возстановленія порядка", были очень грубо приняты командующимъ офицеромъ, который едва не подвергъ ихъ аресту, потому что они носили черно-красно-золотыя кокарды — офиціальные цвѣта германскаго союза. Ихъ предложеніе было отклонено. Этотъ пріемъ послужилъ причиной тому, что эти, всегда столь лойяльные молодые люди сражались въ большомъ числѣ на баррикадахъ.

17 марта Берлинъ казался наружно совершенно спокойнымъ. Говорили, что убитыхъ было человѣкъ 15—18; точно установить число убитыхъ не было возможности; въ больницѣ лежало до 80 раненыхъ, въ частныхъ ихъ должно было быть столько же. Среди убитыхъ и раненыхъ были также представители среднихъ классовъ; въ разгарѣ сраженія ранили даже одного офицера, одѣтаго въ статское платье. На улицѣ по рѣкѣ Шпре былъ убитъ убѣгающій рабочій, которому пуля попала въ спину и спереди вылетѣла наружу. Среди солдатъ было очень много раненыхъ камнями.

Если ожесточеніе и возбужденіе въ этотъ день не проявляли себя ни въ чемъ на улицѣ, зато тѣмъ сильнѣе были они въ домахъ, кофейняхъ, трактирахъ, въ читальняхъ и въ другихъ мѣстахъ, куда собиралась публика. Обычно спокойные и лойяльные берлинцы положительно кипѣли отъ злобы по поводу кровопролитнаго вмѣшательства войска. Извѣстія о полной побѣдѣ народа въ Вѣнѣ и о движеніи въ Рейнской провинціи произвели должное дѣйствіе на берлинцевъ. Но самое сильное дѣйствіе произвело извѣстіе, что прибыла депутація изъ Кельна, въ которой находится извѣстный кельнскій народный ораторъ Францъ Раво, и что будто депутація рѣшила, въ случаѣ отказа удовлетворить извѣстныя народныя требованія, пригрозить

---

*) Насколько вызывающе держала себя берлинская цензура еще 15 марта, видно изъ того, что окружной цензоръ, коллежскій асессоръ Пиперъ такъ поздно возвратилъ изъ цензуры листъ газеты „Zeitungshalle", что ее нельзя было напечатать во время и успѣть разослать съ вечернимъ поѣздомъ. Когда издатель вздумалъ жаловаться на это, цензоръ Пиперъ публично заявилъ, что эта жалоба есть „обычная реклама для привлеченія подписчиковъ".

отпаденіемъ рейнскихъ земель отъ Пруссіи и присоединеніемъ къ Франціи. Что касается „присоединенія къ Франціи“, то дѣло обстояло не совсѣмъ такъ, какъ передавали, но слухи все преувеличивали.

Состоялись собранія гражданъ у входа въ „Кемпергофъ“, въ кельнской и берлинской ратушахъ, въ молельнѣ лютеранской общины и въ другихъ мѣстахъ. По иниціативѣ доктора Венигера рѣшено было отправиться толпою ко дворцу. Рѣшено было вручить королю адресъ съ требованіями народа, а также постановлено было требовать свободы печати, ускоренія созыва соединеннаго ландтага, удаленія войска и вооруженія гражданъ. Демонстрація должна была носить совершенно мирный характеръ; въ собраніяхъ ее называли „мирной демонстраціей народныхъ желаній“.

Такимъ образомъ, вполнѣ ясно становится, что катастрофѣ не предшествовало никакихъ заговоровъ съ кинжалами и пистолетами, какъ нерѣдко утверждали. Движеніе, вытекавшее непосредственно изъ обстоятельствъ того времени, развивалось открыто на глазахъ у правительства. Возможно, что не будь юнкерства, которому во что бы то ни стало захотѣлось дать „хорошій урокъ канальямъ штатскимъ“, было бы еще возможно предотвратить катастрофу.

18 марта въ 10 часовъ рейнская депутація явилась къ королю и была принята очень милостиво. Во дворцѣ въ это время, повидимому, стали гораздо податливѣе. Успѣхи революціи во всѣхъ странахъ—такъ, по меньшей мѣрѣ, казалось—пошатнули упрямство тѣхъ лицъ, которыя имѣли вліяніе на короля. Ночью съ 17 на 18 марта рѣшили при дворѣ пойти навстрѣчу народнымъ требованіямъ. Графу Арниму было уже поручено сформировать новое министерство.

Кельнская депутація представила королю извѣстныя народныя требованія, и Фридрихъ-Вильгельмъ, который въ этотъ день, казалось, спустился съ высоты своего романтическаго абсолютизма, отвѣтилъ, что желанія рейнскихъ провинцій суть его собственныя желанія; онъ станетъ во главѣ германскаго движенія и предоставитъ Пруссіи свободу, которую она потребуетъ. Жители рейнской провинціи заявили, что хотятъ получить гарантію исполненія обѣщанія; король нисколько не оскорбился такимъ требованіемъ, онъ предложилъ имъ подождать нѣсколько часовъ, пока будутъ готовы грамоты и прокламаціи, въ которыхъ будетъ заключаться исполненіе всѣхъ желаній народа, дабы они смогли взять ихъ съ собою на родину. Даже принцъ прусскій, котораго всегда считали главнымъ противникомъ конституціонныхъ учрежденій, тоже сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ кельнскимъ депутатамъ.

Послѣ кельнцевъ пришла новая депутація, которая была отправлена отъ лица городскихъ гласныхъ и представила въ согласіи съ собраніями гражданъ требованія народа. Король и ей обѣщалъ удовлетвореніе всѣхъ желаній народа. Когда эта депутація вернулась въ кельнскую ратушу и сообщила объ успѣшномъ исходѣ своей миссіи, она была встрѣчена съ такимъ восторгомъ, который захватилъ и трибуны для публики и оттуда прокатился на улицу. Можно было видѣть людей, обнимающихся отъ радости.

Сначала появилось не совсѣмъ удачно составленное извѣщеніе отъ лица магистрата, которое нѣсколько затмило всеобщую радость.

Въ немъ говорилось, что король уже издалъ либеральный законъ о печати, и магистратъ „гарантируетъ всею своею дѣятельностью осуществленіе этого правительственнаго мѣропріятія". Это возбудило недовѣріе. Въ часъ дня между тѣмъ появилось экстренное приложеніе ко „Всеобщей Прусской Газетѣ", въ которомъ были напечатаны два рескрипта короля. Въ одномъ рескриптѣ говорилось о немедленномъ созывѣ соединеннаго ландтага и подтверждалось, что преобразованіе германскаго союза влечетъ за собою необходимость конституціоннаго устройства во всей Германіи; вторымъ рескриптомъ отмѣнялась цензура и вводились денежные залоги для газетъ.

Теперь либеральная буржуазія добилась желанныхъ завоеваній и въ Пруссіи, хотя эти завоеванія носили не совсѣмъ опредѣленный характеръ. Но этого было достаточно, чтобы напряженіе ослабѣло. Ликованіе было такого бурнаго характера, какого Берлинъ никогда еще и не видывалъ; оно скоро охватило весь городъ. Были люди, которые заявляли, что 18 марта самый счастливый день ихъ жизни. На дворцовой площади собралось до двухъ тысячъ гражданъ, которые не переставали кричать виватъ въ честь короля. Солдаты расположились во дворѣ дворца, покуривая и расхаживая взадъ и впередъ. На площади были открыты всѣ магазины, и дамы глядѣли изъ оконъ на толпу. Король вышелъ на балконъ, привѣтствуемый криками радости, онъ хотѣлъ говорить, но его нельзя было слышать изъ-за шума народа. Бургомистръ Наунинъ, вышедшій вмѣстѣ съ нимъ на балконъ, прокричалъ громкимъ голосомъ:

„Король желаетъ, чтобы царила свобода печати; король желаетъ, чтобы немедленно былъ созванъ ландтагъ.

„Король желаетъ, чтобы либеральная конституція сплотила всю Германію; король желаетъ, чтобы развѣвался германскій національный флагъ.

„Король желаетъ, чтобы во всей Германіи были уничтожены всѣ таможни.

„Король желаетъ, чтобы Пруссія стала во главѣ движенія!"

Восторгъ дошелъ до апогея; граждане вели себя словно пьяные отъ восторга. Всѣ были счастливы, что достигнута свобода безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Король размахивалъ съ балкона платкомъ, а министръ фонъ-Бодельшвингъ прокричалъ съ балкона же, что теперь можно уже перестать устраивать демонстраціи; послѣ этого король удалился.

На дворцовой площади присутствовали главнымъ образомъ только зажиточные граждане; выражаясь языкомъ „Тетки Фоссъ" („Фосская Газета") только „приличные и благовоспитанные люди" составляли толпу, кричавшую виватъ и предававшуюся восторгамъ. На заднемъ планѣ виднѣлось только нѣсколько сумрачныхъ фигуръ пролетаріевъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ говорили: „намъ, бѣднякамъ, все это ничуть не поможетъ". Бюргеры всѣми силами старались разубѣдить рабочихъ, но тѣ серьезно покачивали головами. Министръ юстиціи, господинъ фонъ-Савиньи подошелъ къ одному изъ рабочихъ, который мрачнымъ взоромъ смотрѣлъ на поднятую суматоху. Безучастное отношеніе этого человѣка ко всему происходящему здѣсь раздражало придворнаго, и онъ старался доказать ему, что король на самомъ

дѣлѣ далъ гораздо больше, чѣмъ у него требовали. Рабочій оглядѣлъ министра съ головы до ногъ и сказалъ ему: „Ничего не понимаешь, дѣдушка; ничего, рѣшительно ничего не дали!“

Въ немногихъ словахъ этого простого человѣка изъ народа было гораздо больше мудрости, чѣмъ ея было въ головѣ въ тотъ моментъ у многихъ профессоровъ и либеральныхъ буржуа.

Даже послѣ того, какъ король удалился съ балкона, сотни людей все еще устремлялись на Дворцовую площадь, чтобы въ крикахъ виватъ выразить свой восторгъ.

Но вотъ, послѣ двухъ часовъ пополудни, наступилъ вдругъ переворотъ, и такъ неожиданно для лойяльныхъ душъ, предававшихся восторгамъ, что онъ показался имъ громомъ съ яснаго неба.

Солдаты перваго гвардейскаго полка, такъ называемые потсдамцы, стали на караулѣ у дворцовыхъ воротъ. Этотъ полкъ былъ особенно нелюбимъ народомъ потому, что онъ въ предыдущіе дни, во время уличныхъ битвъ, проявилъ особенную жестокость и враждебность по отношенію къ народу. Затаенный въ народѣ гнѣвъ сразу могуче прорвался, площадь огласилась криками: „Долой войска! Убрать солдатъ! Король долженъ стать подъ защиту гражданъ“! Въ этотъ моментъ какой-то гражданскій стрѣлокъ развернулъ черно-бѣлое знамя. Незначительная часть зрителей начала ему аплодировать, но громадное большинство закричало: „Черно-красно-золотое! Черно-красно-золотое!“ Въ толпѣ поднялась давка, толкотня и суматоха.

Съ Дворцовой площадки появился эскадронъ драгунъ, который остановился около манежа и, казалось, намѣревался разсѣять толпу. Толпа дико возбужденная закричала драгунамъ: „Назадъ, назадъ!“ Въ это время нѣкоторые господа старались чтеніемъ королевскихъ рескриптовъ успокоить народъ.

Но народъ въ этотъ моментъ видѣлъ только блестящія каски и сабли, но не рескрипты. Голоса „успокоителей“ заглушены были мощнымъ крикомъ народа: „Назадъ! Назадъ!“

Драгуны повернули своихъ лошадей, какъ бы собираясь уступить повелительному крику: „Назадъ!“

Изъ толпы уже начали раздаваться крики „браво“, какъ вдругъ драгуны опять повернули и быстрой рысью, съ обнаженными саблями, бросились на толпу, которая въ испугѣ начала отступать до середины Дворцовой площади, гдѣ стоитъ большой газовый фонарь. Въ это же самое время вырывается изъ дворца подъ звуки барабана рота гренадеръ со штыками на перевѣсъ и быстрымъ натискомъ отбрасываетъ толпу къ мосту курфюрстовъ.

Вдругъ изъ рядовъ гренадеръ раздались два выстрѣла. Никому неизвѣстно, кѣмъ даны были эти выстрѣлы, да никто ими и не былъ раненъ или убитъ. Но эти два выстрѣла послужили сигналомъ къ ужасной борьбѣ.

Ошеломленная и растерянная, полная страха и ярости, угрожаемая саблями и лошадьми драгунъ, штыками гренадеръ, бросилась толпа вразсыпную по всѣмъ сосѣднимъ улицамъ къ криками: „Насъ предали!—Къ оружію! Отомстимъ!“—Возбужденіе и гнѣвъ въ одно мгновеніе охватываютъ все населеніе и проникаютъ въ

отдаленнѣйшія части города. Населеніе вооружается, на улицахъ строятъ баррикады. Съ невѣроятной быстротою вырастаютъ онѣ, какъ бы изъ подъ земли, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаютъ до крышъ домовъ. Взламываются мостовыя, поперекъ улицы копаются канавы, чтобы задержать движеніе кавалеріи; съ крышъ срываются черепицы, чтобы бросать ихъ въ приближающіяся войска. Громятъ оружейные магазины, льютъ пули и заряжаютъ ружья. Народъ, пылая жаждой мести, идетъ на баррикады, вооруженный баграми, кольями, топорами, ножами, старыми саблями и пиками. Студенты, которымъ надоѣла ихъ роль „плакальщиковъ", отправляются въ предмѣстья города и призываютъ народъ къ борьбѣ. На колокольняхъ гудитъ набатъ и голосъ колоколовъ достигаетъ деревень, откуда вооруженные люди спѣшатъ въ городъ. Берлинъ готовится стать полемъ сраженія.

Различные „успокоители" и „посредники" стараются между тѣмъ пробраться къ королю, который находится во дворцѣ, окруженный толпою генераловъ и придворныхъ; но добраться къ королю не удалось никому, не взирая на обѣщанное содѣйствіе принца. Губернаторъ Берлина, генералъ фонъ-Пфуль, получивъ извѣстіе о происшествіяхъ, поспѣшилъ во дворецъ, но тутъ онъ узналъ, что онъ отставленъ отъ должности и что на его мѣсто призванъ генералъ фонъ-Притвицъ. Бывшій министръ фонъ-Альвенслебенъ разсказываетъ, что ему пришлось долго настаивать у короля, чтобы Пфулю дана была отставка; очень трудно было склонить короля къ такому шагу. Для придворной юнкерской камарильи старый Пфуль, понятно, былъ недостаточно „энергиченъ".

Но духъ примиренія какъ будто снова одержалъ во дворцѣ верхъ; распространился слухъ, что будетъ созвано либеральное министерство; въ 3 часа изъ дворца появилось два человѣка, повидимому, берлинскіе граждане, которые несли натянутое на двухъ шестахъ громадное бѣлое полотно, на которомъ черными, видными издали буквами было написано: „Недоразумѣніе! Король желаетъ добра!"

Итакъ видно, что во дворцѣ подумали объ участи Луи Филиппа и Меттерниха. Но и здѣсь было уже слишкомъ поздно; небольшая кучка людей, находившаяся на Дворцовой площади, не поддержала крика виватъ въ честь короля, который провозглашали носители удивительнаго штандарта. Гулъ набата и громъ пушекъ скоро заглушилъ всѣ примиренческіе голоса посредниковъ, и рѣзня на улицѣ вспыхнула съ такою яростью и ожесточеніемъ, которая свойственна всѣмъ гражданскимъ войнамъ.

Первою жертвою борьбы палъ гренадеръ, по имени Тейсенъ, который стоялъ на часахъ передъ банкомъ на Охотничьей улицѣ. Толпа хотѣла отнять у него его оружіе; во время борьбы ружье само собою выстрѣлило, и зарядъ убилъ гренадера *).

Между тремя и четырьмя часами войска начали нападеніе на баррикады на углу Охотничьей, Верхней и Валовой улицъ и на углу Вердерской улицы. Первая баррикада была построена передъ залой

---

*) По приказу короля къ зданію банка прибита металлическая доска, на которой сдѣлана надпись, восхваляющая вѣрность этого гренадера, убитаго „предателями". Доска эта красуется тамъ и по сіе время.

„Zeitungshalle“, которая была въ то же время читальней. Обѣ баррикады были очень скоро взяты. Съ крыши зданія „Zeitungshalle“ бросали въ солдатъ каменьями, а они стрѣляли вверхъ. Они убили хозяина трактира читальни и 30 лѣтнюю дѣвушку—служанку, которая со словами: „отъ своей судьбы не уйдешь“ подошла къ окну третьяго этажа и была тотчасъ убита на мѣстѣ.

Въ то время, какъ войска одерживали первыя побѣды, народъ берлинскій окончательно вооружился и забаррикадировался на всѣхъ пунктахъ. Исполинскія баррикады, образчики художественной революціонной архитектуры, представляли собою баррикады около кельнской ратуши и на Александровской площади. Королевская улица представляла собою цѣлый рядъ баррикадъ, которыя состояли изъ камней мостовой, опрокинутыхъ дрожекъ, омнибусовъ и всевозможныхъ родовъ повозокъ, скрѣпленныхъ бревнами, досками и защищенныхъ рвами. Въ постройкѣ этихъ баррикадъ не замѣчалось никакой системы, но зато въ нихъ проглядывалъ вѣрный инстинктъ революціонныхъ бойцовъ, если можно такъ выразиться. Пущенный кѣмъ-то слухъ, будто „поляки“ и „французы“ руководили боемъ, явился вымысломъ, который быстро разсѣялся, какъ дымъ; всѣмъ стали впослѣдствіи извѣстны имена предводителей на баррикадахъ, то были: токарь Гессе, ветеринарный врачъ Урбанъ, городской гласный Берендсъ, механикъ Зигристъ и другіе.

Рабочіе массами ринулись въ бой и тѣмъ сдѣлали его болѣе устойчивымъ и упорнымъ. Изъ одной только фабрики Борзига явилось до 1000 человѣкъ. Всю ночь напролетъ изготовлялось оружіе, главнымъ образомъ сабли и пики; большая часть рабочихъ была вооружена желѣзными брусьями. Такъ какъ распространился слухъ, что изъ сосѣднихъ гарнизоновъ призывается кавалерія, то всѣ входы въ городъ были забаррикадированы. Всѣ оружейные магазины были разбиты, но взятое оружіе было цѣликомъ возвращено послѣ боя. Изъ театровъ также взято было оружіе. Изъ долговой тюрьмы, такъ называемой „Бычачьей головы“, освобождены были всѣ заключенные и смѣнены всѣ караулы часовыхъ.

Около Ораніенбургскихъ воротъ рабочіе сооружали баррикаду; въ это самое время къ ближащей казармѣ подъѣхалъ офицеръ, чтобы вывезти отсюда ко дворцу четыре пушки. Когда онъ уже собирался уѣзжать на него напала толпа рабочихъ подъ предводительствомъ студента. Артиллеристовъ загнали обратно въ казармы. Въ это же время толпа рабочихъ ворвалась въ запасной складъ казармы, чтобы запастись оттуда оружіемъ. Пока раздавали всѣмъ оружіе, пушки были направлены черезъ заднюю дверь казармы на Фридриховскую улицу. Рабочіе рѣшили завладѣть орудіями или, по крайней мѣрѣ, задержать ихъ; они захлопнули одну половину воротъ, но оставили открытой вторую половину, и черезъ нее грянулъ выстрѣлъ картечью, который убилъ и ранилъ очень многихъ. Рабочіе съ дикимъ крикомъ разбѣжались и пушки стремительно вывезены были изъ казармы. Ярость рабочихъ была неописуема: призывая къ мести они тысячами устремились въ городъ, гдѣ началась борьба.

Королевскія войска состояли изъ 12.000 человѣкъ инфантеріи, трехъ полковъ кавалеріи съ многочисленными орудіями и къ тому еще изъ гвардейскихъ корпусовъ. Надѣялись, что вызванными въ

Берлинъ подкрѣпленіями удастся усилить пѣхоту до 20.000 человѣкъ. Генералъ Притвицъ хотѣлъ во что бы то ни стало сохранить сообщеніе между Дворцовой площадью, „Липами“ и жандармскимъ рынкомъ, и для поддержанія связи съ своимъ войскомъ отправлять свои колонны изъ этой центральной части города. Эти колонны впослѣдствіи должны были соединиться съ приближающимися извнѣ войсками и общими силами подавить возстаніе.

Этотъ далеко не умный планъ дѣйствій былъ совершенно разрушенъ, благодаря сѣти баррикадъ, покрывающихъ Берлинъ.

Въ 5 часовъ войско начало нападеніе на Королевскую улицу, которая была покрыта баррикадами до Александровской площади. Съ моста Курфюрстовъ грохотало орудіе, направленное противъ баррикадъ, но довольно безуспѣшно. Каждую баррикаду приходилось солдатамъ брать въ отдѣльности, и борьба велась ужасная. Если большая часть баррикадныхъ бойцовъ и была плохо вооружена, то все-таки скоро можно было замѣтить, что въ борьбѣ приняли участіе и зажиточные граждане, вооруженные ружьями, такъ какъ масса солдатъ была ранена ружейными пулями. Съ крышъ градомъ сыпались каменья и даже гранитныя тротуарныя плиты, которыя съ трудомъ втаскивались на крыши и низвергались оттуда на солдатъ. На баррикадахъ борьба перешла въ рукопашную, дрались грудь съ грудью. Когда одна баррикада завоевывалась солдатами, народные борцы спѣшили къ другой и здѣсь борьба продолжалась съ той же энергіей. Войска врывались въ дома, рубили въ ожесточеніи всякаго вооруженнаго и уводили массу плѣнныхъ. Къ семи часамъ вечера были взяты баррикады на Королевской улицѣ. Она выглядѣла, какъ поле битвы; даже на слѣдующій день на ней еще виднѣлись не засохшія лужи крови.

Въ то время, какъ баррикадный бой Берлина оглашалъ городъ грохотомъ пушекъ, трескомъ ружейныхъ выстрѣловъ, дикимъ крикомъ борьбы и стономъ набатныхъ колоколовъ, во дворецъ опять появилось нѣсколько посредниковъ. Среди нихъ находился епископъ Неандеръ и нѣсколько бюргеровъ со Старой Конной улицы. Имъ ничего не удалось сдѣлать, такъ какъ грохотъ пушекъ вызвалъ снова во дворцѣ воинственное настроеніе. Король указалъ изъ окна на Королевскую улицу, наполненную войсками и заявилъ: „Эта улица принадлежитъ мнѣ!“ Ему тогда казалось, что народъ состоитъ исключительно изъ перепившагося сброда, которымъ руководятъ „подстрекатели-инородцы“. Такъ превратно представили ему придворные положеніе вещей. Когда на углу Старой Конной улицы, противъ Широкой улицы, на домѣ кондитера д'Эреза взвилось красно-черно-золотое знамя, король гнѣвно воскликнулъ: „Уберите это знамя съ моихъ глазъ!“

Профессора университета въ своихъ средне-вѣковыхъ нарядахъ явились во дворецъ въ качествѣ посредниковъ. Они были приняты очень грубо и имъ заявили, что среди баррикадныхъ бойцовъ есть не мало и студентовъ.

Изъ своего силезскаго помѣстья явился во дворецъ и маіоръ фонъ-Винке, который пользовался извѣстнымъ почетомъ короля *); онъ

*) Маіора Винке нерѣдко смѣшиваютъ съ извѣстнымъ вестфальскимъ депутатомъ фонъ-Винке.

заявилъ, что ему было очень больно въѣзжать въ Берлинъ среди грохота пушекъ, направленныхъ противъ гражданъ. Когда нѣкоторые офицеры и придворные начали смѣяться надъ его словами, онъ очень рѣзко остановилъ ихъ, заявивъ: „на баррикадахъ стоятъ не пьяницы, не подонки общества, а населеніе Берлина“. Передаютъ, будто онъ даже сказалъ: „Ваше Величество, я вижу, что корона на вашей головѣ колеблется“! А когда король, потрясенный такими словами своего самаго вѣрнаго друга, любезно предложилъ ему поужинать съ нимъ вмѣстѣ, маіоръ кратко отвѣтилъ: „Нѣтъ, я не буду ужинать съ вами“! и вышелъ въ сильнѣйшемъ возбужденіи.

Говорятъ, будто и президентъ полиціи, господинъ фонъ-Минутоли, былъ во дворцѣ и тоже призывалъ къ миру. Передаютъ, что послѣ того, какъ ему было отказано въ его просьбѣ, онъ сталъ подбодрять гражданъ къ сопротивленію. Послѣднее сообщеніе мы считаемъ чистѣйшимъ вымысломъ.

Обычно столь добродушные берлинцы, такъ увѣренно дѣйствовали теперь въ своемъ царствѣ баррикадъ, что казалось, будто они съ самаго дѣтства выросли на баррикадахъ. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе не боролось и пассивно относилось къ войскамъ, оно все-таки оказывало дѣятельную поддержку баррикаднымъ бойцамъ. Лавки были открыты, женщины и дѣвушки доставляли на баррикады освѣжающіе и подкрѣпляющіе напитки, пищу и питье. Молодежь отливала пули. Берлинцевъ и на баррикадахъ не оставлялъ свойственный имъ юморъ: здѣсь продолжали сыпаться удачныя и неудачныя остроты до тѣхъ поръ, пока не надвинулись войска и гражданская война не отодвинула всего на задній планъ.

Съ наступленіемъ ночи, борьба началась съ удвоенною силою; вдругъ разнесся слухъ, что извнѣ приближаются новыя войска, и количество баррикадъ начало удваиваться.

На Широкой улицѣ возвышалась грандіозная баррикада, которая была построена по всѣмъ правиламъ искусства механикомъ Зигристомъ. Онъ же предводительствовалъ защитниками баррикады. Баррикада одною своею стороною упиралась въ зданіе кельнской ратуши, за нею возвышался домъ кондитера д'Эреза, который нѣкогда принадлежалъ фельдмаршалу Дерфлингеру. Совершенно непонятно, почему изъ ближайшаго дворца не помѣшали постройкѣ баррикады.

Съ наступленіемъ ночи передъ баррикадой запылалъ костеръ, а въ 7 часовъ защитники баррикады дали нѣсколько выстрѣловъ по направленію дворца. Войско немедленно начало наступленіе. Оно было освѣщено огнемъ, пылающимъ передъ баррикадой, защитники же оставались въ тѣни. Началась безпрерывная ружейная пальба, и солдаты начали наступать на баррикаду съ обѣихъ сторонъ, по тротуару. Имъ не удалось взять баррикады и они отступили. Солдаты взяли приступомъ дома съ обѣихъ сторонъ улицы, изъ которыхъ по нимъ стрѣляли, и начали тамъ хозяйничать по своему; они перебили всѣхъ вооруженныхъ, которые имъ тамъ попались. Три раза повторялся приступъ на баррикаду, и три раза были солдаты отбиты; защитникамъ помогалъ градъ камней, падавшій съ крышъ на солдатъ. Тогда выдвинули артиллерію, и открыли противъ баррикады страшную пальбу картечью

и гранатами. Въ промежуткахъ боя съ баррикады доносились дикіе крики, но защитники держались стойко. Домъ д'Эреза былъ весь изрѣшетенъ пулями, а мѣстами стѣны были совершенно разрушены. Во все время борьбы какой-то молодой рабочій въ блузѣ стоялъ на крыльцѣ и билъ въ барабанъ. Казалось, что ему нѣтъ никакого дѣла до картечи и гранатъ, которыя свистали вокругъ него, какъ мухи; онъ по какой-то счастливой случайности уцѣлѣлъ.

Борьба продолжалась болѣе трехъ часовъ; наконецъ, солдаты прошли черезъ кельнскую ратушу и улицу Мясниковъ въ тылъ защитникамъ баррикады, у которыхъ, кромѣ того, вышли всѣ боевые запасы. Имъ поэтому пришлось оставить позицію, которую они такъ храбро защищали.

Народные борцы и на Верхней Валовой улицѣ и на Интендантской площади боролись съ примѣрною стойкостью. Войска были здѣсь встрѣчены такимъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и такимъ градомъ камней, что принуждены были отступить. Но особенно сильный градъ пуль и камней сыпался съ крыши дома, стоящаго па углу Маврской и Іерусалимской улицъ. Гвардейцы пытались черезъ Маврскую улицу пробраться на Интендантскую площадь и начали для этого обстрѣливать крыши. Они хотѣли этимъ путемъ обойти съ тылу большую баррикаду. Но гвардейцамъ не удалось взять баррикадъ, лежащихъ имъ по пути, и поэтому они принуждены были ретироваться на Жандармскую площадь.

Кровопролитная борьба происходила и на Голубиной улицѣ, гдѣ большая баррикада, на которой распоряжался студентъ, четыре раза выдержала штурмъ войска, пока она, наконецъ, была взята. Такая же борьба происходила на углу Охотничьей и Фридриховской улицы, около арсенала и ополченія второго разряда на Липовой улицѣ и на Александровской площади.

Была прекрасная свѣтлая весенняя ночь. Многіе дома были ярко освѣщены; женщины и дѣвушки ободряюще привѣтствовали борцовъ. Дѣти поспѣшно лили за баррикадами пули. На небѣ виднѣлось зарево пожара; горѣли сараи съ артиллерійскими повозками возлѣ Ораніенбургскихъ воротъ и королевскій желѣзо-литейный заводъ. Горѣли также караулки около многихъ воротъ. Это, повидимому, были акты мести за звѣрства солдатъ.

Въ борьбѣ на Александровской площади проявилась вся мощь народнаго возстанія. Войска не могли овладѣть ею, несмотря на то, что борьба продолжалась всю ночь.

Солдаты напали на Александровскую площадь съ завоеванной ими уже Королевской улицы; но сопротивленіе было такъ сильно, что и солдатамъ пришлось укрыться за баррикадой, сооруженной изъ мучныхъ мѣшковъ. Особенно сильно была забаррикадирована Александровская площадь съ той стороны, которая лежитъ противъ Королевскаго моста; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ на площадь выходятъ Новая Королевская и Ландебергская улицы, возвышались грандіозныя баррикады. Здѣсь на сторонѣ народа сражались многочисленные „гражданскіе стрѣлки“ Берлина, которые привезли съ собою даже двѣ маленькихъ

пушки „гильдіи стрѣлковъ“, которыми они открыли сильный огонь противъ солдатъ *).

Борьба велась здѣсь съ величайшимъ ожесточеніемъ. Но хотя вызванный изъ Франкфурта на Одерѣ пѣхотный полкъ открылъ съ востока нападеніе на Александровскую площадь, двигаясь по Франкфуртской и Королевской улицамъ, возставшимъ все-таки удалось удержать за собою позицію. Они даже сдѣлали изъ-за баррикады вылазку на Новую Королевскую улицу и подожгли тамъ деревянную лавку, которая служила прикрытіемъ для солдатъ.

Здѣсь проявилъ особенную дѣятельность ветеринарный врачъ Урбанъ, берлинскій оригиналъ; его колоссальная фигура съ длинными развѣвающимися непокрытыми волосами, въ короткомъ коричневомъ сюртукѣ и въ высокихъ сапогахъ постоянно появлялась на баррикадѣ. Онъ руководилъ постройкою баррикадъ на Александровской площади и проявилъ массу мужества и находчивости во время сраженія. Впослѣдствіи онъ началъ играть двусмысленную роль и ему перестали довѣрять.

Большую извѣстность, въ качествѣ героя баррикадъ, получилъ токарь Густавъ Гессе изъ Галле, а также слесарь-подмастерье, Фихтнеръ. Когда одинъ раненый упалъ съ баррикады, Гессе, который былъ интеллигентнымъ и отважнымъ рабочимъ, не взирая на вражескія пули, безстрашно спустился и подъ непріятельскимъ огнемъ втащилъ его обратно; Гессе вообще проявилъ такое мужество, что его товарищи тутъ же увѣнчали его зеленымъ вѣнкомъ **).

Утромъ 19 марта обѣ враждебныя стороны сохраняли на Александровской площади тѣ же позиціи, которыя онѣ заняли съ вечера. При этомъ солдаты были страшно утомлены и измучены, межъ тѣмъ какъ баррикадныхъ бойцовъ каждый разъ смѣняли все новые товарищи.

Послѣ многократныхъ тщетныхъ нападеній на арсеналъ Ландвера по Липовой улицѣ народъ рѣшилъ взять его приступомъ. Поспѣшившій сюда съ Александровской площади Гессе руководилъ нападеніемъ на это зданіе, занятое кучкой молодыхъ офицеровъ. Къ утру цейхгаузъ былъ взятъ, но большихъ запасовъ оружія тамъ, вопреки ожиданіямъ, найдено не было. Народъ понесъ при этомъ большія потери.

Солдаты взяли баррикаду на Геркулесовомъ мосту, но дальше двинуться они не могли, ибо они тутъ же наталкивались на другія баррикады. Такимъ же образомъ дѣло обстояло въ большинствѣ пунктовъ, гдѣ войска первоначально имѣли успѣхъ; выраставшія все новыя и новыя укрѣпленія приводили ихъ въ отчаяніе. Описывать подробно каждую изъ многочисленныхъ стычекъ въ отдѣльности мы тутъ не можемъ; упомянемъ еще только о томъ рѣдкомъ, беззавѣтномъ пре-

---

*) За недостаткомъ ядеръ, обѣ пушки заряжали стеклянными шарами (Murmeln), а вмѣсто пыжей употреблялись чулки. Вѣчно любящіе острить берлинцы прозвали поэтому эти двѣ пушки (Murmelthiere) „сурками“, и это прозвище долго сохранялось за ними.

**) Гессе часто фотографировали въ этомъ вѣнкѣ. Онъ пользовался большой любовью среди рабочихъ. Чтобы обезвредить его или, если удастся, привлечь его на свою сторону, его сдѣлали констэблемъ, а у него хватило слабости пойти на это. Конечно, онъ тотчасъ потерялъ всю свою популярность. Впослѣдствіи онъ переживалъ большую нужду и получалъ поддержку отъ нѣкоторыхъ старыхъ берлинскихъ демократовъ.

зрѣнія къ смерти, съ которымъ молодость бросилась въ этотъ великій революціонный бой. На огромной баррикадѣ, на Голубиной улицѣ, неподвижно стоялъ бѣлокурый студентъ съ черно-красно-золотымъ знаменемъ въ рукѣ; вокругъ его неумолчно жужжали пули, но онъ по какому-то чуду оставался цѣлымъ и невредимымъ. Неподалеку за самымъ слабымъ укрѣпленіемъ стояло только двое—девятнадцатилѣтній подмастерье-слесарь Глазевальдъ и семнадцатилѣтній ученикъ-слесарь, по имени Цинна. У нихъ была только одна сабля да одно старое ружье. Вотъ на нихъ наступаетъ цѣлый батальонъ солдатъ; Глазевальдъ спускаетъ курокъ и въ ту же минуту самъ падаетъ тяжело раненый; Цинна съ саблей наголо бросается въ ряды солдатъ, цѣлясь въ офицера. Въ него раздается оглушительный залпъ, онъ убѣгаетъ въ ближайшій домъ и падаетъ тамъ замертво.

Солдаты, въ пылу борьбы и раздраженные сыпавшимися на нихъ выстрѣлами изъ домовъ, стали нападать даже на безоружныхъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ непровѣренные слухи и будемъ приводить только факты вполнѣ провѣренные. Когда кельнская ратуша была взята и найденные тамъ люди были частью перебиты, частью, осыпаемые побоями, уведены въ плѣнъ, солдаты вторглись также въ квартиру проживавшаго тамъ директора кельнской гимназіи въ Берлинѣ, І. Ф. Августа, ветерана 1813 года. Когда Августъ сталъ протестовать противъ этого вторженія, одинъ офицеръ ударилъ его шпагой по лицу такъ, что полилась кровь; барабанщикъ, въ свою очередь, нанесъ ему тяжелый ударъ по головѣ барабанной палкой. Августа и его родныхъ взяли подъ арестъ и отвели во дворецъ; по дорогѣ одинъ гвардейскій офицеръ безъ всякаго къ тому повода застрѣлилъ племянника Августа, захваченнаго съ нимъ вмѣстѣ, студента фонъ-Гольцендорфа. Гольцендорфъ такъ же, какъ его дядя, не принималъ никакого участія въ борьбѣ.

Кромѣ этихъ, обычныхъ во всякой гражданской войнѣ, явленій мы хотимъ остановиться только еще на обращеніи съ плѣнными. Ихъ сотнями побросали въ подвалы королевскаго дворца. Среди нихъ въ большинствѣ случаевъ находились люди, въ борьбѣ никакого участія не принимавшіе *).

Около 4 часовъ утра около 600 изъ этихъ плѣнниковъ были подъ военнымъ прикрытіемъ отправлены въ Шпандау. Арестованныхъ связали по двое, а руки прикрутили къ спинѣ. Одинъ арестованный журналистъ впослѣдствіи сообщалъ, что съ плѣнными обращались „хуже, чѣмъ со стадомъ скота". Всѣ свѣдѣнія единогласно сходятся въ томъ, что плѣннымъ наносили удары прикладомъ ружей и саблями, что ихъ били палками, ругали и осыпали издѣвательствами. Реакціонно настроенная часть населенія Шарлоттенбурга и Шпандау тоже издѣвалась надъ плѣнниками, которымъ пришлось подвигаться чуть не бѣгомъ, не взирая на то, что среди нихъ были старики и дѣти. Эти возмутительныя сцены кончились тѣмъ, что плѣнниковъ заперли до шести часовъ вечера въ сырые казематы „Форта Королевы". Разсказываютъ, будто передъ отправленіемъ плѣнниковъ изъ Берлина, док-

*) У одного изъ захваченныхъ обнаруженъ былъ клочокъ чистой бумаги. Одинъ изъ остроумныхъ лейтенантовъ узрѣлъ въ этомъ составъ преступленія. „На этой бумажкѣ—заявилъ офицеръ—онъ хотѣлъ написать прокламацію".

торъ Штиберъ крикнулъ имъ вслѣдъ: „Не бойтесь! Если намъ (!) суждено быть побѣжденными, вы выступите передъ открытымъ и гласнымъ судомъ; всякій юристъ почтетъ для себя честью выступить вашимъ защитникомъ“.—Мы еще увидимъ ниже, какъ этотъ позднѣйшій „прирожденный криминалистъ“ выступилъ позже въ роли добраго генія только что завоеванной „свободы“.

Тѣмъ временемъ въ Берлинѣ разсвѣло, и сіяющее мартовское солнце освѣтило залитыя кровью мѣста вчерашней борьбы. Трескъ пушечныхъ и ружейныхъ залповъ на моментъ смолкъ, но набатный звонъ все продолжался. Народные бойцы, число которыхъ все еще непрерывно возрастало, рѣшили сопротивляться до послѣдней капли крови. Противъ всѣхъ, желавшихъ мира, господствовало очень враждебное настроеніе. Когда генералъ фонъ-Меллендорфъ появился на Александровской площади, передъ большой баррикадой съ бѣлымъ флагомъ въ рукѣ, онъ былъ обезоруженъ и взятъ въ плѣнъ, ибо народъ опасался предательства. Ветеринарный врачъ Урбанъ защитилъ генерала отъ народнаго гнѣва, но Меллендорфу все же пришлось подписать приказъ объ отступленіи войска.

Въ 7 часовъ появилась прокламація короля; „Къ моимъ возлюбленнымъ берлинцамъ!“

Въ этомъ достопримѣчательномъ документѣ король предлагалъ берлинцамъ убрать войска, если народъ первый оставитъ свои баррикады. Велико должно было быть изумленіе берлинцевъ, когда они прочитали въ этой прокламаціи, что къ мятежу ихъ совратила „шайка злонамѣренныхъ лицъ, состоящихъ главнымъ образомъ изъ инородцевъ“; въ той же прокламаціи говорилось, будто Дворцовая площадь была „очищена“ кавалеріей, не вынимавшей оружія изъноженъ и будто два ружья пѣхотинцевъ выстрѣлили сами собой *). Въ заключеніе король заклиналъ своихъ „возлюбленныхъ берлинцевъ“ забыть все происшедшее.

Прокламація эта, конечно, абсолютно непригодна была для того, чтобъ успокоить гнѣвъ народа. И отвѣтъ на нее дѣйствительно заключался лишь въ томъ, что снова открылась пальба съ баррикадъ.

Прокламація расклеена была повсюду, но она не оказала никакого дѣйствія**). Тѣмъ большее впечатлѣніе производили депутаціи отъ гражданъ, которыя опять поспѣшили во дворецъ съ примирительными цѣлями. Король, окруженный цѣлой тучей придворныхъ и генераловъ, сначала обнаружилъ большое упрямство. Онъ приказалъ даже сказать епископу Неандеру, чтобы онъ позаботился объ очисткѣ баррикадъ. Это предложеніе привело благочестиваго епископа въ гнѣвъ, а

---

*) Изъ этого видно, какъ придворно-юнкерская камарилья держала короля въ заблужденіи относительно истиннаго положенія вещей. Очевидцы десятки разъ неизмѣнно и въ одинъ голосъ показывали, что кавалерія набросилась на толпу съ обнаженными саблями. Изъ писемъ короля къ Бунзену становится ясно, какія картины ужасовъ ему размалевывали во время мартовскихъ дней.

**) На Широкой улицѣ одна граната застряла въ деревянномъ колодезномъ насосѣ, и остроумные берлинцы наклеили надъ ней прокламацію „Къ моимъ возлюбленнымъ берлинцамъ“ Колодезь впослѣдствіи былъ уничтоженъ, ибо въ періодъ реакціи старательно избѣгалось все то, что могло бы напомнить объ уличной борьбѣ.

его жена отъ ярости сорвала съ себя чепецъ. Да и что могъ подѣлать этотъ бѣдный епископъ съ баррикадными бойцами, закопченными въ пороховомъ дыму!

Языкъ явившихся во дворецъ депутацій отъ гражданъ становился все рѣшительнѣе, и когда король попытался втолковать гражданамъ, что солдаты дескать сумѣютъ справиться съ возстаніемъ, купецъ Неуманнъ отвѣтилъ ему: „Такая побѣда была бы равносильна пораженію!"

Кто въ концѣ концовъ склонилъ короля къ уступкамъ, трудно установить съ точностью, ибо всѣ посредники, которые въ эту ночь входили и выходили изъ дворца—городской совѣтникъ Дункеръ, литераторъ Рельштабъ, докторъ Штиберъ да еще пара дюжинъ—всѣ они впослѣдствіи претендовали на то, что это они „дѣлали всемірную исторію". Послѣдняя депутація гражданъ сообщила королю, что весь городъ вооружился и стоитъ на баррикадахъ и что цѣлью возставшихъ является штурмъ дворца. Можетъ быть это обстоятельство въ связи съ мрачнымъ гудѣніемъ набатныхъ колоколовъ по всему городу и заставили ускорить рѣшеніе. Раннимъ утромъ 19 марта король далъ войскамъ приказъ отступать изъ Берлина; борцы за народное дѣло одержали побѣду *).

Принцъ прусскій еще разъ сдѣлалъ попытку настоять на предварительномъ очищеніи баррикадъ, но—безуспѣшно. Приказъ короля объ отступленіи полученъ былъ войсками въ тотъ самый моментъ, когда ветеринарный врачъ Урбанъ передавалъ офицерамъ на Королевскомъ мосту такой же приказъ фонъ-Меллендорфа. Борьба была кончена, и народъ, который только что былъ настроенъ такъ недовѣрчиво, съ бурей восторговъ встрѣтилъ вѣсть о своей побѣдѣ, равно какъ и вѣсть о томъ, что король обѣщалъ призвать новое, популярное среди народа министерство **). Улицы переполнились сіяющими отъ радости любопытными и возбужденными лицами.

Заниматься вопросомъ о томъ, на чьей сторонѣ осталась бы побѣда, если бы народъ продолжалъ борьбу,—дѣло въ сущности безплодное. Мы останавливаемся на этомъ только потому, что извѣстные литературные наѣздники изображали дѣло такъ, что будто, при условіи продолженія борьбы, народъ непремѣнно потерпѣлъ бы пораженіе. Но

---

*) Уже въ пять часовъ утра войскамъ было приказано не подвигаться впередъ съ занятыхъ ими позицій. Какъ извѣстно, князь Висмаркъ впослѣдствіи велъ долгіе споры по вопросу объ отступленіи войскъ; онъ утверждалъ, что министръ фонъ-Бодельшвингъ превысилъ полномочія, приказавъ войскамъ отступить раньше, чѣмъ очищены были баррикады,—чего, дескать, король не хотѣлъ. Этотъ споръ кажется намъ неимѣющимъ особаго интереса. Возможно, что среди этой суматохи дѣло происходило именно такъ, какъ утверждаетъ Бисмаркъ, но во всякомъ случаѣ несомнѣненъ тотъ фактъ, что отказъ баррикадныхъ бойцовъ покинуть занятыя ими позиціи предшествовалъ отступленію войскъ,—а это самое важное. Происшествія во дворцѣ—колебанія, а въ заключеніе уступки—находятся въ полномъ согласіи съ этимъ фактомъ. Но вполнѣ понятно, что Бисмарку-то очень хотѣлось бы вычеркнуть изъ исторіи торжество мартовскаго возстанія.

**) Плѣнные были тоже выпущены королемъ съ замѣчаніемъ: „если они вамъ еще нравятся". По всей вѣроятности король уже зналъ объ истязаніи плѣнныхъ.

если бы пораженіе дѣйствительно въ этомъ случаѣ было неминуемо,— во дворцѣ не такъ скоро сдались бы.

Берлинъ былъ тогда городомъ съ 400.000 населеніемъ. Та часть города, которую войскамъ удалось занять, составляла лишь нѣсколько болѣе трети всего Берлина. Это были главнымъ образомъ Фридрихштадтъ и окрестности дворца до Александровской площади и до Монбижу. Но на рабочіе кварталы—и въ первую голову на Фойгтландъ—которые были цѣликомъ забаррикадированы и въ которыхъ слѣдовало ожидать самыхъ упорныхъ битвъ, войска даже еще и не начинали наступленія. Однако, вѣдь народъ былъ вооруженъ не только здѣсь, но и между Денгофской площадью и Галльскими воротами, а также вокругъ Александровской площади, гдѣ всюду были многочисленныя баррикады. Чтобы справиться съ возстаніемъ, войскамъ пришлось бы завоевывать всѣ еще незанятые кварталы съ большими потерями. Но это было невозможно, потому что войска были измучены и не получали достаточнаго пропитанія, межъ тѣмъ какъ баррикадные борцы не только могли смѣняться, но и снабжались пищей и напитками въ большомъ изобиліи. Продолженіе борьбы привело бы къ тому, что войска были бы истомлены и отрѣзаны отъ всякихъ сношеній извнѣ, а далѣе послѣдовалъ бы штурмъ дворца. Подкрѣпленія войска получить не смогли бы: этому помѣшала бы баррикадная сѣть. Не мѣшаетъ прибавить еще къ этому, что даже среди военныхъ пораженіе войска считали неизбѣжнымъ, если бы борьба не закончилась *).

Войска покинули Берлинъ подъ звуки веселой музыки, но выраженія солдатскихъ лицъ ярко обличали всю фальшивость веселыхъ мотивовъ, разыгрываемыхъ военными оркестрами. На улицѣ „Unter den Linden"—поразительное явленіе!—скоро опять показались всѣ фланеры и праздношатающіеся гранители мостовыхъ. Въ то же время отъ Александровской площади по направленію къ дворцу двинулась огромная толпа, во главѣ съ баррикадными борцами, чтобы потребовать отъ короля народнаго вооруженія. Одновременно—и безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій—ко дворцу принесли трупы павшихъ бойцовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были страшно изувѣчены; рядомъ съ трупами дѣйствительныхъ участниковъ баррикадной борьбы находились и трупы безоружныхъ, трупы женщинъ. Пока на улицѣ толпа тѣснилась вокругъ дворца, во дворѣ въ это время разложили убитыхъ рядами и украсили ихъ живыми цвѣтами и вѣнками изъ зелени.

Вдругъ во дворѣ, гдѣ близкіе убитыхъ предавались своей скорби, пронесся крикъ; „К о р о л я! П у с т ь в ы й д е т ъ к о р о л ь!" Нѣкоторые парламентеры, вродѣ князя Лихновскаго, впослѣдствіи трагически окончившаго свою жизнь во Франкфуртѣ, затѣмъ графъ Шверинъ и Арнимъ пытались отговорить толпу отъ этого ея требованія. Но изъ тысячи грудей къ стѣнамъ дворца продолжалъ нестись все тотъ же буйный кличъ: „Король долженъ выйти!" и, наконецъ, во внутренней галлереѣ появилась король съ королевой, оба блѣдные и испуганные. Воцарилась тишина. Вдругъ раздался чей-то голосъ: „Ш а п к у д о л о й!"—и король обнажилъ голову; народъ кругомъ сдѣлалъ то же.

*) Такъ думалъ между прочимъ и генералъ фонъ-Пфуль. См. дневникъ Варнгагена фонъ-Энзе.

Кто-то изъ толпы запѣлъ молитву: „Господь мое прибѣжище"; толпа со всѣхъ сторонъ подхватила. Когда прозвучали послѣдніе звуки торжественной молитвы, королевская чета удалилась. Этой сцены Фридрихъ-Вильгельмъ IV никогда не могъ простить берлинцамъ.

Много подтрунивали надъ тѣмъ, что обычно столь скептически относящіеся къ религіи берлинцы въ тотъ моментъ запѣли церковный гимнъ. Но мы при оцѣнкѣ всего эпизода считаемъ этотъ моментъ совершенно несущественнымъ.

Когда король ушелъ, ко дворцу подошла толпа съ Александровской площади. Теперь дворецъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ плотной массой; рабочіе тѣснились на площадкѣ передъ дворцомъ, а бюргеры—въ саду. Депутація представила королю требованіе народнаго вооруженія. Король согласился на это и самъ отправился въ садъ, чтобы сообщить объ этомъ бюргерамъ. Онъ былъ необычайно истомленъ и измученъ.

Рабочіе хранили молчаніе; но ликованіе бравыхъ бюргеровъ буквально не знало предѣловъ; казалось, у нихъ совершенно испарилось воспоминаніе о ночной битвѣ. Въ шесть часовъ вечера первое отдѣленіе гражданскаго ополченія стало на караулъ у дворца.

Съ балкона дворца Арнимъ обратился къ собравшейся на Дворцовой площади толпѣ съ рѣчью относительно новой конституціи, при чемъ обѣщалъ принять мѣры „къ возстановленію порядка въ городѣ". Но тутъ произошелъ ужасный переполохъ; какой-то молодой человѣкъ, еще не остывшій отъ боя на баррикадахъ, съ блѣднымъ лицомъ и молніеносными глазами былъ поднятъ товарищами на плечи и воскликнулъ: „Народъ требуетъ оружія, чтобы его не могли убивать безоружнаго!"— Арнимъ отвѣтилъ, что войско отступило и что народъ можетъ спокойно приняться за свои обычныя занятія. „Народъ требуетъ, чтобы принцъ прусскій отрекся отъ престола!"—воскликнулъ молодой народный ораторъ уже внизу *). Но тутъ Арнимъ счелъ своевременнымъ отвѣсить народу поклонъ и удалиться съ балкона. Снова начался шумъ, но вмѣшавшіеся въ толпу рабочихъ бюргеры стали кричать: „По домамъ! По домамъ!" и послѣ того, какъ Шверинъ, пользовавшійся большей популярностью нежели Арнимъ, возвѣстилъ народу, что будетъ учреждено гражданское ополченіе подъ начальствомъ президента полиціи, Минутоли,—толпа окончательно разсѣялась.

Гражданское ополченіе сорганизовано было еще въ тотъ же день, и ему было выдано оружіе изъ цехгауза.

Восторгъ побѣдившаго населенія былъ неописуемъ, но вполнѣ естественъ. Народъ не сталъ мстить лицамъ, обнаружившимъ особенную враждебность къ нему; были только разрушены дома одного придворнаго поставщика да одного отставного маіора, сыгравшихъ роль предателей народныхъ борцовъ. Вечеромъ 19 марта Берлинъ украшенъ былъ такой блестящей иллюминаціей, какой онъ до того времени не видывалъ никогда.

На слѣдующій день общее возбужденіе направилось противъ принца Прусскаго, котораго считали самымъ рѣшительнымъ противни-

*) Имя молодого человѣка, который безсознательно стремился къ такому мощному воздѣйствію на ходъ исторіи Пруссіи, осталось неизвѣстнымъ.

комъ новаго положенія дѣлъ. Толпа собралась передъ его дворцомъ „подъ Липами“ и хотѣла сравнять его съ землей. Дворецъ удалось спасти только тѣмъ, что на немъ сдѣлали надпись: „Національная собственность!“ Послѣ этого принцъ получилъ отъ короля приглашеніе отправиться въ Англію съ „особо важными порученіями“ и немедленно двинулся въ путь. Подробности о его побѣгѣ, особенно о томъ, какъ его опознали въ Перлебергѣ, сдѣлались извѣстны лишь позже, спустя болѣе, чѣмъ чрезъ 40 лѣтъ*). Онъ перебрался черезъ Гамбургъ въ Лондонъ и остался тамъ пока волна революціи не пошла на убыль.

Къ вечеру освобождены были поляки, сидѣвшіе въ одиночкахъ Моабитской тюрьмы. Въ 1846 году господинъ фонъ-Минутоли „открылъ“ великій польскій заговоръ; Мирославскій, Либельтъ и другіе были осуждены. Теперь они вмѣстѣ съ другими политическими осужденными вышли на свободу. Въ тріумфальной процессіи они проѣхали въ экипажѣ черезъ Берлинъ; Мирославскій, съ черно-красно-золотымъ знаменомъ въ рукахъ, обратился съ рѣчью къ народу. Четыре недѣли спустя онъ сражался уже противъ прусскихъ войскъ, во главѣ своихъ поляковъ.

Несмотря на то, что въ этотъ же день назначены были новые министры, недовѣріе массъ вновь вспыхнуло въ угрожающей формѣ. Внезапно по улицамъ пронесся кличъ: „Измѣна! Къ оружію!“ Пронесся слухъ, будто принцъ Прусскій возвращается со своими войсками обратно. Въ одно мгновеніе ока гражданское ополченіе въ союзѣ со всѣмъ народомъ, готовые къ бою, вновь заняли баррикады. Но тревога скоро оказалась ложной.

Въ новомъ министерствѣ господинъ фонъ-Ауэрсвальдъ взялъ на себя постъ министра внутреннихъ дѣлъ, графъ Шверинъ—министра исповѣданія, Кюне—министра финансовъ и Борнеманнъ—министра юстиціи. Десять дней спустя у Пруссіи было уже свое мартовское министерство съ Кампгаузеномъ во главѣ. Въ этомъ министерствѣ Ганземаннъ сдѣлался министромъ финансовъ, Ауэрсвальдъ—внутреннихъ дѣлъ, Арнимъ-Штрикъ—иностранныхъ дѣлъ, Рейеръ—военнымъ министромъ, Шверинъ—министромъ исповѣданія и народнаго просвѣщенія. Эта мѣшанина изъ либеральныхъ аристократовъ и буржуа получила названіе „умиротворительнаго министерства“.

На слѣдующій день король отдалъ приказъ, чтобъ армія отнынѣ также носила черно-красно-золотыя кокарды. И было же ликованья въ эти дни, когда даже всѣ тайные и надворные совѣтники разукрасились въ черно-красно-золотые цвѣта!

Но восхищеніе опьяненныхъ отъ побѣды „добрыхъ гражданъ“ Берлина достигло своей высшей точки, когда 21 марта появилась прокламація слѣдующаго содержанія:

„Къ нѣмецкой націи!

„Съ нынѣшняго дня для васъ открывается новая, славная эра. Впредь вы вновь будете составлять единую ве-

*) Во дворцѣ принца очень удобно устроилась яко бы „коммиссія по пріему прошеній къ королю“, состоявшая изъ трехъ сомнительныхъ субъектовъ, пока, наконецъ, продѣлки ихъ были открыты, и гражданское ополченіе положило имъ конецъ. Детали этой исторіи чрезвычайно комичны; см. объ этомъ „Берлинскую революціонную хронику“ Адольфа Вольфа, т. I.

ликую націю*) въ сердцѣ Европы, свободную и сильную. Фридрихъ Вильгельмъ IV Прусскій, уповая на ваше героическое содѣйствіе и ваше духовное возрожденіе, въ интересахъ возрожденія Германіи сталъ во главѣ общаго отечества.

„Уже сегодня вы увидите его на конѣ среди васъ, украшеннаго искони чтимыми цвѣтами германской націи!

„Да поможетъ и да благословитъ Всевышній конституціоннаго монарха, вождя всего германскаго народа, новаго короля свободной, возрожденной націи!"

Эта прокламація была дѣломъ новыхъ либеральныхъ министровъ, которые прекрасно постигли психологію берлинскаго бюргера-филистера. Роль, которой они надѣлили короля, этому послѣднему была донельзя непріятна; ему приходилось украситься тѣми цвѣтами, противъ которыхъ въ ночь на 18 марта направлялись выстрѣлы его солдатъ. „Уберите это знамя съ моихъ глазъ!" воскликнулъ онъ, увидѣвъ на баррикадѣ около кельнской ратуши черно-красно-золотое знамя. А теперь онъ самъ носилъ эти цвѣта!

Да, Фридрихъ Вильгельмъ IV носилъ ихъ; онъ покорился обстоятельствамъ, хотя нѣкоторые упрямые юнкера его отговаривали отъ этого. Силой ничего нельзя было подѣлать; это показалъ ходъ борьбы, во время которой, какъ это неоднократно было засвидѣтельствовано, отдѣльныя части войска уже начинали брататься съ гражданами. Поэтому-то королю и пришлось уступить министрамъ и самому избрать ненавистные цвѣта.

Увертюрой къ торжественной прогулкѣ короля послужило собраніе вооруженнаго студенчества, которое занималось военными упражненіями въ „Каштановой Рощѣ". Господа профессора съ ректоромъ и проректоромъ тоже были во всеоружіи, разыгрывая роль акушеровъ на праздникѣ возрожденія Германіи. Графъ Шверинъ держалъ въ актовомъ залѣ рѣчь, похвалилъ студентовъ за ихъ услуги въ дѣлѣ возстановленія порядка, заявилъ, что король сталъ во главѣ движенія въ цѣляхъ созданія единой и свободной Германіи и закончилъ виватомъ во славу отвѣтственности министровъ. Профессора и студенты присоединились къ его ликованію.

Немедленно послѣ этого король выѣхалъ верхомъ на Дворцовую площадь, которая была усѣяна густой толпой народа. Онъ былъ одѣтъ въ мундиръ перваго гвардейскаго полка, на головѣ—каска, а на рукавѣ—черно-красно-золотая повязка. Короля сопровождали всѣ принцы, за исключеніемъ принца Вильгельма Прусскаго, затѣмъ—министры, генералы, гражданскіе ополченцы, студенты и стрѣлки; за нимъ несли большое черно-красно-золотое знамя, а за знаменемъ слѣдовали городской гласный Глейхъ и докторъ Штиберъ. Такимъ образомъ, по ироніи всемірной исторіи, позднѣйшій начальникъ прусской тайной полиціи опять появлялся у колыбели прусско-королевской свободы.

Король обратился къ толпѣ и сталъ ее увѣрять, что это вовсе

---

*) Какъ видитъ читатель, не одни только французы любятъ фразерствовать объ „единой великой націи".

не узурпація *), если онъ чувствуетъ себя призваннымъ спасти свободу и единство націи; онъ не желаетъ-де свергнуть съ трона ни одного князя, а хочетъ только защитить дѣло единства и свободы Германіи,—въ этомъ онъ призываетъ въ свидѣтели Бога; нѣмецкая вѣрность, опирающаяся на истинно-конституціонное устройство Германіи, должна оказать поддержку этому единству и свободѣ! Отвѣтомъ на эти завѣренія короля были неописуемые восторги „добрыхъ гражданъ“; вокругъ короля тѣснились, ему цѣловали руки.

Процессія направилась черезъ Дворцовую площадь къ гауптвахтѣ, близъ арсенала, гдѣ гражданское ополченіе тотчасъ стало подъ ружье. Король сказалъ при этомъ: „Я вижу васъ здѣсь на стражѣ; я не нахожу словъ, чтобъ выразить вамъ всю мою благодарность. Повѣрьте мнѣ!“ И тутъ опять начались шумныя ликованія. Но вдругъ чей-то рѣзкій голосъ прозвучалъ диссонансомъ. Какой-то рабочій изъ породы такихъ же суровыхъ философовъ, какъ тотъ, который передъ дворцомъ сказалъ Савиньи: „Не дано рѣшительно ничего“, такой же „непріятный“ и безпокойный „бунтовщикъ“, какъ тотъ, вдругъ перебилъ изъявленія восторга крикомъ: „Нѣтъ, не вѣрьте ему!“ Его тотчасъ арестовали и отправили подъ стражу. Этотъ самъ по себѣ незначительный инцидентъ имѣлъ, однако, симптоматическое значеніе; онъ возвѣщалъ конфликтъ между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Въ это время еще кто-то воскликнулъ: „Да здравствуетъ императоръ Германіи!“ Но король съ упрекомъ отвѣтилъ: „Не надо, я не хочу, я не могу этого!“

Затѣмъ процессія направилась обратно мимо opернаго театра и библіотеки черезъ улицы Behrenstrasse и Unter den Linden. Около зданія университета стояло вооруженное студенчество, и король обратился къ сынамъ музъ съ такой рѣчью:

„Нынѣшній день—великій, незабвенный, рѣшительный день. Въ васъ заложено великое будущее, и если вы въ срединѣ или въ концѣ вашего жизненнаго пути бросите ретроспективный взглядъ на него, нынѣшній день навсегда останется для васъ памятнымъ. Студенты производятъ самое сильное впечатлѣніе на народъ, а народъ—на студентовъ. Я ношу цвѣта, которые не являются моими, но тѣмъ не менѣе я ничего не хочу узурпировать: мнѣ не нужно ни короны, ни господства, я только хочу для Германіи свободы, единства и порядка. Я сдѣлалъ лишь то, что уже такъ часто повторялось въ германской исторіи, когда порядокъ бывалъ попранъ и когда могущественные государи и герцоги воздвигали знамя и становились во главѣ всего народа; я вѣрю, что сердца князей бьются въ унисонъ съ моимъ и что воля народа поддержитъ меня. Замѣтьте же это хорошенько, запомните твердо, что я хочу „узурпировать“ только нѣмецкую свободу и единство. Скажите объ этомъ всѣмъ!“

Отвѣтомъ на эту рѣчь было тысячекратное виватъ да бряцаніе студенческаго оружія. Король поѣхалъ на Широкую улицу къ кельнской ратушѣ. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно вокругъ большой

---

*) Стиль прокламаціи могъ склонить къ мысли о томъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ является узурпаторомъ; это дѣло было еще совсѣмъ ново для министровъ.

баррикады шла неистовая борьба, Фридрихъ-Вильгельмъ IV обратился къ городскимъ гласнымъ съ слѣдующей рѣчью:

„Я прекрасно знаю, что я силенъ не оружіемъ моего несомнѣнно сильнаго и храбраго войска, я знаю, что я силенъ не моей богатой казной, а исключительно сердцами и вѣрностью моего народа. И въ этихъ сердцахъ и въ этой вѣрности вы не откажете мнѣ, неправда ли!"

Приблизительно въ такихъ же выраженіяхъ король говорилъ и на Королевской улицѣ, а затѣмъ онъ вернулся во дворецъ. Потомъ онъ еще пѣшкомъ посѣтилъ въ разныхъ мѣстахъ гражданскіе караулы. „Добрые граждане" таяли отъ блаженства и восхищенія. Теперь по ихъ мнѣнію все было достигнуто: въ Пруссіи совершена одобренная королемъ революція!

И чѣмъ меньше при дворѣ одобряли все происшедшее, тѣмъ больше грезили и фантазировали „добрые граждане". Въ концѣ концовъ мартовское одушевленіе все больше и больше стало переходить въ какое-то мартовское разслабленіе.

Король, который уже 20 марта хотѣлъ покинуть Берлинъ, потому что у него, какъ онъ увѣрялъ, вынудили слишкомъ много уступокъ *), подъ вліяніемъ увѣщаній „либеральныхъ министровъ" остался и издалъ новую прокламацію **), которая, исходя изъ идеи единства, дѣлаетъ слѣдующее знаменательное заявленіе: „Отнынѣ Пруссія сливается съ Германіей!" Заявленіе это привело старо-прусское феодальное юнкерство въ величайшее негодованіе. Далѣе въ прокламаціи говорится, что ландтагъ, созываемый на 2-е апрѣля, является средствомъ встать во главѣ движенія, направленнаго къ спасенію и успокоенію Германіи; князьямъ и сословіямъ Германіи необходимо доставить возможность организовать совмѣстно съ органами этого ландтага общее собраніе сословій Германіи. Но прежде всего необходимо созданіе обще-германскаго національнаго союзнаго войска и объявленіе о вооруженномъ нейтралитетѣ Германіи. Въ заключеніе прокламація заявляетъ:

„Только введеніе во всѣхъ государствахъ истинно-конституціоннаго устройства съ отвѣтственными министрами, гласное и устное судопроизводство по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ, опирающееся на судъ присяжныхъ, равныя политическія и гражданскія права для лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій и воистину народное либеральное правительство—могутъ создать и укрѣпить прочное внутреннее единство".

Вечеромъ того же дня къ королю явилась депутація отъ городской администраціи Бреславля и Лигнитца съ требованіемъ, чтобы онъ обнародовалъ избирательный законъ для имѣющаго быть созваннымъ національнаго представительства Германіи, не представляя его на предварительное утвержденіе реакціоннаго ландтага. Разсказываютъ, будто городской гласный изъ Бреславля, Коппшъ, сказалъ при этомъ: „Вы должны дать прямые выборы, иначе Силезія не-

---

*) Такъ объясняетъ генералъ Герлахъ.
**) См. приложеніе.

минуемо станетъ республикой!“ *). Король отвѣтилъ на это, что можетъ удовлетворить желаніе силезцевъ только въ томъ случаѣ, если вся страна раздѣляетъ взгляды депутаціи.

22 марта опять появилась новая прокламація короля, въ которой онъ обѣщалъ представить ландтагу угодный народу избирательный законопроектъ съ прямыми выборами, какъ того требовали силезцы. Новому народному представительству имѣлось также въ виду предложить законопроекты касательно гарантіи личной свободы, свободы союзовъ и собраній, организаціи всеобщаго гражданскаго ополченія съ свободно избранными вождями, далѣе законопроекты объ отвѣтственности министровъ, о распространеніи суда присяжныхъ на политическіе проступки и проступки по дѣламъ о печати, затѣмъ законопроекты о независимости судей, объ уничтоженіи патримоніальныхъ судовъ и полицейской власти помѣщиковъ. Въ прокламаціи, кромѣ того, упоминалось, что постоянное войско должно быть приведено къ присягѣ въ вѣрности новой конституціи.

Вмѣстѣ съ этимъ дождь королевскихъ милостей, изливавшійся на ликующихъ бюргеровъ, на время прекратился. Въ послѣдней прокламаціи дѣлались нѣкоторыя уступки и крестьянамъ; обѣщаніемъ уничтожить ненавистную народу феодальную вотчинную полицію и подсудность помѣщикамъ, она стремилась предотвратить въ деревнѣ возможные отголоски революціи.

Въ этотъ же день состоялось торжественное погребеніе борцовъ, павшихъ на баррикадахъ. Среди убитыхъ лишь человѣкъ двѣнадцать могли быть причислены къ бюргерскому сословію, затѣмъ было еще шесть женщинъ да одинъ глухонѣмой. Личность тридцати трехъ убитыхъ не могла быть установлена; они сложили свои головы за дѣло свободы, не оставивъ даже своихъ именъ потомству. Всѣ они, несомнѣнно, принадлежали къ рабочему классу, какъ и остальная масса убитыхъ, такъ что берлинскій пролетаріатъ далъ до девяти десятыхъ всѣхъ жертвъ великой борьбы. Изъ числа раненыхъ многіе также умерли, такъ что всего мертвыхъ оказалось 230. Похороны ихъ превратились въ величественную демонстрацію; торжественное зрѣлище на время отвлекло вниманіе народа отъ болѣе насущныхъ вещей. Убитые были размѣщены въ 183 гроба и отвезены въ Фридрихсгайнъ, сопровождаемые безчисленнымъ множествомъ народа. За печальной процессіей слѣдовали всѣ корпораціи чиновниковъ, бюргеровъ, студентовъ и рабочихъ; шествіе открывалось гражданскимъ ополченіемъ и одѣтыми во все черное дѣвушками, которыя несли вѣнки на бѣлыхъ подушкахъ. Въ процессіи принимали также участіе и многія депутаціи изъ другихъ мѣстъ, кромѣ Берлина. Когда печальный кортежъ поравнялся со дворцомъ, на балконъ вышли съ обнаженными головами король съ его министрами. Могилы въ Фридрихсгайнѣ, въ томъ числѣ одну братскую, рабочіе сдѣлали безвозмездно. Пасторъ Сидовъ сказалъ надгробную рѣчь, въ которой онъ упомянулъ о томъ, что убитые своею кровью запечатлѣли то дѣло, которое начато было ихъ отцами въ

*) Это заявленіе привело въ неописуемый ужасъ Генриха Симона позднѣйшаго регента имперіи. Такъ разсказываетъ Варнгагенъ, въ воспоминаніяхъ котораго, рядомъ съ любопытными фактами и тонкими наблюденіями, заключается, впрочемъ, не мало и пустой, весьма сомнительнойболтовни.

1818 году; послѣ него говорили: одинъ католическій священникъ да одинъ раввинъ, а въ заключеніе не поскупился на громкія фразы асессоръ Юнгъ изъ Кельна. Епископъ Неандеръ благословилъ усопшихъ, а гильдія стрѣлковъ почтила ихъ троекратнымъ залпомъ.

Фридрихсгайнъ въ теченіе долгаго времени являлся мѣстомъ паломничества. Теперь „добрые граждане" забыли, что погребенные здѣсь пали за дѣло „гражданской свободы". Лишь рабочіе, хотя они и ставятъ совершенно другія цѣли и идутъ совершенно иными путями, продолжаютъ чтить память борцовъ 1848 года. Каждый годъ 18 марта они украшаютъ вѣнками могилы Фридрихсгайна.

Но въ мартовскіе дни не только бюргеры, но и явные реакціонеры считали нужнымъ заявлять о своемъ безграничномъ уваженіи къ баррикаднымъ борцамъ. Такъ, напр., одинъ священникъ, по имени Круммахеръ, говорилъ въ своей проповѣди, что павшіе на баррикадахъ вознеслись на небо въ бѣлыхъ одѣяніяхъ и съ пальмовыми вѣтвями мира въ рукахъ, „какъ блаженные, преобразившіеся мертвецы". Но... прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и ревнители благочестія стали обрекать павшихъ баррикадныхъ борцовъ и всѣ завоеванныя свободы на самыя ужасныя муки ада.

24 марта хоронили павшихъ солдатъ—двухъ унтеръ-офицеровъ и тринадцать рядовыхъ. Никто не вѣрилъ, чтобы это были всѣ потери, понесенныя войскомъ. Впослѣдствіи военное министерство офиціально опредѣлило потери въ слѣдующихъ цифрахъ: убитыхъ—3 офицера и 17 рядовыхъ, а раненыхъ—14 офицеровъ, 14 унтеръ-офицеровъ и 226 рядовыхъ. Но и этимъ даннымъ не повѣрили; по никакихъ точныхъ доказательствъ приведено быть не могло, и поэтому мы оставляемъ этотъ вопросъ въ сторонѣ *). Къ тому же стремленіе военнаго начальства скрывать понесенныя потери, или, чтобъ не подорвать престижъ войска передъ публикой, опредѣлять ихъ ниже дѣйствительной цифры,—проявлялось вѣдь не въ одномъ только этомъ случаѣ.

Уже у могилы солдатъ хоръ филистерскихъ голосовъ, надрываясь, изо всѣхъ силъ кричалъ „ура" въ честь арміи, той самой арміи, противъ которой всего за пять дней до того шла такая безпощадная борьба. Эти господа считали себя однихъ полными и безраздѣльными побѣдителями и прониклись величайшимъ самодовольствомъ. Когда членъ Рейнской депутаціи Раво вечеромъ 19 марта заговорилъ о гарантіяхъ,—нѣсколько премудрыхъ мѣщанъ отвѣтили ему: „Да вѣдь у насъ уже есть все, чего мы хотѣли!"

Выразительницей мнѣній этихъ господъ была „Фоссова Газета". Всего за нѣсколько дней до революціи газета эта называла рабочихъ „сбродомъ", а теперь она расточала по ихъ адресу всяческія похвалы. „Въ экстренномъ радостномъ приложеніи"—пустомъ и крайне безсодержательномъ—она изображала поворотъ въ положеніи дѣлъ. Филистеры набросились на этотъ листокъ, точно голодные на хлѣбъ. И тѣмъ болѣе сильно было ихъ неудовольствіе, когда въ этотъ моментъ кто-нибудь ставилъ точку надъ i и начиналъ раскрывать глаза на классовые про-

---

*) Сообщеніе „Фоссовой Газеты", будто на судахъ по Шпре, судя по посадкѣ судовъ, перевезено было отъ 1200 до 2000 „труповъ военныхъ",—не можетъ быть провѣрено.

тиворѣчія, какъ то сдѣлалъ редакторъ „Читальни“, Г. Юліусъ. Эта демократическая, но ни въ коемъ случаѣ не республиканская, газета выступила противъ тѣхъ проповѣдниковъ мира и умѣренности, которые „довѣріе“ доводили просто до глупости; газета вопрошала у нихъ, неужели можно такъ быстро примириться съ той самой арміей, противъ которой только что велась война. „Въ дѣйствительности—говорилось въ статьѣ—у насъ, какъ и во Франціи и въ Англіи, разрывъ между классомъ буржуазіи и рабочимъ классомъ есть уже совершившійся фактъ. Война идетъ не между королевствомъ и республикой, а между собственниками и тѣми, кто при помощи своей рабочей силы стремится къ собственности. Наши буржуа чувствуютъ это прекрасно и потому уже теперь, послѣ первыхъ дней нашей славной революціи, они всѣми силами стараются тащить насъ назадъ... Это хорошо, что король хочетъ стать во главѣ движенія. Пожелаемъ ему успѣха, пожелаемъ, чтобъ ему удалось урегулировать борьбу обоихъ элементовъ такимъ образомъ, чтобъ мы скоро пришли къ благодѣтельному концу. Но король можетъ это сдѣлать лишь въ томъ случаѣ, если онъ окончательно порветъ съ прежней системой и прежнимъ строемъ мышленія, если онъ искренно и всецѣло отдастся законамъ и требованіямъ новаго развитія“.—Далѣе статья выставляетъ требованіе, чтобы соединенный ландтагъ больше не созывался, а чтобы король октроировалъ новый избирательный законъ, по которому всякій совершеннолѣтній пользовался бы активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ; затѣмъ указывалось на необходимость назначить выборы немедленно и организовать „министерство для изслѣдованія и упорядоченія положенія рабочихъ“. Это, дескать, повліяетъ успокоительно на рабочихъ и будетъ шагомъ къ водворенію мира. „Но пусть только буржуазный классъ—говорится въ заключеніе—не льститъ себя надеждой, что рабочіе дадутъ себя усыпить: голодъ этого не допуститъ! Смѣло за работу! Работать, не покладая рукъ! Безъ всякаго отдыха! Отдыхъ не раньше, чѣмъ будетъ сдѣлано что-нибудь путное!“

Статья подѣйствовала, какъ взрывъ бомбы, и предъ взоромъ господъ филистеровъ, которые съ энтузіазмомъ обнимались на улицахъ, привѣтствуя другъ друга, какъ свободныхъ людей, уже встали всѣ призраки „соціальной революціи“. Разъяренные они толпами отправлялись къ редактору „Читальни“ и осыпали его угрозами и оскорбленіями; старые друзья порвали съ нимъ дружескія отношенія, а биржа (!) выступила противъ него съ заявленіемъ, что дескать „интересы рабочихъ и интересы буржуа—тождественны“. За то, что Юліусъ воспользовался свободой слова, пресса обзывала его „мятежникомъ и бунтовщикомъ“,—и это, надо замѣтить, въ то самое время, когда только что завоеванная свобода печати вызывала всеобщія ликованія. Такое поведеніе буржуазіи должно было вселить всѣмъ истиннымъ друзьямъ народа самыя тяжелыя опасенія и придать мартовскимъ восторгамъ очень непріятный привкусъ *).

---

*) Варнгагенъ фонъ-Энзе пишетъ объ этомъ эпизодѣ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

Берлинскія событія оказали могучее вліяніе, какъ на Пруссію, такъ и на всю Германію. Со всѣхъ сторонъ въ Берлинъ являлись депутаціи, чтобы представить свои требованія. Мартовскихъ борцовъ воспѣвали въ адресахъ, рѣчахъ и пѣсняхъ. Въ нѣкоторыхъ прусскихъ городахъ вспыхивали мятежи. Начались волненія и среди крестьянъ, главнымъ образомъ въ Силезіи. Всюду, гдѣ крестьяне начинали подыматься, господа юнкера въ критическій моментъ спѣшили уступить крестьянамъ. Барщины сдѣлались долѣе невозможными, и правительство 20 апрѣля опять поставило на очередь вопросъ о выкупѣ. Зато, когда реакціонное теченіе вновь усилилось, юнкера и землевладѣльцы потребовали вознагражденія за отмѣну средневѣковыхъ повинностей, и они позднѣе дѣйствительно добились этого. Но крестьяне, въ свою очередь, надѣялись, что новое народное представительство, выборы котораго имѣли состояться въ ближайшемъ будущемъ, возьметъ на себя полное уничтоженіе всѣхъ феодальныхъ повинностей.

Отголоскомъ прусской революціи было возстаніе Шлезвигъ-Голштиніи и временное отдѣленіе ея отъ Даніи. Не нашей задачей является разбираться въ спутанномъ клубкѣ государственно-правовыхъ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ прежними отношеніями между Даніей, съ одной стороны, и обоими герцогствами, съ другой. Согласно „доброму старому праву", именно договору 1460 года, оба герцогства должны были оставаться „up ewig ungedeelt", т. е. нераздѣльными на вѣчныя времена; но, по мнѣнію королей Даніи, это право достаточно покрылось плѣсенью, чтобы на него можно было и посягнуть. Христіанъ VIII первый выступилъ противъ него въ 1846 году со своимъ „открытымъ письмомъ", въ которомъ онъ утверждалъ, что Шлезвигъ уже съ 1721 года неразрывно связанъ съ Даніей. Въ то время Англія и Франція признали за датскимъ королемъ Фридрихомъ IV право собственности на Шлезвигъ, который онъ отнялъ у герцога голштинско-готорпскаго. Христіанъ VIII утверждалъ еще дальше, что Шлезвигъ просто является частью Голштиніи, герцогомъ которой былъ онъ, Христіанъ; между тѣмъ Голштинія входила въ то же время въ составъ германскаго союза; это и еще то обстоятельство, что шлезвигцы съ упрямствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, упорно боролись противъ признанія престолонаслѣдія по женской линіи, страшно осложняло и запутывало вопросъ. Христіанъ VIII надѣялся своимъ „открытымъ письмомъ" разомъ покончить со всѣмъ этимъ дѣломъ. Германскій союзъ, хотя и не заявилъ протеста, но тѣмъ не менѣе „открытое письмо" только подлило масла въ огонь; нѣмецкое національное движеніе, уже давно развивавшееся въ Шлезвигъ-Голштиніи, теперь

„Одна статья Г. Юліуса въ газетѣ „Zeitungshalle" пришлась бюргерамъ не по нутру и навлекла на автора угрозы и оскорбленія; нѣкоторыя выраженія въ ней не совсѣмъ осторожны, но въ общемъ статья—хороша. Но—филистеры подымаютъ голову, мужественные борцы отодвинуты на задній планъ, а среди бюргеровъ и студентовъ выступаютъ усталые и трусливые; получается такое впечатлѣніе, точно имъ жаль, что все происшедшее совершилось. Они также хотятъ уже, чтобы войска возвратились, ибо караульная служба начинаетъ становиться для нихъ слишкомъ тяжелой. Тяжесть службы, разумѣется, чрезмѣрно преувеличена, благодаря постояннымъ страхамъ и опасеніямъ". И берлинцы, дѣйствительно, скоро опять дождались солдатъ!

стало быстро усиливаться, ибо шлезвигъ-голштинцамъ казалось, что самымъ простымъ выходомъ изъ этой путаницы является присоединеніе къ Германіи. Вся Германія, и особенно нѣмецкіе поэты, приняли самое горячее участіе въ судьбѣ „покинутаго братскаго племени“. Повсюду стали распѣвать: „Schleswig-Holstein meerumschlungen“ (Шлезвигъ-Голштинія, моремъ объятая).

Въ январѣ 1848 года Христіанъ VIII скончался, и преемникъ, сынъ его, Фридрихъ VII слѣдовалъ въ вопросѣ объ отношеніи къ герцогствамъ политикѣ своего отца. 28 января 1848 года онъ обѣщалъ конституцію для всего датскаго государства, включая сюда и оба герцогства. Нѣмецко-національная партія Шлезвигъ-Голштиніи черезъ посредство собранія сословій обоихъ герцогствъ выразила протестъ противъ такой конституціи и отправила 18 марта въ Копенгагенъ депутацію, которой поручено было потребовать отъ короля созыва шлезвигъ-голштинскаго ландтага, выработки конституціи для обоихъ герцогствъ и „національнаго ополченія“. Король принялъ депутацію очень любезно, но всѣ ея требованія категорически отклонилъ и присовокупилъ, что „Шлезвигъ-Голштиніи, какъ таковой, не существуетъ, ибо Шлезвигъ принадлежитъ къ Даніи, а Голштинія—къ германскому союзу“.

Тѣмъ временемъ въ Берлинѣ произошла революція 18 марта, и король прусскій „всталъ во главѣ націи“, какъ онъ выразился при объѣздѣ Берлина. Это дало шлезвигъ-голштинцамъ надежду, что Пруссія придетъ къ нимъ на помощь. Но въ это самое время въ Даніи, гдѣ укрѣпилось сильное демократическое движеніе, было назначено новое министерство, которое, какъ это было завѣдомо извѣстно, ставило себѣ цѣлью полное сліяніе Шлезвигъ-Голштиніи съ Даніей.

23 марта въ Килѣ разразилось возстаніе, при чемъ не было пролито ни одной капли крови, такъ какъ войска тотчасъ перешли на сторону народа. Примѣру Киля послѣдовала вся страна, а также крѣпость германскаго союза, Рендсбургъ, гдѣ временное правительство устроило свою резиденцію. Въ составъ временного правительства входилъ принцъ Фридрихъ голштинско-августенбургскій, извѣстный подъ именемъ принца Ноэрскаго, аристократъ Ревентловъ и затѣмъ Шмидтъ, Бремеръ и Безелеръ; всѣ они взяли управленіе въ свои руки отъ имени герцога Христіана гольштейнъ-зондербургъ-августенбургскаго, которому по ихъ мнѣнію принадлежало право унаслѣдовать шлезвигъ-голштинскій престолъ. Къ этимъ революціонерамъ во имя династіи, являвшимся простой игрушкой въ рукахъ дипломатіи, впослѣдствіи присоединили демократа Ольсгаузена, но онъ одинъ ничего не могъ подѣлать.

Временному правительству приходилось каждую минуту ждать нападенія со стороны Даніи, и оно поэтому обратилось за помощью къ Пруссіи, которая дать помощь пообѣщала. Кромѣ того, главнымъ образомъ изъ Берлина въ Шлезвигъ-Голштинію устремилось много добровольцевъ, намѣревавшихся бороться противъ датчанъ. Нѣмецкія правительства, разумѣется, не безъ удовольствія смотрѣли на этотъ отливъ революціонныхъ силъ изъ Германіи.

Пруссія, Ганноверъ, Мекленбургъ, Ольденбургъ и Брауншвейгъ рѣшили объявить войну за шлезвигъ-голштинское дѣло. Это произошло

въ то самое время, когда Пруссія съ оружіемъ въ рукахъ подавляла національное возстаніе Польши. И это весьма понятно: вѣдь въ Шлезвигъ-Голштиніи борьба шла не за политическую свободу, не за конституціонный строй. Этого гораздо легче было достигнуть при датскомъ, чѣмъ при нѣмецкомъ господствѣ. Шлезвигъ-голштинское возстаніе имѣло исключительно одну цѣль: къ тридцати шести государямъ Германіи прибавить тридцать седьмого, въ лицѣ герцога Христіана. Въ иномъ случаѣ „національные" элементы Германіи не питали бы такихъ горячихъ симпатій къ Шлезвигъ-Голштиніи.

Предварительный парламентъ.

Къ концу марта нѣмецкое движеніе достигло своего апогея. Бюргерство почти повсюду обладало своими конституціонными завоеваніями; крестьяне сбросили съ себя феодальныя повинности. Государственная власть, казалось, готова была безпрекословно исполнять всѣ требованія народа; изъ многихъ городовъ приходили извѣстія, что полиція тамъ не имѣетъ почти никакой власти, и тѣмъ не менѣе не наступило еще свѣтопреставленія. Не было, конечно, недостатка въ безчинствахъ. Да оно иначе и не могло быть у народа, который послѣ цѣлаго ряда вѣковъ впервые почувствовалъ себя совершеннолѣтнимъ, вышедшимъ изъ-подъ опеки привилегированныхъ, которые мнили, что ихъ привилегіи даны имъ самимъ провидѣніемъ! Но въ общемъ народъ предавался радости побѣды со свойственнымъ ему простодушіемъ, рѣзко отличавшимся отъ мрачныхъ мыслей, которыя затаили въ груди побѣжденные приверженцы стараго строя.

По Германіи разлился потокъ новыхъ идей; въ нѣкоторыхъ кругахъ идеи переходили далеко за предѣлы завоеваній 18 марта; подумывали уже о республикѣ, главнымъ образомъ, въ частяхъ Германіи, граничащими съ Франціей. Въ Оффенбургѣ, въ Баденѣ состоялось въ воскресенье 19 марта величественное народное собраніе; на Базарной площади собралось до 15.000 человѣкъ, и съ балкона ратуши къ народу говорили вожди баденскаго движенія, рѣшительнѣйшіе демократы. Фиклеръ изъ Констанца, редакторъ радикальной газеты „Seeblätter", требовалъ немедленнаго провозглашенія республики, но противъ этого высказывались Ицштейнъ, Гоффъ, Суаронъ, Брентано и даже Геккеръ и Струве. Они находили, что данный моментъ не подходитъ еще для этого, а полагаться на поддержку французовъ, по ихъ мнѣнію, не слѣдуетъ; Германія должна своими собственными силами возродиться къ новой жизни. Собраніе рѣшило созвать германскій парламентъ и положило начало широкой организаціи баденской демократической партіи. Точно также поступило и первое многочисленное народное собраніе въ Вюртембергѣ, которое состоялось въ Геппингенѣ. Но въ общемъ движеніе страдало недостаткомъ организованности, а либеральная буржуазія утопала въ блаженствѣ и прославленіи своей „свободы", а слѣдовательно, и самой себя. Не было недостатка въ гостахъ, торжественныхъ рѣчахъ и гимнахъ свободѣ.

Въ это время разнесся слухъ о предстоящемъ въ ближайшемъ

будущемъ вторженіи нѣмецкихъ рабочихъ изъ Франціи. Этотъ слухъ былъ тѣнью, которую уже началъ отбрасывать „демократическій легіонъ", организованный въ Парижѣ поэтомъ Георгомъ Гервегомъ. На самомъ дѣлѣ легіонъ этотъ перешагнулъ черезъ Рейнъ только къ концу апрѣля. Но слухи, распространяемые неизвѣстно кѣмъ, все увеличивались, и потому германскій союзъ отправилъ даже свои войска на Рейнъ. Реакціонеры всевозможными способами старались распространять тревожные слухи и раздувать ихъ до полной безсмыслицы. 25 марта вся Швабія пришла въ замѣшательство, ею овладѣлъ всеобщій страхъ передъ французскимъ нашествіемъ. Говорили, будто французы уже перешли черезъ Шварцвальдъ; власти при помощи верховыхъ курьеровъ передавали объ этомъ изъ одной инстанціи въ другую; въ каждомъ городѣ были увѣрены, что французы находятся отъ нихъ на разстояніи всего нѣсколькихъ часовъ. Населеніе закапывало въ землю свои драгоцѣнности или убѣгало изъ города вмѣстѣ съ ними; прошло не мало времени, пока населеніе снова успокоилось *).

Кромѣ страха передъ французами, существовалъ еще страхъ передъ русскими. Подумывали о вмѣшательствѣ и вліяніи Россіи на внутреннія дѣла Германіи, и не безъ основанія, такъ какъ полагали, что русскій колоссъ явится на помощь ниспровергнутымъ властямъ. Въ политическихъ собраніяхъ начали раздаваться голоса противъ Россіи и Николая I, оплота абсолютизма; особенно вспоминали насильническіе поступки его противъ несчастной Польши, которые возмутили всю либеральную Европу. Газеты не переставали предостерегать отъ „русской опасности" и чуть не ежедневно говорилось въ нихъ о томъ, что война съ Россіей неизбѣжна **).

Но страхъ передъ русскимъ вмѣшательствомъ и вторженіемъ былъ совершенно напрасенъ. Революція разрушила Священный Союзъ. Россія оказалась обособленной, и Николай ограничился только мѣрами, которыя должны были предохранить Россію отъ распространенія въ ней революціоннаго движенія. Русскій народъ погрязъ такъ глубоко въ тинѣ нужды и невѣжества, что онъ сталъ ужъ совершенно безучастно относиться ко всему, что творилось вокругъ него. 23 марта царь издалъ манифестъ, въ которомъ очень сурово отзывался о „бунтахъ" въ Германіи и Франціи; подчиненные ему народы на самомъ дѣлѣ остались не задѣтыми духомъ времени. Нападки демократической прессы и народныхъ нѣмецкихъ ораторовъ произвели, однако, извѣстное впечатлѣніе на повелителя всея Россіи и его канцлеръ, великолѣпный Нессельроде обратился къ русскимъ представителямъ заграницей съ циркуляромъ, въ которомъ онъ предлагалъ имъ заявить „всѣмъ благонамѣреннымъ элементамъ", что русское правительство питаетъ самыя миролюбивыя намѣренія. Но въ общемъ уже знали, какъ мало слѣдуетъ довѣрять прекраснымъ словамъ русскихъ дипломатовъ, особенно хорошо знали это „благонамѣренныя лица".

---

*) Этотъ „праздникъ французовъ", описанный священникомъ Бунцемъ въ особомъ сочиненіи, сопровождался множествомъ комическихъ эпизодовъ. Такъ, одинъ тюбингенскій профессоръ, напримѣръ, посовѣтовалъ всѣмъ женщинамъ и дѣвушкамъ переодѣться въ мужское платье, чтобы этимъ защитить себя отъ приставаній и навязчивости французовъ.

**) См., напримѣръ, „Фосскую Газету" за послѣднюю недѣлю марта.

Между тѣмъ взоры Германіи направились на Франкфуртъ на Майнѣ. Оттуда ожидалось спасеніе.

Комиссія семи, организованная въ Гейдельбергѣ, не сидѣла безъ дѣла. Она пригласила на 30 марта во Франкфуртъ не только „всѣхъ прежнихъ или теперешнихъ членовъ сословій, или членовъ законодательныхъ собраній изъ всѣхъ странъ Германіи", включая сюда Восточную и Западную Пруссію, а также Шлезвигъ-Гольштинію, но и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, которыя по ея мнѣнію „пользуются особымъ довѣріемъ народа"; комиссія, кромѣ того, предложила городскимъ думамъ Пруссіи избрать изъ своей среды представителей.

Комиссія семи, благодаря формѣ приглашенія, принятаго ею и направленнаго къ настоящимъ или бывшимъ парламентскимъ корпораціямъ, позаботилась о томъ, чтобы демократическіе и собственно революціонные элементы явились въ предварительный парламентъ въ незначительномъ количествѣ. Собственно народъ былъ совершенно исключенъ, образовалось подавляющее большинство изъ тѣхъ безцвѣтныхъ либераловъ, которымъ удалось при домартовскихъ условіяхъ проникнуть въ парламенты и городскія думы, несмотря даже на всѣ фильтры реакціонной избирательной системы. Для этихъ господъ революція зашла уже слишкомъ далеко. Они съ ужасомъ и отвращеніемъ думали о томъ, что обладаютъ полномочіями революціонеровъ. Но они тѣмъ не менѣе рѣшили воспользоваться ими, чтобы не дать восторжествовать „крамольникамъ"-демократамъ. Они разсчитывали использовать случай, и надѣялись, что имъ удастся оказать монархамъ и правительствамъ такія крупныя услуги, и такъ ярко проявить свою лойяльность, что имъ простятъ не только ихъ „революціонные" припадки въ бурные мартовскіе дни, но и дадутъ награду за то, что они помогали и реакціи.

Благодаря этому, въ этомъ необыкновенномъ собраніи, созванномъ комиссіей, засѣдали рядомъ съ немногочисленными рѣшительными республиканцами и демократами, масса тусклыхъ либераловъ, трусливыхъ филистеровъ, замаскированныхъ реакціонеровъ и самые заурядные мѣщане. Здѣсь впервые появились на политическомъ горизонтѣ въ большомъ числѣ нѣмецкіе профессора, тотъ несчастный элементъ, который придалъ парламентарной сторонѣ движенія 1848 года ея трагикомическій характеръ. Среди нихъ, конечно, были и дѣльные люди, но большая часть изъ нихъ сдѣлала бы гораздо лучше, если бы не сходила съ своихъ каѳедръ, вмѣсто того, чтобы убивать въ пустой и ненужной болтовнѣ время, въ которое необходимо было совершать дѣла, при помощи которыхъ можно было бы закрѣпить за собою завоеванную свободу. Грубая нѣмецкая пословица: „чѣмъ ученѣй, тѣмъ глупѣй", направленная противъ этихъ профессоровъ, для этого раза была не слишкомъ сильной и попадала прямо въ цѣль.

Во Франкфуртъ собралось въ качествѣ народныхъ представителей всего 511 человѣкъ. Распредѣленіе представителей было изумительное. Изъ Пруссіи явилось 141 депутатъ, изъ Австріи всего два! Изъ Баваріи явилось 44 депутата, изъ Ганновера 9, изъ Вюртемберга 52, изъ Саксоніи 26, изъ саксонскихъ герцогствъ 21, изъ Бадена 72, изъ Гессенъ-Дармштадта 84, изъ Гессенъ-Гамбурга 2, изъ Кургессена 26, изъ Нассау 26, изъ Брауншвейга 5, изъ Ольденбурга 4, изъ Шлезвигъ-

Гольштиніи 7, изъ Мекленбурга и Липпе 19, изъ Ангальта, Рейса и Гогенцоллерна 8, изъ свободныхъ городовъ 26 представителей. Тотъ фактъ, что Австрія послала всего только двухъ представителей отъ всего населенія, показался дурнымъ предзнаменованіемъ. Демократы пришли въ ярость, когда они увидѣли, что среди депутатовъ находится такая масса столповъ и орудій домартовскаго режима. „Куда только дѣвался разумъ комиссіи семи?"—жаловались они—„это прямо непростительно!" Имъ слѣдовало бы пораньше подумать объ этомъ тамъ, въ Гейдельбергѣ, когда изъ ихъ рукъ вырвали власть.

Старый Франкфуртъ принялъ депутатовъ со всей восторженностью, которая соотвѣтствовала „веснѣ народовъ". Правда, старымъ патриціямъ, богатымъ торговцамъ и банкирамъ было не совсѣмъ по нутру присутствовать при этомъ дѣлѣ. Души лавочниковъ мечтали о свободѣ только постольку, поскольку она устраняла помѣхи для развитія капитала. Но народныя массы положительно опьянѣли отъ восторга. Городъ сіялъ въ праздничномъ украшеніи; депутатовъ провели подъ тріумфальными арками и почтили пушечными залпами; улицы, по которымъ они проходили, были усыпаны цвѣтами. Современники и очевидцы тѣхъ событій разсказывали намъ часто, что они никогда не забудутъ тѣхъ дней, и что это самые прекрасные и самые лучшіе воспоминанія для нихъ.

31 марта, утромъ депутаты собрались въ Императорской залѣ въ Рӧмерѣ и выбрали предсѣдателемъ тайнаго совѣтника Миттермайера изъ Гейдельберга, свѣтило юридической науки и человѣка съ репутаціей свободомыслящаго. Вице-президентами были избраны: Ицштейнъ изъ Мангейма, Дальманъ изъ Бонна, Робертъ Блюмъ изъ Лейпцига и Сильвестръ Іорданъ изъ Марбурга, мученикъ изъ числа кургессенскихъ конституціоналистовъ.

Подъ звуки радостныхъ криковъ народа, при грохотѣ пушекъ парламентъ длинной процессіей направился къ церкви св. Павла. Тысячи народа расположились шпалерами, и изъ публики указывали другъ другу на извѣстныхъ депутатовъ: историка Вирта, поэта Уланда, Геккера, Струве, Генриха фонъ-Гагерна, Эйзенмана изъ Нюрнберга, Титуса изъ Бамберга и множество другихъ, которые чѣмъ-нибудь отличились или потерпѣли гоненія за свою дѣятельность или за свои убѣжденія. Въ собраніи было много раздоровъ, но какъ ни сильны были эти столкновенія между реакціонерами, половинчатыми либералами и конституціоналистами, одно ихъ всегда объединяло—общая вражда къ демократамъ и республиканцамъ.

Въ большомъ помѣщеніи церкви св. Павла президентъ Миттермайеръ произнесъ прекрасно построенную рѣчь, въ которой онъ старался всѣмъ воздать должное, всѣмъ угодить; это вызвало у закоренѣлыхъ реакціонеровъ ироническія насмѣшки и злобныя замѣчанія. Затѣмъ фабрикантъ Мецъ изъ Фрейбурга выступилъ съ ханжескою рѣчью и произнесъ: „Тамъ, гдѣ Господь не помогаетъ въ созидательной работѣ, тщетны всѣ усилія строителей"! Онъ предложилъ собранію встать въ знакъ того, что они вѣруютъ въ это изреченіе, и они послѣдовали его предложенію.

Рѣчь ораторовъ была ограничена десятью минутами и пренія начались. Единственнымъ предметомъ обсужденія была программа

коммиссіи семи, которая основаніемъ для новаго устройства Германіи требовала слѣдующее.

I. Глава союза съ отвѣтственными министрами.

II. Сенатъ отдѣльныхъ государствъ.

III. Компетенцію союза, при ограниченіи компетенціи отдѣльныхъ государствъ въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Войско. 2) Представительство за границей. 3) Система торговли, законовъ мореплаванія, союзныхъ таможенъ, монеты, мѣры, вѣса, почтъ, водныхъ путей и желѣзныхъ дорогъ. 4) Объединеніе гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и судебныхъ установленій, союзный судъ. 5) Гарантія правъ націи.

IV. Палата, составляемая посредствомъ народнаго избранія, съ однимъ депутатомъ на 70000 человѣкъ населенія.

V. Постановленіе о созывѣ учредительнаго національнаго собранія на изложенныхъ выше основаніяхъ производится союзными властями совмѣстно съ уполномоченными.

VI. Имѣющей быть избранной изъ среды членовъ теперешняго собранія постоянной коммиссіи изъ 15 членовъ, должно быть поручено позаботиться о томъ, чтобы привести въ исполненіе постановленіе о созывѣ національнаго учредительнаго собранія. Если собраніе это не соберется въ теченіе четырехъ недѣль, начиная съ сегодняшняго дня, тогда оно опять возобновляется здѣсь 3 и 4 мая. Въ случаѣ необходимости коммиссія можетъ созвать собраніе и раньше положеннаго времени.

Этимъ предложеніемъ хотѣли соорудить конституціонную надстройку надъ сорока германскими отечествами, во главѣ котораго долженъ былъ стоять новый имперскій монархъ. Это уже ясно показывало, какъ либералы и конституціоналисты стремились подмѣнить нѣмецкое движеніе къ свободѣ движеніемъ только къ единству. Программа, какъ цѣлое, состояла только изъ туманныхъ набросковъ, а тѣ пункты, которые главнымъ образомъ интересовали народы, были лишь затронуты мимоходомъ или же совершенно обойдены молчаніемъ. Съ этой программой либеральная буржуазія хотѣла намѣтить границы для революціоннаго движенія, гарантировать выгодныя для нея пріобрѣтенія отъ нападенія справа и слѣва, и въ то же время обезпечить для себя надежную опору на тотъ случай, если бы движеніе пошло дальше того, чѣмъ ей это было желательно.

Слѣдствіемъ этого явилось неизбѣжное столкновеніе съ демократами и республиканцами, которые хотѣли итти дальше.

На трибуну взошелъ Густавъ Струве и изложилъ своимъ рѣзкимъ голосомъ требованія своей партіи. Онъ ясно и недвусмысленно требовалъ въ 15 пунктахъ демократической организаціи государства, уничтоженія постояннаго войска, уничтоженія „постояннаго войска чиновниковъ", уничтоженія „постоянныхъ и многочисленныхъ налоговъ", „высасывающихъ кровь населенія", уничтоженія всѣхъ привилегій, монастырей, уничтоженія зависимости церкви отъ государства, а также уничтоженія устарѣлой, негодной юстиціи; онъ въ то же самое время требовалъ свободы печати, закона о неприкосновенности личности, устраненія бѣдственнаго положенія рабочаго класса, равенства всѣхъ передъ закономъ и уничтоженія раздробленности Германіи, а также дѣленія ея на области. Послѣднее требованіе изъ всѣхъ 15

пунктовъ гласило: „уничтоженія наслѣдственной монархической власти (самодержавія) и замѣна его свободно избранными парламентами, во главѣ которыхъ должны находиться свободно избранные президенты, всѣ объединенные федеративной союзной конституціей по образцу Сѣверо-Американскихъ республикъ *).

„Германскій народъ! — закончилъ Струве свое изложеніе, — это основные принципы, съ помощью которыхъ Германія можетъ стать счастливой, уважаемой и свободной. Мы всѣ вмѣстѣ останемся во Франкфуртѣ-на-Майнѣ до тѣхъ поръ, пока свободно избранный парламентъ не возьметъ въ свои руки управленіе судьбами Германіи. Мы въ это время выработаемъ необходимые законопроекты и при помощи свободно избраннаго исполнительнаго комитета подготовимъ великое дѣло возстановленія Германіи".

Да, здѣсь Германская республика выступила въ осязательныхъ формахъ, и она ни чуть не позаботилась о томъ, чтобы скрыть свое лицо. У профессоровъ и трусливыхъ филистеровъ пробѣжали по тѣлу мурашки.

Теперь должно было выясниться, не ошибся ли Геккеръ въ своихъ разсчетахъ. Ему задали вопросъ: „Неужели вы ожидаете революціонныхъ постановленій отъ надворныхъ совѣтниковъ, профессоровъ и слугъ государства"? Геккеръ отвѣтилъ: „Я ихъ буду терроризировать"! Эта фантастическая самоувѣренность должна была получить должный урокъ.

Предложеніе Струве, столь ясно формулированное, рѣзко отличалось отъ расплывчатой программы комиссіи семи, которая никакъ не могла удовлетворить требованій народа. Но если конституціонное переустройство сорока отечествъ являлось утопіей при наличности дуализма между Австріей и Пруссіей, то и предложеніе Струве, и притомъ самые важные пункты этого предложенія, представляло не меньшую утопію. Честный и прямолинейный Струве думалъ просто-напросто втиснуть въ формирующуюся Германію федеративный строй Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Онъ не подумалъ о томъ, что обѣ эти страны совершенно различно развивались, и что форма государственнаго устройства должна соотвѣтствовать ея общественному развитію. Хотѣть навязать Германіи, съ ея тысячелѣтнимъ развитіемъ, формы совершенно юнаго сѣверо-американскаго государства было чистѣйшей утопіей. Федеративное государство всегда является чѣмъ-то еще не доразвившимся, въ немъ еще не выработалось понятія о государственномъ единеніи. И именно Германія была въ теченіе тысячелѣтія терзаема своею раздробленностью, федерализмомъ, и поэтому она такъ жаждала единства.

Нашлись даже и нѣкоторые истинные республиканцы, которые нашли предложеніе Струве неудачнымъ; Іоганнъ Якоби гораздо лучше разбирался въ этихъ вопросахъ. Кромѣ того, соціальный вопросъ въ этомъ предложеніи былъ лишь слегка затронутъ. То, что въ немъ обѣщали рабочимъ, было такъ же неопредѣленно формулировано, какъ „свободныя права націи" въ проектѣ комиссіи семи. Самое большее, до чего додумался мелко-буржуазный соціализмъ Струве, было „участіе

---

* Дословное предложеніе Струве смотри въ приложеніи.

рабочихъ въ прибыли предпріятій". Онъ не замѣтилъ, что такая форма отношеній можетъ быть лишь съ большимъ трудомъ организована государствомъ, и что она не будетъ имѣть никакого значенія, если дѣло будетъ предоставлено частной инициативѣ. Буржуазные демократы и республиканцы говорили очень много объ „урегулированіи ненормальныхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ". Но имъ и въ голову не приходило искать корень этихъ „ненормальностей" въ самой формѣ производства.

Предложеніе, внесенное Струве, произвело вначалѣ страшное замѣшательство среди профессоровъ, надворныхъ совѣтниковъ и большинства мѣщанъ, а почтенный старецъ Миттермайеръ, казалось, не могъ найти въ своей прекрасной, убѣленной сѣдинами, головѣ удачнаго выхода, чтобы сразу покончить съ опаснымъ документомъ. Онъ только сдѣлалъ замѣчаніе, что Струве говорилъ больше десяти минутъ. Господинъ Шаффартъ изъ Саксоніи, опытный адвокатъ, вывелъ президента изъ затрудненія, предложивъ отдать проектъ Струве въ особую комиссію для обсужденія. Тогда открылись всѣ потоки краснорѣчія; республиканцы были положительно ошеломлены потокомъ словъ, устремившимся на нихъ, и они едва въ состояніи были возразить. Всѣ говорили о „единеніи", „свободѣ", „народѣ" и „правѣ", но о проектѣ Струве никто и слышать не хотѣлъ. Гейнрихъ фонъ-Гагернъ высказалъ убѣжденіе, что основные принципы Струве „угрожаютъ опасностью кредиту", а Айзенманъ воскликнулъ, что онъ, при конституціонной монархіи, былъ совершенно беззаконно засаженъ на 15 лѣтъ въ тюрьму и готовъ жертвовать жизнью ради конституціонной монархіи! Какое трогательное проявленіе чувствъ сверхъ-лойальнаго филистера! Даже господинъ Велькеръ, который такъ недавно еще разыгрывалъ изъ себя яраго республиканца, вдругъ обрушился противъ Струве. Когда профессоръ Фогтъ изъ Гиссена пожелалъ затѣмъ возразить Велькеру, онъ въ иронической формѣ намекнулъ, что Велькеръ состоитъ уполномоченнымъ союзнаго сейма и началъ такъ: „Господинъ депутатъ или, вѣрнѣе, господинъ посланникъ отъ союзнаго сейма, Велькеръ"...., но здѣсь поднялся такой шумъ, что предсѣдатель долженъ былъ объявить перерывъ на полчаса. Робертъ Блюмъ говорилъ въ примирительномъ духѣ, и собраніе согласилось съ Везендонкомъ, который былъ того мнѣнія, что рѣшеніе вопроса о формѣ государственнаго переустройства принадлежитъ только учредительному собранію, и что обязательно будетъ подчиняться его постановленіямъ. Послѣ всего этого шума и хаоса господинъ Дитце изъ Дюссельдорфа выступилъ съ высокопарной фразой: „Я въ состояніи усомниться въ свѣтѣ и сіяніи солнца, но не сомнѣваюсь въ томъ, что свобода Германіи становится, наконецъ, дѣйствительностью!" Вотъ вамъ типъ средняго мартовскаго филистера! Потомъ собраніе постановило созвать національное учредительное собраніе съ однимъ депутатомъ на 50.000 душъ населенія. Выборы депутатовъ должны быть прямыми, при чемъ въ выборахъ этихъ принимаютъ участіе всѣ не опороченные граждане. Шлезвигъ-Гольштинія и Восточная и Западная Пруссія были признаны частями Германскаго Союза, и имъ дано было представительство въ національномъ собраніи. По отношенію къ участію Позена, гдѣ только что вспыхнуло возстаніе,

вопросъ остался открытымъ, но собраніе тѣмъ не менѣе опротестовало раздѣлъ Польши и потребовало ея возстановленія.

Такъ прошло первое собраніе; впечатлѣніе, которое оно произвело на широкую публику, было не изъ выгодныхъ. Въ трактирахъ происходили крупныя стычки между республиканцами и конституціонными монархистами и неоднократно произносилось виватъ въ честь республики; вино произвело свое дѣйствіе, и собраніе на слѣдующій день засѣдало еще не вполнѣ опохмѣлившимися. Диспутировался вопросъ объ избирательной системѣ для учредительнаго собранія. Всеобщее и прямое избирательное право имѣло очень много защитниковъ; за него выступилъ даже старый „Turnvater" Янъ, который уже давнымъ давно съѣлъ зубы на слишкомъ усердномъ французоѣдствѣ. Но собраніе предоставило каждому правительству въ отдѣльности назначить прямые или косвенные выборы, смотря по тому, окажется ли это удобнымъ или нѣтъ.

Затѣмъ было поставлено на очередь предложеніе Геккера, чтобы предварительный парламентъ не распускалъ себя до тѣхъ поръ, пока не откроются засѣданія учредительнаго собранія, а до тѣхъ поръ держалъ бы въ своихъ рукахъ руководство движеніемъ Германіи. Либеральнымъ постепеновцамъ эта мысль показалась ужасною. Они дрожали отъ страха, при одной мысли, что всемірная исторія вдругъ выдвинетъ такую же задачу, какъ нѣкогда французскому національному конвенту 1792 года. Всякій, кто увидѣлъ бы этихъ обливающихся холоднымъ потомъ сверхъ-лойяльныхъ надворныхъ совѣтниковъ, бюрократовъ и профессоровъ, тотъ могъ бы немедленно узрѣть въ нихъ самую жалкую каррикатуру на то знаменитое собраніе, которому приходилось бороться съ коалиціей Питта и которое вышло изъ этой борьбы побѣдителемъ, между тѣмъ какъ у членовъ предварительнаго парламента страхъ передъ народомъ боролся со страхомъ передъ реакціей.

Велькеръ уже до того вошелъ въ роль члена союзнаго сейма,— эту изсохшую вѣтвь на германскомъ дубу, что называлъ сеймъ не иначе, какъ послѣдней опорой противъ неурядицы и анархіи. По его мнѣнію анархія должна была явиться неизбѣжнымъ слѣдствіемъ безпрерывнаго засѣданія парламента, и трусливые филистеры въ ужасѣ уже видѣли себя распростертыми на доскѣ гильотины и въ послѣдній разъ выглядывающими черезъ „національное окно" на прекрасный Божій міръ, прежде чѣмъ палачъ успѣетъ опустить окровавленное желѣзо, чтобы покончить съ ними.

Геккеръ старался ободрять этихъ почтенныхъ мужей. Онъ заявилъ, что Германія, по его мнѣнію, ожидаетъ всего отъ предварительнаго парламента и что у правительства нѣтъ ни достаточно силы, ни мужества, чтобы оказывать имъ сопротивленіе. Его поддержалъ пламенный д'Эстеръ изъ Кельна, а также Морицъ Риттингаузенъ изъ Кельна *). Риттингаузенъ воскликнулъ: „Въ Германіи въ настоящій моментъ фактически нѣтъ никакой власти, потому что правительства фактически уже больше не существуютъ. Были даже

*) Онъ впослѣдствіи сталъ извѣстенъ какъ соціалдемократическій депутатъ и въ особенности какъ защитникъ прямого народнаго законодательства.

такіе моменты, когда въ Пруссіи трудно было опредѣлить, сохраняется ли еще старое правительство или вступило уже въ силу новое временное правительство". Эта рѣзкая характеристика положенія вещей возмутила лойяльныя души; какъ можетъ истинный „патріотъ" представить себѣ Германію безъ правительства? Рюдеръ изъ Ольденбурга *) началъ возражать ему и предложилъ назначить комиссію изъ 50 человѣкъ, которые должны были слѣдить за приведеніемъ въ исполненіе постановленій парламента. Противъ непрерывнаго засѣданія парламента высказался и Венедей, который нѣкогда, будучи эмигрантомъ, хотѣлъ перевернуть весь міръ своимъ радикализмомъ. Гагернъ же заявилъ, что, по его мнѣнію, собраніе не имѣетъ на это даже никакого права. Напрасно выступали старый Ицштейнъ, Іоганнъ Якоби и Раво за непрерывность засѣданій парламента, ничто не помогло. Якоби заявилъ, что собраніе это является единственнымъ органомъ германскаго объединенія и его прямой долгъ не оставлять своего мѣста. Раво напомнилъ собранію, что само оно возникло благодаря революціи. Все напрасно; у этихъ прекрасныхъ „революціонеровъ" страхъ передъ „революціей" и „анархіей" былъ такъ силенъ, что они отклонили предложеніе Геккера такимъ большинствомъ, которое могло сплотить только опасеніе за жизнь и кошелекъ. Предложеніе Геккера было отклонено 368 голосами противъ 148, а на его мѣсто было принято предложеніе Генриха фонъ-Гагерна, по которому должна была быть образована комиссія изъ 50 членовъ, которая должна „вступить въ соглашеніе съ союзнымъ сеймомъ и подавать послѣднему совѣты относительно защиты интересовъ націи".

Какъ велика была путаница понятій, можно видѣть изъ того, что даже Людвигъ Уландъ высказался за комиссію пятидесяти и противъ непрерывнаго засѣданія. Вообще же у этого человѣка не было недостатка въ дальновидности. Онъ вполнѣ вѣрно оцѣнилъ положеніе вещей въ предварительномъ парламентѣ, когда заявилъ, что „недѣли теперь равносильны столѣтіямъ"! И несмотря на это, онъ все-таки рѣшилъ ждать еще „шестьсотъ лѣтъ", пока соберется учредительное собраніе, и выпустить на это время власть изъ своихъ рукъ.

Теперь ужъ не могло быть больше никакого сомнѣнія, что „безразличные" и „половинчатые", явные и тайные реакціонеры и трусливые филистеры составляютъ большинство въ собраніи, по сравненію съ рѣшительными и энергичными демократами. По поведенію большинства можно было уже судить о томъ, какой страхъ внушала имъ революціонная почва, на которую заставилъ стать водоворотъ народнаго движенія. Всѣ стремленія большинства были теперь направлены къ тому, чтобы возможно скорѣе оставить эту „почву", возвратиться къ своему домашнему очагу и погрязнуть въ тинѣ своего повседневнаго существованія. Ужасъ объялъ души филистеровъ, когда они убѣдились, что поставлены въ необходимость дѣлать всемірную исторію".

Цицъ и Робертъ Блюмъ внесли предложеніе, поддержанное Штре-

---

*) Впослѣдствіи извѣстный лейпцигскій директоръ полиціи; тогда онъ еще былъ конституціоналистомъ, со слабой демократической окраской и соредакторомъ газеты Роберта Блюма »Sächsischen Vaterlandsblättern".

коромъ, Фогтомъ, Якоби, Беромъ, Дюпре, Ицштейномъ, Лейслугомъ и Вутке, которое требовало: „прежде чѣмъ собраніе союзнаго сейма возьметъ въ свои руки созывъ учредительнаго собранія, оно должно отмѣнить противозаконныя исключительныя постановленія (Карлсбадскія и другія) и удалить изъ своей среды тѣхъ лицъ, которыя принимали участіе въ выработкѣ и проведеніи этихъ постановленій".

Это предложеніе довело конфликтъ между большинствомъ и демократами и республиканцами до крайнихъ предѣловъ.

Бассерманъ, впрягшійся уже въ лямку реакціонеровъ, предложилъ слова „прежде чѣмъ" замѣнить „вмѣстѣ съ тѣмъ какъ", что сдѣлало все предложеніе ничего незначущимъ и излишнимъ.

Сторонники двухъ противоположныхъ направленій сцѣпились въ страшныхъ преніяхъ, и демократамъ-конституціоналистамъ пришлось играть роль примирителей, но попытки ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Уландъ замѣтилъ: „Я думаю, что когда весна гонитъ новые побѣги, старые листья тогда сами собою падаютъ". Онъ возлагалъ всѣ свои надежды на „полное молодыхъ силъ національное собраніе". Но его вѣра оказалась сномъ, такъ какъ „старая листва" продолжала висѣть еще цѣлыхъ 18 лѣтъ, и недовѣрчивое отношеніе республиканцевъ было не безосновательно. Словечки „прежде чѣмъ" и „вмѣстѣ съ тѣмъ какъ",столь незначительныя съ виду, сразу показали, какъ глубока пропасть между обѣими борющимися партіями. Одинъ баронъ, фонъ-Клозенъ изъ Баваріи, превзошелъ даже Уланда въ своей довѣрчивости; онъ заявилъ, что неохотно борется съ мертвецами, а союзный сеймъ, по его мнѣнію, уже умеръ. Венедей заявилъ: „Союзный сеймъ—нашъ почтальонъ, поэтому онъ намъ необходимъ!"

Язвительное краснорѣчіе Геккера, холодная логика Струве, предостереженія Роберта Блюма не могли ничего подѣлать противъ розовыхъ мечтаній большинства собранія. Предложеніе Бассермана было принято.

Послѣ этого постановленія, въ собраніи поднялась суматоха, началось шумное движеніе; изъ предварительнаго парламента ушло 79 человѣкъ, среди нихъ Геккеръ, Струве, Цицъ и другіе. Но къ нимъ примкнули не всѣ тѣ, которые съ ними вмѣстѣ голосовали. Остались тамъ Робертъ Блюмъ, Іоганнъ Якоби, Раво, Везендонкъ и даже старый Ицштейнъ, который только „ради примиренія" голосовалъ за предложеніе Бассермана. Насколько былъ уменъ этотъ шагъ, намъ говорить не приходится; но выступившіе разъ не должны были, по крайней мѣрѣ, идти вторично въ парламентъ, какъ они впослѣдствіи сдѣлали.

Какъ разъ въ этотъ моментъ былъ поставленъ на обсужденіе самый важный вопросъ, а именно, вопросъ о народномъ ополченіи. Глаубрехтъ изъ Майнца предложилъ, чтобы имѣющая быть избранной коммиссія пятидесяти взяла на себя осуществленіе полнаго народнаго ополченія. Онъ исходилъ изъ той мысли, что рѣшенія будущаго національнаго собранія могутъ только тогда имѣть значеніе, если въ его распоряженіи будетъ находиться реальная, а не воображаемая власть. Предложеніе Глаубрехта было настолько своевременно, что

никому и на умъ не приходило, что оно вызоветъ возраженія. Но доктринеры и мечтатели проникнутаго довѣріемъ либерализма воспользовались этимъ случаемъ и начали опять парить въ облакахъ. Честный и прямой Зеегеръ изъ Штутгарта полагалъ, что если выскажутся за народное ополченіе, то этимъ самымъ дѣйствуютъ уже какъ временное правительство; Венедей вѣщалъ, что самымъ необходимымъ является теперь изданіе декларацін правъ германскаго народа, а все остальное можно оставить на послѣ, и тотъ же самый господинъ фонъ-Клозенъ, который объявилъ союзный сеймъ уже умершимъ, усматривалъ въ желаніи вооруженія народа только выраженіе страха! Мати, сверхъ ожиданія, высказался за предложеніе Глаубрехта на томъ основаніи, что народное ополченіе „является единственно вѣрной гарантіей противъ реакціи“. Будущій баденскій министръ вообще ужъ не очень серьезно относился къ этому, такъ какъ онъ, спустя пять дней, приказалъ арестовать своего друга Фиклера, какъ „измѣнника отечеству“ и началъ свою новую карьеру съ чина государственнаго совѣтника. Мати тогда уже, безъ сомнѣнія, надѣялся на то, что „народное ополченіе“ удастся превратить въ „гражданское ополченіе“, и онъ, быть можетъ, уже заранѣе опредѣлилъ, какую роль будетъ оно играть, именно, служить въ рукахъ реакціи тормазомъ противъ народнаго движенія. Господинъ Асманнъ, старшій школьный учитель изъ Брауншвейга, произнесъ слѣдующаго рода рѣчь: „Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ спокойствіе Германіи. Если комиссія введетъ безъ дальнѣйшихъ дебатовъ народное ополченіе, то она становится временнымъ правительствомъ и вырветъ изъ рукъ монарховъ послѣднюю власть, которую они еще держатъ въ своихъ рукахъ—а именно право собственными силами возстановить порядокъ въ Германіи“. Страхъ почтеннаго педагога былъ не малъ и зубы его выбивали настоящую барабанную дробь*).

Послѣ этого, было принято постановленіе, чтобъ комиссія пятидесяти приложила старанія къ тому, чтобы осуществлено было народное ополченіе. Эти либералы не имѣли даже настолько рѣшительности, чтобы потребовать исполненія того, что всѣми почти правительствами Германіи было обѣщано.

Реакціонеры, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, были гораздо умнѣе. Они прекрасно понимали, что „народное ополченіе“ превратится въ вооруженіи буржуазіи, филистеровъ и трусовъ противъ народа. Поэтому они и относились къ этому дѣлу очень дипломатично.

За кулисами между тѣмъ господствовало большое оживленіе; „отецъ“ Ицштейнъ употребилъ всѣ средства, чтобы умилостивить вновь разсерженнаго Геккера и его друзей. Они такъ-таки дали себя уговорить. Такъ какъ населеніе стало на сторону республиканцевъ, и за кружкой пива произносились ужасныя рѣчи, то предсѣдатель Миттермайеръ вообразилъ, что можетъ вспыхнуть новая революція. Онъ поспѣшилъ къ президенту союзнаго сейма графу Коллоредо, и тотъ объ.

---

*) Не взирая на это, должно, однако, замѣтить, что въ 1871 году во время знаменитаго брауншвейгскаго процесса противъ соціалдемократа Браке и его товарищей, господинъ Асманнъ, вызванный въ качествѣ свидѣтеля, игралъ въ высшей степени похвальную и почетную роль.

щалъ ему отмѣнить исключительныя постановленія сейма. Союзный сеймъ на этотъ разъ оказался гораздо болѣе мудрымъ, чѣмъ либеральные филистеры бассермановской окраски. Согласіе сейма было сообщено очень торжественно и съ великимъ пафосомъ, и Геккеръ съ товарищами снова явились на собраніе.

„Революціонеры" поневолѣ уже достаточно поработали „надъ дѣланіемъ всемірной исторіи" и поспѣшили убраться съ опасной почвы церкви св. Павла. Всю оставшуюся работу взвалили на плечи коммиссіи пятидесяти и на широкую спину будущаго національнаго собранія. Въ мгновеніе ока было покончено съ основными правами, правомъ гражданства, эмиграціей, защитой труда и многими другими превосходными вещами. Интересно было посмотрѣть, какъ быстро разрѣшены были всѣ вопросы, касающіеся бѣднаго люда. Собраніе милостиво бросило рабочимъ нѣсколько общихъ фразъ, какъ: „національная система кредита съ земледѣльческими и рабочими кассами, мѣропріятія для защиты неспособныхъ къ труду отъ нужды, пріисканіе работы для безработныхъ" и т. д.,—все это было милостиво брошено тому рабочему, котораго такъ часто раздражалъ и въ самой рѣзкой формѣ возбуждалъ къ мятежу буржуазный либерализмъ, когда онъ выступалъ въ борьбу противъ господствующей власти. Но самую прекрасную картину представлялъ парламентъ въ тотъ моментъ, когда мартовскій министръ Ремеръ изъ Штутгарта, говоря о рабочемъ вопросѣ, произнесъ: „господа, вы безъ сомнѣнія всѣ симпатизируете этимъ людямъ, а посему прошу подтвердить вашу симпатію вставаніемъ!" И они всѣ встали, всѣ эти представители германской націи, и рабочій вопросъ былъ на время разрѣшенъ. Что подумали „эти люди", которые отъ преобразованія государственнаго устройства Германіи ждали хлѣба и работы, при видѣ такой пошлой комедіи! Мысли ихъ едва ли были лестны для господъ Ремеровъ и компаніи.

Толстый господинъ фонъ-Суаронъ изъ Мангейма, домартовскій республиканецъ и послѣмартовскій умѣренный либералъ, выразилъ затѣмъ самую затаенную мысль парламента, предложивъ, чтобы рѣшеніе вопроса о будущей конституціи Германіи было предоставлено исключительно одному только избранному народомъ національному собранію. Асманнъ же напротивъ предложилъ, чтобы собраніе, по соглашенію съ государями, выработало конституцію. Опять пошли горячія пренія. Господинъ фонъ-Суаронъ положилъ конецъ спору, заявивъ, что его предложеніе должно понимать точно такимъ же образомъ, именно: чтобы предоставить все національному собранію. Послѣ этого, всѣ согласились съ его предложеніемъ, ибо оно послѣ этого объясненія не имѣло никакого значенія.

Къ концу произвели выборы въ комиссію пятидесяти. 38 членовъ были выбраны изъ большинства предварительнаго парламента, и всѣмъ было прекрасно извѣстно, что въ лойяльности по отношенію къ государству у этихъ 38 недостатка не будетъ. Остальные двѣнадцать были избраны изъ среды выдающихся демократовъ: Ицштейнъ, Блюмъ, Якоби, Кольбъ, Раво и т. д. По игрѣ случая Геккеръ получилъ 171 голосъ въ качествѣ 51-го члена; Струве получилъ всего сто голосовъ. Если Блюмъ, Ицштейнъ, Якоби, Раво и товарищи избраны были съ умысломъ.

чтобы сдѣлать ихъ при помощи комиссіи менѣе вредными, то тактика большинства оказалась какъ нельзя болѣе вѣрной. Такъ какъ дѣятельность комиссіи главнымъ образомъ состояла въ томъ, что она издавала настолько же высокомѣрныя, какъ и ненужныя прокламаціи, что члены ея занимались упражненіемъ въ краснорѣчіи и все свое время проводили въ мелочныхъ и смѣшныхъ пререканіяхъ съ союзнымъ сеймомъ, при этомъ не лишнимъ будетъ упомянуть, что союзный сеймъ 30 марта постановилъ созвать германскій парламентъ, чтобы „завершить дѣло конституціи между народомъ и правительствомъ“. Но при тогдашнемъ положеніи вещей, рѣшеніе это не могло имѣть никакого значенія.

3-го апрѣля предварительный парламентъ закончилъ свои дѣйствія, а члены его предоставили франкфуртскимъ мѣщанамъ за свои дѣянія привѣтствовать себя колокольнымъ звономъ и пальбою изъ пушекъ. Всѣ легковѣрные торжествовали. Но самые рѣшительные и горячіе республиканцы собрались ночью въ „Голландскомъ отелѣ“ въ Франкфуртѣ. Они высказали опасеніе, что тактика и рѣшенія предварительнаго парламента затормозятъ все германское движеніе. Поэтому они рѣшили звать народъ къ оружію*). Когда начали совѣщаться о томъ, откуда начать „великое дѣло“, кому-то пришло въ голову предложить для этого Швабію. Было ли это предложеніе просто неудачной шуткой, въ настоящее время трудно рѣшить. Меглингъ изъ Вюртемберга разъяснилъ, что въ Швабіи можно разсчитывать только на успѣхъ „противъ господства писцовъ“; масса-молъ довольна мартовскими завоеваніями, а на республиканскія стремленія нѣтъ никакихъ видовъ. Послѣ этого было рѣшено начать возстаніе въ баденскомъ пріозерномъ округѣ, такъ какъ депутаты этой мѣстности увѣряли, что населеніе тамъ до того возбуждено, что оно возстанетъ и безъ руководителей **).

---

*) См. Теодоръ Меглингъ: „Briefe an meine Freunde“, стр. 63 и слѣдующія.

**) Впослѣдствіи мы увидимъ, что это утвержденіе было до крайности преувеличено. Многіе вожди, безъ сомнѣнія, думали, что населеніе также возбуждено, какъ и они сами.

Баденскіе республиканцы.

По возвращеніи своемъ во Франкфуртъ Геккеръ и Струве встрѣчены были цѣлымъ дождемъ писемъ, адресовъ и депутацій, при чемъ вся и всѣ приглашали ихъ поскорѣе начать рѣшительныя дѣйствія. Введенные въ заблужденіе поднятымъ шумомъ, они неправильно учли ситуацію и представили себѣ дѣло такъ, будто весь нѣмецкій народъ только ждетъ сигнала, чтобы подняться на борьбу для завоеванія республики. Оба они, и Геккеръ, и Струве, пользовались въ ту пору широкой популярностью. Геккеръ былъ человѣкомъ очень привлекательной наружности и своимъ пламеннымъ, блестящимъ ораторскимъ талантомъ могъ увлечь всякаго; Струве, вегетаріанецъ и френологъ, былъ неисправимымъ доктринеромъ и человѣкомъ величайшей самоувѣренности*).

Оба они какъ будто созданы были для того, чтобы служить представителями старой революціонной романтики. Казалось бы, что опытъ съ предварительнымъ парламентомъ долженъ былъ воочію показать имъ, что нѣмецкій народъ вовсе не такъ ужъ нетерпѣливо ждетъ ихъ туманной федеративной республики. Постоянныя ссылки ихъ на Сѣверную Америку и Швейцарію были неудачны постольку, поскольку историческое развитіе этихъ обѣихъ странъ носили совершенно иной характеръ, чѣмъ историческое развитіе Германіи. Понятіе о республикѣ вполнѣ совпадало для нихъ съ понятіемъ о полномъ блаженствѣ человѣка, при чемъ они, однако, не позаботились украсить свое государство чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ извѣстныхъ мартовскихъ требованій, которыя они только незначительно расширили въ нѣкоторыхъ пунктахъ.

Но къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ Струве и Геккера толкалъ не только ихъ и ихъ друзей пылкій темпераментъ,—въ этомъ же направленіи дѣйствовали и нѣкоторыя иныя обстоятельства. Уже въ сентябрѣ 1847 года, послѣ оффенбургскаго собранія, противъ Геккера и

---

*) Дружба между Геккеромъ и Струве укрѣпилась лишь тогда, когда Геккеръ, обычно относившійся къ френологіи, какъ къ „величайшей глупости", предоставилъ Струве изслѣдовать его черепъ. См. книгу „Двѣнадцать подвижниковъ революціи" соч. Густава Струве и Густава Раше. Тамъ же приведены и результаты произведеннаго господиномъ Струве изслѣдованія Геккеровскаго черепа.

Струве возбуждено было слѣдствіе по обвиненію ихъ въ политическомъ преступленіи. Другъ Геккера и Струве, депутатъ Брентано, въ засѣданіи второй баденской палаты отъ 1 марта потребовалъ отъ министра Бекка прекращенія всѣхъ политическихъ процессовъ. „Положите конецъ процессамъ по государственнымъ преступленіямъ и оскорбленію величества, и я ручаюсь вамъ головой,—никакихъ безпорядковъ больше не будетъ; твердо надѣюсь, что весь народъ поддержитъ меня въ этомъ"—такъ заявилъ Брентано. Но Беккъ не согласился съ этимъ, и слѣдствіе противъ Геккера и Струве продолжалось. „Мѣры, принятыя баденскимъ правительствомъ противъ наиболѣе видныхъ членовъ избраннаго въ Оффенбургѣ центральнаго комитета, не оставляли намъ другого выбора, какъ между мечомъ и арестомъ"—говоритъ Струве*). Къ этому присоединилось еще всеобщее возбужденіе, вызванное передвиженіемъ войскъ. Реакціонеры, чтобы довести манію преслѣдованія со стороны французовъ до крайнихъ предѣловъ, широко использовали въ своихъ цѣляхъ извѣстіе о томъ, что „поэтъ" Гервегъ организуетъ въ Парижѣ легіонъ съ цѣлью вторгнуться въ Германію и превратить всѣ сорокъ нѣмецкихъ отечествъ въ одну великую республику. Дѣло изображалось такимъ образомъ, какъ будто собирается многотысячная орда, алчущая крови и грабежей и готовая саранчей спуститься на несчастную Германію. Всѣ эти выдумки подѣйствовали такъ сильно, что даже революціонеры Геккеровскаго направленія съ какимъ-то почти испугомъ отрицали всякую общность съ войсками Гервега, составленными яко бы изъ разбойниковъ**). Отклонена была также и помощь нѣмецкихъ рабочихъ изъ Швейцаріи, ибо „благонамѣренно-буржуазные" республиканцы Бадена были того мнѣнія, что „народъ" можетъ смотрѣть на такихъ неимущихъ людей только, какъ на разбойниковъ. Баденское правительство использовало эту „французо-боязнь" для того, чтобы передвинуть свои войска и призвать на помощь военныя силы изъ сосѣднихъ государствъ. Гессенскія войска направились къ нижнему теченію Неккара, баварскія и вюртембергскія—къ пріозерному округу и къ Шварцвальду. И вотъ при возбужденіи народа, которое нерѣдко доходило до того, что онъ хватался за оружіе, моментъ казался Геккеру и Струве чрезвычайно благопріятнымъ. Дѣло казалось имъ настолько легкимъ, что они не позаботились даже о сколько-нибудь серьезныхъ приготовленіяхъ: они были убѣждены, что при первомъ же столкновеніи войска перейдутъ на сторону повстанцевъ.

Въ пріозерной области, избранной для начала возстанія, вождемъ демократическаго движенія былъ Іосифъ Фиклеръ. Онъ издавалъ въ Констанцѣ радикальную газету „Seeblätter" и имѣлъ не мало столкновеній съ судами. Обладая большимъ агитаторскимъ талантомъ, краснорѣчивый и неутомимо дѣятельный, онъ завоевалъ себѣ большое вліяніе и широкія симпатіи***). На него Геккеръ и Струве возлагали особыя

*) См. „12 подвижниковъ революціи", стр. 16.

**) См. письмо Фиклера (отъ 26 марта 1848 г.) къ президенту нѣмецкаго демократическаго общества въ Парижѣ, Адальберту фонъ-Борнштедту.

***) Еще долго послѣ смерти Фиклера (1865) разсказывали въ Констанцѣ анекдоты о его здоровомъ и грубомъ юморѣ. Такъ, однажды, на одномъ большомъ собраніи, гдѣ говорилъ Фиклеръ, жандармъ сообщилъ ему, что самъ

надежды. Въ то время Фиклеръ, въ качествѣ члена палаты, находился въ Карлсруэ и вечеромъ 7 апрѣля вмѣстѣ съ другими членами парламентской оппозиціи отправился въ отель „Pariser Hof“. Среди явившихся былъ и Мати, которому Фиклеръ оказалъ много услугъ и доставилъ мандатъ въ ландтагъ. Многіе уже тогда подозрѣвали, что въ этомъ, недавно еще столь фанатичномъ республиканцѣ происходитъ какой-то переворотъ, а Фиклеръ даже прямо заявилъ, что онъ опасается предательства со стороны Мати. Въ силу этого онъ хотѣлъ еще въ ту же ночь отправиться въ пріозерную область, но друзья успокоили его. Когда Фиклеръ на слѣдующій день въ 8 часовъ утра явился на вокзалъ, подстерегавшій его Мати былъ уже тамъ. Завидѣвъ Фиклера, онъ сталъ звать полицейскихъ и желѣзно-дорожныхъ служащихъ, чтобы арестовать его. Когда тѣ отказались сдѣлать это, Мати призвалъ оказавшихся неподалеку солдатъ и сказалъ имъ; „Подъ моей отвѣтственностью, какъ депутата, арестуйте этого человѣка, онъ—измѣнникъ!“ Солдаты послушались, и Фиклеръ былъ такимъ образомъ обезвреженъ.

Было бы излишне предаваться здѣсь изліяніямъ своего моральнаго негодованія; поступокъ Мати по отношенію къ своему другу и благодѣтелю краснорѣчивѣйшимъ образомъ говоритъ самъ за себя, и того пятна, которое легло на его имени, не въ состояніи будутъ изгладить всѣ краснобаи всего міра *). За Мати вступились всѣ филистеры либерализма, которые съ величайшимъ восторгомъ украсили бы его главу короной гражданина; „спасительному акту“ **) гражданина Мати выражали почтительное изумленіе даже кое-кто изъ робкихъ „демократовъ“. Баденское правительство немедленно произвело господина Мати въ государственные совѣтники.

Но народъ пришелъ по этому поводу въ ярость, и Мати поспѣшно оставилъ Карлсруэ. Прибывши въ Маннгеймъ, мѣсто своего постояннаго жительства, онъ нашелъ народныя массы въ страшномъ возбужденіи. Домъ его занятъ былъ стрѣлками изъ гражданской милиціи, а вокругъ бушевала толпа съ криками: „предатель!“ Подъ прикрытіемъ гражданской милиціи Мати обратился съ балкона къ народу съ рѣчью, въ которой онъ заявилъ, будто Фиклеръ конспирировалъ съ французами и намѣревался вызвать вторженіе ихъ въ Баденъ, а поэтому-де Фиклеръ является предателемъ. Онъ далѣе утверждалъ, что самъ видѣлъ у президента второй палаты документальныя доказательства этого.

господинъ исправникъ здѣсь. „А,—замѣтилъ Фиклеръ—ну, пусть“... и произнесъ извѣстное ругательство по адресу исправника при гулкомъ хохотѣ собранія.

*) Дѣло нисколько не мѣняется, конечно, отъ того, что къ этимъ краснобаямъ принадлежитъ и Густавъ Фрейтагъ, который въ своей книгѣ возводитъ „товарища“ Мати на пьедесталъ. Само собой разумѣется, что Мати впослѣдствіи сдѣлался звѣздой націоналъ-либеральной партіи.

**) Доносъ объ измѣнѣ, понятіи юридическомъ, произвелъ особенно сильное впечатлѣніе на патріотовъ-юристовъ; въ Вюртембергѣ патріотическая избирательная комиссія рекомендовала для избранія въ парламентъ патріотовъ Мати и Бассерманна“ (Циммерманъ).—И Мати дѣйствительно былъ избранъ; но избирателямъ [illegible] раскаяться. См. ироническій адресъ [illegible] патріотическаго ферейна, направленный къ Мати („Neue deutsche Zeitung“, отъ 17 апрѣля 1849 года).

Но президентъ второй палаты, старый Миттермайеръ, во всеуслышанiе заявилъ въ газетахъ, что утвержденiе Мати—простая ложь и что онъ не показывалъ депутату Мати никакихъ такихъ документовъ *). Послѣ этого заявленiя либеральные мудрецы совсѣмъ потеряли голову и объявили заявленiе честнаго Миттермайера „безтактнымъ". Бассерманъ ворвался къ нему въ домъ и такъ грубо обругалъ его, что старый Миттермайеръ заболѣлъ отъ негодованiя. Мати провозглашенъ былъ „античнымъ героемъ", спасшимъ Германiю отъ войны съ французами, и, главное, отъ такой войны, въ которой часть нѣмцевъ была бы на сторонѣ непрiятеля **). Мати ставилъ-молъ благо отечества выше дружбы и благодарности.

Арестъ Фиклера былъ тяжелымъ ударомъ для Геккера. „Теперь очередь за мной!—воскликнулъ онъ.—„Палата навѣрное согласится на то, чтобъ и меня арестовали". Но онъ все же не падалъ духомъ; 9 апрѣля онъ изъ Маннгейма отправился въ Констанцъ, гдѣ засталъ своихъ немногочисленныхъ друзей, готовыхъ идти съ нимъ вмѣстѣ, а именно—Струве, Меглинга, Виллиха, Долля и Бруна ***).

Новые революцiонеры еще и сами не знали, какъ приняться за дѣло. Сначала они думали укрѣпиться въ Констанцѣ, принудить къ отступленiю правительственныя войска, которыя, по ихъ мнѣнiю, чувствовали себя угрожаемыми съ тылу, и потомъ съ помощью завоеванной такимъ образомъ силы организовать федерально-демократическую Германiю. Но въ концѣ концовъ было рѣшено выступить съ вооруженными силами изъ Констанца, двинуться противъ Карлсруэ, столицы Бадена, и учредить въ первую очередь тамъ баденскую республику, за которой воспослѣдовала бы и общегерманская. Вожди движенiя настолько преисполнены были иллюзiй, что они, какъ разсказываетъ Меглингъ, надѣялись достигнуть всего этого, „быть можетъ, безъ удара меча".

Струве отправился въ Шварцвальдъ, чтобы тамъ призвать населенiе къ оружiю; самъ Геккеръ 12 апрѣля въ большомъ народномъ собранiи также призывалъ къ возстанiю. Его пламенное краснорѣчiе увлекло за собой толпу. Но старые вожди демократiи въ прiозерной области поддержки не оказали. Они объявили предпрiятiе совершенно безнадежнымъ, и особенно на этомъ настаивалъ бургомистръ Гютлинъ. Геккеръ пришелъ въ ярость, сталъ смотрѣть на всѣхъ несогласно мыслящихъ, какъ на „трусовъ и предателей", и теперь лишь съ осо-

---

*) На самомъ дѣлѣ Фиклеръ, какъ мы видѣли, предостерегалъ противъ привлеченiя въ баденское движенiе иноземныхъ элементовъ и лишь на случай пораженiя склоненъ былъ смотрѣть на Францiю, какъ на „спасительное прикрытiе".

**) Такой взглядъ распространенъ, повидимому, еще теперь въ нѣкоторыхъ сферахъ, иначе портретъ „государственнаго дѣятеля" и „патрiота" Мати не красовался бы въ фойе германскаго рейхстага.

***) Теодоръ Меглингъ изъ Бракенгейма—членъ вюртембергскаго экономическаго совѣта и депутатъ ландтага, извѣстный также подъ названiемъ „Seidenhannes", потому что онъ въ Гогенгеймѣ руководилъ разведенiемъ шелковичныхъ червей и читалъ лекцiи объ этомъ предметѣ; Виллихъ бывшiй прусскiй офицеръ и „коммунистъ настроенiя"; Карлъ Брунъ—тотъ самый, который впослѣдствiи издавалъ въ Гамбургѣ газету „Сѣверная Звѣзда", имѣвшую цѣлью содѣйствiе агитацiи Лассаля.

беннымъ рвеніемъ толкалъ все впередъ. „Я предпочитаю погибнуть съ честью, чѣмъ малодушно отступать“—говорилъ онъ.

12 апрѣля по административнымъ округамъ пріозерной области и Шварцвальда были разосланы подписанныя Геккеромъ и Струве воззванія, въ которыхъ жители приглашались 14 апрѣля, въ 12 часовъ дня, явиться на Рыночную площадь въ Донауэшингенѣ „съ оружіемъ, боевыми припасами, правильными рядами и съ провіантомъ на шесть дней“.

13 апрѣля утромъ Геккеръ двинулся изъ Констанца чрезъ Рейнскій мостъ. Энтузіазмъ, еще вчера вечеромъ господствовавшій въ народномъ собраніи, оказался очень непродолжительнымъ: за вождемъ послѣдовало только пятьдесятъ семь человѣкъ, а народъ съ большимъ удивленіемъ смотрѣлъ на эту маленькую кучку, затѣвающую такое огромное предпріятіе *).

Въ деревняхъ малочисленность инсургентовъ вызывала не меньшее изумленіе. „Гдѣ же констанцы со своими пушками?“—спрашивали тамъ. Безпрерывный дождь также не могъ содѣйствовать подъему подавленнаго настроенія инсургентовъ. Подкрѣпленій, на которыя расчитывали, въ Штоккахѣ не оказалось; однако, силы республиканцевъ все же достигли 400 человѣкъ, и Геккеръ путемъ декрета отставилъ старое правительство пріозерной области. Бывшій правительственный директоръ, демократическій депутатъ Петеръ, назначенъ былъ намѣстникомъ новой республики въ пріозерной области; онъ принялъ эту должность, сдѣлавъ предварительно заявленіе, что онъ вынужденъ къ этому физическимъ и моральнымъ насиліемъ.

Въ Энгенѣ число людей, готовыхъ бороться за германскую республику, достигло приблизительно до 800—900, и здѣсь добыли даже двѣ старыхъ пушки, чуть ли не временъ тридцатилѣтней войны. Между тѣмъ часть гражданской милиціи Констанца все же рѣшилась принять участіе въ походѣ, и они съ двумя пушками явились въ Энгенъ подъ командой молодого Франца Зигеля, который раньше былъ

---

*) Чувство самихъ участниковъ предпріятія лучше всего описываетъ Меглингъ: „Я долженъ сознаться,—пишетъ онъ—что и самъ я смотрѣлъ на себя съ изумленіемъ. Давая обѣщаніе своего содѣйствія, я, разумѣется, думалъ главнымъ образомъ объ участіи интеллектуальномъ; я надѣялся поддерживать нашу партію умственнымъ трудомъ, работать перомъ въ какой-нибудь изъ отраслей. Участвовать въ добровольческомъ военномъ отрядѣ мнѣ никогда и въ голову не приходило. Но когда дѣло приняло другой оборотъ, я тоже выступилъ, какъ солдатъ будущей германской республики, ибо въ необходимыхъ для этой роли физическихъ силахъ у меня недостатка не было Неожиданно для себя я промѣнялъ перо на мечъ. Такъ какъ я прибылъ въ Констанцъ безъ оружія и въ самомъ городѣ тоже нельзя было уже достать таковаго,—мнѣ лишь послѣ долгихъ усилій удалось черезъ посредство пріятеля изъ Швейцаріи получить за очень большія деньги старую саблю съ прекраснымъ, какъ потомъ оказалось, клинкомъ. Хорошаго мушкета такъ скоро добыть было невозможно, но я объ этомъ мало безпокоился; я говорилъ моимъ друзьямъ, что если дѣло дойдетъ до борьбы, я тотчасъ же сумѣю добыть себѣ мушкетъ, т. е. попросту отниму его у перваго попавшагося изъ роялистскихъ солдатъ. Мои слова вызывали много смѣху, ибо никто не вѣрилъ, чтобы я говорилъ это въ серьезъ“. Но Меглингъ все же далеко не шутилъ только. Всѣ мольбы матери, въ тревогѣ отправившейся за нимъ и догнавшей его въ Штоккахѣ, не могли заставить его отказаться отъ участія въ возстаніи.

баденскимъ лейтенантомъ. Въ Энгенъ же впервые явилась къ Геккеру госпожа Эмма Гервегъ, которая предложила инсургентамъ соединиться съ демократическимъ легіономъ, къ этому времени добравшимся уже изъ Парижа до Рейна. Но, какъ выше уже упоминалось, этотъ легіонъ уже цѣлые мѣсяцы расписывали, какъ шайку разбойниковъ и грабителей, и въ виду этого Геккеръ счелъ нужнымъ отклонить предложеніе: „Я не звалъ нѣмецкихъ рабочихъ,—заявилъ онъ,—и поэтому не вступлю съ ними ни въ какія сношенія“. Госпожа Гервегъ—живая, молодая, отважная и богатая дама, уроженка Берлина—еще не разъ дѣлала попытки переубѣдить Геккера и расположить его въ пользу демократическаго легіона, при чемъ не разъ попытки эти были связаны съ большими опасностями, переодѣваніями въ мужское платье и т. д. Но всѣ ея старанія были тщетны.

Вслѣдствіе договора капитуляціи, заключеннаго со Струве, вюртембергскія войска заняли Донауэшингенъ. Въ виду этого отрядъ Геккера вынужденъ былъ измѣнить свое направленіе; кромѣ того, Геккеръ стремился столкнуться прежде всего съ баденскими солдатами, которые, какъ онъ надѣялся, тотчасъ перейдутъ на сторону возстанія. Переходы по гористымъ дорогамъ при крайне неблагопріятной погодѣ сильно истомили инсургентовъ. До Бонндорфа дошло человѣкъ 1.100. Здѣсь одинъ изъ старыхъ друзей Геккера, подвергавшійся безпощаднымъ преслѣдованіямъ со стороны правительства, со слезами на глазахъ сталъ отговаривать Геккера отъ начатаго предпріятія. Но Геккеръ возразилъ на это: „Слова бонндорфскаго трактирщика напоминаютъ мнѣ рѣчи изъ карлсруйской „Придворной Газеты“. Сюда прибылъ также братъ Геккера, извѣстный фрейбургскій профессоръ; онъ также пытался переубѣдить брата, но тщетно.

Геккеръ намѣревался двинуться изъ Ленцкирха черезъ Адскую долину на Фрейбургъ. Но такъ какъ всѣ шварцвальдскіе проходы были заняты войсками, ему пришлось спуститься къ Шопфгейму въ Визенталѣ, а оттуда—въ Рейнскую долину.

Тѣмъ временемъ Зигель собралъ хорошо вооруженную дружину числомъ въ 3.000 человѣкъ; Вейсгааръ изъ Лоттштеттена—извѣстный республиканецъ—также собралъ много солдатъ. Но въ передвиженіяхъ республиканцевъ не было ни плана, ни цѣли, и они никакъ не могли соединить отдѣльныя кучки войска въ одинъ отрядъ. Колонна Геккера все время шла впереди другихъ на разстояніе однодневнаго или двухдневнаго перехода.

Въ Бернау Геккера встрѣтили двое уполномоченныхъ отъ комиссіи пятидесяти, Венедей и Шпатцъ; они предлагали республиканцамъ полную амнистію, если только эти послѣдніе сложатъ оружіе. Геккеръ гордо отклонилъ это предложеніе. „Мы видимъ теперь, что съ вами ничего не подѣлаешь“, сказалъ Венедей. „Идемте съ нами, это будетъ гораздо лучше, чѣмъ переливать во Франкфуртѣ изъ пустого въ порожнее“—возразилъ на это Геккеръ.

Ничего не добившись, Венедей и Шпатцъ уѣхали и изъ Ленцкирха выпустили напыщенную прокламацію—предостереженіе къ баденскому народу. Но хотя Геккеръ и спровадилъ этихъ новоиспеченныхъ государственныхъ дѣятелей съ улыбкой снисходительной иронiи,—настроеніе его, когда онъ съ наступленіемъ ночи отправился со

своимъ отрядомъ, число котораго уменьшилось до 900 человѣкъ, черезъ Штейненъ въ Кандернъ, надо думать, было не особенно безмятежное. Но и въ Штейненѣ, гдѣ его встрѣтилъ опечаленный старый другъ его, депутатъ Шеффельтъ, онъ все еще не терялъ самоувѣренности. Онъ, разумѣется, не замѣчалъ, что масса народа созерцаетъ такъ же спокойно, какъ какую-нибудь драму, разыгрываемую на отдаленной аренѣ.

15 апрѣля комиссія пятидесяти, во главѣ которой стояли Суаронъ и Робертъ Блюмъ, пригрозила Геккеру изгнаніемъ; 17 апрѣля баденская палата сдѣлала то же самое и пригрозила ему всей строгостью законовъ. Но гораздо больнѣе этого Геккеру было то обстоятельство, что противъ него высказались даже комитеты патріотическаго ферейна въ пріозерной области, и даже — констанцскій адвокатъ Вельте, котораго за его „дикій республиканизмъ" окрестили бароноѣдомъ *). Геккеръ, очевидно, твердо вѣрилъ въ то, что войска перейдутъ на сторону возстанія, и вѣра эта, разумѣется, была вполнѣ иллюзорна въ тотъ моментъ, когда отъ него отпадали даже его старые друзья.

По дорогѣ въ Кандернъ Геккеръ узналъ, что въ Шлингенъ вступили гессенскія войска. И, дѣйствительно, здѣсь оказалось три батальона инфантеріи да три эскадрона драгунъ, всего около 2.400 человѣкъ съ четырьмя пушками; командованіе надъ этими войсками поручено было генералу Фридриху фонъ-Гагерну, брату гессенскаго мартовскаго министра, Генриха фонъ-Гагерна. Населеніе Кандерна не обнаружило особеннаго благоволенія къ повстанцамъ; оно даже выдало гессенцамъ, насколько немногочисленна республиканская армія. Республиканцы стали обсуждать вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли имъ опять вернуться въ Штейненъ. Если бы они дѣйствительно это сдѣлали, то весьма вѣроятно, что удалось бы соединиться съ отрядами Зигеля и Вейсгаара, и объединенная республиканская армія составила бы тогда силу въ 4—5.000 человѣкъ. Но на совѣтѣ рѣшено было двинуться въ Кандернъ и тамъ переночевать. Въ виду этого Зигель, который къ тому же слишкомъ поздно получилъ приглашеніе присоединить свой отрядъ, двинулся по Визенталю черезъ Тодтнау на Фрейбургъ, межъ тѣмъ какъ Геккеръ одинъ пошелъ противъ гессенцевъ. Въ тотъ вечеръ къ Геккеру опять явилась госпожа Гервегъ, которая еще разъ предлагала соединиться съ демократическимъ легіономъ, стоявшимъ на Рейнѣ. Но Геккеръ и на этотъ разъ отклонилъ предложеніе; онъ, повидимому, и самъ былъ убѣжденъ въ томъ, что легіонъ въ самомъ дѣлѣ состоитъ изъ „разбойничьяго сброда".

Таланта полководца у Геккера не было совершенно, и неминуемая катастрофа должна была наступить.

На слѣдующее утро получилось письмо отъ Зигеля, который сообщалъ, что его колонна находится въ Визенталѣ, и настоятельно приглашалъ Геккера соединиться съ нимъ и съ Вейсгааромъ. Въ виду этого рѣшено было отступить къ Визенталю. Инсургенты выступили въ путь

---

*) Спустя 20 лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, мы имѣли случай познакомиться съ этимъ „бароноѣдомъ" и нашли его совершенно безобиднымъ человѣчкомъ, неспособнымъ зарѣзать и куренка, не то что барона; это былъ типичный представитель будирующаго „пивного" республиканизма.

20 апрѣля въ 8 часовъ утра и направились черезъ мостъ при Кандернѣ къ Шейдеку, крупному горному хребту.

Гессенцы немедленно перешли въ наступленіе, и къ доктору Кайзеру изъ Констанца, командовавшему арьергардомъ, явился парламентеръ въ сопровожденіи трубача, чтобы пригласить Геккера для переговоровъ съ генераломъ фонъ-Гагерномъ. Въ то же время парламентеръ съ важнымъ видомъ прочиталъ „актъ о бунтѣ"; отвѣтомъ ему былъ, конечно, только смѣхъ. Республиканцы построились за мостомъ въ боевой порядокъ, занявши хорошую позицію; на опушкѣ лѣса расположились стрѣлки и мушкатеры, съ тыла—крестьяне, вооруженные косами, а обѣ пушки—на проселочной дорогѣ *).

Переговоры между Геккеромъ и генераломъ фонъ-Гагерномъ были коротки. Гагернъ, который раньше состоялъ на голландской службѣ и которому приписывали кое-какую слабость къ конституціоналистскимъ идеямъ, сурово набросился на вождя инсургентовъ и потребовалъ, чтобъ они немедленно сложили оружіе. Когда Геккеръ отвѣтилъ на это отказомъ, Гагернъ воскликнулъ: „И разумный вы, кажется, человѣкъ, а какой фанатикъ!"—Геккеръ въ долгу не остался и указалъ на тотъ родъ фанатизма, которому служитъ генералъ. Но, впрочемъ,—продолжалъ онъ,—у него нѣтъ охоты входить сейчасъ въ споръ и онъ желалъ бы только знать, не желаетъ ли генералъ сдѣлать ему еще какихъ-нибудь сообщеній. „Въ такомъ случаѣ я сейчасъ приму самыя строгія мѣры",—проворчалъ Гагернъ. Онъ далъ Геккеру десять минутъ сроку.

Республиканцы медленно отступали, а гессенцы подвигались за ними; и та и другая сторона не хотѣла начинать кровопролитія. Но на хребтѣ Шейдека республиканцы остановились, ибо отъ вершины дорога къ Штейнену спускается слишкомъ круто и сверхъ того имъ не хотѣлось лишиться выгодъ высокой позиціи. Гессенцы все наступали. Между республиканцами и солдатами съ большой отвагой всталъ докторъ Кайзеръ изъ Констанца. „Не стрѣляйте въ своихъ братьевъ!—кричалъ онъ солдатамъ—стариками вы будете рвать на себѣ волоса отъ раскаянія!"

Изъ рядовъ республиканцевъ доносились слова: „Братья, друзья наши!" И нѣкоторые изъ гессенцевъ дѣйствительно, казалось, начали колебаться. Во всякомъ случаѣ обѣ стороны не легко рѣшались вступить въ бой. Но подоспѣвшій Гагернъ скоро рѣшилъ дѣло. Соскочивъ съ лошади, онъ крикнулъ своимъ грубымъ голосомъ: „Какіе тамъ братья! Сволочь вы—вотъ что!" Затѣмъ онъ вскочилъ на коня, крикнулъ: „Добровольцы впередъ!" и, построивъ ихъ тремя взводами, приказалъ имъ со штыками на перевѣсъ открыть нападеніе. „Пли"—скомандовалъ онъ потомъ и тотчасъ самъ выстрѣлилъ изъ своего револьвера. Выстрѣлъ этотъ послужилъ сигналомъ къ обоюдосторонней пальбѣ.

Когда пороховой дымъ разсѣялся, на землѣ оказалось нѣсколько раненыхъ и убитыхъ, и въ числѣ послѣднихъ — самъ генералъ Гагернъ, которому пулей пробило грудь. Нѣкоторые, пораженные, повидимому, только страхомъ, тотчасъ вновь вскочили на ноги; съ обѣихъ сторонъ началось бѣгство, и лишь храбрѣйшіе остались на мѣстѣ.

*) Меглингъ рѣшительно оспариваетъ, будто—какъ это часто утверждали, при чемъ винили въ этомъ Виллиха—косцовъ поставили въ авангардѣ.

Меглингъ пробрался къ генералу и нашелъ его мертвымъ. Солдаты, обратившіеся было въ бѣгство, вновь собрались и дали залпъ по косцамъ, которые, когда пули стали ударять въ косы, моментально бросились бѣжать. Но и гессенцы, въ свою очередь, опять бросились внизъ съ горы. Наконецъ, по взаимному соглашенію рѣшено было огонь пріостановить, и трупъ генерала былъ выданъ гессенцамъ въ обмѣнъ на захваченное гессенцами черно-красно-золотое знамя. Послѣ этого гессенцы заявили, что у нихъ былъ только приказъ пробраться до Шейдека и что они немедленно возвратятся, если республиканцы тоже согласятся отступить. На этомъ и согласились; но когда республиканцы начали отступать, гессенцы стали ихъ преслѣдовать. Въ виду этого при Штейненѣ опять произошла стычка между гессенцами и подоспѣвшей частью отряда Вейсгаара. Здѣсь Струве заключилъ съ гессенцами новое условіе, по которому республиканцы должны были отступить за луга, а гессенцы—спуститься въ долину Рейна. Но мѣропріятія Меглинга оказались гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ договоры, заключенные Струве, ибо гессенцы вновь стали преслѣдовать республиканцевъ, и лишь ружейный огонь стрѣлковъ Меглинга разсѣялъ ихъ.

Само по себѣ сраженіе при Кандернѣ не имѣло особаго значенія; оно обошлось въ какой-нибудь десятокъ убитыхъ. Но результаты его были въ высшей степени важные. Отрядъ Геккера распался, и до Зигеля добралась лишь одна часть его. Самъ Геккеръ много блуждалъ по лѣсамъ и на слѣдующій день очутился на границѣ Швейцаріи, откуда больше не возвращался. Теперь, наконецъ, его иллюзіи разсѣялись, и онъ долженъ былъ понять, что республиканское возстаніе совсѣмъ не идиллическое дѣло. Неудачная попытка возстанія ввергла ее въ жалкое малодушіе; онъ сталъ расточать обвиненія на цѣлый міръ, хотя больше всего онъ долженъ былъ бы, конечно, пенять на самого себя.

Тѣмъ временемъ Струве въ Зекингенѣ попался въ плѣнъ, но Меглингъ спасъ его посредствомъ военной хитрости. Онъ заявилъ оберъ-амтману, что приближаются 6.000 республиканцевъ съ четырьмя пушками и, что, если Струве будетъ преданъ суду, они сожгутъ Зекингенъ. Запуганный такимъ образомъ амтманъ, освободилъ Струве, и тотъ вмѣстѣ съ Меглингомъ поспѣшилъ къ Зигелю.

Въ это время колонна Зигеля поднялась къ Тодтнау. Если бы Зигель теперь двинулся прямо на Фрейбургъ, этотъ городъ, въ которомъ республиканская партія была очень сильна, попалъ бы въ его руки, хотя бы только на короткое время, ибо къ полю битвы со всѣхъ сторонъ подвигались войска. Получивъ вѣсть о битвѣ при Кандернѣ и объ ея исходѣ, Зигель опять двинулъ свои войска къ Шопфгейму, чтобы принять въ свои ряды бѣглецовъ. Благодаря этому, онъ потерялъ цѣлыхъ два дня. Проливной дождь, трудные переходы и распространившаяся паника, ослабили ихъ силы. Къ тому же войска все болѣе плотнымъ кольцомъ смыкались вокругъ арены возстанія; передъ Фрейбургомъ концентрировались гессенъ-нассаусцы и баденцы; Вальдегушъ и Ст. Блазьенъ заняты были вюртембергцами, Адская долина была уже давно отрѣзана, и въ Штоккахъ прибыли уже баварцы.

Нападать на Фрейбургъ при такихъ обстоятельствахъ и распо-

лагая всего 3500 человѣкъ было бы дѣломъ очень рискованнымъ. Но Зигель все же дерзнулъ.

Вокругъ Фрейбурга стояло, несомнѣнно, до 3000 человѣкъ баденской и нассауской инфантеріи, да сверхъ того кавалерійскій полкъ и четыре орудія. Мѣсто убитаго генерала Гагерна занялъ баденскій генералъ Гоффманъ, который повелъ къ Фрейбургу также и отрядъ, принимавшій участіе въ битвѣ при Кандернѣ. Зигель, конечно, не могъ надѣяться со своими волонтерами одержать верхъ надъ этой массой войскъ, къ которой со всѣхъ сторонъ шли еще и подкрѣпленія. Но тѣмъ не менѣе его нападеніе не было ни отчаяннымъ, ни безразсуднымъ. Нужно не забыть, что республиканцы Фрейбурга подняли знамя возстанія и что Зигель не могъ предоставить товарищей самимъ себѣ, особенно — разъ они взялись за оружіе только въ надеждѣ на помощь извнѣ. 22 апрѣля во Фрейбургѣ состоялось вооруженное народное собраніе въ 1500 человѣкъ; власти „принять мѣры“ не рѣшились. „Почтенные“ бюргеры хорошенько не знали — стать ли имъ на сторону возстанія или на сторону правительства и представляли картину самаго жалкаго замѣшательства. Тщетно старались они добиться того, чтобы стекавшіеся во Фрейбургъ республиканцы покинули городъ. Въ концѣ концовъ бюргеры вступили въ тайные переговоры съ генераломъ Гоффманомъ и стали передавать ему свѣдѣнія о численности повстанцевъ. Студенты же, члены гимнастическихъ обществъ, и рабочіе напротивъ рѣшили бороться. Предводительство поручено было студенту Лангсдорфу, и подъ его командой толпа разбила ворота ратуши и овладѣла городскими пушками*). Городъ быстро покрылся сильными баррикадами. Одному изъ повстанческихъ отрядовъ поручено было разрушить желѣзную дорогу, но это не удалось. Въ воскресенье 23 апрѣля генералъ Гоффманъ приказалъ объявить фрейбургскимъ республиканцамъ, что, если въ теченіе двухъ часовъ городъ не будетъ очищенъ, онъ атакуетъ его. Городскія власти уговорили генерала подождать до понедѣльника; они надѣялись, что до тѣхъ поръ имъ удастся убѣдить волонтеровъ отступить. И многіе изъ волонтеровъ дѣйствительно удалились, но все же за баррикадами народа оставалось достаточно.

Зигель прилагалъ всѣ старанія, чтобы всѣми своими силами притти на помощь фрейбуржцамъ. Его колонна, сильно растянувшись, направилась къ Фрейбургу черезъ Горбенъ и Гюнтерсталь. Самъ Зигель находился еще въ городѣ; онъ старался присоединить къ своей колоннѣ бѣглецовъ изъ отрядовъ Геккера и Вейсгаара, а также отрядъ стрѣлковъ, шедшихъ изъ Биля**) подъ командой Іоанна Филиппа Беккера и отдалъ строжайшій приказъ, чтобы ни одинъ отрядъ не уходилъ дальше Гюнтерсталя. Но при авангардѣ находился Струве, а этотъ любитель цвѣтовъ благоухающихъ, проповѣдывавшій отвращеніе къ „трупамъ звѣрей“ вдругъ открылъ въ себѣ военный талантъ —

---

*) Въ виду того, что Лангсдорфъ наблюдалъ за движеніями войскъ съ башни фрейбургскаго мюнстера, его прозвали „генераломъ мюнстерской башни“.

**) Находясь въ затруднительномъ положеніи, Струве отправилъ Іоганну Филиппу Беккеру написанную карандашомъ записку съ просьбой о помощи, и тотъ немедленно явился на поле битвы.

онъ, должно быть, пришелъ къ этому заключенію на основаніи френологическихъ измѣненій черепа. Ввели ли его въ заблужденіе ложныя вѣсти о положеніи дѣлъ передъ Фрейбургомъ, или онъ все еще полагалъ, что солдаты только ждутъ подходящаго случая, чтобъ перейти на сторону республиканцевъ, — какъ бы тамъ ни было онъ хотѣлъ пожать лавры дня и приказалъ первому и второму отряду волонтеровъ, стоявшимъ у Гюнтерсталя, выйти изъ лѣса и открыть нападеніе. По срединѣ долины онъ черезъ открытое поле двинулся къ Фрейбургу. Въ концѣ долины онъ наткнулся на многочисленную баденскую инфантерію и гессенскую артиллерію. Струве рѣшилъ опять вступить въ переговоры, но генералъ Гоффманъ прогналъ посланнаго къ нему парламентера со словами: „пошелъ прочь, собака!“ Вслѣдъ затѣмъ гессенцы открыли пальбу картечью по республиканцамъ, въ большинствѣ своемъ вооруженнымъ косами; волонтеры не выдержали огня и побѣжали назадъ къ Гюнтерсталю и въ лѣсъ, при чемъ стрѣлки старались прикрыть ихъ, открывши огонь изъ лѣсу. Бѣглецы въ дикомъ безпорядкѣ увлекли за собой приближавшуюся колонну Зигеля, и когда Зигель добрался до Гюнтерсталя, у него осталось изъ 3500 человѣкъ всего лишь 400. Безумный шагъ Струве былъ непоправимъ. Правда, войска, неосторожно выдвинувшіяся противъ Гюнтерсталя, были Зигелемъ отброшены назадъ, но во всемъ предпріятіи уже не было плана, и уже по одному этому слабая попытка фрейбургскихъ республиканцевъ сдѣлать вылазку изъ города у Швабскихъ воротъ должна была кончиться неудачей.

Зигель двинулся обратно въ горы, къ Горбену, и здѣсь вмѣстѣ съ Меглингомъ вновь собрали 600 человѣкъ, съ которыми онъ 24 апрѣля еще разъ предпринялъ отчаянную попытку придти на помощь фрейбуржцамъ. Но онъ опоздалъ; утомленные переходами волонтеры должны были хоть нѣсколько часовъ отдохнуть. Генералъ Гоффманъ уже рано утромъ атаковалъ Фрейбургъ со всѣхъ сторонъ. Борьба была крайне упорная; хотя у республиканцевъ было не больше 300 ружей, они съ большимъ мужествомъ защищали баррикады у воротъ Проповѣдниковъ, Брейзахскихъ и Церингерскихъ воротъ. Всего двое стрѣлковъ да восемнадцать косцовъ съ одной пушкой отстаивали въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ большую баррикаду на Іезуитской улицѣ противъ 1.500 нассаусцевъ. Большую баррикаду у Брейзахскихъ воротъ, которую атаковали 2.000 гессенцевъ и нассаусцевъ съ двумя пушками, удалось взять лишь тогда, когда защищавшіе ее республиканцы были обойдены съ тылу. Нападавшіе прорвались черезъ ворота Проповѣдниковъ въ городъ. Многіе республиканцы спаслись черезъ Дворцовую гору, которая не была еще занята войсками; многіе же изъ республиканцевъ взяты были въ плѣнъ и подверглись различнымъ издѣвательствамъ со стороны солдатъ, особенно со стороны гессенцевъ. „Добрые граждане“ превратились въ доносчиковъ.

Зигель съ Меглингомъ вторглись въ городъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда сопротивленіе только что прекратилось. На Дрейзамскомъ мосту палъ знаменосецъ констанцскихъ стрѣлковъ. Зигель и Меглингъ добрались до Швабскихъ воротъ, но встрѣчены были залпомъ со стороны солдатъ, только что взявшихъ баррикаду, и республиканцы ихъ вынуждены были отступить. Отрѣзанные отъ своего

отряда, оба вождя пробрались черезъ городскую стѣну въ городъ, тамъ имѣли массу приключеній и затѣмъ вновь покинули городъ. Тѣмъ временемъ отряды волонтеровъ разсѣялись совершенно. Вожди же перебрались черезъ Рейнъ и спаслись кто въ Эльзасъ, кто въ Швейцарію.

Между тѣмъ и отрядъ Гервега прошелъ черезъ Рейнъ. Гервегъ былъ только политическимъ вождемъ; военною стороной дѣла руководили Адальбертъ фонъ-Борнштедтъ, извѣстный эмигрантъ, затѣмъ Отто фонъ-Корвинъ и Рейнгартъ фонъ-Шиммельпеннинкъ—всѣ трое бывшіе прусскіе офицеры. Французское правительство дѣлало видъ, будто оно готово поддерживать это предпріятіе, на самомъ же дѣлѣ ему только хотѣлось выпроводить нѣмецкихъ рабочихъ изъ Парижа. Оно предложило Гервегу денежную поддержку, и Гервегъ былъ настолько скроменъ, что потребовалъ только 2.000 франковъ. Буржуазные республиканцы изъ февральскаго правительства немало по этому поводу насмѣхались надъ Гервегомъ. Но они все же предоставили легіону Гервега квартиры для остановокъ во время пути да еще по 50 сантимовъ въ день на человѣка.

Нужно замѣтить, что всѣ болѣе проницательные изъ эмигрантовъ, особенно Марксъ и Энгельсъ, которые тогда тоже находились въ Парижѣ, высказались противъ этого предпріятія. Они въ „нѣмецкомъ клубѣ" совѣтовали рабочимъ не примыкать къ легіону и возвратиться въ Германію въ одиночку*).

Въ виду затруднительныхъ обстоятельствъ, Зигель и Меглингъ призвали на помощь плохо вооруженный легіонъ, находившійся въ Штрассбургѣ. Онъ 24 апрѣля перешелъ баденскую границу и двинулся на Кандернъ и Тодтнау. Но на слѣдующій день Гервегъ узналъ о пораженіи республиканцевъ при и въ самомъ Фрейбургѣ и понялъ всю безполезность своего похода. Вожди рѣшили отступить черезъ Шварцвальдъ въ Швейцарію. Легіону пришлось пробиваться по снѣгу и льду черезъ мрачную гористую дорогу; введенный въ заблужденіе проводникомъ, легіонъ на трехчасовое разстояніе тратилъ часовъ семь. Смертельно усталые легіонеры 27 апрѣля еле добрались черезъ Целль къ Нидердоссенбаху, оттуда до Рейна оставалось еще около часу ходьбы. „У всѣхъ было только одно желаніе: спать и только спать" — такъ разсказываетъ г-жа Гервегъ. Корвинъ все торопилъ, убѣждая поскорѣе отправиться дальше; начали приготовляться къ выступленію, но тутъ пришли вюртембержцы подъ командой Липпа, всего человѣкъ 300, и сдѣлали нападеніе на сильно растаявшій легіонъ, который уже при своемъ прибытіи на нѣмецкую границу насчитывалъ всего около 650 человѣкъ. Легіонеры съ мужествомъ и даже съ радостью схватились за оружіе, но что могли они подѣлать противъ

*) Энгельсъ пишетъ по этому поводу слѣдующее: „Мы противились этой игрѣ въ революцію самымъ рѣшительнымъ образомъ. Въ пору тогдашняго броженія устроить вторженіе въ Германію, чтобы принудительнымъ путемъ импортировать туда революцію, — это значило подставить ногу самой революціи, усилить правительство, а самихъ легіонеровъ — за это ручался Ламартинъ — отдать безоружными въ руки нѣмецкимъ войскамъ Когда же революція одержала побѣду въ Вѣнѣ и Берлинѣ, легіонъ становился совершенно уже ни къ чему не нужнымъ; но дѣло было уже начато, и игра продолжалась дальше".

хорошо дисциплинированныхъ, хорошо вооруженныхъ и хорошо отдохнувшихъ вюртембержцевъ. Но не взирая на все это, сраженіе длилось полтора часа. На сторонѣ легіона пало человѣкъ тридцать убитыми и ранеными. Мужественно палъ Шиммельпенникъ: онъ ранилъ капитана Липпа въ руку и тутъ же упалъ, пронзенный пулей. Вюртембержцы получили подкрѣпленіе, легіонъ былъ обращенъ въ бѣгство, многіе попали въ плѣнъ или бросились къ Рейну; спастись успѣли лишь немногіе. „Вюртембержцы — разсказываетъ Корвинъ — были страшно озлоблены ихъ весьма значительными потерями и держались съ такой жестокостью, которая прямо поражаетъ у обычно столь добродушныхъ швабовъ. Въ ихъ руки попала повозка съ ранеными, и вюртембержцы умертвили не только раненыхъ, но и бѣднаго крестьянина, который везъ ихъ, и *закололи даже лошадей**).

Гервегъ и его жена бѣжали черезъ Рейнъ, переодѣвшись поденщиками, а Корвинъ—переодѣвшись кузнецомъ**).

Сраженіе при Доссенбахѣ положило конецъ революціоннымъ возстаніямъ. Воззваніе Геккера оказало лишь ничтожное дѣйствіе на населеніе фрейбургскихъ окрестностей. Оффенбургъ сдѣлалъ попытку поддержать Геккера; онъ забаррикадировался, но скоро сдался подоспѣвшимъ войскамъ. Въ Зинсгеймѣ въ ночь съ 23 на 24 апрѣля ударили въ набатъ и утромъ изъ окрестностей Зинсгейма двинулось много вооруженнаго народа, чтобы соединиться съ Геккеромъ. Но находившаяся въ рядахъ гражданской милиціи гейдельбергская буржуазія съ нѣкоторыми „лойяльными“ профессорами во главѣ подавили это движеніе.

Въ Маннгеймѣ администрація попыталась распустить отрядъ косарей-демократовъ, состоявшій изъ рабочихъ, но гражданская милиція дала должный отпоръ. Изъ Нассау явились войска и держали себя такъ жестоко, что гражданская милиція и косари объединились для взаимной поддержки. Въ виду опасеній, что на городъ двинутся расположенные въ Людвигсгафенѣ баварцы, была пробита тревога, за-

---

*) Мы не можемъ, конечно, сказать, насколько все это достовѣрно. Мы хотимъ тутъ разъ навсегда замѣтить, что въ такія бурныя времена, обѣ *стороны часто бываютъ склонны къ очень сильнымъ преувеличеніямъ*. Мы приводимъ только то, что можно считать безусловно установленнымъ.

**) Извѣстная басня, будто Гервегъ бѣжалъ „подъ фартукомъ“ повозки, которой правила его жена, уже достаточно опровергнута. Главный источникъ ея—юмористическій журналъ „Fliegende Blätter“, который изобразилъ Гервега въ измышленномъ положеніи и весьма удачно подписалъ внизу одну строфу изъ его стихотворенія: „Der Freiheit eine Gasse“. Въ одномъ извѣстномъ юмористическомъ реакціонномъ стихотвореніи есть такія строки:

„Heiss fiel es dem Herweg bei,
Dass der Hinweg besser sei“

(Непереводимая игра словъ; смыслъ приблизительно таковъ: „Теперь Гервегъ превосходно знаетъ, куда хорошо бываетъ улепетнуть“).

Каламбуръ самъ по себѣ не плохъ. Но неужели же, послѣ того какъ все было потеряно, Гервегу нужно было еще ждать пока его возьмутъ въ плѣнъ? И если онъ не сдѣлалъ этого, его въ этомъ также мало можно упрекать, какъ Блюхера, не давшаго себя взять въ плѣнъ при Линьи, или Наполеона, не давшаго себя взять въ плѣнъ при Ватерлоо. Но кто охочъ до комичныхъ страницъ исторіи, тотъ пусть вспомнитъ, что Гизо и папа Пій IX скрылись бѣгствомъ въ женскихъ костюмахъ!

тѣмъ прогнали нассаусцевъ съ ихъ караула около Рейнскаго моста и соорудили тамъ баррикады. Сплавленъ былъ также одинъ пролетъ моста. Съ построенной на мосту баррикады былъ открытъ сильный огонь по баварцамъ, на что эти послѣдніе отвѣтили тѣмъ же. На баррикадѣ, осыпаемая градомъ баварскихъ пуль, безстрашно стояла молодая дѣвушка съ черно-красно-золотымъ знаменемъ въ рукахъ. Пало много жертвъ. Въ слѣдующіе дни къ баварцамъ все подоспѣвали новыя подкрѣпленія. Сраженіе это произошло 26 апрѣля, но только 1-го мая баварцы заняли Маннгеймъ. Вслѣдъ затѣмъ Маннгеймъ и Фрейбургъ были объявлены на военномъ положеніи, введены были также „карательные отряды" и предписано было всеобщее разоруженіе. То-же самое произошло въ верхнемъ округѣ Рейна и въ приморской области. Фрейбургскимъ „гражданамъ", поведеніе которыхъ по отношенію къ республиканцамъ было такъ двусмысленно, теперь пришлось платить за содержаніе войскъ.

Побѣжденнымъ пришлось вынести немало. „Карательные" отряды обращались съ плѣнными республиканцами и бюргерами такъ, что депутатъ Мецъ возбудилъ жалобу въ Баденской палатѣ, гдѣ всѣ разоблаченныя жестокости встрѣтили всеобщее негодованіе; сверхъ-„лойяльная" же бюрократія съ неистовствомъ обрушивалась на жертвы, а реакціонная пресса изливала на побѣжденныхъ потоки клеветы и ругательствъ. Среди трехсотъ семидесяти взятыхъ въ плѣнъ при Доссенбахѣ оказалось 67 французовъ, и легко себѣ представить, какой шумъ по этому поводу подняли такъ называемые патріоты. Когда въ томъ же самомъ и въ слѣдующемъ году одно правительство Германскаго Союза противъ своихъ возставшихъ народовъ призвало на помощь кроатовъ, словаковъ, сербовъ и русскихъ, патріоты такъ не кричали. Въ особенности широко распространялась та клевета, будто генералъ фонъ-Гагернъ былъ при Кандернѣ предательски убитъ, а не палъ при нападеніи, какъ то на самомъ дѣлѣ было *). Всѣ эти вещи были ловко использованы въ избирательной борьбѣ, и немало „поумнѣвшихъ" конституціоналистовъ обязаны имъ своимъ избраніемъ.

Самъ Геккеръ нѣкоторое время еще оставался въ Муттенцѣ, въ Швейцаріи, окруженный толпой эмигрантовъ; но скоро онъ окончательно отчаялся въ торжествѣ свободы въ Германіи и отправился въ Америку. Популярность его только возросла, благодаря пораженію, и въ то время, когда Геккеръ переправлялся черезъ океанъ, по всей Германіи раздавались звуки пѣсни Геккера. Остроумный, но реакціонный пфальцскій поэтъ Надлеръ осмѣялъ Геккера въ извѣстныхъ стихахъ:

---

*) Меглингъ, правдивость котораго не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ, предъ лицомъ смерти изложилъ все дѣло предъ маннгеймскимъ военнымъ судомъ, и предсѣдатель суда категорически заявилъ, что онъ считаетъ это изложеніе строго правдивымъ. Клевету о предательскомъ убійствѣ распространяли главнымъ образомъ стремянный Гагерна и писатель Генрихъ Лаубе. „Историкъ культуры" Отто Генне-амъ-Ринъ въ „Лексиконѣ" Pierer'а еще недавно опять утверждалъ, будто Гагернъ застрѣленъ собственно передъ боемъ. По нашимъ свѣдѣніямъ стрѣлокъ, ранившій Гагерна, былъ констанцскимъ бюргеромъ и мясникомъ. Кстати, баденскій министръ Беккъ въ своей книгѣ о баденскомъ движеніи также указываетъ между прочимъ на то, что Гагернъ былъ раненъ лишь послѣ того, какъ скомандовалъ нападеніе

„Seht, da steht der grosse Hecker,
Eine Feder auf dem Hut,
Seht, da steht der Volkserwecker
Lechzend nach Tyrannenblut!
Wasserstiefel, dicke Sohlen,
Säbel trägt er und Pistolen,
Und zum Peter sagte er:
Peter, du sei Statthalter!“ и т. д. *).

Но въ памяти народа сохранилась романтическая фигура народнаго вождя въ войлочной шляпѣ и блузѣ, стоящаго на стражѣ народныхъ интересовъ, а полиція со своими происками ужъ додѣлала остальное. Геккеръ пользовался рѣдкой популярностью, и это продолжалось еще долгіе годы послѣ похода. Пишущему эти строки въ свои молодые годы еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ приходилось видѣть у шварцвальдскихъ крестьянъ въ окрестностяхъ Фрейбурга многочисленные бюсты и портреты Геккера.

Худосочное республиканское возстаніе ограничилось частью Бадена. Но тѣмъ не менѣе подавленіе этого возстанія рѣшило очень важный вопросъ. Забота о преобразованіи Германіи теперь окончательно выпала на долю франкфуртскаго парламента. Средній конституціоналистъ-филистеръ въ серьезъ увѣрился, что съ пораженіемъ Геккера отечество спасено отъ анархіи и что теперь одна болтовня нѣсколькихъ сотъ аристократовъ, бюрократовъ, профессоровъ, адвокатовъ и „государственныхъ дѣятелей“ вполнѣ можетъ довести родину до желаннаго конца.

---

*) „Посмотри, стоитъ тамъ великій Геккеръ въ шляпѣ съ перомъ; смотри, вонъ стоитъ пробудившій народъ ото сна, съ жаждой крови тирановъ! Въ болотныхъ сапогахъ съ толстыми подошвами, съ саблей и пистолетомъ стоитъ онъ и говоритъ: „Петръ, будь губернаторомъ!“ и т. д.

Геккеръ, какъ разсказываютъ, любилъ нѣсколько по-дѣтски досадить своимъ врагамъ. Въ муттенцскомъ трактирѣ онъ далъ собакѣ кличку „Бассерманъ“ и ослу кличку „Венедей“. Когда объ этомъ дошло до Франкфурта, президентъ комиссіи пятидесяти, толстый Суаронъ, со скорбнымъ, но удачнымъ юморомъ замѣтилъ: „Теперь недостаетъ еще только, чтобы Геккеръ нашелъ толстую свинью; онъ навѣрное назоветъ ее Суарономъ“!

Ломбардія, Познань и Шлезвигъ-Голштинія.

Радостное возбужденіе охватило всю Италію, когда Карлъ-Альбертъ Сардинскій со своимъ войскомъ началъ походъ и вторгся въ Ломбардію. Со всѣхъ сторонъ въ его лагерь устремилась молодежь, способная носить оружіе. Хотя національный конгрессъ въ Римѣ и не привелъ ни къ какому результату, все же итальянскіе либералы не очень огорчились этимъ обстоятельствомъ. Итальянскій либерализмъ ничѣмъ не отличался отъ всякаго другого, и достаточно ему было видѣть свое дѣло въ рукахъ короля, чтобы увѣровать въ его наилучшее разрѣшеніе. Въ лицѣ Карла-Альберта торжествующая буржуазія видѣла спасителя, на котораго само небо возложило миссію освободить и объединить Италію—все это конечно въ буржуазномъ пониманіи свободы и объединенія; народная масса была гораздо меньше воодушевлена, и сельское населеніе въ особенности приняло сравнительно незначительное участіе въ возстаніи. Торжество превзошло всякія границы, когда на помощь Сардиніи прибыли войска изъ Неаполя, которыя впрочемъ возвратились обратно прежде, чѣмъ это нужно было.

Всѣ взоры устремились на Ломбардію и на Карла-Альберта, который вдвойнѣ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Во-первыхъ, онъ не былъ народолюбивымъ, или, лучше сказать, конституціоннымъ королемъ, и его война была затѣяна не съ освободительными, а съ завоевательными цѣлями; имъ руководило лишь честолюбіе и вѣра въ историческое призваніе Савойскаго дома владѣть Италіей; во-вторыхъ, ему недоставало талантовъ полководца, чтобы одержать побѣду надъ Радецкимъ. Главнокомандующій австрійскими войсками, отступившій за Минчіо послѣ пораженія при Миланѣ, былъ въ двухъ сраженіяхъ разбитъ сардинцами и отброшенъ къ Веронѣ. Вокругъ него вздымались волны возстанія, такъ что онъ за исключеніемъ пути черезъ Тироль былъ совершенно отрѣзанъ отъ Австріи. Если бы Карлъ-Альбертъ сумѣлъ использовать воодушевленіе итальянцевъ и напалъ бы со всѣми силами на Радецкаго, то послѣднему оставалось бы или очистить Ломбардію или быть уничтоженнымъ. Но новаго нападенія со стороны итальянцевъ не было; вмѣсто этого Карлъ-Альбертъ растрачивалъ свои силы и безъ толку провелъ весь апрѣль и май. Благодаря этому, Радецкій выигралъ время и получилъ подкрѣпленіе, такъ что въ концѣ мая онъ двинулся съ Вероны на Ман-

тую. Обманувъ короля, стоявшаго вмѣстѣ съ главными силами сардино-ломбардскаго войска, онъ напалъ на волонтеровъ, окопавшихся у Куртароны. Испуганные внезапнымъ нападеніемъ, волонтеры сразу оказались въ невыгодномъ положеніи; тѣмъ не менѣе они очень храбро сражались, и лишь послѣ троекратнаго штурма удалось взять ихъ окопы. Это произошло 29 мая. Карлъ-Альбертъ явился слишкомъ поздно для того, чтобы спасти волонтеровъ отъ полнаго пораженія. Въ ближайшій день между Карломъ-Альбертомъ и Радецкимъ произошла кровавая битва, не приведшая къ рѣшающему результату. Крѣпость Пескіера хотя и была отнята у австрійцевъ, но все же и Карлъ-Альбертъ и Радецкій занимали свои старыя позиціи, и сардинскій король былъ занятъ главнымъ образомъ объединеніемъ, путемъ государственнаго договора, Ломбардіи и Сардиніи. Временное правительство произвело плебисцитъ, и большинство голосовъ высказалось за присоединеніе къ Сардиніи. Общее учредительное собраніе должно было въ дальнѣйшемъ разработать конституцію новаго государства.

Тѣмъ временемъ Радецкій устремился въ Венеціанскую область и за исключеніемъ самой Венеціи совершенно ее отвоевалъ. Благодаря этой побѣдѣ, онъ пріобрѣлъ чрезвычайно выгодный базисъ для своихъ операцій, въ то время, какъ Сардинскій король не сдѣлалъ ничего изъ того, что на него возлагали обязанности полководца. Если бъ не было данныхъ за то, что блескъ ломбардской короны привлекъ Карла-Альберта, то было бы очень легко утверждать, что этотъ несчастный человѣкъ только для того сталъ во главѣ итальянскаго движенія, чтобъ совершенно подавить его. Около этого времени снова вспыхнула борьба между неаполитанскимъ королемъ и сицилійцами, послѣ кроваваго подавленія демократическаго возстанія, происшедшаго 15 мая въ Неаполѣ. Какъ только австрійское войско, усиленное новыми подкрѣпленіями, перешло въ наступленіе, исчезли всякіе успѣхи итальянцевъ въ Ломбардіи. Одновременно вспыхнуло другое національное возстаніе, именно въ Познани; возстаніе было вызвано революціей въ Пруссіи.

Какъ мы уже упоминали, въ 1846 г. въ Польской области былъ открытъ заговоръ общества, ставившаго своей цѣлью „національное возрожденіе Польши“; значительное число заговорщиковъ были присуждены къ жестокимъ наказаніямъ, но революція 18 марта возвратила имъ свободу. Когда прусскій король провозгласилъ, что онъ станетъ во главѣ національнаго нѣмецкаго движенія, полякамъ показалось, что наступилъ моментъ потребовать возстановленія Польши. Обѣщаніе реорганизаціи великаго герцогства познанскаго не удовлетворило Польши, такъ какъ поляки мечтали о возстановленіи всего стараго польскаго королевства; притомъ франкфуртскій предварительный парламентъ высказался за возстановленіе Польши; вообще эта идея встрѣчала очень сочувственное отношеніе въ Германіи, особенно въ либеральныхъ и демократическихъ кругахъ. Было ясно, что раздробленіе несчастной страны было не только вопіющей несправедливостью, но также большой ошибкой, благодаря которой Европа лишилась своей прочнѣйшей крѣпости противъ русскаго колосса. Никогда это обстоятельство не давало такъ остро чувствовать себя, какъ въ тотъ моментъ, который мы теперь переживаемъ, моментъ, когда военная угроза со стороны Россіи

стоитъ страшнымъ призракомъ передъ всей Европой. Въ 1848 г., всѣ либеральныя и демократическія стремленія имѣли въ лицѣ Россіи своего смертельнаго врага. Поляки Прусской области, требовавшіе возстановленія всей Польши, естественно должны были столкнуться съ познанскими нѣмцами, интересы которыхъ лежали совсѣмъ въ другой плоскости, чѣмъ интересы поляковъ; кромѣ того, планъ возрожденія Польши угрожалъ опасностью войны съ Россіей; познанскіе нѣмцы естественно хотѣли остаться въ Германіи. На этой почвѣ широко и страстно развернулись національныя противорѣчія; фанатизмъ и тѣхъ и другихъ, поляковъ и нѣмцевъ, доводилъ ихъ до варварскихъ жестокостей. Они не останавливались передъ убійствами и поджогами, и снова, благодаря неблагопріятному моменту и путаницѣ отношеній, улетучилась идея возрожденія Польши.

Въ то время, какъ поляки вооружались, въ Познань прибылъ прусскій комиссаръ генералъ фонъ-Виллизенъ съ цѣлью реорганизовать великое герцогство. Онъ хотѣлъ примирить поляковъ съ нѣмцами, но разыгравшійся уже національный фанатизмъ заставилъ его перессориться и съ тѣми и съ другими. Когда онъ запретилъ являться съ оружіемъ на собранія, ему никто не подчинился.

22 апрѣля западная часть великаго герцогства Познанскаго была включена, правда, въ составъ германскаго союза, но раздѣлъ Познани, въ его проектированномъ видѣ, очень раздражалъ поляковъ, такъ какъ имъ доставалась всего одна треть Познани, а нѣмцамъ двѣ трети. Кромѣ того, въ нѣмецкую часть по проекту раздѣла должны были войти округа, бывшіе польскими по большинству населенія. Въ результатѣ—дѣло дошло до возстанія, и прусское правительство рѣшило подавить его силой оружія. Прусскія войска взяли приступомъ Ксіонсъ, гарнизонъ котораго отчасти взяли въ плѣнъ, отчасти умертвили. Польскіе отряды волонтеровъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ вооруженные только косами, геройски сражались съ пруссаками. 30 апрѣля Мирославскій разбилъ при Милославѣ пруссаковъ подъ начальствомъ генерала фонъ-Блюменъ и отбросилъ ихъ обратно къ Шродѣ. Но военное счастье измѣнило этому солдату революціи на этотъ разъ точно такъ же быстро, какъ и въ его позднѣйшихъ походахъ. Пруссія прислала большія подкрѣпленія въ возставшую провинцію и объявила Познань въ осадномъ положеніи. Положеніе вещей быстро измѣнилось въ неблагопріятномъ направленіи для возставшихъ поляковъ, и командовавшій главными польскими силами, полковникъ Бржезанскій, принужденъ былъ просить капитуляціи. 11 мая Мирославскій потерпѣлъ пораженіе при Рогалинѣ; его волонтеры разсѣялись, и самъ онъ попался въ плѣнъ, откуда впрочемъ скоро освободился. 12 мая при Экснинѣ произошло еще одно сраженіе, при которомъ поляки снова потерпѣли пораженіе, и на этомъ возстаніе кончилось. Что же касается „реорганизаціи“ — она отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть.

Положеніе поляковъ, благодаря ихъ стремленію возстановить старую Польшу, было тѣмъ болѣе невыгодно, что, начиная возстаніе въ Познани, они были вынуждены вести борьбу одновременно и съ Пруссіей и съ Россіей. Въ русской Польшѣ, Паскевичъ, побѣдитель возстанія 1831 г., сосредоточилъ столько русскаго войска, что тамъ нечего было и помышлять о возстаніи поляковъ.

Стремленія поляковъ возстановить самостоятельность Польши были такъ же справедливы, какъ и соотвѣтствующія стремленія въ Шлезвигъ-Голштиніи, тѣмъ болѣе, что поляки были насильно подчинены Пруссіи, въ то время какъ Шлезвигъ-Голштинія была связана съ Даніей договоромъ; но, несмотря на все это, съ польскимъ національнымъ движеніемъ Пруссія боролась, а шлезвигъ-голштинское—поддерживала. Противорѣчія въ дѣйствительности въ этомъ поведеніи Пруссіи нѣтъ—оно чисто внѣшнее. Самостоятельность Польши означала отдѣленіе ея отъ Пруссіи, самостоятельность же Шлезвигъ-Голштиніи, въ виду ея тяготѣнія къ Пруссіи, открывала прусскимъ государственнымъ мужамъ перспективу ея присоединенія. Вотъ чѣмъ болѣе, чѣмъ достаточно, объясняется готовность Пруссіи помочь „отторгнутому родственному племени".

Сентиментальность нѣмецкаго филистера, равнодушно смотрѣвшаго на подавленіе польскаго возстанія, была сильно затронута, когда по Германіи прокатилось: „Шлезвигъ-Голштинія, моремъ объятая". По своему ближайшему результату „національное" возстаніе Шлезвигъ-Голштиніи могло бы лишь увеличить однимъ членомъ семью нѣмецкихъ мелкихъ государствъ; но такъ какъ оно носило династическій характеръ, то этого было достаточно, чтобы привлечь на его сторону симпатіи филистеровъ, которые стали уже опасаться стремленій къ свободѣ, а потому искали въ монархіи опоры противъ угрожавшей имъ, по ихъ мнѣнію, анархіи. И тѣмъ не менѣе въ Шлезвигъ-Голштинію устремилось множество воодушевленной молодежи, убѣжденной въ томъ, что разгорѣвшаяся борьба имѣетъ своей цѣлью свободу. Въ результатѣ, движеніе въ самой Германіи потеряло много цѣнныхъ силъ.

Лишенное всякой энергіи, временное правительство въ Рендсбургѣ не могло сорганизовать продолжительнаго сопротивленія Даніи; между тѣмъ помощь изъ Пруссіи подходила очень медленно, и прусское правительство прежде всего хотѣло получить отъ союзнаго сейма ясное полномочіе взять въ свои руки шлезвигъ-голштинское дѣло. Вторженіе въ Данію имѣло для Пруссіи еще одну цѣль — именно помѣшать движенію въ Германіи войти въ демократическое и республиканское русло. Такой возможности, однако, и не предвидѣлось. То обстоятельство, что временное правительство поверглось въ прахъ передъ Пруссіей, вызвало недовѣріе и зависть со стороны Англіи, Швеціи и Россіи, которыя не желали и боялись усиленія Пруссіи.

Сначала главнокомандующимъ прусскаго вспомогательнаго войска долженъ былъ быть прусскій принцъ, но вслѣдствіе его отказа былъ назначенъ генералъ Врангель. Оригинальная и въ свое время очень популярная личность, этотъ генералъ былъ воякой стараго типа, заимствовавшій впрочемъ изъ школы Блюхера не стратегическій геній, а смѣшеніе словъ „мнѣ" и „меня", а также плоскія казарменныя остроты. Въ рядахъ его войскъ находился и берлинскій гвардейскій полкъ, 18 марта сражавшійся съ революціонерами, а теперь отправлявшійся въ Шлезвигъ-Голштинію на помощь революціонному правительству и волонтерамъ противъ датскаго короля.

Но прежде, чѣмъ явился Врангель, датчане очень быстро собрались въ походъ какъ морскимъ, такъ сухимъ путемъ и напали на Шлезвигъ-Голштинію. Принцъ Ноэрскій, которому временное прави-

тельство поручило организацію военныхъ силъ, не принадлежалъ къ числу тѣхъ, на чьи призывы стекается армія. Въ его распоряженіи имѣлся маленькій корпусъ, составленный большей частью изъ волонтеровъ, студентовъ, охотниковъ и т. д. Онъ занялъ прикрытую позицію при Фленсбургѣ.

Силы же датчанъ состояли изъ 10.000 человѣкъ съ 30 орудіями и 5 военными кораблями въ Фленсбургской гавани. И неудивительно, что, напавъ 9 апрѣля на непредусмотрительно выдвинувшихся шлезвигъ-голштинцевъ, они разбили ихъ въ кровавомъ сраженіи при Бау и отбросили съ позиціи. Шлезвигъ-голштинцы, потерпѣли тяжелый уронъ и, такъ какъ среди мертвыхъ было много сыновей изъ семействъ, занимавшихъ видное положеніе въ обществѣ, то горе было несравненно сильнѣе, чѣмъ если бъ погибли только пролетарскія и крестьянскія дѣти. Къ плѣнникамъ датчане относились съ варварской жестокостью. Значительная часть Шлезвигъ-Голштиніи была занята датчанами.

Дальнѣйшія движенія датчанъ были остановлены какъ сильными укрѣпленіями, занятыми отступившими шлезвигъ-голштинцами, такъ и прибытіемъ прусскихъ и другихъ союзныхъ войскъ*).

Во вторженіи Врангеля въ Шлезвигъ-Голштинію, Данія увидѣла объявленіе войны, а потому конфисковала собственность нѣмецкихъ государствъ, находившуюся въ предѣлахъ Даніи. 23 апрѣля Врангель напалъ на знаменитыя Данневиркскія укрѣпленія у Шлезвига и взялъ ихъ приступомъ послѣ горячаго сраженія. Отступленіе датчанъ было просто бѣгствомъ и окончилось бы полнымъ пораженіемъ, если бы преслѣдованіе велось болѣе энергично. Но Врангель, котораго называли „генераломъ Друффомъ“, неудачно подражая прозвищу, данному Блюхеру „маршалъ Форвэртсъ“, очевидно имѣлъ очень ограниченныя полномочія. Въ отвѣтъ на просьбу принца Ноэртскаго продолжать преслѣдованіе датчанъ за предѣлы города Шлезвига, онъ грубо сказалъ: „Нѣтъ,—здѣсь вы ограничитесь“. Тѣмъ не менѣе, еще въ тотъ же день Шлезвигъ былъ осажденъ, а 25 апрѣля взятъ и Фленсбургъ. Датчане, начавшіе теперь оперировать преимущественно на морѣ, объявили блокаду противъ нѣмецкихъ береговъ по Сѣверному и Балтійскому морямъ, чѣмъ нанесли неисчислимый вредъ нѣмецкой торговлѣ, и хотя союзный сеймъ постановилъ 8 мая конфискацію всей датской собственности въ нѣмецкихъ гаваняхъ, но это имѣло чрезвычайно малое значеніе въ сравненіи съ тѣмъ, что Данія съ своимъ флотомъ владычествовала надъ нѣмецкимъ моремъ, въ то время, какъ Германія совсѣмъ не имѣла военныхъ кораблей.

Врангель перешелъ сѣверную границу Шлезвига и вторгся въ Ютландію. Онъ занялъ Кольдингъ и Фридерицію и обложилъ ихъ кон-

---

*) Въ своемъ извѣстномъ произведеніи о шлезвигъ-голштинской войнѣ, графъ Бодиссенъ такъ характеризуетъ тогдашнихъ офицеровъ, участниковъ войны: „Лишь очень незначительная часть иностранныхъ офицеровъ имѣли представленіе о положеніи вещей въ королевствѣ; большинство же думало, что шлезвигъ-голштинцы—и н с у р г е н т ы, и они испытывали очень тяжелое ощущеніе, вспоминая, что въ Берлинѣ они сражались противъ бунтовщиковъ, а здѣсь на Эйдерѣ ведутъ борьбу въ защиту революціи“. Изъ этого все же видно, что прусскіе офицеры гораздо лучше оріентировались въ окружавшей ихъ дѣйствительности, чѣмъ наивные шлезвигъ-голштинскіе патріоты, не видѣвшіе инсуррекціи въ своемъ отечествѣ.

трибуціей въ два милліона талеровъ. Но тутъ вмѣшалась дипломатія и пришлось остановиться. Борьба въ Ютландіи приняла явный характеръ войны между прусскимъ и датскимъ кабинетами и были основанія опасаться вмѣшательства Швеціи и Россіи въ интересахъ Даніи. Это вмѣшательство прусская дипломатія хотѣла устранить, но въ то же время ей было нежелательно предоставить самому себѣ шлезвигъ-голштинское движеніе. Вотъ почему ухватились за демаркаціонную *) линію, которая должна была служить границей, отдѣляющей часть спорной области, занятой населеніемъ, говорящимъ по-нѣмецки, отъ другой части, съ датской разговорной рѣчью. Въ то время какъ герои по части словъ, члены комиссіи пятидесяти превозносили Врангеля, какъ борца за „свободу, порядокъ и народныя права", онъ отступилъ за демаркаціонную линію. Его роль „революціоннаго полководца" не могла ему быть по душѣ. Датчане снова двинулись впередъ и добились нѣкоторыхъ выгодъ. Послѣ этого какъ бы само собой наступило военное затишье; собраніе шлезвигъ-голштинскихъ сословій въ Рендсбургѣ должно было яко бы рѣшить, какъ быть при новомъ положеніи вещей, но фактически это было рѣшено безчисленнымъ количествомъ нотъ между нѣмецкой, датской, шведской, русской и англійской дипломатіей.

Вредъ, причиненный нѣмецкой торговлѣ датскимъ морскимъ могуществомъ, выдвинулъ впередъ идею созданія нѣмецкаго флота. Инпціатива этого дѣла, закончившагося посмѣшищемъ для всего міра, принадлежала крупнымъ корабельщикамъ сѣвера. Они несомнѣнно были очень заинтересованы въ постройкѣ флота, такъ какъ они получали тогда защиту для своей торговли. Прокламаціей полной фразъ члены комиссіи 50 пошли навстрѣчу корабельщикамъ и крупнымъ промышленникамъ. Въ этой прокламаціи они вспомнили даже о старомъ Ганзейскомъ флотѣ. Но господа корабельщики и капиталисты, такъ ярко расписывавшіе ростъ нѣмецкаго могущества, благодаря созданію флота, были очень далеки отъ мысли использовать свой собственный карманъ для осуществленія этой заманчивой идеи; они обратились къ народнымъ массамъ, которыя грошами и полушками должны были доставить необходимыя средства. И добрый народъ ревностно давалъ. На каждомъ засѣданіи Франкфуртскаго парламента сообщалось о поступленіи пожертвованій на флотъ, въ размѣрѣ нѣсколькихъ гульденовъ или талеровъ. Дѣвушки, швейки и поденщики давали средства на созданіе флота, насущно необходимаго крупнымъ корабельщикамъ Гамбурга и Бремена. Патріотизмъ капиталистовъ не любитъ опустошеній своего кошелька, вотъ почему и въ данномъ случаѣ они подняли трезвонъ, подъ шумъ котораго обезпечили свои интересы. Попытка кончилась печально, какъ она и должна была кончиться **).

---

*) Этотъ жалкій выходъ былъ найденъ берлинскимъ демагогомъ Гельдомъ. Ниже мы остановимся на немъ подробнѣе.

**) Осмѣивая скупость тогдашней буржуазіи, одинъ юмористическій журналъ показывалъ, какъ буржуа сажаетъ жолудь въ землю въ надеждѣ увидѣть выросшій дубовый лѣсъ для германскаго флота.

Мѣщане и пролетаріи.

Побѣда народа въ Берлинѣ заключалась въ томъ, что 19 марта должны были удалиться войска изъ Прусской столицы. Съ внѣшней стороны, казалось, сами граждане сдѣлались господами прусскаго военнаго государства. Эта мысль получила какъ будто подтвержденіе даже въ королевской рѣчи, произнесенной 25 марта передъ гвардейскими офицерами, собравшимися въ Постдамскомъ дворцѣ. Онъ сказалъ, что среди берлинскихъ гражданъ господствуетъ блестящее воодушевленіе, подобнаго которому онъ не встрѣчалъ во всей міровой исторіи. „Я хочу потому"—подчеркнулъ король—„чтобы и офицерскій корпусъ проникся духомъ времени, какъ проникся имъ я, и чтобы вы всѣ могли сдѣлаться такими же вѣрными гражданами, какъ раньше были вѣрными солдатами".

Рѣчь эту офицеры выслушали, какъ говорится, „сдержанно". „Великолѣпное воодушевленіе" берлинскихъ гражданъ доставило имъ такое удовольствіе, о которомъ они сами даже не мечтали.

Мѣщанинъ остается вѣренъ себѣ, независимо отъ того, плохо или хорошо ему живется, сама природа какъ бы вложила въ него потребность подслуживаться. Лишь наканунѣ онъ съ удивительной торжественностью хоронилъ погибшихъ въ мартѣ, а непосредственно вслѣдъ затѣмъ онъ всѣми силами старается выразить свою любовь и симпатію къ войску. Уже 27 марта набралось 14.000 подписей „добрыхъ гражданъ", требовавшихъ возвращенія войскъ. Большинство подписавшихся составляли торговцы, которые не могли забыть прежнихъ своихъ покупателей-солдатъ; этому сорту людей дороги только ихъ коммерческія дѣла и всего меньше они думаютъ о свободѣ. Остальныя подписи принадлежали испугавшимся филистерамъ, въ первый разъ увидѣвшимъ большія грозныя толпы народа. Если уже внезапное паденіе курса на биржѣ внушило имъ жестокія опасенія, то вѣдь въ „анархіи", разыгрывавшейся передъ ихъ воображеніемъ, они видѣли полную потерю своего состоянія. Достаточно имъ было увидѣть на улицѣ группу изъ трехъ мирно стоящихъ рабочихъ, чтобы почуять начало новыхъ „возстаній". Ихъ страхъ былъ тѣмъ сильнѣе, что пролетаріатъ уже не скрывался, какъ прежде въ предмѣстьяхъ, а показывался въ самомъ городѣ. Голодные безработные пролетаріи, въ своихъ лохмотьяхъ, расхаживали „Подъ Липами", и „нытики" (Heuler), такъ называли филистеровъ въ противо-

положность крамольникамъ (Wühler), лишились спокойнаго сна. Если въ моментъ возбужденія говорятъ о народной нуждѣ, то никто не чувствуетъ себя такъ скверно, какъ биржевой спекулянтъ, ростовщикъ и рентьеръ. Даже во снѣ они прочно прижимаютъ къ себѣ свои „бумажки", отъ которыхъ зависитъ ихъ существованіе; ихъ души наполняются смертельнымъ ужасомъ при мысли о томъ, что революціонная буря можетъ унести ихъ сокровища. Эти люди естественно не могли удовлетвориться гражданскимъ ополченіемъ; оно представлялось имъ очень недостаточной гарантіей „порядка" въ тѣ революціонные дни; лишь подъ охраной пушекъ и штыковъ они могли чувствовать относительное спокойствіе.

Еще даже до похоронъ погибшихъ баррикадныхъ борцовъ 21 марта, было уже высказано желаніе возвращенія войскъ, при чемъ ветеринарный врачъ Урбанъ взялъ на себя роль выразителя этого желанія *). Этотъ удивительный человѣкъ, такъ геройски сражавшійся на баррикадѣ Александровской площади, немедленно послѣ побѣды народа взялъ на себя роль посредника между народомъ и властью и виднаго „дѣльца" во дворцѣ, что тотчасъ же лишило его народнаго довѣрія.

Новоиспеченное гражданское ополченіе, по крайней мѣрѣ главная часть его, высказалось за возвращеніе войскъ; то же самое сдѣлали магистратъ и городскіе представители, такъ что президенту полиціи не трудно было представить дѣло такимъ образомъ, что возвращенія войскъ желаютъ всѣ граждане.

Со стороны демократіи, только начинавшей организоваться, раздавались лишь слабые протесты. И вотъ, уже 30 марта въ Берлинъ возвратился 24-ый пѣхотный полкъ, нѣсколько позже 2 батальона 9 полка вмѣстѣ съ уланскимъ полкомъ.

Какъ могъ жить истый берлинскій филистеръ, завсегдатай пивной, безъ военныхъ парадовъ? Какъ могли обойтись красавицы безъ военныхъ мундировъ, какъ могли происходить аристократическіе балы безъ блестящихъ танцоровъ-лейтенантовъ? Войско встрѣтило со стороны филистерскаго гражданскаго ополченія торжественный пріемъ, и у ботаническаго сада командиръ возвращающихся войскъ, полковникъ Эргардтъ, сказалъ:

„Друзья, мы идемъ къ вамъ, чтобы вмѣстѣ съ вами обезпечить спокойствіе и порядокъ и помочь развиваться *новому духу*".

Словно музыка прозвучали эти слова въ ушахъ мѣщанства. Тѣмъ не менѣе нѣкоторымъ офицерамъ, высказавшимся послѣ нѣсколько опредѣленнѣе по поводу „развитія новаго духа", пришлось подать въ отставку. Среди нихъ былъ извѣстный фонъ-Орги.

---

*) 21 марта Урбанъ, котораго офиціальное сообщеніе назвало „начальникомъ баррикадъ" и „народнымъ трибуномъ", *на колѣняхъ* умолялъ короля возвратить войска. Въ отвѣтъ на эту просьбу Фридрихъ-Вильгельмъ IV далъ ему записку слѣдующаго содержанія:

„Охотно иду навстрѣчу желанію ветеринарнаго врача Урбана возвратить немедленно въ Берлинъ войска, расположенныя въ Потсдамѣ и окрестностяхъ, именно, Гренадерскій полкъ Александра II.

Собственноручно 21 марта 1848 года Фридрихъ-Вильгельмъ". Съ этой запиской Урбанъ и портной Экертъ направились къ президенту полиціи, благодаря предусмотрительности котораго удалось на время задержать использованіе этой записки.

Тѣмъ временемъ была завершена, подъ руководствомъ шефа полиціи фонъ-Минутоли, организація народнаго ополченія. Въ его ряды вошли буржуа, ремесленники, студенты, королевскіе и муниципальные чиновники, художники и даже гимназисты,—всѣ они горѣли желаніемъ охранять „общественное спокойствіе“ и оберегать „личность и собственность“. Имъ было выдано изъ цехгауза оружіе. Такимъ образомъ, организовалась сила въ 62.000 человѣкъ, но это было не вооруженіе народа, а вооруженіе буржуазіи, бюрократіи и мѣщанства. Уже одно то обстоятельство, что организація гражданскаго ополченія была произведена президентомъ полиціи, было очень характерно для этого института, который скоро проявилъ почти исключительно одну полицейскую дѣятельность. Вооруженные мѣщане были неумолимы въ обнаруженіи и задержаніи „крамольниковъ“ и въ подавленіи „мятежей“. Въ каждомъ пролетаріи они видѣли „анархиста“, и со всей жестокостью буржуа, дрожащаго за свои золотые мѣшки, набрасывались на малѣйшіе признаки пролетарскаго движенія. Уже въ первые дни выяснилось, что дѣятельность гражданскаго ополченія всего меньше направлялась въ защиту завоеванной свободы, что, наоборотъ, оно стремилось насильно задержать всякое проявленіе самостоятельности въ пролетаріатѣ. Правда, среди гражданскаго ополченія попадались и искренно демократическіе элементы, но они составляли незначительное меньшинство; существовала радикальная группа и среди вооруженнаго студенчества, но въ общемъ и цѣломъ гражданское ополченіе состояло изъ такихъ фанатиковъ „спокойствія“ и „порядка“, что оно избрало своимъ командиромъ сначала президента полиціи, а затѣмъ генерала фонъ-Ашова. Это вооруженное филистерство подготовило почву реакціи, чтобы въ рѣшительный моментъ трусливо и позорно уйти съ арены своей дѣятельности.

Въ то время какъ вооруженное мѣщанство, полное напыщеннаго тщеславія въ сознаніи своихъ „завоеваній“ щеголяло по улицамъ, собственно народъ, рабочій классъ съ бѣднѣйшими гражданами, былъ исключенъ изъ такъ называемаго народнаго вооруженія. Они не имѣли времени стоять на караулѣ, участвовать въ маневрахъ, такъ какъ должны были попрежнему много и долго работать, чтобы имѣть возможность жить. Почти по всей Германіи произошло то же самое; нигдѣ, за исключеніемъ очень немногихъ счастливыхъ исключеній, народъ не получилъ оружія, а гражданское ополченіе исполняло полицейскія обязанности противъ пролетаріата.

Въ эти дни въ Берлинѣ политическая жизнь била ключомъ. Газеты пользовались свободой печати, стѣны были покрыты политическими плакатами и афишами, почти каждый вечеръ происходили собранія, образовывались клубы и союзы, среди нихъ и политическій клубъ, скоро превратившійся въ демократическій клубъ, поставившій своей задачей защищать мартовскія завоеванія. Здѣсь собралась буржуазная демократія; президентомъ былъ избранъ уже упоминавшійся нами асессоръ Юнгъ, участниками его были писатели Гельдъ, Эйхлеръ, Г. Б., Оппенгеймъ и др. Черезъ посредство нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ, политическій клубъ былъ связанъ съ рабочими, и ему часто удавалось привлечь ихъ къ своимъ демонстраціямъ. Идеи соціальной реформы, обсуждавшіяся въ клубѣ, отличались пустотой и незрѣлостью, что для того времени не было удивительнымъ.

Въ конституціонномъ клубѣ объединилась буржуазія, которая не могла себѣ представить „гражданской свободы“ безъ филистерскаго „порядка“. Президентомъ былъ извѣстный г-нъ Летте, который позже во франкфуртскомъ парламентѣ присоединился къ партіи Гагерна, и чьи стремленія облегчить участь рабочаго класса такъ горячо прославлялись буржуазіей. Это естественно, такъ какъ во главу угла своихъ попеченій о рабочемъ классѣ онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ни на іоту не пострадала прибыль капиталиста. Этотъ клубъ содѣйствовалъ реакціи подготовить почву для переворота.

Среди всѣхъ этихъ теченій вдругъ появился на сцену рабочій вопросъ, не пришедшійся очень по душѣ демократическимъ и либеральнымъ филистерамъ. Въ новомъ положеніи вещей они видѣли какую-то политическую аркадію, въ которой они хотѣли прославить себя и свои завоеванія, оставляя въ сторонѣ всякіе соціально-политическіе вопросы; вѣдь послѣдніе потребуютъ много труда, много знаній, что вмѣстѣ взятое причиняетъ, несомнѣнно, головную боль. Но голодный желудокъ заставилъ рабочихъ предъявить новому времени и свои требованія. Буржуазныя газеты, восторженно расхваливавшія поведеніе рабочихъ во время великой борьбы, выражали теперь свое удивленіе тому, что и рабочіе пришли потребовать свою часть въ побѣдѣ. Забавно смотрѣть, съ какимъ усердіемъ „добрые граждане“ старались уговорить рабочихъ не вмѣшиваться въ общественныя дѣла. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи ни съ чѣмъ не сравнимой мѣщанской наглости. Такъ, какой-то д-ръ Морисъ Левинсонъ, предварительно раскланявшись передъ рабочими, сдѣлавъ нѣсколько комплиментовъ ихъ великодушію, обращается къ нимъ съ совѣтомъ: „*Возвращайтесь, каждый, къ своей работѣ!* Не ждите никакихъ подарковъ, никакихъ милостей; вы не должны пользоваться ими; только тогда, когда вы снова скажете—„*я живу только своимъ трудомъ*“, будутъ обезпечены всѣ ваши завоеванія, только тогда вы сохраните въ себѣ всю гордость свободнаго, независимаго человѣка“. А извѣстный писатель Эрнстъ Коссакъ заявилъ, что, будучи самъ бѣднякомъ, онъ все же обращается къ рабочимъ съ призывомъ: „*теперь не можетъ итти рѣчь ни о какомъ повышеніи заработной платы, ни о какой бы то ни было бездѣятельности!* Рабочіе, въ эти дни муки родовъ великаго будущаго, вы, сохраняя порядокъ и прилежно работая, вы дадите доказательство исторіи, что вы умѣете трудиться и жить во имя свободы вашего народа“.

Такимъ образомъ, эти благородныя души были увѣрены, что только имъ вручена, очевидно, божественнымъ провидѣніемъ миссія созданія новаго порядка вещей; рабочіе же по прежнему должны были молчаливо работать и безропотно подчиняться тому, что рѣшатъ господа мѣщане. Но рабочіе и такъ думали только о работѣ, которая давала имъ пропитаніе, такъ какъ тысячи изъ нихъ не имѣли никакого заработка, а для другихъ онъ былъ болѣе, чѣмъ недостаточенъ.

Но такъ какъ фразы фанатиковъ спокойствія не произвели никакого впечатлѣнія на рабочихъ, ветеринарный врачъ Урбанъ и его другъ Экертъ получили разрѣшеніе созвать 26 марта на площади передъ Шенгаузскими воротами большое собраніе для обсужденія во-

проса о томъ, что должно быть принято для борьбы съ нуждой среди рабочей массы. Каждое ремесло должно было формулировать свои требованія и послать ораторовъ, что и было сдѣлано. Предварительно „народный трибунъ“ Урбанъ вошелъ въ соглашеніе по поводу этого собранія съ полиціей и другими властями. Онъ, очевидно, хотѣлъ использовать собраніе въ цѣляхъ манифестаціи въ пользу возвращенія войскъ, но его постигла неудача въ виду общаго настроенія противъ этого возвращенія.

26 марта къ Шенгаузскимъ воротамъ устремились громадныя толпы народа; размѣры толпы по сообщеніямъ колебались между 10 и 20 тысячами. Ораторская трибуна была устроена на площади у такъ называемаго „одинокаго тополя“ и украшена черно-красно-золотымъ знаменемъ.

Дебаты собранія раскрыли и обнаружили передъ всѣми міръ рабочаго, его мысли и надежды. Много комичнаго и глупаго было сказано; особенно отличились въ этомъ направленіи „успокоители“, которыхъ здѣсь было предостаточно, такъ какъ на собраніи присутствовало много буржуа, мастеровъ и мѣщанъ. Но этимъ господамъ не удалось смутить рабочихъ, которые все же высказали свои требованія.

Одинъ строительный рабочій требовалъ повышенія платы и сокращенія рабочаго времени: „14 часовъ работы — очень много; если прибавить къ этому проходъ на работу и обратно, то выйдетъ около 18 часовъ; отецъ семейства не слышитъ даже лепета дѣтей своихъ“. Машиностроительный рабочій, борецъ на баррикадахъ, Зигеристъ требовалъ образованія министерства труда, 10 час. рабочаго дня, 4 талеровъ платы и самоуправленія кассъ. Типографскій рабочій Брилль требовалъ меньше затратъ на правительственныя нужды, но рекомендовалъ рабочимъ только „самопомощь“. Рабочій Фогель нарисовалъ положеніе рабочаго, его нуждъ и потребностей. „Слушайте, что нужно ежедневно рабочему: 3 пфен. на кофе, 3 пф. на хлѣбъ къ первому завтраку — правда это немного?! Ко второму завтраку я считаю на 6 пф. хлѣба, 6 пф. на масло и 6 пф. на напитки — пиво или водку—такъ какъ вы согласитесь со мной, что нельзя же ѣсть хлѣбъ въ сухомятку. Затѣмъ обѣдъ; если принять во вниманіе теперешнюю дороговизну, то нужно не меньше 2 съ половиной зильбергрошей. На полдникъ я считаю столько же, сколько на первый завтракъ, а ужинъ сравниваю со вторымъ завтракомъ; такимъ образомъ, всего выходитъ 6 съ половиной зильбергрошей; но вѣдь это еще не все! Не можемъ же мы ходить голышемъ. Каждому изъ насъ нужно платье, обувь, носовой платокъ, рубаха. Въ плохую погоду далеко не вреднымъ казалась бы пара чулокъ. Ну, а стирка бѣлья, починка одежды, и, наконецъ, 4 тяжелыхъ безработныхъ зимнихъ мѣсяца? Какъ быть, что дѣлать? И если съ грѣхомъ пополамъ, холостой еще вывернется—мыслимо ли это перенести отцу семейства? И неудивительно, что тотъ, кто не въ состояніи справиться съ этой нуждой, идетъ на преступленіе“ *).

*) Въ этой простой, но убѣдительной рѣчи бѣднаго поденщика, гораздо больше экономической мудрости, чѣмъ во многихъ длинныхъ, напичканныхъ лицемѣрными тирадами „народно-хозяйственныхъ“ изслѣдованій высокоум-

Рабочій Бпеки, сражавшійся на баррикадахъ, требовалъ министерство труда изъ рабочихъ и работодателей и домъ для инвалидовъ рабочихъ. Одинъ маляръ высказался противъ каторжныхъ работъ, его поддержалъ одинъ прядильщикъ шелку. Столяры требовали 25 зильбергрошей заработной платы и 12 часовъ труда, позументщикъ и нѣкоторые другіе ремесленники — запрещенія женскаго труда. „Баррикадный герой“ Гессе, уже на половину обойденный буржуазіей, предостерегалъ отъ „эгоизма“ и рекомендовалъ прежде всего требовать отъ короля всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Печатники ситца, 800 человѣкъ, изъ которыхъ уже цѣлые годы работу имѣли въ достаточномъ количествѣ лишь 150 чел., требовали сокращенія числа машинъ и двухнедѣльнаго объявленія впередъ о разсчетѣ, а также запрещенія женскаго труда. „Хлѣба или смерть“, кончилъ ихъ ораторъ Цигельбейнъ. Собраніе рѣшило требовать: 1) Министерства труда изъ рабочихъ и хозяевъ. 2) Сокращенія постоянной арміи. 3) Народнаго образованія. 4) Заботы объ инвалидахъ труда. 5) Сговорчиваго правительства. 6) Созыва новаго ландтага, выбраннаго народомъ при всеобщемъ активномъ и пассивномъ избирательномъ правѣ. Рабочіе, непривыкшіе къ такимъ собраніямъ, могли, правда, высказать свои желанія, но не формулировать ихъ. Собраніе у „одинокаго тополя“ въ первый разъ дало возможность рабочимъ высказаться во всю. Рѣшенія передали королю черезъ двѣ депутаціи. Первой онъ сказалъ: „Я люблю народъ больше, чѣмъ онъ можетъ любить меня“. — Второй онъ замѣтилъ, что всеобщее обученіе народа и сговорчивое министерство не совмѣстимы; предложенія были переданы на разсмотрѣніе надлежащимъ властямъ.

Муниципальныя власти занимались изысканіемъ мѣръ противъ нищеты и безработицы пролетаріата. Частная благотворительность, сборы, раздача марокъ на хлѣбъ и супъ — не покрывали нужды. Въ нѣкоторыхъ ремеслахъ, напримѣръ, у слесарей и шелкоткачей была постановленіемъ цеховъ повышена заработная плата; точно также сильно было сокращено рабочее время. Но за всѣмъ этимъ оставалась громадная армія безработныхъ, которымъ нужно было дать работу, и магистратъ предпринялъ цѣлый рядъ построекъ, земляныхъ работъ, сооруженіе каналовъ; съ своей стороны государство приняло цѣлый рядъ такихъ мѣръ. Мало-по-малу, такимъ образомъ, берлинская коммуна дала работу до 2500 рабочимъ, а государство 3000 рабочимъ.

Поденная плата достигала отъ 12 съ половиной до 15 зильбергрошей. Чтобы помѣшать сильному притоку безработныхъ въ Берлинъ, г-на Минутоли уполномочили принять „соотвѣтствующія мѣры“ и въ то же самое время, когда со всѣхъ сторонъ раздавались торжественные гимны только что завоеванной свободѣ, берлинская полиція прибѣгала къ старому жестокому средству борьбы съ „чужими“ безработными—именно высылали ихъ изъ Берлина.

Наибольшей извѣстностью изъ всѣхъ группъ рабочихъ, занятыхъ общественными работами, пользовались такъ называемые ребергцы, называвшіеся такъ по имени мѣста ихъ работы — Козульихъ горъ

ныхъ профессоровъ. Какъ скромны эти требованія, высказанныя рабочими, и тѣмъ не менѣе, какъ раньше такъ и теперь рабочихъ упрекали въ „жадности“.

(Rehberge). Козульи горы находились на разстояніи одной мили отъ тогдашняго Берлина, около Ораніенбургскихъ воротъ; работа состояла въ томъ, чтобы распланировать это мѣсто, расчистивъ предварительно сосновый лѣсъ. По вечерамъ рабочіе уносили съ собой обрубки изъ лѣса. Демократы, объединявшіеся въ политическій клубъ, искали для себя въ этихъ рабочихъ вспомогательныхъ силъ, но это имъ удалось лишь отчасти. Наибольшей популярностью среди ребергцевъ пользовался молодой сынъ уже упоминавшагося демократа Шлеффеля, который, несмотря на свою молодость, лишь одинъ изъ всѣхъ берлинскихъ политическихъ вождей понялъ природу современнаго капитализма и пытался потому бороться съ нимъ соотвѣтствующими средствами. И неудивительно, что бюрократія и буржуазія должны были очень скоро обезвредить его.

Въ своихъ высокихъ сапогахъ, съ краснымъ пѣтушинымъ перомъ *) на шляпѣ ребергцы наводили ужасъ на мѣщанъ, представляясь имъ какими-то привидѣніями среди бѣлаго дня. Вотъ какъ описывалъ ихъ одинъ демократическій писатель **):

„Эти дикія фигуры, на половину лошади, на половину аллигаторы, съ лицами, загорѣвшими отъ солнца и водки, не бритыя, въ рваныхъ сюртукахъ, рѣдко одѣтыя въ блузы, въ желтыхъ соломенныхъ шляпахъ съ пучкомъ перьевъ на нихъ, съ вызывающей страхъ дубиной—были долгое время опорой „крамолы“ и ужасомъ для реакціи и слабодушныхъ“.

Когда вспомнишь, какъ безчеловѣчно обращалось съ рабочими вооруженное мѣщанство, то вполнѣ оправдываешь рабочихъ за то, что они запасались палками, не имѣя никакого другого оружія. Эти общественныя работы были для правительства средствомъ выйти изъ затруднительнаго положенія и ставили себѣ цѣлью давать работу рабочимъ до тѣхъ поръ, пока не утихнетъ революціонная буря. Въ Берлинѣ, Вѣнѣ и, въ особенно крупныхъ размѣрахъ, въ Парижѣ продѣлывался одинъ и тотъ же опытъ, и этотъ опытъ, въ особенности парижскія національныя мастерскія, идея которыхъ ошибочно приписывается Луи Блану, считается поверхностными людьми „соціалистическимъ“. Національныя мастерскія, учрежденныя въ Парижѣ согласно декрету 6 марта 1848 года, подписанному буржуазнымъ республиканцемъ и антисоціалистомъ Мари, имѣли такъ же мало общаго съ соціализмомъ, какъ и земляныя работы въ Вѣнѣ и Берлинѣ; вмѣсто частнаго предпринимателя здѣсь выступило классовое государство, которое предоставило рабочимъ работу, къ тому же отчасти и непроизводительную, въ вознагражденіе за обычную плату. Историкамъ-филистерамъ не мѣшаетъ помнить при обсужденіи сущности національныхъ мастерскихъ, что соціалистическая форма производства совершенно исключаетъ систему наемнаго труда. Національныя мастерскія были сооружены для борьбы съ соціализмомъ. Внезапно закрывъ ихъ, правительство провоцировало ужасную іюньскую катастрофу, ко-

*) Такъ, однажды описывалъ ихъ Бисмаркъ въ рейхстагѣ.

**) Робертъ Шприигеръ въ своей книгѣ: „Берлинскія улицы, кабачки и клубы въ 1848 г.“.

торая закончилась кровавымъ подавленіемъ пролетаріата, но также и разгромомъ республики *).

2 апрѣля въ Берлинѣ собрался соединенный ландтагъ. Демонстраціи демократіи противъ этого устарѣлаго института ни къ чему не привели. Народъ очень мало интересовался преніями собранія, которое теперь было уже открытымъ для публики. Мартовскій министръ Кампгаузенъ въ своей рѣчи передъ открытіемъ засѣданія заявилъ, что *мартовская революція представляетъ собой фактъ, указывающій на могучее, ясно выраженное общественное мнѣніе*. Въ своемъ отвѣтномъ адресѣ королю, ландтагъ присоединился къ этому заявленію. Даже часть аристократіи была захвачена духомъ времени. Маршалъ ландтага князь Зольмсъ высказался противъ привилегій дворянства и заявилъ, что время требуетъ пожертвовать ими для блага отечества, а оберъ-президентъ фонъ-Медингъ открыто сознался въ своихъ конституціонныхъ убѣжденіяхъ; наконецъ, даже высоко консервативные юнкера, среди нихъ и Отто фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ, обѣщали мартовскому министерству свою поддержку, и только господинъ фонъ-Тадденъ-Триглавъ сдѣлалъ замѣчательное заявленіе, что и онъ также стоитъ за свободу печати, но только въ томъ случаѣ, *если немедленно будетъ воздвигнута висѣлица для наказанія „преступниковъ печати“*.

Соединенный ландтагъ, въ сознаніи полной безнадежности своего положенія, самъ приговорилъ себя къ смерти. Онъ принялъ предложенный ему избирательный законъ, по которому должно было быть избрано собраніе для выработки *соглашенія* о государственномъ устройствѣ Пруссіи. Этотъ избирательный законъ, замѣненный въ маѣ 1849 года „самымъ жалкимъ изъ всѣхъ избирательныхъ законовъ“—трехклассной системой, былъ основанъ на косвенныхъ выборахъ, что соотвѣтствовало, такимъ образомъ, желаніямъ буржуазіи, которая въ согласіи съ министерствомъ Кампгаузена заявила, что народъ еще не доросъ до прямыхъ выборовъ **). Къ тому же для будущаго прусскаго представительнаго собранія поддерживался принципъ *соглашенія*, который означалъ, что необходимо согласіе короля для принятія того или иного порядка государственнаго устройства, и это вмѣсто того, чтобъ считать собраніе учредительнымъ. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, къ какимъ конфликтамъ долженъ былъ привести этотъ принципъ соглашенія.

Въ такъ называемомъ „законѣ шести параграфовъ“ была возвѣщена свобода печати, устранены залоги и обѣщанъ судъ присяжныхъ для политическихъ преступленій за нарушеніе закона о печати. Неза-

---

*) Ламартинъ въ своей исторіи февральской революціи разсказываетъ *о тайномъ соглашеніи шефа національныхъ мастерскихъ съ анти-соціалистическими членами правительства* и что планъ правительства въ созданіи національныхъ мастерскихъ былъ коварнымъ замысломъ противъ Луи Блана.

**) Этотъ взглядъ на прусскій народъ въ 1848 г. защищаетъ и извѣстный Бернштейнъ (изъ „Народной газеты“) въ своей исторіи мартовскихъ дней, напечатанной въ 1818 году. Вообще, прогрессистская партія никогда не относилась искренно и серьезно къ всеобщимъ прямымъ выборамъ.

висимость судей, свобода собраній и союзовъ, религіозная свобода— все это было гарантировано и наконецъ было сказано, что впредь безъ согласія народнаго представительства не будутъ издаваться никакіе законы, устанавливаться бюджеты, повышаться налоги.

Такимъ образомъ, наконецъ, „добрые граждане“ Пруссіи дошли до конституціонализма, котораго они такъ страстно ожидали. Постановленія ландтага назывались „основами демократіи“ и буржуазія была въ восторгѣ, что она получила эти основы отъ учрежденія, существовавшаго еще въ домартовское время. Въ заключеніе ландтагъ далъ свое согласіе на заемъ въ 40 милліоновъ, изъ которыхъ 25 предназначались на военные расходы, а 15 на поддержаніе торговли и промышленности. Ассигновки на военные расходы оправдывались „угрожавшимъ“ попрежнему „вторженіемъ“ французовъ, въ дѣйствительности всѣ 40 мил. были предназначены исключительно для предстоящей борьбы съ демократіей. Такимъ образомъ, ландтагъ оказалъ надвигавшейся реакціи громадную услугу, а буржуазія апплодировала ему. Хотя Бисмаркъ-Шенгаузенъ и заявилъ, что онъ не можетъ согласиться съ ландтагомъ, который, „готовясь кануть въ рѣку забвенія, въ то же время обременяетъ свою шею 40 милліоннымъ займомъ,“ *)— ландтагъ все же далъ согласіе на заемъ, чему не мало содѣйствовала рѣчь барона фонъ-Винке, также находившагося подъ вліяніемъ „новаго духа“.

Наконецъ, въ заключеніе ландтагъ установилъ для прусскаго національнаго собранія всеобщее, но не прямое избирательное право, взялъ на себя также и посылку представителей въ германскій парламентъ, собравшійся во Франкфуртѣ. Выборы были имъ самимъ произведены, и министерство Кампгаузена ему не препятствовало въ этомъ, правда, не изъ-за добродушія, какъ то думали добрые люди, а по той простой причинѣ, что въ глубинѣ своего сердца оно не придавало никакого значенія франкфуртскому парламенту. Но этотъ поступокъ ландтага вызвалъ всеобщую бурю негодованія въ народныхъ собраніяхъ; протестовала не только буржуазія, а также и профессора-правовѣды, цѣлымъ рядомъ заплеснѣлыхъ аргументовъ доказывавшіе, что ландтагъ не стоялъ на „почвѣ права“. Членамъ ландтага пришлось уступить и къ тому же изъ Франкфурта на Майнѣ, гдѣ комитетъ пятидесяти наблюдалъ за исполненіемъ постановленій предварительнаго парламента, прибыло извѣстіе, что представителями Пруссіи будутъ признаны только „выбранные самимъ народомъ“, и вотъ ландтагъ отмѣнилъ свои постановленія и ввелъ такое же избирательное право для выборовъ во франкфуртскій парламентъ, какъ и для прусскаго. Такъ какъ предварительный парламентъ глупѣйшимъ образомъ предоставилъ самимъ правительствамъ установить принципъ прямыхъ или двухстепенныхъ выборовъ, то не удивительно, что представители во Франкфуртъ были избраны непосредственно „самимъ народомъ“ черезъ выборщиковъ.

„Добрые граждане“ были въ восторгѣ отъ этихъ результатовъ и прониклись глубокой увѣренностью, что ихъ „свобода“ навсегда упро-

---

*) Сдѣлавшись кормчимъ Пруссіи и имперіи, Бисмаркъ уже не боялся государственныхъ займовъ.

чена, когда ландтагъ былъ распущенъ, послѣ того, какъ онъ указаннымъ выше образомъ совершилъ надъ собой кастрацію. Члены ландтага въ громкихъ фразахъ, на подобіе французскихъ демократовъ въ ночь на 4 августа 1789 года, отреклись отъ своихъ дворянскихъ привилегій, а вскорѣ они отреклись отъ своего отреченія, такъ какъ въ значительной части своей эти привилегіи сохранились и понынѣ, и лишь теперь снова возбуждается вопросъ объ ихъ уничтоженіи.

1-го мая должны были состояться первичные выборы, избраніе выборщиковъ для франкфуртскаго и прусскаго парламентовъ, и избирательная кампанія началась немедленно послѣ того, какъ былъ принятъ избирательный законъ.

Демократія всѣми силами протестовала не только противъ самовольнаго назначенія ландтагомъ представителей во франкфуртскій парламентъ, она повела также усиленную агитацію противъ новаго избирательнаго закона. Уже 2 апрѣля, въ „Палаткахъ“ состоялось собраніе, созванное народнымъ ферейномъ. Этотъ ферейнъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ д-ръ Максъ Шаслеръ, заявилъ въ своей программѣ, „что онъ является въ полномъ и высшемъ смыслѣ слова народнымъ ферейномъ, въ которомъ представлены всѣ классы, въ особенности тѣ, кто составляютъ истинное ядро науки, именно—неимущіе рабочіе“. Этотъ ферейнъ требовалъ истиннаго дѣйствительнаго народнаго ополченія, народнаго представительства и народнаго образованія, но въ своей программѣ не выставлялъ никакихъ соціальныхъ требованій. Собраніе черезъ президента министровъ подало королю адресъ, въ которомъ требовало прямыхъ выборовъ, права выбирать для каждаго гражданина, начиная съ 21 года, а быть избраннымъ съ 24. Кампгаузенъ обѣщалъ, что министерство обсудитъ вопросъ. Политическій клубъ тоже высказался противъ двухстепенныхъ выборовъ и противъ лишенія избирательныхъ правъ прислуги и живущихъ на благотворительный счетъ. Что касается конституціоннаго клуба, то онъ всецѣло высказался за избирательный законъ, утвержденный ландтагомъ *).

Послѣ того, какъ цѣлый рядъ собраній высказался за прямые выборы, 10 апрѣля на одномъ громадномъ собраніи въ „Палаткахъ“ было рѣшено учредить комитетъ для агитаціи за прямые выборы. Писатель Эйхлеръ слѣдующимъ образомъ изъяснялъ народной массѣ сущность избирательнаго права. „Когда вы покупаете товаръ, что вы предпочитаете—пріобрѣсти его изъ первыхъ или изъ вторыхъ рукъ?“ „Изъ первыхъ“, раздалось въ отвѣтъ.... „Великолѣпно“, продолжалъ Эйхлеръ, „точно также обстоитъ дѣло съ вашими народными представителями: путемъ прямыхъ выборовъ они выйдутъ изъ первыхъ рукъ, изъ рукъ самого народа; путемъ двухстепенныхъ—изъ вторыхъ рукъ, изъ рукъ посредниковъ-выборщиковъ. То, что вы изъ первыхъ рукъ

---

*) Только одинъ членъ клуба фонъ-Вертеръ высказался за избирательное право также и для лицъ, живущихъ на счетъ благотворительности. „О, Коннель“. говорилъ онъ, „разсказалъ исторію объ одномъ ирландцѣ, владѣвшемъ осломъ, благодаря которому онъ могъ заниматься дѣломъ, обезпечивавшимъ ему пропитаніе. Но вотъ осенью оселъ издохъ, ирландецъ остался безъ дѣла и сталъ получать вспомоществованіе и потому лишился избирательнаго права. Кто же, спрашиваетъ Коннель, имѣлъ избирательное право: человѣкъ или оселъ?“

получили бы—лучше и дешевле, то Кампгаузенъ хочетъ предоставить вамъ изъ вторыхъ рукъ дороже и хуже".

Народный избирательный комитетъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Баадеръ—литераторъ; Берендсъ—гласный городской думы; Бергенротъ—асессоръ; Биски—ювелиръ; Борнъ—наборщикъ; Констанъ—купецъ; докторъ Эйхлеръ—литераторъ; докторъ Эрманъ—профессоръ; Фендихъ—виноторговецъ; фонъ Ферстеръ—литераторъ; Гаммерфельдъ—асессоръ; Гельдъ—редакторъ; докторъ Гекзамеръ—врачъ; Гоппе—литераторъ; Юнгъ—асессоръ; Кеппе—докторъ философіи; Краузе—слесарь; Кюммелау—естествоиспытатель; Ланге—студентъ; Лессингъ—врачъ; графъ Липпе—экономистъ; Мертенсъ—городской гласный; Мюнкке—студентъ; Фрицъ Мюллеръ—слесарь; докторъ Науверкъ—гласный; докторъ Пруцъ—литераторъ; докторъ Рисъ—предсѣдатель ремесленнаго союза; Саласъ—студентъ; докторъ Шаслеръ—редакторъ; Шлеффель—студентъ; Зигеристъ—машиностроительный рабочій; Стефенсъ—токарь; докторъ Тюммель—врачъ; докторъ юриспруденціи Тюрке; докторъ Виссъ—врачъ и литераторъ. Изъ этого списка видно, какой пестрый составъ входилъ въ комитетъ.

Волны народнаго движенія высоко поднялись, весь Берлинъ былъ поглощенъ предвыборной кампаніей, вопросомъ объ избирательномъ правѣ, въ особенности же рабочимъ вопросомъ. Въ то время, какъ мѣщанство издавало вопли о „крупныхъ суммахъ", „безполезно затрачиваемыхъ на работы для безработныхъ рабочихъ, купечество постаралось использовать случай и потребовать для себя „государственной помощи". Купеческіе старшины обратились съ ходатайствомъ къ правительству, въ которомъ жаловались на „денежный кризисъ" среди промышленниковъ, лишавшій ихъ возможности расплачиваться съ рабочими. Въ результатѣ купцамъ и промышленникамъ было ассигновано 150.000 талеровъ. Попали ли эти деньги въ руки дѣйствительно нуждающихся людей, это осталось неизвѣстнымъ. Нѣсколько разъ среди рабочихъ начинались безпорядки, такъ какъ въ организаціи общественныхъ работъ было много скверныхъ сторонъ. Такъ, напримѣръ, тамъ практиковалась сдѣльная плата, уничтоженія которой требовали рабочіе на цѣломъ рядѣ собраній. Уже 40 лѣтъ тому назадъ берлинскіе рабочіе поняли ясно тотъ вредъ, который причиняетъ эта система оплаты труда, а извѣстные буржуазные ученые еще и понынѣ рекомендуютъ рабочимъ эту систему, какъ наивыгоднѣйшую для нихъ. Ребергцы заставили землекоповъ на Плецензее и рабочихъ, занятыхъ прорытіемъ каналовъ, отказаться отъ сдѣльной платы. Этотъ случай въ связи съ нѣсколькими незначительными уличными безпорядками дали поводъ для возникновенія преувеличенныхъ слуховъ о разбояхъ и грабежахъ.

Гражданское ополченіе, сразу пустившее въ ходъ репрессіи, еще больше увеличило раздраженіе, и мѣщанамъ во всемъ и всюду уже грезился „красный призракъ", несмотря на то, что президентъ полиціи офиціально выразилъ похвалу поведенію рабочихъ. Въ то время какъ извѣстный демагогъ Гельдъ, въ качествѣ клубнаго оратора и издателя „Локомотива", пріобрѣвшій временно поразительно сильное вліяніе на массы, призывалъ рабочихъ къ порядку до тѣхъ поръ, пока онъ не выработаетъ планъ организаціи труда, требуемый отъ него министер-

ствомъ, въ то же самое время государственный прокуроръ фонъ-Кирхманъ получалъ множество доносовъ на печать, на которые впрочемъ онъ не обращалъ вниманія.

„Все спокойно, за исключеніемъ гражданскаго ополченія“—замѣтилъ одинъ остроумный начальникъ караула въ своемъ рапортѣ. И дѣйствительно, гражданское ополченіе доходило до невѣроятной жестокости по отношенію къ рабочимъ, студентамъ и демократамъ,—и уже тогда никто не могъ серьезно думать, что эта полиція, состоявшая изъ вооруженнаго мѣщанства, захотѣла бы въ случаѣ необходимости защищать мартовскія завоеванія отъ посягательства реакціи. Въ то же самое время нѣкоторыя газеты, особенно Фосская газета (Vossische Zeitung), опубликовали длинные списки денежныхъ пожертвованій на поддержку раненыхъ борцовъ на баррикадахъ или на помощь сиротамъ павшихъ борцовъ. Среди жертвователей было много сіятельствъ, тайныхъ совѣтниковъ и прочихъ реакціонеровъ. Они играли свою роль такъ же великолѣпно и выдержано, какъ юнкера въ ландтагѣ, которые отказались тамъ отъ своихъ привилегій, но съ молчаливой оговоркой *)—снова возвратиться къ нимъ, какъ только для этого наступитъ подходящій моментъ.

Политическаго опыта у рабочихъ естественно совершенно не было, они колебались, и то шли за либеральными партіями, которыя использовали ихъ для своихъ демонстрацій, то предпринимали отдѣльныя попытки выступить самостоятельно на арену политической борьбы. Ораторы изъ политическаго и конституціоннаго клуба часто приходили къ рабочимъ, желая привлечь ихъ на свою сторону. Наборщикъ Стефанъ Борнъ сдѣлалъ попытку сорганизовать рабочихъ въ самостоятельную партію. Борнъ былъ въ Парижѣ и Брюсселѣ энергичнымъ членомъ „Союза коммунистовъ“. Онъ былъ въ высшей степени одаренной личностью, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, но ему мѣшалъ одинъ громадный недостатокъ: онъ слишкомъ легко связывался со всевозможными элементами и стремился всегда приспосабливаться къ нимъ. Вотъ почему усвоенный имъ въ „Союзѣ коммунистовъ“ научный соціализмъ пестро переплетался у него съ мелкобуржуазными, цеховыми и реакціонными взглядами. Былъ основанъ „Центральный комитетъ рабочихъ“, президентомъ котораго былъ избранъ Борнъ **). Комитетъ долженъ былъ по иниціативѣ его организаторовъ сдѣлаться центральнымъ пунктомъ для рабочихъ организацій, раскинутыхъ по всей Германіи. Въ статутахъ комитета указывалось, „что мы **сами** беремъ свои дѣла въ руки и никто не сможетъ уже вырвать ихъ у насъ“. Подчеркивалось также, что въ Германіи еще нѣтъ рабочаго **класса**. Политическая власть представлялась Борну чѣмъ-то неважнымъ и незначительнымъ, и онъ со всѣмъ пыломъ ухватился за стачки, профессіональные союзы и ассоціаціи, совершенно не думая о томъ, насколько все это непрочно безъ гарантіи политической свободы. Тѣмъ не менѣе „Братство рабочихъ“, учрежденное Борномъ, продержалось вплоть до 1850 г.

---

*) У іезуитовъ это называется „reservatio mentalis“.

**) Позднѣе Борнъ (собственно Буттерми льхъ) въ качествѣ приватъ-доцента читалъ лекціи по литературѣ; онъ былъ въ 1878 году также редакторомъ „Базельскихъ извѣстій“.

включительно; самъ же Борнъ вслѣдствіе участія въ дрезденскомъ майскомъ возстаніи долженъ былъ удрать еще въ 1849 г.

Гораздо энергичнѣе Борна дѣйствовалъ Густавъ Адольфъ Шлеффель, горячій юноша, неутомимый революціонеръ, нашедшій себѣ трагическій конецъ въ процессѣ революціи. Онъ издавалъ газету, въ которой самымъ рѣшительнымъ образомъ боролся противъ капитализма и современнаго классового господства; съ неменьшей силой онъ ополчался противъ реакціонныхъ властей и требовалъ для рабочихъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, какъ средства для завоеванія политической власти. Газета называлась „Другъ Народа"; она очень широко расходилась и читалась, такъ какъ Шлеффель часто распространялъ ее безплатно. Вышло всего нѣсколько номеровъ этой газеты, такъ какъ рука государственнаго прокурора уже готова была коснуться дерзкаго молодого редактора. Шлеффель, котораго рабочіе называли „другомъ народа", выступалъ какъ опытный ораторъ на народныхъ собраніяхъ и былъ любимцемъ ребергцевъ. Когда однажды было арестовано нѣсколько ребергцевъ, ихъ товарищи толпой направились съ угрозами къ Ораніенбургскимъ воротамъ, быстро собралось гражданское ополченіе и кровавая схватка казалась неизбѣжной, но, благодаря вмѣшательству молодого Шлеффеля, который явился искуснымъ посредникомъ въ переговорахъ между ребергцами и прокуроромъ, арестованныхъ освободили. Ребергцы послѣ этого съ торжествомъ унесли на своихъ плечахъ „друга народа".

Буржуазія распространяла о рабочихъ, въ особенности о ребергцахъ, самую возмутительную клевету: напримѣръ, рабочимъ бросался упрекъ въ лѣни, въ томъ, что среди нихъ есть много бродягъ и что всѣ они живутъ дармоѣдами на государственный счетъ *). Уже тогда была пущена въ ходъ дѣтская и всегда повторяющаяся сказка о рабочихъ, разъѣзжающихъ на дрожкахъ, какъ будто привилегія ѣзды на дрожкахъ принадлежитъ только буржуазіи и со стороны рабочихъ было бы преступленіемъ проѣхаться на лошади за свои трудовыя деньги.

Въ большомъ противорѣчіи съ клеветой мѣщанства находился отчетъ городскихъ гласныхъ о земляныхъ работахъ въ Веддингѣ: „У всѣхъ господствуетъ единодушное стремленіе къ спокойствію и порядку, всѣ они прилежны и работоспособны, такъ что теперь надзирателю очень легко добиться устраненія вкравшихся злоупотребленій, что раньше было гораздо труднѣе. Они точно приходятъ на работу, работаютъ безъ перерывовъ и оставляютъ работу, когда зажигаются вечерніе огни. Они сами настаиваютъ на удаленіи всѣхъ лѣнтяевъ и коноводовъ (?); каждые 120 человѣкъ избрали смотрителя и судъ чести изъ трехъ человѣкъ для улаживанія всѣхъ недоразумѣній. Одного рабочаго, который укралъ солдатскую куртку, и другого, срубившаго тополь, они удалили, говоря, что не желаютъ работать съ ворами".

---

*) Такъ именно и говоритъ фонъ-Унру, позже президентъ палаты соглашенія, въ своихъ „Очеркахъ изъ новѣйшей исторіи Пруссіи". Къ сожалѣнію г-нъ фонъ-Унру забываетъ указать, какимъ образомъ можно совмѣстить въ одномъ лицѣ дармоѣда съ поденщикомъ, получающимъ за свою работу 15 зильбергрошей.

Землекопы пока удовлетворились заработной платой въ 15 зильбергрошей. Рабочіе другихъ ремеслъ предъявили свои требованія мастерамъ черезъ своихъ депутатовъ; по большей части они требовали 10-ти часовой рабочій день, оплату сверхурочной работы и заработной платы отъ 3—4$^{1/3}$ талеровъ въ недѣлю. Требованія по большей части были удовлетворены, и мы не находимъ и слѣдовъ той мысли, что нормальный 10-ти часовой рабочій день нѣчто неслыханное, а вѣдь этой мысли еще до сихъ поръ придерживаются нѣкоторые капиталисты и ученые. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мастера или фабриканты не хотѣли уступать, рабочіе бросали работу. Были устроены большія демонстраціи, въ которыхъ принимала участіе часть студенчества, именно та, которая находилась подъ вліяніемъ одного изъ нихъ Монекке. Буржуа называли этихъ студентовъ „рота Монекке". Демонстраціи кончались тѣмъ, что въ самый разгаръ „народной весны" полиція вмѣстѣ съ гражданскимъ ополченіемъ нападала на рабочія демонстраціи и разгоняла ихъ.

Правительство не могло придумать ничего другого для улучшенія бѣдственнаго положенія рабочихъ, кромѣ земляныхъ работъ и устройства каналовъ. Но и среди массы рабочихъ тоже не было вѣрнаго взгляда на самую суть этого явленія. Это было естественно, такъ какъ рабочіе впервые выступали активно на арену политической жизни. Къ тому же противъ нихъ выступало многочисленное мѣщанство, которое задерживало всѣ ихъ стремленія. Розмахъ рабочаго движенія, въ его цѣломъ, поскольку о таковомъ въ данный моментъ можно было говорить, принялъ именно тотъ видъ, который онъ могъ принять.

Между тѣмъ, избранный на одномъ большомъ народномъ собраніи, комитетъ, который долженъ былъ отстаивать прямые выборы, не оставался бездѣятельнымъ. Аудіенція у министра-президента Кампгаузена не привела ни къ какимъ результатамъ. Поэтому большинствомъ голосовъ комитетъ постановилъ, что „большая мирная манифестація должна объединить берлинскій народъ въ великій четвергъ (20 апрѣля) въ торжественномъ шествіи ко дворцу". Когда это рѣшеніе было принято, гласный Берендсъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ Бискп, д-ръ Науверкъ, д-ръ Пруцъ, докторъ Шаслеръ и др. выступили изъ комитета. Большое народное собраніе „подъ палатками" 17 апрѣля настаивало на требованіи путемъ демонстраціи прямыхъ выборовъ. Рѣшили, по предложенію Эйхлера, собраться на Александровской площади и направиться ко дворцу со знаменами, на которыхъ написать: „Прямые выборы, никакихъ выборщиковъ, болѣе широкія основныя свободы", и еще разъ—„Свобода". Отъ имени центральнаго комитета появилось воззваніе къ провинціямъ съ предложеніемъ устроить и тамъ такія демонстраціи. Оно было подписано профессоромъ Эрманомъ, Гельдомъ, редакторомъ „Локомотива", Георгомъ Юнгомъ, докторомъ правъ Г. Б. Оппенгеймомъ. Фанатики порядка были сильно возбуждены. Въ демонстраціи они видѣли „бунтъ". Они уже забыли, что не прошло еще и 4 недѣль съ того времени, когда 17 марта и почтенные буржуа рѣшили устроить такое же массовое шествіе ко дворцу и этой „мирной демонстраціей" добиться отъ императора учрежденія гражданскаго ополченія. Что тогда называлось „мирной демонстраціей", то теперь превратилось въ „демонстрацію

переворота" *) только потому, что инициаторами его являлись другіе люди. Часть „демократовъ" удовлетворилась косвенными выборами. Они позволили конституціоннымъ краснобаямъ уговорить себя, что народъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и они сами „еще не созрѣли" до прямыхъ выборовъ. Это настроеніе было использовано властями и позволило имъ рѣзко выступить противъ демонстраціи еще до начала ея. Магистратъ, гласные и президентъ полиціи объявили демонстрацію незаконной. Точно также отнеслось къ ней и министерство, которое обратилось съ предложеніемъ къ гражданскому ополченію, защитить „общественный порядокъ".

Эти мѣры противъ мирной, но внушительной демонстраціи, конечно, были только способны приблизить опасность столкновенія между народомъ и гражданскимъ ополченіемъ. Если бъ позволили комитету осуществить эту демонстрацію, то едва ли бы мыслимо было то, чего такъ опасались трусы и фанатики порядка.

Гельдъ выступилъ съ предложеніемъ отказаться отъ демонстраціи. Но такъ какъ комитетъ на этомъ настаивалъ, то онъ съ Юнгомъ выступилъ оттуда. Послѣ того какъ эти оба популярныя лица отдѣлились, дѣло, казалось, почти было проиграно. Комитетъ все еще надѣялся на 50.000 чел. Такъ говорило воззваніе, обращенное „ко всѣмъ рабочимъ"; оно не было подписано членами комитета.

Конституціоналисты и демократы рѣшили отклонить рабочихъ отъ ихъ намѣренія и послали своихъ ораторовъ на собранія рабочихъ. Въ центральномъ комитетѣ рабочихъ, гдѣ Борнъ, Биски и др. выступали противъ демонстраціи, Шлеффель не имѣлъ успѣха. Рабочіе машинныхъ заводовъ, находившіеся подъ вліяніемъ Гельда, были тоже настроены противъ демонстраціи. Д-ръ Эйхлеръ по предложенію какого-то Глаубиргера былъ арестованъ и, сидя въ тюрьмѣ, понятно, не былъ опасенъ противникамъ демонстраціи. Такимъ образомъ, сторонникамъ демонстраціи не везло.

Утромъ въ великій четвергъ Берлинъ выглядѣлъ какъ военный лагерь. Гражданское ополченіе стояло въ полномъ вооруженіи. Мосты, общественныя зданія, площади были заняты войсками, какъ будто предстояло вражеское нападеніе. Но демонстраціи не было. На Александровской площади собралось только около тысячи человѣкъ, которые не давали никакого повода, страстно жаждавшему боя, гражданскому ополченію открыть нападеніе. Часть землекоповъ, не желавшая отказаться отъ демонстраціи, двинулась со своими знаменами въ городъ. Избирательный комитетъ распорядился извѣстить народъ, что демонстрація не можетъ состояться, и призвалъ всѣхъ на народное собраніе. Оно должно было состояться на площади у Шенгаузскихъ воротъ. Тамъ собралось около 1.500 чел. Зигеристъ извѣстилъ тамъ, что д-ръ Эйхлеръ былъ арестованъ за долгъ въ 12 талеровъ **). Юнгъ постарался на этомъ собраніи завоевать себѣ снова свою популярность, обвиняя въ неудачѣ шествія гражданское ополченіе и консти-

*) Еще 25 лѣтъ спустя г-нъ Беренштейнъ изъ „Народной Газеты" въ своей уже названной книгѣ назвалъ эту предполагавшуюся мирную демонстрацію „преступными замыслами демагогіи".

**) Политическіе друзья Эйхлера собрали эту сумму, и его скоро освободили.

туціонный клубъ, которые придали мирному предпріятію революціонныя намѣренія. Въ политическомъ клубѣ жаловались на грубость гражданскаго ополченія. На этомъ народномъ собраніи жаловались на ополченцевъ, которые, въ то время, какъ участники демонстраціи шли домой, арестовали одного молодого человѣка и избили его самымъ грубымъ образомъ кулаками. Какой-то вооруженный мѣщанинъ обратился къ зрителямъ: „Вы, собаки, лучше отправляйтесь домой и садитесь за работу *)“.

На слѣдующее утро Шлеффель былъ арестованъ. Въ своей газетѣ „Другъ Народа“ онъ писалъ: „Имѣя за собой 60.000 человѣкъ, комитетъ посмотритъ, не окажется ли это для министра Кампгаузена земной силой, которая можетъ удержать его отъ избранія выборщиковъ“. Но эта статья появилась уже послѣ того, какъ демонстрація не удалась, именно, вечеромъ въ великій четвергъ. Въ статьѣ, несмотря на остроумныя выходки противъ короля, не было никакихъ призывовъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Но новая прусская свобода печати уже не выдержала испытанія. Шлеффеля обвинили въ выраженіи симпатіи Геккеровскому возстанію и шествію ко дворцу. Обвинительный актъ взялъ на себя извѣстный г-нъ Кирхманъ, который впослѣдствіи въ прусскомъ національномъ собраніи выступалъ, какъ лѣвый. Бросивъ Шлеффелю упрекъ въ молодости, онъ исходилъ изъ того положенія, что статья появилась уже послѣ того, какъ демонстрація провалилась и, слѣдовательно, призывала устроить ее впослѣдствіи. Шлеффель самъ взялъ на себя свою защиту и произнесъ великолѣпную рѣчь, которая не могла не произвести впечатлѣнія. Г-нъ фонъ-Кирхманъ предложилъ какъ наказаніе шесть недѣль тюремнаго заключенія. Судъ приговорилъ Шлеффеля къ шестимѣсячному заключенію и лишенію національной кокарды. „Другъ народа“ для отбытія наказанія былъ переведенъ въ Магдебургъ. Подумалъ ли г-нъ фонъ-Кирхманъ о Шлеффельской защитѣ свободы убѣжденій въ 1867 году, когда онъ получилъ отставку за изложеніе своей „системы двухъ дѣтей“.

Выборная агитація выяснила наличность различныхъ убѣжденій, часто очень спутанныхъ: выбирали вѣдь въ первый разъ. Берлинцы не имѣли никакого права смѣяться надъ „слѣпыми гессенцами“, которые требовали республики и во главѣ ея Великаго Герцога. Г-нъ Юліусъ Берендсъ заявилъ въ своей печатной программѣ: „мы требуемъ республиканскаго правительства и во главѣ его короля, который долженъ выступать какъ представитель народа во внѣшней политикѣ и тѣмъ самымъ препятствовать другимъ народамъ ограничить свободу народа“. Программа Гельда, Юнга, Оппенгейма (послѣдній уже тогда сталъ привыкать къ правиламъ, которыя онъ впослѣдствіи такъ терпѣливо сносилъ), Руге и Науверка была немногимъ лучше. Конституціоналисты отличались гораздо большей спутанностью въ понятіяхъ и фразерствомъ, чѣмъ демократы. Но косвенные выборы привели къ желательному исходу: демократія осталась въ меньшинствѣ, и представители сѣрыхъ промежуточныхъ партій и реакціи одержали побѣду. Въ прусское національное собраніе были избраны: прокуроръ фонъ-Кирхманъ, тайный

---

*) Это засвидѣтельствовано Адольфомъ Штрекфусомъ и 13 другими.

совѣтникъ Вальдекъ, главный бургомистръ Грабовъ, тайный совѣтникъ Бауэръ, муниципальный совѣтникъ Дункеръ, проповѣдникъ Сидовъ, д-ръ Іоганнъ Якоби, городской гласный Берендсъ и асессоръ Юнгъ. Во франкфуртскій парламентъ Берлинъ выбралъ только одного демократа Науверка. Помимо него были избраны: министръ Кампгаузенъ, майоръ Тейхертъ, полковникъ Штаффенгагенъ, профессоръ Раумеръ, д-ръ Бейтъ. Такъ косвенные выборы отомстили тѣмъ демократамъ и д-ру Науверку въ томъ числѣ за то, что они ими удовлетворились.

Неудачи избирательнаго комитета закончили собой первую эпоху послѣ побѣды народа. Гражданское ополченіе оказалось вреднымъ реакціоннымъ институтомъ, оно пришло на помощь перетрусившему министерству и выставило противъ мирной народной демонстраціи за прямые выборы—острые штыки. Здѣсь родилась реакція, а не въ собраніи юнкеровъ въ королевскомъ дворцѣ.

Но добрый бюргеръ не подозрѣвалъ этого. По всей странѣ звучала еще радость по поводу свободы, которой они были обязаны 18 марту. Какъ изъ неистощимаго рога изобилія посыпались на Германію произведенія политической поэзіи, а въ пивныхъ безъ конца декламировали и говорились восторженныя рѣчи. Ко всему этому присоединилась радость по поводу избранія народныхъ представителей, которые должны были обезпечить свободу народу. Два парламента взялись за устройство новой жизни и, конечно, не могли бы сдѣлать этого. Осторожные люди сейчасъ же прониклись сомнѣніями, когда увидали, какъ господствуютъ въ странѣ довѣрчивость, жалкая либеральная мечтательность и неопытность. Раздались предостерегающіе голоса, но остались безъ всякаго вліянія. Во время празднествъ „свободы“ они были заглушены. Въ салонахъ аристократіи между тѣмъ готовилась та превосходная и хорошо обдуманная игра, которой либералы могли противопоставить свою медлительность и неопытность.

Положеніе было превосходно обрисовано въ одномъ произведеніи, названномъ такъ: „Элегія на развалинахъ пестрой свободы“. Тамъ говорилось:

„Ringsum, ringsum im weiten Land
Ein Volk, von Freiheit träumend,
Und tausend Dichter, lohentbrannt
Die schönsten Verse reimend;
Ringsum ein Volk in blanker Wehr
Mit Säbel, Flint' und Lanzen
Doch freie Männer nimmermehr
Und Schergen doch und Schranzen!“

Иронія судьбы сказалась въ томъ, что въ концѣ апрѣля типографы послѣ цѣлаго мѣсяца безрезультатныхъ переговоровъ съ принципалами о повышеніи заработной платы и уменьшеніи рабочаго дня объявили забастовку. Они, работая отъ 12 до 14 часовъ, а то и всѣ 16 часовъ въ сутки, зарабатывали только 3—3½ талера въ недѣлю. Газеты появились въ печати съ запозданіемъ, многія афиши для расклейки на стѣнахъ не могли быть представлены во время, а поэтамъ угрожала опасность, что ихъ превосходные стихи такъ и не появятся въ свѣтъ. Какое горе было для этого сантиментальнаго прекраснодушія, когда

жестокіе наборщики помѣшали поэтамъ открыть всей Германіи нѣжныя складки своей души. Но для рабочихъ, которымъ надо прокормить жену и дѣтей, заработная плата является не шуточнымъ вопросомъ. И дѣло хорошо окончилось, такъ какъ стачечники, которыми руководилъ Борнъ, скоро пришли къ соглашенію съ хозяевами. Во время этой стачки даже демократическая пресса говорила о „деспотіи" рабочихъ, г-нъ Гельдъ тоже высказался противъ требованій рабочихъ. Рабочіе были такъ великодушны, что не пожелали довести дѣло до крайности. „Въ такое время", заявилъ ихъ комитетъ, „когда духовная пища стала такой же необходимостью, какъ и хлѣбъ, мы не хотимъ ставить свои матеріальные интересы выше общихъ интересовъ. Поэтому мы предоставляемъ каждому изъ насъ стать на работу".

Буржуазія, казалось, совсѣмъ не почувствовала, какъ сильно пристыдили ее рабочіе этимъ своимъ заявленіемъ. Капитализмъ и тогда ожесточалъ сердца людей.

Теперь снова можно было грезить и сочинять стихи. Въ это время во мракѣ реакція готовилась къ бою, заготовляя оружіе.

Вѣнскіе студенты и рабочіе.

Благодаря мартовскимъ событіямъ Австрійская имперія, казалось, расползалась по всѣмъ швамъ. Итальянскія провинціи отпали. Венгрія добилась самостоятельности, нѣмецкая Австрія была залита волнами нѣмецкаго движенія. Въ виду этихъ обстоятельствъ естественно было, что выступили на сцену также чехи, кроаты и галичане съ своими національными и панславистскими тенденціями. Національная борьба, несмотря на всѣ праздники, посвященные упроченію братскихъ отношеній между народами, разгорѣлась съ большой силой, чѣмъ до сихъ поръ, и столкновенія между нѣмцами и чехами, венграми и кроатами принимали очень рѣзкую форму. Съ небывалой до сихъ поръ ясностью обнаружилось, на какой нездоровой почвѣ, вопреки всякому историческому развитію былъ созданъ конгломератъ государствъ, подчиненныхъ Габсбургамъ. Въ своей основѣ онъ покоился на государственномъ правѣ, которое разсматриваетъ населеніе, какъ стадо барановъ, которое заботилось только объ усиленіи могущества двора династіи и никогда не интересовалось и не считалось съ интересами народовъ.

Вѣнское правительство не знало хорошо, что ему нужно было дѣлать. Пойди оно навстрѣчу требованіямъ отдѣльныхъ національностей, обезпечь оно имъ желанную самостоятельность — онѣ, конечно, успокоились бы, но тогда Австріи пришлось бы быть вычеркнутой изъ списка великихъ державъ Европы, и лишь накапунѣ столь могущественный домъ Габсбурговъ превратился бы въ жалкій призракъ. Наоборотъ, желая сохранить въ цѣлости имперію, правительство должно было войти въ сношенія съ одной національностью, для того, чтобы подавить другія. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что въ дѣйствительности оно такъ и поступило, и Габсбургскій домъ и его правительство бросились въ объятія панславистовъ, чеховъ и кроатовъ, для того, чтобы опираясь на ихъ помощь, подавить нѣмецкую Австрію и Венгрію. Горячая національная вражда чрезвычайно сильно содѣйствовала успѣшному разрѣшенію этой реакціонной задачи.

Но на первыхъ порахъ дѣло еще не зашло такъ далеко. Венгры, казалось, совершенно успокоились послѣ того, какъ ихъ требованія были обезпечены и когда они образовали собственное венгерское министерство во главѣ съ венгерскимъ патріотомъ Людвигомъ Баттіани. Взрывъ дикаго гнѣва всколыхнулъ венгровъ только еще одинъ разъ, когда

въ Вѣнѣ постановили подчинить Австріи венгерскія министерства финансовъ и военное, т. е. отдать въ распоряженіе Австріи войска и деньги. Этотъ взрывъ негодованія, поднявшійся въ пресбургскомъ рейхстагѣ и во всей Венгріи, заставилъ палатина Венгріи, эрцъ-герцога Стефана обратиться въ Вѣну съ предложеніемъ отмѣны постановленія. Постановленіе было отмѣнено и въ Вѣнѣ высказали „надежду“, что венгерскія сословія позволятъ воспользоваться венгерскими войсками въ Италіи и возьмутъ на себя четвертую часть общеимперскихъ расходовъ. Венгры были этому очень рады. Венгерскіе государственные дѣятели думали такимъ путемъ добиться доминирующей роли въ имперіи и навсегда упрочить венгерскую независимость. Дѣйствуя такъ, они, очевидно, думали перехитрить придворную камарилью. Національный эгоизмъ овладѣлъ ими настолько, что они въ концѣ концовъ потеряли всѣ свои завоеванія.

Если такимъ образомъ, венгры въ данный моментъ не причиняли особыхъ хлопотъ вѣнскому правительству, то тѣмъ серьезнѣе приходилось ему считаться съ нѣмецкимъ движеніемъ въ Австріи, особенно въ самой Вѣнѣ. Всеобщее и безпрерывное возбужденіе царило во всей странѣ и государственные мужи, занявшіе мѣсто Меттерниха, должны были самымъ тщательнымъ образомъ скрывать свое горячее желаніе водворить въ Австріи домартовскіе порядки. Когда въ офиціальной „Вѣнской газетѣ“ появилась одна неосторожная статья, въ которой правительство сообщало, что оно оставляетъ за собой право согласиться или не согласиться съ постановленіями франкфуртскаго парламента, несмотря на то, что оно уже распорядилось произвести выборы въ парламентъ, у вѣнцевъ какъ бы повязка упала съ глазъ. Они увидѣли, что новое правительство составлено сплошь изъ дѣятелей школы Меттерниха. Коловратъ, Таафе, Кюбекъ и Фикельмонъ, даже Пиллерсдорфъ не понимали запросовъ своего времени. Пиллерсдорфъ, хотя и возмущался всегда меттерниховской системой угнетенія, но самъ 31 марта издалъ реакціоннѣйшій законъ о печати, въ которомъ особенно суровыя кары полагались за оскорбленія величества. Законъ привелъ въ негодованіе „аулу“, т. е. университетъ, всю университетскую молодежь. Вѣнцы не позволили отнять у себя юную свободу печати, волны негодованія поднялись въ это время очень высоко. Извѣстный писатель Францъ Шузелька, позднѣе избранный членомъ австрійскаго рейхстага, сказалъ: „я не могу ничего иного предположить, кромѣ того, что этимъ закономъ насъ хотятъ обмануть“.—Въ концѣ концовъ Пиллерсдорфу пришлось уступить и взять обратно свой законопроектъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, пресса доставляла министрамъ и всѣмъ реакціонерамъ больше всего огорченій. До мартовскихъ дней не было никакой оппозиціонной прессы. Даже послѣ революціи вѣнскіе писатели въ огромномъ большинствѣ были преисполнены такого „ограниченнаго вѣрноподданическаго разума“, что исключили изъ своего союза какъ „бунтовщика“ д-ра Шютте, пріѣхавшаго изъ Рейнской Пруссіи, за то, что онъ на одномъ народномъ собраніи предложилъ обратиться къ правительству съ „петиціей натиска“, чтобъ добиться учредительнаго собранія. Но какъ только пиллерсдорфскій проектъ о печати провалился, въ одну ночь выросла новая пресса и, главнымъ образомъ, чисто революціоннаго характера. Невинныя газеты, листки, полные сплетенъ,

сразу превратились въ радикальные политическіе журналы. Тогда-то появились: „Газета улицы“, „Постилльонъ“, „Демократъ“. „Откровенный“, „Конституція“. Редакторъ последней, шляпочникъ по ремеслу, такъ поставилъ свою газету, что она являлась самой распространенной въ Вѣнѣ, и больше всего боялись именно этой газеты. За этотъ годъ въ Вѣнѣ появилось до 200 политическихъ газетъ. Многія изъ нихъ были недолговѣчны, еще большее количество газетъ говорило грубымъ, вульгарнымъ языкомъ, въ особенности, когда своимъ появленіемъ были обязаны разнымъ коммерческимъ спекуляціямъ. Студентовъ обслуживалъ радикальный „Студенческій Курьеръ“. Было извѣстное количество юмористическихъ листковъ: „Сатана“, „Сѣрный эфиръ“, „Башня глупцовъ“, „Кошачья музыка“, позднѣе „Шаривари“ и др.

Противъ демократическихъ газетъ выступила сильная консервативная и реакціонная пресса. Тонъ ея, если только она могла отважиться, былъ гораздо грубѣе, чѣмъ языкъ демократическихъ газетъ.

Это была совершенно новая политическая жизнь, новый политическій укладъ. Господамъ во дворцѣ становилось жарко.

Вѣнскіе студенты, сорганизованные въ академическій легіонъ, стояли во главѣ движенія. Центральный комитетъ національной гвардіи и студенческій комитетъ направляли въ это время всѣ общественныя дѣла въ Вѣнѣ. Со своими жалобами всѣ обращались къ этимъ корпораціямъ. Случалось, что недовольные супруги обращались къ студенческому комитету, прося разобрать ихъ споръ. Впослѣдствіи побѣдоносная реакція оклеветала студентовъ такъ же пристрастно, какъ въ то время они восхвалялись свыше всякой мѣры демократической прессой.

Сила студенчества цѣнилась, главнымъ образомъ, потому, что у нихъ были тѣсныя связи съ рабочими предмѣстій. „Почтенные“ буржуа національной гвардіи знать не хотѣли рабочихъ; они съ удовольствіемъ закрыли бы ворота предъ самымъ ихъ носомъ и хотѣли бы одни, безъ рабочихъ, сдѣлать свою „чисто гражданскую“ революцію.

Уже вечеромъ 13 марта они стрѣляли въ рабочихъ. Въ эти дни всеобщаго братанія студенты, воодушевленные юношескимъ энтузіазмомъ, относились къ рабочимъ болѣе чистосердечно. Вотъ почему стоило только академическому легіону заиграть генеральный маршъ, чтобъ тысячи рабочихъ стекались изъ предмѣстій къ нему на помощь.

Масса безработнаго люда пугала правительство. И оно, какъ и парижское и берлинское правительство, занялось пріисканіемъ занятій для безработныхъ и открыло общественныя земляныя работы. Были уничтожены налоги, подымавшіе цѣну необходимыхъ для народа средствъ существованія. Даже фабриканты подъ вліяніемъ мартовскихъ событій пошли на уступки рабочимъ. Въ скоромъ времени были такимъ образомъ пристроены многіе рабочіе. Желѣзнодорожныя общества, услышавъ, что рабочимъ Парижа уменьшили рабочій день, ввели десятичасовой рабочій день. Предприниматели, боявшіеся новыхъ безпорядковъ со стороны рабочихъ, поступили точно также. Даже ремесленники послѣдовали ихъ примѣру и уменьшили рабочій день до десяти часовъ, хотя это еще и до сихъ поръ многими премудрыми людьми считается „невозможнымъ“. Они вынуждены были это сдѣлать. Массовый напоръ подмастерьевъ подгонялъ ихъ впередъ.

Тысячными толпами устремились рабочіе къ общественнымъ ра-

ботамъ, потому что въ производствѣ въ это время наступилъ всеобщій застой и кризисъ. Приливъ рабочихъ былъ такъ великъ, что правительство въ концѣ концовъ растерялось. Среди рабочихъ господствовали по большей части весьма спутанныя понятія. Своей массой они представляли могущественнѣйшую силу, но они не знали, какія требованія предъявить буржуазному обществу и новому государству. (И въ этомъ была ихъ слабость). Потому-то они не выступали самостоятельно, шли въ хвостѣ студентовъ, которые и использовали хорошо эту доставшуюся имъ силу.

3 апрѣля императоръ Фердинандъ помахалъ изъ дворцоваго окна черно-красно-золотымъ знаменемъ. Но конституція, выработанная Пиллерсдорфомъ, одобренная при дворѣ и долженствовавшая войти въ силу 26 апрѣля, вовсе не выглядѣла черно-красно-золотой. Она была скорѣе похожа на заплату, совсѣмъ какъ Бельгійская конституція. То обстоятельство, что правительство стремилось октроировать ее раньше того времени, когда она должна была бы обсуждаться народнымъ представительствомъ, указывало, что виды его были прямо противоположны его мартовскимъ обѣщаніямъ. Далеко не несправедливо подозрѣвали, что эта конституція имѣла только одну цѣль: воспрепятствовать дѣлу конституціоннаго устройства Германіи, которымъ должно было заняться франкфуртское собраніе. Въ особенности не понравились народу, устанавливаемая конституціей, аристократическая первая палата и абсолютное вето императора. Къ тому же правительство сохранило старыя провинціальныя сословія, чтобы при случаѣ обойти и эту конституцію.

Ограниченные буржуа съ радостью привѣтствовали эту конституцію, какъ новое „завоеваніе". Но демократическая пресса, поддерживаемая центральнымъ комитетомъ національной гвардіи и академическимъ легіономъ, рѣзко выступила противъ нея. Этотъ комитетъ, наряду съ завѣдывавшимъ денежными дѣлами его Исполнительнымъ совѣтомъ, сдѣлался въ это время руководящей силой въ народномъ движеніи. Если бы рабочіе лучше понимали, какъ отстаивать свои классовые интересы, они добились бы представительства въ этомъ комитетѣ.

Возбужденіе въ Вѣнѣ сильно возросло, когда министръ-президентъ Фикельмонъ назначилъ военнымъ министромъ Латура, грубаго солдата и аристократа. Стали опасаться государственнаго переворота. Латуръ впрочемъ не годился для этого. Въ самые критическіе моменты рѣшимость, казалось, совершенно покидала его. Скоро народный гнѣвъ нашелъ себѣ исходъ въ кошачьей музыкѣ, которой въ то время вѣнцы наказывали всѣхъ реакціонеровъ; это наиболѣе соотвѣтствовало духу благодушныхъ вѣнскихъ революціонеровъ. Вечеромъ 2 мая такимъ путемъ добились низверженія министра-президента Фикельмона. Онъ вынужденъ былъ взять отставку, и во главѣ правительства сталъ г-нъ Пиллерсдорфъ, который въ Австріи сыгралъ роль „мартовскаго министра". Предполагалось назначить министромъ народнаго просвѣщенія чеха Паллаки, но онъ отказался.

Правительство, неувѣренно нащупывая дорогу, рѣшилось наконецъ распустить центральный комитетъ національной гвардіи и комитетъ студентовъ. Буржуа изъ гвардіи сильно поддерживали его въ этомъ намѣреніи. 13 мая командиръ національной гвардіи, графъ Гойосъ, реакціонеръ, издалъ приказъ, въ которомъ заявилъ, что центральный

комитетъ несовмѣстимъ съ національной гвардіей. Сейчасъ же отправились депутаты отъ студентовъ и гражданъ къ Пиллерсдорфу, чтобы потребовать отмѣны приказа. Пиллерсдорфъ отвѣтилъ имъ цѣлымъ потокомъ рѣчей, но въ концѣ концовъ просто сказалъ „нѣтъ“. Такъ окольнымъ путемъ правительство рѣшило отдѣлаться отъ центральнаго комитета.

Студенты дали ясно понять, что не намѣрены спокойно допустить распущенія комитета. Правительство уже опять колебалось, не рѣшаясь затронуть студентовъ, которые, какъ оно знало, были въ союзѣ съ рабочими. Вечеромъ 14 мая заиграли генеральный маршъ, и войска двинулись, чтобъ занять гласисъ и бастіоны. Центральный комитетъ засѣдалъ подъ предсѣдательствомъ д-ра Гольдмарка. Было рѣшено требовать измѣненія избирательнаго закона, октроированнаго одновременно съ конституціей; если же это требованіе не будетъ удовлетворено, то по предложенію д-ра Шютте, выступить съ петиціей патиска *).

На слѣдующее утро всѣ войска были двинуты изъ казармъ, съ другой стороны, собирались подписи подъ петиціей патиска. По городу носились темные слухи; кровавое столкновеніе казалось неизбѣжнымъ. По удару барабана собрался академическій легіонъ. Изъ національной гвардіи въ аулу пришли депутаты, которые заявили: „мы согласны бороться и умирать рядомъ съ вами“. „Добрые граждане“ поняли теперь, что рѣшается вопросъ о „быть или не быть“ мартовскихъ завоеваній. Пришла національная гвардія изъ предмѣстій. Носился слухъ, что землекопы тоже направились къ центру города. Ворота были заняты солдатами, что еще болѣе возбуждало студентовъ. „Насъ хотятъ отрѣзать отъ нашихъ братьевъ“, говорили они. Въ аулѣ раздавались рѣзкія рѣчи противъ двора и министровъ. Депутація, во главѣ которой былъ д-ръ Гольдмаркъ и д-ръ Гискра **) направились во дворецъ, чтобы предъявить требованія аулы. Это были: отмѣна приказа Гойоса, измѣненіе избирательнаго закона, совмѣстное занятіе карауловъ солдатами національной гвардіи и королевскихъ войскъ, отозваніе войскъ.

Во дворцѣ метались, какъ сумашедшіе, министры, принцы, придворные, тайные совѣтники и лакеи. Депутація не получила никакого удовлетворительнаго отвѣта. Терпѣніе народной массы, уже давно собравшейся на улицахъ, лопнуло. Выступилъ на улицу академическій легіонъ. До 10.000 рабочихъ, оставившихъ свою работу по первому удару барабана, вооруженные кирками, ломами, топорами примкнули къ нимъ. „Мы пойдемъ за вами на смерть и на жизнь“, провозгласили они. Значительная часть національной гвардіи и необозримая толпа народа заключали собой шествіе. Въ дворцовомъ дворѣ около пушекъ съ зажженными фитилями стояли канониры. Гренадерскіе баталіоны и академическій легіонъ въ полномъ вооруженіи стояли другъ противъ друга. Старыя „солдатскія косточки“ среди офицеровъ съ удовольствіемъ открыли бы огонь, но Пиллерсдорфъ не допустилъ

---

*) Докторъ Шютте былъ въ самый разгаръ „свободы“ высланъ изъ Вѣны; однако ему удалось скоро вернуться.

**) Впослѣдствіи членъ нѣмецко-либеральной партіи, буржуазный министръ.

этого. Онъ хорошо зналъ, что, еслибъ дѣло дошло до боя, Габсбурга постигла бы участь Людовика XVI 10 августа 1792 года. Онъ рѣшился уступкой положить конецъ критическому моменту, который, ежели нужно, грозилъ перейти въ кровавую баню. Императоръ Фердинандъ, который видѣлъ вокругъ дворца бушующую массу вооруженнаго народа и который и на этотъ разъ стоялъ за „не стрѣлять", тотчасъ же удовлетворилъ требованія академическаго легіона. И тогда народу объявили, что на конституцію слѣдуетъ смотрѣть, какъ на проектъ, который уже долженъ обсуждаться парламентомъ, избраннымъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Остальныя требованія были также удовлетворены.

Радость народа была безграничной, національная гвардія и академическій легіонъ ушли, народныя массы разсѣялись. Такъ безъ всякаго кровопролитія закончилось возстаніе 15 мая; реакціонеры впослѣдствіи говорили, что оно было вызвано французами и поляками.

Конституція г-на Пиллерсдорфа погибла; однако кое-что ему удалось спасти во время бури 15 мая, именно косвенные выборы въ рейхстагъ. Демократія слишкомъ поздно увидѣла подставленную ей ножку. Д-ръ Таузенау, выдвинувшійся въ качествѣ руководителя движенія, благодаря своему могучему ораторскому таланту, пытался впослѣдствіи добиться у Пиллерсдорфа прямыхъ выборовъ, но Пиллерсдорфъ, который прекрасно понималъ невозможность повторенія 15 мая изъ-за прямыхъ выборовъ, насмѣшливо отвѣтилъ, что не знаетъ какъ осуществляются прямые выборы.

Въ Вѣнѣ происходило то же, что и въ Берлинѣ. Министры говорили буржуа, что „народъ" неподготовленъ къ прямымъ выборамъ, буржуа убѣждали въ этомъ мелкую буржуазію, а эта послѣдняя всѣми силами старалась распространить мнѣніе, что именно рабочимъ никакъ нельзя предоставить прямыхъ выборовъ. Такъ теряли всѣ слои прямые выборы! Въ то время, какъ Вѣна ликовала по поводу легкой побѣды народа, придворная камарилья, у которой наибольшимъ вліяніемъ пользовались эрцгерцогиня Софья и графъ Бомбеллесъ, рѣшила увезти слабаго императора изъ революціонной Вѣны. Опасались, что „Нандль", который не хотѣлъ позволить стрѣлять, могъ согласиться и на дальнѣйшія уступки. Распространяли нелѣпые слухи и абсурдную ложь, разсказывали, будто право убѣжища императора нарушено, что его собираются убить, объявить республику и довести дѣло до всеобщаго банкротства. Вечеромъ 17 мая императоръ Фердинандъ удралъ въ Инсбрукъ къ своимъ вѣрнымъ тирольцамъ, гдѣ онъ не боялся проявленія революціонныхъ страстей. „Вѣнская газета", офиціальный органъ правительства, писала еще утромъ 18 мая: „отъѣздъ императора повторилъ бы исторію бѣгства Людовика XVI. Послѣдній день пребыванія здѣсь Его Величества станетъ и **первымъ днемъ республики**". Въ то же утро вѣнцы узнали о бѣгствѣ императора и были сильно огорчены. Министерство объявило, что императоръ уѣхалъ безъ его вѣдома. Тогда вѣнцы поняли, что ихъ добраго императора „Нандля" увезла придворная камарилья. Въ предмѣстьи Маріагильфъ два журналиста Гефнеръ и Тувора сдѣлали попытку объявить республику. Люди „порядка" тотчасъ же арестовали ихъ. Они чуть-чуть не были растерзаны рабочими, такъ какъ мѣщане расписали рабочимъ республику, какъ сплошныя убійства и пожары.

Отъ Фердинанда изъ Инсбрука, гдѣ патріоты въ фуфайкахъ и штанахъ до колѣнъ выпрягли лошадей изъ экипажа бѣжавшаго императора и довезли его на себѣ во дворецъ; скоро прибылъ манифестъ. Въ немъ говорилось, что партія анархистовъ *) лишила императора свободы дѣйствій, что онъ, хотя и не думаетъ отнять или сузить дары, которые отъ него получилъ народъ, однако проситъ, чтобы впредь свои пожеланія народъ предъявлялъ ему въ лойяльной формѣ и т. д., и т. д.

Такъ камарилья заставила говорить императора. Пользуясь своимъ вліяніемъ, она отняла у него какую бы то ни было свободу дѣйствій. Впрочемъ, и по завершеніи конституціоннаго устройства Фердинандъ этой свободы дѣйствій не получилъ бы, потому что такая „свобода" стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ конституціей.

Бѣгство императора оказало свое дѣйствіе въ мѣщанскихъ кругахъ. „Городъ императора" и безъ императора—это было такъ трудно понять этому классу людей. Нѣкоторые испугались того, что съ удаленіемъ императорскихъ особъ они потерпятъ убытки въ дѣлахъ. Настроеніе падало. Реакціонеры усиленно вели свою агитацію. Остальное дополнили подкупленныя дворомъ газеты. Произошло нѣчто невѣроятное: центральный комитетъ, за которымъ еще стояла вся Вѣна, объявилъ себя распущеннымъ. Онъ думалъ этимъ достигнуть умиротворенія умовъ (настроенныхъ противъ революціи). Этой наивностью сейчасъ же воспользовались реакціонеры. Они рѣшили разоружить и распустить академическій легіонъ.

Правительство и городскія власти учредили совмѣстно такъ называемую „стражу безопасности" изъ „людей мира" по образцу англійскихъ констэблей. Эта стража запрещала стоять на улицѣ группой больше, чѣмъ въ пять человѣкъ и очень часто нарушала только что завоеванныя свободы. Буржуа изъ національной гвардіи позволили себѣ обратиться къ правительству съ ободряющими заявленіями. „Отецъ Коллоредо", командиръ академическаго легіона съ благороднымъ нахальствомъ заявилъ, что нельзя больше съ честью носить шляпу легіона. Въ ночь съ 25 на 26 мая президентъ правительства Монтекуколи постановилъ, что легіонъ долженъ быть разоруженъ и распущенъ.

Реакціонеры были увѣрены въ своей побѣдѣ. Министры, аристократы, буржуа—всѣ единодушно полагали, что „диктатура студентовъ" должна быть уничтожена и что нужно положить конецъ „возрастающему одичанію рабочихъ". Эти господа уговорили себя, что „вся Вѣна" согласна съ ними на этотъ счетъ. Но событія показали имъ скоро другое.

Студенты собрались утромъ 26 мая въ университетъ, пока по большей части невооруженные, чтобъ обсудить положеніе дѣлъ; на улицахъ межъ тѣмъ правительство стало проявлять свою власть. „Люди мира" со своими бѣлыми посохами разгоняли скопленія людей. Скоро густыми колоннами появились и войска. Инфантерія заняла открытыя площади, кавалерія расположилась на гласисѣ. Въ это время, когда уже

---

*) Не мѣшаетъ напомнить буржуазному либерализму, что и онъ когда-то, далекій отъ власти, получилъ сверху упрекъ въ анархизмѣ, который онъ теперь, стоя у власти, съ такимъ удовольствіемъ бросаетъ по адресу другихъ.

и на университетской площади появились войска, въ университетъ пришли президентъ правительства Монтекуколи съ извѣстными профессорами Гіэ и Эндлихеромъ, а также съ отцомъ Коллоредо. Этотъ четырехлистый трилистникъ потребовалъ отъ студентовъ, чтобъ они разошлись. „Измѣнники", крикнули имъ навстрѣчу студенты. Они поспѣшили удалиться изъ университета.

Часть студентовъ устремилась на квартиры, чтобъ достать свое оружіе, другіе поспѣшили въ предмѣстья, чтобъ позвать на бой своихъ союзниковъ, рабочихъ. Ихъ пламенные призывы дѣйствовали вездѣ зажигательнымъ образомъ. Рабочіе массами покидали мастерскія и шли въ городъ. Національная гвардія предмѣстій приказала барабанщикамъ дать сигналъ тревоги и, вопреки волѣ своихъ реакціонныхъ офицеровъ, пошла на помощь студентамъ. Городскія ворота были еще не вездѣ заперты; кое-гдѣ ихъ открыли силой. Писатель, д-ръ Франкъ, призывалъ студентовъ не отступать передъ боемъ за свободу и распорядился распространить среди рабочихъ тысячи наскоро отпечатанныхъ плакатовъ съ надписью: „Мы требуемъ, чтобъ академическій легіонъ оставался и впредь". Рабочіе носили эти плакаты на своихъ шляпахъ *). Когда національная гвардія и рабочіе предмѣстій густыми массами двинулись къ центру города, раздался возгласъ: „на баррикады". И баррикады вырастали изъ земли съ волшебной быстротой. Черезъ нѣсколько часовъ ихъ уже насчитывали до 160. Рабочіе, вооруженные кирками, ломами и другимъ несложнымъ оружіемъ, возводили эти укрѣпленія подъ руководствомъ студентовъ. Войска, тѣсно сплоченныя, стояли на площадяхъ. Національная гвардія колебалась. Съ удивленіемъ и ужасомъ смотрѣли изъ своихъ оконъ аристократы и буржуа на тысячи пролетаріевъ „загорѣлыхъ, мускулистыхъ, волосатыхъ и бородатыхъ", выглядѣвшихъ такъ непріятно. Слишкомъ долго игнорировалась массовая нищета предмѣстій. Теперь тысячи представителей ея потоками заливала улицы столицы. Тѣ, на которыхъ до сихъ поръ смотрѣли съ пренебреженіемъ, которые назывались „сбродомъ", вызывали теперь страхъ. Въ этотъ день буржуа, аристократамъ и бюрократамъ Вѣны пришлось увидѣть лохмотья, которыя господствующая система эксплоатаціи одни только и предоставила народу для прикрытія его наготы. Но буржуа-фарисеи, нуждающіеся въ институтѣ современнаго рабства, чтобъ использовать привилегіи, предоставленныя имъ ихъ собственностью, не могли и на этотъ разъ возвыситься до пониманія той страшной трагедіи, что эта трудолюбивая масса рабочихъ не можетъ прокормиться и одѣться на свои заработки. Буржуа и аристократы разомъ воспылали гнѣвомъ на министерство, которое своими мѣрами вызвало въ городъ „вотъ этихъ". Они забыли, что они, буржуа и аристократы, сами содѣйствовали министерству!

Рабочіе пристыдили дрожащую буржуазію своимъ поведеніемъ. На дверяхъ барскихъ домовъ они написали: „собственность священна!" Люди, почти цѣлыми недѣлями не ѣвшіе горячаго, не притронулись къ сокровищамъ богатыхъ, которыя были въ ихъ власти.

---

*) Совсѣмъ какъ рабочіе парижскихъ предмѣстій при своемъ нападеніи на конвентъ 1-го преріаля 1795 года. На своихъ шляпахъ они носили надпись: „Хлѣбъ и конституція 1793 года"

Это явленіе, которое такъ часто повторялось въ разныхъ революціяхъ, не мѣшаетъ, однако, биржевымъ вампирамъ и эксплуататорамъ всякихъ видовъ безстыдно говорить о рабочихъ, какъ объ „падкой къ грабежамъ черни“.

Населеніе въ огромномъ своемъ большинствѣ относилось къ студентамъ сочувственно; къ университету пришелъ даже вооруженный отрядъ женщинъ. Вѣнцы чувствовали вѣдь, что распущеніе академическаго легіона могло бы послужить началомъ полной реакціи.

Правительство, удивленное сильнымъ отпоромъ, не рѣшилось открыть нападеніе. Оно уступило. Войска были отозваны изъ города, и національная гвардія заняла караулы. Приказъ о распущеніи академическаго легіона былъ отмѣненъ. Побѣда народа, завоеванная, главнымъ образомъ, благодаря готовности и вѣрности дѣлу революціи рабочихъ изъ предмѣстій, была полная.

Носился слухъ, что ночью войска сдѣлаютъ внезапное нападеніе. Студенты и рабочіе всю ночь оставались за баррикадами, на которыхъ зажгли сторожевые огни. Нападенія не было. Вожди движенія еще вечеромъ думали, какъ использовать плоды побѣды. Однако и этотъ критическій моментъ не вывелъ Таузенау и его товарищей изъ состоянія политическаго младенчества. Они даже не потребовали отставки министерства, характеръ котораго уже выяснился имъ во время его попытки произвести насильственный переворотъ. Они потребовали лишь учрежденія особаго комитета, состоящаго изъ гражданъ и студентовъ. Замѣчательно, что этотъ комитетъ назывался „комитетомъ безопасности“, какъ будто бы онъ долженъ былъ выполнять полицейскую функцію. Этотъ комитетъ долженъ былъ взять общественныя дѣла Вѣны въ свои руки и слѣдить за тѣмъ, чтобъ не были нарушены новыя права австрійскаго народа. Національная гвардія должна была получить 36 пушекъ. Гойосъ, Коллоредо, Монтекуколи и профессоръ Гіэ должны были быть даны комитету безопасности въ качествѣ заложниковъ *). Портреты графа Бомбеллеса и Монтекуколи народъ предалъ казни черезъ повѣшеніе.

Благодаря стараніямъ Таузенау вечеромъ конструировался новый комитетъ изъ гражданъ и студентовъ. Рабочіе не были въ немъ представлены. Они были слишкомъ неопытны, чтобъ выставить такое требованіе. Если-бъ они его выставили, то ихъ требованію не рѣшились бы отказать. Предсѣдателемъ комитета былъ Фишгофъ. Въ то время, какъ граждане предавались безграничнымъ восторгамъ, рабочіе не удовлетворились достигнутыми успѣхами. Они не оставили баррикадъ и потребовали освобожденія Туворы и Гефнера, арестованныхъ 18 мая за попытку провозгласить республику **). Это требованіе было сейчасъ же удовлетворено, несмотря на то, что помиловать ихъ, обвиненныхъ въ преступленіи противъ государства, могъ лишь императоръ. Но и это еще не удовлетворило рабочихъ и не сдвинуло ихъ съ баррикадъ.

---

*) Монтекуколи и Коллоредо убѣжали. Гойосъ и Гіэ были схвачены, но скоро отпущены на свободу. Товарищъ Гіэ, профессоръ Эндлихеръ, тоже добившійся незаслуженной извѣстности, убѣжалъ и умеръ.

**) Впрочемъ ни одинъ изъ нихъ не заслуживалъ симпатіи народа. Ихъ поведеніе въ дальнѣйшемъ не оставляетъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Тувора впослѣдствіи получалъ отъ правительства содержаніе.

Страхъ мѣщанства росъ съ каждымъ часомъ. Комитетъ безопасности хитростью увелъ рабочихъ въ предмѣстья. Ихъ пригласили принять участіе въ торжественномъ шествіи, и они полные довѣрія пошли. Подъ своими знаменами они прошли по всѣмъ улицамъ города. Окольными путями ихъ привели въ предмѣстья. Они не противились. Поспѣшно были сняты всѣ баррикады, и ненавистныя буржуазіи „препятствія уличному движенію“ были уничтожены.

Темный „инстинктъ массъ“ толкалъ рабочихъ использовать обѣщанные плоды этой побѣды, но они не знали хорошо, чего имъ требовать. Иначе они навѣрное потребовали бы себѣ представительства въ комитетѣ. Но и демократы не знали, что они должны предпринять, пользуясь завоеванной рабочими и въ значительной степени, какъ съ неба свалившейся имъ властью. Даже Таузенау этого не зналъ. Мнѣніе его тогдашнихъ почитателей, что онъ одинъ понялъ движеніе въ его цѣломъ, было сильнымъ преувеличеніемъ. Онъ такъ же мало обладалъ политической дальнозоркостью, какъ и его товарищи д-ръ Гольдмаркъ, д-ръ Фишгофъ или отецъ Фюстеръ, полковой священникъ при академическомъ легіонѣ. Всѣ трое были тогда очень популярны и были избраны въ австрійскій рейхстагъ. Таузенау превосходилъ ихъ всѣхъ ораторскимъ талантомъ. Онъ своими образными рѣчами, на которыхъ лежала печать пылкой фантазіи, хотя бы онѣ и не являлись мастерскими въ художественномъ смыслѣ, увлекалъ за собой народныя собранія.

Комитетъ имѣлъ въ своихъ рукахъ всю политическую власть Австріи и могъ выступить въ качествѣ новаго правительства. Онъ долженъ былъ ухватиться только за поводья. Но онъ этого не сдѣлалъ и далъ время оправиться трепещущему министерству Пиллерсдорфа. Вся Европа удивлялась Вѣнѣ, народъ которой проявилъ такую могущественную активную силу. Если-бъ этотъ народъ учредилъ новое демократическое правительство, никто бы не удивился. За комитетомъ стояла вся Вѣна, а за Вѣной вся Австрія. Министерство имѣло въ своемъ распоряженіи слишкомъ мало войска. Вся австрійская армія была въ это время занята подавленіемъ возстанія въ Богеміи и Италіи *). Отъ исхода борьбы въ этихъ странахъ зависѣла также и бу-

*) Реакціонеры возлагали въ это время всѣ свои надежды на побѣду Радецкаго, которая позволила бы ему направить свои войска противъ вѣнской демократіи. Поэтому-то „черно-желтый“, мрачный и желчный Грильпарцеръ обратился тогда къ старому Радецкому съ такими стихами:

Glückauf, mein Feldherr, führe den Streich,
Doch nicht um des Ruhmes Schimmer,
In deinem Lager ist Oesterreich,
Wir Andern sind einzelne Trümmer.

(„Богъ на помощь, мой полководецъ! Веди свою борьбу, но не ради мерцанія славы: **вся Австрія въ твоемъ лагерѣ**; мы же остальные только отдѣльные обломки“).

За эти стихи Грильпарцеръ былъ по достоинству осмѣянъ. По большей части буржуазія и ея литературные прислужники вопили призывая штыки Радецкаго. Они ихъ также жаждали, какъ олень свѣжей воды. Одна изъ представительницъ „поэзіи гувернантокъ“ Елизавета Глюккъ (она же Бетти Паоли) обращается въ стихахъ къ Радецкому.

„Ich kann es kaum ermessen,
Dass ich in wachem Traum
Die Lippen möchte pressen
Auf deines Mantels Saum!“

душность Австріи. Но комитетъ повидимому не понималъ этого. Въ противномъ случаѣ онъ не допустилъ бы, чтобъ въ Вѣнѣ существовало другое правительство, которое бы дѣлало все возможное, чтобы повсюду подавить освободительное движеніе и освобожденныя военныя силы направить противъ самой Вѣны.

И въ Вѣнѣ, какъ и вездѣ народъ возложилъ всѣ свои надежды на парламентъ. Одновременно должны были выступить три новыхъ парламента, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ и въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Они должны были вновь составить разорванную форму нѣмецкаго единства. Но эти три собранія не могли возстановить его въ цѣлости и ограничились одними заплатами стараго тряпья.

(Я жажду прижать мои губы къ краю твоей одежды).

Намъ неизвѣстно, пришлось ли, дѣйствительно, этой 33-лѣтней дѣвицѣ, испытать это высокое наслажденіе.

Франкфуртскій парламентъ.

18 мая 1848 года собрался во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ церкви Св. Павла первый нѣмецкій парламентъ. Выборы на территоріи Союза были сорганизованы правительствомъ, согласно предписаніямъ предварительнаго парламента и въ общемъ прошли без значительныхъ препятствій: народное движеніе было еще слишкомъ сильнымъ для того, чтобы какое-нибудь правительство могло противодѣйствовать выборамъ, несмотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности Австрія, съ самаго начала рѣшила по возможности бороться съ постановленіями парламента. Германскія правительства уплачивали даже діэты своимъ депутатамъ.

Комиссія пятидесяти провела дорогое время въ высшей степени безполезныхъ разговорахъ и вела съ союзнымъ сеймомъ нелѣпую переписку, въ которой каждое изъ этихъ учрежденій желало установить предѣлы своей компетенціи. Тѣмъ не менѣе, горячія надежды конституціонно-либеральнаго филистерства, возлагавшіяся на этотъ парламентъ, не охладѣли, и попрежнему въ этихъ кругахъ парламенту приписывали какую-то чудодѣйственную силу, — разрѣшить сложный клубокъ—нѣмецкій вопросъ и водворить, наконецъ, прочный порядокъ вмѣсто политическаго хаоса, возникшаго изъ мартовскихъ событій. Послѣ пораженія республиканцевъ, для конституціонно мыслящихъ гражданъ центръ тяжести движенія перенесся съ свободы Германіи на ея объединеніе; по ихъ мнѣнію главная задача парламента должна была свестись къ тому, чтобы подчинить одной коронѣ всю Германію, раздѣленную дюжиной большихъ и малыхъ революцій. Съ тѣхъ поръ, какъ передъ конституціоналистами выступилъ грозный призракъ „анархіи“, они и слышать ничего не хотѣли о „свободѣ“ и, естественно, что въ нѣмецкомъ „единствѣ“ съ сильной государственной властью во главѣ, они въ первую линію искали надежную защиту противъ пролетарскихъ массъ, отъ которыхъ ихъ напуганная фантазія ожидала всего, самаго сквернаго. „Единое“ правительство Германіи должно было обезпечить имъ „порядокъ“, благодаря которому снова поднялся бы курсъ на ихъ бумаги. Они хотѣли спокойно пользоваться своими рентами или заняться дѣлами и накоплять капиталы. Въ мартѣ они всѣ были чрезвычайно буйными, теперь же въ войскѣ они видѣли лучшую поруку въ спокойствіи и порядкѣ; и неудивительно, что фи-

листеры то и дѣлали, что натравливали войска на демократовъ. Натравливаніе въ значительной степени облегчалось еще и самими демократами, которые безъ всякой нужды издѣвались и оскорбляли войска. Гражданское ополченіе въ значительномъ большинствѣ мѣстъ обратилось въ защитниковъ порядка въ интересахъ мѣщанства и испуганныхъ филистеровъ; оно пользовалось своей силой съ жестокостью скряги, дрожащаго за свои сокровища. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ гражданское ополченіе носило демократическій характеръ, естественно происходили кровавыя столкновенія между ними и войсками. Стычки между народомъ и войсками имѣли мѣсто въ Штутгартѣ, гдѣ принцъ Вильгельмъ находился въ большой опасности, и въ Касселѣ; то же самое въ Маннгеймѣ и Дармштадтѣ. Въ Трирѣ произошла жестокая схватка между демократическими гражданами, ополченіемъ и войсками. Въ Майнцѣ, по поводу одной вызывающей статьи въ „Майнцской газетѣ“, разгорѣлось столкновеніе между прусскими солдатами и гражданскими ополченцами, при чемъ оказалось 4 убитыхъ и 25 раненыхъ на сторонѣ Пруссіи, и одинъ убитый и пять раненыхъ на сторонѣ Майнца. Въ Фридбергѣ и особенно въ Ульмѣ войско позволяло себѣ возмутительныя насилія надъ демократами, въ результатѣ которыхъ оказалось много раненыхъ, а также убитыхъ.

Почва для политической реакціи была несомнѣнно создана соціальной реакціей, вызванной эгоизмомъ и трусостью имущихъ классовъ. Въ то время какъ по всей Германіи гулко раздавались пѣсни о свободѣ, рабочимъ по прежнему, какъ и въ домартовскую эпоху, отравляли жизнь всякими полицейскими мѣропріятіями, и добрые вооруженные граждане во имя порядка съ необычайной жестокостью подавляли всякіе зачатки рабочаго движенія *).

Не мало спорили о томъ, насколько Франкфуртъ былъ удобенъ для засѣданій парламента; нѣкоторые, напримѣръ, утверждали, что Вѣна была бы въ данномъ отношеніи гораздо болѣе подходящимъ центромъ. Само по себѣ это, конечно, возможно.

Но не нужно упускать изъ виду, что даже парламентъ при его составѣ находясь подъ воздѣйствіемъ большаго города, чѣмъ Франкфуртъ, который Руге насмѣшливо назвалъ деревней, все же не привелъ бы къ другимъ результатамъ. Въ общемъ, Франкфуртъ потому, главнымъ образомъ, занялъ мѣсто одного изъ руководящихъ центровъ объединительнаго движенія, что въ Южной Германіи раньше всего мартовскія бури разразились. Когда либеральная буржуазія стала 5-го марта въ Гейдельбергѣ во главѣ движенія, революція еще совершенно не захватила Пруссію и Австрію. Вотъ почему во Франкфуртѣ былъ созванъ правительственный парламентъ, а отсюда вытекало уже и все дальнѣйшее.

Когда парламентъ во Франкфуртѣ открылъ, наконецъ, свои засѣданія, либеральное и конституціонное бюргерство, полное надеждъ, бодро смотрѣло въ будущее; даже среди демократовъ попадались нѣ-

*) Въ одной деревушкѣ около Штутгардта во время „весны народовъ“ забрали одного бѣднаго ремесленника; въ тюрьмѣ разорвали ему при арестѣ штаны. Онъ ихъ вывѣсилъ изъ-за рѣшетки крича: „Вотъ вамъ нѣмецкая свобода!“ Ему понятно зажали ротъ, но фактъ этотъ имѣлъ большое агитаціонное значеніе.

которые, поддавшіеся иллюзіи, что парламентъ захватитъ въ свои руки власть, на подобіе того, какъ это когда-то сдѣлалъ Долгій парламентъ въ Англіи или Національный Конвентъ во Франціи.

Парламентъ, состоявшій приблизительно изъ 600 членовъ, представлялъ собою удивительную смѣсь отсталыхъ и передовыхъ элементовъ. Тамъ можно было увидѣть привидѣнія XVIII вѣка, разсудительныхъ стариковъ съ сѣрыми, будничными мыслями на ряду съ молодыми, бурными революціонерами, дѣтищами послѣднихъ дней. Жертвы домартовскаго деспотизма смѣшивались съ представителями этой деспотической системы. Юнкера и священники, буржуа и крестьяне, писатели и военные, юристы и теологи, профессора и ремесленники, консерваторы и республиканцы, демократы и конституціоналисты, „цѣльные люди“ и „половинчатые“ трусливые и рѣшительные — всего было понемногу, всѣ пестро смѣняли другъ друга. Бѣглаго обзора совершенно достаточно, чтобы увидѣть въ парламентѣ преобладаніе конституціоналистовъ, именно тѣхъ недальновидныхъ филистеровъ, которые, несмотря на несчастнѣйшіе опыты, всегда вѣрили, да и теперь еще вѣрятъ, въ возможность созданія здоровой государственной и народной жизни, опирающейся на бумажную конституцію, а не на дѣйствительное взаимоотношеніе общественныхъ силъ, на реальныя условія жизни. Аристократически-реакціонная партія, ожидавшая того момента, когда она сможетъ снять надѣтую на себя маску, на время примкнула къ конституціоналистамъ. Конституціоналисты же энергично совершали предварительную работу для позднѣйшей реакціи и подготовляли демократамъ полное пораженіе на поприщѣ парламентской борьбы, для того чтобы потомъ самимъ очутиться передъ усилившейся и реорганизованной реакціей, которая раздѣлалась съ ними съ домартовской грубостью.

Не каждый могъ сначала замѣтить развитіе событій въ этомъ направленіи. Собраніе парламента вызвало снова взрывъ восторговъ, какъ и въ мартовскіе дни; вѣдь никогда Германія не видала такого большого собранія, на которомъ къ тому же присутствовали лица, вызывавшія къ себѣ и со стороны нѣмцевъ благоговѣніе или почтеніе. Совершенно иначе отнеслись люди дѣла, республиканцы, бѣжавшіе за границу. Хорошо изучивъ фанатиковъ порядка, „добрыхъ гражданъ“, они и пришли къ тому правильному заключенію, что собраніе, исполненное даже самыхъ благихъ намѣреній, не сможетъ рѣчами и бумажными резолюціями разрѣшить великій вопросъ текущаго момента, именно: противопоставить реакціоннымъ силамъ суверенитетъ народа *).

И что такое представляетъ собой народъ?

Масса, раздѣленная на тысячи частей, каждая со своими особыми

---

*) Меглингъ говорилъ по данному вопросу: „Мы никогда не питали благорасположенія къ франкфуртскому парламенту и относились съ сожалѣніемъ къ немногимъ друзьямъ и единомышленникамъ, засѣдавшимъ въ немъ, такъ какъ они посланы были народомъ на постъ, на которомъ можно было сдѣлать мало полезнаго и мало снискать себѣ уваженія и наоборотъ, очень много пережить противнаго, они должны были оставаться на этомъ посту до тѣхъ поръ, пока ихъ не отзовутъ или не прогонятъ насильно.

противоположными другъ другу интересами. Съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне были освобождены, дѣйствительно революціонные элементы оказались слишкомъ слабыми для того, чтобы укрѣпить движеніе и направить его въ должное русло. Кромѣ крестьянъ существовалъ еще громадный классъ мѣщанъ, особенно внѣ большихъ городовъ и нѣкоторыхъ крупныхъ промышленныхъ центровъ, который подобно свинцовому грузу, привязанному къ ногамъ, тормозилъ и мѣшалъ движенію.

Партіи быстро отмежевались.

Правая считала себя аристократически-конституціонной партіей, но для большинства ея членовъ приверженность конституціи была только маской; они тщательно скрывали свою преданность строгому абсолютизму, но они дѣлали все, чтобы уничтожить черезъ конституціоналистовъ ненавистную демократію и черезъ демократовъ не менѣе ненавистныхъ конституціоналистовъ. Въ правой партіи находился генералъ фонъ-Радовицъ *), этотъ опытный интриганъ, считавшійся одновременно и любимцемъ прусскаго двора и другомъ іезуитовъ, два „брата во Христѣ", Кеттелеръ, позднѣе майнцскій епископъ, и Деллингеръ помогали ему во всѣхъ его темныхъ дѣлахъ. На правой же сторонѣ сидѣлъ господинъ фонъ-Винке; своей главной задачей онъ считалъ растворить Германію въ Пруссіи. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ ораторовъ правой; большую извѣстность благодаря своимъ дерзкимъ, полнымъ ненависти выходкамъ противъ демократовъ, пріобрѣлъ авантюристъ князь Лихновскій, бывшій на службѣ у испанскихъ карлистовъ. Остроумный Детмольдъ изъ Ганновера и Флоттвель изъ Мюнстера тоже принадлежали къ правымъ.

Центръ состоялъ только изъ конституціонныхъ элементовъ; онъ дѣлился на правый и лѣвый центръ.

Въ правый центръ—конституціонно-аристократически-либеральную фракцію—входили либеральные патріоты прошлыхъ десятилѣтій; хотя они отчасти пострадали отъ травли, поднятой на „демагоговъ", но они все же не понимали, какъ много измѣнилось въ промежутокъ времени, отдѣлявшій 1817 годъ отъ 1848. Среди нихъ самихъ не было „государственныхъ людей", но ихъ довѣріе къ „верху" было равносильно страху передъ „анархіей"—снизу. Въ этихъ рядахъ находился Эрнстъ-Морицъ Арндтъ и „отецъ гимнастики" Янъ, проповѣдывавшіе французоѣдство, къ которому они привыкли еще во время войны за освобожденіе князей. Сильвестръ Іорданъ и Эйзенманъ казалось пріобрѣли лояльность въ домартовскихъ тюрьмахъ въ отношеніи къ тѣмъ, которые засадили ихъ въ эти тюрьмы. Членами этой же партіи были Миттермайеръ и „духовидецъ" Бассерманъ, между которыми произошло сильное столкновеніе изъ-за ареста Фиклера; затѣмъ Симсонъ, позднѣе президентъ Германскаго рейхстага и имперскаго суда, Дальманъ изъ Бонны, профессоръ государственнаго права Моль изъ Гейдельберга, трусливый Риссеръ изъ Гамбурга, болтливый Велькеръ, толстый Суаронъ изъ Мангейма и, наконецъ, человѣкъ съ густыми бровями, Ген-

---

*) Одинъ изъ членовъ Франкфуртскаго парламента (Вуттке изъ Лейпцига) утверждаетъ, что во всемъ парламентѣ никто не говорилъ такъ увлекательно, внушительно и убѣжденно, какъ господинъ фонъ-Радовицъ. Мы не могли провѣрить, насколько правильно это утвержденіе.

рихъ фонъ-Гагернъ. Вокругъ него собралась группа единомышленниковъ, которыхъ демократы окрестили позднѣе кличкой „Гагернской роты".

Въ лѣвомъ центрѣ сидѣли: Венедей изъ Кельна, который вмѣстѣ съ Морицемъ Молемъ изъ Штутгарта соревновали въ искусствѣ донимать собраніе безсодержательной, невыносимой болтовней; Людвигъ Уландъ изъ Тюбингена, мало говорившій, но стойкій и выдержанный; Фалльмерайеръ, извѣстный путешественникъ и историкъ востока, Раво изъ Кельна, краснорѣчивый и ловкій, но сильно поддававшійся вліянію другихъ; Эйзенштукъ изъ Хемница, промышленникъ и Симсонъ изъ Бреславля, человѣкъ съ выдержаннымъ юридическимъ міровоззрѣніемъ. Демократически настроенный конституціонный лѣвый центръ при голосованіяхъ сначала всегда колебался то въ одну, то въ другую сторону между демократами и конституціонными либералами, но послѣ того, какъ реакція разбила его конституціонныя иллюзіи, онъ въ большинствѣ случаевъ голосовалъ съ лѣвой.

Лѣвая считала своимъ вождемъ Роберта Блюма изъ Лейпцига, котораго постигла потомъ трагическая судьба. Въ этой партіи особенно выдѣлялись Карлъ Фогтъ изъ Гессена, часто бывавшій остроумнымъ, но къ сожалѣнію очень много говорившій; Брентано изъ Бадена, позднѣе „могильщикъ" баденскаго возстанія; Циммерманъ, бургомистръ Шпандау и Циммерманъ изъ Штутгарта, извѣстный историкъ крестьянской войны; Везендонкъ изъ Дюссельдорфа, Шюллеръ изъ Іены и Морицъ Гартманъ изъ Лейтмерица, извѣстный поэтъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что всѣ эти извѣстные представители лѣвой, имена которыхъ еще до сихъ поръ окружены большимъ обаяніемъ, совершенно не доросли до разрѣшенія той задачи, которая выпала на ихъ долю. Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы присоединиться къ высокопарнымъ эпигонамъ, забывающимъ, что критиковать несравненно легче, чѣмъ приводить въ критическій моментъ правильную тактику. Съ самаго начала позиція, занятая франкфуртскими лѣвыми, была потеряна, но ее можно было потерять съ большимъ достоинствомъ. Среди лѣвыхъ попадались люди съ удивительно высокими личными достоинствами, которыя заслуживаютъ всякаго уваженія, но партія въ цѣломъ, при всѣхъ своихъ фразахъ, не была способна управлять ходомъ революціи.

Нѣсколько членовъ откололись отъ нея, какъ крайняя лѣвая; сюда входили убѣжденные республиканцы, нѣкоторые даже съ соціалистическими оттѣнками. Старшій Шлеффель, неукротимый демократъ изъ Гиршбергской долины въ Силезіи; Трюцшлеръ, позднѣе одна изъ благороднѣйшихъ жертвъ военнаго суда, Цицъ изъ Майнца, Симонъ изъ Трира, который умѣло облекалъ въ красивую форму демократическую фразеологію и радикальный философъ Арнольдъ Руге. Слишкомъ много мѣста заняло бы перечисленіе всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ именъ.

Нѣмцы, слишкомъ мало жившіе парламентской жизнью, вели самые запутанные дебаты, которыми совершенно не могъ овладѣть при своей старческой слабости Лангъ изъ Вердена, избранный президентомъ, какъ старѣйшій изъ депутатовъ. Двѣ окаменѣлости изъ эпохи борьбы за освобожденіе князей, Янъ и Арндъ, въ день открытія выступили

съ такой безсмысленной чепухой, что собраніе никакъ не могло повѣрить, что передъ нимъ два знаменитыхъ патріота изъ временъ французской войны.

19 мая, на второмъ засѣданіи, удалось избрать временнаго предсѣдателя, при чемъ выборы показали преобладающую роль конституціоналистовъ. Большинствомъ 305 изъ 397 былъ избранъ Генрихъ фонъ-Гагернъ. Онъ занялъ мѣсто, обѣщалъ быть безпартійнымъ въ веденіи засѣданій и со свойственнымъ ему пафосомъ сказалъ:

„Намъ предстоитъ выполнить великую задачу. Мы должны выработать конституцію для Германіи, для всей имперіи. Суверенная нація призвала насъ и дала намъ полномочія на разрѣшеніе этой задачи“.

Эти слова вызвали громъ рукоплесканій и встрѣтили сочувствіе во всей имперіи. Всѣ сонливые и трусливые элементы убѣдились въ непоколебимости суверенитета націи, установленнаго словами благороднаго Гагерна. Дворянинъ, обладавшій хорошимъ состояніемъ и выдающимся общественнымъ положеніемъ, къ тому же мартовскій министръ — словомъ, Гагернъ былъ достаточнымъ авторитетомъ для средняго человѣка того времени, который всего сильнѣе желалъ, чтобы само высшее начальство приказало ему быть свободнымъ.

Вице-президентомъ былъ избранъ фонъ-Суаронъ, а Робертъ Блюмъ былъ забалотированъ, что, несомнѣнно, явилось новымъ предзнаменованіемъ.

Уже въ первые дни выяснилось въ достаточной мѣрѣ, какъ мало было суверенно собраніе. Депутатъ Цицъ требовалъ, чтобы собраніе вмѣшалось въ уже упоминавшееся столкновеніе въ Майнцѣ, гдѣ произошла кровавая уличная схватка. Комендантъ майнцской крѣпости угрожалъ обстрѣливать городъ, если гражданское ополченіе не отдастъ своего вооруженія. Офицеры гражданскаго ополченія постановили разоружить ополченіе*). Если бы собраніе ясно понимало свои задачи, оно должно было принять всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить этого разоруженія майнцскаго ополченія. Они должны были рискнуть, но они этого не сдѣлали, такъ какъ слишкомъ далеки были отъ такого желанія. Произошли горячіе дебаты, во время которыхъ Цицъ въ горячихъ словахъ призывалъ собраніе отмѣнить насильственный актъ со стороны коменданта майнцской крѣпости. Его энергично поддержалъ Робертъ Блюмъ, выступившій передъ собраніемъ первый разъ. „Я не вѣрю“, воскликнулъ онъ, „чтобы начали съ обстрѣливанія зажигательнымъ снарядомъ города имперіи“. Но правая уже поняла, что торжество на ея сторонѣ; Лихновскій по обыкновенію дерзко и вызывающе произнесъ рѣчь о „красныхъ штанахъ майнцскихъ якобинцевъ“ и воспѣлъ хвалебный гимнъ во славу прусскаго войска. „Государственные люди“ оспаривали право собранія вмѣшаться въ это дѣло, а Виденбругкъ сказалъ, что „собраніе не въ правѣ брать въ свои руки исполнительную

*) Какъ намъ сообщаютъ, только одинъ изъ офицеровъ при обсужденіи вопроса о разоруженіи сказалъ: „пусть они стрѣляютъ“. Онъ былъ увѣренъ въ бомбардировкѣ города и ожидалъ отъ той борьбы, которая должна была разгорѣться послѣ этого новаго взрыва уже ослабѣвшаго народнаго движенія. Если мы не ошибаемся, это былъ умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ докторъ Витманъ.

власть; оно имѣетъ только право выработки конституціи". Но откуда же веймарскіе крестьяне взяли право вторгнуться въ замокъ своего князя и заставить его признать фонъ-Винденбругка въ мартовскіе министры?

Лѣвую перекричали и подавили. Цицъ не получилъ даже заключительнаго слова, а когда онъ протестовалъ противъ этого, какъ внесшій предложеніе, благородный Гагернъ насмѣшливо крикнулъ ему: „Вы можете протестовать сколько угодно". Казалось бы, для каждаго должна была совершенно выясниться роль парламента послѣ того, какъ онъ подъ тріумфальные крики реакціонеровъ, не счелъ себя не только не въ правѣ взять подъ свою защиту Майнцъ противъ коменданта прусской крѣпости, несмотря на то, что разоруженіе майнцскаго гражданскаго ополченія произошло на самыхъ глазахъ народнаго представительства, но даже большинствомъ голосовъ оправдалъ дѣйствія коменданта. Но уже слишкомъ легко тогда поддавались обаянію фразъ, слишкомъ велико было политическое невѣжество, достигшее такихъ размѣровъ, что словамъ придавали большее значеніе, чѣмъ фактамъ. Несмотря на то, что собраніе ясно видѣло, что оно не располагаетъ ни рѣшимостью, ни средствами для дѣйствительнаго воплощенія народнаго суверенитета; несмотря на то, что оно совершенно ступевалось предъ комендантомъ майнцской крѣпости,—оно все же имѣло настолько смѣлости, чтобы на засѣданіи 27 мая вынести постановленіе, будто собраніе является учредительнымъ, т. е. что оно само создастъ новую конституцію, само приведетъ ее въ дѣйствіе, поставивъ ее внѣ зависимости отъ утвержденія князей и правительствъ. Нужно помнить, что и предварительный парламентъ принялъ аналогичное постановленіе, которое само по себѣ совершенно не могло имѣть никакого значенія*). Тѣмъ не менѣе это постановленіе было достаточнымъ предлогомъ для того, чтобы раскрылись всѣ шлюзы для пышныхъ фразъ государственныхъ дѣятелей, и вотъ полились рѣчи; художники слова, болтуны и пустомели всѣхъ партій — лѣвой, правой и центра—соперничали другъ предъ другомъ въ искусствѣ убивать безъ всякой, конечно, отвѣтственности дорогое время парламента въ красивыхъ, фразистыхъ и самодовольныхъ рѣчахъ.

Резолюція парламента, заявляющая о суверенности собранія, уже потому не имѣла никакого значенія, что она была бумажной и только бумажной. Суверенитетъ зиждется на дѣйствительной, реальной силѣ, а не на простыхъ постановленіяхъ и бумажныхъ резолюціяхъ. Собраніе было обязано своимъ происхожденіемъ революціи, отъ которой оно само охотно отреклось бы, а между тѣмъ парламентъ могъ существовать лишь при бурномъ народномъ движеніи. Какъ для существованія самаго собранія, такъ и для проведенія въ жизнь создаваемой конституціи нужна была сила, а эта сила могла быть лишь въ парламентскомъ войскѣ. Но парламентъ не образовалъ своей арміи; ни разу никто не внесъ практи-

*) Передаемъ содержаніе постановленія: „Учредительное собраніе, какъ органъ, созданный волей народа, избранный имъ для объединенія Германіи, для водворенія въ ней политической свободы, заявляетъ, что всѣ постановленія отдѣльныхъ германскихъ конституцій, несогласныя съ создаваемой общей конституціей, должны быть приспособлены къ послѣдней; до созданія ея, мѣстныя конституціи остаются въ силѣ".

ческаго предложенія создать ее, и только въ дебатахъ мелькала неясная и туманная мысль о необходимости такого института. Правда, пришли къ мысли объединить подъ руководствомъ одного шефа всѣ гражданскія ополченія Германіи и подчинить ихъ парламенту. Какъ мы въ дальнѣйшемъ увидимъ, гражданское ополченіе совершенно не годилось для роли защитника парламента въ минуты опасности, угрожавшей ему, и, кромѣ того, его не удалось соединить въ одну армію. Реакціонеры, однако, затормозили и уничтожили даже эти слабыя попытки, образовавъ комитетъ защиты, въ которомъ должны были обсуждаться всѣ вопросы, имѣющіе отношеніе къ народному вооруженію. Въ этотъ комитетъ попали почти исключительно члены правой, такъ что неудивительно, что онъ дѣлалъ все возможное для того, чтобы погубить и воспрепятствовать всякому мѣропріятію, направленному въ пользу народнаго вооруженія. Сознательные реакціонеры естественно не видѣли никакой нужды въ парламентскомъ войскѣ; наоборотъ, они старались сдѣлать все для того, чтобы затруднить организацію его. Конституціоналисты, уже поклонявшіеся фетишу будущей конституціи, въ своей наивной довѣрчивости, считали парламентское войско излишнимъ, а значитъ вреднымъ. Что же касается лѣвой,—то она или не вѣрила въ возможность осуществленія проекта, благодаря сопротивленію правой и центра, или возлагала свои надежды на „вооруженный народъ". Ихъ даже не проучилъ въ достаточной степени майнцскій случай; къ тому же они совершенно не понимали того, что гражданское ополченіе почти повсюду превратилось въ институтъ полиціи.

Но зато съ особымъ жаромъ ухватились они за мысль о созданіи временнаго правительства, что безусловно соотвѣтствовало воззрѣніямъ конституціоналистовъ. Эти господа, витавшіе въ облакахъ, не понимали, что вмѣстѣ съ созданіемъ центральнаго правительства они создадутъ для парламента, въ лицѣ этой новой силы, естественный тормазъ и камень преткновенія. Такъ какъ они въ сущности не понимали, что представляетъ собой въ дѣйствительности недавно завоеванная свобода, то неудивительно, что завзятые реакціонеры убѣдили ихъ въ необходимости имѣть во что бы то ни стало „сильную" центральную власть. Конечно, съ появленіемъ ея на сцену, нечего было бы даже толковать о „суверенности" парламента, и безъ того совершенно безсильнаго; тѣмъ не менѣе конституціоналисты упрямо настаивали на этомъ, что доказало только лишній разъ, какъ боги поражаютъ слѣпотой тѣхъ, кого они захотятъ погубить.

Вопросъ о центральномъ правительствѣ обсуждался уже въ комитетѣ пятидесяти, и 3 іюня парламентъ выбралъ комиссію изъ пятнадцати депутатовъ для разсмотрѣнія и обсужденія поступившихъ за это время докладовъ, имѣющихъ отношеніе къ этому вопросу. Этой же комиссіи было поручено представить парламенту докладъ. На 17 апрѣля было назначено обсужденіе проекта въ общемъ собраніи; записалось до 200 ораторовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что парламентъ могъ бы совершить грандіозную работу, прояви онъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ много любви и энергіи, какъ къ словоговоренію; но, къ сожалѣнію, его пылъ утолялся одной болтовней. Въ результатѣ словесной битвы, продолжавшейся восемь дней, была всего на всего та знаменитая мышь, которая такъ часто появляется на свѣтъ, когда рожаетъ гора.

Докладчикомъ комиссіи выступилъ Дальманъ изъ Геттингена, одинъ изъ знаменитыхъ семи геттингенцевъ; это была истинно профессорская натура. Какъ и большинство профессоровъ, онъ много учился, но воспринимать умѣлъ только шелестъ страницъ въ своихъ фоліантахъ, совершенно не чувствуя шелеста дѣйствительной, свѣжей жизни. Отъ имени большинства комиссіи онъ предложилъ директорію изъ трехъ членовъ, которые должны были быть намѣчены правительствами и безъ всякаго обсужденія утверждены національнымъ собраніемъ. Директорія союза должна назначить министерство, отвѣтственное предъ учредительнымъ собраніемъ; министерство не принимаетъ никакого участія въ выработкѣ конституціи и по завершеніи ея должно быть распущено.

Въ этомъ докладѣ, какъ капля въ водѣ, отразилась въ своемъ чистѣйшемъ видѣ вся наивная довѣрчивость конституціоналистовъ. Безотвѣтственная директорія съ отвѣтственнымъ министерствомъ. Въ директорію государственные мудрецы, Дальманъ и друзья его, мѣтили трехъ принцевъ; они только не успѣли придти къ соглашенію съ правой, какихъ именно.

Лѣвая внесла два предложенія: Блюмъ и Трюцшлеръ—демократическое меньшинство въ комиссіи—предлагали самому собранію выбрать изъ своей среды главу исполнительной комиссіи; этотъ глава присоединяетъ къ себѣ по собственному выбору четырехъ коллегъ, и составленный такимъ образомъ комитетъ долженъ быть отвѣтственнымъ предъ національнымъ собраніемъ, чьи постановленія онъ долженъ исполнять.

Второе предложеніе, подписанное главнымъ образомъ депутатами крайней лѣвой, просто требовало, чтобы собраніе выбрало изъ своей среды 5 человѣкъ, которые составили бы временное, отвѣтственное предъ собраніемъ правительство. Этому временному правительству должна была быть вручена верховная исполнительная власть надъ всей Германіей.

Въ извѣстномъ смыслѣ, послѣднее предложеніе лѣвой носило революціонный характеръ: оно хотѣло направить собраніе по тому пути, по которому въ мартѣ шли Гагернъ въ Гейдельбергѣ и его товарищи. Но съ тѣхъ поръ прошло время, и послѣдніе дошли уже до того пункта, гдѣ ихъ классовые интересы и конституціонная ограниченность приказывали имъ остановиться; они не имѣли ужъ ничего общаго съ идеализмомъ лѣвой и вопили о пагубныхъ конвентскихъ тенденціяхъ. И дѣйствительно, временное правительство, предложенное лѣвой, было снимкомъ съ Комитета Общественнаго Спасенія во Франціи, но снимкомъ чрезвычайно смѣшнымъ, такъ какъ Комитетъ Спасенія въ 1793 г. базировался во Франціи на фактической власти, въ то время, когда этой власти не могло быть у проектируемаго временнаго правительства въ Германіи. Въ своихъ иллюзіяхъ лѣвая въ общемъ не уступала конституціоналистамъ. Развѣ можно серьезно отнестись къ нелѣпѣйшей попыткѣ построить надъ Германіей республиканскую крышу, подъ которой жили бы 36 князей, сдерживаемые въ извѣстныхъ рамкахъ центральной республиканской властью. Это предложеніе имѣло бы смыслъ только въ томъ единственномъ случаѣ, когда франкфуртское собраніе обладало бы силой французскаго конвента; но такъ

какъ этого не было, а большинство собранія даже и не хотѣло ея, то ясно, сколько утопіи было въ предложеніи лѣвой. Зато оно нагнало страхъ на филистеровъ, такъ какъ передъ ними въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисовались тѣ конфликты, которые должны были явиться въ результатѣ принятія предложенія; кровавый призракъ террора 1793 г., тѣни Робеспьера и Фукье-Тенвиля *)—все это было использавано въ цѣляхъ устрашенія, и безъ того напуганнаго до крайности, добраго бюргера.

Большинство собранія, одолѣваемое тысячами опасеній, волнуемое надеждами, неувѣренное ни въ томъ ни въ другомъ, попадая въ широко разставленныя сѣти интригъ прусской и австрійской дипломатіи, не согласилось ни съ большинствомъ комиссіи, ни съ предложеніемъ лѣвой и въ концѣ концовъ передало центральную власть только одному лицу, совершенно безотвѣтственному предъ собраніемъ.

Хотя старинный дуализмъ между Пруссіей и Австріей и продолжалъ существовать, но на это рискованное для нихъ время обѣ стороны старались подавить свои антипатіи. Вѣдь между ними существовало единодушіе не допустить надъ собою господства конституціи; но онѣ тогда даже не предчувствовали той полной побѣды, которая въ концѣ концовъ выпала на ихъ долю.

До сихъ поръ еще не совсѣмъ распутаны нити интригъ, завязанныхъ конституціоналистами съ прусскими и австрійскими реакціонерами. Возможно, что кто-нибудь изъ участниковъ этой интриги разболтаетъ это, случайно или сознательно; быть можетъ, появятся въ свѣтъ и мемуары покойниковъ, въ которыхъ будетъ, наконецъ, обнаружена истина. Но тѣмъ не менѣе, даже изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали образованіе временнаго центральнаго правительства, можно приблизительно понять, какъ сплетались эти интриги.

Уже 31 мая фонъ-Винке, одинъ изъ лучшихъ черно-бѣлыхъ ораторовъ, предложилъ своимъ ближайшимъ партійнымъ коллегамъ высказаться за необходимость наслѣдственной королевской власти, которая должна немедленно перейти къ Пруссіи. Предложеніе это было настолько заманчивымъ, что одна изъ горячихъ головъ черно-бѣлыхъ, Браунъ изъ Кеслина не хотѣлъ даже ожидать момента, когда шансы на принятіе такого предложенія оказались бы благопріятными. Несомнѣнно, что на него сильно повліяло заявленіе фонъ-Винке о наслѣдственной монархіи и онъ рѣшился произвести преждевременный опытъ; во время дебатовъ о центральной власти, правдивый померанецъ внесъ предложеніе передать прус-

*) Излюбленный пріемъ реакціонеровъ и состоитъ въ томъ, чтобы, запугавъ либеральнаго филистера, добиться затѣмъ отъ него всего. Съ такимъ же успѣхомъ этотъ пріемъ практиковался въ 1878 году, чтобы создать настроеніе въ пользу закона о соціалистахъ. Офиціозныя газеты тогда писали: „Нужно размахивать красной тряпкой передъ самыми носами либеральнаго филистера до тѣхъ поръ, пока онъ не повѣритъ, что эта тряпка и есть зарево городовъ, объятыхъ пламенемъ“! Отсюда видно, что либеральнаго филистера считали настолько глупымъ, что ему говорили все это не стѣсняясь, а онъ все же вѣрилъ въ дѣйствительное существованіе всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которыми его гипнотизировали.

ской коронѣ высшую государственную власть въ Германіи до тѣхъ поръ, пока власть эта не будетъ окончательно организована. Докладчикъ былъ осмѣянъ собраніемъ, и не только лѣвой, но также и тѣми, которые всего лишь ³/₄ года спустя избрали наслѣдственнымъ императоромъ именно прусскаго короля. По существу они, конечно, не имѣли права смѣяться.

Тѣмъ временемъ фонъ-Винке вступилъ въ открытое соглашеніе съ австрійцами, такъ какъ президентъ союзнаго сейма, рыцарь фонъ-Шмерлингъ, въ то же время и членъ національнаго собранія, энергично противодѣйствовалъ стремленіямъ къ гегемоніи Пруссіи. Конечно, мы можемъ только строить предположеніе о томъ, насколько далеко заходило это соглашеніе; но фонъ-Винке какъ-то неожиданно вдругъ предложилъ передать центральную власть какому-нибудь австрійскому принцу. Опять-таки мы не можемъ установить, получилъ ли онъ соотвѣтствующія предписанія изъ Берлина. Винке былъ того мнѣнія, что назначить директора для союза должны были князья. Вся правая была съ нимъ въ данномъ отношеніи солидарна, но прекрасно понимала, что это предложеніе не пройдетъ въ собраніи—вотъ почему она съ дипломатической предусмотрительностью не внесла его на обсужденіе, чтобы не потерпѣть пораженія. „Я думаю"—сказалъ Винке,—„что среди членовъ австрійскаго дома есть одинъ, пользующійся особыми симпатіями въ Германіи, и что его заслуги завоевали ему любовь не только Штиріи, что Германія помнитъ еще его благородныя слова, произнесенныя однажды за королевскимъ обѣдомъ: „Ни Пруссія, ни Австрія, а единая свободная Германія, крѣпкая, какъ ея горы".

Этими словами вождь черно-бѣлой партіи указалъ, на стараго эрцгерцога Іоганна, какъ на самаго подходящаго носителя центральной власти. Несомнѣнно, что выборъ былъ удаченъ. Для того, чтобы провести въ директоры союза кого-либо изъ принцевъ, Іоганнъ былъ самой подходящей фигурой, такъ какъ, благодаря своей застольной рѣчи и другимъ обстоятельствамъ, сдѣлался очень популяренъ во всей Германіи.

Депутатъ лѣвой, Визнеръ изъ Вѣны, сказалъ, что безотвѣтственная директорія или безотвѣтственный управитель *) носятъ въ себѣ зародыши величайшихъ опасностей для всей Германіи, особенно, если лица на эти мѣста будутъ назначены правительствами, или даже только предложены ими. Уже 30 лѣтъ правительства всегда подыскивали самыхъ неподходящихъ людей, несмотря на то, что дѣло касалось ихъ собственныхъ государствъ; теперь же они должны предложить намъ людей для всей Германіи. Ужъ слишкомъ сильна, должно быть, реакція, разъ могутъ вноситься такія предложенія **).

Въ своемъ возраженіи Пагенштехеръ изъ Эльберфельда, одинъ изъ „довѣрчивыхъ", указывалъ на то, что безотвѣтственная центральная власть не можетъ превысить свои полномочія, такъ какъ каждый произволъ со стороны главы государства встрѣтитъ достаточный противовѣсъ въ нѣмецкомъ народѣ, какъ въ своей массѣ, такъ и въ лицѣ своихъ представителей.

---

*) Некрасивое слово „имперскій управитель" кажется намъ непреднамѣренной, даже очень злой насмѣшкой надъ всѣмъ дѣломъ конституціи.

**) Вслѣдствіе особой важности дебатовъ, мы обстоятельно останавливаемся на нихъ.

Въ такомъ же духѣ высказался и Гекшеръ изъ Гамбурга; этотъ честолюбивый адвокатъ, со своимъ „лицомъ на подобіе государственныхъ бумагъ“ *) до сихъ поръ разыгрывалъ изъ себя яраго республиканца и незадолго до своей рѣчи, на одной изъ прогулокъ, устроенной лѣвыми въ Пфальцѣ, на развалинахъ какого-то стараго замка, онъ съ такой ненавистью говорилъ о князьяхъ, что республиканскія пфальцскія дѣвицы **) записывали на вѣчную память въ своихъ записныхъ книжкахъ его нѣкоторыя наиболѣе рѣзкія выраженія. Но будущій министръ уже повернулъ направо—такъ быстро улетучился угаръ пфальцской свободы—и произнесъ такую безстыдную рѣчь противъ демократіи, что одинъ изъ лѣвой бросилъ ему въ лицо: „Вы для насъ нравственно мертвы!“ Буря негодованія, разразившаяся на лѣвой, заставила Гекшера замолчать.

Рейнвальдъ изъ Берна и Маммень изъ Плауэна напомнили собранію слова Гагерна о суверенитетѣ парламента и доказали, что правительство совершенно не порвало еще со старой системой.

Везендонкъ высказалъ соображеніе, что, если принять предложеніе комиссіи, то центральная власть будетъ органомъ правительствъ, но уже никоимъ образомъ не органомъ собранія. Центральная власть должна быть отвѣтственной предъ собраніемъ, да она уже и теперь отвѣтственна, такъ какъ при рѣшеніи вопроса о флотѣ была высказана мысль объ ихъ отвѣтственности ***).

Бассерманъ изъ Мангейма выступилъ противъ предложеній лѣвой. „Правительства,—сказалъ онъ,—являются теперь повсюду представителями суверенной воли народа. Если бы былъ избранъ исполнительный комитетъ, какимъ образомъ онъ смогъ бы приводить въ исполненіе постановленія собранія? Законнымъ образомъ собраніе не можетъ располагать ни единымъ крейцеромъ денегъ, ни единымъ солдатомъ. Правительства не будутъ подчиняться приказамъ созданной помимо нихъ центральной власти: послѣдней придется призывать къ оппозиціи, къ перевороту и въ концѣ концовъ прибѣгнуть къ созыву волонтеровъ. Милліоны гражданъ скажутъ себѣ: лучше порядокъ безъ большой свободы, чѣмъ такая свобода безъ порядка.

Бассерманъ говорилъ слишкомъ грубо и неискусно для того, чтобы сдѣлать допущеніе, будто и онъ былъ посвященъ въ планъ Винке, Шмерлинга и Гагерна; но правая сопровождала его слова многочисленными и частыми аплодисментами, и это настолько придало бодрости этому „государственному дѣятелю“, что онъ прибавилъ по адресу лѣвой, будто всѣ ея предложенія сводятся лишь къ потрясеніямъ и смутамъ и что они отчасти играютъ даже на руку иностранцамъ ****).

---

*) Такъ называетъ его Морицъ Гартманъ въ „Reimchronik des Pfaffen Mauritius“.

**) Оставшіяся въ живыхъ добрыя жены, онѣ превратились въ національно-либеральныхъ святошъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ намъ пришлось познакомиться

***) Національное собраніе почти единогласно ассигновало шесть милліоновъ талеровъ на флотъ.

****) Изъ этого видно, что нынѣшніе націонал-либералы, охотно обвиняющіе каждаго противника въ „симпатіяхъ къ иностраннымъ государствамъ“, ходили въ школу этого знаменитаго „духовидца“.

Девятикратномудрый Дункеръ изъ Галле предостерегалъ національное собраніе отъ стремленій къ „господству“ со стороны лѣвыхъ. Онъ сказалъ, что предложеніе лѣвой ведетъ къ тактикѣ конвента и толкаетъ Германію въ пропасть. Это называется—предательство народныхъ интересовъ; „предоставимъ же правительствамъ предложить, кого они захотятъ, и простымъ голосованіемъ примемъ ихъ предложеніе; этимъ самымъ мы воздвигаемъ для нѣмецкаго народа „крѣпкое прочное зданіе единства и свободы“.

Трудно сказать, что говорило въ ораторѣ — простота или лукавство, но реакціонеры были въ восторгѣ отъ его рѣчи. Въ общемъ, однако, правая была совершенно непослѣдовательна. Еще такъ недавно она привѣтствовала заявленіе Бассермана о томъ, что парламентъ не располагаетъ ни единымъ крейцеромъ денегъ, ни единымъ солдатомъ, а теперь одинъ изъ членовъ правой выступилъ съ предложеніемъ: нападеніе сардинскаго короля на Тріестъ считать объявленіемъ войны Германіи. „Нѣмецъ долженъ дѣйствовать“, воскликнулъ онъ, и его предложеніе было принято собраніемъ какъ бы въ насмѣшку надъ самимъ собой.

Рэ изъ Дармштадта, краснорѣчивый адвокатъ, говорилъ о жертвахъ 1813 года и высказалъ соображеніе, что „много жертвъ принесъ народъ князьямъ, пусть же теперь сами князья, какъ достойные сыны Германіи, принесутъ жертву народу. Мы все время плывемъ между двухъ скалъ: на одной мы потерпимъ пораженіе, если будемъ мужественны, на другой — если будемъ трусливы. Я призываю васъ къ мужеству; милліоны повторяютъ мой призывъ. Эти дни рѣшатъ судьбу Германіи!“

Фонъ-Вюртъ изъ Вѣны говорилъ, что если національное собраніе предстанетъ въ роли Германскаго правительства, то это поведетъ къ республикѣ, но вѣдь народъ не хочетъ республики—это ясно обнаружилось въ мартовскія бури. Ведекиндъ изъ Брухгаузена рѣзко выступилъ противъ дальнѣйшаго существованія союзнаго сейма.

Дискуссіямъ не предвидѣлось конца, и нѣкоторые изъ депутатовъ, уже записавшіеся въ списокъ ораторовъ, рѣшили пойти навстрѣчу патріотическому призыву Арнольда Руге — принести жертву отечеству и отказаться отъ своего слова. 20 іюня главнымъ ораторомъ лѣвой выступилъ Робертъ Блюмъ. Въ этотъ день онъ достигъ зенита своей политической карьеры. Онъ говорилъ сильно и могуче и произвелъ настолько громадное впечатлѣніе, что въ этомъ отношеніи едва ли можно сравнить съ нимъ кого-нибудь изъ ораторовъ, выступавшихъ какъ до него, такъ и послѣ.

Въ своей рѣчи Блюмъ, по своему міровоззрѣнію стоявшій между демократическими конституціоналистами и республиканцами, доказывалъ, что парламентъ, облеченный довѣріемъ народа, передавшимъ ему свое всемогущество, необходимо нуждается для возвѣщенія своей воли въ исполнительномъ комитетѣ. Комитетъ этотъ долженъ привести Германію не къ разложенію, а наоборотъ, своей сильной рукой онъ долженъ привести ее къ благополучію. Всю Германію можно будетъ назвать республикой лишь въ томъ смыслѣ слова, что отдѣльныя государства смогутъ самостоятельно развиваться. „Если правительства въ дѣйствительности представляютъ собой то, что о

нихъ такъ часто утверждаютъ, если они добросовѣстны въ исполненіи обѣщаній и готовы принести жертвы во имя процвѣтанія цѣлаго, всего отечества, если это все такъ,—то учрежденіе, которое мы предлагаемъ, настолько просто, что проще его и быть не можетъ; если же они недобросовѣстны и неискренни, что не менѣе часто утверждаютъ съ другой стороны, и въ доказательство чего опираются на отдѣльные факты, которые, быть можетъ, переоцѣниваются, тогда—мы не скрываемъ своихъ мыслей — тогда исполнительный комитетъ долженъ поставить во главу угла интересы времени, тогда онъ долженъ выступить противъ правительствъ, тогда онъ не долженъ жертвовать націей во имя отдѣльныхъ интересовъ, а наоборотъ, онъ долженъ, скажемъ прямо, уничтожить противодѣйствующихъ. Если бы мыслимо было такое положеніе вещей— я надѣюсь, что этого нѣтъ, - тогда то, что вы предлагаете, было бы какимъ-то изумительнымъ учрежденіемъ, такъ какъ мы вручили бы исполнительную власть или временное правительство, въ которое исполнительная власть должна будетъ превратиться, тѣмъ, противъ кого эта власть должна и обязана будетъ бороться". Относительно директоріи Блюмъ сказалъ: „такъ какъ у васъ нѣтъ никакой конституціи, нѣтъ основъ, на которыхъ должна покоиться та власть, которую вы предлагаете, нѣтъ намѣченныхъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ она дѣйствовала бы и, наконецъ, нѣтъ средствъ удержать ее въ этихъ границахъ, то она, естественно, есть не что иное, какъ деспотія, диктатура, безграничная диктатура, угрожающая свободѣ, какъ ничто другое. Всемогуществомъ народа вы призваны въ парламентъ и вы останетесь лишь вѣрны данному вамъ мандату, если будете защищать этотъ суверенитетъ. Вы не должны вступать въ сдѣлки; вы должны скорѣе отказаться отъ своего мандата, чѣмъ отступить предъ задачей, предъ волей народа, ставшей вашей. Не приходится всегда говорить о почвѣ историческаго права,—продолжалъ Блюмъ,— „и въ Германіи встрѣчались государства, прочно опиравшіяся на почву историческаго права, но въ корнѣ растоптанныя ногами танцовщицы *), да и еще многое представляется на первый взглядъ въ нашемъ отечествѣ прочнымъ и сильнымъ, но при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается не прочнѣе того положенія вещей, которое было разрушено Фриной". „Нечего", говорилъ онъ, „всегда ссылаться на Францію. Постоянная ссылка на 80.000 голодающихъ братьевъ, которымъ должно было государство доставлять пропитаніе, есть не что иное, какъ надругапіе надъ чувствомъ простой человѣчности. Деспотія Луи-Филиппа оставила Франціи въ наслѣдство эту нужду". „Опираясь на почву историческаго права, какъ мы это дѣлаемъ", воскликнулъ Блюмъ, „голодающихъ бросили въ жертву голодному тифу". Онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Если вы хотите сомкнуть небесныя очи свободы, если хотите снова увидѣть старую темную ночь надъ нашимъ народомъ, создавайте тогда вашу диктатуру".

Эти слова врѣзались навсегда въ память всѣмъ, слыхавшимъ ихъ. Они привели лѣвую въ неописуемый восторгъ; они произвели

---

*) Лола Монтецъ.

впечатлѣніе даже на центръ, но все же это были только слова, безсильныя предъ сплетаемыми сѣтями дипломатовъ и реакціонеровъ.

Людвигъ Симонъ, самый цвѣтистый ораторъ лѣвой, предавался иллюзіямъ, утверждая въ своей рѣчи, будто войска преданы парламенту. Дальнѣйшее показало ему на горькомъ опытѣ, какъ глубоко онъ ошибался. Если кто-нибудь сопротивляется парламенту, тотъ бунтовщикъ, безразлично, кто бы онъ ни былъ. „Вы стремитесь", воскликнулъ онъ, „къ спокойствію, къ порядку. Но тогда зачѣмъ же тянете назадъ, къ старому прошлому — идите смѣлымъ шагомъ впередъ, снесите послѣднія преграды, которыя новѣйшее время уже разрушило. Тогда вы построите свое зданіе и только тогда вы достигнете спокойствія и порядка".

Мысли Бассермана были повторены Велькеромъ, который предостерегалъ отъ такихъ ходячихъ словечекъ, какъ „народный суверенитетъ", которыя, впрочемъ, онъ самъ часто повторялъ. „Уже прошли тѣ времена, когда громъ трубы разрушалъ іерихонскія стѣны. Нужна дѣйствительная сила, а эта сила можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, если правительства охотно и добросовѣстно захотятъ исполнить и сдѣлать то, что вы здѣсь порѣшите, а правительства сдѣлаютъ это лишь въ томъ случаѣ, если вы предварительно будете знать ихъ мнѣніе объ этомъ".

Правая наградила долгими аплодисментами эту пустую рѣчь; но вотъ на трибуну вышелъ Адольфъ фонъ-Трюцшлеръ. Богато одаренный саксонскій аристократъ, по своимъ воззрѣніямъ далеко опередившій свое время, соціалдемократъ, почти въ современномъ смыслѣ слова, онъ позднѣе сдѣлался кровавой жертвой революціи. Одинъ изъ его партійныхъ товарищей далъ о немъ слѣдующій отзывъ: „Всеобщая свобода и равенство, доведенныя до своихъ крайнихъ границъ, идеалъ братства и самаго простого государственнаго управленія находили въ немъ безконечно преданнаго приверженца". Трюцшлеръ придерживался того взгляда, что каждый человѣкъ рождается сувереннымъ и имѣетъ право самоуправленія; его ближніе имѣютъ право ограничивать его волю и дѣйствія только въ томъ случаѣ, если это необходимо для блага всѣхъ. „Если вы", сказалъ онъ, „примете предложеніе комиссіи и этимъ отвергнете суверенитетъ народа, вы совершите преступленіе, которое обычное законодательство клеймитъ именемъ государственной измѣны. Нѣтъ такого суда, который осудилъ бы тѣхъ, кто станетъ голосовать за предложеніе комиссіи, но очень возможно, что самъ народъ потребуетъ къ отвѣту и осудитъ тѣхъ людей, которые хотятъ уничтожить его суверенность".

Лѣвая громко аплодировала, правая кричала „къ порядку", но президентъ Суаронъ не призвалъ Трюцшлера къ порядку.

Беккератъ изъ Крефельда пытался опровергнуть Блюма: онъ иронически поблагодарилъ его за откровенность. Исполнительный комитетъ, полагалъ онъ, долженъ привести къ господству террора, и Блюмъ вѣдь открыто признавался въ томъ, что нужно „раздробить" противодѣйствующихъ. Онъ указалъ на кровопролитія, которыя совершались во время возстанія въ Неаполѣ и, которыя, по его мнѣнію, никогда

не могли бы имѣть мѣста въ Германіи. Центръ и правая аплодировали ему и всего отвратительнѣе тѣ, кто позже особенно отличился въ кровожадности. Бекератъ продолжалъ, что онъ боится, не найдутся ли и въ Германіи Мараты и Робеспьеры. Онъ рекомендовалъ мудрую умѣренность и принять предложеніе комиссіи, такъ какъ только тогда не сомкнутся очи свободы. „Мы, можетъ быть, погибнемъ, защищая дѣйствительную законную свободу, но изъ священной близости этой свободы должна быть удалена всякая наглость анархіи“.

Несмотря на всѣ красивыя рѣчи, какъ правой, такъ и лѣвой, собраніе, какъ цѣлое, не представляло собой внушительной картины во время дебатовъ о томъ, кѣмъ должна быть создана центральная власть. Пришлось еще разъ ограничить списокъ ораторовъ, такъ какъ дискуссіямъ не предвидѣлось конца.

Вильгельмъ Іорданъ, тогда еще принадлежавшій къ лѣвой, остроумно сравнилъ Дальмана и его товарищей съ Архимедомъ, погруженнымъ въ мечты и за своими фигурами не видѣвшимъ опасности. „Попрежнему“, воскликнулъ онъ, „они рисуютъ свои фигуры по песку и, когда къ нимъ подходятъ и кричатъ въ самое ухо“: „отечество въ опасности“!, въ нихъ говоритъ единственное чувство—досада и ихъ единственный отвѣтъ: „не смѣшай мнѣ моихъ фигуръ“.

Правая бѣсновалась, лѣвая смѣялась и, когда Іорданъ воскликнулъ: „Этотъ проектъ созданъ привидѣніемъ“, раздался неудержимый хохотъ. Всѣ взоры устремились на Дальмана, который, дѣйствительно, походилъ на привидѣніе, Іорданъ, однако, ловко вывернулся и объяснилъ, что это привидѣніе есть не что иное, какъ страхъ предъ республикой. „Но развѣ нельзя“, спросилъ онъ, „открыто признать принципъ конституціоннаго королевства для отдѣльныхъ государствъ, создавая въ то же время республиканскую форму для представительства всего государства“*).

Эйзенштукъ сказалъ, что не предоставить избраніе исполнительной власти національному собранію значитъ вступить на путь контръ-революціи. Онъ нападалъ на прусскій таможенный союзъ, косвенные налоги и пошлины. Говорятъ, будто эта система должна просуществовать до 1850 года; но вѣдь до тѣхъ поръ народъ, даже при самой свободной конституціи, можетъ наполовину умереть съ голоду. „Хотятъ сохранить ту систему, которая была разсчитана исключительно на самое высокое обложеніе предметовъ первой необходимости, которая ежегодно уплачивала Англіи тридцать милліоновъ талеровъ заработной платы, въ то время, когда нѣмецкіе ткачи пухли отъ голода“.

Шодеръ изъ Штутгарта, колебавшійся въ вопросѣ о центральной власти, призывалъ къ такому же колебанію правыхъ и лѣвыхъ и уговаривалъ ихъ пойти на уступки другъ другу; самъ онъ предложилъ неотвѣтственнаго президента. За нимъ послѣдовалъ прежній баварскій министръ исповѣданій, отечески увѣщевая лѣвую: „Оставьте вы свою

---

*) Вильгельмъ Іорданъ, извѣстный рапсодъ, перешелъ отъ лѣвой къ правымъ и получилъ должность члена „морского совѣтника“. Когда былъ упраздненъ нѣмецкій флотъ, онъ получилъ отъ союзнаго сейма пенсію, если только не ошибаемся, въ 1000 талеровъ. Такое политическое прошлое очень портитъ вкусъ рапсодій „морского совѣтника“.

агитацію, она ненужна,—реакція теперь уже немыслима". И въ заключеніе этотъ забавный старецъ предложилъ остановиться на директоріи изъ трехъ лицъ княжескаго происхожденія.

Правая всегда осмѣивала страхъ предъ реакціей, считая ее невозможной. Винке даже разъ договорился до предложенія оштрафовать каждаго шестью пфенигами въ пользу флота, за одно только произнесеніе слова „реакція". Слабыя души изъ центра въ дѣйствительности и были обмануты этими увѣреніями, вотъ почему вмѣсто того, чтобы падать, у многихъ довѣрчивость только росла.

Клауссенъ изъ Киля пытался уничтожить въ собраніи страхъ предъ республикой, указывая на Шлезвигъ-Голштинію, и на образецъ „республики". Этотъ маленькій фокусъ благополучно сошелъ, хотя можно же было знать, что по существу своему Шлезвигъ-Голштинское движеніе носило конституціонно-монархическій характеръ. Затѣмъ Клауссенъ высказался противъ безотвѣтственности центральной власти.

Извѣстный ультрамонтанъ профессоръ и изслѣдователь древностей, Лассо изъ Мюнхена говорилъ о республикѣ, какъ о погибшей юношеской любви и думалъ, что собраніе суверенно только въ обсужденіи конституціи. „Но мы совершенно не суверенны въ правительственныхъ дѣлахъ, исключая только случаевъ крайней необходимости, которая не знаетъ никакихъ законовъ".

Этотъ нелѣпый взглядъ не встрѣтилъ должнаго отпора. Фонъ-Дискау, предсѣдатель суда изъ Плауэна, говорилъ, что національное собраніе имѣетъ право само назначать центральную власть. Виденбругкъ, маленькій государственный человѣкъ изъ Веймара, доказывалъ, что лишь то право, которое будетъ создано собраніемъ, есть единственная основа права. Онъ ловко извивался предъ лѣвыми и правыми.

„Мечтательный блондинъ" Венедей возражалъ противъ горячихъ словъ изъ области французской революціи; по его мнѣнію почва права находится только въ церкви св. Павла, но онъ все же ничего не имѣетъ противъ того, чтобы былъ выбранъ князь. Онъ былъ точнымъ изображеніемъ либеральнаго нѣмецкаго филистера 1848 года, такъ ревностно всегда наводившаго туманъ и на себя и на другихъ.

Послѣ того, какъ Шмидтъ изъ Силезіи энергично опровергъ утвержденіе Винке, что конституція можетъ быть принята лишь соглашеніемъ собранія съ правительствами, слово получилъ Цицъ изъ Майнца. Онъ обратился къ собранію съ призывомъ къ мужеству. „Не сомнѣвайтесь въ томъ, что всѣ ваши постановленія будутъ приведены въ исполненіе. Это нѣкоторыми отрицалось; но если бы это было возможно, тогда какъ пуста и ничтожна была бы наша задача, какъ глупо и фальшиво было бы наше положеніе. Мы должны быть глубоко убѣждены въ суверенности нашихъ постановленій и, если бы нашлась въ Германіи какая-нибудь сила, которая могла бы оказать противодѣйствіе этимъ постановленіямъ, то и единство Германіи, и развитіе свободы, и основаніе единаго союзнаго государства было бы только мечтой и мы совершенно напрасно совѣщались бы здѣсь и творили". Изъ этого видно, что даже майнцскіе факты не исцѣлили отъ иллюзій шефа разоруженнаго майнцскаго гражданскаго ополченія.

Фонъ-Радовицъ, хитрый другъ іезуитовъ, очень ловко принялся за дѣло. „Въ этомъ собраніи нѣтъ реакціонеровъ" началъ

онъ свою рѣчь. Указавъ на недостатки стараго полицейскаго государства, онъ сказалъ: „Судите насъ по нашимъ поступкамъ; то же мы скажемъ каждому относительно васъ“. Этими словами онъ привлекъ къ себѣ даже часть лѣвой. Въ концѣ концовъ онъ также рекомендовалъ предоставить князьямъ назначеніе центральной власти и обосновалъ это утвержденіемъ, что князья навѣрно не назначатъ никого, кто ни встрѣтилъ бы всеобщаго сочувствія. „При томъ положеніи вещей, какое создалось теперь, со стороны правительствъ это было бы просто самоубійствомъ, а вѣдь вы, надѣюсь, не откажете правительству въ чувствѣ самосохраненія“.

Въ это время уже было хорошо извѣстно, что правительство и различные государственные дѣятели въ парламентѣ пришли къ соглашенію относительно кандидатуры эрцгерцога Іоанна. Радовицъ указалъ еще и на то, что было бы величайшей глупостью признать въ настоящее время какое бы то ни было большое значеніе за партикулярными интересами. Свою лживую рѣчь онъ закончилъ слѣдующимъ образомъ: „Передавая это право правительствамъ, національное собраніе въ сущности передастъ его отдѣльнымъ нѣмецкимъ народностямъ, которыя и представлены вѣдь въ лицѣ своихъ правительствъ“. Этотъ призывъ къ ограниченному уму вѣрноподданныхъ произвелъ, несомнѣнно, гораздо большее впечатлѣніе на конституціоналистовъ, чѣмъ воззваніе къ мужеству, сдѣланное Цицемъ.

Республиканецъ Арнольдъ Руге сказалъ: „Всякая власть, кромѣ находящейся въ этомъ залѣ, есть власть, чуждая народу. Здѣсь представлена нѣмецкая нація, и если мы возстанемъ, то возстанетъ и нѣмецкая нація“. Въ это время раздался ироническій смѣхъ; смѣялся Лихновскій. Руге пришелъ въ ярость и вскрикнулъ: „Это не смѣшно; на томъ, кто смѣется, я вижу facies hippocratica *); будущее осудитъ его. Этотъ ироническій смѣхъ не что иное, какъ смѣхъ предсмертныхъ судорогъ“ **).

Фонъ-Саукенъ-Тарпученъ повторилъ, правда съ меньшимъ искусствомъ, все уже сказанное Радовицемъ; Морицъ Моль изъ Штутгарта предлагалъ уничтожить нищету рабочихъ путемъ таможенныхъ пошлинъ—этотъ фантомъ его преслѣдовалъ всю жизнь. Въ то время, какъ реакціонный историкъ Вайтцъ изъ Геттингена желалъ, чтобы имперскій управитель былъ назначенъ князьями, демократическій историкъ Циммерманъ изъ Штутгарта, депутатъ отъ швабскаго Галля, высказался за исполнительный комитетъ.

Эдель изъ Вюрцбурга говорилъ о томъ, что Блюмъ хочетъ вступить на путь конвента; по его мнѣнію, республиканская власть будетъ относиться очень спокойно къ демократической пропагандѣ, и наоборотъ, будетъ очень строго карать за всякое распространеніе вліянія реакціонеровъ и конституціоналистовъ; помимо того, она будетъ ограничивать еще болѣе предѣлы власти, оставшейся отдѣльнымъ государствамъ и безъ того уже слабымъ. Блюмъ говорилъ еще разъ, но онъ лишь ослабилъ впечатлѣніе, произведенное первой рѣчью. „Люди

---

*) Выраженіе лица умирающаго.

**) Это удивительное пророчество оправдалось: спустя 3 мѣсяца Лихновскій палъ жертвой народной мести.

не могутъ сдѣлать иными старый союзный сеймъ", сказалъ онъ. „Вы будете имѣть его, *съ его исключительными законами* до тѣхъ поръ, пока вы не уничтожите его старые акты" *).

Затѣмъ на трибуну взошелъ Лихновскій, который, очевидно. рѣшилъ говорить всегда послѣ Блюма. Въ этотъ день онъ былъ менѣе неприличенъ, чѣмъ до сихъ поръ, и не трудно понять причину такой тактики. Онъ заявилъ, что если бы волей Божіей въ одинъ прекрасный день умерли всѣ тридцать четыре нѣмецкихъ суверена со своими семьями, то онъ убѣжденъ, что пришлось бы собраться и выбрать новыхъ, быть можетъ, правда, и не въ такомъ большомъ числѣ. Онъ совѣтовалъ своимъ друзьямъ пойти на уступки и, судя по этому, онъ принадлежалъ къ посвященнымъ. За эту рѣчь онъ былъ вознагражденъ со всѣхъ сторонъ аплодисментами.

Фогтъ изъ Гессена на этотъ разъ серьезнѣе, чѣмъ въ прошлый, говорилъ о томъ, что меньшинство должно подчиниться постановленіямъ большинства; изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что меньшинство не имѣетъ права стремиться превратиться въ большинство. Онъ высказался за отвѣтственнаго президента.

Раво, колеблющійся и довѣрчивый, доказывалъ, что можно предоставить правительству назначить центральную власть. „Оставьте же", говорилъ онъ, „тотъ слабый мостъ, который мы построили для правительствъ. Этимъ вѣдь мы не выпускаемъ власти изъ нашихъ рукъ!" Во время рѣчи онъ ошеломилъ собраніе, заявивъ, что „французское національное собраніе высказало нашему свои симпатіи; развѣ мы не отвѣтимъ единогласно вотированнымъ братскимъ привѣтомъ? *Милостивые государи, встаньте, покажите, что вы — нація!*" И все собраніе поднялось съ шумными возгласами, хотя правая была недовольна этой демонстраціей.

Затѣмъ говорилъ противъ лѣвой еще Мати; онъ высказался за дальнѣйшее существованіе союзнаго сейма; его рѣчь произвела слабое впечатлѣніе. Между тѣмъ дебаты приходили къ концу, и приближалось рѣшеніе вопроса. На трибуну торжественно взошелъ человѣкъ съ густыми бровями, Генрихъ фонъ-Гагернъ. Въ воздухѣ чувствовалось, что совершается „государственный актъ". Если кого-нибудь обвиняютъ теперь въ стремленіи создать диктатуру, говорилъ онъ, то это большое заблужденіе,—безразлично, идетъ ли рѣчь о пяти или трехъ лицахъ, или даже объ одномъ. Въ настоящее время диктатура немыслима, разъ надъ Германіей господствуетъ духъ, проявляющійся въ собраніи. Онъ еще разъ разсмотрѣлъ всѣ „за" и „противъ" и сказалъ, что *принципіально* онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы при созданіи центральной власти извѣстную роль играли и правительства. Но затѣмъ онъ продолжалъ: „*Милостивые государи, я беру на себя смѣлость и говорю вамъ, что мы сами должны назначить временную центральную власть.* Я думаю, что правительства будутъ благодарны намъ, если

---

*) Князь Бисмаркъ сказалъ разъ, что Р. Блюмъ сдѣлался бы націоналъ-либераломъ. Это трудно доказать. Мы однако не думаемъ, чтобы Р. Блюмъ смогъ сдѣлаться приверженцемъ политическихъ исключительныхъ законовъ, которые государственный человѣкъ перенесъ изъ прошлыхъ временъ въ германскую имперію.

мы скажемъ, кто тотъ, кого мы хотимъ избрать въ имперскіе управители. Человѣкъ высоко уважаемый найденъ и онъ показалъ, да и въ будущемъ покажетъ, что достоинъ поддержки націи для занятія этого высокаго поста; имперскаго правителя мы должны искать въ высшихъ сферахъ. Мы нуждаемся теперь въ такомъ человѣкѣ, который занималъ бы высокое положеніе и могъ бы обезпечить за собою безъ всякаго сопротивленія поддержку всѣхъ государствъ. Этотъ высокопоставленный человѣкъ долженъ быть княземъ не потому, что онъ князь, а хотя онъ и князь. Такимъ образомъ, мы не отрекаемся отъ свободы и создаемъ единство нашего народа и отечества, о чемъ такъ давно мы всѣ мечтали".

Какой громадный успѣхъ имѣла эта рѣчь! Восторгамъ какъ будто не было и конца. Центръ былъ въ восхищеніи, и даже лѣвая отчасти увлекалась его „смѣлостью". Вѣдь это было разрѣшеніе великаго вопроса, изъ-за котораго такъ долго спорили и, помимо всего, оно исходило отъ Гагерна, въ которомъ „довѣрчивые" видѣли своего оракула. Только крайнія—какъ правая, такъ и лѣвая относились очень холодно къ этому предложенію.

Дальманъ, какъ докладчикъ получилъ заключительное слово; теперь его почти никто не слушалъ. Онъ говорилъ очень долго и договорился до очень абсурдныхъ утвержденій. Ему даже кричали „кончайте", но „привидѣніе" не обращало вниманія, пока не произнесло по меньшей мѣрѣ одночасовую рѣчь.

Все это произошло 24 іюня. Черезъ нѣсколько дней законъ относительно центральной власти былъ подвергнутъ голосованію и прошелъ, приводя въ ярость заядлыхъ реакціонеровъ, которымъ смѣлость Гагерна показалась очень далеко зашедшей; испеченные изъ слишкомъ грубаго тѣста, они не могли понять значенія Гагернскаго предложенія. Вѣдь по существу реакціонеры имѣли такъ же мало основанія печалиться „этой смѣлости", какъ конституціоналисты восторгаться.

Временная центральная власть, принятая большинствомъ 403 противъ 135 голосовъ, была организована слѣдующимъ образомъ:

I. До окончательной организаціи правительственной власти для всей Германіи, временная центральная власть вѣдаетъ всѣ общія дѣла германской націи. Эта власть должна: a) выполнять функціи исполнительной власти во всѣхъ дѣлахъ, касающихся всеобщей безопасности и благоденствія германскаго союзнаго государства, b) взять на себя высшее руководство всѣми вооруженными силами и въ особенности назначеніе главнокомандующихъ, c) должна быть представительницей Германіи въ области международныхъ и торгово-политическихъ сношеній и для этой цѣли назначать пословъ и консуловъ.

II. Выработка конституціи выходитъ за предѣлы компетенціи центральной власти.

III. Объявленіе войны, заключеніе мира, союзы съ иностранными государствами рѣшаются центральной властью по соглашенію съ національнымъ собраніемъ.

IV. Центральная власть вручается одному имперскому управителю, который выбирается національнымъ собраніемъ.

V. Имперскій управитель выполняетъ свои функціи посредствомъ

министровъ, назначенныхъ имъ самимъ, но отвѣтственныхъ предъ національнымъ собраніемъ.

VI. Имперскій управитель ни предъ кѣмъ неотвѣтственъ.

VII. Съ началомъ дѣятельности временной центральной власти прекращается существованіе союзнаго сейма.

VIII. При выполненіи исполнительныхъ мѣропріятій, центральная власть должна входить въ соглашеніе съ представителями союзныхъ правительствъ.

IX. Какъ только будетъ закончена выработка конституціи для Германіи и вступитъ въ силу, временная центральная власть прекращаетъ свое существованіе.

Закулисная сторона „смѣлости" Гагерна, благодаря которой былъ принятъ этотъ удивительный законъ, еще неизвѣстна, да, вѣроятно, и навсегда останется нераскрытой. Но изъ самаго хода преній съ очевидной ясностью видно, что эта „смѣлость" была наполовину дѣломъ дипломатовъ, вродѣ Шмерлинга и Винке, наполовину махинаціей аристократическихъ конституціоналистовъ. То обстоятельство, что Гагернъ пользовался необычайной популярностью и былъ самой подходящей личностью для того, чтобы провести нѣмцевъ, въ своемъ большинствѣ принадлежавшихъ къ довѣрчивымъ, заставило выбрать именно его для этого „смѣлаго шага". Благодаря политической неопытности и наивности тогдашнихъ нѣмцевъ, удалось разыграть комедію; въ настоящее время уже не оказалось бы возможнымъ такъ одурачить цѣлый народъ. Вѣдь, ясно, что смѣлый шагъ Гагерна лишалъ послѣдней тѣни самостоятельности парламентъ, засѣдавшій въ церкви Св. Павла, и суверенитетъ котораго такъ торжественно провозгласилъ самъ Гагернъ; смѣлый шагъ совершенно отнялъ отъ парламента его суверенитетъ, поскольку онъ существовалъ до сихъ поръ, и парламентъ какъ будто для того, чтобы посмѣяться надъ самимъ собой, въ лицѣ большинства видѣлъ въ центральной власти крупное завоеваніе. Безотвѣтственный имперскій управитель получилъ тѣ функціи, выполненіе которыхъ лѣвая предлагала передать исполнительному комитету. И это казалось справедливымъ большинству собранія, составленному изъ трусовъ и простаковъ, которые чувствовали себя не совсѣмъ хорошо, такъ какъ они попали въ парламентъ лишь благодаря „милости возстанія". Они не имѣли ни истинной охоты, ни истиннаго призванія дѣлать всемірную исторію. И, наконецъ, вѣдь они явились въ парламентъ для того, чтобы раньше всего защитить будущее Германіи противъ анархіи и, если имъ предлагали для этой цѣли принца, то естественно, что они были очень довольны. Не мало гордости внушало имъ еще и то обстоятельство, что они „сами" избрали центральную власть.

Такимъ образомъ былъ сдѣланъ „смѣлый шагъ" Гагерна, вызванный коварствомъ реакціи и торжественно принятъ благодаря глупости, имѣвшейся въ болѣе, чѣмъ достаточномъ количествѣ у „довѣрчивыхъ" депутатовъ. Забавно, что позднѣе самъ Гагернъ оказался обманутымъ, такъ какъ реакція, усиливщаяся благодаря его „смѣлому шагу", жестоко и основательно разбила вдребезги его радужные конституціонные мыльные пузыри.

29 іюня были произведены выборы имперскаго управителя. Какъ и слѣдовало ожидать, выбраннымъ оказался эрцгерцогъ Іоганнъ Австрій-

скій. Изъ 579 голосовъ онъ получилъ 436; эрцгерцогъ Стефанъ—1 голосъ, Генрихъ фонъ-Гагернъ—52, Адамъ фонъ-Ицштейнъ—32; 33 депутата отсутствовали, а 25 изъ крайней лѣвой воздержались отъ голосованія, не желая выбирать безотвѣтственную власть.

Президентъ Гагернъ сообщилъ результатъ выборовъ, и старая республика аристократовъ и капиталистовъ снова приняла праздничный видъ. Трезвонили всѣ франкфуртскія колокольни, грохотали пушки, и обманутый народъ ликовалъ вмѣстѣ съ національнымъ собраніемъ, которое само лишило себя своей суверенности. „Теперь дѣло въ шляпѣ",—говорили патріоты съ крѣпкимъ черепомъ, „теперь мы имѣемъ человѣка, который сказалъ: ни Пруссія, ни Австрія". На горахъ горѣли праздничные огни. Побѣжденной демократіи они должны были казаться похоронными факелами нѣмецкой свободы.

И дѣйствительно, демократія потерпѣла настолько сильное пораженіе, что она больше никогда не могла оправиться послѣ него. Ей долженъ быть брошенъ упрекъ, что она не сознавала своего пораженія въ его полномъ размѣрѣ.

Собраніе избрало депутацію изъ семи человѣкъ, которые должны были сообщить офиціально эрцгерцогу результатъ выборовъ. Среди депутатовъ былъ Раво и Гекшеръ.

Эрцгерцогъ Іоганнъ Австрійскій, фраза котораго: „Ни Пруссія, ни Австрія, а только одна единая Германія, прочная какъ ея горы", явилась по увѣреніямъ черно-желтыхъ историковъ ложно приписанной ему, не обладалъ свойствами, которыя могли бы привести въ восторгъ разумныхъ людей. Но тѣмъ больше онъ годился въ герои филистеровъ, такъ какъ своимъ сухимъ характеромъ походилъ на нихъ самихъ. Хотя онъ не прославился во время войны съ первой французской республикой и имперіей, но то обстоятельство, что онъ, принцъ, потерпѣлъ неудачу, вызвало симпатіи филистерства къ его лысой головѣ; если бы эти неудачи пали на „обыкновеннаго" человѣка—филистерство, конечно, осмѣяло бы его самымъ жестокимъ образомъ. Когда въ 1800 году знаменитый братъ Іоганна, эрцгерцогъ Карлъ отказался отъ командованія вслѣдствіе того, что правительственная власть находилась въ рукахъ интригана Тугута, Іоганнъ, тогда еще 18-лѣтній юноша, счелъ себя способнымъ повести послѣдніе остатки австрійскаго войска на сраженіе съ побѣдоноснымъ генераломъ Моро. Вмѣстѣ съ членами австрійскаго генеральнаго совѣта онъ былъ убѣжденъ, что само Провидѣніе избрало его, принца, уничтожить и разбить простого бюргера, вождя республиканскаго войска. Его сопровождалъ одинъ совершенно неспособный генералъ Лауэръ. При Ампфингѣ онъ случайно имѣлъ небольшой успѣхъ, но при Гогенлинденѣ генералъ Моро разбилъ его наголову. Это пораженіе не объяснило, однако, Іоганну, что онъ не годится въ полководцы; въ 1805 году онъ снова взялъ на себя командованіе въ Тиролѣ, гдѣ добился нѣкотораго успѣха, что, однако, должно быть приписано больше храбрости тирольцевъ, чѣмъ его таланту; въ 1809 году онъ сталъ во главѣ войска изъ центральной Австріи; послѣ первоначальнаго успѣха былъ вытѣсненъ изъ Италіи и совершенно разбитъ при Раабѣ вице-королемъ Евгеніемъ. При Ваграмѣ онъ явился слишкомъ поздно со своимъ войскомъ, благодаря чему и

потерпѣлъ полное пораженіе его братъ Карлъ, съ которымъ у него на этой почвѣ возникли горячіе споры.

Послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ, Іоганнъ началъ искать себѣ другого поприща. Прославившись, главнымъ образомъ, благодаря своимъ пораженіямъ, онъ вдругъ обрѣлъ въ глазахъ филистерства новыя достоинства: мѣщанство увидѣло въ немъ „демократизмъ“ и „свободомысліе“; и въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ онъ женился на „обыкновенной“ гражданкѣ, а это въ глазахъ мѣщанства казалось геройствомъ. Счастливица Анна Плохль изъ Аусзэ, была дочерью почтмейстера, и исторія того, какимъ образомъ заполучила она своего „Іоганна Безземельнаго“, до сихъ поръ не выяснена и излагается далеко не одинаково. По одной версіи, эрцгерцогъ Іоганнъ однажды проѣзжалъ Аусзэ, какъ разъ тогда, когда не было ни одного почтальона, а между тѣмъ Іоганнъ хотѣлъ во что бы то ни стало поѣхать дальше, и вотъ прелестная и смѣлая дочка почтмейстера переодѣлась почтальономъ и повезла эрцгерцога. Анна Плохль со своими полными бедрами, обтянутыми въ кожаныя почтальонскія панталоны такъ понравилась Іоганну, что онъ сдѣлалъ ее своей женой и велѣлъ возвести въ званіе графини фонъ-Меранъ. Благодаря этому „мезальянсу“ ему пришлось оставить дворъ, но среди добрыхъ гражданъ его слава лишь увеличилась. Кожаныя панталоны изъ Аусзэ, быть можетъ, и являются той скалой, изъ-за которой погибла конституція 1848 года; вѣдь безъ этой исторіи съ панталонами Іоганнъ не былъ бы такъ любимъ народомъ и онъ не былъ бы избранъ имперскимъ управителемъ, и Гагернъ не могъ бы совершить своего „смѣлаго шага“. Маленькія причины—великія слѣдствія! Таковы капризы всемірной исторіи.

Мы увѣрены также въ томъ, что застольный тостъ не былъ произнесенъ имъ въ той формѣ, въ какой онъ потомъ распространился. „Ни Пруссія, ни Австрія“—врядъ ли могъ бы сказать Іоганнъ; слишкомъ уже онъ былъ для этого Габсбургомъ и черно-желтымъ австрійцемъ. Но филистеры разъ навсегда увѣровали въ то, что онъ произнесъ этотъ тостъ, и на этомъ основаніи платили ему уваженіемъ *).

„Возстановителемъ порядка и спокойствія“—назвалъ Гагернъ Іоганна и потому такъ необычайно велико было ликованіе бюргерства, мечтавшаго о спокойствіи и порядкѣ. Въ городахъ, чрезъ которые проѣзжала депутація, восторгамъ не было конца, а въ самой Вѣнѣ, гдѣ Раво и Саукенъ обратились къ массѣ съ рѣчами; радостное возбужденіе превзошло всякія границы. Дворъ, буржуазія, бюрократія, юнкера и попы—вся эта братія безконечно радовалась, что, конечно, не удивительно, такъ какъ въ Іоганнѣ они видѣли Св. Георгія, которому суждено убить дракона „анархіи“. Поэты также воспѣвали имперскаго управителя и, наконецъ, даже не глупый въ общемъ графъ Ауэрспергъ (Анастасій Грюнъ) возвеличивалъ въ стихахъ побѣжденнаго при Гогенлинденѣ, какъ выдающагося героя.

Путешествіе Іоганна черезъ Германію во Франкфуртъ напоминало собой тріумфальное шествіе, и только одно облачко омрачило добрыя

---

*) Въ прокламаціи Іоганна къ войскамъ есть выраженіе: „созданіе нѣмецкаго единства, прочное, какъ ваши горы“. Оно вставлено, конечно, сознательно для того, чтобы подтвердить Кельнскую легенду.

сердца бюргеровъ: какой-то студентъ изъ Галле подскочилъ къ дверцамъ кареты и возбужденно крикнулъ: „Отвѣтственный или безотвѣтственный?“ Добрый юноша очевидно не познакомился съ закономъ относительно центральной власти. Франкфуртъ при въѣздѣ „высокаго путешественника“, такъ называли газеты германскаго правителя, снова проявилъ свой шумный восторгъ. Іоганна воспѣвали, произносили ему рѣчи, кричали виватъ и говорили, что его прошлое ведетъ къ славному будущему. Дѣйствительно, славное будущее!

12 Іюля состоялся торжественный въѣздъ имперскаго управителя въ церковь Св. Павла, гдѣ благородный Гагернъ встрѣтилъ его умилительной рѣчью. Іоганнъ надѣлъ свои очки, вынулъ изъ кармана бумагу и прочелъ заявленіе, по которому онъ вступалъ въ исполненіе своихъ обязанностей имперскаго управителя.

Когда онъ кончилъ, раздалось оглушительное виватъ.

Союзный сеймъ былъ распущенъ и президентъ его Шмерлингъ провелъ во дворцѣ сейма еще одинъ тайный государственный актъ, возложивъ на Іоганна „исполненіе конституціонныхъ функцій и обязательствъ союзнаго собранія“.

Такимъ образомъ для этихъ господъ Іоганнъ являлся лишь преемникомъ и продолжателемъ союзнаго сейма въ то время, какъ они же распространяли внѣ сейма мысль, что Іоганнъ путемъ „смѣлаго шага“ былъ выбранъ самимъ народомъ. Такимъ образомъ вся эта комедія совершенно ясна. Лишь позднѣе былъ обнаруженъ и раскрытъ государственный актъ совершенный во дворцѣ сейма; въ моментъ же избранія имперскаго управителя было извѣстно только поздравленіе союзнаго сейма, обращенное къ Іоганну, въ которомъ сеймъ заявлялъ, что еще до окончанія дебатовъ о центральномъ правительствѣ, онъ былъ уполномоченъ высказаться въ пользу избранія Іоганна. Это очень удивило лѣвую, и Робертъ Блюмъ поднялъ шумъ, которымъ, впрочемъ, не достигъ ничего, кромѣ грубаго отвѣта Шмерлинга, котораго, естественно, сердили всякіе запросы по этому поводу.

Прибытіе жены Іоганна во Франкфуртъ было ознаменовано новымъ торжествомъ, въ которомъ приняли участіе дѣвушки, одѣтыя въ бѣлое, шпалеры гражданскаго ополченія и звонъ колоколовъ. У Іоганна были двѣ квартиры: одна въ Бокенгеймѣ, а другая во Франкфуртѣ, на Эшенгаймской улицѣ. Благодарные нѣмцы хотѣли предоставить ему для содержанія цивильный листъ, но онъ, не желая давать повода къ придиркамъ со стороны демократовъ отказался и, конечно, этимъ безкорыстіемъ вызвалъ ликованіе бюргеровъ. Ему приписывали желаніе сдѣлаться германскимъ императоромъ; въ молодости, дѣйствительно, онъ былъ очень честолюбивъ. Но пока судъ да дѣло, онъ окружилъ себя тучей новыхъ имперскихъ бюрократовъ и имперскихъ писакъ и образовалъ сначала временное, а потомъ и постоянное министерство въ слѣдующемъ составѣ:

Президентъ: князь фонъ-Лейнингенъ.
Министръ внутреннихъ дѣлъ: баронъ фонъ-Шмерлингъ *).
Министръ иностр. дѣлъ: Гекшеръ.
Министръ юстиціи: Робертъ фонъ-Моль.

---

*) Шмерлингъ позднѣе замѣстилъ Лейнингена.

Военный министръ: фонъ-Пейкеръ.

Министръ финансовъ: Беккератъ.

Министръ торговли: Дуквицъ.

Младшіе статсъ-секретари въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Бассерманъ и фонъ-Вюртъ.

Младшіе статсъ-секретари въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ: Максъ фонъ-Гагернъ, фонъ Бигелебенъ.

Младшій статсъ-секретарь въ министерствѣ юстиціи: Виденманъ.

Младшій статсъ-секретарь въ министерствѣ финансовъ: Мати.

Младшіе государственные секретари въ министерствѣ торговли: Фаллати и Мефиссенъ.

Это министерство отличалось отъ союзнаго сейма только тѣмъ, что въ немъ нашли себѣ пріютъ перебѣжчики лѣвой, и президентъ союзнаго сейма Шмерлингъ немедленно снова сдѣлался имперскимъ министромъ. Министерство очень ревностно принялось за выполненіе своей задачи ставить на каждомъ шагу препятствія выработкѣ конституціи и облегчить реакціи побѣдоносное шествіе.

Большинство собранія отличалось такимъ абсолютнымъ непониманіемъ сущности вещей, что встрѣтило аплодисментами заявленіе президента министровъ, будто министерство разсчитываетъ на дѣятельное содѣйствіе со стороны нѣмецкихъ правительствъ. Казалось, что собраніе просто боялось своего прежняго „суверенитета“.

Имперскій управитель обратился къ народу съ воззваніемъ, полнымъ трескучихъ фразъ; были произнесены по этому поводу „патріотическіе“ тосты; самъ же онъ, насколько это можно прослѣдить, продолжалъ во Франкфуртѣ вести свой прежній образъ жизни; его дѣятельность была полна таинственностей, которыя, впрочемъ, проницательные люди быстро обнаруживали; что же касается массы, довѣрчивой массы, то она и не задумывалась надъ этимъ.

Лѣвая еще издали видѣла надвигающуюся реакцію. Что она должна была и что она думала предпринять? Прусское правительство заявило, что противодѣйствіемъ стремленіямъ парламента можетъ служить созывъ сословныхъ представителей въ отдѣльныхъ государствахъ. Лѣвая желала противопоставить организованную силу видамъ правительства. Во Франкфуртѣ произошелъ съѣздъ лѣвой, проработавшій 4 дня отъ 14—17 іюня. Тамъ были представлены 88 демократическихъ союзовъ въ лицѣ 192 делегатовъ. Тамъ же назначили центральный комитетъ изъ Фребеля, Рау и Крига, но этотъ комитетъ не сумѣлъ создать сколько-нибудь широкой организаціи.

Народное движеніе было еще въ расцвѣтѣ, происходило много частныхъ демократическихъ возстаній, которыя частью проистекали изъ все болѣе углублявшагося недовѣрія народа къ парламенту. Но лѣвая не сумѣла использовать эти возстанія, которыя такъ часто устрашали реакціонеровъ. Центральная власть направляла всѣ свои силы, чтобъ подавить въ народѣ его упрямое непокорство. Съ учрежденіемъ центральной власти мѣстныя возстанія подавлялись гораздо энергичнѣе, чѣмъ раньше. Реакція имѣла теперь планъ дѣйствій, стала оформленнѣе въ то время, какъ до сихъ поръ она цѣплялась за всякія случайныя и благопріятныя для нея обстоятельства.

При такихъ обстоятельствахъ оставаться лѣвымъ въ парламентѣ

стоило тяжелой борьбы. Нѣкоторые скоро ушли, какъ Каппъ изъ Гейдельберга и Арнольдъ Руге. Они считали борьбу безнадежной *).

Она дѣйствительно была безнадежна и весьма сомнительно, являлось ли заслугой при такихъ обстоятельствахъ долготерпѣніе лѣвыхъ.

Наполовину реакціонное, наполовину упоенное довѣрчивостью большинство парламента должно было погибнуть въ водоворотѣ, подхватившемъ его, разбившись о ту скалу, на которой потерпѣлъ крушеніе и корабль обманутаго Гагерна и его товарищей.

Значительное большинство членовъ лѣвой и лѣвыхъ изъ центра вѣрили въ силу своихъ рѣчей; имъ казалось, что они сокрушаютъ міры. Нужно же имъ было освободиться отъ запаса словъ, который у нихъ накопился. Лишить себя удовольствія выслушивать аплодисменты публики на галлереяхъ, видѣть свои рѣчи дословно отпечатанными, встрѣчать отдѣльныя выдержки приведенными и обсужденными на страницахъ газетъ—нѣтъ, это было бы слишкомъ многаго требовать отъ большинства демократическихъ карликовъ. Тайно работавшая реакція умѣла это использовать; она позаботилась о томъ, чтобъ болтунамъ бросили кость, которую они грызли такъ долго, что ушло самое драгоцѣнное время для созданія единой, свободной Германіи. Такой злополучной несчастной костью явился проектъ „основныхъ правъ“ нѣмецкаго народа.

Если парламентъ желалъ работать съ цѣлью осуществить свои планы, онъ долженъ былъ возможно скорѣй обсудить конституцію и выискать средства для его осуществленія. Это было понятно въ то время для самыхъ недалекихъ людей, только это собраніе премудрыхъ ученыхъ и буржуа не понимало этого постольку, поскольку понять не хотѣло. Вспомнили, что учредительное собраніе 1879 года предпослало своей конституціи декларацію правъ человѣка. Рѣшено было то же самое сдѣлать и въ Германіи. Но при этомъ забыли, что французы набросали, обсудили и обнародовали эту декларацію въ самое короткое время.

„Основныя права“ должны были состоять изъ чинно размѣщенныхъ по параграфамъ правъ и завоеваній нѣмецкаго народа. За ними должна была воспослѣдовать самая конституція. Въ этихъ „основныхъ правахъ“ было несомнѣнно много почтенныхъ и прекрасныхъ вещей, которыя представляли огромный шагъ впередъ по сравненію съ домартовскимъ положеніемъ вещей. Но пока эти вещи красовались только на бумагѣ.

Если бъ собраніе потратило на этотъ кодексъ буржуазныхъ правъ только 8 дней—что вполнѣ возможно было для практичныхъ и разумныхъ людей—эти „основныя права“ имѣли бы совсѣмъ другое значеніе. Но при обсужденіи этого кодекса выступили на сцену классовые интересы буржуазіи; эти интересы отстаивались либералами и конституціо-

---

*) Позже изъ парламента ушли Гервинусъ, извѣстный историкъ, Генрихъ Лаубе и графъ Ауэрспергъ (Анастасій Грюнъ). Внѣ всякого сомнѣнія, первые два ушли изъ-за оскорбленнаго самолюбія. Имъ не удалось сыграть ту роль, къ которой они считали себя призванными всемірной исторіей. Лаубе при первомъ подвернувшемся случаѣ излилъ свое неудовольствіе въ реакціонномъ памфлетѣ. Гервинусъ пророчествовалъ въ „Нѣмецкой Газетѣ“, издававшейся въ Гейдельбергѣ, органѣ сонно довѣрчиваго профессорства.

налистами съ такой силой, что сыграли на руку реакціи, расчистивъ ей дорогу. Если „основныя права", съ одной стороны, должны были укрѣпить новыя завоеванія, то, съ другой стороны, они должны были стать хорошей смирительной рубашкой для революціи. До этихъ поръ, сказали конституціоналисты, а дальше ни шагу!

Безбрежное море болтовни, начавшейся по поводу „основныхъ правъ", въ которомъ съ одинаковымъ удовольствіемъ барахтались всѣ партіи, въ концѣ концовъ испугало принципіальныхъ людей. Д-ръ Гискра, одинъ изъ самыхъ молодыхъ членовъ собранія, сдѣлалъ слѣдующій подсчетъ:

Коренной проектъ „основныхъ правъ" содержитъ 48 параграфовъ, народнохозяйственный 40, уже внесено 350 предложеній поправокъ, итого 438 параграфовъ. Считая на каждый по 10 ораторовъ, мы должны выслушать 4380 ораторовъ. 15 ораторовъ—одно засѣданіе. Въ результатѣ для ихъ обсужденія нужно 292 засѣданія; 3 засѣданія въ недѣлю, значитъ нужно потратить 98 недѣль. Итакъ обсужденіе „основныхъ правъ" мы закончимъ въ апрѣлѣ 1850 г.

Это подѣйствовало, и собраніе стало работать энергичнѣе. Нашли, что три засѣданія въ недѣлю мало. Но этотъ революціонный парламентъ не хотѣлъ лишить себя мелкобуржуазнаго комфорта и, дѣйствительно, проторчалъ при обсужденіи „основныхъ правъ" весь 1848-й годъ.

Межъ тѣмъ народныя силы истощались въ частичныхъ возстаніяхъ и мятежахъ. Центральная власть, пользуясь сочувствіемъ другихъ властей, рѣшилась въ извѣстный моментъ окончательно расправиться со всѣмъ движеніемъ.

Каждый день, проведенный парламентомъ въ пустой болтовнѣ, уносилъ съ собой часть его силы. „Довѣряющіе" не видѣли этого, а люди политически дальнозоркіе ничего не могли подѣлать съ этимъ. Уже одно поведеніе Эрнста Августа, короля Ганноверскаго, который не могъ сдержать своихъ самодержавныхъ привычекъ и своего застывшаго партикуляризма, должно было броситься въ глаза парламенту. Эрнстъ Августъ велѣлъ уже 7 іюля заявить въ Ганноверскомъ сословномъ собраніи, что онъ не примкнетъ къ основывающемуся нѣмецкому союзному государству, потому что центральная власть обусловитъ подчиненіе ей государей.

Учредительное собраніе предложило центральному правительству потребовать согласія Ганноверскаго короля. Іоганнъ и его Шмерлингъ взялись за это съ величайшей готовностью, но такъ и остались при своемъ требованіи. Разумѣется, Іоганнъ и Эрнстъ Августъ слишкомъ хорошо понимали другъ друга, чтобъ вступить въ серьезный конфликтъ. Теперь стало ясно, что представлялъ собой Іоганнъ въ качествѣ государственнаго правителя, но все же было еще тайной для „довѣрчивыхъ".

Обсужденіе „основныхъ правъ" прерывалось внесеніемъ ряда интерпелляцій, но онѣ не имѣли никакого значенія, за исключеніемъ того, что увеличивали безъ цѣли и всякаго направленія болтовню.

Вопросъ о войскахъ собственно остался нерѣшеннымъ. Хотя Іоганнъ и попросилъ министра военныхъ дѣлъ фонъ-Пейкера заявить собранію, что онъ возьметъ на себя „главное руководство нѣмецкими военными силами", но это было чистымъ лицемѣріемъ, и правительства, въ особенности болѣе сильныя, просто обошли этотъ вопросъ. На са-

момъ дѣлѣ Іоганнъ не могъ распоряжаться ни прусскими, ни австрійскими, ни баварскими, ни остальными нѣмецкими войсками. Только тогда, когда дѣло шло о подавленіи демократіи военными силами, центральная власть получала въ подмогу войска.

Парламентъ какъ будто ослѣпъ. Комиссія, которой передали разрѣшеніе вопроса о народномъ вооруженіи, внесла предложеніе потребовать у правительства увеличить количество войска въ 2 раза. Блюмъ рѣшительно выступилъ противъ этого предложенія; онъ указалъ на расходы, которыхъ потребуетъ увеличеніе войска, доказывалъ, что со стороны Франціи нечего ждать нападенія, какъ это принято думать: время завоевательныхъ войнъ уже прошло *). Радовицъ напротивъ утверждалъ, что въ случаѣ нападенія Франціи силы Германіи недостаточны, и говорилъ, что вооружиться необходимо. Радовицъ и его товарищи хорошо знали, что если Россія нападетъ на Германію, то только для возстановленія стараго порядка, какъ это и случилось въ дѣйствительности нѣсколько позже въ Венгріи. Но они хорошо знали конституціоналистовъ. И когда Лихновскій обратился къ ихъ чувству народной гордости, дѣло было выиграно. Это собраніе, которое не имѣло для своей защиты ни одного батальона, увеличило военныя силы Германіи на 900.000 человѣкъ! Противъ этого рѣшенія правительство понятно ничего не имѣло. Реакціонеры не мало, вѣроятно, смѣялись про себя, когда парламентъ 303 голосами противъ 149 рѣшилъ выставить противъ себя самого такую могущественную силу. Что эти войска во всякомъ случаѣ могли пригодиться для того, чтобъ воспрепятствовать проведенію рѣшеній парламента, стало ясно для всѣхъ послѣ заявленія Ганноверскаго правительства.

Насмѣшка всего міра не смутила мечтателей въ церкви Св. Павла; они нашли даже время подробно обсудить вопросъ о флагахъ для еще не существующаго нѣмецкаго флота.

Неудивительно, что реакціонеры при такихъ обстоятельствахъ блаженствовали. „Теперь съ арміей въ 900.000 человѣкъ мы задавимъ революцію“—такъ ликовалъ кое-кто ночью на улицахъ Франкфурта подъ сильнымъ дѣйствіемъ винныхъ паровъ.

Тамъ, гдѣ это было въ ея интересахъ, центральная власть выступала во всемъ своемъ величіи. Она отправила посланниковъ къ иностраннымъ дворамъ и въ правительственныя резиденціи. Эти посланники часто держали себя тамъ съ комичной важностью и компрометировали нѣмецкое имя. Въ самомъ Франкфуртѣ вокругъ Іоганна собрался дворъ изъ всякихъ дипломатовъ; въ ихъ числѣ были прусскій, австрійскій, англійскій, французскій, бельгійскій, нидерландскій, сѣвероамериканскій, неаполитанскій, сардинскій и даже венгерскій. Во Франкфуртѣ жилось пріятно и интересно, и господа дипломаты находили пикантнымъ близкое наблюденіе гибели нѣмецкой революціи.

Шмерлингъ, опытнѣйшій дипломатъ старой школы и фанатическій врагъ демократіи, затѣялъ рядъ интригъ; Іоганнъ помогалъ ему. Въ это же время преисполненные большихъ надеждъ Гагернъ и его товарищи отправились въ Кельнъ, куда 15 августа на закладку собора при-

---

*) Этотъ взглядъ Блюма опровергнутъ событіями, имѣвшими мѣсто въ теченіе послѣднихъ сорока и больше лѣтъ.

ѣхали прусскій король и имперскій правитель. Гагернъ привѣтствовалъ рѣчью прусскаго короля. Въ этой рѣчи онъ не совсѣмъ удачно сравнилъ закладку собора съ дѣломъ объединенія Германіи. На рѣчь благороднаго фонъ-Гагерна Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣтилъ такъ: „Будьте увѣрены, что я никогда не забуду къ созданію какого великаго дѣла вы призваны, я же, со своей стороны, увѣренъ, что вы никогда не забудете, что въ Германіи есть государи и что я тоже государь“. Король на этотъ разъ былъ гораздо откровеннѣе, чѣмъ конституціоналисты. Онъ своими словами, поскольку возможно, далъ понять, что представляетъ себѣ осуществленіе конституціи только какъ соглашеніе народа съ государями. Гагернъ и его товарищи продолжали еще грубо обманываться насчетъ „суверенитета“ собранія, силы котораго они сами же лишили. Исходъ работы по выработкѣ конституціи былъ уже ясно виденъ для каждаго мыслящаго человѣка. Паденіе парламента и его значенія шло быстрымъ темпомъ, неудержимо. Въ своей несчастной судьбѣ онъ самъ былъ повиненъ.

Несмотря на все это, онъ былъ интересенъ, этотъ первый нѣмецкій парламентъ. Интересно обрисовать его такъ, какъ онъ запечатлѣлся въ памяти одного изъ членовъ лѣвой *), оставшагося въ парламентѣ до его послѣдней катастрофы. Пусть одинъ изъ современниковъ парламента разсказываетъ о немъ. Кое-гдѣ онъ, впрочемъ, слишкомъ восторгается имъ и осыпаетъ похвалами такихъ людей, которые недостойны ихъ.

„Съ тѣхъ поръ какъ упоминается нѣмецкое имя“, разсказываетъ этотъ свидѣтель, „не было еще, чтобъ вмѣстѣ собрались такъ много знаменитыхъ и извѣстныхъ людей, талантовъ, характеровъ, профессій и вліятельныхъ лицъ. Тамъ былъ депутатъ отъ отдаленной Пруссіи, гдѣ на караулѣ стоитъ казакъ, рядомъ съ нимъ — отъ романскаго Тироля, который объясняется по-нѣмецки ломаннымъ языкомъ и пользуется, какъ роднымъ, языкомъ страны апельсиновъ. Тамъ сидѣлъ богатѣйшій землевладѣлецъ Верхней Швабіи, который носилъ еще княжескую мантію и чей отецъ былъ сувереномъ, недалеко отъ бравого крестьянина, который собственными руками, въ буквальномъ смыслѣ слова, воздѣлывалъ свою землю; тамъ на одной скамьѣ сидѣли и пламенно-ревностный рыцарь католической церкви, и холодный діалектикъ, проповѣдникъ нѣмецко-католической общины и другъ просвѣщенія, и философъ, и епископъ, и іезуитъ. Были представлены всѣ вѣроисповѣданія Германіи; не мало было и евреевъ, причемъ послѣдніе были представлены прекраснѣйшими талантами и характерами. На скамьяхъ сидѣло до 600 депутатовъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ и не нѣмецкихъ странъ. Какое богатство физіономій, какое многообразіе! Глазъ, пробѣгая по этимъ сотнямъ лицъ, не видѣлъ ни одного, не отмѣченнаго чѣмъ-нибудь значительнымъ, изъ ряда вонъ выходящимъ. Тамъ были фигуры юношески нѣжныя и люди старые, лица которыхъ были обрамлены сѣдыми локонами. Одинъ ловко взбирается на ораторскую трибуну, какъ бы находясь въ будуарѣ дамы. Другой, надломленный отъ долгаго пребыванія въ длинной узкой камерѣ тюрьмы, сохранившій эластичность лишь въ умѣ и сердцѣ, растянулся въ своемъ креслѣ, полусидя, полулежа. Кто это съ античной головой философствующаго Катона? Опи-

*) Д-ръ Вильгельмъ Циммерманъ, депутатъ изъ Вюртембергскаго Галля.

раясь на свои костыли, онъ направляется къ своему мѣсту у высокой колонны? Это тотъ человѣкъ, который прожилъ во Франціи какъ изгнанникъ 17 лѣтъ; это либеральнѣйшій и остроумный депутатъ Баварской камеры 1831 г., Шюллеръ изъ Цвейбрюккена. Рядомъ съ нимъ сидитъ Сильвестръ Іорданъ изъ Марбурга, терпѣвшій много гоненій и въ Тиролѣ, его родинѣ, и въ Кургессенѣ. Дальше Штедманъ, Рюдеръ, Бриглебъ и еще нѣсколько именъ, ставшихъ извѣстными благодаря преслѣдованіямъ, которыя имъ пришлось испытать ради блага своего отечества *). Іорданъ—какое морщинистое лицо у него, какъ оно постарѣло! Только изрѣдка лицо это отражаетъ скрытую страсть. Юноша въ сравненіи съ нимъ, съ прекрасной свѣтлозарной головой сидитъ впереди его старый учитель и наставникъ, Миттермайеръ, образецъ мудрости и благородства. Далѣе, направо отъ него сидитъ другая знаменитость, Дальманъ—какой контрастъ между ними! „Нѣтъ въ мірѣ другого такого лица", воскликнулъ кто-то, увидѣвъ его лицо. А тамъ, въ высотѣ, у средней колонны съ огромнѣйшей сѣдой бородой, длинными сѣдыми волосами, въ черной бархатной шапочкѣ, въ старо-нѣмецкомъ сюртукѣ и широко откинутомъ бѣломъ воротникѣ, кто это, какъ не развалина стараго Яна, учителя гимнастики? Тоже пруссакъ, съ нѣсколько нѣмецкимъ типомъ лица сидитъ на краю съ правой стороны статная фигура владѣтеля многочисленныхъ имѣній въ Восточной и Западной Помераніи, ревностнаго члена союза Густава Адольфа и депутата Соединеннаго ландтага, графа Шверина**). Недалеко отъ него сидитъ другой графъ съ тонкой подвижной фигурой, землевладѣлецъ, какъ и предыдущій, но въ то же время извѣстный политикъ и политико-экономистъ графъ Деймъ изъ Праги. А тамъ посрединѣ—сравнительно молодой, изящный и остроумный, популярный поэтъ, графъ Ауэрсбергъ, который подъ псевдонимомъ Анастасія Грюна***) въ теченіе 7 лѣтъ являлся въ Австріи „жаворонкомъ свободы". Теперь его лицо выражаетъ разочарованіе во многихъ надеждахъ. Почти рядомъ съ нимъ оживленно движется крупная голова человѣка съ внѣшней стороны менѣе либеральнаго, чѣмъ по существу, протестанта и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтника въ ультрамонтанскомъ министерствѣ Мюнхена, учителя теперешняго короля, человѣка практическаго и основательнаго, юмориста, оратора. Это профессоръ фонъ Германъ. Какъ разъ противъ него тоже учитель изъ Мюнхена, однако, жившій въ теченіе болѣе, чѣмъ 18 лѣтъ, гораздо болѣе въ Турціи, Азіи и Африкѣ, чѣмъ въ Мюнхенѣ или на своей родинѣ въ Вейлерѣ, въ горахъ Тироля. Нельзя опредѣлить, что привлекательнѣе въ его, даже въ престарѣломъ возрастѣ, прекрасной головѣ—остроуміе или европейское образованіе. Это знаменитый путешественникъ-оріенталистъ Фальмерайеръ. По другую сторону сразу заинтересовываетъ прекрасная какъ тѣлесно, такъ и духовно голова Гервинуса. Дальше фонъ-Беккератъ съ его необыкно-

---

*) Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Рюдеръ, позже пріобрѣли еще большую извѣстность также благодаря преслѣдованіямъ, но уже въ качествѣ преслѣдователей

**) Циммерманъ, какъ видно, былъ ярымъ врагомъ пруссаковъ, но не прусскаго народа, а юнкеровъ и аристократовъ, поскольку они выступали представителями Пруссіи.

***) Полетъ этого „жаворонка свободы" былъ не особенно высокъ.

венно тонкой духовной организацiей. Потомъ маститый, съ короткой шеей, обходительный Винке, съ его чисто берлинскимъ остроумiемъ; онъ никогда не полѣзетъ за словомъ въ карманъ. Маленькiе глазки и живой колоритъ на выдающихся скулахъ. Винке, фонъ-Беккерату и многимъ другимъ повредила въ церкви Св. Павла предшествовавшая имъ слава объ ихъ краснорѣчiи, слава, раздутая въ Берлинѣ. Несмотря на большiя достоинства обоихъ ораторовъ, многiе, ждавшiе и требовавшiе отъ ихъ рѣчей большей сжатости въ формѣ и большой глубины мысли, чѣмъ Беккератъ и Винке дали и могли дать, обманулись въ своихъ ожиданiяхъ. Въ рѣчахъ Винке не чувствовалось человѣка, имъ недоставало возвышенности настроенiя и наличности непреклонныхъ принциповъ. Въ рѣчахъ Беккерата тоже не чувствовалось всепроникающей силы; въ немъ говорилъ человѣкъ, но скорѣе эстетикъ, чѣмъ политикъ, и ему недоставало той могущественной силы воодушевленiя, которой не было ни у одного изъ правыхъ и которая имѣлась не у одного лѣваго, такъ часто придавая имъ политическую дальнозоркость. Тамъ сидѣли одинъ возлѣ другого научныя и литературныя свѣтила: Гюлихъ, Штенцель, Ведекиндъ, Гильдебрандъ, Дройзенъ, Вайтцъ, фонъ-Раумеръ, Захарiя, Блюмрэдеръ, Бернгарди, Теллькампфъ, Эсмархъ, Гагенмюллеръ, Эйтелесъ, Фишеръ, Кольбъ, фонъ Линде, фонъ Линденау, братья Морицъ и Робертъ Моли, Мати, Велькеръ, Науверкъ*), замѣчательно интересная фигура Генрихъ Симонъ**), Вагнеръ, Випперманъ, Бидерманъ, Безелеръ***), фонъ Майернъ, Арндтъ, Янъ, Мефиссенъ, Детерсъ, Филипсъ, Деллингеръ, Беда Веберъ, Гфререръ, Буссъ, фонъ-Реденъ, Шубертъ, Археръ, Фрезе, Гагенъ, Морицъ Гартманъ, Руге, Вильгельмъ Шульцъ, Гюнтеръ, Карлъ Фогтъ, Россмеслеръ, Гейбнеръ, Симсонъ, Кюнсбергъ, Людвигъ Уландъ и Яковъ Гриммъ. Этотъ послѣднiй, что за классически красивая голова, она такъ и просилась подъ кисть художника! Сколько другихъ въ томъ или иномъ отношенiи замѣчательныхъ лицъ отмѣчалъ глазъ зрителя. Сколько именъ изъ нихъ въ теченiе 10, 20 и 30 лѣтъ тысячи разъ упоминались въ газетахъ и превозносились въ качествѣ представителей народа или патрiотовъ въ благородномъ смыслѣ слова; люди изъ Саксонiи, Ганновера, изъ Гессена и Нассау, изъ Бадена и Мекленбурга, изъ Вюртемберга и Баварiи, въ особенности изъ послѣдней, цѣлый рядъ борцовъ и страдальцевъ за народное дѣло. То тутъ, то тамъ привлекали вниманiе и заинтересовывали живописныя фигуры: коренастыхъ, первобытносильныхъ сыновей Шварцвальда, какъ Кюнцера и Бусса, старомоднаго, грузнаго и обходительнаго Рейнгарда изъ Мекленбурга—такими должно быть были тевтоны, пугавшiе римлянъ уже одними своими блѣд-

---

*) Науверкъ, поведенiе котораго достойно было похвалы, не заслужилъ такого пренебрежительнаго отношенiя, какимъ встрѣтила пресса, отчасти даже демократическая, его смерть въ 1891 г. Въ изгнанiи его постигла горькая нужда, которая давила его до самой смерти.

**) Iоганнъ Якоби написалъ цѣлую книгу относительно Генриха Симона, которая содержитъ любопытную характеристику этого юриста стараго типа.

***) Георгъ Безелеръ, братъ извѣстнаго члена временнаго правительства въ Шлезвигъ-Голштинiи, часто хвастался впослѣдствiи, что онъ никогда не измѣнялъ своимъ убѣжденiямъ. И дѣйствительно, невыносимая болтовня этого профессора имѣла всегда одинаково реакцiонное содержанiе. Въ нѣмецкомъ рейхстагѣ онъ принадлежалъ къ „выгоняющимъ своими рѣчами изъ рейхстага“.

ными лицами. Нѣмецкіе французы — Раво и Целль, а также Людвигъ Симонъ. Нѣмецкіе славяне—Колачекъ, чистые нѣмцы—старый, но еще крѣпкій Моръ и сравнительно молодой Шварценбергъ. Другія замѣчательныя лица недолго пробыли въ церкви Св. Павла и скоро ушли. Такъ было съ Поле мъ Пфицеромъ, Вирти, Ялышевскимъ и Либельтомъ. Нѣкоторые ушли впослѣдствіи — Фребель, Темме и др. Смѣна лицъ была быстрая.

Физіономистъ, привыкшій распознавать человѣческія лица, легко нашелъ бы различія между членами правой и лѣвой, если бъ передъ нимъ были и тѣ и другіе, но не такъ легко было бы ему разобраться въ членахъ отдѣльныхъ партій. Обѣ крайнія партіи во время пребыванія въ церкви св. Павла представляли собой серьезный хмурый кругъ; только крайняя правая была молчалива en masse, а изъ крайнихъ лѣвыхъ молчаливы были только нѣкоторые.

„Кто хотѣлъ видѣть лицо государственнаго мужа, тотъ нашелъ бы такого не столько въ лицѣ графа Арнима, сколько въ рыцарѣ Шмерлингѣ, послѣднемъ президентѣ союзнаго сейма, въ этомъ человѣкѣ, съ сухимъ холоднымъ лицомъ. По лицу его, какъ бы постоянно закрытому маской, сквозь которую, однако, проглядывало нѣчто глубоко скрытое, не пробѣгали ни краска воодушевленія, ни блѣдность гнѣва, ни одно выраженіе не задерживалось на немъ. Лицо ровное, какъ мраморная стѣна, весь человѣкъ такой же ровный, наружность настоящаго придворнаго, хотя извѣстно, что онъ при дворѣ никогда не былъ. Наружность человѣка энергичнаго, но безъ огня, упрямаго, замкнутаго, фигура тонкая, маленькая, худая. Его любезность покорила бы Генриха Гагерна, но не членовъ лѣвой. Эти говорили про него: этотъ человѣкъ мастеръ ставить ловушки и выдумывать планы, лукавый, хладнокровный, искусный притворщикъ, а потому такой самоувѣренный. И дѣйствительно, Шмерлингъ является во Франкфуртѣ нѣмцемъ, а непосредственно вслѣдъ затѣмъ говорилъ вѣнцамъ, что онъ прежде всего австріецъ, а затѣмъ уже нѣмецъ. Съ виду казалось, что онъ никогда не раздумываетъ и не взвѣшиваетъ—пользующійся жизнью, легкомысленный нѣмецъ, но на самомъ дѣлѣ онъ моментально схватывалъ суть дѣла, осваивался съ нимъ, овладѣвалъ, становился его господиномъ. Но не потому, что его толкало собственное мужество, нѣтъ, онъ брался за дѣло только тогда, когда видѣлъ, что побѣда неизбѣжна, благодаря превосходству его силъ надъ беспомощными противниками.

„Помѣщеніе, въ которомъ засѣдало это собраніе, было гораздо лучше и съ большимъ вкусомъ убрано, чѣмъ помѣщеніе для предварительнаго парламента. Ослѣпительная бѣлизна высокой церкви рѣзко выдѣляла каждую фигуру. Исполинскія оконныя ниши были завѣшены зеленой матеріей, а бюро президіума было задрапировано красивыми красными занавѣсами.

„Ни разу не случилось, чтобъ верхнія галлереи были наполнены умѣренно. Даже въ дни баллотировокъ, они чуть-что не подламывались подъ напоромъ слушателей, которые при вызовѣ депутатовъ съ интересомъ слѣдили, за что они голосуютъ и то громко, то тише критиковали поведеніе депутатовъ. Внизу для слушателей было отведено много мѣста близко къ скамьямъ депутатовъ. Справа и слѣва отъ бюро, галлереи для слушателей охватывали собраніе какъ бы двумя

могучими руками. Часто здѣсь тѣснилось до тысячи мужчинъ и женщинъ; для тѣхъ и другихъ были отдѣльныя галлереи.

„Справа, какъ разъ надъ президіумомъ, была расположена такъ называемая галлерея дипломатовъ. Тутъ можно было видѣть посланниковъ отъ Франціи, отъ Англіи, отъ Россіи и Сѣверной Америки, отъ государей и королей всѣхъ ранговъ. Они слушали и слѣдили, какъ рождается и выростаетъ нѣмецкая нація. Тутъ же были банкиры, биржевики изъ Франкфурта и изъ другихъ мѣстъ. Цѣлыми часами, какъ будто бы дѣло шло о жизни или смерти, ждали внутри церкви св. Павла и внѣ ея на прямо противъ нея расположенной биржѣ представители крупнѣйшихъ денежныхъ предпріятій баллотировки въ національномъ собраніи. Нѣсколько разъ случалось, что члены этой галлереи, когда какой-нибудь вопросъ рѣшался баллотировкой путемъ вставанія, вставали вмѣстѣ съ членами собранія, какъ будто бы они тоже были депутатами. Въ одинъ изъ критическихъ моментовъ это было указано съ трибуны и не встрѣтило никакихъ возраженій, при этомъ было даже названо имя слушателя“.

Женщины были представлены на галлереяхъ ревностными и многочисленными слушательницами. Надъ правыми сидѣли дамы изъ числа франкфуртской аристократіи. Но больше всего прекрасный полъ склонялся на сторону лѣвыхъ. Цаммерманъ разсказываетъ по этому поводу слѣдующее:

„Собственно дамская галлерея была расположена слѣва. Въ битвѣ умовъ, гдѣ сотни другъ съ другомъ боролись и другъ на друга вліяли, мысли сталкивались, какъ мечи, часто обоюдоострые, дамы стояли и сидѣли въ пяти рядахъ скамей, которыя тянулись по лѣвую сторону, начиная съ бюро до такъ называемой Горы. Ихъ сердца пылали, принимали живѣйшее участіе въ борьбѣ; онѣ слѣдили за вылазками своихъ любимцевъ, и часто онѣ награждали побѣдителя, хотя не вѣнкомъ, но зато цвѣтами, милой улыбкой, даже пожатіемъ руки, потому что нижняя галлерея дамъ совсѣмъ близко охватывала, какъ бы пестрой гирляндой, ряды лѣвыхъ“. Въ этихъ галлереяхъ Лихновскій устраивалъ свои свиданія съ дамами-аристократками, его часто видѣли въ оконной нишѣ *). Однако, больше всѣхъ аристократкамъ импонировалъ благородный фонъ-Гагернъ съ его высокой, могучей фигурой и густыми бровями. Аристократки знали и понимали, что цѣлью этого человѣка была не пугающая ихъ свобода, а только одна мысль—единство Германіи.

Въ теченіе четырехъ дней, свободныхъ отъ засѣданій, депутаты старались внѣ церкви св. Павла по возможности весело проводить время. Жизнь становилась пустой, носила трактирный характеръ, что плохо отразилось на нѣкоторыхъ депутатахъ. Вечера люди отдѣльныхъ фракцій проводили вмѣстѣ въ опредѣленныхъ локалахъ. Среди правыхъ особенно настаивалъ на выработкѣ „корпаративнаго духа“ брауншвейгскій пасторъ изъ Штадтольдендорфа, опытный интриганъ Юргенсъ

---

*) Одинъ очевидецъ разсказываетъ: здѣсь Лихновскій частенько встрѣчался съ одной изъ своихъ подругъ. Это было очень пикантно: дама, скрытая, сидитъ въ глубинѣ ниши, на ступенькахъ прислонился Лихновскій, его голова покоится на ея ногѣ, другую ногу ея онъ, забавляясь, держитъ въ своихъ рукахъ.

и адвокатъ Детмольдъ изъ Миндена, который распространялъ у нихъ свои остроты и каррикатуры. Они собирались въ „Казино“ и „Кафе Милани“. Здѣсь появлялись Винке, Радовицъ и Лихновскій. На собраніяхъ реакціонеровъ не курили, и участники являлись во фракахъ. Для австрійскихъ реакціонеровъ Шмерлингъ снялъ на счетъ австрійскаго правительства ложу. „Сократъ“, гдѣ господа депутаты были хорошо защищены отъ проникновенія демократическаго воздуха. Монархисты-конституціоналисты съ Дальманомъ и фонъ-Гагерномъ собирались въ „Вейденбушѣ“, а впослѣдствіи въ „Отелѣ Уніонъ“. Лѣвые съ Фогтомъ и Блюмомъ во главѣ собирались въ „Нѣмецкомъ Отелѣ“, впослѣдствіи называвшемся „Гармоніей“. Крайняя лѣвая устраивала свои выпивки въ „Доннерсбергъ“, позже переименованнаго въ „Церингеръ Отель“. Тамъ и являлись Шлеффель, Трюцшлеръ, Цицъ. Въ противоположность правымъ лѣвые обставляли свои собранія запросто, безъ всякихъ стѣсненій. Они курили и за столомъ сидѣли въ однихъ жилетахъ. Нельзя не упрекнуть лѣвыхъ, что они потратили на пустяки много драгоцѣннаго времени. Никто, понятно, ничего бы не возразилъ противъ того, чтобы депутаты послѣ засѣданій отдыхали нѣсколько часовъ и немного распускались въ ресторанахъ. Но многіе, и именно изъ лѣвыхъ, очевидно, проводили все свое свободное время въ выпивкахъ и совершенно не понимали серьезности момента *). Тамъ-то создавались многія превосходныя каррикатуры; Фогтъ былъ такимъ же шутникомъ лѣвыхъ, какъ Детмольдъ у правыхъ. Людвигъ Симонъ разсказываетъ о „юмористическихъ основныхъ правахъ“, которыя набросали государственные мужи лѣвой**). Депутатъ Реслеръ изъ Эльса обосновалъ свою главную квартиру въ гостиницѣ „Зеленаго Дерева“. Онъ всегда носилъ желтаго цвѣта одежду, почему и былъ прозванъ „имперской канарейкой“. Съ своими товарищами по партіи онъ обсуждалъ передъ трактирной публикой вопросы партійной тактики. Нѣкоторые реформаторы Германіи въ во время страдали муками любви. Хорошенькая кельнерша въ „Зеленомъ Деревѣ“ смутила, вѣроятно, не одного дикаго демократа, наливая ему превосходное рейнское вино и бросая попутно нѣжный взглядъ своими жгучими глазами.

Въ этой слишкомъ уютной и пріятной атмосферѣ не могли являться новыя спасительныя мысли. Потому-то и случилось, что депутаты расплылись въ болтовнѣ объ „основныхъ правахъ“ и преподнесли ихъ потомъ добрымъ нѣмцамъ въ видѣ ряда абстрактныхъ положеній, на которыя никто не обращалъ вниманія. Если бъ въ парламентѣ господствовалъ болѣе энергичный духъ, то депутаты во время придали бы „основнымъ правамъ“ форму закона и провели бы ихъ во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, устранивъ все, что противорѣчило бы имъ. При такихъ обстоятельствахъ, однако, „основныя права“ остались на бумагѣ, остались прекрасными словами и только.

---

*) Одинъ извѣстный членъ парламента просиживалъ охотно очень часто и подолгу за виномъ и получилъ потомъ, какъ разсказываетъ одинъ изъ его друзей, внутреннюю „необходимость въ опорѣ“.

**) Тамъ значилось: „Гражданская независимость. § 1. Независимъ каждый гражданинъ, который имѣетъ ключъ отъ дома. Свобода обученія. § 2. Принудительное обученіе запрещается. § 3. Повышаются размѣры карманныхъ денегъ, право петиціи. § 4. Просить милостыню съ оружіемъ въ рукахъ запрещается“ и т. д.

„Добродушные“ парламентскіе революціонеры лѣвой не замѣчали даже, какъ быстро таяло довѣріе народа. Самомнѣніе нѣкоторыхъ карликовъ раздулось не въ мѣру. Тщеславію ихъ сильно способствовала та важность, какую пресса, даже демократическая, придавала ихъ рѣчамъ. Только немногія газеты своевременно увидѣли наклонную плоскость, по которой парламентъ стремительно катился внизъ. Большинство ежедневныхъ газетъ вертѣлось, понятно, вокругъ рѣчей дня. Демократическая пресса ничего не могла противупоставить этому рою филистерскихъ газетъ. Гейдельбергская профессорская газета „Нѣмецкая Газета“ задавала тонъ всѣмъ газетамъ такого же пошиба. Большія газеты „Кельнская“, обслуживавшая Рейнскую область, „Фосская“ въ Берлинѣ выражали взглядъ полуреакціоннаго либерализма и вялаго конституціонализма. Они обсуждали рѣчи „государственныхъ мужей“ конституціоналистовъ съ почтительнымъ страхомъ и удивленіемъ, какъ будто какое-то евангеліе. Демократическая берлинская газета „Реформа“, издававшаяся Арнольдомъ Руге и Г. Б. Оппенгеймомъ, энергично боролась съ слѣпой довѣрчивостью народа. Но ни одна газета не изощрилась такъ въ рѣзкой критикѣ парламента, какъ „Новая Рейнская Газета“, издававшаяся Карломъ Марксомъ и Фридрихомъ Энгельсомъ, и въ которой сотрудничали Фердинандъ Фрейлигратъ, Вильгельмъ Вольфъ и Эрнстъ Дронке. Газета называла себя органомъ демократіи, но на самомъ дѣлѣ она являлась главнымъ органомъ соціалистическаго движенія. Это была единственно большая газета, которая боролась съ капиталомъ и нападала на него во всеоружіи научнаго соціализма. Въ этой газетѣ франкфуртскіе болтуны подвергались сокрушающей насмѣшкѣ. „Шпапиганскому“, т. е. Лихновскому, доставалось не меньше чѣмъ Карлу Фогту или Якову Венедею. Послѣдній, котораго Гейне, окрестивъ „Kobes von Köln“, предалъ насмѣшкѣ всего міра, жаловался однажды, разгоряченный виномъ, что передъ „Новой Рейнской Газетой“ пасуетъ даже парижскій „Монитеръ“ 1793 г. Въ это время газета, основанная прусскимъ феодальнымъ юнкерствомъ, „Крестьянская Газета“ призывала и поддерживала полицію противъ органа рейнскихъ соціалистовъ.

Предостерегающіе голоса не нашли себѣ никакого отклика. Лѣтомъ 1848 г. надежды народа погибли, какъ это достаточно ясно доказали послѣдовавшія осенью отчаянныя, сопровождавшіяся насильями вспышки. Только у профессоровъ, адвокатовъ буржуа, короче у всѣхъ конституціонныхъ мечтателей, оставалось въ силѣ устойчивое довѣріе; эти люди жили въ глубокомъ заблужденіи. Имъ казалось, что на концахъ своихъ языковъ они носятъ большую силу, чѣмъ королевскія войска на остріяхъ своихъ штыковъ.

Прусское соглашательское собраніе.

Весною и лѣтомъ 1848 года политическая жизнь Берлина приняла тотъ характеръ, который „охранители“ прозвали „анархіей“. Каждый день происходили новыя собранія и выпускались новые плакаты. Новые клубы и новыя газеты вырастали ежедневно, какъ грибы. Свобода мнѣній и союзовъ была до извѣстной степени осуществлена, хотя она еще не была утверждена конституціей. Правительственные органы, гдѣ это только было въ силахъ, старались ограничивать эту свободу, какъ видно изъ процесса молодого Шлеффеля; но въ общемъ ждали болѣе удобнаго случая, чтобы сокрушить „анархію“. Особенно возмущали буржуазію, аристократію и бюрократію ежедневныя народныя собранія, происходившія во всѣхъ частяхъ города. Собранія происходили на улицахъ Фридрихштата, на Королевской улицѣ, на Александровской площади и на площади Денгофъ, а главнымъ образомъ „Подъ Липами“. На углу Липовой улицы и Фридрихштрассе каждый вечеръ передъ рестораномъ Кранцлера происходило собраніе, которое прозвали „Клубомъ подъ Липами“. Въ то время, какъ высшее общество въ ресторанѣ услаждало себя мороженымъ и ликеромъ, народъ на улицѣ обсуждалъ вопросы дня. Здѣсь, въ качествѣ оратора, каждый вечеръ выступалъ Линденмюллеръ—звали его просто Мюллеръ—или иначе „папаша Карбе“; это былъ особаго рода народный ораторъ, который прекрасно умѣлъ сыпать берлинскими остротами, но совершенно не могъ помочь массѣ разобраться въ политическихъ вопросахъ, такъ какъ въ нихъ плохо разбирался. Подобныя же собранія происходили на углу Липовой улицы и улицы Шарлотты; это мѣсто поэтому получило названіе „политическій уголъ“. Впослѣдствіи вмѣшалась полиція и постаралась сдѣлать невозможнымъ собираться; былъ созданъ особый отрядъ констаблей, который долженъ былъ положить конецъ сборищамъ, это привело къ дракамъ и сильнымъ волненіямъ. Реакціонеры, которые съ глубокою грустью смотрѣли на исчезновеніе стараго полицейскаго государства, должны были еще на нѣкоторое время вооружиться терпѣніемъ, такъ какъ пока еще нельзя было удовлетворить ихъ фанатическую жажду покоя. Всякій мало-мальски мыслящій человѣкъ долженъ былъ понять, что у народа, перешедшаго отъ строгой опеки къ сравнительной свободѣ, приспособленіе къ новымъ условіямъ жизни сопровождается иногда болѣе бурными движе-

ніями. Но сами по себѣ эти движенія были невинны и только трусливые и испуганные филистеры смогли назвать это пробуждающееся чувство радости „анархіей“, потому что оно отступало отъ ихъ привычекъ и нарушало ихъ покой. „Подъ Липами“ увидѣли пролетаріевъ, тамъ, гдѣ прежде виднѣлись лишь гвардейскіе офицеры, гуляющая буржуазія и придворныя кареты и это послужило для извѣстнаго сорта людей явнымъ доказательствомъ, что весь міръ перевернулся вверхъ ногами. Это именно и было то мѣсто, гдѣ Бассерманъ впослѣдствіи увидѣлъ свои знаменитыя „фигуры“.

Дѣйствительная „анархія“ иногда вызывалась въ Берлинѣ грубымъ вмѣшательствомъ полиціи и гражданскаго ополченія.

Рабочіе были въ данный моментъ до извѣстной степени снабжены работой, благодаря уступчивости хозяевъ и общественнымъ работамъ, хотя они и не чувствовали себя довольными; они сдѣлали нѣсколько тщетныхъ попытокъ сорганизоваться, но снова и снова волновались, возбуждаемые вмѣшательствомъ полиціи, которая пускала въ ходъ самыя элементарныя средства для того, чтобы воспрепятствовать наплыву рабочихъ изъ другихъ мѣстъ: она высылала безработныхъ изъ Берлина. Жалобы противъ этого не давали никакого результата, а гражданское ополченіе было готово всегда поддержать полицейскія мѣры и приводить ихъ въ исполненіе. Рабочіе неоднократно требовали, чтобы имъ, какъ и буржуазіи было выдано оружіе. Но имъ въ этомъ разумѣется отказали; да у большинства рабочихъ не было даже времени и случая, чтобы обучаться употребленію оружія.

Буржуазія возлагала всѣ свои надежды на соглашательское собраніе и на франкфуртскій парламентъ. Въ то время, какъ буржуа занимались военными упражненіями, держали караулъ, маршировали на парадахъ передъ королемъ и какъ властелины новаго міра проходили въ своихъ военныхъ формахъ по улицамъ, на радость почтенныхъ матушекъ и ихъ дочерей, придворная камарилья въ это время подводила мины. Это ужъ не была та старая „камарилья“, которая господствовала во дворцѣ восемнадцатаго марта, во время катастрофы. Та была разсѣяна революціонной бурей. Новая камарилья образовалась только къ концу марта и ея дѣятельность наложила сильный отпечатокъ на весь дальнѣйшій ходъ событій въ Пруссіи. Камарилья эта состояла изъ „небольшой и сильной партіи“, которая впослѣдствіи сгруппировалась вокругъ своего только что возникшаго органа „Крейцъ-Цейтунгъ“. Членами этой партіи были также представители окаменѣвшаго, феодальнаго старо-прусскаго юнкерства, для которой не было болѣе ненавистной мысли, какъ та, что Пруссіи предстоитъ раствориться въ Германіи. Идеаломъ этихъ господъ было раствореніе Германіи въ Пруссіи, среди нихъ были даже такіе фанатики, которые охотнѣе всего увидѣли бы раствореніе Германіи въ Восточной Помераніи. Во главѣ этой камарильи стоялъ генералъ-адъютантъ Фридриха-Вильгельма IV, Леопольдъ фонъ-Герлахъ, который въ своихъ мемуарахъ, изданныхъ недавно его дочерью, съ необыкновеннымъ откровеніемъ самъ разоблачаетъ продѣлки этой камарильи. Его братъ Людвигъ фонъ-Герлахъ былъ знаменитый „Обозрѣватель“ „Kreizzeitung'а“ подъ псевдонимомъ Германъ Вагенеръ, впослѣдствіи онъ былъ соці-

ально-политическимъ „Мефистофелемъ“ Бисмарка, а затѣмъ первымъ редакторомъ ханжеской и феодальной газеты, которая ежедневно изливала смолу и сѣру на демократическій Содомъ и Гоморру. Къ партіи „Kreuzzeitung“ принадлежали также Клейстъ Рецовъ, Бисмаркъ-Шенгаузенъ, фонъ-Массовъ и другіе представители юнкерства. Тотъ либерализмъ, который олицетворяло собою министерство Кампгаузена, былъ имъ наиболѣе ненавистенъ. Бисмаркъ пріобрѣлъ тогда уже извѣстность своею откровенностью, съ которою онъ возвѣщалъ средневѣковыя воззрѣнія. Но все-таки въ 1848 году онъ игралъ второстепенную роль; „дѣйствія“ камарильи не являются дѣломъ его рукъ. Онъ только иногда оказывалъ имъ услуги въ качествѣ сотрудника „Kreuzzeitung“. Онъ въ общемъ остался вѣренъ своимъ воззрѣніямъ и тѣ немногія уступки, которыя онъ сдѣлалъ подъ вліяніемъ духа времени, объясняются чисто практическими соображеніями. Его дѣятельность, направленная на объединеніе Германіи, была дѣломъ, въ которое серьезно вѣрить могъ только близорукій націоналъ-либерализмъ; онъ гораздо больше стремился къ тому, чтобы Германія растворилась въ Пруссіи, чѣмъ Пруссія въ Германіи, а это могло быть доведено до конца только при помощи исключенія Австріи. Мы, безъ сомнѣнія, наиболѣе свободны отъ смѣшного партикуляризма, и именно поэтому мы не можемъ смотрѣть на дѣятельность Бисмарка, какъ на желаніе объединить Германію. Какъ вся внутренняя и внѣшняя политика Бисмарка не заключаетъ въ себѣ ничего новаго и творческаго, такъ и „объединеніе“ Бисмарка осуществило лишь то, что уже въ 1848 году въ видѣ „идеи“ сложилось въ головахъ бранденбургскаго и померанскаго феодальнаго юнкерства.

Леопольдъ фонъ-Герлахъ былъ въ мартовскіе дни, какъ онъ самъ заявляетъ, „въ тупомъ отчаяніи“, именно въ тотъ моментъ, когда король сказалъ въ Потсдамѣ гвардейскимъ офицерамъ, что его рѣшенія свободны, и что онъ себя никогда не чувствовалъ болѣе безопаснымъ, чѣмъ теперь подъ защитой берлинскихъ гражданъ. Въ Берлинѣ Герлахъ старался сгруппировать своихъ единомышленниковъ. Онъ въ своихъ мемуарахъ пишетъ: „Первая попытка организовать тайное министерство *) была сдѣлана 30 марта“.

Король въ это время не обращалъ вниманія на совѣты камарильи. Но тѣмъ болѣе внимательно относилась къ нимъ королева, которая имѣла громадное вліяніе на своего супруга. Король еще въ 1852 году сказалъ, что онъ смертельно влюбленъ въ свою супругу. Леопольдъ фонъ-Герлахъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы при помощи болѣе тѣсныхъ придворныхъ кружковъ, а именно во время такъ называемыхъ кофейныхъ собраній, привлечь короля на сторону плановъ „маленькой, но сильной партіи“ и такимъ образомъ обезпечить его возвратъ къ старому абсолютизму. „Kreuzzeitung“ поставила себѣ великолѣпную задачу обрисовать домартовское положеніе вещей самыми розовыми красками, а послѣдній переворотъ представить, какъ вели-

*) Дословно это значитъ „Minitère occulte“ и это можно отмѣтить какъ самый удачный переводъ испанскаго слова camarina или camarilla (коморочка), подъ которымъ подразумѣвали абсолютистски-ерархическую атмосферу, создавшуюся вокругъ испанскаго короля Фердинанда VII.

чайшее несчастіе всемірной исторіи. Но Радовицъ, упомянутый выше депутатъ франкфуртскаго парламента, который тамъ защищалъ дѣло специфически-прусскаго абсолютизма, а также Іосіа фонъ-Бунзенъ, знаменитый другъ короля, бывшій тогда посланникомъ въ Лондонѣ, имѣли въ то время гораздо большее вліяніе на короля, чѣмъ братья Герлахъ. Они побуждали его оказывать сопротивленіе камарильѣ и выжидать болѣе удобнаго момента для „поворота назадъ“.

Романтически настроенный король мечталъ о великой германской имперіи, а себя онъ въ мечтахъ видѣлъ стоящимъ во главѣ этой имперіи. Но его мечтанія не были основаны на единой Германіи, покоящейся на свободномъ представительствѣ нѣмецкаго народа; это была старая Римская имперія германской націи, глава которой избирался князьями. Онъ отъ всей души ненавидѣлъ либерализмъ *), можетъ быть даже сильнѣе, чѣмъ демократизмъ. Называя въ своихъ письмахъ либераловъ интриганами, онъ вполнѣ правъ, хотя не въ томъ смыслѣ, какъ онъ думаетъ. Онъ очень часто говорилъ юнкерамъ-приверженцамъ камарильи такія вещи, которыя тѣ съ трудомъ могли переварить. Герлахъ пишетъ 19 ноября 1848 года: „Король считаетъ насъ въ сравненіи съ Радовицемъ и Бунзеномъ животными; я высказалъ свое мнѣніе объ этомъ Рауху, а тотъ заявилъ, что ему все равно“. А въ слѣдующемъ 1849 году 9 іюня Герлахъ писалъ: „Король считаетъ насъ ослами, а Радовица и Бунзена великими государственными мужами“.

Отношеніе самого короля къ мартовскимъ событіямъ и объясненіе, которое онъ даетъ возникновенію катастрофы, видно изъ письма, которое онъ 13 мая 1848 года писалъ Бунзену въ Лондонъ; письмо это содержитъ также и вышеприведенное мѣсто относительно либерализма и чахотки спинного мозга. Бунзенъ какъ-то выразился однажды, что вѣра въ существованіе заговора равносильна вѣрѣ въ привидѣніе. „У меня, — пишетъ король, — опустились руки при видѣ вѣры въ это привидѣніе. Я и не предчувствовалъ, что доказательства этой вѣры будутъ написаны кровавыми буквами на стѣнахъ берлинскихъ домовъ; да будетъ вамъ извѣстно, что въ Берлинѣ, еще за 14 дней до событій, все было готово къ *самому позорному бунту*, который никогда еще не обезчестилъ такъ сильно ни одного города. Во всѣхъ домахъ собственно Берлина, Новаго Города и Фридрихштадта были собраны камни, чтобы забрасывать ими моихъ вѣрныхъ солдатъ. Давно уже видѣли, что эти камни куда-то свозятся точно такъ же, какъ и дернъ, который долженъ былъ служить защитой отъ огня солдатъ, но никто

---

*) Король въ письмѣ къ Бунзену говоритъ слѣдующее о либерализмѣ: „Либерализмъ—точно такая же болѣзнь, какъ чахотка спинного мозга. Извѣстными признаками послѣдней является: 1) сильно выпуклый мускулъ у большого и указательнаго пальца становится при давленіи вогнутымъ; 2) слабительныя средства производятъ на желудокъ обратное дѣйствіе; 3) средство для закрѣпленія желудка вызываетъ поносъ, и на послѣдующей стадіи, 4) ноги подымаются высоко, а способность ходить утрачивается. При этомъ такого рода больной долгое время чувствуетъ себя здоровымъ, да и окружающіе считаютъ его совершенно здоровымъ. *Точно такимъ же образомъ дѣйствуетъ либерализмъ на душу.* Самое очевидное отрицается, выполненіе послѣдствій, вытекающихъ изъ искони ясно установленныхъ посылокъ, отвергается, какъ суевѣріе“.—Эта характеристика не дурна!

не догадывался въ свое время, зачѣмъ понадобились камни и дернъ. Далѣе на всѣхъ главныхъ улицахъ всѣ чердаки домовъ были соединены между собою, для того, чтобы быть въ состояніи обстрѣливать или забросать камнями изъ слуховыхъ оконъ наступающія или отступающія войска. Было доказано, что болѣе 10.000 человѣкъ, а не указанныхъ должно быть вдвое больше, самой отвратительной сволочи въ теченіе многихъ недѣль устремлялись въ городъ и тамъ скрывались, такъ что полиція съ своими слабыми силами ихъ и разыскать-то не могла; среди нихъ были подонки Франціи (galériens), поляки и южногерманцы, особенно маннгеймцы, но тутъ были и люди опытные, съ знаніями, были, какъ говорятъ, миланскіе графы, купцы и т. д. Одинъ богатый маннгеймскій купецъ былъ убитъ на Королевской улицѣ, послѣ того, какъ солдаты моего христолюбиваго перваго гвардейскаго батальона даровали ему жизнь, онъ напалъ на нихъ съ алебардой въ рукахъ съ тылу. Среди погребенныхъ преступниковъ этихъ „великихъ дней" было человѣкъ 40—50 такихъ, о которыхъ никто не зналъ, ни откуда они, ни какъ ихъ зовутъ. Я зналъ изъ офиціальныхъ источниковъ, что главари движенія Парижа, Карлсруэ, Маннгейма, Берна 18 марта открыто заявляли „сегодня падетъ Берлинъ!" Среди этихъ вожаковъ были Геккеръ, Гервегъ, и другіе изъ этой шайки негодяевъ!"

Кто именно разсказалъ королю всѣ эти сказки, и исходятъ ли они непосредственно отъ камарильи, трудно установить. Объ „иностранцахъ" говорится уже въ прокламаціи „Къ моимъ дорогимъ берлинцамъ" отъ 19 марта; „маннгеймскій купецъ", предательски напавшій на гвардейскій батальонъ, 30.000 „сволочи" дѣлаютъ честь фантазіи неизвѣстнаго изобрѣтателя. Возможно также, что вольнонаемные полицейскіе шпіоны представили такъ дѣло въ докладахъ своему начальству, такъ какъ очень часто удавалось доказать, что эти шпіоны придумываютъ самыя безсмысленныя исторіи, дабы при ихъ помощи найти себѣ занятіе на будущее время. Возможно далѣе, что полицейское начальство нѣсколько измѣнило эти доклады и передало ихъ ко двору. Не должно при этомъ также забывать, что Берлинъ былъ тогда въ самомъ дѣлѣ переполненъ самыми нелѣпыми слухами. Да это и понятно, такъ какъ въ такое возбужденное время начинаютъ вѣрить самымъ невѣроятнымъ слухамъ. Этимъ легковѣріемъ отличаются всѣ партіи 1848 года; демократы не менѣе аристократовъ вѣрили различнымъ абсурднымъ слухамъ и передавали ихъ дальше. Стоитъ только самымъ поверхностнымъ образомъ просмотрѣть демократическія и аристократическія статьи, чтобы убѣдиться въ легковѣріи этихъ партій. Либералы потому подняли такой страшный шумъ по поводу писемъ короля къ Бунзену, когда они впослѣдствіи были опубликованы, что онъ далъ въ нихъ столь нелестную характеристику либераловъ. Вообще либералы не должны были забывать, что вся политическая атмосфера 1848 года была насыщена вымыслами и сказками, и ни одна изъ этихъ сказокъ не давала увѣренности въ томъ, что либеральные профессора и буржуа во Франкфуртѣ въ состояніи будутъ создать своей болтовней нѣмецкую конституцію.

Такъ какъ „тайное министерство", несмотря на озлобленіе короля противъ мартовскихъ событій, не могло достигнуть никакихъ успѣховъ

въ своихъ реакціонныхъ планахъ, то оно обратилось къ принцу Вильгельму прусскому, проживающему въ Лондонѣ. Герлахъ писалъ ему, чтобы онъ не маралъ себя участіемъ въ этомъ правленіи *). Но и принцъ отклонилъ услуги камарильи. Отвѣтъ его гласитъ:

„Да, что стало съ Пруссіей съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами говорили въ послѣдній разъ, стоя у батареи, находящейся у фонаря? **). Кто могъ подумать тогда, что черезъ 12 часовъ будетъ покорена старая Пруссія и на ея мѣстѣ возникнетъ совершенно новая? Каково будетъ мое отношеніе къ этой новой Пруссіи еще трудно предвидѣть заранѣе; противодѣйствовать ей, не посвящать ей мои силы, кажется невозможнымъ; на какихъ условіяхъ я къ ней примкну, покажетъ время. Если конституція и учредительное собраніе станутъ совершившимся фактомъ, а власть короля будетъ ограничена, смогу ли я остаться въ сторонѣ, если я пожелаю когда-либо вернуться на родину?“

Камарилья съ этого времени заняла выжидательную позицію, чтобы, выждавъ удобнаго момента, вмѣшаться. Случай представился, но не такъ скоро.

10 мая министерство ходатайствовало передъ императоромъ, чтобы онъ „посовѣтовалъ принцу прусскому сократить свое пребываніе въ Англіи“. Король отвѣтилъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ этимъ, тѣмъ болѣе, что принцъ неоднократно высказалъ свое сочувствіе тому новому пути, на которое вступило правительство.

Извѣстіе о намѣреніи пригласить принца прусскаго вернуться на родину вызвало сильное возбужденіе въ Берлинѣ. Толпа считала принца самымъ главнымъ противникомъ переворота въ Пруссіи. Демократія тотчасъ же обнаружила необыкновенную дѣятельность. На воскресенье 14 марта было назначено собраніе подъ „Палатками“, при чемъ приглашали всѣхъ, имѣющихъ право носить оружіе, явиться вооруженными. Приглашены были всѣ, которые были противъ возвращенія принца. Гражданское ополченіе и студенты хотя и были противъ принца, но предостерегали противъ вооруженной демонстраціи.

Демократія безъ всякаго сомнѣнія менѣе была заинтересована въ воспрепятствованіи возвращенію принца, чѣмъ въ низверженіи ненавистнаго ей министерства Кампгаузена. Неудачная демонстрація 20 апрѣля уже поставила себѣ задачу сверженія этого реакціоннаго правительства. На этотъ разъ обстоятельства казались болѣе благопріятными и попытка была возобновлена.

Въ то время, какъ созванное конституціоннымъ клубомъ собраніе передъ Шöнгаузскими воротами высказалось противъ возвращенія принца, и вообще противъ всякой демонстраціи, цѣлыя тысячи людей устремились въ воскресенье на собраніе подъ „Палатками“ .Газеты говорятъ о 15—20 тысячномъ собраніи. Вооруженныхъ было среди нихъ очень мало.

Собраніе открылъ Эйхлеръ, а главную рѣчь держалъ „берлинскій Мирабо“, Гельдъ. Онъ призывалъ собраніе къ устройству грандіозной демонстраціи передъ квартирой министра-президента фонъ-Кампгаузена,

---

*) Въ мартовскомъ министерствѣ Кампгаузена.
**) 18 марта вечеромъ, передъ Берлинскимъ дворцомъ.

на улицѣ Вильгельма. Дѣло идетъ о томъ, говорилъ Гельдъ, чтобы воспрепятствовать возвращенію принца; почти все населеніе Берлина единодушно въ этомъ вопросѣ. Демонстрація должна быть мирнаго характера, но должно непремѣнно получить отвѣтъ, да или нѣтъ!

Составлена была депутація изъ господъ Гельда, Эйхлера, Шрамма, Брасса *), Леманна, Прутца **) и Салиса; къ этой депутаціи примкнулъ также Арнольдъ Руге, находившійся въ Берлинѣ проѣздомъ во Франкфуртъ.

Послѣ того, какъ вооруженнымъ членамъ собранія предложено было не принимать участія въ шествіи, чтобы не нарушить этимъ его мирнаго и законнаго характера, демонстрація началась. Депутація выступала во главѣ, за нею шли тысячи народа, къ которымъ въ городѣ примыкали новыя тысячи. Громадная толпа народа заполнила улицу Вильгельма, гдѣ обыкновенно господствовала аристократическая тишина; въ окнахъ и на балконахъ тоже тѣснился народъ; „Старые львы на Реймеровскомъ порталѣ,—пишетъ очевидецъ, — зѣвавшіе обыкновенно только отъ скуки, теперь же разинувшіе свои пасти отъ удивленія, были осѣдланы дюжиной укротителей звѣрей". Толпа поддерживала образцовый порядокъ. Депутація вошла въ квартиру Кампгаузена; на дворѣ дома виднѣлись вооруженные, но при первомъ выраженіи неудовольствія со стороны толпы они исчезли. Депутація оставалась тамъ около часу, а толпа на улицѣ терпѣливо ждала. Депутація не застала министра-президента, и ее встрѣтили два министра—Шверина и Ауэрсвальда. Шверинъ съ ироніей спросилъ: „кого называете вы народомъ?" На что депутаты отвѣтили ему предложеніемъ выйти на балконъ и посмотрѣть. Министры послѣдовали совѣту; депутація и оба министра вышли на балконъ, и Шверинъ, видимо пораженный, смотрѣлъ на толпу. Онъ хотѣлъ сказать толпѣ нѣсколько словъ, но его прервали оглушительные крики: „Отставка, отставка!" Этимъ крикомъ, собственно говоря, была выражена цѣль демонстраціи. Гельдъ взялъ затѣмъ слово и заявилъ громовымъ голосомъ, что депутація не застала министра-президента дома: онъ уѣхалъ въ Потсдамъ. Затѣмъ онъ заявилъ, что депутацію приняли министры Ауэрсвальдъ и Шверинъ, отъ которыхъ она и потребовала, чтобы министерство за своею отвѣтственностью объявило, что возвращеніе принца прусскаго произойдетъ не раньше, чѣмъ его призоветъ соглашательское собраніе; тѣ же министры, которые не могутъ сдѣлать требуемаго отъ нихъ

---

*) Впослѣдствіи редакторъ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung", онъ въ 1848 году былъ „уличнымъ демократомъ и пѣвцомъ баррикадъ". Онъ сочинилъ слѣдующую пѣсню въ честь краснаго знамени:

„Wir färben's echt, wir färben's gut,
Wir färben's mit Tyrannenblut".
(„Мы красимъ ярко, мы красимъ хорошо,
Кровью тирановъ красимъ мы его").

Онъ былъ иниціаторомъ демократической агитаціи среди прусскаго ополченія второго разряда. Достаточно извѣстна еще и по сіе время его дѣятельность въ когортѣ тѣхъ офиціозныхъ журналистовъ, которыхъ самъ Бисмаркъ называлъ „свинопасами". Брассъ, безъ сомнѣнія, виноватъ отчасти въ томъ, что Бисмаркъ такъ пренебрежительно говорилъ о своихъ журнальныхъ оруженосцахъ.

**) Извѣстный поэтъ, членъ конституціоннаго клуба.

заявленія, должны подать въ отставку. На это оба присутствующихъ министра замѣтили, что они, въ виду отсутствія министра-президента, не въ состояніи рѣшить это дѣло сегодня, но завтра къ 4 часамъ министерство объявитъ свое рѣшеніе для всеобщаго свѣдѣнія. Гельдъ поэтому воскликнулъ, пусть собравшіеся потерпятъ до 4 часовъ слѣдующаго дня; депутація беретъ на себя позаботиться о томъ, чтобы порядокъ до тѣхъ поръ не нарушался; но если министерство не пойдетъ навстрѣчу столь ясно выраженному требованію народа, то они будутъ отвѣтственны за могущія возникнуть послѣдствія.

Масса казалась озадаченной, раздались возгласы неудовольствія; тѣмъ не менѣе всѣ послѣдовали приглашенію Гельда, и толпа стала спокойно, въ порядкѣ двигаться назадъ, а большая часть направилась обратно подъ „Палатки". Здѣсь Гельдъ благодарилъ собраніе за образцовый порядокъ, соблюденный ею, и началъ было говорить о „великой побѣдѣ", но услышалъ возраженія и замѣтилъ даже попытки высмѣять его. Между тѣмъ рѣшено было собраться только на слѣдующій день.

Заявленіе министерства появилось въ назначенное время. Въ этомъ заявленіи министры сказали слѣдующее о возвращеніи принца: „Мы, въ цѣляхъ всеобщаго успокоенія, заявляемъ: его королевское высочество можетъ вернуться и вернется въ отечество не раньше, чѣмъ черезъ 14 дней, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ послѣ 22 мая, значитъ и послѣ открытія собранія народныхъ представителей. Предварительно, принцъ,—что всегда имѣлось въ виду,—публично заявитъ о своемъ полномъ согласіи съ вступающей въ силу новой конституціей". Выйти въ отставку министры пока не могутъ, такъ какъ „другая сторона" выразила имъ свое довѣріе, и они должны оставаться на своемъ посту по крайней мѣрѣ до созыва народныхъ представителей.

Состоявшееся на слѣдующій вечеръ собраніе подъ „Палатками" начало съ того, что многіе ораторы обвинили „народнаго вождя" Гельда въ отсутствіи твердости и вѣроломствѣ; другіе требовали низверженія министерства; въ концѣ концовъ, дѣло дошло до драки, такъ какъ нашлась масса консерваторовъ и фанатиковъ порядка, которые прерывали демократическихъ ораторовъ криками: „Долой!" Гельдъ на слѣдующій день увѣрялъ, будто его жизнь находилась въ опасности. Комиссія, созвавшая собраніе подъ „Палатками", выпустила еще одно воззваніе противъ министровъ. Борьба изъ-за возвращенія принца перенесена была съ этого времени на столбцы газетъ, что служитъ еще разъ доказательствомъ тому, что возвращеніе принца не служило главнымъ поводомъ для демонстраціи. Въ поэзіи и въ прозѣ высказались многочисленные голоса за и противъ возвращенія принца; изъ провинціи, въ особенности изъ Мюнхеберга, получались адреса, требовавшіе возвращенія принца.

15 мая вечеромъ произошелъ скандалъ въ политическомъ клубѣ. Тамъ дебатировалось предложеніе одного изъ членовъ о томъ, чтобы побудить народное представительство признать революцію 18 марта со всѣми ея послѣдствіями. Нѣсколько присутствующихъ реакціонеровъ подняли шумъ, появилась гражданская милиція и предсѣдатель закрылъ собраніе. Клубъ спустя нѣсколько дней переименовалъ себя въ „демократическій клубъ".

Неудача демократовъ въ ихъ попыткѣ свергнуть министерство воодушевила даже президента полиціи фонъ-Минутоли, и онъ выступилъ съ циркуляромъ противъ „незаконнаго“ распространенія печатныхъ произведеній. И это въ самомъ разгарѣ новой „свободы“. Послѣ несчастной демонстраціи, реакціонные элементы снова начинаютъ повсюду подымать голову, и порою съ большою смѣлостью и нахальствомъ.

Во время шествія ко дворцу министра на улицѣ Вильгельма въ особенности отличился своею дѣятельностью союзъ ремесленниковъ, предводительствуемый ювелиромъ Биски. Многочисленный и сильный союзъ машиностроителей стоялъ на сторонѣ Гельда. Ребергцами „великій демагогъ“ совершенно не интересовался. Онъ пріобрѣлъ очень сильное вліяніе благодаря своему воодушевленію, своему краснорѣчію и ловкости опытнаго журналиста. Тѣмъ не менѣе со всѣхъ сторонъ начало возбуждаться недовѣріе къ нему. Одна прокламація гласила:

„Ein Held muss sein Mann mit der That,
Das grosse Maul gar Mancher hat!“ *)

16 мая Гельдъ далъ публичный отвѣтъ берлинскому народу, причемъ онъ упрекнулъ его въ недостаткѣ „политическаго такта, политическаго образованія и политическаго сознанія“; онъ заявилъ, что время его „демагогической дѣятельности“ среди населенія Берлина еще не настало, и онъ поэтому оставляетъ свой постъ, находя его не совмѣстимымъ со своими планами народнаго благосостоянія и народной свободы. Съ нынѣшняго момента онъ ограничитъ свою дѣятельность прессою, гдѣ онъ постарается развивать соціальный вопросъ. Его могутъ быть обвинятъ въ трусости или скажутъ, что онъ подкупленъ, но онъ сможетъ снести даже и такое обвиненіе.

„Національная Газета“ и „Реформа“ осмѣяли этого „демагога“. „Реформа“ писала: „Можетъ быть, рыбаки подкупили господина Гельда, чтобы онъ изъ-подъ „Палатокъ“ (своимъ зычнымъ голосомъ) не распугивалъ карповъ въ сосѣдней Шпре? Это и понятно, такъ какъ министерству не было никакого смысла подкупать его. Онъ и безъ того вѣдь ужъ работалъ въ его интересахъ!“ Гельдъ въ своемъ произведеніи „Революціонная эпоха“ самъ сознается въ своей нечестности. Онъ тамъ называетъ всю агитацію 13 и 14 мая „безсмысленной“. Но если эта агитація казалась ему безсмысленной, зачѣмъ сталъ онъ во главѣ движенія? Его конспиративныя сношенія съ реакціонными партіями и его измѣна демократіи раскрылись впослѣдствіи, отчасти благодаря его собственнымъ признаніямъ. Къ этому мы еще вернемся.

Къ этому времени магистратъ издалъ новый „регламентъ для подмастерьевъ“, на основаніи котораго рабочіе за одно лишь опозданіе на работу могли быть наказаны тюрьмой. Стефанъ Борнъ рѣзко раскритиковалъ эту буржуазную свободу въ центральномъ комитетѣ рабочихъ и въ своей газетѣ „Народъ“. Въ то время, какъ либеральная буржуазія помогала ограничивать свободу рабочаго класса, консервативные противники либерализма сорганизовались въ „Союзъ пруссаковъ для защиты конституціоннаго королевства“. Союзъ этотъ заявилъ, что онъ намѣренъ бороться „какъ съ республиканцами, такъ и

---

*) „Герой долженъ быть человѣкомъ дѣла,
говорильной машиной можетъ быть всякій“.

съ абсолютистскими тенденціями". Въ союзѣ объединились придворная знать и бюрократія, придворные сапожники и мясники, частныя лица и генералы, банкиры и коммерціи совѣтники. Союзъ этотъ прикрывался временно конституціонализмомъ, какъ маскою; на самомъ дѣлѣ здѣсь былъ центральный пунктъ всѣхъ реакціонеровъ. Демократія пыталась помощью клубовъ усилить свою позицію; такъ, они учредили, напримѣръ, „Народный клубъ", „Союзъ для защиты народныхъ правъ" и т. д.

Такимъ образомъ, къ тому времени, когда собралось соглашательское собраніе *), реакціонные элементы уже пробивались впередъ. Собраніе было открыто 22 мая въ Бѣлой залѣ. Вопросъ о томъ, должны ли депутаты явиться въ Бѣлую залу или требовать, чтобы засѣданія были открыты въ помѣщеніи, предоставленномъ консерваторіей, вызвали горячіе дебаты, и вынесенъ былъ протестъ противъ Бѣлой залы. Въ концѣ концовъ они все-таки столковались, и въ Бѣлую залу явилось до 300 депутатовъ; въ сторонѣ остались только около десяти человѣкъ, среди нихъ: Берендсъ, Юнгъ, наборщикъ Брилль и прокуроръ фонъ-Кирхманъ.

Король прочелъ тронную рѣчь, въ которой онъ заявилъ, что правительство предложитъ проектъ конституціи. Онъ сказалъ, что охотно подождалъ бы результатовъ франкфуртскаго собранія, раньше чѣмъ созвать прусское собраніе. Но „необходимость въ скорѣйшемъ установленіи правового порядка въ собственномъ нашемъ отечествѣ" не позволяетъ этого. Приходъ и уходъ короля сопровождался троекратнымъ „ура!" Затѣмъ министръ-президентъ объявилъ собраніе открытымъ.

Тотчасъ же стало очевидно, что разработка прусской конституціи явится помѣхой для общаго объединительнаго движенія. Опасенія, что могутъ возникнуть неразрѣшимыя противорѣчія при разборѣ имперской конституціи и конституціями отдѣльныхъ странъ, были болѣе, чѣмъ основательны. Поэтому Раво предложилъ во Франкфуртѣ отложить обсужденіе собраніемъ сословій мѣстныхъ конституцій, пока не будетъ закончено главное дѣло во Франкфуртѣ. Но Винке съ товарищами апеллировали къ довѣрію; они утверждали, что нѣмецкія правительства подчиняются франкфуртскимъ рѣшеніямъ. А господа конституціоналисты дали себя усыпить, они не воспользовались постановленіемъ предварительнаго парламента, гласившаго, что обсужденіе и окончательное установленіе будущей конституціи Германіи должно быть исключительно и всецѣло дѣломъ франкфуртскаго парламента; они не попытались провести это постановленіе во что бы то ни стало въ жизнь, а ограничились безцвѣтной резолюціей. Попытка лѣвыхъ подставить такимъ образомъ ножку соглашательской тенденціи рухнула. Должно во всякомъ случаѣ замѣтить, что если бы австрійскіе и прусскіе парламенты должны были ждать, пока будутъ закон-

*) Это собраніе обыкновенно называютъ прусскимъ національнымъ собраніемъ, но, по нашему мнѣнію, названіе совсѣмъ не подходящее. На самомъ дѣлѣ было нѣмецкое національное собраніе, но не прусское. Какъ смѣялись бы, если бы Гамбургъ назвалъ свое учредительное собраніе, въ которомъ тоже обсуждалась новая конституція, гамбургскимъ національнымъ собраніемъ! А Гамбургъ безусловно имѣлъ точно такое же право сдѣлать это! Господинъ фонъ-Путткамеръ въ послѣднее время, говоря о „Прусской націи", отмѣтилъ, что это названіе было юнкерству съ давнихъ поръ наиболѣе по душѣ.

чены франкфуртскія конституціонныя работы, то они бы никогда не собрались.

Въ составъ прусскаго собранія вошли 16 рыцарей и дворянъ, 98 судейскихъ чиновниковъ, 48 чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, 28 городскихъ чиновъ, 52 духовныхъ, 27 учителей, 31 купцовъ, 28 ремесленниковъ, 68 крестьянъ, 11 врачей, 3 писателя, 4 офицера, 1 приказчикъ, 1 подмастерье, 1 поденщикъ.

Во Франкфуртѣ собрались самые выдающіеся парламентскіе дѣятели Германіи. Въ прусскомъ же собраніи засѣдали по большей части люди, не пользовавшіеся такой извѣстностью. Только лѣвая имѣла въ своей средѣ политиковъ по призванію или такихъ людей, которые должны были стать политическими дѣятелями. Здѣсь засѣдали Вальдекъ, Іоганнъ Якоби, Темме, который тогда еще былъ прусскимъ прокуроромъ, д'Эстеръ изъ Кельна и Циглеръ, занимавшій въ то время должность оберъ-бургомистра въ Бранденбургѣ. Собраніе раздѣлилось на двѣ почти равныя части; конституціоналисты переходили отъ аристократовъ къ демократамъ, а аристократы, гдѣ имъ это было выгодно, поддерживали конституціоналистовъ. При такихъ условіяхъ не трудно было предвидѣть, что „соглашеніе" прусской конституціи съ королемъ должно непремѣнно потерпѣть фіаско, какъ только уляжется потокъ революціоннаго движенія. Франкфуртское собраніе объявило себя учредительнымъ, но оно забыло озаботиться о пріобрѣтеніи дѣйствительной силы, необходимой для обезпеченія за нимъ характера учредительнаго собранія. Прусское собраніе не осмѣлилось объявить себя учредительнымъ и осталось при принципѣ соглашенія. Оно думало, что берлинская милиція вмѣстѣ съ народомъ стоитъ за его спиной. Ему пришлось убѣдиться, что „буржуазная милиція" не есть народная милиція и что даже этотъ мыльный пузырь долженъ былъ лопнуть, послѣ того какъ они своей мѣняющейся окраскою такъ долго очаровывали и обманывали народъ.

Проектъ конституціи, предложенный королемъ, не удовлетворилъ даже тѣхъ, которые обыкновенно готовы были признавать творенія правительства верхомъ мудрости. Конституція устанавливала двухпалатную систему; выборы не должны были быть прямыми; 160 членовъ нижней палаты должны были быть избраны выборщиками; члены верхней палаты должны были быть избраны изъ принцевъ королевскаго дома и изъ 60 мужей, назначенныхъ королемъ, обладающихъ доходомъ не менѣе, чѣмъ въ 8.000 талеровъ, при чемъ ихъ должности переходятъ по наслѣдству. Способъ избранія выборщиковъ обѣихъ палатъ долженъ былъ быть опредѣленъ особымъ выборнымъ закономъ.

Демократія самымъ рѣзкимъ образомъ раскритиковала этотъ проектъ; даже гражданское ополченіе, которое пользовалось благорасположеніемъ двора и лойяльность котораго возрастала съ каждымъ новымъ лучомъ милостиваго вниманія двора, обнаружило недовольство, а „Фосская Газета" совѣтовала, чтобы собраніе не тратило слишкомъ много времени на обсужденіе такого проекта, а передала бы его въ комиссію для полной его переработки. Рабочіе послали въ парламентъ адресъ, очевидно составленный Борномъ, въ которомъ они требовали права на трудъ и обезпеченія инвалидовъ труда. Конституція ихъ

совершенно не удовлетворила. Изъ провинціи также получилось множество протестовъ противъ проекта конституціи.

Въ Берлинѣ въ это время было очень оживленно; очевидцы слѣдующимъ образомъ обрисовываютъ намъ физіономію города въ то время. Гаркортъ *) пишетъ: „Подъ „Липами“ разгуливали молодые люди съ красными пѣтушиными перьями въ шапкахъ и охотничьими ножами на боку. Мнѣ сказали, что это школьники-латинисты, изучающіе политику и приводящіе въ порядокъ капиталы своихъ родителей. Всѣ деревья были до самыхъ вѣтокъ заклеены афишами, прославляющими свободную прессу и призывающими сохранять добрые нравы и вести себя прилично; мнѣ казалось, будто я нахожусь на бульварѣ въ Парижѣ. Молодые книготорговцы безъ сапогъ и безъ патента на торговлю ясно показывали, что Берлинъ—центръ просвѣщенія. Такъ какъ я въ Берлинъ пріѣхалъ изъ Брюсселя, мнѣ интересно было сравнить берлинскую промышленность съ бельгійскою, но въ лавкахъ я встрѣтилъ унылыя лица, повсюду сдавались въ наемъ квартиры, массы товару лежатъ безъ спроса; я подумалъ, что дѣла повидимому обстоятъ очень плохо, но берлинцы держатъ себя тихо въ ожиданіи будущихъ благъ. Съ этими мыслями легъ я въ постель, моля Бога, чтобы онъ утѣшилъ обремененныхъ. Ночью я внезапно вскочилъ; мнѣ показалось, что либо горитъ, либо русскіе напали на городъ. На дворѣ былъ шумъ, какъ будто пятьдесятъ ночныхъ сторожей трубило генералъ-маршъ; обыватели выскочили вооруженные, и издали доносился неясный шумъ, какъ отъ кваканья лягушекъ, просящихъ себѣ короля. Я одѣлъ сапоги, готовясь погибнуть вмѣстѣ съ отечествомъ, если Берлинъ не устоитъ. Луна такъ тускло свѣтила съ неба, что она, казалось, оплакивала мудрую столицу. Вдругъ вошелъ мой хозяинъ, я въ страхѣ подумалъ, что онъ раненъ, а баррикада погибла. „О, дорогой господинъ, успокойтесь, это ничего, это только обычный ночной кошачій концертъ“, заявилъ онъ. Да, я долженъ сознаться, что берлинцы умѣютъ все устраивать на славу, но привлекать къ себѣ довѣріе и деньги они совершенно не умѣютъ“.

При всемъ своемъ филистерствѣ письмо это прекрасно характеризуетъ гражданское ополченіе, которое формально исполняло должность ночныхъ сторожей. Кошачьи концерты были въ то время въ модѣ не только въ Вѣнѣ, но и въ Берлинѣ. Начальникъ гражданскаго ополченія, генералъ фонъ-Ашофъ, и президентъ полиціи, а также магистратъ поступали такъ, какъ будто эти безобразія грозятъ гибелью государственнымъ устоямъ.

Приведемъ еще одну характеристику, заимствованную изъ одной демократической газеты:

„Въ стѣнахъ нашего города господствуетъ теперь небывалое оживленіе. Народныя собранія, клубы, союзы, кошачьи концерты, гражданская милиція, перебѣгающіе съ мѣста на мѣсто книготорговцы, министры, которые способны подавать въ отставку, охраняемые полиціей народные вожаки, возбуждающіе массу, ревнители спокойствія

*) Знаменитый депутатъ, бывшій также членомъ соглашательскаго собранія.

революціонные реакціонеры и консервативные революціонеры, мертвые тайные совѣтники, дѣйствительные тайные разносчики, полицейскіе въ мундирахъ, живыя каррикатуры свободы и равенства, — все это такъ пестро перемѣшивается между собою, что высокоблагороднымъ пивнымъ филистерамъ въ своихъ ночныхъ колпакахъ и халатахъ становится не по себѣ. Ко всему этому присоединилось еще національное собраніе, которое настолько увеличило шумъ рѣчей, серенадъ, барабановъ, флейтъ, трещетокъ, трубъ, криковъ лѣшихъ, фосскихъ завываній и причитаній, спенеровскаго храпа и прочихъ милыхъ звуковъ, что даже оперы Спонтини кажутся по сравненію съ этимъ райской гармоніей".

Агитація Брасса и другихъ ополченцевъ вызвала контръ-агитацію со стороны консервативныхъ офицеровъ; говорили даже о заговорѣ ополченцевъ. На одномъ собраніи ополченцевъ въ арсеналѣ у потсдамскихъ воротъ, генералъ фонъ-Веберпъ обратился съ слѣдующимъ вопросомъ: „товарищи, кому собственно обязаны мы революціей? Вѣдь никому другому, какъ французскимъ и польскимъ эмиссарамъ и безпутнымъ литераторамъ, которые всѣ достойны, чтобы ихъ всѣхъ повѣсили. Я положительно не нахожу словъ, чтобы дать этимъ мошенникамъ достойное названіе.—(Здѣсь почтенный ораторъ остановился, подумалъ немного, затѣмъ продолжалъ дальше). Словомъ, это сволочи, сволочи и еще разъ сволочи!" Эта „ядреная" рѣчь, принятая съ энтузіазмомъ, служитъ прекраснымъ образчикомъ того духа, который господствовалъ въ извѣстныхъ кругахъ и который находилъ себѣ выраженіе въ такихъ рѣчахъ, въ сравненіи съ которыми самыя крѣпкія рѣчи демократической прессы должны быть отмѣчены какъ слишкомъ нѣжныя*).

Буржуазная милиція должна была при помощи парада „народнаго довѣрія", проведеннаго 23 мая, создать настроеніе въ пользу проекта конституціи; но парадъ не удался, не взирая на всѣ усилія генерала фонъ-Ашофа**). Въ то время, какъ буржуазія разсматривала конституцію, какъ важнѣйшій предметъ общественнаго интереса и вела по этому поводу самыя обширныя дискуссіи, рабочіе начали волноваться, такъ какъ къ нимъ снова начинала закрадываться нужда, а пустой желудокъ, какъ извѣстно, заставляетъ забыть всѣ конституціи міра. Недостаточность учрежденій для снабженія работою безработныхъ обнаружилась очень скоро; наплывъ безработныхъ былъ очень великъ, и власти начали выбирать лучшихъ изъ являющихся рабочихъ. Изъ доклада министра общественныхъ работъ, господина фонъ-Патова, видно, что до сихъ поръ за десятичасовой рабочій день уплачивали по 15 зильбергрошей. Теперь нѣкоторыя разногласія съ рабочими послужили поводомъ къ тому, чтобы подвергнуть ихъ „отбору" и установить поштучную плату. Сотни безработныхъ осаждали ратушу; число

---

*) Генералъ фонъ-Веберпъ разъяснилъ впослѣдствіи, что онъ имѣлъ въ въ виду „не всѣхъ литераторовъ", уже на томъ основаніи, что „онъ на старости самъ чуть не сталъ литераторомъ". Но не взирая на это, военные ораторскіе пріемы господина генерала на долгое время служили темою для насмѣшекъ демократическимъ газетамъ.

**) Онъ 2-го іюня сложилъ съ себя командованіе гражданскимъ ополченіемъ, и его мѣсто занялъ майоръ Блессонъ.

ихъ все увеличивалось и достигло, наконецъ, двухъ тысячъ человѣкъ. Всѣ они были страшно возмущены придирками полиціи при установленной провѣркѣ видовъ на жительство; депутація, посланная въ полицейское управленіе, была встрѣчена очень грубо однимъ изъ полицейскихъ чиновниковъ, который воскликнулъ: „Неужели вамъ не стыдно искать такого рода работу?“ Нѣкоторыя горячія головы заговорили о томъ, что необходимо взять ратушу штурмомъ, но одинъ молодой рабочій разъяснилъ въ обстоятельной рѣчи, что это выступленіе послужитъ на пользу реакціи; всѣ съ нимъ согласились и успокоились. Они рѣшили прибѣгать только къ мирнымъ и законнымъ средствамъ, а также апеллировать къ населенію, если имъ ничего не удастся достигнуть у начальства. 8000 рабочихъ собрались 29 мая въ манежѣ передъ Пренцлаускими воротами и двинулись оттуда стройной толпой къ ратушѣ, гдѣ они потребовали пріема уволенныхъ рабочихъ. Сначала магистратъ не хотѣлъ имъ уступить; рабочимъ заявили, что увольненіе вызвано „неприличнымъ поведеніемъ“ уволенныхъ. Наконецъ, имъ обѣщали снова принять всѣхъ уволенныхъ; заявили также, что имѣется въ виду возможность дать работу еще 3000 рабочимъ. Но эти обѣщанія были только наполовину приведены въ исполненіе, и на слѣдующій день 2000 человѣкъ оставались безъ работы. Они собрались на площадь Денгофъ, а отсюда направились къ ратушѣ. Бургомистръ заявилъ имъ, что берлинская коммуна не можетъ дать работы большему количеству людей. Послѣ этого, часть рабочихъ направилась къ дому министра общественныхъ работъ Патову. Два гражданина, Гофманъ и Заксъ, выступили въ качествѣ ораторовъ. Изъ домовъ навстрѣчу рабочимъ выставлялись знамена. Въ эту процессію постарались включить наиболѣе нуждающихся отцовъ семейства. Депутація во главѣ съ Гофманомъ и Заксомъ вошла къ министру и изложила ему нужды и требованія рабочихъ. Господинъ фонъ-Патовъ въ отвѣтъ на это заявилъ, что въ данный моментъ онъ ничѣмъ помочь не можетъ; но онъ прибавилъ, что на этихъ дняхъ приступятъ къ прорытію канала, а также скоро начнутся работы около Карлсруэ. Затѣмъ благородный министръ предложилъ 700 рабочимъ изъ своего собственнаго кармана цѣлыхъ 20 талеровъ для того, чтобы раздѣлить ихъ между всѣми. Депутація отклонила это предложеніе, заявивъ, что пожертвованій она не принимаетъ. Когда рабочіе узнали, что предложилъ имъ министръ, они страшно возмутились, и человѣкъ тридцать ворвалось въ домъ министра, какъ говоритъ господинъ фонъ-Патовъ, „съ отчаяннымъ крикомъ“, они разбили даже окно*). Министръ далъ письменное заявленіе, что имѣются въ виду работы; но Заксъ и Гофманъ заявили, что голодающихъ рабочихъ обѣщаніемъ не накормишь. Тогда рабочимъ въ видѣ задатка дано было 300 талеровъ, и они успокоились. Между тѣмъ явился членъ магистрата и заявилъ, что съ слѣдующаго дня они получатъ работу; и большинство на самомъ дѣлѣ получило работу. Господинъ фонъ-Патовъ заявилъ, что данные 300 талеровъ онъ считаетъ подаркомъ; но господинъ Брассъ, принимавшій участіе въ раздачѣ этихъ денегъ, го-

*) Рабочіе очень спокойно вошли въ домъ и даже осторожно отодвинули къ сторонкѣ бархатныя занавѣски.

ворилъ, что рабочіе хотѣли возвратить министру деньги, и многіе приносили ихъ ему обратно *).

Эти происшествія были впослѣдствіи страшно преувеличены, между тѣмъ совершенно не трудно понять, что рабочими руководила самая крайняя нужда. Господинъ фонъ-Патовъ „все еще не могъ притти въ себя", когда онъ въ собраніи передавалъ о томъ, какъ къ нему ворвались голодные рабочіе. Возможно, что не случись это происшествіе, онъ и не повѣрилъ бы въ нужду рабочихъ. Можно себѣ легко представить, что у рабочихъ, которые посреди новой „свободы" подверглись притѣсненіямъ и были обречены на голодъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, давнымъ давно испарилось мартовское воодушевленіе.

Демократическіе союзы разрѣшили „соціальный вопросъ" также только тѣмъ, что ограничились самою незначительною помощью для безработныхъ въ видѣ благотворительныхъ пособій. Но зато демократія въ другихъ отношеніяхъ была очень дѣятельна. Она потребовала всеобщаго вооруженія народа, такъ какъ снова начали циркулировать слухи реакціоннаго характера; рабочіе машиностроительнаго завода явились возбужденные къ арсеналу, такъ какъ распространился слухъ, будто находящееся тамъ оружіе будетъ забрано для солдатъ. 500 ружей были розданы рабочимъ машиностроительнаго завода и желѣзодѣлательнаго производства.

4 іюня изъ демократическаго клуба рѣшено было отправить торжественную процессію въ Фридрихсгайнъ, чтобы почтить память похороненныхъ тамъ мартовскихъ борцовъ. Эта демонстрація должна была въ то же время побудить народныхъ представителей „признать революцію и ея послѣдствія". Планъ этотъ былъ встрѣченъ всеобщимъ сочувствіемъ, несмотря на то, что реакціонеры къ этому времени совершенно не скрывали своей ненависти къ мартовскимъ борцамъ**). Народный клубъ, клубъ гражданскаго ополченія, студенты и даже конституціонный клубъ готовились къ демонстраціи съ большимъ рвеніемъ***); комендантъ гражданскаго ополченія хотя и разрѣшилъ своимъ подчиненнымъ принять въ шествіи участіе, но „на случай безпорядковъ" онъ принялъ мѣры. Въ соглашательскомъ собраніи Неесъ фонъ-Эзенбекъ, извѣстный естествоиспытатель, человѣкъ крайнихъ убѣжденій, который впослѣдствіи подвергнутъ былъ тяжелымъ преслѣдованіямъ за свои радикальные и соціалистическіе взгляды, внесъ предложеніе, чтобы собраніе приняло участіе въ шествіи къ Фридрихсгайну. Но собраніе не обратило вниманія на это предложеніе

*) Тогда г-нъ Брассъ думалъ о рабочихъ совершенно иначе, чѣмъ 20 лѣтъ спустя.

) Какъ смотрѣли въ военныхъ кругахъ на баррикадныхъ борцовъ, явствуетъ изъ словъ графа Люттихау въ его „Воспоминаніяхъ объ уличной борьбѣ", во время которой онъ командовалъ батальономъ стрѣлковъ. „Въ прежнія времена", говоритъ господинъ графъ, „ихъ трупы сожгли бы, а пепелъ разсѣяли бы по вѣтру, чтобы навсегда стереть у всѣхъ людей о нихъ память, о тѣхъ, которые состояли изъ **отбросовъ всѣхъ націй и подонковъ берлинской черни, и которые являются только явнымъ оскорбленіемъ человѣчества".—Господинъ графъ говоритъ и о черно-красно-золотомъ знамени, какъ о „французскомъ" трехцвѣтномъ знамени!

***) Конституціонный клубъ рѣшилъ принять участіе въ демонстраціи только послѣ того, какъ господинъ Фрезе завѣрилъ, **что участвующимъ въ этомъ предпріятіи не грозитъ никакой опасности.**

и перешло къ порядку дня, за что и подверглось рѣзкой критикѣ со стороны демократической прессы.

Дамы демократическаго клуба поспѣшно вышивали знамя, которое Люція Ленцъ, стоявшая 18 марта на баррикадахъ, поднесла клубу, и при этомъ произнесла пышную рѣчь. Объ этомъ красномъ знамени впослѣдствіи много говорили*).

Импозантный кортежъ 4 іюня отправился съ Жандармскаго рынка по всѣмъ тѣмъ улицамъ, черезъ которыя прошла похоронная процессія мартовскихъ борцовъ и направилась къ Фридрихсгайну. Дома были украшены черно-красно-золотыми флагами. Шествіе состояло изъ полутораста депутатовъ, клубовъ и рабочихъ союзовъ, гражданскихъ ополченцевъ, группы дамъ, многочисленныхъ иногороднихъ депутацій и дѣйствительно колоссальной массы людей; въ шествіи несли массу знаменъ и эмблемъ. По сообщеніямъ газетъ четверть или даже треть всего населенія Берлина была въ этотъ день на ногахъ. На могилахъ говорили 15 ораторовъ, среди нихъ Борнъ, Гельдъ, демократическіе депутаты, графъ Рейхенбахъ, священникъ фонъ-Бергъ и Юнгъ, многіе рабочіе и студенты. Говорили очень много о реакціи; большинство ораторовъ высказали довольно печальныя предположенія,—доказательство, что они не слишкомъ сильно довѣряли соглашательскому собранію. Такъ какъ въ этотъ день не вмѣшались ни гражданское ополченіе, ни какая-нибудь другая полицейская организація, демонстрація прошла въ полномъ порядкѣ.

На этотъ разъ павшимъ въ мартовскіе дни выразили свои симпатіи только народъ, рабочіе и буржуазія; магистратъ, чиновничество, профессора и всѣ тѣ господа во фракахъ со звѣздами на груди, которые пристали къ движенію 22 марта, держались на этотъ разъ въ сторонѣ. Поворотъ въ этихъ кругахъ сталъ 4 іюня очень замѣтенъ. Скоро ему суждено было проявиться еще рѣшительнѣе; наступило даже такое время, когда презрительное отношеніе къ мартовскимъ борцамъ стало признакомъ хорошаго тона **).

Вечеромъ того же дня собрались типографы и товарищъ Диттманъ говорилъ горячо противъ реакціи, которая стремилась уничтожить мартовскія завоеванія. Порѣшили поручить берлинскому делегату, чтобы онъ постарался провести на Майнцскомъ съѣздѣ всѣхъ типографщиковъ постановленіе, чтобы во всемъ великомъ отечествѣ не давать правительству ни одной буквы набора, ни одного печатнаго листа для ограниченія свободы печати. Мысль эта, безъ сомнѣнія, была прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ, но, къ сожалѣнію, въ то время было ужъ не мало „черноногихъ“ и „сапожниковъ“ среди типографовъ.

---

*) Знамя было изъ темнокраснаго шелка, отдѣланное золотою бахромою, съ черною лентою. На ней было написано: „Демократическій клубъ“ и „18 и 19 марта 1848 г.“. Въ періодъ реакціи его тщательно скрывали. Авторъ видѣлъ знамя въ Гамбургѣ въ 1879 году. Оно находилось тамъ въ вѣрныхъ рукахъ.

**) Если буржуазія давно уже и позабыла павшихъ героевъ мартовскихъ событій, то все-таки не лишнее будетъ упомянуть здѣсь, что берлинская городская община еще и понынѣ поддерживаетъ мѣсто погребенія этихъ героевъ и что учрежденіе, надзирающее за берлинскими кладбищами, еще въ 1891 году потратило болѣе 2000 марокъ на уходъ за этимъ мѣстомъ.

Соглашательское собраніе между тѣмъ открыло свои засѣданія въ консерваторіи. Первыя засѣданія, на которыхъ предсѣдательствовалъ бывшій министръ Шенъ, старый членъ „союза добродѣтельности", прошли очень бурно; въ особенности отличалась консервативная партія своимъ шумнымъ и буйнымъ поведеніемъ. Было нетрудно понять, что эти люди почуяли приближеніе разсвѣта. Въ протоколахъ засѣданій постоянно встрѣчаются отмѣтки: „сильный шумъ", „постоянное возбужденіе", „сильный безпорядокъ", „отчаянный гвалтъ" и даже „вѣчный скандалъ". Бреславльскій фабрикантъ Мильде, членъ соединеннаго ландтага, былъ избранъ президентомъ, совѣтникъ юстиціи Ессеръ изъ Кельна первымъ вице-президентомъ, тайный совѣтникъ верховнаго трибунала Вальдекъ изъ Берлина былъ избранъ вторымъ вице-президентомъ. Предложенія посыпались, какъ изъ рога изобилія; съ предложеніемъ, между прочимъ, выступилъ и „благороднѣйшій изъ всѣхъ тайныхъ совѣтниковъ" господинъ Аббегъ, бывшій „либеральный" президентъ полиціи изъ Кенигсберга; онъ предложилъ, чтобы собраніе уполномочило чиновъ полиціи и судебнаго вѣдомства съ большей энергіей противодѣйствовать „злоупотребленіямъ свободою слова и собраній". Но это требованіе, предъявленное собранію, было уже черезчуръ несвоевременно, такъ какъ собраніе, которое едва лишь открыло свои засѣданія для закрѣпленія завоеваній мартовскихъ дней, само нашло неумѣреннымъ требованіе превратиться въ прислужниковъ полиціи, и предложеніе Аббега отклонили*). Неесъ фонъ-Эзенбекъ предложилъ, чтобъ: собраніе назначило комиссію, которой бы оно поручило, *отъ своего имени и стоя на точкѣ зрѣнія общенародныхъ интересовъ*, выработать *проектъ конституціи* и обсудить его одновременно съ тѣмъ проектомъ конституціи, который предложенъ правительствомъ. — Было также предложено поставить памятникъ въ память мартовскихъ борцовъ.

Пока собраніе колебалось и дѣйствовало весьма нерѣшительно, лѣвая сдѣлала попытку побудить собраніе точно опредѣлить свое государственно-правовое положеніе и объявить себя учредительнымъ. Депутатъ Отто требовалъ, чтобы собраніе внесло въ очередь дня постановленіе, что оно не можетъ быть распущено ни правительствомъ, ни короной, и такимъ образомъ онъ хотѣлъ отбросить принципъ соглашенія. Кампгаузенъ возсталъ противъ этого постановленія; къ нему присоединилось большинство собранія. Отклонивъ предложеніе Отто, собраніе фактически признало принципъ соглашенія и тѣмъ самымъ утвердило за правительствомъ право въ каждомъ частномъ случаѣ дѣйствовать вопреки собранію. Черезъ день послѣ этого пораженія лѣвая потерпѣла новое пораженіе въ своей борьбѣ противъ предложенія Дункера отвѣтить адресомъ на тронную рѣчь. Одинъ членъ лѣвыхъ замѣтилъ, что поступки являются самымъ лучшимъ адресомъ, на что министръ Ганземанъ возразилъ, что адресъ—есть дѣйствіе. Большинство постановило выработать адресъ, котораго настоятельно требовало министерство.

---

*) Аббегъ вскорѣ послѣ того умеръ и, какъ говорятъ нѣкоторые, отъ огорченія, что реакція такъ успѣшно дѣйствуетъ. Но тѣ, которые были о немъ такого мнѣнія, повидимому, не поняли его предложенія въ берлинскомъ соглашательскомъ собраніи.

Собраніе, вмѣсто того, чтобы возможно энергичнѣе приступить къ разбору конституціи, занялось цѣлою массою мелочей второстепеннаго характера и попусту теряло время. Депутатъ Грилль, рабочій, сказалъ однажды: каждый день обходится странѣ въ 1200 талеровъ, а большинство изъ этихъ дней тратится попусту *). На самомъ дѣлѣ говорильный зудъ въ консерваторіи былъ не менѣе силенъ, чѣмъ въ церкви св. Павла во Франкфуртѣ и ораторы придавали и тутъ своимъ рѣчамъ значеніе всемірной важности.

Принцъ прусскій 4 іюня снова ступилъ на прусскую почву. Онъ былъ избранъ депутатомъ отъ Вирзица. 8 іюня появился онъ въ собраніи, гдѣ произнесъ рѣчь, въ которой подчеркивалъ, что собраніе должно выработать конституцію по соглашенію съ королемъ. „Конституціонная монархія“, говорилъ онъ, „есть та форма правленія, которую нашъ король предначерталъ намъ дать“. Затѣмъ онъ заявилъ, что онъ не сможетъ присутствовать регулярно на собраніяхъ, а проситъ назначить вмѣсто него замѣстителя. Правая аплодировала его рѣчи, лѣвая шикала.

Ясно было одно, что правая желала осуществить конституцію лишь на почвѣ соглашенія и что громадное большинство колеблющихся конституціоналистовъ дало увлечь себя въ сторону правыхъ. Происходило это потому, что послѣдніе были слишкомъ близоруки, чтобы предвидѣть тѣ конфликты, которые должны были возникнуть изъ принципа соглашенія, хотя эти конфликты имѣли передъ собою уже явныхъ предвозвѣстниковъ.

Лѣвая сдѣлала, наконецъ, третью попытку обезпечить за собраніемъ хотя бы нѣкоторую суверенность. Депутатъ Берендсъ внесъ предложеніе: „Высокое собраніе благоволитъ въ знакъ признанія революціи занести въ протоколъ, что борцы 18 и 19 марта стяжали себѣ великую заслугу передъ отечествомъ“.

Это предложеніе въ сущности не имѣло никакого значенія, такъ какъ съ его принятіемъ совершенно не былъ устраненъ принципъ соглашенія. Поэтому и господинъ Кампгаузенъ заявилъ, что онъ не выскажется противъ предложенія, если оно только показываетъ важность тѣхъ перемѣнъ, которыя были внесены въ государственную жизнь 18 марта; но если оно имѣетъ такой смыслъ, что существующая государственная власть не достаточно опирается на право, тогда предложеніе должно быть отвергнуто. Іоганнъ Якоби высказался за это предложеніе**); Шульце-Деличъ просилъ прибавить, что народъ берлинскій стяжалъ себѣ заслугу передъ отечествомъ и своимъ поведеніемъ послѣ борьбы, но Іоганнъ Якоби съ этимъ не согласился. Депутатъ Захарій наоборотъ внесъ такое предложеніе: „Принимая во вниманіе, что значеніе совершившейся революціи и заслуга ея борцовъ безспорна и что собраніе видитъ свою задачу не въ произнесеніи приговоровъ, а въ томъ, чтобы по соглашенію съ королемъ выработать конституцію, собраніе переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.— Іоганнъ Якоби пытался указывать на примѣръ Гагерна, провозгласив-

*) Депутаты получали діэту по три талера въ день.

**) Якоби заявилъ на одномъ собраніи своимъ выборщикамъ, что онъ „республиканецъ, но не громила“.

шаго суверенность франкфуртскаго собранія, но все это было напрасно. Послѣ двухдневныхъ дебатовъ было принято предложеніе Захаріи большинствомъ 196 противъ 177 голосовъ.

Если бы предложеніе Берендса и прошло большинствомъ голосовъ, то рѣшенія собранія обогатились бы только еще одной звонкой фразой, которая, однако, имѣла бы въ Берлинѣ такъ же мало практическаго значенія, какъ и гагерновское провозглашеніе верховной власти народа во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Среди массы результаты этого голосованія вызвали новыя опасенія передъ реакціей, такъ какъ ужъ давно стало ясно, что реакціонные адреса и воззванія изъ провинціи, ежедневно появляющіеся въ газетахъ, грозятъ мартовскимъ завоеваніямъ. Народныя толпы въ яростномъ возбужденіи окружили залу засѣданій. Депутація, посланная ими къ председателю собранія, была принята довольно грубо. Когда депутаты оставляли залу засѣданія, нѣкоторые изъ правыхъ членовъ были встрѣчены народомъ далеко не лестными криками, особенно досталось Сидову; министру фонъ-Арнимъ, который, по словамъ очевидца, обратился къ народу съ возгласами: „Чего вы тутъ стоите? Чего вамъ надо?", также не мало досталось отъ народа. Кучка народа окружила его; при помощи нѣкоторыхъ депутатовъ и студентовъ, министръ былъ благополучно уведенъ отъ толпы въ университетъ. Насилія не было произведено народомъ ни надъ кѣмъ, но „охранителямъ" это послужило уже достаточнымъ поводомъ кричать, что народъ угрожаетъ свободѣ собраній, президентъ полиціи и шефъ гражданскаго ополченія совмѣстно заявили, что они принуждены будутъ вмѣшаться, если подобныя исторіи повторятся.

Изъ Помераніи приходили уже манифесты, которые требовали не признавать постановленій и рѣшеній собранія за свободныя, а слѣдовательно обязательныя. Манифесты эти исходили отъ непримиримыхъ померанскихъ дворянъ. Но пока они, въ это время, встрѣтили мало сочувствія. Пропасть между городомъ и деревней разверзалась все шире, и попытка Гельда „примирить" ихъ подлила только масла въ огонь. Недовѣріе къ Гельду росло очень быстро и когда онъ вздумалъ выставить свою кандидатуру на постъ командира гражданскаго ополченія, его со всѣхъ сторонъ встрѣтили градомъ желчныхъ насмѣшекъ.

Цѣлый рядъ обстоятельствъ сложился такъ, что возбужденіе въ народѣ все болѣе усиливалось, въ особенности среди рабочихъ. Министръ общественныхъ работъ фонъ-Патовъ поставилъ своею прямою задачею постепенно удалять изъ Берлина рабочихъ, разсматривая ихъ какъ самый опасный революціонный элементъ. Ихъ цѣлыми массами отправляли въ провинцію въ тѣ мѣста, гдѣ была работа. Но дѣло это не дѣлалось такъ быстро, какъ было желательно, и прежде чѣмъ оно было закончено въ Берлинѣ еще разъ разразилась катастрофа. Въ воздухѣ носились неясные слухи о государственномъ переворотѣ въ реакціонномъ духѣ. Открылось, что правительство охраняетъ арсеналъ войсками, боясь, чтобы народъ не произвелъ на него нападенія; рота солдатъ каждую ночь располагалась внутри арсенала. Это вызвало возбужденіе даже среди лояльныхъ бюргеровъ и гражданскаго ополченія, которое мнило, что все въ Берлинѣ поставлено подъ его охрану. Стало также извѣстно, что ночью сплавляютъ на лодкахъ по Шпре изъ арсенала

оружіе и военную амуницію для войска. Рабочіе страшно возмущенные тѣмъ, что не получили оружія, задержали нѣсколько такихъ лодокъ.

Во время всеобщаго возбужденія порою достаточно самаго ничтожнаго повода, чтобы раздуть тлѣющую искру въ яркое пламя. Когда утромъ 14 іюня оказалось, что дворы королевскаго дворца заперты рѣшетками, то это оказалось достаточнымъ поводомъ для народнаго возмущенія. Берлинцы привыкли свободно проходить черезъ дворцовые дворы; лойяльные граждане также возмутились тѣмъ, что заперли дворы. Возбужденный народъ сорвалъ рѣшетчатыя двери и бросилъ одну изъ нихъ въ рѣку Шпре.

Это происшествіе привлекло массу людей, которые собрались на площади передъ арсеналомъ. Зданіе охранялось внутри ротой пѣхоты, а снаружи отрядомъ гражданскаго ополченія.

Нѣкоторые трусы въ собраніи все еще не могли успокоиться послѣ событій 9 іюня, когда толпа осмѣлилась угрожать депутатамъ и Рейхеншпергеръ предложилъ принять мѣры для защиты собранія. Противъ его предложенія энергично высказались Бухеръ, Юнгъ *) и другіе и отклонили его, несмотря на угрожающія народныя движенія на улицѣ. Собраніе положилось на защиту гражданскаго ополченія.

Возмущеніе охватило весь городъ; возбужденныя толпы народа, требуя то хлѣба, то удаленія солдатъ изъ арсенала, столкнулись съ гражданскою милиціею. Рота гражданскаго ополченія со штыками на перевѣсъ бросилась передъ арсеналомъ на народную массу; другая рота народнаго же ополченія встала между нападающими и толпой; ополченцы второй роты не потерпѣли „такого обращенія съ народомъ". Опасенія реакціи, какъ видимъ, охватили отчасти и вооруженную буржуазію.

Депутаціи, посланныя къ коменданту гражданскаго ополченія и военному министру съ требованіемъ удалить войска изъ арсенала, не имѣли успѣха, часть ихъ вообще была еще по дорогѣ разсѣяна гражданскимъ ополченіемъ. Возбужденіе благодаря этому еще болѣе усилилось. Ветеринарный врачъ Урбанъ, два молодыхъ купца и знаменитый уже баррикадный борецъ механикъ Зигристъ заговорили къ народу; Зигристъ говорилъ въ каштановой рощѣ, стоя на пушкѣ. Ораторы будто бы убѣждали народъ завладѣть оружіемъ изъ арсенала и построить баррикады **).

Гражданское ополченіе приняло свои мѣры; оно заперло ворота и поставило караулъ, а возвращающихся „ребергцовъ" не впускали; усилено было также войско въ арсеналѣ. Раздался барабанный бой. Изъ народной массы, окружавшей арсеналъ, раздался выстрѣлъ въ сторону гражданскаго ополченія, который никому не причинилъ вреда; брошено было также 30—40 большихъ камней, которые ранили нѣсколь-

*) Лотаръ Бухеръ, ставшій впослѣдствіи правою рукою Бисмарка, выдавалъ себя здѣсь за радикальнаго демократа; Юнгъ, ставшій впослѣдствіи самымъ ярымъ національ-либераломъ, говорилъ о происшествіяхъ 9 іюня, какъ о „пѣнистыхъ вспышкахъ свободы", которой нечего пугаться.

**) Зигристъ заявилъ на судѣ, что онъ призывалъ лишь къ тому, чтобы добиться отставки командира гражданскаго ополченія Блессона и замѣщенія этой должности Берендсомъ, такъ какъ послѣдній непремѣнно позаботится о вооруженіи народа.

кихъ гражданскихъ ополченцевъ. Тогда раздался залпъ оружій, направленный гражданскимъ ополченіемъ въ густую толпу народа; двое рабочихъ были убиты, двое тяжело ранены. Затѣмъ толпа была разогнана штыками.

Видъ крови и труповъ возбудилъ сильнѣйшую ярость массы; нѣкоторые смачивали кровью свои платки и несли ихъ прикрѣпленными къ палкамъ; убитыхъ и раненыхъ, среди нихъ и женщину, провезли по всему городу съ криками о мести. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пытались построить баррикады, а именно на улицахъ Егеръ, Обервальи на площади Александра. Разгромлены были оружейныя лавки; домъ майора гражданскаго ополченія Венды, который, какъ говорятъ отдалъ передъ арсеналомъ приказъ стрѣлять, былъ толпою разгромленъ.

Наступило всеобщее смятеніе. Во дворцѣ образовался изъ начальствующихъ лицъ комитетъ безопасности. Когда члены этого комитета увидѣли проносимые по дворцовой площади трупы и народную массу, воспламененную гнѣвомъ и жаждой мести, они подумали, что началась республика и хотѣли уже призвать на помощь войска. Но этотъ планъ рухнулъ, благодаря сопротивленію членовъ магистрата. Демократы же, которые считали, что столкновеніе неизбѣжно и ожидали наступленія новаго 18 марта, избрали изъ всѣхъ своихъ союзовъ нѣчто въ родѣ комитета общественнаго спасенія, въ которомъ находился и знаменитый господинъ Брассъ. Этотъ комитетъ общественнаго спасенія долженъ былъ взять на себя руководство борьбою. Но и демократы разошлись, не принявъ никакого рѣшенія.

Въ центральномъ бюро гражданскаго ополченія находились комендантъ Блессонъ и прокуроръ Темме; послѣдній былъ въ то же время членомъ соглашательскаго собранія и засѣдалъ тамъ съ лѣвыми. Въ бюро повалила масса депутацій; изъ арсенала появилась депутація во главѣ съ докторомъ Эйхлеромъ и кандидатомъ на судебныя должности Густавомъ Рашемъ, *) которая требовала строгаго разслѣдованія дѣла, такъ какъ лилась кровь; народъ требовалъ удаленія войскъ и занятія арсенала гражданскимъ ополченіемъ. Темме увѣрялъ, что онъ немедленно назначитъ слѣдствіе. Бюргеры, студенты, ремесленники, депутаты приходили одни за другими и заклинали исполнить волю народа, дабы избѣжать кровопролитія. Командиръ гражданскаго ополченія Блессонъ, наконецъ, отдалъ приказъ, чтобы вооруженный союзъ ремесленниковъ занялъ нижнія помѣщенія арсенала; что же касается отзыва войскъ, то онъ за этимъ велѣлъ депутаціи обратиться къ военному министру. Но у послѣдняго невозможно было и просить отзыва войскъ уже по той простой причинѣ, что его не было дома. Оставалось еще очистить площадь отъ гражданскаго ополченія и занять ее студентами.

Гражданское ополченіе, въ этотъ день столько разъ братавшееся

---

*) Онъ былъ никто иной, какъ знаменитый авторъ статей „Vom Verlassenen Bruderstamm", а впослѣдствіи изобрѣтатель „прусской заразы". Онъ былъ за происшествіе 14 іюня (онъ принималъ также участіе въ опрокидываніи воротъ въ Шпре) приговоренъ къ пяти мѣсяцамъ заключенія въ Магдебургскій казематъ. Автору даннаго произведенія онъ однажды далъ оригинальное описаніе осады арсенала, во время котораго Рашъ былъ вооруженъ необыкновенной длины саблею.

съ народомъ, надѣвавшее наоборотъ штыки или завертывавшее ихъ въ тряпки, удалилось. Вооруженный союзъ ремесленниковъ не могъ явиться немедленно въ арсеналъ, въ которомъ находилось 150 человѣкъ инфантеріи подъ начальствомъ капитана Нацмера. Лейтенантъ Теховъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ военныхъ сферахъ, котораго мѣтили въ кандидаты на должность коменданта ополченія, появился въ арсеналъ, чтобы лично познакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Онъ выступилъ въ роли посредника и передалъ капитану Нацмеру приказъ Блессона. Нацмеръ послѣ этого очистилъ нижнія помѣщенія и удалился наверхъ. Вмѣстѣ съ союзомъ ремесленниковъ въ зданіе проникъ и народъ; разломаны были ворота и народъ широкою волною разлился по всѣмъ помѣщеніямъ нижняго этажа.

Между тѣмъ наступила ночь и зажгли факелы; ремесленниковъ и студентовъ было вмѣстѣ около 200 человѣкъ; сбѣжалось также много людей изъ народной массы. Опять возникла опасность кроваваго и страшнаго кровопролитія, и столкновеніе было бы неизбѣжно, если бы народъ проникъ въ помѣщеніе верхняго этажа, занятаго войскомъ. Тогда Теховъ взялъ на себя побудить капитана Нацмера къ отступленію; другіе поддержали его въ этомъ. Онъ и не думалъ передавать капитану „ложнаго приказа“, какъ увѣряли впослѣдствіи; но безъ сомнѣнія пущена была въ ходъ военная хитрость, а именно, кто-то сказалъ капитану, что въ Потсдамѣ вспыхнула революція и что король бѣжалъ. Положеніе дѣлъ въ Берлинѣ было также передано ему въ такомъ видѣ, будто для правительства уже все потеряно. Увѣщанія Техова побудили, наконецъ, капитана Нацмера отступить и такимъ образомъ избѣжать кровопролитія. Нацмеръ, послѣ отчаянной борьбы между своею совѣстью и военнымъ долгомъ, наконецъ согласился, чтобы отзывъ войскъ былъ объявленъ изъ окна народу, а затѣмъ удалился.

Народъ жадно набросился на запасъ оружія. Въ арсеналѣ находилось много новаго оружія; между прочимъ былъ и большой запасъ игольчатыхъ ружей, которые были совершенно безполезны народу, такъ какъ онъ не имѣлъ патроновъ и не умѣлъ ихъ приготовить. Ворвавшійся въ арсеналъ народъ поспѣшилъ только поскорѣе запастись оружіемъ. Взяты были при этомъ и нѣкоторыя украшенія, старинное оружіе и военныя реликвіи; узнавъ объ этомъ, Теховъ заявилъ, что если бы онъ могъ предположить нѣчто подобное, онъ бы не убѣждалъ капитана Нацмера къ отступленію. Между тѣмъ большая часть изъ упомянутыхъ вещей была въ ближайшіе дни возвращена обратно; количество же пропавшихъ вещей не составляло и десятой части того, что говорили впослѣдствіи реакціонеры.

У большинства изъ „самовольно вооружившихся“ союзъ ремесленниковъ и студенты отобрали обратно оружіе; едва достигло извѣстіе о проникновеніи толпы въ арсеналъ до ушей гражданскаго ополченія, какъ послѣдніе вмѣстѣ съ батальономъ 24-го полка двинулись на толпу и отняли у нея оружіе. Войско выгнало толпу, а гражданское ополченіе взяло на себя отбирать оружіе у каждаго отдѣльнаго лица, сопровождая эту процедуру пощечинами. Предоставимъ господину профессору Гнейсту, человѣку, „который можетъ все доказать“ и который къ тому же былъ гражданскимъ ополченцемъ, обрисовать эту сцену,

очевидцемъ которой онъ былъ. „Сцена эта", пишетъ онъ въ своихъ „Berliner Zustände", хотя и разыгралась въ прекрасную лунную ночь, но въ ней было нѣчто жуткое, непріятное. Передъ воротами тускло мерцало нѣсколько факеловъ. Внутри арсенала господствовалъ полный мракъ, и только по неопредѣленному жужжанію и гулу можно было предположить, что тамъ дѣйствуетъ цѣлая масса людей. Ряды солдатъ стояли одинъ моментъ неподвижно. Командиры повидимому совѣщались какъ бы цѣлесообразнѣе пробраться съ имѣющимися у нихъ 200 человѣкъ. Но вдругъ капитану Фогелю пришла на умъ счастливая мысль приказать барабанщикамъ отбивать дробь у входа въ арсеналъ. Раздался адскій грохотъ, звукъ барабана гулко отдавался въ ночной тишинѣ—поднялся шумъ, который во всѣхъ насъ пробудилъ, если не воинственный духъ, то во всякомъ случаѣ очень оживленное настроеніе. Это дѣйствіе имѣло рѣшающее значеніе и моментально измѣнило всю картину. Самовольно вооружившіеся тотчасъ же начали прыгать изъ оконъ и съ поразительной быстротой улепетывать вдоль стѣны. Едва успѣло такимъ образомъ бѣжать пять или шесть человѣкъ, какъ гражданскихъ ополченцевъ моего отдѣленія ужъ больше нельзя было удержать. Они всѣ бросились догонять убѣгающихъ, а насъ охватило вдругъ такое рвеніе, что три гражданскихъ ополченца сразу бросились со своими штыками на одного семнадцатилѣтняго юношу, вздумавшаго разсуждать. Я прыгнулъ между ними; но дѣло, вообще, не обстояло такъ плохо, какъ мнѣ показалось. Пустить въ ходъ оружіе намъ не было нужды, если бы мы даже этого и хотѣли. Начиная съ этого момента, люди потокомъ устремились изъ оконъ. Мы первыхъ изъ нихъ попытались арестовать; но такъ какъ былъ недостатокъ въ охранѣ, то мы и дали свободно убѣгать тѣмъ, которые хотѣли убѣгать. Но все чаще и чаще начало повторяться то, что убѣгающіе захватывали съ собою оружіе, съ которымъ они и намѣревались бѣжать. Большая часть изъ нихъ, по нашему требованію возвращала оружіе немедленно; нѣкоторыхъ удивляло подобное распоряженіе, нѣкоторые пускались въ разсужденіе и получали пощечину, послѣ чего отдавали оружіе; очень немногіе пытались пробраться силою, но послѣ хорошихъ пинковъ подъ ребра и они отдавали оружіе... Со стороны каштановой рощи въ это время прибыло нѣсколько новыхъ ротъ гражданскаго ополченія, которые, повидимому, не принимали дѣятельнаго участія въ разоруженіи толпы. Временами ощущался такой сильный недостатокъ въ опредѣленномъ планѣ дѣйствій, что мы время отъ времени оказывались окруженными превосходными силами толпы, которыя между прочимъ, не питали никакихъ серьезныхъ намѣреній. Нѣкоторые изъ нихъ съ величайшимъ изумленіемъ спрашивали меня и другихъ изъ нашихъ, какимъ образомъ дошли мы до того, что отнимаемъ оружіе и мѣшаемъ самовооруженію. Временами возникалъ настоящій диспутъ по поводу этого вопроса, но чаще всего дѣло ограничивалось пощечинами. П р и б ѣ г а т ь к ъ с и л ѣ д л я т о г о, чтобы отбирать оружіе, п р и х о д и л о с ь о ч е н ь р ѣ д к о. Въ то время, какъ мы были заняты дѣломъ, мимо министерства финансовъ прошелъ батальонъ 24 полка съ развѣвающимися знаменами и музыкой, онъ направился въ улицу Мольера и остановился тамъ у входа въ арсеналъ. Бѣглецы между тѣмъ все продолжали выбѣгать изъ арсенала, такъ что нижній этажъ былъ почти совсѣмъ пустъ, когда

линейный батальонъ подошелъ съ барабаннымъ боемъ. Это послужило сигналомъ для находящихся вверху ста-двѣсти человѣкъ, чтобы они немедленно исчезли. Раскрылись всѣ окна, люди стали на широкомъ карнизѣ и начали подвигаться къ водосточной трубѣ, откуда они одинъ за другимъ спускались внизъ. По наивности своей большинство изъ нихъ тоже захватило съ собою оружіе, которое тутъ же отбиралось, разумѣется въ обмѣнъ на пощечину".

Такъ невинно окончилась осада арсенала, которая началась кровопролитіемъ и столь сильнымъ возбужденіемъ *).

Господинъ Блессонъ былъ всѣми преслѣдуемъ, какъ козелъ отпущенія, и вынужденъ былъ сложить съ себя командованіе гражданскимъ ополченіемъ, чтобы уступить мѣсто ничтожному Риммлеру. О Теховѣ и Нацмерѣ говорили разное: реакціонеры требовали для этихъ двухъ мужей самаго строгаго наказанія, между тѣмъ какъ демократы ставили имъ въ особую заслугу то, что они предотвратили новое кровопролитіе. Теховъ былъ осужденъ къ 15 годамъ заключенія въ крѣпость и изгнанъ изъ арміи **). Нацмеръ былъ приговоренъ къ 10 годамъ крѣпости и къ увольненію со службы. Онъ просидѣлъ нѣкоторое время въ Кольбергѣ и былъ помилованъ въ 1849 году, такъ какъ почувствовалъ самое искреннее раскаяніе. По поводу осады арсенала былъ привлеченъ къ отвѣтственности еще цѣлый рядъ лицъ ***); въ первой инстанціи были строго наказаны ораторы, говорившіе въ арсеналѣ; во второй инстанціи былъ освобожденъ Урбанъ съ двусмысленной репутаціей, Зигристъ былъ приговоренъ къ четыремъ годамъ крѣпости, а Корнъ къ двумъ годамъ ****).

Реакціонеры, насколько это было въ ихъ силахъ и не безъ успѣха, использовали несчастный штурмъ арсенала. Хотя гражданское ополченіе и воспротивилось „самовооруженію", но такъ какъ нѣкоторыя роты ея отнеслись сочувственно къ народу, то реакція воспользовалась случаемъ, чтобы взвалить отвѣтственность на гражданское

---

*) Мы этотъ фактъ, это событіе, о которомъ такъ много говорили, постарались изложить по возможности подробно и безпристрастно, насколько намъ позволили это многочисленныя свѣдѣнія и доклады.

**) Ему удалось въ Магдебургѣ бѣжать изъ заключенія, послѣ чего онъ принималъ участіе съ оружіемъ въ рукахъ въ революціи баденской и пфальцской. Впослѣдствіи онъ отправился въ Австралію. Въ 1888 году онъ явился въ Швейцарію и сдѣлалъ запросъ въ Берлинѣ, можетъ ли онъ явиться на родину. Въ отвѣтъ на это ходатайство былъ возобновленъ указъ, изданный 40 лѣтъ тому назадъ о его поимкѣ.

***) Арестована была также Люцилія Ленцъ, вручившая демократическому клубу его знамя; ее арестовали на площади Молькенъ, переодѣтою въ мужское платье и съ оружіемъ, взятымъ изъ арсенала. Президентъ полиціи оказался настолько галантнымъ кавалеромъ, что вскорѣ освободилъ горячую республиканку.

****) Суды вообще начали вскорѣ дѣйствовать очень энергично. Студентъ, который хотѣлъ 14 іюня отнести въ безопасное мѣсто „красное" знамя демократическаго клуба, знамя, о которомъ такъ много говорили, былъ задержанъ у баррикады по Ландсбергской улицѣ при кликахъ толпы: „Да здравствуетъ республика"! Толпа хотѣла его заставить водрузить знамя на баррикадѣ; онъ этого не сдѣлалъ, гражданское ополченіе отняло у него знамя, но вскорѣ вернуло обратно. Противъ этого студента, его звали Фридрихомъ, было возбуждено преслѣдованіе, его обвинили въ государственной измѣнѣ, и прокуроръ потребовалъ для него смертной казни черезъ колесованіе. Но судъ однако оправдалъ его.

ополченіе за все происшедшее, признавъ его неподготовленнымъ для поддержанія „порядка“, и на томъ основаніи потребовать усиленія войска. Войска были на самомъ дѣлѣ призваны, такъ что въ городѣ, спустя нѣкоторое время, сконцентрировалось семь батальоновъ. Въ окрестностяхъ также собрались войска, главнымъ образомъ тѣ, которыя раньше сражались въ Шлезвигъ-Голштиніи.

Демократовъ осыпали грубѣйшею руганью; противъ нихъ выдвигались нелѣпѣйшія подозрѣнія; не постыдились даже утверждать, будто они осадою арсенала воспользовались для того, чтобы похитить секретъ игольчатаго ружья, который они будто бы хотѣли продать Франціи. Число предметовъ, похищенныхъ изъ арсенала, и размѣры поврежденій арсенала были преувеличены до безстыдства *). Гражданское ополченіе предприняло цѣлый рядъ обысковъ въ надеждѣ найти оружіе, въ то время какъ изъ Прусской „Вандеи“, изъ Помераніи и Бранденбурга хлынулъ цѣлый потокъ адресовъ съ изліяніемъ чувствъ въ самыхъ яркихъ выраженіяхъ. Реакціонные клубы начали возникать массами; піэтисты вопили и плакались на мартовскіе дни и ихъ результаты. Этотъ наглый вопль, съ искусствомъ поддерживаемый реакціонерами **), окончательно смутилъ гражданское ополченіе, и благонамѣренные мѣщане окончательно потеряли голову отъ страху.

Немедленно же были приложены всѣ старанія къ тому, чтобы отвести рабочихъ. Большая часть рабочихъ отправилась на работы на Восточную дорогу, гдѣ, какъ ихъ старались убѣдить, существуютъ самыя лучшія условія труда и самая высокая заработная плата. Многіе, однако, убѣдившись, что ихъ обманули, вернулись обратно.

Гнейстъ раньше самъ энергично возставалъ противъ того, чтобы гражданское ополченіе играло роль полицейскаго института. Теперь же онъ предложилъ въ муниципальномъ совѣтѣ, чтобы гражданское ополченіе всецѣло подчинилось городскимъ властямъ; это вызвало величайшее негодованіе очень многихъ, такъ какъ они не хотѣли превратиться въ „слугъ города“. Городскіе депутаты постановили между прочимъ отклонить ходатайство демократическаго клуба, объ организаціи на свой собственный счетъ отряда гражданъ для охраненія порядка. Такъ какъ демократическій конгрессъ во Франкфуртѣ избралъ центромъ своей организаціи Берлинъ, то заговорили „о необходимости учрежденія директоріальной власти“, и въ особенности яра стала контръ-агитація и мѣропріятія, когда въ Берлинѣ образовался республиканскій клубъ, въ которомъ видную роль игралъ упомянутый уже докторъ Г. Б. Оппенгеймъ изъ Франкфурта ***).

---

*) На основаніи того, что одному изъ членовъ національнаго собранія случайно попало въ руки ружье изъ арсенала, въ одномъ адресѣ изъ провинціи говорилось: „Чего можемъ мы ждать отъ такого національнаго собранія, въ рядахъ котораго находятся проходимцы и воры?“

**) 1878 годъ далъ прекрасное доказательство этому.

***) Съ этимъ человѣкомъ мы снова встрѣтимся въ баденской революціи. Онъ впослѣдствіи сталъ такимъ же фанатикомъ національ-либераломъ, какимъ былъ раньше фанатичнымъ республиканцемъ. Онъ долгое время выставлялъ въ рейхстагѣ свою кандидатуру отъ имени національ-либераловъ, но всегда проваливался, пока онъ, наконецъ, не былъ избранъ въ старшей линіи Рейса. Авторъ въ 1877 году вытѣснилъ его оттуда. Во время одного диспута обоихъ

Посреди этихъ шумныхъ стычекъ между революціей и реакціей, между демократіей и аристократіей, соглашательское собраніе засѣдало, сосредоточенно и глубоко погруженное въ разсматриваніе своей конституціи, какъ Архимедъ передъ своими фигурами. Оно отклонило вооруженную защиту, а приняло предложеніе Ульриха, знаменитаго проповѣдника свободной религіи, и „стало подъ защиту берлинскаго народа". На слѣдующій день послѣ осады арсенала обсуждалось предложеніе Вальдека назначить комиссію для выработки конституціи Прусскаго государства. Правый центръ внесъ черезъ посредство Ваксмута подобное же предложеніе. Министры слабо возражали противъ этого предложенія, аристократы же правой возставали очень энергично. Неесъ фонъ-Эзенбекъ заявилъ, что проектъ конституціи долженъ коснуться и соціальныхъ вопросовъ, иначе движеніе, называемое революціей, будетъ продолжать идти по своему кровавому пути. Этотъ призывъ былъ совершенно не понятъ буржуазіей и неопредѣленными либералами. Предложенія Вальдекъ и Ваксмута были скомбинированы, сообща приняты, и назначена комиссія. Первымъ предсѣдателемъ ея былъ Вальдекъ, вторымъ Родбертусъ, знаменитый экономистъ, принадлежавшій къ лѣвому центру. На слѣдующій день собраніе объявило личность своихъ членовъ неприкосновенными; законъ этотъ былъ утвержденъ королемъ—первый плодъ принципа соглашенія.

Спустя нѣсколько дней министерство Кампгаузена вышло въ отставку. Оно начало себя чувствовать на своемъ посту неловко, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ „высшихъ сферахъ" начали подготовляться извѣстныя событія. На мѣстѣ стараго министерства стало министерство Ауэрсвальда, называемое также министерствомъ Ганземана по имени министра финансовъ, оставшагося изъ стараго министерства. Остался на своемъ посту также военный министръ Ротъ фонъ-Шреккенштейнъ. Президентомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ Ауэрсвальдъ, министромъ труда—Мильде, предсѣдательствовавшій до сихъ поръ въ собраніи соглашателей, министромъ вѣроисповѣданій былъ Родбертусъ, министромъ юстиціи—Меркеръ, министромъ сельскаго хозяйства—Гиске, министромъ внутреннихъ дѣлъ—фонъ-Кюльветтеръ. Это наполовину аристократическое, наполовину парламентарское министерство, которое называли министерствомъ дѣйствія, намѣтило цѣлый рядъ реформъ въ духѣ конституціонной монархіи. Первая палата должна была, согласно ихъ плану, получить болѣе демократическій характеръ; предполагалось затѣмъ выработать проектъ о гражданскомъ ополченіи, объ уничтоженіи феодальныхъ повинностей, преобразованіи коммунальнаго распорядка, юстиціи и закона о повинностяхъ и уничтоженіе свободы господъ феодаловъ отъ повинностей *),

---

кандидатовъ передъ громаднымъ собраніемъ въ Грейцѣ Оппенгеймъ старался при помощи „ужасовъ" парижской коммуны агитировать противъ соціалдемократовъ, въ отвѣтъ на это авторъ даннаго произведенія упомянулъ ему его собственное революціонное прошлое. Оппенгеймъ, не ожидавшій нападенія съ этой стороны, возразилъ очень слабо и заявилъ, что „то было совсѣмъ другое"; но этотъ диспутъ, однако, привелъ къ тому, что его на выборахъ провалили.

*) Эта свобода отъ повинностей, къ сожалѣнію, въ данный моментъ (февраль 1892 года) еще существуетъ, и, повидимому, придется преодолѣть не мало трудностей, пока ее удастся устранить.

наконецъ, должны были быть приняты мѣры къ усиленію кредита и оживленію торговли и труда.

Эти пестрыя реформы—мыльные пузыри—не произвели никакого впечатлѣнія на массу, главнымъ образомъ на рабочихъ; только довѣрчивая буржуазія встрѣтила ихъ восторженно. Нѣкоторые направили свои взоры, полные надеждъ на Франкфуртъ; они ждали спасенія изъ церкви св. Павла, спасенія, не вынесеннаго имъ изъ консерваторіи. Но объясненіе, данное прусскимъ правительствомъ 4 іюля, не оставило у людей понимающихъ никакого сомнѣнія и насчетъ Франкфурта. Въ этомъ знаменитомъ извѣщеніи говорилось, что правительство не понимаетъ почему угрожаемое положеніе Германіи и убѣжденіе въ согласіи правительства послужило причиной тому, что германское національное собраніе назначило центральную власть безъ содѣйствія правительства. Изъ поведенія правительства въ этомъ исключительномъ случаѣ не должно однако дѣлать вывода на будущее время.

Эти слова были достаточно ясны и понятны даже для „надѣющихся" и „довѣряющихъ".

Іоганнъ Якоби предложилъ, чтобы соглашательское собраніе заявило, что оно не можетъ согласиться съ постановленіемъ, благодаря которому назначается правитель государства безъ отвѣтственности, и что оно наоборотъ считаетъ франкфуртское собраніе вполнѣ полноправнымъ принять подобное рѣшеніе безъ утвержденія правительства. Но это предложеніе было отклонено громаднымъ большинствомъ. Принято же было предложеніе противопоставить объясненію правительства объясненіе представителей народа въ защиту франкфуртской конституціи, и чтобы парламенту гарантировано было право свободно и независимо принимать свои рѣшенія. Но у соглашательскаго собранія не было для такого требованія ни достаточнаго желанія, ни силы.

Политическая ситуація Европы.

Въ то время какъ демократическое движеніе теряло свои силы въ изолированныхъ попыткахъ возстанія и никакъ не могло объединить свои центры для совмѣстной планомѣрной дѣятельности,—правительства тѣмъ скорѣе входили въ соглашенія между собой. Австрійское правительство не скрывало того, что постановленія франкфуртскаго парламента ему не нравятся и что оно будетъ имъ сопротивляться; прусское правительство дѣлало то же самое, но только въ болѣе изысканной формѣ, воздерживаясь отъ выраженія своего согласія съ постановленіями парламента. На заднемъ планѣ въ угрожающей позѣ стояла Россія, относительно которой было извѣстно, что ея войска при первомъ кличѣ поднялись бы противъ демократіи. Чтобы при такихъ обстоятельствахъ завершить дѣло конституціоннаго преобразованія Германіи въ демократическомъ духѣ; чтобы при такихъ обстоятельствахъ обезпечить суверенитетъ народнаго представительства и справиться съ опасностями внѣшней ситуаціи,—для этого нужны были люди такой духовной мощи и рѣшительности, какой не обладали ни юные демократы, ни пустоголовые либералы 1848 года. Къ этому нужно еще прибавить легкомысленно-пренебрежительное отношеніе къ духовнымъ силамъ реакціонныхъ элементовъ; ловкія интриги и подвохи, въ которыхъ послѣдніе являлись виртуозами, не получали должной оцѣнки, межъ тѣмъ какъ пустая болтовня тщеславныхъ профессоровъ превозносилась до небесъ.

Сначала въ придворныхъ кругахъ вѣрили въ существованіе международной организаціи или по меньшей мѣрѣ международнаго соглашенія демократіи. Какъ представляли тогда дѣло прусскому королю, это видно изъ письма послѣдняго къ своему другу Бунзену въ Лондонъ, отъ 30 мая 1848 года.

„Въ Берлинѣ,—гласитъ письмо,—подготовляется новое 18 марта. Въ кабакахъ, погребахъ и на дворахъ спрятано огромное множество французской и польской сволочи. Ложь и клевета дѣйствуютъ во всю. Французскія деньги, главнымъ образомъ франковыя монеты, обращаются среди народа, какъ то было въ мартовскіе дни. Словомъ, если только подготовляемый переворотъ не разобьется о трусость этой сволочи и о штыки гражданскаго ополченія, то можете ожидать всякихъ репримандовъ. Неужели вамъ до сихъ поръ еще не бросилось въ глаза, что всѣ попытки переворотовъ и всѣ дѣйствительно осуществленные перевороты въ Бер-

линѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Неаполѣ имѣли мѣсто въ одинъ и тотъ же день *). Это—вѣскій аргументъ въ пользу моего мнѣнія".

Но, конечно, то обстоятельство, что различныя народныя возстанія произошли въ одинъ день, было простой игрой случая. 15 мая, послѣ того какъ исполнительная власть попала въ руки буржуазіи, парижскіе соціалисты сдѣлали попытку разогнать національное собраніе и сорганизовать новое правительство, составленное изъ приверженцевъ различнѣйшихъ соціалистическихъ системъ. Эта попытка не удалась, и, разумѣется, она вовсе не находилась ни въ какой прямой связи съ демонстраціями и возстаніями въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Неаполѣ.

Но французскія событія оказали огромное вліяніе на всю остальную, охваченную броженіемъ, Европу. Когда въ Парижѣ антидемократическіе, консервативные элементы захватили въ свои руки государственное кормило, примѣръ этотъ долженъ былъ сильно ободрить правительства другихъ странъ; они стали энергичнѣе выступать противъ демократіи. А между тѣмъ до сихъ поръ великая демократическая республика Запада однимъ своимъ существованіемъ, безъ всякаго прямого вмѣшательства, повсюду сдерживала реакціонные элементы.

Какъ февральскій переворотъ 1848 года во Франціи далъ толчокъ революціонному движенію во всей территоріи Германскаго Союза и далеко за предѣлами его,—такъ происшедшая въ іюнѣ 1848 года катастрофа наоборотъ отдала демократическую республику во власть военщины и претендентовъ на монархическій престолъ.

Устраивая праздникъ братства 21 мая, французское буржуазное правительство тщетно старалось прикрыть тотъ расколъ, который разъединялъ все французкое общество. Столкновеніе классовыхъ противорѣчій должно было привести къ страшному взрыву.

Въ то время какъ Луи Бланъ въ Люксембургскомъ дворцѣ разсыпался въ декламаціи объ утопической идеѣ „организаціи труда", рабочіе массами стекались въ національныя мастерскія. Число лицъ, занятыхъ въ этихъ учрежденіяхъ, къ іюню 1848 года достигло 117.310 человѣкъ. Административная часть въ національныхъ мастерскихъ поставлена была изъ рукъ вонъ плохо; денежныя средства, и сами по себѣ весьма ничтожныя, расточались съ удивительной безпорядочностью. Французская буржуазія, само собой понятно, особенныхъ симпатій къ національнымъ мастерскимъ не проявляла. Сама пользуясь весьма солидной государственной поддержкой въ формѣ таможенныхъ пошлинъ и т. п.,—буржуазія никакъ не могла простить рабочимъ той сравнительно небольшой суммы**), которая затрачена была государствомъ въ моментъ страшной нужды, чтобы хоть нѣсколько облегчить невообразимо бѣдственное положеніе массъ. Капиталисты, жившіе и живущіе присвоеніемъ плодовъ чужого труда, утверждали, будто эти мастерскія являются разсадниками праздности и лѣни; предприниматели опасались, что при государственной поддержкѣ безработнымъ имъ не удастся больше понижать заработную плату. Противъ національныхъ мастерскихъ заключила союзъ вся промышленная буржуазія и

---

*) 14 и 15 мая въ Берлинѣ, 15 мая въ Парижѣ, Вѣнѣ и Неаполѣ.

**) До 21 мая на національныя мастерскія израсходовано около 8 мил. франковъ (франкъ—37 коп.).

стала изыскивать всяческія препятствія сбыту произведенныхъ въ нихъ продуктовъ; фабриканты и оптовые торговцы стали спускать свои товары по баснословно низкимъ цѣнамъ только для того, чтобы и продукты національныхъ мастерскихъ не находили покупателей и чтобы имѣть возможность затѣмъ поднимать вопли о тѣхъ высокихъ ссудахъ, которыя государству пришлось дѣлать мастерскимъ. Буржуазныхъ членовъ національнаго собранія, разумѣется, тоже удалось заразить фанатической непріязнью къ національнымъ мастерскимъ, и въ виду всего сказаннаго эти послѣднія и сыграли ту роль, которую на нихъ возложило „почтенное" правительство,—онѣ дискредитировали соціализмъ. 15 іюня буржуазный республиканецъ Гудшо во всеуслышаніе заявилъ въ національномъ собраніи: „національныя мастерскія должны быть немедленно уничтожены!", и большинство встрѣтило его рѣчь восторженными одобреніями, не взирая на то, что министръ Трела настойчиво предостерегалъ отъ излишней поспѣшности. Тщетно рабочіе обращались къ Гудшо съ запросами о томъ, куда же имъ дѣваться, если національныя мастерскія будутъ закрыты. Уже къ началу іюня стали принимать подготовительныя мѣры противъ національныхъ мастерскихъ и стянули къ Парижу войска; 21 іюня по распоряженію исполнительной коммиссіи министерство труда издало декретъ, въ которомъ рабочимъ предлагалось либо поступить въ армію, либо отправиться въ провинцію на земляныя работы, посдѣльно.

Эти мѣры съ явной очевидностью раскрываютъ духовную нищету буржуазнаго либерализма. Сначала эти политическіе кретины создали для устраненія народной нищеты недостаточное, гнилое въ самомъ основаніи, учрежденіе, а когда обнаружились ими же самими вызванные неустранимые недостатки въ организаціи національныхъ мастерскихъ, они на скорую руку уничтожили все предпріятіе. Такимъ образомъ, они лишь ускорили ту катастрофу, которую національныя мастерскія должны были предупредить.

Рабочіе, разумѣется, не имѣли желанія ни уѣзжать въ провинцію, ни поступать въ армію, ибо они прекрасно понимали, что и то и другое ведетъ лишь къ старому капиталистическому закабаленію. Тогда они еще одинъ разъ сдѣлали попытку добиться соглашенія мирнымъ путемъ. Къ члену правительства, буржуазному республиканцу Мари, отправлена была депутація, которая потребовала отмѣны декрета 21 іюня. Мари грубо отвѣтилъ, что, если рабочіе сами не уѣдутъ, ихъ вышлютъ силой.

Возмущеніе и негодованіе охватило рабочую массу, когда она убѣдилась въ томъ, что февральскія обѣщанія такъ грубо нарушены и что классовое государство начинаетъ предлагать имъ камень вмѣсто хлѣба. И 23 іюня разразилось то возстаніе, которое въ исторіи извѣстно подъ именемъ іюньской бойни. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ Парижъ былъ покрытъ сѣтью баррикадъ, широко раскинувшейся по обоимъ берегамъ Сены и захватившей въ свою территорію площадь Бастиліи, предмѣстья Сенъ-Мартинъ, Дю-Темпль, Сентъ-Антуанъ, Пуассоньеръ, Санъ-Жакъ, Ситè и Пантеонъ. Около 40.000 вооруженныхъ пролетаріевъ соединились на баррикадахъ въ этой отчаянной борьбѣ противъ буржуазіи. Вождя у рабочихъ не было, какъ не было у нихъ и другого боевого плана, кромѣ намѣренія понастроить баррикадъ въ наиболѣе населенныхъ кварталахъ. На баррикадахъ развѣвались крас-

ныя знамена со старымъ лозунгомъ ліонскихъ ткачей: „Жить работая или умереть въ борьбѣ!“ Рабочіе сражались съ отчаяннымъ мужествомъ и яростью, пробужденной въ нихъ ихъ обманутыми надеждами и ихъ безвыходнымъ положеніемъ; съ другой стороны, національная гвардія, эта вооруженная крупная и мелкая буржуазія, боролась съ злобой и фанатизмомъ, вызванными въ ней страхомъ передъ краснымъ призракомъ и передъ революціонно настроеннымъ пролетаріатомъ. Войска сражались противъ рабочихъ, какъ противъ африканскихъ кабиловъ. Уличное сраженіе это скоро превратилось въ ужасную бойню, которая повергла въ трепетъ всю Европу *).

Военнымъ вождемъ буржуазіи былъ генералъ Евгеній Кавеньякъ**), грубый солдатъ, прошедшій свою военную школу въ Африкѣ и къ тому же въ политическомъ отношеніи — чрезвычайно ограниченный человѣкъ. Онъ не воспрепятствовалъ возникновенію баррикадъ, разсчитывая блестящимъ усмиреніемъ предмѣстій освѣжить славу французскаго оружія. Поэтому-то всѣ попытки примиренія не повели ни къ чему, и скоро Парижъ превратился въ поле битвы съ громомъ пушекъ и трескомъ ружейной пальбы. Кавеньякъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе генералы, прославившіеся своей дикой охотой на африканскихъ кабиловъ, имѣя превосходныя силы, бросились атаковать баррикады, но 23 іюня они большого успѣха не имѣли, и ночью повстанцы развернули всѣ свои силы. Утромъ 24 іюня инсургенты съ разныхъ сторонъ придвинулись со своими баррикадами къ самой ратушѣ.

Сцены, разыгрывавшіяся въ то время въ національномъ собраніи среди буржуа, объятыхъ страхомъ за свою собственность, превосходятъ всякія описанія. Всякій голосъ благоразумія заглушался неистовымъ ревомъ большинства; тупость, глупость и фанатизмъ праздновали какую-то дикую оргію. Въ то время, какъ съ праваго берега Сены шумъ баррикадной борьбы еще доносился до ушей собранія, республиканецъ профессоръ Паскаль Дюпра внесъ предложеніе объявить Парижъ въ осадномъ положеніи и назначить военнымъ диктаторомъ генерала Кавеньяка. Очевидно и во Франціи дѣлать величайшія глупости судьбой предопредѣлено было господамъ профессорамъ. Предложеніе Дюпра было принято всѣми голосами противъ шестидесяти.

Все увеличивавшіяся подкрѣпленія дали наконецъ Кавеньяку возможность овладѣть возстаніемъ. Въ этой классовой войнѣ борьба превратилась въ такую же самую ужасную и безпощадную бойню, которую мы видѣли въ 1871 г. при подавленіи возстанія парижскихъ коммунаровъ. Правительственныя войска потерпѣли большія потери, но имъ

---

*) Объ іюньскихъ инсургентахъ распространялась масса самыхъ безстыдныхъ вымысловъ; говорили, будто это были „отбросы человѣчества“, поднявшіеся на борьбу противъ республики, благодаря подкупу Бонапарта. Конечно, бонапартистскіе агенты дѣйствительно дѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы разжечь вражду между пролетаріатомъ и буржуазіей, но тѣмъ не менѣе іюньская борьба вызвана была всѣми окружающими условіями, а отнюдь не одной агитаціей. „Человѣкъ завтрашняго дня“, Луи Наполеонъ, прекрасно понималъ, что послѣ усмиренія рабочихъ республика легко станетъ добычей ловкаго претендента.

**) Онъ былъ сыномъ члена конвента и своей республиканской репутаціей обязанъ былъ главнымъ образомъ тому обстоятельству, что братъ его. Годфруа Кавеньякъ († 1845) былъ дѣйствительно ревностнымъ республиканцемъ.

все же удалось мало по малу занять всѣ наиболѣе укрѣпленныя позиціи возставшихъ. Особенно кровопролитно было сраженіе у Пантеона, гдѣ повстанцы защищались съ удивительнымъ упорствомъ. Плѣнныхъ разстрѣливали массами. Архіепископъ парижскій, вознамѣрившійся выступить въ Сентъ-Антуанѣ посредникомъ, по недоразумѣнію палъ отъ пули одного солдата. Генералъ Бреа, также пожелавшій выступить парламентеромъ, былъ убитъ нѣсколькими инсургентами, опасавшимися предательства, и это обстоятельство, конечно, дало буржуазіи поводъ поднять обычный крикъ относительно коварства побѣжденныхъ.

Войска буржуазіи, особенно мобильная гвардія, вели себя буквально, какъ дикіе звѣри. Борьба кончилась лишь 26 іюня, послѣ того, какъ предмѣстья Сентъ-Антуанъ и Виллеръ подверглись форменной бомбардировкѣ.

Послѣ побѣды начались пытки и казни плѣнниковъ. На площади Гренелль, на Монпарнасскомъ кладбищѣ, въ каменоломняхъ Монмартра и въ монастырѣ Сентъ-Бенуа производились массовыя казни плѣнныхъ. Остальные плѣнники, числомъ по меньшей мѣрѣ около 25.000 человѣкъ, брошены были въ ужасныя темницы, гдѣ съ ними обходились съ неслыханной жестокостью. Затѣмъ національное собраніе приняло безчеловѣчное рѣшеніе сослать плѣнныхъ безъ всякаго суда въ Каенну; рѣшеніе это было приведено въ исполненіе по отношенію къ 10.000 лицъ. Единственный признакъ человѣчности, проявленный національнымъ собраніемъ, выразился въ томъ, что оно разрѣшило женамъ и дѣтямъ ссыльныхъ послѣдовать за своими мужьями и отцами на зараженную злою лихорадкою почву Каенны. Попавшіе въ плѣнъ „подстрекатели“ преданы были военному суду.

Сколько именно инсургентовъ погибло, точно установить оказалось невозможнымъ. Войска потеряли однихъ генераловъ шесть человѣкъ. Парижъ былъ залитъ кровью. Буржуазія, всего мѣсяцъ назадъ справлявшая „праздникъ братства“, теперь съ турецкимъ неистовствомъ расправлялась со всѣми тѣми, кто осмѣлился поднять мечъ свой противъ строя, открыто заявившаго, что для „лишнихъ“ нѣтъ мѣста на жизненномъ пиру. Современный филистеръ охотно прославляетъ „культуру“ девятнадцатаго столѣтія, что, однако, не мѣшаетъ ему порой обнаруживать жестокость, посрамляющую даже монголовъ и татаръ, — особенно, когда ему кажется, что его собственность въ опасности. Лучшая иллюстрація этого—іюньская бойня.

Кавеньякъ воспользовался своей диктатурой очень широко; онъ закрылъ всѣ казавшіеся ему опасными клубы и пріостановилъ цѣлый рядъ газетъ. 28 іюня Кавеньякъ вернулъ власть въ руки собранія, и пресловутые народные представители постановили выразить ему благодарность за его выдающіяся заслуги передъ родиной въ дѣлѣ сокрушенія тѣхъ, которыхъ неслыханными провокаціями вызвали на бой. „Народные“ представители постановили продлить диктатуру Кавеньяка и почтить его титуломъ „президента совѣта министровъ“. Въ качествѣ таковаго, Кавеньякъ сформировалъ свое новое министерство, и собраніе всецѣло отдалось сладкой мечтѣ о томъ, что теперь-де наконецъ-то стало возможнымъ упрочить новую республиканскую конституцію. Конституція же эта, само собой разумѣется, была выкроена по вкусу буржуазіи. Ненавистное „право на трудъ“, которое признано было за рабочими временнымъ правительствомъ въ февралѣ, въ конституцію

включено, разумѣется, не было *). 3 іюля національныя мастерскія были уже закрыты.

Но Кавеньякъ и его товарищи сильно ошиблись въ оцѣнкѣ новаго положенія дѣлъ. Этотъ ограниченный солдатъ воображалъ, что спасъ республику, и долженъ былъ съ ужасомъ убѣдиться въ томъ, что онъ лишь всѣми силами содѣйствовалъ ея окончательной гибели.

Крупная и мелкая буржуазія до такой степени была преисполнена слѣпого страха передъ соціализмомъ, что во всякомъ самостоятельномъ движеніи народа усматривала опасность для общества и государства. Реакціонеры, аристократы, попы и политическіе интриганы въ родѣ Тьера пользовались каждымъ представлявшимся случаемъ, чтобы вселить еще большій страхъ трусамъ и толкнуть ихъ на самые нелѣпые шаги. Свобода печати очень скоро отошла въ царство тѣней, и отъ февральскихъ завоеваній ровно ничего не осталось. Буржуазныя „партіи порядка" плясали подъ дудку скрывавшихся за кулисами реакціонеровъ, а эти послѣдніе уже готовились захватить въ свои руки бразды правленія, но тутъ явился, задрапировавшись въ плащъ наполеоновской легенды, „племянникъ своего дядюшки" и вырвалъ у нихъ изъ рукъ добычу, которую они готовы уже были проглотить **).

Вліяніе іюньской битвы распространилось далеко за французскія границы. Страшный взрывъ классовой борьбы наполнилъ ужасомъ буржуазію всѣхъ странъ. Можно было встрѣтить не мало людей, еще недавно рѣшительно исповѣдывавшихъ соціалистическую теорію и теперь перебѣгавшихъ въ лагерь реакціонеровъ. Соціализмъ сразу превратился для филистеровъ въ какое-то таинственное, чреватое горемъ и несчастіемъ, чудовище; всюду, гдѣ раздавалось соціалистическое слово, филистеры ждали заговора и начинали трепетать за свою собственность. Соціальная реакція достигла послѣ іюньской битвы своего апогея: правительства и „партія порядка" соединились вмѣстѣ, чтобы подавить всякія самостоятельныя движенія среди рабочихъ и удалить изъ большихъ городовъ скопившіяся тамъ массы рабочаго народа. Это имъ въ значительной мѣрѣ удалось по той причинѣ, что рабочіе были недостаточно организованы и, за рѣдкими исключеніями, не имѣли опытныхъ вождей; да и, кромѣ того, они по численности значительно уступали реакціонно настроеннымъ среднимъ классамъ. Съ подавленіемъ рабочихъ народныя движенія всюду утратили свою главную движущую силу, ибо одна радикальная буржуазія не могла замѣнить собою массы рабочихъ.

Оказавши столь неблагопріятное вліяніе на германское народное движеніе, исходъ іюньской битвы, съ другой стороны, ободрилъ реакціонные элементы. На мѣсто французской демократіи стала „благородная" военная власть съ ея реакціонными стремленіями, и у европейской реакціи точно камень съ плечъ свалился давившій ее кошмаръ демократической Франціи.

И вотъ тогда изъ всѣхъ щелей стали выползать запрятавшіяся туда домартовскія совы.

---

*) „Право на трудъ", изобрѣтенное мелкобуржуазнымъ „соціализмомъ", особенно оспаривалось Тьеромъ, какъ носящее коммунистическій характеръ.

**) См. объ этой фазѣ развитія Франціи извѣстную работу Карла Маркса: „18 Брюмера Луи Бонапарта".

Смуты въ Австріи.

Послѣ шумныхъ движеній въ маѣ, броженіе въ Вѣнѣ нѣсколько улеглось; демократія растрачивала свои силы въ безцѣльныхъ демонстраціяхъ по второстепеннымъ поводамъ. Въ упоеніи достигнутой свободой печати забыты были всѣ болѣе высокія и общія цѣли; печать ограничивалась невиннымъ удовольствіемъ—дать почувствовать приверженцамъ низвергнутой системы, что теперь выдвинулись на арену новыя силы. Послѣ того, какъ 26 іюня назначены были выборы въ австрійскій рейхстагъ, который имѣлъ собраться 22 іюля, вѣнская демократія сочла мартовскія завоеванія вполнѣ обезпеченными, и дѣло преобразованія столь запутанныхъ австрійскихъ отношеній предоставила этому парламенту. Реакціонные элементы извлекли изъ бездѣятельности демократіи максимумъ выгодъ и сумѣли использовать ее такимъ образомъ, что власть перешла въ ихъ руки.

Послѣ вѣнскаго возстанія отъ 26 мая, во время котораго министерство Пиллерсдорфа такъ быстро пошло на уступки*), заволновались чехи въ Прагѣ, и губернаторъ Богеміи, графъ Тунъ, заявилъ 29 мая, что, въ виду происходящихъ событій, сношенія съ вѣнскимъ министерствомъ прерваны. Составлено было богемское временное правительство, въ которое вошли Палацкій, Боррошъ, Браунеръ, Ригеръ, Штробахъ и графъ Ностицъ, подъ покровительствомъ которыхъ въ Богеміи пышно расцвѣлъ панславизмъ. Временное правительство, конечно, не могло устранить господствовавшаго среди населенія Богеміи внутренняго хаоса, и національный споръ разразился со всей силой, такъ какъ богемскіе нѣмцы ждали лучшаго будущаго только отъ велико-германской конституціи, межъ тѣмъ какъ чехи всѣми силами своими противились ей. Чешскій національный фанатизмъ ярче всего проявился въ извѣстномъ стихотвореніи „Schuselka nam pise“ **), игравшемъ въ то время роль чешскаго національнаго гимна.

---

*) Многіе увѣряютъ, что возстаніе 26 мая было провоцировано правительствомъ для того, чтобы привязать чеховъ къ дому Габсбурговъ. Мы не вѣримъ, чтобы Пиллерсдорфъ могъ вести столь тонкую игру.

**) Стихотвореніе это называется собственно: „Пѣснь Шусельки къ нѣмецкому парламенту“. Вотъ его начало: „Шуселька пишетъ намъ о священной германской имперіи; онъ призываетъ насъ на помощь нѣмцамъ, у которыхъ страшно растроились желудки. Но у насъ нѣтъ ничего общаго съ союзомъ нѣмецкихъ Михелей! Пусть сами они расхлебываютъ ту кашу, которую они сами же заварили!“

Замѣчательно, что австрійскія власти въ Прагѣ не приняли никакихъ мѣръ противъ временнаго правительства и совершенно спокойно отнеслись также къ общему конгрессу славянъ, собравшемуся въ Прагѣ 21 іюня. На конгрессъ явилось около 300 славянскихъ депутатовъ, въ числѣ которыхъ были поляки, сербы, словаки, черногорцы и русскіе. Казалось, опять возродилось средневѣковое славянство съ его пестрыми цвѣтами и причудливыми нарядами. Тутъ можно было видѣть всевозможные блестящіе костюмы: красные шаровары и фіолетовыя или бѣлыя мантіи; особенно выдавались чешскія дамы въ костюмахъ амазонокъ; въ своихъ короткихъ, бѣлыхъ платьяхъ, съ пистолетами за красно-бѣло-синимъ поясомъ, онѣ напоминали о сказочныхъ временахъ войнъ амазонокъ и королевы Любуши. Чешская буржуазія и чешская аристократія соперничали наперебой въ національномъ фанатизмѣ.

На конгрессѣ предсѣдательствовалъ извѣстный панславистъ Палацкій. Въ числѣ членовъ конгресса находились между прочимъ полякъ Либельтъ, освобожденный 18 марта изъ одиночнаго заключенія въ Берлинѣ, и россіянинъ Бакунинъ, высланный въ 1847 году изъ Парижа за его намѣреніе осуществить союзъ между польской и русской демократіей *).

Изъ хаотическихъ дебатовъ конгресса, напоминавшаго, благодаря различію діалектовъ, вавилонское столпотвореніе, выяснилось только одно, а именно—что всѣ его члены сходятся въ мечтахъ объ единомъ великомъ славянскомъ государствѣ и въ общей ненависти къ Германіи. На конгрессѣ было не мало болтовни, а мистическая форма рѣчей Бакунина, разумѣется, не особенно способствовала проясненію положенія вещей. Была принята резолюція противъ мадьяръ; поляки сначала было воспротивились ей, но потомъ они были увлечены Либельтомъ, который, очевидно, не совсѣмъ понималъ, ради чего мартовскіе борцы дали ему свободу.

Конгрессъ выпустилъ манифестъ, возвѣстившій равноправіе всѣхъ національностей, чѣмъ, однако, ничего не было сказано новаго. На этомъ зрѣлищѣ, доставившее столько бѣшеной радости русскимъ дипломатамъ кнута, пожалуй, и кончилось бы **). Но революціонный духъ времени и здѣсь сказался. Пылкая жизнедѣятельная молодежь изъ числа крупной и мелкой буржуазіи Праги, главнымъ образомъ—студенчество, страшно негодовало на нѣмецкихъ филистеровъ, организованныхъ въ Прагѣ въ союзъ для защиты „закона и порядка“. У чеховъ на ряду съ національнымъ фанатизмомъ было много демократическаго радикализма, а князь Виндишгрецъ, командовавшій въ Прагѣ австрійскими войсками, былъ какъ бы рожденъ для того, чтобы возможно больше раздражать этотъ пылкій народъ. Виндишгрецъ считался типичнѣйшимъ представителемъ юнкерства стараго закала; ему приписывали изреченіе: „человѣкъ начинается только съ барона“. Говорятъ, онъ также какъ-то выразился, что дѣти бюргеровъ и рабочихъ не рождены, а „выкинуты“! Возможно, что кое-что тутъ

---

*) Бакунинъ пользовался тогда среди европейской демократіи высокимъ уваженіемъ. Окружавшій его ореолъ таинственности часто доводилъ это уваженіе до степени какого-то преклоненія.

**) Вѣдь кто-то изъ чешскихъ вождей такъ прямо и сказалъ: „Въ тысячу разъ лучше русскій кнутъ, чѣмъ нѣмецкая свобода!“

преувеличено, какъ это часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, но несомнѣнно то, что онъ во всемъ дѣйствовалъ и поступалъ, какъ чистокровный аристократъ. Будучи славяниномъ, онъ противъ своихъ соотечественниковъ дѣйствовалъ не такъ вызывающе, какъ впослѣдствіи въ Вѣнѣ противъ участниковъ нѣмецкаго движенія; но какъ бы тамъ ни было онъ вѣрно служилъ черно-желтой политикѣ вѣнской и иннсбрукской камарильи. Хотѣли ли вожди чешской демократіи посредствомъ пражскаго возстанія разрушить планы чешской аристократіи, или чехи вообще хотѣли дать исходъ накопившемуся революціонному чувству, какъ бы тамъ ни было—возстаніе вспыхнуло.

Населеніе было вооружено, такъ какъ власти уже раньше роздали нѣсколько тысячъ ружей, и вотъ утромъ 12 іюня, во второй день праздника Троицы, къ статуѣ св. Венцеля, покровителя чеховъ, стала стекаться толпа, состоявшая изъ буржуазіи, студентовъ и рабочихъ; послѣднихъ, кромѣ оружія, вооружили также фанатизмомъ, ибо они въ данномъ случаѣ боролись не за свои классовые интересы, а за національно-славянское дѣло. По своей неопытности, они потащились въ хвостѣ буржуазіи. Нынѣ сознательныхъ чешскихъ рабочихъ очень мало трогаетъ пресловутый національный споръ. Была отслужена чешская обѣдня. Черно-желтый юнкеръ Виндишгрецъ изображался въ рѣчахъ представителемъ „нѣмецкой политики"; въ заключеніе устроена была мирная демонстрація передъ дворцомъ князя. Въ знакъ того, что демонстрація носитъ совершенно мирный характеръ, демонстранты взяли съ собой женщинъ и дѣтей. При этомъ толпа распѣвала враждебную нѣмцамъ пѣснь Шусельки. За день до этого народная депутація обратилась къ князю за 2000 ружей, 12 орудіями и 80.000 патроновъ для національной гвардіи, но получила рѣшительный отказъ. Демонстрація имѣла цѣлью подкрѣпить это требованіе оружія. Передъ дворцомъ князя были размѣщены войска, и дѣло дошло до столкновенія. Какая изъ сторонъ подала поводъ къ столкновенію—объ этомъ существуютъ различныя мнѣнія. Да и спорить объ этомъ—совершенно безполезно: при обоюдномъ возбужденіи столкновеніе становилось безусловно неизбѣжнымъ. Своими безсмысленными „мѣрами", которыя войска поспѣшили пустить въ ходъ на всѣхъ улицахъ, они привели населеніе въ ярость. Передъ дворцомъ раздались выстрѣлы, и толпа съ воплями о мести бросилась въ прилегающія улицы. Съ молніеносной быстротой выросло невообразимое количество баррикадъ, которыя отрѣзали узкія улицы стараго города. Борьба скоро возгорѣлась со всей страстностью и жестокостью, и на баррикадахъ появились чешскія женщины и дѣвушки въ короткихъ платьяхъ амазонокъ: онѣ сражались съ беззавѣтной храбростью. Жившіе въ Прагѣ нѣмцы не приняли участія въ сраженіи. При атакѣ баррикадъ войска, несмотря на то, что Виндишгрецъ пустилъ въ ходъ всѣ свои силы, потерпѣли сильныя потери. Изъ оконъ и съ крышъ домовъ въ солдатъ летѣли увѣсистые камни: ихъ обливали кипяткомъ и т. д. Княгиня Виндишгрецъ *), выглянувшая изъ окошка, была убита; сынъ Виндишгреца былъ раненъ.

---

*) Она была дочерью княгини Паулины фонъ-Шварценбергъ, которая тоже окончила весьма трагически, сгорѣвши въ 1810 году на одномъ большомъ придворномъ балу въ Парижѣ.

Успѣхи войскъ были весьма невелики, и скоро начались переговоры о перемиріи; однако, переговоры эти ни къ чему не привели, и уличная битва возгорѣлась съ новой яростью, при чемъ она сопровождалась ужасными сценами. Когда Виндишгрецъ убѣдился, что онъ не въ силахъ справиться со все усиливавшимся возстаніемъ, онъ отступилъ со своими войсками за городъ и сталъ бомбардировать Прагу съ окрестныхъ укрѣпленій и возвышенностей. Сопротивленіе сконцентрировалось въ рабочихъ кварталахъ, главнымъ образомъ въ Подскалѣ. Когда оказалось, что надежды инсургентовъ на помощь со стороны чешскаго ландштурма были напрасны, баррикадные бойцы вынуждены были признать свое дѣло погибшимъ. Баррикады были покинуты, войска вступили въ Прагу, и городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи. Изъ числа вождей возстанія арестованы были лишь немногіе. Виндишгрецъ, несмотря на все его крайнее раздраженіе, обошелся съ умиренными инсургентами съ поразительной кротостью. Послѣ того какъ наиболѣе пылкіе элементы чеховъ были укрощены въ уличной борьбѣ, чешская аристократія очень быстро завязала дружескія сношенія съ вѣнской камарильей, и глава панславистовъ, Палацкій, движимый ненавистью къ Германіи, пустился въ интриги, сослужившія только службу реакціи.

Домъ Габсбурговъ бросился въ объятія чеховъ, чтобы съ ихъ помощью скрутить нѣмецкій и мадьярскій элементы; знаменитый національный споръ и расовая ненависть были такъ сильны, что тѣ самые люди, которые съ величайшимъ негодованіемъ выступали противъ Виндишгреца, нерѣдко впослѣдствіи принимали участіе въ великой реакціонной кампаніи. Въ лицѣ Виндишгреца они боролись лишь съ мнимымъ защитникомъ нѣмецкаго дѣла.

Перемѣна политическаго курса вѣнско-иннсбрукскаго двора скоро обнаружилась съ полной очевидностью. Король Фердинандъ возвѣстилъ, что онъ самъ откроетъ рейхстагъ. Но уже во время пражскаго возстанія онъ заявилъ, что самому ему физическое недомоганіе не позволяетъ этого и что онъ вмѣсто себя пошлетъ эрцгерцога Іоганна.

Но заговоръ двора со славянскими элементами для подавленія мадьяръ и нѣмцевъ въ то время пока еще не обнаружился явно. Только наиболѣе дальновидные умы опасались втайнѣ заложенныхъ минъ, но и они не имѣли представленія о размѣрахъ реакціонныхъ плановъ. Въ Австрійской имперіи славяне жили не только въ Богеміи, но также по Дравѣ и Дунаю, и всѣ они были единодушны въ своей ненависти къ мадьярамъ и нѣмецкой демократіи. Камарилья сумѣла очень ловко использовать благопріятныя ей обстоятельства и плела тончайшую сѣть интригъ.

Съ провозглашеніемъ принципа національной самостоятельности пришли въ движеніе также южные славяне, кроаты, родственные имъ сербскіе и др. элементы. Всѣ они старались разорвать связь съ мадьярами. Своими грандіозными размѣрами южно-славянское движеніе въ значительной степени обязано было надменности венгровъ, которые безъ дальнихъ словъ отвергали всѣ требованія южныхъ славянъ. Мадьяры въ ту пору подвержены были той фантазіи, будто именно они призваны подчинить себѣ другія національности и стать господствующимъ элементомъ всей Австрійской монархіи. Несмотря на всѣ свои политическіе таланты, Кошутъ тоже былъ сторонникомъ этой

утопіи, толкнувшей венгровъ на путь узкой, своекорыстной политики и приведшей ихъ къ пораженію вмѣстѣ съ нѣмцами; только тѣсный союзъ нѣмцевъ и мадьяръ могъ бы составить достаточный противовѣсъ славянскому натиску. Кошутъ и его мадьяры питали то убѣжденіе, что монархія разлагается и что только Венгрія еще достаточно прочна и сильна, чтобы стать центромъ государственнаго преобразованія. Но такъ какъ южные славяне, конечно, возстали противъ этого воззрѣнія,— распри между мадьярами и кроатами скоро разгорѣлись въ яркое пламя. Пока камарилья въ Инсбрукѣ была еще неувѣрена въ успѣхѣ своего дѣла, поддерживались надежды венгерцевъ. 10 іюня заставили въ Инсбрукѣ короля Фердинанда подписать манифестъ, въ которомъ было сказано, что южнымъ славянамъ нечего опасаться угнетенія мадьяръ. Въ то же самое время объявленъ смѣщеннымъ кроатскій банъ, баронъ Іосифъ Елачичъ, и призванъ къ отвѣту по поводу его отношеній съ венграми. Онъ явился въ Инсбрукъ въ роли обвиняемаго, а уѣхалъ оттуда союзникомъ двора. Относительно этого переворота носились темные слухи, но пока, кромѣ самихъ заговорщиковъ, никто не зналъ ничего опредѣленнаго.

Этотъ Елачичъ самъ по себѣ не былъ способенъ играть выдающуюся роль ни въ качествѣ вождя, ни въ качествѣ государственнаго мужа *). Но въ великой смутѣ расовой борьбы между нѣмцами, славянами и мадьярами онъ пріобрѣлъ значеніе въ качествѣ орудія камарильи въ Инсбрукѣ. Расовый вопросъ является выдающимся моментомъ въ этой великой борьбѣ. Австрійское возстаніе кончилось неудачей благодаря какъ національной враждѣ, такъ и классовымъ противорѣчіямъ.

Комитетъ вѣнской демократіи не былъ способенъ защищать твердою рукою свое дѣло среди смутъ имперіи. 8 іюля онъ принялъ рѣшеніе удалить изъ кабинета министровъ „носителей старой системы", а также поручить Доблгофу сорганизовать новое министерство. У комитета самого не хватило иниціативы самому назначить новое популярное министерство. Замѣститель императора, эрцгорцогъ Іоганнъ, былъ достаточно хитеръ и политично уступилъ наивнымъ демократамъ въ ихъ требованіи образовать новое министерство Доблгофа, министерство, которое, конечно, было настолько реакціонно, насколько это было необходимо для придворной камарильи. Удаленіе Пиллерсдорфа было для камарильи еще болѣе желательно, чѣмъ для демократовъ, такъ какъ Пиллерсдорфъ, какъ „нѣмецкій" мартовскій министръ, казался Бомбеллесу и его товарищамъ не вполнѣ пригоднымъ для новой славянской политики. Новое министерство состояло изъ аристократовъ и двусмысленныхъ „либеральныхъ" политиковъ. Министръ-президентъ, баронъ фонъ-Вессенбергъ, занимавшій одновременно и постъ министра иностранныхъ дѣлъ, военный министръ графъ Латуръ и министръ внутреннихъ дѣлъ Доблгофъ были вполнѣ опредѣленными реакціонерами, хотя Вессенбергъ и былъ въ то же время противникомъ Меттерниха; министръ торговли Горнбостль и бывшій журналистъ, а теперь министръ труда Шварцеръ были очень неопре-

*) Образованіе его было не особенно высоко, а его военныя операціи такъ же неудачны, какъ и его стихи.

дѣленныя явленія съ весьма слабою „либеральною“ окраскою, къ нимъ всѣмъ присоединялся еще министръ юстиціи Бахъ, котораго глупцы считали тайнымъ приверженцемъ демократовъ, и который при обсужденіи конституціи прекрасно защищалъ интересы аристократовъ и впослѣдствіи развился въ абсолютиста самой чистой воды. Демократія очень много проиграла отъ перемѣны министерства, но убѣдилась она въ этомъ уже слишкомъ поздно.

22 іюля собрался рейхстагъ, который былъ открытъ эрцгерцогомъ Іоганномъ. Послѣдній произнесъ при этомъ не мало красивыхъ словъ. Онъ говорилъ о необходимости открыто и независимо трудиться всѣмъ вмѣстѣ, чтобы утвердить вновь завоеванную свободу въ конституціи, которую намъ предстоитъ выработать. Всѣ національности одинаково дороги сердцу императора; что же касается спеціально Венгріи, то, принимая во вниманіе благородство характера мадьярской національности, можно надѣяться на благопріятный исходъ разногласій. Война въ Италіи ведется не противъ сторонниковъ освободительнаго движенія; война эта хочетъ добиться только почетнаго мира для Австріи.

Іоганнъ прекрасно понималъ свое дѣло, а въ рейхстагѣ не было недостатка въ довѣрчивыхъ простакахъ, которые послѣ подобныхъ словъ смотрѣли на все черезъ розовые очки и которыхъ не отрезвляло даже объявленіе о необходимости „чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣропріятій“.

Самъ рейхстагъ, существованіе котораго было для конституціи еще болѣе вредно, чѣмъ соглашательское собраніе въ Берлинѣ, былъ пестрою смѣсью представителей всѣхъ возможныхъ національностей; преобладающимъ являлся славянскій элементъ. Хотя предсѣдателемъ и былъ избранъ вѣнскій адвокатъ, по имени Шмидтъ, но вице-президенты, чехъ Штробахъ и полякъ Смолка совершенно оттѣснили на задній планъ этого ничтожнаго человѣка. Изъ аристократіи въ этомъ парламентѣ участвовало очень мало, такъ какъ австрійскіе, галиційскіе и польскіе крестьяне поняли, что настала пора сбросить съ себя феодальный гнетъ. Въ австрійскій рейхстагъ явилось 94 крестьянина, среди нихъ 36 только изъ Галиціи. Изъ Тироля явилось духовенство съ его сторонниками; они заключили союзъ съ черно-желтыми и начали снова дѣйствовать заодно съ чехами, какъ только габсбургская политика рѣшила дѣйствовать, опираясь на славянъ. Ригеръ и Палацкій были вождями чеховъ въ рейхстагѣ, а всѣ эти реакціонеры вмѣстѣ составляли крѣпость для нѣмцевъ и демократической лѣвой. На лѣвой, гдѣ засѣдали Шуселька, Фишгофъ, Гольдмаркъ и Леперъ, было много благихъ пожеланій, но мало политическихъ талантовъ и энергіи.

Обсужденія сильно страдали отъ смѣшенія языковъ, такъ какъ представители различныхъ національностей часто не понимали другъ друга. Но, несмотря на это, собраніе вначалѣ казалось очень единодушнымъ въ своихъ стремленіяхъ, такъ какъ оно приняло за основу программу министра Вессенберга, которая провозглашала принципъ равенства всѣхъ національностей. Народные представители пока и не подумали о томъ, что къ этой программѣ нельзя относиться серьезно; они наоборотъ рѣшили пригласить императора Фердинанда вернуться

въ Вѣну. Послѣ очень скучной и мелочной болтовни по поводу необходимости формальностей, приглашеніе было приведено въ исполненіе, и Фердинандъ послѣдовалъ ему. Очень сомнительно, конечно, вернулся ли бы онъ и тогда, если бы положеніе дѣлъ въ Италіи не приняло такого благопріятнаго оборота для Австріи. Онъ поселился въ Шенбрунскомъ дворцѣ и оттуда слѣдилъ за дальнѣйшимъ ходомъ событій; камарилья же въ это время плела свои сѣти. Должно отмѣтить, что самымъ вліятельнымъ членомъ камарильи являлась одна придворная дама императрицы.

Въ рейхстагѣ смотрѣли на этотъ переворотъ, какъ на актъ первостепенной важности, а на самомъ дѣлѣ пріѣздомъ короля только облегчили работу камарильи. Если и этотъ парламентъ былъ подобно парламентамъ франкфуртскимъ и берлинскимъ не особенно свободенъ отъ ошибокъ парламентаризма, то онъ въ эти дни все-таки осуществилъ нѣчто значительное тѣмъ, что освободилъ крестьянъ отъ оковъ средневѣкового феодализма. Гансъ Кудлихъ, молодой депутатъ изъ Австрійской Силезіи, только что окончившій университетъ, предложилъ собранію объявить, что „отнынѣ отмѣняются крѣпостныя отношенія со всѣми вытекающими изъ нихъ правами и обязанностями, при чемъ на обязанности собранія лежитъ опредѣленіе, въ какихъ случаяхъ долженъ быть уплоченъ выкупъ и какой именно“. Крестьяне, обремененные оброкомъ, конной и пѣшей барщиной, восторженно встрѣтили это предложеніе, и казалось, что остатки феодализма въ Австріи должны подвергнуться той же участи, какъ и во Франціи въ знаменитую ночь 4 августа 1879 года. Дѣло, однако, произошло совершенно иначе, такъ какъ большинство рейхстага не согласилось съ предложеніемъ въ начальной его формѣ, и противники этого предложенія завели длинные и утомительные дебаты. Крестьяне, бывшіе на собраніи, энергично протестовали противъ всякаго выкупа повинностей, котораго здоровый человѣческій разумъ, какъ выразился одинъ изъ нихъ, допустить не можетъ. Самъ Кудлихъ въ теченіе дебатовъ пришелъ къ вполнѣ правильной догадкѣ, что крестьяне присоединятся къ консерваторамъ, какъ только съ ихъ шеи снято будетъ тяжелое ярмо повинностей. Онъ постарался поэтому не принимать окончательнаго рѣшенія о выкупѣ и оттянуть разрѣшеніе этого вопроса. Но реакціонеры торопили поскорѣе покончить съ этимъ вопросомъ, чтобы склонить крестьянъ на свою сторону.

Большинство рейхстага дало себя увлечь и рѣшило уничтожить феодальныя повинности, но съ выкупомъ въ пользу помѣщиковъ. Послѣднему рѣшенію способствовалъ особенно черно-желтый господинъ Гельфертъ, который дезертировалъ отъ либераловъ еще болѣе вправо. Министръ Бахъ заявилъ, что въ зависимости отъ положительнаго или отрицательнаго рѣшенія, принятаго относительно выкупа, министерство остается у власти или выходитъ въ отставку. Кудлихъ и его сторонники, убѣдившись, что выкупъ неизбѣженъ, хотѣли, по крайней мѣрѣ, возложить его на государство; но и это не прошло, и въ концѣ концовъ было рѣшено, что новые землевладѣльцы должны заплатить „небольшое вознагражденіе“ своимъ прежнимъ господамъ, владѣльцамъ земли, десятинъ и представителямъ сельской полицейской власти. Если бы славянскіе крестьяне больше понимали въ томъ, что говорилось кру-

гомъ, врядъ ли были бы приняты подобнаго рода рѣшенія; такимъ образомъ, смѣшеніе языковъ оказало феодаламъ несомнѣнную услугу.

Постановленіе рейхстага было правительствомъ признано и вступило въ законную силу. Оно на это имѣло вѣское основаніе. Бурное поведеніе крестьянъ въ рейхстагѣ, ихъ нападки на жестокость господъ, ихъ угрозы прибѣгнуть къ революціи напугали дворъ и правительство. Необходимо было во что бы то ни стало успокоить этотъ элементъ. И крестьяне удовлетворились, какъ только имъ объявили свободу отъ крѣпостной зависимости. Они, правда, и устроили молодому Гансу Кудлиху факельное шествіе, въ которомъ участвовало до 10.000 человѣкъ, но дальнѣйшій ходъ движенія ихъ болѣе не интересовалъ. Такимъ образомъ, успѣхъ демократіи былъ использованъ реакціей и превратился въ успѣхъ черныхъ тирольцевъ, славянъ и черно-желтыхъ изъ всѣхъ національностей.

Вѣнская демократія, которая была столь благодушно настроена, что предложила Вессенбергъ—Доблгофу дѣла правленія, а рейхстагу съ его славянскимъ большинствомъ—реорганизацію Австріи, сама занялась разрѣшеніемъ рабочаго вопроса, которое вслѣдствіе его трудности охотно было предоставлено демократамъ и рейхстагомъ и правительствомъ. Но вѣнская демократія даже и на этомъ поприщѣ показала свою полнѣйшую неспособность.

У рабочихъ еще не пробудилось ихъ классовое сознаніе, которое является характернымъ признакомъ соціальнаго движенія нашего времени. Подмастерья, фабричные рабочіе и землекопы держались отдѣльно другъ отъ друга. Подмастерья организовались въ „рабочій союзъ“, гдѣ они упражнялись въ искусствѣ владѣть оружіемъ; но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ „союзъ“ былъ очень похожъ на современные кружки самообразованія и носилъ даже нѣсколько филистерскую окраску. Соціальный вопросъ хотѣли въ этомъ „союзѣ“ разрѣшить при помощи „кассъ взаимопомощи“.

Фабричные рабочіе, которые также сторонились землекоповъ, какъ подмастерья отъ нихъ, были сорганизованы въ союзъ полякомъ Хассе или Хайзесомъ, котораго называли „докторъ Хассе“. Вслѣдствіе происшедшаго раскола, Хассе образовалъ „радикальный“ или „либеральный“ клубъ, выставлявшій своею основною цѣлью демократическую монархію. Хассе былъ самымъ неутомимымъ ораторомъ этого клуба; но соціально-экономическая мудрость, которую онъ проповѣдывалъ, была не особенно высокаго полета. Если бы у демократическихъ вождей была опредѣленная цѣль, они, конечно, прежде всего постарались бы объединить между собою всѣ категоріи рабочихъ. Но такъ какъ демократы и сами не знали, чего они хотятъ, то они и оставили рабочее дѣло такъ, какъ оно было до сихъ поръ.

Землекопы были самымъ революціоннымъ элементомъ вѣнскаго движенія. Скоро число ихъ сильно возросло, такъ какъ народныя волненія вызвали сильный хозяйственный кризисъ. Многія фирмы обанкротились, и масса фабрикъ должна была прекратить свою работу. Само собою понятно, что безработные рабочіе устремились въ ряды землекоповъ. Министръ финансовъ оказался вскорѣ въ сильномъ затрудненіи, государственная касса была пуста, такъ какъ потребова-

лись большія средства для снаряженія арміи, посланной въ Италію усмирить движеніе за независимость. Министерство прямо заявило, что оно не можетъ дать занятія всѣмъ прибывающимъ рабочимъ, и массы, оставшіяся безъ средствъ къ существованію, обратились за помощью къ демократическому комитету.

Комитетъ понималъ, что онъ своимъ существованіемъ и силой обязанъ рабочей арміи, 15 и 26 мая поддержавшей студентовъ. Онъ не могъ отказать въ поддержкѣ безработнымъ. Взявъ на себя ихъ дѣло, онъ усилилъ бы свое могущество. Если бы былъ хоть одинъ ловкій и искусный политическій дѣятель среди демократовъ, комитету навѣрное удалось бы захватить въ свои руки власть и низвергнувъ министерство, обнаружившее полную неспособность, уладить рабочій вопросъ. Демократы въ этотъ моментъ не встрѣтили бы сопротивленія. Только незрѣлость и неспособность вѣнскихъ демократовъ позволяли министерству, и вмѣстѣ съ нимъ и придворной камарильѣ, удержать власть.

Центральный комитетъ выдѣлилъ изъ своей среды особый рабочій комитетъ, который долженъ былъ заняться „организаціей труда“. Такъ какъ министерство отказало выдавать денежныя средства для того, чтобы доставить занятія голодающимъ рабочимъ, то рабочій комитетъ былъ настолько благодушенъ, что обратился къ вѣнской общинѣ за нужными для новаго предпріятія средствами.

Въ рабочемъ комитетѣ наибольшимъ вліяніемъ пользовался молодой студентъ-юристъ по имени Виллънеръ. Среди рабочихъ, предъ которыми онъ часто произносилъ большія рѣчи, онъ былъ настолько популяренъ, что его иначе и не называли, какъ „королемъ рабочихъ“. Этотъ молодой человѣкъ, объявлявшій себя защитникомъ рабочихъ, позволялъ себѣ также очень часто обращаться къ массѣ съ громовыми проповѣдями порицанія. Въ общемъ, это являлось мало утѣшительнымъ, а порой и вызывающимъ отвращеніе, зрѣлищемъ, что наиболѣе важныя задачи всего движенія были отданы въ руки совершенно неопытнаго юноши, умѣвшаго произносить, правда, нѣсколько соціалистическихъ репликъ на злобу дня, но не обладавшаго никакими знаніями. „Король рабочихъ“ могъ только доказать міру, насколько несостоятельно было то, что въ то время называлось „организаціей труда“.

Комитетъ принялъ рѣшеніе, что голодающіе рабочіе имѣютъ право требовать отъ государства работы. Государство должно доставить имъ работу и выплачивать обычную поденную плату. Взрослый рабочій получалъ тогда 25 крейцеровъ, подростокъ старше 12 лѣтъ и работница—18 крейцеровъ ежедневно. Рабочіе были раздѣлены на компаніи; каждая подъ предводительствомъ студента-техника. Компаніи были разбиты на роты, а предводителями послѣднихъ были рабочіе. Чтобы доставить рабочимъ работу городъ Вѣна предпринялъ земляныя работы по линіямъ Мацлейнсдорфъ и Берингъ и на Пратерѣ по Дунаю.

Сначала эта „организація труда“ казалась сносной, а рабочіе, обрадовавшись хоть какому-нибудь занятію, казались совершенно довольными въ баракахъ, возведенныхъ у мѣста работъ.

Но промышленный кризисъ и связанная съ этимъ безработица охватила также и провинцію. Когда безработные въ провинціи услы-

хали, что вѣнскимъ рабочимъ доставлены работы на общественный счетъ, они массами начали стекаться туда. Среди этихъ массъ находились элементы, внушавшіе нѣкоторый ужасъ не только „добрымъ гражданамъ“ и демократамъ, но и самимъ рабочимъ; являлось только вполнѣ естественнымъ, что въ такомъ государствѣ, какъ Австрія, гдѣ господствовали неслыханныя отношенія въ промышленной жизни, нищета и преступленія проявлялись въ самыхъ ужасныхъ формахъ. Эти явленія способствовали тому, чтобы усилить и безъ того дурное настроеніе обывателей, которымъ давно уже казались слишкомъ высокими расходы на доставленіе занятія безработнымъ. Замѣчательно то, что благомыслящіе обыватели начинаютъ больше всего волноваться именно тогда, когда общественныя средства тратятся на рабочихъ; въ другихъ случаяхъ, которые въ гораздо меньшей степени имѣютъ отношеніе къ общимъ интересамъ имъ не кажутся слишкомъ высокими расходы въ сто и въ тысячу разъ большіе.

Комитетъ и могъ бы, быть можетъ, улучшить положеніе вещей, если бы онъ предпринялъ такія работы, которыя дѣйствительно могли быть полезны государству или общинѣ; но объ этомъ и не подумали вовсе. Забота о прегражденіи наплыва провинціальныхъ рабочихъ, натолкнула комитетъ на обычныя мѣропріятія, указывавшія только на его замѣшательство; онъ заявилъ, напримѣръ, что вѣнская коммуна обязана поддерживать только своихъ рабочихъ; провинціальныя коммуны обязаны то же дѣлать по отношенію къ своимъ рабочимъ, и поэтому иногородніе рабочіе должны стараться получить работу у себя на родинѣ. Но однимъ этимъ еще не устранена была бѣда. Ибо многіе изъ иногороднихъ рабочихъ потратили свои послѣднія деньги на то, чтобы пріѣхать въ Вѣну и не имѣли возможности вернуться обратно. Черезъ полицію ничего нельзя было предпринять, такъ какъ вѣнцы въ то время еще не такъ хорошо относились къ ней, какъ берлинцы. Комитету поэтому пришлось выдавать каждому отъѣзжающему иногороднему рабочему по 10 гульденовъ.

Если и добились, наконецъ, устраненія избытка рабочихъ рукъ, то все же скоро распалась созданная комитетомъ „организація труда“. Рабочіе, напримѣръ, скоро убѣдились, что организованныя работы безполезны и многіе перестали работать. Первоначально превосходно поставленная дисциплина совершенно пропала. Къ этому присоединился еще новый притокъ желающихъ стать на работу. Фабричные рабочіе, не поладившіе съ хозяевами, прислуга, разссорившаяся съ господами—словомъ, всѣ тѣ, которымъ хотѣлось перемѣнить мѣсто, стекались къ общественнымъ работамъ. Могло случиться такимъ образомъ, что въ необходимыхъ отрасляхъ производства господствовалъ недостатокъ рабочихъ силъ въ то время, какъ на земляныхъ работахъ ощущался такой избытокъ людей.

Комитетъ, осажденный въ громадномъ количествѣ жалобами со стороны гражданъ, работодателей и рабочихъ, постановилъ, чтобы никто изъ тѣхъ, кто безъ уважительной причины оставляетъ своего работодателя, не былъ принятъ на земляныя работы; каждый, занятый на земляныхъ работахъ, обязанъ также принимать работу, предлагаемую ему какимъ-либо вѣнскимъ гражданиномъ. Въ противномъ

случаѣ онъ вычеркивается изъ списка занятыхъ на земляныхъ работахъ.

Легко понять, что это постановленіе имѣло очень мало значенія. На земляныхъ работахъ возбужденіе разросталось все сильнѣе; между рабочими начали свои происки комитетскіе и реакціонные агенты. Комитетскихъ эмиссаровъ, правда, отстранили, но положеніе дѣлъ ничуть не измѣнилось. Каждый разладъ между рабочими и комитетомъ давалъ реакціонерамъ новыя надежды, а въ такихъ разладахъ недостатка не было.

Мало-по-малу къ землянымъ работамъ стеклось около 50.000 человѣкъ. Они все еще составляли главную опору демократіи, и въ нихъ видѣли постоянную, готовую къ бою революціонную армію. Трусливые люди не могли спокойно спать, пока они видѣли эту сплоченную, могучую, но мало сознающую свою силу массу. Скоро найдено было средство разъединить ее. Правительству нужны были рекруты для арміи Радецкаго въ Италіи; оно предприняло наборъ среди землекоповъ и учредило для этого особыя бюро тутъ же на гласисѣ. Выплачивались крупные задатки, и то же самое правительство, которое не могло до сихъ поръ найти средствъ, чтобы доставить занятія безработнымъ, вдругъ получило богатыя средства для набора.

Комитетъ обнаружилъ въ это время свою полнѣйшую незрѣлость и неспособность. Его испугало то, что правительство начало вербовать рабочихъ въ армію; онъ зналъ, что разстройство сплоченной рабочей массы повлечетъ за собой гибель демократіи. Поэтому между рабочими появились студенты и разъясняли имъ, что ихъ употребятъ на борьбу противъ итальянской независимости, если они согласятся идти въ армію. Рабочіе до того были возбуждены рѣчами студентовъ, что двинулись массами на гласисъ, разрушили тамъ бюро и прогнали расположившихся тамъ офицеровъ и солдатъ. Это для комитета было слишкомъ рѣшительнымъ шагомъ, и въ одной прокламаціи онъ порицалъ дѣйствія рабочихъ вызванныя агитаціей его же посланцевъ. Въ то время, какъ такое поведеніе должно было вызвать гнѣвъ рабочихъ, увеличились и столкновенія между рабочими и благонамѣренными гражданами, особенно потому, что дѣловые люди, которые обычнымъ образомъ заботясь о своей личной выгодѣ, отпускали рабочимъ скверную пищу. Реакціонеры дѣлали все, чтобы только углубить этотъ разладъ. Комитетъ пытался примирить ихъ, но колебался направо и налѣво, не будучи въ состояніи установить никакого порядка. Каждый чувствовалъ, что это положеніе вещей должно неминуемо привести къ катастрофѣ.

На Троицу 1848 г. борьба возгорѣлась яркимъ пламенемъ. Часть рабочихъ получила плату за праздничное время, другая же нѣтъ, и такъ какъ комитетъ, желая отстоять свой авторитетъ, не уступалъ на этотъ разъ и не соглашался выдать этой части денегъ за праздничные дни, то возникли безпорядки. Тутъ ужъ и буржуа изъ національной гвардіи считали моментъ подходящимъ, чтобы серьезно выступить противъ рабочихъ. Ихъ побуждали къ этому и крупные и мелкіе капиталисты, желавшіе покончить съ этими революціонными работами и тѣмъ самымъ вернуть себѣ невозмутимый покой. Къ комитету являлись депутаціи, требовавшія энергичнаго вмѣшательства. Комитетъ совершенно растерялся и не зналъ, что ему дѣлать. Проникнутый

мелкобуржуазными взглядами, онъ не рѣшался оттолкнуть фанатиковъ порядка; съ другой же стороны онъ понималъ, что это значитъ отрубить тотъ сукъ, на которомъ онъ самъ сидитъ, если оттолкнуть рабочихъ. Онъ старался поэтому смягчить положеніе, чтобы избѣгнуть борьбы.

Но вѣсти изъ Парижа, гдѣ только что возгорѣлась сильная борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ, возбудили броженіе въ Вѣнѣ. Вооруженные рабочіе значительными массами явились въ городѣ. Произошли столкновенія между рабочими и гражданскимъ ополченіемъ, послѣднее рѣшило показать рабочимъ всю свою силу. 24-го іюня все гражданское ополченіе—гражданское ополченіе предмѣстій также выступило въ защиту своихъ мелко-буржуазныхъ интересовъ противъ рабочихъ—явилось на гласисъ и выставило тамъ свои орудія. Рабочіе насколько только могли вооружились. Но между тѣмъ снова появились студенты и указывая на внушительную силу гражданскаго ополченія, своими увѣщаніями до того подѣйствовали на рабочихъ, что тѣ не только обѣщали впредь держаться спокойно, но даже выдали зачинщиковъ.

Этотъ тріумфъ благороднаго бюргерства надъ рабочими былъ въ высшей степени на руку реакціи, ибо комитетъ съ этого времени потерялъ всякое довѣріе въ глазахъ рабочихъ и конфликтъ между буржуазіей и пролетаріатомъ сталъ отнынѣ глубокимъ и непримиримымъ.

Теперь только реакція почувствовала себя настолько сильной, чтобы лишить комитета всякой власти. Такъ часто требовали учрежденія „министерства труда“ и вотъ назначили министра труда въ лицѣ господина Шварцера. Послѣдній, не встрѣтивъ, какъ и слѣдовало ожидать, никакого сопротивленія, лишилъ скоро комитетъ руководства общественными работами. Комитетъ такимъ образомъ покорно уступилъ свою власть, которой онъ не сумѣлъ пользоваться.

Шварцеръ былъ увѣренъ въ поддержкѣ бюргерства противъ рабочихъ. Скоро онъ и выступилъ противъ послѣднихъ. 22-го августа онъ издалъ распоряженіе, по которому дневной заработокъ землекоповъ былъ пониженъ на 5 крейцеровъ. Онъ, понятно, зналъ заранѣе, что это вызоветъ безпорядки. И рабочіе дѣйствительно заволновались; они стеклись на Пратеръ и тамъ подняли на висѣлицу соломенное чучело человѣка, съ всунутымъ въ ротъ бумажнымъ пяти-крейцеромъ. Чучело это, привезенное къ висѣлицѣ, на дѣлѣ должно было изображать министра труда. Вмѣшалась полиція, а ей на помощь пришло гражданское ополченіе. Началось настоящее сраженіе. Гражданское ополченіе открыло огонь и среди рабочихъ оказалось не мало убитыхъ и раненыхъ *). Такъ какъ рабочіе были вооружены только своими инструментами, они повсюду были обращены въ бѣгство. Демократія и студенты спокойно взирали на эту борьбу.

Этимъ была сломлена сила демократіи; комитетъ это настолько хорошо понялъ, что объявилъ себя распущеннымъ. Распустилъ себя и студенческій комитетъ. Академическій легіонъ былъ сильно ослабленъ при наступленіи каникулъ, когда молодые революціонеры отправились домой. Съ рабочими правительство покончило тѣмъ, что оно учредило общественныя работы въ другихъ мѣстахъ и массами направило туда рабочихъ.

---

*) Убитыхъ, говорятъ, было человѣкъ 20, а раненыхъ свыше 200. На 3-е сентября была назначена панихида.

Власть такъ легко была взята изъ рукъ неспособной вѣнской демократіи потому, что она не поняла ситуаціи и нерѣшительно колебалась туда и сюда между противорѣчивыми классовыми интересами.

Реакція особенно подняла въ эти дни голову, благодаря побѣдамъ Радецкаго въ Италіи.

Въ то время, какъ въ Неаполѣ и Сициліи продолжались смуты, а „либеральный" и конституціонный папа Пій IX, наконецъ, немного приподнялъ свою маску и воспротивился національному движенію въ церковной области, народное возстаніе въ верхней Италіи все еще продолжалось съ прежней силой. Карлъ-Альбертъ во время похода обнаружилъ свою полную неспособность. Позиція Радецкаго при Веронѣ была настолько выгодна, что онъ оттуда могъ занять даже и Феррару. Король Сардиніи до сихъ поръ уже упустилъ всѣ благопріятные моменты; онъ еще разъединилъ теперь свои боевыя силы, раздѣливъ ихъ на два корпуса, изъ которыхъ одинъ расположился при Риволи, другой у Ровелбеллы.

Радецкій использовалъ эту ошибку; напалъ на корпусъ, стоящій у Ровербеллы и разбилъ его, взявъ предварительно приступомъ высоты Соммакампаньи, послѣ этого онъ легко могъ занять прочную позицію у Минчіо. Карлъ-Альбертъ поспѣшилъ теперь туда и 25-го іюля 1848 г. произошла кровопролитная битва при Кустоцѣ, въ которой Карлъ-Альбертъ безуспѣшно пытался отнять у австрійцевъ ихъ позицію. Онъ былъ отброшенъ и принужденъ былъ перейти въ отступленіе, которое послѣ битвы при Вольтѣ превратилось въ бѣгство.

Во время этихъ пораженій сардинскій король заключилъ договоръ, по которому городъ Венеція со своей областью объединяются съ Сардиніей и Ломбардіей и образуютъ одно королевство. Но эта мечта разсѣялась, такъ какъ Радецкій со всѣми силами пустился въ преслѣдованіе сардинскаго короля, бросившагося въ Миланъ. Въ Миланѣ разыгрались ужасныя сцены; народъ кричалъ о предательствѣ и требовалъ, чтобы король продолжалъ борьбу. Онъ это и сдѣлалъ въ сраженіи предъ Миланомъ 4-го августа, но потерпѣлъ пораженіе и на этотъ разъ и обратился въ позорное тайное бѣгство. Миланъ выпужденъ былъ капитулировать и старый порядокъ почти въ полномъ видѣ былъ возстановленъ въ верхней Италіи. Модена была занята и бѣжавшій оттуда герцогъ вернулся обратно; Болонья подвергнута была бомбардировкѣ, потому что тамъ было убито нѣсколько австрійскихъ офицеровъ, обвиненныхъ въ шпіонствѣ.

Карлъ-Альбертъ заключилъ 9-го августа съ Радецкимъ перемиріе, которое обязывало обоихъ полководцевъ держаться каждому въ предѣлахъ своего государства. Венеція, однако, отложилась отъ Карла-Альберта и объявила 10-го августа 1848 г. республику. Было назначено временное правительство съ энергичнымъ адвокатомъ Маниномъ во главѣ. Пораженіе сардинскаго короля доставило снова республиканской партіи молодой Италіи поле дѣятельности и она напрягла въ Римѣ всю энергію, чтобы захватить въ свои руки общественную власть. Въ то время какъ Радецкій уничтожилъ объединительное движеніе Италіи въ лицѣ короля Сардиніи, въ Австріи произошелъ другой большой конфликтъ, который потрясъ всѣ основы имперіи.

Послѣ того, какъ славяне связались съ вѣнцами, главнымъ обра-

зомъ съ инсбрукской камарильей, политика правительства поставила своею задачею уничтожить самостоятельность Венгріи. Славяне слѣпо слѣдовали за правительствомъ, такъ какъ и демократическіе элементы въ Богеміи были заражены національною ненавистью и маніею величія. Мадьяры вскорѣ поняли, что дѣлается за кулисами и постарались заблаговременно обезпечить себя отъ всякихъ случайностей. Политика мадьяръ была проникнута тѣмъ же самымъ національнымъ эгоизмомъ, какъ и чешская политика. Такимъ образомъ, здѣсь столкнулись два сильныхъ теченія: чешское, опирающееся на славянъ и мадьярское—на нѣмцевъ. Демократическаго духа было въ руководящихъ сферахъ мадьяръ такъ же мало, какъ и среди чеховъ: и въ венгерскомъ рейхстагѣ истые демократы были въ меньшинствѣ, и даже Кошутъ называлъ ихъ, во время припадковъ высшей государственной мудрости, „смутьянами“ и „бунтовщиками“. Венгры, подобно всѣмъ остальнымъ народностямъ, добились въ мартовскіе дни обычныхъ уступокъ въ области политической жизни и крестьяне освободились отъ феодальныхъ повинностей. Здѣсь движеніе, руководимое аристократіей и буржуазіей, совершенно затихло; крестьяне были удовлетворены; сознательнаго рабочаго класса еще не было; либеральная буржуазія была довольна пріобрѣтеніями мартовскихъ дней, да и аристократія, повидимому, примирилась съ ними. Но для венгерскаго юнкерства и буржуазіи самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ была насильно вырванная у Габсбурговъ независимость, самостоятельное министерство, въ которомъ аристократія была представлена Баттіани, а буржуазія—Кошутомъ. Когда австрійское правительство въ союзѣ съ чехами и кроатами пожелало опять уничтожить эту независимость, вся мадьярская нація поднялась для ея защиты. Воспоминанія о домартовскихъ притѣсненіяхъ и эксплуатація австрійскаго правительства воспламенили мадьяръ къ отчаянному сопротивленію. Ихъ борьба столь же героическая, сколь и неудачная возбудила къ нимъ очень легко симпатіи всѣхъ. На самомъ дѣлѣ венгерскія войска боролись за свободу и благополучіе всего народа менѣе, чѣмъ за преимущества имущихъ классовъ, хотя мартовскія пріобрѣтенія и были столь важнымъ шагомъ впередъ. Это прекрасно видно изъ той неурядицы, которая и нынѣ господствуетъ, т. е. ужъ послѣ того, какъ Венгрія стала до извѣстной степени самостоятельной. Венгерскій юнкеръ, надутый какъ индюкъ, преслѣдующій съ одинаковою яростью и нѣмцевъ и евреевъ, такъ же реакціоненъ, какъ испорченъ мелкій буржуа, способствовавшій всѣми силами тому, что венгерское государственное хозяйство обременено теперь неоплатными долгами.

Кошутъ началъ играть въ Венгріи роль руководителя. 11 іюля онъ въ большой рѣчи, произнесенной въ венгерскомъ рейхстагѣ, заявилъ, что независимости Венгріи угрожаетъ правительство въ союзѣ съ славянами. Онъ потребовалъ вооруженія 200.000 человѣкъ и кредита въ 42 милліона гульденовъ, чтобы „либо завершить прочный миръ, либо начать серьезную войну“. Воодушевленный рейхстагъ единодушно принялъ 24 іюля это предложеніе, но при этомъ ясно обнаружилась двойственная политика мадьяръ. Баттіани и Деакъ потребовали, чтобы Венгрія поддержала деньгами и людьми борьбу австрійцевъ въ Италіи. Кошутъ, который неоднократно такъ явно показывалъ свой восторгъ по поводу побѣдъ Италіи, началъ колебаться и, наконецъ,

тоже поддержалъ это предложеніе. Рѣшили поддержать Австрію не противъ Италіи, а противъ Карла-Альберта, уловка, которою, однако, никого не удалось провести.

Мадьяры хотѣли взять на себя роль славянъ. Если бы императоръ принялъ ихъ съ распростертыми объятіями, они бы его защитили отъ всѣхъ его враговъ и тогда сдѣлались бы господствующимъ элементомъ въ государствѣ; но если императоръ не порветъ своей связи съ славянами, тогда они начнутъ борьбу за свою независимость. Дворъ продолжалъ между тѣмъ идти по своему старому пути, съ котораго его не могли совлечь и обѣщанія поддержки Австріи противъ Италіи. Наоборотъ, какъ разъ въ это время былъ расширенъ и упроченъ союзъ съ баномъ Елачичемъ, попавшимъ было въ немилость и получившимъ отставку. Дворъ заискивалъ у кроатовъ и поддерживалъ Елачича гдѣ и насколько это только было возможно. Въ это время какъ австрійскій рейхстагъ въ своемъ безсиліи и простодушіи заботился лишь объ уничтоженіи феодальныхъ повинностей, Елачичъ выступалъ все болѣе и болѣе вызывающе по отношенію къ венграмъ и корчилъ изъ себя исполнителя воли императора, требуя, чтобы венгры отказались отъ своихъ мартовскихъ пріобрѣтеній и отъ своей самостоятельности. Елачичъ въ прокламаціяхъ своихъ, въ которыхъ онъ требовалъ реорганизаціи Австріи, требовалъ, чтобы всѣ національности, слѣдовательно и венгры, управлялись изъ Вѣны. Это было именно то, чего хотѣлъ дворъ, и для того, чтобы по этому поводу не возникло никакихъ сомнѣній, австрійское министерство выпустило 31 августа напоминаніе, которое нашло нужнымъ объяснить, чтобы Венгрія въ своемъ внутреннемъ устройствѣ сообразовалась со всей монархіей; нота эта равнялась отмѣнѣ самостоятельности Венгріи.

Теперь уже всякому стало болѣе или менѣе ясно, куда вела политика двора, но, чтобы просвѣтить наиболѣе ослѣпленныхъ и довѣрчивыхъ, банъ Елачичъ, еще лѣтомъ слывшій „мятежникомъ“, былъ 4 сентября торжественно возстановленъ во всѣхъ должностяхъ и отличіяхъ, при чемъ въ императорскомъ указѣ, объявлявшемъ объ этомъ восхвалялась его вѣрность дому Габсбурговъ и цѣлостной монархіи.

Мадьярскіе государственные мужи попытались еще разъ отвратить надвигающійся кризисъ при помощи переговоровъ. Баттіани и Деакъ отправились въ Вѣну, чтобы добиться у короля согласія на постановленія рейхстага отъ 24 іюля. Но имъ не дали аудіенціи. 9 сентября императоръ принялъ въ Шенбрунѣ депутацію венгерскаго рейхстага, состоявшую изъ 120 членовъ. Но это не имѣло никакого значенія, такъ какъ къ тому времени было уже объявлено о возстановленіи Елачича въ должности. Фердинандъ, въ выраженіяхъ, продиктованныхъ ему камарильей, отклонилъ также и требованія депутаціи, указывавшей на союзъ съ домомъ Габсбурговъ, какъ на средство избѣгнуть кризиса, и депутація вернулась обратно въ Пештъ. Открытая борьба стала, такимъ образомъ, неизбѣжной, она сейчасъ же и началась; 11 сентября, появился Елачичъ во главѣ кроатскихъ войскъ и перешелъ венгерскія границы. Въ краснорѣчивомъ манифестѣ поучалъ онъ венгеровъ что они должны дѣлать и какъ они должны поступать. Онъ утверждалъ, что венгерское министерство стремится къ гибели всей монархіи, а этому стремленію должно воспрепятствовать помощью оружія.

Не поддается описанію ярость венгерцевъ, когда они поняли игру, которую велъ съ ними дворъ. Но для нравственнаго негодованія у государственныхъ мужей Венгріи было очень мало основанія, такъ какъ ихъ собственная игра въ Инсбрукѣ и Шенбрунѣ немногимъ отличалась отъ игры камарильи. Но народъ былъ воодушевленъ стремленіемъ къ свободѣ и независимости, и когда министерство 14 сентября издало призывъ къ оружію противъ кроата Елачича, молодежь массою устремилась на призывъ. Венгрія вскорѣ превратилась вся въ военный лагерь. Кошутъ добился отъ министерства финансовъ рѣшенія экстренно выпустить ассигнаціи въ 5 гульденовъ. Палатинъ Стефанъ оставилъ теперь Пештъ и отправился въ Вѣну; венгерскій рейхстагъ послалъ однако еще одну депутацію въ Вѣну, и для того, какъ заявилъ Кошутъ, „чтобы обращаться не къ предательскому двору, а къ народу". Депутація должна была изложить жалобы венгровъ передъ австрійскимъ рейхстагомъ. Но славянское большинство рейхстага употребило всѣ усилія, чтобы похоронить эту попытку, и послѣ долгихъ и хаотическихъ дебатовъ предложеніе выслушать мадьяръ было 186 голосами противъ 108 отклонено. Тщетно лѣвая твердила, что пораженіе Венгріи будетъ означать порабощеніе Австріи. Министръ Бахъ перетянулъ колеблющихся на сторону славянъ, и предложеніе черно-желтаго Гельферта отказать венграмъ—прошло.

Но вѣнскій народъ въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова великодушно готовъ былъ ради общаго блага забыть всѣ слабости и ошибки венгровъ. Передъ гостинницей, гдѣ помѣщались депутаты, собралась тысячная толпа, и Таузенау возвысилъ свой громовой голосъ; онъ осуждалъ „жалкій" рейхстагъ и министерство, а послѣднему бросилъ упрекъ въ политикѣ недостойныхъ интригъ. Венграмъ онъ обѣщалъ помощь вѣнскаго народа въ его борьбѣ на жизнь и смерть.

Вѣнскій народъ честно сдержалъ слово, данное отъ имени его ораторомъ. Но венгерцы лишь очень робко принимали протянутую руку и потому потеряли все.

Между тѣмъ, въ Пештѣ вялый либерализмъ отступилъ назадъ; потокъ событій вынесъ на поверхность радикальное теченіе. 25 сентября появился императорскій манифестъ, отдававшій въ руки генерала Ламберга власть надъ Венгріей. Но венгерскій манифестъ объявилъ этотъ манифестъ недѣйствительнымъ. Съ формальной точки зрѣнія рейхстагъ былъ правъ, ибо указъ не былъ подписанъ отвѣтственнымъ министромъ. Генералъ Ламбергъ, отважившійся появиться въ Пештѣ, былъ убитъ возмущеннымъ народомъ на мосту. Въ тотъ же день, 28 сентября венгерскій рейхстагъ назначилъ временное правительство изъ шести лицъ, подъ предсѣдательствомъ Кошута, которому дана была диктаторская власть; и этимъ самымъ была объявлена война мадьярами и дому габсбурговъ.

Возгорѣвшаяся отчаянная борьба легко могла бы кончиться пораженіемъ двора и окончательнымъ раздробленіемъ австрійской имперіи. Осуществиться этому помѣшалъ національный фанатизмъ, которымъ такъ ловко умѣли пользоваться дипломатическіе вожди камарильи.

Черно-бѣлые и черно-красно-золотые.

Берлинская демократія вскорѣ убѣдилась, что ей не многаго дождаться отъ собранія въ консерваторіи. Въ то же время, однако, реакція, наступившая въ провинціяхъ и самомъ Берлинѣ, должна была возбудить самыя серьезныя опасенія за сохраненіе мартовскихъ пріобрѣтеній. Въ Помераніи, въ Бранденбургѣ и въ Саксоніи начали все увеличиваться требованія подавленія „анархіи" въ Берлинѣ силой оружія *). Рыцари „Kreuzzeitung" соединились въ парламентъ аграріевъ и возвели въ систему фанатизированіе крестьянъ противъ городовъ **). Берлинскіе богачи до того угрожающей рисовали себѣ ужасную картину „коммунизма", который будто бы нашелъ себѣ свой очагъ въ Берлинѣ, что они массами оставляли городъ. Это очень мало безпокоило демократовъ, гораздо серьезнѣе былъ для нихъ вопросъ о массовомъ выселеніи рабочихъ. Передавали, что 20.000 рабочихъ направились на Восточную дорогу и въ провинцію. Тутъ возможно и преувеличеніе, но самъ фактъ массоваго отлива революціонныхъ элементовъ являлся для демократіи серьезнымъ предостереженіемъ. Она старалась укрѣпить свою позицію сплоченіемъ и упорядоченіемъ своихъ организацій.

Образовался центральный комитетъ, куда всѣ демократическіе клубы и союзы посылали своихъ делегатовъ***), а демократическій клубъ раздѣлилъ Берлинъ на 22 участка, съ особымъ представителемъ

---

*) Это и было выражено въ извѣстной реакціонной пѣснѣ, послѣдній куплетъ которой гласитъ:

„По ночамъ земля кишитъ
Силой злобною, нечистой,
Но она стремглавъ бѣжитъ,
Крестъ увидѣвши пречистый.
Запоетъ въ полночь пѣтухъ,—
Исчезаетъ смрадный духъ.
Такъ и противъ демократа
Подавайте намъ солдата".

**) Вблизи Берлина, напримѣръ, выдѣлялись своими реакціонными воззрѣніями Шарлоттенбургъ и Тельтовъ, поэтому о послѣднемъ говорили, что въ 1848 году тамъ успѣшнѣе произростала рѣпа, чѣмъ сѣмена разума.

***) Свои засѣданія комитетъ устраивалъ тогда въ существующемъ еще нынѣ ресторанѣ Васмана по Лейпцигской улицѣ.

въ каждомъ. Утверждали, что клубъ насчитываетъ 3.000 членовъ, но это число, по всей вѣроятности, преувеличено.

Рабочіе машиностроительнаго производства, какъ и рабочія организаціи, образованныя Борномъ, въ виду угрожающей реакціи, примкнули тѣснѣе къ демократіи.

6-го августа всѣ нѣмецкія войска должны были присягнуть правителю имперіи и это событіе, которое превратилось потомъ въ жалкую комедію, дало берлинскимъ демократамъ поводъ къ устройству большой демонстраціи. Демократы, конечно, не желали этимъ выразить своей симпатіи канцлеру; демонстрація, наоборотъ, должна была подчеркнуть необходимость растворенія Пруссіи въ Германіи. У опернаго театра собрался колоссальный кортежъ, насчитывавшій до 20.000 человѣкъ и направившійся по Фридрихштрассе къ Крейцбергу. По пути было сорвано много черно-бѣлыхъ знаменъ. Въ Крейцбергѣ было собрано много народа изъ окрестныхъ селъ, который долженъ былъ затѣять скандалъ съ демократами, чтобы такимъ образомъ разстроить демонстрацію. Но реакціонеры, однако, принуждены были отступить предъ необозримой толпой демократовъ. Демонстранты остановились предъ Чугуннымъ памятникомъ въ Крейцбергѣ. Гельдъ вскарабкался на памятникъ, откуда произнесъ рѣчь, послѣ чего на вершинѣ памятника было укрѣплено трехцвѣтное знамя. Послѣднее вновь сорвано было гражданскимъ ополченіемъ.

Кошачьи концерты и борьба „Клуба Липъ“ съ констеблями доставляли демократамъ неисчерпаемый источникъ для разговоровъ, за которыми они прозѣвали болѣе важныя дѣла.

Констебли вели себя очень грубо*), но при всемъ томъ, они не могли справиться съ народомъ, и 21 августа вспыхнуло вновь одно изъ тѣхъ возмущеній, въ которыхъ берлинская демократія теряла всѣ свои силы. Поводъ былъ данъ въ Шарлоттенбургѣ. Въ этомъ городѣ, гдѣ господствовали реакціонеры, жили извѣстные, какъ свободомыслящіе и демократическіе писатели, братья Бруно и Эдгаръ Бауэръ, основавшіе демократическій союзъ. Это такъ разозлило реакціонеровъ, что они навербовали толпу оборванцевъ, которые должны были раздѣлаться съ демократами. Эти оборванцы, чернь самой низкой пробы, набросились на демократовъ и начали расправляться съ ними съ истинно-животной жестокостью, совершая надъ ними всякія издѣвательства и ни полиція, ни гражданское ополченіе не сочли нужнымъ вмѣшаться, чтобы прекратить эти звѣрства. Эдгаръ Бауэръ, обуреваемый местью, отправился въ Берлинъ, гдѣ онъ пользовался большимъ вліяніемъ среди рабочихъ; тамъ къ тому времени большая толпа народа, раздраженная поведеніемъ констеблей и различными реакціонными мѣропріятіями, собралась предъ домомъ министра внутреннихъ дѣлъ на улицѣ Вильгельма. Министра, господина Кюльветтера, не было дома, и толпа, руководимая Эдгардомъ Бауэромъ и католическо-нѣмецкимъ проповѣдникомъ Довіатомъ, направилась ко дворцу министра-президента Ауэрсвальда, у котораго скрылся министръ юстиціи Мэркеръ, а его-то и искала толпа.

*) Депутаты фонъ-Бергъ и Родбертусъ, который вскорѣ снова получилъ отставку изъ министерства просвѣщенія, какъ и еще много частныхъ лицъ, познакомились съ грубостями констеблей. Но насилія послѣднихъ не возбуждали столько толковъ, сколько кошачьи концерты.

У Ауэрсвальда въ то время находилось большое общество. Довіатъ выступилъ ораторомъ отъ толпы и потребовалъ освобожденія политическихъ арестантовъ, наказанія Шарлоттенбургскихъ негодяевъ, или отставки министерства. Между тѣмъ, на улицѣ появились констебли*) и началась жестокая схватка. Констебли съ жестокостью набросились на толпу, народъ сломалъ рѣшетки передъ дворцомъ, чтобы вооружиться желѣзными прутьями; разозленный, онъ взорвалъ мостовую и началъ бросать камнями въ окна министерскаго дворца; приглашенные гости должны были поспѣшно подняться изъ-за стола и спастись отъ летящихъ камней. На ближайшей улицѣ подъ руководствомъ асессора Рудольфа Шрамма была воздвигнута баррикада. Раздался залпъ и легло много раненыхъ. Народъ въ концѣ концовъ принужденъ былъ бѣжать, и цѣль всего—сверженіе министерства,—не была достигнута. Рабочіе машиностроители явились съ оружіемъ и дали нѣсколько холостыхъ залповъ, чтобы разогнать, преслѣдовавшихъ народъ, констеблей. Баррикада была разрушена гражданскимъ ополченіемъ.

Довіатъ былъ арестованъ и приговоренъ къ 6 годамъ заключенія въ крѣпость; Эдгаръ Бауэръ еще держался нѣкоторое время въ Берлинѣ, гдѣ рабочіе укрывали его отъ полиціи; въ концѣ концовъ онъ принужденъ былъ бѣжать за границу. Бауэръ впослѣдствіи, какъ и его братъ, сталъ консерваторомъ; строитель баррикады Шраммъ сдѣлался приверженцемъ Бисмарка и занялъ постъ консула**).

Эта несчастная попытка свергнуть министерство Ауэрсвальда была основательно использована реакціонерами, и весьма повредила демократіи, обнаруживъ только всю ея неспособность. Немного спустя Гельдъ былъ уличенъ въ предательствѣ демократіи. Уже начиная съ неудачной демонстраціи противъ министерства Кампгаузена, ему перестали довѣрять и начали подозрѣвать его въ тайныхъ сношеніяхъ съ феодальной партіей. Доказательствъ, однако, не было, а самъ Гельдъ въ свою защиту не безъ успѣха утверждалъ, что обвиненія были только плодомъ ненависти къ нему остальныхъ руководителей, которые завидуютъ его вліянію на массы. Впослѣдствіи, въ 1865 г. Гельдъ самъ подтвердилъ основательность подозрѣнія противъ него демократовъ. На одномъ публичномъ собраніи онъ разсказалъ слѣдующее:***) комендантъ

---

*) Бравое гражданское ополченіе было занято въ то время пирушкой, вотъ почему оно и подоспѣло такъ поздно.

**) Оба Бауэра были завсегдатаями очень извѣстнаго въ то время кабачка Гиппеля на Доротеинской улицѣ, куда захаживали и Людвигъ Буль и Максъ Штирнеръ (Каспаръ Шмидтъ). Этотъ философскій кружокъ съ гордымъ презрѣніемъ взиралъ сверху внизъ на политиковъ дня и объявлялъ ерундой все то, что тѣ дѣлали, не будучи сами, къ сожалѣнію, въ состояніи предложить чего-либо лучшаго. Максъ Штирнеръ былъ самымъ скромнымъ изъ нихъ. „Здѣсь", пишетъ о нихъ современникъ, „нѣтъ поэзіи—она ложь; нѣтъ науки—она безплодна; нѣтъ государства—оно прогнило; нѣтъ школы—она вдвойнѣ прогнила; нѣтъ любви—она только подавленный половой инстиктъ; нѣтъ дружбы—она лишь фраза!". Подробнѣе объ этомъ занимательномъ кружкѣ находимъ въ книгѣ Роберта Ширнигера: „Берлинскія улицы, кабачки и клубы въ 1848 г." Интересно наблюдать Эдгара Бауэа, впослѣдствіи изъ стаи славной „Kreuzzeitung" въ его анархическомъ „Sturm und Drangperiode". Оба Бауэра остроумно высмѣяны вполнѣ по заслугамъ Карломъ Марксомъ въ его: „Heilige Familie".

***) См. „Berliner Reform" отъ 12 декабря 1865 г.

гражданскаго ополченія, генералъ Ашовъ, бывшій раньше его начальникомъ, пригласилъ его однажды на обѣдъ. Тамъ онъ „случайно“ встрѣтилъ тайнаго совѣтника фонъ-Мантейфеля, впослѣдствіи министра-президента. Они понравились другъ другу и, столковавшись между собою, обязали щадить другъ друга въ предстоящей борьбѣ между аристократіей и демократіей. Позднѣе Гельдъ былъ приглашенъ на чашку чая къ одной важной аристократкѣ, госпожѣ фонъ-Гаке, съ той мотивировкой, что высокопоставленная особа женскаго пола желаетъ познакомиться съ „великимъ вождемъ народа“. Гельдъ поддался на удочку и явился. У этой дамы онъ „случайно“ встрѣтилъ президента реакціоннаго прусскаго союза, господина фонъ-Катте. Госпожа фонъ-Гаке написала про всю эту исторію Дому, самому ярому противнику Гельда, а тотъ немедленно предалъ гласности всю эту интригу. Тотчасъ послѣ этого Гельдъ опубликовалъ свой „великій планъ“: назначить диктатора, уничтожить парламентъ, октроировать начертанную имъ конституцію и растворить Германію въ Пруссіи. Тѣмъ самымъ Гельдъ самъ подтвердилъ основательность разговоровъ о немъ, а послѣ разоблаченій Дома и госпожи фонъ-Гаке ясно стало, что онъ отдался на службу реакціонерамъ и феодаламъ. Онъ моментально лишился довѣрія народа и не могъ доставлять аристократіи того, чего она отъ него ожидала. Не нуждаясь въ немъ больше, она равнодушно смотрѣла на его паденіе; что же касается разсказовъ Гельда о подкупахъ, съ которыми къ нему подступали и которые онъ будто бы отвергъ, то не удалось провѣрить справедливости этого. Онъ подвергся всеобщимъ насмѣшкамъ; его осмѣяли на сценѣ; надъ нимъ издѣвались летучіе листки*). Когда впослѣдствіи Гельдъ впалъ въ нужду, онъ обратился къ Мантейфелю за помощью и получилъ, какъ онъ самъ разсказываетъ, всего тысячу талеровъ и наконецъ послѣдніе 300, какъ „самый крайній ультиматумъ“. Отъ Отто фонъ-Бисмарка, бывшаго тогда уполномоченнымъ союзнаго сейма, Гельдъ, по собственному признанію, получилъ въ общемъ 450 талеровъ за литературные труды. Все это въ достаточной мѣрѣ освѣщаетъ политическую физіономію этого берлинскаго Мирабо**). Сравненіе съ Мирабо подходитъ къ Гельду во многихъ отношеніяхъ. Они сходны, какъ въ демагогическомъ искусствѣ, такъ и въ вѣроломствѣ и слабохарактерности. Гельдъ походилъ на Мирабо даже патетическими

*) Когда началось стягиваніе войскъ къ Берлину, Гельдъ совѣтовалъ въ одномъ плакатѣ, чтобы городъ запасался провіантомъ. Извѣстный докторъ Копфельдтъ, который подъ псевдонимомъ Буддельмейера издавалъ различные летучіе листки, осмѣялъ это предложеніе въ слѣдующей строфѣ:

„Берлинъ запасай провіантъ
Твой великій герой (Гельдъ—Held—герой) голоденъ“.

**) Рабочіе-машиностроители были ему преданы больше всѣхъ другихъ; послѣ же раскрытія Гакской интриги, они его исключили изъ своего союза. Робертъ Шпрингеръ пишетъ объ этомъ слѣдующее: „наблюдая съ какой преданностью эта отважная рабочая масса сгруппировалась вокругъ этого политическаго жонглера; какъ тѣ необузданные (!) взоры, которые привыкли сопротивляться огнедышащей доменной печи, были прикованы къ устамъ своего апостола,—воистину жаль становилось этихъ бравыхъ и преданныхъ людей, которымъ суждено было разочароваться въ человѣкѣ, пользовавшимся ихъ полнымъ довѣріемъ и ежеминутно могущимъ ихъ двинуть на гибель“.

фразами и громовымъ голосомъ. Ему недоставало лишь генія государственнаго мужа этого знаменитаго и обезславленнаго француза.

Камарилья, „тайное министерство"—то же Герлаха и компаніи, не мало поломала между тѣмъ себѣ голову, составляя планъ спасенія отечества. Герлахъ еще 28 іюня написалъ королю письмо, въ которомъ онъ сожалѣетъ, что штурмъ арсенала 14 іюня не былъ использованъ для вмѣшательства военной силы. Онъ желалъ доказать королю, что „суверенитетъ народа"—равнозначущъ республикѣ, а собраніе соглашенія стремится къ „сверженію трона", такъ называемымъ конституціоннымъ путемъ. Герлахъ негодовалъ на Радовица, который дожидался позаго возстанія, какъ удобнаго момента для наступленія. Если король согласится съ рѣшеніями національнаго собранія о народномъ вооруженіи, земельной собственности и тому подобное, то ожидаемый Радовицемъ моментъ никогда не наступитъ. Радовицъ предложилъ королю совершенно другой планъ. Онъ совѣтовалъ ему поддерживать рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ буржуазіей; его не отпугивалъ даже „коммунистическій прогрессивный налогъ". Онъ надѣялся такимъ образомъ отнять у революціоннаго движенія его главную силу—отколоть отъ него пролетаріатъ. Король, по разсказамъ Герлаха, нашелъ этотъ планъ „вовсе уже не такимъ страшнымъ". Видно поэтому, что Бисмаркъ только хорошо скопировалъ этотъ планъ, когда онъ съ миной величайшей государственной мудрости представилъ міру свое „Flectero si nequeo Superos, Acheronta movebo*). Король все не приходилъ къ опредѣленному рѣшенію, и Герлахъ принужденъ былъ удовольствоваться навѣтами на министровъ, которые, по его утвержденію, „теперь уже дерзко и нагло игнорируютъ существующій правопорядокъ". Безпрестанная работа въ этомъ смыслѣ и хорошо разсчитанныя нашептыванія не могли остаться безъ всякаго вліянія на короля; многія замѣчанія вонзили свое жало въ его душу и, когда палата соглашенія приняла рѣшенія, которыя казались ему непріемлемыми, онъ почти готовъ былъ къ неизбѣжному конфликту, какъ того желала камарилья. Въ это время палата соглашенія продолжала свои работы. Ее, конечно, нельзя упрекнуть въ томъ, что она мало дѣлала. Она помимо конституціи обсуждала еще много другихъ вопросовъ. Реакціонеры оспаривали у нея право касаться другихъ вопросовъ, кромѣ выработки конституціи, демократы, наоборотъ, предоставляли ей это право**). Именно различныя постановленія собранія по „постороннимъ" вопросамъ и были наиболѣе важными. По вопросу о феодальныхъ повинностяхъ оно, конечно, не обнаружило особенной рѣшительности. Если крестьяне восточныхъ провинцій уже сами сбросили съ себя барщинныя работы, то собраніе все же не могло рѣшиться на то, чтобы окончательно и безвозмездно освободить этихъ крестьянъ отъ средневѣковыхъ повинностей. Обѣщанная свобода обусловливалась тяжелыми обязательствами. Эти условія освобожденія, однако,

---

*) Если я не могу подчинить себѣ верхи (буржуазію), то приведу въ движеніе преисподнюю (пролетаріатъ).

**) Даже „Vossische Zeitung" называетъ въ своихъ отчетахъ это собраніе „учредительнымъ національнымъ собраніемъ". Такимъ-то самообманомъ они пытались отдѣлаться отъ сомнѣній, возбуждаемыхъ въ нихъ принципомъ соглашенія, который признавало и само собраніе.

должны были быть облегчены, но эти работы не были закончены собраніемъ.

Заслуживаетъ вниманія для характеристики оппозиціоннаго буржуазнаго либерализма 1848 года эпизодъ, самъ по себѣ маловажный, который произошелъ въ Новомъ дворцѣ Потсдама. Король пригласилъ всѣхъ членовъ собранія туда на 30 іюля и почти всѣ приняли приглашеніе, даже и тѣ, которые въ собраніи трескучей демократической фразеологіей, нападали на дворъ и монархію. Самолюбію этихъ, ставящихъ такъ высоко свое значеніе, парламентскихъ выскочекъ, очень льстило это приглашеніе ко двору. Со станціи Вильдпаркъ они поѣхали въ открытыхъ экипажахъ по королевскому парку; при этомъ они покрылись такимъ слоемъ пыли, что, поднявшись на террасу Новаго дворца, имѣли видъ вовсе не подходящій посѣтителямъ дворца. „Демократы были напудрены, какъ придворные Людовика XIV" *). Такъ какъ придворные лакеи мало заботились о запыленныхъ представителяхъ народа, то послѣднимъ пришлось самимъ почистить другъ другу сюртуки — лакеи при этомъ только насмѣшливо поглядывали на нихъ. Потомъ депутатовъ повели къ королю, который бесѣдовалъ съ ними около часу. Послѣ трехъ-четырехъ часовъ пыли, жары и жажды они, получивъ прохладительное питье, должны были опять торопиться на вокзалъ. „Какимъ бы незначительнымъ ни казался весь этотъ фактъ", писалъ потомъ господинъ Унру, „проницательному наблюдателю онъ давалъ не мало". — Дѣйствительно, жаль только, что въ этомъ собраніи было, слишкомъ мало проницательныхъ людей.

При обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ смертной казни, министръ юстиціи Меркеръ въ длинной рѣчи высказался противъ этого вида наказанія. Отмѣна была принята значительнымъ большинствомъ. Камарилья, благодаря этому обстоятельству, получила поводъ выступить съ новыми интригами противъ столь ненавистнаго ей „либеральнаго" министра; и все-таки конфликтъ между министерствомъ и собраніемъ былъ неизбѣженъ. Онъ разразился, когда собраніе занялось обсужденіемъ военныхъ дѣлъ. Отношенія замѣтно обострились уже тогда, когда собраніе постановило ввести выборное начало въ ополченіи при назначеніи офицеровъ до полковника включительно. Ибо это постановленіе настолько противорѣчило всѣмъ старо-прусскимъ дворянскимъ традиціямъ, что нѣкоторые видѣли въ его проведеніи начало конца военной организаціи Пруссіи. Къ этому присоединилось еще предложеніе Штейна.

Дѣло было такого рода. Въ Швейдницѣ господствовали сильно натянутыя отношенія между войскомъ и гражданскимъ ополченіемъ. 31 іюля главнокомандующій генералъ запретилъ гражданскому ополченію употребленіе барабановъ. Въ тотъ же вечеръ кучка народа устроила этому генералу кошачій концертъ и выбила у него окна. Толпа была разсѣяна войскомъ; въ то же время прибыло и гражданское ополченіе для выполненія своихъ полицейскихъ обязанностей. Одной ротой солдатъ былъ по гражданскому ополченію данъ залпъ,

---

*) Такъ описываютъ этотъ эпизодъ Петръ Райхеншпергеръ и господинъ фонъ-Унру, принимавшіе въ немъ участіе.

было убито при этомъ 14 человѣкъ. По другимъ версіямъ сначала были даны выстрѣлы по войску. Гражданское ополченіе не отвѣтило на залпъ. Въ силу этого событія, вызвавшаго повсюду очень сильное возбужденіе, бреславльскій депутатъ Штейнъ внесъ въ палату соглашенія 9 августа предложеніе, чтобы военный министръ издалъ указъ съ предписаніемъ офицерамъ держаться въ сторонѣ отъ реакціонныхъ стремленій; тѣмъ же офицерамъ, которые не согласны съ новыми конституціонными учрежденіями, долгъ чести долженъ подсказать выйти въ отставку. Штейнъ, защищая свое предложеніе, замѣтилъ, что Пруссія можетъ быть названа конституціоннымъ государствомъ не раньше, чѣмъ носители власти, а къ ихъ числу относятся и офицеры, станутъ приверженцами конституціонныхъ принциповъ. Само по себѣ это положеніе является вполнѣ вѣрнымъ, но неправильно было со стороны Штейна приписать своему предложенію и собранію силу, необходимую для осуществленія требуемыхъ перемѣнъ. Собраніе приняло предложеніе Штейна, но военный министръ Шрекенштейнъ смотрѣлъ на него, какъ на пустую бумаженку и забросилъ его безъ всякаго примѣненія. Только 4 сентября министерство нашло нужнымъ объяснить свое игнорированіе предложенія и объявило, что оно попросту совершенно не будетъ приводить его въ исполненіе. Не трудно было замѣтить, что вліяніе свыше побудило министерство занять эту рѣшительную позицію; лѣвая, однако, приняла вызовъ. Штейнъ немедленно внесъ предложеніе заставить министерство исполнить постановленіе, и 7 сентября собраніе приняло рѣшеніе въ этомъ смыслѣ. Гражданское ополченіе, насчитывавшее въ своихъ рядахъ около 25.000 человѣкъ, черезъ своего командира Римплера, представило президенту собранія, Грабову, заявленіе о томъ, что на постановленія собранія оно смотритъ, какъ на выраженіе воли всего прусскаго народа, почему оно всѣми силами будетъ способствовать ихъ проведенію въ жизнь. Большинствомъ 219 противъ 143 голосовъ было принято второе предложеніе Штейна.

Лѣвая буквально опьянена была радостью, благодаря своей побѣдѣ, чувствуя себя будто полной обладательницей власти. „Народъ объединился съ своими представителями; мы крѣпко должны держаться этого согласія—и мы можемъ презирать разставленныя предъ воротами пушки", такъ въ тотъ вечеръ говорилъ предъ скопившимися народными массами графъ Рейхенбахъ, крупный силезскій землевладѣлецъ, принадлежавшій къ лѣвымъ.

Съ внѣшней стороны успѣхъ могъ казаться полнымъ. За моральной силой собранія стояла матеріальная сила гражданскаго ополченія. И все-таки, даже оба эти фактора не удержали за демократіей ея позиціи. Ясно, что если въ 1848 году кто-либо являлся „незрѣлымъ", то отнюдь не народныя массы, а скорѣе либеральная буржуазія. Конфликтъ поразилъ въ первую голову „министерство дѣла". Господа Ауэрсвальдъ, Ганземанъ и компанія подали въ отставку 11 сентября.

Камарилья въ это время ликовала во дворцѣ, наконецъ-то, разразился долгожданный конфликтъ, который могъ оказать такую же услугу, какъ революціонная вспышка. Гражданское ополченіе, видно, внушало очень мало почтенія Герлаху съ товарищами. Во главѣ ми-

нистерства имъ хотѣлось имѣть энергичнаго генерала, способнаго въ нужную минуту разогнать собраніе. Король, однако, имѣлъ свои собственные взгляды. Сначала пытались составить новое министерство съ помощью Беккерата, поспѣшно прибывшаго изъ Франкфурта въ Берлинъ. Но скоро убѣдились, что ничего не добьются отъ этого либеральнаго фабриканта, и составлено было министерство съ генераломъ во главѣ. Но это еще далеко не былъ государственный мужъ, а просто старикъ Пфуль. Онъ былъ одновременно и военнымъ министромъ; Эйхманъ — внутреннихъ дѣлъ; фонъ-Бонинъ — финансовъ; графъ Денгофъ — иностранныхъ дѣлъ, а Кискеръ — юстиціи. Пфуль заявилъ въ собраніи, что онъ не отступитъ отъ принятой конституціонной программы и будетъ всѣми силами противодѣйствовать реакціоннымъ стремленіямъ, какъ въ гражданскомъ такъ и въ военномъ управленіи; но въ то же время онъ намѣренъ преслѣдовать вспышки анархіи и беззаконія. Онъ думалъ двигать, но былъ двинутъ самъ.

Пфуль выполнилъ предложеніе Штейна и такимъ образомъ отстранилъ на время конфликтъ. Господиномъ фонъ-Унру былъ составленъ проектъ циркуляра офицерамъ, который былъ принятъ Пфулемъ, ибо Унру его такъ составилъ, чтобъ Пфуль нашелъ его пріемлемымъ. Само собой разумѣется, указъ остался безрезультатнымъ. Министерство Пфуля первое время до того выставляло себя другомъ народа, что Герлахъ вначалѣ былъ совершенно убитъ *).

Не приходилось и доискиваться до какой степени политика министерства явилась маской, ибо тутъ же на сцену выступилъ новый могущественный факторъ, который не давалъ себѣ и труда скрываться. „Пушки передъ воротами“, о которыхъ говорилъ графъ Рейхенбахъ, дѣйствительно заняли наступательную позицію. 15 сентября генералъ фонъ-Врангель, вернувшійся изъ Шлезвигъ-Голштиніи, былъ объявленъ „главнокомандующимъ Бранденбурга“. Это мѣропріятіе носило военный характеръ, не оставалось никакого сомнѣнія, что войска готовятся къ наступленію. Къ Берлину было стянуто около 50.000 войска съ многочисленнымъ оружіемъ. Но наступленія не удавалось совершить такъ скоро, какъ того хотѣлось камарильѣ. Между тѣмъ Врангель 17 сентября издалъ угрожающій указъ по арміи. Въ Берлинѣ гражданское ополченіе такъ пышно встрѣтило своего будущаго усмирителя, что онъ чувствовалъ себя какъ бы тріумфаторомъ. Тамъ онъ произнесъ рѣчь, въ которой объявилъ, что онъ призванъ охранять порядокъ и законъ, и употребитъ военную силу только тогда, когда гражданское ополченіе окажется недостаточнымъ. Онъ только хочетъ защищать свободу противъ анархіи. Мѣщане встрѣтили эти слова съ восторгомъ, и онъ сказалъ: „войска надежны, сабли остро наточены, пули наготовѣ“. И послѣ новаго взрыва одобренія, онъ продолжалъ: „Въ какомъ печальномъ положеніи я вижу вновь Берлинъ! Улицы заросли травой, дома безлюдны, магазины полны товаровъ, но нѣтъ покупателей. Трудолюбивый гражданинъ

*) Бисмаркъ, разсказываетъ онъ, утѣшалъ его тѣмъ, что въ Берлинѣ навѣрно „что-нибудь да разыграется, на что можно будетъ отвѣтить сильнымъ наступленіемъ“. Но Пфуль увернулся отъ конфликта и такимъ образомъ ничего не произошло.

безъ занятія и заработка, ремесленникъ обѣднѣлъ. Этому надо положить конецъ. Нужно прекратить анархію, и я вамъ это обѣщаю; Врангель еще никогда не нарушалъ слова". Дикій ревъ восторга со стороны узколобыхъ филистеровъ! Но угрозы этого прямолинейнаго солдата, однако, сильно начали безпокоить собраніе. Фонъ-Кирхманъ сдѣлалъ запросъ какъ понимать заявленія Врангеля. Пфуль отвѣтилъ, что къ этому не слѣдуетъ относиться серьезно, такъ какъ Врангель вѣдь находится всегда въ зависимости отъ него, военнаго министра.

Два дня спустя Врангель отдалъ приказъ войскамъ готовиться къ выступленію. Но онъ все медлилъ еще выступленіемъ; по мнѣнію высшихъ сферъ удобный къ тому моментъ еще не наступилъ.

Проницательному наблюдателю ясно видно было, что уже поднята рука для нанесенія рѣшительнаго удара. Реакціонеры поняли, что нечего бояться той части гражданскаго ополченія, которая устроила Врангелю тріумфальное шествіе и громомъ одобренія встрѣтила его знаменитую рѣчь. А такіе субъекты въ этомъ ополченіи составляли большинство.

Собраніе снова вернулось къ обсужденію проекта конституціи. Судьба осудила его наполнять бездонную бочку Данаидъ.

Ремесленники и рабочіе.

Броженіе въ рабочей средѣ, ежеминутно грозившее вылиться въ энергичную борьбу, наталкивалось на рѣшительное сопротивленіе со стороны цеховыхъ ремесленниковъ. Изъ всѣхъ классовъ общества въ 1848 году старозавѣтные ремесленники и цеховые мастера меньше всѣхъ понимали современное имъ общественное движеніе. Они, правда, въ домартовскіе дни часто возмущались поведеніемъ полиціи и бюрократіи; но когда наступила желанная свобода они не могли отрѣшиться отъ своей унаслѣдованной узости взглядовъ и остались въ предѣлахъ интересовъ своего прихода. Они даже думали использовать революцію для того, чтобы вновь воскресить давно отжившія негодныя учрежденія. Они протестовали противъ свободы промышленности, сущность которой недоступна была ихъ пониманію, такъ какъ они не въ состояніи были заглянуть дальше своего носа. Въ апрѣлѣ 1848 года лейпцигскіе цеховые мастера обратились съ открытымъ письмомъ къ товарищамъ всей Германіи, въ которомъ они взывали твердо держаться этого „сокровища“ цехового устройства. Они утверждали, что съ уничтоженіемъ цеховъ погибнутъ семья, домашнее хозяйство, община и само государство. Они выступили также противъ всеобщаго избирательнаго права, изъ боязни быть побитыми голосами своихъ подмастерьевъ, которые будутъ имъ тогда предписывать законы. Это смѣшное высокомѣріе мастеровъ соединялось у нихъ съ тупой ненавистью къ евреямъ. Мастера боялись, что эманспиація евреевъ создастъ имъ опасныхъ конкурентовъ и приложили поэтому руку ко всѣмъ еврейскимъ погромамъ „бѣшенаго года“.

Нельзя не признать, что къ своимъ собственнымъ интересамъ цеховые мастера были очень чутки. Въ комиссію пятидесяти во Франкфуртѣ на Майнѣ отъ бременскаго столярнаго цеха поступило въ апрѣлѣ ходатайство, въ которомъ они просили комиссію внести въ парламентъ предложеніе, чтобы послѣдній не принималъ никакихъ рѣшеній по вопросамъ касающихся ремесла „не выслушавъ совѣта самихъ ремесленниковъ“. Само по себѣ требованіе это вполнѣ разумно, если бы только сами мастера вообще доросли до болѣе разумныхъ воззрѣній.

Толчекъ, данный изъ Бремена, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что въ Гамбургѣ 2 іюня 1848 года съѣхалось „собраніе депутатовъ сѣверо-германскаго ремесленнаго и промышленнаго сословія“. Этотъ

съѣздъ носилъ такой реакціонный характеръ, что мартовская революція въ Берлинѣ на немъ объяснялась, какъ слѣдствіе свободы промышленности. Между тѣмъ было рѣшено созвать на 14 іюля въ Франкфуртѣ на Майнѣ всеобщій конгрессъ германскихъ ремесленниковъ, что было предложено брауншвейгскимъ делегатомъ Селенка. Была избрана комиссія для подготовленія этого съѣзда и эта послѣдняя обратилась къ франкфуртскому парламенту съ адресомъ слѣдующаго содержанія: „1) Мы самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываемся противъ свободы ремесла и требуемъ, чтобы послѣдняя, поскольку она существуетъ въ Германіи, была отмѣнена особымъ параграфомъ государственнаго уложенія. 2) Мы объявляемъ себя достойными и способными самимъ рѣшать собственныя наши дѣла, и такимъ образомъ рѣшеніе соціальнаго вопроса (!) должно быть предоставлено намъ же. Мы доводимъ до свѣдѣнія высокаго парламента, что на основаніи общаго закона о собраніяхъ мы на 15 іюля этого года созываемъ собраніе депутатовъ ремесленнаго сословія всей Германіи для того, „чтобы выработать проектъ всеобщаго ремесленнаго и промышленнаго устава и предоставить его затѣмъ на усмотрѣніе высокаго парламента“.

Во Франкфуртъ съѣхалось 166 депутатовъ и всѣ они хотѣли „рѣшить соціальный вопросъ“. Между ними нашлось и десять подмастерьевъ, но господа мастера дошли въ своемъ высокомѣріи и самомнѣніи до того, что не допустили депутатовъ-подмастерьевъ на засѣданія конгресса. Они имъ велѣли отправиться домой и тамъ дожидаться окончанія дѣла; мастера уже сами позаботятся объ интересахъ подмастерьевъ. Но подмастерья не были настолько глупы, чтобы подчиниться наглому требованію мастеровъ. Они одновременно созвали во Франкфуртѣ конгрессъ подмастерьевъ. Это очень не по вкусу пришлось мастерамъ, которые полагали безъ всякой помѣхи забрать въ свои руки „разрѣшеніе соціальнаго вопроса“. Они ужъ хотѣли потомъ предоставить подмастерьямъ совѣщательный, но не рѣшающій, голосъ на своемъ конгрессѣ и образовать особую изъ мастеровъ „комиссію подмастерьевъ“, куда имѣли бы доступъ и подмастерья. За всѣ эти уступки подмастерья должны были отказаться отъ своего конгресса. Но подмастерья отклонили это предложеніе и наряду съ конгрессомъ мастеровъ засѣдалъ, такимъ образомъ, конгрессъ подмастерьевъ.

Мастера изображали изъ себя очень важныхъ особъ и присваивали себѣ особаго рода полномочія. При этомъ они обнаруживали самыя реакціонныя и невѣжественныя воззрѣнія. Комиссія конгресса засѣдала совмѣстно съ народно-хозяйственной комиссіей парламента, но это не привело ни къ какимъ результатамъ, потому что цеховые мастера упорно настаивали на уничтоженіи свободы ремесла, на что народно-хозяйственная комиссія, понятно, не могла согласиться. На рѣшенія ремесленнаго конгресса имѣлъ большое вліяніе одинъ писатель по имени Винкельблехъ (псевдонимъ—Карлъ Марло), бывшій рѣшительнымъ противникомъ современнаго капитализма. Его міровоззрѣніе являлось смѣсью полусоціалистическихъ и цеховыхъ взглядовъ. Онъ былъ противникомъ свободы ремесла и не понималъ, что она призвана разрушить оковы стараго карликоваго производства, подготовить почву

для развитія крупнаго производства, соотвѣтствующаго потребностямъ современнаго общества. Онъ совѣтовалъ учредить „соціальную камеру“, въ которой были бы представлены всѣ профессіи и которая бы установила соціальное законодательство, обезпечивающее каждому члену общества заработокъ сообразно его рабочей силѣ. Винкельблехъ, желавшій спасти міръ отъ „коммунизма“, при помощи своей соціальной теоріи съ значительной примѣсью религіозно-національныхъ элементовъ, предполагалъ построить свое новое соціальное устройство на союзѣ цеховыхъ организацій, съ обще-германской промышленной палатой во главѣ; послѣднее должно было законодательнымъ путемъ регулировать промышленность и засѣдать одновременно съ имперскимъ парламентомъ. Такимъ путемъ онъ надѣялся спасти ремесло *). Вылазки Винкельблеха противъ капитала навлекли на него рѣзкіе нападки, а либеральная пресса называла его агентомъ на службѣ у Англіи.

Постановленія конгресса ремесленниковъ были направлены одновременно какъ противъ крупнаго капитала, такъ и противъ пролетаріата. Въ этихъ постановленіяхъ ясно проглядывало вліяніе Винкельблеха. Выставлено было требованіе сдѣлать обязательнымъ цеховую организацію, запретить разносчикамъ торговлю „предметами ремесленнаго производства“, не допускать образованія государственныхъ и общинныхъ мастерскихъ. Всѣ государственныя и коммунальныя работы должны быть переданы цехамъ. Фабрики должны быть обложены особымъ налогомъ, а ремесленному сословію должно быть предоставлено исключительное право торговли продуктами производства. Высокіе таможенные тарифы, вывозныя преміи для нѣмецкихъ фабрикантовъ и выгодные торговые договоры, а равнымъ образомъ представительство цеховъ черезъ спеціальныя камеры, какъ и проектированная Винкельблехомъ всеобщая германская ремесленная палата — все это было особенно сильно подчеркнуто. Наконецъ, въ громадномъ спискѣ пожеланій господъ цеховыхъ мастеровъ были выставлены и безплатныя улучшенныя школы, подготовительныя училища, ремесленныя школы, кассы взаимопомощи, банки мелкаго кредита и „цѣлесообразное законодательство для регулированія кредита“.

Народно-хозяйственная комиссія парламента поступила совершенно правильно, отклонивъ эти реакціонныя требованія. Дѣйствительно было смѣшно питать иллюзію снова заковать производство въ цѣпи средневѣкового цеховаго устройства **). Въ лицѣ этихъ мѣщанъ-ремесленниковъ была представлена на конгрессѣ реакціонная мелкая буржуазія, которая всѣми силами противилась всякому рѣшительному прогрессу и всячески препятствовала великому освободительному движенію. Рабочимъ эти узколобые цеховые фанатики заграждали путь

*) Матеріалъ для составленія исторіи ремесленнаго и рабочаго движенія того времени очень разбросанъ и собирается съ большимъ трудомъ. Въ журналѣ „Neue Zeit“ третій годъ изданія (1885) помѣщены три обширныхъ статьи Г. Шлитера (H. Schlüter); „Beiträge, Zur sozialen Geschichte des Jahres 1848“, въ которыхъ между прочимъ излагаются теоріи Винкельблеха.

**) Отъ этой иллюзіи и понынѣ не излечены еще многіе консервативные и реакціонные мечтатели.

Прим. переводчика. Наши народники, какъ видятъ читатели, имѣютъ не мало сходныхъ чертъ съ Винкельблехомъ.

съ трепетомъ и жестокостью, свойственной такимъ прекраснымъ душамъ всегда, когда имъ кажется, что посягаютъ на ихъ собственность или „сословные интересы".

Рейнско-вестфальскій ремесленный союзъ и „союзъ для защиты общественнаго труда" дѣйствовали въ томъ же направленіи, какъ и франкфуртскій ремесленный конгрессъ. Они главнымъ образомъ требовали высокихъ покровительственныхъ пошлинъ.

Мелкое ремесло, которымъ въ то время заняты были гораздо болѣе значительныя массы, чѣмъ теперь, вліяло на рабочихъ такимъ образомъ, что тѣ часто не въ состояніи были понять своего соціальнаго положенія. И, несмотря на это, всѣ стремленія цеховыхъ мастеровъ все же остались безъ всякаго результата. Если бы ихъ предложенія и прошли даже, это не имѣло бы важнаго значенія. Соціально экономическое развитіе не дало бы себя задержать, а мощная конкуренція крупнаго капитала очень скоро отбросила бы искусственныя и слабенькія загородки, которыми ее хотѣли окружить Винкельблехъ съ товарищами.

Рабочій классъ лишь тамъ, гдѣ фабричное производство образовало уже многочисленные кадры пролетаріата, дѣлалъ серьезныя попытки организоваться и эмансипироваться. Но они еще не обладали никакимъ опытомъ, обнаруживали часто самую печальную незрѣлость. Прошло много отдѣльныхъ вспышекъ и революцій, было много крика и шума; цѣлый рядъ выставленныхъ требованій былъ только пригоденъ на то, чтобы отвѣчать на настоятельныя потребности минуты. За исключеніемъ рейнскаго движенія, которое находилось подъ извѣстнымъ вліяніемъ научнаго соціализма, нигдѣ не было продуманнаго представленія о задачахъ, стоящихъ предъ обществомъ и государствомъ. „Новая Рейнская Газета" много труда положила на распространеніе соціально-экономическихъ знаній и освѣщеніе великаго процесса общественнаго развитія. Еще передъ гибелью этой газеты въ борьбѣ съ реакціей Карлъ Марксъ помѣстилъ въ ней популярную статью, въ которой попытался объяснить рабочимъ взаимоотношенія наемнаго труда и капитала *). Но эти попытки потонули безрезультатно въ окружающемъ злободневномъ шумѣ, а рабочіе, какъ и всѣ остальные, дали одурачить себя красиво-звучащими фразами, какъ: „Право на трудъ", „Организація труда", „Рабочее министерство" и т. п. Къ этому присоединилось еще стремленіе цеховыхъ мастеровъ навязать рабочему классу свои ветхозавѣтные взгляды; а утописты, съ другой стороны, полагали, что ихъ время настало. Вильгельмъ Вейтлингъ, повидимому, думалъ, что революція введетъ человѣчество въ изображенный имъ рай. Въ іюлѣ 1848 года онъ явился въ Берлинъ, гдѣ сталъ издавать еженедѣльную газету: „Первичный избиратель", которая, однако, вскорѣ прекратила свое существованіе за недостаткомъ подписчиковъ. Въ октябрѣ 1848 года онъ принималъ участіе въ берлинскомъ демократическомъ конгрессѣ, но не пользовался тамъ никакимъ вліяніемъ. Высланный изъ Берлина онъ направился въ Гамбургъ

*) Эта статья представляла собой обработанные и дополненные конспекты рефератовъ, которые Марксъ читалъ въ 1847 году въ брюссельскомъ рабочемъ союзѣ.

и Альтону, гдѣ образовалъ секціи, недавно основаннаго имъ въ Сѣверной Америкѣ „союза освобожденія“. Полиція выслала его и отсюда и онъ вновь вернулся въ Сѣверную Америку *).

Рейнскіе поборники научнаго соціализма совершенно иначе понимали современное движеніе; они видѣли въ немъ борьбу современнаго буржуазнаго общества съ старымъ феодализмомъ и бюрократизмомъ. Они принимали участіе въ борьбѣ съ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ сами буржуа, такъ какъ они ясно понимали, что дорога къ освобожденію пролетаріата ведетъ черезъ буржуазное общество. Поэтому и члены союза коммунистовъ **), отбросивъ пріемы тайнаго общества, принимали повсюду дѣятельное участіе въ демократическомъ движеніи: въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Нассау, Гессенѣ и т. д. Противорѣчіе между ними и чисто-буржуазной демократіей часто выступало очень ярко. Но они вмѣстѣ съ тѣмъ прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы пробудить пролетаріатъ къ участію въ великой борьбѣ.

Рабочіе, охваченные общимъ движеніемъ, дѣлали попытки тамъ, гдѣ они находились въ значительномъ числѣ, организоваться для лучшей защиты своихъ интересовъ. Филистеры-мѣщане, не признававшіе за ними этого права, высмѣивали тогда, какъ и теперь, „притязанія рабочихъ“. Въ Лейпцигѣ это привело къ совершенно неожиданному эпизоду. Тамъ тѣсно объединились почти всѣ профессіи: каменщики, плотники, сапожники, портные, типографщики, рабочіе сигарныхъ фабрикъ и др.; они для обсужденія своихъ интересовъ устраивали собранія. Тогда вдругъ появилось въ газетѣ: „Leipziger Tageblatt“ объявленіе, сзывавшее собраніе служанокъ на Вербное воскресенье. Буржуа думали такимъ пріемомъ высмѣять стремленія рабочихъ, но вышло иначе. Собралось около 300 служанокъ и три изъ нихъ произнесли рѣчи. Онѣ обрисовали тяжелое положеніе домашней прислуги, особенно нянекъ. Послѣднія принуждены были до 10 часовъ вечера ухаживать за дѣтьми, а затѣмъ еще гнуть спину надъ лоханью съ бѣльемъ. Отъ пяти часовъ утра до обѣда онѣ должны были довольствоваться однимъ маленькимъ бутербродомъ и т. п. Но собраніе не приняло никакого постановленія. „Шутка“, какъ видимъ не удалась; лейпциг-

---

*) Не безынтересно упомянуть здѣсь, какъ относились другъ къ другу Карлъ Марксъ, какъ представитель научнаго соціализма, и Вейтлингъ—утопическаго. Карлъ Марксъ писалъ въ 1844 году: „Гдѣ бы буржуазія, если перечислить всѣхъ своихъ философовъ и писателей, могла найти трудъ подобно Вейтлинговскому: „Гарантіи гармоніи и свободы“, трактующій объ эмансипаціи буржуазіи—ея политической эмансипаціи“. Если сравнить мелочно-трезвую посредственность нѣмецкой политической литературы съ этимъ безграничнымъ и блестящимъ дебютомъ нѣмецкихъ рабочихъ; если сравнить эти гигантскіе шаги новорожденнаго пролетаріата съ мелкими политическими шажками карлика буржуазіи, то нельзя не пророчествовать этому замарашкѣ будущности гиганта-атлета. Вейтлингъ наоборотъ менѣе безпристрастно отзывался о Марксѣ; „Я вижу въ головѣ Маркса только хорошую энциклопедію, но не нахожу въ ней генія“. Вейтлингъ вообще отличался очень сильнымъ самомнѣніемъ. Въ 1869 году онъ писалъ Шиллингу; „Мнѣ крайне необходимъ издатель для моей астрономіи, самой цѣнной изъ всѣхъ книгъ, которыя когда-либо появлялись и вновь появятся въ мірѣ.

**) И здѣсь названіе коммунистовъ въ отличіе отъ буржуазныхъ соціалистовъ.

скіе буржуа не считали остроумнымъ дать себя обрисовать публично въ такомъ свѣтѣ.

Типографщики первые попытались образовать широко профессіональную организацію. Они созвали конгрессъ нѣмецкихъ типографщиковъ, который засѣдалъ въ Майнцѣ между 11 и 14 іюня; тамъ былъ основанъ національный союзъ типографщиковъ имени Гутенберга. Своего спасенія они прежде всего ожидали отъ франкфуртскаго парламента, куда они обратились съ ходатайствомъ учредить министерство труда, выбранное составомъ членовъ на половину отъ работодателей, наполовину отъ рабочихъ; далѣе они требовали ограниченія примѣненія машинъ, „поскольку послѣднее не принося пользы всему обществу обогащаетъ только отдѣльныхъ лицъ, и не способно даже предотвратить заграничной конкуренціи", надзора за ученичествомъ, учрежденія съ помощью государства больничныхъ инвалидныхъ, похоронныхъ и вдовьихъ кассъ; отмѣны исключительныхъ законовъ противъ рабочихъ, ограничивавшихъ имъ свободу передвиженія и осѣдлости и, наконецъ, отмѣны произвольной высылки полиціей агитаторовъ среди рабочихъ.

Эти требованія въ общемъ соотвѣтствовали окружающимъ условіямъ того времени; если же типографщики требовали ограниченія примѣненія машиннаго производства, то они въ этомъ случаѣ выражали только то, что ихъ особенно угнетало въ настоящую минуту. Вообще же это показываетъ, что имъ не доступно было еще пониманіе процесса капиталистическаго производства и тѣсно связаннаго съ нимъ промышленнаго развитія. И тутъ сказывалось вліяніе на рабочихъ цеховыхъ организацій. Въ Любекѣ оно было еще сильнѣе. Когда буржуазія рѣшила установить тамъ всеобщее избирательное право, цеховые мастера старались уговорить рабочихъ, что всеобщее избирательное право равносильно свободѣ промышленности и должно привести ихъ къ гибели. Одураченные рабочіе начали требовать сословныхъ выборовъ и осадили собраніе буржуазіи. Они оказали сопротивленіе гражданскому ополченію и на другой же день городъ былъ наводненъ Ольденбургскими войсками. Въ такой грубой формѣ не дали бы одурачить себя нынѣшніе рабочіе, по крайней мѣрѣ городскіе.

Упомянутый уже конгрессъ подмастерьевъ во Франкфуртѣ, засѣдавшій одновременно съ конгрессомъ мастеровъ, былъ довольно многочисленнымъ. Рабочіе никакъ не могли столковаться съ комиссіей для подмастерьевъ, назначенной мастерами, хотя иногда послѣдніе, казалось, дѣйствительно, хотѣли принять во вниманіе желанія подмастерьевъ. Такъ же и въ этой комиссіи господствовали самомнѣніе и своекорыстіе мастеровъ *).

Члены конгресса подмастерьевъ были люди очень несвѣдущіе; они часто копировали въ своихъ рѣшеніяхъ мастеровъ и также подпали вліянію Винкельблеха. И они желали разработать „промысловый уставъ". Но такъ какъ мастера раньше ихъ успѣли представить свой проектъ въ народно-хозяйственную комиссію парламента, то конгрессъ

*) Когда подмастерья внесли въ комиссію предложеніе, чтобы мастера не имѣли права держать болѣе двухъ учениковъ, то это сильно „взбудоражило" одного Нюренбергскаго кондитера. Бравые мастера, понятно, не хотѣли добровольно лишиться права неограниченной эксплоатаціи учениковъ.

подмастерьевъ выработалъ только памятную записку къ проекту мастеровъ. Замѣчательно то, что конгрессъ подмастерьевъ согласился въ существенныхъ пунктахъ съ мастерами; это служитъ доказательствомъ того, насколько мало рабочіе сознавали тогда свое классовое положеніе. Они не менѣе рѣшительно, чѣмъ мастера протестовали противъ свободы промышленности. Винкельблехъ старался доказать подмастерьямъ, что интересы мастеровъ и подмастерьевъ одинаковы; это ему, однако, не всегда удавалось; рабочіе высказывались противъ рабочихъ книжекъ и противъ обложенія фабрикъ; но присоединились за то къ требованію обязательной цеховой организаціи, охранительныхъ пошлинъ и ограниченія браковъ: „Кто обзаводится семьей, долженъ доказать, что сумѣетъ прокормить ее“, наивно заявили подмастерья, не понимая, что такого рода доказательство связано только съ чисто средневѣковой волокитой. Далѣе они требовали „права на трудъ“, съ чѣмъ были согласны и мастера—и десяти-часового рабочаго дня.

Важнѣе, чѣмъ эти требованія, была попытка создать организацію. Посвятивъ нѣкоторое время забавнымъ разсужденіямъ объ „Общегерманской рабочей кокардѣ“, они назначили центральное правленіе. Оно состояло изъ типографщика Франца, столяровъ Мюллера и Линке. Было издано воззваніе къ рабочимъ образовать всеобщій рабочій союзъ, который ограничился бы только разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса, входя въ политическія дѣла лишь постольку, поскольку они непосредственно затрагиваютъ „сословные интересы“. Этимъ они очевидно желали держать союзъ въ сторонѣ отъ партійныхъ раздоровъ. Организація была составлена изъ мѣстныхъ союзовъ, соединявшихся въ окружные союзы, изъ которыхъ составлялся уже всеобщій союзъ. 26 городовъ были назначены мѣстомъ засѣданія окружныхъ союзовъ, а Франкфуртъ на Майнѣ—центральнаго правленія. Взносы назначены были въ одинъ крейцеръ, а членомъ могъ стать всякій, кто „ставилъ своей задачей поднятіе рабочаго класса и возстановленіе средняго сословія“.

Слѣдующее воззваніе требовало принятія союзомъ и всѣми его отдѣлами общаго знамени *).

Рабочій конгрессъ послалъ въ парламентъ свою программу, которая требовала учрежденія „соціальной камеры“ и цехового устава. Конгрессъ закрылся 20-го сентября, избравъ предварительно комиссію для выработки „соціальной конституціи“ и „всеобщаго германскаго промышленнаго устава“. Замѣчательно то, что въ эту комиссію былъ избранъ и Винкельблехъ. Комиссія создала и общій органъ союза „Всеобщую Нѣмецкую Рабочую Газету“, которая издавалась во Франкфуртѣ на Майнѣ, но не пользовалась, однако, успѣхомъ.

Подмастерья были проникнуты исключительно мелкобуржуазными взглядами и шли на помочахъ у мастеровъ, отстаивая интересы послѣднихъ. Какъ и мастера, они стремились разрѣшить соціальный

---

*) Это воззваніе гласило: сплотимся подъ знаменемъ надежды. Да будетъ зеленымъ его поле; и украшено золотыми символами, дубовый вѣнокъ пусть означаетъ, что федерація выросла на нѣмецкой почвѣ; восходящее солнце—что она является свѣточемъ будущаго; сомкнутыя руки,—что только нашъ великій братскій союзъ даетъ ей свѣтъ и бытіе, а буквы A. D. F. V,—что мы уже образовали „Всеобщій Германскій Союзъ Федералистовъ (Allgemeiner Deutscher Federalisten-Verein).

вопросъ и освободить Германію отъ „пролетаріата“, не понимая того, что они сами представляютъ собой пролетаріевъ. Они заразились немного самомнѣніемъ мастеровъ, такъ какъ многіе изъ нихъ еще могли надѣяться стать со временемъ мастерами. Почти повсюду рабочій классъ давалъ употреблять себя тараномъ въ борьбѣ противъ свободы промышленности, въ то время какъ, съ другой стороны, онъ, особенно послѣ іюньской рѣзни въ Парижѣ, приведенъ былъ въ трепетъ предъ краснымъ призракомъ. О послѣднемъ говоритъ намъ адресъ мюнхенскаго рабочаго союза самообразованія, поднесенный тамошнему магистрату *).

И въ Берлинѣ 18 іюня, слѣдовательно тотчасъ послѣ штурма арсенала, съѣхался конгрессъ ремесленниковъ, который не пришелъ ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Но семь делегатовъ его созвали въ Берлинѣ на 23-е августа 1848-го года **рабочій конгрессъ**. На этотъ конгрессъ были приглашены всѣ рабочіе, ремесленные и образовательные союзы Германіи, какъ и нѣмецкіе союзы въ Швейцаріи, Парижѣ, Брюсселѣ и Лондонѣ. Въ приглашеніи было подчеркнуто, что рабочій вопросъ только поверхностно разсматривался предшествовавшими конгрессами. „Возможно лучше организованное“ собраніе представителей рабочаго класса должны **самостоятельно** взять въ свои руки дѣло послѣдняго для того, чтобы притти къ соглашенію по важнымъ пунктамъ, „обезпечивающимъ рабочему классу надежду **освобожденія отъ цѣпей капитала, личной зависимости и матеріальной нужды**“. Проектируемый рабочій парламентъ долженъ былъ создать соціальную **народную хартію**, „которую, всѣ эти милліоны подавленныхъ и эксплоатируемыхъ маленькой кучкой, объединившись въ тѣсный братскій союзъ, со всей энергіей должны стремиться сдѣлать **закономъ страны**“.

Здѣсь, какъ мы видимъ, начинается уже болѣе рѣшительное теченіе, которое болѣе приближается къ соціальному, чѣмъ конгрессъ подмастерьевъ во Франкфуртѣ. Это теченіе называло себя также **соціальной демократіей**; руководителями его были Стефанъ Борнъ и Неесъ-фонъ-Эзенбекъ. Но такъ какъ у Борна всегда пестро смѣшивались реакціонныя и революціонныя идеи, то онъ и теперь пошелъ по дорожкѣ, протоптанной Луи Бланомъ. Въ „Народной хартіи“ предполагали выставить требованіе „гарантіи труда“ и государственной поддержки самостоятельныхъ ремесленныхъ или промышленныхъ рабочихъ ассоціацій; государственнаго призрѣнія неспособныхъ къ труду; ограниченія рабочаго времени; высокаго прогрессивнаго подоходнаго налога; безплатнаго преподаванія; безплатной юридической помощи; учрежденія свободно избранныхъ министерствъ труда.

Конгрессъ состоялъ изъ 40 делегатовъ, прибывшихъ изъ всѣхъ главнѣйшихъ городовъ Германіи, былъ представленъ однимъ делегатомъ и франкфуртскій конгрессъ подмастерьевъ. Предсѣдателемъ съѣзда былъ избранъ Христіанъ-Готфридъ Неесъ фонъ-Эзенбекъ, который, какъ уже было упомянуто, состоялъ членомъ берлинской па-

---

*) Точное содержаніе этого адреса приведено въ книгѣ Бернгарда Беккера: „Германская реакція противъ революціи 1848-го года съ точки зрѣнія соціальной національной и государственной (стр. 58). Эта книга содержитъ богатый матеріалъ, который мы широко использовали.

латы соглашенія, а на этомъ конгрессѣ делегатомъ бреславльскаго рабочаго союза. Этотъ знаменитый ботаникъ и естествоиспытатель всегда съ особенной преданностью отдавался рабочему дѣлу. Тотчасъ послѣ мартовскаго возстанія онъ опубликовалъ статью, въ которой рекомендовалъ учредить министерство труда и организовать на средства государства производительныя товарищества *). Онъ былъ филантропомъ въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова, и соціалистомъ, хотя и не додумался еще до яснаго пониманія научнаго соціализма **).

Въ вице-президенты былъ избранъ Борнъ, стяжавшій себѣ большую извѣстность среди рабочихъ въ качествѣ руководителя берлинскаго центральнаго комитета рабочихъ. Рабочій конгрессъ раньше всего создалъ организацію нѣмецкихъ рабочихъ, съ помощью которой онъ надѣялся устранить ихъ разрозненность и объединить ихъ въ дружную силу. Предполагалось образовать мѣстные комитеты, а именно: въ 26 городахъ, которые бы учреждали профессіональные союзы, завѣдывали текущимъ дѣломъ, устройствомъ собраній и т. д. Надъ ними должны были стоять окружные комитеты, а общее руководство должно было принадлежать центральному комитету, который долженъ былъ засѣдать въ Лейпцигѣ. До сихъ поръ рѣшенія конгресса были довольно практичны; но потомъ конгрессъ погрузился въ густой туманъ утопіи. Мѣстные комитеты онъ хотѣлъ устроить такимъ образомъ, чтобы всѣ рабочіе каждой мѣстности соединялись не только въ профессіональные союзы, но еще въ одну общую свободную организацію. Мѣстный комитетъ долженъ былъ руководить и этой организаціей и взять въ свои руки образованіе бюро труда, прибѣгая въ случаѣ нужды къ помощи государства или общины. Этотъ комитетъ долженъ былъ установить также минимальную заработную плату, получать заработокъ отъ предпринимателя и выдавать его рабочимъ.

Вершины утопизма конгрессъ достигъ своимъ „кредитнымъ банкомъ“ или ассоціаціонной кассой, которая сходна была съ планомъ англійскихъ чартистовъ и вѣроятно во многомъ заимствована была оттуда. Касса вышеупомянутыхъ уже ассоціацій должна была составиться путемъ вычетовъ изъ заработной платы, присоединившихся къ ассоціаціи рабочихъ, высотою до 10 процентовъ. Вычеты эти должны были опредѣляться мѣстными комитетами въ размѣрѣ 10 процентовъ платы. Надѣялись, что присоединеніемъ процентовъ къ образовавшемуся капиталу составится въ теченіе 10 лѣтъ нужный для дѣла

*) Статья эта была напечатана въ „Летучихъ листкахъ,“ которыхъ не должно смѣшивать съ извѣстными мюнхенскими юмористическими листками. См.; „Vossische Zeitung“ отъ 12 апр. 1848 года.

**) Неесъ-фонъ-Эзенбеку было уже тогда 72 года. Онъ пережилъ время великой французской революціи и воспринялъ ея идеи равенства и братства. Его преданность рабочему дѣлу была такъ велика, что даже научная извѣстность не спасла его отъ преслѣдованія. Человѣкъ, котораго въ 1817 г. вѣнская академія естествоиспытателей избрала своимъ президентомъ, былъ не только высланъ изъ Берлина въ 1849 году, но и устраненъ въ 1851 году отъ должности профессора естественныхъ наукъ въ Бреславлѣ, а въ 1852 г. по судебному приговору формально лишенъ ея. Онъ до конца дней остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и умеръ въ 1853 году въ Бреславлѣ, въ нищетѣ, на 82-мъ году своей жизни.

фондъ. А каждый членъ затѣмъ соразмѣрно своему взносу становится участникомъ въ прибыляхъ ассоціаціи. Члены кассы должны были получить безпроцентныя ссуды изъ кассы ассоціаціи срокомъ на 4 недѣли, а обезпеченіемъ могла служить и рабочая сила за отсутствіемъ чего другого. Деньги ассоціаціи предполагалось вложить въ дома и землю, при чемъ послѣднюю полагали раздѣлить парцелами между отдѣльными членами ассоціаціи, которые выплачивали бы слѣдуемыя съ нихъ суммы по частямъ изъ прихода съ этихъ участковъ. Все это, особенно правила о выдачѣ заработной платы и вычетѣ изъ нея, лежавшія на обязанности каждаго мѣстнаго комитета были очень точно опредѣлены въ „регламентахъ".

Къ этому присоединился еще цѣлый рядъ другихъ требованій, какъ признаніе правъ рабочихъ комитетовъ государствомъ, доставленіе машинъ на государственный счетъ производительнымъ товариществамъ, установленіе нормальнаго десятичасового дня и т. д. Здѣсь сочетались одновременно дурныя и хорошія, практичныя и утопичныя, трезвыя и фантастическія идеи.

Этотъ конгрессъ также обратился къ франкфуртскому парламенту за осуществленіемъ своихъ требованій, къ которымъ онъ еще добавилъ требованіе созыва на государственный счетъ въ Франкфуртѣ свободно-избраннаго „конгресса свѣдущихъ людей для представленія интересовъ всѣхъ нѣмецкихъ промысловъ". Франкфуртскому парламенту рекомендовалось включить требованіе берлинскаго рабочаго конгресса въ основные законы, т. е. въ имперскую конституцію. Обращеніе къ парламенту сопровождалось длинной запиской, въ которой конгрессъ излагалъ свои взгляды на государство и общество, на трудъ и капиталъ *).

Франкфуртскій парламентъ отнесся въ общемъ отрицательно къ предложеніямъ рабочихъ; онъ далъ, правда, избирательное право рабочимъ начиная съ 25-лѣтняго возраста, во всемъ же остальномъ у него для рабочихъ были только красивыя фразы, но мало дѣла, что впрочемъ наблюдалось и во всей остальной его дѣятельности. Слова, съ которыми онъ обращался къ рабочимъ, были порой дѣйствительно очень хороши **). 8 февраля 1849 года франкфуртскій парламентъ обсуждалъ параграфъ 173 конституціи, который гласитъ:

„Обложеніе налогами (государственными и общественными) дол-

---

*) Записка отпечатана въ упомянутыхъ уже „Beiträgen zur sozialen Geschichte des Jahres 1848" заключающейся въ „Neue Zeit" за 1885 годъ стран. 3.

**) 17 февраля 1849 года, извѣстный націоналъ-экономъ профессоръ Бруно Гильдебрандъ изъ Марбурга сказалъ предъ франкфуртскимъ парламентомъ слѣдующее:

„Какъ все великое въ природѣ выростаетъ снизу, такъ и въ исторіи каждое великое движеніе, каждый крупный прогрессъ цивилизаціи исходитъ изъ нѣдръ народной массы. Эти презираемые нищіе слои общества, являются тайными мастерскими человѣческаго духа. Здѣсь рождаются геніи и великіе реформаторы, здѣсь создается всемірная исторія и всякая цивилизація, не получающая новой пищи изъ этихъ слоевъ, сгниваетъ и отмираетъ".

Эти замѣчательныя слова сохраняютъ свое полное значеніе особенно для нашей эпохи, самаго жалкаго противоестественнаго преклоненія передъ Мамономъ, который ложно прикрывается заслугами на общую пользу.

жно быть организовано такимъ образомъ, чтобъ положить конецъ всякимъ привилегіямъ сословнымъ и имущественнымъ отдѣльныхъ личностей".

Здѣсь вмѣшалась лѣвая, которая попыталась, добиваясь поддержки неимущихъ, также одновременнаго включенія „и права на трудъ" въ имперскую конституцію. Симонъ изъ Трира, Науверкъ изъ Берлина и Россмеслеръ изъ Таранда внесли соотвѣтствующія предложенія. Кирульфъ изъ Роштока и Вуттке изъ Лейпцига *) требовали отклоненія всѣхъ предложеній и принятія параграфа просто въ томъ видѣ, въ которомъ онъ былъ представленъ комиссіей.

Это и было принято послѣ длинныхъ и интересныхъ дебатовъ большинствомъ 317 противъ 114 голосовъ **). Бравые парламентаріи пошли на уступки передъ требованіемъ „права на трудъ", не имѣющимъ ничего общаго съ научнымъ соціализмомъ, за спиной котораго имъ мерещился страшный призракъ „коммунизма".

Самымъ важнымъ результатомъ берлинскаго рабочаго конгресса явился тотъ фактъ, что онъ основалъ способную къ развитію рабочую организацію. Франкфуртской комиссіи подмастерьевъ было предложено посылать своего делегата въ Лейпцигскій центральный комитетъ. Были приложены всѣ старанія, чтобы объединить обѣ рабочія организаціи. Центральный комитетъ состоялъ изъ Борна (Берлинъ), Швеннингера (Гаммъ) и Кика (Лейпцигъ). Борнъ закрылъ свою берлинскую газету „Народъ" и переселился въ Лейпцигъ, гдѣ началъ издавать органъ новой рабочей организаціи: „Братство", первый № котораго вышелъ 3 октября 1848 года. Впослѣдствіи, когда Борнъ долженъ былъ бѣжать, эту газету редактировалъ Швеннингеръ.

Центральный комитетъ „Братства рабочихъ", какъ называлась новая организація, былъ очень дѣятельнымъ и не безъ успѣха пытался пріобрѣсти вліяніе на рабочія массы. Въ февралѣ 1849 года состоялся тюрингенскій и одновременно гамбургскій рабочіе конгрессы, на послѣднемъ изъ нихъ предсѣдательствовалъ Швеннингеръ.

На гамбургскомъ конгрессѣ, имѣвшемъ громадное значеніе, предложено было также устройство общественныхъ столовыхъ и основаніе союзовъ въ деревнѣ. Въ апрѣлѣ 1849 года состоялся въ Нюренбергѣ баварскій рабочій конгрессъ, гдѣ предсѣдателемъ былъ Борнъ; на немъ выставлены требованія устройства народныхъ библіотекъ, образовательныхъ школъ и всеобщаго избирательнаго права для всѣхъ достигшихъ 21 года. По всѣмъ остальнымъ пунктамъ представители баварскихъ рабочихъ присоединились къ Лейпцигскому комитету.

Въ іюнѣ 1849 года долженъ былъ, согласно постановленію центральнаго комитета, состояться въ Лейпцигѣ конгрессъ всѣхъ нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ. Движеніе мало-по-малу разросталось и оно бы въ концѣ концовъ выработало вѣроятно ясную соціалистическую программу и отбросило бы узость, такъ какъ рейнскіе соціалисты намѣревались взять движеніе въ свои руки. Кельнскій комитетъ, въ которомъ находился Карлъ Марксъ, Карлъ Шапперъ и Вильгельмъ

*) Генрихъ Вуттке, какъ извѣстно, открыто выступалъ впослѣдствіи на сторонѣ Лассаля.

**) Издатель изложилъ эти дебаты подробно въ „Neue Zeit" за 1883 годъ, книга 1.

Вольфъ, созвалъ на 6 мая 1849 года провинціальный конгрессъ, на которомъ предполагалось вновь организовать рейнско-вестфальскіе рабочіе союзы, избрать делегатовъ на Лейпцигскій конгрессъ и дать имъ твердо установленныя и мотивированныя предложенія.

Конгрессъ этотъ привлекъ бы несомнѣнно много членовъ, но онъ не могъ состояться. Возстанія на Рейнѣ, въ Дрезденѣ, въ Пфальцѣ и Баденѣ привели къ совершенно измѣнившимся условіямъ, — большинство соціалистовъ и руководителей движенія вынуждены были бѣжать или были заключены въ тюрьму: нѣкоторые нашли свою смерть на полѣ битвы. Правительства не преминули, послѣ подавленія возстаній, начать преслѣдовать самыми суровыми мѣрами всякое самостоятельное движеніе рабочихъ. „Братство рабочихъ" держалось до 1850 г., нѣкоторыя отдѣленія его, которыя не казались правительству опасными—еще долѣе. Все вверглось въ пучину реакціи. Въ то время, какъ французскій пролетаріатъ послѣ іюньскаго пораженія набросился на эксперименты съ производительными ассоціаціями, основанными на самопомощи въ борьбѣ, если не вполнѣ успѣшной, то довольно продолжительной, противъ насилій капитализма въ Германіи все оставалось неподвижнымъ. Только знаменитый кельнскій процессъ коммунистовъ 1852 года напомнилъ о томъ, что въ Германіи находились еще люди, носившіе въ себѣ идеи освобожденія пролетаріата. Не успѣвъ во время спастись бѣгствомъ, они на годы осуждены были томиться подъ тюремными сводами *).

Трудно рѣшить въ настоящее время, удалось ли бы создать на предполагавшемся Лейпцигскомъ конгрессѣ при помощи рейнскихъ соціалистовъ самостоятельную рабочую партію. Нельзя во всякомъ случаѣ отрицать возможность этого. Удалось бы сдѣлать хоть первое вступленіе, то возможно, что удалось бы предотвратить полное забвеніе рабочими своей самостоятельной программы и превращеніе ихъ въ придатокъ къ буржуазно-либеральному движенію. Эта несамостоятельность рабочихъ была такъ велика, что даже Лассаль при всей его энергіи сомнѣвался въ возможности ея устраненія.

Въ наши дни она исчезла, чему больше всего несомнѣнно содѣйствовало само капиталистическое развитіе.

---

*) Изъ наиболѣе извѣстныхъ въ этомъ процессѣ выдѣлялись, кромѣ Фрейлиграта и Генрихъ Бюргерсъ, впослѣдствіи депутатъ прогрессистовъ и знаменитый „красивый Беккеръ", ставшій потомъ оберъ-бургомистромъ въ Кельнѣ и членомъ палаты господъ. Оба они, чтобы какъ-нибудь прикрыть измѣну своимъ убѣжденіямъ, позднѣе утверждали, что они невинно пострадали. О махинаціяхъ Штибера въ этомъ процессѣ смотри Карла Маркса: „Разоблаченія кельнскаго процесса коммунистовъ".

Возстаніе во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Франкфуртскій парламентъ дѣлалъ все, чтобы лишить себя довѣрія народа. Безконечные и утомительные дебаты не разъ были прерываемы шумными сценами, которыя обнаружили всю ограниченность колеблющихся элементовъ, и все увеличивающуюся наглость реакціонеровъ. Собраніе отложило въ сторону польскій вопросъ, одобривъ попросту дѣянія Пруссіи въ Познаніи; точно такимъ же образомъ оно поступило по отношенію къ Австріи, ставъ на ея сторону въ ея борьбѣ противъ итальянскаго возстанія. Въ польскихъ дебатахъ Вильгельмъ Іорданъ счастливо договорился въ своихъ рѣчахъ до чина „флотскаго совѣтника", въ то время, какъ Арнольдъ Руге, сравнивая фельдмаршала Радецкаго съ Тилли, высказывалъ открыто желаніе, чтобы тотъ былъ разбитъ *). Послѣднее, понятно, вызвало сильное возбужденіе **). Но еще шумнѣе прошли дебаты при обсужденіи вопроса объ амнистіи для политическихъ преступниковъ въ Баденѣ. Собраніе, которое только что отмѣнило смертную казнь, выказало себя неумолимымъ по отношенію къ участникамъ Геккеровскаго и Гервегскаго походовъ. Когда Брентано изъ Брукзаля, другъ Геккера, при обсужденіи вопроса объ амнистіи позволилъ себѣ нападки на принца Прусскаго, на правой поднялась буря; нѣсколько дворянчиковъ окружили Брентано и осыпали его ругательствами; а одинъ даже вызвалъ его на дуэль. Вице-президентъ Суаронъ закрылъ засѣданіе***). Безпорядокъ продолжался и на слѣдующій день и галлереи были очищены отъ публики. Амнистія была отвергнута всѣми голосами противъ 90, а избраніе Геккера въ Тингенѣ объявлено недѣйствительнымъ всѣми голосами противъ 116. Народное движеніе, проявлявшееся еще мѣстами,—особенно на югѣ, западѣ и въ средней Германіи рѣзкими вспышками возстанія отпугивало филистеровъ собранія, вмѣсто того, чтобы придать имъ больше увѣренности

---

*) Радецкій въ общемъ не заслуживалъ сравненія съ Тилли.

**) Лихновскій, имѣвшій, какъ и подобаетъ истинному юнкеру, свой собственный жаргонъ, изрекъ при этихъ дебатахъ слѣдующую фразу: „Историческое право не знаетъ даты". Эта оригинальная ошибка доставляла Карлу Фогту столько чисто дѣтскаго удовольствія, что было уже слишкомъ даже для шутника лѣвыхъ.

***) Этотъ случай послужилъ поводомъ къ извѣстной каррикатурѣ: Суаронъ въ видѣ жирной лягушки взбирается на трибуну; внизу подписано: „каждый разъ, какъ она влѣзаетъ наверхъ, — жди бури".

на томъ пути, на который они только вступили. Трусливые зайцы, они боялись, чтобъ ихъ не проглотило то движеніе, которое вручило имъ мандаты. Особенный ужасъ внушали имъ республиканскія стремленія, хотя и тогда уже не трудно было видѣть, что республиканцы не составляютъ значительнаго меньшинства по отношенію ко всему населенію Германіи. Возстанія республиканскаго характера обнаружились съ особенной силой въ мелкихъ государствахъ, гдѣ господствовала суровая аристократія и гдѣ крестьяне особенно сильно страдали отъ гнета феодальныхъ повинностей и охотничьихъ привилегій благородныхъ господъ.

Многія изъ этихъ маленькихъ возстаній, судя по ихъ результатамъ, лѣтомъ 1848 г. носили совершенно невинный характеръ, хотя и происходили съ немалымъ шумомъ. Такъ, напримѣръ, было въ Альтенбургѣ, гдѣ правительство прибѣгло къ суровымъ мѣрамъ и призвало военную силу противъ возставшихъ. Когда демократія потребовала удаленія войскъ, а правительство отвѣтило попыткой арестовать всѣхъ извѣстныхъ демократовъ, народъ ударилъ въ набатъ, и Альтенбургъ покрылся баррикадами*). Все гражданское ополченіе вмѣстѣ съ городскимъ и сельскимъ населеніемъ готово было вступить въ борьбу съ правительствомъ. Въ городъ стеклось около 12.000 вооруженныхъ людей. Прибыло саксонское войско и борьба казалась неизбѣжной, но тутъ вмѣшались посредники. Правительство пошло на уступки, войска были отозваны и Крунцигеръ, одинъ изъ вождей демократіи, былъ принятъ въ составъ министерства. Остальные вожди демократіи, Эрбе и докторъ Адольфъ Дуэ, принуждены были впослѣдствіи удалиться за границу**).

Менѣе миролюбиво происходило дѣло въ Герѣ, гдѣ крестьяне были вызваны на возмущеніе арестомъ Краузэ, члена сельско-хозяйственной совѣщательной камеры. Крестьяне, почитавшіе въ этомъ человѣкѣ защитника своихъ правъ, массами устремились въ городъ и освободили Краузе, при чемъ дѣло не обошлось безъ кровопролитныхъ столкновеній. Эти событія послужили источникомъ дальнѣйшихъ безпорядковъ, несмотря на то, что центральное правительство послало саксонскаго министра Оберлендера въ качествѣ посредника и онъ выхлопоталъ амнистію. Нѣкоторую роль игралъ здѣсь и рабочій вопросъ. Значительное количество рабочихъ получило работу при постройкѣ трамвая на государственный счетъ. Филистеры были, какъ повсюду, возмущены этой „государственной помощью“ и рабочимъ приписывались всякія безобразія. Не было возможности провѣрить справедливость всѣхъ этихъ толковъ. Капиталисты, напуганные, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, грозили выселеніемъ, и правительство воспользовалось случаемъ призвать въ страну иностранныя войска, что было одобрено и Оберлендеромъ. Войска вели себя очень жестоко и при всякомъ удобномъ случаѣ производили грубыя насилія надъ населеніемъ Геры. До марта

---

*) Основаніемъ главной баррикады послужила богатая карета оберъ-маршала Мюнхгаузена.

**) Дуэ извѣстенъ былъ впослѣдствіи въ Сѣверной Америкѣ, извѣстнымъ педагогомъ и одной изъ выдающихся личностей въ соціалдемократической партіи.

Лихновскій и Винке выступили при шикаиьи галлереи за перемиріе; Лихновскій крикнулъ наверхъ: „это не приговоръ Германіи!" Этотъ надменный юнкеръ старался раздражать массу при каждомъ удобномъ случаѣ.

Несамостоятельные члены парламента были усердно обработаны; имъ, наконецъ, было внушено мнѣніе, что они работаютъ на руку „противникамъ всякаго государственнаго порядка", если голосуютъ противъ перемирія. И такимъ образомъ 16-го сентября было осуществлено роковое постановленіе, по которому парламентъ 258 противъ 236 голосовъ принялъ перемиріе. Центральной власти, правда, рекомендовалось еще внести нѣкоторыя „модификаціи" въ условія договора, но датское правительство свело на нѣтъ этотъ фокусъ, заявивъ, что оно не согласно ни на какія „модификаціи".

Этимъ рѣшеніемъ собраніе навсегда лишилось всякаго уваженія въ глазахъ народа; ни одинъ человѣкъ не могъ надѣяться, что это собраніе, колеблющееся, какъ тростникъ отъ вѣтра, въ состояніи рѣшить нѣмецкій вопросъ въ благопріятномъ для народа смыслѣ. Парламентъ, столько твердившій о своей „суверенности", подчинился старымъ реакціоннымъ властямъ, трусливо склонилъ свою голову. Это, а не шлезвигъ-голштинскій вопросъ самъ по себѣ, и вызвало бурю негодованія въ народѣ противъ парламента.

Со всѣхъ сторонъ посылали насмѣшки и презрѣніе на фракфуртскихъ болтуновъ *).

Послѣ этихъ событій лѣвая должна была выйти изъ парламента. Она этого однако не сдѣлала и рѣшила остаться на своемъ „выжидательномъ" посту для того, чтобъ окончательно погрузиться въ болотномъ парламентаризмѣ, въ церкви Св. Павла. Мы не принадлежимъ къ тѣмъ, которые разсматриваютъ „выжиданіе" въ церкви Св. Павла, какъ особую заслугу.

Уже вечеромъ 16-го сентября послѣ голосованія было во Франкфуртѣ неспокойно **). Лѣвая засѣдала въ „Deutscher Hof", гдѣ обсу-

---

изданной въ 1864 году, исторіи Германскаго движенія 1848 года, что въ Гроссъ-Ваберпѣ возлѣ Берна, гдѣ воспитывались сыновья Блюма, вдова послѣдняго говорила ему съ горечью въ тонѣ, что Іеккель виновенъ въ смерти Роберта Блюма. Мы упоминаемъ объ этомъ только мимоходомъ, не придавая этому особаго значенія

*) Въ „Reichszeitung", издававшейся Робертомъ Блюмомъ и его зятемъ Гюнтеромъ, появились, ставшіе извѣстными, стихи:

Fünfundsiebzig Bureaukraten—
Schöne Worte—keine Thaten!
Fünfundsiebzig Aristokraten—
Vaterland du bist verrathen!
Fünfundsiebzig Professoren—
Vaterland du bist verloren!

(„Семьдесять пять бюрократовъ — много фразъ, мало дѣла. Семьдесять пять аристократовъ — родина ты предана! Семьдесять пять профессоровъ—родина, ты погибла"!

**) Гекшеръ, въ помѣщеніи котораго, въ „Englischer hof", толпа выбила окна, бѣжалъ въ Соденъ. Узнанный тамъ, онъ бѣжалъ въ Гекстъ, гдѣ узнанъ былъ снова однимъ гамбургскимъ ремесленникомъ и окруженъ разъяренной толпой; ему съ трудомъ удалось спастись въ ратушу, откуда онъ направился

ждала, не слѣдуетъ ли внести предложеніе о новыхъ выборахъ. Колоссальная масса народа собралась предъ домомъ собранія и требовала контръ-парламента; франкфуртскіе рабочіе союзы отдали себя въ распоряженіе лѣвой. Послѣдняя старалась успокоить народъ и пригласила его на слѣдующій день, 17-го сентября, послѣ полудня, на большое народное собраніе, на Троицынъ Лугъ. Послѣ этого масса разсѣялась. Въ ту же ночь были разосланы гонцы въ близлежащіе города для того, чтобы пригласить всѣхъ и каждаго на собраніе.

Если дѣйствительно, какъ утверждаютъ, съ самаго начала въ планъ входило поднять возстаніе, съ цѣлью разогнать парламентъ, то этотъ планъ былъ выполненъ крайне неискусно. Большимъ вліяніемъ въ этомъ движеніи пользовался Германъ Меттернихъ, извѣстный майнцскій демократъ, но онъ былъ ничѣмъ больше, какъ крикуномъ, несмотря на свое атлетическое сложеніе; это былъ трактирный демократъ. Онъ велѣлъ разрушить телеграфные столбы и желѣзно-дорожные рельсы, ведущіе въ Майнцъ, но не сумѣлъ тѣмъ самымъ воспрепятствовать появленію военной помощи изъ Майнца и Дармштадта, какъ только движеніе во Франкфуртѣ начало принимать угрожающій характеръ. Въ самомъ Франкфуртѣ находился только одинъ батальонъ гессенцевъ; одно то, что этимъ обстоятельствомъ не воспользовались и не подняли возстанія немедленно, оставляетъ сомнѣніе въ продуманности плана возстанія.

Собраніе на Троицыномъ Лугу было очень оживленнымъ; сообщенія о числѣ собравшихся колеблются между 20.000 и 40.000. Замѣченъ былъ притокъ людей изъ Майнца, Оффенбаха, Ганау и изъ другихъ мѣстъ. Виднѣлось значительное количество оружія и шапки съ красными перьями. Парламенту былъ предложенъ адресъ и произносились очень рѣзкія рѣчи. Изъ депутатовъ говорили: Цицъ, Везендонкъ, Симонъ изъ Трира, Шлеффель и Гентгесъ изъ Гейлебронна *) Цицъ сказалъ, что слѣдуетъ теперь „Итти на разрывъ“. Шлеффель вызвалъ шумный восторгъ, цитируя слѣдующія строфы:

„Wem vom Kanonenschlund ein rasches Schiksal blitzt,
Der stirbt den raschen Tod im frischen Lauf der Stunden;
Doch auf wem Liliput mit tausend Nadeln sitzt,
Der stirbt Millionen Mal an Millionen Wunden!“
„Кто долженъ пасть въ бою, ядромъ сраженный,
Смерть быстрая того на полѣ брани ждетъ;
Но милліонъ смертей, милліоны разъ пронзенный
Узнаетъ тотъ, кто жертвой карликовъ падетъ!“

Но демократы все-таки говорили только то, что привыкли отъ нихъ слышать. Выступали еще и другіе ораторы; напримѣръ, молодой

въ Майнцъ. Съ нимъ обошлись, какъ сообщили издателю очевидцы въ Гекстѣ довольно не мягко. Гекстъ подвергся за это военной экзекуціи. Въ то же время во Франкфуртѣ старикъ Янъ изъ боязни предъ бушующимъ на улицѣ народомъ совершилъ свое послѣднее „гимнастическое путешествіе“ подъ столъ въ „Westendhalle“. Впослѣдствіи утверждали, что кельнеръ позволилъ себѣ злую шутку надъ старымъ „французоѣдомъ“.

*) Гентгесъ, недавно умершій, къ старости сталъ національно-либеральнымъ ханжею.

человѣкъ, малоизвѣстный, отличившійся своими яро-республиканскими рѣчами *). Въ концѣ концовъ былъ принятъ адресъ, въ которомъ 258 депутатовъ, голосовавшіе за перемиріе, были объявлены измѣнниками свободѣ и чести германскаго народа. Особая депутація должна была представить это рѣшеніе парламенту. Толпа двинулась къ дому, гдѣ помѣщался клубъ лѣвыхъ. Но послѣдняя своими обѣщаніями постаралась умѣрить ея пылъ и добилась того, что большинство прибывшихъ изъ окрестностей удалилось, многіе дѣлали это изъ негодованія противъ лѣвой, которая какъ разъ въ это время рѣшила остаться въ парламентѣ.

Франкфуртскій сенатъ, напуганный собраніемъ, призвалъ изъ Майнца батальонъ австрійцевъ и батальонъ пруссаковъ, которые прибыли въ 3 часа утра и заняли церковь Св. Павла. Такимъ образомъ, парламентъ долженъ былъ защищаться отъ того народа, отстаивать интересы котораго онъ былъ призванъ.

Утромъ 18-го сентября не только галлереи церкви Св. Павла были тѣсно переполнены, но густыя массы народа тѣснились и снаружи и вокругъ зданія, особенно у входовъ. Они видимо не знали, что предпринять, а парламентскіе демократы старательно держались вдали отъ нихъ. У дверей произошла давка и нѣкоторые трусы, особенно Риссеръ изъ Гамбурга, столкнувшись съ густой массой, полагали уже, что жизнь ихъ въ опасности. Носились самые невѣроятные слухи. Тутъ одинъ прусскій офицеръ распорядился оттѣснить толпу штыками, нѣсколько человѣкъ было при этомъ ранено, а когда пришло еще извѣстіе, что городскія ворота заняты войсками, то началась постройка баррикадъ. Но не съ возбужденіемъ и криками мести, нѣтъ, довольно медленно и почти благодушно. Войска не вмѣшались, хотя баррикады воздвигались на ихъ глазахъ. Очевидно хотѣли вызвать бунтъ, чтобъ усмирить его, и имѣть, такимъ, образомъ возможность оправдать потомъ свои насилія надъ демократіей**). Въ цѣломъ рядѣ улицъ: Türkenschuss, Hausengasse, Schnurgasse, Töngergasse, Allerheiligengasse, Fahrgasse, и возлѣ рва были воздвигнуты баррикады. За ними стояло около 400 человѣкъ, почти исключительно рабочіе. Послѣдніе, отчаявшись въ обѣщанной свободѣ, начали безнадежную борьбу. И на этотъ разъ на дверяхъ написано было: „Собственность священна!“ и ни на одинъ пфенигъ имущества не было похищено во время борьбы. Говорятъ, что старикъ Ротшильдъ, домъ котораго находился въ рукахъ возставшихъ, былъ этимъ не мало удивленъ.

Парламентъ между тѣмъ продолжалъ обсужденіе основныхъ законовъ и дѣлалъ, или пытался сдѣлать видъ, что его вовсе и не касается все то, что происходитъ снаружи, на улицѣ. Неизбѣжное мини-

---

*) Это былъ никто иной, какъ Фридрихъ Каппъ, впослѣдствіи національно-либеральный депутатъ. Вначалѣ борьбы онъ былъ незамѣтенъ, а потомъ бѣжалъ въ Америку. Оттуда онъ вернулся до такой степени „исправленнымъ“, что Бисмаркъ однажды при перебаллотировкѣ далъ пароль: „избирайте Каппа“.

**) Одинъ депутатъ увидѣлъ офицера, стоявшаго со своимъ отрядомъ въ двадцати шагахъ отъ строившейся баррикады. Когда онъ спросилъ, почему войско такъ спокойно смотритъ на это, офицеръ отвѣтилъ: „Я не имѣю никакого другого приказанія, какъ стоять здѣсь“.

стерство Шмерлинга снова вступило въ должность. Рюль, демократическій бургомистръ изъ Ганау, и Трицнеръ изъ Вѣны внесли отъ имени крайней лѣвой предложеніе распустить парламентъ и назначить новые выборы, такъ какъ народъ потерялъ довѣріе къ этому собранію. Оба предложенія не были признаны настоятельными и потому вовсе не обсуждались. Въ концѣ засѣданія предсѣдателю былъ переданъ адресъ собранія на Троицыномъ лугу и прочитанъ, не вызвавъ никакого особеннаго возбужденія. Около двухъ часовъ Гагернъ закрылъ собраніе.

Въ два часа баррикады были атакованы войсками, которыя ежеминутно получали подкрѣпленія. Борьба была очень упорна, такъ какъ войска еще не имѣли пушекъ и дѣйствовали только штыками. Городъ оглашался безпрерывнымъ громомъ выстрѣловъ. Нѣкоторыя баррикады были взяты войсками не безъ значительныхъ потерь; однако особенно упорное сопротивленіе оказано было въ узкихъ старыхъ частяхъ города. Въ улицѣ Всѣхъ Святыхъ и особенно въ Проѣзжей улицѣ, гдѣ была воздвигнута большая баррикада предъ Заксенгейзерскимъ мостомъ, войска были встрѣчены сильнымъ оружейнымъ залпомъ, который заставилъ ихъ отступить.

Народные борцы еще предъ началомъ сраженія сказали, что они сами снимутъ баррикады, если будутъ удалены изъ города прусскіе батальоны. Нѣкоторые члены лѣвой: Трюцшлеръ, Раво, Робертъ Блюмъ и Людвигъ Симонъ воспользовались этимъ, чтобы выступить посредниками. Взявъ на себя эту обыкновенно мало благодарную роль, они поспѣшили къ правителю имперіи исходатайствовать приказъ войскамъ прекратить огонь. Осыпавъ ихъ потокомъ фразъ, Іоганнъ направилъ ихъ къ министрамъ *). Военный министръ, фонъ-Пейкеръ, принялъ ихъ съ высокомѣрной холодностью и направилъ къ австрійскому генералу Нобили, какъ къ коменданту. Послѣдній съ готовностью согласился тотчасъ на перемиріе, но только на $1^1/_2$ часа, и то только, если повстанцевъ удастся убѣдить прекратить огонь. Демократы должны были этого добиться; на помощь имъ былъ данъ членъ парламента, прусскій майоръ фонъ-Боддинъ, осыпавшій посредниковъ цѣлымъ арсеналомъ насмѣшливыхъ замѣчаній. Шлеффель, Морицъ Гартманъ**), Карлъ Фогтъ, Людвигъ Симонъ, Реслеръ изъ Эльса, Трюцшлеръ и Рюль взяли на себя посредничество и направились къ баррикадамъ. Это предпріятіе не лишено было опасности, такъ какъ ни войска, ни повстанцы въ пылу битвы не обращали вниманія на махающихъ платками посредниковъ, и тѣ очутились между двухъ огней. Нѣкоторые изъ нихъ, говорятъ, при свистѣ пуль остались не вполнѣ хладнокровными, за что впослѣдствіи были сильно осмѣяны. Другіе выказали много мужества, какъ, напримѣръ, „имперская канарейка“ Реслеръ изъ Эльса, на Заксенгейзерскомъ мосту. Съ большимъ трудомъ и опасностью посредникамъ удалось добиться перемирія на три четверти часа. Инсургенты были полны отваги и упорства, они и выслушать согласились только Трюцшлера и Симона изъ Трира. Когда Симонъ началъ рисовать пов-

---

*) Какъ передаютъ нѣкоторые юмористическіе листки, Іоганнъ на вопросъ одного изъ демократовъ, что дѣлать, отвѣтилъ: „я не знаю этого!“

**) Мы здѣсь пользуемся сообщеніями послѣдняго, изложенными въ: „Demokratischen Studien“.

станцамъ какую силу представляетъ собою войско и указывать на неизбѣжность ихъ пораженія, ему отвѣтилъ одинъ рабочій, потерпѣвшій отъ порохового дыма, баррикадный борецъ: „Мы рѣшили пасть на баррикадахъ. Послѣ того, какъ національное собраніе предало честь Германіи, мы не хотѣли больше жить. Мы не хотѣли вмѣстѣ съ ними нести этотъ позоръ, мы хотѣли умереть, какъ наши братья, съ оружіемъ въ рукахъ!“ При этомъ онъ указалъ на павшихъ и ихъ кровавыя раны. Да, этотъ пролетарій былъ изъ другого матеріала, чѣмъ парламентскіе фразеры. Въ немъ было больше гордости и упорства, чѣмъ во всякомъ либеральномъ и демократическомъ буржуа, онъ не хотѣлъ такъ легко отдать мартовскія пріобрѣтенія.

Наконецъ, согласились на томъ, чтобы повстанцы сдались, подъ условіемъ гарантіи всеобщей амнистіи. Переговоры заняли очень много времени. Подмоги изъ Ганау и Майнца, благодаря увѣщаніямъ лѣвой не явилось. Между тѣмъ изъ Дармштадта прибыло войско съ сильной артиллеріей. Къ вечеру въ городѣ находилось уже около 12.000 солдатъ, и Шмерлингъ съ насмѣшкой отвергъ требованіе амнистіи, такъ какъ три четверти часа прошли, а баррикады не убраны. „Мы обмануты“, сказалъ Леве-Кальбе Морицу Гартману. „Все перемиріе послужило только тому, чтобы выиграть время и дождаться пушекъ“.— И дѣйствительно, баррикады были теперь атакованы со всей силой, что конечно было бы сдѣлано и безъ перемирія, но посредники лѣвой по обыкновенію осрамились.

Теперь загремѣли двѣнадцати-фунтовыя дармгессенскія пушки противъ баррикадъ, которыя защищались съ отчаяннымъ упорствомъ. Нѣкоторые борцы намѣренно бросались на вѣрную смерть, настолько близко они принимали къ сердцу несчастье Германіи. Только въ 10 часовъ ночи пала послѣдняя баррикада на Шнургассэ. Повстанцы отступали отъ одной баррикады къ другой, проламывая стѣны домовъ. „Съ холоднымъ спокойствіемъ и презрѣніемъ къ смерти“, пишетъ членъ парламента *), „защищали они еще около часу послѣднюю и самую сильную изъ этихъ баррикадъ, которая перерѣзывала вкось Шнургассэ по направленію отъ Кирпичнаго переулка къ „Нюренбергскому Дворцу“. Здѣсь въ черной бархатной курткѣ командовалъ молодой, красивый рабочій изъ Гейдельберга, который пользовался большой извѣстностью среди своихъ товарищей далеко кругомъ по Рейну и Майну. Онъ стоялъ одинъ на баррикадѣ. Справа и слѣва въ домахъ засѣли блузники, которые несомнѣнно принадлежали къ наиболѣе фанатичнымъ и рѣшительнымъ. Какъ только онъ взмахивалъ шпагой, въ одинъ моментъ изъ дула двадцати двухъ мушкетовъ сверкалъ огонь, который осыпалъ градомъ пуль стѣснившихся тѣсно за пушками чеховъ. Вотъ раздается команда: „пли!“ Съ обѣихъ сторонъ грохотъ залпа въ отвѣтъ, нѣсколько секундъ тишины, затѣмъ шумъ насосовъ, подающихъ воду для раненыхъ, неясный гулъ голосовъ, и снова нѣсколько минутъ мертвой тишины и мрака. Картечь осыпала рикошетомъ дома и справа и слѣва. Убѣдившись, что за баррикадами ужъ никого не осталось, нападающіе направили картечь прямо на дома. И позади баррикады и передъ нею, рабочіе видѣли враговъ, но продолжали бороться. Лишь

---

*) Депутатъ Вильгельмъ Циммерманъ изъ Штутгардта.

вспыхивающія дула ружей и жерла пушекъ на мгновеніе выступаютъ изъ мрака, и красный отблескъ ихъ пламени освѣщаетъ тогда пятиэтажные дома до самой крыши, отбрасывая длинныя тѣни, мрачныя, какъ гнѣвъ, и лица народныхъ борцовъ, тотъ гнѣвъ, который гналъ ихъ на смерть или въ темницу".

Покидая послѣднюю баррикаду, выпустивъ свою послѣднюю пулю, палъ молодой вождь изъ Гейдельберга.

Со стороны народа было убито въ тотъ день 37 человѣкъ; многіе были взяты въ плѣнъ, переносили грубѣйшія издѣвательства чеховъ. Большинство изъ нихъ при помощи франкфуртцевъ и особенно женщинъ спасались бѣгствомъ черезъ Майнъ. Потери войска по обыкновенію не были опубликованы.

Повстанцы 18-го сентября были подвергнуты грубымъ нападкамъ и клеветамъ. „Сердце", возражаетъ на это Циммерманъ, „правдиво и горячо билось у нихъ ради чести и свободы Германіи, горячѣе, чѣмъ у тѣхъ, которые засѣдали въ церкви Св. Павла... Эти сыны народа увидѣли, что большинство парламента стало враждебно народу, многіе хотя не по доброй волѣ и несознательно, а наоборотъ, по недомыслію и слабости. Послѣ этого крушенія церкви Св. Павла, разрушившаго ихъ надежды, они запылали гнѣвомъ. Въ лицѣ этихъ героевъ боролась истекающая кровью Германія, такъ какъ національное собраніе само осудило себя на безсиліе. Жаль только, что здѣсь нѣмцы сражались съ нѣмцами же".

Во время сраженія разыгрался иного сорта трагическій инцидентъ. Лихновскій еще съ однимъ аристократомъ, прусскимъ генераломъ Ауэрсвальдомъ, выѣхали верхомъ какъ разъ въ то самое время, когда въ городѣ возставшіе демократы и войска боролись не на жизнь, а на смерть. Они были узнаны и подверглись преслѣдованію кучки народа. Вблизи Фридбергскихъ воротъ они укрылись въ домѣ одного садовника. Съ криками: „Гдѣ шпіоны? Мы сейчасъ расправимся съ ними!" ворвалась толпа въ домъ и вытащила обоихъ на улицу. Сначала былъ убитъ Ауэрсвальдъ; Лихновскаго же толпа по совѣту одного врача, пытавшагося спасти этого, столь ненавистнаго народу человѣка, рѣшила оставить въ качествѣ заложника. Одинъ изъ толпы пожелалъ оставить себѣ „на память" кусочекъ сюртука Лихновскаго. Но послѣдній, думая, что его хотятъ убить, отпрянулъ назадъ и бросился на обидчика, послѣ чего онъ былъ смертельно раненъ нѣсколькими выстрѣлами *). Онъ умеръ въ тотъ же день. Говорятъ, еще утромъ онъ крикнулъ нѣкоторымъ блузникамъ: „Сегодня вечеромъ вы послужите мишенью для выстрѣловъ!"

Реакція съ особеннымъ усердіемъ и успѣхомъ использовала этотъ кровавый инцидентъ противъ демократіи. Да и неудивительно, такъ какъ Лихновскій былъ высокаго происхожденія и, какъ говорятъ, онъ вмѣстѣ съ своей пріятельницей, извѣстной герцогиней фонъ-Саганъ, выработалъ планъ раздѣла Германіи между Пруссіей и Австріей, взявъ за границу Майнъ, и такимъ образомъ разрѣшилъ нѣмецкій вопросъ такъ просто.

---

*) Такъ излагали эту исторію семь свидѣтелей при судебномъ разбирательствѣ противъ убійцъ Лихновскаго и Ауэрсвальда.

Въ общемъ убійство Ауэрсвальда и Лихновскаго является однимъ изъ тѣхъ инцидентовъ, которые такъ часты при столкновеніи враждебныхъ силъ, когда такъ сильно разыгрываются человѣческія страсти. Какого осужденія ни достойны были бы подобныя кровавыя катастрофы, однако же реакціонные историки не имѣютъ никакого основанія концентрировать свое „нравственное негодованіе“ именно на этомъ фактѣ, что они часто дѣлаютъ. И, какъ мы увидимъ, кровь побѣжденной демократіи лилась въ совсѣмъ иномъ количествѣ.

На другой день правитель имперіи объявилъ Франкфуртъ въ осадномъ положеніи.

Само собой разумѣется, что большинство парламента выразило министерству Шмерлинга свое довѣріе „въ дальнѣйшихъ мѣропріятіхъ для поддержанія нѣмецкаго единства“; была выражена благодарность имперскимъ войскамъ за умѣренность, которую они проявили при подавленіи бунта. И лѣвая присоединилась къ этому, такъ какъ она сильно пала духомъ. Только Шаффратъ внесъ предложеніе присоединить къ „единству“ еще и „свободу“, какъ будто министерство спасло свободу перемиріемъ при Мальме и гессенской картечью! „Имперская канарейка“, Реслеръ изъ Эльса, наоборотъ — благодаритъ войска за „умѣренность“. Послѣднее прошло и, такимъ образомъ, господа изъ лѣвыхъ благодарили за то, что ихъ товарищи по партіи съ умѣренностью избиваемы были на улицѣ войсками! *)

Послѣ этихъ событій не могло ужъ оставаться никакого сомнѣнія о враждебности большинства парламента демократіи. Франкфуртское собраніе послѣ сентябрьскаго возстанія вступило въ новую фазу.

Раньше, по крайней мѣрѣ, казалось, что этотъ парламентъ поставилъ себѣ задачу охранять мартовскія пріобрѣтенія; теперь вполнѣ ясно стало, что большинство работаетъ въ руку реакціоннымъ властямъ, при чемъ колеблющіеся элементы были притянуты на свою сторону рѣшительными реакціонерами.

Лѣвая почувствовала себя жестоко наказанной за то, что не рѣшилась выступить изъ собранія. При каждомъ удобномъ случаѣ, становившіеся все болѣе наглыми, реакціонеры подвергали ее оскорбленіямъ. И министры не скрывали своего настроенія**). 20 сентября Робертомъ Молемъ былъ внесенъ „законопроектъ объ охранѣ національнаго собранія“—которое и безъ того уже охраняли 12.000 человѣкъ,—а Штавенгагенъ требовалъ преслѣдованія прессы, особенно газеты Роберта Блюма, „Reichstagzeitung“. Противъ „Новой Рейнской Газеты“ правая была также сильно озлоблена изъ-за исторіи о Шнапихансномъ***).

Послѣ того, какъ парламентъ достаточно защитился противъ народа,—за всякое дѣйствіе, направленное противъ національнаго собранія, грозило тяжелое наказаніе и народныя собранія могли быть устро-

---

*) См. стенографическое извѣщеніе франкфуртскаго парламента отъ 19 сентября.

**) По достовѣрнымъ источникамъ Шмерлингъ сказалъ по адресу депутата Шмидта изъ Левенберга, въ то время, какъ тотъ говорилъ: „Это тоже одна изъ тѣхъ каналій, которыхъ мы должны вышвырнуть вонъ“.

***) Т. е. о Лихновскомъ, похожденія котораго тамъ приводились и осмѣивались.

ены только на разстояніи 5—7 миль отъ мѣста его засѣданія,—Шмерлингъ потребовалъ ареста и наказанія тѣхъ членовъ, которые выступали на народномъ собраніи 17 сентября*). Послѣ жаркихъ дебатовъ парламентъ согласился на судебное преслѣдованіе противъ означенныхъ депутатовъ; арестъ послѣднихъ былъ отклоненъ. Судебное разбирательство ни къ чему не привело.

Поведеніе національнаго собранія вызвало еще нѣкоторыя революціонныя судороги. На Швейцарской и Французской границахъ стеклась масса бѣглецовъ, дожидавшихся тамъ благопріятнаго измѣненія обстоятельствъ. Большинство изъ нихъ было не менѣе проникнуто довѣріемъ, чѣмъ члены парламента.

Въ то время, какъ послѣдніе чеканили парламентскую медаль съ именемъ скучнаго Іоганна, несмотря на то, что парламентъ не успѣлъ еще создать ничего болѣе замѣчательнаго, кромѣ созданія реакціонной центральной власти, бѣглые республиканцы напали на удивительную мысль сдѣлать пятипроцентный заемъ, за счетъ будущей нѣмецкой республики. Это предпріятіе встрѣтило больше сочувствія, чѣмъ можно было ожидать. Выплата ссуженныхъ капиталовъ съ пятью процентами должна была произойти, какъ только учреждена будетъ германская республика. Требовалось не мало оптимизма, чтобы вѣрить такимъ вещамъ, но имъ вѣрили.

Если отъ имени будущей республики уже выпускались бумажныя деньги, почему же не учредить тотчасъ самимъ и нѣмецкую республику, особенно называясь Густавомъ Струве и нося въ себѣ вѣру, что міръ обязанъ принимать точно такія формы, какія складывались при строго вегетаріанской діэтѣ въ его собственномъ френологически изслѣдованномъ мозгу?

Франкфуртскія событія оказали особенное дѣйствіе въ Баденѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ Маннгеймъ, возбужденіе массы проявлялось въ бурныхъ народныхъ собраніяхъ. Струве полагалъ, что насталъ моментъ для новаго возстанія. 20 сентября онъ находился въ Баденѣ**), чтобы слѣдить за своей издававшейся тамъ газетой. Къ нему пришло нѣсколько баденскихъ демократовъ, которые обрисовали ему настроеніе въ странѣ благопріятнымъ для народнаго возстанія. Изъ Лерраха, напримѣръ, сообщалось, что тамошнее гражданское ополченіе только ждетъ сигнала для возстанія. Струве быстро рѣшилъ и далъ знать въ Леррахъ, что явится туда на слѣдующій день для того, чтобы провозгласить республику. Такъ и случилось; Струве явился 21 сентября 1848 г. въ сопровожденіи 8 — 10 единомышленниковъ въ Леррахъ***). Учрежденіе нѣмецкой республики тутъ происходило безъ всякихъ трудностей. Струве провозгласилъ ее съ высоты ратуши, а гражданское ополченіе, подъ предводительствомъ Пфлюгера и Мейзингера

*) Старый Янъ требовалъ исключенія этихъ членовъ изъ парламента и замѣтилъ: „я не беру и не даю пощады!"—Такъ говорилъ теперь этотъ старый хвастунъ, выкарабкавшись изъ подъ стола, куда онъ залѣзъ при первомъ же уличномъ шумѣ 18 сентября.

**) Какъ онъ самъ передаетъ въ „исторіи трехъ народныхъ возстаній въ Баденѣ". Въ общемъ, выраженіе „народное возстаніе" для сентябрьской вспышки является слишкомъ преувеличеннымъ.

***) Возможно, что этотъ день, въ который была учреждена когда-то французская республика (21 сентября 1792 г.), казался ему особенно подходящимъ.

арестовало мѣстную администрацію. Струве немедленно взялъ на себя руководство новой республикой и назначилъ въ секретари молодого журналиста Карла Блинда изъ Мангейма*). Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ Германской республики“ появилось вскорѣ слѣдующее воззваніе:

„Къ Германскому народу. Борьба народа противъ его притѣснителей началась. На улицахъ самого Франкфурта, въ резиденціи безсильнаго центральнаго правительства и болтливаго конституціоннаго собранія, въ народъ стрѣляли картечью! Только мечъ можетъ еще спасти германскій народъ! Побѣдитъ реакція во Франкфуртѣ, тогда Германія, такъ называемымъ „законнымъ путемъ“, будетъ гораздо больше угнетена и истощена, чѣмъ при самыхъ кровопролитныхъ войнахъ. Къ оружію, Германскій народъ! Только республика приведетъ насъ къ той цѣли, къ которой мы стремимся. Да здравствуетъ Германская республика! Отъ имени временнаго правительства: Густавъ Струве. Комендантъ главной квартиры В. В. Левенфельсъ. Секретарь Карлъ Блиндъ. Леррахъ. 21 сентября 1848 г.“.

Это воззваніе несомнѣнно было очень хорошо составлено, но къ этому сводилось все то, что Струве по своимъ способностямъ и призванію могъ дать. Все, что послѣдовало въ дальнѣйшемъ, носило траги-комическій характеръ.

Въ тотъ же самый день еще Струве и Блиндъ издали отъ имени временнаго германскаго правительства указъ, въ силу котораго отмѣняются всѣ феодальныя повинности и выкупные платежи, какъ и всякія подати государству и церкви (за исключеніемъ таможенныхъ пошлинъ на германскихъ границахъ**) и на ихъ мѣсто вводится прогрессивный подоходный налогъ. Вся земельная собственность государства, церкви и реакціонеровъ должна перейти къ общинамъ: „Отъ нынѣшняго дня“, гласитъ указъ, „господствуетъ законъ войны до тѣхъ поръ пока германскій народъ не завоюетъ себѣ свободы!“ Другое воззваніе предлагало бить въ набатъ, организовать вооруженное народное возстаніе и конфисковать правительственныя кассы.

Прибыли подкрѣпленія изъ окрестностей Лерраха и изъ Швейцаріи; появились и нѣкоторые вожди геккеровскаго похода. Но какъ разъ люди, обладавшіе военными знаніями, а именно—Зигель и Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ, не явились; они считали предпріятіе безнадежнымъ.

Инсургенты раздѣлились на двѣ колонны, которыя должны были соединиться предъ Фрейбургомъ и атаковать затѣмъ этотъ городъ. Во время похода республиканскіе отряды усилились, но не слишкомъ много, однако. Данныя объ ихъ числѣ очень различны. Они колебались между 10.000 и 3.000 человѣкъ въ общемъ. Очевидно, многіе попросту принуждались присоединиться, и послѣ пораженія эти послѣдніе немед-

*) Блиндъ называлъ себя тогда соціалдемократомъ — во всякомъ случаѣ, не въ современномъ смыслѣ этого слова; извѣстны послѣдовавшія затѣмъ политическія колебанія этого политическаго мірового болтуна. Въ 1870 г. онъ выступалъ съ фанатизмомъ за присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи послѣ того, какъ въ 1866 г. его пасынокъ совершилъ покушеніе на Бисмарка.

**) Эта нѣжная заботливость о филистерахъ, жаждущихъ таможеннаго покровительства, которую находили часто у Струве, сохранилась еще долго послѣ этого въ средѣ буржуазной демократіи, пока Бисмаркъ не открылъ ей глаза своими высокими таможенными ставками.

ленію обратились противъ демократовъ. Прибѣгли и къ опасному средству распространенія вымышленныхъ извѣстій о своихъ побѣдахъ *). Колонны дѣйствовали безъ всякой связи между собой и безъ плана.

Правитель имперіи, выступившій рѣшительно впередъ, такъ какъ дѣло шло объ усмиреніи демократіи, издалъ приказъ объ энергичномъ подавленіи возстанія. Желѣзныя дороги въ значительной степени были разрушены, такъ какъ народъ во многихъ мѣстахъ симпатизировалъ возстанію. Но примыкали къ возстанію лишь очень немногіе. Баденскій генералъ Гофманъ, который зналъ объ этомъ, не сталъ и дожидаться имперскихъ войскъ, а съ тысячью человѣкъ двинулся навстрѣчу возставшимъ **). Возлѣ Штауфена, между Фрейбургомъ и Мюльгеймомъ онъ натолкнулся 24 сентября на республиканскую колонну, подъ предводительствомъ Левенфельса, которая прибыла сюда черезъ Шлингенъ и Мюльгеймъ; въ ней находились самъ Струве, его жена, Карлъ Блиндъ и зять Струве, Педро Дюсаръ. Ядро возставшихъ, оба батальона лерраххскаго гражданскаго ополченія, направились по горамъ къ Фрейбургу. Когда Левенфельсъ, по призванію солдатъ, увидѣлъ приближеніе войскъ, онъ бросился съ своими волонтерами къ Штауфену. Городъ забаррикадировался, и Струве съ высоты ратуши призывалъ населеніе Штауфена къ борьбѣ. Но когда баденская артиллерія открыла огонь, штауфенцы попрятались по домамъ. Сраженіе продолжалось около часу, пока войска не взяли штурмомъ городъ и не обратили въ бѣгство волонтеровъ, которые оставили на мѣстѣ 11 труповъ. Войска пришли въ ярость и перебили всѣхъ плѣнныхъ***). Струве, его жена, Блиндъ и Дюсаръ были арестованы близъ Шопфгейма, такъ какъ настроеніе быстро измѣнилось, и филистеры, которые недавно еще провозглашали здравіе республики, оказывали теперь поддержку реакціонному гражданскому ополченію. Плѣнные были приведены въ Зекингенъ, гдѣ Струве не могъ теперь найти ни одного друга, который взялся бы освободить его. Его перевели въ Мюльгеймъ и предали военному суду, который объявилъ себя некомпетентнымъ, такъ какъ Струве и Блиндъ были арестованы еще до объявленія военнаго положенія. Только благодаря этому обстоятельству они избѣгли оба разстрѣла. Они были переведены въ Раштаттъ. Мужественная и красивая жена Струве, Амалія, была подвергнута строгому заключенію въ башню во Фрейбургѣ.

Республиканцы, не участвовавшіе въ сраженіи при Штауфенѣ, быстро разсѣялись. На голову Струве, неудачное предпріятіе котораго названо „бунтомъ Струве“, посыпался потокъ насмѣшекъ и клеветы. Такъ, историкъ Гейссеръ обвиняетъ его въ своей книгѣ о баденскихъ

---

*) Сомнительно дѣлалъ ли это самъ Струве: объ этомъ смотри Меглинга „Письма къ его друзьямъ“, стр. 42.

**) Баденскій министръ Беккъ указываетъ на число ихъ „только въ 800 чел.“.

***) Баденскій министръ Беккъ признаетъ это въ слѣдующихъ словахъ: „Такъ, напримѣръ, 25 сентября (на слѣдующій день послѣ сраженія, стало быть!) предъ обѣдомъ, когда въ Штауфенѣ изъ одного дома начали стрѣлять въ войска, послѣднія разстрѣляли на мѣстѣ многихъ, укрывшихся тамъ и извлеченныхъ затѣмъ волонтеровъ. По демократическимъ газетамъ при этомъ были заколоты 6 музыкантовъ, спрятавшихся въ сараѣ. Слова „такъ напримѣръ“ въ изложеніи министра, даютъ поводъ полагать, что происходили и еще подобные инциденты, о которыхъ онъ умалчиваетъ.

возстаніяхъ, что онъ уѣхалъ съ 16.000 гульденовъ „награбленныхъ денегъ“,—клевета, которую Гейссеръ повторилъ еще съ своей профессорской отважностью, когда Струве въ 60-хъ годахъ вернулся изъ Америки.

Сторонники Струве сваливаютъ вину за пораженіе на Левенфельса, который, во всякомъ случаѣ, не былъ полководцемъ, но, когда говорятъ, что Левенфельсъ не долженъ былъ вступать въ сраженіе „со своими неопытными волонтерами“, приходится спросить, что же ему собственно оставалось дѣлать при Штауфенѣ. Съ возстаніемъ Струве стояли въ связи только нѣсколько мѣстныхъ движеній; другія возстанія въ сентябрѣ не были результатомъ общаго большого революціоннаго плана, какъ утверждали реакціонеры, а возникли произвольно, безъ всякаго плана.

Въ концѣ сентября поднялось возстаніе въ Вюртембергѣ. Тамъ лѣтомъ войска принимали значительное участіе въ движеніи. Расположенный въ Гейльброннѣ гарнизономъ восьмой полкъ вюртембергской инфантеріи собрался въ большомъ количествѣ и, выработавъ свои требованія, поручилъ фурьеру Гартману изъ Дерцбаха формулировать ихъ. Начальство арестовало Гартмана. Поднялось необыкновенное волненіе среди войска и гражданъ. Въ то же время прибыли новыя войска, которыя отвели 8-й полкъ въ Людвигсбургъ. Тамъ дѣло едва не дошло до сраженія. 8-ой полкъ, лишенный потомъ всякаго руководства, далъ себя разоружить, и 60 человѣкъ были отправлены въ Аспергъ, гдѣ впослѣдствіи присуждены были къ тяжелому наказанію. Швабская демократія всегда дѣйствовала безъ единодушія *), и поэтому попытка возстанія, предпринятая тамъ Рау изъ Гайльдорфа въ сентябрѣ 1848 года, должна была потерпѣть еще большую неудачу, чѣмъ „бунтъ Струве“. Рау, пылкій демократъ, который нахватался нѣсколькихъ неопредѣленныхъ соціалистическихъ верхушекъ, попытался поднять возстаніе на верхнемъ Неккарѣ. Сочувствіе онъ вызвалъ только въ Роттвейлѣ и Шрамбергѣ. Убѣдившись въ слабости движенія, Рау самъ отказался отъ него. Онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Аспергъ. Невыполнимой оказалась и мысль объ использованіи въ цѣляхъ возстанія канштатскій народный праздникъ, на который ежегодно стекались тысячи народа.

Въ Кельнѣ въ сентябрѣ происходили весьма сильныя столкновенія между горожанами и войсками. Образованъ былъ комитетъ общественной безопасности. „Благомыслящіе“ пытались вмѣшаться своимъ посредничествомъ. Но возбужденіе росло, такъ какъ къ тому времени прибыли еще извѣстія изъ Берлина объ угрозахъ Врангеля по адресу тамошней демократіи. Произведены были многочисленные аресты, арестованъ былъ и „красный Беккеръ“. 25 сентября на Старомъ Рынкѣ должно было состояться народное собраніе. Запрещенное властями, оно

---

*) Между швабскими демократами находилось тогда не мало такихъ, которые были крайне „ярыми“; къ нимъ, между прочимъ, принадлежалъ докторъ Оскаръ фонъ-Вехтеръ, который въ 1848 году, появившись въ красной блузѣ и красномъ галстухѣ, помогалъ топить портретъ короля прусскаго въ Огненномъ озерѣ въ Штутгартѣ. Въ настоящее время, какъ и многіе изъ тогдашнихъ товарищей, онъ благомыслящій націоналъ-либералъ. Извѣстный Іоганнъ Шерръ также причислялся къ самымъ „ярымъ“.

однако состоялось, и „Казематный Вольфъ“ былъ избранъ председателемъ. Произносились горячія рѣчи. Гражданское ополченіе, расставленное кругомъ, въ большей части симпатизировало собранію. Вдругъ пронесся крикъ: „Пруссаки идутъ!“ Толпа немедленно ударила въ набатъ и принялась строить баррикады. Войска тотчасъ бросились въ наступленіе, разогнали народъ, произвели много арестовъ и разрушили баррикады. Гражданское ополченіе благоразумно улизнуло.

Кельнъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, и гражданское ополченіе разоружено. Всѣ союзы „съ политическими или соціальными задачами“ были закрыты; были запрещены всѣ собранія болѣе, чѣмъ въ 20 человѣкъ днемъ и 10—ночью. Трактирныя заведенія должны были закрываться въ 10 часовъ. Всѣмъ тѣмъ, кто попытался бы оказать сопротивленіе, угрожалъ военный судъ. „Новая Рейнская Газета“, органъ соціалистической партіи, была закрыта, а также и три другихъ газеты; нѣкоторые редакторы „Новой Рейнской Газеты“ подвержены аресту.

Несчастный баррикадный день въ Кельнѣ нанесъ рейнской демократіи тяжелый ударъ *). Между тѣмъ было отмѣнено 4 октября осадное положеніе, и „Новая Рейнская Газета“ появилась вновь.

Послѣ крушенія всѣхъ этихъ возстаній и значительнаго числа мѣстныхъ вспышекъ, франкфуртскіе парламентаріи надѣялись теперь имѣть возможность спокойно утопать въ порокахъ своего краснорѣчія. И въ Шлезвигъ-Голштиніи наступило желанное затишье. Шлезвигъ-Голштинское національное собраніе, правда, продолжало еще упорствовать, но послѣ того, какъ было ратифицировано перемиріе, оно уступило, и новое правительство, состоявше изъ Мольтке, Ревентлова, Гейнце, Преиссера и Бойсена, было посажено комиссарами, назначенными Германіей совмѣстно съ Даніей.

Въ то время, какъ собраніе счастливо закончило съ основными законами и, наконецъ, послѣ пяти мѣсяцевъ своихъ засѣданій приступило къ обсужденію конституціи, центральное правительство подступило съ нападками къ Швейцаріи изъ-за баденскихъ бѣглецовъ. Оно требовало даже „удовлетворенія за набѣги германскихъ республиканцевъ изъ Швейцаріи“. Добилось однако это центральное правительство, смотря по обстоятельствамъ, то мягкое, то грубое, лишь ничтожныхъ уступокъ отъ маленькой Швейцаріи.

---

*) Изъ Дюссельдорфа, гдѣ тогда находился молодой Лассаль, мы находимъ въ реакціонной „Vossische Zeitung“, № 231 отъ 25 сентября слѣдующую замѣтку: „Третьяго дня здѣшній республиканскій клубъ сталъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ, такъ какъ два носильщика, Ведекиндъ и Мецъ, палками разогнали собраніе, которое, именно въ тотъ моментъ, вотировало благодарственный адресъ героямъ франкфуртскихъ баррикадъ. Въ результатѣ этого случая сегодня на улицѣ среди бѣла дня, въ присутствіи графини Гацфельдъ, главы этого клуба, между членами цеха носильщиковъ произошли многочисленныя драки, которыя не вызвали однако дальнѣйшаго нарушенія порядка въ городѣ“. Такимъ образомъ, позднѣйшая основательница „женской линіи“ лассальянцевъ въ возрастѣ 43 лѣтъ пережила свой „періодъ республиканской бури и натиска“. Впрочемъ, записка явно искажаетъ факты; интересно только при этомъ то, что реакціонеры выступаютъ героями палочной расправы.

Черно-желтые и черно-красно-золотые.

Убійство Ламберга въ Пештѣ дало черно-желтымъ реакціонерамъ поводъ къ энергичнымъ вылазкамъ противъ Венгріи, какъ то всегда бываетъ, когда народъ, выведенный изъ себя вызывающимъ поведеніемъ своихъ враговъ, набрасывается въ слѣпой ярости на перваго попавшагося ему на пути. Не мало было людей при дворѣ въ Шенбруннѣ, которые проливали крокодиловы слезы по поводу смерти Ламберга, а втайнѣ были счастливы, что благодаря кровавому инциденту на Пештскомъ мосту разрывъ съ Венгріей наконецъ совершился.

Но вначалѣ камарильѣ не приходилось еще радоваться. Еллачичъ, вождь кроатовъ въ красныхъ мантіяхъ, свирѣпствовавшихъ совсѣмъ, какъ во времена грознаго Тренка, разбилъ, правда, отрядъ венгерскихъ волонтеровъ; но при Веленчѣ онъ натолкнулся 20 сентября на венгерское войско, занявшее хорошую позицію. Онъ ударилъ на венгровъ, чтобы прорвать ихъ линію. Генералъ Мога, командовавшій венграми, явно старался проиграть сраженіе, такъ какъ ему не хотѣлось воевать съ защитникомъ дома Габсбурговъ. Но мадьяры съ одушевленіемъ бросились въ битву, и Еллачичъ, наконецъ, долженъ былъ отступить. Его арьергардъ недѣлю спустя былъ окруженъ венграми и взятъ въ плѣнъ.

Австрійскій военный министръ Латуръ всѣми силами старался поддерживать отступающаго отъ венгровъ Еллачича. Это вызвало вѣнскую демократію изъ ея беззаботнаго состоянія. Теперь только начали понимать, что камарилья бросилась въ объятія славянъ. 4 октября императорскій манифестъ объявилъ венгерскій рейхстагъ распущеннымъ и назначилъ бана Еллачича главнокомандующимъ военныхъ силъ Венгріи. Этотъ манифестъ оказалъ большее впечатлѣніе въ Вѣнѣ, чѣмъ въ Пештѣ. Онъ вызвалъ необыкновенное возбужденіе. Вѣнское населеніе высыпало на улицу. Газеты заговорили о большомъ заговорѣ придворной камарильи съ чехами, доказательства чему можно найти у военнаго министра Латура; а народные ораторы въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ нападали на правительство и на черно-желтый рейхстагъ. Ясно стало, что пораженіе Венгріи повлечетъ за собой гибель всѣхъ завоеванныхъ Австріей вольностей. Распущеніе венгерскаго рейхстага вполнѣ правильно было разсматривать, какъ угрозу пріобрѣтеніямъ мартовскихъ дней.

Часто утверждаютъ, что вѣнцы при своемъ октябрьскомъ возстаніи, не знали, чего они собственно хотятъ. По нашему мнѣнію они это знали очень хорошо. Для нихъ очень важно-таки было поддержать Венгрію, если они хотѣли сопротивляться реакціи. Свою неудачу въ этомъ смыслѣ имъ приходится въ значительной степени приписывать неспособности вождей. Ситуацію во всякомъ случаѣ вѣнцы на этотъ разъ правильно опредѣлили, иначе они бы не поднялись. Для простого препровожденія времени не устраиваютъ такого возстанія*).

Возбужденіе достигло своего кульминаціоннаго пункта, когда стало извѣстно, что многіе нѣмецкіе полки получили приказаніе двинуться въ Венгрію для усиленія войска бана Еллачича. Шумъ народнаго движенія выросъ въ настоящую бурю. Министры не обращали на это никакого вниманія. Латуръ могъ уже убѣдиться по дебатамъ**) въ рейхстагѣ, что у него мало друзей, но ненависть противъ Венгріи дѣлала его смѣлымъ. Онъ считалъ движеніе въ Вѣнѣ до того незначительнымъ, что ослабилъ даже значительно имѣвшіяся въ Вѣнѣ военныя силы, чтобы только возможно скорѣе увидѣть желанное пораженіе Венгріи.

5 октября итальянскій полкъ отправился въ Венгрію; чтобы побудить его къ этому, потребовались насильственныя мѣры. На слѣдующій день, вслѣдъ за этимъ, долженъ былъ выступить гренадерскій батальонъ Рихтера Этотъ батальонъ, расквартированный въ предмѣстьи Гумпендорфъ, уже къ вечеру 5 октября далъ замѣтить, что онъ не намѣренъ драться съ венграми; онъ часто выказывалъ свои симпатіи рабочимъ и національной гвардіи предмѣстій. Въ Одеумѣ состоялось большое народное собраніе, на которомъ было высказано, что союзъ двора съ славянами угрожаетъ мартовскимъ пріобрѣтеніямъ. „Если Венгрія будетъ порабощена“, воскликнулъ одинъ ораторъ, „граждане, будьте увѣрены, мало-по-малу будетъ похищена свобода у всей Австріи, ибо не надо быть даже австрійцемъ, чтобы предсказать это!“

Изъ этихъ словъ видно, что вѣнцы очень хорошо знали, чего имъ нужно было.

Единогласно было принято рѣшеніе препятствовать отправкѣ войскъ въ Венгрію.

Лойяльные граждане Гумпендорфа послали депутацію къ Латуру и совѣтовали ему взять обратно приказъ о выступленіи, но самолюбивый старикъ плылъ къ своей собственной гибели и не обратилъ никакого вниманія на предостереженіе.

На слѣдующій день 6 октября къ сѣверному вокзалу стеклись со всѣхъ сторонъ вооруженные люди: часть академическаго легіона, гражданское ополченіе изъ предмѣстья и много рабочихъ, послѣдніе были вооружены топорами, вилами, лопатами и стержнями. Въ городѣ раз-

---

*) Каррикатура того времени изображаетъ, какъ Господь смотритъ съ облаковъ на Вѣну и говоритъ: „Я хотя, какъ извѣстно, всевѣдущъ, но чего желаютъ теперь вѣнцы, право, я не знаю!“ Шутка сама по себѣ не дурна, но за остроуміе расплачивается истина.

**) При всеобщемъ одобреніи чехъ Ригеръ крикнулъ ему: „Вы должны подчиниться постановленію палаты!“ Господинъ Ригеръ умѣлъ быть энергичнымъ, когда того хотѣлъ.

давался генералъ-маршъ. Батальонъ Рихтера явился изъ казармы, смѣшавшись съ гражданскимъ ополченіемъ. Нѣсколько эскадроновъ кирасиръ и галиційскій батальонъ съ четырьмя пушками были разставлены на вокзалѣ для того, чтобы въ случаѣ нужды добиться отправки батальона. Генералъ Бреди командовалъ войсками.

Около одиннадцати часовъ послѣдовало столкновеніе. Гренадеры батальона Рихтера сдѣлали видъ, что желаютъ перейти на сторону народа, а рабочіе попытались овладѣть пушками. Генералъ Бреди приказалъ исправить сломанный Таборскій мостъ. Увидѣвъ, что рабочіе приближаются къ пушкамъ, онъ приказалъ галиційскому батальону открыть огонь. Раздался залпъ, и нѣсколько рабочихъ упало. Академическій легіонъ и гражданское ополченіе тотчасъ отвѣтили на выстрѣлы. Генералъ Бреди и его адъютантъ были убиты; завязалось часовое кровавое сраженіе. Батальонъ Рихтера перешелъ къ народу, пушки были взяты, и одна изъ нихъ выстрѣлила,—рабочій употребилъ спичку вмѣсто фитиля; кирасиры бросились на возставшихъ, но были обращены въ бѣгство вмѣстѣ съ инфантеріей.

Во время сраженія волненіе охватило весь городъ, ударили въ набатъ, улицы кишѣли народомъ. Войска большей своей частью выступили изъ города. Гражданское ополченіе по большей части стеклось въ актовую залу университета. Одинъ моментъ казалось, что черножелтые элементы гражданскаго ополченія берутъ перевѣсъ. Заперли городскія ворота и на стѣнахъ разставили пушки, чтобы отрѣзать предмѣстья. Но все перемѣнилось, когда появились побѣдители съ Таборскаго моста, несшіе впереди себя шляпу убитаго генерала Бреди. На захваченныхъ пушкахъ сидѣли студенты и рабочіе.

На площади Стефана выстроилось черно-желтое гражданское ополченіе; тамъ произошла сильная стычка. Черно-желтые забаррикадировались въ церкви Св. Стефана, которую возставшіе взяли приступомъ. Сраженіе продолжалось и внутри церкви, пока черно-желтые не были побѣждены окончательно. Въ то же время борьба съ войсками разыгралась на улицахъ. Повсюду построены были баррикады. При звукахъ набата и громѣ выстрѣловъ возстаніе разрасталось все сильнѣе, и войска скоро были побѣждены превосходящей силой повстанцевъ. Они вынуждены были очищать улицу за улицей, пока, наконецъ, главнокомандующій, графъ Ауэрспергъ, замѣтивъ, что часть его войска стала ненадежной, не отказался отъ дальнѣйшаго сопротивленія.

Съ большимъ мужествомъ осадили вѣнцы арсеналъ, который защищался не менѣе храбро. Академическій легіонъ обстрѣливалъ его изъ пяти пушекъ. Борьба, стоившая много жертвъ, продолжалась всю ночь напролетъ. Только на слѣдующее утро въ шесть часовъ арсеналъ былъ взятъ приступомъ, и весь народъ снабдилъ себя оружіемъ.

Министры собрались въ то же утро безпомощные и нерѣшительные. Рейхстагъ однако не былъ въ сборѣ, и президентъ Штробахъ отказывалъ созвать засѣданіе. Только около четырехъ часовъ вчера онъ уступилъ, но тотчасъ же скрылся. Исчезло и большинство министровъ; остались военный министръ Латуръ и министръ финансовъ Краусъ. Довольно характерно, что министръ финансовъ Краусъ въ

теченіе всей революціи оставался въ Вѣнѣ на своемъ посту въ качествѣ императорскаго министра.

Вожди вѣнской демократіи, какъ увидимъ, несмотря на пушки, баррикады и звонъ набата, продолжали смотрѣть на окружающія событія все еще до того „добродушно“, какъ и въ теченіе всего лѣта — иначе министръ Краусъ не могъ бы оставаться такъ спокойно на своемъ посту въ Вѣнѣ, въ то время, какъ городъ бомбардировался королевскими войсками.

Ярость народа, потерпѣвшаго въ революціонной борьбѣ сильные уроны, направлена была противъ военнаго министра Латура, на котораго, какъ на орудіе ненавистной камарильи, взваливали вину за всю катастрофу. Возбужденная толпа бросилась къ военному министру. Министры Добльгофъ, Бахъ и Вессенбергъ убѣжали оттуда въ послѣдній моментъ съ другими сановниками. Латуръ остался съ нѣсколькими адъютантами.

Въ военномъ министерствѣ находилось около 150 гренадеровъ, которые, повидимому, симпатизировали народу. Латуръ самъ, нерѣшительный и колеблющійся, какъ всегда, приказалъ не пускать въ ходъ оружія.

Толпа заполнила дворъ военнаго министерства: „Гдѣ военный министръ? Онъ намъ нуженъ!“ пронесся угрожающій крикъ. Если бы онъ въ этотъ моментъ показался, его бы арестовали и передали кому-либо изъ вождей. Но онъ тотчасъ снялъ свою генеральскую форму и спрятался. Это было принято, какъ доказательство его виновности, и озлобленіе противъ него усилилось. Появилась депутація рейхстага во главѣ съ Боррошемъ: „Латуръ долженъ выйти въ отставку!“ кричали ему сотни голосовъ, „Бахъ также!“ вторили, какъ эхо, другіе. Боррошъ произнесъ рѣчь: въ которой обѣщалъ отставку министровъ. Онъ надѣялся успокоить этимъ народъ. Депутатъ Смолка убѣдилъ Латура подписать свою отставку. Затѣмъ Латуръ долженъ былъ подъ защитой нѣкоторыхъ членовъ гражданскаго ополченія и депутатовъ пробраться сквозь раздраженную толпу. Какъ только онъ показался на дворѣ, разсвирѣпѣвшая толпа бросилась на него и умертвила сабельными ударами и штыками. Трупъ его, звѣрски изуродованный, какъ то часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, нѣсколькими дикарями былъ повѣшенъ на фонарный столбъ.

Это событіе по мѣрѣ силъ и возможности использовано реакціей. Для нихъ смерть Латура являлась хорошо помѣщеннымъ капиталомъ, который давалъ большіе проценты. Она являлась предлогомъ для ихъ жестокости. Но и безъ этого предлога она врядъ ли была бы мягче.

Въ то время какъ громъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ у арсенала оглашалъ городъ, рейхстагъ подъ предсѣдательствомъ Смолки обсуждалъ положеніе вещей. Онъ назначилъ комитетъ общественной безопасности, убѣждалъ успокоиться и принялъ адресъ Пиллерсдорфа, въ которомъ обращена просьба къ императору назначить новое, „дружественное“ народу, министерство, въ которомъ, однако, оставались бы Добльгофъ и Горнбостль. Депутація еще въ тотъ же день поздно ночью направилась въ Шенбруннъ, чтобы передать этотъ адресъ императору. Другая депутація отправилась

къ главнокомандующему расположенныхъ въ Вѣнѣ войскъ, генералу фонъ-Ауэрспергу, съ требованіемъ ничего не предпринимать противъ города. Генералъ и безъ того не могъ перейти къ наступленію.

Фердинандъ обѣщалъ назначить „дружественное" народу министерство, и депутація въ восторгѣ вернулась въ Вѣну. Но теперь выступила камарилья, успѣвшая оправиться отъ своего страха. Рано утромъ 7 октября она уже склонила императора совершенно на свою сторону. Онъ подписалъ манифестъ, который гласилъ совершенно иначе, чѣмъ тѣ обѣщанія, которыя онъ далъ депутаціи. Послѣ этого дворъ вмѣстѣ съ императоромъ поспѣшно направился въ Ольмюцъ. Итакъ, не къ вѣрнымъ тирольцамъ направился онъ на этотъ разъ, а къ славянамъ, чтобы выказать имъ императорскую милость и показать, какое имъ отнынѣ отводится высокое мѣсто въ имперіи. Во время бѣгства Фердинанда повсюду съ почетомъ встрѣчали крестьяне, и неудивительно вовсе, вѣдь и въ самой Вѣнѣ было не мало лойяльныхъ революціонеровъ*).

Въ рейхстагѣ появился министръ Краусъ и объявилъ, что ему доставлена записка съ манифестомъ за подписью короля; но съ своей стороны онъ не можетъ подписать манифеста, который противорѣчитъ его конституціоннымъ воззрѣніямъ. Онъ положилъ записку на столъ, предоставивъ рейхстагу сдѣлать изъ нея „какое угодно употребленіе".

Эта маленькая, мило разыгранная комедія привела членовъ рейхстага въ такое восхищеніе, что они утвердили для ловкаго Крауса налоги и кредитъ. При дворѣ такъ хорошо поняли эту комедію, что Краусъ до 1851 года оставался на своемъ посту. Для двора, несомнѣнно, важно было сохранить въ теченіе всей революціи своего министра въ Вѣнѣ **).

Въ манифестѣ Фердинандъ заявляетъ, что его „любовь и доброта" исчерпаны, наконецъ. Онъ созвалъ рейхстагъ и вернулся въ Вѣну. „Но", продолжаетъ онъ дальше, „небольшое число заблудшихся угрожаетъ гибелью надеждамъ всѣхъ истинныхъ друзей отечества. Анархія достигла крайнихъ предѣловъ. Вѣна переполнена убійствъ и пожаровъ. Мой военный министръ, котораго долженъ былъ защитить его преклонный возрастъ***), палъ отъ рукъ разбойничьей шайки. Возлагая надежды на Бога и мое право, покидаю окрестности столицы и отправлюсь искать средства помочь моему порабощенному народу. Сплотитесь всѣ, кто любитъ Австрію, кто любитъ свободу, вокругъ своего императора!" И они стеклись послѣ этого манифеста, всѣ тѣ, „кто лю-

---

*) Анекдотъ того времени, гласившій, что одинъ рабочій, уставъ въ жаркой борьбѣ, со вздохомъ сказалъ: „Какъ тяжко приходится борющимся за своего царя!" не умѣстенъ уже потому, что рабочіе меньше другихъ были преданы императору. Рабочій этотъ, очевидно, былъ большимъ насмѣшникомъ.

**) Краусъ такъ ловко игралъ свою роль, что далъ себя впослѣдствіи, когда велъ переговоры съ Виндишгрецемъ, отвести въ лагерь фельдмаршала съ завязанными глазами. Въ Вѣнѣ нашлись люди, придавшіе этому большое значеніе.

***) Намъ не знакомо, чтобы реакція когда-либо остановилась въ своемъ кровавомъ подавленіи революціи передъ преклонными старцами.

били свободу", придворные господа и дамы изъ камарильи, духовенство и дворяне, солдаты и бюрократы и масса чешскихъ и черно-желтыхъ депутатовъ рейхстага. Ригеръ тотчасъ вступилъ въ соглашеніе съ Виндишгрецемъ, и послѣдній стянулъ всѣ стоявшія въ Богеміи и Моравіи войска. Двору Виндишгрецъ далъ совѣтъ не вступать въ переговоры съ рейхстагомъ. Виндишгрецъ уже заранѣе „на всякій случай" былъ провозглашенъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ монархіи. Офиціально полномочія были ему переданы только 16-го октября.

Начиная съ 7-го октября дороги, ведущія въ Вѣну, представляли собой очень оживленную картину. „Добрые граждане", капиталисты, рантье, однимъ словомъ, всѣ тѣ, у которыхъ было что терять, бѣжали изъ города. Мостовыя Вѣны жгли имъ ноги, и вся атмосфера стала имъ душной. Насколько возможно было, они захватили съ собой всѣ свои сокровища и были очень озабочены, что не могутъ забрать съ собой и дома. Деревни и города въ окрестностяхъ Вѣны были переполнены „веселыми" вѣнцами, стремящимися удалиться съ театра войны. Въ одномъ Баденѣ ихъ, говорятъ, находилось около 20.000.

Теперь ясно стало, какую ошибку совершила демократія, когда она допустила высылку рабочихъ массъ изъ Вѣны, а оставшихся разсѣяла пулями вооруженной буржуазіи. Рабочіе не довѣряли больше демократіи и не обнаруживали уже такой массовой готовности поддерживать ее, хотя она 6-го октября и приняла также сильное участіе въ движеніи. Не было на мѣстѣ и ихъ вождей, и поэтому трудно было столковаться съ ними.

Послѣ того, какъ демократія отважилась на такой смѣлый шагъ, она должна была, если не желала обречь себя на вѣрную гибель, взять твердо въ свои руки бразды правленія, у котораго въ данный моментъ никого не было. Она должна была сформировать диктаторское правительство, организовать сопротивленіе камарильѣ и Виндишгрецу, и стремиться всѣми силами скрѣпить союзъ съ мадьярами. Необходимость такого союза не требовала доказательствъ. Онъ одинаково навязывался самъ и въ Вѣнѣ, и въ Пештѣ.

Но эта демократія, въ руки которой попала офиціальная власть дѣтски наивна и безпомощна. Она не смогла удержать власти и предоставила ее всякому желающему. Именно отъ этой демократіи въ значительной степени зависѣла судьба Германіи, такъ какъ побѣди демократія въ Вѣнѣ, германское объединительное движеніе было бы непобѣдимо; но въ случаѣ побѣды вѣнцевъ черно-желтой славянской реакціей, германское единство становится вообще неосуществимымъ.

Ауэрспергъ, стоявшій подъ Вѣной, не былъ увѣренъ въ своемъ войскѣ. Оно начало симпатизировать вѣнцамъ и было озлоблено задержкой жалованья.

Все зависѣло отъ того, удастся ли изъ Вѣны воспрепятствовать соединенію войскъ Ауэрсперга и Еллачича. Но не было сильной и смѣлой инициативы, и спокойно дано было Ауэрспергу стоять подъ Вѣной. Герой Еллачичъ между тѣмъ не рѣшался приблизиться и старался замаскировать свою трусость громкими фразами *).

---

*) Депутаціи рейхстага, требовавшей у него, чтобы онъ оставилъ австрійскую почву, на которую онъ вступилъ, вытѣсненный венграми, онъ

Войска Ауэрсперга и Еллачича соединились уже 11-го октября, такъ что составилась вмѣстѣ армія въ 50.000 человѣкъ, но они не рѣшались еще перейти въ наступленіе, имѣя у себя въ тылу венгровъ. Они хотѣли раньше дождаться прибытія Виндишгреца. Послѣдній двинулся изъ Богеміи, издавъ прокламацію къ чехамъ, въ которой онъ высказывалъ увѣренность, что тишина и порядокъ не будутъ нарушены въ Прагѣ. Эта увѣренность не обманула его, ибо онъ былъ теперь соучастникомъ заговора съ тѣми чехами, которыхъ онъ съ кровопролитіемъ разбилъ въ іюнѣ.

Въ Вѣнѣ, гдѣ все еще не могли рѣшиться напасть на генераловъ Ауэрсперга и Еллачича, передвигавшихся безъ всякаго плана, національная гвардія избрала бывшаго лейтенанта Венцеля Мессенгаузера своимъ оберъ-комендантомъ, и рейхстагъ утвердилъ его. Этотъ выборъ былъ очень неудаченъ, такъ какъ Мессенгаузеръ былъ прекраснымъ мечтателемъ, почти флегматикомъ. Въ это время требовался человѣкъ съ желѣзной энергіей, между тѣмъ, какъ бѣдный Мессенгаузеръ съ трогательной преданностью шелъ навстрѣчу своей печальной судьбѣ. Самымъ лучшимъ въ его дѣятельности была передача польскому полковнику Іосифу Бему дѣла внѣшняго укрѣпленія и защиты. Бемъ своей дѣятельностью вполнѣ оправдалъ тѣ ожиданія, которыя на него возлагали *). Онъ сдѣлалъ Вѣну способной къ самозащитѣ, забаррикадировалъ всѣ входы, возстановивъ старыя укрѣпленія, поскольку оно являлось возможнымъ. Вѣна безъ сомнѣнія могла бы продержаться долго, если бы она имѣла достаточное количество защитниковъ и энергичное высшее руководство. Ничтожное подкрѣпленіе изъ Зальцбурга, Брюнна и нѣкоторыхъ другихъ городовъ не на много могло улучшить дѣло. Крестьяне остались не затронутыми движеніемъ, особенно послѣ того, какъ имъ спеціальнымъ имперскимъ манифестомъ было гарантировано сохраненіе ихъ сословныхъ пріобрѣтеній въ мартовскіе дни. Этого имъ было достаточно; „горожане" пусть сами справятся со своими дѣлами **). Силы вѣнцевъ равнялись только 25.000 человѣкъ, въ то время, какъ императорскаго войска было почти вчетверо больше.

Передъ тѣмъ, какъ начали летать пули, Вѣна наводнена была прокламаціями. Рейхстагъ желалъ выступить посредникомъ и представилъ императору предложеніе созвать конгрессъ мира изъ всѣхъ народностей Австро-Венгріи, но находящіеся въ Прагѣ чешскіе члены

отвѣтилъ гордо: „Въ качествѣ государственнаго слуги я обязанъ подавить анархію, какъ солдатъ я отмѣчаю путь моего похода громомъ пушекъ!" но пока что онъ еще не особенно торопился двинуться на громъ пушекъ.

*) Бемъ участвовалъ въ Наполеоновскомъ походѣ 1812 года. Преслѣдуемый и содержавшійся въ строгомъ заключеніи русскими, онъ сталъ злѣйшимъ врагомъ Россіи. Во время польскаго возстанія отъ 1830—1831 г. онъ прославился блестящимъ артиллерійскимъ нападеніемъ подъ Остроленкой. Бемъ надѣялся, что побѣда вѣнской демократіи и мадьяръ повлечетъ за собой возстановленіе Польши. Поэтому онъ поспѣшилъ въ Вѣну и въ качествѣ члена лембергской національной гвардіи отдалъ себя въ распоряженіе рейхстага. Онъ сумѣлъ добиться уваженія и довѣрія войскъ, несмотря на то, что едва изъяснялся по-нѣмецки.

**) Крестьяне изъ окрестностей Вѣны использовали удобный случай назначать вѣнцамъ во время кризиса очень высокія цѣны.

рейхстага между тѣмъ объявили всѣ рѣшенія послѣдняго недѣйствительными и обвинили лѣвую въ соучастіи въ убійствѣ Латура. Роль этихъ славянскихъ національныхъ фанатиковъ была, несомнѣнно, одной изъ самыхъ незавидныхъ въ этой сумятицѣ. Императоръ заявилъ, что онъ принужденъ выступить противъ возстанія въ Вѣнѣ, наказать убійцъ Латура и „вмѣстѣ со свободой обезпечить и порядокъ", а именно въ согласіи съ рейхстагомъ.

Онъ позднѣе заявилъ еще, что дарованныя права и вольности останутся неприкосновенными, и дѣло конституціи будетъ продолжено. Венгерцамъ онъ также обѣщалъ равноправіе, но тогда лишь, когда будетъ снова возстановленъ „порядокъ".

Рейхстагъ въ Вѣнѣ, несмотря на то, что приписывалъ себѣ очень большую важность, не имѣлъ все-таки смѣлости взять въ свои руки руководство движеніемъ. Еще 20-го октября онъ призывалъ народъ Австріи поддержать Вѣну „моральной силой", заклинать императора назначить дружественное народу министерство и отозвать войска.

Центральное правительство во Франкфуртѣ на Майнѣ также вмѣшалось въ распрю и по постановленію парламента послало въ качествѣ имперскихъ комиссаровъ Велькера и Мосле для посредничества. Это тоже была одна изъ многихъ великолѣпныхъ комедій, разыгранныхъ „центральной тѣнью" *). Комиссары прибыли въ Ольмюцъ къ бѣжавшему двору, гдѣ имъ было заявлено, что имъ не слѣдуетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Австріи.

Съ этимъ они и удалились и попытались еще обратиться къ Виндишгрецу, который пригласилъ ихъ къ столу и въ видѣ дессерта заявилъ имъ, что ему никакого дѣла нѣтъ до центральнаго правительства и его комиссаровъ. Велькеръ пожалъ здѣсь лишь только то, что онъ посѣялъ. Но другимъ пришлось въ большей степени расплачиваться за его глупости, чѣмъ ему самому.

Послѣ того, какъ предложеніе о поддержкѣ Вѣны не встрѣтило большинства въ парламентѣ, лѣвая во Франкфуртѣ на Майнѣ рѣшила послать отъ себя депутацію въ Вѣну. Выбраны были для этого Робертъ Блюмъ, Морицъ Гартманъ, Юліусъ Фребель и нѣкій Трампушъ, который вскорѣ исчезъ. Депутація лѣвой прибыла въ Вѣну 17-го октября. Робертъ Блюмъ, встрѣченный шумнымъ восторгомъ, произнесъ въ университетской актовой залѣ въ Вѣнѣ воодушевленную рѣчь; но скоро ему пришлось убѣдиться, что рѣчи здѣсь излишни **).

Когда началась борьба, Блюмъ, Гартманъ и Фребель вступили въ отрядъ избранныхъ, находившихся подъ командой бывшаго императорскаго офицера Гаука.

Въ то время, какъ въ нотахъ распространялись по міру красивыя слова, вѣнцы были научены горькимъ опытомъ, съ какимъ врагомъ они имѣютъ дѣло. Когда корпусъ Ауэрсперга 12-го октября поспѣшно отступилъ, на мѣстѣ его лагеря было найдено нѣсколько труповъ, между которыми одинъ, очень изуродованный, студента академическаго легіона. Вся Вѣна была охвачена негодованіемъ. Трупъ понесли въ рейхстагъ,

---

*) Такъ называли въ народѣ центральное правительство.

**) „Если Вѣна не побѣдитъ, отъ нея останется только груда пепла развалинъ", писалъ онъ своей женѣ.

взывая къ мести. Шуселька держалъ предъ народомъ успокоительную рѣчь *).

Какъ и всегда при народныхъ движеніяхъ распространялись ложные толки о „неистовой черни“. Ярость вѣнскаго народа нашла себѣ выраженіе въ убійствѣ Латура. Но потомъ возбужденіе улеглось и порядокъ не нарушался больше. Не только дворцы боровшихся противъ Вѣны аристократовъ не были повреждены, остался невредимымъ и дворецъ князя Виндишгреца. Были наказаны всѣ тѣ, которые позволяли себѣ акты насилія. Вѣнцы не думали и о сокровищахъ банка, хотя съ ихъ помощью они гораздо чувствительнѣе поразили бы враговъ, чѣмъ своими пулями.

Но добродушіе и беззаботность вѣнцевъ, которые опоздали учрежденіемъ диктаторской власти и оставляли все безсильному рейхстагу, привели ихъ къ гибели. Изъ всѣхъ манифестовъ, нотъ и парламентскихъ постановленій послѣднихъ дней, лишь одно имѣло значеніе для Вѣны: заявленіе венгерскаго рейхстага отъ 10-го октября, въ которомъ вѣнскому рейхстагу предлагается помощь венгровъ. Такъ какъ венгерскій рейхстагъ не распустился и призналъ императорскій декретъ Фердинанда о распущеніи, не подписанный ни однимъ изъ министровъ, идущимъ въ разрѣзъ съ конституціей и недѣйствительнымъ. Вѣнскій рейхстагъ, объявившій себя засѣдающимъ непрерывно, совершилъ невѣроятную глупость, начавъ раньше переговоры объ этомъ дѣлѣ съ вѣнскимъ коммунальнымъ совѣтомъ, чѣмъ сильно затянулъ дѣло. Горячіе мадьяры въ пылу гнѣва приняли необдуманное рѣшеніе ограничить операціи своей арміи собственной областью. Вѣдь они должны были знать вѣнскій рейхстагъ, имъ было извѣстно и то, что вѣнскій народъ возсталъ за венгровъ и въ расчетѣ на ихъ помощь. Паденіе Вѣны одновременно являлось паденіемъ и Венгріи, какъ и пораженіе мадьяръ—пораженіемъ нѣмцевъ. Мадьяры въ своихъ собственныхъ интересахъ должны были предложить руку помощи вѣнцамъ не обращая вниманія на нерѣшительный рейхстагъ.

Таузенау по порученію тайной комиссіи пяти, которую образовали вѣнскіе демократы, поспѣшилъ въ Венгрію и пытался побудить Кошута двинуть къ Вѣнѣ военныя силы Венгріи. Когда вождь вѣнской демократіи увидѣлъ, что дѣло идетъ не такъ, какъ онъ настоятельно требовалъ и что его предпріятіе не удалось, онъ воскликнулъ къ Кошуту: „История разсудитъ насъ!“ —Эта фраза врядъ ли была справедлива, такъ какъ паденіе Вѣны лежитъ столько же на отвѣтственности рейхстага и вѣнской демократіи, сколько на венграхъ **).

Кошутъ между тѣмъ обладалъ достаточной проницательностью государственнаго мужа, чтобы признать необходимость двинуть войска

---

*) Реакціонеры выступили съ нелѣпыми баснями, что демократы такъ постарались надъ трупомъ для того, чтобы сильнѣе возбудить толпу.

**) Таузенау не вернулся обратно въ Вѣну; за это его обвиняютъ въ трусости. Трусомъ мы его не считаемъ, но его возвращеніе не имѣло бы значенія. Если онъ не зналъ, что дѣлать при майскомъ возстаніи, то тѣмъ меньше онъ это зналъ въ бурные октябрьскіе дни. Онъ бѣжалъ въ Лондонъ, гдѣ ему жилось очень хорошо, и гдѣ онъ умеръ въ 70-хъ годахъ. Бернгардъ Беккеръ разсказываетъ очень занимательныя исторіи изъ лондонской жизни Таузенау. Смотри между прочимъ: „Двѣнадцать ратниковъ революціи,“ гдѣ Густавъ Рашъ рисуетъ Таузенау рѣшительнымъ противникомъ соціализма.

на Вѣну. Онъ лишь долженъ былъ сдѣлать это гораздо раньше. Нельзя однако не признать всѣхъ тѣхъ серьезныхъ препятствій, съ которыми ему приходилось бороться. Двойственное поведеніе вѣнскаго рейхстага, вызванное этимъ возмущеніе венгровъ, упорство мадьярскихъ офицеровъ, все еще колебавшихся — всѣ эти обстоятельства связывали его по рукамъ и ногамъ и не давали принимать опредѣленнаго рѣшенія. Обѣ стороны относились другъ къ другу съ недовѣріемъ, и здѣсь оказывалъ свое дѣйствіе несчастный національный фанатизмъ.

Кошутъ тѣмъ не менѣе неустанно направлялъ свою работу къ наступленію. 16-го и 21-го октября венгры подъ начальствомъ генерала Мога предпринимали наступательное движеніе на Вѣну. Но каждый разъ они снова возвращались за Лейту. Этотъ несчастный генералъ Мога, очевидно, не имѣлъ понятія о возложенной на него задачѣ. Кошутъ не уступалъ. Онъ привелъ еще 12.000 человѣкъ и нѣсколько батарей и созвалъ большой военный совѣтъ въ Никельсдорфѣ. Тамъ онъ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ, что вѣнцы самые преданные союзники Венгріи противъ реакціонныхъ генераловъ Австріи. Венгры обязаны имъ благодарностью, и *долгъ чести націи* повелѣваетъ спѣшить на помощь Вѣнѣ. Офицеры молчали; наконецъ, гонведъ-майоръ Артуръ Гергей взялъ слово и сказалъ, что въ политическихъ дѣлахъ онъ ничего не понимаетъ; военныя же соображенія говорятъ противъ наступленія на Вѣну. Кругомъ Вѣны стоитъ около 10.000 человѣкъ съ 265 пушками; венгерская армія насчитываетъ только 20.000 человѣкъ линейныхъ войскъ и столько же милиціи, у нея только 50 пушекъ. Кошутъ спросилъ, какъ высоко Гергей цѣнитъ воодушевленіе, которое онъ вызоветъ своими рѣчами. Гергей отвѣтилъ: „*Въ лагеряхъ при ихъ произнесеніи очень высоко; послѣ тяжелыхъ переходовъ и въ виду непріятеля—очень низко*“.

Мнѣніе Гергея восторжествовало, и венгры не двинулись дальше Преобразованіе Германіи, поскольку оно еще было возможно, зависѣло тогда только отъ своевременнаго вступленія венгровъ въ Вѣну. Если бы они прибыли еще передъ тѣмъ, какъ Виндишгрецъ и Еллачичъ объединились, то войско Еллачича должно было уступить объединеннымъ силамъ вѣнцевъ и венгровъ. Виндишгрецъ одинъ также не могъ бы справиться съ побѣдителями, тѣмъ болѣе при совершенномъ отсутствіи у него стратегическаго таланта. Италія получила бы новый импульсъ и во всей Германіи движеніе окрѣпло бы снова; возможно, что конституціонная работа, возобновленная свѣжими силами, была бы осуществлена, и Пруссія растворилась бы въ Германіи. Но не будемъ строить предположеній. На военномъ совѣтѣ въ Никельсдорфѣ обнаружилось впервые вліяніе Гергея (съ точки зрѣнія военной техники онъ, быть можетъ, и былъ правъ тогда), этого замѣчательнаго человѣка, ставшаго впослѣдствіи злымъ геніемъ Венгріи. Тридцатилѣтній майоръ Гергей пользовался большимъ уваженіемъ. Его заслугой до сихъ поръ было взятіе арьергарда Еллачича. Его военный геній скоро развернулся въ полномъ блескѣ, такъ что венгры видѣли въ немъ своего прирожденнаго національнаго полководца. Онъ обладалъ всѣми качествами, чтобы въ союзѣ съ другими вести свой народъ къ побѣдѣ—если онъ этого дѣйствительно хотѣлъ. Свою необыкновенную энергію онъ обнаружилъ еще въ сентябрѣ, когда онъ предалъ военному суду и безъ всякаго

колебанія повѣсилъ графа Евгенія Зичи, обвиненнаго въ предательствѣ *). Послѣ того, какъ рейхстагъ въ Пештѣ назначилъ новое министерство съ чрезвычайными полномочіями: Кошута — президентомъ, Мадараса—внутреннихъ дѣлъ, Ніари—иностранныхъ дѣлъ, Киса — военнымъ, Пацманди—просвѣщенія, Телеки—торговли, Палосци—юстиціи и Шимера - финансовъ. Кошутъ еще разъ вступилъ въ переговоры съ Виндишгрецомъ. Онъ требовалъ разоруженія войска кроатовъ, признанія венгерской конституціи и снятія осаднаго положенія съ Вѣны. Тогда венгры не перейдутъ черезъ Лейту. Виндишгрецъ далъ свой обычный отвѣтъ: „съ бунтовщиками я не веду переговоровъ!“, а Еллачичъ арестовалъ венгерскаго парламентера. Тутъ только венгры увидѣли, каково ихъ положеніе; 25 октября они двинулись на Вѣну. Но было уже слишкомъ поздно.

20-го октября Виндишгрецъ изъ Лунденбурга объявилъ Вѣну въ осадномъ положеніи. 22-го октября его главная квартира была ужъ въ Штальмерсдорфѣ, гдѣ онъ объявилъ депутаціи „посредничества“ отъ вѣнской думы, что онъ требуетъ полной сдачи города. Мессенгаузеръ боролся противъ него прокламаціями и наивно требовалъ у него не препятствовать подвозу жизненныхъ припасовъ въ Вѣну и не задерживать „великаго дѣла примиренія народа съ королемъ“.

Въ то время, какъ Мессенгаузеръ занимался этой сентиментальной игрой, Бемъ занимался организаціей защиты. Академическій легіонъ составлялъ ядро вѣнской боевой силы. Остальныхъ солдатъ Бемъ раздѣлилъ на постоянную и летучую гвардію. Постоянныя гвардіи состояли изъ отцовъ семействъ, по большей части мелко-буржуазныхъ слоевъ. Эти заботились главнымъ образомъ о парадной, выставочной сторонѣ дѣла, ѣли и пили по кабачкамъ за всѣхъ остальныхъ, гремѣли больше другихъ своими саблями и больше другихъ произносили рѣчей. Во время сраженій они дѣлали очень мало и старались держаться въ сторонѣ отъ битвы. Многіе изъ нихъ уже заранѣе, въ случаѣ пораженія, готовились выставлять себя жертвами революціи. Летучая гвардія, состоявшая исключительно изъ рабочихъ, насчитывала 10.000 человѣкъ и, по выраженію одного современника, составляла армію, которая собственно и защищала Вѣну. „Она сражалась на укрѣпленіяхъ и охраняла спокойный сонъ постоянной гвардіи“. Офицерами мобильной гвардіи были студенты и перешедшіе на сторону народа унтеръ-офицеры; каждый мобиль-гвардеецъ получалъ

*) Гергей, бывшій гусарскій лейтенантъ, много занимался химическими опытами. Человѣкъ, работавшій въ лабораторіи съ подвязаннымъ передникомъ, своей рыцарской осанкой умѣлъ воспламенять на полѣ битвы своихъ пылкихъ мадьяръ. Въ сверкающей издали красной мантіи съ развивающимся бѣлымъ перомъ на шляпѣ „верхомъ на лошади“ въ большомъ сраженіи при Коморнѣ бросился онъ впередъ въ самую гущу съ крикомъ: „Впередъ, мадьяры! Пули сегодня попадутъ только въ меня!“ Таковъ и долженъ быть герой по понятіямъ венгровъ. Но онъ презиралъ людей и былъ полонъ ядовитой ироніи. Наблюдая съ глубокимъ негодованіемъ, какъ неспособные аристократы получаютъ предпочтеніе предъ нимъ, несмотря на всѣ его таланты, и живя затѣмъ въ крайней нуждѣ, онъ не могъ уже безкорыстно воодушевляться свободой родины. Движущей силой всей его дѣятельности всегда было и осталось только неукротимое честолюбіе. Въ этомъ ключъ къ пониманію всего того, что онъ совершилъ.

ежедневно 25 крейцеровъ жалованья, бутылку вина, хлѣба и немного табаку *). Вдовамъ убитыхъ назначена была годовая пенсія въ 200 гульденовъ, а дѣтямъ 30 гульденовъ ежегоднаго пособія на обученіе. 22-го октября появился декретъ императора, отзывавшій не подлежащій распущенію и „безсрочный рейхстагъ" изъ Вѣны и приглашавшій его возобновить свои засѣданія, начиная съ 22-го октября въ Кремзирѣ, гдѣ ничто не помѣшаетъ его работамъ. Рейхстагъ, когда ему извѣстенъ сталъ декретъ императора, отправилъ послѣднему адресъ, въ которомъ противился отсрочкѣ засѣданій и въ то же время оспаривалъ, что въ Вѣнѣ господствуетъ „анархія" и „мятежъ". Всѣ эти словокопательства не играли, понятно, никакой роли. Признаніе дѣйствій князя Виндишгреца противозаконными и „враждебными правамъ трона" являлось также безсмыслицей и показывало въ лучшемъ случаѣ путаницу понятій.

Передъ городомъ давно уже происходили отдѣльныя стычки. Виндишгрецъ пустилъ въ ходъ свои тяжелыя орудія. Снаружи предъ укрѣпленіями скоро раздались залпы во многихъ мѣстахъ. Войска могли только очень медленно наступать, такъ какъ вѣнцы сражались съ отчаянной храбростью. Огонь не могъ ихъ согнать съ баррикадъ; большую часть послѣднихъ, какъ и укрѣпленные дома, приходилось, въ концѣ концовъ, брать штыками. Робертъ Блюмъ, Фребель и Морицъ Гартманъ принимали участіе въ сраженіи. Блюмъ въ большой рѣчи въ университетской актовой залѣ заявилъ, что долгъ франкфуртскихъ народныхъ представителей требуетъ этого участія **). 26-го октября битва кипѣла по всей линіи между Нусдорфомъ и Сентъ-Маркомъ. Императорскія войска сильно подвинулись впередъ, но они встрѣчали гораздо болѣе сильное сопротивленіе, чѣмъ ожидали, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находился самъ Бемъ. Виндишгрецъ могъ бы вступить въ городъ еще вечеромъ того же дня, но онъ все еще не рѣшался на это и даже частью вывелъ свои войска изъ занятыхъ уже позицій. 28-го октября Виндишгрецъ, главная квартира котораго находилась теперь въ Гецендорфѣ, началъ рѣшительный приступъ. Въ 10 часовъ утра онъ открылъ бомбардировку, осыпавшую городъ цѣлымъ градомъ бомбъ, картечи и разрывныхъ снарядовъ. Въ то время, какъ императорскія войска при громѣ пушекъ строились въ штурмовыя колонны, въ городѣ барабаны били въ набатъ тревогу. Глогницкій вокзалъ былъ взятъ при четвертомъ натискѣ, съ значительными потерями императорскими войсками. Защитники были частью перебиты, частью погибли въ пламени. Послѣ этого началась атака баррикадъ на Егерцейлѣ,

---

*) Попеченіе было, несомнѣнно, недостаточнымъ. Старый вѣнскій гвардеецъ летучаго отряда, жившій впослѣдствіи на Баденскомъ озерѣ, передаетъ, что онъ однажды въ числѣ сотенъ другихъ во время осады Вѣны долженъ былъ всю ночь на пролетъ провести на площади Стефана. Было очень холодно. Бемъ, правда, приказалъ доставить войску соломы—принесли однако до того мало, что на каждаго въ отдѣльности пришлось приблизительно по одному стеблю.

**) Въ издававшейся Бехеромъ и Елленикомъ газетѣ: „Радикалъ", Блюмъ воскликнулъ по адресу Виндишгреца: „Нюренбергцы никого не вѣшаютъ, но его они въ первую голову бы повѣсили!" Это послужило лишь къ тому, чтобы еще больше усилить гнѣвъ фельдмаршала противъ „газетныхъ писакъ".

гдѣ командовалъ Бемъ и боролся цвѣтъ революціоннаго юношества Вѣны, Зальцбурга, Брюнна и Граца. Осыпанныя гранатами и картечью баррикады держались болѣе двухъ часовъ, и императорскія войска, послѣ трекратнаго штурма, были отбиты съ большими потерями. Боевое одушевленіе достигло здѣсь высшаго пункта. Между тѣмъ войска взяли сосѣднія улицы и окружили баррикады со всѣхъ сторонъ. Защитники, обойденные сзади, едва спаслись внутрь города; благодаря храбрости Гаугка, они сумѣли захватить еще съ собой часть пушекъ. Леопольдштадтъ не могъ вслѣдствіе этого держаться дольше. Императорскія войска стояли теперь прямо передъ внутреннимъ городомъ. Картина была ужасная. На далекомъ разстояніи къ небу подымались огненные языки, атмосфера полна дыму и копоти, городъ имѣлъ видъ, по словамъ одного очевидца, словно его разсматриваютъ подъ краснымъ стекломъ.

Въ тотъ же вечеръ уже начались безобразія чешскихъ солдатъ. Въ предмѣстьяхъ производились разгромы, дома умышленно поджигались и изъ одной только улицы вынесли 57 труповъ людей, вовсе не принимавшихъ никакого участія въ борьбѣ. Захваченные въ плѣнъ инсургенты, какъ передаютъ, сотнями разстрѣливались на поляхъ передъ городомъ *). Вѣна не могла больше устоять, если даже воодушевленіе народныхъ борцовъ, особенно летучей гвардіи, и не было сломлено. Эти храбрецы и слышать не хотѣли о сдачѣ. Боевыхъ припасовъ и провіанта оставалось все меньше и меньше. Но не участвовавшее въ сраженіи населеніе настоятельно требовало сдачи города. Мессенгаузеръ на совѣтѣ вождей заявилъ, что Вѣна не въ состояніи больше сопротивляться и необходимо послать депутацію къ Виндишгрецу. Коммунальный совѣтъ, почувствовавъ, что наступило его время вмѣшаться, избралъ трехъ своихъ членовъ депутаціей; къ нимъ присоединились еще 4 депутата.

29-го октября депутація явилась на главную квартиру князя и была принята послѣднимъ съ гордымъ высокомѣріемъ побѣдителя. Онъ разрѣшилъ перемиріе на 12 часовъ въ ожиданіи, что городъ въ теченіе дня сдастся. Одинъ изъ депутатовъ былъ до того наивенъ, что требовалъ у князя сохраненія Академическаго легіона. „Нѣтъ“, воскликнулъ Виндишгрецъ: „это хозяйничанье молокососовъ должно прекратиться!“.

Въ городѣ между тѣмъ царствовало полное смятеніе. Вездѣ кричали объ измѣнѣ. Филистеры, которые во время сраженія держались двусмысленно, подняли голову и требовали сдачи города. Но перешедшіе на сторону народа солдаты и слышать не хотѣли объ этомъ. Передавали, что они сговаривались между собой пристрѣлить другъ друга, если городъ сдастся. Блюмъ и Фребель также были за сдачу, такъ какъ они видѣли, что все пропало.

Вожди различныхъ вѣнскихъ отрядовъ держали совѣтъ, который сопровождался бурными преніями. Мессенгаузеръ, наконецъ, произвелъ голосованіе и объявилъ, что большинство высказалось за капитуляцію.

---

*) Послѣ того, какъ славяне бушевали такъ яростно, неудивительно, что военное положеніе, введенное послѣ паденія Вѣны, вырвало не такъ много жертвъ, какъ опасались сначала.

Поднялся невыразимый шумъ, и Мессенгаузеру кричали въ лицо, что онъ предатель. Бѣдняга, совершенно потерявши голову, увидѣлъ, что всѣ дѣлаютъ отвѣтственнымъ его за несчастье, въ которомъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ только частью виноватъ. Онъ выпустилъ прокламацію, въ которой заявлялъ, что всѣ припасы исчерпаны, а боевыхъ снарядовъ хватитъ всего лишь на 4 часа *). Возбужденіе народа неимовѣрно росло и, если бы, Мессенгаузеръ попался въ руки разъяренной толпы, то съ нимъ бы вѣроятно поступили такъ же, какъ съ военнымъ министромъ Латуромъ. Гнѣвъ и отчаяніе сдѣлали этихъ людей, въ обычное время столь рѣшительныхъ, совершенно безумными. Хорошо извѣстно было, какого рода непріятель стоялъ у воротъ. Было внесено предложеніе поджечь императорскій Гофбургъ въ отместку за опустошеніе, произведенное бомбардировкой. Фепперъ фонъ-Феннебергъ **) занялъ Гофбургъ летучей гвардіей и помѣшалъ его разрушенію.

Вѣна превратилась въ хаосъ, въ которомъ все дико металось изъ стороны въ сторону; коммунальный совѣтъ еще ночью 29-го октября отправилъ новую депутацію къ Виндишгрецу съ заявленіемъ о сдачѣ города. Колеблемые между страхомъ и надеждой коммунальные совѣтчики просили князя какъ можно скорѣе ввести свои войска; они, очевидно, боялись раздраженнаго до крайности народа. Они замолвили доброе словечко за перешедшихъ на сторону народа солдатъ и просили выдачи паспортовъ всѣмъ желающимъ покинуть Вѣну. Виндишгрецъ, который не могъ больше скрывать своей свирѣпой радости, презрительно отвергъ все это и, напротивъ, потребовалъ у депутаціи позаботиться о томъ, чтобы „зачинщики“ не улизнули. Таковыми онъ разумѣлъ Мессенгаузера, Бема, Феннеберга, Гаука, народнаго оратора доктора Шюттэ и еще дюжину другихъ.

30 октября Виндишгрецъ долженъ былъ занять городъ, какъ бы застывшій въ тупомъ ожиданіи своей судьбы. Началось уже бѣгство жертвъ революціи. На площади Стефана столпилась масса приведеннаго въ отчаяніе народа. Вдругъ прозвучалъ крикъ: „Венгры идутъ!“ Съ колокольни Святого Стефана, назначенной постояннымъ наблюдательнымъ пунктомъ, падали записки, которыя подтверждали радостную вѣсть.

Это извѣстіе подѣйствовало мощнымъ толчкомъ на покоренную Вѣну. Она поднялась снова для ожесточенной борьбы. Массѣ дѣла не было до того, какое соглашеніе состоялось между коммунальнымъ совѣтомъ и Виндишгрецомъ. Блеснулъ лучъ надежды; съ валовъ опять началась пальба изъ пушекъ по императорскимъ войскамъ, и борьба возгорѣлась съ новой силой.

Венгры дѣйствительно приближались; 28 октября они перешли

---

*) „Мы погибаемъ не отъ недостатка боевыхъ припасовъ, а отъ избытка предательства“ звучало въ народѣ.

**) Фепперъ фонъ-Феннебергъ былъ сыномъ одного австрійскаго фельдмаршалъ-лейтенанта. Онъ служилъ офицеромъ въ австрійской арміи и перешелъ къ демократамъ. Онъ выступалъ также журналистомъ. Въ качествѣ таковаго онъ отличался всевозможными странностями, особенно въ Ульмѣ, о чемъ одна близкая Феннебергу, особа передаетъ очень много забавнаго. Его воззрѣнія были очень радикальны, но военныя способности его равнялись [illegible]

Лейту. Но их движеніе до того было тяжелымъ и медленнымъ, что Виндишгрецъ прекрасно могъ подготовиться къ ихъ появленію. Когда поэтому венгры въ послѣдній моментъ появились 30 октября, чтобы защитить Вѣну, они натолкнулись при Швехатѣ на превосходныя силы Еллачича. Силы венгровъ исчисляются различно. Вѣроятно они въ своемъ распоряженіи имѣли 15.000 человѣкъ регулярныхъ войскъ и до 30.000 ополченцевъ. Съ ними было также около 50 пушекъ. Венгерская кавалерія насчитывала только 1.000 человѣкъ. Армія Еллачича, какъ передаютъ, состояла изъ 50.000 человѣкъ; почти столько же стояло предъ Вѣной, такъ какъ объединенныя силы австрійцевъ равнялись 100.000 человѣкъ, сила, предъ которой венгры даже соединившись съ вѣнцами не могли бы устоять. Командованіе венграми и на этотъ разъ было въ рукахъ неспособнаго Моги. Онъ распоряжался до того неудачно, что утверждали будто онъ готовъ былъ предать свои войска непріятелю. Но Еллачичъ былъ не лучшимъ полководцемъ, и оба такимъ образомъ долгое время ожидали, кому изъ нихъ выступить первымъ. Кошутъ, бывшій при венгерскомъ войскѣ, побудилъ послѣднее къ наступленію. Вначалѣ венграмъ, казалось, везло на правомъ флангѣ. Безумно-храбрый гонведъ-маіоръ Гюйонъ *), не обращая вниманія на нерѣшительность Мога, съ батальономъ пештскихъ волонтеровъ и однимъ батальономъ шеклеровъ (румынскихъ венгровъ) атаковалъ занятую Еллачичемъ деревню Мансвертъ съ такой силой, что совершенно выбилъ этимъ штурмомъ красныя мантіи Еллачича изъ позиціи. Центръ венгровъ двинулся къ Швехату, и Еллачичъ началъ отступать. Но Мога струсилъ; его ужаснула его собственная мнимая смѣлость; онъ боялся быть окруженнымъ кавалеріей Еллачича. Такимъ образомъ, движеніе венгровъ было пріостановлено, хотя и австрійская кавалерія была отбита. Мога, казалось, совершенно потерялъ голову; онъ отдавалъ свои приказанія съ полнѣйшей нерѣшительностью. Поэтому картина сраженія скоро перемѣнилась. Венгерскіе ополченцы, окруженные артиллеріей Еллачича, обращены были въ бѣгство. Кошутъ напрасно пытался остановить панику **). Наступило смятеніе и, наконецъ, долженъ былъ быть отданъ приказъ къ отступленію. Попытка спасти городъ не удалась. Вѣна окончательно была отдана на произволъ враговъ. На слѣдующій день венгры снова стояли у Лейты. Энергичное руководство въ городѣ несомнѣнно напрягло бы всѣ силы, чтобы подать руку помощи венграмъ. Но сила сопротивленія была уже сломлена. Бемъ, единственный среди вождей защиты, способный выполнить дѣло, убѣдился въ безнадежности дальнѣйшаго сопротивленія и скрылся; онъ отсутствовалъ при обсужденіи вопроса о капитуляціи. Не будучи главнокомандующимъ ему врядъ ли удалось бы оказать дѣйствительную помощь венграмъ. Венгры впослѣдствіи сваливали вину за неудачу

---

*) Одинъ поселившійся въ Венгріи англичанинъ, служившій въ Португаліи, поспѣшилъ теперь на помощь венграмъ въ ихъ борьбѣ за независимость. Когда при Мансвертѣ застрѣлена была его прекрасная лошадь, онъ воскликнулъ: „Австрійцы дорого поплатятся за это!“ Они дѣйствительно поплатились не дешево.

**) Великолѣпный Мога, вмѣсто того, чтобы всѣми силами удержать бѣгущихъ, плакался предъ Кошутомъ: „Ну вотъ, видите, я это говорилъ, теперь они всѣ бѣгутъ—и все пропало!“

ихъ похода на неспособность вѣнцевъ. Не имѣетъ смысла спорить тому, кому извѣстно, какъ происходило дѣло въ дѣйствительности и какія обстоятельства оказали при этомъ вліяніе.

Въ то время, когда происходило сраженіе при Швехатѣ и лихорадочно-возбужденный народъ взялся снова за оружіе, а съ валовъ началась пальба, Мессенгаузеръ находился въ колокольной церкви Св. Стефана и наблюдалъ ходъ сраженія. Отъ времени до времени внизъ на толпу, кипящую на площади Святого Стефана, слетали съ колокольни записки, которыя при первыхъ благопріятныхъ извѣстіяхъ встрѣчались толпой шумнымъ восторгомъ. Когда въ первые моменты казалось, что венгры побѣдоносно наступаютъ по всей линіи, съ колокольни пришло приказаніе, чтобы каждый сталъ подъ ружье, если разбитое войско приблизится къ стѣнамъ города.

Это не было связано съ нарушеніемъ условій капитуляціи, такъ какъ формально капитуляція еще не была объявлена. Но Виндишгрецъ возгорѣлся ужасной яростью, когда снова началась пальба со стѣнъ. „Теперь ужъ Мессенгаузеръ долженъ быть повѣшенъ!"—будто бы воскликнулъ онъ. Между тѣмъ Мессенгаузеръ ни за что не соглашался сдѣлать вылазку. Наконецъ, съ колокольни Стефана замѣтно стало отступленіе венгровъ. Мечтатель Мессенгаузеръ, посреди адскаго шума битвы, грома пушекъ, звона набата и всеобщаго смятенія разговаривалъ съ писателемъ Бертольдомъ Ауэрбахомъ о будущихъ драматическихъ трудахъ. Являлись посланцы и требовали разрѣшенія напасть на Леопольдштадтъ. Отъ Мессенгаузера ничего нельзя было добиться. Наконецъ, отрядъ студентовъ принудилъ этого несчастнаго человѣка къ отставкѣ и поставилъ на его мѣсто „террориста" Феннера фонъ-Феннеберга. Коммунальный совѣтъ, однако, требовалъ отъ Мессенгаузера не слагать съ себя команды. Мессенгаузеръ и Феннебергъ въ теченіе ночи столковались между собой, но къ утру имъ ужъ некѣмъ было командовать, такъ какъ покинутый и преданный народъ боролся теперь на свой собственный рискъ и страхъ.

Да, преданный! Ибо ночью коммунальный совѣтъ просилъ Виндишгреца какъ можно скорѣе вступить въ городъ, чтобы защитить его отъ „эксцессовъ черни"; эти благородные отцы города съ ужасомъ узнали, что чернь, эксцессовъ которыхъ они такъ опасались, находилась не въ самомъ городѣ, а предъ городскими стѣнами.

Виндишгрецъ требовалъ сложенія оружія, и Мессенгаузеръ, Феннебергъ и Гаукъ издали воззваніе о томъ, что сопротивленіе напрасно. Но вооруженный народъ не отступалъ отъ стѣнъ; позади депутаціи коммунальнаго совѣта, направившейся къ фельдмаршалу съ заявленіемъ о сдачѣ города, ворота были закрыты и забаррикадированы. Снова раздался набатъ, и загремѣла пальба со стѣнъ.

Въ 3 часа пополудни 31 октября Виндишгрецъ началъ бомбардировку. Она была ужасна; несчастный народъ снова былъ осыпанъ градомъ снарядовъ. На улицахъ, въ домахъ сотнями разрывались гранаты, а ракеты по всѣмъ направленіямъ прорѣзывали воздухъ. Тамъ и здѣсь вспыхивали пожары *). „Вѣна имѣла такой видъ, какъ будто

*) Морицъ Гартманъ разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ въ музей попадали пули, изъ-за которыхъ зданіе охвачено было пламенемъ.

через нее пронеслись двадцать разрушительных ураганов", говоритъ депутатъ, патеръ Фюстеръ. Башня церкви августинцевъ и библіотечный флигель Гофбурга были объяты пламенемъ, такъ какъ бомбардировка не щадила того, что пощадилъ вѣнскій пролетаріатъ. Передъ зданіемъ рейхстага также падали постоянно снаряды; очевидно, намѣренно направленные туда, ибо постоянная коммиссія рейхстага продолжала свое засѣданіе. „Надо было обладать крѣпкими нервами, чтобы сохранить спокойствіе духа", говоритъ присутствовавшій при этомъ Шуселька.

Эта ужасная канонада сломила слабое и неорганизованное сопротивленіе, въ которомъ принимало участіе много женщинъ. Стѣны и улицы покидались защитниками. Многіе мужественно выдерживали до конца *), послѣ пяти часовъ кроаты бурно прорвались черезъ разрушенныя городскія ворота въ городъ. Пришелъ конецъ. Бѣлые флаги появились въ окнахъ, и раболѣпные филистеры предложили побѣдителю свои услуги въ качествѣ шпіоновъ. „Это вороны надъ нашими трупами", сказалъ кто-то Морицу Гартману.

Этотъ депутатъ и поэтъ, участвовавшій въ сраженіи, лишь съ большимъ трудомъ избѣжавшій плѣна, наблюдалъ вблизи послѣднія минуты вѣнской революціи; онъ далъ намъ классическое изображеніе послѣдней, мы процитируемъ здѣсь описаніе этого момента**). „На крестьянскомъ рынкѣ",—разсказываетъ Гартманъ,—„мы внезапно услышали звукъ тревоги, производившей въ высшей степени возбуждающее впечатлѣніе среди грома пушекъ, треска разрывающихся гранатъ и летящихъ отовсюду осколковъ. На Гогенмарктѣ мы увидѣли, откуда исходилъ этотъ трескъ. Эта площадь была пуста, какъ и всѣ остальныя площади и улицы въ тотъ моментъ, жители попрятались въ подвалахъ или во внутреннихъ комнатахъ дома. Черезъ большую вымершую отъ людей площадь проходилъ 50-лѣтній пролетарій, впереди котораго шелъ маленькій мальчикъ десяти лѣтъ. Мальчикъ несъ большое черно-красно-желтое знамя, старикъ билъ въ барабанъ. Онъ не оглядывался ни на право, ни на лѣво; бомбы летали черезъ его голову и разрывались то впереди, то позади его. Онъ продолжалъ идти своей дорогой мѣрнымъ шагомъ и билъ генералъ-маршъ; и онъ билъ съ такой силой, будто хотѣлъ пробудить отъ смертнаго сна вымершій міръ. Мальчикъ со знаменемъ спокойно шествовалъ впереди, а старый все шагалъ и билъ въ барабанъ. Мы замерли при этомъ зрѣлищѣ и слезы выступили у насъ на глазахъ. „Милый другъ", — сказали мы ему, наконецъ,—„оставьте это—теперь уже все кончено".—„Нѣтъ,—отвѣтилъ старикъ, — они должны выйти, они должны еще разъ выйти, дѣло не должно погибнуть!"—говоря это, онъ шелъ

Впослѣдствіи обвиняли защитниковъ въ поджогѣ музея—точно, такъ какъ то происходило въ 1871 году въ Парижѣ, когда коммунѣ приписывали всѣ опустошенія, произведенныя бомбардировкой г-на Тьера. „Партіи порядка" повсюду остаются одинаковыми.

*) Одинъ отрядъ летучей гвардіи торжественно пѣлъ за баррикадой „Боже, спаси короля Франца!" въ то время, когда кругомъ свистѣли гранаты и ракеты. Какой ужасный юморъ!

**) Отрывки революціонныхъ воспоминаній, т. III, октябрьскіе дни въ Вѣнѣ, напечатанные въ „Demokratischen Studien" Людвига Валесрода (1861 г.) и въ собраніи сочиненій Гартмана т. X.

все впередъ и билъ въ барабанъ съ такой силой, что онъ заглушалъ грохотъ пушекъ, а мальчикъ спокойно несъ свое знамя, оглядываясь по сторонамъ, не идутъ ли „они". Они не пришли!..

Вечернія сумерки уже спускались на землю, когда мы снова пришли ко рву. Пушки вдругъ смолкли, наступила полная тишина. Минутъ черезъ десять съ Кольмаркта пришло около 30 студентовъ и рабочихъ; они быстро пробѣжали черезъ ровъ по направленію къ площади Стефана. На бѣгу они оглядывались назадъ, какъ бы ожидая погони. Еще черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Бехеръ *) со шпагой въ рукахъ въ сопровожденіи еще меньшей кучки людей. Они также оглядывались, проходя быстрыми шагами черезъ Грабенъ. Они, повидимому, бѣжали отъ австрійцевъ. И дѣйствительно, казалось, нѣкоторые національные гвардейцы открыли городскія ворота императорскимъ войскамъ. Бехеръ со своей кучкой стояли на бастіонѣ; если бы они не отступили съ такой быстротой, то они были бы отрѣзаны и окружены. Не болѣе чѣмъ черезъ двѣ минуты послѣ Бехера на площадь Грабена появились австрійцы. Сначала появился маленькій отрядъ изъ 12 человѣкъ съ ружьями на перевѣсъ. Трудно, впрочемъ, было замѣтить, въ какомъ положеніи они старались держать свое оружіе. Они такъ дрожали всѣмъ тѣломъ, у нихъ до того сильно дрожали руки, что ружье постоянно то вздымалось кверху, то опускалось внизъ. При этомъ они пугливо озирались направо и налѣво, на окна и, не переставая, выкрикивали: „здорово, друзья! здорово, друзья!" То же самое продѣлывала вся компанія, слѣдовавшая за ними по пятамъ, какъ солдаты, такъ и офицеры. Послѣдніе опускали въ знакъ привѣта передъ окнами свои шпаги и также восклицали: „Здорово, друзья! здорово, друзья!" Можно было питать только сожалѣніе къ этимъ бѣднымъ солдатамъ, боявшимся новаго натиска. Народъ, внезапно окружившій ихъ со всѣхъ сторонъ, держался тихо. Но тутъ случилось нѣчто поразительное. Какъ по данному знаку открылись сотни оконъ, которые въ теченіе трехъ недѣль такъ закрыты и завѣшаны были, какъ будто они принадлежали вымершимъ жилищамъ,—въ нихъ показались люди—сотни носовыхъ платковъ замахали на встрѣчу солдатамъ, со всѣхъ сторонъ раздалось громовое: „Да здравствуетъ императоръ!" Это явилось сигналомъ для народа; оглушительный свистъ раздался въ отвѣтъ на лойяльные крики, даже со стороны побѣдителей, которые какъ разъ въ это время начали, хотя и весьма осторожно еще, свое побѣдоносное шествіе. А свистящая толпа сопровождала побѣдителей до Штокъ-амъ-Эйзенплаца. Оттуда раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ Они были сдѣланы Бехеромъ. Изъ засады онъ встрѣтилъ побѣдителей залпомъ внутри побѣжденнаго города. Затѣмъ наступила тишина. Спустилась ночь. Надъ великой драмой спустился занавѣсъ и началась оргія побѣды".

На колокольнѣ Св. Стефана вскорѣ развѣвалось черно-желтое знамя.

Виндишгрецъ вторично объявилъ Вѣну въ осадномъ положеніи;

---

*) Упомянутый уже редакторъ „Радикала", обладавшій музыкальнымъ и литературнымъ талантомъ, другъ Николая Ленау. На такихъ жертвъ черно-желтая реакція набрасывалась съ особенной любовью. Кстати, въ эти дни одна заблудившаяся пуля попала въ сумасшедшій домъ въ Деблингѣ, гдѣ сидѣлъ въ своей кельѣ несчастный Николай Ленау. Какой трагизмъ, если бы сумасшедшій поэтъ умеръ отъ этой пули!

академическій легіонъ и національная гвардія были распущены. Союзы и собранія запрещены, пресса подчинена цензурѣ, за каждое сопротивленіе угрожалъ военный судъ. За этимъ послѣдовали многочисленные обыски; искали людей и оружія, и обыскиваемые дома обшаривались до самыхъ потаенныхъ уголочковъ. Арестовъ была такая масса, что уже черезъ нѣсколько недѣль пришлось очень многихъ выпустить на свободу, такъ какъ были арестованы сотни такихъ, про которыхъ никакихъ данныхъ не было.

Городъ со своими опустошенными бомбардировкой улицами имѣлъ ужасный видъ, но еще ужаснѣе были носившіеся кругомъ темные слухи. Трудно провѣрить теперь, что въ дѣйствительности происходило тогда,— на самомъ ли дѣлѣ предъ воротами города разстрѣливались массами, безъ всякихъ формальностей плѣнные, взятые во время или послѣ сраженія. Извѣстно, какъ въ такое время всеобщаго возбужденія все преувеличивается. Но, повидимому, несомнѣнно то, что въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ расположились кроаты и другіе „славянскіе братья“, повторились всѣ ужасы Тридцати-лѣтней войны, съ ея убійствами, грабежами, пожарами и изнасилованіями. Мы не будемъ приводить сомнительныхъ отчетовъ тогдашнихъ газетъ, а обратимся къ совершенно другимъ источникамъ. Въ засѣданіи франкфуртскаго парламента отъ 24-го ноября 1848-го года депутатъ Циммерманъ изъ Шпандау внесъ предложеніе избрать комиссію для изслѣдованія тѣхъ злодѣяній, которыя были произведены въ Вѣнѣ войсками, а также для того, чтобы установить, въ какой мѣрѣ подвергнуть военныхъ наказанію. Циммерманъ подчеркивалъ, что не только кроаты и другіе славяне, но и нѣмецко-австрійскіе солдаты причастны были къ этимъ злодѣяніямъ. Свѣдѣнія объ этихъ звѣрствахъ, доставленныя депутату изъ достовѣрныхъ источниковъ, были имъ сгруппированы въ 16-ти пунктахъ. Здѣсь приведены многочисленные факты кражъ, уличнаго грабежа, убійства раненыхъ и безоружныхъ, изувѣченія мужчинъ и женщинъ еще живыми, нахожденія труповъ женщинъ съ самыми звѣрскими слѣдами истязаній *). Особенно часто встрѣчается обезчещеніе и изуродованіе женщинъ и дѣтей. Коллекціи знаменитаго анатома Гиртля также испорчены были своевольными солдатами. Многіе дома, какъ утверждаютъ, были оставлены запертыми, чтобы уничтожить слѣды звѣрскихъ сценъ. И объ этихъ каннибалахъ, совершившихъ такіе звѣрскіе ужасы, черно-желтые говорили, что они призваны въ Вѣну для защиты населенія отъ „эксцессовъ черни“, между тѣмъ какъ въ Вѣнѣ, за все время возстанія имущество и жизнь гражданъ, если не считать исключительнаго случая съ Латуромъ, были неприкосновенны.

Въ отчетѣ Циммермана возможны преувеличенія, какъ то часто бываетъ, но опровергнуты эти факты не были, не смотря на то, что черно-желтые неоднократно пытались отрицать ихъ.

Франкфуртскій парламентъ, цѣликомъ находящійся въ рукахъ реакціонеровъ, не призналъ предложенія „неотложнымъ“, а передалъ его въ комиссію для австрійскихъ дѣлъ, которая поручила центральному правительству провѣрить указанные въ запискѣ факты. Если бы

*) Какъ совершенныя въ 90-хъ годахъ XIX в. „Джэкомъ-потрошителемъ“.

парламентъ и принялъ предложеніе Циммермана, это не имѣло бы особеннаго значенія при существующемъ положеніи вещей.

Число погибшихъ во время осады и взятія Вѣны повстанцевъ установлено, по произведенному подсчету, отъ 5.000 до 6.000 человѣкъ. Такъ много, если только эта цифра правильна, не могло пасть въ сраженіяхъ, особенно по сравненію съ офиціальными отчетами о потеряхъ войскъ. По этимъ отчетамъ армія потеряла 56 офицеровъ, 1.142 солдата убитыми и ранеными и 70 лошадей.

Изъ вождей движенія немногимъ только удалось спастись. Феннеръ фонъ-Феннебергъ, разсказываютъ, былъ вынесенъ въ квашнѣ изъ подъ тѣста, Бемъ—въ гробу. По другимъ версіямъ, Бемъ въ формѣ австрійскаго генерала неузнаннымъ пробрался черезъ австрійскій лагерь. Бѣжалъ и Гаукъ, но только для того, чтобы попасть въ Венгріи въ руки австрійцевъ и по приговору военнаго суда быть разстрѣлляннымъ австрійскими пулями.

Мессенгаузеръ, который могъ бы бѣжать, самъ отдался въ руки побѣдителей. Такъ наивенъ былъ этотъ человѣкъ, выброшенный волнами бурнаго времени на вершину революціи, что въ свое „право" и свою „невинность" онъ вѣрилъ даже предъ лицомъ безпощаднаго врага.

Утромъ 9-го ноября распространилось по городу потрясающее извѣстіе, что Робертъ Блюмъ разстрѣлянъ въ Бригиттенау, по приговору военнаго суда.

Блюмъ въ послѣдніе октябрьскіе дни уже не вѣрилъ въ успѣхъ возстанія *).

Натискъ венгровъ, онъ, какъ замѣтилъ еще на колокольнѣ Св. Стефана, съ самаго начала считалъ безплоднымъ. 29-го октября Блюмъ и Фребель выступили изъ Гаукскаго отряда избранныхъ; ихъ такимъ образомъ нельзя было обвинять въ нарушеніи заключенной съ Виндишгрецомъ конституціи, поскольку о послѣдней можетъ вообще быть рѣчь **). Они спокойно оставались въ своей гостинницѣ „Городъ Лондонъ", откуда они 1-го ноября написали письмо генералу Зоричу, въ которомъ просили проходного свидѣтельства для отъѣзда. Они полагались на установленную франкфуртскимъ парламентомъ неприкосновенность личности депутатовъ. Трудно понять такое довѣріе предъ лицомъ побѣдоносной стотысячной арміи, съ жаждущимъ мести Виндишгрецомъ во главѣ. Какъ могъ всегда скептическій и трезвый Блюмъ ожидать, что завоеватель Вѣны остановится предъ однимъ изъ бумажныхъ постановленій франкфуртскаго парламента послѣ того, какъ Блюмъ и Фребель являлись вождями возставшихъ и участвовали въ вооруженныхъ столкновеніяхъ! Морицъ Гартманъ, наоборотъ, слишкомъ хорошо зналъ этихъ людей, чтобы полагаться на бумажную неприкосновен-

---

*) Онъ и вообще-то не былъ оптимистомъ; еще въ маѣ онъ писалъ одному другу, которому причиняли огорченіе крикуны и трусы: „Относительно республики эти господа могутъ успокоиться—они ея не получатъ, но получатъ всю прежнюю систему свинства, только въ новомъ изданіи".

**) Блюмъ и Фребель были поставлены на самыя опасныя позиціи; Блюмъ стоялъ противъ кроатовъ съ пятью пушками, имѣлъ, однако, рѣшительное приказаніе не пускать ихъ въ ходъ. Фребель полагалъ, что послѣднее является доказательствомъ предательства со стороны руководителей.

ность. Но генералъ Зоричъ еще ничего не предпринималъ пока *). Оба депутата получили отвѣтъ обратиться къ генералу Кордону. Получивъ ихъ прошеніе, послѣдній тотчасъ же написалъ на обратной его сторонѣ приказъ объ арестѣ. 4-го ноября Блюмъ и Фребель были арестованы; они содержались въ тюрьмѣ военнаго штаба. 5-го ноября они отправили посланіе франкфуртскому парламенту, которое, однако, не дошло по назначенію **). 8-го ноября они направили въ вѣнскую центральную слѣдственную комиссію протестъ, въ которомъ они апеллируютъ къ своей депутатской неприкосновенности. Въ отвѣтъ на этотъ протестъ Блюма повели къ допросу. Времени, ушедшаго на этотъ допросъ, было вполнѣ достаточно, чтобы успѣть переслать этотъ протестъ на главную квартиру Виндишгреца въ Гецендорфѣ и получить оттуда обратно отвѣтъ. На слѣдующее утро Блюмъ, отдѣленный отъ Фребеля, былъ разбуженъ въ 5 часовъ и ему прочитали смертный приговоръ. Онъ сказалъ, что не вѣритъ въ исполненіе приговора, но прокуроръ сказалъ, что въ этомъ и сомнѣваться не приходится.

Робертъ Блюмъ съ мужественнымъ самообладаніемъ предался своей ужасной участи; онъ использовалъ оставленное ему короткое время на то, чтобы написать своей женѣ трогательное письмо, которое навсегда запечатлѣетъ память этого мученика демократа въ сердцахъ всѣхъ, сохраняющихъ человѣческія чувства въ душѣ, людей ***).

---

*) Въ канцеляріи этого генерала царствовалъ, по словамъ одного вѣнскаго соціалиста, „деспотизмъ, смягченный халатностью".

**) Такъ говоритъ Фребель, изложенію котораго передъ франкфуртскимъ парламентомъ 18-го ноября мы здѣсь и слѣдуемъ.

***) Вотъ это письмо:

„Моя хорошая, дорогая, милая жена, прощай! Я прощаюсь съ тобою на время, которое называется вѣчностью, но которое таковой не будетъ. Воспитай нашихъ, теперь только твоихъ, дѣтей благородными людьми, дабы они не покрыли позоромъ имя своего отца. Наше маленькое состояніе продай съ помощью нашихъ друзей. Богъ и добрые люди да будутъ вамъ въ защиту. Всѣ мои чувства изливаются въ потокѣ слезъ; еще разъ прощай, дорогая жена! Наши дѣти да останутся самымъ дорогимъ для тебя наслѣдіемъ твоего мужа. Прощай, прощай! Тысячу, тысячу послѣднихъ поцѣлуевъ отъ твоего Роберта.

Вѣна. 9 ноября 1848 г., въ 5 ч. утра—
въ 6 ч. меня уже не будетъ.

Я забылъ о кольцахъ,—я запечатлѣваю тебѣ свой послѣдній поцѣлуй на обручальномъ кольцѣ. Мое кольцо съ печатью передай Гансу, часы — Роберту, брилліантовую булавку—Идѣ, цѣпочку—Александру въ память обо мнѣ. Все остальное раздай на память по собственному усмотрѣнію. Идутъ. Прощай! Прощай!"

Карлу Фогту обреченный на смерть вождь лѣвыхъ писалъ: „умирающій поручаетъ тебѣ и всѣмъ моимъ нѣмецкимъ друзьямъ свою несчастную семью. Они имѣли меня своимъ единственнымъ кормильцемъ. Перенесите свою любовь съ меня на нихъ, и я умру тогда спокойно. Всѣмъ тысячу разъ привѣтъ!

Вѣна. 9 ноября, 5½ ч. утра. Блюмъ".

Карлу Крамеру въ Лейпцигѣ, бывшему соредактору „Vaterlandsblätter" онъ писалъ:

„Дорогой другъ!

Теперь 5 часовъ, а въ 6 меня разстрѣляютъ; итакъ, только два слова: всѣхъ благъ тебѣ и всѣмъ друзьямъ. Подготовь постепенно мою жену къ

Въ 6 ч. утра 9 ноября 1848 г. Блюмъ на извозчичьихъ дрожкахъ, подъ прикрытіемъ кавалеріи, былъ отвезенъ въ Бригиттенау. „Пощадите меня, по крайней мѣрѣ, отъ вашихъ цѣпей“, сказалъ онъ, когда его хотѣли заковать,—„я не сдѣлаю нелѣпой попытки къ бѣгству“. И его оставили незакованнымъ. Онъ не выказалъ слабости, но когда во время пути у него все же скатилась слеза изъ глазъ, онъ сказалъ: „Плачетъ не депутатъ Блюмъ, а только мужъ и отецъ“. 2000 солдатъ окружали мѣсто казни. Блюму хотѣли завязать глаза; онъ запротестовалъ, но, сдавшись на убѣжденія офицера, командовавшаго отрядомъ, который долженъ былъ привести въ исполненіе приговоръ, онъ самъ надѣлъ на себя повязку и съ возбужденіемъ воскликнулъ: „Я умираю за свободу! Да не забудетъ меня родина!“ Какъ только офицеръ опустилъ свою шпагу, грянули выстрѣлы, и Робертъ Блюмъ беззвучно упалъ на землю, пораженный въ сердце и голову.

На слѣдующій день въ офиціальной вѣнской газетѣ появилась замѣтка, что Робертъ Блюмъ, „книгопродавецъ изъ Лейпцига“, за возбуждающія рѣчи и вооруженное сопротивленіе императорскимъ войскамъ, приговоренъ къ смертной казни через повѣшеніе, но „за неимѣніемъ палача“ приговоръ приведенъ въ исполненіе порохомъ и свинцомъ.

Фребель вслѣдъ за этимъ также приговоренъ былъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но тотчасъ же помилованъ; какъ онъ самъ полагаетъ, онъ этимъ помилованіемъ обязанъ написанной имъ брошюрѣ, въ которой онъ предостерегалъ противъ раздробленія Австріи. Вѣроятнѣе же то, что Виндишгрецъ удовлетворился одной жертвой и наиболѣе значительной къ тому. Менѣе значительную онъ одарилъ своимъ милостивымъ великодушіемъ*).

Разстрѣломъ Роберта Блюма онъ уже достигъ, чего хотѣлъ. Кровавыми буквами написалъ онъ франкфуртскому парламенту и его конституціи вызовъ черно-желтой Австріи. Выстрѣлы по приговору военнаго суда въ Бригиттенау являются наглымъ разбойничьимъ протестомъ ольмюцской камарильи противъ конституціонной работы во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Въ то время, какъ пламенный гнѣвъ по поводу этой жестокой казни депутата охватилъ всю Германію; въ то самое время, какъ даже

этой судьбѣ—войны. Напиши Гюнтеру мой послѣдній привѣтъ. Я умираю какъ мужчина—такъ должно быть. Прощай, прощай!

Вѣна. 9 ноября 1848 г. Блюмъ“.

Въ вещахъ, привезенныхъ спустя нѣсколько недѣль въ Лейпцигъ, найдена записка слѣдующаго содержанія:

„Мою жену зовутъ Евгеніей Блюмъ. Эйзенбанштрассе, № 8. Само собой понятно, что къ ней переходитъ все, оставшееся послѣ меня. У нея самой ничего нѣтъ. Въ гостинницѣ „Городъ Лондонъ“ остались еще мои вещи. Посылаю въ этихъ строкахъ сердечный привѣтъ Фребелю, пусть по возвращеніи во Франкфуртъ передастъ мои поклоны и посѣтитъ мою жену и дѣтей.

Блюмъ“.

*) Фребель, этотъ нѣкогда красный республиканецъ, защищалъ потомъ черно-желтые, а позже и черно-бѣлые интересы; въ эпоху расцвѣта національ-либерализма перешелъ на его сторону и былъ вознагражденъ за свои заслуги мѣстомъ консула въ Смирнѣ.

наиболѣе блѣдные либералы были глубоко возмущены такимъ наглымъ попраніемъ всей конституціонной работы, „суверенное“ собраніе въ церкви Св. Павла обнаружило также мало достоинства теперь, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ.

Симонъ изъ Трира въ предложеніи, подписанномъ 60 членами, назвалъ казнь Блюма убійствомъ и рекомендовалъ центральному правительству „предпринять необходимые шаги, чтобы косвенные и прямые убійцы депутата рейхстага Роберта Блюма были наказаны“. Предложеніе это нелѣпо, такъ какъ Симонъ изъ Трира могъ знать, что безсильное центральное правительство не захочетъ, да и не сумѣетъ наказать побѣдителя Вѣны, стоявшаго во главѣ сто-тысячнаго войска. Предложеніе передано австрійской комиссіи и послѣдняя 16 ноября внесла на общее обсужденіе слѣдующее предложеніе:

„Національное собраніе требуетъ, торжественно указывая на совершенное предъ глазами всей Германіи, при нарушеніи имперскаго закона 30 сентября текущаго года, задержаніе и убійство депутата Роберта Блюма, отъ имперскаго министерства принять самыя рѣшительныя мѣры къ наказанію посредственныхъ и непосредственныхъ виновниковъ этого преступленія“.

Президентъ Гагернъ выразилъ мнѣніе, что оскорбленіе правъ собранія „должно быть отомщено, если еще вообще существуетъ хоть тѣнь права“.

И безъ дебатовъ, почти единогласно постановили „торжественно указать“. Реакціонеры охотно предоставили лѣвымъ это удовольствіе, такъ какъ рѣшеніе это обнаружило предъ всей Германіей всю слабость и безпомощность собранія. Отношеніе центральнаго правительства къ казни Блюма было достаточно освѣщено 17 ноября насмѣшливымъ замѣчаніемъ Шмерлинга: „кто идетъ на опасность, тотъ въ ней погибаетъ!“

Комиссаромъ Пауру изъ Нейссэ и Пецлю изъ Мюнхена, которые были посланы центральнымъ правительствомъ въ Австрію, министръ юстиціи Бахъ сказалъ съ грубой насмѣшкой, что законъ 30 сентября о неприкосновенности личности депутатовъ никогда не былъ объявленъ въ Австріи; поэтому никто въ Австріи не долженъ основываться на немъ. Одинаковый отвѣтъ получилъ и Шуселька, когда интерпелировалъ въ кремзирскомъ рейхстагѣ министра юстиціи по поводу казни Блюма. Бахъ еще добавилъ, что такіе законы вообще-то не могутъ имѣть значенія до тѣхъ поръ, пока не будутъ установлены новыя отношенія между Австріей и Германіей, путемъ взаимнаго соглашенія. Это стало особенно ясно, послѣ того, какъ „взаимное соглашеніе“ подкрѣплено было кровавымъ актомъ военнаго положенія. Трагическая смерть Блюма вызвала въ Германіи цѣлый рядъ демонстрацій; *) въ многочисленныхъ, часто хорошихъ, порой плохихъ стихахъ прославлялся Робертъ Блюмъ.

„Er der sich seinen Lebensweg, den Steilen und den Rauhen,
Auf bis zu Frankfurts Parlament mit starker Hand gehauen.“

*) На франкфуртскомъ соборѣ еще до недавняго времени каждую годовщину смерти Роберта Блюма развѣвалось, таинственнымъ для полиціи способомъ, черное знамя.

(Онъ, который свой жизненный путь суровый и крутой, проложилъ вплоть до франкфуртскаго парламента твердою рукой), какъ пѣлъ о немъ Фрейлигратъ. Его имя еще и теперь пользуется популярностью, и народъ питаетъ уваженіе къ этой личности, собственными силами поднявшейся изъ пролетарскаго существованія, не заразившейся, какъ это часто бываетъ, тлетворнымъ вліяніемъ господствующаго класса.

Для семейства Роберта Блюма были собраны демократіей деньги, и дѣти его получили воспитаніе въ Швейцаріи *).

Вѣнскій военный судъ продолжалъ свои работы до мая 1849 г. Разстрѣлы, висѣлицы, тяжелое тюремное заключеніе, гоненіе сквозь строй, каторжныя работы, постоянно смѣняли другъ друга въ его приговорахъ. Приведены были въ исполненіе 24 смертныхъ приговора. 16 ноября былъ разстрѣлянъ Мессенгаузеръ, 23-го пали Бехеръ и Еллинекъ **) редакторы „Радикала".

22 ноября собрался въ Кремзирѣ снова австрійскій рейхстагъ, который превратился теперь въ полное ничтожество. И тамошняя лѣвая „выжидала": это значитъ—она еще не вполнѣ излечилась отъ всѣхъ иллюзій.

Въ то время, какъ отъ вѣнскаго населенія отбирались революціонные элементы, которыхъ массами сдавали въ солдаты и отправляли въ армію, чтобы отправить ихъ противъ Италіи и Венгріи—въ это время образовалось новое министерство. Во главѣ его стоялъ князь Феликсъ фонъ-Шварценбергъ, дипломатъ изъ школы Меттерниха; графъ Стадіонъ, также реакціонеръ стараго закала, взялъ министерство внутреннихъ дѣлъ; генералъ Кордонъ — военное министерство. Бахъ и неустранимый Краусъ снова появились въ этомъ правительствѣ. Послѣдній былъ теперь вознагражденъ за свою двуличную роль въ октябрьскую революцію. Украшенный нѣсколькими полу-

---

*) Какъ извѣстно, Гансъ Блюмъ, старшій сынъ мученика Бригиттенау, не пошелъ по стопамъ своего отца. Онъ воспитывался на средства демократіи и называлъ себя „студентомъ неотчуждаемыхъ правъ человѣка" для того, чтобы перейти потомъ къ націоналъ-либераламъ. Онъ, сынъ казненнаго, голосовалъ въ рейхстагѣ за смертную казнь и отличался слѣпой ненавистью къ демократамъ и соціалистамъ и слѣпымъ преклоненіемъ предъ Бисмаркомъ.

**) Морицъ Гартманъ посвятилъ въ „Neimchronik des Pfaffen Mauritius" памяти Еллника слѣдующія строки:

„Herrman, du armêr stiller Denker,
Als wir zusammen in der Nacht
Gesessen und bei dunklen Kerzen.
Der Eine in des Andern Herzen
Die Freihetsflammen angefacht —
O Gott, wer hätte da gedacht,
Dass dir das Loos fällt durch den Henker!
Sein Name sei den Enkeln lieb,
Er starb, weil er die Wahrheit schrieb!"

(Германъ, бѣдный тихій мыслитель, сидя вмѣстѣ при мерцающей свѣчкѣ по ночамъ и воспламеняя другъ другу сердца пламенемъ свободы — кто могъ, о Боже, тогда подумать, что судьба опредѣлила тебѣ смерть отъ рукъ палача! Да будетъ имя его любезно потомству! Онъ умеръ оттого, что писалъ только сущую правду.

конституціонными фразами, манифестъ новаго правительства давалъ возможность ясно читать между строкъ, что кабинетъ заключилъ тѣсный союзъ со славянами и рѣшилъ воспротивиться общегерманской конституціи.

Отозвать австрійскихъ депутатовъ изъ Франкфурта считали теперь, очевидно, дѣломъ, не стоющимъ труда. Имъ предоставили спокойно наслаждаться словопреніями.

Послѣ того, какъ императоръ Фердинандъ былъ вынужденъ подписать еще одинъ, полный угрозъ, манифестъ противъ венгровъ, онъ отказался отъ престола 2 декабря 1848 года. Трудно установить, въ какой мѣрѣ въ этомъ рѣшеніи отразилось вліяніе камарильи. Ему наслѣдовалъ его племянникъ Францъ-Іосифъ I. Восемнадцатилѣтній императоръ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, вліяніе эрцгерцогини Софіи и планы камарильи не встрѣчали уже теперь никакихъ препятствій при дворѣ. Венгерскій рейхстагъ постановилъ не признавать Франца-Іосифа императоромъ.

Въ декабрѣ начался походъ противъ Венгріи. Командованіе было поручено князю Виндишгрецу, который, какъ и Еллачичъ, получилъ отъ русскаго царя и Кавеньяка изъ Франціи благодарность за подавленіе вѣнскаго возстанія. Русскій абсолютизмъ и французская буржуазія не въ первый разъ при Кронштадтской аферѣ сомкнулись на одномъ пути.

Виндишгрецъ дождался зимы, бывшей въ томъ году необычайно суровой. Естественныя средства защиты—озера, рѣки, топи и болота замерзли и дѣлали возможнымъ быстрое вторженіе. Генералъ Шликъ, стоявшій у Карпатъ, взялъ Эперьесъ и Кашау; Виндишгрецъ самъ во главѣ главной силы, раздѣленной на двѣ большихъ колонны, изъ которыхъ одной командовалъ Еллачичъ, а второй—Нугентъ, вторгся въ Венгрію. Отдѣльные отряды мадьяръ были частью разбиты, частью же отступили и безъ борьбы. Пресбургъ и Раабъ были взяты, и венгерское правительство покинуло въ ночь на новый годъ Пештъ и перенесло свою резиденцію въ Дебречинъ. Кошутъ захватилъ съ собой весь аппаратъ правительственной машины, со всѣми ея приспособленіями, также и прессъ для печатанія банковыхъ бумагъ, такъ какъ онъ массами выпускалъ бумажныя деньги размѣннаго достоинства, такъ называемыя ассигнаціи Кошута, или просто „Кошутки“. Такимъ образомъ правительство имѣло въ своемъ распоряженіи постоянный запасъ денегъ, а интересъ венгерскаго народа былъ связанъ съ интересомъ революціи.

Сила сопротивленія венгровъ развилась только въ процессѣ самой кампаніи.

Государственный переворотъ въ Пруссіи.

Между тѣмъ палата соглашенія въ Берлинѣ носилась безъ руля по волнамъ этого бурнаго времени. Не было сильной руки, которая направила бы ее къ берегу. Какъ правая, такъ и лѣвая нападали на нее; ничего иного и нельзя было ожидать послѣ тѣхъ противорѣчій, которыми были полны ея постановленія. Демократія была раздражена реакціоннымъ закономъ о гражданскомъ ополченіи, и 5-го октября демократическій ферейнъ гражданскаго ополченія организовалъ демонстрацію, въ которой приняли участіе и рабочіе. По улицамъ въ торжественной процессіи провели осла, къ хвосту котораго былъ привязанъ картонъ съ надписью: „Законъ о гражданскомъ ополченіи 4-го октября". Передъ зданіемъ театра этотъ картонъ былъ преданъ сожженію и, по словамъ „Фосской Газеты", той же участи подвергся черно-бѣлый флагъ. Гражданское ополченіе явилось на мѣсто слишкомъ поздно, а „дядя Карбе" посовѣтовалъ всѣмъ спокойно разойтись по домамъ, что и было исполнено.

Дворянство было взбѣшено принятымъ въ собраніи закономъ объ охотѣ, лишавшимъ его, наконецъ, привилегіи безвозмездно охотиться на чужой землѣ *). Но не эти вопросы дали поводъ къ конфликту между королемъ и собраніемъ, конфликту, котораго до сихъ поръ не удавалось вызвать потсдамской придворной камарильѣ, несмотря на всѣ ея старанія. Уничтоженіе смертной казни—вотъ тотъ вопросъ, который встрѣтилъ рѣшительное противодѣйствіе со стороны короля. Онъ не хотѣлъ уступать, а такъ какъ министры отстаивали необходимость отмѣны смертной казни, то уже 6-го октября король вступилъ въ переговоры съ графомъ Бранденбургомъ и предложилъ ему постъ министра-президента. Съ этой цѣлью Герлахъ поѣхалъ въ Бреславль. Бранденбургъ, гордый аристократъ и крутой юнкеръ, былъ именно тѣмъ человѣкомъ, котораго желала... камарилья... Она употребила всѣ усилія, чтобы провести его министерство; съ его помощью она надѣялась нанести рѣшительный ударъ палатѣ соглашенія и демократіи **).

---

*) Впрочемъ, нѣкоторые землевладѣльцы-дворяне сами предложили собранію скорѣе покончить съ закономъ объ охотѣ, чтобы ихъ раздраженные крестьяне оставили ихъ, наконецъ, въ покоѣ.

**) Графъ Бранденбургъ былъ незаконный сынъ Фридриха-Вильгельма II и графини Денгофъ.

Между тѣмъ другія лица пытались уговорить короля уступить въ вопросѣ о смертной казни. Даже русскій посланникъ считалъ опаснымъ смѣнять изъ-за этого министерство. Придворный проповѣдникъ Штраусъ также былъ за то, чтобы уступить. Но совѣты Герлаха, очевидно, одержали верхъ, ибо король сказалъ: „я и безъ поповъ знаю, въ чемъ состоитъ мой долгъ“. Отмѣна смертной казни, правда еще не привела къ разрыву; состоялось соглашеніе. Но Герлахъ продолжалъ свои происки; онъ написалъ Бранденбургу, что король завязъ въ болото, что необходимо заявить, что главой страны является король, а не „собраніе въ домѣ комедіантовъ“, и что оставшіеся вѣрными граждане и неизмѣнно преданная армія сумѣютъ доказать справедливость этого заявленія.

12-го октября собраніе приступило, наконецъ, къ своей истинной задачѣ, къ обсужденію проекта конституціи. Уже при обсужденіи перваго параграфа старая и новая Пруссія жестоко столкнулись между собою. Шнейдеръ, представитель лѣвой, предложилъ, чтобы въ текстѣ былъ вычеркнутъ титулъ короля, „Божьей милостью“. Министръ Эйхманъ стоялъ за удержаніе этихъ словъ, говоря, что внѣ всякаго сомнѣнія, всѣ люди и даже самый простой изъ народа существуютъ „Божьей милостью“, что иначе и быть не можетъ. Если короли называютъ себя „Божьей милостью“, то они дѣлаютъ это не изъ гордости, а лишь для того, чтобы напоминать о своемъ смиреніи и отвѣтственности передъ Богомъ. При этомъ случаѣ Шульце-Деличъ почувствовалъ сильный позывъ къ республиканизму и высказался за упраздненіе словъ „Божьей милостью“. 217 голосами противъ 134 собраніе вычеркнуло эти слова.

Король почувствовалъ себя лично оскорбленнымъ этимъ постановленіемъ. Два дня спустя, когда президентъ собранія, Грабовъ явился во дворецъ Бельвю поздравить короля съ днемъ рожденія, послѣдній высказался вполнѣ открыто; Грабовъ употребилъ обычный оборотъ рѣчи, что новыя учрежденія еще тѣснѣе объединятъ народъ съ престоломъ. Но король возразилъ: „Не забывайте, что мы имѣемъ преимущество передъ другими народами: у насъ наслѣдственный глава государства Божьей милостью. Благодарите Бога, что вы еще имѣете его“. А одной депутаціи отъ гражданскаго ополченія король сказалъ: „Не забывайте, что ваше оружіе вы получили отъ меня“. Сомнѣній больше не было. Камарилья окончательно овладѣла довѣріемъ короля и ей оставалось только какъ можно скорѣе посадить у кормила правленія своего довѣреннаго человѣка.

Вскорѣ послѣ этого собраніе постановило упраздненіе дворянства, при чемъ Іоганнъ Якоби замѣтилъ: „Совершенно безразлично, какую эпитафію мы подпишемъ на его надгробномъ камнѣ“. Возникшій конфликтъ настолько обострился, что стало необходимымъ какъ-нибудь его разрѣшить, тѣмъ болѣе, что юнкерство, какъ и слѣдовало ожидать, подняло страшный шумъ по поводу упраздненія дворянскаго званія. Камарилья, превосходно знавшая слабость демократіи и палаты соглашенія, уже видѣла себя у цѣли своихъ стремленій и пылала желаніемъ нанести рѣшительный ударъ. Этотъ ударъ былъ бы нанесенъ, вѣроятно, гораздо раньше, если бы, какъ разъ въ концѣ октября, въ Вѣнѣ не вспыхнула великая рѣшающая борьба. Необходимо было выждать ея исхода. Эта борьба неимовѣрно увеличила иллюзіи

палаты соглашенія, считавшей всемогущими свою болтовню и бумажныя рѣшенія. Президентомъ ея былъ избранъ господинъ фонъ-Унру, послѣ того, какъ Грабовъ вышелъ въ отставку. Только этого героя „пассивнаго сопротивленія" и не хватало на президентскомъ мѣстѣ въ такую критическую минуту! *)

Въ серединѣ октября антагонизмъ между рабочими и буржуазіей снова привелъ къ кровавой катастрофѣ. Дѣло въ томъ, что рабочіе, работавшіе надъ сооруженіемъ канала на Кепеникской площади, разрушили одну ненавистную имъ машину для выкачиванія воды изъ рвовъ. Съ тѣхъ поръ на площади постоянно находилось нѣсколько отрядовъ гражданскаго ополченія, вооруженныхъ боевыми патронами. Рабочіе были настолько добродушны, что допустили этотъ полицейскій надзоръ надъ собой, хотя вначалѣ и выразили недовольство. Все шло мирно и даже на столько мирно что 16-го октября послѣ освященія новой шахты рабочіе рѣшили привѣтствовать ополченцевъ криками „ура" и съ этой цѣлью подошли къ нимъ цѣлой процессіей, съ развѣвающимся знаменемъ. Гражданское ополченіе сочло это за нападеніе и отступило въ манежъ. Одинъ изъ рабочихъ открылъ дверь и въ ту же минуту получилъ сабельный ударъ по рукѣ, отъ одного изъ ополченцевъ, булочника Шульца. Поднялся неимовѣрный шумъ, который, однако, улегся, когда Шульцъ обѣщалъ раненому нѣсколько талеровъ въ видѣ вознагражденія. Явился и начальникъ ополченія, Римилеръ, которому рабочіе сдѣлали упреки за занятіе площади. Ополченцы собирались удалиться. Начиная съ этого момента, показанія становятся разнорѣчивыми. По одной версіи, рабочіе будто бы начали кидать камни въ ополченцевъ, по другой, они бѣжали за ними съ криками „ура"; какъ бы то ни было вооруженные буржуа открыли огонь и убили и ранили много людей. 10 рабочихъ были убиты наповалъ, изъ нихъ одинъ, совершенно спокойно обѣдавшій въ сторонѣ отъ свалки. Какая-то женщина, принесшая мужу обѣдъ, была ранена въ шею. Говорятъ, что сигналъ къ стрѣльбѣ былъ данъ вышеупомянутымъ булочникомъ Шульцемъ. Эта безпощадная рѣзня привела рабочихъ въ ярость; огромными толпами они стекались къ мѣсту побоища. Въ то время, какъ гражданское ополченіе велѣло бить генеральный маршъ, рабочіе построили баррикады на Кепеникской улицѣ и на углу Конной и Яковлевской улицъ. Гражданское ополченіе напало на баррикаду на Яковлевской улицѣ, но было встрѣчено и отброшено ружейными залпами, при чемъ одинъ ополченецъ былъ убитъ. Тщетно депутатъ Берендсъ, а также Карбе и Линденмюллеръ обращались къ рабочимъ и просили ихъ очистить баррикады. Рабочіе были раздражены фактомъ легкомысленнаго пролитія крови ихъ товарищей и не двигались съ мѣста. Снова гражданское ополченіе двинулось на приступъ, при чемъ былъ тяжело раненъ капитанъ Фогель**), и снова оно было отброшено назадъ. Такъ же мало успѣшны были переговоры. Рабочіе продолжали держаться на баррикадѣ, хотя на нихъ напали съ тылу. Лишь вечеромъ они отступили и говорятъ,

---

*) „Конституціонный" г-нъ фонъ-Унру впослѣдствіи сдѣлался вождемъ національ-либеральной партіи и мы вполнѣ вѣримъ ему, что его идеалы „великолѣпно осуществились" съ основаніемъ бисмарковской имперіи.

**) Тотъ самый, который 14-го іюня велѣлъ забить тревогу передъ арсеналомъ, занятымъ народомъ.

что въ нихъ продолжали стрѣлять еще тогда, когда они уносили своихъ раненыхъ съ пѣніемъ религіозныхъ пѣсенъ. Толпа народа хотѣла разгромить домъ булочника Шульца, на Розентальской улицѣ, но отъ этого ее удержало гражданское ополченіе, а также Карбе своими увѣщеваніями. Спустя нѣсколько дней убитые были торжественно похоронены на кладбищѣ у Галльскихъ воротъ, и лѣвая палаты, желая примирить обѣ партіи, приняла участіе въ похоронахъ, какъ рабочихъ, такъ и ополченцевъ. Демократія отлично знала, для чего ей нужно было снова привлечь рабочихъ на свою сторону: вѣдь боевыя силы Врангеля уже достигали почтенной цыфры въ 48.000 чел. при 60 пушкахъ. Но пропасть, снова разверзшаяся 16-го октября между буржуазіей и пролетаріатомъ, уже больше не могла закрыться.

Между тѣмъ камарилья была необычайно дѣятельна и спѣшно вызвала въ Потсдамъ своего довѣреннаго человѣка, графа Бранденбурга. Въ Санъ-Суси происходили совѣщанія и камарильѣ удалось настолько подчинить себѣ короля, что онъ объявилъ, что понимаетъ всю опасность положенія и вполнѣ полагается на Бранденбурга. Вопросъ шелъ еще только о томъ, дѣйствовать ли Бранденбургу съ прежними министрами или же призвать ему новыхъ. По словамъ Герлаха, король хотѣлъ, чтобы Бранденбургъ оставилъ у власти старыхъ министровъ, будто бы изъ „уваженія къ жалкому большинству, еле достигнутому министрами въ палатѣ“. Но члены министерства Пфуля поставили свои условія. Они требовали, чтобы король не имѣлъ права издавать ни одного закона безъ санкціи собранія и, наоборотъ, чтобы король не могъ наложить вето ни на одно рѣшеніе палаты *). Послѣ этого начались переговоры съ тайнымъ совѣтникомъ фонъ-Мантейфелемъ и г. фонъ-Ланденбергомъ, чтобы они образовали новое министерство совмѣстно съ Бранденбургомъ. Въ господинѣ фонъ-Мантейфелѣ надѣялись найти наряду съ необходимой энергіей и „государственныя“ способности, необходимыя для предстоявшаго „дѣла“. Господинъ фонъ-Мантейфель былъ государственнымъ дѣятелемъ въ духѣ старо-прусской бюрократіи, и кромѣ того и ему были превосходно извѣстны всѣ извороты дипломатіи. Бранденбургъ изложилъ свои средства борьбы; онъ предлагалъ отсрочку засѣданій палаты соглашеній на 14 дней, а затѣмъ перенесеніе ихъ въ городъ Бранденбургъ. Этотъ тонко придуманный планъ встрѣтилъ одобреніе и Бранденбургъ выразилъ мнѣніе, что его необходимо привести въ исполненіе, по возможности безъ шума, дабы онъ не принялъ характера „государственнаго переворота“ **).

Между тѣмъ сама палата соглашенія, казалось, вовсе не замѣчала, что она находится на краю пропасти. И потому лѣвая могла позволить себѣ роскошь предлагать другимъ ту помощь, въ которой такъ нуждалось само собраніе. Поводъ къ этому далъ открывшійся въ Берлинѣ 25-го октября демократическій конгрессъ. На этотъ конгрессъ

*) Такъ разсказываетъ Герлахъ. Невѣроятно, чтобы Пфуль и его товарищи могли поставить такія огромныя требованія; развѣ только въ этомъ крылась интрига.

**) Мы все-таки называли это „дѣло“ государственнымъ переворотомъ, по принятому обычаю, хотя въ тѣсномъ смыслѣ слова, его едва ли можно назвать государственнымъ переворотомъ.

явились радикальные демократы со всѣхъ концовъ Германіи. Шлеффель старшій, Эрбе и графъ Рейхенбахъ изъ франфуртскаго и берлинскаго парламентовъ, Байргофферъ изъ Марбурга, Вислисценусъ изъ Галле, Руге и Бенари изъ Берлина, Людвигъ Бамбергеръ *) изъ Майнца и другіе произносили здѣсь рѣчи. И здѣсь говорилось очень много и очень красиво; между тѣмъ вся наличность кассы этой демократіи равнялась ровно четыремъ талерамъ и 4 зильбергрошамъ и 9 пфеннигамъ, какъ сообщилъ д-ръ Гексамеръ. Валовой доходъ съ іюня по октябрь составлялъ всего 586 талеровъ, расходы же достигали 584 талеровъ.

Никакому правительству не могла быть страшной такая демократическая организація, готовность и „самопожертвованіе“ которой обнаруживались въ такомъ свѣтѣ.

Въ то время какъ демократы ораторствовали, правительство внесло проектъ закона „для защиты фабричныхъ рабочихъ“. Законъ этотъ былъ направленъ противъ системы расплаты съ рабочими съѣстными товарами и нарушеніе его должно было караться штрафомъ отъ 5 до 100 талеровъ. Этимъ оно думало привлечь на свою сторону рабочихъ, раздраженныхъ противъ буржуазіи; демократическій же конгрессъ просто на просто отклонилъ рабочій вопросъ, поднятый Борномъ.

Конгрессъ, на которомъ выступалъ также въ качествѣ скандалиста, пресловутый Гельдъ, давно уже утратившій свою репутацію, выказалъ жалкую безпомощность; на всѣхъ собраніяхъ вволю ораторствовали всякаго рода крикуны и фразеры, въ родѣ литератора Зильберштейна изъ Вѣны, позже ставшаго весьма извѣстнымъ. Вслѣдствіе этого Арнольдъ Руге старался перенести въ массы центръ тяжести демократической дѣятельности. Въ „Палаткахъ“ было созвано собраніе, которому полиція тщетно старалась помѣшать, и на немъ по настоянію Руге было рѣшено произвести демонстрацію въ пользу Вѣны. Была организована процессія къ драматическому театру съ цѣлью подачи палатѣ соглашенія петиціи, настойчиво требующей, чтобы собраніе выступило въ защиту угрожаемой Вѣны.

Эта демонстрація была совершенно безцѣльна, ибо чѣмъ могло безсильное собраніе помочь вѣнцамъ? **). Очевидно и Руге увлекся дѣтскими иллюзіями. Онъ понималъ, что дѣло демократіи должно было потерпѣть крушеніе во Франкфуртѣ; теперь же онъ придавалъ слишкомъ большое значеніе палатѣ соглашенія.

Около 1.000 человѣкъ рабочихъ и гражданъ съ Руге, Карбе и Линденмюллеромъ во главѣ двинулись отъ Александровской площади къ Жандармскому рынку, гдѣ собралась огромная толпа народа. Руге объявилъ съ парадной лѣстницы театра, что онъ передалъ петицію депутату д'Эстеру и предложилъ народу разойтись. Но этого не произошло. Большая часть толпы не тронулась съ мѣста и, когда въ пять часовъ вечера палата соглашенія собралась для обсужденія пред-

---

*) Бамбергеръ, позже извѣстный депутатъ націоналъ-либераловъ и свободомыслящихъ, принадлежалъ къ демократамъ, стремящимся къ демократически-соціальной республикѣ не въ теперешнемъ смыслѣ.

**) Въ эту самую минуту, чего не знали, понятно, берлинцы, Вѣна была взята Виндишгрецомъ послѣ послѣдняго отчаяннаго сопротивленія.

ложенія Вальдека относительно поддержки вѣнцевъ, поднялся невыразимый шумъ и крикъ; тщетно Линденмюллеръ и Карбе пытались возстановить спокойствіе въ возбужденной толпѣ. Появились многочисленные горящіе факелы; а нѣкоторые утверждаютъ, что видѣли людей съ веревками и что будто бы хотѣли повѣсить реакціонныхъ депутатовъ *). И тутъ, какъ и всегда, ложные слухи преувеличивали до безсмысленности. Шумъ царилъ неимовѣрный; говорили, что толпа не выпуститъ депутатовъ изъ палаты, пока они не постановятъ благопріятнаго рѣшенія; выходы были окружены густой массой народа; по адресу нѣкоторыхъ депутатовъ раздавались угрозы; говорили даже, что двери были заколочены**).

Наконецъ, вмѣшалось гражданское ополченіе съ своей обычной грубостью и безпорядокъ еще больше увеличился. Рабочіе-механики въ стройномъ порядкѣ и съ бѣлыми флагами, но безъ оружія, какъ они впослѣдствіи увѣряли, бросились между народомъ и гражданской гвардіей и въ результатѣ нѣкоторые изъ нихъ были заколоты ополченцами; по нѣкоторымъ источникамъ одинъ рабочій-механикъ былъ убитъ, и девять ранено. Безпорядки продолжались отчасти до глубокой ночи.

Между тѣмъ собраніе обсуждало предложеніе Вальдека, гласившее: „правительство приглашается какъ можно скорѣе употребить всѣ имѣющіяся въ распоряженіи страны средства, для защиты угрожаемой въ Вѣнѣ народной свободы“. — Другими словами, Пруссія должна была объявить войну Виндишгрецу. Мы не находимъ достаточно словъ, чтобы указать, насколько наивно было такое предложеніе. Собраніе отклонило его и приняло предложеніе Родбертуса и Берга, гласившее: „что правительство приглашается спѣшно и энергично оказать давленіе на центральную власть, въ смыслѣ принятія мѣръ, для защиты угрожаемой въ Австріи народной свободы, для обезпеченія безопасности вѣнскаго рейхстага и для возстановленія мира“. Эта резолюція была принята 261 голосами противъ 52, и лѣвая считала это за побѣду. Надѣяться, что Іоганнъ спасетъ народную свободу отъ Виндишгреца—какая безсмыслица!

Пфуль также голосовалъ за эту резолюцію; эту роскошь онъ могъ

---

*) Утверждаютъ, что это дѣлали агенты провокаторы реакціонеровъ.

**) Многіе, особенно Варнгагенъ фонъ-Энзе, категорически утверждаютъ, что большинство этихъ разсказовъ ничто иное, какъ выдумки реакціонеровъ; никто не видалъ веревокъ и двери не были заколочены. Шрекфусъ слышалъ, что рѣшили не выпускать депутатовъ, пока они не произведутъ голосованія. Господинъ Брассъ повелъ даже одного „подстрекателя“ въ полицейскій участокъ и по словамъ Варнгагена, онъ оказался дворяниномъ-реакціонеромъ. Если вспомнить, какъ реакція впослѣдствіи использовала эти событія, то весьма правдоподобно, что здѣсь дѣйствовали реакціонные агенты, а остальное дополнила фантазія трусливыхъ обывателей. Когда въ 1853 г. въ первой палатѣ депутату Бронъ-Брюнneку замѣтили, что юнкера спасли его тогда отъ веревки, онъ возразилъ, что не видалъ ни веревокъ ни юнкеровъ-спасителей передъ драматическимъ театромъ. И, наоборотъ, г. Вильгельмъ Іорданъ, не задумываясь, разсказывалъ во франкфуртскомъ парламентѣ слѣдующія басни: „цѣлая канатная лавка была разграблена; изъ веревки сдѣлали петли и тыкали ими въ лицо депутатовъ; толпа отвратительно острила, называя „эти петли вѣнскими сосисками и галстухами!“ Для поэта—такія выдумки недурны!

себѣ позволить, такъ какъ отлично понималъ, что ему все равно скоро придется убраться *).

Эта резолюція была такъ же безцѣльна, какъ и демонстрація. Но послѣдствія ея сказались очень скоро.

2-го ноября Пфуль заявилъ собранію, что онъ выходитъ въ отставку вслѣдствіе „разстроеннаго здоровья". Понятно, что со времени начала переговоровъ съ Бранденбургомъ въ Санъ-Суси, все министерство было при смерти. Демократы же этого не знали и только удивлялись отставкѣ министерства, имѣвшаго большинство въ палатѣ. Да и откуда имъ было догадываться о томъ, что происходило за кулисами! „Большинство" было волшебнымъ словечкомъ, которое ихъ ослѣпляло.

Въ тотъ же день генералъ Бранденбургъ объявилъ, что ему поручено образованіе новаго министерства.

Тогда только палата соглашенія проснулась, наконецъ, отъ своего сладкаго сна. Ей припомнился нѣкій грозный приказъ генерала Бранденбурга, направленный противъ бреславльскаго гражданскаго ополченія. Въ то же время на стѣнахъ города появилось объявленіе, выходившаго въ отставку, министра Эйхмана, приглашавшее мѣстныя власти призывать войска въ Берлинъ, если гражданское ополченіе не будетъ своевременно и всецѣло исполнять своихъ обязанностей.

Лѣвая хотѣла, чтобы собраніе объявило свои засѣданія непрерывными и выпустило воззваніе къ народу. Но собраніе рѣшило обратиться съ адресомъ къ королю. Въ немъ выражался протестъ противъ министерства Бранденбурга и напрямикъ заявлялось, что это послѣднее доведетъ всеобщее возбужденіе до окончательнаго взрыва и вызоветъ безконечно-печальныя послѣдствія, напоминающія собой судьбу одного сосѣдняго государства. Въ заключеніе выражалась просьба о назначеніи „популярнаго въ народѣ" министерства. Въ составленіи этого адреса главное участіе принималъ г. Лотаръ Бухеръ.

Депутація съ г. фонъ-Унру во главѣ, въ тотъ же вечеръ отправилась съ адресомъ въ Потсдамъ. Сначала король не хотѣлъ принимать ея, наконецъ онъ вышелъ мрачный и молчаливый. Унру прочелъ адресъ; король взялъ его и, отвѣсивъ поклонъ, хотѣлъ удалиться. Тогда выступилъ Іоганнъ Якоби и сказалъ: „Ваше величество, мы посланы сюда не только для того, чтобы передать этотъ адресъ, но и для того, чтобы высказать Вамъ правду о настроеніи народа. Желаетъ ли ваше величество выслушать насъ?" Король отвѣтилъ: „Нѣтъ!" и удалился **), при чемъ Іоганнъ Якоби крикнулъ ему вслѣдъ: „Въ этомъ-то и заключается несчастіе королей, что они не хотятъ слышать правду!" Эти смѣлыя слова прекрасно отвѣчали данному положенію и сдѣлались знаменитыми; сейчасъ же послѣ ухода

---

*) Относительно полудемократическихъ тенденцій Пфуля Варнгагенъ разсказываетъ разныя пикантныя подробности; такъ, напр., послѣ засѣданія 31 октября Пфуль пошелъ вмѣстѣ съ Іоганномъ Якоби и Юнгомъ въ квартиру послѣдняго и тамъ заключилъ съ ними „близкое знакомство". Но министерство Пфуля въ цѣломъ, конечно, не носило демократическаго характера; оно было едва слабо-либеральнымъ.

**) „Фосская Газета" подтвердила, что король удалился „съ дружескимъ привѣтствіемъ".

короля на Якоби посыпались злѣйшіе упреки со стороны безцвѣтныхъ либераловъ, полудемократовъ и полныхъ реакціонеровъ.

Тремъ депутатамъ, Кюльветтеру, Гирке и Мецке, удалось еще въ тотъ же вечеръ добиться пріема короля. Онъ сказалъ имъ полушутя, что, какъ конституціонный монархъ, онъ ничего не можетъ дѣлать безъ министровъ и, такимъ образомъ, министры были также вызваны въ Потсдамъ.

Депутація пошла въ своей лойяльности такъ далеко, что рѣшила въ своемъ докладѣ не упоминать о сценѣ между королемъ и Іоганномъ Якоби.

Какъ трогательно, неправда ли? И это въ то время, какъ передъ воротами города стоялъ королевскій генералъ Врангель со своими „заряженными ружьями“ и „остро-отточенными саблями“.

Въ самомъ дѣлѣ, при чтеніи доклада собранію, Унру умолчалъ о словахъ Якоби, обращенныхъ къ королю. Но д'Эстеръ попросилъ слова и дополнилъ докладъ. Когда онъ привелъ слова Якоби, на скамьяхъ правой поднялся страшный шумъ; лѣвая разразилась рукоплесканіями. Якоби подвергся рѣзкимъ нападкамъ; говорили, что ему не давали полномочій такъ выражаться, а Пельцеръ, застрѣльщикъ правой, крикнулъ: „Даже ботокуды и арабы уважаютъ хозяина въ его домѣ“. Родбертусъ заявилъ, что онъ требовалъ у адъютанта пропуска къ королю, чтобы просить его дѣлать различіе между словами адреса и словами отдѣльнаго депутата. Якоби защищался со своимъ обычнымъ хладнокровіемъ*). Въ своемъ отвѣтѣ король просто отклонилъ требованія собранія, заявивъ, что онъ ни за что не разстанется съ министерствомъ Бранденбурга, которое „посвятитъ свои силы упроченію конституціонныхъ вольностей“.

Конечно, если существуютъ разногласія относительно пониманія, что такое „конституціонныя вольности“, то одерживаетъ верхъ тотъ взглядъ, за которымъ стоитъ сила. А этой силы у національнаго собранія не было.

Въ слѣдующіе дни собраніе впало въ апатію и занималось второстепенными вопросами, между тѣмъ, какъ Бранденбургъ искалъ себѣ министровъ, а въ Берлинѣ казармы приводились въ порядокъ для принятія войскъ.

9 ноября, въ тотъ самый день, когда рано утромъ въ Бригиттенау около Вѣны Робертъ Блюмъ палъ, обливаясь кровью, подъ разстрѣломъ, а новое министерство впервые явилось въ палату соглашенія, было прочитано королевское посланіе, подписанное также и Бранденбургомъ, въ которомъ говорилось, что члены собранія уже раньше неоднократно подвергались насилію за свои постановленія; въ особенности же 31 октября „мѣсто засѣданій собранія было совершенно окружено возбужденной народной толпой, развернувшей эмблемы республики и сдѣлавшей попытку устранить депутатовъ посредствомъ преступныхъ демонстрацій“. Собраніе же не можетъ при такихъ нерѣдко повторяющихся анархическихъ движеніяхъ имѣть той охраны, которая необходима для того, чтобы не казалось, будто на ея совѣща-

---

*) Демократическій клубъ выразилъ ему въ большомъ плакатѣ благодарность отечества и почтилъ его факельнымъ шествіемъ.

нія оказываютъ давленіе извнѣ. А потому король считаетъ себя вынужденнымъ перенести мѣсто засѣданій палаты въ Бранденбургъ. Собраніе приглашается немедленно пріостановить свои совѣщанія и собраться снова 27 ноября въ Бранденбургѣ.

Сейчасъ же послѣ того министръ-президентъ началъ говорить, но Унру, при бурномъ одобреніи лѣвой, заявилъ ему, что онъ не имѣетъ слова. Тогда Бранденбургъ попросилъ слова и сказалъ, что королевское посланіе приказываетъ немедленное закрытіе засѣданій; если они тѣмъ не менѣе будутъ продолжаться, то они незаконны и онъ протестуетъ отъ имени монарха. Затѣмъ онъ покинулъ залъ со всѣми министрами; за нимъ послѣдовала часть правой. Присутствовавшіе на трибунѣ гражданскіе ополченцы кричали: „арестовать, арестовать!" Но этотъ мудрый совѣтъ не встрѣтилъ отклика. Ни собраніе, ни гражданское ополченіе не были способны отвѣтить на „спасительный подвигъ" министерства Бранденбурга такимъ же „спасительнымъ подвигомъ". Собраніе рѣшило не расходиться и продолжать свои совѣщанія. Оно отрицало за монархомъ право переносить мѣсто засѣданій палаты и объявило такой образъ дѣйствій министерства тяжкимъ нарушеніемъ долга по отношенію къ монарху и странѣ. Послѣ того, какъ это было постановлено, собраніе удовлетворенное разошлось и думало, что оно исполнило все, что слѣдовало. Президенту дано было полномочіе созывать собраніе въ любомъ помѣщеніи, которое покажется ему подходящимъ для этой цѣли.

Въ этотъ день Берлинъ казался вполнѣ спокойнымъ; тѣмъ не менѣе курсы на биржѣ понизились, и нѣкоторые трусливые филистеры бѣжали изъ города, чтобы избѣгнуть грядущихъ ужасовъ уличной борьбы. Лѣвая выпустила заявленіе, въ которомъ она протестовала противъ „государственнаго переворота", и заявляла о своемъ намѣреніи оказать сопротивленіе. Правая выступила изъ собранія и присоединилась къ министерству.

Министерство обратилось къ гражданскому ополченію съ запросомъ, согласно ли оно разогнать „незаконно" продолжающую засѣдать палату, и въ то же время дало знать самому собранію, что его рѣшенія не имѣютъ никакой силы. Начальникъ гражданскаго ополченія, Римплеръ, отвѣтилъ, что на ополченіи лежитъ обязанность защищать конституціонную свободу. Тогда ему предложили запереть помѣщеніе національнаго собранія и не пропускать туда ни одного депутата. Римплеръ отказался исполнить это порученіе и на этомъ отказѣ министерство Бранденбургъ - Мантейфеля основывало свое право прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Какъ будто это объясненіе не было совершенно излишнимъ!

Въ пять часовъ утра палата соглашеній собралась въ драматическомъ театрѣ и Унру прочелъ письмо Римплера, въ которомъ тотъ заявлялъ, что гражданское ополченіе возьметъ на себя охрану собранія, чтобы „предотвратить кровавое столкновеніе". Въ то же время было прочитано посланіе отъ союза рабочихъ, подписанное рабочими по золоту Биски; рабочіе 30-ти профессій обѣщали свою поддержку. Посланіе гласило: „Берлинскіе рабочіе вооружены и готовы послѣдовать вашему призыву, если кто-либо осмѣлится нарушить права народа въ лицѣ его представителей; они предлагаютъ вамъ свои руки

и свою кровь противъ всякаго врага, который сдѣлаетъ попытку предать васъ и народную свободу". Рабочіе-механики также были готовы выступить въ защиту собранія. Въ управленіе гражданскаго ополченія явились двѣ рабочія депутаціи съ черно-красно-бѣлыми флагами; изъ нихъ одна отъ 3.000 строительныхъ рабочихъ; обѣ просили оружія, но имъ отказали.

Такимъ образомъ, казалось, гражданское ополченіе и рабочіе снова готовы были идти рука объ руку, и рабочіе были настолько великодушны, что соглашались въ минуту кризиса забыть причиненное имъ насиліе и оскорбленіе. Но если Римплеръ былъ ни къ чему неспособнымъ человѣкомъ, совершенно негодившимся для даннаго положенія, то г. фонъ-Унру съ его кликой являлъ собой рѣшительный примѣръ того, какъ эта либеральная буржуазія можетъ безконечно изрыгать самыя громкія фразы, а въ рѣшительную минуту пасуетъ передъ энергичной реакціонной властью и прячется за жалкими кулисами „пассивнаго сопротивленія". Ибо г. фонъ-Унру торжественно объявилъ это „пассивное сопротивленіе", и собраніе съ восторгомъ присоединилось къ нему. Затѣмъ оно снова принялось за обсужденіе закона о безвозмездной отмѣнѣ различныхъ повинностей и стало ожидать появленія тѣхъ чудесъ, которыя обѣщало ему „пассивное сопротивленіе" *).

Нельзя отрицать, что вооруженное сопротивленіе въ Берлинѣ имѣло мало шансовъ на успѣхъ, если принять во вниманіе, что провинція была охвачена реакціей. Но собраніе въ значительной степени было само виновато, что попало въ такое печальное положеніе. А то обстоятельство, что оно увлеклось политикой „пассивнаго сопротивленія", придало его гибели характеръ траги-комедіи и лишило его послѣдней тѣни достоинства.

10 ноября послѣ обѣда около 20.000 войскъ выступили съ разныхъ сторонъ въ городъ, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія.

Объ этомъ позаботилось само собраніе. Когда войска проходили Подъ Липами, Врангель демонстрировалъ свои пушки. Уличные мальчишки встрѣчали его криками „ура" и возгласами: „Не растопчите намъ нашей прекрасной травы!"—Они намекали на слова Врангеля, что улицы Берлина поросли травой. Врангель же, казалось, забавлялся всей этой исторіей и не обращалъ никакого вниманія на оскорбленія, раздававшіяся изъ толпы **).

---

*) Когда въ теченіе такъ называемой „маіорской ночи" офицеры гражданскаго ополченія обсуждали, слѣдуетъ ли имъ противопоставить войскамъ вооруженную силу, то Вальдекъ присутствовавшій тутъ съ нѣкоторыми депутатами лѣвой, сказалъ, что онъ юристъ и ничего не смыслитъ въ военныхъ вопросахъ. Темме со слезами на глазахъ отговаривалъ отъ вооруженнаго сопротивленія. Явились депутаціи отъ отдѣльныхъ баталіоновъ, а также отъ рабочихъ союзовъ, между прочимъ и отъ механиковъ, и приглашали къ вооруженному сопротивленію. Однако, было рѣшено спокойно выжидать. Къ тому же гражданское ополченіе было слишкомъ раздираемо партійными раздорами, чтобы дѣйствовать единодушно; не хотѣли только допускать разоруженія; когда же оно совершилось, пропала всякая мысль о какомъ-либо сопротивленіи.

**) Какой-то анонимный комитетъ—по всей вѣроятности какой-нибудь шутникъ—послалъ Врангелю письмо, грозя повѣсить его жену въ тотъ моментъ, когда онъ вступитъ въ Берлинъ. Подъ Бранденбургскими воротами Врангель смѣялся, обращаясь къ своему штабу: „ну, а какъ вы думаете, повѣсили ее?"

Жандармскій рынокъ былъ занятъ пѣхотой и артиллеріей. Гражданское ополченіе, занявшее зданіе театра, было со всѣхъ сторонъ окружено войсками. Римплеръ отправился пѣшкомъ къ Врангелю, который принялъ его, сидя на своемъ конѣ. Въ разговорѣ Врангель спросилъ, для чего здѣсь стоитъ гражданское ополченіе, и когда Римплеръ отвѣтилъ: „для защиты собранія", генералъ замѣтилъ, что и онъ пришелъ ради этого со своими войсками. Оторопѣвшій Римплеръ спросилъ тогда, какъ долго Врангель тутъ думаетъ оставаться, на что Врангель возразилъ, что его войска привыкли стоять на бивуакахъ и что онъ останется здѣсь до тѣхъ поръ, пока собраніе не разойдется, хотя бы это продолжалось цѣлую недѣлю!

Съ этимъ отвѣтомъ Римплеръ вернулся въ собраніе и послѣднее вынесло постановленіе, что оно протестуетъ противъ употребленія военной силы и покидаетъ залъ засѣданій, уступая лишь этой силѣ. Затѣмъ „пассивный" герой Унру съ другимъ героемъ, Римплеромъ, вышли изъ зала собранія, и гражданское ополченіе послѣдовало за ними при бурныхъ крикахъ народа, а Врангель велѣлъ своимъ войскамъ занять театръ, и когда на слѣдующее утро депутаты опять явились туда, ихъ просто-на-просто не впустили. Такимъ образомъ все „дѣло" совершилось безъ кровопролитія и Врангель оказался при этомъ болѣе ловкимъ, чѣмъ ожидали отъ него. Трусливая мелкая буржуазія и большая часть гражданскаго ополченія вовсе не скрывали своей радости по поводу того, что наступилъ конецъ положенію, которое они обозначали полицейскимъ терминомъ „анархія", и мѣсто его заняла „твердая" военная власть. А когда юнкерство сдѣлалось всемогущимъ и дало почувствовать это буржуазіи, послѣдняя охала и ахала надъ реакціей, которую она сама же навлекла.

12 ноября, въ то время, какъ выгнанное изъ театра собраніе засѣдало въ помѣщеніи стрѣлковъ, казалось, что дѣло все-таки дойдетъ до кровопролитія. На улицахъ встрѣчались многіе вооруженные люди, отчасти съ красными кокардами на шляпахъ; рабочіе стекались со всѣхъ сторонъ; были и делегаты изъ провинціи, обѣщавшіе подкрѣпленіе. Однако, господинъ фонъ-Унру уговорилъ толпу разойтись, указавъ на великолѣпныя перспективы, которыя открывало его геніальное открытіе, „пассивное сопротивленіе". Народный ферейнъ собрался въ „Палаткахъ" подъ предсѣдательствомъ Карбе; это было въ послѣдній разъ, ибо въ тотъ же вечеръ Берлинъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи и было издано постановленіе о разоруженіи гражданскаго ополченія. Всѣ клубы и ферейны были распущены, демократическія газеты пріостановлены; словомъ, началась настоящая военная диктатура. Войска, занявшія важнѣйшіе пункты города, срывали всѣ объявленія; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Врангель, министерство и правая палата подвергались сильнымъ нападкамъ. На слѣдующій день начались повальные обыски съ цѣлью найти оружіе. Гражданское ополченіе спокойно дало себя обезоружить *), ибо и ему палата сумѣла внушить цѣлесообразность „пассивнаго сопротивленія". Во многихъ до-

---

*) „Фосская Газета" называетъ распущеніе ополченія „актомъ неблагодарности, такъ какъ оно де имѣло много заслугъ при поддержаніи „порядка". Ему мѣрили той же мѣрой, какой оно мѣрило рабочимъ.

махъ, гдѣ мужчины выказывали непокорность, ихъ жены сами отдавали оружіе или указывали, гдѣ оно было спрятано. Игра въ солдатики сдѣлала то, что многіе отцы семейства почти никогда не бывали дома; при этомъ, конечно, пивныя посѣщались исправно, а дѣла были въ загонѣ; неудивительно, что не одна хозяйка была рада, что всему этому наступилъ конецъ, что „папаша" снова вернется къ „мамашѣ" и къ солидному образу жизни. Мелкая буржуазія остается всегда одинаковой, какъ мужчины, такъ и женщины. Демократія исчезла съ горизонта; ее какъ бы стерли съ лица земли, и это показываетъ, что въ ней никогда не заключалось внутренней силы. Нѣкоторые изъ ея руководителей снова вынырнули на поверхность общественной жизни во время южно-германскихъ возстаній слѣдующаго года. Оставалась еще палата соглашеній, продолжавшая свое „пассивное сопротивленіе". Гдѣ бы она ни собиралась, ее разгоняли войска; баталіонъ солдатъ сгналъ этихъ людей, воображавшихъ, что они представляютъ собой суверенитетъ прусскаго народа. Произносились весьма энергичныя, иногда даже довольно красивыя рѣчи, которыя, однако, при существовавшихъ условіяхъ, не имѣли никакого значенія. Въ особенности Шульце-Деличъ, переживавшій тогда еще свой періодъ „бури и волненій", старался зажигательными рѣчами поднять народъ; онъ дѣлалъ то, что онъ самъ впослѣдствіи, когда онъ превратился въ филистера, называлъ „разбудить звѣря".

13 ноября собраніе приняло совершенно безсмысленное рѣшеніе, предложить генеральному прокурору Зете возбудить противъ министерства судебное преслѣдованіе за государственную измѣну. Понятно, прокуроръ не имѣлъ ни охоты, ни возможности начать такое дѣло, и, такъ какъ не существовало никакого закона объ отвѣтственности министровъ, то это постановленіе осталось чисто бумажнымъ.

Депутаціи и адреса въ изобиліи направлялись въ палату. 16-го ноября, когда палата въ количествѣ 226 человѣкъ собралась въ гостиницѣ „Миленцъ", былъ поднятъ вопросъ объ отказѣ платить налоги *). Докладъ комиссіи, прочитанный Кирхманомъ, гласилъ, что на насилія правительства необходимо отвѣтить отказомъ отъ уплаты налоговъ. Многіе, однако, выразили опасенія и колебанія; тогда Шульце-Деличъ, Филипсъ и Шорнбаумъ внесли предложеніе, что министерство Бранденбурга не имѣетъ права взимать налоговъ до тѣхъ поръ, пока палата не получитъ возможности безпрепятственно собираться въ Берлинѣ.

Во время засѣданій въ домъ ворвались войска; въ залу явился маіоръ въ сопровожденіи четырехъ офицеровъ и пикета. Унру началъ переговоры съ маіоромъ, который заявилъ, что ему приказано употребить силу, если собраніе не разойдется добровольно. Унру отвѣтилъ, что „онъ снова уступаетъ силѣ". Но тутъ вскочилъ разгнѣванный Вальдекъ и вскрикнулъ: „Въ такомъ случаѣ ступайте за вашими штыками и заколите насъ. Кто покинетъ

---

*) Крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей Саксоніи въ то время иначе настроенные, чѣмъ теперь, послали депутацію, съ заявленіемъ, что они не уплатятъ ни гроша налоговъ, пока не будетъ призвано популярное министерство.

залъ, тотъ—измѣнникъ отечества!" Маіоръ смутился; онъ вышелъ на минуту изъ залы и этимъ временемъ палата воспользовалась, чтобы принять рѣшеніе объ отказѣ отъ уплаты налоговъ. Когда маіоръ *) возвратился, то постановленіе уже было объявлено и Унру закрылъ засѣданіе. Депутаты имѣли видъ, будто бы они одержали огромную побѣду. Это было послѣднее засѣданіе палаты соглашенія въ Берлинѣ.

Между тѣмъ франкфуртскій парламентъ обратился къ прусскому правительству съ требованіемъ отмѣнить свое рѣшеніе о перенесеніи палаты въ Бранденбургъ; но это требованіе было оставлено безъ вниманія. Въ качествѣ комиссара центральнаго правительства, въ Берлинъ явился Бассерманъ, но когда онъ увидѣлъ, что улицы покрыты его пресловутыми „привидѣніями", онъ спѣшно ретировался во Франкфуртъ. Еще безцѣльнѣе была резолюція, принятая франкфуртскими доктринерами, объявившая незаконнымъ постановленіе палаты о неплатежѣ налоговъ.

Само собой разумѣется, народъ не зналъ, что ему дѣлать съ этимъ бумажнымъ постановленіемъ, которое одно собраніе объявляло законнымъ, а другое — незаконнымъ; правительство же всѣми силами старалось препятствовать приведенію его въ исполненіе, такъ что главнымъ его результатомъ явилось судебное преслѣдованіе лицъ, отказывавшихся уплачивать налоги.

27 ноября палата соглашенія собралась въ Бранденбургѣ въ мѣстномъ соборѣ. Лишь спустя два дня оно оказалось законнымъ по числу присутствовавшихъ членовъ. Но не было еще президента, знаменитаго родоначальника „пассивнаго сопротивленія" г. фонъ-Унру. Было внесено предложеніе отсрочить засѣданія до 4 декабря. Когда же оно было отвергнуто, нѣкоторые члены палаты покинули залъ засѣданія и собраніе снова сдѣлалось незаконнымъ. Сбивчивые и безцѣльные дебаты этой искалѣченной палаты производили самое жалкое впечатлѣніе и правительство сочло моментъ удобнымъ, чтобы окончательно ее распустить. Это и было сдѣлано 5 декабря 1848 года и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „хартія Вальдека", т. е. проектъ конституціи Вальдека была замѣнена „хартіей Мантейфеля", т. е. была дарована конституція въ видѣ „подарка короля".

Новая конституція была либеральнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Она представляла собой шедевръ государственнаго творчества Мантейфеля. Осуществляя нѣкоторыя демократическія требованія, она лишала силы нападки демократіи. Свобода печати и собраній, свобода совѣсти, отвѣтственность министровъ, всеобщее избирательное право и еще нѣсколько мартовскихъ требованій нашли свое осуществленіе въ этой конституціи, и въ то же время трусливыя и реакціонныя души были успокоены двухпалатной системой и тому подобными ограничительными учрежденіями. Но главное было то, что правительство оставляло за собой право немедленнаго пересмотра конституціи. Такимъ образомъ конституція сразу установила преобладающее господство правительства въ странѣ, и впослѣдствіи различныя „прі-

---

*) Это былъ будущій генералъ Гервартъ фонъ-Биттенфельдъ.

обрѣтенія“ были снова удалены изъ конституціи путемъ „пересмотра“.

Камарилья считала уступки конституціи слишкомъ значительными, да и король долго не соглашался подписывать эту „бумажку“, какъ онъ называлъ конституцію. Но въ концѣ концовъ въ ней видѣли единственное средство возстановить спокойствіе въ странѣ и потушить возбужденіе, вызванное ударомъ, нанесеннымъ палатѣ соглашенія. Герлахъ утѣшалъ себя словами: „Стоитъ ли вообще придавать большое значеніе такимъ бумажнымъ конституціямъ?“ Изъ этого видно, что когда демагоги-консерваторы прикидываются вѣрными конституціи, то они лишь приноравливаются къ обстоятельствамъ; о внутреннемъ убѣжденіи и рѣчи быть не можетъ; точно такъ же они поступаютъ въ настоящее время и по отношенію къ оппозиціи и соціалдемократіи. Въ 48 году они охотнѣе всего упразднили бы всю конституцію.

Конституція была образцомъ той традиціонной прусской политики, которая всегда уступаетъ нѣкоторымъ назрѣвшимъ требованіямъ и тѣмъ самымъ создаетъ себѣ ширму, за которой она прикрываетъ отъ близорукаго филистера свои средневѣковые реакціонные наросты.

Таково было позорное пораженіе, нанесенное либеральной и демократической буржуазіи политикой насилія министерства Бранденбурга-Мантейфеля; при язвительныхъ насмѣшкахъ снова усилившихся реакціонныхъ элементовъ, демократія была вынуждена удалиться съ арены вмѣстѣ со своимъ дѣтищемъ — „пассивнымъ сопротивленіемъ“. Ей не удалось удержать пріобрѣтенія, завоеванныя народомъ. „Пассивное сопротивленіе“ выказало себя во всемъ блескѣ своего жалкаго безсилія *). Если бы буржуазный либерализмъ въ Берлинѣ проявилъ хоть сколько-нибудь дѣйствительной твердости, то удалось бы, не доводя даже дѣла до кровопролитія, избѣгнуть такого позорного пораженія и обуздать высокомѣріе Врангеля. Ибо въ „высшихъ сферахъ“ вовсе не царило полной увѣренности въ побѣдѣ.

Между тѣмъ, какъ либеральная буржуазія въ Берлинѣ покорялась такимъ образомъ, въ самой странѣ были еще люди, отвергавшіе политику „пассивнаго сопротивленія“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходили волненія, особенно въ Эрфуртѣ, гдѣ 21 ноября дѣло дошло до кроваваго уличнаго столкновенія между войсками и демократами. На Рейнѣ, кельнскій комитетъ демократовъ, гдѣ засѣдалъ и Карлъ Марксъ, выпустилъ призывъ къ вооруженному сопротивленію противъ насильственнаго взиманія налоговъ, на которое, по мнѣнію комитета, министерство Бранденбурга имѣло право послѣ постановленія палаты соглашенія. Фердинандъ Лассаль былъ также арестованъ въ Дюссельдорфѣ и привлеченъ къ суду за такую же пропаганду. Знаменательно, что соціалисты до послѣдней крайности отстаивали нарушенныя права

---

*) Такъ говоритъ Іоганнъ Шерръ въ своей книгѣ „Отъ 48 г. до 91 г.“ Книга сама по себѣ написана хорошо, но лишена опредѣленной точки зрѣнія и между прочимъ заключаетъ въ себѣ ни на чемъ не основанное восхваленіе Радецкаго.

народнаго представительства, которое такъ подло было предано буржуазіи *).

Камарилья снова принялась дѣйствовать въ Пруссіи. Герлахъ написалъ Бранденбургу, что отнынѣ нужно только стремиться къ пересмотру конституціи и что необходимо замѣстить должности „надежными людьми, которые могли бы принять рѣшительныя мѣры“. Не слѣдовало также, по его мнѣнію, опасаться такихъ крайнихъ людей, какъ ультра-роялисты, піэтисты и абсолютисты.

Однако, реакція не подвигалась такъ быстро, какъ того желалъ пылкій Герлахъ; нельзя было мгновенно и всецѣло уничтожить послѣдствія революціи. Ихъ никогда не удалось бы уничтожить, если бы нѣмецкая буржуазія обладала твердостью англійской, съ которой она такъ любила сравнивать себя. Англичане не придавали большого значенія написаннымъ бумажкамъ, но у нихъ была своя гордость. У нѣмцевъ же какъ разъ наоборотъ. И потому обѣ страны эти рѣзко отличаются другъ отъ друга.

---

*) Марксъ и Лассаль оба привлекались за это къ суду. Лассаль былъ приговоренъ въ Дюссельдорфѣ къ шести-мѣсячному заключенію; отъ этого процесса осталась его „рѣчь передъ присяжными“. Марксъ былъ оправданъ кельнскими присяжными вмѣстѣ съ Шапперомъ и Шнейдеромъ. На защитительную рѣчь, которую Марксъ произнесъ по этому случаю, въ то время не обратили должнаго вниманія. Въ настоящее же время она является документомъ, имѣющимъ историческое значеніе. Марксъ доказывалъ, что онъ стоитъ въ качествѣ обвиняемаго передъ представителями буржуазіи за такіе поступки, совершать которые, по его мнѣнію, было обязанностью именно этой буржуазіи. Прокуроръ произнесъ противъ Маркса обыкновенныя фразы о потрясеніи основъ и нарушеніи закона. Марксъ возразилъ: „Общественное устройство не покоится на законѣ; это плодъ фантазіи юристовъ. Скорѣе законъ долженъ покоиться на обществѣ и быть выраженіемъ его общихъ интересовъ и потребностей, вытекающихъ изъ условій производства даннаго времени, въ противовѣсъ произволу отдѣльныхъ личностей“.

Въ концѣ года.

По мѣрѣ приближенія конца 1848 года, казалось, клонились къ концу и надежды народовъ. Реакція почти повсюду одерживала верхъ; филистеры порядка закрывали глаза или радостно встрѣчали ее, а демократія тяжко страдала отъ нанесенныхъ ей пораженій.

Франція скоро пожала плоды, посѣянные грубой и алчной буржуазіей во время кровавыхъ іюньскихъ дней. Кавеньякъ, съ которымъ реакціонеры вели гнусную игру, которой онъ не могъ раскусить своимъ ограниченнымъ умомъ, былъ настолько наивенъ, что принялъ въ свое министерство ярыхъ роялистовъ. 4 ноября Учредительное Собраніе закончило обсужденіе новой конституціи для Франціи. Франція была объявлена единой, нераздѣльной республикой; эта фраза звучала адской насмѣшкой ввиду грубо протискивавшихся впередъ властолюбивыхъ вожаковъ старыхъ партій. Президентъ республики долженъ былъ избираться всѣмъ народонаселеніемъ путемъ всеобщаго голосованія. Жюль Греви, будущій президентъ третьей республики, выбирался національнымъ собраніемъ. Они хорошо знали настроеніе страны. Этимъ они доказывали, что республика не была жизнеспособна, послѣ того, какъ рабочіе, создавшіе ее, были подавлены и разбиты.

Кандидатами въ президенты выступили принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ, Евгеній Кавеньякъ, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ и Распайль. Самимъ выборамъ предшествовали позорнѣйшія и грязнѣйшія интриги со стороны реакціонеровъ, сплотившихся вокругъ принца Луи-Наполеона. Этотъ авантюристъ такъ далеко заходилъ въ своей демагогіи, что онъ велѣлъ своимъ агентамъ заучить наизусть нѣкоторые обороты рѣчи съ соціалистическимъ оттѣнкомъ, чтобы такимъ образомъ привлечь на свою сторону рабочихъ, которые, какъ онъ хорошо зналъ, были ожесточены противъ буржуазіи за іюньскую рѣзню. Эта уловка не осталась безъ успѣха.

Дѣйствительно, на выборахъ побѣду одержалъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ, получившій болѣе 5 милліоновъ голосовъ, тогда какъ Кавеньякъ получилъ всего около 1½ милліона, Ледрю-Ролланъ — 350.000, а за остальныхъ было подано ничтожное количество. Этимъ буржуазная республика была отдана во власть авантюриста и претендента, который впослѣдствіи также грубо разбилъ республиканцевъ,

какъ они разбили пролетаріатъ. Не утратившій еще своего блеска ореолъ Наполеона доставилъ побѣду этому человѣку, который до этого велъ жизнь авантюриста. Онъ былъ сыномъ Гортензіи Богарнэ, вышедшей замужъ за Людовика, брата Наполеона I и сдѣлавшейся такимъ образомъ королевой Голландіи. Но отцомъ Луи-Наполеона былъ не Людовикъ Голландскій, а адмиралъ Веруэль, также какъ отцомъ его брата былъ генералъ Флаго.

Въ своей юности, будучи членомъ великаго итальянскаго союза карбонаріевъ, онъ разъ въ Страсбургѣ и разъ въ Булонѣ дѣлалъ весьма рискованныя попытки овладѣть французскимъ престоломъ. Между тѣмъ въ Булонѣ онъ носилъ на шляпѣ кусочекъ сала, который клевалъ сидѣвшій у него на плечѣ прирученный орелъ. Организаторъ этой безсмысленной комедіи попалъ сначала на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму, изъ которой онъ бѣжалъ, чтобы въ 1848 году быть призваннымъ стать во главѣ республики. 20 декабря 1848 года онъ принесъ присягу той самой республиканской конституціи, которую онъ 2 декабря 1851 г. насильственно ниспровергъ и обломки которой онъ потопилъ въ морѣ крови.

Послѣ того, какъ Луи-Наполеонъ сдѣлался президентомъ, французская республика могла быть увѣренной въ симпатіяхъ европейской дипломатіи. Послѣдняя прекрасно видѣла, что Наполеонъ стремится къ престолу и французы, повѣрившіе его клятвѣ, вскорѣ должны были жестоко разочароваться.

Теперь, когда мѣсто президента буржуазной республики занялъ претендентъ на престолъ, не оставалось сомнѣнія, что изъ оплота революціи и демократіи Франція превратится въ оплотъ реакціи. Этому обстоятельству было суждено сыграть большую роль въ перипетіи предстоявшей борьбы. Иностранныя правительства не скрывали своего удовольствія и радости по поводу возвышенія претендента. На этотъ разъ имя Бонапарта олицетворяло собой не революцію, а „законный порядокъ". Что касается реакціи въ Италіи, то тамъ она не могла дѣлать такихъ быстрыхъ успѣховъ, такъ какъ республиканская пропаганда попала на благодарную почву послѣ пораженія Карла Альберта. Послѣ того какъ Венеція провозгласила республику, Римляне также неудержимо направились къ этой цѣли. Правда, имъ не удалось вовлечь папу Пія IX въ войну съ Австріей, но они мало-по-малу лишили его всякой почвы подъ ногами, расшатавъ его власть. На министерство Росси была возложена задача предотвратить угрожавшій взрывъ. Но уже выборы въ палату оказались неудачными для министерства, а самъ Росси 15 ноября былъ убитъ на улицѣ, когда онъ направлялся въ палату. 18 ноября въ Римѣ вспыхнуло возстаніе, одержавшее побѣду, послѣ чего папа назначилъ демократическое министерство Маміани. Между тѣмъ „отецъ христіанскаго міра", чувствуя себя не совсѣмъ въ безопасности въ Римѣ, бѣжалъ въ Гаэту, откуда, пылая местью, онъ прислалъ протестъ противъ всего происшедшаго *). Тогда республиканцы окончательно захватили

*) Говорятъ, что папа убѣжалъ переодѣтый въ женское платье, хотя историки, лояльно настроенные къ папѣ, утверждаютъ, что это невѣрно, и что папа только воспользовался для своего бѣгства каретой графини **Шпауръ**.

въ свои руки власть и назначили правительственную комиссію изъ трехъ лицъ подъ предсѣдательствомъ Корсини, которая созвала къ февралю 1849 года учредительное собраніе для установленія конституціи римской республики.

Въ Сициліи неаполитанскія войска одержали верхъ надъ возставшими сицилійцами; 7-го сентября они взяли приступомъ Мессину.

Но освободительное движеніе въ Италіи не имѣло внутренней силы и единодушія, необходимыхъ для побѣды. Можно было предвидѣть, что реакціонныя силы со всей энергіей бросятся на демократію, какъ только онѣ, хоть немного, развяжутъ себѣ руки. Впрочемъ, демократія дала имъ достаточно времени, чтобы приготовиться къ этому.

Въ то время какъ Италія со своими волненіями напоминала клокочущій вулканъ, а Австрія боролась съ домомъ Габсбурговъ, въ Германіи къ концу 48-го года наступило затишье. Послѣ подавленія крупныхъ и мелкихъ возстаній, франкфуртскій парламентъ приступилъ, наконецъ, къ обсужденію имперской конституціи. Профессіональные болтуны, зря потратившіе почти 5 мѣсяцевъ на обсужденіе основныхъ правъ и т. п. вопросовъ, были на верху блаженства, что реакціонныя власти доставили имъ спокойствіе, необходимое для всесторонняго обсужденія проекта конституціонной комиссіи. 19-го октября начались дебаты, которые немедленно обнаружили, что затрудненія, мѣшавшія созданію конституціи, выросли въ цѣлую пропасть. Главнымъ образомъ германско-австрійскій вопросъ, какъ грозное привидѣніе, всталъ между Вѣной и Франкфуртомъ. Черно-желтая и габсбургская политика противодѣйствовала полному включенію Австріи въ новое германское союзное государство, которое хотѣли создать во Франкфуртѣ, потому что въ такомъ случаѣ Австрія больше не могла бы играть роли европейской державы. Черно-желтые цѣпко отстаивали нераздѣльность австрійской имперіи; если же, говорили они, она цѣликомъ войдетъ въ новое союзное государство, то это только ослабитъ ее и окажетъ содѣйствіе стремленіямъ отдѣльныхъ ея народностей къ самостоятельности. Но въ то же время черно-желтые и габсбургскій домъ не хотѣли исключать себя изъ новаго союзнаго государства, боясь этимъ парализовать вліяніе, которое Австрія до сихъ поръ имѣла на Германію. Въ виду этого Шмерлингъ и компанія втихомолку старались вызвать крушеніе всей работы по созданію конституціи. Всѣ ихъ яко бы „нѣмецкія“ рѣчи, очевидно, были лишь обычной данью, которую дипломатическое лицемѣріе уплачивало тенденціямъ даннаго времени. Казалось, что Шмерлингъ и Гагернъ противодѣйствуютъ другъ другу: первый—работая въ интересахъ австрійцевъ, второй—въ интересахъ пруссаковъ. Трудно установить, сколько тутъ было притворства; можно только предполагать, что Гагернъ до извѣстной степени былъ одураченъ. Игра, которая велась съ созидателями конституціи, во многихъ отношеніяхъ была похожа на ту комедію „смѣлаго удара“, гдѣ черно-желтые и черно-бѣлые дипломаты также сговорились заранѣе между собой. Получается грустное впечатлѣніе, когда, съ одной стороны, видишь наполовину грубую, наполовину лицемѣрную политику Австріи, а съ другой—тяжелыя тщетныя усилія созидателей конституціи

27 октября парламентъ пытался разрѣшить австрійскій вопросъ. Во время дебатовъ, которые были весьма продолжительны, графъ Деймъ внесъ утопическое предложеніе присоединить все Австрійское государство, во всей его совокупности, къ новому союзному государству; Уландъ замѣтилъ, что и Австрія „отдала много крови для цемента, съ помощью котораго будетъ сооружено зданіе нѣмецкой свободы". Въ концѣ концовъ было постановлено, что никакая часть Германской имперіи не можетъ соединиться съ нѣмецкими странами въ одно государство. Если какая-либо ненѣмецкая страна имѣетъ своей главой того же правителя, какъ и нѣмецкая, то отношенія между ними могутъ быть лишь тѣми, которыя основаны на принципахъ чисто персональной уніи.

Какъ разъ въ эти дни мужественно боровшаяся Вѣна была взята штурмовыми колоннами Виндишгреца, и казнь Роберта Блюма была отвѣтомъ на постановленіе 27-го октября. Несмотря на это, все еще были люди, думавшіе, что бумажныя рѣшенія во Франкфуртѣ могли быть могучимъ факторомъ противъ побѣдоносныхъ австрійскихъ полководцевъ. Въ программѣ, обнародованной въ Кремзирѣ новымъ австрійскимъ правительствомъ, послѣднее не дѣлало больше попытокъ замаскировать свои намѣренія. Шварценбергъ открыто говорилъ, что Австрія намѣрена объединить всѣ свои народности и страны въ одно государство; въ то же время онъ оговаривался, что взаимныя отношенія между обновленной Германіей и обновленной Австріей должны быть установлены договоромъ, когда въ обѣихъ странахъ упрочатся новыя формы правленія.

Такъ играли австрійскіе дипломаты съ дѣломъ созиданія конституціи; они отталкивали это дѣло отъ себя, но въ то же время не выпускали его изъ своихъ рукъ.

Разумѣется, такое поведеніе Австріи совершенно сбило съ толку созидателей конституціи, такъ какъ они окончательно перестали понимать, что происходило. Австрійскій вопросъ остался неразрѣшеннымъ, но въ парламентѣ образовался новый расколъ. Возникло велико-нѣмецкое теченіе, настойчиво требовавшее, чтобы новое союзное государство образовалось не иначе, какъ со включеніемъ Австріи.

Генрихъ фонъ-Гагернъ, преисполненный сознанія своей государственной мудрости, почувствовалъ себя призваннымъ покончить съ великимъ спорнымъ вопросомъ и рѣшилъ возстановить довѣрчивость парламента, въ которомъ уже начинали пробуждаться опасенія. Трудно установить, насколько Гагернъ въ этомъ дѣлѣ дѣйствовалъ за одно съ дипломатіей; въ глазахъ массы онъ являлся рѣшительнымъ приверженцемъ Пруссіи и вожакомъ того мало-нѣмецкаго теченія, которое хотѣло объединить новую Германію въ одно прусское государство безъ включенія Австріи. Гагернъ стремился приблизительно къ той же задачѣ, которую успѣшно выполнилъ Бисмаркъ въ 1866 году. Но въ 1848 и 1849 гг. идея Гагерна встрѣчала почти непреодолимыя препятствія. Россія, Франція и Англія, не желавшія даже допустить присоединенія Шлезвигъ-Голштиніи къ Пруссіи, внѣ всякаго сомнѣнія не согласились-бы на раствореніе въ Пруссіи неавстрійскихъ нѣмецкихъ странъ. Идея Гагерна такъ же нуждалась для своего выполненія въ войнѣ между Пруссіей, съ одной стороны, и Австріей и южно-герман-

скими государствами съ другой, какъ и планы Бисмарка въ 1866 г. Бисмарку удалось въ 1866 г. добиться нейтралитета Франціи и Россіи, безъ котораго онъ врядъ ли добился бы большаго, чѣмъ Генрихъ фонъ-Гагернъ. Но, пока что „идея“ Гагерна отлично достигла того, чего такъ желали реакціонеры: она расколола стремленія къ единству, царившія въ церкви св. Павла, и злосчастные созидатели конституціи увязли въ болотѣ австрійско-прусскаго дуализма, въ то время какъ правительства Австріи и Пруссіи вполнѣ условились между собою насчетъ своей политики по отношенію къ церкви св. Павла.

Въ ноябрѣ Гагернъ съѣздилъ въ Потсдамъ и въ Берлинъ за инструкціями, а Шмерлингъ сложилъ съ себя званіе президента имперскаго министерства, заявивъ, что отношенія имперской власти и Австріи должны быть заново выработаны на началахъ, отвѣчающихъ даннымъ условіямъ, онъ же, какъ „австріецъ“ не можетъ быть подходящимъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ. Министерство единогласно постановило, предложить правителю имперіи пригласить Генриха фонъ-Гагерна на мѣсто Шмерлинга. Правитель имперіи немедленно это сдѣлалъ, и Гагернъ образовалъ новое министерство, въ которомъ онъ самъ занялъ постъ президента и министра иностранныхъ дѣлъ, Пейкеръ — военнаго министра, Беккератъ — министра финансовъ, Робертъ Моль—юстиціи и Дуквицъ—торговли и промышленности. Шмерлингъ былъ назначенъ австрійскимъ посланникомъ при правителѣ имперіи для защиты австрійскихъ интересовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не согласовались съ прусскими.

Всей этой перемѣнѣ въ правительствѣ особый характеръ придавало то обстоятельство, что Гагерна рекомендовало само министерство Шмерлинга. Государственный дѣятель Гагернъ, котораго на мѣстѣ предсѣдателя замѣнилъ теперь Эдуардъ Симсонъ изъ Кенигсберга, выступилъ со своей программой, которая должна была разрѣшить нѣмецко-австрійскій вопросъ. Послѣ того, какъ австрійское министерство—гласила эта программа—заявило, что оно будетъ отстаивать единство австрійскаго государства, имперское министерство полагаетъ, что отношенія между Германіей и Австріей слѣдуетъ установить такимъ образомъ, что признается обособленное положеніе Австріи, которая тѣмъ самымъ не вступаетъ въ составъ союзнаго государства; принципы же послѣдняго остаются въ общемъ тѣми же, что и раньше. Далѣе, отношенія между Австріей и Германіей устанавливаются особой уніей, которая заключается дипломатическимъ путемъ и не должна имѣть никакого вліянія на дѣло созиданія имперской конституціи.

Національное собраніе одобрило эту программу; но коварная черно-желтая политика все еще продолжала затягивать рѣшеніе австрійскаго вопроса. Министерство Шварценберга объявило, что отнюдь не слѣдуетъ думать, что Австрія не желаетъ вступать въ германскій союзъ; она никогда отъ этого не отказывалась, она желаетъ соглашенія съ правительствомъ по вопросу о сліяніи отдѣльныхъ частей Германіи и ожидаетъ отъ имперскаго министерства содѣйствія въ этомъ смыслѣ.

Гагернъ былъ уполномоченъ парламентомъ начать переговоры о такомъ „соглашеніи“.

Довольно, однако, объ этихъ отвратительныхъ интригахъ и дряз-

тахъ, которые ясно доказывали, что ни у кого не было искренняго желанія разрѣшить вопросъ, и что все вело лишь къ улучшенію конституціоннаго движенія. Никто не могъ разрѣшить этой путаницы; ни дипломаты, если бы они даже хотѣли этого, — ни дутые „государственные „ангелы" — конституціоналисты; ни созидатели конституціи, продолжавшіе неумолчно и не смущаясь болтать; это могло бы случиться лишь тогда, если бы народъ самъ вмѣшался и сильной рукой разрубилъ весь узелъ. Но этого не произошло и въ то время не могло произойти. По тѣмъ причинамъ, о которыхъ мы уже упоминали, народное движеніе шло на убыль, а кратковременный подъемъ его въ слѣдующемъ году уже не могъ создать поворота въ пользу народа.

Парламентъ думалъ, что совершилъ великое дѣло, когда въ концѣ года онъ обнародовалъ ту часть конституціи, которая заключала въ себѣ „основныя права германскаго народа". Правитель охотно доставилъ это удовольствіе парламенту и 28-го декабря „основныя права" появились въ вѣстникѣ имперскихъ законовъ. Въ этихъ „основныхъ правахъ", которыя должны были установить общія человѣческія и гражданскія права, заключалось много красивыхъ и звучныхъ фразъ *). Въ нихъ полностью перечислялись новыя права и вольности народа; правда, онѣ не шли дальше буржуазныхъ понятій, но все же онѣ были огромнымъ прогрессомъ въ сравненіи съ домартовскими порядками. Однако, этотъ новогодній подарокъ, поднесенный парламентомъ германскому народу, не имѣлъ никакого значенія. Изъ этихъ основныхъ правъ правители включили въ октроированныя ими конституціи лишь тѣ, которыя они считали необходимой уступкой времени. Никто, впрочемъ, не обращалъ вниманія на этотъ документъ, на обсужденіе котораго парламентъ потратилъ столько времени. Дѣйствительно, нѣмецкій народъ, насколько онъ былъ способенъ къ самостоятельному мышленію, не зналъ, что ему дѣлать съ этими основными правами, существовавшими лишь на бумагѣ. Съ тяжелыми предчувствіями онъ вступилъ въ 1849 годъ, тогда какъ реакціонеры всюду поднимали головы.

---

*) Основныя права германскаго народа дословно напечатаны въ имперской конституціи 1849 г.

Приложенія къ исторіи 1848 года.

I.

Воззваніе короля Фридриха-Вильгельма IV, писанное въ ночь съ 18 на 19 марта 1848 г.

Къ моимъ возлюбленнымъ Берлинцамъ!

Въ моемъ сегодняшнемъ указѣ о созывѣ ландтага вы получили залогъ милостиваго расположенія вашего короля къ вамъ и ко всему нѣмецкому отечеству. Еще не умолкло ликованіе, съ которымъ безчисленныя преданныя сердца привѣтствовали меня, какъ кучка нарушителей порядка примѣшала къ нему мятежныя и дерзкія требованія и увеличилась въ своемъ объемѣ по мѣрѣ того, какъ благонамѣренные удалялись. Такъ какъ они неудержимо протискивались до самаго дворцоваго крыльца, что давало справедливый поводъ опасаться дурныхъ намѣреній съ ихъ стороны, и такъ какъ противъ моихъ вѣрныхъ и храбрыхъ солдатъ раздавались оскорбленія, то пришлось очистить площадь при помощи кавалеріи, пущенной шагомъ и съ саблями въ ножнахъ; при этомъ у двухъ пѣхотинцевъ ружья выстрѣлили сами собой, но, благодареніе Господу, никто не былъ раненъ. Шайка злонамѣренныхъ лицъ, большей частью состоящая изъ иностранцевъ, скрывавшихся въ теченіе цѣлой недѣли, несмотря на розыски, захватила это обстоятельство при помощи явной лжи для достиженія своихъ худшихъ плановъ и вселила въ разгоряченные умы многихъ моихъ вѣрныхъ и возлюбленныхъ берлинцевъ мысли о мести за якобы пролитую кровь и, такимъ образомъ, эти люди сами сдѣлались ужасными виновниками кровопролитія. Мои войска, ваши братья и соотечественники, пустили въ ходъ оружіе только тогда, когда ихъ къ этому вынудили многочисленные выстрѣлы, раздавшіеся изъ Королевской улицы. Побѣдное шествіе войскъ впередъ явилось прямымъ слѣдствіемъ этого. Отъ васъ, обитателей моего возлюбленнаго родного города, нынѣ зависитъ, предотвратить еще большія несчастія. Вашъ король и преданнѣйшій другъ заклинаетъ васъ—ради всего святого—признайте, что все случившееся ничто иное, какъ роковое недоразумѣніе.

Возвратитесь къ миру, разберите баррикады, которыя еще стоятъ, и пошлите ко мнѣ людей, проникнутыхъ истиннымъ исконнымъ берлинскимъ духомъ, со словами, приличествующими по отношенію къ вашему королю, и я даю вамъ свое королевское слово, что всѣ улицы и площади будутъ немедленно очищены отъ войскъ и лишь важнѣйшія зданія дворца, арсенала и немногихъ другихъ, и то лишь на короткое время, останутся занятыми военной силой. Послушайте отеческаго голоса вашего короля, обитатели моего вѣрнаго и прекраснаго Берлина и забудьте о случившемся, какъ и я въ душѣ хочу его забыть и забуду, ради великаго будущаго, которое подъ мирнымъ благословеніемъ Бога наступитъ для Пруссіи, а, благодаря Пруссіи, и для Германіи.

Ваша любвеобильная королева и воистину вѣрная мать и другъ, которая лежитъ серьезно больная, присоединяетъ свои искреннія, полныя слезъ мольбы къ моимъ. Писано въ ночь съ 18 на 19 марта 1848 г.

Фридрихъ-Вильгельмъ.

II.

Воззваніе короля Пруссіи отъ 21 марта 1848 г.

Къ моему народу и германской націи!

85 лѣтъ тому назадъ, въ дни серьезной опасности король съ довѣріемъ обратился къ своему народу и это довѣріе оправдалось: въ союзѣ со своимъ народомъ король спасъ Пруссію и Германію отъ позора и униженія. Въ настоящую минуту, когда отечество находится въ величайшей опасности, я также обращаюсь съ довѣріемъ къ Германской націи, къ самымъ благороднымъ народностямъ которой мой народъ можетъ съ гордостью причислить себя. Германія охвачена внутреннимъ броженіемъ и ей съ различныхъ сторонъ можетъ угрожать внѣшняя опасность. Спасеніе отъ этой двойной грозной опасности можетъ заключаться только въ тѣснѣйшемъ объединеніи германскихъ князей и народовъ подъ однимъ руководствомъ. Съ сегодняшняго дня я беру на себя руководство на время опасности. Мой народъ, который не боится опасности, не покинетъ меня, и Германія съ довѣріемъ примкнетъ ко мнѣ. Въ настоящее время я принялъ старинные германскіе цвѣта и поставилъ себя и свой народъ подъ защиту почтеннаго знамени Германской имперіи. Отнынѣ Пруссія растворяется въ Германіи. Средствомъ и законнымъ органомъ для того, чтобы совмѣстно съ моимъ народомъ приступить къ спасенію и успокоенію Германіи, является ландтагъ, созванный ко 2 апрѣля. Я намѣренъ въ ближайшее время обсудить тѣ формы, которыя дали бы князьямъ и сословіямъ Германіи возможность собраться совмѣстно съ этимъ ландтагомъ.

Образующееся такимъ образомъ собраніе германскихъ сословій послѣ свободнаго совмѣстнаго обсужденія не замедлитъ принять необ-

ходимыя мѣры для предотвращенія общей внѣшней и внутренней опасности. Въ настоящее время необходимо прежде всего:

1) Созданіе обще-германскаго народнаго союзнаго войска;

2) Объявленіе вооруженнаго нейтралитета.

Такое вооруженіе отечества и объявленіе нейтралитета внушатъ Европѣ уваженіе къ святости и неприкосновенности странъ съ нѣмецкимъ языкомъ и нѣмецкимъ именемъ. Только единодушіе и сила могутъ въ настоящее время поддержать миръ въ нашемъ прекрасномъ отечествѣ съ его цвѣтущей торговлей и промышленностью.

Одновременно съ мѣрами для предотвращенія немедленной опасности, германское собраніе сословій будетъ обсуждать вопросъ о возрожденіи и основаніи новой Германіи, единой, но не однообразной Германіи, единство одновременно съ различіями, единство со свободой!

Всеобщее введеніе истинныхъ конституціонныхъ учрежденій, отвѣтственность министровъ во всѣхъ отдѣльныхъ государствахъ, гласное и устное судопроизводство, суды присяжныхъ, равныя политическія и гражданскія права для лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій и истинно-народное либеральное правленіе—только это сможетъ создать и укрѣпить прочное и внутреннее единство.—Берлинъ 21 марта 1848 г.

Фридрихъ-Вильгельмъ.

Графъ Арнимъ; фонъ-Роръ; графъ Шверинъ; Борнеманнъ; фонъ-Арнимъ; Кюне.

III.

Воззваніе короля отъ 22 марта 1848 г.

Относительно народнаго представительства и т. д.

Послѣ того, какъ я обѣщалъ ввести конституцію на самыхъ широкихъ началахъ, я твердо рѣшилъ издать популярный избирательный законъ, который создастъ народное представительство, основанное на первичныхъ выборахъ и охватывающее всѣ интересы народа, безъ различія вѣроисповѣданій; этотъ законъ сначала подлежитъ разсмотрѣнію и одобренію объединеннаго ландтага, скорѣйшій созывъ котораго, согласно поступившимъ ко мнѣ предложеніямъ, я имѣю основаніе считать всеобщимъ желаніемъ народа. Я, навѣрно, поступилъ бы въ рѣшительномъ противорѣчіи съ этимъ желаніемъ страны, если бы я послѣдовалъ вашему предложенію *) издать законъ, не посовѣтовавшись съ сословіями. Поэтому я расчитываю на вашу лойяльность и прошу Васъ самихъ убѣдиться, а также убѣдить вашихъ довѣрителей, что въ настоящее время, пока всеобщее желаніе страны не присоединилось къ вашему предложенію, я не могу согласиться на него.

Согласно моему уже объявленному рѣшенію, новообразованному

*) Имѣется въ виду предложеніе депутаціи отъ Бреславля и Лигница издать избирательный законъ безъ предварительнаго опроса объединеннаго ландтага.

такимъ образомъ представительству будутъ предложены на обсужденіе слѣдующіе пункты:

1) о гарантіи личной свободы; 2) о свободѣ союзовъ и собраній; 3) объ учрежденіи всеобщаго гражданскаго ополченія съ свободно избранными вождями; 4) объ отвѣтственности министровъ; 5) о введеніи суда присяжныхъ, особенно для политическихъ преступленій и дѣлъ печати; 6) о независимости судей; 7) объ упраздненіи привилегированнаго сословія, объ уничтоженіи патримоніальной юрисдикціи и полицейской власти помѣщиковъ.

Кромѣ того я велю войскамъ принести присягу на вѣрность конституціи.

Берлинъ 22 марта 1848 г.

Фридрихъ-Вильгельмъ.

Графъ Арнимъ; фонъ-Роръ; графъ Шверинъ; Борнеманнъ; фонъ-Арнимъ; Кюне.

IV.

Предложеніе, внесенное Струве въ предварительный парламентъ.

Мы, нижеподписавшіеся, предлагаемъ германскому парламенту во Франкфуртѣ на Майнѣ немедленно одобрить нижеслѣдующее изложеніе правъ германскаго народа и принять мѣры къ ихъ осуществленію. Надъ Германіей уже давно тяготѣютъ величайшія униженія, которыя можно выразить словами: рабство, невѣжество и эксплоатація народа. Подъ вліяніемъ тиранической системы, которая по своему существу все еще продолжается, хотя главная сила ея уже сломлена, Германія не разъ находилась на краю гибели. Она потеряла многія изъ своихъ наилучшихъ провинцій, другимъ угрожаетъ крайняя опасность. Нищета народа сдѣлалась невыносимой. Въ Верхней Силезіи она обострилась до того, что вызвала голодную чуму.

Поэтому порвались всѣ узы, которыя привязывали народъ къ нынѣшнему такъ называемому порядку вещей и задача нѣмецкихъ дѣятелей, собравшихся 31-го марта т. г. во Франкфуртѣ на Майнѣ, состоитъ въ томъ, чтобы приготовить новыя узы, съ помощью которыхъ весь германскій народъ долженъ быть объединенъ въ одно великое и свободное государство.

Гарантія собственности и личности, благосостояніе, образованіе и свобода для всѣхъ гражданъ безъ различія происхожденія, сословія и вѣроисповѣданія—вотъ тѣ цѣли, къ которымъ стремится германскій народъ. Средства для ихъ достиженія суть слѣдующія:

1) Уничтоженіе постоянныхъ войскъ и сліяніе ихъ съ гражданскимъ ополченіемъ, для образованія настоящей народной милиціи, включающей въ себѣ всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе.

2) Уничтоженіе постоянной арміи чиновниковъ и замѣщеніе ихъ истиннымъ правительствомъ изъ лицъ, свободно избранныхъ народомъ.

3) Уничтоженіе постоянныхъ безчисленныхъ налоговъ, снѣдаю-

щихъ мозгъ націи, и особенно всѣхъ тѣхъ налоговъ, которые задерживаютъ развитіе внутреннихъ сношеній Германіи, какъ напр. городскія и судоходныя пошлины, угнетающія сельское хозяйство; десятинные, гильдейскіе, промысловые налоги, акцизные и т. д. тяжело отзывающіеся на промышленности, и замѣна ихъ: а) прогрессивнымъ налогомъ на доходы и имущества, при которомъ расходы на поддержаніе жизни свободны отъ всякаго обложенія; в) таможенными пошлинами, взимаемыми на границахъ Германіи для защиты ея торговли, промышленности и земледѣлія.

4) Уничтоженіе всѣхъ привилегій, какъ бы онѣ не назывались, особенно привилегій дворянства, плутократіи; упраздненіе привилегированныхъ судебныхъ сословій и учрежденіе общаго для всѣхъ права германскаго гражданства.

5) Уничтоженіе опеки надъ коммунами и замѣна ея коммунальнымъ закономъ, основаннымъ на началахъ самоуправленія.

6) Упраздненіе всѣхъ монастырей и монастырскихъ учрежденій.

7) Уничтоженіе союза, существовавшаго до сихъ поръ между церковью и государствомъ, и между церковью и школой, а вмѣсто этого: а) уравненіе въ правахъ всѣхъ вѣроисповѣданій, введеніе неограниченной свободы религіи и совѣсти, свободы ассоціацій, самоуправленія коммунъ и особенно право послѣднихъ свободно избирать своихъ духовныхъ лицъ, учителей и бургомистровъ; в) улучшеніе матеріальнаго положенія учительскаго персонала и болѣе равномѣрнаго распредѣленія пастырскихъ окладовъ; с) уничтоженіе платы за ученіе.

8) Уничтоженіе цензуры, концессій и залоговъ и замѣна этихъ принудительныхъ учрежденій принципомъ свободы печати въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

9) Уничтоженіе тайнаго и письменнаго инквизиціоннаго суда и замѣна его гласными судами присяжныхъ съ устнымъ судопроизводствомъ.

10) Уничтоженіе безчисленныхъ ограниченій личной свободы нѣмцевъ всѣхъ сословій и одинаковая для всѣхъ гарантія ея особеннымъ закономъ (Habeas-Corpus въ наиболѣе широкомъ значеніи этого слова), устанавливающимъ категорическое право союзовъ и собраній.

11) Устраненіе бѣдственнаго положенія трудящихся классовъ и средняго сословія, поднятіе торговли, промышленности и земледѣлія. Средства для этого могутъ дать огромные цивильные листы, апанажи, незаслуженные высокіе оклады и пенсіи, различныя стипендіи и помѣстія многихъ корпорацій, а также кабинетскія земли.

12) Устраненіе антагонизма между капиталомъ и трудомъ посредствомъ учрежденія особаго министерства труда, которое бы противодѣйствовало ростовщичеству, защищало бы трудъ, а въ особенности укрѣпило бы за рабочими право на участіе въ прибыляхъ производства.

13) Упраздненіе противорѣчивыхъ другъ другу законовъ частнаго права, уголовнаго, гражданскаго, церковнаго и государственнаго, а также законовъ о системѣ монетъ, мѣръ, вѣсовъ, почты и желѣзныхъ дорогъ и замѣна ихъ законами, вытекающими изъ духа нашего времени и устанавливающихъ свободу и внутреннее единство Германіи, какъ въ духовномъ, такъ и въ матерьяльномъ отношеніи.

14) Уничтоженіе раздробленности Германіи и возстановленіе ея раздѣленія на области, соотвѣтственно существующимъ отношеніямъ.

15) Уничтоженіе наслѣдственной монархіи (единодержавія) и замѣна ея свободно избранными парламентами, съ свободно избранными президентами во главѣ, объединенными между собой федеративной союзной конституціей по образцу сѣверо-американскихъ государствъ.

Германскій народъ, вотъ тѣ принципы, только съ помощью которыхъ, по нашему мнѣнію, Германія можетъ стать счастливой, уважаемой и свободной.

Германскіе братья востока и запада, мы приглашаемъ васъ поддержать насъ въ нашемъ стремленіи, добиться для васъ единыхъ и ненарушимыхъ человѣческихъ правъ. Мы останемся во Франкфуртѣ на Майнѣ пока не будетъ свободно избранъ парламентъ, который сможетъ управлять судьбой Германіи. Мы же составимъ въ это время проектъ необходимыхъ законовъ и съ помощью свободно избраннаго исполнительнаго комитета приготовимъ великое дѣло возрожденія Германіи.

1849-ый годъ.

Послѣ пораженія демократіи въ Пруссіи и Австріи, послѣ крушенія объединительнаго движенія въ Италіи и воцаренія во Франціи бонапартизма, не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что реакція одерживала побѣды по всей линіи. Венгрія, казалось, также погибала, а оба парламента во Франкфуртѣ и въ Кремзирѣ корпѣли надъ своими конституціями. Внутренняя сила революціи исчезла и тамъ, гдѣ не было осаднаго положенія и военной диктатуры, народное движеніе проявлялось въ многочисленныхъ и шумныхъ, но совершенно безрезультатныхъ протестахъ противъ реакціонныхъ властей. Массы все болѣе и болѣе впадали въ равнодушіе, хотя отголоски событій истекшаго года все еще потрясали страну. Крестьяне въ большинствѣ случаевъ были удовлетворены. Тамъ, гдѣ они не добились полной отмѣны феодальныхъ повинностей, правительство сумѣло ихъ успокоить искусными мѣрами и различными уступками. Какъ мы видѣли крестьяне были самыми непримиримыми въ мартовскіе дни, и больше всѣхъ внушали страхъ правительствамъ. Поэтому послѣднія поторопились имъ уступить и съ успѣхомъ спекулировали на ихъ эгоизмъ. Нынѣ же „свободный" крестьянинъ съ неудовольствіемъ и безпокойствомъ взиралъ на городскіе элементы, все еще не желавшіе угомониться. Консервативные элементы, кричавшіе о „спокойствіи и порядкѣ" встрѣчали теперь симпатіи крестьянъ, и апатія крестьянства, какъ свинцовая тяжесть, стѣсняла размахъ народнаго движенія. Съ теченіемъ событій крестьяне, натравленные демагогическими юнкерами и фанатическими священниками, угрожающе возстали противъ городовъ, какъ мы это видѣли, напр., въ Берлинѣ. При тогдашнемъ громадномъ перевѣсѣ сельскаго населенія надъ городскимъ, это обстоятельство должно было имѣть рѣшающее вліяніе на ходъ всего движенія.

Однако, не всюду дѣло обстояло какъ въ Пруссіи, гдѣ крестьяне были реакціонны или какъ въ Австріи, гдѣ крестьяне были апатичны и враждебно относились къ демократіи, хотя и были въ значительной степени обязаны послѣдней своимъ освобожденіемъ отъ феодальныхъ повинностей. Въ среднихъ и мелкихъ государствахъ, гдѣ крестьяне были полны глубокой ненависти противъ бюрократіи, дворянства и ихъ приспѣшниковъ, сельское населеніе иногда выказывало себя очень строптивымъ.

Рабочіе были обмануты во всѣхъ своихъ надеждахъ послѣ того, какъ они завоевали для буржуазіи мартовскія побѣды и помогли послѣдней добиться политической власти. Въ награду за это она отдѣлалась отъ нихъ подачками въ видѣ государственныхъ и коммунальныхъ работъ. Когда же они, въ сознаніи своихъ правъ, выступили съ своими собственными требованіями и сдѣлали нѣсколько слабыхъ и неумѣлыхъ попытокъ добиться лучшихъ условій существованія, то буржуазія, сдѣлавшаяся „сторонницей порядка", грубо выступила противъ нихъ и ружейными залпами погнала ихъ обратно въ объятія эксплоатирующаго ихъ капитала. Эти классовые раздоры совершенно обезсилили народное движеніе, которое уже ослабило противорѣчіе между интересами города и деревни. При всемъ томъ, передовые элементы рабочихъ были настолько осторожны, что не дали себя обмануть лживыми обманчивыми обѣщаніями реакціонеровъ и въ то же время были настолько великодушны, что при послѣдующихъ столкновеніяхъ постоянно выступали въ защиту буржуазныхъ вольностей, хотя и знали, что даже при наличности этихъ послѣднихъ ихъ классъ все-таки останется угнетеннымъ. Въ этихъ вольностяхъ они видѣли достиженіе части общаго прогресса. Сама же рабочая масса оставалась равнодушной и бумажныя пріобрѣтенія парламентовъ менѣе всего могли привести ее въ движеніе.

Въ Вѣнѣ, какъ мы видѣли, буржуазная демократія оказалась не въ силахъ овладѣть браздами правленія; она была побѣждена въ открытомъ бою. Она потерпѣла пораженіе со своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ послѣ того, какъ конституціоналисты убѣдили ее повѣрить въ этотъ смѣхотворный фантомъ. Ей не удалось покрыть всю Германію сѣтью демократической организаціи, которая была бы жизне и дѣеспособна. Ее парализовалъ „красный призракъ"; многіе буржуазные радикалы, шумѣвшіе во всю мочь въ мартовскіе дни, были охвачены страхомъ, когда они увидѣли выступленіе на арену пролетаріата и услыхали его требованія. Послѣ іюньской битвы демократическому филистеру сдѣлалось страшно за свою собственность и онъ сталъ приверженцемъ порядка. Немногіе сильные духомъ демократы, устоявшіе противъ этихъ теченій, составляли меньшинство, не имѣвшее достаточно силы, чтобы поддержать мартовскія требованія.

Послѣ такихъ расколовъ реакціонное теченіе, очевидно, должно было одержать верхъ надъ демократическимъ и оно поглотило большую часть буржуазныхъ завоеваній. Буржуазія была подавлена, точно такъ же, какъ она подавила пролетаріатъ. Въ то время какъ народное движеніе, такимъ образомъ, шло въ Германіи на убыль, въ Италіи, казалось, оно достигало новаго расцвѣта.

Завоевавъ Римъ, республиканское теченіе сдѣлалось настолько могучимъ, что оно вскорѣ распространилось и на другія государства. 7-го февраля великій герцогъ Тосканскій, уступая республиканцамъ, покинулъ страну и убѣжалъ къ папѣ въ Гаэту, послѣ чего во Флоренціи была провозглашена республика и созвано учредительное собраніе. Въ Римѣ 9-го февраля была упразднена свѣтская власть папы и установлена римская республика. Новое правительство начало свою дѣятельность съ того, что конфисковало церковныя имущества, про-

тивъ чего папа заявилъ протестъ. Римскій народъ въ своей массѣ скорѣе склонялся на сторону папы, чѣмъ на сторону республиканцевъ.

Республиканцы приняли идею объединенія и имъ необходимо было вовлечь въ движеніе Сардинію и Ломбардію. Это дѣлало неизбѣжной войну съ Австріей. Но тутъ вмѣшался сардинскій король Карлъ-Альбертъ, который со времени миланскаго перемирія оставался совершенно спокойнымъ. Дѣло въ томъ, что Мадзини, составившій себѣ грозную славу, благодаря своему заговорщицкому искусству, до такой степени оживилъ республиканскую пропаганду въ Сардиніи, что Карлъ-Альбертъ пришелъ къ убѣжденію, что республиканцы отнимутъ у него страну, если онъ не возобновитъ войны съ Австріей. Первоначальныя побѣды венгерцевъ, имѣвшія мѣсто около этого времени, укрѣпили его надежды и онъ принялъ быстрое рѣшеніе. 12-го марта онъ объявилъ конецъ перемирію и вскорѣ возобновилась борьба между старикомъ Радецкимъ и сардинскимъ королемъ.

Сардинское войско, предводительствуемое полякомъ កржановскимъ, насчитывало болѣе 80.000 человѣкъ, но было недостаточно вооружено. Римъ и Тоскана обѣщали вмѣстѣ прислать подкрѣпленія въ 70.000 человѣкъ, такъ какъ республиканцы отлично понимали, что пораженіе сардинскаго короля было бы и ихъ гибелью. Они покорились давленію обстоятельствъ, и вступили въ союзъ съ ненавистнымъ имъ человѣкомъ. Но вооруженіе войскъ въ Римѣ и Тосканѣ не шло настолько быстро, чтобы они могли оказать помощь сардинскому королю.

Радецкій, имѣвшій войско изъ 70.000 хорошо обученныхъ солдатъ, смѣло и рѣшительно напалъ на своихъ противниковъ. Онъ двинулся изъ Милана въ Павію и совершенно неожиданно появился во флангѣ піемонтцевъ, выступившихъ уже противъ Милана, и этимъ заставилъ ихъ принять оборонительное положеніе. Исходъ борьбы быстро выяснился. 21-го марта піемонтцы были разбиты при Мортарѣ и Вигерано и отрѣзаны отъ своей линіи отступленія. 23-го марта произошла рѣшительная битва при Новарѣ, гдѣ Карлу-Альберту удалось поставить свое войско въ выгодную позицію. Вначалѣ сардинскій король одержалъ перевѣсъ въ этой битвѣ; но когда различныя войсковыя части австрійцевъ прибыли всѣ на поле битвы, то центръ піемонтцевъ былъ прорванъ всеобщимъ штурмомъ послѣ весьма кровавой и упорной борьбы. Пораженіе Карла-Альберта было ужаснымъ и самъ онъ бросился подъ непріятельскія пули, въ отчаяніи желая умереть. Въ Новарѣ, куда бѣжало разбитое войско, ночью происходили ужасающія сцены: городъ былъ разграбленъ, многіе дома сожжены. Въ этотъ же вечеръ Карлъ-Альбертъ отрекся отъ престола и передалъ сардинскую и піемонтскую корону своему сыну, Виктору-Эмануилу; самъ же онъ умеръ спустя короткое время.

Радецкій согласился на перемиріе съ новымъ королемъ, а затѣмъ заключилъ съ нимъ миръ на сносныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, Австрія освободилась отъ сардинскаго врага. Въ теченіе шести дней, благодаря неспособности Карла-Альберта, могущество сардинско-піемонтскаго королевства было окончательно сломлено 82-лѣтнимъ Радецкимъ. Викторъ-Эмануилъ не чувствовалъ никакого желанія сейчасъ же продолжать роль своего отца; онъ это сдѣлалъ позже. Пока онъ старался упрочить свой тронъ, давъ себя обезоружить Австріи.

Пораженіе при Новарѣ тяжко отозвалось на республиканцахъ. Въ Бресчіи и въ Генуѣ они подняли знамя возстанія; Бресчія была взята приступомъ австрійскимъ генераломъ Гайнау, который велъ себя при этомъ такъ жестоко, что снискалъ себѣ прозвище „гіэны изъ Бресчіи". Генуя, спустя нѣсколько дней, сдалась сардинскому генералу Ламарморѣ. Въ Тосканѣ республиканецъ Гверацци былъ назначенъ диктаторомъ, но реакціонная буржуазія возстала и изгнанный великій герцогъ снова овладѣлъ Тосканой, куда вступили также и австрійскія войска. Отнынѣ въ рукахъ республиканцевъ находилась только Венеція, гдѣ диктаторомъ былъ Манинъ, и Римъ, гдѣ диктаторская власть была передана тріумвирату, въ который входилъ также Мадзини. Противъ Венеціи двинулись австрійцы, а папа старался вызвать крестовый походъ противъ республиканскаго Рима, что ему до нѣкоторой степени удалось, какъ мы ниже увидимъ.

Весной того же года была окончена борьба въ Сициліи. Въ битвѣ при Катаніи 2-го апрѣля 1849 г. неаполитанцы одержали побѣду надъ предводительствуемымъ Мирославскимъ, иностраннымъ легіономъ, который былъ снаряженъ сицилійскимъ національнымъ парламентомъ.

Сопротивленіе Рима и Венеціи было безнадежно; крушеніе объединительнаго движенія повлекло за собою полное пораженіе демократіи и республиканизма. Масса итальянскаго народа, угнетенная, обнищавшая и забитая, безучастно смотрѣла на небольшую кучку смѣльчаковъ, боровшихся противъ вторженія чужестранныхъ войскъ и противъ реакціонныхъ силъ. Но эти смѣльчаки боролись съ величайшею храбростью и самопожертвованіемъ, и передъ лицомъ исторіи они стоятъ выше, чѣмъ піемонтскій король, которому обстоятельства впослѣдствіи такъ облегчили возможность проглотить по кусочкамъ Италію, какъ листочки артишока.

Государственный переворотъ въ Австріи и Венгріи.

Цѣлью придворной камарильи въ Ольмюцѣ было возстановить австрійскую имперію, распавшуюся на свои составныя части; другими словами, какъ гласило воззваніе императора Франца-Іосифа, „съ помощью Божіей объединить всѣ страны и народы монархіи въ одно великое государство". Чтобы добиться этого, необходимо было разбить венгерцевъ и итальянцевъ; въ самой же Австріи помѣхой являлся лишь рейхстагъ, продолжавшій влачить жалкое существованіе въ небольшомъ городишкѣ Кремзирѣ. Въ этомъ отдаленномъ городкѣ разыгрывалась настоящая парламентская идиллія. Депутаты могли здѣсь безпрепятственно обсуждать свою конституцію, не слыша ни бушующихъ народныхъ массъ, ни гула набата, ни грохота орудій; ничто не мѣшало имъ. Они очень серьезно относились къ своей задачѣ. Камарилья же смотрѣла на нихъ взоромъ змѣи, которая не намѣрена выпустить своей жертвы.

Подъ давленіемъ обстоятельствъ, рейхстагъ повернулъ влѣво. Тогда высокомѣріе старинной аристократіи снова проснулось, и духъ Меттерниха опять воцарился въ высшихъ сферахъ. Нетерпѣливые реакціонеры требовали полнаго устраненія рейхстага, который они въ душѣ ненавидѣли, какъ завоеваніе революціи. Рейхстагъ же забылъ, что онъ далъ убѣдить себя вступить на зыбкую почву соглашенія и былъ настолько доктринерскимъ, что полагалъ, будто онъ можетъ поставить предѣлы наглой реакціи, посредствомъ бумажныхъ параграфовъ вырабатываемой конституціи. Первый ея параграфъ гласилъ: „всякая государственная власть исходитъ отъ народа". Это постановленіе встрѣтило противодѣйствіе со стороны министра Стадіона, который протестовалъ противъ „такихъ принциповъ". Какая-то правительственная газета того времени писала: „Для Австріи абсолютизмъ является единственной подходящей формой правленія".—Собраніе хотя и отвергло вышеупомянутую редакцію перваго параграфа, но въ то же время выразило протестъ противъ вмѣшательства министерства. Это ясно показывало, какъ мало было шансовъ достигнуть соглашенія между такимъ рейхстагомъ и такимъ правительствомъ. Чехи, отлично понимавшіе, что послѣ побѣды реакціи

имъ ничего не останется какъ удалиться со сцены, подобно „мавру, выполнившему свою обязанность“, старались какъ можно больше ускорить дѣло вырабатыванія конституціи. Но правительство опередило рейхстагъ. Когда Виндишгрецъ одержалъ свои первыя побѣды въ Венгріи, правительство рѣшило больше не откладывать распущенія рейхстага. Извѣстіе, что венгерцы были вынуждены къ выступленію въ битвѣ при Каполнѣ, дало окончательный толчокъ къ приведенію плана въ исполненіе. Иронія исторіи въ этомъ случаѣ была великолѣпна. Когда-то рейхстагъ перевели въ Кремзиръ для того, чтобы онъ могъ „на свободѣ“ вести свои совѣщанія, а теперь его разгоняли съ помощью баталіона солдатъ.

6-го марта, когда рейхстагъ почти окончилъ свою конституціонную работу, изъ Ольмюца пріѣхалъ министръ Стадіонъ и, созвавъ собраніе изъ депутатовъ правой и центра, предложилъ имъ проектъ конституціи, которую правительство предполагало даровать странѣ. Депутаты энергично протестовали противъ такого образа дѣйствій, и Стадіонъ обѣщалъ имъ, что онъ предложитъ министерству отложить это дѣло. Но когда на слѣдующее утро депутаты отправились въ залъ засѣданій, они нашли его занятымъ военной силой, а на улицахъ было расклеено объявленіе императора Франца-Іосифа, въ которомъ онъ объявлялъ о распущеніи рейхстага.

Депутаты уѣхали изъ Кремзира, такъ какъ, понятно, противъ насилія они ничего не могли предпринять. Такимъ образомъ, переворотъ произошелъ безъ всякаго шума. А въ непродолжительное время народамъ австрійской имперіи была дарована новая конституція.

Эта конституція, никогда не вступившая въ силу, была мѣшаниной изъ всевозможныхъ произведеній такого же рода, и объединяла всѣ земли короны въ одно государство такъ, что онѣ относились другъ къ другу какъ административные округа. Тѣмъ самымъ у венгерцевъ отнималась ихъ самостоятельная конституція, какъ ни старались это замаскировать, итальянцы отрывались отъ Италіи, а нѣмцы отъ ожидаемой германской конституціи. Въ конституцію была включена часть мартовскихъ завоеваній, поскольку они были угодны камарильѣ и казались ей необходимыми, какъ дань духу времени *).

Если бы этой конституціи суждено было жить, то венгерская, гарантировавшая особое министерство для Венгріи, должна была бы умереть, а потому въ борьбѣ между венгерцами и австрійской реакціей вопросъ шелъ о жизни и смерти.

Кошутъ и другіе вожаки мадьяровъ уже 6-го ноября были объявлены измѣнниками отечеству и престолу. Такой шагъ былъ вполнѣ понятенъ со стороны австрійскихъ властей, у которыхъ хватило наглости съ помощью штыковъ разогнать рейхстагъ. Наоборотъ, венгерскіе государственные дѣятели старались стать на почву права. Они утверждали, что боролись за законную конституцію, дарованную имъ Фердинандомъ I. Но камарилья низвергла Фердинанда I и хочетъ теперь ниспровергнуть венгерскую конституцію. Этотъ споръ въ области государственнаго права, по нашему мнѣнію, не имѣетъ особаго зна-

---

*) Законодательную власть получалъ рейхстагъ, подраздѣленный на аристократическую верхнюю палату и нижнюю палату съ очень высокимъ избирательнымъ цензомъ.

ченія. Борьба между Венгріей и Австріей приняла такой характеръ, при которомъ принципы права отступили на задній планъ и вопросъ могъ быть рѣшенъ лишь силой. Что венгерцы были формально правы, этого нельзя отрицать. Намъ только кажется страннымъ, что съ этими вопросами права носились какъ съ фетишемъ *), ибо какое дѣло было Виндишгрецу до какой-то правовой почвы? Безъ венгерскихъ пушекъ эта почва не имѣла никакой цѣнности.

Въ началѣ 1849 г. дѣло мадьяровъ казалось проиграннымъ. 5 января Виндишгрецъ вступилъ въ Пештъ. Онъ держалъ себя со всѣмъ высокомѣріемъ побѣдителя. Депутація отъ правой венгерскаго парламента съ Людвигомъ Баттіани во главѣ, пытавшаяся вступить съ нимъ въ мирные переговоры, была имъ отвергнута. Покоритель Вѣны отдалъ приказъ вѣшать всякаго, кто будетъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ; города, которые окажутъ сопротивленіе, должны быть сравнены съ землей; мятежныя власти должны поплатиться своей головой. Казалось, что духъ „красныхъ мантій"—кроатовъ поселился въ главнокомандующемъ. Были произведены безчисленные аресты—военные суды и палачи получили работу.

Венгерцы собрали свои силы внутри страны и на югѣ, и въ скоромъ времени вызвали поворотъ въ ходѣ событій, повергшій въ изумленіе весь міръ. Хотя ихъ генералы враждовали между собою, однако, они почти вездѣ одержали блестящіе успѣхи**). Первый поворотъ произошелъ въ Трансильваніи. Тамъ свирѣпствовалъ жестокій рассовый антагонизмъ между мадьярами и шеклерами, съ одной стороны, и саксонцами, съ другой. Находившіяся тамъ войска подъ командой австрійскаго генерала Пухнера, были разъединены горами другъ отъ друга. Внезапно туда явился посланный Кошутомъ польскій генералъ Бемъ, который бѣжалъ изъ Вѣны и ему удалось снова организовать мадьяровъ и шеклеровъ, при чемъ онъ обнаружилъ много ловкости и такту, въ виду господствовавшей рассовой вражды. Бемъ, жестоко поссорившійся съ польскими демократами, достигъ здѣсь зенита своей военной славы. Онъ былъ мастеромъ въ дѣлѣ организаціи партизанской войны и его передвиженія были изумительны по своей быстротѣ. Въ нѣсколько дней Бемъ отобралъ у безпомощнаго Пухнера большую

---

*) Даже храбрый генералъ Аулихъ, стоя передъ своими судьями и палачами, сказалъ: по приказу моего короля я поклялся въ вѣрности венгерской конституціи и долженъ былъ соблюдать мою присягу до послѣдняго вздоха.

**) Гергей, который вскорѣ началъ свои интриги, уже 4 января велѣлъ выпустить прокламацію отъ имени верхней дунайской арміи, въ которой говорилось: „Армейскій корпусъ верхняго Дуная остается вѣрнымъ своей клятвѣ рѣшительно бороться со всякимъ внѣшнимъ врагомъ въ защиту санкціонированной королемъ Фердинандомъ I конституціи венгерскаго королевства". Затѣмъ воззваніе съ порицаніемъ отзывалось о „республиканскихъ проискахъ", и категорически подтверждало, что какое бы то ни было соглашеніе съ врагомъ лишь тогда можетъ быть признано, если оно гарантируетъ безопасность угрожаемой конституціи. Въ этомъ заявленіи, натворившемъ много шуму, военная партія дѣлала видъ, будто она относится серьезно къ смѣхотворной мистификаціи, по которой—венгерцы будто бы сражаются за „законнаго короля Фердинанда противъ „узурпатора" Франца-Іосифа и будто венгерской конституціи угрожаетъ меньше опасности со стороны Шварценберга и Виндишгреца, чѣмъ со стороны республиканцевъ.

часть Трансильваніи. Потерпѣвъ пораженіе при Германштадтѣ, Бемъ скоро снова перешелъ въ наступленіе и разбилъ одинъ австрійскій корпусъ, бросившійся въ безпорядочномъ бѣгствѣ въ Буковину; Пухнеръ, обезумѣвъ отъ страха, призвалъ на помощь русскихъ, стоявшихъ въ Валахіи. Русскіе вступили въ Кронштадтъ и въ Германштадтъ въ количествѣ 6.000 человѣкъ. Вначалѣ Бемъ былъ вынужденъ отступить передъ значительнымъ перевѣсомъ силъ противника, но такъ какъ онъ всюду организовалъ возстаніе и вооружалъ народъ, то вскорѣ онъ снова перешелъ въ наступленіе. 11-го марта онъ взялъ обратно Германштадтъ и выгналъ затѣмъ какъ русскихъ, такъ и австрійцевъ черезъ Ротстурмскій горный проходъ въ Валахію. Въ концѣ марта австрійцы и русскіе были изгнаны изъ Трансильванской области; одна лишь незначительная крѣпость Карлсбургъ оставалась въ рукахъ австрійцевъ.

Внутри Венгріи мадьярскія войска подъ начальствомъ Гергея, Перчеля и Гюйона вначалѣ были разбиты огромными силами австрійцевъ, быстро созванное и плохо дисциплинированное ополченіе должно было сперва привыкнуть къ войнѣ. Въ составъ венгерскихъ войскъ входила прекрасная кавалерія, большинство гусары; артиллерія также была превосходной. Регулярная пѣхота была малочисленна, но тѣмъ многочисленнѣе были „гонведы“ или ополченцы. Даже „ципкосы“—степные пастухи табуновъ были организованы въ военный отрядъ. Вначалѣ ядро венгерскихъ силъ достигало лишь 58.000 человѣкъ съ 122 пушками, тогда какъ Виндишгрецъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи болѣе 110.000 человѣкъ; однако, силы венгерцевъ быстро росли.

Шликъ двинулся изъ Карпатъ, чтобы пробраться въ Дебречинъ, гдѣ находился венгерскій рейхстагъ и комитетъ національной обороны. При Токаѣ онъ былъ отброшенъ талантливымъ молодымъ Клапка, который собралъ въ этомъ мѣстѣ мадьяръ. Гергей подошелъ со своимъ корпусомъ со стороны Вайцена послѣ того, какъ неустрашимый Гюйонъ взялъ штурмомъ считавшееся неприступнымъ Браницкое ущелье. Онъ соединился съ Клапка и оба принудили Шлика къ отступленію отъ Кашау въ Пештъ, отступленію, скорѣе походившему на бѣгство. Австрійцы считали шедевромъ стратегіи это отступленіе черезъ горы, лишенныя тропинокъ, покрытыя снѣгомъ и льдомъ. Не будь распрей между венгерскими генералами, Шликъ былъ бы взятъ въ плѣнъ.

Главное командованіе надъ мадьярскими военными силами было поручено польскому генералу Дембинскому *), получившему свое военное образованіе въ школѣ Наполеона и, по примѣру другихъ польскихъ эмигрантовъ, предложившему свою шпагу венгерской революціи.

Гергей, бывшій раньше главнокомандующимъ, вызвалъ къ себѣ недовѣріе Кошута вышеупомянутымъ воззваніемъ „за короля Фердинанда I и монархію“. Когда же главное командованіе было передано

---

*) Дембинскій въ качествѣ польскаго революціоннаго генерала прославился въ 1831 г. своимъ отступленіемъ изъ Лифляндіи. Одно время онъ былъ диктаторомъ вмѣсто Скржинецкаго. Онъ хотѣлъ составить изъ Венгріи, Сербіи и Кроаціи оплотъ противъ Россіи. Благодаря всему этому, а также своему горячему нраву, онъ неоднократно попадалъ въ непріятныя исторіи. Кошутъ отдалъ ему предпочтеніе, и это не мало способствовало внутреннему раздраженію Гергея.

Дембинскому, Гергей почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своемъ самолюбіи. Онъ старался какъ могъ раздуть ссоры и распри, обвиняя Дембинскаго въ томъ, что онъ далъ ускользнуть Шлику.

Около этого времени Дембинскій рѣшилъ двинуться на Пештъ, предлагая для этой цѣли соединить отдѣльные корпуса венгерцевъ, стоящіе по близости отъ него. Виндишгрецъ также двинулся впередъ, и оба войска столкнулись 26 февраля, прежде чѣмъ Дембинскій успѣлъ стянуть всѣ силы венгерцевъ. Утверждали также, что Гергей съ намѣреніемъ явился слишкомъ поздно на мѣсто сраженія. Исходъ битвы при Каполнѣ въ первый день остался невыясненнымъ; но на второй день Шликъ, прибывшій послѣ очень утомительнаго перехода, энергично вмѣшался въ сраженіе, напавъ на правый флангъ Дембинскаго. Дембинскій былъ вынужденъ отступить. Виндишгрецъ же снова вернулся на свою главную квартиру въ Пештъ.

Битва при Каполнѣ, собственно говоря, не была пораженіемъ для венгерцевъ, такъ какъ она не измѣнила положенія вещей. Но Гергей воспользовался ею для интриги противъ Дембинскаго, которую ему значительно облегчило непріязненное отношеніе офицеровъ къ „чужестранцу“, польскому генералу. Нѣкоторые мадьярскіе полководцы понесли при вторженіи австрійцевъ въ Венгрію болѣе худшія пораженія, чѣмъ при Каполнѣ, тѣмъ не менѣе командиры корпусовъ, съ Гергеемъ во главѣ, объявили, что они не желаютъ больше служить подъ начальствомъ Дембинскаго, и послѣдній долженъ былъ отказаться отъ главнокомандованія. Кошутъ назначилъ на его мѣсто не Гергея, а Феттера.

Послѣ того, какъ храбрый сербскій генералъ Дамьяничъ разбилъ совершенно австрійцевъ при Сцолногѣ, Феттеръ собралъ главныя силы венгерцевъ на Тиссѣ и намѣревался уже выступить въ походъ противъ Виндишгреца, какъ вдругъ онъ заболѣлъ, и командованіе все-таки перешло къ Гергею.

Дальнѣйшія военныя операціи обнаружили не только военные таланты венгерскихъ генераловъ, но и неспособность Виндишгреца, продолжавшаго стоять около Пешта. Шликъ, продвинувшійся со своимъ отрядомъ далеко на востокъ, былъ разбитъ венгерцами подъ начальствомъ Пельта фонъ-Пельтенберга. Еллачичъ былъ также отброшенъ назадъ, и 6-го апрѣля венгерцы въ количествѣ 50.000 человѣкъ съ 182 пушками напали при Изасегѣ на Виндишгреца и его главную армію; благодаря тому, что венгерскій генералъ Аулихъ *) прибылъ во время на поле сраженія, австрійцы были отброшены къ стѣнамъ Пешта, при чемъ побѣдитель Праги и Вѣны выставилъ себя еще въ болѣе смѣшномъ видѣ, объяснивъ въ одномъ приказѣ своё походившее на бѣгство отступленіе тѣмъ, что онъ „п о д о ш е л ъ б л и ж е к ъ с в о и м ъ р е з е р в а м ъ“. Затѣмъ венгерцы рѣшили освободить осажденный австрійцами Коморнъ. Аулихъ остался передъ Пештомъ; Гергей же направился къ сѣверо-западу къ Вайцену, который и былъ взятъ штурмомъ смѣлымъ Дамьяничемъ, при чемъ былъ убитъ австрійскій военачальникъ, генералъ Гецъ. При Наги Сарло Гергей столкнулся съ австрійскимъ генераломъ Вольгемутомъ, стоявшимъ съ 20.000 сол-

*) Прозванный „военнымъ бульдогомъ“ за свой стремительный натискъ.

дать въ сильно укрѣпленной позиціи. Опьяненные побѣдами, венгерцы бросились на австрійцевъ и, послѣ 12-ти часовой кровавой битвы, нанесли имъ страшное пораженіе. Остатки разбитаго Вольгемутовскаго войска разсѣялись въ дикомъ бѣгствѣ до самой Вааги. Тогда только высшія сферы увидѣли себя вынужденными смѣстить неспособнаго Виндишгреца, какъ это ни удручало камарилью. Его мѣсто заступилъ генералъ Вельденъ; однако и онъ, имѣя съ тылу Гергея, не могъ ничего достигнуть и началъ отступленіе, оставивъ генерала Генци съ 4000 чел. въ Офенской крѣпости. Еллачичъ, всемірно доказавшій такъ же, какъ и Виндишгрецъ, свою неспособность, отступилъ къ югу. Между тѣмъ тамъ тоже одерживалъ побѣды предводитель мадьярскихъ волонтеровъ, Морицъ Перчель, освободившій осажденный Петервардейнъ. На югѣ Еллачичъ находился въ безпомощномъ бездѣйствіи передъ тамошними крѣпостями. 24-го апрѣля Аулихъ съ тріумфомъ вступилъ въ Пештъ, а 22-го венгерцы появились передъ Коморномъ, освободили его и прогнали до самой границы находившіеся тамъ остатки австрійской арміи. Вѣрный Коморнъ встрѣтилъ венгерцевъ съ бурнымъ восторгомъ *). Послѣ такихъ блестящихъ побѣдъ гордость и надежды горячихъ мадьяръ безгранично росли. Дѣйствительно, въ военной исторіи трудно отыскать такія блестящія страницы. „Послѣ отступленія по всѣмъ направленіямъ, продолжавшагося цѣлыя недѣли,—пишетъ одинъ знаменитый венгерецъ, — послѣ отступленія, которое способно было обезкуражить и деморализировать самое дисциплинированное войско, венгерская армія внезапно обращается противъ преслѣдующаго ее непріятеля, побѣждаетъ его во всѣхъ сраженіяхъ и побѣдоносно гонитъ его по той дорогѣ, по которой она сама еще не такъ давно отступала“.

Увидавъ пораженіе австрійцевъ, Кошутъ принялъ быстрое рѣшеніе. Онъ, который былъ провозглашенъ государственнымъ измѣнникомъ, онъ понялъ, что борьба идетъ на жизнь и смерть. Маска лойяльности по отношенію къ конституціонному государю Фердинанду, которую венгерцы носили до сихъ поръ, теперь была уже излишней, тѣмъ болѣе, что австрійская конституція отъ 4-го марта означала уничтоженіе самостоятельности Венгріи. Да и безъ того было совершенно безсмысленно опираться на отрекшагося отъ престола Фердинанда. Радикальное теченіе въ венгерскомъ ретхстагѣ всегда презрительно относилось къ идеѣ „законнаго сопротивленія“ и было совершенно право. Мы уже видѣли, какъ эта иллюзія „законнаго сопротивленія“ парализовала венгерцевъ, когда вопросъ шелъ о томъ, чтобы освободить отъ Виндишгреца осажденную Вѣну. Теперь только прекратилась комедія лойяльности. Зажигательное краснорѣчіе Кошута увлекло рейхстагъ, и 14 апрѣля послѣдній постановилъ въ Дебречинѣ, что Венгрія съ принадлежащими ей областями образуетъ собственное, независимое государство, отъ владычества надъ которымъ Лотарингскій домъ навѣки устраняется.

---

*) Морицъ Гартманъ такъ воспѣлъ Коморнъ: „Комморнъ — Комм'мор'н, Коммъ моргенъ! Знаете ли вы, откуда пошло имя этого славнаго города? Онъ кричалъ каждому врагу, который надѣялся его уже сегодня имѣть въ своихъ рукахъ: „Коммъ моргенъ! Коммъ моргенъ“! (Коммъ моргенъ въ переводѣ значитъ: „приди завтра“).

**) Генералъ Клапка въ своихъ мемуарахъ.

До установленія окончательнаго образа правленія, страной долженъ былъ управлять губернаторъ съ помощью министерства. Этимъ губернаторомъ, разумѣется, былъ избранъ Людвигъ Кошутъ, и онъ немедленно назначилъ министерство изъ слѣдующихъ лицъ: Семере (президентъ и министръ внутреннихъ дѣлъ); графъ Казиміръ Баттіани (министръ иностранныхъ дѣлъ); Чаній (путей сообщенія); Душекъ (финансы): Гергей (военное министерство); епископъ Хорватъ (народное просвѣщеніе) и Буковичъ (юстиція).

Такимъ образомъ, Венгрія была временно преобразована въ республику, при чемъ, однако, можно съ увѣренностью сказать, что если бы венгерцамъ самимъ было предоставлено право установить окончательную форму правленія, то они обратились бы къ конституціонной монархіи. Кошутъ не былъ республиканцемъ.

Смѣшно считать утвержденія реакціонныхъ историковъ, будто это постановленіе рейхстага внесло въ Венгрію полную сумятицу въ понятіи о законности и лишило страну симпатій иностранныхъ государствъ. „Правовое сознаніе" всякаго мыслящаго человѣка было оскорблено тѣмъ, что Австрія хотѣла съ оружіемъ въ рукахъ вырвать у венгерцевъ вольности и конституцію, которыя въ мартѣ были дарованы законнымъ путемъ. „Правовая почва", на которой венгерцы стояли до 14-го апрѣля, не спасла бы отъ руки палача тѣхъ жертвъ, которыя впослѣдствіи потребовала австрійская мстительность. Иностранныя державы такъ или иначе, съ законной почвой или безъ оной, не ударили бы пальцемъ о палецъ ради венгерцевъ.

Однако, въ этотъ моментъ венгерцы держали въ своихъ собственныхъ рукахъ судьбы своей страны и имѣли даже возможность, если бы они хотѣли, подвинуть впередъ, ставшее почти безнадежнымъ, дѣло преобразованія Германіи. Такой ходъ вещей показался бы всему міру вполнѣ естественнымъ и всѣ ожидали отъ такого государственнаго дѣятеля, какъ Кошутъ и отъ такого генерала, какъ Гергей, что они сумѣютъ быстро использовать невѣроятно благопріятное положеніе, создавшееся вслѣдствіе венгерскихъ побѣдъ.

Ольмюцская камарилья буквально оцѣпенѣла отъ растерянности, видя, какъ ея неспособные генералы, одинъ за другимъ, бѣгутъ изъ Венгріи. У нея не оставалось надежды на побѣду надъ венгерцами, ибо не могла она вызвать войска, стоявшія въ Италіи; она отлично понимала, что съ уходомъ Радецкаго республиканское движеніе снова овладѣетъ Римомъ. Правда, дворъ легко могъ бы сговориться съ военной партіей, предводительствуемой Гергеемъ, если бы только онъ отказался отъ идеи единаго государства. Но онъ этого не сдѣлалъ и камарилья прибѣгла къ неслыханному средству: она призвала въ страну варварскія русскія орды исключительно потому, что венгерцы не хотѣли отказаться отъ своей законной конституціи. Священный союзъ, снова возродившійся на развалинахъ мартовскихъ свободъ, еще разъ сыгралъ свою роль. Россія, войска которой, какъ мы видѣли, уже не разъ вмѣшивались въ борьбу въ Трансильваніи, дала согласіе камарильѣ, когда послѣдняя бросилась въ ея объятія. 2-го мая былъ заключенъ договоръ, по которому Россія должна была двинуть въ Венгрію армію, а 21-го молодой австрійскій государь встрѣтился съ царемъ Николаемъ въ Варшавѣ, гдѣ они выработали планъ кампаніи.

Николай I уже 21 апрѣля разослалъ своимъ представителямъ за гра-
ницей циркуляръ, въ которомъ указывалъ, что, подавая помощь Австріи,
онъ поступаетъ съ цѣлью обороны, а не нападенія, а также имѣетъ
въ виду обезопасить русскія границы отъ революціоннаго движенія.
Вообще, Россія держала себя въ высшей степени высокомѣрно, и
камарилья должна была вынести цѣлый рядъ униженій, пока доби-
лась заключенія договора *). Военныя операціи русскихъ могли
начаться только въ іюнѣ, такъ какъ послѣднимъ нуженъ былъ весь
май, чтобы подготовиться къ походу. До тѣхъ поръ венгерцы имѣли
возможность все выиграть. На разстояніи нѣсколькихъ быстрыхъ
переходовъ отъ нихъ находилась безъ всякой защиты могучая Вѣна,
сердце Австріи, обитатели которой, пылая новымъ революціоннымъ
огнемъ, приняли бы венгерцевъ съ распростертыми объятіями. Здѣсь
венгерцы быстро взяли бы свою игру. „Вѣна", говоритъ Клапка, „была
въ стратегическомъ и политическомъ отношеніи важнѣйшимъ пунктомъ,
занятіе котораго открывало намъ самые богатые источники силъ для
продолженія священной войны, и нанесло бы окончательный ударъ
нашимъ поработителямъ. Дѣйствительно, занятіе Вѣны имѣло бы огром-
ныя послѣдствія. Убывавшее нѣмецкое народное движеніе получило
бы новый толчокъ; въ Италіи оно также отразилось бы; камарилья
была бы вынуждена двинуть русскихъ противъ Вѣны. Все это могло
имѣть самые неожиданные результаты и возникла бы борьба, исходъ
которой трудно было бы предугадать.

При чемъ, если бы великая Вѣна была освобождена отъ гнета
черно-желтыхъ поработителей, то шансы венгерцевъ были бы гораздо
значительнѣе, чѣмъ шансы австрійцевъ. Никакихъ колебаній не должно
было быть, имѣя дѣло съ правительствомъ, которое осмѣливалось
призывать въ страну казаковъ, чтобы добиться крушенія законной
конституціи. И, однако, Гергей, отъ котораго все зависѣло, чувство-
валъ въ такую значительную минуту колебанія и сомнѣнія. Этотъ
человѣкъ былъ, прежде всего, честолюбивъ и властолюбивъ; идеаловъ
у него не было. Кромѣ того, онъ, принимавшій столь быстрыя и смѣ-
лыя рѣшенія въ пылу сраженія, становился до нѣкоторой степени
нерѣшительнымъ и вялымъ послѣ побѣды. Конфликтъ между нимъ и
Кошутомъ былъ неминуемъ и быстро назрѣвалъ въ эти дни; честолю-
бивый солдатъ не хотѣлъ принимать никакихъ указаній отъ гра-
жданскаго губернатора. Кромѣ того, онъ ненавидѣлъ все, что было или
казалось демократическимъ или республиканскимъ. Быть можетъ,
планъ похода на Вѣну казался ему слишкомъ грандіознымъ; быть
можетъ онъ хотѣлъ окружить свое имя большимъ ореоломъ въ гла-
захъ мадьяръ — націоналистовъ, если обратно завоюетъ Офенъ, ста-

---

*) Въ одной изъ австрійскихъ газетъ въ началѣ мая появилась офи-
ціозная статья гласившая, что венгерское возстаніе приняло „характеръ
коалиціи всѣхъ силъ европейской революціонной партіи"
и всѣ государства заинтересованы въ томъ, чтобы поддержать австрійское
правительство въ его борьбѣ противъ происходившаго въ Венгріи „разло-
женія общественнаго строя". Какъ видно, языкъ реакціонеровъ
всегда одинаково нагдъ и лживъ, даже когда казаки „возстановляютъ обще-
ственный порядокъ"

рую столицу страны. Военнаго значенія это завоеваніе не имѣло бы никакого; небольшой военный отрядъ могъ свободно обезвредить гарнизонъ. Тѣмъ не менѣе, проведя въ бездѣйствіи нѣсколько дней въ Коморнѣ, Гергей выступилъ 29-го апрѣля противъ Офена и оставилъ лишь одинъ корпусъ подъ начальствомъ Пельтенберга для наблюденія за австрійцами. Рѣшительный и столь благопріятный моментъ былъ навсегда упущенъ; австрійцы получили возможность вновь собрать свои силы, и Вѣна не была освобождена.

Въ эти дни Кошутъ проявилъ почти нечеловѣческую дѣятельность. Ему приходилось не только управлять всѣми правительственными и административными дѣлами, требовавшими высшаго напряженія, но онъ еще лично обсуждалъ съ генералами стратегическіе планы и вопросы о вооруженіи; сверхъ всего этого онъ разъѣзжалъ по всей странѣ и призывалъ народъ къ оружію *). Это угрожало его здоровью, но онъ выдержалъ до конца. Подъ вліяніемъ его пылкаго могучаго краснорѣчія тысячи людей стекались подъ знамена съ воодушевленіемъ и готовностью умереть.

Гергея Кошутъ призвалъ въ военное министерство; этимъ путемъ онъ надѣялся сократить независимость генерала и подчинить его вліянію всего правительства. Однако, Гергей сумѣлъ остаться при арміи, назначая на свое мѣсто замѣстителей; ему удавалось постоянно сконцентрировать столько власти въ своихъ рукахъ, чтобы препятствовать выполненію приказаній и плановъ правительства. 20-го мая послѣднее обратилось съ рѣзкимъ циркуляромъ къ генераламъ, дѣйствовавшимъ постоянно на свой страхъ и рискъ (это дѣлали и Бемъ и Перчель). Но этотъ циркуляръ не имѣлъ никакихъ результатовъ и вызвалъ лишь недовольство. Антагонизмъ между Кошутомъ и Гергеемъ возросталъ угрожающимъ образомъ. Слава Гергея ослѣпляла офицеровъ, солдатъ и народъ, а тѣ немногіе офицеры, которые были искренно преданы правительству, не могли бороться съ вліяніемъ генерала **). Кошутъ былъ сильно возмущенъ походомъ Гергея противъ Офена. „Я боюсь“, говорилъ онъ Клапкѣ, „что мы потеряемъ передъ Офеномъ драгоцѣнное время, погибнемъ изъ-за этого“. Въ дѣйствительности такъ и случилось.

Многіе предполагаютъ, что съ отступленіемъ отъ Коморна къ Пешту и отказомъ отъ вторженія въ Австрію началась измѣна Гергея. Ниже мы займемся изслѣдованіемъ вопроса о томъ, насколько поведеніе Гергея можетъ быть названо предательствомъ. Пока мы можемъ утверждать, что поведеніе Гергея съ самаго начала является въ невыгодномъ свѣтѣ. Если объявленіе независимости и правленіе Кошута были до такой степени невыносимыми для него, если онъ дѣйствительно хотѣлъ сражаться только за „конституціоннаго“ короля Фер-

---

*) Морицъ Гартманъ пѣлъ про него: „Никто не умѣлъ такъ говорить— ни Капистремъ, ни ирландецъ Дошъ, какъ этотъ бѣдный человѣкъ, измученный по казематамъ. Онъ былъ тѣмъ пророкомъ, про котораго сказано въ писаніи: изъ его устъ выходитъ мечъ“!

**) Большинство изъ нихъ были республиканцы, какъ напр., молодой, пылкій Клапка, храбрый Наги Сандоръ и рѣшительный Аулихъ.

динанда, то у него оставались два способа сохранить незапятнанной свою репутацію: или сложить съ себя командованіе и удалиться съ арены, или подчиниться правительству изъ любви къ народу и въ сознаніи, что Венгрія можетъ быть спасена лишь единодушіемъ, а раздоры будутъ ея гибелью. Но при всѣхъ своихъ крупныхъ талантахъ этотъ человѣкъ обладалъ мелочной душой; онъ былъ полонъ не воодушевленія, а честолюбія, и, такимъ образомъ, на мѣсто единодушной согласованной дѣятельности правительства и войска стали интриги и казни. И въ этомъ, главнымъ образомъ, виноватъ Гергей.

Реакція въ Пруссіи.

„Мы этого никогда не скрывали", писала 10 декабря 1848 г. „Новая Рейнская Газета", главнымъ редакторомъ которой былъ Карлъ Марксъ; „почва, на которой мы стоимъ, не правовая почва, а революціонная. Въ настоящее время правительство также отбросило лицемѣрную маску „правовой почвы"; оно стало на революціонную, ибо контръ-революціонная почва также революціонна".

Въ вопросѣ объ отказѣ отъ уплаты налоговъ соціалистическая газета выказала больше энергіи, чѣмъ всѣ остальныя. Въ ноябрѣ и декабрѣ ежедневно въ ея заголовкѣ было напечатано требованіе: „Долой налоги!" Въ блестящихъ статьяхъ газета доказывала, что согласно понятіямъ самой конституціонной и либеральной буржуазіи отказъ отъ уплаты налоговъ „законенъ", а требованіе уплаты ихъ— „противозаконно". Но, въ то время, какъ рейнская газета прямолинейно и открыто писала, что вопросъ объ отказѣ отъ уплаты налоговъ есть вопросъ силы, авторы пресловутаго постановленія, Шульце-Деличъ и компанія, спокойно взирали на событія, опираясь на свое знаменитое „пассивное сопротивленіе". Народъ, разумѣется, не могъ придерживаться „пассивнаго сопротивленія" при случаяхъ отказа отъ уплаты налоговъ; происходили столкновенія, драки со сборщиками и, въ концѣ концовъ, во многихъ мѣстностяхъ вмѣшалась вооруженная сила, такъ что сборъ налоговъ происходилъ подъ охраной штыковъ. Было возбуждено много судебныхъ преслѣдованій и процессы, возникавшіе по этому поводу, рисовали печальную картину политическаго фанатизма, укоренившагося въ демократіи. Прусская юстиція тѣмъ болѣе унизила себя въ этихъ процессахъ, что было очень трудно ясно обосновать составъ преступленій въ фактахъ отказа отъ уплаты налоговъ. Принципъ соглашенія, на который, какъ извѣстно, опиралась распущенная палата, внесъ большую путаницу въ юридическія понятія по данному вопросу и потому часто выносились разнорѣчивые приговоры *).

---

*) Шульце-Деличъ и еще 41 депутатъ палаты соглашенія, между ними Лотаръ Бухеръ, предстали 8 апрѣля 1850 г. передъ берлинскими присяжными, за прокламаціи противъ уплаты налоговъ, посланныя ими своимъ избирателямъ. Всѣ они были оправданы, за исключеніемъ Лотара Бухера, приговорен-

Въ то время какъ Берлинъ находился подъ гнетомъ осаднаго положенія, и на очереди дня тамъ стояли высылки и аресты, правительство издало новое судебное уложеніе, и приготовилось приступить къ опытамъ съ дарованной 5-го декабря конституціей, о которой король писалъ Бунзену, что она причиняетъ ему „нѣкоторое разстройство желудка". Дѣйствительно, исходъ выборовъ во вторую палату былъ таковъ, что дворъ имѣлъ мало причинъ радоваться. Демократія была въ ней такъ сильно представлена, что могла, казалось, состязаться съ конституціоналистами и аристократами, и всѣ голосованія постоянно обнаруживали незначительное большинство то въ ту, то въ другую сторону.

Народное представительство на самомъ дѣлѣ не было свободнымъ при наличности осаднаго положенія и военной диктатуры Врангеля, но въ то время какъ первая палата, какъ и слѣдовало ожидать въ виду ея состава, безпрекословно повиновалась правительству, вторая рѣшила оказать энергичное сопротивленіе. Дарованная королемъ конституція была признана обѣими палатами, но пока что вторая палата не соглашалась на ея пересмотръ, которому правительство придавало огромное значеніе. Но именно этотъ пересмотръ составлялъ основу внутренней политики Мантейфеля, ибо, при помощи его, онъ надѣялся отбросить изъ мартовскихъ завоеваній тѣ, которыя казались ему неудобными. Конфликты между второй палатой и правительствомъ были неизбѣжны и ихъ ускорилъ было нѣмецкій вопросъ, въ которомъ вторая палата рѣшительно стала на точку зрѣнія франкфуртскаго парламента. Несмотря на то, что король относился отрицательно къ франкфуртской конституціи, Родбертусу удалось 21-го апрѣля провести во второй палатѣ постановленіе, согласно которому 175 голосами противъ 159 франкфуртская конституція признавалась законной и подлежала измѣненіямъ лишь тѣмъ путемъ, который она сама указывала. Этимъ воспользовалось прусское юнкерство и снова подняло крикъ противъ короля за провозглашенный имъ въ мартовскіе дни принципъ, что Пруссія должна раствориться въ Германіи, и господинъ фонъ-Клейстъ-Рецовъ воскликнулъ, что онъ дастъ разорвать себя на куски, прежде чѣмъ заставятъ его голосовать за франкфуртскую конституцію. Г. фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ также говорилъ противъ франкфуртской конституціи; рѣчь его, казалось, была составлена изъ передовицъ „Крестовой Газеты". Г. фонъ-Мантейфель выразилъ мнѣніе, что Германія уже въ теченіе 6 столѣтій разлагается, тогда какъ Пруссія постоянно растетъ за послѣднія четыреста лѣтъ. Какъ видно, старопрусское юнкерство нисколько не скрывало своей антипатіи къ идеѣ единой Германіи; въ настоящее же время она вынуждена надѣвать мантію „національзма".

наго за призывъ къ возстанію къ 15-ти мѣсяцамъ заключенія въ крѣпости и лишенію права носить національную кокарду. Онъ бѣжалъ въ Англію, откуда вернулся послѣ амнистіи. Послѣ кратковременнаго соціалистическаго интермеццо, во время котораго онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Лассалемъ, онъ счелъ за благо присоединиться къ правительству. Прежде даже Лассаль не былъ достаточно радикаленъ для него; Бухеръ предостерегалъ его, что онъ своими производительными ассоціаціями превратитъ рабочихъ въ „новыхъ буржуа". Самъ же онъ впослѣдствіи сдѣлался составителемъ бисмарковскихъ государственныхъ произведеній.

Затѣмъ палата старалась устранить осадное положеніе въ Берлинѣ и постановила, что введеніе осаднаго положенія безъ ея согласія незаконно, что этого согласія она дать не можетъ, а потому министерство приглашается снять осадное положеніе. Г. Лотаръ Бухеръ былъ референтомъ назначенной по этому вопросу комиссіи, а упомянутыя предложенія были внесены господиномъ фонъ-Унру. Въ отвѣтъ на это г. фонъ-Мантейфель прочелъ докладъ полный ужасовъ, описалъ „маіорскую ночь", когда произносились такія ужасающія рѣчи, что волосы становились дыбомъ; прочиталъ какое-то воззваніе, подписанное нѣкимъ „Вуллепвеберомъ", въ которомъ оцѣнивались головы князей; разсказалъ о семи „свинцовыхъ ручныхъ гранатахъ", найденныхъ у сапожника Гецеля и переданныхъ ему депутатомъ д'Эстеромъ для основанія соціалъ-демократической республики и въ концѣ концовъ вызывалъ красный призракъ, чтобы оправдать осадное положеніе. На всѣ эти ужасы, составленные по полицейскимъ источникамъ, палата отвѣтила насмѣшками и утвердила предложенія, внесенныя г. фонъ-Унру *). Министерство „спасенія" не нашло иного способа выйти изъ затрудненія, какъ распустить вторую палату, отсрочивъ засѣданія первой. Распущеніе было просто мотивировано тѣмъ, что палата превысила свои полномочія. Точно также мотивировалось распущеніе ганноверской второй палаты, послѣдовавшее 26-го апрѣля. Распущеніе второй палаты вызвало въ Берлинѣ страшное возбужденіе. Народъ толпами стекался на Денгофской площади, и произошли столкновенія съ войсками. Были сдѣланы попытки построить баррикады. Войска дали залпъ и нѣсколько человѣкъ изъ народа, среди нихъ одна женщина, были убиты. Послѣ этого толпа разсѣялась. Такимъ образомъ, къ перевороту въ парламентѣ, направленному министерствомъ противъ демократіи, присоединилась вооруженная сила, и пролитая кровь достаточно ярко иллюстрировала „осадное положеніе". „Демократы", писала одна очень радикальная газета **), „радуются, какъ будто они одержали побѣду; теперь, думаютъ они, у многихъ откроются глаза". Дѣйствительно, у народа открылись глаза; онъ понялъ, что реакція сдѣлалась всемогущей, а демократія побѣждена.

Въ то время какъ прусское правительство желѣзнымъ кулакомъ отвѣчало на „пассивное сопротивленіе" демократіи и при малѣйшемъ стеченіи толпы направляло на нее храбраго Врангеля, оно покорно преклоняло голову передъ другой силой, пренебрегать которой было не такъ легко, какъ беззащитной демократіей. Мы имѣемъ въ виду Россійскую имперію. Русская дипломатія, какъ всегда, вмѣшивалась въ дѣла всей Европы, и царь не мало укрѣплялся въ сознаніи силы и значеніи самодержавія. Отъ увѣренности, что рано или поздно Россія явится послѣдней опорой для реакціи въ Германіи и въ Австріи, если

---

*) Унру и Бухеръ, энергично выступившіе противъ „большого осаднаго положенія, нашли вполнѣ умѣстнымъ „малое" осадное положеніе, объявленное подъ соціалдемократіей. Въ одной консервативной брошюркѣ, появившейся въ 48 г. въ Берлинѣ, мы находимъ указанія, какъ Бухеръ держалъ себя въ то время. „Онъ утверждалъ", гласитъ эта брошюра, „что принципъ частной собственности является анахронизмомъ".

**) „Новая Нѣмецкая Газета" въ Дармштадтѣ подъ редакціей доктора Люнинга.

имъ не удастся самимъ побѣдить демократію. Ольмюцская камарилья съ эрцгерцогиней Софіей во главѣ съ мольбами о помощи бросилась къ ногамъ царя и, подобно тому, какъ онъ унизилъ Австрію, оказавъ содѣйствіе при подавленіи побѣдоносныхъ венгерцевъ, такъ точно и теперь царь унизилъ Пруссію, укрывшись за Даніей и натравивъ ее на Пруссію въ Шлезвигъ-Голштиніи, при чемъ русская дипломатія парализовала сопротивленіе Пруссіи противъ Даніи. Происходило почти то же самое, что и въ 1803 г., когда французы и русскіе разрѣзали карту Германіи, а затѣмъ по своему усмотрѣнію снова сложили вмѣстѣ отдѣльныя земли, какъ разноцвѣтныя тряпки. Несмотря на свою грубую расправу съ демократіей, ни министерство Шварценберга, ни министерство Мантейфеля не имѣютъ основанія гордиться своей ролью по отношенію къ иностраннымъ державамъ.

Россія и Англія были одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы не дать Германіи возможности вырасти въ новую великую державу. Хотя они и видѣли, что попытка создать эту державу уже потерпѣла крушеніе, хотя безсильная центральная власть представляла собой лишь жалкую каррикатуру на великую державу, тѣмъ не менѣе Россія и Англія рѣшили подвергнуть Пруссію еще большему униженію, такъ какъ въ лицѣ Пруссіи они думали унизить самую Германію. Нѣмцы-патріоты это такъ и поняли, хотя, какъ мы уже видѣли, прусское юнкерство, господствовавшее тогда въ Пруссіи, отнюдь не питало „нѣмецкихъ“ симпатій и не старалось этого скрыть. Пруссія охотно выпуталась бы изъ сѣтей, которыя разставляли ей Англія и Россія. Къ несчастію, въ области дипломатіи англичане и русскіе были всегда мастерами и неудивительно, что они сумѣли и теперь нанести Пруссіи одно униженіе за другимъ. Если когда-либо у прусскихъ государственныхъ дѣятелей была основательно отбита охота играть роль представителей великой державы, то это произошло въ данномъ случаѣ и, конечно, въ ущербъ доброму имени Германіи.

Пруссіи очень хотѣлось превратить перемиріе съ Даніей въ постоянный миръ и въ этомъ смыслѣ она и вела переговоры съ Лондономъ. Россія обѣщала Даніи свою поддержку, а Англія дала послѣдней 300.000 фунтовъ стерлинговъ *). Послѣ этого Данія вела себя въ высшей степени вызывающе и объявила Пруссіи, что перемиріе можетъ быть продлено лишь въ томъ случаѣ, если объ этомъ будетъ заявлено за мѣсяцъ до срока. Россія поддержала Данію энергичной нотой, отправленной въ Берлинъ. Тогда датчане еще болѣе повысили свои требованія; они потребовали очищенія острова Аменъ и занятія его датскими войсками; кромѣ того занятія Ренденбурга шведами и поддержки Пруссіи для подавленія Шлезвигъ-Голштинскаго возстанія.

Шагъ за шагомъ отступала Пруссія передъ Даніей, пока, наконецъ, датчане не переступили всякихъ границъ и Пруссія была вынуждена прервать переговоры. Перемирію наступалъ конецъ, и Пруссія совершенно безцѣльно обнаружила передъ маленькой Даніей всевозможныя свои слабыя стороны.

Одновременно съ перемиріемъ кончились и полномочія общаго

---

*) Мы слѣдуемъ указаніямъ графа А. Ф. Болиссена въ его „исторіи Шлезвигъ-Голштинской войны.“

правительства, имѣвшія силу лишь на время перемирія. Германская центральная власть во Франкфуртѣ назначила затѣмъ намѣстничество, состоявшее изъ трехъ лицъ Безелера, фонъ-Ревентлова и фонъ-Гарбу, которое должно было взять бразды правленія отъ имени центральной власти. Шлезвигъ-голштинское національное собраніе дало свое согласіе на это назначеніе.

Срокъ перемирія истекалъ 3-го апрѣля, и датчане немедленно начали нападеніе. Ихъ силы простирались до 30.000 человѣкъ; въ герцогствахъ находилось шлезвигъ-голштинское войско въ 20.000 подъ начальствомъ генерала фонъ-Бонина съ большимъ числомъ прусскихъ офицеровъ; кромѣ того, у пруссаковъ имѣлось 45.000 имперскихъ войскъ, стянутыхъ изъ многихъ нѣмецкихъ странъ, подъ начальствомъ генерала фонъ-Притвица *).

Датчане полагались на своихъ могучихъ союзниковъ, зная, что тѣ, въ случаѣ необходимости, сумѣютъ снова парализовать дѣйствія имперскихъ войскъ; казалось, они не боялись численнаго перевѣса противника. Кромѣ того большую услугу оказало имъ то обстоятельство, что море освободилось отъ льда, и они могли такимъ образомъ, пустить въ дѣло свой флотъ. 3-го апрѣля они съ двухъ сторонъ напали на Шлезвигъ, но встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны Шлезвигъ-Голштинской арміи и рѣшили сдѣлать со своимъ флотомъ неожиданное нападеніе съ тылу шлезвигъ-голштинцевъ и имперскихъ войскъ и, такимъ образомъ, вынудить ихъ къ наступленію. 5-го апрѣля датскій капитанъ Палуданъ напалъ на Экернферде со своей эскадрой, состоящей изъ могучаго линейнаго корабля „Христіанъ VIII“, фрегата „Гефіонъ“ и двухъ пароходовъ. Вѣтеръ былъ благопріятный. „Христіанъ VIII“ и „Гефіонъ“ были парусныя суда, и эскадра вошла въ экерндорфскую бухту. Крѣпость была защищена двумя шанцами, въ которыхъ находились двѣ береговыя батареи: одна подъ командой капитана Юнгмана, другая подъ начальствомъ унтеръ-офицера Прейссера. Датскіе корабли немедленно начали ужасную канонаду, на которую береговыя батареи энергично отвѣчали тѣмъ же. Къ мѣсту сраженія подоспѣла нассауская батарея и также вступила въ бой, исходъ котораго, вѣроятно, былъ бы неблагопріятенъ для береговыхъ батарей, защищенныхъ лишь двумя баталіонами, если бы перемѣнившійся внезапно въ неблагопріятную сторону вѣтеръ не парализовалъ дѣйствій безпомощныхъ парусныхъ судовъ. Онъ загналъ ихъ далеко въ бухту; въ результатѣ „Христіанъ VIII“ попалъ на мель, а „Гефіонъ“ потерпѣлъ сильныя аваріи отъ огня береговыхъ батарей; пароходы тщетно пытались увезти на буксирѣ оба колосса изъ сферы огня. Линейный корабль загорѣлся, и въ концѣ концовъ, Палуданъ былъ вынужденъ спустить паруса. Оба парохода успѣли спастись. Экипажи „Христіана VIII“ и „Гефіона“ сдались въ плѣнъ. Горѣвшій корабль былъ переполненъ ранеными; шлезвигъ-голштинцы отправились ихъ спасать, но едва они переступили бортъ корабля, какъ онъ съ страшнымъ гро-

*) Тотъ самый который 18-го марта 1848 г. велъ атаку противъ баррикадъ. Теперь же онъ клятвенно обѣщался передъ имперскимъ министромъ генераломъ ф.-Гагерномъ „одnимъ ударомъ уничтожить непріятельскую армію, хотя бы пришлось приставить штыкъ къ груди“. См. Бодиссенъ, стр. 350.

хотомъ взлетѣлъ на воздухъ, а вмѣстѣ съ нимъ и храбрый унтеръ-офицеръ Прейссеръ, командовавшій огнемъ изъ батарей. Этимъ счастливымъ исходомъ сраженія шлезвигъ-голштинцы были обязаны, главнымъ образомъ, стихіямъ. Конечно, нельзя отрицать храбрости защитниковъ Экернфердской бухты; но крики тріумфа, раздавшіеся въ Германіи въ связи съ этимъ событіемъ, все же были преувеличены; филистеры говорили, пѣли и пили въ дикомъ восторгѣ, который былъ возможенъ только въ данномъ случаѣ съ Шлезвигъ-Голштейномъ „моремъ окруженнымъ", такъ какъ тамъ не сражались за тѣ свободы, которыя составляли первоначальную цѣль германскаго движенія. Генералъ Притвицъ медленно двигался впередъ и, казалось, не чувствовалъ особеннаго желанія приставить датчанамъ „штыкъ къ груди". Нѣкоторые передовые отряды имперскихъ войскъ были разбиты; но 13-го апрѣля баварцы и саксонцы штурмомъ взяли Дюппельскія укрѣпленія. Датчане были отброшены въ Альсенъ, а Дюппельскія укрѣпленія остались за имперскими войсками, несмотря на всѣ попытки ихъ отбить. Шлезвигъ-голштинцы двинулись впередъ и 20-го апрѣля взяли приступомъ Колдингъ. 21-го апрѣля датчане явились съ значительнымъ перевѣсомъ силъ, чтобы взять Колдингъ обратно. Битва была ожесточенной и кровавой; однако, шлезвигъ-голштинцы не только удержали за собой Колдингъ, но и принудили датчанъ къ отступленію. Генералъ Притвицъ генералу Бонину приказалъ не слишкомъ продвигаться впередъ и самъ, согласно велѣніямъ прусской дипломатіи, игравшей до сихъ поръ роль кунктатора *), наконецъ, приблизился и перешелъ границу Ютландіи. Между генералами и намѣстничествомъ происходили странныя сцены, изъ которыхъ было очевидно, что самому генералу приказанія, полученныя имъ изъ Берлина, были въ высшей степени непонятны.

Въ то время какъ Бонинъ побилъ датчанъ при Гудзоэ, Притвицъ отбросилъ ихъ въ сраженіи при Вейле. Датчане такъ стремительно отступили въ Фридерицію, что это отступленіе походило скорѣе на бѣгство.

Однако, русская дипломатія, которая вела до извѣстной степени прусскую на своихъ помочахъ, позаботилась о томъ, чтобы радость Германіи по поводу этихъ успѣховъ не проявилась слишкомъ громко. Правительства дѣлали видъ, будто побѣды шлезвигъ-голштинцевъ причиняютъ имъ много горя. Между тѣмъ какъ Бонинъ готовился приступить къ осадѣ Фридериціи, Пруссія вступила въ новые переговоры съ датчанами, и послѣдніе опять повысили свои требованія. Пруссія объявила ихъ пріемлемыми и въ результатѣ эти требованія еще болѣе увеличились **)

Во всемъ этомъ дѣлѣ центральная власть играла жалкую роль, ибо Пруссія взяла въ свои руки весь шлезвигъ-голштинскій вопросъ

*) Бодессенъ увѣряетъ что въ 44 дня генералъ прошелъ всего 21 милю.

**) Въ „Крестовой Газетѣ" мы находимъ мнѣнія прусскихъ юнкеровъ относительно шлезвигъ-голштинскаго вопроса. Газета писала, что она не теряетъ надежды, что Пруссія предохранитъ себя отъ позора „и впредь идти на буксирѣ у революціи".—Подъ именемъ „революціи" имѣлось въ виду, конечно, шлезвигъ-голштинское возстаніе.

и мало или вовсе не обращала вниманія на правителя имперіи, его министровъ и комиссаровъ. Послѣ того, какъ прусскій король отказался отъ предложенной ему національнымъ собраніемъ императорской короны, отношенія Пруссіи къ центральной власти измѣнились сообразно съ этимъ. Однако, прежде чѣмъ переговоры пришли къ какому-либо результату, недостатокъ въ провіантѣ заставилъ генерала Притвица занять Аргуусъ. Это произошло 21 іюня. Между тѣмъ какъ Притвицъ неподвижно стоялъ со своими войсками вокругъ Аргууса, шлезвигъ-голштинцы совершенно безполезно осаждали Фридерицію, которая не могла быть окружена безъ помощи флота. Датчане втихомолку получали подкрѣпленія съ моря, и энергичный генералъ Ріе, командовавшій крѣпостью, въ ночь на 6-ое іюня бросился на осаждающихъ. Шлезвигъ-голштинцы въ числѣ 10.000 человѣкъ должны были выдержать нападеніе 25.000 датчанъ. Послѣ страшно ожесточенной битвы шлезвигъ-голштинцы должны были отступить; ихъ центръ былъ прорванъ бурнымъ натискомъ датчанъ, а лѣвый флангъ почти совершенно уничтоженъ. осадныя же орудія были всѣ взяты. Датскій генералъ Ріе палъ въ битвѣ; Бонину едва удалось спасти остатки своего войска отъ полнаго уничтоженія.

10-го іюля, благодаря посредничеству Англіи, былъ заключенъ договоръ между Пруссіей и Даніей. Герцогства были отнынѣ раздѣлены: Голштинія должна была остаться въ германскомъ союзѣ, а Шлезвигъ временно подчиниться особому правительству, которое должны были назначить три договаривающіяся державы; до окончательнаго устройства этого правительства должна была существовать демаркаціонная линія, охраняемая съ юга 6.000 пруссаковъ, съ сѣвера— нейтральными войсками. Условія мира предрѣшали, что Шлезвигъ получитъ особую конституцію и будетъ отдѣленъ отъ Голштиніи, не взирая на политическія поползновенія датской короны. Этимъ Пруссія предала дѣло Шлезвигъ-Голштиніи. Штатгалтерство протестовало и заявило, что возстаніе признанное Пруссіей законнымъ, не можетъ вдругъ быть объявлено незаконнымъ. Національное собраніе тоже протестовало. Тѣмъ временемъ условія договора были выполнены, имперскія войска ушли, демаркаціонная линія была проведена; прусскія и шведскія войска заняли Шлезвигъ; шлезвигъ-голштинская армія удалилась въ Голштинію, и штатгалтерство бѣжало въ Киль. Новое шлезвигское правительство (пруссакъ графъ Эйленбургъ, датчанинъ фонъ-Тиллишъ и полковникъ Годжесъ-англичанинъ) вступило въ должность и когда, наконецъ, шлезвигъ-голштинское національное собраніе должно было „въ силу необходимости“ подчиниться берлинскому трактату, это правительство стало править страной буквально отъ имени короля Даніи. „Благородные граждане Германіи не пролили и десятой части слезъ по поводу всѣхъ погибшихъ свободъ, сколько они ихъ пролили по поводу несчастій „моремъ объятой“ Шлезвигъ-Голштиніи. Правда, тамошнія событія составляютъ одинъ изъ печальнѣйшихъ листовъ прусской исторіи. Но гдѣ въ тѣ дни исторія можетъ найти радостные листы для германскаго народа?

Имперская конституція и выборы императора.

Въ теченіе зимы франкфуртское національное собраніе усердно работало надъ своей имперской конституціей. Дѣло подвигалось очень медленно, ибо ни одинъ параграфъ не могъ быть принятъ безъ того, чтобы ораторы не осчастливили Германію цѣлымъ потокомъ прекрасно построенныхъ, отполированныхъ и глубокомысленныхъ рѣчей, въ которыхъ, правда, не было ровно ничего новаго, но безъ которыхъ, по мнѣнію почтенныхъ ораторовъ, Германія никакъ не могла обойтись. Самъ народъ, впрочемъ, довольно недвусмысленно давалъ понять, что ему порядкомъ надоѣли всѣ эти многочисленныя и безконечныя рѣчи.

Правительства отдѣльныхъ княжествъ и центральная власть, а также правительства отдѣльныхъ княжествъ между собой обмѣнивались цѣлой массой нотъ. Австрія и Пруссія продолжали стараться выработать взаимное соглашеніе по отношенію къ имперской конституціи, и Фридрихъ-Вильгельмъ IV увѣрилъ австрійскаго посла въ томъ, что онъ де страстно желаетъ въ будущемъ видѣть Австрію состоящей въ Германскомъ Союзѣ. Далѣе онъ обѣщалъ отклонить приглашеніе стать главою союза. Но тѣмъ не менѣе австрійскіе и прусскіе дипломаты не могли окончательно столковаться, ибо эти господа относились другъ къ другу съ недовѣріемъ подозрительныхъ барышниковъ. Обѣ стороны были вполнѣ согласны лишь въ томъ, что конституцію обязательно нужно провалить, и мнѣнія расходились лишь по вопросу о томъ, что именно поставить на ея мѣсто.

Между тѣмъ Гагернъ и его товарищи поставили себѣ прямую цѣль — добиться осуществленія прусской имперіи. Гагернъ вполнѣ сжился съ фантастической мыслью о своемъ всемірно-историческомъ призваніи вызвать къ жизни императора; онъ въ серьезъ воображалъ, что корона въ его рукахъ и что отъ его доброй воли зависитъ, кому ее отдать.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV достаточно ясно давалъ ему понять, что онъ ничего знать не хочетъ о коронѣ, „милостью парламента", но Гагернъ не смущался. Онъ твердо вѣрилъ въ свое призваніе по своему усмотрѣнію осчастливить Германію; онъ, министръ безсильнаго центральнаго правительства, мнилъ себя распорядителемъ судебъ

Германіи. Гагернъ дѣйствительно питалъ къ себѣ то почтеніе, кототорое приписываетъ ему поэтъ *) въ словахъ:

„Ich mit der Persönlichkeitbewusstsein auf geblasenheit,
Ich bin ich, in ganzer Grösse, wie Sie sehen jeder Zeit;
Ich bin ich, das ist gewiss, doch bin ich selber noch mit mir im Streit
Ueber das, was ich denn bin, denn ich selbst... (Ungeheure Heiterkeit!) **).

Что король прусскій думалъ объ имперской конституціи и о покоящемся на ней императорскомъ званіи, — объ этомъ онъ высказался еще 13 декабря 1848 года въ письмѣ къ своему другу Бунзену. Это письмо является однимъ изъ интереснѣйшихъ документовъ того времени, и мы не можемъ не процитировать изъ него, хотя бы наиболѣе замѣчательныхъ мѣстъ.

„Мой дорогой Бунзенъ,—писалъ король,—Ваши послѣднія письма еще разъ убѣждаютъ меня въ томъ, что я замѣтилъ еще въ Брюлѣ и что всѣми силами старался предупредить, а именно, что въ Германіадѣ мы другъ друга не понимаемъ, или вѣрнѣе, что Вы не можете понять меня. Это — тяжелый упрекъ, я понимаю это, но отъ друга нужно согласиться принять его. Я понимаю Васъ и Ваши доводы, но Вы моихъ не понимаете, иначе Вы не могли бы писать такъ, т. е. Вы не смотрѣли бы такъ легко на абсолютныя препятствія, стоящія между мной и этой (!!!) императорской короной. Вы говорите (буквально такъ же, какъ говорилъ мнѣ господинъ Гагернъ 26 и 27 числа прошлаго мѣсяца): „Вы хотите согласія со стороны князей; хорошо, Вы будете его имѣть!“ ***)

„Но, мой дорогой другъ, вотъ тутъ-то и центръ вопроса. Я не хочу ни согласія князей на это избраніе, ни этой короны. Поняли ли вы подчеркнутыя слова?

„Попробую разъяснить Вамъ это возможно кратче и возможно ярче. Эта корона, во-первыхъ—вовсе не корона. Корона, которую при извѣстныхъ обстоятельствахъ могъ бы принять Гогенцоллернъ, не можетъ быть дѣломъ рукъ собранія, хотя и признаннаго князьями, но выросшаго на почвѣ революціонной (dans le genre de la couronne des pavès de Louis Philippe) ****); такая корона должна носить на себѣ печать Божію, она должна послѣ священнаго міропомазанія дѣлать того, на кого она возложена, императоромъ „милостію Божіей“, какъ она уже раньше сдѣлала болѣе 34 князей королями нѣмцевъ „милостію Божьей“, присоединяя каждаго изъ нихъ къ ряду старыхъ. Корону, которую

---

*) Морицъ Гартманъ.

**) Я во всемъ величіи личности моэй каждый мигъ являюсь вамъ во всей красѣ своей. Я есмь я, вѣчно самъ съ собой я въ спорахъ о томъ, что я такое... (Смѣхъ и шумъ).

***) Какая насмѣшка надъ благороднымъ Гагерномъ!

****) „Въ родѣ дарованной улицей короны Луи-Филиппа“...

Мы видимъ, что революціонное происхожденіе іюльской монархіи не было забыто въ Берлинѣ, хотя Фридрихъ - Вильгельмъ IV и называлъ короля Луи - Филиппа „щитомъ европейскихъ династій“. При извѣстіи о паденіи Луи-Филиппа принцъ прусскій сказалъ, что это въ сущности вполнѣ естественно: „баррикады возвели его на престолъ, и посредствомъ же баррикадъ онъ былъ низвергнутъ“.

носили Оттоны, Гогенштауфены и Габсбурги, могъ бы принять, конечно, и Гогенцоллернъ: она своимъ тысячелѣтнимъ блескомъ могла бы только принести ему величайшую честь. Но та корона, о которой Вы, къ сожалѣнію моему, говорите, принесла бы величайшее безчестіе и свой привкусъ революціи 1848 года, этой отвратительнѣйшей, глупѣйшей и сквернѣйшей, хотя, благодареніе Богу, и не злѣйшей изъ всѣхъ революцій настоящаго столѣтія. И такой-то обручъ, испеченный изъ смѣси грязи и всякой мерзости, Вы предлагаете принять законному королю прусскому, котораго Богъ благословилъ носить, если не самую древнюю, то самую благородную корону, которая ни у кого не украдена.

„Спросите свое собственное сердце, дорогой Бунзенъ! Что, напримѣръ, сказали бы Вы, старый членъ прусской дипломатіи и мой дѣйствительный тайный совѣтникъ, слѣдовательно, облеченный придворнымъ званіемъ, если бы Вы, живя уединенно, напримѣръ, въ Корбахѣ, вдругъ получили бы отъ вальдекскаго суверениаго собранія титулъ превосходительства? Таково же точно и мое положеніе vis-à-vis Гагерна и его фракціи. Вы, навѣрное, въ самыхъ деликатнѣйшихъ выраженіяхъ возразили бы суверенным вальдекцамъ слѣдующее: „Вы сами не имѣете того, что желаете подарить мнѣ; я же имѣю это изъ болѣе надежнаго источника!" Вотъ именно такъ отвѣчу и я.... Я говорю Вамъ прямо: если тысячелѣтняя корона, отдыхавшая въ теченіе 42 лѣтъ, снова должна быть кому-нибудь дарована, то это сдѣлать могутъ лишь *я* и равные мнѣ".

Тѣмъ временемъ Гагернъ съ товарищами преспокойно работали во Франкфуртѣ надъ своей имперіей будущаго. Австрійскій вопросъ былъ оставленъ открытымъ, при чемъ государственное искусство Гагерна бросило въ объятія Шмерлинга цѣлую массу австрійскихъ депутатовъ. На великій словесный турниръ по вопросу о главѣ имперіи записалось около ста ораторовъ, но изъ этого словеснаго дождя политической мудрости, снова пронесшагося надъ терпѣливой Германіей, вытекли лишь очень несовершенныя рѣшенія. 258 голосами противъ 211 было постановлено, что санъ главы имперіи долженъ быть дарованъ кому-нибудь изъ правящихъ нѣмецкихъ князей. Признаніе за этимъ княземъ императорскаго титула было принято большинствомъ всего въ девять голосовъ. Но по вопросу о томъ, какъ долго это званіе должно остаться за будущимъ главой государства, соглашенія не было достигнуто. Наслѣдственная имперія, предложенная профессорами Дальманомъ изъ Бонна и Рюмелиномъ изъ Нюртингена, была отклонена, послѣ того какъ Уландъ сказалъ противъ нея свою знаменитую фразу: „Повѣрьте мнѣ, надъ Германіей не можетъ уже возсіять ни одна глава, не помазанная хоть каплей демократическаго масла!" Предложеніе сдѣлать императорское достоинство пожизненнымъ, а равно предложеніе ограничить его срокомъ на 12 и на 6 лѣтъ, были также отвергнуты. Рѣшеніе этого вопроса пришлось отложить до второго чтенія.

Итакъ, образъ будущаго конституціоннаго императора, которому должны подчиниться 36 нѣмецкихъ князей, расплывался въ воздухѣ. Между тѣмъ либеральная и конституціонная буржуазія обнаруживала

всяческія симпатіи къ имперіи; она весьма охотно погружалась въ романтическія грезы объ Оттонахъ и Гогенштауфенахъ. Наоборотъ, радикальная вторая палата Саксоніи почти всѣми голосами высказалась противъ неотвѣтственнаго наслѣдственнаго главы государства и потребовала рѣшенія вопроса въ демократическомъ духѣ.

Высокопоучительные уроки нѣмецкой исторіи относительно вѣчныхъ распрей между императорами и имперскими князьями пропали для парламента даромъ.

Въ теченіе января большинство менѣе крупныхъ и совсѣмъ мелкихъ князей Германіи изъявили свое согласіе на дарованіе званія императора. Парламентъ встрѣтилъ это согласіе съ большой радостью и тѣмъ далъ понять, что онъ совершенно отказался отъ точки зрѣнія суверенности, когда-то столь гордо возвѣщенной Гагерномъ при его вступленіи въ должность президента. Однако, радость большинства парламентскихъ депутатовъ скоро смѣнилась уныніемъ. Пруссія поступила такъ, какъ отъ нея ожидали всѣ, за исключеніемъ увлеченныхъ темной игрой въ церкви св. Павла; нужно къ тому же замѣтить, что не требовалось особенной проницательности, чтобы заранѣе предсказать, что министерство Бранденбурга - Мантейфеля не будетъ вести „національной“ политики въ духѣ Гагерна и компаніи. Объ этомъ достаточно убѣдительно говорили поведеніе Россіи и статьи „Крестовой Газеты“. Въ нотѣ отъ 23 января 1849 года, разосланной прусскимъ правительствомъ своимъ посланникамъ въ остальныхъ государствахъ Германіи, было ясно сказано, что Пруссія считаетъ имперскую конституцію осуществимой лишь подъ условіемъ согласія князей и что учрежденіе новаго титула германскаго императора не является необходимымъ для достиженія объединенія.

Государственный мужъ Гагернъ, предвосхитившій согласіе князей на имперскую конституцію, теперь рѣшилъ поступить совсѣмъ благоразумно и 28 января обратился къ нѣмецкимъ князьямъ съ предложеніемъ дать свои заключенія о принятыхъ уже статьяхъ конституціи. Онъ даже не подумалъ о томъ, что этимъ онъ лишаетъ парламентъ послѣдней тѣни его, и безъ того уже низко павшаго, „суверенитета“ и даже отрѣзываетъ ему всякую возможность вернуться на старую базу.

Отвѣты явились чрезвычайно быстро и отличались поразительной ясностью. Австрія 4 февраля высказалась противъ всякаго унитарнаго государства и открыто заявила, что ея императоръ никогда не подчинится центральному правительству, во главѣ котораго стоитъ какой-либо другой князь; она совѣтовала парламенту вступить на путь „соглашенія“. Саксонія присоединилась къ Пруссіи, а Ганноверъ и Баварія—къ Австріи. Наконецъ, Пруссія потребовала отъ имперскаго министерства, чтобы въ конституціи точно ограничена была область компетенціи центральной власти и чтобы въ ней гарантировалось существованіе отдѣльныхъ государствъ. Но Австрія предложила передать центральную власть въ руки директоріи, состоящей изъ семи могущественныхъ князей союза.

„Геніальный“ политикъ Гагернъ сумѣлъ, какъ мы видимъ, такъ основательно расшатать имперскую телѣгу, что лучше и придумать нельзя было. Собраніе топталось на мѣстѣ, точно съ завязанными гла-

зами. Съ высоты своего былого суверенитета оно окончательно спустилось на почву „соглашеній“ и завязло въ нихъ. Что было ему дѣлать? На кого было ему опереться? Когда гражданское ополченіе и солдаты избивали рабочихъ, оно нашло это въ порядкѣ вещей; когда затѣмъ національная гвардія была разоружена войсками, оно безсильно протестовало или молчаливо, порою даже съ сочувствіемъ, созерцало это зрѣлище; теперь реакція разразилась со всей силою. Иначе и не могло случиться.

Въ этомъ печальномъ положеніи „великому государственному дѣятелю“ Гагерну пришелъ на помощь другой „государственный дѣятель“, а именно—пресловутый Велькеръ. Его планъ оказался еще геніальнѣе гагерновскаго опроса. Велькеръ предложилъ собранію принять конституцію en bloc, Австріи предоставить вступать или не вступать въ союзъ, все остальное передать будущему рейхстагу, но избрать наслѣдственнымъ германскимъ императоромъ короля прусскаго. Государственный переворотъ въ Кремзирѣ такъ напугалъ Велькера, прежде стоявшаго за присоединеніе Австріи, что онъ внезапно превратился изъ великогерманца въ сторонника наслѣдственной императорской власти.

Предложеніе Велькера хотя и было отклонено, но вытекавшая изъ него тактика въ значительной степени была воплощена въ жизнь. Мечтатели изъ церкви св. Павла полагали, что все дѣло въ томъ, чтобы поскорѣе закончить выработку конституціи, и они дѣйствительно черезъ нѣсколько дней закончили свою работу. Этимъ они, кстати, доказали, насколько излишня была вся ихъ прежняя безконечная болтовня. Разногласія по вопросу о наслѣдственности или выборности императора были устранены съ помощью компромисса. Умѣренная лѣвая согласилась на наслѣдственную императорскую власть, а сторонники наслѣдственной императорской власти зато обязались голосовать за ограниченное veto и всеобщее избирательное право. Съ своей стороны цѣлый рядъ сторонниковъ наслѣдственнаго императора — въ томъ числѣ Гагернъ—дали письменное обѣщаніе признавать конституцію въ полномъ размѣрѣ и не допускать никакихъ измѣненій или уступокъ. На почвѣ этой замѣчательной сдѣлки имперская конституція была завершена, и парламентъ почувствовалъ себя спасителемъ отечества.

Имперская конституція 28 марта *) поставила во главѣ государства неотвѣтственнаго наслѣдственнаго императора, раздѣляющаго законодательную власть съ парламентомъ, состоящимъ изъ двухъ палатъ. Первая палата, „палата государствъ“, должна была состоять изъ депутатовъ отъ отдѣльныхъ государствъ, которыхъ назначали мѣстныя палаты и правительства; вторая же палата, „народная палата“, должна была составляться на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Компетенція имперской власти должна была простираться только на дѣла, касающіяся всей Германіи, какъ-то: вопросы о войнѣ и мирѣ, войскѣ,

*) См. Приложенія.

чеканкѣ монетъ, общаго законодательства въ области уголовнаго, гражданскаго и коммерческаго права *).

Мудрые политики лѣвой были убѣждены, что они въ этой сдѣлкѣ достигли необычайныхъ выгодъ. Но имъ очень скоро пришлось убѣдиться воочію во всей невыгодѣ ихъ безславнаго компромисса.

28 марта 1849 года парламентъ, подъ предсѣдательствомъ Симсона изъ Кенигсберга, въ самомъ приподнятомъ настроеніи постановилъ: собрать подъ текстомъ конституціи подписи всѣхъ членовъ и затѣмъ опубликовать ее, дабы, какъ замѣтилъ Симонъ изъ Трира, разъ навсегда положить конецъ соглашеніямъ. Стало быть и Симонъ также вѣрилъ въ магическую силу листа исписанной бумаги, именуемаго конституціей. По предложенію Морица Моля было постановлено, что національное собраніе не разойдется, пока не будетъ созванъ новый рейхстагъ на основаніи конституціи. Затѣмъ произведены были выборы императора, при чемъ, какъ и слѣдовало ожидать, избраннымъ оказался король Фридрихъ-Вильгельмъ IV прусскій.

Присутствовало 538 депутатовъ; изъ нихъ 290 человѣкъ голосовало за короля прусскаго, 248 человѣкъ воздержалось, такъ что получилось большинство всего на 42 голоса. Лѣвая сдержала условіе, заключенное ею съ приверженцами наслѣдственной имперіи; часть членовъ ея голосовала за Фридриха-Вильгельма IV. Въ числѣ этихъ членовъ были Леве-Кальбе, Темме, Генрихъ Симонъ изъ Бреславля, Шодеръ изъ Штуттгарта, Реслеръ изъ Эльса, Меллингъ изъ Евера, графъ Рейхенбахъ изъ Силезіи, Циммерманъ изъ Шпандау и другіе. Изъ числа воздержавшихся членовъ лѣвой, нѣкоторые мотивировали свое воздержаніе; старый Моръ изъ Оберъ-Ингельгейма воскликнулъ: „Я не выбираю наслѣдственнаго!“ — „Главы государства“ докончило собраніе со смѣхомъ. Шлеффель изъ Силезіи и Рейнгартъ изъ Бонценбурга заявили, что они не желаютъ избирать князя, а Трюцшлеръ воскликнулъ: „Я не выбираю главы государства!“ Австрійцы всѣ воздержались отъ голосованія, при чемъ графъ Деймъ замѣтилъ: „Я не имѣю мандата!“ Князь фонъ-Вальдбургъ-Цейль отвѣтилъ: „Я не курфюрстъ!“, а будущій націоналъ-либеральный профессоръ Зеппъ заявилъ: „Я не выбираю контръ-императора!“

Снова въ старомъ Франкфуртѣ трезвонили колокола, гремѣли пушки, и президентъ Симсонъ въ елейной рѣчи выяснялъ всю великую важность совершившагося событія.

Выборы императора всюду были торжественнѣйшимъ образомъ отпразднованы конституціонной буржуазіей съ колокольнымъ звономъ и пушечной пальбой. Регентъ имперіи вечеромъ 28 марта разыгралъ комедію, передавъ Симсону прошеніе объ отставкѣ. Но Симсонъ былъ настолько высокаго мнѣнія о высокой личности имперскаго правителя, что „почтительнѣйше“ сталъ просить его остаться у власти, на что послѣдній согласился, выразивъ надежду, что его освободятъ отъ

*) Нашлись люди, которые даже на эту конституцію стали молиться, какъ на фетишъ. Какъ говорятъ, оригиналъ конституціи и теперь еще хранится гдѣ-то въ Швейцаріи, при чемъ всѣ знающіе мѣсто, гдѣ онъ спрятанъ, якобы обязались взаимнымъ честнымъ словомъ не открывать тайны. Какъ будто въ настоящій моментъ кому-нибудь могло бы придти въ голову посягнуть на этотъ документъ, уже въ 1849 году не имѣвшій никакого значенія.

должности, какъ скоро это станетъ возможнымъ „безъ ущерба для общественнаго спокойствія и блага Германіи". Господинъ Симсонъ, повидимому, принялъ всю эту комедію въ серьезъ.

Была избрана депутація изъ 33 членовъ для преподнесенія королю прусскому „сомнительнаго обруча", т. е. короны. Ораторомъ депутаціи выступилъ Симсонъ; въ депутаціи приняли участіе старикъ Арндтъ и Дальманъ изъ Бонна, Леве-Кальбе, Бидерманъ изъ Лейпцига, Рюдеръ изъ Ольденбурга, Шодеръ и Федереръ изъ Штутгарта, Рюмелинъ изъ Нюртингена, Меркъ и Рлссеръ изъ Гамбурга и Ре изъ Дармштадта.

Въ тѣхъ городахъ, гдѣ демократія преобладала, депутація встрѣчена была очень холодно; тамъ же, гдѣ преобладали конституціоналисты, ее встрѣтили съ ликованіемъ и восторгомъ. Въ Берлинѣ, гдѣ господствовалъ еще режимъ осаднаго положенія, пріемъ со стороны народа оказался далеко не такимъ, на какой разсчитывали проникнутые важностью своей всемірно-исторической миссіи депутаты. У нѣкоторыхъ прусскихъ дипломатовъ хватило жестокости убѣдить депутатовъ въ томъ, что король приметъ императорскій санъ.

3 апрѣля король принялъ во дворцѣ *) депутацію въ присутствіи принцевъ и министровъ, и Симсонъ въ высокопочтительной рѣчи предложилъ ему принять избраніе.

Король отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ:

„Я признаю въ постановленіи національнаго собранія голосъ представителей нѣмецкаго народа. Я готовъ доказать на дѣлѣ, что не ошиблись тѣ люди, которые возложили свои надежды на мою преданность, вѣрность и любовь къ нашему общему отечеству. Но я не оправдалъ бы вашего довѣрія, я поступилъ бы не въ духѣ нѣмецкаго народа, я нарушилъ бы интересы объединенія Германіи, — если бы я, нарушивъ священныя права и мои прежнія рѣшительныя и торжественныя обѣщанія, безъ свободнаго соглашенія коронованныхъ правителей, князей и вольныхъ городовъ Германіи, принялъ рѣшеніе, которое для нихъ и для управляемыхъ ими нѣмецкихъ племенъ должно имѣть рѣшающее значеніе. Правительствамъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ слѣдуетъ теперь, послѣ общаго обсужденія, рѣшить, соотвѣтствуетъ ли конституція интересамъ цѣлаго и отдѣльныхъ его частей и смогу ли я, опираясь на предначертанныя мнѣ права, твердою рукой, какъ того требуетъ столь высокое призваніе, направлять судьбы великаго германскаго отечества и выполнить надежды его народовъ".

Депутаты стояли, словно окаченные холодной водой, и сначала не могли даже отдать себѣ отчета во всемъ происшедшемъ. Какъ отказываться отъ такой прекрасной короны!.. Это казалось имъ тѣмъ болѣе непостижимымъ, что многіе изъ ихъ числа считали себя способными и призванными управлять всей Германіей. Они не понимали совершенно той роли, которая была имъ навязана; они, очевидно, обречены были дать королю случай основательно проучить столь ненавистныхъ ему либераловъ.

---

*) Изъ того факта, что одинъ дерзкій лакей отказался дать воды делегатамъ видно, какъ думали во дворцѣ о депутаціи.

Впрочемъ, большую часть депутаціи составляли будущіе націоналъ-либералы, а мы знаемъ по эпохѣ Бисмарка, съ какой легкостью эти мужественныя души умѣли сносить величайшія униженія, сохраняя на высокомъ челѣ преданную улыбку вѣрноподданныхъ.

Передавъ прусскому правительству поразительно несуразную ноту, депутація въ полномъ недоумѣніи уѣхала. Послѣ этого на нее градомъ посыпались насмѣшки, съ одной стороны—юнкеровъ и реакціонеровъ, съ другой стороны—республиканцевъ.

Пруссія воспользовалась случаемъ, чтобы подыскать себѣ союзниковъ, ибо съ гибелью имперской конституціи австро-прусскій дуализмъ долженъ былъ съ новой силой сказаться въ Германіи. 3 апрѣля къ правительствамъ была отправлена прусская нота, въ которой заявлялось, что, вслѣдствіе рѣшенія имперскаго правителя сложить съ себя полномочія, прусскій король согласенъ по порученію правительствъ и съ согласія національнаго собранія взять на себя временное руководство дѣлами Германіи. Король рѣшился также—гласила далѣе нота—стать во главѣ союзнаго государства, имѣющаго составиться изъ тѣхъ государствъ, которыя свободно къ нему присоединятся. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительствамъ предлагалось послать во Франкфуртъ уполномоченныхъ, снабдивъ ихъ вполнѣ императивными инструкціями.

Въ Австріи, благодаря итальянскимъ побѣдамъ, самоувѣренность камарильи сильно повысилась. Шварценбергъ рѣшилъ, что наступило время не только скрутить національное собраніе, но и выступить съ большей рѣзкостью противъ Пруссіи. 5 апрѣля опубликована была австрійская нота, которой имперскій регентъ приглашался остаться на своемъ посту, и вмѣстѣ съ тѣмъ отзывались изъ франкфуртскаго парламента австрійскіе депутаты. Національное собраніе—говорилось въ этой нотѣ—не оправдало возложенныхъ на него надеждъ: оно задалось цѣлью создать какое-то „идеальное государство“, оно покинуло путь соглашенія и задумало исключить Австрію изъ Германіи. Въ виду всего этого участіе австрійскихъ депутатовъ въ его дебатахъ не можетъ болѣе имѣть мѣста.

Безсильное собраніе не могло оказать дѣйствительнаго сопротивленія этому грубому натиску Шварценберга. 8 апрѣля опубликована была вторая австрійская нота, въ которой Австрія прямо и открыто высказывалась противъ руководящей роли Пруссіи въ обще-германскомъ движеніи, и великій государственный дѣятель Гагернъ снова рѣшился взяться за „дѣло“. Онъ созвалъ во Франкфуртъ конференцію изъ представителей правительствъ. 14 апрѣля 29 нѣмецкихъ правительствъ—самыхъ мелкихъ—высказались въ пользу имперской конституціи. Баденъ, Нассау, всѣ три Гессена, Шлезвигъ - Голштинія, оба Мекленбурга, всѣ три Ангальта, оба Рейсса, Ольденбургъ, Брауншвейгъ, Саксенъ-Веймаръ, Саксенъ-Гота, Саксенъ-Мейнингенъ, Саксенъ-Альтенбургъ, оба Шварцбурга, оба Гогенцоллерна, Вальдекъ, Липпе, Гамбургъ, Любекъ, Бременъ и Франкфуртъ на Майнѣ заявили, что имперская конституція хотя и не удовлетворяетъ ихъ во всѣхъ пунктахъ, но тѣмъ не менѣе эти сомнѣнія отступаютъ на задній планъ передъ тѣми опасностями, съ которыми связано дальнѣйшее оттягиваніе конституціоннаго преобразованія Германіи. Точка зрѣнія соглашенія, на которой настаивала Пруссія и другія правительства, легко могла по-

губить все дѣло. Мелкія правительства, уже не разъ заранѣе выражавшія свое согласіе съ постановленіями собранія, отчасти боялись возстаній, отчасти опасались, что могущественныя правительства выработаютъ „соглашеніе“, которое будетъ слишкомъ неблагопріятно для мелкихъ государствъ. Потому-то они и приняли имперскую конституцію.

Но гагерновскій маневръ не могъ, конечно, запугать могущественныхъ правительствъ. На голову безпомощнаго парламента обрушивались ударъ за ударомъ. Баварія высказалась противъ имперской конституціи; Ганноверъ и Саксонія распустили свои палаты за то, что послѣднія высказались въ пользу имперской конституціи *). 28 апрѣля появилось новое заявленіе Пруссіи, въ которомъ король рѣшительно и окончательно отклонялъ предложенную ему парламентомъ императорскую корону. Въ той же нотѣ было заявлено, что конституція съ ограниченнымъ правомъ veto и „ничѣмъ не сдерживаемымъ избирательнымъ правомъ“ можетъ явиться лишь средствомъ устранить верховную власть въ пользу республики. Вторая прусская палата наканунѣ была распущена за то, что она высказалась за имперскую конституцію.

Напротивъ, Вюртембергъ принялъ имперскую конституцію. Сначала можно было предположить, что дѣло приметъ и въ Вюртембергѣ такой же оборотъ, какъ въ Саксоніи, Ганноверѣ и Баваріи. Но министерство Ремера энергично настаивало передъ королемъ Вильгельмомъ на признаніи имперской конституціи. Король противился этому; онъ хотѣлъ имѣть конституцію по соглашенію съ князьями, и, кромѣ того, онъ не былъ согласенъ съ національнымъ собраніемъ въ вопросѣ о главѣ имперіи. Разногласія между королемъ и министерствомъ Ремера обострялись. Дѣло дошло до министерскаго кризиса, и стали поговаривать о предстоящемъ сформированіи реакціоннаго министерства. Швабы пришли въ волненіе, узнавъ, что ихъ хотятъ лишить ихъ мартовскаго министра; лишь впослѣдствіи они убѣдились, что господинъ Ремеръ на дѣлѣ былъ далеко не таковъ, какимъ онъ себя выдавалъ. 22 апрѣля депутація отъ сословій заявила королю о своемъ согласіи съ точкой зрѣнія министерства Ремера и получила отвѣтъ, что король готовъ признать имперскую конституцію, за исключеніемъ пункта о верховной власти. „Дому Гогенцоллерновъ я не подчиняюсь“—заявилъ онъ и далѣе прибавилъ: „Если всѣ германскіе князья сдѣлаютъ это, я также принесу эту жертву Германіи, хотя и съ сокрушеніемъ душевнымъ. Меня, разумѣется, также могутъ принудить къ этому ваши настоянія или возстанія въ странѣ. Но разъ становитесь на почву революціи и принуждаете меня дать слово, то вѣдь слово это не свободно. Вѣдь это вы должны и сами признать: вынужденное слово не было бы для меня обязательнымъ. Когда моя воля станетъ свободной, я смогу взять это свое слово назадъ. Дому же Габсбурговъ—замѣтилъ король—я бы подчинился“.

---

*) Первая саксонская палата по предложенію Геубнера высказалась за имперскую конституцію всѣми голосами противъ одного, а вторая палата—всѣми голосами противъ двѣнадцати. Послѣдніе 12 голосовъ, по заявленію Тширнера, принадлежали республиканцамъ, не желавшимъ санкціонировать монархическую верхушку имперской конституціи.

Тогда палата, въ согласіи съ предложеніемъ Штокмайера и противъ мнѣнія Дювернуа, постановила, что конституція объявляется дѣйствующимъ въ Вюртембергѣ закономъ, что каждый вюртемберженъ, статскій или военный, обязанъ защищать ее и ею руководствоваться и что каждое посягательство на нее должно разсматриваться, какъ государственная измѣна.

Возбужденіе въ странѣ возрастало съ громадной силой: войска, казалось, переходили на сторону конституціи, также настроена была и гражданская милиція; все, казалось, предвѣщало неизбѣжную катастрофу. Король покинулъ Штутгартъ и отправился въ Людвигсбургъ. Но когда онъ убѣдился, что и тамъ почти все настроено противъ него, онъ сдался. Сначала онъ согласился признать имперскую конституцію лишь съ нѣкоторыми ограниченіями, но Ремеръ продолжалъ твердо настаивать на своемъ, и 24 апрѣля король далъ свое согласіе признать имперскую конституцію цѣликомъ, включая и пунктъ о верховной власти и избирательный законъ.

Торжество побѣдителей превосходило всякія описанія; они страшно переоцѣнивали свою побѣду и свою силу; имъ казалось, что они даютъ совершенно новое направленіе дѣлу конституціоннаго преобразованія отечества. Это было такъ лишь постольку, поскольку въ народѣ снова пробудились симпатіи къ франкфуртскому парламенту, наталкивавшемуся на столь непріязненное отношеніе къ нему со стороны правительствъ. Карлъ Фогтъ произнесъ по поводу вюртембергскихъ событій во франкфуртскомъ парламентѣ длинную рѣчь, причемъ призывалъ къ энергіи, которой, кстати, у него самого было столько же, сколько у конституціоналистовъ. Но эти послѣдніе боязливо отклонили приглашеніе вступить на „революціонный“ путь.

Пруссія разослала правительствамъ новое приглашеніе прислать своихъ уполномоченныхъ въ Берлинъ, въ цѣляхъ положить предѣлъ революціи и создать „соотвѣтственную“, т. е. угодную князьямъ, конституцію. Между тѣмъ парламентъ все еще дѣлалъ напрасныя потуги сдвинуть впередъ безнадежно застрявшую конституціонную колесницу. Между демократами и конституціоналистами возникъ рѣзкій конфликтъ по вопросу о томъ, къ какимъ средствамъ слѣдуетъ теперь прибѣгнуть, и въ этомъ архи-затруднительномъ положеніи рѣчи полились такой многоводной рѣкой, какъ будто бы исключительно отъ ихъ изобилія зависѣлъ ходъ всемірной исторіи. Цѣлый рядъ депутатовъ составили парламентъ. Иногда лѣвой удавалось вдохнуть въ собраніе нѣкоторую энергію. Но это приводило лишь къ тому, что парламентъ снова и снова убѣждался въ своемъ полномъ безсиліи. 26 апрѣля конституція вновь провозглашена была вошедшей въ силу, и правительствамъ вновь предложено было признать ее и провести въ жизнь, но, разумѣется, все это не дало ровно никакихъ результатовъ.

Лѣвая внесла цѣлый рядъ революціонныхъ предложеній, напримѣръ, о назначеніи исполнительнаго комитета и временнаго регента, о приведеніи войска къ присягѣ конституціи, о призывѣ ко всему народу защитить конституцію и т. п.—но все это было отклонено; да если бы предложенія лѣвой и были приняты, они не имѣли бы теперь уже ни малѣйшаго практическаго значенія. 30 апрѣля парламентъ по-

становилъ, что собранія его законны уже при 150 членахъ, и что президіумъ имѣетъ право созывать собранія въ любое время и въ любомъ мѣстѣ. 4 мая по предложенію Виденбругка было постановлено призвать правительства, законодательные корпусы, магистраты и весь народъ отдѣльныхъ государствъ къ проведенію имперской конституціи; далѣе на 22 августа были назначены выборы въ новый рейхстагъ, и если Пруссія—гласило другое постановленіе—не приметъ конституціи, то на мѣсто императора долженъ стать глава крупнѣйшаго изъ признавшихъ конституцію союзныхъ государствъ, въ качествѣ временнаго правителя имперіи.

Радикальныя и революціонныя предложенія сыпались, какъ изъ рога изобилія, при чемъ произносились пламенныя, негодующія рѣчи. Такъ, господинъ Зеппъ предложилъ отнять верховную власть у князей, не признавшихъ конституціи, и раздѣлить ихъ земли. Такія шутовскія выступленія приводили лишь къ однимъ результатамъ: дѣлали собраніе смѣшнымъ.

Парламентъ со своей конституціей очутился въ совершенно безпомощномъ положеніи, а благородный фонъ-Гагернъ, конечно, менѣе всего былъ способенъ вывести его изъ затрудненія. Въ концѣ концовъ парламентъ напалъ на истинно-гагерновскую мысль, что осуществленіе конституціи должно взять въ свои собственныя руки центральное правительство. Это была варіація знаменитаго рецепта Мюнхгаузена: самому вытащить себя за волосы изъ болота. Регентъ имперіи, являвшійся въ сущности только представителемъ австрійской камарильи, конечно, отклонилъ этотъ путь, а великій государственный мужъ Гагернъ поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы выпутать свою драгоцѣнную особу изъ всей этой исторіи. 10 мая онъ сложилъ съ себя должность имперскаго министра.

Это было принято конституціоналистами, какъ дурное предзнаменованіе. Они стали толпами удирать изъ собранія.

Теперь каждая партія старалась свалить вину за неудачу на другую. Онѣ всѣ были правы: доля вины тяготѣла на всѣхъ ихъ.

Борьба съ конституціей.

Чѣмъ болѣе явнымъ становилось стремленіе правительствъ разрушить конституціонную работу франкфуртскаго парламента, тѣмъ болѣе и сильнѣе пробуждался интересъ народа къ политической дѣятельности. Безпрерывные и монотонные дебаты парламента навѣяли на Германію полусонное состояніе. Только послѣ того, какъ стало очевидно, что мартовскимъ завоеваніямъ, стоившимъ такихъ усилій, грозитъ опасность, возбужденіе начало охватывать широкіе слои населенія, а безрезультатность всякихъ примирительныхъ попытокъ имѣла послѣдствіемъ грозные взрывы народнаго неудовольствія.

Революціонное движеніе ослабѣло, крестьяне во всей своей массѣ стали консервативны, рабочіе почли себя обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ плодовъ возстанія, а буржуазія въ большей своей части съ фанатизмомъ начала стремиться къ „порядку". Не успокоились еще только радикально-демократическая партія, да республиканская партія. Мартовскіе союзы, которые должны были охранять мартовскія завоеванія и выступали очень революціонно, сдѣлали еще разъ попытку создать нѣмецкую демократическую организацію, къ чему раньше тщетно стремился демократическій конгрессъ. Согласно даннымъ, существовало до 3.000 отдѣльныхъ ферейновъ. Но мартовскіе союзы на самомъ дѣлѣ не оказались столь дѣеспособными, какъ это казалось на бумагѣ.

Демократы и республиканцы думали использовать имперскую конституцію, какъ одно изъ основныхъ требованій, на которыя они смогутъ опираться, и какъ щитъ, при помощи котораго имъ удастся втянуть народъ въ демократическое движеніе. Сама по себѣ конституція ихъ мало интересовала, въ особенности какъ конечная цѣль *). Дѣло на самомъ дѣлѣ дошло до цѣлаго ряда возстаній, которыя съ виду казались возстаніями за конституцію, но къ которымъ примкнули всѣ радикальные, демократическіе, республиканскіе и соціалистическіе эле-

---

*) Феннеръ фонъ-Феннебергъ, принимавшій участіе въ собраніяхъ мартовскихъ союзовъ во Франкфуртѣ, говоритъ по этому поводу: „Меня очень мало безпокоило то, что выдвинуто было знамя защиты конституціи, такъ какъ я былъ увѣренъ, что это знамя будетъ скоро замѣнено знаменемъ республиканскимъ... Мы не скрывали, что національное собраніе, собственно говоря, никуда не годится, что довѣріе народа къ нему утрачено; знали мы также, что и конституція, рожденная въ такихъ страшныхъ мукахъ, у колыбели которой угрожающе стояли другъ передъ другомъ коронованныя особы и пролетаріатъ, никуда не годится, что она не достаточно демократична; мы съ презрѣніемъ относились къ избирательному шахеру, созданному гражданиномъ Фогтомъ по поводу имперскаго вопроса, и все же мы рѣшили держаться конституціи и національнаго собранія. Въ случаѣ побѣды мы бы всегда могли выпутаться изъ этой исторіи!"

менты вмѣстѣ съ такими элементами, которые дали себя вовлечь въ общую борьбу и которые удовольствовались бы введеніемъ конституціи. Болѣе энергичная часть рабочихъ на этотъ разъ, какъ и всегда, поддержала радикальную буржуазію. Какъ мало дѣла было демократіи до самой конституціи, видно изъ баденскаго возстанія *). Конституція была въ Баденѣ утверждена правительствомъ; возникшее благодаря этому противорѣчіе вожаки возстанія постарались затушевать и перенесли центръ борьбы на „проведеніе имперской конституціи". Словомъ, демократы направили движеніе противъ силъ, препятствовавшихъ завершенію конституціи; сама конституція сыграла на самомъ дѣлѣ лишь второстепенную роль и служила лишь средствомъ для достиженія цѣли.

То обстоятельство, что конституція въ нѣкоторыхъ государствахъ была утверждена, лишало, такъ называемыя, конституціонныя возстанія ихъ общаго характера. Такимъ образомъ, демократія выиграла очень мало отъ того, что конституція въ Вюртембергѣ была утверждена. Это повело только къ тому, что Вюртембергъ не примкнулъ къ баденскому возстанію.

Если бы возстанія были побѣдоносны, то побѣдившая партія снова распалась бы на свои составныя части, а это, въ свою очередь, вызвало бы новыя столкновенія. Демократы и республиканцы поспѣшили бы, безъ сомнѣнія, сейчасъ послѣ побѣды устранить ту самую конституцію, за которую они боролись, такъ какъ именно эта конституція противорѣчила демократическимъ и республиканскимъ принципамъ.

Раньше всего движеніе въ пользу конституціи вызвало вспышку въ Саксоніи. Тамъ, какъ уже было упомянуто, палаты были распущены. Мартовское министерство Браунъ-Оберлендера, которое вмѣстѣ съ своими популярными членами задалось цѣлью вселить возможно больше довѣрія въ населеніи, и которое въ этомъ отчасти и успѣло, оставило 24 февраля свой постъ. Его смѣнило министерство Гельдъ-Бейста. Послѣ завершенія конституціонной работы, саксонскій народъ началъ движеніе въ пользу проведенія этой конституціи; состоялась масса собраній, и королю отправлено было неисчислимое количество петицій. Министерство въ большинствѣ своемъ было за признаніе и проведеніе въ жизнь этой конституціи; но такъ какъ король самымъ рѣшительнымъ образомъ противился этому, то министерство вышло въ отставку, а Чшинскій образовалъ новое министерство, въ которое перешелъ и Бейстъ. Назначеніе этого реакціоннаго министерства повело къ тому, что движеніе въ пользу конституціи сильно возросло. Демократы и республиканцы всецѣло забрали движеніе въ свои руки, что было имъ очень легко сдѣлать, такъ какъ Саксонія съ давнихъ поръ была гнѣздомъ радикализма. Гражданское ополченіе и городская администрація высказались за конституцію и порѣшили требовать у короля ея принятія. Дрезденскій рабочій ферейнъ выпустилъ заявленіе при посредствѣ своего руководителя Грилле, въ которомъ онъ требовалъ немедленнаго принятія имперской конституціи, „х о т я д л я у л у ч-

---

*) Меглингъ, сыгравшій очень крупную роль въ баденскомъ возстаніи, говорилъ, что онъ надѣется, что баденское возстаніе выйдетъ за предѣлы Бадена и приметъ республиканскій характеръ, такъ какъ изъ-за конституціи, этой ничтожной поддѣлки, я бы и пальцемъ о палецъ не ударилъ (Письма къ его друзьямъ, стр. 187).

шенія матеріальнаго положенія народа остается еще многое сдѣлать". Повидимому, рабочій союзъ очень хорошо понималъ свое положеніе по отношенію къ буржуазіи.

Король наотрѣзъ отказался дать свое согласіе на введеніе конституціи. Войска стояли готовые къ бою; было послано за подкрѣпленіемъ, и говорили даже, что будутъ стянуты и прусскія войска. Городская администрація образовала въ виду этого 3 мая комитетъ защиты, который впослѣдствіи превратился въ комитетъ безопасности.

Все усиливающееся возбужденіе народа повело скоро къ столкновенію. Народъ собрался густою толпою у арсенала, опрокинулъ деревянныя ворота, но здѣсь толпа сама испугалась и осталась въ нерѣшительности стоять у входа *). Пѣхота, находившаяся во дворѣ арсенала, дала залпъ и убила четырехъ человѣкъ.

Народъ пришелъ въ ярость; посыпался градъ камней; подоспѣвшіе на помощь гимнасты дали залпъ по войску и убили одного офицера. Въ это время подошелъ батальонъ гражданскаго ополченія, который попытался разсѣять массу. Но какъ разъ въ этотъ моментъ распахнулись ворота арсенала, откуда былъ данъ залпъ картечью, послѣ котораго на мѣстѣ осталось 20 человѣкъ, четырнадцать изъ нихъ были убиты. Изъ оконъ арсенала начали стрѣлять въ гражданское ополченіе.

„Измѣна!" „Къ мести!" кричали на всѣхъ улицахъ; трупы убитыхъ провезли мимо дворца; ко дворцу отправлялась депутація за депутаціей; одна изъ нихъ на колѣняхъ умоляла объ утвержденіи конституціи, но король былъ непоколебимъ. Въ эти дни дѣло не доходило болѣе до столкновеній, но народъ вооружился и построилъ баррикады **). Реакціонный командиръ гражданскаго ополченія былъ смѣщенъ, а на его мѣсто былъ назначенъ бывшій греческій офицеръ Гейнце.

Въ то время какъ гонцы отправлялись въ Пруссію за подкрѣпленіемъ, ожидаемымъ правительствомъ съ такимъ нетерпѣніемъ, король рано утромъ 4 мая бѣжалъ изъ города и укрылся въ крѣпости Кенигштейнъ. Министерство сопровождало его; войска, расположенныя въ Дрезденѣ, казались не вполнѣ благонадежными.

Борьба разгорѣлась уже рано утромъ 4 мая. Улицы были покрыты многочисленными, хорошо укрѣпленными баррикадами, изъ которыхъ нѣкоторыя были дѣйствительными произведеніями искусства ***).

---

*) По произведенію Рекеля: „Саксонское возстаніе и тюрьма въ Вальдгеймѣ".

**) На многихъ баррикадахъ былъ выставленъ портретъ Роберта Блюма, что, конечно, не могло содѣйствовать остановкѣ вражескихъ пуль. Портретъ Блюма произвелъ большее впечатлѣніе, когда его нѣсколько лѣтъ тому назадъ поставили на одномъ мейнингенскомъ собраніи передъ глазами націоналъ-либеральнаго сына Блюма. Почтенный ораторъ, при видѣ портрета своего отца, дѣйствительно потерялъ нить своей рѣчи.

***) Особенно хороша была одна баррикада, построенная знаменитымъ архитекторомъ Земперомъ. Въ этомъ возстаніи принимали участіе также и многіе художники, между ними капельмейстеръ Рекель и, впослѣдствіи столь знаменитый, Рихардъ Вагнеръ, котораго потомъ по доносу преслѣдовали за государственную измѣну. Художники вообще были хорошо представлены въ рядахъ демократіи. Знаменитая пѣвица Шредеръ-Девріенъ горько оплакивала Роберта Блюма, и однажды въ разговорѣ съ нѣкоторыми саксонскими дипломатами очень рѣзко высказалась по поводу насилія, совершеннаго надъ нимъ Виндишгрецомъ.

Войско, осаждавшее Новый Городъ и дворецъ и арсеналъ въ Старомъ Городѣ, не одержало въ этотъ день ни одной побѣды.

Послѣ бѣгства короля образовалось временное правительство, составившее изъ большого числа бывшихъ членовъ палаты. Членами правленія были назначены Гейбнеръ, Чирнеръ и Тодтъ. Чирнеръ былъ стойкій республиканецъ, Гейбнеръ же былъ менѣе рѣшителенъ. Онъ во франкфуртскомъ парламентѣ голосовалъ противъ выбора короля Пруссіи, а вообще воздержался отъ избранія. Впослѣдствіи утверждали, будто онъ вступилъ въ Дрезденѣ во временное правительство лишь для того, чтобы не передать власти въ руки „крайнихъ". Тодтъ, бывшій раньше довѣреннымъ лицомъ правительства въ союзномъ сеймѣ, былъ встрѣченъ недовѣріемъ. Чирнеръ, краснорѣчивый адвокатъ, бывшій президентъ второй палаты, былъ руководителемъ этого правительства, которому приходилось бороться съ большими трудностями, несмотря на довѣріе и покорность народа.

Возставшіе имѣли большую глупость заключить съ войсками, ждавшими подкрѣпленія, перемиріе. Гражданское ополченіе съ самаго же начала заняло двусмысленное положеніе, заключивъ съ войскомъ особый договоръ относительно совмѣстнаго размѣщенія въ арсеналѣ, при чемъ ему, повидимому, досталась менѣе выгодная позиція. Перемиріе, продолженное съ ночи 4 мая до 5 мая, принесло подкрѣпленіе обѣимъ сторонамъ, но возставшіе не получили подкрѣпленія въ той мѣрѣ, въ которой ожидали его вожаки. Разослано было много гонцовъ во всѣ стороны съ воззваніемъ о помощи. Въ Лейпцигѣ тамошніе демократы произносили громовыя рѣчи; но помимо этого ничего не было предпринято въ пользу Дрездена. Жители Лейпцига даже допустили, послѣ нѣкоторой борьбы, расположенный у нихъ въ городѣ гарнизонъ отправить въ Дрезденъ, а затѣмъ послали адвоката Цихоріуса съ представленіемъ къ центральному правительству. Изъ Хемница пришли отряды машиностроительныхъ рабочихъ, а изъ каменноугольныхъ копей господина фонъ-Бургка явилось нѣсколько сотенъ рабочихъ, привезшихъ съ собою пять 4-фунтовыхъ пушекъ, принадлежавшихъ этому господину *). Это было единственное орудіе возставшихъ, такъ какъ арсеналъ остался для нихъ недоступнымъ.

Коммунальная администрація снова взяла на себя роль посредницы, надѣясь на примиреніе, но министры Бейстъ и Рабенгорстъ поставили такія тяжелыя условія, что 6 мая послѣ полудня опять разгорѣлась борьба. Между тѣмъ пришло, помимо саксонскихъ полковъ, два прусскихъ батальона пѣхоты и прусская артиллерія; кавалерія отрѣзала всѣ проходы и начала обстрѣливать баррикады тяжелыми орудіями. Теперь всѣмъ стало ясно для какой цѣли войска заключили перемиріе. Имъ необходимо было выиграть время выйти и изъ положенія растерянности, въ которомъ они находились, и удержать возставшихъ до прибытія прусскихъ войскъ.

Борьба была ужасная, потому что защитники обнаружили необыкновенную стойкость. Войско врывалось въ дома, гдѣ происходили отчаянныя сцены борьбы. Когда защитники домовъ были изгнаны или убиты, солдаты открывали изъ оконъ огонь по баррикадамъ. Прусская

*) Горнорабочіе сдѣлали попытку устроить подкопъ подъ дворцомъ, занятымъ войскомъ, но это имъ не удалось.

артиллерія произвела страшное опустошеніе; маленькія орудія бургскихъ углекоповъ не могли оказывать ей сопротивленія. Генералъ Гомиліусъ, командиръ саксонской артиллеріи, былъ убитъ выстрѣломъ одной изъ бургскихъ пушекъ.

Защитою руководилъ Бакунинъ, распоряженія котораго носили диктаторскій и террористическій характеръ *). Численный перевѣсъ войска постепенно подавлялъ возставшихъ, несмотря на всю храбрость, съ которою защищалась каждая баррикада въ отдѣльности. 7 мая войска проникли въ центръ города по главнымъ улицамъ и здѣсь, у баррикады въ Большой Фрауэнгассе у „Города Рима“, сраженіе достигло высшей степени напряженія. Пруссаки и саксонцы, нѣсколько разъ отбиваемые, съ тяжелыми для нихъ потерями, лишь съ крайнимъ напряженіемъ сумѣли взять штурмомъ прочную позицію народныхъ борцовъ. Когда войска, наконецъ, взяли „Городъ Римъ“, они тамъ такъ неистово хозяйничали, что умертвили въ пылу сраженія даже принца Шварцбургъ-Рудльштадтскаго, австрійскаго офицера, который лежалъ больнымъ въ отелѣ **).

Гражданское ополченіе вскорѣ удалилось съ мѣста сраженія, почти одни только рабочіе остались послѣдними сражаться на баррикадахъ. О командирѣ гражданскаго ополченія Гейнце говорили, что онъ умышленно отдалъ себя въ плѣнъ солдатамъ.

Городъ во время уличныхъ битвъ горѣлъ во многихъ мѣстахъ; огонь разрушилъ старое зданіе оперы и часть построекъ, примыкавшихъ къ королевскому замку. Доискиваться, кто поджегъ эти зданія, не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ здѣсь, какъ и всегда при подобномъ сраженіи, едва ли возможно, чтобы зданія не горѣли. Реакціонеры впослѣдствіи увѣряли, что народные борцы „нарочно“ поджигали зданія; по мнѣнію другихъ, пожаръ произошелъ отъ артиллерійскаго огня.

8 мая вечеромъ, въ то время, когда борьба еще была въ полномъ разгарѣ и достигла такого ожесточенія, что даже женщины и молодыя дѣвушки сражались и падали на баррикадахъ, предводители возстанія пришли къ убѣжденію, что сопротивленіе безполезно. Войско заняло выходы города, за исключеніемъ одного. Рѣшено было пере-

---

*) Авторъ спросилъ однажды въ Саксоніи стараго углекопа, который сражался на баррикадахъ въ Дрезденѣ, видѣлъ ли онъ Бакунина и какъ велъ себя послѣдній во время борьбы. „О!“, отвѣтилъ старикъ, „видать-то я его видалъ много разъ, но, кромѣ необыкновенной богатой растительности на лицѣ, въ немъ ничего не было достопримѣчательнаго“.

**) Прусскій полковникъ фонъ-Вальдерзее написалъ сочиненіе о дрезденскомъ возстаніи, въ которомъ онъ говоритъ, что прусскіе солдаты, повидимому, были убѣждены, что на дрезденскихъ баррикадахъ дерутся мартовскіе борцы Берлина. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ старались въ этомъ увѣрить, чтобы возбудить ихъ фанатизмъ. Далѣе въ этомъ произведеніи говорится: „Такимъ образомъ, прусскіе солдаты безъ всякаго побужденія со стороны своего начальства, какъ бы молча, согласились въ этомъ сраженіи не полагаться на слишкомъ длительный и не всегда справедливый юридическій процессъ, а произвести быструю и самостоятельную расправу. Эти свои планы сообщили они своимъ саксонскимъ товарищамъ. И какъ это обыкновенно бываетъ, что прозелиты новаго ученія принимаютъ его ревностнѣе и фанатичнѣе поклоняются всѣмъ его извращеніямъ, такъ случилось и здѣсь“.—„Ученики“ на самомъ дѣлѣ превзошли своихъ „учителей. Характерно то, что прусскіе спасители отечества должны были сначала играть роль „учителей“.

нести борьбу въ Рудныя горы, въ городъ Фрейбергъ. Народные борцы въ полночь ушли и попытались достичь Фрейберга, идя по Диппольдисвальдеровской дорогѣ. Въ городѣ остались еще занятые защитниками нѣкоторые баррикады и дома; не извѣстно, произошло ли это оттого, что нѣкоторые изъ защитниковъ не захотѣли уступать, или же оттого, что не было достаточной организованности при отступленіи. 9 утромъ войска, послѣ отчаяннаго сопротивленія защитниковъ, заняли и эти позиціи. Дрезденъ и его окрестности на разстояніи трехъ миль были объявлены въ осадномъ положеніи.

По пути къ Дрездену направлялись цѣлыя толпы народа на помощь защитникамъ; но они, узнавъ о томъ, что столица взята непріятелемъ, повернули назадъ. Они считали теперь борьбу проигранной. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ взятія Дрездена, была сломлена сила возстанія. Гейбнеръ подошелъ къ Фрейбергу съ довольно значительнымъ отрядомъ, но городская администрація его такъ сильно умоляла не подвергать городъ опасности, что онъ удалился и направился въ Хемницъ. Онъ вмѣстѣ съ Бакунинымъ поспѣшилъ впередъ, чтобы сдѣлать въ Хемницѣ необходимыя приготовленія, но былъ измѣнническимъ образомъ преданъ властямъ и доставленъ вмѣстѣ съ Бакунинымъ обратно въ Дрезденъ. Раньше еще былъ схваченъ Реккель; Чирнеру удалось бѣжать въ Баденъ, а Тодтъ, который очень быстро удалился во Франкфуртъ, достигъ Швейцаріи *).

Возставшіе разсѣялись очень быстро. Они во время сраженія вели себя образцово. Обычный девизъ: „Собственность неприкосновенна!“ былъ написанъ повсюду. Но тѣмъ ужаснѣе хозяйничали побѣдители, которые ожесточились упорнымъ сопротивленіемъ. Даже такая реакціонная газета, какъ „Illustrirte Zeitung“, писала тогда: „Мы очень сожалѣемъ о томъ, что торжество побѣды законнаго порядка было во многихъ мѣстахъ омрачено грабежами солдатъ, а также другими поступками, которые можно правда объяснить ожесточеніемъ, вызваннымъ упорствомъ мятежниковъ; но ни въ коемъ случаѣ не оправдать.“ „Другіе поступки“ состояли въ убійствѣ плѣнныхъ и безоружныхъ и въ иныхъ насиліяхъ надъ плѣнными. Плѣнныхъ сначала повели черезъ мостъ на Эльбѣ въ Новый Городъ. Когда тамъ оказались переполненными всѣ зданія, остальныхъ повели въ „Frauenkirche“ и „Gewandhaus“. Особенно страшныя минуты пришлось имъ пережить въ „Frauenkirche“ **).

Изъ народа пали въ этой борьбѣ 178 человѣкъ, изъ которыхъ опознаны были только 70 ч., а 108 остались неизвѣстными. Потери солдатъ равнялись по офиціальному заявленію 34 убитымъ и 36 раненымъ.

Надъ плѣнными, среди которыхъ находилось множество лучшихъ и уважаемыхъ лицъ страны, былъ учиненъ самый строгій судъ. Гейбнеръ и Реккель были приговорены къ смертной казни, король замѣнилъ имъ казнь пожизненною каторгою; Гейбнеръ отбылъ 10 лѣтъ

---

*) Вюртембергскій демократъ, господинъ Л. Б., принявшій у себя Тодта во время его бѣгства въ Геппингенъ и переправившій его черезъ Боденское озеро въ Роршахъ, разсказывалъ автору, что Тодтъ, прибывъ въ Роршахъ, „цѣловалъ свободную швейцарскую землю“.

**) Смотри произведеніе Реккеля: „Возстаніе Саксоніи“, стр. 74.

каторги, а Реккель 11 лѣтъ. И надъ другими были произнесены суровые приговоры. Каторжная тюрьма въ Вальдгеймѣ стала мѣстомъ ужаса и отчаянія. Помимо наказанія голодомъ, карцеромъ и другими мученіями, плѣнныхъ наказывали еще тѣмъ, что къ одной ногѣ заключеннаго приковывали цѣпью тяжелое дубовое бревно. Это бревно они должны были повсюду таскать за собою *).

Саксонскій народъ относился къ плѣннымъ, а въ особенности къ Гейбнеру **) съ безграничнымъ преклоненіемъ. Съ наибольшимъ участіемъ относились къ Бакунину, который былъ приговоренъ къ смертной казни, затѣмъ помилованъ и приговоренъ къ пожизненной каторгѣ, а затѣмъ выданъ Австріи, которая обвиняла его въ участіи въ іюньскомъ возстаніи въ Прагѣ. Австрія выдала его Россіи; долгое время находился онъ въ заключеніи въ Шлиссельбургской крѣпости, а затѣмъ сосланъ въ Сибирь. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ послѣ фантастическаго побѣга изъ Сибири очутился въ Сѣверной Америкѣ. Роль, которую онъ игралъ впослѣдствіи, заставляла его считать не то дуракомъ, не то шпіономъ. Онъ пытался предать дѣло интернаціональной рабочей ассоціаціи въ руки анархистовъ, но на конгрессѣ въ Гаагѣ онъ былъ исключенъ изъ интернаціонала ***).

Въ то время, какъ происходила борьба въ Дрезденѣ, вспыхнуло возстаніе и въ Бреславлѣ. Буржуазія этого города устроила демонстрацію только въ пользу имперской конституціи; рабочіе намѣревались задержать батарею, предназначенную къ отправкѣ въ Дрезденъ для усмиренія возставшихъ. Народное собраніе подъ открытымъ небомъ было запрещено. Послѣ этого состоялось громадное собраніе въ ресторанѣ „Нѣмецкій Императоръ", гдѣ ораторы высказывались, что проведеніе конституціи есть дѣло народа. Начали строить баррикады и произошли столкновенія съ войскомъ. Въ народъ стрѣляли и пало нѣсколько жертвъ. Войска заняли самые важные пункты города; занявъ удобную позицію, войска овладѣли всѣмъ городомъ. На слѣдующій день, 7 мая, послѣ обѣда началось настоящее сраженіе, послѣ того какъ до обѣда дѣло доходило всего до незначительныхъ столкновеній. Возвысилась цѣлая масса баррикадъ. Войска быстро нападали на нихъ, и послѣ упорной и кровопролитной борьбы онѣ были взяты. Особенно ожесточенна была борьба у „Краснаго Оленя" и на Николаевской улицѣ. Войска потерпѣли большія потери; убито было и много офицеровъ. Бреславльская буржуазія предстала въ своемъ настоящемъ свѣтѣ; она замкнула свои ворота и не впустила раненыхъ баррикадныхъ борцовъ; говорятъ, будто въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буржуазные фанатики и

---

*) Говорятъ, будто у секретаря торговой палаты Кирбаха фонъ-Плауэна еще по сей день остались на ногѣ слѣды отъ ношенія такого бревна. Непонятно только, какъ можно съ подобнымъ знакомъ стать врагомъ соціализма.

**) Гейбнеръ, принадлежащій теперь къ партіи свободомыслящихъ, недавно праздновалъ въ Дрезденѣ 80-лѣтіе своего рожденія; свободомыслящіе очень пышно отпраздновали этотъ день. Саксонскіе свободомыслящіе не перестаютъ бороться противъ соціалдемократовъ, какъ противъ „партіи переворота", между тѣмъ какъ они въ своихъ собственныхъ рядахъ чуть ли не боготворятъ бывшихъ революціонеровъ. Соціалдемократія же пока и не помышляетъ о томъ, чтобы прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ.

***) Смотри прекрасное произведеніе Карла Маркса по этому поводу. „Союзъ Соціалдемократической партіи", въ которомъ изобличается дѣятельность Бакунина и другихъ анархистовъ.

трусы нападали на баррикадныхъ борцовъ съ тылу въ то время, когда съ фронту на нихъ нападали войска. На баррикадахъ было меньше убитыхъ и раненыхъ, чѣмъ среди войска. Около полуночи войска оказались побѣдителями, а рано утромъ Бреславль и его окрестности на разстояніи двухъ миль были объявлены на осадномъ положеніи.

На сѣверѣ все было спокойно. Демократія, правда, и тамъ выпустила массу высокопарныхъ прокламацій. Но къ такимъ вещамъ народъ уже привыкъ, и они оказывали на него такъ же мало вліянія, какъ и призывъ франкфуртской лѣвой къ оружію, призывъ, который на большую часть народа не произвелъ никакого впечатлѣнія.

Совсѣмъ иначе обстояло дѣло на Рейнѣ. Тамъ существовали области съ сильно развитой промышленностью, гдѣ рабочіе, которыхъ насчитывалось много тысячъ, находились въ безпрерывномъ движеніи. Рейнская буржуазія вообще отнеслась съ обычнымъ отвращеніемъ и страхомъ къ соціализму и стремленіямъ рабочихъ. Имперская конституція пришлась ей очень по вкусу; буржуазія надѣялась, что проведеніе конституціи вызоветъ подъемъ торговли и поможетъ создать нѣмецкій военный флотъ для защиты морской торговли. Поэтому буржуазія и обращалась къ массѣ, которая и вызвала мѣстами возстаніе, хотя для массы эта конституція не имѣла никакого значенія; они совершенно не заботились о томъ, какое названіе будетъ носить возстаніе. Кельнъ одинъ былъ спокоенъ; но въ Эссенѣ броженіе было такъ сильно, что взрывъ казался неизбѣжнымъ. Въ Эльберфельдѣ и Дюссельдорфѣ дѣло дошло до сраженія. Демократическая агитація вовлекла въ борьбу и ополченцевъ. 7 мая состоялось въ Эльберфельдѣ собраніе ополченцевъ, которые объявили первый призывъ народнаго ополченія, согласно приказу министерства Мантейфеля, незаконнымъ, и порѣшили не подчиняться этому министерству. За этимъ послѣдовали подобныя же заявленія другихъ ополченцевъ. Полиція отовсюду, гдѣ это заявленіе было наклеено, срывала его; возбужденіе росло и, наконецъ, произошло столкновеніе съ расположеннымъ въ Эльберфельдѣ гарнизономъ. Послѣдній послѣ одного сраженія съ народомъ, и послѣ того, какъ былъ убитъ одинъ изъ его офицеровъ, удалился изъ города. 10 мая въ Дюссельдорфѣ дѣло дошло до баррикаднаго боя, и войска побѣдили. Прямыя улицы Дюссельдорфа не были приспособлены для такого рода борьбы. Газеты того времени полны ужасающими подробностями этой борьбы и въ особенности хозяйничанія войскъ въ побѣжденномъ городѣ *).

Въ Эльберфельдѣ образовался комитетъ безопасности, въ которомъ господствующую роль играла буржуазія. Туда стеклось много тысячъ народныхъ борцовъ; изъ Золингена прибылъ даже отрядъ вооруженныхъ дѣвушекъ. Изъ арсеналовъ Грефрата и Зигбурга взято было оружіе. Такъ какъ все войско, находящееся въ распоряженіи правительства, было занято, то у Эльберфельда было достаточно времени, чтобы приготовиться къ борьбѣ. Городъ былъ сильно забаррикадированъ. Среди рабочихъ царило боевое настроеніе, пролетаріатъ выставилъ свои массы для борьбы, и этимъ воспользовались, чтобы

*) Мы не смогли удостовѣриться въ правдоподобности этихъ сообщеній, которыя, повидимому, сдѣланы въ моментъ высочайшаго возбужденія. Но если даже половина того, что было передано, вѣрно, то тамъ происходили невѣроятныя по своей жестокости вещи.

запугать буржуазію. Темныя личности, поведшія эту агитацію, были очень дѣятельны и имъ въ самомъ дѣлѣ удалось вскорѣ нагнать такой страхъ на буржуазію передъ „коммунизмомъ“, что правленіе комитета безопасности изгнало изъ города всѣхъ ярыхъ демократовъ и „инородцевъ“ *). Буржуазія нигдѣ не обнаружила такъ сильно свою трусость и убожество, какъ во время этого характернаго эпизода въ Эльберфельдѣ.

Рабочіе, оставшись безъ руководителя, обнаружили нерѣшительность. Когда вскорѣ послѣ этого къ городу подступило сильное войско съ сильной артиллеріей, распространился слухъ, что имперская конституція принята королемъ. Баррикады были послѣ этого снесены, и народные отряды подъ предводительствомъ стараго офицера Отто фонъ-Мирбаха **) бросились въ горы, гдѣ они были схвачены въ плѣнъ, частью разсѣяны.

Такимъ образомъ, это движеніе закончилось безъ дальнѣйшей борьбы, но послѣ нея, однако, послѣдовалъ эпилогъ, разыгравшійся въ Вестфаліи. Сильные рабочіе этой страны поднялись для борьбы въ Гагенѣ и Изерлонѣ. Они не имѣли подходящихъ вождей, но имъ въ руки попался большой транспортъ пороху. Борьба сконцентрировалась въ Изерлонѣ, который былъ сильно забаррикадированъ. Вся ихъ артиллерія состояла изъ двухъ шестифунтовыхъ пушекъ и двухъ мортиръ. Противъ нихъ были посланы главнымъ образомъ бранденбуржцы. И здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, буржуазія въ рѣшительный моментъ отрѣшилась отъ рабочихъ. Войско окружило городъ и произвело нападеніе со всѣхъ сторонъ. Борьба была ожесточенная, такъ какъ рабочіе боролись съ мужествомъ и упорствомъ, на которое вынуждало ихъ положеніе. Съ обѣихъ сторонъ пало много жертвъ. Побѣжденнымъ пришлось испытать на себѣ гнѣвъ побѣдителей; реакціонеры оправдывали это тѣмъ, что солдаты были возбуждены смертью своего оберъ-лейтенанта. Какъ сильно должно было въ такомъ случаѣ быть возбужденіе рабочихъ и демократовъ!

Возставшіе города были объявлены въ осадномъ положеніи. Рейнская область и Вестфалія стонали подъ игомъ военной диктатуры

---

*) Подобная же участь постигла и Фридриха Энгельса, который поспѣшно направлялся изъ Кельна въ Эльберфельдъ, гдѣ онъ очень энергично занимался дѣломъ. Ему было сказано, будто эльберфельдская буржуазія опасается, что онъ поведетъ агитацію за „красную республику“, а посему ему былъ врученъ указъ объ его изгнаніи, исходящій отъ демократическаго комитета безопасности. Въ этомъ достопримѣчательномъ документѣ было сказано, что онъ вслѣдствіе проявленной имъ дѣятельности долженъ оставить городъ, такъ какъ присутствіе его могло бы подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ о характерѣ движенія“ (См. „Новая Рейнская Газета“, отъ 17 мая 1849 г.). 18 мая появился отпечатанный красными буквами знаменитый послѣдній № „Рейнской Газеты“ съ поэтическимъ прощальнымъ словомъ Фрейлиграта въ заголовкѣ. Редактора газеты почти всѣ бѣжали, нѣкоторые изъ нихъ преслѣдовались за государственную измѣну; Карлъ Марксъ былъ изгнанъ изъ Пруссіи.

**) Комитетъ безопасности возложилъ на него, по предложенію Энгельса предводительство.

Майская революція въ Южной Германіи.

Движеніе въ Пфальцѣ и Баденѣ, которое должно причислять къ такъ называемымъ конституціоннымъ возстаніямъ, и въ которомъ конституція являлась не цѣлью, а только знаменемъ, было значительно упорнѣе и глубже, чѣмъ, носившія больше мѣстный характеръ, возстанія въ Саксоніи и Рейнской области.

Въ Пфальцѣ протестъ противъ реакціи раньше всего принялъ форму возстанія.

Населеніе Пфальца держалось въ 1848 г. гораздо спокойнѣе, чѣмъ отъ него ожидали. Но когда баварское правительство рѣшительно высказалось противъ конституціи, то обезпокоились даже мирные и конституціонные бюргеры, рѣшительные же демократы и республиканцы продолжали толкать движеніе впередъ. Въ Кайзерслаутернѣ 1 и 2 мая состоялось большое народное собраніе, на которомъ былъ избранъ комитетъ для защиты страны. Въ этомъ комитетѣ засѣдали нѣкоторые члены франкфуртской лѣвой. Собраніе постановило требовать у правительства, общинъ и чиновниковъ признанія конституціи. Если же послѣднее не будетъ сдѣлано, то пфальцскіе солдаты должны быть отозваны съ баварской службы, народъ вооруженъ, въ податяхъ отказано и всѣ общественныя кассы опечатаны. Старались придать этой революціи возможно большій „законный" характеръ. За республику высказалось собраніе въ Нейштадтѣ, но, не отказываясь отъ республики, принято было знамя конституціи. Войско выказывало большое сочувствіе движенію, и вскорѣ стали массами переходить на его сторону. Со стороны имперскаго правителя былъ посланъ депутатъ Бернгардъ Эйзенштукъ изъ Хемница въ качествѣ имперскаго комиссара въ Пфальцъ. Вынуждены были послать „лѣваго", ибо всякій другой въ Пфальцѣ былъ бы попросту высмѣянъ. Эйзенштукъ открыто высказалъ свое согласіе на мѣры для проведенія имперской конституціи, утвердивъ тѣмъ самымъ комитетъ для защиты страны. Онъ склонилъ также возвратиться прусскіе батальоны, которыхъ центральная власть направила изъ Майнца въ Ландау *). Эйзенштукъ, понятно, былъ ото-

---

*) Это Эйзенштукъ сообщаетъ въ своемъ отчетѣ франкфуртскому парламенту.

званъ и подвергнутъ жестокимъ нападкамъ со стороны реакціонеровъ. Пфальцская революція совершалась довольно мирнымъ образомъ. Къ ней присоединилась вся страна за исключеніемъ крѣпостей Ландау и Гермерсгеймъ. Если желали укрѣпить за собой позицію, необходимо было какъ можно быстрѣе организовать боевыя силы и завладѣть этими двумя крѣпостями. Большого труда это не составляло, особенно при Ландау, такъ какъ войска сильно склонялись къ тому, чтобы перейти на сторону повстанцевъ.

Между тѣмъ сами вожаки пфальцскаго возстанія были такъ же вялы, какъ и вся народная масса въ цѣломъ. Въ то время, какъ руководящіе круги занимались только удаленіемъ ненужныхъ прокламацій, а помимо этого очень мало или даже ничего не сдѣлали, въ средѣ народныхъ массъ обнаруживается кабацкій разгулъ, хвастливая болтовня за кружкой пива и, связанная съ этимъ тѣсно, безтолковщина и безалаберность. Въ разговорахъ и пѣсняхъ врагъ неоднократно уничтожался; но когда пруссаки дѣйствительно приблизились, на мѣстѣ оказалась лишь ничтожная кучка борцовъ, и сопротивленіе оказано было очень слабое. Истинно дѣятельные и энергичные люди ничего не могли сдѣлать при такомъ положеніи вещей; благородные „крикуны“ до тѣхъ поръ только были въ первыхъ рядахъ, пока не раздались первые выстрѣлы. Тогда они исчезли очень быстро.

Учрежденное въ теченіе мая мѣсяца временное правительство отчасти состояло изъ очень умѣренныхъ людей; оно не обладало ни энергіей, ни мужествомъ для проведенія своихъ собственныхъ постановленій. Главнокомандующимъ военныхъ силъ оно назначило извѣстнаго уже по вѣнскимъ событіямъ Феннера фонъ-Феннеберга, проявившаго полнѣйшую неспособность *). Правительство выпустило также принудительный заемъ, но не обладало способностью создать доходы и переживало поэтому всегда самыя стѣснительныя денежныя затрудненія. Наскоро собраннымъ народнымъ представительствомъ было провозглашено отпаденіе отъ Баваріи, что не имѣло никакого значенія, такъ какъ фактически отпаденіе уже произошло.

Хотя 5 мая, собравшаяся въ клубѣ Доннерсбергъ, франкфуртская крайняя лѣвая, указывая на Пфальцъ, призывала Германію къ оружію; хотя парламентъ обнаружилъ въ себѣ столько смѣлости, чтобы объявить вторженіе прусскихъ войскъ въ Саксонію нарушеніемъ имперскаго мира,—несмотря на все это само по себѣ очень слабое пфальцское движеніе, несомнѣнно, разстроилось бы, если бы не послѣдовало возстанія въ сосѣднемъ Баденѣ, которое дало новый импульсъ пфальцскому движенію.

Въ Баденѣ демократическая партія не потеряла мужества послѣ бунта Струве и его послѣдствій. Благодаря преимущественно дѣятельности Аманда Гёгга, она создала обширную организацію и покрыла страну сѣтью свыше 400 народныхъ союзовъ **).

---

*) Самымъ важнымъ для него дѣломъ было—сняться въ парадной формѣ; позднѣе онъ написалъ брошюру, въ которой сваливаетъ всю вину на другихъ, какъ поступали многіе занимавшіе въ этомъ движеніи посты, до которыхъ они не доросли.

**) Основанные подъ покровительствомъ министра Бекка „патріотическіе союзы не находили для себя почвы. Демократы въ насмѣшку называли ихъ „Баптистскими союзами“, такъ какъ Бекка звали Баптистомъ.

Движеніе до того захватило и войско, что послѣднее сыграло при возстаніи рѣшительную роль. Поведеніе пфальцскаго войска имѣло, повидимому, извѣстное вліяніе на баденскую армію. Весною 1849 г. должны были разбираться судебные процессы противъ политическихъ арестованныхъ, противъ Фиклера, Струве, Блинда и др. Общественное мнѣніе стало на сторону обвиняемыхъ и не позволило правительству по обыкновенію обращаться съ своими политическими противниками, какъ съ преступниками. Струве, Блиндъ, Фиклеръ и другіе обвиняемые предстали предъ присяжными въ качествѣ обвинителей правительства, а защитники, въ томъ числѣ талантливый Брентано изъ Брукзаля, съ своимъ блестящимъ краснорѣчіемъ, произнесли до того сильныя рѣчи, что почти всѣ приговоры оказались противъ правительства. Во всей странѣ обнаружились теперь республиканскія стремленія, и національный комитетъ народныхъ союзовъ пользовался въ странѣ большимъ уваженіемъ, чѣмъ правительство.

Сначала только предлагали оказать помощь Пфальцу въ его борьбѣ за имперскую конституцію. Но Амандъ Гёггъ еще въ началѣ мая на одномъ тайномъ собраніи въ Мангеймѣ съ франкфуртской крайней лѣвой развилъ свой планъ на предстоящемъ большомъ народномъ собраніи въ Оффенбургѣ *) провозгласить республику.

Послѣ этого Гёггъ созвалъ на 12 мая въ Офферабургѣ національный конгрессъ делегатовъ всѣхъ народныхъ союзовъ, а на 13 мая большое народное собраніе со всей страны.

Конгрессъ делегатовъ рѣшилъ послать депутацію въ Карлсруэ съ требованіями на собраніе 13 мая и, если требованія эти будутъ отклонены, объявить тогда національный комитетъ постояннымъ и дать ему полномочія апеллировать къ народу и созвать учредительное собраніе.

Делегаты конгресса не хотѣли, однако, пойти такъ далеко, какъ Гёггъ и пылкая республиканская молодежь страны. Имперская конституція, какъ уже упомянуто было, была признана великимъ герцогомъ, и присяга ей, войскамъ и гражданскимъ ополченіямъ назначена была уже на 13 мая. Поэтому большинство конгресса требовало только отставки министерства Бекка, слывшаго „либеральнымъ", но не пользовавшагося, однако, симпатіей народа; затѣмъ требовали распущенія палатъ, созыва баденскаго учредительнаго собранія и амнистіи политическихъ заключенныхъ и изгнанниковъ.

На другой день, когда въ Оффенбургѣ стекался народъ большими массами, рѣшительная политика взяла верхъ. Въ теченіе ночи Гёггъ съ другими молодыми демократами выработали радикальную программу, которую они предложили народному собранію. Они отказались отъ провозглашенія республики.

Министерство Бекка довольно рѣзко отклонило требованія оффенбургской депутаціи. Можно было предвидѣть, что съ возвращеніемъ депутаціи подымется буря. Между тѣмъ въ Оффенбургъ явилась депутація солдатъ изъ Раштатта, которая сообщила, что гарнизонъ союзной крѣпости Раштатта возсталъ и изгналъ реакціонныхъ офицеровъ и коменданта крѣпости. Солдаты устраивали собранія вмѣстѣ съ дру-

---

**) См. „Nachträgliche authentische Aufschlüsse über die badische Revolution von 1849. Цюрихъ, 1876.

гими гражданами, но ораторы были арестованы. Силой они были освобождены. Когда аресты повторились, вспыхнуло возстаніе, и крѣпость очутилась въ рукахъ повстанцевъ, которые отдаютъ ее въ распоряженіе національнаго комитета. Военный министръ Гоффманъ, который прибылъ на слѣдующій день изъ Карлсруэ въ Раштаттъ съ отрядомъ конницы и съ нѣсколькими эскадронами кавалеріи, былъ обращенъ въ бѣгство.

Вслѣдъ за этими вѣстями Гёггъ явился въ народное собраніе со своей програмой. Эта программа провозглашала борьбу противъ силъ, враждебныхъ франкфуртской имперской конституціи и нѣмецкой свободѣ вообще; ясно, что эти силы способны даже призвать на помощь Россію. Нѣмецкій народъ находился въ крайней опасности и долженъ объединиться для спасенія свободы. Баденскій народъ будетъ всѣми возможными для него средствами поддерживать народное движеніе въ Пфальцѣ.

Программа шла дальше всѣхъ остальныхъ программъ, выставленныхъ буржуазной демократіей въ 1848 и 1849 годахъ. Она требовала проведенія имперской конституціи, отставки министерства Бекка и образованія новаго—гражданами Брентано и Петеръ, созыва учредительнаго національнаго собранія, „которое объединяло бы въ своемъ лицѣ всю законодательную и исполнительную власти баденскаго народа“; вооруженія народа на средства государства; амнистіи, уничтоженія военнаго суда; свободной выборности офицеровъ; безвозмезднаго уничтоженія всѣхъ земельныхъ повинностей; самостоятельности общинъ; суда присяжныхъ; уничтоженія бюрократическаго управленія; учрежденія національнаго банка для промышленности, торговли и земледѣлія для защиты противъ преобладанія крупныхъ капиталистовъ; уничтоженія старой податной системы, а на ея мѣсто введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога съ сохраненіемъ на ряду съ этимъ таможенныхъ пошлинъ; „учрежденія большого національнаго пенсіоннаго фонда, изъ котораго получалъ бы поддержку всякій, утратившій способность къ труду. Тѣмъ самымъ становится ненужнымъ особый пенсіонный фондъ для состоящихъ на государственной службѣ“.

Изъ этой программы, которая съ шумнымъ восторгомъ была принята собраніемъ въ 35.000 человѣкъ на Базарной площади въ Оффенбургѣ, ясно видно, насколько мало значила имперская конституція въ этомъ движеніи. Программа эта являлась удачной въ данный моментъ попыткой объединить различныя партіи внутри одного движенія. Сопоставляя ее съ обстоятельствами, въ средѣ которыхъ она возникла, ее должно назвать радикальной.

Гёггъ принялъ цѣлый рядъ революціонныхъ мѣръ, захватилъ желѣзную дорогу, не обращая вниманія на присутствовавшаго здѣсь въ качествѣ имперскаго комиссара Раво, игравшаго странную роль, вступая въ переговоры то съ возставшими, то съ Беккомъ. „Не разговорами станемъ теперь заниматься, а дѣйствовать“—говорилъ Гёггъ. Послѣ того, какъ собраніе приняло его программу, онъ предложилъ всей толпой двинуться въ Раштаттъ, чтобы объединиться тамъ съ солдатами. Вновь избранный національный коми-

тетъ объявилъ себя постояннымъ. За исключеніемъ Брентано, котораго нельзя было обойти, въ комитетъ были избраны самые рѣшительные люди *). Въ сопровожденіи группы наиболѣе рѣшительныхъ повстанцевъ, національный комитетъ поспѣшилъ въ Раштаттъ, но къ своему удивленію нашелъ ворота запертыми и понялъ, что ему показываютъ дорогу обратно. Оставшіеся офицеры, по большей части реакціонно настроенные, частью добились за это время перемѣны обстоятельствъ. Своей рѣшительностью Гёггъ побѣдилъ и это препятствіе, и канониры крѣпости, наконецъ, стали угрожать, что они прострѣлятъ ворота, если не будетъ впущенъ національный комитетъ. И онъ, наконецъ, былъ впущенъ. Въ ратушѣ господствовало большое смятеніе. Бургомистръ потерялъ голову **). Толпа солдатъ появилась предъ ратушей, и Гёггъ въ темнотѣ обратился къ нимъ съ пылкой рѣчью, чѣмъ онъ привлекъ ихъ на свою сторону. Въ тотъ же вечеръ еще реакціонные офицеры попытались устроить переворотъ и скомандовали генералъмаршъ. Наступило смятеніе; наконецъ, благодаря рѣшительности артиллерійскаго вахмистра Гейлига изъ Пфуллендорфа, реакціонные офицеры были арестованы, и національный комитетъ остался неоспоримымъ господиномъ положенія.

Возстанія войскъ происходили почти по всей странѣ. Въ Бруксалѣ одновременно возстали народъ и войско и освободили политическихъ заключенныхъ, Струве и Блинда въ томъ числѣ ***). Они поспѣшно направились въ Раштаттъ. Въ Карлсруэ, гдѣ войско симпатизировало народу, двинулся 13 мая отрядъ перваго полка изъ Бруксала съ красными перьями на шляпахъ. Вслѣдъ за этимъ поднялся и карлсруйскій гарнизонъ и прогналъ своихъ офицеровъ. Только драгуны не присоединились; они напали на пѣхоту. Ружейный залпъ убилъ ротмистра Лароша и трехъ драгунъ, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство. Они затѣмъ присоединились къ возставшимъ, которые осадили арсеналъ. Послѣдній защищался противъ возставшихъ солдатъ реакціоннымъ гражданскимъ ополченіемъ изъ Карлсруэ, составившимъ впослѣдствіи брентановскую лейбъ-гвардію. Арсеналъ сдался только на слѣдующее утро. Нападавшіе потеряли въ ночномъ сраженіи нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ то время какъ ружейные залпы гремѣли ночью на улицахъ столицы, великій герцогъ, сидя на пушечномъ передкѣ, спасался бѣгствомъ въ Гермерсгеймъ. Военный министръ Гоффманъ сопровождалъ его съ 16 пушками и небольшимъ, человѣкъ въ 50, отрядомъ. Госпо-

---

*) Членами національнаго комитета были: Брентано изъ Маннгейма, Фиклеръ изъ Констанца, Гёггъ изъ Маннгейма, Петеръ изъ Констанца, Вернеръ изъ Оберкирха, Ременнъ изъ Оффенбурга, Стэй изъ Гейдельберга, Вильманъ изъ Пфорена, Штейнмецъ изъ Дурлаха, Вернвагъ изъ Кенцингена, Рихтеръ изъ Ахерна, Дегенъ изъ Маннгейма, Риттеръ изъ Курсау и Штаркъ изъ Лотштеттена. Оба послѣднихъ были солдатами раштаттскаго гарнизона.— „Умѣренные“ сторонники Брентано, какъ юристъ-практикантъ Флоріанъ Мердесъ изъ Маннгейма и трактирщикъ Тибатъ изъ Эттлингена не были выбраны.

**) Саллингеръ, въ то время демократъ, а позже націоналъ-либералъ.

***) По показаніямъ Густава Раша, заключенныхъ освободилъ молодой Шлеффель. Насколько это вѣрно, мы не знаемъ. Шлеффель, бѣжавшій изъ своего заключенія въ Магдебургъ, присутствовалъ на собраніи въ Оффенбургѣ и участвовалъ въ составленіи программы.

динъ Гоффманъ, побѣдитель при Штауфенѣ, не захотѣлъ быть плѣненнымъ возставшими такъ же, какъ Гервегъ въ Диссенбахѣ не хотѣлъ дожидаться пока его возьмутъ въ плѣнъ вюртемберзкцы. Но тотъ же поступокъ, который навлекъ на Гервега рядъ насмѣшекъ, когда онъ совершенъ былъ великимъ полководцемъ Гоффманомъ, онъ казался всѣмъ естественнымъ *).

Гарнизоны въ Леррахѣ, пріозерномъ округѣ, и Фрейбургѣ также подняли возстаніе. „Имперскій генералъ“ Миллеръ, стоявшій съ вюртембергскими войсками у Фрейбурга, пытался подавить возстаніе и угрожалъ бомбардировать Фрейбургъ; но при томъ настроеніи, которое господствовало въ его войскахъ, онъ принужденъ былъ отступить. Въ Маннгеймѣ Флоріану Мёрдесу удалось склонить войска на сторону революціи и образовать комитетъ безопасности. Онъ дѣйствовалъ тогда, впрочемъ, всецѣло въ интересахъ маннгеймской буржуазіи, которая, подобно карлсруйскимъ филистерамъ, при первой возможности приступила къ подготовкѣ контръ-революціи.

За исключеніемъ одного отряда конницы, который черезъ нѣсколько дней, однако, поступилъ въ распоряженіе новаго правительства, вся баденская армія перешла на сторону демократіи.

Въ Карлсруэ, послѣ бѣгства великаго герцога, среди администраціи господствовало необыкновенное смятеніе. Муниципальный совѣтъ обратился къ министрамъ, а именно къ Бекку, но нашелъ ихъ, какъ дословно значится въ протоколѣ, „въ состояніи безпомощности“. Онъ рѣшилъ послать депутацію въ Раштаттъ и объяснить національному комитету, что городъ Карлсруэ не будетъ противиться ему, если онъ явится въ Карлсруэ съ тѣмъ, чтобы позаботиться о защитѣ города.

Это обстоятельство очень существенно по своему значенію. Муниципальный совѣтъ не могъ добиться помощи у безпомощнаго правительства и обратился къ національному комитету, что очень похоже на приглашеніе послѣдняго явиться въ Карлсруэ **). Національный комитетъ, впрочемъ, по приглашенію или безъ него, все равно явился бы въ Карлсруэ, и приводится это обстоятельство здѣсь только

---

*) Великій герцогъ оставилъ вскорѣ также Гермерсгеймъ, такъ какъ по заявленію министра Бекка и въ этой крѣпости начали обнаруживаться угрожающія явленія. Онъ направился въ Эренбрейтштейнъ.—Генералъ Гоффманъ пытался съ своими 16 пушками достичь Гессена или Вюртемберга. Но такъ какъ онъ не могъ добраться до Гессена, онъ двинулся на вюртембергскую границу. Окруженные въ Фюрфельдѣ и Бонфельдѣ баденскими и вюртембергскими инсургентами, бѣглецы принуждены были сдать пушки, которыя были возвращены баденскому правительству. Солдаты вернулись въ Баденъ. Офицеры частью убѣжали, частью были взяты въ плѣнъ. Одинъ изъ нихъ застрѣлился.

**) Такимъ же образомъ поняли дѣло и имперскіе комиссары Раво, Целль и Христъ (см. Раво. „Mitteilungen über die badische Revolution“, стр. 19). Министръ Беккъ, понятно, отрицаетъ, что порученіе, данное депутаціи, носило характеръ приглашенія. Онъ совѣтовалъ, какъ онъ самъ передаетъ, муниципальному совѣту обождать, чтобы посмотрѣть съ какой силой прибудетъ національный комитетъ. Самъ же онъ былъ настолько смѣтливъ, чтобы не дожидаться національнаго комитета, и исчезъ вмѣстѣ съ остальными министрами заблаговременно. То, что впослѣдствіи и бургомистръ оспаривалъ, будто депутація не передавала приглашенія въ Раштаттъ, соотвѣтствуетъ поведенію карлсруйской буржуазіи, которая старалась обезпечить себя со всѣхъ сторонъ и склонялась всегда въ сторону успѣха.

для того, чтобы показать „приверженную порядку" буржуазію и столь всегда рѣшительную бюрократію во всемъ блескѣ ихъ безпомощности. Струве, едва очутившійся на свободѣ, немедленно совершилъ необдуманный шагъ. Насколько Струве присущи были мужество, честность и хорошія стремленія, настолько у него отсутствовали практическая смекалка, умѣніе сообразоваться съ обстоятельствами и самообладаніе. Случайно или по недоразумѣнію не допущенный въ Раштаттъ, онъ отправился немедленно въ Баденъ-Баденъ, гдѣ находился въ то время Брентано, и побудилъ послѣдняго стать во главѣ революціоннаго движенія. Брентано не скрывалъ своего несочувствія новому движенію. Революціонеры считали себя вынужденными выбрать его въ Оффенбургѣ въ національный комитетъ, но въ то же время они надѣялись, что, послѣ побѣды радикальнаго направленія, онъ отстранится отъ дѣлъ. И вдругъ Струве, извѣстный, какъ вождь радикальнаго движенія, настойчиво проситъ его взять въ свои руки руководство движеніемъ. Высокомѣрный и честолюбивый адвокатъ возомнилъ себя необходимымъ и выступилъ какъ диктаторъ.

14 мая онъ появился въ Раштаттѣ и выступилъ вполнѣ сторонникомъ порядка, заявивъ, что согласно предложенію муниципальнаго совѣта, онъ направился въ Карлсруэ, чтобы „положить тамъ конецъ анархіи". Солдаты были изумлены, услышавъ эту избитую фразу, которой реакціонеры всегда старались прикрыть свои насилія.

Но этому обстоятельству на первыхъ порахъ не придавали значенія и бодро направились въ Карлсруэ.

Съ двумя батальонами пѣхоты, 3-мя пушками и 3-мя эскадронами драгунъ національный комитетъ, подъ звуки торжественнаго марша, вступилъ въ столицу. Буржуа, бюрократы, придворные совѣтники и поставщики преклонялись предъ новой властью и встрѣчали ее привѣтственными кликами, за что они были вознаграждены со стороны Брентано благодарственной рѣчью, произнесенной имъ съ балкона городской ратуши. Въ этой рѣчи онъ подчеркнулъ, что будетъ дѣйствовать только въ защиту имперской конституціи и для поддержанія порядка. Брентано умолчалъ объ оффенбургской программѣ, и послѣдняя была прочитана Гофманомъ изъ Маннгейма, но, повидимому, не понравилась этимъ высшимъ слоямъ карлсруйскаго населенія. Въ Карлсруэ усилился національный комитетъ еще на 24 члена и образовалъ исполнительную комиссію, въ которой Брентано, въ качествѣ президента, взялъ на себя внѣшнія и внутреннія дѣла. Гёггъ получилъ управленіе финансами, Петеръ—юстиціей, а военными дѣлами—Эйхфельдъ, бывшій баденскій офицеръ.

Брентано, какъ ни старался изображать изъ себя диктатора, не обладалъ, однако, достаточными для этой цѣли данными. Онъ проявлялъ энергію всегда въ такихъ случаяхъ, гдѣ она меньше всего нужна была. Его снисходительность по отношенію къ лицемѣрной буржуазіи и бюрократіи и его жестокость по отношенію къ радикальной демократіи были одинаково велики.

Съ самаго начала онъ держалъ себя такъ, какъ будто считалъ дѣло проиграннымъ, такъ что трудно было понять, что побудило его стать во главѣ возстанія. Повидимому, не всѣ нападки на него его

противниковъ справедливы. Несомнѣнно только то, что его управленіе не содѣйствовало движенію, а наоборотъ ослабило его. Не безъ основанія его прозвали могильщикомъ баденскаго возстанія; и дѣйствительно баденское движеніе было обречено на гибель съ того дня, когда онъ со своими сторонниками взялъ руководство въ свои руки.

Остальные члены правительства, большей частью молодежь, были въ сравненіи съ нимъ безсильны, такъ какъ онъ пользовался необыкновенной популярностью. Многіе изъ нихъ пугались, когда онъ угрожалъ своимъ уходомъ. А съ этой угрозой онъ выступилъ очень скоро, такъ какъ онъ съ самаго начала старался облегчить положеніе бюрократовъ, большую часть которыхъ онъ оставилъ на своихъ мѣстахъ. Онъ не обязалъ ихъ безусловнымъ повиновеніемъ новому правительству, а только такимъ, которое „не затрогивало бы обязательствъ, принятыхъ при старомъ режимѣ". Угрозами о своемъ уходѣ онъ добился у національнаго комитета признанія этой полумѣры. Бюрократія тотчасъ замѣтила, сколько она выиграла, и различныя учрежденія, въ томъ числѣ и верховная судебная палата, отказались присягать новому правительству.

Фиклеръ своей популярностью и энергіей, быть можетъ, съ успѣхомъ могъ бы выступить противъ Брентано, но онъ дѣйствовалъ большей частью вдали отъ засѣданій правительства, а послѣ, будучи посланъ въ Вюртембергъ, не возвращался больше оттуда.

Петеръ былъ истиннымъ демократомъ, не обладавшимъ, однако, достаточной энергіей для борьбы съ интригами бюрократіи. Эйхфельдъ былъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы дорасти до такого важнаго поста, какъ постъ военнаго министра. Онъ упустилъ первое драгоцѣнное время и принужденъ былъ затѣмъ отступить. То, что онъ упустилъ, было едва поправимо.

Министръ финансовъ Гёггъ только благодаря уговариваніямъ Струве согласился занять этотъ тяжелый постъ. Въ наличности онъ въ государственной кассѣ нашелъ не полныхъ три милліона гульденовъ и еще около милліона въ еще не выпущенныхъ государственныхъ бумагахъ. Гёггъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы привести въ порядокъ и финансы. Его управленіе встрѣтило порицанія больше всего со стороны тѣхъ, которые, несомнѣнно, не лучше, а быть можетъ и хуже, его справились бы съ этой задачей. При этомъ забывается, что вообще-то является невозможнымъ въ такое короткое время—въ половинѣ іюня Гёггъ уже оставилъ министерство финансовъ—вполнѣ урегулировать финансы въ странѣ, гдѣ революція все перевернула вверхъ дномъ. Если и ощущался иногда недостатокъ въ деньгахъ, то ясно все же, что не изъ-за недостатка въ деньгахъ потерпѣло крушеніе баденское возстаніе. Что Гёггъ былъ остороженъ въ своихъ предпріятіяхъ объясняется его нежеланіемъ отпугивать мелкую буржуазію, принимавшую самое значительное участіе въ этомъ движеніи. Принудительный заемъ, на который Гёггу требовалось получить согласіе учредительнаго собранія, не могъ быть, какъ слѣдуетъ, проведенъ, благодаря военнымъ событіямъ; то же самое постигло и выпускъ бумажныхъ денегъ. Понятно, что въ настоящее время, при спокойномъ взглядѣ на вещи, легко найти много промаховъ, многое могло быть совершено правильнѣе; но среди избытка

дѣлъ, среди шума и тревоги тѣхъ дней, труднѣе было найти вѣрный и правильный путь. Вообще же среди вождей движенія мало было такихъ, которые бы съ такой преданностью и такимъ жаромъ, какъ Амандъ Гёггъ, бросились въ водоворотъ этой революціи. Многіе, упрекавшіе его тогда въ „умѣренности", впослѣдствіи подчинились побѣдившей силѣ и стали перебѣжчиками, въ то время, какъ Гёггъ всю свою долгую, связанную часто съ лишеніями, но не запятнанную, жизнь оставался вѣренъ себѣ *).

Исполнительная комиссія послала офиціальное приглашеніе Фридриху Геккеру вернуться обратно изъ Америки. Онъ явился на это приглашеніе; но, когда онъ прибылъ въ Страсбургъ, все уже было проиграно, и онъ съ проклятіями вернулся обратно въ Америку. 17 мая былъ заключенъ договоръ съ пфальцскимъ правительствомъ, по которому Баденъ и Рейнскій Пфальцъ въ военномъ отношеніи объединяются въ одну страну, и баденское военное министерство признается общимъ для обѣихъ странъ. Были уничтожены таможенныя пошлины, а жители обѣихъ странъ стали подданными одного государства. Этотъ договоръ былъ заключенъ въ очень недипломатической редакціи и между революціонными Баденомъ и Пфальцемъ часто обнаруживался курьезный дуализмъ.

Одновременно были подготовлены выборы въ баденское учредительное собраніе, по оффенбургской программѣ. 19 мая появился манифестъ, который объявлялъ, чтобы баденскій народъ взялся за оружіе противъ силъ, враждебныхъ имперской конституціи. Къ этому воззванію присоединились депутаты Трюцшлеръ, Эрбе и Раво. Послѣдній всецѣло перешелъ на сторону революціи.

Послѣ того какъ баденская демократія завладѣла властью и бросила перчатку врагамъ конституціоннаго дѣла и, по словамъ оффенбургской программы, начала „борьбу за свободу", она могла разсчитывать на успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если бы она въ состояніи была вынести революцію за предѣлы маленькаго баденскаго герцогства и привлечь на сторону движенія значительную часть нѣмецкаго народа.

Но Брентано задерживалъ всякую инициативу и повидимому особенно придавалъ значеніе тому, чтобы движеніе сохранило характеръ исключительно баденскаго. За исключеніемъ того, что имъ были посланы Блиндъ и Шюцъ въ Парижъ за оружіемъ и офицерами, онъ самъ нечего не предпринималъ и не давалъ ничего дѣлать и другимъ. Радикальные демократы старались поправить дѣло разсылкой по всей странѣ ораторовъ, но при упомянутыхъ обстоятельствахъ успѣхъ долженъ былъ получиться очень незначительный. Въ Нюрнбергѣ состоялось большое народное собраніе, которое, выслушавъ длинную, мѣстами остроумную болтовню Карла Фогта, разошлось безъ всякаго

---

*) Про него говорили, что во время его управленія финансами было послано бѣжавшему великому герцогу 500.000 гульденовъ; объ этомъ говоритъ и Раво въ своемъ, упомянутомъ выше, сочиненіи. Гёггъ назвалъ это утвержденіе „безусловнымъ абсурдомъ" и объясняетъ, что это могли быть только деньги, которыя припрятали на сторону, до его вступленія въ должность министра.—То, что Бернгардъ Беккеръ о финансовомъ управленіи Гёгга, якобы отъ него самого слышалъ впослѣдствіи въ Лондонѣ, кажется мало вѣроятнымъ.

результата. Франконскій національный комитетъ въ Вюрцбургѣ былъ готовъ присоединиться къ баденскому движенію, но его предложенія были отклонены въ Карлсруэ. Въ Гессенѣ народныя собранія на границѣ Бадена были разогнаны войсками. Пограничныя области были объявлены на военномъ положеніи. Въ Рейнскомъ Гессенѣ, гдѣ Цицъ и Бамбергеръ изъ Майнца призывали къ возстанію, народъ выказалъ большую готовность, но вожди не обладали достаточной способностью объединить тамъ нужныя силы. Они двинулись, послѣ собранія въ Верштадтѣ, гдѣ произошло много странныхъ и дѣлающихъ очень мало чести вождямъ происшествій, съ массой въ 1500 человѣкъ въ Пфальцъ и покинули такимъ образомъ Рейнскій Гессенъ. Позднѣйша попытка завладѣть Вормсомъ, со стороны вождя пфальцскихъ инсур гентовъ Бленкера, хотя и удалась, но скоро пришлось Вормсъ вновь очистить. Сосѣдній Вюртембергъ не могъ остаться незатронутымъ движеніемъ. Вюртембергское правительство охраняло границы немногочисленнымъ войскомъ; особенно много войска было сконцентрировано въ Гейльбронѣ. Часть гейльбронскихъ гимнастовъ примкнула къ возстанію. Настроеніе швабовъ однако не было такимъ, какъ представляли его себѣ въ Баденѣ. Правду сказать, о возстаніи въ Швабіи и думать нечего было. Въ Рейтлингенѣ на Троицу имѣло мѣсто большое народное собраніе, въ которомъ предсѣдательствовалъ Бехеръ, а рѣчи произнесены были Фиклеромъ и Гоффомъ. Бехеръ еще на оффенбургскомъ собраніи выступалъ противъ радикальной демократіи, въ Рейтлингенѣ онъ старался о томъ, чтобы принятыя резолюціи состояли изъ требованій, обращенныхъ къ франкфуртскому парламенту и вюртембергской палатѣ. Была отправлена въ Штутгартъ депутація изъ 64 довѣренныхъ лицъ, занимавшихъ высшія должности. Депутація была отвергнута палатой и министромъ Ремеромъ, а послѣднимъ довольно даже грубо. Тѣмъ и закончилось движеніе въ Швабіи, а демократическій національный комитетъ не догадался ни вновь сорганизоваться, ни предпринять вообще что-либо мало-мальски значительное. Фиклеръ былъ арестованъ въ Штутгартѣ, заключенъ въ Гогенаспергѣ, и такимъ образомъ баденское правительство было лишено этого важнаго члена*). Баденское правительство отвѣтило на арестъ Фиклера — на который сангвиникъ Ствуве возлагалъ надежды, что онъ вызоветъ возстаніе въ Вюртембергѣ,—объявленіемъ войны Вюртембергу, которая была совершенно безполезна; Ремеръ назвалъ ее въ вюртембергской палатѣ „безуміемъ“. Такимъ образомъ движеніе сосредоточено было только въ Баденѣ и Пфальцѣ.

Въ Баденъ явилась масса демократическихъ бѣглецовъ, туда же

*) Когда Фиклеръ былъ арестованъ въ Штутгартѣ, онъ воскликнулъ, обращаясь къ народу: „Граждане! передайте Зегеру и Бехеру, что Фиклеръ арестованъ!“ Но полицейскій комиссаръ замѣтилъ ему на это, что Зегеръ и является тѣмъ начальникомъ города, по чьему распоряженію произведенъ арестъ. „Хорошо“, сказалъ Фиклеръ, „доложите тогда объ этомъ депутату Зегеру!“ Онъ слишкомъ высокое представленіе имѣлъ о „демократѣ“ Зегерѣ. Между прочимъ и молодой Шлеффель, находившійся 16 іюня въ Штутгартѣ, обратился съ письмомъ къ Раво, въ которомъ онъ сообщаетъ, что горько разочаровался въ вюртемберкцахъ. Меглингъ всегда утверждалъ, что громадное большинство вюртемберждевъ не воспріимчивы къ демократическимъ стремленіямъ.

стекались въ большомъ количествѣ и изъ Германіи энергичные люди, сочувствовавшіе движенію. Брентано, провозглашавшій борьбу за единство нѣмецкаго народа, терпѣть не могъ „иностранцевъ", не-баденцевъ. Много талантливыхъ людей не могли использовать своихъ силъ только потому, что они родились за предѣлами Бадена, между тѣмъ, какъ многія важныя должности были заняты людьми, которые только что служили министерству Бекка; реакціонность ихъ воззрѣній не оставляла сомнѣній, хотя они и выставляли себя въ другомъ свѣтѣ.

Національный комитетъ чувствовалъ, что положеніе становится все болѣе критическимъ, особенно благодаря произволу Брентано. Не рѣшаясь стать въ оппозицію къ Брентано, онъ распустилъ себя и избралъ временное правительство, въ составъ котораго вошли Брентано Гёггъ, Фиклеръ, Петеръ и Зигель.

Въ это время Брентано, повидимому, собирался проявить больше энергіи; онъ надѣялся на переворотъ во Франціи. Явился Струве и потребовалъ, чтобы его назначили министромъ иностранныхъ дѣлъ и дали бы въ его распоряженіе фондъ въ 60.000 гульденовъ. Гёггъ стоялъ за его требованіе, Брентано былъ противъ *). Струве, желавшій придать движенію новый импульсъ, обратился теперь къ клубу радикальнаго процесса, гдѣ сосредоточилась радикальная демократія. Тутъ были Чирнеръ изъ Дрездена, Максъ Дорту изъ Потсдама, Шраммъ, Вильгельмъ Либкнехтъ, Мартини изъ Фридланда, Оппенгеймъ **) и др. Клубъ въ присутствіи Гёгга составилъ адресъ правительству и требовалъ отъ послѣдняго рѣшительныхъ мѣръ. Правительство въ общемъ обѣщало принять эти мѣры, но въ промежуткѣ произошелъ конфликтъ, который чуть было не привелъ къ кровавой катастрофѣ. Буржуазія распустила темные слухи о находившихся въ Карлсруэ отрядахъ инсургентовъ, будто они желаютъ свергнуть правительство и провозгласить „красную республику". Брентано былъ большимъ трусомъ и подобно Бассерману представлялъ себѣ „видѣнія". Онъ сильно заволновался и, опираясь на реакціонное гражданское ополченіе, велѣлъ арестовать Струве, Іоанна-Филиппа Беккера, предводителя эмигрантскаго легіона Вильгельма Либкнехта ***) и взятя Струве.

Это вызвало страшное возбужденіе; отряды волонтеровъ и народнаго ополченія готовы были ринуться въ бой. Войска правительства и гражданское ополченіе Карлсруэ выстроились противъ нихъ въ боевомъ порядкѣ, и Брентано велѣлъ направить пушки противъ волонтеровъ. Кровавая битва казалась неизбѣжной. Такъ какъ ни волонтеровъ, ни гражданскаго ополченія не удалось запугать, то Брентано не рѣшался доводить дѣло до крайности. Начались переговоры, и въ

---

*) См. „Aufschlüsse über die badische Revolution" 1849, стр. 122.

**) Основатель республиканскаго клуба въ Берлинѣ сдѣлался редакторомъ „Газеты Карлсруэ", офиціальнаго органа временнаго правительства. Послѣ событій 6-го іюня онъ оставилъ этотъ постъ.

***) Въ сентябрѣ 1848 Либкнехтъ былъ арестованъ за участіе въ возстаніи Струве и заточенъ въ Фрейбургскую тюрьму. Вслѣдствіе майскаго возстанія прокуроръ отказался отъ обвиненія противъ него. Брентано велѣлъ перевести его въ Раштаттъ, гдѣ судебный слѣдователь также не нашелъ его виновнымъ и отпустилъ на свободу. Составитель этого труда познакомился впослѣдствіи съ этимъ слѣдователемъ и получилъ отъ него интересное описаніе всей этой исторіи.

концѣ концовъ дѣло уладилъ Гёггъ, благодаря своему посредничеству, съ большимъ мужествомъ обратившись къ враждебнымъ партіямъ. Заключенные были выпущены на свободу; народное ополченіе и отряды волонтеровъ отправились къ театру войны и снова наступило спокойствіе. Пропасть между Брентано и радикальными демократами еще больше углубилась теперь; но пока что шумъ битвы на короткое время заглушилъ этотъ конфликтъ, въ которомъ Брентано сыгралъ такую жалкую роль.

Это произошло 6 іюня; 10 іюня открыло свои засѣданія учредительное собраніе. 63 депутата появились въ домѣ сословій въ Карлсруэ. Въ качествѣ старѣйшаго, предсѣдателемъ былъ назначенъ пасторъ Шлаттеръ *), предсѣдателемъ избранъ былъ директоръ гимназіи Даммъ изъ Тауберби̂шофсгейма. Вопреки предложенію Юнганса, который желалъ назначенія Брентано „регентомъ" Бадена, собраніе постановило образовать временное правительство съ диктаторской властью. Выборы пали на Брентано, Гёгга и Вернера. Благодаря принятому нелѣпому рѣшенію, что тотъ изъ диктаторовъ, кто получитъ наибольшее число голосовъ, получаетъ полномочіе назначить министровъ, наибольшее вліяніе оказалось опять у Брентано, который получилъ большинство голосовъ. Онъ понятно назначилъ людей, руководствуясь лишь своимъ личнымъ вкусомъ. Саксъ получилъ министерство иностранныхъ дѣлъ, Флоріанъ Мердесъ—внутреннихъ дѣлъ. Назначеніемъ Мердеса недовольна была демократія, такъ какъ извѣстна была его тѣсная связь съ маннгеймской буржуазіей, вся же страна была недовольна назначеніемъ Гейниша министромъ финансовъ вмѣсто Гёгга. Ему не довѣряли за какой-то проступокъ, совершенный имъ въ юности. Военное министерство отдано было оффенбургскому адвокату Вернеру, какъ будто не имѣлось офицеровъ; Вернеръ, кромѣ того, былъ одновременно и диктаторомъ. Такимъ образомъ учрежденіемъ диктатуры ничего въ дѣйствительности не добились. Брентано продолжалъ свою политику и задерживалъ только дѣло; на собраніи Гоффъ изъ Маннгейма внесъ предложеніе объявить Баденъ республикой, что и было принято **). Собраніе объявило себя постояннымъ. Гёггъ и Вернеръ отправились въ армію, Брентано остался въ Карлсруэ.

Несмотря на слабость и замѣшательство среди правительства и администраціи, баденская демократія вначалѣ еще могла надѣяться на успѣхъ, если бы армія предприняла какой-либо смѣлый и быстрый шагъ.

Недостатокъ энергіи у правительства дѣйствовалъ ослабляющимъ образомъ на армію. И все-таки военныя силы были довольно значительны, и онѣ на полѣ битвы показали себя гораздо болѣе испытан-

---

*) За свою революціонную дѣятельность онъ былъ наказанъ тюрьмой; онъ написалъ сочиненіе съ описаніемъ тюремныхъ порядковъ въ Брукзалѣ.

**) Депутатъ Стэй впослѣдствіи заявилъ въ собраніи, что его цѣлью можетъ быть только соціалдемократическая республика. Мы упоминаемъ это потому, что этотъ же самый Стэй позднѣй въ качествѣ редактора націоналъ-либеральный „Магдебургской Газеты" въ теченіе многихъ лѣтъ подъ рядъ пытался доказать, что стремленія 1848 и 1849 гг. „прекрасно осуществлены" бисмаркскимъ режимомъ.

ными, чѣмъ политики въ Карлсруэ, которые во всемъ полагались на Брентано и его сподвижниковъ.

Баденская армія въ началѣ революціи насчитывала 15.000 человѣкъ; послѣ извѣстнаго постановленія франкфуртскаго парламента она должна была насчитывать 28.000 человѣкъ, но въ этомъ количествѣ солдаты не были набраны *). Самой преданной революціи выказала себя артиллерія; драгуны, какъ и жандармы, наоборотъ, оказались ненадежными. Гражданское ополченіе составляло силу въ 14—15.000 человѣкъ, но мало способную къ военному походу; особенно реакціоннымъ или съ преобладаніемъ реакціонныхъ элементовъ это ополченіе было въ Маннгеймѣ, Гейдельбергѣ, Карлсруэ и Фрейбургѣ. У народа вовсе не было оружія. Національный комитетъ учредилъ военный сенатъ, въ который вошелъ опять, совершенно незнакомый съ военнымъ дѣломъ Струве**), но сюда же вошли также одинъ офицеръ и одинъ унтеръ-офицеръ.

Этотъ военный сенатъ опубликовалъ резолюцію объ учрежденіи народной милиціи „Верхне-рейнскаго военнаго союза“ изъ всѣхъ способныхъ носить оружіе въ Баденѣ и Пфальцѣ. Пфальцъ долженъ былъ поставить 25.000 человѣкъ. Резолюція эта, однако, осталась только на бумагѣ.

Брентано оставилъ въ армейской администраціи нѣкоторыхъ реакціонныхъ офицеровъ; между ними выдѣлялся своимъ особеннымъ искусствомъ вносить путаницу нѣкто Майергоферъ **). Дѣльные офицеры съ демократическими воззрѣніями, которые предлагали свои услуги, не получали никакихъ должностей; у дѣла стояла толпа крикуновъ и неспособныхъ интригановъ. Толкалось вообще много различныхъ личностей съ затѣйливыми шляпами, при длинныхъ шпагахъ, которыя безтолково шумѣли, не будучи въ состояніи что-либо сдѣлать, а часто предпочитали оставаться вдали отъ выстрѣловъ. Они могли бы быть у мѣста въ качествѣ простыхъ солдатъ, но это имъ было не по вкусу.

Армія, какъ говоритъ Беккеръ въ своей вышеупомянутой книгѣ, „находилась не только внѣшнимъ образомъ въ упадкѣ, но и была совершенно деморализована“.

Стоило много усилій и трудовъ, чтобы внести хоть нѣкоторый порядокъ ****). Только на полѣ битвы усилилась немного дисциплина.

---

*) Для изображенія военныхъ событій того времени мы пользуемся, помимо спеціальныхъ трудовъ прусскихъ и гессенскихъ офицеровъ, особенно превосходнымъ трудомъ: „Исторія южно-германской майской революціи“ Іоганна Филиппа Беккера и Хр. Эсселена.

**) Въ своей всемірной исторіи Струве очень высокомѣрно говоритъ о знаменитомъ Карно, „организаторѣ побѣды“: „Карно былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые въ какой-либо одной лишь опредѣленной отрасли способны успѣшно дѣйствовать, внѣ этихъ условій они нули. Его спеціальностью была война“.—Позволительно отсюда сдѣлать выводъ, что и Струве лучше бы сдѣлалъ, если бы оставался въ предѣлахъ своей спеціальности—журналистики.

***) Корвинъ увѣковѣчилъ его въ своей книгѣ: „Изъ жизни одного народнаго борца“.

****) Въ интересной брошюркѣ: „Жизнеописаніе одного баденскаго солдата изъ временъ возстанія 1849“ говорится: Новоиспеченные офицеры и унтеръ-офицеры были лучшими людьми въ мірѣ, они были еще лучше даже, чѣмъ намъ желательно было. Предъ экзерцированіемъ они всегда справлялись у насъ, желаемъ ли мы этого или нѣтъ. Мы же всегда желали, потому

Превосходное поведеніе баденскаго войска и народныхъ борцовъ было признано и врагами

Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ, военныя способности котораго всѣми признавались, предложилъ свои услуги временному правительству.

Онъ провозгласилъ важнѣйшимъ основнымъ принципомъ величайшую строгость въ военныхъ дѣлахъ, и въ своей упомянутой книгѣ говоритъ, „что право солдатъ на избраніе своихъ вождей до штабъофицера исключаетъ возможность образовать правильное и дисциплинированное войско" *). Демократія пользовалась этимъ правомъ выбора солдатами начальниковъ, какъ агитаціоннымъ средствомъ среди солдатъ, только для этого она его и ввела.

Лишь благодаря посредничеству Струве, Беккеръ могъ добиться назначенія въ главнокомандующіе всеобщаго народнаго ополченія, организаціей котораго онъ усердно занялся. Онъ натолкнулся на большія трудности; особенно онъ встрѣтилъ послѣднія со стороны гражданскихъ комиссаровъ Брентано. Тидеманъ изъ Гейдельберга, состоявшій прежде на греческой службѣ, Михель изъ Бамберга и Максъ Дорту работали въ бюро Беккера. Если бы не препятствовали въ вооруженіи и обмундировкѣ войскъ, онъ несомнѣнно сорганизовалъ бы значительныя силы. Но онъ все же сдѣлалъ очень много, гораздо больше, чѣмъ этого можно было ожидать при тѣхъ обстоятельствахъ.

Образовался рядъ отрядовъ волонтеровъ; выдающимися были: легіонъ эмигрантовъ подъ начальствомъ Беннига, служившаго раньше въ Греціи, нѣмецко-польскій легіонъ подъ предводительствомъ Фрейнда, нѣмецко-венгерское войско подъ предводительствомъ Тюрра, стрѣлки подъ начальствомъ Гейбергера—очень храбрый отрядъ—волонтеры Карлсруэ съ Дрегеромъ во главѣ, маннгеймскій рабочій батальонъ, подъ начальствомъ столяра Якоби, гимнасты изъ Ганау и стрѣлки изъ Пфорцгейма, подъ началомъ у Шертнера, швабскій легіонъ, волонтеры Виллиха и батарея блузниковъ во главѣ съ Боркгеймомъ.

Самымъ сильнымъ и наилучше вооруженнымъ изъ этихъ волонтеровъ были гимнасты изъ Ганау, которые при возникновеніи революціи двинулись изъ Ганау въ Баденъ. Ихъ уходу изъ Ганау содѣйствовали сильно трусливые мѣстные демократы, такъ какъ они надѣялись, что съ уходомъ изъ города наиболѣе радикальныхъ элементовъ они спасутъ свою область отъ вторженія революціи.

При началѣ похода баденскія боевыя силы насчитывали въ своихъ рядахъ 30.000 человѣкъ и отъ 70 до 80 полевыхъ орудій.

Въ Пфальцѣ Бленкеръ изъ Вормса **), состоявшій раньше на греческой службѣ, началъ организовывать народное ополченіе еще передъ образованіемъ временнаго правительства. Съ однимъ отрядомъ ополченія онъ двинулся къ Людвигсгафену, расположенному противъ Маннгейма. Онъ добился того, что расположенное у моста въ Людвигсгафенѣ баварское войско перешло на его сторону и заняло

что дѣлали это ради развлеченія и 2-хъ крейцеровъ, въ размѣрѣ которыхъ временное правительство увеличивало намъ жалованіе". Эта автобіографія солдата издана докторомъ Редеромъ, извѣстнымъ гейдельбергскимъ юристомъ.

*) „Исторія южно-германской майской революціи" стр. 149.

**) Тотъ самый, который прославился вовремя сѣверо-американской войны при Буль-Ренѣ.

мость. Его силы быстро увеличивались, благодаря присоединенію баварскихъ солдатъ. Но нападеніе съ его стороны на Ландау было неискусно проведено и потерпѣло неудачу. Организація пфальцскихъ военныхъ силъ была отнята у неспособнаго Феннера фонъ-Феннеберга и передана комиссіи, въ которой находились Теховъ, извѣстный еще съ разгрома берлинскаго арсенала, Аннекке, Бейстъ и др. Комиссія работала съ усердіемъ, но безъ значительнаго успѣха, такъ какъ въ странѣ крикуновъ всѣ хотѣли только распоряжаться, но никто не хотѣлъ слушаться; ощущался недостатокъ въ деньгахъ, возбужденіе же появлялось только за кружкой пива. Въ пфальцской революціи вино сыграло большую роль, чѣмъ порохъ. Наконецъ прибылъ новый главнокомандующій, полякъ, по имени Шпайда (повидимому, вѣрнѣе Шнейдеръ), по словамъ очевидцевъ представлявшій собою очень комичную фигуру. Онъ отличился въ 1831 году въ польской революціонной борьбѣ въ качествѣ кавалерійскаго офицера. Ему хотѣлось образовать 3 укрѣпленныхъ лагеря и въ нихъ защищать Пфальцъ. Командованіе рейнско-гессенскимъ отрядомъ волонтеровъ Шпайда поручилъ поляку Рупперту или Раупорту, вся военная мудрость котораго заключалась въ фразѣ: „formez des pelotons“ (стройся по взводамъ). Шпайда обнаружилъ нѣкоторую дѣятельность, но пфальцское населеніе трудно было притянуть къ борьбѣ, оно предпочитало совершать революціонные подвиги въ кабакахъ. На Баденъ было мало надежды, такъ какъ здѣсь съ особенной силой проявлялась тормозящая политика Брентано. Довольно поздно уже баденское правительство уступило пфальцскому нѣкоторыя орудія и послало ему въ подкрѣпленіе корпусъ волонтеровъ изъ Карлсруэ подъ предводительствомъ Дрегера.

Когда вслѣдствіе этого пруссаки съ превосходными силами вторглись въ Пфальцъ, они встрѣтили здѣсь только нѣсколько тысячъ человѣкъ, большей частью плохо вооруженныхъ и плохо обученныхъ военному искусству. Пруссакамъ въ сущности пришлось только совершить „военную прогулку“ черезъ Пфальцъ.

Такого рода были средства защиты этого возстанія, противъ котораго изгнанный великій герцогъ призвалъ помощь нѣмецкой центральной власти и прусскаго правительства. Оба обнаружили одинаковую готовность. Правитель имперіи въ воззваніи призывалъ нѣмецкихъ солдатъ храбро бороться съ „мятежниками“, желающими защищать имперскую конституцію. Была составлена имперская армія изъ полковъ тѣхъ странъ, которыя признали конституцію, а именно Гессенъ, Нассау, Меклепбургъ и т. д., которыя должны были вступить въ борьбу съ баденскими отрядами, выступившими на защиту имперской конституціи. Противъ Пфальца, возстаніе котораго носило через-чуръ „конституціонный“ характеръ были употреблены только прусскія войска; противъ „республики“ Бадена выставлены были также имперскія войска.

Для побѣды надъ возстаніемъ за исключеніемъ имперской арміи призвано было еще два прусскихъ армейскихъ корпуса, подъ верховнымъ предводительствомъ принца Прусскаго; командовали ими генералы фонъ-Гиршфельдтъ и фонъ-деръ-Гребенъ.

Эти военныя силы нельзя было, однако, такъ быстро мобилизовать, хотя бы изъ-за безчисленныхъ безпорядковъ въ разныхъ мѣстахъ.

У Бадена достаточно времени было, чтобы подготовиться къ оборонѣ Военный министръ Эйхфельдъ, человѣкъ безъ энергіи и самостоятельности, упустилъ удобное время. *).

Движеніе могло бы съ успѣхомъ перейти баденскія границы въ двухъ направленіяхъ. Баденская армія должна была либо проникнуть въ Вюртембергъ, чтобы попытаться вовлечь эту страну въ движеніе, либо предпринять походъ на Франкфуртъ на Майнѣ. Какъ дѣло произошло съ Вюртембергѣ, мы уже говорили. Раво, который при началѣ революціи совершенно сталъ на ея сторону и назначенъ былъ гражданскимъ комиссаромъ въ Нижне-Рейнскомъ округѣ и комендантомъ города въ Маннгеймѣ, отправился въ Штутгартъ, чтобы спросить у министра Ремера, какую позицію займетъ Вюртембергъ. Ремеръ, слывшій тайнымъ республиканцемъ и изображавшій изъ себя такового, обѣщалъ строгій нейтралитетъ, если только со стороны Бадена не произойдетъ никакого вторженія въ область Вюртемберга.

Отданъ уже былъ, по его словамъ, приказъ объ отступленіи вюртембергскихъ войскъ изъ Шварцвальда. Раво разсказываетъ, что на его вопросъ, не хочетъ ли Вюртембергское правительство отозвать свои войска, стоящія вмѣстѣ съ имперской арміей, Ремеръ отвѣтилъ, что намѣренъ это сдѣлать. Онъ даже поручилъ Раво обратиться къ вюртембергской палатѣ съ соотвѣтствующей интерпеляціей. Тогда правительство офиціально заявляетъ объ отзывѣ вюртембергскаго войска изъ имперской арміи.

Эти заигрыванья господина Ремера ослабили баденскую и вюртембергскую демократію. Среди вюртембергской демократіи и безъ того много было трусовъ, съ ужасомъ думавшихъ о томъ, что революція, о которой они такъ усердно хвастали за бутылкой вина, можетъ перекинуться черезъ границу и вторгнуться въ ихъ любимую Швабію. Когда франкфуртское собраніе постановило перебраться въ Штутгартъ, они жадно ухватились за представившійся случай утверждать, что они всего ждутъ отъ него. Арестъ Фиклера скоро обнаружилъ предъ демократіей лойяльность воззрѣній господина Ремера.

Теперь оставалось только двинуться къ Франкфурту, за что стояли всѣ болѣе радикальные люди. Національному Собранію много разъ предлагалось призвать въ свою защиту во Франкфуртъ баденско-пфальцскія войска, такъ какъ надо было ожидать насильственныхъ дѣйствій; но собраніе не сдѣлало этого; не внесено было также соотвѣтствующаго запроса, хотя Раво и приглашалъ къ этому лѣвую. Рѣшительные настойчиво требовали отправки баденской арміи къ Франкфурту, не дожидаясь приглашенія со стороны парламента **).

Взятіе Франкфурта дѣйствительно могло доставить крупный успѣхъ баденскому движенію. Съ этимъ городомъ были бы выиграны удобный центральный пунктъ и необозримыя силы. Въ движеніе былъ бы втянутъ Кургессенъ, и Вюртембергъ неизбѣжно долженъ былъ бы присоединиться. Баденскія войска превратились бы въ парламент-

---

*) Болѣе подробно см. у Раво въ его „Сообщеніяхъ“ и т. д.

**) За это рѣшительно высказывались въ Маннгеймѣ, также Марксъ и Энгельсъ.—Фридрихъ Энгельсъ участвовалъ въ Баденскомъ походѣ въ качествѣ адъютанта Виллиха, въ его корпусѣ волонтеровъ.

скую армію и конституціонное дѣло приняло бы тогда совершенно иной оборотъ. Если движеніе и не завершилось бы полной побѣдой, оно все же привлекло бы столько силы на свою сторону во Франкфуртѣ, что не понесло бы такого позорнаго пораженія, какъ неминуемо было, когда оно ограничилось только Баденомъ и Пфальцемъ.

Эйхфельдъ подъ вліяніемъ реакціонныхъ офицеровъ оставался въ бездѣйствіи у Неккара. Этимъ временемъ воспользовалось гессенское правительство, чтобы усилить войска, стянутыя имъ на гессенско-баденской границѣ у Геппенгейма, тотчасъ какъ только вспыхнула баденская революція. 25 мая главнокомандующимъ баденской арміей былъ назначенъ Францъ Зигель, извѣстный изъ возстанія Геккера. Онъ принялъ планъ наступленія, не выполненный Эйхфельдомъ.

Планъ этотъ былъ выработанъ Раво *). Онъ долженъ былъ удасться, въ случаѣ энергичнаго выполненія. Бленкеръ долженъ былъ итти на Вормсъ, Цицъ съ рейнско-гессенскимъ отрядомъ изъ Кирхгеймболандена туда же; оба должны были переправиться черезъ Рейнъ и оперировать въ тылу гессенскихъ войскъ. Они должны были образовать подвижныя колонны и двинуться черезъ Оденвальдъ на Ашаффенбургъ и Ганау. Надѣялись, что Гессенъ поднимется и примкнетъ къ этимъ колоннамъ, долженствующимъ во Франкфуртѣ слиться въ одно цѣлое. Въ то же время баденская армія должна была атаковать Гессенъ съ фронта, поставивъ его армію между двухъ огней. Пораженіе гессенцевъ или ихъ переходъ къ революціонной арміи казались неизбѣжными.

Зигель немедленно принялся за осуществленіе этого плана: онъ также возлагалъ большія надежды на толчекъ изъ Франкфурта. Двадцатипятилѣтній полководецъ обладалъ мужествомъ, энергіей, сообразительностью и преданностью дѣлу; онъ былъ также рѣшительнымъ республиканцемъ. Реакціонные офицеры создали ему массу затрудненій; многіе изъ нихъ сдѣлали весьма курьезное заявленіе, что не могутъ подчиняться такому юному главнокомандующему **). Но Зигель преодолѣлъ всѣ эти затрудненія; его поведеніе привлекло на его сторону солдатъ, которыхъ онъ и повелъ противъ врага.

Онъ хотѣлъ занять гессенцевъ мнимымъ сраженіемъ у Геппенгейма Въ это время главная баденская сила должна была переправиться черезъ Фюртъ въ Оденвальдъ и такимъ образомъ обойти позицію гессенцевъ. Въ то же самое время, какъ и предполагалось раньше, должны были двинуться Бленкеръ въ Вормсъ, Цицъ въ Оппенгеймъ и Меттернихъ изъ Эбербаха въ Берфельденъ. Эти дѣйствія должны были совершиться согласно обсужденію ихъ со Шнейдой, Теховымъ и другими начальниками корпусовъ.

30 мая, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда парламентъ по предложенію господина Фогта рѣшилъ перенести свою резиденцію въ Штутгартъ—Зигель съ музыкой и развивающимися знаменами перешелъ черезъ гессенскую границу. ***).

---

*) Раво служилъ въ Испаніи во время карлистской войны и дослужился до чина капитана.

**) Каковы были бы дѣла французовъ въ 1793 году, если бы они стали роптать на юность такихъ своихъ полководцевъ, какъ Гошъ и Марсо!

***) Корвинъ очень несправедливо поступаетъ по отношенію къ Зигелю, когда заявляетъ, что онъ выступалъ „какъ будто во снѣ“.

Сначала они столкнулись съ гессенской кавалеріей, которая залпомъ баденской пѣхоты обращена была въ бѣгство. Зигель, адъютантомъ котораго былъ только что вернувшійся изъ изгнанія Меглингъ, замѣтилъ двѣ гессенскія пушки, которыя подъ прикрытіемъ отдѣленія пѣхоты снимались съ передковъ. Главнокомандующій отнятіемъ этихъ орудій думалъ дать арміи примѣръ мужества и выиграть такимъ образомъ моральную побѣду. Онъ съ эскадрономъ драгунъ бросился къ пушкамъ.. На разстояніи 20 шаговъ отъ пушекъ, драгуны встрѣчены были картечью и огнемъ прикрытія. Одинъ драгунъ былъ раненъ, одна лошадь была убита. Несмотря на этотъ огонь драгуны очень легко могли бы взять пушки, но и здѣсь, какъ въ началѣ каждой войны, во время первыхъ столкновеній, ими овладѣлъ паническій страхъ и они вернулись ни съ чѣмъ *). Зигель и Меглингъ должны были вернуться, а драгуны въ дикомъ бѣгствѣ помчались обратно по дорогѣ въ Вейнгеймъ.

Бѣгство драгунъ вызвало смятеніе; самое большее количество войска двинулось теперь къ Геппенгейму вмѣсто того, чтобы пойти къ Фюрту, гдѣ Зигель съ изумленіемъ увидѣлъ приближеніе какъ разъ тѣхъ полковъ, которые съ фланга должны были подойти къ непріятелю. Гессенцевъ сначала удалось было оттѣснить; но вскорѣ къ нимъ присоединились гессенскія войска изъ Эрбаха, откуда Эйхфельдъ, взявъ этотъ пунктъ, преждевременно удалился со своимъ корпусомъ, такимъ образомъ давъ непріятелю возможность вновь собраться съ силами. Зигель, которому пуля пробила шлемъ, опять повелъ своихъ солдатъ на поле битвы, и гессенцы снова заняли свою старую позицію.

Никто не исполнилъ такъ добросовѣстно своего долга, какъ Зигель, несмотря на то, что его конная атака и не удалась. Руппертъ, командовавшій главнымъ корпусомъ и перешедшій впослѣдствіи къ Пруссіи, и Эйхфельдъ не выполнили отданныхъ имъ приказаній, иначе гессенцы, не взирая на неудачную атаку, были бы обойдены съ тылу. И остальные полководцы не исполнили своего долга; Меттернихъ не двинулся съ мѣста, Бленнеръ ушелъ еще за день раньше изъ Вормса, а Цицъ вообще не явился, такъ какъ пфальцское правительство дало ему контръ-приказъ не двигаться съ мѣста.

Баденская армія отступила за Неккаръ. Реакціонные офицеры, которые вполнѣ заслужили того, чтобы ихъ судили военнымъ судомъ, взвалили всю вину на Зигеля, который и былъ отставленъ Брентано, явившимся въ лагерь съ неограниченными полномочіями. На мѣсто Зигеля Брентано назначилъ полководцемъ капитана фонъ-Бекка, неспособнаго и въ высшей степени реакціоннаго офицера. Но Зигель оправдалъ себя передъ національнымъ комитетомъ и такъ ясно доказалъ свою невинность, что онъ не только былъ принятъ въ національный комитетъ, но и былъ назначенъ военнымъ министромъ во временномъ правительствѣ. Капитанъ фонъ-Беккъ, не ознаменовавшій себя ничѣмъ, кромѣ того, что 5 іюня допустилъ въ Вейнгеймѣ нападеніе численно превосходнаго гессенскаго войска на авангардъ баденской арміи — на

*) Меглингъ нѣсколько иначе передаетъ этотъ фактъ,—по его словамъ Зигель нечаянно наткнулся на батарею, имѣвшую очень сильное прикрытіе,—все остальное соотвѣтствуетъ изложенному выше. Гессенскіе офицеры въ своихъ разсказахъ допускаютъ существованіе сильнаго прикрытія.

оффенбургское народное ополченіе — лишенъ былъ права командовать арміей.

Гессенцы въ теченіе этихъ дней получили значительное подкрѣпленіе. Мекленбургскія, кургессенскія, баварскія и другія „имперскія войска" примкнули къ нимъ. Несмотря на все это Зигель не хотѣлъ отказаться отъ плана двинуться на Майнъ. Онъ ввелъ порядокъ въ арміи, такъ какъ теперь реакціонные офицеры уже ничего не рѣшались предпринимать противъ него. Дивизія Іоганна-Филиппа Беккера заняла по распоряженію Зигеля оборонительную позицію въ Оденвальдѣ и на Неккарѣ, а самъ онъ сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія, чтобы быть готовымъ къ выступленію, какъ вдругъ явился новый главнокомандующій, генералъ Людвигъ Мирославскій, призванный временнымъ правительствомъ. Онъ только недавно оправился отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи при Катаніи въ Сициліи. Мирославскій былъ безъ сомнѣнія очень способный и мужественный полководецъ, но его повсюду преслѣдовали несчастія, да и самъ онъ иногда дѣлалъ непростительныя ошибки. Казалось иногда, будто онъ на полѣ сраженія производитъ какіе-то военно-научные эксперименты. *). Не мало бѣдъ происходило и оттого, что онъ не умѣлъ говорить по нѣмецки, а также и отъ того, что онъ давалъ такое предпочтеніе полякамъ. Но онъ въ общемъ обнаружилъ необыкновенную энергію и ловкость и ему поэтому удалось добиться довѣрія арміи.

Между тѣмъ стянуты были вокругъ Бадена массы войска. Имперская армія на Неккарѣ, боровшаяся отъ имени франкфуртскаго центральнаго правительства противъ защитниковъ имперской конституціи, достигла численностью до 20.000 человѣкъ; армія эта находилась подъ командою бывшаго имперскаго министра генерала фонъ-Пейкера, который въ этомъ походѣ обнаружилъ очень мало стратегическихъ талантовъ; Гиршфельдъ двинулся въ Пфальцъ съ 20-тысячной арміей, а Гребенъ повелъ 20-тысячный отрядъ къ Неккару. Главнокомандующій всей арміей, принцъ Вильгельмъ прусскій, находился при корпусѣ Гиршфельда. Когда онъ изъ Майнца направлялся въ каретѣ въ Крейцнахъ изъ виноградниковъ у Нижне-Ингельгейма направленъ былъ въ него выстрѣлъ, ранившій почтальона. Человѣкъ, по имени Шнейдеръ, былъ въ Мангеймѣ преданъ суду, его обвиняли въ томъ, будто онъ произвелъ выстрѣлъ, но судъ присяжныхъ оправдалъ его **).

Сильный баварскій корпусъ служилъ пруссакамъ резервомъ. Вюртембержцы въ количествѣ 8000 человѣкъ перешли изъ Гейлебронской области въ Шварцвальдъ и выстроились на границѣ. Австрійцы сдѣлали попытку высадить свои войска въ Фридрихсгафенъ. Но храброе фридрихсгафенское народное ополченіе, подъ предводительствомъ своего командира Ланга послѣ довольно продолжительной кровопролитной схватки, принудило ихъ къ отступленію. Благодаря прусской дипломатіи австрійцы послѣ этого ничего болѣе не предпринимали.

Мирославскій рѣшилъ занять оборонительную позицію и держаться линіи Неккара. Онъ такъ растянулъ свои войска, что его пра-

*) Говорятъ, будто онъ потратилъ въ Карлсруэ на свою экипировку нѣсколько драгоцѣнныхъ дней.

**) Этотъ Шнейдеръ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Сѣверной Америкѣ; на смертномъ одрѣ онъ увѣрялъ, что не онъ стрѣлялъ.

вый флангъ, подъ командою Іоганна-Филиппа Беккера находился въ Эбербахѣ на Неккарѣ, центръ въ Ладенбургѣ на Неккарѣ, а лѣвый флангъ въ Мангеймѣ.

Пруссаки пытались окружить Мирославскаго.

12 іюня уже двинулись полки Гиршфельда въ Пфальцъ. Въ Кирхгеймболанденѣ стоялъ слабый рейнско-гессенскій легіонъ съ Цицомъ и Бамбергеромъ, а военачальникомъ ихъ все еще былъ неспособный Рауперть. 14 іюня, когда пруссаки числомъ до 8000 напали на Кирхгеймболанденъ, рейнско-гессенскій легіонъ поспѣшно отступилъ, такъ поспѣшно, что отрядъ народнаго ополченія остался на баррикадахъ въ Шлоссгартенѣ, невидимому отъ того, что ихъ не успѣли предупредить. Среди нихъ находилась красивая молодая дѣвушка Матильда Гицфельдъ изъ Кирхгеймболандена, которая мужественно стояла на посту съ черно-красно-золотымъ знаменемъ. Защитники баррикады были частью умерщвлены, частью взяты въ плѣнъ *).

Пфальцское правительство бѣжало изъ Кайзерслаутерна, и пруссаки немедленно проникли въ глубь гористой страны, которую при нѣкоторой рѣшительности очень легко можно было бы защитить. Пфальцскія военныя силы отовсюду быстро отступали. Шнайда и Виллихъ направились къ Рейну и подобно Цицу и Бамбергу быстро переправились въ Баденъ, у Виллиха передъ тѣмъ еще 17 апрѣля произошло у Анвейлера столкновеніе съ пруссаками и здѣсь, въ этой маленькой стычкѣ, онъ вслѣдствіе непрактичности своихъ распоряженій, потерпѣлъ большой уронъ ранеными и убитыми, раньше еще, чѣмъ дѣло дошло до настоящаго сраженія.

Такимъ образомъ, пруссаки завладѣли всѣмъ Пфальцемъ и появились передъ Людвигсгафеномъ въ тотъ самый моментъ, когда Мирославскій возобновилъ на Неккарѣ борьбу съ имперскими отрядами. 15 іюня атаковали они забаррикадированный Людвигсгафенъ и послѣ двухчасовой отчаянной борьбы взяли его **). Они чуть не перешли черезъ Рейнскій мостъ, благодаря чему они бы очутились въ тылу баденской арміи, у которой не было времени достаточно быстро развести мостъ. Но у пруссаковъ самихъ не хватило смѣлости наступать подъ открытымъ огнемъ орудій, выстроенныхъ на баденскомъ берегу. Прусская артиллерія посылала по направленію къ Мангейму ракеты, а баденская артиллерія отвѣчала на это страшнымъ опустошающимъ огнемъ, руководство этой перестрѣлкой взялъ на себя бывшій прусскій

---

*) Неоднократно утверждали, будто плѣнные защитники были разстрѣляны у Кирхгеймболандена; произведенія прусскихъ и гессенскихъ офицеровъ, въ которыхъ описано это сраженіе, отрицаютъ это. Вообще же это сраженіе породило массу невѣрныхъ слуховъ. Такъ, напримѣръ, и по сей день еще въ очень многихъ произведеніяхъ говорится, что во время боя у Кирхгеймболандена убитъ былъ и нашъ старый другъ Пауль Штумпфъ изъ Майнца, принимавшій участіе въ этомъ дѣлѣ. Но онъ и до сихъ поръ живъ и здоровъ, а съ того знаменитаго сраженія прошло уже 43 года.

**) Въ произведеніи Беккера и въ другихъ демократическихъ сочиненіяхъ утверждается, какъ это ни кажется страннымъ, будто Людвигсгафенъ взятъ пруссаками измѣнническимъ образомъ „безъ единаго выстрѣла“. Въ дневникѣ же прусскаго оберъ-лейтенанта фонъ-Старесте говорится, что пруссакамъ удалось взять Людвигсгафенъ только послѣ двухчасовой борьбы и что по ихъ свѣдѣніямъ у мятежниковъ было 20 убитыхъ, а у пруссаковъ трое. Въ другихъ военныхъ сочиненіяхъ констатируется это сраженіе.

офицеръ Отто фонъ-Корвинъ *). Рейнскій мостъ, портовыя зданія Людвигсгафена, а также разныя другія городскія постройки сдѣлались жертвою пламени. Небо на далекомъ разстояніи кругомъ было красно отъ зарева пожара, а канонада продолжалась безпрерывно въ теченіе нѣсколькихъ дней. Реакціонная пресса очень горько жалуется на то, что баденская артиллерія не осталась спокойной зрительницей того, какъ пруссаки обстрѣливали боевыми снарядами Маннгеймъ.

Въ то время какъ на Рейнѣ началась пушечная пальба, Мирославскій прискакалъ изъ Маннгейма на Неккарскую линію, гдѣ имперскія войска перешли уже къ наступленію. Пейкеръ прогналъ баденскій авангардъ изъ Кeферталя. Мирославскій отдалъ приказъ польскому полковнику Тобіану снова взять Кеферталь. Баденскія войска съ необыкновенною храбростью выступили подъ непріятельскимъ огнемъ къ Кеферталю и вытѣснили оттуда имперскія войска. Тобіанъ былъ тяжело раненъ. Польскій полковникъ Оборскій, перенявшій командованіе войсками, прогналъ имперскія войска еще дальше. Баденскій центръ, находившійся подъ предводительствомъ двусмысленнаго полковника Беккерта, былъ сначала тоже вытѣсненъ изъ Ланденбурга непріятельской силой; но вскорѣ баденцы опять начали наступательныя дѣйствія и Ланденбургъ былъ, благодаря смѣлой фланговой атакѣ Меглинга **), такъ быстро отнятъ у непріятеля, что прусскій майоръ Гиндерсинъ, обозрѣвавшій съ церковной башни поле сраженія, попалъ въ плѣнъ. На слѣдующій день Мирославскій съ отрядами Зигеля, Оборскаго и Меглинга напалъ на имперскія войска въ Лаутерегофенѣ и Гроссзаксенѣ и съ такой силой оттѣснилъ ихъ назадъ, что они нѣкоторое время находились въ крайне растерянномъ положеніи. Гроссзаксенъ потомъ хотя и пришлось снова очистить, но и имперскія войска „начали концентрироваться назадъ“ къ Вайнгейму ***).

Маннгеймская буржуазія, солидарная съ пруссаками, въ это время

---

*) Корвинъ—какъ другъ извѣстнаго Гельда, имѣлъ очень много враговъ и ему не охотно довѣряли. Но онъ во всякомъ случаѣ никогда не былъ измѣнникомъ. Мы вполнѣ согласны съ Боркгеймомъ, который говоритъ о Корвинѣ слѣдующее: „Онъ безъ всякаго сомнѣнія былъ вполнѣ честнымъ человѣкомъ. Прикрывая своей лейтенантской манерой все свое добродушіе, а также благодаря своему стремленію играть роль высокопоставленнаго покровителя революціи, Корвинъ невольно испортилъ свои отношенія съ принципіальными демократами... Этимъ и объясняется то, что не онъ, а Зигель получилъ главнокомандованіе надъ войсками; послѣднее обстоятельство нанесло сильный ударъ его наивному честолюбію.

**) Меглингъ выказалъ массу мужества и большой военный талантъ.

***) Прусскій оберъ-лейтенантъ Старосте, дневникъ котораго, описывающій баденскій походъ, полонъ военныхъ предразсудковъ, ненависти и оскорбленій по адресу демократовъ, постоянно пишетъ о томъ, что баденскія войска бѣжали; бѣгутъ они, по его запискамъ, даже и тогда, когда онъ самъ сознается, что Кеферталь и Гроссзаксенъ взяты были ими приступомъ. Онъ далѣе пишетъ, что у баденцевъ страхъ передъ штыками былъ еще сильнѣе, чѣмъ передъ пушками, и говоритъ онъ объ этомъ именно тогда, когда баденцами отбиты были два непріятельскихъ пункта штыками. Но за то мы ему вполнѣ вѣримъ, когда онъ пишетъ, что въ Гроссзаксенѣ были убиты 20 замѣшкавшихся ополченцевъ, т. е. имъ не дали пощады. Интересно, что сказалъ бы онъ, если бы подобнымъ образомъ поступили съ замѣшкавшимся въ Ланденбургѣ майоромъ Гиндерсиномъ! Съ послѣднимъ обращались въ высшей степени прилично.

сдѣлала уже попытку произвести контръ-революцію, которая была энергично подавлена Мирославскимъ. Гейдельбергъ былъ иллюминованъ въ честь удачнаго неккарскаго сраженія, а въ это время у богатыхъ Маннгеймскихъ купцовъ вытянулись физіономіи, когда послѣ сраженія, вмѣсто ожидаемыхъ пруссаковъ, появились свои же земляки.

Побѣды на Неккарѣ свидѣтельствовали о томъ, что въ баденскихъ войскахъ исчезла господствовавшая тамъ раньше деморализація и что дисциплина и мужество смѣнили ее *). Воодушевленіе усилилось еще благодаря благопріятнымъ вѣстямъ, получившимся изъ Парижа о крупной побѣдѣ, одержанной партіей Ледрю-Роллена надъ принцемъ-президентомъ **). Но вскорѣ пришло также извѣстіе о неудачной попыткѣ возстанія 13 іюня и полномъ пораженіи партіи монтаньяровъ, такъ что со стороны Франціи ожидали теперь контръ-революціонныхъ дѣйствій. Это подѣйствовало очень угнетающе на вожаковъ баденскаго движенія и омрачило радость по поводу побѣдъ на Неккарѣ.

Генералъ фонъ-Пейкеръ, очень медлительный и малоспособный стратегъ, отказался отъ форсированія неккарской линіи, и этимъ самымъ призналъ побѣду баденскихъ войскъ, которую онъ въ своихъ офиціальныхъ сообщеніяхъ отрицалъ.

Но несмотря на это удержать дальше неккарскую линію не было никакой возможности. Пейкеръ двинулся съ имперской арміей черезъ Фюртъ въ горы, чтобы такимъ образомъ обойти правое крыло баденской арміи; фонъ-деръ-Гребенъ двинулся со своимъ армейскимъ корпусомъ къ неккарской линіи, а Гиршфельдъ, послѣ того, какъ Пфальцъ былъ весь очищенъ отъ мятежниковъ, появился въ Гермерсгеймѣ, гдѣ онъ и намѣревался перейти черезъ Рейнъ. Главнокомандующій арміей, принцъ прусскій, объявилъ изъ Гермерсгейма, „все великое герцогство Баденъ“ на военномъ положеніи; всякій, оказывающій сопротивленіе, долженъ быть судимъ военнымъ судомъ, а командующимъ корпусами дается право подписывать смертные приговоры.

Отступленіе пфальцскихъ войскъ почти безъ всякой борьбы производило деморализующее впечатлѣніе; 18 іюня они—въ количествѣ 6.000 человѣкъ съ 8 орудіями перешли у Книлингена Рейнъ подъ предводительствомъ Шнайды, „который тупо посматривалъ кругомъ себя“. Этому несчастному Шнайдѣ, который, будучи „генераломъ“, занимался главнымъ образомъ ѣдою и питьемъ, суждено было надѣлать въ Баденѣ еще большую сумятицу, чѣмъ въ Пфальцѣ. Цицъ и Бамбергеръ, вожди рейнско-гессенскаго легіона, услыхавъ о переходѣ пруссаковъ черезъ Рейнъ, на слѣдующій же день бѣжали въ Швейцарію. Нельзя сказать, чтобы тотъ градъ насмѣшекъ, который вызвалъ ихъ быстрое исчезновеніе, не былъ заслуженнымъ ***).

---

*) Провіантъ былъ очень неудовлетворителенъ. Раво разсказываетъ что двѣ роты, прибывшія ночью въ Маннгеймъ, не нашли ни огня, ни пищи. Они разумѣется подняли шумъ. Раво обратился къ нимъ съ суровымъ внушеніемъ; онъ приказалъ также дать имъ хлѣба, сыра, пива и огня. Но они отказались отъ всего этого и заявили, что они на этотъ разъ удовлетворены, такъ какъ нашелся хоть одинъ человѣкъ, который заботится о нихъ.

**) Необходимо замѣтить, ради полнаго господства истины, что со стороны демократовъ было не меньше лжи, чѣмъ со стороны реакціонеровъ.

***) Господинъ Бамбергеръ постарался въ небольшомъ, очень хорошо на-

20 іюня пруссаки, подъ пушками крѣпости, перешли у Гермерсгейма черезъ Рейнъ. Охрана и защита моста передана была поляку Міевскому, который располагалъ 2500 человѣкъ; въ его распоряженіи находились также батареи Блинда и Бернгейма. Міевскій далъ пруссакамъ возможность напасть на него. Дѣло дошло до сраженія, въ которомъ баденскій майоръ фонъ-Бидепфельдъ, старый солдатъ изъ школы Наполеона, хотя и оказалъ сильное сопротивленіе, но въ концѣ концовъ все-таки принужденъ былъ отступить на Бруксаль передъ прусской дивизіей Бруна. Батарея Блинда была взята *).

Дивизія Бруна должна была отрѣзать баденской арміи отступленіе въ Карлсруэ; дивизія Ганпекена должна была двинуться на Маннгеймъ и съ тылу атаковать неккарскую линію, въ то же самое время Пейкеръ маневрировалъ у праваго фланга позиціи Мирославскаго. Гребенъ двинулся съ сѣвера къ Маннгейму и Гейдельбергу. Такимъ образомъ Мирославскій, вслѣдствіе перехода черезъ Рейнъ, внезапно былъ окруженъ съ трехъ сторонъ.

Въ этомъ отчаянномъ положеніи онъ принялъ быстрое и твердое рѣшеніе напасть на корпусъ Гиршфельда, ушедшій за Рейнъ. Если бъ это нападеніе удалось, тогда онъ надѣялся каждый въ отдѣльности разбить и остальныхъ два корпуса. Онъ стянулъ свои главныя силы; 9 батальоновъ линейнаго войска, 8 батальоновъ ополченія, 10 эскадроновъ драгунъ и 20 орудій, всего 10—12.000 человѣкъ въ одинъ пунктъ и двинулся навстрѣчу пруссакамъ. Расположеніе войскъ было таковое, что баденская армія была лицомъ обращена къ югу, а Гиршфельдскій корпусъ лицомъ къ сѣверу. Въ Гейдельбергѣ для прикрытія прохода черезъ Неккаръ остался Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ **), а въ Маннгеймѣ остался Мерси для прикрытія неккарскаго моста. Дивизія подъ начальствомъ Томе отказалась повиноваться приказу старшаго генерала и осталась въ Гейдельбергѣ ***).

Въ то время, какъ Мирославскій поспѣшно двинулся навстрѣчу пруссакамъ, пфальцское ополченіе вмѣстѣ съ баденскимъ отрядомъ линейнаго войска, раздѣленнаго на три колонны подъ предводительствомъ Виллиха, Бленкера и Твинскаго подошла къ Бруксалю и заняла очень удобную позицію для поддержки Мирославскаго ****). Но

писанномъ, произведеніи оправдать свое поведеніе; при этомъ онъ всѣхъ почти вожаковъ пфальцскаго движенія объявилъ бездарностями. Но сдѣлалъ ли онъ больше остальныхъ? Онъ пишетъ, что онъ принужденъ былъ уѣхать потому, что боялся быть арестованнымъ, боялся, что его въ тюрьмѣ забудутъ и, что онъ такимъ образомъ, попадетъ въ руки пруссаковъ. Ко всему этому едва ли можно отнестись серьезно; но если господинъ Бамбергеръ въ концѣ своей брошюры заявляетъ, что онъ не страдалъ „формализмомъ сопротивленія“, то къ этому можно отнестись съ полнымъ довѣріемъ.

*) Пруссаки, гусары которыхъ наступали очень храбро, потерпѣли въ сраженіи при Визенталѣ довольно значительныя потери; среди раненыхъ находился и принцъ Фридрихъ-Карлъ Прусскій.

**) Беккеръ былъ вмѣстѣ со своей дивизіей быстро призванъ изъ Оденвальда. Тамъ онъ вмѣстѣ съ ганаускими гимнастами далъ баварцамъ и кургессенцамъ сраженіе у Гиршгорна, при этомъ гимнасты изъ Ганау заняли и защищали старый Гиршгорнскій замокъ.

***) Тоже принадлежалъ къ реакціоннымъ офицерамъ.

****) Твинскій изъ трусости или измѣны двинулъ ночью свою колонну обратно въ Карлсруэ и бѣжалъ. Бленкеръ вернулъ колонну обратно.

главнокомандующій Шнайда не былъ человѣкомъ способнымъ энергично взяться за дѣло. Онъ двигался впередъ очень медленно, такъ какъ его трудно было вытащить изъ трактировъ, гдѣ онъ постоянно торчалъ. Такимъ образомъ, находившіеся подъ его командою 10.000 человѣкъ не сумѣли даже втянуть въ сраженіе движущуюся къ Бруксалю дивизію Бруна, въ то время какъ Мирославскій у Ваггейзеля атаковалъ пруссаковъ подъ предводительствомъ Гиршфельда.

21 іюня рано утромъ Мирославскій наткнулся на форпостъ пруссаковъ, которые выстроились у Ваггейзеля и Филиппсбурга, готовые вступить въ бой *). Они вначалѣ предполагали, что Мирославскій находится у Бруксаля и хотѣли поэтому направить туда свою главную силу. Самый тяжелый натискъ революціонной арміи пришелся на долю дивизіи Ганнекена, которой предписано было двинуться къ Маннгейму.

Прусскій авангардъ быстро былъ опрокинутъ баденскимъ, подъ предводительствомъ Мона, который при этомъ столкновеніи получилъ три раны. Затѣмъ Оборскій, командовавшій баденскимъ правымъ крыломъ, атаковалъ Ваггейзель. Пруссаки заняли сахарную фабрику, бывшую нѣкогда замкомъ шпейерскихъ епископовъ. Послѣ четырехъ атакъ баденскія войска взяли укрѣпленія пруссаковъ и отбросили ихъ изъ Ваггейзеля. Ганаускіе гимнасты помогли атакѣ, открывъ сильный ружейный огонь.

Мирославскій отдалъ Меглингу приказъ руководить штурмомъ. Прусская пуля размозжила Меглингу ногу и онъ попросилъ молодого Шлеффеля принять отъ него команду. Шлеффель находился во главѣ колонны, которая вытѣснила пруссаковъ изъ Ваггейзеля, какъ вдругъ двѣ пули пронзили его грудь. Онъ палъ гордо, увѣнчанный побѣдой, смерть его покрыла позоромъ карлсруйскихъ интригановъ, которые лишили его поста гражданскаго комиссара.

Зигель обошелъ съ лѣвымъ крыломъ пруссаковъ, оттѣснилъ ихъ назадъ и добрался до Визенталя. Ганнекенъ, обстрѣливаемый баденской артиллеріей, отступилъ до Филиппсбурга. Теперь Мирославскій, энергичнымъ нападеніемъ могъ бы обезпечить исходъ сраженія. Но онъ совершилъ крупную ошибку тѣмъ, что далъ своимъ, правда утомленнымъ, войскамъ часъ отдыха. Пруссаки за это время успѣли подкрѣпиться и внезапно появился со своею дивизіею Брунъ, который поспѣшилъ сюда на грохотъ выстрѣловъ изъ Бруксаля; онъ напалъ на лѣвое крыло съ тыла и съ фланга.

Зигель, слишкомъ слабый, чтобы сопротивляться непріятельской артиллеріи, принужденъ былъ удалиться изъ Визенталя, такъ какъ у него были всего три пушки, изъ которыхъ одна была снята съ лафета, а отъ Мирославскаго не приходило никакого подкрѣпленія. Сраженіе теперь уже, собственно говоря, было проиграно. Но пораженіе это сдѣлалось равносильнымъ полной гибели, вслѣдствіе измѣны Беккерта. Мирославскій отдалъ приказъ этому сомнительному офицеру пойти съ 10 драгунскими эскадронами, находившимися подъ его командой, на помощь Зигелю. Беккертъ сдѣлалъ видъ, будто онъ готовъ исполнить приказаніе; но вдругъ онъ повернулъ коня и обратился въ бѣшеное

---

*) Весь армейскій корпусъ Гиршфельда состоялъ приблизительно изъ 20.000 человѣкъ; лишь резервная дивизія Бруна выдвинулась къ Бруксалю.

бѣгство вмѣстѣ со своими драгунами съ крикомъ: „насъ обошли!" Онъ врѣзался въ баденскую пѣхоту, въ ряды ополченія и обозъ и привелъ все въ смятеніе. Всѣхъ охватилъ паническій страхъ и еще нѣсколько минутъ тому назадъ побѣдоносная революціонная армія бросилась теперь безпорядочной массой въ Гоккенгеймъ, а оттуда ночью обратно въ Гейдельбергъ *). Пруссаки, испробовавшіе въ этомъ сраженіи игольчатыя ружья на спинахъ баденскихъ республиканцевъ, не преслѣдовали бѣжавшихъ, такъ какъ сами были истощены борьбою. Зигель прикрывалъ отступленіе.

Главная вина за пораженіе при Ваггейзелѣ падаетъ на „генерала" Шнайда. Этотъ неповоротливый господинъ, который долженъ былъ бы удержать дивизію Бруна у Бруксаля, не выпустилъ 21 іюня ни одного выстрѣла въ непріятеля. Вмѣсто того чтобы итти впередъ онъ шелъ назадъ, только его правый флангъ подъ предводительствомъ Биденфельда сдѣлалъ было движеніе по направленію къ Бруксалю, но было уже слишкомъ поздно. Бруксаль, покинутый пруссаками, былъ занятъ Шнайдою только 22 іюня. Его авангардъ занялъ деревню Убштадтъ у Бруксаля. Когда на него 23-го напали пруссаки, авангардъ былъ отброшенъ, и Шнайда показалъ себя совершенно неспособнымъ; онъ всюду вносилъ смятеніе и дезорганизацію. Геггъ, находившійся при арміи, взялъ въ критическій моментъ руководство въ свои руки и съ помощью дѣльныхъ офицеровъ: Техова, Фаха, Аннекке, Бейста, Изелина съ артиллеріей и народными ополченцами, а также съ батареей блузниковъ изъ Боркгейма ему такъ удалось сорганизовать сопротивленіе, что пруссаки были отброшены назадъ. Это сраженіе имѣло громадное значеніе потому, что благодаря ему пруссакамъ не удалось отрѣзать пути отступленія главной арміи, разбитой при Ваггейзелѣ **).

Пруссаки только на слѣдующій день двинулись къ Бруксалю, а войска Шнайды въ безпорядкѣ отступили къ Карлсруэ. Ожесточенные солдаты избили его, и онъ бѣжалъ во Францію.

Прусскіе генералы дѣйствовали неумѣло и медленно, иначе Мирославскому не удалось бы провести своихъ войскъ фланговымъ маршемъ въ полномъ боевомъ порядкѣ между тремя враждебными арміями.

---

*) Отчеты объ этомъ сраженіи очень сильно расходятся и въ главныхъ пунктахъ противорѣчатъ другъ другу. Старосте только и говоритъ о бѣгствѣ войскъ, они бѣгутъ по его словамъ даже въ тѣ моменты, когда наступали на врага. Бюллетени Мирославскаго опять-таки полны невѣрными указаніями.

**) Гессенскій офицеръ, участвовавшій въ этомъ походѣ, говоритъ о немъ въ своемъ произведеніи слѣдующее: „Въ деревнѣ (Убштадтѣ) съ церковной башни продолжали еще раздаваться выстрѣлы дюжины оставшейся тамъ запоздалой группы волонтеровъ-мятежниковъ. Пруссаки взяли башню штурмомъ и разстрѣляли засѣвшихъ тамъ людей, такая же участь постигла и многихъ волонтеровъ, спрятавшихся въ домахъ. На кладбищѣ было разстрѣляно 15 человѣкъ". (Походъ противъ баденско-пфальцскихъ повстанцевъ, стр. 309). Старосте подтверждаетъ эту жестокость (см. стр. 342). Старосте далѣе разсказываетъ, что прусскій батальонъ, ведшій съ собою восемь плѣнныхъ, наткнулся у Лангенбрюкена на трупъ одного прусскаго гусара. „При видѣ этого", говоритъ онъ, солдаты до того ожесточились, что убили плѣнныхъ, прежде еще, чѣмъ офицеры успѣли вмѣшаться". Странно, что офицерамъ именно въ такихъ случаяхъ не удавалось удержать солдата въ подчиненіи!—Касаясь этихъ событій мы нарочно приводимъ свидѣтельства только реакціонной стороны.

Въ то время какъ Маннгеймъ былъ, благодаря проискамъ реакціонной буржуазіи, преданъ въ руки Пруссіи, при чемъ депутатъ Трюцшлеръ былъ взятъ въ плѣнъ, Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ, бывшій здѣсь гражданскимъ комиссаромъ, защищалъ Гейдельбергъ отъ пруссаковъ, и находчиво и мужественно прикрывалъ отступленіе разбитой арміи черезъ устье Неккара къ Зинсгейму, гдѣ только что была отбита атака только что явившагося авангарда имперскаго генерала Пейкера. Армія затѣмъ продолжала отступать на Дурлахъ черезъ Бреттенъ, при чемъ Убштадтское сраженіе помѣшало пруссакамъ отрѣзать этотъ путь, ибо въ то время какъ происходило сраженіе при Убштадтѣ, Мирославскій, держась направленія на востокъ, прошелъ со своимъ войскомъ вдоль границы. 24 іюня вечеромъ, Мирославскій вступилъ въ Дурлахъ и, не останавливаясь въ Карлсруэ, двинулся по мургской линіи къ Раштатту. 25 іюня во время отступленія Беккеру пришлось вступить въ борьбу въ Дурлахѣ, гдѣ онъ сражался долго, несмотря на отсутствіе у него орудій; онъ причинилъ пруссакамъ, осаждавшимъ его, большія потери и только тогда сдалъ Дурлахъ, когда увидѣлъ себя въ опасности быть отрѣзаннымъ.

Карлсруэ, гдѣ тотчасъ же послѣ пораженія арміи стало проявляться контръ-революціонное движеніе, былъ 25 іюня занятъ пруссаками. Мирославскій сконцентрировалъ свои силы на мургской линіи передъ Раштаттомъ. Онъ здѣсь произвелъ смотръ 13.000 солдатамъ съ имѣющимися у нихъ 70 орудіями. Всѣ были готовы къ сопротивленію, мургская линія отъ Штейнмауэрна на Рейнѣ была занята до Гернсбаха. Корпуса Гиршфельда и Гребена напали на эту позицію съ фронта, между тѣмъ какъ Пейкеръ направился къ Гернсбаху черезъ Вюртембергъ. Нейтралитетъ, обѣщанный Ремеромъ, былъ обязателенъ лишь для Бадена: имперскіе же отряды не встрѣтили препятствій при переходѣ черезъ вюртембергскій Шварцвальдъ.

Мирославскій совершилъ ошибку, пославъ въ Гернсбахъ, самый опасный пунктъ этой позиціи, Бленкера съ ненадежными пфальцскими народными ополченцами; послѣ того онъ занялъ позицію передъ Мургомъ, вслѣдствіе чего крѣпостныя пушки не могли быть пущены въ ходъ и остались безъ употребленія во время битвы.

28 іюня было отражено нападеніе пруссаковъ; 29 открылась борьба по всей линіи. Пруссаки были опрокинуты Зигелемъ и Беккеромъ. Баденскія войска перешли въ наступленіе и такъ далеко отбросили пруссаковъ, что въ Раштаттѣ были уже увѣрены въ побѣдѣ и городъ былъ иллюминованъ. Но Мерси потерпѣлъ пораженіе въ горахъ у Ротенфельса *), а его бѣгущія войска увлекли за собою и дивизію храбраго Оборскаго **). Гернсбахъ былъ взятъ Пейкеромъ, а пламя горѣвшихъ тамъ домовъ освѣщало на далекомъ разстояніи кругомъ окрестности ***). Это пламя ясно показывало, что нельзя воспрепятствовать обходу мургской линіи.

---

*) При этомъ палъ Молль изъ Кельна, извѣстный членъ союза коммунистовъ, а поэтъ Готфридъ Кинкель, вовлеченный въ борьбу въ качествѣ солдата народнаго ополченія, былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ.

**) Послѣдній въ отчаяніи немедленно отправился въ Страсбургъ.

***) Старосте говоритъ объ этомъ сраженіи слѣдующее: „Когда Гернсбахъ наконецъ былъ взятъ, ожесточеніе солдатъ дошло почти до изступленія, кото-

Въ рядахъ борющихся революціонеровъ возникло смятеніе и на слѣдующій день 30 іюня мургскую линію пришлось оставить, послѣ того какъ Беккеръ со своею артиллеріею оказалъ храброе сопротивленіе при Куппенгеймѣ. У Ооса еще энергично сражались, чтобы прикрыть путь отступающимъ и при помощи полковника Михеля изъ Бамберга, погибшаго въ этомъ сраженіи, была у мекленбуржцевъ отнята одна гаубица *). Войска въ смятеніи отступали къ Оффенбургу и къ Фрейбургу; крѣпость Раштадтъ была уже совершенно осаждена 30 іюня вечеромъ. Тамъ находилось около 6000 человѣкъ, и Бернгардъ Беккеръ, находившійся при мангеймскомъ рабочемъ батальонѣ, утверждаетъ, что туда вошло бы еще человѣкъ 1000, если бы онъ не остановилъ ихъ у воротъ, предупреждая, что изъ крѣпости выйдетъ лишь ловушка.

Мерославскій получилъ отставку; его роль была сыграна. По поводу уплаты ему вознагражденія поднялся впослѣдствіи цѣлый споръ, котораго мы здѣсь не будемъ касаться.

Командованіе войсками было опять поручено Зигелю; но сила возстанія была уже сломлена. До серьезной борьбы дѣло болѣе не доходило.

Члены учредительнаго собранія собрались еще разъ во Фрейбургѣ. 28 іюня, въ то время, когда собраніе принимало предложеніе Струве, чтобы разсматривать всякаго рода сношенія съ непріятелемъ какъ измѣну, Брентано сложилъ съ себя диктатуру и бѣжалъ въ Швейцарію, не давъ никакого отчета о своей служебной дѣятельности. Изъ Фейерталя у Шафгаузена онъ бросилъ яростное заявленіе демократамъ, одержавшимъ надъ нимъ верхъ. Но это заявленіе было такъ же ненужно и излишне, какъ и запоздалый „терроризмъ“ Струве, съ помощью котораго онъ хотѣлъ заставить забыть, что онъ былъ главнымъ виновникомъ призванія Брентано. Но и Струве удалился въ Швейцарію, недовольный тѣмъ, что его не выбрали диктаторомъ на мѣсто Брентано. Большинство членовъ собранія бѣжало вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ и во Фрейбургѣ съ силой вспыхнула контръ-революція.

Геггъ, Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ и Зигель пытались еще разъ сорганизовать возстаніе и занять позицію въ Шварцвальдѣ и пріозерномъ округѣ. Они хотѣли основать укрѣпленный лагерь у Донауэшингена, собрать войска и броситься въ Вюртембергъ. Но пруссаки и имперскія войска подступили съ трехъ сторонъ, превосходя повстанцевъ численностью; очень трудно было собрать новыя революціонныя арміи, а нѣкоторые корпуса революціонеровъ перекочевали уже въ Швейцарію. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, вожди принуждены были отказаться отъ борьбы. Зигель и Беккеръ раскинули у Балтерсвейля на Швейцарской границѣ лагерь; 11 іюля молодой полководецъ перешелъ съ остатками революціонной арміи черезъ Рейнъ. Геггъ

рое съ трудомъ удалось обуздать, и инсургенты, одиноко бродившіе по городу или попадавшіеся въ домахъ или погребахъ, почти всѣ безъ исключенія были убиты.

*) О майорѣ Швабскаго легіона, Грейнерѣ, взятомъ здѣсь въ плѣнъ, Старосте говоритъ слѣдующее: „Между плѣнными находился также и измѣнникъ майоръ Грейнеръ. Такъ какъ онъ и теперь, послѣ того, какъ былъ взятъ въ плѣнъ, пытался еще вліять на войска, то онъ былъ заколотъ“. Грейнеръ былъ редакторомъ одной демократической газеты въ Рейтлингинѣ.

произвелъ наборъ въ Констанцѣ; но и онъ 11 іюля рѣшилъ съ тѣми 1200 человѣкъ народнаго ополченія, которые находились подъ его начальствомъ, перейти въ Швейцарію. Онъ съ балкона ратуши Констанца произнесъ рѣчь къ народу и крикнулъ „ура“ во славу единой свободной Германіи; а въ это время пруссаки уже приближались къ городу.

Швейцарія разоружила всѣхъ перешедшихъ ея границы солдатъ и ополченцевъ и взяла съ нихъ слово, что они будутъ защищать Швейцарію и станутъ подъ ея знамена, если бы противъ нея была начата война. Тогда думали, что пруссаки объявятъ Швейцаріи войну.

Послѣ этихъ крупныхъ сраженій въ рукахъ демократовъ осталась только крѣпость Раштаттъ, но и она была тѣсно оцѣплена со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, безъ всякой надежды на подмогу и освобожденіе. Комендантомъ крѣпости былъ Тидеманъ, начальникомъ генеральнаго штаба—фонъ-Корвинъ-Вирбицкій. Крѣпость была въ послѣдніе дни снабжена провіантомъ и боевыми припасами, хотя не въ особенно большомъ количествѣ. У пруссаковъ не было тяжелыхъ орудій и поэтому они не могли побороть могучей артиллеріи крѣпости. Изъ крѣпости были сдѣланы четыре вылазки; самая важная была произведена 16 іюля, во время которой изъ башни А удалось оружейнымъ огнемъ зажечь деревню Нидербюль. Тѣмъ не менѣе надежда на выручку все болѣе ослабѣвала—нѣкоторые демократы-сангвиники надѣялись даже на то, что помощь придетъ изъ Венгріи—и пруссаки заставили двухъ парламентеровъ, Корвина и Ланга, путешествіемъ подъ военнымъ конвоемъ къ Баденскому озеру убѣдиться въ томъ, что въ Баденѣ не существуетъ больше революціонной арміи. Парламентеры вернулись 21 іюля обратно и послѣ даннаго ими отчета о положеніи военныхъ дѣлъ, военный совѣтъ рѣшилъ передать крѣпость. Корвину поручено было вести переговоры съ цѣлью добиться возможно лучшихъ условій сдачи. Освобожденъ былъ взятый было въ плѣнъ майоръ Гиндерсинъ, „чтобы показать пруссакамъ, что имъ довѣряютъ“. Но если бы Гиндерсина оставили въ крѣпости, возможно, что удалось бы добиться лучшихъ условій *).

Пруссаки потребовали сдачи безусловной, полагаясь на ихъ великодушіе, а командующій прусскими войсками генералъ фонъ-деръ-Гребенъ заявилъ Корвину **), что они не могутъ допустить постановки какихъ бы то ни было условій. Но онъ обѣщалъ, что будетъ хлопотать за осажденныхъ и надѣется добиться для нихъ той же участи, какая постигла взятыя во Фрейбургѣ команды ***), которыя, благодаря заступничеству генерала фонъ-Гиршфельда, были отпущены на свободу. Корвинъ заявляетъ, будто генералъ сказалъ, что нѣкоторымъ вождямъ будетъ учиненъ допросъ, простые же солдаты, по всей вѣроятности, будутъ немедленно отпущены.

---

*) Мы разсматриваемъ сдачу, о которой уже такъ много говорилось, по документамъ, имѣющимся у насъ и по даннымъ Корвина и военнаго писателя, о которомъ уже много разъ упоминалось.

**) Корвинъ. „Изъ жизни народнаго борца за свободу“ томъ IV, стр. 46.

***) Послѣдніе возстали противъ временнаго правительства и арестовали нѣсколько офицеровъ, слѣдствіемъ чего и явилось болѣе милостивое обращеніе съ ними.

Таковъ былъ результатъ переговоровъ, съ которымъ Корвинъ вернулся въ крѣпость, гдѣ въ это время уже явно начала обнаруживаться дезорганизація. Дѣлая эти сообщенія, Корвинъ не скрылъ отъ военнаго совѣта своего убѣжденія, что нѣкоторые революціонные предводители поплатятся жизнью. Военный совѣтъ, послѣ того какъ Корвинъ сообщилъ, что во время сдачи не можетъ быть поставлено никакихъ условій, поручилъ ему довести дѣло до конца, „придавъ ему возможно болѣе благопріятный характеръ“ *).

Послѣ этого капитуляція была принята, при чемъ постановленія, касавшіяся участи осажденныхъ, гласили слѣдующимъ образомъ:

„Осажденные безусловно сдаются на милость Его Королевскаго Высочества Великаго Герцога Баденскаго и всецѣло подчиняются расположеннымъ передъ крѣпостью прусскимъ войскамъ. Они при этомъ ходатайствуютъ передъ Его Королевскимъ Высочествомъ о томъ, чтобы къ нимъ примѣнена была та же милость, которая, какъ передаютъ, дарована была другимъ войскамъ при подобныхъ же обстоятельствахъ. Никакихъ твердыхъ обязательствъ генералъ, командующій вторымъ корпусомъ, дать не можетъ, но онъ приложитъ всѣ старанія, чтобы точно выполнить свое вчерашнее обѣщаніе“.

Ясно, что капитуляція всецѣло отдавала осажденныхъ въ руки побѣдителей и что генералъ фонъ-деръ-Гребенъ не обязался ни къ чему, кромѣ „содѣйствія“, что значило весьма мало. То обстоятельство, что генералъ фонъ-деръ-Гребенъ не самолично подписалъ изготовленный Корвиномъ договоръ о капитуляціи, а поручилъ это начальнику своего генеральнаго штаба, майору фонъ-Альвенслебену, — весьма маловажно, хотя ему и стараются часто приписать огромное значеніе. Текстъ капитуляціи по буквѣ его предоставлялъ пруссакамъ сдѣлать съ осажденными все, что имъ заблагоразсудится. Корвинъ упустилъ изъ виду, что капитуляція—не что иное, какъ сдѣлка, при которой обѣ стороны стараются другъ друга перехитрить. Въ данномъ случаѣ пруссаки перехитрили Корвина, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ раштаттскихъ осажденныхъ **).

Раштаттскіе осажденные страдали тѣмъ избыткомъ довѣрчивости, который въ 1848 году и даже еще въ 1849 году столь часто рѣшающимъ образомъ вліялъ на поведеніе добрыхъ нѣмцевъ. Несмотря на всю неопредѣленность заявленій фонъ-деръ-Гребена и даже послѣ того, какъ генералъ въ договорѣ о капитуляціи вполнѣ недвусмысленно предостерегъ отъ всякихъ преувеличенныхъ выводовъ изъ его словъ,—многіе все же думали, что осажденнымъ позволятъ свободно покинуть

---

*) Извѣстный своею храбростью, даже отвагою, баденскій штабсъ-адъютантъ Германъ Морсъ, раненый у Куппингейма и излѣчившійся въ Раштаттѣ, говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что онъ никогда не ожидалъ ничего другого, кромѣ сдачи безъ возможности поставить какія-либо условія побѣдителямъ.

**) О „нарушеніи условій капитуляціи“, о которомъ часто говорятъ старые демократы, не можетъ, слѣдовательно, быть и рѣчи. Мы не должны щадить побѣдителей, но у насъ также нѣтъ никакихъ основаній довѣрять этой старой сказкѣ, хотя насъ и будутъ можетъ быть за это упрекать кое-какіе старые демократы.

крѣпость и что офицеровъ примутъ въ баденскую армію. Корвинъ, впрочемъ, утверждаетъ, что онъ предостерегалъ отъ такого оптимизма.

Тидеманъ, не взирая на свое обычное мужество, чувствовалъ себя, повидимому нѣсколько растеряннымъ; въ своемъ послѣднемъ официальномъ письмѣ къ генералу фонъ-деръ-Гребену онъ писалъ, что въ Раштаттѣ нѣтъ ни одного „зачинщика движенія“. Во время церемоніи капитуляціи Биденфельдъ двинулся со своимъ отрядомъ подъ звуки военной музыки. Къ нему тутъ же подскочилъ одинъ молодой прусскій капитанъ и спросилъ его: „По чьему приказанію играетъ музыка?“ „По моему“—добродушно отвѣтилъ Биденфельдъ. Тогда капитанъ заоралъ на него: „Заткните глотку, чортъ васъ возьми, плевать на ваши приказанія, здѣсь я приказываю!“ *) Такой пріемъ долженъ былъ быстро разсѣять иллюзіи стараго Биденфельда.

Днемъ 23 іюля 1849 года происходила сдача и обезоруженіе осажденныхъ. Тидеманъ протянулъ генералу фонъ-деръ-Гребену свою шпагу; Гребенъ самъ не принялъ ея и велѣлъ армейскому профоссу взять ее. Такое оскорбленіе, направленное противъ бывшаго коменданта крѣпости, должно было показать, что плѣнникамъ нечего возлагать большихъ надеждъ на „содѣйствіе“ генерала фонъ-деръ-Гребена.

Затѣмъ плѣнники были брошены въ сырые казематы крѣпости, гдѣ ихъ оставили до вечера слѣдующаго дня безъ воды и безъ всякой пищи **).

Тотчасъ послѣ взятія крѣпости начали дѣйствовать военные суды. „Правовыхъ вопросовъ“, возникшихъ въ связи съ военными судами, мы разбирать не станемъ — это безполезно. Много храбрыхъ бойцовъ пало отъ пуль военныхъ судовъ. Казни происходили въ Маннгеймѣ, въ Раштаттѣ и во Фрейбургѣ. Всего ихъ было 27. Первой жертвой палъ Максъ Дорту изъ Потсдама, командовавшій фрейбургскимъ народнымъ ополченіемъ. Въ мартѣ 1848 года онъ сражался на берлинскихъ баррикадахъ. Отецъ его, совѣтникъ юстиціи Дорту, дѣлалъ напрасныя усилія спасти его. Молодой Дорту палъ съ античнымъ героизмомъ на кладбищѣ Вире подлѣ Фрейбурга. „Я умираю за свободу; стрѣляйте мѣтко, братья!“—воскликнулъ онъ предъ смертью. На томъ же самомъ мѣстѣ разстрѣляны были военный комиссаръ Неффъ-фонъ-Рюммингенъ и солдатъ Гебгаръ Кромеръ изъ Бромбаха ***).

Въ Маннгеймѣ надъ Трюцшлеромъ, принимавшемъ въ возстаніи участіе не въ качествѣ военнаго лица, а лишь въ качествѣ гражданскаго комиссара, также назначенъ былъ военный судъ, который приговорилъ его къ смертной казни. Подлая маннгеймская буржуазія

---

*) Такъ передаетъ Корвинъ.

**) Корвинъ написалъ фонъ-деръ-Гребену записку: „Я прошу у васъ лишь того, въ чемъ я не отказалъ бы даже собакѣ своего врага: лишь немного воды и соломы“.—Сырые казематы и весь тюремный режимъ стоили жизни не одному изъ имѣвшихъ несчастье сюда попасть.

***) Разсказываютъ, будто сестры Кромера, пришедшія убрать вѣнками гробъ брата, были схвачены пруссаками и подвергнуты тѣлесному наказанію, (См. „Frankfurter Zeitung“ отъ 20 сентября 1874 года).

издѣвалась надъ нимъ. „Знатныя" дамы смѣялись, когда Трюцшлеръ говорилъ о своей женѣ и дѣтяхъ. Даже прусскій майоръ, председательствовавшій на военномъ судѣ, замѣтилъ во время „дебатовъ", что низость присутствующей „публики" вызываетъ въ немъ отвращеніе *).

Трюцшлеръ былъ разстрѣлянъ 14 августа рано утромъ въ Маннгеймѣ, по ту сторону Неккара. Онъ мужественно встрѣтилъ смерть, пронзенный семью пулями. Отъ духовника онъ отказался, гордо заявивъ, что онъ слишкомъ умственно развитъ, чтобы нуждаться въ такомъ утѣшеніи.

Объ его смерти „въ назиданіе" гражданамъ было сдѣлано слѣдующее официальное сообщеніе:

„Вильгельмъ-Адольфъ фонъ-Трюцшлеръ изъ Готы, бывшій асессоръ саксонскаго королевскаго апелляціоннаго суда въ Дрезденѣ, примкнулъ къ послѣднему баденскому возстанію уже съ первыхъ же дней его возникновенія, и отъ 26 мая до 22 іюня сего года занималъ должности гражданскаго комиссара города Маннгейма и правительственнаго директора для нижне-рейнскаго округа. Занимая означенныя должности, названный Трюцшлеръ приложилъ самыя дѣятельныя старанія въ дѣлѣ организаціи возстанія, въ дѣлѣ созыва перваго набора и его обмундировки, въ дѣлѣ возведенія укрѣпленій вокругъ означеннаго города и даже принялъ непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ мятежниковъ. Вслѣдствіе всего этого онъ, послѣ публичнаго и устнаго разбирательства дѣла, приговоромъ военнаго суда отъ вчерашняго дня признанъ виновнымъ въ государственной измѣнѣ и посему присужденъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Приговоръ этотъ сегодня въ 4 часа утра приведенъ въ исполненіе. Маннгеймъ, 14 августа 1849 года. Отъ имени слѣдственной комиссіи маннгеймскаго военнаго суда. Бабо".

Такихъ „публикацій" состоялось немало; нѣкоторыя изъ нихъ приведены въ приложеніи.

Въ самомъ Маннгеймѣ на томъ же самомъ мѣстѣ были еще разсрѣляны по приговорамъ военнаго суда жестянщикъ Дицъ изъ Шнееберга, солдатъ Лахеръ изъ Брукзаля, обозный мастеръ Штреуберъ изъ Маннгейма и учитель Геферъ изъ Бремена (Баденъ). Геферъ, на глазахъ у котораго жандармы грубо и жестоко обошлись съ его молодой беременной женой, бросившейся еще разъ обнять осужденнаго на смерть мужа, въ видѣ милости выпросилъ, чтобы казнь надъ нимъ была совершена въ тотъ же день, и онъ былъ разстрѣлянъ при свѣтѣ фонарей.

Наибольшее количество жертвъ, разумѣется, пало въ Раштаттѣ. Всего казненныхъ здѣсь было 19 человѣкъ: губернаторъ Тидеманъ, старикъ Бенингъ, командиръ эмигрантскаго легіона, Конрадъ Гейлигъ, командовавшій крѣпостной артиллеріей; всѣ они умерли съ удивительнымъ мужествомъ, которое не могло не импонировать ихъ врагу. Въ этомъ отношеніи извѣстно только одно исключеніе **). Въ Раштаттѣ

*) Темме въ своемъ романѣ: „Deutsche Herzen und deutscher Pöbel" оставилъ потомству картину этой богатой и „знатной" черни.

**) Лейтенантъ Шаде, 21 года, служившій прежде кельнеромъ, въ ночь своей казни плакалъ. Честный Боркгеймъ справедливо замѣчаетъ о немъ: „Я прощаю ему эту слабость; въ 21 годъ никому не хочется умирать.

разстрѣляны были: I. Бауэръ, солдатъ изъ Гиссигтейма, А. Вернигау, офицеръ изъ Мюльгаузена, Эрнстъ фонъ-Биденфельдъ, майоръ изъ Бпля, Георгъ Беннигъ, офицеръ изъ Висбадена, Андре Куннсъ, драгунъ изъ Пфорцгейма, Эрнстъ Эльзенгансъ, редакторъ изъ Фейербаха *), Гергардъ, солдатъ изъ Ринтгейма, I. Гюнтардъ, солдатъ изъ Констанца, Конрадъ Гейлигъ, вахтмейстеръ изъ Пфуллендорфа, Карлъ Якоби, столяръ изъ Манигейма, Петръ Iегеръ, солдатъ изъ Агластергаузена, Iог. Янсенъ изъ Кельна, Кильмарксъ, солдатъ изъ Раштатта, Коленбехеръ, солдатъ изъ Карлсруэ, Конрадъ Ленцингеръ, капралъ изъ Дюрлаха, Теофилъ Мніевскій изъ русской Польши **), Л. П. Шаде, солдатъ изъ Карлсруэ, Шрадеръ, прусскій артиллеристъ, Г. Н. Тидеманъ, офицеръ изъ Ландсгута, Л. Центгеферъ, мастеръ изъ Мангейма ***).

Въ Ландау 9 марта 1850 года былъ разстрѣлянъ баварскій лейтенантъ, графъ фонъ-Фуггеръ; осужденный же съ нимъ вмѣстѣ майоръ фонъ-Фахъ успѣлъ бѣжать. 68 осужденныхъ брошены были въ темницу, большинство—въ Бруксаль. Множество приговорено было къ десяти годамъ каторги.

Корвинъ былъ приговоренъ „къ смертной казни черезъ разстрѣляніе“, но смертная казнь была ему замѣнена 10 годами каторги ****). Кинкель, сражавшійся какъ простой рядовой, приговоренъ былъ къ пожизненному заключенію въ крѣпости, но „Крестовая Газета“ осталась этимъ приговоромъ недовольна и требовала его крови. Король прусскій измѣнилъ приговоръ такъ, что Кинкелю пришлось отбывать наказаніе въ гражданскомъ учрежденіи, т. е. въ каторжной тюрьмѣ. Въ 1850 году Кинкелю удалось бѣжать изъ тюрьмы въ Шпандау; жена его сдѣлала буквально все возможное, чтобы освободить мужа, и въ этомъ ей особенно дѣятельную помощь оказалъ Карлъ Шурцъ, принимавшій участіе въ баденскомъ возстаніи и нынѣ состоящій виднымъ государственнымъ дѣятелемъ Сѣверной Америки. Меглингъ, оправившійся отъ своей раны, былъ приговоренъ въ Маннгеймѣ военнымъ судомъ къ смертной казни, но, какъ онъ самъ передаетъ, благодаря заступничеству вюртембергскаго короля, казнь была ему замѣнена десятью годами каторги. Изъ тюрьмы онъ вышелъ совершенно разбитымъ человѣкомъ.

Вернувшееся великогерцогское правительство исчислило убытки,

---

*) Эльзенгансъ издавалъ въ Раштаттѣ „Крѣпостной Вѣстникъ“, и разстрѣлянъ былъ главнымъ образомъ за нѣсколько газетныхъ статей.

**) Свой промахъ на рейнскомъ мосту у Гермерсгейма онъ искупилъ смертью.

***) Мы указываемъ здѣсь тѣ профессіи, которыми осужденные занимались въ моментъ начала революціи. Должности, которыя они занимали послѣ, установить труднѣе, да они и мѣнялись часто.

****) Это наказаніе, замѣненное ему 6 годами одиночки, онъ до 1855 года отбывалъ въ Бруксалѣ. Въ виду его поведенія при капитуляціи Раштатта, опять пошли слухи о его предательствѣ. По нашему мнѣнію никакихъ основательныхъ данныхъ для обвиненія его въ предательствѣ нѣтъ, хотя держалъ онъ себя, несомнѣнно, легкомысленно. Впослѣдствіи, Корвинъ перешелъ на сторону національ-либераловъ и „культуркампфа“. Говорятъ, что Бисмаркъ сказалъ въ Версалѣ „новообращенному“ Корвину: „За то, что васъ привело въ раштаттскую тюрьму, теперь стою я“. Это изреченіе—равноцѣнно съ тѣмъ историческимъ воззрѣніемъ Бисмарка, будто возстаніе коммуны въ 1871 году являлось борьбой за установленіе прусскаго городского устройства.

понесенные государствомъ, въ три милліона гульденовъ, и всѣхъ участниковъ революціи приговорили къ круговой отвѣтственности. Такимъ образомъ, къ казнямъ, къ заточеніямъ въ тюрьму присоединились еще конфискація имуществъ, поставка провіанта чужимъ войскамъ, осадное положеніе и высокомѣрное обращеніе побѣдителей *). Вслѣдъ за эмигрантами за границу стали выселяться тысячи обывателей; никогда эмиграція не была такъ многочисленна, какъ въ эту послѣреволюціонную эпоху. Баденъ лишился своего коренного населенія **). Поэтому болѣе, чѣмъ смѣшно, если оба офицера, сочиненія которыхъ мы здѣсь часто цитировали, утверждаютъ, что пруссаки и имперскія войска встрѣчены были въ Баденѣ, какъ „освободители". Какъ „освободители" они будто бы были встрѣчены тѣми самыми людьми, отцы, братья и сыновья которыхъ разстрѣливались, убивались, заточались въ тюрьмы или принуждены были покинуть родину!..

Господа-профессора послѣ пораженія Бадена еще очень долго препирались по вопросу о томъ, имѣли ли пруссаки право вторгнуться въ Баденъ или нѣтъ. Господа-профессора забыли, что въ войнѣ существуютъ лишь вопросы силы, а не вопросы права. Впрочемъ, вѣдь эти самые господа основали во Франкфуртѣ центральную власть, которая призывала помощь правительствъ лишь тогда, когда это было удобно самимъ этимъ правительствамъ. Вотъ эта-то центральная власть и призвала пруссаковъ противъ Бадена. О всемъ этомъ слѣдовало хорошенько подумать, когда вводили центральную власть во Франкфуртѣ и избирали эрцгерцога Іоганна имперскимъ правителемъ.

Пока что господамъ, изображавшимъ изъ себя правительство въ Мюнхенѣ, прусская помощь была далеко не пріятна. Баварскіе отряды осаждали Пфальцъ, а въ это время баварскій придворный листокъ печаталъ жирнѣйшимъ шрифтомъ: „Баварія не домогалась помощи въ Пфальцѣ!"

Намъ остается еще лишь подвести итоги потерямъ партій, боровшимся во время баденскаго похода.

Потери обоихъ прусскихъ корпусовъ и имперской арміи вмѣстѣ, согласно офиціальнымъ даннымъ, исчислялись въ 1000 человѣкъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими. Данныя эти, несомнѣнно преуменьшены; такъ, напримѣръ, пруссаки утверждаютъ, что у Ваггейзеля они потеряли всего-на-всего 20 человѣкъ убитыми. Повидимому прусскіе военные статистики желали путемъ извращенія фактовъ поднять ореолъ побѣдителей-пруссаковъ ***).

---

*) Прусскій оберъ-лейтенантъ Старосте не можетъ нарадоваться по поводу того, что „геккеровскія" шапки были запрещены, и что съ лицами, продолжавшими ихъ носить, обходились, какъ съ преступниками.

**) Безъ прусскаго вторженія, безъ пораженія и массоваго выселенія демократіи націоналъ-либеральный карьеризмъ не могъ бы пріобрѣсти такого полновластнаго господства въ Баденѣ, какъ это впослѣдствіи на самомъ дѣлѣ было.

***) Другая сторона тоже сильно уклонялась отъ истины. Такъ, одинъ раштаттецъ, старикъ, разсказывалъ намъ, будто въ Раштаттѣ въ крѣпостныхъ подземельяхъ въ 1849 году разстрѣляно было болѣе 2000 поляковъ и будто баденцы во время сраженія по мургскому берегу сбросили въ Мургъ цѣлый корпусъ. Старикъ очень разсердился, когда пишущій эти строки отнесся къ этимъ свѣдѣніямъ скептически.

Неизвѣстный гессенскій офицеръ съ извѣстной гордостью пишетъ въ своемъ „Походѣ противъ баденско-пфальцскаго мятежа“ слѣдующее: „Потери врага, несомнѣнно, болѣе, чѣмъ вдвое превышали наши, и, главное, у него убитыхъ было гораздо больше“. А прусскій офицеръ Старосте разрѣшаетъ намъ загадку, замѣчая въ своемъ дневникѣ (стр. 182): „Войска всѣ охвачены были ненавистью къ мятежникамъ, и поэтому солдаты лишь рѣдко давали пощаду!“

Если бы повстанческая армія поступала также, то имперская армія и пруссаки тоже насчитывали бы больше убитыхъ. Но баденскіе солдаты отказались отъ подобнаго рода „лавровъ“, и поэтому судъ исторіи надъ ними произнесетъ иной приговоръ.

Окончаніе работъ по выработкѣ конституціи.

10 мая франфуртскій парламентъ объявилъ вступленіе прусскихъ войскъ въ Саксонію тяжкимъ нарушеніемъ общеимперскаго мира. Прусское правительство отвѣтило на это указомъ, отзывающимъ прусскихъ депутатовъ изъ парламента. Оно, понятно, не имѣло ровно никакого права объявить депутатскія полномочія истекшими, но оно все же сдѣлало это, чувствуя за собой силу. Правитель имперіи также сбросилъ съ себя маску добродушія и открыто показалъ себя во всей своей природной наглости. Онъ назначилъ министерство съ генераломъ Іохмусомъ во главѣ, бывшимъ турецкимъ пашой и вообще какимъ-то авантюристомъ; кромѣ него, въ министерство были назначены: князь фонъ-Сайнъ-Витгенштейнъ, Гревель, Меркъ и Детмольдъ. Собраніе заявило, что считаетъ это министерство оскорбленіемъ германскаго національнаго представительства и вспомнило вдругъ, что центральное правительство должно было прекратить свое существованіе въ силу закона послѣ завершенія и осуществленія конституціи. Хотя конституція еще не была воплощена въ жизнь, собраніе все же рѣшило избрать имперскаго намѣстника и поручить ему ея осуществленіе. Іоганнъ остался хладнокровно засѣдать на своемъ тронѣ имперскаго правителя, а конституціоналисты, числомъ 75 человѣкъ, названные „ротой Гагерна", попросту сбѣжали изъ церкви святого Павла, начавши чувствовать себя тамъ крайне неудобно. Они ушли, находя, что теперь надлежитъ или сдѣлаться революціонерами или отказаться отъ осуществленія конституціи законнымъ путемъ. Они избрали послѣднее и предоставили, какъ они сами выражались, выработку конституціи „прогрессирующей самодѣятельности націи". Подобными жалкими фразами эти людишки думали скрыть передъ народомъ свою полную неспособность и свое позорное пораженіе. Пруссія пожелала теперь вновь взять разрѣшеніе конституціоннаго вопроса въ свои руки; въ Шлезвигъ-Голштиніи она уже и до того выступала почти, какъ центральное правительство. Въ Берлинѣ произошли конференціи между Пруссіей, Австріей, Баваріей, Ганноверомъ и Саксоніей, но Баварія и Австрія скоро отказались участвовать въ нихъ, такъ какъ не могли согласиться „на

главенство Пруссіи". Въ австрійскихъ интересахъ и для сохраненія политическаго равновѣсія Іоганнъ продолжалъ занимать постъ имперскаго правителя и велъ въ высшей степени скучный и длинный обмѣнъ нотами съ Пруссіей. Пруссія, Саксонія и Ганноверъ вступили 26 мая въ соглашеніе, такъ называемый „Союзъ трехъ королей", который ставилъ себѣ цѣлью дать Германіи аристократически-плутократическую конституцію съ коллегіей князей и классовымъ избирательнымъ правомъ. Всѣ намеки на демократизмъ были удалены изъ этого проекта, и даже Австрія нашла бы его достаточно реакціоннымъ для того, чтобы согласиться его принять, но въ немъ роль „главы имперіи" предоставлялась королю Пруссіи, и старый дуализмъ проявился вновь. Саксонія и Ганноверъ заявили, что войдутъ лишь въ союзъ, охватывающій всю Германію, а не только группу отдѣльныхъ государствъ!

Баварія и Вюртембергъ были тоже врагами „конституціи трехъ королей"; послѣдній потому, что его король, какъ извѣстно, не желалъ своего подчиненія Гогенцоллерну. Ясно, что эти три союзника не были въ состояніи создать германскую — не прусскую — конституцію такъ же, какъ и франкфуртскій парламентъ. Отъ этого парламента остались лишь жалкіе остатки, которые должны были съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дрожать за свою безопасность. Мы уже говорили объ его отношеніи къ „конституціоннымъ" возстаніямъ; онъ и пальцемъ не шевельнулъ для помощи возстаніямъ Бадена и Пфальца, которые возстали вѣдь для борьбы за имперскую конституцію. Вмѣсто дѣйствій парламентъ хотѣлъ обратиться къ народу съ одной изъ тѣхъ прокламацій, которыхъ было уже такъ много выпущено и которыя такъ же мало говорили, какъ и производили какое-либо воздѣйствіе. Комиссія предложила два проекта — одинъ, составленный Уландомъ. Оба текста не подходили къ политической ситуаціи, такъ какъ противупоставляли реакціоннымъ силамъ и ихъ угрозамъ лишь нѣсколько ничего не говорящихъ фразъ. Тогда слово взялъ Вольфъ изъ Бреславля *) и заявилъ рѣзко собранію, что уже вполнѣ довольно болтать языкомъ. Онъ ядовито насмѣхался надъ тѣмъ, что парламентъ вѣчно старается дѣйствовать на законномъ основаніи, въ то время, какъ правителства вступили на путь грубой силы.

Имперскій правитель, сказалъ онъ, является первымъ измѣнникомъ народа. Предсѣдатель Ре призвалъ его къ порядку, а Фогтъ, которому такъ грубо помѣшали предаваться беззаботной болтовнѣ, воспользовался случаемъ для личныхъ нападокъ на Вольфа, за что и получилъ рѣзкую отповѣдь съ его стороны. 24 мая парламентъ рѣшилъ уменьшить число членовъ, необходимое для принятій рѣшеній, до 100. 30 мая рѣшено было перенести засѣданія въ Штутгартъ, гдѣ надѣялись быть въ безопасности отъ насильственныхъ шаговъ, такъ какъ Вюртембергъ призналъ имперскую конституцію. Правитель имперіи отказался переѣхать въ Штутгартъ. Вюртембергскіе депутаты неоднократно предостерегали противъ перенесенія засѣданій въ Штутгартъ, и, когда парламентъ, насчитывающій 105 членовъ, прибылъ

---

*) Извѣстный „казематный Вольфъ", редакторъ „Новой Рейнской Газеты", который былъ здѣсь замѣстителемъ.

туда, онъ не встрѣтилъ ожидаемаго пріема. Правда, въ самой странѣ пробудились отчасти симпатіи къ парламенту, съ тѣхъ поръ какъ реакціонныя силы начали на него открытое гоненіе. Въ Людвигсбургѣ одинъ унтеръ-офицеръ артиллеріи выразилъ парламенту на вокзалѣ симпатіи своихъ товарищей и сказалъ, какъ передаетъ Морицъ Гартманъ, что дѣло народа есть и дѣло арміи.

Парламентъ почувствовалъ себя нѣсколько ободреннымъ такимъ заявленіемъ, въ общемъ же его иллюзіи испарялись со дня на день. Швабская столица дала ясно понять парламенту, что не особенно-то рада его посѣщенію. Во Франкфуртѣ парламентъ былъ торжественно принятъ, такъ какъ народъ возлагалъ на него еще всѣ свои безграничныя надежды; жители Франкфурта считали великой честью имѣть квартирантами депутатовъ. Въ Штутгартѣ представителямъ исчезающихъ конституціонныхъ иллюзій насилу удалось найти себѣ квартиры. Среди швабской демократіи господствовало полнѣйшее разложеніе *). Незамѣнимый „республиканецъ“ во фракѣ, мартовскій министръ Ремеръ былъ еще членомъ парламента, но послѣ ареста Финклера должны были разсѣяться послѣднія иллюзіи касательно этого государственнаго мужа. Онъ не сразу заявилъ о своемъ выходѣ изъ парламента и присутствовалъ еще на первомъ засѣданіи въ Штутгартѣ 6-го іюня. Правда, онъ выглядѣлъ, какъ разсказываетъ одинъ очевидецъ, какъ „нечистая совѣсть“. На этомъ засѣданіи, происходившемъ въ залѣ вюртембергской палаты депутатовъ, было принято предложеніе депутата Фогта, который опять получилъ возможность вдоволь поговорить, учредить имперское регентство, состоящее изъ пяти членовъ. Далѣе было рѣшено, что временное центральное правительство перестаетъ существовать, что избирательный законъ „конституціи трехъ королей“ отмѣняется, и всякое примѣненіе его будетъ государственной измѣной. Въ имперское регентство были избраны Францъ Раво изъ Кельна, Карлъ Фогтъ изъ Гиссена, Фридрихъ Шюлеръ изъ Цвейбрюкена, Генрихъ Симонъ изъ Бреславля и Августъ Бехеръ изъ Штутгарта **). Изъ этихъ пяти человѣкъ только Раво обладалъ иниціативой и энергіей, но былъ часто полонъ сомнѣній и колебаній; Фогтъ былъ профессоромъ болтуномъ, Генрихъ Симонъ утопалъ вѣчно въ своей законности, Шюлеръ былъ ненадежнымъ либераломъ, а Бехеръ уже тогда считался въ политическихъ дѣлахъ „ненадежнымъ кантонистомъ“. Предсѣдатель Леве-Кальбе провозгласилъ избраніе регентовъ съ пафосомъ, совершенно излишнимъ, такъ такъ по нашему убѣжденію врядъ ли кто-нибудь относился серьезно къ этому акту. Избранные пять регентовъ заявили въ прокламаціи къ германскому народу, что въ случаѣ надобности, они противопоставятъ силѣ силу. Вмѣстѣ съ тѣмъ регенты заявляли, что главное командованіе германской арміей переходитъ отнынѣ къ нимъ изъ рукъ цент-

---

*) Подробнѣе объ этомъ у Раво: „Mitteilungen über die badische Revolution“ стр. 71 ff.

**) Людвигъ Пфау разсказываетъ, что Бехера избрали главнымъ образомъ потому, что „швабскій Маратъ“, нѣкій Даллингеръ заставлялъ публику кричать во время выборовъ регентовъ: „Бехера!“ Парламентъ, подчиняясь этому „голосу народа,“ и избралъ Бехера, который впослѣдствіи отвернулся отъ демократіи и, кажется, очень не любилъ воспоминаній о „регентскомъ“ періодѣ своей жизни.

ральнаго правительства и обратились съ приказами къ различнымъ генераламъ. Зигель долженъ былъ остаться въ Баденѣ, Пейкеръ въ Гессенѣ, Притвитцу приказывалось разбить датчанъ, Миллеру подать въ отставку. Что всѣ эти генералы, по мѣткому замѣчанію одного современника, болѣе интересовались обитателями луны,чѣмъ имперскимъ регентствомъ, не требуетъ, думаемъ, доказательствъ. Имперское регентство потребовало, какъ сообщилъ Раво въ засѣданіи 13-го іюня въ залѣ Кольба въ Штутгартѣ, отъ вюртембергскаго правительства „выставить армію въ 5.000 инфантеріи, двухъ эскадроновъ кавалеріи и двухъ батарей для подкрѣпленія гарнизоновъ Раштатта и Ландау(!).“ Раво жаловался, что правительство не дало на это требованіе никакого отвѣта. Отвѣтъ, однако, былъ уже данъ еще 8 іюня заявленіемъ всего министерства, которое открыто бросило перчатку регентству. Въ этомъ искусно составленномъ заявленіи говорилось, что регентство, если ему дать волю, погубитъ въ неравной борьбѣ жизнь и добро Вюртемберга и подорветъ еще болѣе благосостояніе страны. Регентство не имѣетъ поэтому никакого права безъ согласія правительства и палатъ распоряжаться вюртембергскими войсками и средствами; невозможно передать власть въ странѣ регенстству. Регентство, правда, не „распоряжалось“, а пока еще только потребовало, но сердца швабскихъ буржуа всецѣло принадлежали Ремеру, этому прекрасному защитнику ихъ кармановъ, и Шодеръ унижался, напрасно, оправдываясь усердно и боязливо отъ обвиненія въ „республиканскихъ тенденціяхъ“. Извѣстный эстетикъ Фишеръ превзошелъ его, открыто глумясь надъ баденской демократіей. Напротивъ того, радикалъ Мартини заявилъ о своемъ выходѣ изъ парламента, такъ какъ онъ „подобно свинцовой гирѣ тормозилъ движеніе“.

Баденское учредительное собраніе отказалось подчиняться парламенту, и вдобавокъ ко всему этому зашевелился и старый Іоганнъ во Франкфуртѣ и требовалъ отъ вюртембергскаго правительства энергичныхъ мѣръ противъ парламента. Порвавъ своимъ заявленіемъ открыто съ провозглашенной въ Вюртембергѣ имперской конституціей, министерство Ремера ждало лишь удобнаго момента, чтобы разогнать парламентъ. Во Франціи дѣла могли принять другой оборотъ въ случаѣ побѣды партіи Ледрю-Роллена, что, несомнѣнно, оказало бы воздѣйствіе и на Германію. Выждать было необходимо. Собраніе получало много адресовъ, союзы и собранія выражали ему симпатіи, народное ополченіе часто парадировало передъ нимъ—и все же оно не имѣло никакой силы и должно было перебѣгать изъ одного помѣщенія въ другое. Зала сословій была для него закрыта; оно засѣдало въ залѣ Кольба, потомъ въ манежѣ Фрица, залъ котораго швабскія демократки разукрасили, какъ попало, на скорую руку. Морицъ Гартманъ хотѣлъ видѣть входъ въ залъ засѣданій украшеннымъ пушками гражданскаго ополченія. „Но, говоритъ онъ, лишь только ополченіе хотѣло исполнить это пожеланіе, какъ правительство наложило руку на имущество ополченія и конфисковало пушки!“ Лишь только изъ Парижа пришло извѣстіе, что возстаніе 13-го іюня не удалось, министерство Ремера рѣшило нанести окончательный ударъ. Предсѣдатель Леве-Кальбе получилъ бумагу, которой ему сообщалось, что вюртембергское министерство не желаетъ дольше терпѣть „засѣданій національнаго

собранія и хозяйничества имперскаго регентства". Леве не отвѣтилъ. На другой день, 18-го іюня, онъ получилъ отъ Ремера записку, обращающую вниманіе собранія на то, что противъ засѣданій національнаго собранія будутъ приняты „необходимыя мѣры". Уландъ потребовалъ отъ предсѣдателя собрать какъ можно больше членовъ и стройнымъ шествіемъ двинуться къ мѣсту засѣданій, „чтобы дать совершиться надъ собой насилію" *). Въ 3 часа шествіе депутатовъ направилось въ Казарменную улицу; Уландъ и Шоттъ, тесть Ремера, шли во главѣ, между ними предсѣдатель. Улица была запружена войсками; въ смежныхъ улицахъ стояла кавалерія. Великій стратегъ Миллеръ командовалъ. Когда шествіе подошло къ фронту войскъ, изъ рядовъ ихъ показался гражданскій комиссаръ Каммереръ съ бѣлымъ шарфомъ, который заикаясь заявилъ, что собранія парламента не будутъ далѣе терпимы, и затѣмъ скрылся опять въ массѣ солдатъ. Предсѣдатель Леве-Кальбе воскликнулъ: „я заявляю"... но оглушительный бой барабановъ заглушилъ его слова; такимъ образомъ „телячья шкура" лишила міръ одного изъ многочисленныхъ „заявленій", считавшихся этимъ парламентомъ болѣе необходимыми, чѣмъ дѣйствія. „Въ штыки!" скомандовали пѣхотѣ, но она не рѣшилась броситься на безоружныхъ людей. Генералъ Миллеръ крикнулъ предсѣдателю: „Вонъ!" и призвалъ кавалерію изъ смежной улицы. „Руби, руби!" раздалась команда; сабли засверкали въ воздухѣ и скрестились надъ сѣдой головой поэта, пѣвшаго когда-то солдатамъ про „славнаго товарища" **). Бить все же не рѣшились, несмотря на то, что депутатъ Гюнтеръ, шуринъ Роберта Блюма, разорвалъ свое платье и съ возбужденіемъ крикнулъ всадникамъ: „Рубите же, если хотите убить представителя германскаго народа!" Депутаты уступили силѣ; генералъ Миллеръ черезъ лорнетъ слѣдилъ за происшествіемъ. Депутаты двинулись къ отелю Марквардтъ. Народъ провожалъ ихъ криками ура, но былъ разсѣянъ кавалеріей на глазахъ у отдѣленія штутгартскаго гражданскаго ополченія, взиравшаго на случившееся безмолвно и недвижимо, какъ статуи ***). Въ отелѣ Марквардта парламентъ собрался еще разъ, но въ недостаточномъ для законности постановленій числѣ. Совѣщаніе все же произошло, и Шодеръ произнесъ здѣсь послѣднее слово, занесенное въ офиціальный протоколъ: „Засѣданіе закрывается". Да, оно закрылось — навсегда! Предсѣдатель Леве ****) пригласилъ депутатовъ на 25 іюня въ Карлсруэ. Но какъ разъ въ этотъ день пруссаки вступили въ Карлсруэ, и большая часть депутатовъ отправилась вмѣстѣ съ баденскими повстанцами въ

---

*) Страннымъ образомъ дружба между Уландомъ и Ремеромъ продолжалась и послѣ разгона парламента.

**) Такъ разсказываетъ штутгартскій „Наблюдатель". Старый Шоттъ вскорѣ затѣмъ разсказалъ, какъ его зять Ремеръ обошелся съ нимъ: „сабли заблистали надъ головами, и я лошадью былъ оттѣсненъ отъ предсѣдателя".

***) Залъ собранія былъ обезображенъ храбрыми швабами; изъ преподнесенныхъ нѣжными руками черно-красно-золотыхъ знаменъ солдаты надѣлали себѣ портянокъ.

****) Барабанная шкура произвела, должно быть, на господина Леве въ Штутгартѣ неотразимое впечатлѣніе: вернувшись изъ ссылки, онъ вскорѣ сталъ такимъ ярымъ почитателемъ прусскаго милитаристическаго государства, что даже націоналъ-либералы казались ему слишкомъ оппозиціонными.

изгнаніе. Многіе изъ оставшихся преслѣдовались и подверглись заключенію, при чемъ все зависѣло отъ того, какого мнѣнія придерживались судьи насчетъ законности франкфуртской имперской конституціи. Двое изъ членовъ этого парламента были разстрѣляны по приговору военнаго суда: Блюмъ и Трюцшлеръ; двое убиты разъяренными народомъ: Лихновскій и Ауэрсвальдъ; многіе заочно приговорены къ тяжелымъ наказаніямъ, даже къ смертной казни, какъ, напр., Людовикъ Симонъ изъ Трира и Раво, Леве-Кальбе, Генрихъ Симонъ и другіе получили приговоры къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ *). За печальнымъ концомъ германскаго парламента—концомъ, заслуженнымъ имъ его собственной слабостью—послѣдовало наполовину комичное, наполовину отталкивающее событіе: собраніе 25 іюня въ Готѣ, гдѣ сошлась „рота Гагерна“ обсудить положеніе. Къ участію въ совѣщаніи были привлечены еще и другія сочувствующія души и послѣ трехдневнаго совѣщанія за закрытыми дверями появилось заявленіе, гласящее, что франкфуртская конституція въ настоящее время невозможна, и народъ долженъ принять поэтому конституцію трехъ королей, воспринявшую въ себя ядро франкфуртской конституціи: наслѣдственность императорскаго сана.

Вотъ какъ дѣйствовали Гагернъ съ товарищами, письменно обязавшіеся во Франкфуртѣ придерживаться имперской конституціи, а теперь навязывавшіе прусскому правительству свои услуги. Какъ видно, націоналъ-либерализмъ, находящій въ лакействѣ высшее удовольствіе и буквально навязывающій свои услуги сильнымъ міра сего, есть явленіе не только сегодняшняго дня. Готское совѣщаніе назвали послѣсловіемъ парламента, и названіе „готскій“ сдѣлалось насмѣшкой. Народъ, подавленный событіями, равнодушный и потерявшій всѣ надежды, благодаря печальному исходу всѣхъ свободолюбивыхъ стремленій и всей столь богатой жертвами борьбы, стонущій подъ двойнымъ ярмомъ политической реакціи и полнаго экономическаго разоренія, не обращалъ никакого вниманія на происходящее въ высшихъ сферахъ. Обмѣнъ нотами правительствъ по вопросу о „конституціи трехъ королей“ не интересовалъ почти никого, кромѣ самихъ правительствъ.

~~~~~~~

*) Іоганнъ Якоби мужественно предсталъ добровольно передъ кенигсбергскимъ судомъ, гдѣ сильно бушевала реакція; онъ желалъ подать примѣръ стойкости въ это печальное время. Сокрушительной логикѣ его защитительной рѣчи удалось вырвать оправдательный приговоръ даже у тщательно „просмотрѣнныхъ“ присяжныхъ.
~~~~~~~

Пораженіе венгровъ.

Разладъ между Кошутомъ и Гергеемъ, причины котораго мы изложили выше, привелъ скоро къ печальнымъ послѣдствіямъ; Гергей ненавидѣлъ правительство Кошута, какъ республиканское, и искалъ всяческихъ поводовъ къ неповиновенію ему. Несчастія Венгріи не могли побудить этого черстваго эгоиста отказаться отъ интригъ, перекрещивающихъ и парализующихъ всѣ планы и рѣшенія правительства. Правительство приказало ему съ 30.000 арміей преслѣдовать австрійцевъ изъ Коморна и двигаться къ Вѣнѣ, а 10-ю тысячами осадить Офенъ; онъ же послалъ лишь 10.000 для преслѣдованія, скорѣе для наблюденія, австрійцевъ въ Раабъ, гдѣ они остановились, а самъ съ 30.000 осадилъ Офенъ. Осада этого города продолжалась до 21-го мая, когда городъ былъ взятъ штурмомъ послѣ третьей атаки въ кровопролитной схваткѣ, при чемъ былъ убитъ австрійскій генералъ Генци *). Кошутъ, писавшій Гергею о своемъ опасеніи, какъ бы Офенъ не сталъ Мантуей Венгріи, 6 іюня вступилъ торжественно со всѣмъ правительствомъ въ освобожденную столицу. Но, несмотря на ликованіе народа, Кошутъ не могъ скрыть отъ себя того рискованнаго положенія, въ которое попала Венгрія. Австрійцы, съ ужасомъ ожидавшіе вторженія венгровъ въ Австрію, получили возможность спокойно собирать свои силы. Австрійцы стояли на Ваагѣ числомъ въ 80.000 подъ предводительствомъ Гайнау. У Еллачича въ южной Венгріи было 40.000, у Кламъ Галласа въ Валахіи 12.000; русскіе приближались съ 140.000 войскомъ. Этой массѣ венгерцы могли противопоставить всего 141.000 человѣкъ, и все же ихъ войска могли еще быть увеличены и, при быстротѣ дѣйствій, былъ возможенъ даже успѣхъ. Правительство сообща съ Гергеемъ набросало планъ военныхъ дѣйствій. Съ русскими, надвигавшимися медленно, рѣшено было пока не вступать въ рѣшительный бой; было поручено лишь одному корпусу на верхней Тиссѣ затруднять ихъ наступленіе. Гергей долженъ былъ со всѣмъ остальнымъ войскомъ броситься на австрійцевъ и, въ случаѣ побѣды, немедленно

*) Правнукъ извѣстнаго швейцарскаго демократа и заговорщика Генци, казненнаго въ 1749 году.

направиться на Вѣну. Противъ Еллачича рѣшено было послать Бема. Въ случаѣ пораженія на верхнемъ Дунаѣ Гергею предлагалось опереться на сильную крѣпость Коморнъ и привлечь подкрѣпленія. Въ случаѣ пораженія думали также двинуться съ сильнымъ войскомъ въ Италію и оттуда съ тылу напасть на Австрію *). Гергею очень понравился этотъ планъ и онъ поспѣшилъ къ Коморну, чтобы атаковать австрійцевъ. Но удобный моментъ былъ уже пропущенъ, австрійцы были уже слишкомъ сильны. Гергею, правда, удалось разбить маленькій австрійскій корпусъ у Чорна, но его нападеніе на австрійцевъ у острова Шютта не имѣло успѣха; онъ былъ 16-го іюня отбитъ, и его армія спаслась только благодаря Клапкѣ, коменданту Коморна, который открылъ ей отступленіе черезъ Асподскій мостъ. Въ то самое время, когда русскіе переходили венгерскую границу и принуждали всюду венгровъ къ отступленію, Гергей былъ еще разъ разбитъ при Передѣ 21 іюня, и Раабъ былъ потерянъ для венгровъ. Гергей написалъ въ Пештъ, что все потеряно, просилъ предоставить его на произволъ судьбы, а правительству предлагалъ спасаться въ Гроссвардейнъ. Передъ лицомъ такой опасности Кошутъ обратился къ народу съ призывомъ къ массовому возстанію; повсюду долженъ былъ звучать набатъ и приглашать каждаго здорового гражданина къ оружію. Военныя силы рѣшили сконцентрировать внутри страны. Къ Гергею посланы были генералы Киссъ и Аулихъ, а также министръ Чаній, съ цѣлью побудить его отступить во внутрь страны. Онъ обѣщалъ, но не шелъ. Онъ произвелъ вторично нападеніе на австрійцевъ, но, хотя ему удалось прогнать ихъ въ битвѣ 2 іюня изъ Ача подъ Коморномъ, его положеніе становилось все затруднительнѣй. По приказу Кошута Гергей лишался поста главнокомандующаго за его непослушаніе и, на его мѣсто назначался Мессарошъ. Гергей долженъ былъ оставаться лишь военнымъ министромъ. Но Гергей, только что одержавшій побѣду и раненый въ бою, устроилъ такъ, что преданные ему офицеры, грозя возмущеніемъ, „принудили“ его удержать команду и отдѣлаться отъ непріятнаго ему поста военнаго министра. Правительство было вынуждено подчиниться въ тотъ критическій моментъ. Къ Гергею шелъ приказъ за приказомъ, чтобы онъ ушелъ изъ Коморна и отказался отъ своихъ безплодныхъ, упрямыхъ попытокъ пробить линію австрійскихъ войскъ на правомъ берегу Дуная. Гергей не слушался. Онъ поссорился изъ-за этого даже съ своимъ другомъ Клапкой **). 11-го іюля онъ еще разъ перешелъ въ наступленіе, былъ разбитъ въ кровопролитномъ сраженіи и принужденъ отступить подъ защиту пушекъ Коморна. Лишь теперь рѣшилъ онъ отступить по лѣвому берегу Дуная, такъ какъ надвигающіеся русскіе грозили отрѣзать ему отступленіе. Въ Коморнѣ онъ оставилъ Клапку съ 18.000 человѣкъ ***).

---

*) Послѣдній планъ явился уже, несомнѣнно, продуктомъ чрезмѣрно возбужденной фантазіи.

**) Кошутъ приписываетъ генералу Клапкѣ характеръ римлянина. Клапка утратилъ должно быть позднѣе этотъ характеръ, иначе врядъ ли бы онъ связался съ Бисмаркомъ въ 1866 году.

***) Даже австрійскимъ военнымъ писателямъ, стоящимъ на сторонѣ Гергея противъ Кошута,—что весьма характерно,—„недостаточно ясно, почему Гергей не уходилъ изъ Коморна. См. составленный, очевидно, офицеромъ, участникомъ похода, „Der Feldzug in Ungarn und Siebenbürgen im Sommer des Jahres 1849“.

13-го іюля Гергей оставилъ Коморнъ; между тѣмъ Кошутъ съ правительствомъ, рейхстагомъ и станкомъ для печатанія ассигнацій принужденъ былъ очистить Пештъ. Австрійцы заняли опять городъ, и Гайнау грозилъ несчастнымъ жителямъ огнемъ и мечомъ. Даже въ битвахъ полудикихъ индѣйскихъ гаучосовъ Южной Америки не было столько кровожадности и свирѣпости, сколько въ приказахъ Гайнау по арміи. Массовое возстаніе распространялось; все новыя и новыя толпы спѣшили къ борьбѣ подъ знамена Венгріи. Но планъ венгерскаго правительства концентрировать силы не удался. Гергею удалось послѣ нѣсколькихъ схватокъ съ русскими при Вайценѣ пробиться и совершить черезъ Мискольцъ окружный переходъ въ Гроссвардейнъ. Еллачичъ перешелъ было въ наступленіе, но былъ обращенъ въ бѣгство 14 іюля при Гегьесѣ генералами Гюйономъ и Феттеромъ, и Петервардейнъ былъ освобожденъ отъ австрійской осады. Эта могучая крѣпость была для венгровъ на югѣ такой же важной точкой опоры, какъ Коморнъ на западѣ и Арадъ на востокѣ. Собрать венгерскія силы своевременно у Сегедина, какъ предполагалось, не удалось. Гайнау двинулся на Сегединъ и взялъ его 3-го августа; рейхстагъ, принявшій въ Сегединѣ эмансипацію евреевъ, бѣжалъ въ Арадъ, завоеванный венграми. Русскіе, сильно пострадавшіе вслѣдствіе нужды и болѣзней въ негостепріимныхъ окрестностяхъ Тиссы, двигались крайне медленно и лишь 2-го августа достигли Дебречина. Фельдмаршалъ Паскевичъ, побѣдитель несчастныхъ поляковъ, напалъ тамъ съ 60.000 на венгерскаго генерала Наги Сандора, имѣвшаго лишь 10.000 человѣкъ. Гергей, находившійся вблизи, оставилъ Наги Сандора въ западнѣ, и тотъ послѣ геройской борьбы былъ разбитъ на голову *). Черезъ два дня Дембинскій былъ разбитъ Гайнау при Серегѣ и отброшенъ къ Араду. Гергей же все время совершалъ безцѣльные переходы, и венгерскіе корпуса одинъ за другимъ терпѣли пораженія. Гергей уже вступилъ тогда въ переговоры съ русскими, чтобы, по словамъ австрійцевъ, „выиграть время“ **). Бемъ боролся тѣмъ временемъ съ перемѣннымъ счастьемъ въ Зибенбюргенѣ; въ концѣ концовъ онъ былъ окончательно разбитъ соединенными русскими и австрійцами. Русскіе подъ начальствомъ Людерса штурмомъ взяли проходъ у „Красной Башни“, и Бемъ былъ разбитъ 31-го іюля при Шессбургѣ ***). Ему удалось еще разъ при Германштадтѣ заставить русскихъ отступить, но потомъ онъ былъ прямо раздавленъ численнымъ превосходствомъ австро-русскихъ войскъ и явился 9-го августа передъ Темешваромъ съ остатками своей арміи, гдѣ соединился съ Дембинскимъ. Гергей не явился и для предстоящей рѣшительной битвы; онъ прибылъ въ это время въ Арадъ. Храбро защищаемый австрійцами и отчаянно бом-

---

*) Наги Сандоръ увѣрялъ всегда, что Гергей вполнѣ сознательно хотѣлъ гибели его и его корпуса. Наги Сандоръ заявилъ какъ-то, что тотъ, кто осмѣлится стремиться къ военной диктатурѣ, найдетъ въ немъ своего Брута. Гергей, конечно, принялъ это на свой счетъ.

**) См. Feldzug in Ungarn etc. Стр. 409.

***) Въ этой битвѣ исчезъ безъ вѣсти знаменитый венгерскій поэтъ Петефи, адъютантъ Бема. Жена его, не ожидая долго, вышла вторично замужъ. Надѣемся, что онъ былъ убитъ въ бою, какъ желалъ себѣ того въ одномъ изъ пламеннѣйшихъ своихъ стихотвореній, а не былъ замученъ гдѣ-нибудь въ сибирскихъ рудникахъ.

бардируемый венграми подъ предводительствомъ Вечея, Темешваръ былъ близокъ къ паденію; Дембинскій, получившій приказъ двинуться къ Араду, хотѣлъ во всякомъ случаѣ, если бы не удалось предотвратить освобожденіе Темешвара, увести съ собой осадный корпусъ. Свои запасные боевые припасы онъ уже отправилъ въ Арадъ; онъ хотѣлъ избѣжать сраженія, такъ какъ его войска были окончательно измучены. Гайнау, быстро и неудержимо надвигающійся съ громадными силами, прилагалъ всѣ усилія, чтобы вовлечь осторожнаго Дембинскаго въ сраженіе. Когда явился Бемъ и принялъ главную команду, Кошутъ назначилъ его главнокомандующимъ всѣми войсками въ банатѣ; началось тотчасъ же сраженіе, рѣшившее судьбу Венгріи. Между Бемомъ и Дембинскимъ передъ битвой произошелъ очень интересный разговоръ, который мы передаемъ здѣсь полностью: Дембинскій. „Что думаешь ты дѣлать?“ Бемъ. „Дать сраженіе и двинуться впередъ. Ты все отступаешь; насъ скоро совсѣмъ выгонятъ изъ страны“. Дембинскій. „Войска устали отъ неимовѣрно труднаго перехода и изголодались; наши лошади не въ состояніи больше носить всадниковъ. Битва въ такой моментъ поведетъ за собой неизбѣжную гибель всей арміи“. Бемъ. „Мы успѣемъ поѣсть и отдохнуть послѣ побѣды“ (приказываетъ ставить пушки на лафеты). Дембинскій (пряча саблю въ ножны). „Прощай, Бемъ!“ Бемъ. „Неужели ты меня покинешь теперь? Я думалъ поручить тебѣ команду правымъ флангомъ.“ Дембинскій. „Будь отвѣтственenъ одинъ за то, что ты дѣлаешь!“ Австрійцы подтверждаютъ, что появленіе Бема подняло духъ венгерцевъ и это проявилось самымъ удивительнымъ образомъ. Венгры имѣли 50.000 человѣкъ и 120 орудій, у австрійцевъ и русскихъ 70.000 и 150 орудій. Бемъ, мастеръ орудійнаго огня, показавшій себя при Остроленкѣ, началъ атаку страшнымъ артиллерійскимъ огнемъ и привелъ въ смятеніе австрійскія колонны. Затѣмъ онъ началъ окружать австрійцевъ. Венгерская конница, съ отчаяннымъ Гюйономъ во главѣ, дикимъ напоромъ опрокинула лѣвое крыло австрійцевъ; въ центрѣ русскіе и австрійцы отступали передъ убійственнымъ огнемъ венгерскихъ пушекъ. Бемъ послалъ уже въ Арадъ курьера съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Но какъ разъ въ критическій моментъ вышли венгерскіе боевые припасы, а запасные были вѣдь отосланы въ Арадъ. Бемъ послалъ, правда, за ними, но они еще не прибыли. „Дѣлайте перерывы, пока не прибудутъ боевые запасы“, крикнулъ онъ командиру артиллеріи. Но боевые снаряды не прибыли, а явился на помощь австрійцамъ князь Лихтенштейнъ съ своимъ корпусомъ, и это рѣшило исходъ битвы. Лихтенштейнъ задержалъ отступающее лѣвое крыло австрійцевъ и далъ отпоръ венгерскимъ гусарамъ.

Храбрые гусары не могли больше выдержать атаки: они были переутомлены, голодны, и ихъ лошади падали отъ усталости. „По глотку вина на каждаго гусара, и Венгрія была бы спасена!“, вздыхалъ Гюйонъ. Гайнау приказалъ наступать по всей линіи; венгерцы были опрокинуты превосходящими ихъ силами, потерпѣли полное пораженіе и бросились въ разсыпную. Темешваръ былъ освобожденъ. 9 августа явилось концомъ венгерскаго возстанія. До сихъ поръ борьба велась съ честью; уступали лишь подавляющему превосходству силъ; теперь начинался позоръ. Кошутъ тщетно призывалъ европейскія дер-

жавы на помощь противъ русскихъ. Пропускъ русскихъ черезъ прусскія области доказалъ, что всѣ реакціонныя силы были едины, такъ какъ всѣмъ имъ побѣды Венгріи грозили бѣдою. Кошутъ поручилъ своимъ посламъ за границей не говорить уже больше о „старыхъ правахъ", о „гуманности" и „цивилизаціи". „Представьте всѣмъ, писалъ онъ, что здѣсь совершается каждый день и да будетъ это предостереженіемъ для народовъ запада, ибо за нами придетъ очередь для нихъ. Сообщите, что русскіе все разрушаютъ, уничтожаютъ поля, грабятъ, избиваютъ и насилуютъ безоружныхъ мужчинъ и женщинъ, грабятъ и враговъ и друзей. И прежде всего сообщите, что они врываются въ мирныя и священныя мѣста съ факеломъ пожара и превращаютъ въ пепелъ все, что встрѣчается имъ на пути!" Но европейская дипломатія выслушивала эти вопли съ холодной улыбкой и спокойно предоставляла русскимъ ордамъ убійцъ и поджигателей возстановлять „порядокъ" въ Венгріи. Гайнау явился, конечно, достойнымъ соратникомъ русскихъ. Въ словахъ Кошута лежитъ грозное предостереженіе еще для сегодняшняго дня. Горе народамъ запада, если дѣйствительно „очередь будетъ за ними." Тогда жестоко будетъ отомщено всѣмъ за то, что поляки и венгры въ ихъ битвахъ съ русскими остались безъ поддержки, и горькое раскаяніе испытаютъ нѣмецкіе казаки и ослѣпленные буржуа-республиканцы на Сенѣ, которые не стыдятся теперь, въ интересахъ шовинистическихъ стремленій, брататься съ носителями кнута и нагайки.

Въ Арадѣ вожди венгерскаго возстанія держали послѣдній военный совѣтъ. Бемъ, правда, прислалъ ободряющее письмо, обѣщая вмѣстѣ съ Гюйономъ вновь собрать разбѣжавшіяся войска и увѣрялъ, что еще не все пропало, но на дѣлѣ участь Венгріи была уже рѣшена, и правительство имѣло въ тотъ моментъ лишь единственную опору—Гергея, которому оно приказало помочь собрать разбѣжавшихся. Гергей опять не послушался и приказалъ отступать за Маросъ, оставивъ и въ этотъ ужасный мигъ другихъ на произволъ судьбы. Онъ сталъ выступать, какъ диктаторъ, видя, что правительство не имѣетъ больше военныхъ силы для опоры. Онъ явно высказывалъ свою ненависть къ Кошуту. „Имѣй я подъ руками силу, которую я могъ бы хотя бы для видимости противопоставить ему, я собственноручно схватилъ бы его передъ фронтомъ или далъ бы разрубить себя въ куски. Но я былъ одинъ, еще хуже чѣмъ одинъ"—писалъ Кошутъ впослѣдствіи изъ Виддина. Рѣшили уполномочить Гергея вести переговоры съ русскими на основѣ сохраненія венгерской конституціи: Гергей отклонилъ предложеніе и потребовалъ въ письмѣ отреченія правительства и военной диктатуры, для себя. Душа этого во многихъ отношеніяхъ выдающагося человѣка была все же столь ничтожна, что онъ даже въ минуту агоніи независимой Венгріи не въ состояніи былъ обуздать своего честолюбія. Кошутъ пережилъ тяжелую внутреннюю борьбу. Его товарищи совѣтовали ему уступить Гергею. „Если бы я не уступилъ,—говорилъ онъ,—и моя родина погибла бы, то мое имя въ исторіи, моя душа всю мою жизнь были бы запятнаны мыслью, что можетъ быть Гергею и удалось бы что-либо спасти для родины, и лишь упорство, съ которымъ я держался за власть, помѣшало этому". Было рѣшено передать Гергею военную

диктатуру. Кошутъ опубликовалъ эту отчаянную мѣру въ Арадской прокламаціи 11-го августа; въ ней говорилось, что теперь можно ожидать чего-либо лишь отъ генерала, стоящаго во главѣ арміи. Вручая генералу Гергею высшую военную и гражданскую власть, Кошутъ дѣлалъ его отвѣтственнымъ передъ Богомъ, націей и исторіей въ томъ, что онъ эту власть по мѣрѣ своихъ силъ употребитъ на спасеніе національной и государственной самостоятельности несчастнаго отечества. Кошутъ отправился послѣ этого къ другимъ частямъ войскъ но скоро увидѣлъ, что все потеряно и бѣжалъ къ турецкой границѣ. Гергей, уже послѣ отъѣзда Кошута, послалъ къ нему съ требованіемъ выдать корону святого Стефана. Но Кошутъ не далъ ему знаковъ королевскаго достоинства, а закопалъ ихъ въ землю недалеко отъ Орсовы, гдѣ они были найдены австрійцами въ 1853 году. Этотъ фетишизмъ по отношенію къ коронѣ святого Стефана—одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ мадьярскаго національизма. Гергей принялъ диктатуру лишь для того, чтобы закончить свое дѣло—пораженіе Венгріи. Онъ хочетъ, говорилось въ его прокламаціи, избѣжать излишнихъ жертвъ, преслѣдованій, жестокостей и убійствъ. Его совѣтъ гражданамъ—спокойно вернуться въ свои жилища, не сопротивляться и отнюдь не мѣшаться въ сраженія. Чтобы ни ниспослалъ Господь Богъ, слѣдуетъ ко всему отнестись съ мужествомъ. Отстраненіе гражданъ и въ особенности обращеніе къ Богу было прекраснымъ вступленіемъ къ дальнѣйшимъ событіямъ. Еще въ тотъ же день, 11-го августа, Гергей написалъ русскому генералу Рюдигеру, предлагая „безусловно" сложить оружіе, но только передъ русской арміей. Онъ ввѣряется столь прославленному великодушію царя, *) но готовъ лучше погибнуть въ отчаянной битвѣ, чѣмъ сдаться австрійцамъ. Онъ предлагалъ отправиться въ Вилагосъ, чтобы русскіе его тамъ оцѣпили и отдѣлили отъ австрійцевъ. Паскевичъ, который еще 8-го августа прервалъ свои переговоры съ Гергеемъ, требуя безусловной сдачи, былъ вполнѣ удовлетворенъ. Онъ принялъ предложеніе Гергея, и армія послѣдняго сложила 13-го августа въ Вилагосѣ оружіе. Всего было 23.000 человѣкъ и 130 орудій. Крѣпость Арадъ съ комендантомъ Дамьяничемъ тоже сдалась русскимъ. Паскевичъ писалъ царю. „Венгрія лежитъ у ногъ Вашего Императорскаго Величества!" Австрійцы явились въ Вилагосъ слишкомъ поздно. Послѣ капитуляціи въ Вилагосѣ сдались одинъ за другимъ всѣ отдѣльные корпусы венгровъ. Большинство вождей были настолько умны, что удалились вмѣстѣ съ Кошутомъ въ Турцію, таковы: Бемъ, Дембинскій, Феттеръ, Гюйонъ и Перчель. Они знали, что попадутъ на висѣлицу, если ихъ захватятъ австрійцы. Нашлись и измѣнники. Венгерскій министръ финансовъ Душекъ сбѣжалъ къ австрійцамъ съ венгерской государственной казной, заключавшей въ себѣ много мильоновъ гульденовъ золотомъ и серебромъ. Этой суммой онъ откупился отъ висѣлицы, зато венгерскіе бѣглецы въ Турціи остались почти совершенно безъ средствъ. Среди войскъ Гергея распространились такія же иллюзіи, какъ и среди раштаттскаго гарнизона. Армія думала,

---

*) Ужъ не подавленные ли Николаемъ поляки „прославили" это великодушіе?

что Гергей выговорилъ ей покровительство русскихъ и что теперь можно будетъ свободно вернуться по домамъ.

Думали даже, что Россія обратитъ теперь свое оружіе противъ Австріи, чтобы овладѣть Венгріей. Это былъ не очень-то хорошій комплиментъ Россіи, но этому все же вѣрили. Мало вѣроятно, что самъ Гергей вѣрилъ въ эту нелѣпицу, хотя онъ и требовалъ зачѣмъ-то корону святого Стефана у Кошута. Въ уже упомянутомъ австрійскомъ произведеніи (стр. 415) говорится: „Возможно ли, чтобы такія заблужденія возникали и поддерживались довѣріемъ арміи безъ вѣдома и желанія вождя?—возможно ли, чтобы они долго держались, не будучи имъ самимъ вызваны и поддерживаемы?—Приходится противъ воли присоединиться къ господствующему въ Венгріи мнѣнію, что Гергей самъ—изъ близорукости ли въ политикѣ или изъ упрямства и гордости поддерживалъ это заблужденіе въ рядахъ своей арміи, чтобы склонить ее къ капитуляціи передъ русской арміей и тѣмъ спасти хотя бы собственную жизнь отъ заслуженной смертной казни; основываясь на великодушіи противника, можно было съ увѣренностью предположить, что къ проступкамъ человѣка, подавшаго примѣръ покорности, отнесутся болѣе снисходительно.“ Вотъ разсужденіе императорско-королевскаго австрійскаго офицера. Самъ Гергей отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ въ 1867 году на обвиненіе въ измѣнѣ, которое послѣ вилагосской капитуляціи постоянно подымалось противъ него: „Вы утверждали и утверждаете, что капитуляція въ Вилагосѣ была измѣной. Это ложь ибо та катастрофа была лишь конкретнымъ, ужасающе вѣрнымъ выраженіемъ истиннаго положенія вещей.“ Послѣднее вполнѣ справедливо, но Гергей виноватъ въ созданіи такого положенія вещей своимъ поведеніемъ по отношенію къ венгерскому правительству. Его поступокъ не является измѣной въ обычномъ смыслѣ этого слова; обвиненіе его въ подкупѣ—безсмыслица. Но вина его заключается въ томъ, что онъ изъ тщеславія, изъ мелочной ненависти, изъ узкихъ предубѣжденій противъ республиканскихъ и демократическихъ стремленій способствовалъ пораженію своего народа, и этой вины Венгрія не простила ему до сихъ поръ.

Плѣнные венгры были понятно выданы русскими свирѣпому Гайнау. Оргія мести не могла, однако, еще начаться; на стѣнахъ Коморна развѣвалось еще венгерское знамя, здѣсь еще командовалъ храбрый Клапка, въ то время, какъ Петервардейнъ уже сдался. Гергей написалъ Клапкѣ 16-го августа письмо, въ которомъ пытался оправдать свое поведеніе: „До сихъ поръ съ нами обращались какъ этого могли ожидать храбрые солдаты отъ храбрыхъ солдатъ. Взвѣсь, какъ ты можешь и долженъ поступить,“ *) писалъ онъ. Клапка не пожелалъ сунуться въ петлю.

Онъ разбилъ слабый осадный корпусъ, усилилъ свое войско и собирался напасть на Австрію. Онъ написалъ Кошуту, что можетъ усилить свое войско до 30.000 человѣкъ, что, по сообщенію русскихъ генераловъ, Гайнау и Паскевичъ боятся зимы и что, слѣдовательно, войну слѣдуетъ продолжать до того времени. Но какъ разъ въ это

*) Клапка, въ мемуарахъ котораго находится это письмо, заявляетъ, что всѣ другія письма Гергея къ нему, появлявшіеся въ газетахъ, были выдуманы.

время пришла вѣсть о Вилагосѣ и о походѣ въ Австрію нечего было и думать. Клапкѣ, сильно тѣснимому австрійцами, удалось до 27 сентября противостоять силѣ и хитрости и онъ сдалъ крѣпость не раньше, какъ выговоривъ свободный пропускъ для себя и всего своего войска; 2-го октября храбрый коморискій гарнизонъ сложилъ оружіе; пала послѣдняя опора Венгріи. Вся Венгрія была теперь объявлена на осадномъ положеніи, и военные суды заработали. Тюрьмы наполнились, и начались процессы. Видно мало неистовствовали австрійскія и русскія вой ка во время войны *), и „гіена Бресчіи“ бросилась съ яростью на плѣнныхъ вождей возстанія. Военные суды выносили приговоры массами; жадная австрійская казна съ упоеніемъ конфисковывала имѣнія осужденныхъ, между которыми было много очень богатыхъ помѣщиковъ. Кровожадная камарилья была очень опечалена тѣмъ, что многіе вожди движенія скрылись въ Турцію, и Австрія вмѣстѣ съ Россіей настойчиво требовали выдачи бѣглецовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, напр., Бемъ и Гюйонъ приняли магометанство. Великій турокъ Абдулъ Меджидъ пристыдилъ обѣ „христіанскія“ державы, заявивъ, что „его религіозный долгъ“ не позволяетъ ему выдавать бѣглецовъ. Вмѣшательство Англіи и Франціи было въ пользу Турціи. Бѣглецы были отправлены въ глубь Турціи. Кошутъ пробылъ нѣкоторое время въ Малой Азіи, а затѣмъ былъ увезенъ американскимъ пароходомъ. Онъ не былъ больше никогда въ Венгріи, хотя и остался на всю свою жизнь самымъ чтимымъ изъ мадьяръ. Съ тѣмъ большей еще яростью набросился Гайнау на жертвы, находившіяся въ рукахъ его клевретовъ. Въ Пештѣ къ смерти былъ приговоренъ прежде всего возмутительнымъ приговоромъ графъ Людвигъ Баттіани. 6-го октября онъ долженъ былъ быть повѣшенъ. Женѣ его удалось передать ему ночью ножъ, которымъ онъ ранилъ себя въ шею. Вслѣдствіе этого онъ былъ „только разстрѣлянъ“, а не повѣшенъ. Гайнау пришелъ въ ярость, узнавъ, что Баттіани избѣгъ висѣлицы. Въ тотъ же день, вѣроятно, этотъ день выбрали, какъ годовщину смерти Латура, въ Арадѣ были преданы казни 13 храбрѣйшихъ мужей Венгріи, все высшіе офицеры. Девять изъ нихъ—Аулихъ, Вечей, Терекъ, Ланеръ, Пельтъ-фонъ-Пельтенбергъ, Наги Сандоръ, Кнецихъ, Лейнингенъ и Дамьяничъ—были повѣшены на девяти висѣлицахъ одинъ подлѣ другого и одинъ за другимъ; остальные четверо—Киссъ, Лазаръ, Дессевфи и Швейдель были „только“ разстрѣляны. Это были жертвы, сдавшіяся русскимъ вмѣстѣ съ Гергеемъ. Гергей былъ заключенъ въ Клагенфуртъ; онъ одинъ изъ всѣхъ плѣнныхъ вождей избѣгъ веревки и пули. Гергей никогда больше не игралъ роли общественнаго дѣятеля. 10-го октября въ Пештѣ были повѣшены министръ Чаній и баронъ фонъ-Еченахъ. Позже еще въ Пештѣ повѣсили: президента венгерской палаты господъ Зигмунда Перенія, депутата Сачвая, совѣтника финансовъ Черипуса, князя Воронецкаго, Гирона и Абанкура. Это все лишь болѣе или менѣе извѣст-

*) Вотъ маленькое извлеченіе изъ часто упоминаемаго сочиненія австрійскаго офицера: „Въ битвѣ въ комитатѣ Бараніеръ былъ взятъ штурмомъ Фюнфкирхенъ, занятый венгерскимъ ополченіемъ. Ополченіе обратилось въ бѣгство, многихъ догнали и большинство изъ нихъ было тутъ же подвергнуто казни“.

ныя имена. По всей Венгріи суды присуждали къ жестокимъ наказаніямъ: къ смерти, къ ужаснымъ казематамъ Австріи, къ тѣлесному наказанію, даже публичному сѣченію мужчинъ и женщинъ *). Множество состояній подверглось конфискаціи, и болѣе 50.000 венгерцевъ были отданы въ австрійскую армію въ качествѣ простыхъ рядовыхъ. Крикъ возмущенія пронесся по всей Европѣ; участіе къ Венгріи было потому такъ сильно, что жертвы принадлежали въ большинствѣ своемъ къ высшей аристократіи. Бѣдняки врядъ ли вызвали ли бы къ себѣ столько сочувствія.

Но дѣло отъ этого не мѣняется. Гайнау подвергся впослѣдствіи въ Лондонѣ и Брюсселѣ народной мести въ очень, правда, мягкой для него формѣ; онъ былъ здорово вздутъ толпой, состоявшей главнымъ образомъ изъ англійскихъ матросовъ и доковыхъ рабочихъ. Въ то самое время какъ несчастная Венгрія была подавлена и залита кровью, знамена свободы склонялись одно за другимъ въ своихъ послѣднихъ убѣжищахъ.

3-го іюля палъ Римъ послѣ больше чѣмъ двухмѣсячной геройской защиты подъ предводительствомъ Джузеппе Гарибальди, атакованный французско-неаполитанско-испанскими войсками, послѣ того какъ Бонапарту, главѣ французской псевдо-республики, удалось сорганизовать крестовый походъ противъ римской демократіи. Папа былъ снова водворенъ на свое мѣсто и все, что напоминало республику, было безжалостно попираемо ногами. Венеція, защищавшаяся храбро подъ начальствомъ диктатора Манина и задержавшая всю армію Радецкаго, сдалась 23-го августа подъ условіемъ свободнаго пропуска всѣхъ защитниковъ; такимъ образомъ, „порядокъ", т. е. старое реакціонное хозяйничанье, былъ возстановленъ и по всей Италіи.

*) Въ англійскомъ парламентѣ, въ засѣданіи 7-го февраля 1850 г. сообщалось слѣдующее, какъ фактъ: „Двѣ венгерскія дамы, дочь раабскаго епископа Гаубнера и госпожа Мадерспахъ изъ Русберга были публично высѣчены". Послѣдняя писала: „я еще была въ состояніи написать эти строки, не сгорѣвъ со стыда, но мужъ мой не могъ перенести такого позора; онъ покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ револьвера". (Мемуары Клапки стр. 353).

Заключеніе.

Мы видѣли, какъ зародилось нѣмецкое народное движеніе 1848 и 1849 гг., какъ оно развивалось и какъ оно потерпѣло крушеніе. Позднѣйшія событія—эпоха реставраціи, когда реакціонныя силы старались по возможности возстановить старые порядки—уже выходятъ за предѣлы настоящей работы. Закулисныя дѣянія господъ за зелеными столами потребовали бы особой работы.

Мы хотимъ только вкратцѣ указать, какимъ образомъ круговоротъ событій въ концѣ концовъ вернулся къ своей исходной точкѣ — къ союзному сейму. Этому сейму, о которомъ республиканцы изъ предварительнаго парламента такъ увѣренно говорили, какъ о мертвецѣ, этому сейму суждено было воскреснуть и просуществовать еще цѣлыхъ 15 лѣтъ.

Прусская конституція трехъ королей разбилась о сопротивленіе Австріи, а дуализмъ между Вѣной и Берлиномъ сталъ проявляться гораздо рѣзче послѣ того, какъ, подавивъ революцію, утратили общность своихъ интересовъ. Народъ потерялъ всякій интересъ къ этой низкой игрѣ дипломатическихъ интригъ. Сначала Австрія и Пруссія сдѣлали попытку уладить разногласія путемъ назначенія центральной комиссіи сейма изъ двухъ австрійскихъ и двухъ прусскихъ уполномоченныхъ. Комиссія эта отстранила, наконецъ, и имперскаго правителя—эту комическую развалину—который, ни на что не обращая вниманія, продолжалъ произвольно оставаться на своемъ посту вмѣстѣ со своими министрами, писцами и пр. *).

Пруссія заставила допотопный эрфуртскій парламентъ признать свою конституцію трехъ королей, при чемъ примкнувшія къ ней государства должны были титуловаться „нѣмецкой уніей". „Готцы" взяли на себя роль добровольныхъ лакеевъ, но новая конституція оказалась

*) Среди имперскихъ писцовъ находился также господинъ Эхельгейзеръ, который въ своихъ недавно появившихся мемуарахъ сообщаетъ небезъинтересныя данныя. Согласно этимъ даннымъ именно бурный 1848 годъ вдохновилъ великаго патріота Эхельгейзера избрать карьеру имперскаго писца и держаться на этомъ мѣстечкѣ пока только была хоть какая-нибудь возможность.

не жизнеспособной, такъ какъ Австрія, сумѣвшая своимъ дипломатическимъ давленіемъ отклонить одно государство за другимъ отъ вступленія въ унію, созвала экстренное собраніе союзнаго сейма во Франкфуртѣ для „пересмотра союзной конституціи“. Такимъ образомъ, Австрія и Пруссія заняли явно враждебныя позиціи по отношенію другъ къ другу. Народъ не хотѣлъ ничего и слышать ни о прусскомъ, ни объ австрійскомъ главенствѣ надъ Германіей: воспоминанія о событіяхъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Баденѣ, Вѣнѣ и Венгріи были еще слишкомъ свѣжи въ его памяти.

Пруссія противопоставила франкфуртскому конгрессу конгрессъ князей нѣмецкой уніи, который происходилъ въ Берлинѣ и даже учредилъ министерство уніи съ Радовицемъ во главѣ. Рознь между Австріей и Пруссіей еще болѣе обострилась, пока, наконецъ, Австрія открыто не заявила своего намѣренія возстановить старый союзный сеймъ. Всѣ союзныя нѣмецкія государства приглашены были послать своихъ депутатовъ ко дню открытія возрождающагося стараго союзнаго собранія—1 сентября 1850 года—во Франкфуртѣ.

Уніонъ или союзный сеймъ—таковы были противорѣчія, которыя разъединяли партіи въ нѣмецкомъ вопросѣ. Прусскій юнкеръ Радовицъ стоялъ за унію, потому что надѣялся такимъ образомъ дать толчокъ тому процессу, благодаря которому большая часть Германіи рано или поздно растворится въ Пруссіи. Австрія же, которая въ своихъ реакціонныхъ стремленіяхъ была гораздо послѣдовательнѣе, добивалась съ необыкновеннымъ упорствомъ возстановленія союза въ его домартовской формѣ, разсчитывая этимъ путемъ обезпечить себѣ старое вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ въ Германіи.

Кургессенскія конституціонныя смуты и вопросъ Шлезвигъ-Голштиніи едва не довели споръ этихъ двухъ державъ до открытой войны. Австрія, ставъ на сторону печальнаго насильственнаго режима Гассенпфлуга въ Кургессенѣ, доказала этимъ, что ея государственные мужи ничему не научились и ничего не забыли; Пруссія опротестовала это вмѣшательство Австріи, главнымъ образомъ созванное ею собраніе во Франкфуртѣ, — въ дѣла Кургессена и выговорила себѣ право принять участіе въ разрѣшеніи этого вопроса. Дѣло это дошло до того, что обѣ стороны послали свои войска въ Гессенъ-Кассель. Къ счастью, все это было не настолько серьезно и дѣло не дошло до кровопролитія. Единственною жертвою этой несчастной войны была знаменитая бѣлая лошадь, убитая у Бронзеля.

Пруссія постаралась возможно скорѣе выпутаться изъ шлезвигъ-голштинской аферы. Она заключила миръ съ Даніей и предоставила Шлезвигъ-Голштиніи самой распоряжаться своею судьбою. Европейская дипломатія высказалась въ Лондонѣ за то, чтобы датская монархія была возстановлена въ такомъ видѣ, какъ она была до войны. Шлезвигъ-голштинцы, предоставленные исключительно своимъ собственнымъ силамъ, были побѣждены послѣ упорной борьбы. Австрія и ея сторонники утверждали, что берлинскій миръ между Пруссіей и Даніей можетъ быть санкціонированъ только вновь возстановленнымъ союзнымъ сеймомъ. Пруссія противъ этого протестовала.

Господинъ фонъ-Радовицъ отчаялся въ проведеніи своихъ плановъ и отстранился. Его мѣсто занялъ Мантейфель, который очень

быстро уладилъ дѣла съ Австріей. Когда дѣло дошло до Ольмюцскаго договора, въ которомъ Россія также играла извѣстную роль, Пруссія должна была отступить передъ Австріей. Пруссія также принуждена была предоставить Австріи свободу дѣйствій въ Кургессенѣ и Шлезвигъ-Голштиніи. Послѣ этого было рѣшено учредить свободныя конференціи съ участіемъ всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ. Эти конференціи должны были урегулировать кургессенскій и шлезвигъ-голштинскіе вопросы и обсудить будущую союзную конституцію.

Этотъ ольмюцскій договоръ прусскіе либералы часто называютъ „позоромъ". Мы, безъ всякаго сомнѣнія, не имѣемъ никакого основанія восхищаться государственною дѣятельностью Мантейфеля, или хоть мало-мальски сочувствовать имъ. Но намъ кажется, что крики прусскихъ либераловъ объ „ольмюцскомъ позорѣ" вытекаютъ изъ маніи величія. Благодаря договору, уніонъ господина фонъ-Радовица потерпѣлъ крушеніе, а это врядъ ли является такимъ ужъ большимъ несчастіемъ для Германіи. Народу было въ сущности совершенно безразлично, одержитъ ли побѣду Шварценбергъ въ Вѣнѣ или Радовицъ въ Берлинѣ, такъ какъ оба они являлись выразителями реакціонной политики, и нѣмецкій народъ, который недавно попытался добиться свободы и соединенія снизу, могъ только желать одного, чтобы крушеніе потерпѣли какъ австрійскіе, такъ и прусскіе проекты.

Свободныя конференціи въ Дрезденѣ рѣшили дѣло въ пользу Гассенпфлуга, и протестующіе гессенцы, съ ихъ „пассивнымъ сопротивленіемъ", были очень скоро усмирены при помощи, такъ называемыхъ, „карательныхъ баварцевъ". Союзныя войска взяли на себя дѣло разоруженія арміи Шлезвигъ-Голштиніи. Нѣмецкіе филистеры пролили по поводу этого печальнаго происшествія гораздо больше слезъ, чѣмъ по поводу потери мартовскихъ пріобрѣтеній. Но и тутъ были пролиты такія же крокодиловы слезы, какъ и тѣ, которыми нѣмецкіе патріоты сопровождали продажу съ молотка жалкаго „нѣмецкаго флота", на который поденщики и швеи отдали свои послѣдніе крейцеры и гроши, въ то время какъ патріоты капиталисты не давали, по обыкновенію, ничего, либо очень мало *).

На дрезденскихъ конференціяхъ была, наконецъ, вновь принята старая союзная конституція съ прибавленіемъ, что Австрія со всѣми своими частями также вступаетъ въ союзъ. Союзный сеймъ былъ возстановленъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ до 1848 года. Пруссія вступила въ союзъ, и унія прекратила свое существованіе.

Круговоротъ былъ завершенъ.

Народъ ничѣмъ не отозвался на возстановленіе союзнаго сейма, который, три года тому назадъ, былъ сметенъ революціоннымъ движеніемъ, во всей его домартовской прелести. Крестьянамъ было совершенно безразлично, какова была союзная конституція; они больше всѣхъ выиграли отъ революціи, такъ какъ всѣ и все стремились къ тому, чтобы освободить ихъ отъ остатковъ средневѣковаго гнета, или

---

*) Единственное воспоминаніе, оставшееся отъ печальнаго образа нѣмецкаго флота, было жалованье въ 1000 талеровъ, которое нѣмецкій народъ ежегодно долженъ былъ выплачивать Вильгельму Іордану за его заслуги передъ флотомъ.

ию къ наиболѣе благопріятному разрѣшенію конфликтовъ, возникшихъ на этой почвѣ. Крестьянинъ началъ съ гораздо большимъ фанатизмомъ, чѣмъ буржуазія, стремиться къ сохраненію „порядка". Рабочіе увидѣли себя оставленными на произволъ судьбы; они принесли все въ жертву свободѣ въ буржуазномъ смыслѣ и за все это они были грубо отброшены и разбиты, когда они осмѣлились намекнуть государству и обществу о необходимости хоть сколько-нибудь облегчить ихъ участь. Революціонно-буржуазные элементы, тѣ изъ нихъ, которые не были убиты во время войны, томились въ темницахъ или находились въ изгнаніи. Буржуазія, напуганная „краснымъ призракомъ", не имѣла въ тайникахъ своей души ничего противъ „сильнаго" правительства, поддерживаемаго саблями. Либеральная буржуазія, которая во время своей борьбы достаточно ясно показала свою безхарактерность, оказала въ парламентской борьбѣ очень слабое сопротивленіе господству реакціи и постепенно, вся почти безъ исключенія, подчинилась господствующему теченію. Движеніе 48 года принесло больше свободы буржуазной эксплоатаціи рабочей силы, и либеральные капиталисты, получивъ возможность увеличить свои барыши, очень легко утѣшились послѣ потери бумажныхъ свободъ.

Мы ясно видимъ теперь, что движеніе потерпѣло крушеніе главнымъ образомъ благодаря противорѣчію классовыхъ интересовъ. Но оттиснутая и разбитая демократія не могла этого понять; она была того мнѣнія, что все разбилось о сопротивленіе феодаловъ. Она не хотѣла использовать опытъ Франціи, гдѣ разыгралась та же комедія, что и въ Германіи, и гдѣ реакція ворвалась такъ же неудержимо. Разница была во Франціи только въ томъ, что тамъ уже рѣзче обозначились классовыя противорѣчія. Даже въ Пруссіи насиліе феодаловъ не оказало никакого сопротивленія въ первой стадіи движенія. Это сопротивленіе дало себя только почувствовать послѣ того, какъ король былъ снова „пріобрѣтенъ".

Но, несмотря на то, что реакція повсюду торжествовала, власти все же увидѣли себя вынужденными сдѣлать цѣлый рядъ уступокъ „духу времени". Этотъ „духъ времени" отражалъ въ себѣ сумму тѣхъ измѣненій, которыя являлись слѣдствіемъ германской революціи. Столь ненавистный Фридриху-Вильгельму IV „листъ бумаги" все же сохранился и сталъ между земнымъ и небеснымъ властелиномъ. То, что написано на этомъ листѣ бумаги, далеко не соотвѣтствуетъ тому, чего добивались наши отцы въ мартовскіе дни, но вся великая перемѣна заключается именно въ томъ, что этотъ листъ бумаги вообще существуетъ. Эта перемѣна явилась новымъ и неисчерпаемымъ источникомъ политической жизни, источникомъ, давшимъ нѣмцамъ возможность использовать весь тотъ опытъ, который они пріобрѣли въ 1848 году.

Спустя четырнадцать лѣтъ послѣ мартовскихъ дней на полѣ битвы появился тотъ человѣкъ, который, по его мнѣнію, разрѣшилъ германскій вопросъ „кровью и желѣзомъ". Онъ засталъ болѣе благопріятное положеніе вещей, чѣмъ господинъ фонъ-Радовицъ съ его уніей и, выкинувъ Австрію изъ германскаго союза, онъ, въ лицѣ Сѣвернаго союза, вновь возстановилъ унію. Бисмаркъ, какъ это легко убѣдиться изъ исторіи 1848 года, не принесъ съ собой ни единой новой идеи; даже всеобщее избирательное право, на громадное значеніе котораго впервые, очевидно, обратилъ его вниманіе Фердинандъ Лассаль, онъ,

по собственному признанію, „взялъ съ того стола, на которомъ его оставилъ франкфуртскій парламентъ". Послѣ побѣды надъ Наполеономъ III, давши отпоръ французамъ, пытавшимся вмѣшаться во внутреннія дѣла Германіи, Бисмаркъ постарался растворить, оставшуюся послѣ исключенія Австріи, часть Германіи въ Пруссіи и съ помощью новой конституціи закрѣпилъ перевѣсъ Пруссіи также формально. Онъ этимъ лишь исполнилъ то, чего добивались завзятые феодалы—прусскіе юнкеры 1848 года, когда они съ такой яростью опротестовывали франкфуртскую конституцію. Но онъ украсилъ новую имперію коекакими незначительными либеральными учрежденіями и выбросилъ либерализму, оказавшему ему „готскія" услуги, кость „культурной войны", глоданіе которой утолило либераловъ до того, что они сошли на нѣтъ. Эти жалкіе націоналъ-либералы еще до сей поры не поняли, какую курьезную роль они играли въ этой новѣйшей исторіи Германіи; въ противномъ случаѣ они не превозносили бы, какъ „Геркулеса столѣтія", человѣка, бросившаго имъ кость и теперь уже павшаго съ высоты его величія. Остатки старой демократіи были уничтожены Бисмаркомъ окончательно. „Прогрессисты" и „свободомыслящіе" были и есть лишь жалкая, блѣдная пародія на демократовъ—борцовъ 1848 и 1849 годовъ. Зато Бисмаркъ положилъ начало эрѣ милитаризма и непомѣрнаго роста милліонныхъ капиталовъ, эрѣ, которая не оставляетъ мѣста даже націоналъ-либеральнымъ иллюзіямъ. Но это твореніе Бисмарка не могло задержать великаго соціальнаго процесса развитія. Взглядъ прусскихъ юнкеровъ на южную Германію, какъ на объектъ завоеванія, сдѣлался такъ же невозможенъ, какъ и воззрѣнія южно-германскихъ партикуляристовъ, отождествлявшихъ прусскій народъ съ прусской бюрократіей и относившихся къ каждому пруссаку съ яростной ненавистью. Осуществившееся германское единство явилось отнюдь не плодомъ каторжной куртки, надѣтой Бисмаркомъ на германцевъ, а тѣхъ необозримыхъ соціальныхъ измѣненій, которыя принесло новое время. Современное крупное производство разрушаетъ всѣ рамки. Изъ условій капиталистическаго строя, при которомъ громадныя работающія массы экспропріируются, чтобы отдать богатства и власть въ руки нѣсколькихъ избранныхъ, возникло современное соціальное движеніе, видящее источникъ человѣческаго рабства въ формахъ производства. Эксплоатація человѣческой рабочей силы обладателями средствъ производства, обусловливаетъ зависимость широкихъ массъ. Достигнуть свободы желаютъ теперь на пути устраненія подобныхъ соотношеній, а не при помощи бумажныхъ конституцій. Нѣкоторыя буржуазныя партіи, напуганныя краснымъ призракомъ, видятъ въ соціализмѣ лишь „стремленіе къ перевороту"; изъ нашей книги онѣ могутъ видѣть, какъ ихъ отцы, съ оружіемъ въ рукахъ, возстали противъ правящихъ властей. Мы присутствуемъ при преобразованіяхъ иного рода. Капитализмъ подкапывается самъ подъ себя, и мы не думаемъ, чтобы современныя преобразованія пошли по шаблону буржуазныхъ революцій. Время баррикадъ прошло. Но движеніе 1848 и 1849 гг. составляетъ эпоху нѣмецкой исторіи, и знать его цѣли и послѣдствія каждому нѣмцу полезнѣе, чѣмъ знать объ успѣхахъ игольчатыхъ ружей или о подвигахъ героевъ „культурной борьбы" противъ Рима. Поэтому мы и попробовали набросать очеркъ того движенія.

I.

Германское Учредительное Національное Собраніе приняло и провозгласило какъ имперскую конституцію:

Конституція Германской Имперіи.

ОТДѢЛЪ I.

Имперія.

Статья 1.

§ 1. Германская имперія состоитъ изъ территоріи прежняго Германскаго Союза.

Установленіе отношеній герцогства Шлезвига откладывается на будущее время.

§ 2. Если какое-нибудь нѣмецкое государство имѣетъ съ не-нѣмецкимъ государствомъ одного общаго главу государства, то нѣмецкое государство должно имѣть отдѣльную отъ не-нѣмецкаго государства конституцію, правительство и администрацію. Въ правительство и администрацію нѣмецкаго государства могутъ быть назначаемы исключительно нѣмецкіе граждане.

Имперская конституція и имперское законодательство имѣютъ въ такомъ нѣмецкомъ государствѣ такую же обязательную силу, какъ въ остальныхъ германскихъ государствахъ.

§ 3. Если какое-нибудь нѣмецкое государство имѣетъ съ не-нѣмецкимъ государствомъ одного общаго главу государства, то онъ или долженъ жить въ своемъ нѣмецкомъ государствѣ или же долженъ учредить въ немъ въ конституціонномъ порядкѣ регентство, въ которое могутъ быть назначаемы только нѣмцы.

§ 4. Помимо уже существующихъ соединеній нѣмецкихъ и не-нѣмецкихъ государствъ, никакой глава не-нѣмецкаго государства въ то же время не можетъ управлять нѣмецкимъ государствомъ; также ни одинъ въ Германіи правящій монархъ не можетъ принять иностранной короны, не оставивъ свое германское правленіе.

§ 5. Отдѣльныя нѣмецкія государства сохраняютъ свою само-

стоятельность, поскольку послѣдняя не ограничивается имперской конституціей; они имѣютъ всѣ государственныя почести и права, поскольку такія прямо не переданы имперской власти.

ОТДѢЛЪ II.

Имперская власть.

Статья 1.

§ 6. Исключительно имперская власть отправляетъ по отношенію къ загранницѣ международно-правовое представительство Германіи и отдѣльныхъ государствъ.

Имперская власть назначаетъ имперскихъ посланниковъ и консуловъ. Она ведетъ дипломатическія сношенія, заключаетъ союзы и договоры съ заграницей, равно какъ и договоры торговые, о мореплаваніи и о выдачѣ. Она регулируетъ всѣ международно-правовыя мѣропріятія.

§ 7. Отдѣльныя германскія правительства не имѣютъ права принимать и держать постоянныхъ посланниковъ.

Они также не должны держать отдѣльныхъ консуловъ. Консулы иностранныхъ государствъ получаютъ свое утвержденіе отъ имперской власти.

Назначеніе уполномоченныхъ при главѣ имперіи не отнимается у отдѣльныхъ правительствъ.

§ 8. Отдѣльныя нѣмецкія правительства имѣютъ право заключать договоры съ другими нѣмецкими правительствами.

Ихъ право заключать договоры съ не-нѣмецкими правительствами ограничивается предметами частнаго права, мѣстными сношеніями и полиціей.

§ 9. Всѣ договоры не чисто частно-правового содержанія, заключаемые однимъ нѣмецкимъ правительствомъ съ другимъ нѣмецкимъ или не-нѣмецкимъ правительствомъ, должны быть доводимы до свѣдѣнія, а поскольку при этомъ затронуты имперскіе интересы, то и для утвержденія имперской власти.

Статья 2.

§ 10. Имперской власти исключительно принадлежитъ право войны и мира.

Статья 3.

§ 11. Въ распоряженіи имперской власти находится вся вооруженная сила Германіи.

§ 12. Имперское войско состоитъ изъ всѣхъ силъ, предназначенныхъ для цѣлей войны, отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ. Многочисленность и составъ имперскаго войска опредѣляется закономъ о военномъ устройствѣ.

Государства, имѣющія менѣе 500,000 жителей, присоединяются

имперской властью къ болѣе крупнымъ военнымъ единицамъ, которыя потомъ становятся подъ непосредственное завѣдываніе имперской власти, или же должны быть включены въ пограничныя съ ними болѣе крупныя государства.

Подробныя условія такого соединенія въ обоихъ случаяхъ устанавливаются соглашеніемъ участвующихъ государствъ, при посредствѣ и съ согласія имперской власти.

§ 13. Исключительно имперской власти принадлежитъ изданіе законовъ и организація въ военномъ дѣлѣ; она наблюдаетъ за ихъ проведеніемъ въ отдѣльныхъ государствахъ, посредствомъ постояннаго контроля.

Отдѣльнымъ государствамъ предоставляется разработка своего военнаго дѣла на основѣ имперскихъ законовъ и распоряженій имперской власти и относительно въ границахъ соглашеній, указанныхъ въ § 12. Они располагаютъ своей вооруженной силой, поскольку послѣдняя не требуется для службы имперіи.

§ 14. Въ присягѣ знамени на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено обязательство вѣрности главѣ имперіи и имперской конституціи.

§ 15. Всѣ издержки, совершаемыя, благодаря употребленію войскъ, для имперскихъ цѣлей и превышающія установленные имперіей для мирнаго времени размѣры, падаютъ на имперію.

§ 16. Для общаго, для всей Германіи равнаго военнаго устройства издается особый имперскій законъ.

§ 17. Правительствамъ отдѣльныхъ государствъ предоставляется назначать командующихъ и офицеровъ своихъ войскъ, если численность ихъ этого требуетъ.

Для болѣе крупныхъ военныхъ единицъ, въ которыя соединяются войска нѣсколькихъ государствъ, имперская власть назначаетъ общаго командующаго.

Для случаевъ войны имперская власть назначаетъ командующихъ генераловъ самостоятельныхъ корпусовъ, равно какъ и персоналъ главнаго штаба.

§ 18. Имперской власти принадлежитъ право сооружать имперскія крѣпости и прибрежныя укрѣпленія и, поскольку безопасность государства того требуетъ, объявлять уже существующія крѣпости имперскими за недорогое, по соглашенію, вознагражденіе, особенно за передаваемый военный матеріалъ.

Имперскія крѣпости и прибрежныя укрѣпленія содержатся за счетъ имперіи.

§ 19. Морская сила исключительно принадлежитъ имперіи. Ни одному отдѣльному государству не дозволяется держать для себя военныя суда и выдавать каперскія свидѣтельства.

Вооруженіе военнаго флота составляетъ часть германскаго войска. Оно независимо отъ сухопутной арміи.

Матросы, поставляемые отдѣльнымъ государствомъ для военнаго флота, отчисляются отъ того количества сухопутныхъ войскъ, которое должно содержать это государство. Подробности объ этомъ, какъ и о распредѣленіи издержекъ между имперіей и отдѣльными государствами, устанавливаетъ имперскій законъ.

Назначеніе офицеровъ и чиновъ флота всецѣло исходитъ отъ имперіи.

На имперской власти лежитъ забота о вооруженіи, развитіи и содержаніи военнаго флота и обурудованіи, вооруженіи и содержаніи военныхъ портовъ и морскихъ арсеналовъ.

Условія отчужденій, необходимыхъ для сооруженія военныхъ портовъ и морскихъ построекъ, а также права назначаемыхъ при нихъ имперскихъ чиновниковъ опредѣляются имѣющими быть изданными имперскими законами.

Статья 4.

§ 20. Мореплавательныя постройки у моря и при устьяхъ германскихъ рѣкъ (гавани, бакены, маяки, лоцманы, фарватеры и т. д.), остаются въ вѣдѣніи отдѣльныхъ прибрежныхъ государствъ. Эти государства содержатъ ихъ на собственныя средства.

Имперскій законъ установитъ, какъ далеко нужно будетъ считать начало устьевъ отдѣльныхъ рѣкъ.

§ 21. Имперская власть устанавливаетъ верховный надзоръ надъ всѣми этими учрежденіями и приспособленіями.

Она можетъ принуждать соотвѣтствующія государства къ надлежащему ихъ содержанію, а также на имперскія средства увеличивать и расширять ихъ.

§ 22. Пошлины, получаемыя приморскими государствами съ судовъ и грузовъ за пользованіе мореплавательными приспособленіями, не должны превышать издержекъ, необходимыхъ для содержанія этихъ учрежденій. Онѣ вводятся съ согласія имперской власти.

§ 23. Всѣ нѣмецкія суда и ихъ грузы по отношенію къ этимъ пошлинамъ должны быть въ одинаковыхъ условіяхъ.

Болѣе высокое обложеніе иностранныхъ судовъ можетъ исходить лишь отъ имперской власти.

Добавочныя пошлины съ иностранныхъ судовъ поступаютъ въ имперскую кассу.

Статья 5.

§ 24. Имперская власть имѣетъ право издавать законы и верховно надзирать надъ рѣками и озерами, протекающими или разграничивающими нѣсколько государствъ, входящихъ въ ея судоходную область, и надъ устьями впадающихъ въ нее рѣкъ, равно какъ и надъ эксплоатаціей судоходства и сплавкой по нимъ.

Какимъ образомъ должно поддерживаться и улучшаться судоходство этихъ рѣкъ—устанавливаетъ имперскій законъ.

Остальные водные пути остаются въ вѣдѣніи отдѣльныхъ государствъ.

Однако имперской власти предоставляется право, если она въ интересахъ общаго сообщенія найдетъ нужнымъ, издавать общія постановленія эксплоатаціи судоходства и сплавки и по этимъ рѣкамъ, равно какъ и въ тѣхъ же интересахъ, приравнивать отдѣльныя рѣки къ вышеупомянутымъ общимъ рѣкамъ.

Имперская власть имѣетъ право принуждать отдѣльныя государства надлежаще поддерживать судоходность этихъ водныхъ путей.

§ 25. Всѣ германскія рѣки должны быть свободны отъ рѣчныхъ пошлинъ для германскаго судоходства. Также сплавка по судоходнымъ рѣкамъ не подвергается обложенію. Подробности опредѣлитъ имперскій законъ.

Для рѣкъ, протекающихъ или разграничивающихъ нѣсколько государствъ, вмѣсто уничтоженныхъ рѣчныхъ пошлинъ, устанавливается справедливое вознагражденіе.

§ 26. Портовыя, подъемныя, вѣсовыя, складочныя, шлюзовыя и тому подобныя пошлины, взимаемыя на общихъ рѣкахъ и въ устьяхъ впадающихъ въ нихъ притоковъ, не должны превышать издержекъ, необходимыхъ для содержанія соотвѣтствующихъ учрежденій. Онѣ подлежатъ утвержденію имперской власти.

По отношенію къ этимъ пошлинамъ не должно быть преимущества членамъ одного германскаго государства передъ членами другихъ германскихъ государствъ.

§ 27. Рѣчныя пошлины и сборы за рѣчное судоходство иностранныхъ судовъ и за ихъ грузы можетъ вводить лишь имперская власть.

Статья 6.

§ 28. Имперская власть имѣетъ право, поскольку этого требуетъ защита имперіи или интересы общаго сообщенія, верховнаго надзора и право издавать законы.

Имперскій законъ установитъ, какіе предметы сюда причисляются.

§ 29. Имперская власть имѣетъ право, поскольку этого требуетъ защита имперіи или въ интересахъ общаго сообщенія, разрѣшать проведеніе желѣзныхъ дорогъ, равно какъ и сама проводить желѣзныя дороги, если отдѣльное государство, въ область котораго должна быть проведена дорога, откажется отъ ея сооруженія. Пользованіе желѣзной дорогой для имперскихъ цѣлей предоставляется во всякое время за вознагражденіе.

§ 30. При проведеніи или разрѣшеніи желѣзныхъ дорогъ отдѣльными государствами, имперская власть имѣетъ право дѣлать распоряженія для защиты имперіи и въ интересахъ общаго сообщенія.

§ 31. Имперской власти принадлежитъ верховное наблюденіе и право издавать законы относительно сухопутныхъ дорогъ, поскольку того требуетъ защита имперіи и интересы общаго сообщенія. Имперскій законъ установитъ, какіе предметы сюда относятся.

§ 32. Имперская власть имѣетъ право, поскольку этого требуетъ защита имперіи или общіе интересы сообщенія, распоряжаться проводить сухопутныя желѣзныя дороги и каналы, дѣлать рѣки судоходными или расширять ихъ судоходность.

Распоряженіе о необходимыхъ для этого строительныхъ работахъ дѣлается имперской властью послѣ предварительныхъ сношеній съ соотвѣтствующими отдѣльными государствами.

Введеніе и содержаніе новыхъ сооруженій беретъ на себя имперія за имперскій счетъ, если соглашенія съ отдѣльными государствами не достигнуто.

Статья 7.

§ 33. Германская имперія должна образовать одну таможенную и торговую область, окруженную общей таможенной границей съ отпаденіемъ всѣхъ внутреннихъ таможенныхъ границъ.

Выдѣленіе отдѣльныхъ мѣстъ и областей изъ таможенной линіи предоставляется имперской власти.

Имперской власти предоставляется далѣе путемъ особыхъ договоровъ включать въ германскую таможенную область непринадлежащія имперіи мѣста и части странъ.

§ 34. Исключительно имперская власть имѣетъ право издавать законы относительно всего таможеннаго дѣла, а также объ общихъ налогахъ на производство и потребленіе. Какіе налоги на производство и потребленіе должны считаться общими, опредѣляетъ имперское законодательство.

§ 35. Взысканіе и управленіе пошлинами, равно и общими налогами на производство и потребленіе производится по распоряженію и подъ верховнымъ наблюденіемъ имперской власти.

Опредѣленная часть доходовъ въ размѣрѣ обыкновеннаго бюджета снимается прежде всего для имперскихъ расходовъ, остальное распредѣляется между отдѣльными государствами.

Особый имперскій законъ установитъ дальнѣйшія подробности относительно этого.

§ 36. Какіе предметы могутъ отдѣльныя государства облагать налогами на производство и потребленіе въ свою пользу или въ пользу отдѣльныхъ общинъ, и какія условія и ограниченія при этомъ нужно соблюдать—опредѣляетъ имперское законодательство.

§ 37. Отдѣльныя германскія государства не имѣютъ права облагать пошлинами товары, ввозимые или вывозимые черезъ имперскую границу.

§ 38. Имперская власть имѣетъ право издавать законы относительно торговли и судоходства и наблюдаетъ за выполненіемъ изданныхъ относительно этого законовъ.

§ 39. Имперской власти предоставляется издавать законы относительно промышленности и наблюдать за ихъ выполненіемъ.

§ 40. Патенты на изобрѣтенія выдаются исключительно имперіей на основѣ имперскаго закона; также исключительно имперской власти предоставлено право издавать законы противъ перепечатки книгъ, противъ каждаго неразрѣшеннаго подражанія произведеніямъ искусства, фабричнымъ маркамъ, образцамъ и формамъ и противъ другихъ нарушеній авторской собственности.

Статья 8.

§ 41. Имперской власти принадлежитъ право изданія законовъ и верховнаго наблюденія надъ почтовымъ дѣломъ, особенно надъ организаціей, тарифомъ, транзитомъ, франкировкой и отношеніями между отдѣльными почтовыми управленіями.

Она же заботится объ однообразномъ исполненіи закона путемъ

обязательныхъ постановленій и наблюдаетъ за ихъ примѣненіемъ въ отдѣльныхъ государствахъ посредствомъ постояннаго контроля.

Имперской власти предоставляется, въ интересахъ общаго сообщенія, установить почтовыя сообщенія нѣсколькихъ почтовыхъ областей

§ 42. Почтовые договоры съ иностранными почтовыми управленіями могутъ заключаться только имперской властью или съ ея согласія.

§ 43. Имперская власть имѣетъ право, если она найдетъ это нужнымъ, присвоить имперіи почтовое дѣло на основѣ имперскаго закона, предварительно справедливо вознаградивъ имѣющихъ на это право.

§ 44. Имперская власть имѣетъ право проводить телеграфныя линіи и пользоваться уже имѣющимися за вознагражденіе или пріобрѣтать ихъ въ порядкѣ отчужденія.

Дальнѣйшія постановленія объ этомъ, равно какъ и о пользованіи телеграфами для частнаго сообщенія предоставляются имперскому закону.

Статья 9.

§ 45. Исключительно имперской власти принадлежитъ изданіе законовъ и верховный надзоръ надъ монетнымъ дѣломъ. Она обязана ввести единую монетную систему для всей Германіи.

Она имѣетъ право чеканить имперскую монету.

§ 46. Имперская власть должна ввести единую для всей Германіи систему мѣры и вѣса, равно какъ и установить пробу золотыхъ и серебряныхъ товаровъ.

§ 47. Имперская власть имѣетъ право регулировать банковое дѣло и выпускъ бумажныхъ денегъ посредствомъ имперскаго законодательства. Она наблюдаетъ за исполненіемъ изданныхъ по этому поводу имперскихъ законовъ.

Статья 10.

§ 48. Издержки на мѣропріятія и учрежденія, вводимыя для имперіи, покрываются имперской властью изъ средствъ имперіи.

§ 49. Покрытіе своихъ издержекъ имперія обезпечиваетъ прежде всего долей въ доходахъ отъ пошлинъ и общихъ налоговъ на производство и потребленіе.

§ 50. Имперская власть имѣетъ право, если прочіе доходы недостаточны, взимать дополнительные взносы.

§ 51. Имперская власть имѣетъ право въ чрезвычайныхъ случаяхъ вводить имперскіе налоги, взимать ихъ, или распорядиться объ ихъ взиманіи, равно какъ и заключать займы или иныя долговыя обязательства.

Статья 11.

§ 52. Область юрисдикціи имперіи опредѣляетъ отдѣлъ объ имперскомъ судѣ.

Статья 12.

§ 53. Имперская власть обязана своимъ верховнымъ надзоромъ охранять гарантированныя силой имперской конституціи права всѣхъ нѣмцевъ.

§ 54. На имперскую власть возлагается охраненіе мира въ имперіи. Она должна для поддержанія внутренней безопасности и спокойствія принимать необходимыя мѣры:

1) если одно нѣмецкое государство нарушаетъ или грозитъ нарушить миръ по отношенію къ другому нѣмецкому государству;

2) если въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ государствѣ безопасность и спокойствіе нарушаются или грозятъ быть нарушенными мѣстными жителями или иностранцами. Однако, даже въ этомъ случаѣ лишь тогда имперская власть вмѣшивается, если соотвѣтствующее правительство само объ этомъ проситъ, не считая тѣхъ случаевъ, когда послѣднее явно не въ состояніи этого сдѣлать или если опасность угрожаетъ обще-имперскому миру;

3) если конституція какого-нибудь нѣмецкаго государства насильственно или односторонне отмѣнена или измѣнена и путемъ обращенія къ имперскому суду не можетъ быть достигнута немедленная помощь.

§ 55. Могущія исходить отъ имперской власти мѣры для охраненія имперскаго мира таковы:

1) указы;

2) отправка комиссаровъ;

3) примѣненіе вооруженной силы.

Имперскій законъ установитъ основанія, на которыхъ вызванные этими мѣрами расходы должны покрываться.

§ 56. Имперская власть должна опредѣлить случаи и формы, когда должна примѣняться вооруженная сила противъ нарушеній общественнаго порядка.

§ 57. Имперская власть должна установить законныя нормы относительно пріобрѣтенія и утраты гражданскихъ правъ въ имперіи и въ отдѣльныхъ государствахъ.

§ 58. Имперской власти предоставляется право издавать имперскіе законы о правахъ уроженцевъ и слѣдить за ихъ выполненіемъ.

§ 59. Имперской власти предоставляется право, несмотря на основные законы страны, гарантирующіе свободу союзовъ и свободу собраній, издавать имперскіе законы объ ассоціаціяхъ.

§ 60. Имперское законодательство должно установить такія положенія для официальныхъ документовъ, которыя могли бы обезпечить признаніе ихъ подлинности во всей Германіи.

§ 61. Имперская власть уполномочена, во имя общественнаго блага, издавать общія мѣры для охраненія народнаго здравія.

Статья 13.

§ 62. Имперская власть имѣетъ право законодательства постольку, поскольку это необходимо для выполненія предоставленныхъ ей конституціонныхъ функцій и защиты перешедшихъ къ ней учрежденій.

§ 63. Имперская власть уполномочена, если она найдетъ необходимыми, на пользу общихъ интересовъ Германіи, общія учрежденія и мѣропріятія, издавать для ихъ обоснованія законы въ предѣлахъ формъ, предоставленныхъ для измѣненія конституціи.

§ 64. Имперской власти вмѣняется въ обязанность, изданіемъ общихъ уложеній гражданскаго, торговаго, вексельнаго и уголовнаго права, осуществить правовое единство германскаго народа.

§ 65. Всѣ законы и распоряженія имперской власти получаютъ законную силу посредствомъ опубликованія ихъ отъ имени имперіи.

§ 66. Имперскіе законы стоятъ выше законовъ отдѣльныхъ государствъ, если за ними точно не оговорено ихъ подчиненное значеніе.

Статья 14.

§ 67. Назначеніе имперскихъ чиновниковъ исходитъ отъ имперіи. Условія имперской службы устанавливаются имперскимъ закономъ.

ОТДѢЛЪ III.

Глава имперіи.

Статья 1.

§ 68. Санъ главы имперіи передается одному изъ царствующихъ германскихъ монарховъ.

§ 69. Этотъ санъ наслѣдственъ въ домѣ монарха, которому онъ былъ переданъ. Онъ переходитъ по наслѣдству по мужской линіи по праву первородства.

§ 70. Глава имперіи носитъ титулъ: императоръ германцевъ.

§ 71. Резиденція императора—тамъ, гдѣ находится имперское правительство. По крайней мѣрѣ императоръ долженъ тамъ жить во время сессіи рейхстага. Когда императоръ не находится на мѣстѣ пребыванія имперскаго правительства, то одинъ изъ имперскихъ министровъ долженъ находиться непосредственно около него. Опредѣленіе мѣстопребыванія имперскаго правительства предоставлено имперскому закону.

§ 72. Императоръ получаетъ цивильный листъ, который устанавливаетъ рейхстагъ.

Статья 2.

§ 73. Личность императора неприкосновенна. Императоръ осуществляетъ переданную ему власть при посредствѣ назначенныхъ имъ отвѣтственныхъ министровъ.

§ 74. Всѣ правительственныя дѣйствія императора требуютъ, для признанія ихъ дѣйствительными, контрасигнированія, по меньшей мѣрѣ, однимъ изъ имперскихъ министровъ, который, такимъ образомъ, принимаетъ на себя отвѣтственность за нихъ.

Статья 3.

§ 75. Императоръ осуществляетъ международно-правовое представительство Германской имперіи и отдѣльныхъ германскихъ государствъ. Онъ назначаетъ имперскихъ посланниковъ и консуловъ и ведетъ дипломатическія сношенія.

§ 76. Императоръ объявляетъ войну и заключаетъ миръ.

§ 77. Императоръ заключаетъ союзы и договоры съ иностранными державами, притомъ при содѣйствіи рейхстага, насколько оно оговорено въ конституціи.

§ 78. Всѣ договоры не чисто частно-правового содержанія, которые заключаются нѣмецкими правительствами между собою или съ иностранными правительствами, должны быть доведены до свѣдѣнія императора и, поскольку они затрагиваютъ интересы общегосударственные, должны быть утверждены императоромъ.

§ 79. Императоръ созываетъ и закрываетъ рейхстагъ. Онъ имѣетъ право распустить народную палату.

§ 80. Императоръ имѣетъ право предлагать законопроекты; онъ осуществляетъ законодательную власть сообща съ рейхстагомъ въ рамкахъ конституціонныхъ ограниченій. Онъ опубликовываетъ имперскіе законы и издаетъ, необходимыя для ихъ проведенія, распоряженія.

§ 81. Въ уголовныхъ дѣлахъ, которыя входятъ въ компетенцію имперскаго суда, императоръ имѣетъ право помиловать или смягчить наказаніе. Воспрещеніе начала или продолженія слѣдственнаго производства императоръ можетъ издать лишь съ согласія рейхстага. По отношенію къ имперскому министру, осужденному за свои служебныя дѣянія, императоръ имѣетъ право только тогда помиловать или смягчить наказаніе, когда предложитъ это та палата, отъ которой исходило это обвиненіе. По отношенію къ министрамъ отдѣльныхъ государствъ эти права ему не предоставлены.

§ 82. На императора возлагается охраненіе имперскаго мира.

§ 83. Въ распоряженіе императора предоставлена вооруженная сила.

§ 84. Вообще императоръ пользуется правительственною властью во всѣхъ дѣлахъ имперіи, соотвѣтственно законамъ конституціи. Ему, какъ носителю этой власти, предоставлены въ распоряженіе всѣ тѣ права и полномочія, которыя предоставлены въ конституціи имперской власти и не относятся къ рейхстагу.

ОТДѢЛЪ IV.

Рейхстагъ.

Статья 1.

§ 85. Рейхстагъ состоитъ изъ двухъ палатъ: палаты государствъ и палаты народа.

Статья 2.

§ 86. Палата государствъ образуется изъ представителей германскихъ государствъ.

§ 87. Число членовъ распредѣляется въ слѣдующемъ отношеніи: Пруссія 40 членовъ, Австрія 38, Баварія 18, Саксонія 10, Ганноверъ 10, Вюртембергъ 10, Баденъ 9, Кургессенъ 6, великое герцогство Гессенъ 6, Голштинія (см. о Шлезвигѣ § 1) 6, Мекленбургъ-Шверинъ 4, Люксембургъ-Лимбургъ 3, Нассау 3, Брауншвейгъ 2, Ольденбургъ 2, Саксенъ-Веймаръ 2, Саксенъ-Кобургъ-Гота 1, Саксенъ-Мейнингенъ-Гильдбургхаузенъ 1, Саксенъ-Альтенбургъ 1, Мекленбургъ-Стрелицъ 1, Ангальтъ-Дессау 1, Ангальтъ-Бернбургъ 1, Ангальтъ-Кетенъ 1, Шварцбургъ-Зондергаузенъ 1, Шварцбургъ-Гудольфштадтъ 1, Гогенцоллернъ-Геккингенъ 1, Лихтенштейнъ 1, Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ 1, Вальдекъ 1, Рейссъ старшей линіи 1, Рейссъ младшей линіи 1, Шаумбургъ-Липпе 1, Липпе-Детмольдъ 1, Гессенъ-Гомбургъ 1, Лауенбургъ 1, Любекъ 1, Франкфуртъ 1, Бременъ 1, Гамбургъ 1, итого 192 члена. Пока нѣмецко-австрійскія земли не примутъ участія въ союзномъ государствѣ, слѣдующія государства получатъ увеличенное число голосовъ въ палатѣ государствъ: Баварія 20, Саксонія 12, Ганноверъ 12, Вюртембергъ 12, Баденъ 10, великое герцогство Гессенъ 8, Кургессенъ 7, Нассау 4, Гамбургъ 2.

§ 88. Члены палаты государствъ назначаются наполовину правительствомъ, наполовину народнымъ представительствомъ соотвѣтствующихъ государствъ. Въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, которыя состоятъ изъ нѣсколькихъ провинцій или областей, съ особой конституціей и управленіемъ, назначенные народнымъ представительствомъ члены палаты государствъ, должны быть назначены не общимъ представительствомъ государства, а представительствомъ отдѣльныхъ земель или провинцій (провинціальными сословіями). Числовое отношеніе, по которому должно быть распредѣлено между отдѣльными землями или провинціями число членовъ, предоставляется законодательству этихъ государствъ. Гдѣ существуютъ 2 палаты и не имѣетъ мѣста представительство по провинціямъ, тамъ выбираютъ обѣ палаты въ общемъ засѣданіи абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

§ 89. Въ тѣхъ государствахъ, которыя посылаютъ въ палату государствъ только одного члена, предлагаетъ правительство 3 кандидатовъ, изъ которыхъ народное представительство избираетъ одного абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Точно также и въ тѣхъ государствахъ, которыя посылаютъ нечетное число членовъ, назначается послѣдній членъ.

§ 90. Когда нѣсколько германскихъ государствъ соединяются въ одно цѣлое, то имперскій законъ рѣшаетъ нужныя измѣненія въ составѣ палаты государствъ.

§ 91. Членомъ государственной палаты можетъ быть только тотъ, кто: 1) является гражданиномъ посылающаго его государства, 2) старше тридцати лѣтъ отъ роду, 3) пользуется всѣми гражданскими и политическими правами.

§ 92. Члены палаты государствъ избираются на 6 лѣтъ; они

каждые три года наполовину пополняются новыми. Какимъ образомъ, по истеченіи первыхъ трехъ лѣтъ, долженъ совершиться выходъ въ отставку одной половины членовъ, опредѣляется имперскимъ закономъ. Вышедшіе въ отставку могутъ быть опять избираемы. Если по истеченіи этихъ трехъ лѣтъ и до окончанія новыхъ выборовъ въ палату государствъ, рейхстагъ будетъ созванъ на чрезвычайную сессію, то вступаютъ прежніе члены, пока новые выборы не пройдутъ.

Статья 3.

§ 93. Палата народа состоитъ изъ депутатовъ германскаго народа.

§ 94. Члены палаты народа избираются въ первый разъ на 4 года, а потомъ всегда на 3 года. Выборы совершаются согласно предписаніямъ, заключающимся въ имперскомъ избирательномъ законѣ.

Статья 4.

§ 95. Члены рейхстага получаютъ изъ имперской кассы равномѣрныя ежедневныя діэты, и вознагражденіе издержекъ на проѣздъ. Подробности опредѣляетъ имперскій законъ.

§ 96. Члены обѣихъ палатъ не могутъ быть связаны инструкціями.

§ 97. Никто не можетъ быть одновременно членомъ обѣихъ палатъ.

Статья 5.

§ 98. Для принятія какого-нибудь рѣшенія, каждой изъ палатъ рейхстага необходимо присутствіе, по крайней мѣрѣ, половины узаконеннаго числа членовъ и простое большинство голосовъ. Въ случаѣ равнаго раздѣленія голосовъ предложеніе считается отклоненнымъ.

§ 99. Каждой палатѣ предоставляется право вносить законопроекты, жалобы, производить разслѣдованіе фактовъ, а также возбуждать обвиненія противъ министровъ.

§ 100. Постановленіе рейхстага считается дѣйствительнымъ только при согласіи обѣихъ палатъ.

§ 101. Постановленіе рейхстага, на которое не послѣдовало согласія имперскаго правительства, не можетъ быть повторено еще разъ въ эту же самую сессію. Если же одно и то же постановленіе было принято безъ измѣненія, въ трехъ, непосредственно слѣдующихъ одна за другой, сессіяхъ, то оно, хотя бы на него и не послѣдовало согласія имперскаго правительства, послѣ закрытія третьей сессіи становится закономъ. Обыкновенная сессія, которая по меньшей мѣрѣ продолжалась меньше 4 недѣль, не входитъ въ этотъ счетъ.

§ 102. Постановленія рейхстага требуются въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Когда дѣло касается изданія, отмѣны, измѣненія или объясненія имперскаго закона.

2) Когда разрабатывается общегосударственный бюджетъ, когда заключается заемъ, если имперія производитъ расходъ, не предусмотрѣнный росписью, или взимаетъ дополнительные взносы и налоги.

3) Когда иностранное морское и рѣчное судоходство должно быть обложено повышенными пошлинами.

4) Когда крѣпости отдѣльныхъ государствъ должны быть объявлены имперскими крѣпостями.

5) Когда заключаются съ иностранной державой торговые договоры, договоры о судоходствѣ и выдачѣ, а также вообще международно-правовые договоры постольку, поскольку они налагаютъ обязательства на имперію.

6) Когда земли или части земель, не принадлежащія имперіи, должны быть включены въ германскую таможенную область или отдѣльныя мѣста или части территоріи должны быть исключены изъ таможенной линіи.

7) Когда отдѣляются части германской имперіи или не германскія области должны быть присоединены къ государству, или другимъ какимъ-нибудь способомъ соединены съ нимъ.

§ 103. При опредѣленіи имперскаго бюджета должны быть соблюдены слѣдующія постановленія:

1) Всѣ предложенія, касающіяся финансовъ, имперскаго правительства, должны поступать раньше въ палату народа.

2) Утвержденіе расходовъ должно послѣдовать лишь по предложенію имперскаго правительства и въ суммѣ, не превышающей указанной въ предложеніи. Каждое утвержденіе дѣйствительно только для той цѣли, для какой оно было опредѣлено. Примѣненіе должно быть употреблено въ предѣлахъ утвержденнаго разрѣшенія.

3) Продолжительность бюджетнаго періода и срокъ утвержденія бюджета составляетъ одинъ годъ.

4) Бюджетъ обыкновенныхъ расходовъ имперіи и резервный фондъ, а также средства для покрытія ихъ должны быть утверждены въ первомъ рейхстагѣ его постановленіемъ. Увеличеніе этого бюджета, при послѣдующихъ рейхстагахъ, тоже требуетъ постановленія рейхстага.

5) Этотъ обыкновенный бюджетъ предлагается въ началѣ сессіи, въ первую очередь, палатѣ народа; послѣдней онъ разбирается по отдѣльнымъ статьямъ и, послѣ объясненій и доказательствъ, представляемыхъ имперскимъ правительствомъ, провѣряется и утверждается, весь или частично, или отвергается.

6) По послѣдующей провѣркѣ и утвержденіи палатой народа, этотъ бюджетъ передается въ палату государствъ. Этой въ предѣлахъ общей суммы обыкновеннаго расхода, утвержденнаго первымъ рейхстагомъ или позднѣйшими постановленіями рейхстага, предоставляется лишь право напоминанія и указанія, относительно которыхъ, палата народа дѣлаетъ окончательное постановленіе.

7) Всѣ чрезвычайные расходы и средства для ихъ покрытія требуютъ, подобно увеличенію обыкновеннаго бюджета, разрѣшенія рейхстага.

8) Отчетъ объ израсходованіи имперскихъ средствъ долженъ быть представленъ рейхстагу, при чемъ раньше палатѣ народа, а потомъ палатѣ государствъ, для провѣрки и утвержденія.

Статья 6.

§ 104. Рейхстагъ засѣдаетъ ежегодно въ мѣстѣ пребыванія имперскаго правительства.

Время созыва опредѣляется главою государства, въ томъ случаѣ, когда созывъ не опредѣленъ имперскимъ закономъ.

Чрезвычайныя засѣданія рейхстага могутъ назначаться особо каждый разъ главою государства.

§ 105. Очередныя сессіи ландтаговъ отдѣльныхъ государствъ не должны совпадать со временемъ сессіи рейхстага.

Подробности опредѣляются имперскимъ закономъ.

§ 106. Парламентъ можетъ быть распущенъ главою государства. Въ случаѣ распущенія — рейхстагъ долженъ быть снова собранъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

§ 107. Распущеніе парламента влечетъ за собою и одновременную отсрочку засѣданій палаты государствъ до новаго созыва рейхстага.

Сессіи обѣихъ палатъ происходятъ одновременно.

§ 108. Продолжительность сессіи рейхстага опредѣляется главою государства.

§ 109. Отсрочка главой государства засѣданій рейхстага или одной изъ палатъ болѣе чѣмъ на 14 дней по открытіи сессіи нуждается въ санкціи рейхстага или соотвѣтствующей палаты.

Самъ рейхстагъ или каждая палата имѣетъ право отсрочить свои засѣданія только на 14 дней.

Статья 7.

§ 110. Каждая палата избираетъ своего президента, вице-президентовъ и секретарей.

§ 111. Засѣданія обѣихъ палатъ публичны.

Уставъ каждой палаты опредѣляетъ условія закрытыхъ засѣданій.

§ 112. Каждая палата провѣряетъ полномочія своихъ членовъ, послѣ чего рѣшаетъ вопросъ о допущеніи ихъ на засѣданія.

§ 113. Избранный депутатъ палаты приноситъ слѣдующую присягу: „клянусь охранять и вѣрно соблюдать нѣмецкую имперскую конституцію. Да поможетъ мнѣ Господь“.

§ 114. Каждая палата имѣетъ право подвергать наказаніямъ, а въ крайнихъ случаяхъ исключать своихъ членовъ за неподобающее поведеніе въ палатѣ. Уставъ палаты опредѣляетъ подробности.

Исключеніе совершается большинствомъ двухъ третей голосовъ.

§ 115. Въ палату не допускаются ни депутаціи, ни подача прошеній.

§ 116. Каждая палата имѣетъ право сама выработать свой уставъ. Дѣловыя отношенія между обѣими палатами устанавливаются по взаимному соглашенію.

Статья 8.

§ 117. Членъ палаты не можетъ быть арестованъ безъ согласія палаты, въ которой онъ состоитъ, ни по обвиненію въ уголовномъ пре-

ступленіи, ни привлеченъ къ слѣдствію во время сессіи рейхстага, кромѣ случая задержанія на мѣстѣ преступленія.

§ 118. Въ послѣднемъ случаѣ нужно довести до свѣдѣнія соотвѣтствующей палаты о принятой мѣрѣ. Послѣдняя имѣетъ право предписать отсрочку ареста или слѣдствія до окончанія сессіи.

§ 119. Палата имѣетъ право сдѣлать такое же постановленіе въ случаѣ ареста или слѣдствія, которому подвергся членъ палаты ко времени своего избранія или послѣ избранія до открытія сессіи.

§ 120. Членъ рейхстага не можетъ подвергаться по закрытіи рейхстага ни судебному, ни дисциплинарному, ни какому-либо другому преслѣдованію за тѣ голосованія или заявленія, которыя онъ дѣлалъ въ рейхстагѣ при исполненіи своего долга.

Статья 9.

§ 121. Министры имѣютъ право присутствовать при преніяхъ обѣихъ палатъ и быть выслушанными во всякое время.

§ 122. Имперскіе министры обязаны по требованію каждой изъ палатъ явиться въ нее и дать объясненія или же сообщить причины, почему таковыя не могутъ быть сдѣланы.

§ 123. Министры не могутъ быть членами палаты государствъ.

§ 124. Если членъ палаты народа получаетъ повышеніе или государственную службу, онъ долженъ подвергнуться вторичнымъ выборамъ; онъ сохраняетъ свое мѣсто въ палатѣ до новыхъ выборовъ.

ОТДѢЛЪ V.

Имперскій судъ.

Статья 1.

§ 125. Высшія государственныя судебныя функціи отправляются имперскимъ судомъ.

§ 126. Къ компетенціи суда относится:

a) жалобы отдѣльныхъ государствъ на имперскую власть за нарушеніе имперской конституціи изданіемъ имперскихъ законовъ и мѣропріятіями имперскаго правительства, точно также жалобы имперской власти на отдѣльныя государства за нарушеніе имперской конституціи.

b) разногласія между палатой государствъ и палатою народа, разногласія палатъ съ имперскимъ правительствомъ, касающіяся толкованія конституціи, если спорящія стороны соглашаются обратиться въ имперскій судъ;

c) политическія и частно-правовыя разногласія всякаго рода между отдѣльными германскими государствами;

d) споры по престолонаслѣдію, способности къ управленію и регентству въ отдѣльныхъ государствахъ;

e) разногласія между правительствомъ отдѣльнаго государства и

народнымъ представительствомъ въ толкованіи конституціи этого государства;

f) Жалобы гражданъ отдѣльнаго государства на свое правительство на уничтоженіе или неконституціонное измѣненіе конституціи этого государства.

Жалобы гражданъ отдѣльнаго государства на свое правительство о нарушеніи конституціи могутъ быть разсмотрѣны имперскимъ судомъ послѣ того, какъ всѣ средства, предусмотрѣнныя конституціей, не достигли цѣли;

d) жалобы нѣмецкихъ гражданъ о нарушеніи ихъ правъ, гарантированныхъ имперской конституціей; имперское законодательство указываетъ предѣлы права обжалованія и способы его осуществленія;

h) жалобы на отказъ или замедленіе въ судопроизводствѣ, когда исчерпаны средства, установленныя законами отдѣльныхъ государствъ.

i) уголовная подсудность имперскихъ министровъ по жалобамъ, поскольку жалобы касаются министерской отвѣтственности;

k) уголовная подсудность имперскихъ министровъ отдѣльныхъ государствъ по жалобамъ, поскольку жалобы касаются министерской отвѣтственности;

l) уголовная подсудность въ случаяхъ государственной измѣны. Позднѣйшіе имперскіе законы опредѣлятъ степень уголовной подсудности и другихъ преступленій противъ имперіи.

m) жалобы на имперскій фискъ.

n) жалобы на нѣмецкія государства, если обязательство удовлетворенія вызываетъ пререканія между государствами, или же когда въ одной жалобѣ предъявляется общее требованіе къ нѣсколькимъ государствамъ.

§ 127. Вопросъ о подсудности того или иного случая имперскому суду, рѣшаетъ единственно и исключительно самъ имперскій судъ.

§ 128. Объ учрежденіи и организаціи имперскаго суда, о порядкѣ судопроизводства и приведеніи въ исполненіе рѣшеній и распоряженій имперскаго суда будетъ изданъ особый законъ.

Этотъ же законъ долженъ установить тѣ случаи, когда имперскій судъ предоставляетъ вынесеніе приговора присяжнымъ засѣдателямъ.

Онъ же рѣшитъ, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ считать этотъ законъ основнымъ конституціоннымъ закономъ.

§ 129. Имперское законодательство должно учредить адмиралтейскіе и морскіе суды, а также издать постановленія о подсудности посланниковъ и консуловъ государства.

ОТДѢЛЪ VI.

Основныя права германскаго народа.

§ 130. Германскому народу должны быть гарантированы нижеслѣдующія права. Они должны служить нормой для конституцій отдѣльныхъ государствъ, и никакая конституція или законодательство отдѣльнаго германскаго государства не могутъ ни отмѣнить, ни ограничить ихъ.

Статья 1.

§ 131 (§ 1 *). Германскій народъ состоитъ изъ гражданъ государствъ, вошедшихъ въ составъ Германской Имперіи.

§ 132 (§ 2). Каждый нѣмецъ имѣетъ права гражданства. Предоставленными ему въ силу гражданства правами онъ пользуется въ каждомъ нѣмецкомъ государствѣ. Государственный избирательный законъ устанавливаетъ право избирать въ германскій имперскій сеймъ.

§ 133 (§ 3). Каждый нѣмецъ имѣетъ право избрать своимъ мѣстопребываніемъ или жительствомъ всякую часть государства, пріобрѣтать недвижимость всякаго рода и распоряжаться ею, заниматься всякой отраслью промышленности и пріобрѣтать гражданскія права въ общинѣ.

Имперская власть закономъ объ осѣдлости установитъ для всей Германіи условія пребыванія и жительства, промысловымъ закономъ условія промышленнаго производства.

§ 134 (§ 4). Ни одно германское государство не должно проводить различія между своими гражданами и другими нѣмцами въ гражданскихъ уголовныхъ и процессуальныхъ правахъ, которые ставили бы послѣднихъ въ положеніе иностранцевъ.

§ 135 (§ 5). Наказаніе гражданской смертью не должно имѣть мѣста, а тамъ, гдѣ оно уже назначено, оно не должно совершиться, если этимъ не нарушаются права частныхъ лицъ.

§ 136 (§ 6). Свобода эмиграціи не подлежитъ ограниченію; сборъ за выселеніе не взимается.

Эмиграція находится подъ охраной и попеченіемъ имперіи.

Статья 2.

§ 137 (§ 7). Предъ закономъ всѣ сословія равны. Дворянство, какъ сословіе, уничтожено.

Всѣ сословныя привилегіи уничтожены.

Всѣ нѣмцы равны передъ закономъ.

Всѣ титулы, поскольку они не связаны съ государственной службой, уничтожаются и никогда не должны быть возстановлены.

Гражданинъ государства не долженъ принимать орденовъ отъ иностранныхъ державъ.

Общественныя должности одинаково доступны для всѣхъ способныхъ.

Воинская повинность для всѣхъ обязательна; замѣстительство не допускается.

Статья 3.

§ 138 (§ 8). Неприкосновенность личности.

Арестъ лица, кромѣ случая задержанія на мѣстѣ преступленія,

---

*) Поставленныя въ скобки цифры означаютъ №№, подъ которыми были эти параграфы въ офиціальномъ извѣщеніи (Reichsgesetzblatt № 8) о принятыхъ тогда основныхъ правахъ.

можетъ совершиться въ силу судебнаго приказа съ объясненіемъ причинъ ареста. Этотъ приказъ долженъ быть предъявленъ или въ моментъ ареста, или же черезъ 24 часа послѣ ареста.

Полицейская власть должна на слѣдующій же день или освободить заключеннаго, или передать его судебнымъ властямъ.

Всякій обвиняемый долженъ быть освобожденъ изъ заключенія по предъявленіи залога, опредѣляемаго судомъ, или подъ поручительствомъ, если противъ даннаго лица нѣтъ несомнѣнныхъ уликъ въ совершеніи тяжкаго уголовнаго преступленія.

Въ случаѣ противозаконно или беззаконно-продолженнаго заключенія виновный, а въ случаѣ необходимости государство, должны дать удовлетвореніе и вознагражденіе потерпѣвшему.

Особыми законами должны быть опредѣлены необходимыя измѣненія этихъ постановленій для арміи и флота.

§ 139 (§ 9). Смертная казнь отмѣняется за тѣми исключеніями, когда она предписывается военнымъ судомъ или морскимъ правомъ въ случаѣ мятежа; отмѣняется выставленіе у позорнаго столба, клейменіе и тѣлесныя наказанія.

§ 140 (§ 10). Жилище неприкосновенно.

Обыскъ допустимъ:

1. Въ силу судебнаго постановленія съ объясненіемъ причинъ, которое предъявляется обыскиваемому въ моментъ обыска или же по истеченіи 24 часовъ.

2. Въ случаѣ преслѣдованія по свѣжимъ слѣдамъ чиновниками, уполномоченными закономъ.

3. Въ особыхъ случаяхъ, которые законъ допускаетъ въ видѣ исключенія для опредѣленныхъ чиновниковъ и безъ судебнаго приказа.

Обыскъ долженъ быть совершенъ по мѣрѣ возможности въ присутствіи домашнихъ.

Неприкосновенность жилищъ не должна служить препятствіемъ для ареста лица, преслѣдуемаго судомъ.

Конфискація писемъ и бумагъ, не сопровождаемая арестомъ или обыскомъ, можетъ совершиться въ силу судебнаго приказа съ объясненіемъ причинъ; этотъ приказъ долженъ быть предъявленъ немедленно или по истеченіи 24 часовъ.

§ 142 (§ 12). Тайна переписки гарантируется.

Законодательство устанавливаетъ необходимыя ограниченія на случай военнаго времени или уголовнаго слѣдствія.

Статья 4.

§ 143 (§ 13). Свобода слова устнаго, печатнаго и помощью изображеній.

Свобода печати ни въ коемъ случаѣ не должна быть ограничена, пріостановлена или отмѣнена силою предупредительныхъ мѣръ, какъ: цензура, разрѣшеніе, требованіе обезпеченія, государственный налогъ, ограниченіе типографій или книготорговли, почтовое запрещеніе или другія стѣсненія.

Проступки противъ печати, подлежащіе преслѣдованію, разбираются судомъ присяжныхъ.

Имперія издаетъ законъ о печати.

Статья 5.

§ 144 (§ 14). Полная свобода совѣсти и вѣроисповѣданія.

Никто не обязанъ открывать свои религіозныя убѣжденія.

§ 145 (§ 15). Никто не подлежитъ ограниченію въ домашнемъ и общественномъ культѣ своей религіи.

Преступленія и проступки, совершаемые при осуществленіи этой свободы, наказуются закономъ.

§ 146 (§ 16). Религіозное исповѣдываніе не можетъ служить причиной ограниченія или лишенія гражданскихъ и политическихъ правъ. Оно однако не должно вести къ уклоненію отъ гражданскихъ обязанностей по отношенію къ государству.

§ 147 (§ 17). Каждое религіозное общество самостоятельно управляетъ и приводитъ въ порядокъ свои дѣла, но подчиняется общегосударственнымъ законамъ.

Государство не должно оказывать предпочтенія какому-нибудь религіозному обществу; отнынѣ болѣе нѣтъ государственной церкви.

Новообразованныя религіозныя общества не нуждаются въ признаніи государствомъ ихъ исповѣданія.

§ 148 (§ 18). Никто не долженъ быть принуждаемъ къ участію въ церковныхъ обрядахъ.

§ 149 (§ 19). Формула присяги отнынѣ гласитъ: „Свидѣтельствую передъ Богомъ."

§ 150 (§ 20). Гражданско-правовая дѣйствительность брака зависитъ отъ совершенія гражданскаго акта; церковный обрядъ можетъ имѣть мѣсто по совершеніи гражданскаго акта.

Различіе исповѣданій не служитъ препятствіемъ къ гражданскому браку.

§ 151 (§ 21). Метрическія книги ведутся гражданскими властями.

Статья 6.

§ 152 (§ 22). Дѣло обученія и воспитанія находится подъ верховнымъ наблюденіемъ государства и, за исключеніемъ религіознаго обученія, освобождается отъ надзора духовенства.

§ 153 (§ 23). Свобода науки.

§ 154 (§ 24). Каждый нѣмецъ, выдержавшій установленное испытаніе, можетъ открыть учебныя и воспитательныя заведенія, руководить ими и обучать въ нихъ.

Домашнее обученіе не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ.

§ 155 (§ 25). Для образованія нѣмецкаго юношества должны всюду открываться общественныя школы въ достаточномъ количествѣ.

Родители и ихъ замѣстители не должны оставлять безъ обученія своихъ дѣтей или опекаемыхъ безъ установленнаго для низшихъ школъ обученія.

§ 156 (§ 26). Учителя общественныхъ школъ пользуются правами государственной службы.

Государство назначаетъ народныхъ учителей при законномъ участіи общины изъ числа лицъ, выдержавшихъ установленный экзаменъ.

§ 157 (§ 27). За обученіе въ народныхъ и низшихъ ремесленныхъ школахъ плата не взимается.

Несостоятельные обучаются безплатно въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 158 (§ 28). Свобода выбора профессіи и подготовленіе къ ней, какъ и гдѣ кто желаетъ, ничѣмъ не ограничивается.

Статья 7.

§ 159. Всякій нѣмецъ имѣетъ право обращаться съ письменными прошеніями и жалобами къ правительству, къ народнымъ представительствамъ и рейхстагу.

Это право можетъ быть использовано какъ отдѣльными лицами, такъ и корпораціями или же нѣсколькими лицами сообща; въ войскѣ же и военномъ флотѣ лишь въ формахъ, опредѣляемыхъ дисциплинарными предписаніями.

§ 160. Для возбужденія судебнаго преслѣдованія противъ государственнаго чиновника за дѣйствія по службѣ не требуется предварительнаго согласія начальства.

Статья 8.

§ 161 (§ 29). Свобода собраній безъ оружія ничѣмъ не ограничивается; разрѣшеніе администраціи для этого не требуется.

Народныя собранія подъ открытымъ небомъ могутъ быть воспрещены въ случаѣ серьезной опасности для общественнаго порядка и безопасности.

§ 162 (§ 30). Свобода союзовъ.

Это право не можетъ быть ограничено никакими предупредительными мѣрами.

§ 163 (§ 31). Содержащіяся въ §§ 161 и 162 постановленія могутъ быть примѣнены въ войскѣ и военномъ флотѣ, если они не противорѣчатъ военнымъ дисциплинарнымъ предписаніямъ.

Статья 9.

§ 164 (§ 32). Неприкосновенность собственности.

Экспропріація можетъ быть произведена по соображеніямъ общаго блага на основѣ особаго закона и при условіи справедливаго вознагражденія.

Авторская собственность должна охраняться имперскимъ законодательствомъ.

§ 165 (§ 33). Каждый землевладѣлецъ можетъ отчуждать свое помѣстье полностью или частично, какъ при жизни, такъ и на случай смерти. Отдѣльнымъ государствамъ предоставляется содѣйствовать проведенію принципа дѣлимости всего землевладѣнія законами о передвиженіи.

Для выморочной собственности, по соображеніямъ общественнаго блага, въ законодательномъ порядкѣ допустимы ограниченія права пріобрѣтенія недвижимости и распоряженія ею.

§ 166 (§ 34). Крѣпостничество и подданство уничтожаются навсегда.

§ 167 (§ 35). Безъ вознагражденія отмѣняются:

1) родовая подсудность, вотчинная полиція со всѣми вытекающими изъ этихъ правъ полномочіями, привилегіями и пошлинами;

2) личные платежи и повинности, вытекающіе изъ отношеній помѣстныхъ и патронатства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаются отъ платежей и повинностей, связанныхъ съ этимъ правомъ, тѣ лица, которыя владѣли этимъ правомъ.

§ 168 (§ 36). Связанные съ землей платежи и повинности, въ частности десятины, подлежатъ выкупу:

законодательствомъ отдѣльныхъ государствъ опредѣляются способы выкупа.

Впредь ни одинъ участокъ земли не долженъ облагаться платежами или повинностями, не подлежащими выкупу.

§ 169 (§ 37). Землевладѣніе даетъ право охоты на своей собственной землѣ.

Отмѣняется безвозмездно право охоты на чужой землѣ, охотничья служба, охотничья барщина и другія повинности, связанныя съ охотой.

Тѣ права на охоту, относительно которыхъ доказано, что они пріобрѣтены обязательнымъ договоромъ съ собственникомъ участка земли, на которомъ лежитъ обязательство, подлежатъ выкупу; условія выкупа опредѣляются законодательствомъ отдѣльнаго государства.

Законодательству отдѣльныхъ государствъ предоставляется урегулировать право охоты по соображеніямъ общественной безопасности и общаго блага.

Право охоты на чужой землѣ не должно въ будущемъ представлять привилегій, связанныхъ съ землевладѣніемъ.

§ 170 (§ 38). Семейные фидеикоммиссы должны быть уничтожены. Способъ и условія уничтоженія ихъ опредѣляется законодательствомъ каждаго изъ отдѣльныхъ государствъ.

Имперское законодательство опредѣляетъ семейные фидеикоммиссы правящихъ монаршихъ домовъ.

§ 171 (§ 39) Всѣ ленныя отношенія уничтожаются. Законодательство отдѣльныхъ государствъ опредѣляетъ способы ихъ отмѣны.

§ 172 (§ 40). Конфискація имущества въ видѣ наказанія не должна имѣть мѣста.

§ 173. Система обложенія должна быть организована при томъ условіи, что отнынѣ не существуетъ болѣе никакихъ привилегій для отдѣльныхъ сословныхъ, государственныхъ и общинныхъ имуществъ.

Статья 10.

§ 174 (§ 41). Судебная власть принадлежитъ государству. Родовые суды уничтожаются.

§ 175 (§ 42.) Судебная власть самостоятельно осуществляется судами. Юстиція кабинета и министровъ не допустима. Никто не можетъ быть изъятъ изъ вѣдѣнія своего законнаго судьи. Исключительные суды не должны имѣть мѣста.

§ 176 (§ 43.) Всѣ равны предъ судомъ.

Подсудность военнымъ судамъ ограничивается дѣлами о воинскихъ преступленіяхъ и проступкахъ, о нарушеніи военной дисциплины; для военнаго времени должны быть изданы особыя постановленія.

§ 177 (§ 44). Судья можетъ быть отстраненъ отъ своей должности лишь по судебному приговору, но можетъ быть переведенъ на низшую должность и на низшій окладъ. Отрѣшеніе отъ должности должно состояться по приговору суда. Судья можетъ быть переведенъ съ одного мѣста на другое или получить отставку вопреки своему желанію лишь по приговору суда, въ установленныхъ закономъ случаяхъ.

§ 178 (§ 45). Судопроизводство должно быть гласнымъ и устнымъ. Негласный судъ допускается въ видѣ исключенія лишь въ интересахъ нравственности.

§ 179 (§ 46). Въ дѣлахъ о преступленіяхъ ведется уголовный процессъ. Суды присяжныхъ выносятъ приговоръ по болѣе тяжкимъ уголовнымъ дѣламъ и по всѣмъ политическимъ проступкамъ.

§ 180 (§ 47). Гражданское судопроизводство въ дѣлахъ, требующихъ особой профессіональной опытности, должно производиться компетентными судьями, свободно избранными своими товарищами по профессіи, или при участіи такихъ судей.

§ 181 (§ 48). Судебная власть и администрація должны быть отдѣлены и независимы другъ отъ друга.

Конфликты между административными и судебными властями въ отдѣльныхъ государствахъ по вопросу о компетенціи разрѣшаются судебной палатой, которая имѣетъ быть установлена закономъ.

§ 182 (§ 49). Административное судопроизводство отмѣняется; всѣ нарушенія права подлежатъ судебному разбирательству.

Полиціи не предоставляется юрисдикціи ни въ какихъ дѣлахъ.

§ 183 (§ 50). Вошедшіе въ законную силу приговоры германскихъ судовъ одинаково дѣйствительны и одинаково подлежатъ исполненію во всѣхъ германскихъ земляхъ.

Имперскій законъ опредѣляетъ подробности.

Статья 11.

§ 184. Каждая община въ видѣ общаго правила имѣетъ право:

a) избирать старшинъ и представителей;

b) управлять, подъ законнымъ верховнымъ наблюденіемъ государства, своими общинными дѣлами, включая и мѣстную полицію;

c) опубликовывать свой общинный бюджетъ.

d) публичность преній является общимъ правиломъ.

§ 185. Земля принадлежитъ общинѣ.

Закономъ страны опредѣляются ограниченія въ пользованіи лѣсомъ и пустошью.

Статья 12.

§ 186. Каждое нѣмецкое государство имѣетъ конституцію съ народнымъ представительствомъ.

Министры отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ.

§ 187. Народное представительство имѣетъ рѣшающій голосъ при изданіи законовъ, обложеніи податью и въ дѣлѣ утвержденія годичнаго бюджета; представительство имѣетъ право инціативы въ законодательной дѣятельности и представлять на засѣданіе каждой изъ палатъ труды, адресы и жалобы на министровъ.

Сессіи ландтага публичны.

Статья 13.

§ 188. Народности Германіи, не говорящія по-нѣмецки, имѣютъ право на національное самоопредѣленіе, а именно: обученіе, церковныя дѣла, внутреннее управленіе и судопроизводство ведется на родномъ языкѣ.

Статья 14.

§ 189. Всякій гражданинъ имперіи находится за границей подъ охраной имперіи

ОТДѢЛЪ VII.

Гарантія конституціи.

Статья 1.

§ 190. При всякой перемѣнѣ въ правительствѣ рейхстагъ, если онъ уже не собранъ, собирается безъ созыва въ томъ составѣ, какъ онъ былъ въ послѣдній разъ. Императоръ, вступающій въ правленіе, присягаетъ имперской конституціи въ присутствіи соединенныхъ обѣихъ палатъ рейхстага.

Присяга гласитъ: „Клянусь: имперію и права нѣмецкаго народа охранять, имперскую конституцію точно соблюдать и добросовѣстно ее исполнять. Да поможетъ мнѣ Богъ".

Лишь послѣ присяги императоръ имѣетъ право исполнять правительственныя функціи.

§ 191. Имперскіе чиновники, при поступленіи на должность, должны присягать имперской конституціи. Порядокъ установитъ имперскій уставъ о службѣ.

§ 192. Относительно отвѣтственности имперскихъ министровъ долженъ послѣдовать имперскій законъ.

§ 193. Присяга имперской конституціи въ отдѣльныхъ государствахъ соединяется съ присягой этимъ государствамъ и предшествуетъ ей.

Статья 2.

§ 194. Ни одно опредѣленіе въ конституціи или въ законахъ отдѣльнаго государства не должно стоять въ противорѣчіи съ имперской конституціей.

§ 195. Перемѣна въ формѣ правленія отдѣльнаго государства можетъ наступить лишь съ утвержденія имперской власти. Это утвержденіе должно даваться въ формахъ, предусмотрѣнныхъ объ измѣненіи имперской конституціи.

Статья 3.

§ 196. Измѣненія въ имперской конституціи могутъ быть произведены лишь рѣшеніемъ обѣихъ палатъ и съ согласія главы имперіи. Для такого рѣшенія требуется отъ каждой изъ обѣихъ палатъ:

1) присутствіе по меньшей мѣрѣ двухъ третей всѣхъ членовъ;

2) два голосованія, отдѣленныя другъ отъ друга промежуткомъ времени по меньшей мѣрѣ въ 8 дней;

3) большинство при каждомъ голосованіи по меньшей мѣрѣ въ двѣ трети всѣхъ присутствующихъ членовъ каждой изъ отдѣльныхъ палатъ.

Согласія главы государства не требуется, если въ трехъ непосредственно слѣдующихъ обыкновенныхъ сессіяхъ рейхстагомъ принято безъ измѣненія одно и то же постановленіе. Обыкновенная сессія, продолжавшаяся менѣе четырехъ недѣль, въ счетъ не принимается.

Статья 4.

§ 197. Въ случаѣ войны или возстанія имперское правительство или правительство отдѣльнаго государства могутъ пріостановить дѣйствіе постановленій основныхъ правъ относительно арестовъ, домашнихъ обысковъ и права собраній, соблюдая, однако, слѣдующія условія:

1) въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ распоряженіе должно исходить отъ всего министерства имперіи или отдѣльнаго государства;

2) если въ это время засѣдаютъ сессіи рейхстага или ландтага, то министерства имперіи или отдѣльнаго государства испрашиваютъ у нихъ на это согласіе. Если они не собраны, то распоряженіе не можетъ продолжаться дольше 14 дней, если за это время они не созваны и принятыя мѣры ими не утверждены.

Подробности объ этомъ установитъ имперскій законъ.

Для объявленія осаднаго положенія въ крѣпостяхъ остаются въ силѣ существующія предписанія закона.

Въ удостовѣреніе:

Франкфуртъ на Майнѣ, 28 марта 1849 г.

(Слѣдуютъ подписи депутатовъ національнаго собранія).

II.

ЗАКОНЪ ОТНОСИТЕЛЬНО ВЫБОРОВЪ ВЪ НАРОДНУЮ ПАЛАТУ.

(Отпечатано съ имперскаго постановленія закона № 13).

Уполномоченный отъ имперіи, во исполненіе рѣшенія имперскаго собранія отъ 27 марта 1849 г., провозглашаетъ какъ законъ:

Имперскій законъ

относительно выборовъ депутатовъ въ народную палату.

Статья 1.

§ 1. Избирателемъ считается всякій неопороченный нѣмецъ, достигшій 25 лѣтъ.

§ 2. Изъ имѣющихъ право выбирать исключены:

1) лица, состоящія подъ опекой или попечительствомъ;

2) лица, надъ имуществомъ которыхъ судомъ назначенъ конкурсъ или состояніе банкротства, и только на время конкурса и состоянія банкротства;

3) лица, получающія отъ государства или изъ общинныхъ средствъ вспомоществованіе на бѣдность, или получавшія таковое въ послѣдній годъ, предшествовавшій выборамъ.

§ 3. Опороченными, а слѣдовательно исключенными изъ имѣющихъ право выбирать, должны считаться:

лица, которыя по вступившему въ законную силу приговору по законамъ отдѣльнаго государства, гдѣ онъ состоялся, непосредственно или посредственно лишены гражданскихъ правъ, поскольку они снова не возстановлены въ этихъ правахъ.

§ 4. Помимо другихъ лишеній, всякій, кто при выборахъ покупаетъ голоса, продаетъ свой голосъ, или болѣе одного раза подаетъ свой голосъ при тѣхъ же выборахъ, назначенныхъ для опредѣленной цѣли, или вообще пользуется незаконными средствами для воздѣйствія на выборы, лишается избирательнаго права на срокъ отъ 4 до 12 лѣтъ.

Стат 2.

§ 5. Правомъ быть избраннымъ въ депутаты народной палаты пользуется всякій, имѣющій право выбирать и достигшій 25 лѣтъ нѣмецъ, не менѣе трехъ лѣтъ причисляющійся къ какому-нибудь нѣмецкому государству.

Отбытыя или черезъ помилованіе отмѣненныя политическія преступленія не лишаютъ избпрательнаго права въ народную палату.

§ 6. Лица, состоящія на общественной службѣ не нуждаются въ какомъ-либо разрѣшеніи при вступленіи въ народную палату.

Статья 3.

§ 7. Въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ должно образовать избпрательные округа по 100,000 населенія, считая по послѣдней народной переписи.

§ 8. Если въ какомъ-нибудь отдѣльномъ государствѣ при образованіи избпрательныхъ округовъ получится излишекъ по менѣе, чѣмъ въ 50,000 населенія, то для него долженъ быть образованъ отдѣльный избирательный округъ.

Излишекъ меньшій, чѣмъ въ 50,000 населенія соотвѣтственно распредѣляется между другими округами отдѣльнаго государства.

§ 9. Маленькія государства съ населеніемъ не менѣе, чѣмъ въ 50,000 душъ образуютъ отдѣльный избирательный округъ.

Къ нимъ приравнивается городъ Любекъ.

Тѣ государства, населеніе которыхъ меньше 50,000 душъ соединяются съ другими государствами, сообразно имперской избпрательной росписи, (Приложеніе А.) для образованія избирательныхъ округовъ.

§ 10. Избпрательные округа въ цѣляхъ удобной подачи голосовъ подраздѣляются на мелкіе избирательные участки.

Статья 4.

§ 11. Кто желаетъ использовать избпрательное право въ какомъ-нибудь участкѣ, тотъ долженъ имѣть въ немъ ко времени выборовъ постоянное жительство. Каждый можетъ избирать лишь въ одномъ мѣстѣ.

Мѣстопребываніе солдатъ и военныхъ лицъ считается мѣстомъ жительства, дающимъ право участія въ выборахъ, если таковое не измѣнялось въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуетъ ополченіе, для него дѣлается то исключеніе, что обязанные къ службѣ въ немъ, состоящіе во время выборовъ на дѣйствительной службѣ, избираютъ въ мѣстѣ своего пребыванія, вмѣсто своего родного округа.

§ 12. Въ каждомъ участкѣ въ интересахъ выборовъ должны быть составлены списки, въ которые вносятся лица, имѣющія право участія въ выборахъ — ихъ фамилія, имя, возрастъ, ремесло и мѣстожительство. Эти списки должны быть, не позже чѣмъ за четыре недѣли до дня, опредѣленнаго для общихъ выборовъ, предоставляемы каждому желающему на просмотръ и открыто опубликованы.

Возраженія противъ списковъ дѣлаются въ теченіе 8 дней послѣ опубликованія въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя его опубликовали. Только тѣ имѣютъ право принимать участіе въ выборахъ, кто внесенъ въ списки.

Статья 5.

§ 13. Производство выборовъ публично; къ нему привлекаются члены общины, не занимающіе никакой государственной или общественной должности. Избирательное право осуществляется избирателями лично посредствомъ избирательныхъ бюллетеней безъ подписи.

§ 14. Выборы прямые. Избраніе достигается абсолютнымъ большинствомъ всѣхъ поданныхъ въ избирательномъ участкѣ голосовъ. Если при выборахъ не достигнуто абсолютнаго большинства, назначаются вторичные выборы. Если и при вторичныхъ выборахъ не будетъ достигнуто абсолютнаго большинства голосовъ, то въ третій разъ выбираютъ лишь между двумя делегатами, получившими при вторичныхъ выборахъ наибольшее количество голосовъ.

При равенствѣ голосовъ рѣшаетъ жребій.

§ 15. Замѣстителей депутатами не избираютъ.

§ 16. Выборы на всемъ протяженіи имперіи производятся въ одинъ и тотъ же день, назначаемый имперскимъ правительствомъ. Выборы, которые окажутся необходимыми позже, назначаются правительствами отдѣльныхъ государствъ.

§ 17. Избирательные округа и избирательные участки, завѣдываніе выборами и производство выборовъ, поскольку это не установлено закономъ имперской власти или пока еще будетъ установлено ея распоряженіями, опредѣляются правительствами отдѣльныхъ государствъ.

Приложеніе А.

Имперская избирательная роспись.

Въ цѣляхъ выборовъ депутатовъ въ палату народа соединяются. 1) Лихтенштейнъ съ Австріей; 2) Гессенъ-Гомбургъ съ великимъ герцогствомъ Гессенскимъ;—гессенъ-гомбургскій оберъ-амтъ Мейзенгеймъ на лѣвомъ берегу Рейна съ Рейнской Баваріей; 3) Шаумбургъ-Липпе съ Гессенъ-Касселемъ; 4) Гогенцоллернъ-Геккингенъ съ Гогенцоллернъ-Зигмарингеномъ; 5) Рейссъ старшей линіи съ Рейссомъ младшей линіи; 6) Ангальтъ-Кетенъ съ Ангальтъ-Бернбургомъ; 7) Лауэнбургъ съ Шлезвигъ-Голштиніей; 8) лежащая на лѣвой сторонѣ Рейна часть великаго герцогства Ольденбургскаго съ Рейнской Пруссіей; 9) Пирмонтъ съ Пруссіей.

Франкфуртъ, 12 апрѣля 1849 г.

Правитель государства

эрцгерцогъ Іоганнъ.

Временные имперскіе министры:

Г. Гагернъ, Ф. Пэкэръ, Ф. Беккератъ, Дуквицъ и Р. Моль.

III.

ЗАКОНЪ

относительно суточныхъ и проѣздныхъ денегъ депутатамъ рейхстага

(Отпечатано съ имперской официальной газеты, № 13).

Имперскій правитель, выполняя рѣшенія имперскаго собранія отъ 27 марта 1849 года, провозглашаетъ какъ законъ:

ИМПЕРСКІЙ ЗАКОНЪ

относительно суточныхъ и проѣздныхъ денегъ депутатамъ рейхстага.

Члены палаты государствъ и палаты народовъ получаютъ суточныхъ 7 гульденовъ и путевыя издержки по 1 гульдену съ каждой мили какъ туда, такъ и обратно и пользуются безплатной пересылкой и полученіемъ корреспонденціи и печатныхъ произведеній.

Франкфуртъ, 12 апрѣля 1849 г.

Имперскій правитель
эрцгерцогъ Іоганнъ.

IV.

Военные суды въ Баденѣ.

Приводимъ текстъ нѣкоторыхъ приговоровъ военныхъ судовъ, въ видѣ „Извѣщеній“, какъ они были большею частью опубликованы. Стиль и духъ этихъ прокламацій одинаково характерны для того, какъ побѣдители обрушивались на побѣжденныхъ. Особенно интересно, какъ генералъ Гиршфельдъ сожалѣлъ, что Кинкель не убитъ, какъ этого желала „Крестовая Газета“. Замѣчательное помилованіе осужденнаго къ пожизненной каторжной тюрьмѣ не могло удовлетворить этого генерала, который, между прочимъ, считаетъ „утрату національной кокарды“ очень важнымъ дѣломъ.

1.

Извѣщеніе: Іоганнъ-Людвигъ-Максимиліанъ Дарту изъ Потсдама, бывшій сверхштатный королевско-прусскій чиновникъ и унтеръ-офицеръ 24 ополченскаго полка, прибылъ въ эту страну по случаю государственнаго переворота, происшедшаго въ маѣ сего года и, при вступленіи королевско-прусской арміи, съ оружіемъ въ рукахъ враждебно противосталъ полкамъ своего собственнаго законнаго государя и военачальника, противъ своихъ земляковъ и собственныхъ братьевъ по оружію. А потому 11-го іюля послѣдній былъ преданъ военному суду по обвиненію въ военной измѣнѣ. Вынесенный вчера судомъ приговоръ утвержденъ мною въ такой формѣ, что обвиняемый въ военной измѣнѣ подлежитъ смертной казни черезъ разстрѣляніе, разжалованію въ нижніе чины, пониженію во второй классъ солдатскаго званія и лишенію національной кокарды. Этотъ утвержденный приговоръ приведенъ въ исполненіе надъ осужденнымъ сегодня утромъ въ 4 часа близъ Вирскаго кладбища, о чемъ доводится до общаго свѣдѣнія.

Главный штабъ. Фрейбургъ. 31 іюля 1849 г.

Командующій первымъ армейскимъ корпусомъ королевско-прусской арміи, оперирующей на Рейнѣ, *генералъ фонъ-Гиршфельдъ*.

2.

Фридрихъ Неффъ изъ Рюмингена въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, 28 лѣтъ отъ роду, холостой, своими сочиненіями и дѣлами, принималъ участіе въ прежнихъ государственно-измѣнническихъ предпріятіяхъ, а именно: въ предпринятомъ Струве въ сентябрѣ прошлаго года государственномъ переворотѣ и выдѣлялся при ограбленіи государственныхъ кассъ и других преступленіяхъ. За участіе въ третьемъ государственно-измѣнническомъ предпріятіи въ маѣ сего года былъ преданъ здѣшнему военному суду, по распоряженію велико-герцогскаго военнаго министерства. Его главное преступленіе, главнымъ образомъ, заключалось въ томъ, что онъ призвалъ заграничныхъ эмигрантовъ-нѣмцевъ въ великое герцогство для поддержки революціи, организовалъ ихъ и, вооружившись, совершилъ съ ними военный походъ, въ качествѣ военнаго комиссара, черезъ Гейдельбергъ, Шенау, Геддесбахъ въ Дурлахъ и Раштаттъ. По послѣдовавшему военно-судебному разбирательству, военный судъ, въ публичномъ засѣданіи отъ 8 августа сего года, призналъ Фридриха Неффа, изъ Рюмингена, иниціаторомъ и участникомъ вспыхнувшаго въ маѣ сего года въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ государственно-измѣнническаго мятежа и приговорилъ его къ смертной казни черезъ растрѣляніе. Этотъ приговоръ приведенъ въ исполненіе передъ городскими воротами сегодня утромъ, въ 4 часа утра.

Фрейбургъ, 9 августа 1849 года.

Майоръ и командиръ 8 егерскаго батальона, презусъ военнаго суда *Бахелинъ, судебный слѣдователь.*

3.

Карлъ Гёферъ, родившійся въ Бременѣ Герлахсгеймскаго округа, учитель народной школы въ Альтнейдорфѣ, добровольно принялъ участіе, какъ главарь первой дружины, при послѣднемъ возстаніи при Альтнейдорфѣ, Геддесбахѣ, Бромбахѣ и окрестныхъ мѣстахъ. Въ особенности онъ соединилъ эту дружину съ инсургентами и вечеромъ 21 іюня повелъ ихъ къ Гейлигенбергу (близъ Гейдельберга) противъ королевско-прусскихъ войскъ, разыскивалъ ихъ и когда она, чуя близко надвигающуюся опасность, хотѣла отступить, пытался рѣчью воспламенить ее къ наступленію и, при посредствѣ инсургентовъ, которыхъ онъ поставилъ въ тылу, съ приказаніемъ разстрѣливать отступающихъ, принудилъ ее къ битвѣ и далъ упомянутымъ войскамъ сраженіе, въ которомъ два человѣка изъ его дружины были ранены и одинъ убитъ. Поэтому Карлъ Гёферъ, послѣ публичнаго и гласнаго разбирательства, по приговору военнаго суда, признанъ вчера виновнымъ въ сопротивленіи вооруженной силѣ, а также въ призывѣ къ этому и приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе въ тотъ же день, въ $7^3/_4$ часовъ вечера.

Маннгеймъ, 17 августа 1849 года.

Отъ имени слѣдственной комиссіи военнаго суда,

фонъ-Гиллернъ.

4.

Извѣщеніе. Бывшій профессоръ и ополченецъ въ рядахъ инсургентовъ Іоганнъ-Готфридъ Кинкель, изъ Бонна, былъ приговоренъ засѣданіемъ военнаго суда въ Раштаттѣ къ лишенію прусской національной кокарды и вмѣсто смерти—только къ пожизненному заключенію въ крѣпости за то, что съ оружіемъ въ рукахъ сражался въ рядахъ баденскихъ инсургентовъ противъ прусскихъ войскъ. Для провѣрки законности этотъ приговоръ былъ отправленъ мною королевскому генеральному авдиторіату; какъ противозаконный, послѣднимъ представленъ его величеству королю для отмѣны. Ихъ величество, изъ милости, изволилъ, однако, утвердить приговоръ, приказавъ, чтобы Кинкель назначенное ему заключеніе въ крѣпости отбылъ въ гражданской тюрьмѣ. Согласно этому высочайшему повелѣнію, приговоръ военнаго суда утверждается мною въ такомъ видѣ: за военную измѣну Кинкель приговаривается къ лишенію прусской національной кокарды и заключенію пожизненно въ крѣпость, которое надлежитъ отбыть въ гражданской уголовной тюрьмѣ, а для приведенія приговора въ исполненіе предписываю помѣстить осужденнаго въ каторжную тюрьму, о чемъ симъ доводится до общаго свѣдѣнія.

Фрейбургъ, 30 сентября 1849 года.

Командующій перваго армейскаго корпуса дѣйствующей на Рейнѣ королевско-прусской арміи *генералъ фонъ-Гиршфельдъ*.

V.

Примѣчаніе къ картинѣ: „Лагерь въ Балтерсвайлѣ“.

Офицеръ на лошади посрединѣ — это молодой военачальникъ Зигель; вопросительно обращающійся къ нему — это храбрый майоръ лейбъ-гвардіи Келеръ, который при Ваггейзелѣ своими пушками прикрывалъ отступленіе революціонной арміи и отличившійся при Раштаттѣ у Муггенстурма. Направо около Келера—полковникъ Фуксъ, а налѣво—пѣшій военный комиссаръ и оцѣнщикъ, потомъ трубачи Зигеля, а за нимъ, на лошади, подполковникъ Зингеръ, который при стычкѣ у Ваггейзеля выпустилъ первый пушечный выстрѣлъ. Затѣмъ Генрихъ Виндвартъ изъ Мюнхена, участникъ дрезденскаго возстанія и другъ Роберта Блюма (по разъясненію Зигеля).

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Письмо генерала Франца Зигеля къ автору.

Относительно возстанія баденскихъ республиканцевъ въ апрѣлѣ 1848 года, такъ называемаго движенія Геккера, авторъ получилъ въ высшей степени интересное письмо отъ живущаго въ Нью-Іоркѣ генерала Зигеля.

Письмо это, къ сожалѣнію, не могло быть использовано для настоящаго произведенія, рисующаго движеніе Геккера, а потому оно помѣщается въ видѣ прибавленія. Описаніе Зигеля, самаго выдающагося военнаго участника, бросаетъ совсѣмъ новый свѣтъ на ходъ и возникновеніе этого движенія.

Генералъ Зигель отъ 22 мая 1892 года пишетъ изъ Нью-Іорка

„Что касается движенія 1848 года, то я былъ противъ тогдашней каторжной системы въ регулярныхъ арміяхъ. Писалъ и говорилъ противъ нея и послѣ нѣсколькихъ личныхъ столкновеній вышелъ въ отставку, (Зигель былъ въ 1848 году лейтенантомъ баденской службы, онъ родился въ 1824 году въ Зинсгеймѣ) и началъ готовиться въ университетъ, для изученія юридическихъ наукъ. Французская февральская революція всколыхнула меня; я былъ отозванъ въ Маннгеймъ и организовалъ тамъ батальонъ добровольцевъ, такъ называемый отрядъ косарей, который былъ вооруженъ наполовину ружьями, наполовину косами, такъ какъ у насъ не было достаточно оружія. Послѣ большого народнаго собранія въ Оффенбургѣ, я былъ приглашенъ комитетомъ одного морского корпуса принять на себя военную организацію округа, на что я и согласился. Еще раньше, по дорогѣ моего слѣдованія въ Маннгеймъ, предложилъ я въ Гейдельбергѣ, извѣстному Іюліусу Фребелю, планъ народнаго вооруженія, который и былъ опубликованъ въ одной Гейдельбергской газетѣ. Тогда шла рѣчь объ единомъ германскомъ парламентѣ, и этотъ вопросъ обсуждался всѣми. Идея, которая меня воодушевляла и за которую я взялся, была—создать народную армію, которая могла бы защищать и бороться за парламентъ—этотъ суверенитетъ всего германскаго народа. Я отправился въ приморскій округъ, и нашелъ тамъ народъ готовымъ постоять за нее. Въ теченіе какой-нибудь недѣли уже въ одномъ Констанцѣ сами сорганизовались 400 человѣкъ, и 1000 человѣкъ, хотя и плохо вооруженныхъ, стояли наготовѣ; если бы еще 2 или 3 недѣли мы имѣли бы по меньшей мѣрѣ 4 — 5000 организованныхъ людей. По своему сознанію съ нами были: горная часть Вюртемберга, точно также Гогенцоллернъ-Сигмариненъ, откуда Гофштеттеръ (бывшій сигмаринскій офицеръ, въ 1849 году сражался въ Римѣ въ войскахъ Гарибальди, позже поступилъ на службу въ Швейцарію) хотѣлъ присоединить къ намъ 1000 человѣкъ регулярнаго войска. Все приняло хорошій оборотъ. Но спустя недѣлю неожиданно появились въ Констанцѣ Геккеръ и Струве, съ ними Виллихъ, Долль, Брунъ и Шенгеръ, чтобы совершить инсургентскій походъ и съ самаго послѣдняго уголка Германіи добыть германскую республику

Лучшіе люди центральнаго комитета, которые сами были республи-

кански настроены, воспротивились чрезмѣрной поспѣшности предпріятія, и я самъ дѣлалъ все возможное, чтобы склонить Геккера отказаться отъ своего плана. Республика была объявлена. Геккеръ пламенной рѣчью склонилъ большинство народнаго собранія на свою сторону, и походъ былъ начатъ. Но изъ 400 человѣкъ изъ Констанца, явилось только 57, и я былъ однимъ изъ этихъ. Послѣ того, что произошло, я считалъ этотъ пріозерный округъ потеряннымъ, такъ какъ Баварія, Вюртембергъ и сама Австрія были уже на границѣ, готовыя вступить въ него. До этого они бы на это не рѣшились. Революціонный актъ далъ имъ сразу къ этому поводъ. Я отправился по приказанію Геккера изъ Штокаха, гдѣ онъ едва собралъ 300 человѣкъ, обратно въ Констанцъ и на завтра послѣдовалъ за нимъ съ 150-ью людями и 2-мя пушками. По прошествіи 5 дней съ 3500 человѣкъ, раздѣленными на 4 баталіона мушкатеровъ и стрѣлковъ, и однимъ баталіономъ косцовъ, вступилъ я въ Шадтнау, опредѣленное сборное мѣсто, откуда предполагалось сдѣлать нападеніе на Фрейбургъ. Роковая случайность заставила Геккера и Виллиха отправиться раньше въ Рейнскую долину и быть тамъ, при Кандернѣ, разбитыми; точно также случилось и съ другой колонной. Такимъ образомъ, я остался одинъ и далъ сраженіе при Гюнтерсталѣ и передъ Фрейбургомъ... Событія въ самомъ Фрейбургѣ и за городомъ я считаю всѣмъ извѣстными.

Я коснулся отдѣльныхъ подробностей потому, что я того убѣжденія, что всѣ эти событія никогда не получали правильнаго изложенія. Ошибоченъ тотъ взглядъ, что въ пріозерномъ округѣ ничего не произошло, но Геккеръ и Струве ошибались въ своихъ ожиданіяхъ, когда въ открытыхъ собраніяхъ говорилось: народъ, какъ одинъ человѣкъ, поднимется на зовъ своихъ вождей и, что въ округѣ уже 40 — 80 тысячъ человѣкъ готовы выступить въ поле. Кто могъ разсчитывать, что морской округъ, который тогда насчитывалъ 200 тысячъ жителей, въ нѣсколько дней или недѣлю, выставитъ 40—80 тысячъ человѣкъ? Кто можетъ и хочетъ считать, долженъ все-таки знать это, и не долженъ полагаться на неизвѣстно откуда взятыя извѣстія... Такъ называемый Геккерскій инсургентскій походъ былъ вѣрнѣе личнымъ дѣломъ, чѣмъ дѣломъ, оправдываемымъ обстоятельствами. По всей вѣроятности, вслѣдствіе преувеличенныхъ извѣстій, Струве натолкнулъ своего пылкаго друга Геккера на это".

Зигель объясняетъ поспѣшное и роковое нападеніе подъ Фрейбургомъ точно такъ, какъ оно представлено нами. За поправки же въ остальномъ, которыя будутъ сдѣланы благодаря письму Зигеля, мы считаемъ себя обязанными благодарить храбраго предводителя войскъ въ сѣверо-американской гражданской войнѣ, побѣдителя при Пеа-Ридже.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

ИЗДАНІЯ О. Н. ПОПОВОЙ

Общественно-экономическія науки.

Блондель, Ж. *Торгово-промышленный подъемъ Германіи.* Пер. подъ ред. М. Туганъ-Барановскаго. Съ прил. статьи Г. А. Чернявскаго: „Промышленная перепись Германіи“. Ц. 1 р. 50 к.

Бэмъ-Баверкъ, Е. *Основы теоріи цѣнности хозяйственныхъ благъ.* Пер. съ нѣм. А. Санина. Ц. 1 р. 50 к.

Бюхеръ, К. *Работа и ритмъ.* Перев. съ нѣм. И. М. Ивановой, подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Съ предисловіемъ автора. Ц. 60 к.

Веббъ С. и Б. *Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма.* Пер. Влад. Ильина, подъ ред. П. Струве. Томъ I.—2 р. 50 к.—Томъ II. Ц. 2 р 50 к.

Вольтманъ, Людвигъ. *Политическая антропологія.* Изслѣдованіе о вліяніи эволюціонной теоріи на ученіе о политическомъ развитіи народовъ. Переводъ съ нѣм. Г. Оршанскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Гиббинсъ, Г. *Промышленная исторія Англіи.* Пер. А. Каменскаго. 2-е изд Ц. 80 к.

Гиббинсъ, Г. *Очеркъ исторіи англійской торговли и колоніи.* Пер. съ англ. А. В. Каменскаго Ц. 50 к.

Гиггсъ, Г. *Физіократы.* Французскіе экономисты XVIII в. Шесть лекцій по исторіи полит. экономіи (читаны въ Лондонской экономической школѣ). Пер. съ англ. О. Ю. Гофманъ подъ ред. П. Б. Струве. (Обр. Библ., сер. II, № 6). Ц. 50 к.

Гобсонъ, Дж. *Эволюція современнаго капитализма.* Пер. съ англ., съ предисловіемъ автора, написаннымъ для русскаго изданія. Ц. 1 р. 50 к.

Гобсонъ, Дж. *Проблемы бѣдности и безработицы.* Пер. съ англ. подъ ред. Л. Зака и С. Франка. Съ приложеніемъ статьи П. Струве о безработицѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Гумпловичъ, Л., проф. Грацкаго университета. *Основы соціологіи.* Пер. подъ редакціей прив.-доц. В. М. Гессена. (Обр. Библ., сер. II, № 9—10). Ц. 1 р. 30 к.

Зомбартъ, Вернеръ. *Очерки по исторіи промышленнаго развитія Германіи.* Переводъ съ нѣм. Ѳ. Капелюша.

Часть I. Германія наканунѣ экономическаго переворота. (Образ. Библ., сер. III, № 2). Ц 60 к.

Часть II. Проникновеніе промышленнаго капитализма въ область докапиталистическаго ремесла. (Образ. Библ., сер. IV, №№ 5 и 6). Ц. 1 р.

Карышевъ Н. *Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ.* (Образ. Библ., серія I. №№ 4—5). Ц. 1 р. 20 к.

Киддъ, Бенжаменъ. *Соціальная эволюція.* Съ предисловіями Н. К. Михайловскаго и профессора Вейсмана. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 25 к.

Кнаппъ, Г. Ф. *Освобожденіе крестьянъ и образованіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ старыхъ провинціяхъ Прусской монархіи.* Перев. съ нѣм. Л. И. Зака. Ц. 1 р. 25 к.

Кольбъ. *Какъ я былъ рабочимъ въ Америкѣ.* Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія Вс. Кожевникова и С. Керженера. Ц. 50 к.

Лафаргъ. П. *Американскіе трёсты.* Ихъ экономическая, соціальная и политическая роль. Переводъ И. М. Биллика подъ редакціей проф. И. Я. Желѣзнова. (Образов. библ. серія 6-ая, № 4). 2-е изд. Ц. 20 к.

Летурно, Ш. *Соціологія, основанная на этнографіи.* Перев. съ послѣд. франц. изданія. Вып. I. Съ 40 рис. Ц. 60 к. Вып. , Съ 61 рис. Ц. 1 р. Вып. III. Съ 39 рис. Ц. 90 к.

Летурно, Ш. *Эволюція торговли.* Перев. съ франц. Ѳ. Капелюша. Ц. 2 р.

Марксъ, Карлъ. *Капиталъ.* Критика политической экономіи. Томъ I. Процессъ производства капитала. Пер. съ 4-го нѣм. изд., провѣреннаго Фридрихомъ Энгельсомъ, подъ ред. П. Струве. Ц. 2 р. 50 к.

Менгеръ, Антонъ. *Новое ученіе о государствѣ.* Перев. съ 2-го изд. Л. Жбанкова. (Образ. библ., серія VI, №№ 7 и 8). Ц. 1 р.

Нитти, Ф. *Народонаселеніе и общественный строй.* Пер. съ франц. О. Н. Поповой, подъ редакціей Д. Коропчевскаго. Ц. 1 р. 25 к.

Раббено, Уго. *Аграрный вопросъ въ австрійскихъ колоніяхъ.* Пер. съ итальянскаго А. Ульяновой. Ц. 2 р.

Де-Рузье, Поль (въ сотрудничествѣ съ Карбонелемъ, Фести, Флери и Вилельмомъ). *Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи.* Пер. съ франц., подъ ред. и съ предисл. П. Струве. Ц. 1 р. 50 к.

Скворцовъ, А, проф. *Основанія политической экономіи.* Ц. 2 р. 50 к.

Туганъ-Барановскій, М. *Промышленные кризисы.* Очеркъ изъ соціальной исторіи Англіи. 2-е совершенно переработанное изданіе. Ц. 2 р. 25 к.

Туганъ-Барановскій. *Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ.* Историко-экономическое изслѣдованіе. Томъ I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ. 2-е, значительно дополненное изд. Ц. 3 р. 50 к.

II. Юридическія науки.

Гольцевъ, В. *Законодательство и нравы въ Россіи въ XVIII в.* Ц. 1 р. 25 к.

Гуго, К. *Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи.* Пер. съ нѣм., подъ ред. Д. Протопопова. Ц. 1 р. 50 к.

Дружининъ, Н. П. *Русское государственное гражданское и уголовное право въ популярномъ изложеніи.* Ц. 1 р.

Сборникъ по общественно-юридическимъ наукамъ. Выпускъ первый. Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова. Ц. 1 р.

Эсменъ, А. *Общія основанія конституціоннаго права.* Пер. съ фр., подъ ред. В. Дерюжинскаго. Ц. 1 р. 75 к.

Янсенъ, І. *Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи.* Перев. съ 16-го нѣм. изданія. Ц. 1 р. 25 к.

III. Критика, публицистика, педагогика.

Бѣлинскій, В. Г. *Избранныя сочиненія.* Съ портретомъ Бѣлинскаго и его факсимиле, съ приложеніемъ указателей, предметнаго и личнаго, съ предисловіемъ и вступительной статьей Н. Котляревскаго. Въ 2-хъ том. Ц. 2 р. 40 к.

Ч. Вѣтринскій (В. Е. Чешихинъ). *Т. Н. Грановскій и его время.* Историческій очеркъ. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 60 к.

Геттнеръ, Г. *Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка.*

Т. I. Англійская литература (1660—1770). Изд. 2-е. 1 р. 50 к.

Т. II. Французская литература XVIII в. Пер. и библіографическая статья о Геттнерѣ А. Н. Пыпина. Изд. 2-е Ц. 2 р.

Дюрингъ, Е. *Великіе люди въ литературѣ.* Критика современной литературы съ новой точки зрѣнія. Пер. съ нѣм. Ю. М. Антоновскаго. Ц. 3 р. 50 к.

Іолли, Л. *Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы.* Пер. съ нѣм. А. Санина. Ц. 1 р.

Левассеръ, Э. *Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ.* Въ 2 томахъ. Подъ ред. Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. За два тома. Ц. 5 р.

Левассеръ, Э. *Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ.* Подъ ред. Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Ц. 3 р.

Лотаръ, Р. *Генрихъ Ибсенъ.* Монографія. Съ портр. и автографомъ Ибсена. Пер. О. А. Волькенштейнъ. (Образ. Библ., сер. V, № 1). Ц. 60 к.

Мильталеръ. Ю. *Что такое красота.* (Das Rätsel des Schönen). Введеніе въ эстетику. Пер. съ нѣм. З. А. Венгеровой. (Образ. Библ., сер. II, № 7). Ц. 40 к.

Михайловскій. Н К. *Критическіе опыты.* Іоаннъ Грозный въ русской литературѣ.—Герой безвременья. Ц. 1 р.

Острогорскій, Викторъ. *Изъ исторіи моего учительства.* Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864 г.). Ц. 1 р. 25 к.

Попова, О. Н. *Родной міръ.* Книга для чтенія въ сельской школѣ. Годъ первый. Изд. 2-е. Ц. 25 к.

Фальборкъ, Г. и Чарнолускій, В. *Народное образованіе въ Россіи,* Съ прил. стат. В. Смалопа „Народное образованіе въ Финляндіи". Ц. 1 р. 50 к.

Циглеръ, І, проф. *Нѣмецкій студентъ конца XIX вѣка.* Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. проф. Н. И. Карѣева. Ц. 50 к.

Шашковъ, С. С. *Собраніе сочиненій.* Въ двухъ томахъ. Оба тома. Ц. 4 р.

Содержаніе: Т. I. Историческія судьбы женщины, дѣтоубійство и проституція. Исторія русской женщины.—Т. II. Историческіе очерки: Старая и новая Испанія.—Судьбы Ирландіи.—Эдмундъ Боркъ.—Газетная пресса въ Англіи.—Историческіе этюды: Русская реакція.—Поучительная исторія о нѣмцахъ.—Рабство въ Сибири.—Сибирскіе инородцы XIX столѣтія.—Россійско-Американская Компанія.—Иркутскій погромъ въ 1758—1760 гг.

Шелгуновъ, Н. *Собраніе сочиненій.* Изд. 3-е. дополн. въ 3 т. Ц. 5 р.

IV. Философія.

Бердяевъ. Н. *Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи.* Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ П. Струве. Ц. 2 р. 25.

Беркли, Джорджъ. *Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія,* въ которомъ изслѣдуются главныя причины заблужденія и трудности наукъ, а также основанія скептицизма, атеизма и безвѣрія. По порученію философскаго общества при Спб. университетѣ переведено Е. Ѳ. Дебольской, подъ ред. Н. Г. Дебольскаго. (Образ. Библ., серія VI, № 9). Ц. 40 к.

Болинъ, В. *Спиноза.* Біографическій и культурно-историческій очеркъ. Пер. съ нѣм. З. Н. Журавской и Д. В. Страндена, подъ ред. П. Б. Струве. Съ портр. Спинозы. (Обр. Библ., сер. II, № 5). Ц. 60 к.

Геффдингъ, Гаральдъ. *Философскія проблемы.* Перев. съ нѣмец. Ѳ. Капелюша. (Образ. Библ., серія VI, № 5 й). Ц. 40 к.

Гюйо. *Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности.* Пер. Н. Южина. Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Ц. 2 р.

Крепелинъ. Эмиль. проф. *Гигіена труда.—Умственный трудъ.—Переутомленіе.* Пер. съ нѣм. Ц. 30 к.

Кроненбергъ. *Философія Канта и ея значеніе въ исторіи развитія мысли.* Съ портр. Канта. (Образ. Библ., сер. I, № 10). Ц 40 к.

Кюльпе, О. *Введеніе въ философію.* Пер. съ нѣм., подъ ред. П. Б. Струве и съ библіограф. дополненіями Я. Н. Колубовскаго. (Образ. Библ., сер. IV, №№ 1—2). Ц. 1 р. 25 к.

Липпсъ, Т. проф. Мюнхенск. универ. *Основные вопросы этики.* Пер. съ нѣм. М. А. Лихарева, подъ ред. П. Струве и Н. О. Лосскаго. (Обр. Библ., серія V, №№ 5 и 6). Ц. 1 р.

Липпсъ, Т. *Основы логики.* Пер. съ нѣм. Н. О. Лосскаго. (Образ. Библ., сер. IV, №№ 7 и 8). Ц. 1 р.

Липпсъ, Г. Ф. *Основы психофизики.* Пер. съ нѣм. Г. А. Котляра. (Обр. Библ., сер. V, № 3). Ц. 40 к.

Лихтенберже, А. *Философія Ницше.* Пер. съ франц., подъ редакціей и со вступительной статьей М. Невѣдомскаго. Съ портретомъ Ницше. (Обр. Библ., сер. IV. №№ 3 и 4). Ц. 1 р. 80 к.

Леддъ, Дж. Т. *Очеркъ элементарной психологіи.* Пер. съ англ., подъ ред. Б. А. Кистяковскаго. (Обр. Библ., сер. Ш, № 5). Ц. 80 к.

Мармери, Д. В. *Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты.* Пер. съ англ., съ прилож. библіографич. указателя русскихъ пере-

водовъ классическихъ научныхъ трудовъ, а также и другихъ книгъ и статей по различнымъ отраслямъ знанія. Ц. 1 р. 75 к.

Погодинъ, А. Л. проф. *Религія Зороастра.*—**Джаксонъ.** проф. *Жизнь Зороастра.* Пер. съ англ. А. Л. Погодина. (Образ. Библ., сер. V, № 2). Ц. 60 к.

Ремке, І. *Очеркъ исторіи философіи.* Пособіе для самообразованія и для студентовъ. Пер. съ нѣм. Н. Лосскаго, подъ ред. Я. Колубовскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Рисъ-Дэвидсъ *Буддизмъ.* Пер съ англ. О. П. Семеновой, подъ редакціей С. Ф. Ольденбурга. (Обр. Библ., сер. II, № 8). Ц. 40 к.

Спенсеръ, Гербертъ. *Автобіографія.* Сокращенное изложеніе А. Д. Коротнева. Съ портретомъ Спенсера. (Образ. Библ., сер. VI, № 6). Ц. 40 к.

Спенсеръ, Гербертъ. *Происхожденіе науки.* (The genesis of Science изъ Essays Vol. 2). Пер. съ англ. Ц. 30 к.

Фино, Жанъ. *Философія долговѣчности.* Пер. съ франц. д-ра мед. О. А. Лятинскаго. (Образ. Библ., сер. IV, № 10). Ц. 60 к.

V. Исторія.

Буасье, Г. *Картины древне-римской жизни.* Очерки общественнаго настроенія времени цезарей. Пер. Е. Дегенъ. Ц. 1 р. 25 к.

Бэрдъ, Ч. *Реформація XVI вѣка въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію.* Пер Е. А. Звягинцева, подъ ред. и съ предисл. проф. Н. И. Карѣева. Ц. 1 р. 25 к.

Гардинеръ, С. Р. *Пуритане и Стюарты 1603—1660 г.*—**Эйри, О.** *Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира.* Перев. съ англ. А. Каменскаго. Ц. 1 р. 75 к.

Гейгеръ, Людвигъ. *Нѣмецкій гуманизмъ.* Пер. съ нѣм. Е. Н. Вилларовской, подъ ред. и съ предисл. проф. Г. В. Форстена. Ц. 1 р. 50 к.

Жюссеранъ. *Исторія англійскаго народа въ его литературѣ.* Пер. съ франц. Ц. 1 р. 25 к.

Инграмъ, Д. *Исторія рабства отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ.* Пер. З. Журавской. Ц. 1 р. 25 к.

Ланглуа и Сеньобосъ. *Введеніе въ изученіе исторіи.* Пер. съ франц. А. Серебряковой. (Образ. Библ., сер. II, №№ 3—4). Ц. 1 р.

Минье. *Исторія французской революціи.* Изд. 5-е. Пер. подъ ред. и съ предислов. К. К. Арсеньева. Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го русск. изд., допущеннаго въ библ. сред. учеб. зав. Ц. 1 р.

Сили, Дж. Р., проф. *Расширеніе англійской державы.* Пер. съ англ. В. Я. Герда. Ц. 2 р.

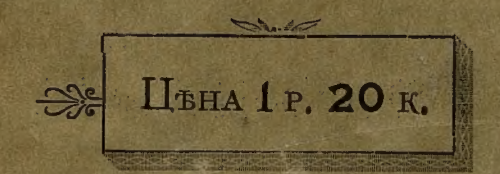
Соренъ, Э. *Исторія Италіи отъ 1815 г. до смерти Виктора-Эммануила.* Пер. съ фр. М. Чепинской. Приложеніе: В. Водовозовъ. Очеркъ послѣдующихъ событій. Ц. 1 р. 50 к.

Трачевскій, А. проф. *Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе.* Ц. 1 р. 25 к.

Чаннингъ, Эдуардъ. *Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки.* (1765—1865 г.). Пер. съ англ. А. Каменскаго. Съ приложеніями, 3-мя картами и русской библіографіей. Ц. 1 р. 50 к.

Шустеръ, Георгъ. *Тайныя общества, союзы и ордена.* Пер. съ нѣм. О. А. Волькенштейнъ, подъ ред. проф. варшавск. унив. А. Л. Погодина. Томъ I, съ билетомъ на право полученія II тома. Ц. 3 р.

Шерръ, І. *Комедія всемірной исторіи.* Историческій очеркъ событій 1848 года. Пер. съ нѣм. Въ 2 томахъ. Ц. 3 р. 50 к.

Типографія Спб. акц. общ. „Слово". Ул. Жуковскаго, 21.